

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

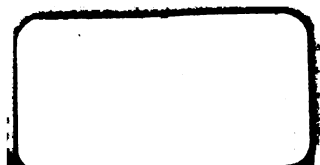
We also ask that you:

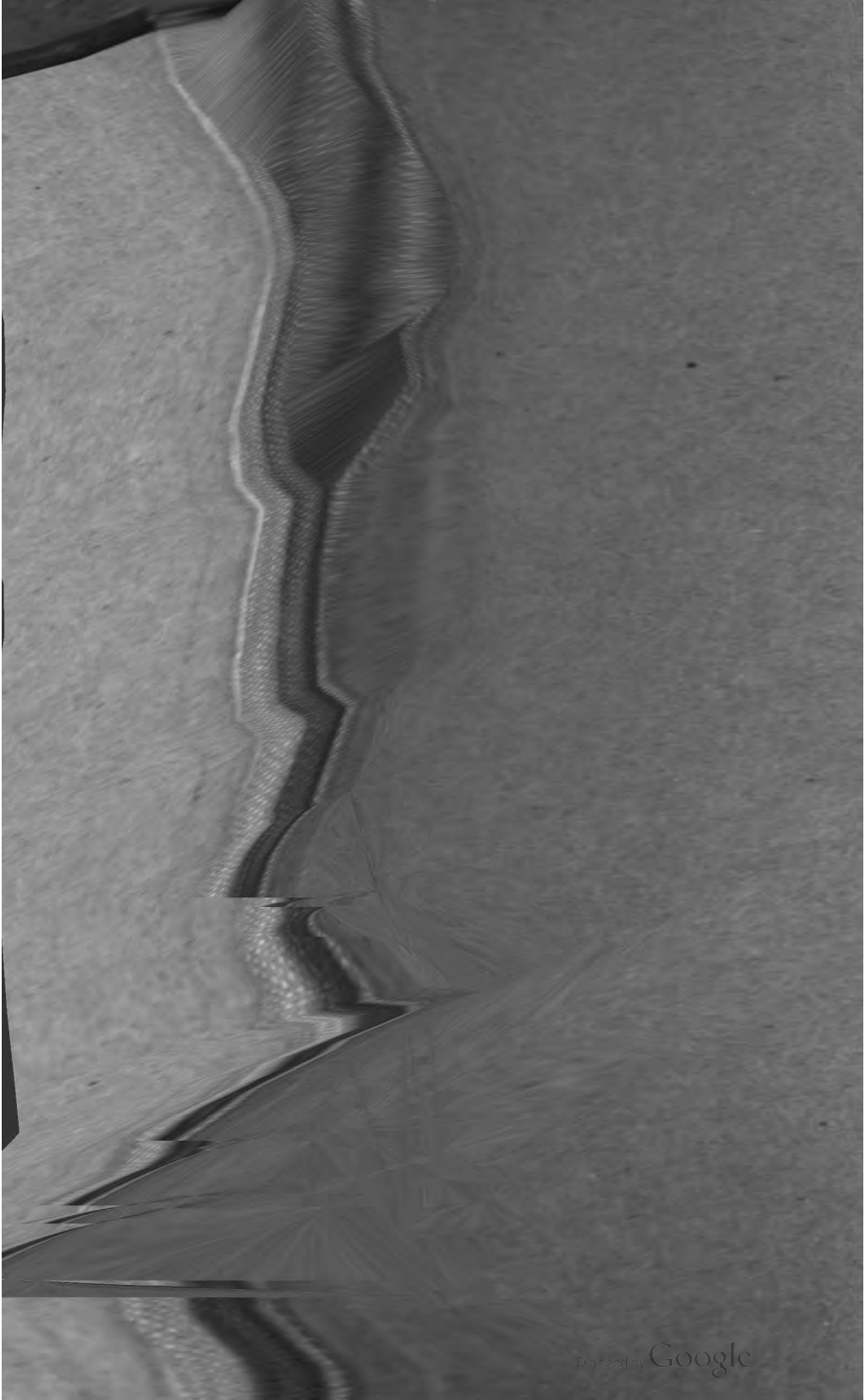
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855724 0

Indexed

290280

✓-68

СОВРЕМЕННОИЪ

1858

№ III МАРТЪ

Вышелъ и раздается господамъ подписавшимся первый томъ
«ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛЮТЕКИ».

ПОДПИСКА НА СОВРЕМЕННОИЪ И ИСТОРИЧЕСКУЮ БИБЛЮТЕКУ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

	Стр.
✓ I. — ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТОВСКАГО. Повѣсть Е. П. КАРПОВИЧА	5
II. — ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ «О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ», помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за 1857 годъ. Письмо въ редакцію ПРОВИНЦІАЛА	97
III. — ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ Г. ПРОВИНЦІАЛА. П. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО	104
IV. — СТИХОТВОРЕНІЯ ГЕЙНЕ. (I. «Зловѣщій грезилъ мѣсясъ». — II. На Гарцѣ. (Прологъ). — III. Горная идиллія — IV. Король Ричардъ. — V. Почвыя мысли. — VI. «Брось свои линосказанья». М. Л. МИХАЙЛОВА	114
✓ V. — ПОСЛѢДНЯЯ КАЗНЬ. Романъ А. П. КОВЯКОВОЙ. Часть первая	117
VI. — НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХЪ ПРАВИЛЬНОСТЬ ДѢЙСТВІЙ ЧИНОВНИКОВЪ. І. К.	
VII. — НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ. (I. «Словно ангелъ бѣлый у окна надъ моремъ». — II. «Что горы почертили?». — III. «Межъ тремя морями замокъ»). А. Н. МАЙКОВА	
✓ VIII. — ОБЩИНА. В. А. ПАНАЕВА	21
✓ IX. — КАВЕНЬЯКЪ. Статья вторая и послѣдняя Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО	303
X. — КРИТИКА. — ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ ПОМѢЩИКА ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ. (Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ «Семейной Хроники» С. Аксакова)	1
XI. — НОВЫЯ КНИГИ: Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. Сочиненіе заслуженнаго профессора В. Берви (30). — Атида и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій. А. Вельмана (38). — Стихотворенія Н. М. Языкова. 2 ч. (43). — Стихотворенія В. Л. Баева. — Отголоски, стихотворенія Николая Гербеда, въ двухъ частяхъ. — Стихотворенія Л. К. Панютина. — Стихотворенія Александра Розенштрема, артиста Императорскихъ Санктпетербургскихъ театровъ. — Стихотворенія Д. Сушкова. — Мицкевичъ въ переводѣ Омудскаго. Сонеты	49
XII. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. Забѣтки НОВАГО ПОВТА. (Друзья и школьные товарищи. — Разговоръ на улицѣ. — Стихи въ честь прошедшаго. — О томъ, къ какому міраку прѣдъ	

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

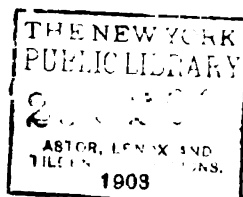
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXVIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзemplаровъ. Санктпетербургъ. Февраля 26 дня 1856 года.

Ценсоръ П. Новосильскій.

ROY WARR
CLUB
VIA RAIL

ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТОВСКАГО.

ПОВѢСТЬ.

Лѣтъ около шестнадцати не видалъ я моего школьнаго товарища Григорія Петровича Охотовскаго. Много воды, какъ говорятъ, утекло въ это время. Изъ румяненкаго и бѣленькаго юноши, Охотовскій сдѣлался желтоватымъ мужемъ; на головѣ просвѣчивала у него лысина. Изъ болтуна и весельчака онъ сталъ молчаливымъ и задумчивымъ. Я скоро замѣтилъ въ немъ эту перемѣну и не утерпѣлъ, чтобъ не сказать ему:

— Какъ ты, братъ, Гриша перемѣнился.

— Да, дружокъ мой, отвѣчалъ Охотовскій: — много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались; перемѣны въ насъ были неизбѣжны; но, прежде всего, я благодарю судьбу за то, что, по крайнему моему разумѣнію, я перемѣнился къ лучшему: надобно тебѣ сказать, что мой взглядъ на многіе предметы далеко ужъ не тотъ, какой былъ прежде. Короче, я ужъ не прежній баловень тетушки Катерины Григорьевны.

— Какъ, ты не баловень? Да помилуй, развѣ мы даромъ тебя такъ называли? полно, любезный, школьныя клички опредѣляютъ характеръ человѣка на всю его жизнь.

— Да, правда, — если человѣкъ не осмотрится въ жизни и не подумаетъ о многомъ, если онъ не полюбитъ многое, что было нѣкогда предметомъ его презрѣнія, не почувствуетъ разсудительной ненависти къ тому, что прежде онъ любилъ безсознательно

не отречется съ полнымъ убѣжденіемъ отъ того, чему его слѣпо заставляли вѣрить, и не задумается надъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ прежде такъ беззаботно смѣялся.

— Полно, Гриша, полно Григорій Петровичъ, оставь эту не совсѣмъ понятную для меня восторженность, и скажи просто, безъ кудрявыхъ восклицаній, отчего ты измѣнилъ свой прежній образъ мыслей?

— Оттого, что, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ моей жизни, я успѣлъ высвободиться изъ-подъ груза тѣхъ понятій, подъ которыми я росъ, и которыя готовили въ лицѣ моемъ человека, спесиво и безсознательно смотрящаго на людей, его окружающихъ.

— Все это мнѣ что-то неясно, замѣтилъ я.

— Разсказывать тебѣ обо всемъ подробно будетъ слишкомъ долго; но пускай наше первое свиданіе, послѣ долгой разлуки, будетъ похоже на завязку повѣсти, романа, словомъ, чего хочешь; если ты желаешь знать все то, что мнѣ пришлось переждать и почувствовать, то я тебѣ, какъ старому пріятелю, передамъ мои замѣтки, а теперь потолкуемъ лучше о другомъ.

Разговоръ завязался. Одинъ предметъ смѣнялся другимъ. Въ рѣчахъ Гриши не было замѣтно ничего, что бы могло обнаружить прежнія его понятія, заимствованныя имъ отъ тетушки.

— Но, подумалъ я: — человекъ, быть можетъ, и прикидывается; дай повѣрю его, если не на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, на письмѣ, все-таки тамъ легче поймать притворщика, чѣмъ на словахъ; отъ словъ иногда люди отказываются. Заставлю его пояснить все то, что мнѣ покажется невѣроятнымъ; отъ написаннаго отречься будетъ трудно.

Разставаясь съ Гришей, я напомнилъ ему объ его обѣщаніи, и на слѣдующій день получилъ отъ него тетрадку, исписанную и чернилами, и карандашомъ.

— Знаешь что, Григорій Петровичъ, пустишь въ литературу, напечатать свои замѣтки, сказалъ я, увидѣвшись потомъ съ Охотскимъ.

— Полно, душа моя, что въ нихъ толку; кто станетъ читать ихъ? Вѣдь въ нихъ нѣтъ никакой романической завязки, нѣтъ ничего ни трогательнаго, ни смѣшнаго.... а, впрочемъ.... Но ты знаешь, однако, сказалъ Григорій Петровичъ съ озабоченнымъ видомъ; — что тетушка Катерина Григорьевна все еще жива; боюсь, чтобъ она не оскорбилась изданіемъ въ свѣтъ моихъ замѣтокъ:

вѣдь тамъ и о ней, кажется, есть что-то. Тебѣ извѣстно, что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, я принужденъ дорожить ея любовью и ея добрымъ расположеніемъ.

— Снова вижу въ тебѣ пустаго человѣка, разсчитывающаго на богатую тетку... Да напрасно... повѣрь, что ты ошибешься: она скорѣе откажетъ все своей болонкѣ, чѣмъ тебѣ.

— Э, нѣтъ, не потому, сказалъ, замѣявшись, Григорій Петровичъ: — но, знаешь, прежнее воспитаніе, бывшя отношенія, признательность, родственныя обязанности, дружба тетушки съ покойницей моей матерью....

— Если такъ, то бери назадъ свою тетрадь; но знай, что я сдѣлалъ изъ нея многія выписки; хотѣлъ бы напечатать ее цѣликомъ, но всего издать въ свѣтъ нельзя; много есть, говоря правду, и пустаго. Впрочемъ, сказалъ я Григорію Петровичу: — успокойся, выписки изъ твоей тетрадки я издамъ не подъ твоимъ, а подъ чужимъ именемъ. Я не могу тебя ссорить съ твоей почтенной тетушкой, этой чистокровной барыней.

— Дѣлай что хочешь, но только не задерживай меня; мнѣ пора ѣхать къ тетушкѣ. Безъ пяти минутъ двѣнадцать.

Григорій Петровичъ уѣхалъ, предоставивъ свои замѣтки въ мое распоряженіе. Вотъ нѣкоторыя страницы изъ этой тетради.

Въ то время,—конечно я этого не помню, а пишу по разсказу моей няни,—когда я являлся на свѣтъ Божій, цѣлое село бѣжало къ нашему дому, крича во все горло: ахъ ты, батюшки—свѣты, да никакъ наши баре-то горять! Но когда крестьяне, запыхавшись, кто съ топоромъ, кто съ ведромъ, подбѣжали къ господскому дому, то они увидали, что деревянный домъ, построенный еще моимъ дѣдомъ, былъ цѣлъ и невредимъ. Его высокая, покатиная крыша и окружавшія его плакучія березы, стояли темными тѣнями на багровомъ заревѣ, обливавшемъ небо. Въ домъ же все было тихо и спокойно, только въ два окна пробивался тусклый свѣтъ; въ той комнатѣ, которой принадлежали эти два окна, въ присутствіи доктора, добраго, стараго нѣмца, привезенной изъ города бабушки, няни, подаренной въ приданое моей матери ея отцомъ, появлялся въ здѣшній міръ Григорій Петровичъ Охотовскій.

Оказалось, что пожаръ былъ въ сторонѣ; горѣлъ нашъ сосѣдъ; у него, какъ говорили послѣ, былъ сдѣланъ поджогъ однимъ крестьянскимъ мальчикомъ, котораго онъ (желая дать ему музыкальное образованіе) вздумалъ самъ учить играть на скрипкѣ; но, видно, такое назначеніе было мальчугану не по нутру и онъ рѣшился разомъ избавить и себя и своихъ слушателей отъ мучившей всѣхъ ихъ скрипки. Разумѣется, мальчуганъ былъ глупъ. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе этого произошелъ пожаръ, который сперва, въ полномъ своемъ разгарѣ, такъ ярко освѣщалъ мѣсто моего рожденія, а потомъ, догорая постепенно, тускло и печально озарялъ и мрачное, покрытое тучами небо, и сухія безлиственные деревья, и извилистую дорогу, теряющуюся въ темной дали.

Разсвѣтъ дня одолѣлъ зарево пожара. Верховой, посланный моимъ отцомъ къ сосѣду, возвратился къ утру, и доложилъ барину, что въ Бирючахъ все благополучно, что сгорѣлъ только господскій домъ, два сарая и скотный дворъ.

На другой день, разговоры крестьянъ о ночномъ пожарѣ перемѣшались съ разговорами о моемъ рожденіи. Какъ привѣтствовали эти добрые люди мое появленіе въ свѣтъ, я не знаю; помню только, что, бывало, покойная моя няня говаривала:

— Ну, батюшка, вздумалъ же ты родиться не въ добрую пору; обернись-ка твоя матушка къ окошкамъ, да увидь она пожаръ, былобъ намъ съ тобою горе. Да на бѣду вѣдь что еще было, въ домѣ-то тишь смѣртная, всѣ на ципочкахъ ходятъ; а наши-то мужичье, какъ угорѣлые, знай себѣ точно на зло бѣгутъ, да орутъ во все горло: горимъ! горимъ! Хорошо еще, что староста случился въ домѣ, выбѣжалъ, да всѣхъ ихъ въ шею растолкалъ, а то напугали бы они голубушку.

Изъ этого разсказа няни объ обстоятельствахъ моего рожденія я заключилъ, и заключилъ, конечно, основательно, что я родился не простымъ смертнымъ.

Разсказъ няни мнѣ вѣззался въ память глубоко; слушая ее, я живо представлялъ себѣ и темную осеннюю ночь, вдругъ уничтоженную яркимъ заревомъ пожара, и бѣготню, и шумъ крестьянъ, и тишину въ барскомъ домѣ.

Конечно, я не могъ приписать такому явленію какое нибудь особое для меня значеніе; но, признаюсь, часто рисовалъ я въ своемъ воображеніи это огненное небо, какъ бы зажженное рукою деревенскаго мальчишки въ привѣтъ моему рожденію. Раз-

скажъ старой пѣни объ опасности, которой могла подвергнуться моя мать, дѣйствовалъ на меня еще впечатлительнѣе. Въ юношескіе годы, вдаваясь въ поэтическія мечтанья, я думалъ иногда, что, быть можетъ, не совсѣмъ случайно рожденіе мое совпало съ такимъ грознымъ явленіемъ, какъ истребленіе огнемъ. Отдаленное зарево пожара всегда навѣвало на меня какую-то неизъяснимую грусть. Я думалъ, смотря на багровое небо, не вспышка ли это долго сдержанной злобы, не мщеніе ли это одному, влекущее, между тѣмъ, за собою бѣдствіе многихъ? Съ сердечнымъ трепетомъ смотрѣлъ я на озаренное небо и мнѣ слышались проклятія тому, кто вздулъ искру и пустилъ пламя по вѣтру....

Спустя нѣсколько недѣль послѣ моего рожденія, къ нашему дому подѣзжали двое широкихъ пошевней; въ первыхъ сидѣлъ отецъ Стефанъ, священникъ нашего прихода, съ діакономъ, отцомъ Пименомъ; въ другихъ пошевняхъ сидѣли два дядька, и между ними была установлена большая мѣдная купель. За пошевнями ѣхали два возка съ тетушками и дядюшками, приглашенными на мою крестины. Встрѣчные крестьяне снимали шапки, кланялись отцу Стефану и еще ниже барскимъ возкамъ и, приостановившись, смотрѣли вслѣдъ поѣзду.

Подробности эти передавалъ мнѣ мой дядька Алексѣй, бывшій въ годъ моего рожденія мальчишкой лѣтъ двадцати-двухъ, и отличавшійся въ то время чрезвычайнымъ любопытствомъ видѣть все, болѣе или менѣе замѣчательное въ домашней жизни своихъ господъ. Алексѣй, не смотря на холодъ и рѣзкій ноябрьскій вѣтеръ, узнавши о томъ, что скоро должны пріѣхать мои дяди, тетки и отецъ Стефанъ съ причтомъ, выбѣжалъ версты за три отъ деревни; дрожалъ на холодѣ, поджидая пріѣзда гостей и причта, и потомъ бѣжалъ за пошевнями и возками во всю прыть, желая посмотреть, какъ будутъ высаживаться пріѣзжіе у барскаго крыльца, а главное, какъ потащатъ купель, въ которой, какъ онъ зналъ, крестили его самого.

Вѣроятно, всѣ подробности этого разсказа скоро бы изгладилась изъ моей памяти, если бы съ разсказомъ о моихъ крестинахъ дядька Алексѣй не соединялъ ничего особеннаго. Но онъ былъ человекъ смысленный, грамотный, понималъ кое-что, и, когда я однажды въ припадкахъ барскаго гнѣва, кричалъ ему:

— Не хочу, не смѣй этого дѣлать! я тебѣ дамъ! не забывай, что я баринъ.

Онъ спокойно и кротко замѣтилъ мнѣ:

— Полноте, баринъ, такъ на меня сердиться; вѣдь мы съ вами въ одной купели крещены.

Долго я не понималъ значенія этихъ словъ, и мнѣ даже казалось такое равенство обиднымъ. Но когда изъ словъ отца Стефана я узналъ значеніе великаго таинства, присоединяющаго всѣхъ людей къ одному Божиему стаду, я, конечно, по дѣтскимъ моимъ понятіямъ, почувствовалъ прежде всего братскую любовь къ тѣмъ, которые были крещены со мною въ одной купели. На первый разъ и этого было достаточно: въ приходѣ нашемъ рождалось по сту ежегодно, а купель, какъ я узналъ, существовала лѣтъ сорокъ. Дня почти всегда любить всѣхъ одинаково; поэтому довольно, если онъ сначала полюбитъ особенно хотя немногихъ, но на основаніи какого либо общаго случая, сближающаго человѣка съ человѣкомъ, какъ ближняго, а не по тому только, что ему безсознательно внушаютъ къ однимъ особенную любовь, а къ другимъ чувство безразличія.

Само собою разумѣется, что я не сохранилъ никакихъ воспоминаній о первыхъ годахъ моего дѣтства. По всему же судя, я выросалъ, какъ обыкновенно вырастаютъ барченки: сперва на рукахъ кормилицы, потомъ на колѣняхъ няни. Вѣроятно также, что родители мои восхищались необыкновеннымъ моимъ рассудкомъ и понятливостію, когда я говорилъ: мѣ-мѣ, указывая на козла или на зажженную свѣчку. По всей вѣроятности, съ радостію услышала моя мать мой первый лепетъ, и несомнѣнно, что въ угоду ей и гости и домашніе называли меня и красавчикомъ и умникомъ.

Выростаніе подобныхъ мнѣ дѣтей происходитъ совершенно различно отъ выростанія дворовыхъ и крестьянскихъ дѣтей. Въ то время, когда подобныя мнѣ дѣти ползаютъ по ковру и когда зорко смотрятъ, чтобы ручки наши, назначаемыя для лайковой перчатки, и ножки, назначаемыя для танцевъ, не попали бы какъ нибудь случайно на холодный полъ, наши сверстники въ простонародьи сидятъ на сырой землѣ или копошатся въ пыли; забавляются какимъ нибудь камешкомъ или обломкомъ стекла, берутъ ихъ въ ротъ, рѣжутъ стекломъ руки; и тогда, какъ отъ насъ отгоняютъ старательно и комара и муху, около простыхъ ребятшекъ ходятъ лошади, коровы, свиньи и собаки; какъ часто дѣтя крестьянское, забытое всѣми на улицѣ деревни, съ плачемъ ползетъ домой, гдѣ вмѣсто ласки и заботы его ожидаютъ пинки и

колотушки. Впрочемъ, вѣдь, балованный барченочъ въ глазахъ многихъ можетъ, дѣйствительно, казаться чѣмъ-то особеннымъ; храните же его драгоценное существованіе, онъ уже и на свѣтъ явился привилегированною личностію; сама природа, случайностію его рожденія подъ всѣми благопріятными обстоятельствами, указываетъ вамъ, что въ немъ лежитъ зародышъ избраннаго ею человѣка.

Первымъ сознательнымъ воспоминаніемъ представляется мнѣ тѣнистая липовая аллея нашего сада, которая вела къ пруду съ террасы нашего дома. Живо помню я лѣтній, свѣтлый день. Желтоватый песокъ, которымъ была усыпана аллея, казалось былъ покрытъ и темными, и сѣрыми, и золотистыми кружками, образовавшимися отъ прохода солнечныхъ лучей сквозь густую зелень липъ. Мнѣ было тепло и весело, все казалось было вокругъ меня свѣтло и радостно. Няня сидѣла на скамейкѣ, я игралъ около нея, строя что-то изъ камешковъ, песку и прутьевъ. Не помню вслѣдствіе чего, мнѣ вздумалось спросить няню:

— А что, няня, ты маму мою очень любишь?

— Какъ же мнѣ не любить ее, когда я выпяньчила ее на своихъ рукахъ, да вотъ и тебя, баловника, мнѣ пришлось нянчить.

— Чтожь, ты и должна это дѣлать, когда тебѣ приказываютъ папа и мама; они, вѣдь, за тебя и деньги заплатили; не стала бы ты ихъ слушать, то съ тобой было бы тоже самое, что слѣзали съ Николинькиной няней: старостѣ велѣли ее высѣчь.

Коля былъ сынъ нашего сосѣда Поцалуева, о которомъ рѣчь будетъ впереди.

Конечно, нянѣ показалось горькимъ мое замѣчаніе, и она сказала мнѣ:

— Стыдно тебѣ говорить это твоей нянѣ; я знаю, что надо мной есть воля господская, да ты самъ еще больно малъ, иди-ка лучше сюда, я утру тебѣ носъ, а то, видишь, залокавался, а еще и носа самъ вытереть не умѣешь,

Разумѣется, я болталъ все это моей нянѣ не отъ злаго сердца, а такъ, самъ не знаю почему; трудно было бы сказать, откуда пришли ко мнѣ всѣ эти понятія; я теперь еще готовъ покраснѣть, вспоминая мои слова; но чтожь дѣлать? я былъ тогда подъ вліяніемъ безсознательной, первородной, такъ сказать, испорченности; мнѣ, какъ ребенку, недоставало еще того чуткаго пониманія, что можно безъ всякаго злаго умысла

сильно оскорбить человека однимъ пустымъ словомъ. Мнѣ казалось тогда, что моя власть и мое значеніе не могутъ быть для другаго средствомъ его униженія; я думала, что эта власть и это значеніе, безъ всякаго оскорбленія опредѣляютъ только отношенія ко мнѣ тѣхъ, кто, по моимъ понятіямъ, стоялъ ниже меня. Нужно было устранить себя изъ круга подобныхъ понятій, нужно было болѣе самостоятельнаго, нравственнаго развитія, чтобы горько улыбнуться надъ такимъ образомъ мыслей, — но откуда возьметъ все это ребенокъ, которому все смотрять въ глаза и которому стараются угодить, не зная, что такая угодливость приноситъ страшный нравственный вредъ. Окружающіе ребенка не хотятъ предвидѣть того, что въ этомъ отношеніи дѣтство многихъ продолжается и въ старческомъ возрастѣ и что подобныя понятія, усвоенныя такими людьми-дѣтьми, примѣняются ими ко всѣмъ обстоятельствамъ домашней и общественной жизни.

Слова няни подѣйствовали однако на меня и въ то время, — я подошелъ къ ней:

— Охъ ты мой батюшка, сказала мнѣ ласково Анна Федоровна: — не будь, родной мой, такимъ сердитымъ; будутъ люди терпѣть отъ тебя, мой кормилецъ; вотъ и я много настрадалась отъ твоего покойника дѣдушки; гнѣвить Бога нечего, а сказать надо правду, куда какой былъ сердитый, да и рукамъ много больно воли давалъ.

Въ это время пришелъ звать меня къ обѣду мой дядька Алексѣй.

— А что, Анна Федоровна, сказалъ онъ нянѣ: — изволите замѣчаніе дѣлать Григорію Петровичу?

— Да что съ нимъ будешь дѣлать, отвѣчала няня: — хочетъ быть озорникомъ. Мнѣ-то что старухѣ? По милости барской доживу кое-какъ мой вѣкъ.... а какъ вырастетъ, то вы съ нимъ наплачетесь; видишь, ужъ и мнѣ, старой нянѣ, розгами грозить.

— Не извольте, сударь, говорить такъ Аннѣ Федоровнѣ, сказалъ мнѣ Алексѣй твердымъ голосомъ: — имъ и батюшка вашъ, и матушка ваша почтеніе оказываютъ, да и вся дворня передъ ними шапки снимаетъ. Что онѣ должны служить своимъ господамъ, это онѣ и безъ васъ знаютъ, а относительно розогъ, то какъ объ этомъ провѣдаетъ ваша маменька, такъ вы ихъ сами прежде достанете.

Спасибо, тысячу разъ спасибо говорю я тебѣ, мой доро-

гой Алексѣй, въ настоящее время, за то, что ты не далъ ходу зарождавшейся во мнѣ барской спеси. Но въ то время, какъ сблизилъ меня съ толку слова моего дядьки, вся важность моя была уничтожена. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я чувствовалъ, что слезы, какъ иголки, кололи мнѣ глаза, мнѣ казалось, что кровь готова была прыснуть изъ моихъ щекъ. Но вскорѣ я позналъ превосходство своего значенія и чтобъ показать нянѣ и дядькѣ, что я пренебрегаю ими, я заупрямился и не хотѣлъ идти къ обѣду.

— Извольте же идти, сударь, когда вамъ говорить, — сказалъ мнѣ Алексѣй: — а то я васъ возьму за руку и отведу къ маменькѣ.

Упрямство мое не могло бороться съ настойчивостью Алексѣя, я послушался его и пошелъ впереди его; няня стала укладывать свою работу.

Когда мы отошли отъ нея, Алексѣй сказалъ мнѣ:

— Папенька вашъ не даромъ меня къ вамъ въ дядьки назначилъ; права-то онъ мнѣ, конечно, надъ вами не далъ, да мнѣ все равно: если ты, баринъ, — тутъ Алексѣй заговорилъ такимъ голосомъ, что я вздрогнулъ: — не станешь меня слушать, то, видишь сколько здѣсь розогъ, я заведу тебя въ кусты, да тамъ самъ съ тобой и расправляюсь, не посмотрю, что ты барченокъ.

Меня обдало точно кипяткомъ; я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Алексѣя.

— Глаза-то таращить нечего, я не шучу; жаловаться, баринъ, не пойдешь, потому что самому будетъ стыдно, какъ вся дворянъ, а потомъ и все село узнаетъ, что тебя выѣкъ твой дядька.

О, никогда не забуду я этой ужасной минуты, какъ я желалъ, чтобы скрылось солнце, которое такъ ярко свѣтило въ то время, какъ желалъ я, чтобъ исчезъ садъ, который такъ радовалъ меня своею зеленью, и который теперь могъ дать Алексѣю столько средствъ для моего позора. Признаюсь, я самъ на себѣ почувствовалъ, что значить самоуправство.

Но теперь я радуюсь этому случаю: онъ показалъ мнѣ, что самоволію баловня мальчика можетъ пайтись преграда тамъ, гдѣ онъ никакъ ея не ожидаетъ, что за надменностію можетъ слѣдовать стыдъ, и что за спесивое упрямство легко можно поплатиться уничтоженіемъ.

Все это сильно подѣйствовало на меня, и я сталъ, какъ говорится, тише воды, ниже травы.

Прошло нѣсколько недѣль; я опасно занемогъ; болѣзнь сопровождалась забытьемъ; когда я сталъ выздоравливать, то однажды Алексѣй сказалъ мнѣ:

— То-то, баринъ, на няню сердиться умѣете, а онѣ-то, Богъ знаетъ, какъ васъ любятъ. Вотъ, какъ вы были нездоровы, такъ онѣ ни шагу отъ васъ не отходили.

— Да за что же такъ любить меня няня?

— Вотъ, изволите видѣть, за что онѣ такъ любятъ васъ: за то, что вы такой маленькій, если бы онѣ васъ не любили, то всѣ бы васъ обижали; что могли бы вы сами по себѣ сдѣлать? силенки то у васъ немного, разуму тоже мало; няня знаетъ это, а потому и любитъ и бережетъ васъ; думаетъ она, что, авось, Богъ дастъ, какъ вы вырастете, такъ вспомните это, да не се одну, а и всю нашу братью любить и жаловать будете.

Надобно сказать, что я до того времени совершенно иначе понималъ любовь ко мнѣ моей няни; мнѣ казалось, что она любила меня, какъ одного изъ представителей существовавшей надъ нею власти. Будучи ребенкомъ, я вѣрилъ, что такая любовь не только можетъ, но и должна существовать, что ею могутъ хвалиться обѣ стороны; я не зналъ тогда, что одно только надменное забытье можетъ тѣшить себя выраженіемъ подобныхъ чувствъ и что одно только бессознательное раболобство можетъ выражать ихъ.

Но если я и начиналъ ощущать какое-то расположеніе къ людямъ, которые, впрочемъ, какъ мнѣ казалось въ ту пору, и безъ этого должны были любить и беречь меня,—то все же я еще долго не могъ освободиться отъ той мысли, что такіе люди совсѣмъ не то, что я, и что мое уваженіе къ ихъ личностямъ вовсе для меня не обязательно. Во мнѣ начали возникать родовыя понятія; я сталъ понимать, что мое положеніе несравненно лучше, чѣмъ положеніе какого нибудь Васьки, потому только, что я сынъ барина, а они—дѣти его дворовыхъ. Для меня наступало время сознанія особыхъ правъ и преимуществъ моей породы. Нѣкоторые обстоятельства удержали во мнѣ развитіе такого ложнаго сознанія своего собственнаго превосходства, въ ущербъ уваженія къ другимъ личностямъ.

Въ числѣ помѣщиковъ, чаще другихъ посѣщавшихъ домъ моего отца, особенно вѣзались въ память мнѣ двое, по ихъ фа-

миліямъ: одинъ былъ Поцалуевъ, другой Розгинъ; оба они когда-то служили съ моимъ отцомъ въ гусарахъ, поэтому считались между собою старыми товарищами и обыкновенно, собравшись всѣ трое вмѣстѣ, толковали о прошедшемъ.

Оба, какъ Поцалуевъ, такъ и Розгинъ, были, какъ нарочно, совершенными противоположностями своимъ родовымъ прозваніямъ. Поцалуевъ былъ высокій, чорный, съ огромными усами и съ сердитыми глазами; говорилъ всегда громко, кричалъ во все горло и на своихъ, и на чужихъ лакеевъ; ударить кого бы то ни было, ему ничего не стоило. Лежить, бывало, на полу наша старая москья; Поцалуевъ, проходя мимо нея, никогда не сдѣлаетъ шага въ сторону или не перешагнетъ черезъ москью; нѣтъ, онъ, какъ нарочно, дастъ ей бѣдной такого толчка, что она взизгнетъ, всанетъ, какъ будто съ укоромъ посмотреть на него и пойдетъ потихоньку на другое мѣсто.

Помню я, какъ однажды, пріѣхавши въ гости къ отцу моему, уѣздый предводитель дворянства, послѣ долгаго разговора въ полголоса, сказалъ ему: вы бы, Петръ Григорьевичъ передали все это Поцалуеву; вѣдь это уже изъ рукъ вонъ, что онъ дѣлаетъ съ своими крестьянами; рано или поздно, но и я могу быть за него въ отвѣтъ.

— Что будете съ нимъ дѣлать, отвѣчалъ мой отецъ, пожавши плечами:—Онъ всегда и въ полку былъ такимъ; не по шерсти ему клочка: вотъ ему бы быть Розгинымъ, а Розгину Поцалуевымъ.

— Да, правда ваша, замѣтилъ предводитель:—Розгинъ чело-вѣкъ души необыкновенно-доброй; какъ онъ прекрасно обходится со всѣми людьми, какъ онъ ласкаетъ cadaго деревенскаго мальчишку! Никогда неслышно, чтобъ онъ пощѣкъ кого нибудь.

— Хорошій, добрый чело-вѣкъ, сказалъ мой отецъ въ заключеніе.

Дѣйствительно, Розгинъ, не смотря на фамилію, папоминавшую не слишкомъ пріятный способъ нравственной управы, былъ чело-вѣкъ, отъ котораго, если можно такъ выразиться, вѣяло добромъ и привѣтливостію. Помню я его веселый, задушевный смѣхъ, его бѣлыя и румяныя щоки. Бывало, войдетъ къ намъ въ дѣтскую, всѣхъ насъ перецалууетъ, одному изъ кармана вытащить конфету, другому апельсинъ, третьему финиковъ; присядеть, поговорить съ няней, на поклонъ cadaго чело-вѣка отвѣтить тѣмъ же; подадутъ ли ему трубку или стаканъ воды,—онъ всегда скажетъ ласково спасибо. За то какъ всѣ любили его въ

домѣ; бывало, онъ прїѣдетъ къ намъ, навезетъ своихъ дѣтей, и никому ни онъ, ни они не были въ тягость. Не было Розгину другого названія, какъ только: добрый баринъ.

— Не уже ли же ты, Розгинъ, спросилъ его однажды мой отецъ:—происходишь въ прямомъ колѣнѣ отъ того мурзы Розги, который когда, бишь, прїѣхалъ въ Россію?

— При Василии Темномъ. А какъ же? въ прямой линіи идетъ тринадцатое колѣно.

— Вотъ, сказалъ мой отецъ, обращаясь къ третьему гостю Сергѣю Сергѣичу Вавилкину, прїѣхавшему утромъ къ намъ изъ Москвы:—я всегда говорю, что мои старые прїатели помѣнялись фамиліями: быть бы тебѣ, Александръ Ивановичъ, Поцалуевымъ, а тебѣ, Ѳедоръ Степанычъ, Розгинымъ; а то, кто васъ знаетъ: правые ли вы потомки—одинъ татарина Розги, а другой пѣмца Поцалуя.

— Опять понесъ свое, сказалъ Розгинъ, дружески трепля по плечу моего отца. Ну, чѣмъ же виновать я, Петръ Григорьичъ, что я выродился въ кого нибудь другого, а не въ нашего родоначальника. Самъ я—Розгинъ, а розги терпѣть не могу. Довольно съ меня и того, что я получилъ такое незавидное прозваніе. Знаете ли, сказалъ Розгинъ, обращаясь къ Вавилкину:—вѣдь предосадная вещь: по фамильному нашему преданію, предокъ мой татарскій мурза первый ввелъ въ употребленіе въ Россіи розгу, и славу этого введенія распространилъ на весь свой родъ.

— Э, братъ, ты всегда вздоръ городишь: розга существовала у насъ испоконъ вѣку, сказалъ Поцалуевъ.

— Отчего же ты хочешь, чтобы я вѣрилъ твоему семейному преданію о Поцалуѣ, а самъ не вѣришь нашему фамильному сказанію, отъ котораго, надобно сказать правду, я и самъ бы охотно отказался, хотя оно и возводитъ родъ нашъ до глубокой древности.

— А позвольте спросить, сказалъ Вавилкинъ:—какое преданіе хранится у васъ о родѣ Поцалуевыхъ.

— Ахъ, да, замѣтилъ мой отецъ, обращаясь къ Вавилкину:—вѣдь матушка ваша была изъ рода Поцалуевыхъ.

— Такъ мы съ вами нѣсколько родня, сказалъ Поцалуевъ:—очень прїятно.

Тутъ, конечно, отцу моему не мѣшало бы отрекомендовать, какъ хозяину, двухъ своихъ гостей, которые не были еще между собою знакомы, хотя съ перваго же разу и посчитались род-

свѣтниками; но Поцалуевъ, увлекаясь разсказомъ о своемъ предкѣ, тотчасъ заговорилъ о немъ, и отецъ мой не успѣлъ назвать Поцалуеву фамилію Сергѣя Сергѣевича.

—Къ великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому выѣхалъ, какъ говоритъ наша поколѣнная роспись, сказалъ важно Поцалуевъ:—изъ Нѣмцевъ «мужъ честенъ», по имени Форсдорфъ; знаете, онъ пріѣхалъ, по обычаю того времени, на службу къ великому князю и, конечно, долженъ былъ ему представиться. Когда онъ вошелъ, великій князь спросилъ его о здоровьи; предокъ мой отвѣчалъ по-нѣмецки, что онъ ни слова не понимаетъ по-русски; бояре, не смотря на присутствіе великаго князя, не утерпѣли, захохотали и прозвали его, по нѣмецкому отвѣту, Ихшерштенихомъ. Вотъ, изволите видѣть, продолжалъ Поцалуевъ:—когда бояре захохотали, предокъ мой сконфузился, а между тѣмъ великій князь сошелъ съ престола, поцаловалъ его въ лобъ и объявилъ, что жалуется ему четыре тысячи душъ. Когда узналъ объ этомъ мой предокъ, то онъ, само собою разумѣется, упалъ государю въ ноги, и на другой же день поѣхалъ въ вотчину; тамъ онъ собралъ своихъ крестьянъ, и такъ какъ говорить съ ними не могъ, потому что ни слова не зналъ по-русски, то онъ слѣзъ съ лошади, сталъ ходить между крестьянами, и ну всѣхъ ихъ цаловать. Потомъ онъ пріѣхалъ въ Москву, тамъ его окрестили и назвали Прохоромъ, а когда узнали объ его поцалуяхъ, то вмѣсто Ихшерштениха, имя, которое и намъ привелось бы носить,—въ воспоминаніе полученнаго имъ и розданныхъ имъ поцалуевъ, прозвали его Поцалуей.

—А помнишь, спросилъ отецъ, обратившись къ Розгину:—пріѣздъ къ намъ въ полкъ Габершпахъ? Помнишь, какъ горчился на смотрѣ нашъ «мужъ честенъ» Штахервейсъ, какъ онъ пошелъ къ себѣ, сердясь и ворча, и какъ вдругъ онъ укротился, увидѣвши въ залѣ переведеннаго къ намъ въ полкъ Габершпахъ. Что сдѣлалось съ нашимъ старымъ нѣмцемъ: ахъ, либстеръ геръ баронъ фонъ Габершпахъ, закричалъ нашъ генералъ, широко раскрывая свои объятія:—ну ви геть зи, ире фатиръ, ире мутеръ; пошли также въ дѣло и брудеры, и швестеры, и онкелі, и танты, и ну цаловать Габершпахъ. А помнишь ли, какъ и въ свою очередь и Габершпахъ, при первомъ знакомствѣ съ офицерами, перецаловалъ каждого изъ насъ.

—Вотъ былъ настоящій-то Поцалуевъ, да и по русски тоже ни слова не понималъ, добавилъ простодушно Розгинъ.

— Смѣйся, смѣйся, сказалъ Поцалуевъ:—а фонъ Форсдорфъ былъ лучше какого нибудь бритаго татарина; Форсдорфъ былъ въ такой чести у великаго князя, что онъ хотѣлъ отдать за него свою сестру, дочь или племянницу.

— Да отчего же онъ этого не сдѣлалъ? спросилъ мой отецъ, выходя въ другую комнату.

— Да оттого, отвѣчалъ серьезно Поцалуевъ: — что у него ихъ не было.

— Очень интересно ваше фамильное преданіе, сказалъ Вавилкинъ, колко улынувшись.

— Да, и въ добавокъ оно подтверждено документами, важно замѣтилъ Поцалуевъ. — Знаете, я однимъ сказаніемъ, безъ актовъ, не вѣрю. Бываютъ ужаснѣйшіе обманы: у насъ когда-то, въ очень давнее время, былъ губернаторъ Вавилкинъ, человѣкъ не слишкомъ хорошій. Въ семействѣ у насъ есть актъ, изъ котораго видно, что отецъ Вавилкина числился по ревизіи за отцомъ жены моей, по его рязанскому имѣнію; а между тѣмъ этотъ господинъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ столбовой дворянинъ, чуть ли не почище Поцалуевыхъ! Какъ бы не такъ!

Помню, какъ теперь, что, при началѣ этой рѣчи, Вавилкинъ всталъ, подошелъ къ окну и сталъ выколачивать трубку.

— Ну, да, сказалъ онъ, не обращаясь лицомъ къ Поцалуеву: конечно акты.... иногда вѣдь можно попасть въ ревизію и дворянину; пожары истребляютъ документы....

— Какой тутъ пожаръ, почти крикнулъ Поцалуевъ:—тутъ не пожаръ, а просто чванство: всякому хочется быть бариномъ, да не очень-то это легко. Знаете, чистая дворянская кровь много значитъ. Благородство въ полномъ смыслѣ этого слова! Кость отъ кости, плоть отъ плоти.

Въ это время вошелъ мой отецъ.

— Что, все еще о родословіи толкуете? спросилъ онъ.

— Да, отчасти, отвѣчалъ Поцалуевъ:—я сейчасъ рассказывалъ, изъ какой дряни попалъ къ намъ нѣкогда губернаторъ. Знаете, господа, я право не вѣрю въ честность выскочекъ; это не то, что нашъ братъ дворянинъ изъ шестой части. Одно имя уже часто служить порукой всему. Я говорилъ сейчасъ, добавилъ Поцалуевъ: — о Вавилкинѣ.

— Какъ? спросилъ съ изумленіемъ мой отецъ:—да развѣ ты не слышалъ никогда объ ихъ батюшкѣ?

— Какъ? ихъ батюшка? сказалъ оторопѣлый Поцалуевъ: — ихъ батюшка? Ахъ, простите, вскрикнулъ Поцалуевъ, ударивъ себя ладонью по лбу: — какую же однако я сдѣлалъ ужаснѣйшую ошибку — я смѣшалъ Корзынкина съ Вавилкинымъ! Помыслите, вашего батюшку донинѣ благословляетъ вся наша губернія. Это былъ настоящій губернаторъ; дѣйствительно, тотъ, о которомъ я говорилъ, былъ Корзынкинъ, а не Вавилкинъ. Виновать, виновать, тысячу разъ виновать.

— Я не знаю, сказалъ Вавилкинъ, выпрямившись гордо во весь ростъ: — я не знаю, какая память хранится здѣсь моему отцу; знаю только, что онъ былъ вовсе не знатный господинъ и что онъ до всего добился собственными трудами, конечно, при большой помощи счастья. Впрочемъ, продолжалъ съ благородною откровенностію Вавилкинъ: — хотя дѣти и не отвѣчаютъ за грѣхи своихъ родителей, но если бы, къ сожалѣнію, отецъ мой покрытъ безславіемъ наше наслѣдственное имя, то мнѣ и моимъ дѣтямъ предстоитъ святой долгъ поправить его ошибки, не потому однако, чтобъ я принялъ въ укоръ себѣ его грѣхи, а потому, что онъ далъ мнѣ возможность дѣлать добро. Вы знаете, Григорій Петровичъ, сказалъ Вавилкинъ, обращаясь къ моему отцу: — что я скупилъ всю Застолбовку, гдѣ родился мой отецъ, и теперь ѣду туда; я самъ хочу объявить тамошнимъ крестьянамъ, что въ память моего отца, оставившаго мнѣ, слава Богу, достаточныя средства, я предоставляю имъ свободу и дарю имъ всю землю, на которой жили ихъ отцы и дѣды.

— А кстати, сказалъ мой отецъ Вавилкину: — позвольте вамъ, Сергѣй Сергѣичъ, возвратить раздѣльный актъ, изъ котораго видно, что вашъ прадѣдушка Вавилкинъ получилъ въ наслѣдство отъ своего отца...

— Ахъ да, двѣ души въ Застолбовкѣ; знаете ли, Григорій Петровичъ, для чего мнѣ былъ нуженъ этотъ актъ? Для утвержденія нашего рода въ древнемъ дворянствѣ; недостатокъ этого документа, сказалъ, улыбаясь, Вавилкинъ: — лишалъ меня девяти предковъ; безъ него прерывалась бы линія потомковъ Сухопола, выѣхавшаго съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ изъ Литвы, какъ гласятъ фамиліные наши акты о совершенно обнищавшихъ въ родѣ Вавилкиныхъ, до моего отца, который прежде всего поправилъ свои дѣла женитьбой на Поцалуевой; — но не изъ тѣхъ Поцалуевыхъ, замѣтилъ, усмѣхнувшись, Вавилкинъ: — которые ведутъ свой родъ отъ знаменитаго Поцалуя; нѣтъ, отецъ

моей матери, а мой родной дѣдъ, былъ простой тульскій лабазникъ, разжившійся потомъ откупщикъ. Въ послѣднемъ я не виновать нисколько; жалѣю только о такомъ случайномъ совпаденіи имени дворянъ Поцалуевыхъ съ именемъ откупщика-мѣщанина, бывшаго, впрочемъ, моимъ дѣдомъ.

Разумѣется, въ ту пору я не могъ взвѣснить всю нелѣпость понятій Поцалуева, не допускавшаго въ человѣкѣ честности безъ вѣковаго родословія; я не могъ сочувствовать благородному негодованію Розгина, получившаго хотя и древнее имя, но, по фамильному преданію, обязанное своимъ началомъ изобрѣтенію весьма не похвальному; я не могъ понять всю колкость пасѣшки Вавилкина надъ тщеславіемъ Поцалуева, которому онъ доказалъ, что имя Поцалуевыхъ принадлежитъ не однимъ только потомкамъ фонъ-Форсдорфа, но что его носятъ и простые лабазники; я не могъ также сообразить, что отецъ Вавилкина, пользовавшійся въ самомъ дѣлѣ добрымъ именемъ, оставался бы въ глазахъ Поцалуева, и ему подобныхъ, человѣкомъ безъ возможности быть честнымъ, если бы прадѣду его не досталось въ какой-то Застолбовкѣ двухъ душъ, которыя открыли ему не только мѣсто въ раздѣлѣ древняго дворянства, но, по мнѣнію другихъ, дали ему еще и право на врожденное благородство.

Напротивъ, въ то время такіе разговоры о предкахъ вселяли и въ меня заносчивыя мысли; я часто думалъ: вѣдь и я принадлежу не къ тѣмъ людямъ, которые ровно ничего не знаютъ о существованіи своихъ дѣдушекъ; напротивъ, вѣдь, я слышалъ кое-что не только объ нихъ самихъ, но и объ ихъ отцахъ и даже дѣдахъ. Мысли эти съ особенною силою стали развиваться во мнѣ на тринадцатомъ или четырнадцатомъ году моей жизни. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать исторію нашего рода, слышавшаго въ губерніи за одинъ изъ древнѣйшихъ и почетнѣйшихъ дворянскихъ родовъ.

Однажды какъ-то мнѣ привелось достать у моего дяди цѣлую связку нашихъ фамильныхъ бумагъ. Съ прерывающимся отъ удовольствія дыханіемъ, съ разгорѣвшимися отъ радости щеками, долго смотрѣлъ я на одинъ документъ, изъ котораго можно было заключить, что предки мои щеголяли нѣкогда въ герцогской коронѣ. Но еще большее самодовольствіе ощутилъ я, когда, изъ поколѣнной нашей и родословной моей бабки по отцу, увидѣлъ, что одна изъ моихъ прабабушекъ, правда, по женскому колѣну, была княжна Рюрикова дома. Ну, думалъ я, теперь

то я ужь рѣшительно не то, что какіе нибудь мои школьные товарищи Перекатовъ и Сибиркинъ, отцы которыхъ вышли въ дворянство, одинъ изъ мужиковъ, другой изъ мѣщанъ. Какая безпредѣльная разница между ними и мною!

Какія, впрочемъ, понятія о чувствѣ чести внушало мнѣ это обиліе древней крови въ моихъ жилахъ, я съ точностію сказать не могу. Знаю только, что я самъ не догадывался, а изъ окружавшихъ меня никто не успѣлъ, или просто не желалъ, сказать мнѣ, что если уже начать считаться съ другими наслѣдственностію своей крови, то преждевсего надобно предполагать, по крайней мѣрѣ, что всѣ тѣ историческія знаменитости, которыхъ, втеченіе длиннаго ряда вѣковъ, постепенно участвовали въ произведеніи меня на свѣтъ, были личностями безусловно благородными; никто также не внушилъ мнѣ, что самая большая польза, которую я могу извлечь изъ моего родословнаго съ ними сѣщенія, должна состоять въ томъ, что я обязанъ слѣдовать ихъ нравственнымъ примѣрамъ. Но, приходя въ зрѣлые годы, я самъ сталъ понимать, что между знаменитостію и благородствомъ происхожденія есть большая разница. Знаменитость бываетъ иногда только слѣдствіемъ исключительнаго преобладанія одного лица надъ другими. Благородство же, какъ порывъ къ безкорыстной дѣятельности на пользу общую, и какъ самая эта дѣятельность, рѣдко создавало чью либо знаменитость. Слѣдовательно, думалъ я, отрѣшившись наконецъ отъ прежнихъ понятій, если уже приходится вообще гордиться извѣстностію предковъ, то нужно, однако, чтобъ эта извѣстность была, по возможности, безукоризненна; но не часто бываетъ такая извѣстность; вотъ я, напримѣръ, помню одного изъ моихъ сверстниковъ, твердившаго всѣмъ и кстати и некстати о высокомъ значеніи своего дѣдушки. Дѣйствительно, его дѣдушка занималъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, высокое мѣсто; но какими путями добрался онъ до него? Конечно, онъ былъ не только извѣстенъ, но, пожалуй, и знаменитъ; но былъ ли онъ благороденъ и могъ ли внукъ его гордиться наслѣдственнымъ благородствомъ или только одною наслѣдственною знаменитостію, — вопросъ объ этомъ остался для меня нерѣшеннымъ.

Впослѣдствіи, учась исторіи, я узналъ разсказъ о Лукреціи. Не могу догадаться, почему именно разсказъ о ней чрезвычайно нравился моему наставнику исторіи, только онъ много разъ толковалъ мнѣ о Лукреціи, добавляя разсказъ своими собственны-

ми умоуарительными заключеніями. Слѣдствіемъ ли изученія исторіи Лукреціи съ различныхъ точекъ зрѣнія, или собственныхъ тогдашнихъ моихъ пониманій, было то, что я весьма жалѣлъ объ этой женщинѣ, посягнувшей изъ-за цѣломудрія на собственную жизнь.

Вообще же, при сильно развивавшихся понятіяхъ о родовомъ достоинствѣ, рассказъ о Лукреціи сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе о долгѣ сохранять наслѣдственную кровь въ благородныхъ поколѣніяхъ. Приходя въ тѣ годы, когда прелесть женщины возбуждаетъ въ юношѣ разнаго рода помыслы, я никогда однако не дерзалъ помыслить о преступномъ волокитствѣ около благородныхъ дамъ. Я признавалъ это постыднымъ предательствомъ и безчестнымъ нарушеніемъ правъ моего сословія. Мнѣ казалось, что наши барыни всегда должны и сами готовы олицетворить и Лукрецію, съ ея Секстомъ Тарквиніемъ, и Паталю Павловну, съ ея графомъ Нулинымъ. Мнѣ казалось, что все должно выражать неприступность женщины такъ называемаго хорошаго круга: и корсетъ, защищающій ее какъ панцырь, и кружева и блонды (а теперь еще кринолины), и затѣйливая прическа, и свѣжесть и пышность наряда, гармонію котораго такъ страшно нарушить, а наконецъ и молва свѣта, и обязательное мнѣніе сууруга, въ случаѣ обличеннаго позора его дражайшей половины. Дѣло другое — женщины въ простонародьи. Поступки противъ такихъ женщинъ, по мнѣнію многихъ, легко можно поправить, имѣй только деньги. Такъ, въ первые годы моей юности, я познакомился съ однимъ откупщикомъ. Этотъ человѣкъ не смѣлъ никогда пристѣсть при благородной дамѣ, если же и приходилось ему разговаривать съ нею, то онъ дѣлалъ это стоя, терялся, мялся; а между тѣмъ какой онъ былъ прѣткій тамъ, гдѣ человѣчество было попроще! Онъ на ошибкахъ дѣвичей юности основалъ даже свой особый родъ благоустройства. Когда я узналъ этого почтеннаго и могучаго человѣка, бряцавшаго золотомъ на каждомъ шагу, онъ, хохоча во все горло, рассказывалъ своимъ пріятелямъ, или, вѣрнѣе сказать, своимъ объѣдаламъ, что онъ совершилъ довольно отпусковыхъ и выводныхъ для хорошенькихъ дѣвушекъ, выкупаемыхъ имъ у ихъ господъ на волю, рублей за 80 или за 100. Онъ называлъ это выпускать птичекъ изъ клітокъ. Всѣ отвѣчали громкимъ взрывомъ хохота на рассказы разбогатѣвшаго наглеца о такихъ его затѣяхъ, не смотря даже на то, что въ кругу слу-

шателей каждый готовъ быть драться на чемъ хотите, на пистолетахъ, и на шашкахъ, и на сабляхъ, если бы кто-нибудь позволилъ себѣ задѣть, хотя нечаянно, локтемъ, идущую по улицѣ даму или дѣвицу изъ хорошаго дому. Вотъ тутъ-то дѣло идетъ уже о чести женщинъ, которыхъ мы обязаны защищать, по нашимъ рыцарскимъ понятіямъ.

Сидя за бокалами, напѣянными на счетъ Донъ-Жуана—благодетеля, или, вѣрнѣе сказать, его потребителей, жаждущіе гости не думали, что его продѣлки много сдѣлали горя, что не мало, быть можетъ, было пролито горячихъ слезъ, что не мало, быть можетъ, тосковало, конечно по своему, простое сердце, которое бы было отдано по любви другому, еслибъ не случилось тѣхъ обстоятельствъ, какими вздумалъ и какими умѣлъ пользоваться золотonosный искуситель... Лейся же въ честь его шампанское: оно сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ слезы какой-нибудь Наташки...

Впрочемъ, что говорить о случайныхъ уклоненіяхъ; я замѣчу только, что съ теченіемъ времени, даже на самомъ строгомъ, законномъ и метрическомъ основаніи, перерождаются многіе роды. Такъ мнѣ рассказывали, что Розгины постоянно сохраняли татарскія замашки своего предка, до тѣхъ поръ, пока отецъ Александра Ивановича, неизвѣстно почему, предпочелъ всѣмъ невѣстамъ одну простую дѣвушку, отличавшуюся ангельской добротой; подъ ея-то кроткимъ вліяніемъ выросъ Александръ Ивановичъ, и, къ чести своего рода, сдѣлался нравственнымъ уклоненіемъ отъ восходящей линіи Розгиныхъ. Потомство Поцалуево же, какъ будто, переродилось съ тѣхъ поръ, какъ и нимъ въ бабушки попала какая-то презнатная боярышня. Эта боярышня, съ молодости, впрочемъ, прехорошенькая и добрая, сдѣлалась съ годами, что называется, бой-баба; дѣтъ съ 40, она сама начала присутствовать въ сараѣ, гдѣ производились тѣлесныя исправленія духовныхъ немощей человѣка, нерѣдко сама же отвозила крестьянъ въ губернскій городъ для скорѣйшей сдачи въ рекруты, короче, подъ старость она сдѣлалась настоящей вѣдьмой. Начиная съ отца Федора Степановича, Поцалуевы стали не тѣмъ, чѣмъ они были прежде, — изъ кроткихъ и сострадательныхъ, они сдѣлались крутыми и жестокими.

Я всегда вспоминаю такое перерожденіе Розгиныхъ и Поцалуевыхъ, какъ опроверженіе словъ моей тетушки Катерины

Григорьевны, крѣпко стоявшей за неизблемую наслѣдственность дворянскихъ добродѣтелей.

Но, оканчивая разсказъ о родословіи пріятелей моего отца, я замѣчу, что Розгинъ производилъ на меня своею добротою какое-то особенное обаяніе; я безсознательно привязывался къ нему съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и наконецъ я сталъ къ нему питать какое-то особенное чувство, послѣ слѣдующаго случая.

Однажды мнѣ снилось ясное, зимнее утро, морозъ будто-бы стоялъ крѣпкій, солнце темно-краснымъ, огромнымъ шаромъ проглядывало сквозь густую мглу пепельнаго цвѣта, застилавшую небо. Сны обыкновенно бываютъ безсвязны; и я на этотъ разъ не помню, какимъ образомъ очутился на дорогѣ, ведущей къ погосту. Вдругъ послышалось похоронное пѣніе. Смотрю, идетъ отецъ Стефанъ; изъ подъ черной бархатной ризы, обшитой серебрянными позументомъ и спереди закапанной воскомъ, видна знакомая мнѣ его лисья шуба съ зеленовато-коричневою покрывкой; подлѣ отца Стефана, идетъ отецъ дьяконъ Пименъ, подвязавъ уши голубымъ платкомъ съ бѣлыми цвѣточками и помахивая по временамъ кадиломъ. Впереди ихъ шелъ мальчикъ, неся на груди образъ, а за нимъ крестьянинъ несъ на головѣ крышку отъ гроба. За отцомъ Стефаномъ и отцомъ Пименомъ, крестьяне несли на себѣ гробъ, а въ гробу лежалъ — Розгинъ; не шло за нимъ никого изъ сосѣдей — помѣщиковъ, но за то валила безконечная толпа чернаго народу. На кого я посмотрю, каждый идетъ повѣся голову, cadaго какъ будто прошибаетъ слеза, и всѣ что-то тихо про себя шепчутъ. Я оглянулся кругомъ; около меня никого не было; я обрадовался свободѣ, и, не обращая вниманія на глубокій снѣгъ и жестокий морозъ, захотѣлъ идти на кладбище за Розгинымъ, вѣстѣ съ крестьянами; однако какъ будто какая-то невидимая сила преграждала мнѣ къ нимъ дорогу, и я, не смотря на всѣ мои попытки, принужденъ былъ идти боковымъ путемъ, по снѣжнымъ сугробамъ. Ничего, думалъ я: какъ увидать крестьяне Розгина, что я шелъ за гробомъ ихъ барина, то они, вѣрно, пожалѣютъ меня и съ кладбища донесутъ меня домой на рукахъ, какъ теперь несутъ его; возвращаться же назадъ одному страшно; чего добраго, пожалуй, сойбюсь съ дороги. Я оглянулся назадъ, — снѣгъ бѣлой пеленой устилалъ все поле, не было видно ни одной протоптанной дорожки. Когда мы дошли до могилы Розгина, солнце было

уже высоко. Снѣгъ , какъ будто только что выпавшій ночью, лежалъ огромными хлопьями на остроконечныхъ покрывкахъ кладбищенскихъ крестовъ и на сучьяхъ деревъ. На крестахъ и на деревьяхъ сидѣли воробьи; онѣ , смотря на похороны Розгина, весело каркали и , помахивая крыльями, сметали съ крестовъ и сучьевъ снѣжные пушинки, которыя , падая на землю, разсыпались радужною пылью и, какъ алмазы, искрились на солнцѣ.

Не помню, какъ опустили Розгина въ могилу, какъ засыпали ее, и какъ исчезли всѣ провожавшіе его : я остался одинъ среди кладбища, покрытаго глубокимъ снѣгомъ. Жаль мнѣ стало добраго Розгина.... Я вспомнилъ его конфеты, апельсины и финики; я въ раздумьи смотрѣлъ на его могилу. Вдругъ я почувствовалъ какую-то отрадную теплоту, точно весеннее солнышко пригрѣло меня; смотрю на могилу Розгина — нѣтъ уже на ней болѣе снѣгу, а вмѣсто него яркая зелень, а среди нея, съ чудною быстротою, — вырастаютъ и маргаритки, и васильки, и розы, и ландыши. Я удивился; оглянулся назадъ, — снѣгъ еще лежалъ на полѣ, но уже и на немъ вилась дорога , покрытая колючими кустами золотоцвѣта и облепихи; вдругъ среди этихъ колючихъ кустовъ стали появляться полевые цвѣточки, и снѣгъ началъ исчезать; а солнышко, Боже мой, какъ оно стало грѣть, и свѣтить ! Мнѣ сдѣлалось такъ отратно, такъ весело, что я отъ радости прснулся.

— Няня ! закричалъ я во все горло : — вставай, Александръ Ивановичъ умеръ.

— Что съ тобой, батюшка? спросила няня, которая спала близь меня чуткимъ сномъ старушки.

— Слышишь, няня, Александръ Ивановичъ, умеръ, право умеръ, я видѣлъ, какъ его похоронили.

— Полно, родной мой, Христосъ съ тобою; не дай этого Господи, всѣ люди о немъ всплачутся. Это тебѣ поснилось, голубчику. Значить, долго будетъ жить Александръ Ивановичъ.

Я сталъ нянѣ рассказывать мой сонъ, а, надобно замѣтить, что я безусловно вѣрилъ ея снотолкованіямъ. Впрочемъ не только одинъ я рассказывалъ свои сны нянѣ, но этожъ самое дѣлалъ по утрамъ, и мой отецъ, и моя мать; но даже сама тетюшка Катерина Григорьевна, когда ей бывало поспится или же слишкомъ страшноватый, или уже слишкомъ пріятный сонъ, совѣщалась объ этомъ, конечно не иначе, какъ съ высоты своего ве-

личія, со старой няней. Многіе изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, а особенно помѣщичьи и ихъ дочери, предпочитали толкованіе снова, дѣлаемое моею няней, снотолкованіямъ знаменитаго Мартына Задеки, бывшаго въ то время въ большомъ ходу между русскими помѣщиками.

— Ну, батюшка, советвой къ добру, сказала Анна Ѳедоровна:— долго будетъ жить Александръ Ивановичъ и умереть въ почетѣ, а въ гробѣ сыщеть его благодать Божія. Знаешь, добавила няня?—кто не обижаетъ малыхъ, да убогихъ, тотъ будетъ великъ и праведенъ передъ Господомъ. Цвѣты на могилѣ означаютъ загробную радость.

— А что же значать вороны?

— Это злые люди, мой родной, злые люди. Они то на добрыхъ и каркаютъ.

— Ну, а снѣгъ, няня?

— Гдѣ онъ лежитъ: коли на землѣ, то значить труды, помѣху, а коли не на одной землѣ, но такъ, какъ вотъ тебѣ теперь поснилось, на крестахъ да на деревьяхъ, то онъ-значить добрыя дѣла; злые-то люди ихъ, какъ вороны, крыльями разметають; а они, знай себѣ, блестятъ на Божіемъ солнышкѣ.

Я былъ успокоенъ насчетъ Александра Ивановича такимъ благопріятнымъ истолкованіемъ видѣннаго мною сна; тѣмъ болѣе, что няня не говорила ничего о предотвращеніи дурныхъ его послѣдствій. Если же она предвидѣла ихъ, то обыкновенно къ своимъ толкованіямъ, смотря по угрожающему горю или приближающейся бѣдѣ, советовала—или поусердише и подольше молиться, или заказать обѣдню, или отслужить молебенъ, то просто, то съ акаѣнстомъ, или поставить свѣчку какому нибудь угоднику, или наконецъ съѣздить, а кто попроще, то и сходить, на богомолье въ одну пустынь, бывшую въ нашемъ соѣдствѣ.

Повѣривъ толкованіямъ няни, я и самъ хотѣлъ быть такимъ, какъ Розгинъ; дѣтское воображеніе имѣетъ свою особую игру самолюбія въ отвлеченномъ мірѣ: тамъ оно создаетъ свои понятія о духовныхъ радостяхъ на свой собственный ладъ, и такъ какъ дѣтство мое было весело и беззаботно, то я никакъ не могъ вообразить себѣ горе, но за то могъ живо представить себѣ радость. Тогда я даже и не зналъ, что есть около меня люди, которые съ самаго дѣтства не имѣютъ понятія о весельи.

Являются на свѣтъ Божій такіе люди, съ которыми какъ бы сама судьба хочетъ вести непрерывную борьбу, и съ такими людьми она поступаетъ уже безъ сожалѣнія. Она отнимаетъ у нихъ всѣ внѣшнія средства и всѣ внѣшніе способы для достиженія ихъ цѣлей; а между тѣмъ сама же влагаетъ въ ихъ умъ силу мысли, а въ душу неудержимые порывы и кипучія страсти, и тѣмъ самымъ вызываетъ ихъ на упорный бой съ ихъ жребіемъ. Такіе люди, дѣти недоли, дѣти бѣды и труда, болышею частію истомляются въ неравной борьбѣ съ жизнью; или самоубійство, или горькое пьянство, или сѣумасшествіе, или длинный рядъ пороковъ, неразлучныхъ съ тяжкими преступленіями, угрожаютъ такимъ несчастливцамъ. У нихъ нѣтъ роднаго порога, на который бы они могли присѣсть отдохнуть, они не знаютъ такой двери, у которой они могли бы постучаться смѣлою рукою, въ надеждѣ укрыться отъ непогоды. Судьба гонитъ ихъ впередъ, не указывая имъ, между тѣмъ, на пути никакого отдыха.

Правда, впрочемъ, и то, что такіе люди, для долго тяжелымъ путемъ, приобрѣтаютъ большой запасъ внутренняго спокойствія; въ нихъ развивается самостоятельность убѣжденій, рѣшительность и смѣлость въ дѣйствіяхъ; но за то сколько изъ нихъ или гибнетъ вовсе, или дѣлается, что называется, людьми забытыми, загнанными, запуганными, растерянными. Прослѣдить жизнь такихъ людей отъ самаго ихъ дѣтства до ихъ гибели, или, въ счастливомъ исходѣ, до начала ихъ бурной, самостоятельной дѣятельности, было бы вообще поучительно, а особенно для счастливецъ, не испытавшихъ на самихъ себѣ, какъ бываетъ трудно пробиваться на каждомъ шагѣ человѣку, не извѣстно почему не поддавшемуся съ судьбою съ самаго своего рожденія.

Къ числу такихъ горемычныхъ личностей принадлежалъ и мой спутникъ дѣтства Васька, сынъ нашего кучера. Судьба, не давши ему никакихъ правъ по его рожденію, обременила его, какъ бы въ насмѣшку, еще особой невзгодой. Отецъ его жилъ не въ ладахъ съ своей женою, часто запивалъ и, — пьяный, — громко говорилъ и кричалъ между дворней, что онъ Ваську своимъ сыномъ считать не хочетъ. Правду говоря, надобно сказать, что Васкѣ отъ этого было ни тепло, ни холодно, потому что, при всей любви Федора къ своему сыну, онъ не могъ бы сдѣлать ничего для облегченія его будущей доли; онъ даже не могъ оставить ему въ наслѣдство ни щегольского армяка, ни высокой чetyрехъ-угольной бархатной шапки, ни глазетоваго пояса, словомъ,

ни одной изъ тѣхъ вещей, на которыя съ какою-то завистью по-сматривали крестьяне. Онъ не могъ этого сдѣлать, потому что и то, и другое, и третіе было барское добро, и слѣдовательно, въ случаѣ смерти Федора, должно было перейти къ его преемнику по должности. Не смотря на все это, бѣдному Васкѣ, даже и среди людей, не пользовавшихся никакими преимуществами рожденія, было еще хуже, вслѣдствіе нареканій Федора на свою жену. Виновата ли она была или нѣтъ, Богъ ее знаетъ; только и она, терпя отъ своего мужа нападки, главнымъ предметомъ которыхъ было рожденіе Васьки, оказывала послѣднему весьма немного материнской любви.

Горькая доля Васьки привлекла къ нему любовь, или, вѣрнѣе сказать, состраданіе моей няни; она иногда подзывала его къ себѣ, позволяла ему стоять близъ меня, а иногда допускала даже и поиграть со мною. Добрый Розгинъ также услаждалъ положеніе Васьки; онъ заговаривалъ и шутилъ съ нимъ и черѣдко гладилъ его по головѣ. Но за то отъявленной и сильною непріятельницею Васьки была моя тетушка Катерина Григорьевна. Она на каждомъ шагу преслѣдовала Ваську, — ей не нравилась его наружность. Тетушка не прочь была погладить иногда, впрочемъ только рѣдко, въ видахъ особаго снисхожденія, ребенка, красиваго какъ купидонъ, съ шелковыми кудрями и съ бѣлокурымъ личикомъ, особенно если на такомъ ребенкѣ былъ атласъ или бархатъ. Но Васька былъ не таковъ и по наружности, и по одеждѣ. Оспа, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, исковеркала его лицо безъ малѣйшаго состраданія: бровей у него почти не было, глаза были сѣрые и немножко косоваты, расплывшійся носъ былъ вздернутъ къ верху; волосы, цвѣту мочалки, то были взерошены, то падали въ беспорядкѣ на глаза; уши торчали ужасно. Рубашонка была у него только всего одна, синяя, затасканная, со множествомъ дыръ и прорѣхъ и даже съ малымъ числомъ заплатокъ, обыкновенныхъ свидѣтельницъ материнской заботы въ бѣдномъ быту ребенка.

— Ступай прочь, ступай сейчасъ, какой гадкій! говорила ему тетушка, если онъ находился въ виду ея. Ступай прочь, говорятъ тебѣ, и не смѣй являться, добавляла тетушка, пристукивая ногой и грозно потрясая головой, постоянно украшенной завитыми пучками, сдѣланными, впрочемъ, изъ косы одной дворовой дѣвушки, у которой она была отрѣзана за преступленіе противъ нравственности.

Васька уходилъ во-свося, взглянувъ на тетунку изъ-подъ любя. Я полюбилъ, однако, бѣднаго мальчишку, разговаривалъ съ нимъ, называя его Васькой, потому что назвать его Васей было бы неловко.

— Знаешь что, Васька, сказалъ я ему однажды: — когда я вырасту, то я поѣду въ каретѣ, ты будешь стоять на запяткахъ, и я сошью тебѣ для этого ливрею съ золотыми галунами и золотыми пуговицами.

— На что мнѣ это? Это нравятся барямъ. Вотъ третьяго дни, продолжалъ Васька: — я ходилъ съ маткой въ Кувазевку (это была усадьба Поцалуевыхъ). Вотъ мы пришли туда прямо въ барскій домъ, въ дѣвичью; пока matka тамъ толковала, я черезъ двери заглянулъ было въ дѣтскую. Смотрю, тамъ самый маленькій Кувазевскій баринъ сидитъ верхомъ на конѣ, да, знаешь, такъ и ѣдетъ трахъ-трахъ, трахъ-трахъ, то вверхъ поднимется, то внизъ опустится... Вотъ постой, баринъ, сказалъ Васька, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобъ я подошелъ къ нему поближе: — вотъ у него тутъ золото, продолжалъ онъ разводя пальцами по моей груди, — и тутъ, — добавилъ онъ, проведя ладонью по рукавамъ моей рубашки: — и тутъ, прибавилъ, заходя мнѣ взадъ и чертя пальцами по моей спинѣ. — Я догадался, что на Алексѣй Поцалуевъ была надѣта любимая его гусарская курточка. — На головѣ у него, продолжалъ Васька: — была мохнатая шапка, пѣтушье ли въ ней перье или хвостъ лошадиный, хорошенько разсмотрѣть я не успѣлъ, а въ рукахъ у него, знаешь, сабля. Самъ-то онъ качается на конѣ, да и кричитъ, что есть мочи: прочь, прочь съ дороги, а не то убью, я самъ буду анараломъ! Только что я подумалъ: какой молодецъ баринъ, — да какъ вдругъ онъ завидѣлъ, что я смотрю въ двери, да какъ онъ соскочить съ коня, да такъ таки прямо на меня съ саблей. Изрублю, кричитъ, изрублю. Я было и отважился сказать ему: нѣтъ, баринъ, зарубить ты меня не можешь, у меня есть на то свои господа! А какъ онъ на меня наскочить, да и давай валять меня саблей; да вѣдь какъ огрѣлъ раза три, такъ что слезы прошибли и рубаху пропоролъ, вонъ, вишь. Я было прятаться за матку, а онъ, знай себя, до меня добирается, да оретъ: убью, изрублю, на то я и гусаръ, за то и анараломъ буду!

Въ это время лицо Васьки вдругъ искривилось, какъ бы въ предсмертныхъ судорогахъ, онъ взвизгнулъ и казалось повисъ на воздухѣ.

— Ахъ ты, пострѣленошь, развѣ мало я тебѣ третьяго дня вихры-то натрепала? мало, видно мало, такъ вотъ еще, чтобы ты никогда и никому противиться не смѣлъ, — кричала Васынина мать, которая подслушала разсказъ своего сына и затрепала его за волосы около самого виска. А ты, отродѣ поганое! да ты еще смѣешь о своемъ грубѣйшѣмъ нѣтъ докладывать, смѣешь ты нѣтъ милости о своей продерзости разсказывать! Вотъ тебѣ еще на закуску, добавила разъяренная Акулина, давая въ спину Васки удары, которые раздавались въ бѣднягѣ, какъ бы раздавались они въ пустой бочкѣ.

— Дайте, сударь, поцаловать вашу ручку, сказала, наклоняясь, Акулина: — ужъ простите его, такой мерзавецъ, ладусъ нѣтъ нѣтъ, ужъ крутила же я его за вихры въ Кувязевѣ; а онъ, паршъ такая, отважился еще опять болтать.... Да развѣ ты для того на свѣтъ Божій вылъзъ!

Расправа съ Васькой была очень крута; но тогда она ни сколько не возмущала меня; между тѣмъ какъ теперь, не смотря на длинный рядъ годовъ, отдалившихъ отъ меня этотъ случай, я не могу вспомнить о немъ безъ внутренняго волненія.... Васька началъ всхлипывать, уткнувъ въ глаза кулаки, изъ подъ которыхъ заструились слезы. Я, какъ ужъ и сказалъ прежде, не былъ въ то время возмущенъ страданіемъ Васки; напротивъ, мое самолюбіе было польщено такимъ возмездіемъ за оскорбленіе грязнымъ Васькой моего блестящаго собрата по рожденію; оно было пріятно пощечкочено такимъ раболѣпнымъ ко мнѣ вниманіемъ глупой Акулины.

Черезъ три дня я встрѣтился съ Васькой на дворѣ; я шелъ во флигель, гдѣ жила моя тетка; любимая ея болонка, по имени Маркиза, была выпущена погулять по двору; пользуясь этимъ, она вздумала задѣть желтенькаго цыпленка, ходившаго поодаль отъ своей родительницы, пресмиренной курицы. Помню я, какъ курица, завидя это, пристѣла на землю, замахала крыльями и, поднимая около себя клубы пыли, какъ будто, покатила по землѣ на помощь своему птенцу, грозно кудахтая во все горло. Она была въ это время уже не курочка, смиренно поклевывавшая находимыя зернышки; она походила на орлицу, защищающую безсильнаго еще орленка. Тетушкина болонка, какъ это, впрочемъ, дѣлаетъ большая часть даже разумныхъ существъ, привыкшихъ разсчитывать на свой важный видъ, и въ особенности на чужую помощь, приняла горделивую позу, а ме-

жду тѣмъ визжала благимъ матомъ, какъ бы подзывая къ себѣ подмогу. Отчасти въ похвалу, а отчасти въ порицаніе собачьяго рода, надобно сказать, что дворовая наша собака Ватрушка, пользовавшаяся совершенною свободой, только посматривала на войну Маркизки съ курицей и вовсе не думала заступаться за свою задорную родню: благоразумная Ватрушка, лежа на травѣ, поглядывала на происходившую стычку и преспокойно ловила ртомъ мухъ, летавшихъ около ея носа.

Между тѣмъ, сидѣвшая на привязи безъ спуска, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, рыжая Бѣлка рвалась на курицу, пытаясь заступиться за болонку. Бѣдная Бѣлка! тебѣ самой не давали воли, тебя изъ корыстныхъ видовъ держали на привязи для того только, чтобы ты тщательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безсознательно, исполняла возложенныя на тебя обязанности; отъ тебя, какъ отъ стражи дома, требовали порядка, но тебѣ нельзя было внушить, въ чемъ состоитъ истинный порядокъ, и ты не виновата, что тебѣ показалось лучше взять сторону тетушкиной болонки, чѣмъ курицы ключника Агафона. Другое дѣло Ватрушка: та исходила безсчетное число разъ все село и вдоль и поперекъ, насмотрѣлась на многое и оттого не была слишкомъ порывистой къ подобнымъ услугамъ.

— Ахъ ты, окаянная, закричалъ Васька на курицу:—да какъ ты смѣешь на эту собаку кидаться! Вотъ я тебя! Постой, вотъ что тебѣ будетъ!

При этомъ словѣ, Васька пустилъ въ курицу два камня, одинъ за другимъ. Курица отпрыгнула, болонка сдѣлала шагъ впередъ, горячая тетушкина выбѣжала на крыльцо, а сама тетушка оказалась въ окнѣ. Ничтожный этотъ случай не привелъ меня, въ то время, ни къ какому заключенію о порядкѣ дѣлъ и образѣ мыслей въ царствѣ людей, животныхъ и пернатыхъ; но теперь онъ мнѣ кажется какой-то нравственной притчей, особенно, если сообразить, что тотъ самый Васька, который менѣе, чѣмъ недѣлю назадъ, самъ было пытался отстоять себя подъ защитою матери, теперь дѣлался преслѣдователемъ подобныхъ движеній и заступался за болонку потому только, что она принадлежала тетушкѣ Катеринѣ Григорьевнѣ. Впрочемъ, зачѣмъ вдаваться въ такія замѣчанія и посвящать свои воспоминанія собакамъ и курицѣ. Въ моихъ воспоминаніяхъ сама тетушка Катерина Григорьевна заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкотораго вниманія.

Боже меня сохрани, выставить эту почтенную даму не толь-

же на прозоръ, но даже и на смѣхъ. Я очень хорошо помню слова Поцалуева, что я съ нею плоть отъ плоти, кость отъ кости. При томъ, такая выставка была бы совершенно излишня. Замѣчанія мои нисколько не исправятъ, а, напротивъ, только раздражатъ тетушку, и тогда, чего добраго, могутъ сбыться слова одного моего пріятеля, что тетушка скорѣе займется устройствомъ участи своей болонки, чѣмъ своего роднаго племянника.

Притомъ, совершенно напрасно вооружаться противъ моей тетушки колкими замѣчаніями и идти для исправленія ея путемъ русской литературы. Напрасно это потому, что насмѣшку надъ общими и, быть можетъ, къ чести нашего времени, уже отживающимися понятіями, тетушка приметъ за личныя, ей собственно дѣлаемая, оскорбленія, и сочтетъ эти насмѣшки за родственную къ ней непочтительность; а главное, такой образъ дѣйствій былъ бы бесполезенъ потому, что тетушка не читаетъ никакихъ книгъ, кромѣ французскихъ, такъ какъ ей кажется, что, еслибъ отступила отъ этого, то не была бы уже настоящей русской барыней. Сверхъ того, я предвижу, что если тетушка какъ нибудь стороною узнаетъ мои о ней воспоминанія и, сверхъ моего предположенія, полюбопытствуетъ просмотрѣть ихъ, то она и безъ этого разразится надо мною громовой тучей за многіе мои взгляды, и въ особенности за созданную мною теорію свободы, но не думайте, чтобы свободы чего нибудь важнаго, — нѣтъ, просто, за теорію свободы касательно исполненія барскими руками нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ у насъ, черныхъ работъ, и непронзведенія этими жеруками нѣкоторыхъ дѣйствій, отчасти, впрочемъ, терпимыхъ, а отчасти и допускаемыхъ даже общественнымъ мнѣніемъ. Разсужденіе объ этомъ предметѣ имѣетъ для меня нѣкоторую важность, потому что тетушка, какъ увидите скоро, своими толками по этой части хотѣла меня, однажды, своротить на путь ея собственныхъ воззрѣній.

Но я, впрочемъ, извиняю тетушку Катерину Григорьевну: она не самостоятельная личность, она произведение, выработанное случайною обстановкою; въ ней, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла, собрались всѣ лучи, которыми прежде блистали или хотѣли блистать всѣ наши барыни.

Воспитательницею, а потомъ и задушевною пріятельницею тетушки была какая-то француженка, мадамъ или мамзель, кто ее знаетъ, по фамиліи Шабѣ; высокая, худощавая, вѣчно веселая, болтливая безъ умолку и постоянно державшая въ разныхъ ящи-

какъ своего комода и румянна, и бѣлила, и фальшивыя косы, и многія накладныя принадлежности дамскаго туалета, пересчитывать которыя не въ одномъ журналѣ было бы неумѣстно, — да и тамъ подробное и точное ихъ описаніе едва ли было бы кстати. Эта мадамъ успѣла убѣдить свою питомицу, что женщины хорошаго круга слѣдуетъ думать прежде всего о томъ, какъ бы ей быть всегда пригожей, то-есть, какъ бы ей всегда казаться несравненно моложе своихъ лѣтъ, уже канувшихъ безвозвратно въ вѣчность. Вслѣдствіе такихъ понятій и внушеній, дѣлаемыхъ, впрочемъ, не одною только мадамъ Шапо, но и множествомъ ей подобныхъ, бросается въ глаза на всѣхъ точкахъ земнаго шара, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ острововъ Тихаго Океана, гдѣ кокосовыя и банановыя листья составляютъ единственный нарядъ и единственное украшеніе женскаго пола, несообразность женскаго наряда съ годами жизни. Яркій цвѣтъ одежды, несоотвѣтственный возрасту, стремленіе показать отставныя прелести, стянута талія, всѣ эти условія, которыя употребляются какъ способы привлеченія, скорѣе отталкиваютъ мужчинъ отъ женщинъ, пережившихъ свою красоту, а не привлекаютъ къ нимъ; такъ, напримѣръ, какая можетъ быть пріятная для глазъ гармонія между расплывшимся отъ лѣтъ лицомъ, обвислыми щеками, обрюзглыми губами, разжирѣвшимъ или черезъ-чуръ иссохшимъ подбородкомъ и между искусственно устроеннымъ станомъ?

Впрочемъ не только годы, но и дары природы, данныя въ удѣлъ женщинамъ, должны, даже въ пору самой нѣжной молодости, руководить ея вкусомъ въ дѣлѣ наряда. Такъ, напримѣръ, вообще признаю, что молоденькимъ личикамъ идетъ розовый цвѣтъ, не это потому, что личико молоденькой дѣвушки можетъ быть сѣжо, какъ пучекъ только-что сорванныхъ розъ, sprыснутыхъ лѣтнимъ дождичкомъ; слѣдовательно, адѣсь природа спорить съ искусствомъ и одерживаетъ надъ нимъ верхъ, а такое торжество природы бываетъ пріятно человѣку, вслѣдствіе врожденнаго его вкуса. Но надѣньте что нибудь розовое или на поблѣдную женщину, или же хотя и на молоденькую дѣвушку, но выходящую цвѣтъ лица, подобный цвѣту сѣятаго молока, и конѣрьте, что онѣ обѣ потеряютъ и послѣднюю свою привлекательность: онѣ только докажутъ на себѣ, что онѣ или никогда не были, или уже перестали быть любимицами природы, потому что дары, полученные ими отъ нея, стоятъ ниже произ-

веденій красильнаго искусства. Неискусственный розовый цвѣтъ безпрестанно будетъ навонивать всѣмъ и каждому, что на щекахъ у этихъ женщинъ или не суждено было цвѣсти настоящимъ розамъ, или же что онѣ ужъ увяли.

Но тетушка моя не могла сообразить всего этого; она не хотѣла также забыть, что годы, снѣжая съ лица свѣжесть, проводятъ сперва морщинки какъ будто неготкомъ, а потомъ бороздятъ ихъ все глубже и глубже, что около глазъ образуются мало по малу складочки, похожія на гусинныя лапки, и что, при такихъ условіяхъ, никакъ нельзя думать, будто и въ сорокъ лѣтъ женщина можетъ быть такъ же красива, какъ она была въ двадцать-пять. Тетушка не хотѣла ничего подобнаго ни знать, ни видѣть, и потому весьма часто возбуждала справедливыя настишки на счетъ своего слишкомъ открытаго, слишкомъ яркаго и слишкомъ притязательнаго наряда. Но извинимъ все это въ тетушкѣ болѣею или менѣею слабостью всѣхъ женщинъ въ этомъ отношеніи, и подобныя промахи со стороны тетушки не будемъ сваливать исключительно на одну мадамъ Шапо. У послѣдней есть еще и другія кое-какія вины.

Такъ она много наговаривала тетушкѣ разныхъ вздорныхъ о нравственномъ значеніи женщины, о ея положеніи въ семействѣ, о ея отношеніяхъ къ тѣмъ, которые находятся отъ нея въ зависимости. Но особенно сильна была мадамъ Шапо въ разговорахъ по сердечной части: много толковала она объ этомъ во всякое время, но всего чаще на сонъ грядущій; она убаюкивала и себя и соврѣзавшую дѣвочку, бывшую подъ ея нравственнымъ надзоромъ, самыми романтическими разказами. Повтореніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, соединенное съ грустными воспоминаніями о самой мадамъ Шапо, уѣхавшей на родину, мнѣ привелось слышать отъ тетушки, по достиженіи мною тѣхъ лѣтъ, въ которыя для неопытныхъ юношей большая часть пожилыхъ женщинъ любитъ дѣлаться руководительницами ихъ первыхъ влеченій къ женскимъ личностямъ.

Юность тетушки, выключая частыя поѣздки въ Москву, въ Петербургъ и лѣтнее житіе въ деревнѣ, прошла въ одномъ изъ примосковскихъ губернскихъ городовъ, то на балѣ у губернатора, то у предводителя дворянства, то еще у кого нибудь изъ помѣщиковъ. Однообразіе этихъ баловъ прерывали встрѣчи съ предполагаемыми женихами; но только послѣ длиннаго ряда несбывшихся предположеній и послѣ перевода, быть можетъ, цѣ-

лаго пуда воску, истопленного на свѣткахъ для гаданья о женихахъ. давно желанная мысль моей тетушки олицетворилась въ особѣ уланскаго штабъ-ротмистра Василя Васильича Бѣлугина. Когда дѣло о свадьбѣ пошло на ладъ, тетушка все хладнокровнѣе и хладнокровнѣе становилась къ мысли о замужествѣ и наконецъ совершенно равнодушно назвала Бѣлугина своимъ супругомъ, не отдавъ самой себѣ опредѣлительнаго отчета въ томъ, чего искала она въ этомъ брачномъ союзѣ.

Правда, — надобно сказать и то, что тетушку, пропитанную родовыми понятіями, сперва какъ будто пугало имя Бѣлугина; она, пожалуй была бы и не прочь сдѣлаться Бѣлугиной, но только не просто госпожей, а графиней или княгиней. Но что же дѣлать? тетушкѣ было пора выходить замужъ... потомъ, когда она уже исполнила это, то и начала мало по малу привыкать къ своему новому, рыбьему прозванію; тѣмъ болѣе, что Василій Васильичъ былъ въ то время богатъ, молодъ и недурень собою. Но все же онъ далеко не былъ тѣмъ, о комъ мечтала тетушка, которая, подъ вліяніемъ этой мечты, отказывалась прежде отъ нѣсколькихъ супружествъ, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ бракъ съ Бѣлугинымъ. Будучи въ дѣвницахъ, тетушка настойчиво вѣрила, что придетъ пора, когда она встрѣтится съ человѣкомъ, котораго сама судьба отмѣтитъ всѣми своими дарами для того только, чтобъ онъ былъ достоинъ руки Катерины Ивановны Охотовской. Она предполагала за своимъ суженымъ не только знатность и богатство, но и представляла своего избранника то черноволосямъ и черноокимъ юношей-повѣсой, съ обворожительными усками, то мечтательнымъ юношей съ голубыми очами и свѣтлыми кудрями. Конечно, тетушка въ это время, не хотѣла подумать, что изъ такихъ юношей, уносившихъ ее въ вихорь вальса, могъ сдѣлаться впоследствии, если вальсъ былъ преддверіемъ сватьбы, толстый мужъ, съ огромнѣйшими усами и хриплымъ голосомъ, любитель лошадей, цыганъ и, если средства позволяютъ, то и псовой охоты, — впрочемъ, мужъ весьма добрый, предоставляющій супругѣ полную свободу, но за то и самъ живущій и кутящій на ея счетъ. Не думала также тетушка, чтобы изъ рисовавшихся въ ея воображеніи юношей, могъ кто нибудь, вступивши въ права супруга, сдѣлаться сожителемъ вялымъ и притормымъ, который, впоследствии, или пополнивъ порядочно, или, на оборотъ, исхудавъ въ щепку, обратится, быть можетъ, въ сельскаго хозяина, — быть можетъ, въ

чиновнаго человека, читающихъ, смотря по роду своихъ занятій, съ невозмутимою флегмою,—или журналы по сельскому хозяйству, или производящіяся подъ его вѣдѣніемъ дѣла, и бывающаго, если только онъ не бываетъ занятъ своей супругой, придирчивымъ, бранчивымъ и жолчнымъ.

Но если въ Бѣлугинѣ не воплотились тѣ идеалы, о которыхъ мечтала тетушка, за то, къ счастью ея, изъ него не вышла также и та личность, въ какія обыкновенно обращаются подобныя идеалы. Бѣлугинъ по душѣ былъ человекъ благородный и, что называется, былъ добрый малый. Послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ супружества, проведенныхъ вмѣстѣ, впрочемъ, безъ особыхъ восторговъ, молодая чета начала чувствовать взаимное охлажденіе; мужъ и жена стали какъ бы отставать другъ отъ друга, исподоволь, безъ ревности, безъ упрековъ. Сначала тетушка жила съ своимъ мужемъ безотлучно при полку, въ которомъ онъ служилъ; тамъ ей, какъ молодой дамѣ, находящейся въ полку, поставленномъ на стоянку въ какомъ нибудь захолустѣ, все офицерство оказывало особый почетъ. Тетушку избаловало это еще болѣе; это продолжалось до достиженія ею лѣтъ тридцати, а тамъ ей начало становиться между уланами уже не такъ весело, какъ было прежде. Въ это время тетушка рѣшилась переѣхать на жительство въ деревню къ моему отцу, до тѣхъ поръ, пока мужу ея не дадутъ полка; потому что тогда и ей, какъ полковой командиршѣ, ужъ не скучно будетъ жить снова среди молодежи. Но въ ожиданіи этого времени, тетушка скучала ужасно въ деревенской глуши. Мать моя была женщина, не пользовавшаяся вообще хорошимъ здоровьемъ, а въ эту пору она угасала замѣтно; притомъ у насъ на Руси, какъ-то изстари ведется, что рѣдко зодовки живутъ въ ладу между собою, а въ отношеніи къ тетушкѣ едва ли можно было измѣнить это общее правило. Отецъ не любилъ заниматься съ тетушкой; къ нему очень часто пріѣзжали въ гости сосѣдніе помѣщики, да и самъ онъ не рѣдко уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ дому то въ гости, то на охоту. Одинокое положеніе тетушки въ нашемъ домѣ было дѣйствительно скучновато, а извѣстно, что скука рождаетъ въ человекѣ какую нибудь особенную страсть. Дѣтей у тетушки не было, и вообще она не имѣла никого въ виду, надъ кѣмъ могла развивать чувства любви и привязанности; впрочемъ, надобно сказать правду, что и начала этихъ чувствъ въ ней какъ-то не было замѣтно.

Въ замѣнѣ ихъ у тетушки скрывалась склонность къ поведѣтельности и строгости. Для этого открывалось ей въ нашемъ домѣ широкое поле, и она не упускала ни одного удобнаго къ тому случая, пользуясь слабымъ здоровьемъ моей матери, частымъ отсутствіемъ изъ дому моего отца и вообще слабымъ ихъ вѣдѣтельствомъ въ способы домашняго управленія.

Тетушка, какъ и политическіе властолюбцы, мало по малу захватила въ свои руки всѣ отрасли домашней управы. Сперва она присвоила себѣ только ревизіонную и контрольную власть, т. е. стала замѣчать и повѣрять не отъ своего лица ходъ нашихъ домашнихъ дѣлъ; потомъ она перешла къ власти распорядительной, т. е. начала ужь отъ своего лица приказывать, что какъ дѣлать; далѣе она явилась судьей въ нашемъ домѣ и наконецъ присвоила себѣ власть законодательную, начавши выдавать собственные свои уставы и правила, не обращая при этомъ никакого вниманія на то, были ли они сходны съ распорядженіями хозяина и хозяйки дома. Все это было бы еще ничего, еслибы тетушка захваченной ею власти дала доброе направленіе, если бы она умѣла соединить ее съ свисходительностію и заботливостію о положеніи нашей домашней прислуги. Но все это дѣлалось на-оборотъ. Такъ тетушка, не найдя однажды никого въ передней, установила своею властью какія-то особыя, весьма обременительныя дежурства; приказала всякому вдушему въ село, по своему ли собственному, или по барскому дѣлу, докладывать ей объ этомъ; обратила вниманіе, такъ сказать, и на форму, — вслѣдствіе чего были ею даны многія правила относительно ношенія одеждъ.... Но и при этомъ тетушкѣ не было никакого дѣла, если человѣкъ, таскавшій дрова, ходилъ босикомъ въ самый крѣпкій морозъ, если ночной караульщикъ не имѣлъ зимою ни рукавицъ, ни теплой обуви; за то строго взыскивалось съ косматаго лакея, если у него не были волосы въ самомъ строгомъ порядкѣ, или если манишка у него была измята!

Вообще, кромѣ нѣкоторыхъ условій внѣшняго вида, тетушка была совершенно равнодушна къ окружающему ее челоѣчеству неблагороднаго разряда. Много дикихъ понятій высказывала она о тѣхъ отношеніяхъ, которыя, по ея мнѣнію, должны были существовать между людьми неодинаковой породы. Для тетушки нагольный тулупъ, кожаныл рукавицы, смазныя сапоги и кумачный сарафанъ казались зачумленными вещами и

взглядъ ея на тѣхъ, кому судьба велѣла таскать на себѣ эти вещи, былъ лишенъ даже малѣйшихъ оттѣнковъ уваженія и состраданія. Если бы тетушка успѣла поселить во мнѣ свои понятія, то легко стать можетъ, что я бы до сихъ поръ вѣрилъ, будто и солнце должно свѣтить для господъ иначе, нежели оно свѣтитъ для простыхъ людей.

Впрочемъ, все это въ глазахъ моихъ возвышалось въ то время достоинство и важность тетушки и только теперь я сознаю, что тетушка имѣла на развитіе моихъ понятій отрицательное вліяніе. Много есть основательныхъ поводовъ такъ думать, но особенно мнѣ памятенъ одинъ случай, гдѣ тетушка съ невѣроятною запальчивостію и голосомъ, полнымъ убѣжденія, высказала мнѣ самыя нелѣпыя правила.

Дѣтъ около восьми, у меня явилась охота къ рисованью; не помню что я вообще любилъ пачкать, помню только, что какъ-то разъ мнѣ вздумалось нарисовать лошадь. Не сообразивъ ея размѣровъ съ лоскуткомъ бумаги, бывшемъ у меня подъ рукою, я нарисовалъ на немъ коня съ половиными только ногами, но поощренный няней, я былъ восторгѣ отъ моего произведенія и, такъ какъ отецъ мой чрезвычайно любилъ картины, на которыхъ были нарисованы лошади, то я не утерпѣлъ, чтобъ не побѣждать къ нему и не похвастаться передъ нимъ своимъ искусствомъ.

Я засталъ отца сидѣвшимъ на диванѣ въ глубокомъ раздумьи. Думать ему, какъ я узналъ послѣ, въ ту пору было о чемъ. Ему приходилось разсчитываться съ долгами, надѣванными въ молодости, а платить ихъ было печѣмъ; имѣніе было давно заложено, и ему уже грозила близкая продажа. Не обращая вниманія на задумчивость отца, я присталъ къ нему съ своимъ рисункомъ. Обыкновенно мой отецъ обходился со мною ласково, но на этотъ разъ, озабоченный своими дѣлами, онъ сказалъ мнѣ суровымъ голосомъ: ужъ присталъ бы кому съ чѣмънибудь хорошимъ, а то, посмотри, не умѣешь вовсе рисовать: когда же у лошади бываютъ такія короткія ноги, какъ у барана?

Я не посмѣлъ выразить отцу то неудовольствіе, которое онъ навеселъ моему художническому самолюбію, и съ затаѣннымъ стыдомъ возвратился въ дѣтскую. Тамъ я нашелъ Васюку, пришедшаго за чѣмъ-то отъ своей матери къ нянѣ. Я рѣшился по-дѣлиться съ няней своимъ горемъ и передалъ ей неудачную попытку моего хвастовства.

— Эхъ ты, баринъ, сказалъ Васька, смотря на рисунокъ. Большая-то бѣда, что у этого коня ноги-то коротки; пожалуй-ко сюда карандашъ.

Я далъ карандашъ Васькѣ; няня поправила очки и привстала съ мѣста, желая посмотреть, что будетъ дѣлать Васька.

— Вонъ, вышь, сказалъ онъ, марая чертами то мѣсто бумаги, гдѣ оканчивались лошадиныя ноги; у ней ноги какъ имъ и стать быть, да только не всѣ видны, потому что она стоитъ въ водѣ; а какъ выйдетъ оттуда, такъ и всѣ будутъ видны; да пусть только, добавилъ, смѣясь, Васька: — самъ-то старый баринъ вытащить теперь ее изъ воды.

Няня поправилась находчивость Васьки. — Ай да умникъ, что такъ придумалъ, сказала она, погладивъ его по головѣ: — ну, теперь иди къ матери и скажи ей, чтобъ она пришла сама.

Если я, при настоящихъ моихъ понятіяхъ, укоряю маленькаго Поцалуева за его бессмысленную храбрость и за его безславное нападеніе на мирнаго Ваську; если я порицаю его образъ мыслей касательно пути для достиженія генеральства, то я долженъ покаяться, что я еще болѣе виноватъ, чѣмъ онъ, передъ бѣднымъ Васькой; я вѣроломно похитилъ, я просто укралъ его догадку, плодъ его смыслености и воспользовался ею для удовлетворенія собственнаго своего тщеславія. Выждавъ время, когда отецъ мой былъ въ добромъ расположеніи духа, я подошелъ къ нему, показалъ ему рисунокъ, дополненный Васькой, и передалъ его замѣчаніе за свое собственное.

Отцу моему понравилась моя выдумка: онъ крѣпко поцаловалъ меня и написалъ своею рукою на краю лоскутка число, мѣсяцъ и годъ, когда я представилъ ему мое произведеніе; и, черезъ нѣсколько дней, оно, какъ обращикъ моей смѣтливости, весьма пріятной родительскому сердцу, было оправлено въ рамку за стекло и повѣшено на стѣнѣ въ кабинетъ моего отца.

Когда я теперь соображаю все это, то я вижу, что мною уже былъ сдѣланъ усилшій шагъ для будущности, предстоящей барченку; я вкусилъ, безъ малѣйшаго стыда, безъ малѣйшаго укора совѣсти, удовольствіе пользоваться чужимъ дѣломъ, выдавая его за свое собственное. Такая удача съ самаго дѣтства должна бы была, если бы не измѣнились благопріятствовавшія мнѣ обстоятельства, приготовить во мнѣ безсовѣстнаго хищника.

Школьникъ я могъ бы привыкать къ такому образу дѣйствій, потому что, будучи богаче многихъ изъ моихъ товарищей,

я былъ въ состояніи, воспріять разнаго рода дареній, получать отъ нихъ сочиненія, переводы и рѣшенія задачъ. На службѣ, такой способъ дѣйствія могъ бы развиться еще болѣе. Тамъ есть много чернорабочихъ; они дѣлали бы за меня все существенно необходимое, потому что меня, какъ образованнаго и свѣтскаго молодого человѣка, поставили бы на видное мѣсто, гдѣ не такъ трудно бываетъ загребать жаръ чужими руками. Если наконецъ я былъ бы крайне добросовѣстенъ, то я, пожалуй, уступалъ бы свое жалованье этимъ незамѣтнымъ рабочимъ, но за то ужъ труды ихъ по всей справедливости принадлежали бы мнѣ вполне; и ими бы я, при помощи покровительствованшаго мнѣ начальства, обращалъ на себя вниманіе высшаго, потому что дѣятельность по вѣренной мнѣ части была бы неразлучна съ моимъ именемъ. При такихъ условіяхъ, мнѣ легко бы было прослыть, несмотря на мою молодость, человѣкомъ дѣловымъ, способнымъ, свѣдушимъ, опытнымъ, старательнымъ, усидчивымъ, благонамѣреннымъ, полезнымъ и даже необходимымъ. Быть можетъ, въ добавокъ ко всему этому, у моего начальника подрастали дочери или сидѣли бы у него на шеѣ свояченицы, сестры, воспитанницы, плоды сердечныхъ завоеваній, короче — онъ бы имѣлъ на меня виды, и прочее. Его лестные отзывы о моихъ трудахъ и усердіи доставляли бы мнѣ то чинъ, то крестъ, то повышение по должности, и я быстро бы обгонялъ по службѣ тѣхъ, которые въ своей скромной долѣ не дерзали и сами со мной равняться, тѣхъ, которые безмолвно уступали мнѣ протоптанную ими дорогу и рады были довольствоваться нѣсколькими десятками рублей, которые я по своему великодушію предоставлялъ бы имъ сжемѣсячно, потому что деньги эти были бы для меня лишнія, а для нихъ были бы необходимы. Такимъ образомъ, я, на законномъ основаніи, выходилъ бы въ люди, за пользу, приносимую мною службѣ, и думалъ бы, какъ думаютъ Надимовы, что служба нуждается во мнѣ, а не я въ ней, потому что я не такъ, какъ другіе, которые добиваются отъ казны лишней копѣйки, я напротивъ самъ отступаю отъ слѣдующаго мнѣ по закону денежнаго вознагражденія, потому что отечеству нужно служить прежде всего безкорыстно.

Мало по малу, подавляя собою то тѣхъ, то другихъ, я взобрался бы на желанную верхушку, я взобрался бы туда, гдѣ мнѣ предстояла бы болѣе широкая и болѣе самостоятельная дѣ-

тельность. Я звалъ бы наконецъ туда, гдѣ бы могъ, сколько нибудь угодно, пользоваться и чужими трудами и чужими способностями, то за мое милостивое слово, то за изъясненіе моей признательности, то за обѣщаніе моего покровительства. Не привыкнуши никогда заниматься самъ дѣлами службы усидчиво, я былъ бы однако на высокой должности администраторомъ, исполненнымъ кипучей дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ человекомъ для службы не бесполезнымъ: я собралъ бы около себя людей способныхъ и работающихъ; это вовсе не такъ трудно, какъ иногда кажется съ перваго разу. Способнымъ честолюбцамъ я обѣщалъ бы знаки отличія и высшія должности; нуждающимся труженикамъ сулилъ бы денежныя награды, единовременныя пособія, столовыя и квартирныя деньги, а также подарки по чину; людей тщеславныхъ, хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ по ихъ породѣ я и не признавалъ бы достойными моего собесѣдничества, допустилъ бы однако въ свое общество, соблюдая между тѣмъ необходимыя оттънки въ приемахъ и приглашеніяхъ, какъ сообразность ихъ родовымъ значеніемъ, такъ равно и съ ихъ образованностію, ловкостью и даже способностью къ танцамъ. Такъ одни только бы у меня обѣдали, для того, чтобы я могъ послѣ обѣда поговорить съ ними, о чемъ мнѣ нужно, наединѣ, будто бы стороною; изъ нихъ-то я выбиралъ бы все, что мнѣ годилось для службы и тѣмъ бы я могъ обнаружить мою служебную опытность. Другихъ бы я звалъ только въ тѣ дни, когда у меня танцуютъ, этимъ бы я удовлетворялъ ихъ тщеславію являться въ моемъ обществѣ, а они бы въ свою очередь поднимали у меня на вечерахъ засиживающихся дочерей тѣхъ особъ, которыя мнѣ почему либо были нужны, а на службѣ, съ молодыми и неутомленными силами, они составляли бы для меня разные проэекты; ихъ, конечно не всѣ, но нѣкоторые, — я выдавалъ бы за свои собственные. Съ третьими, работавшими для меня усердно изъ чести приближаться ко мнѣ, я игралъ бы въ карты; но, считая ихъ все-таки людьми не одного со мною общества, я никогда бы ни о чемъ не разговаривалъ съ ними; за то они, за оказываемую мнѣ мною честь, должны бы были работать для меня съ обновленнымъ усердіемъ. Наконецъ я нашелъ бы еще много способовъ, оттънковъ и увертокъ, чтобы заманивать подъ свое начальство людей мнѣ нужныхъ. Конечно, въ сроки представленій къ наградамъ, во мнѣ бы происходила большая борьба, но вовсе не потому, что бы я не хотѣлъ награждать своихъ подчиненныхъ, а потому что

мому самолюбію было бы неприятно засвидѣтельствовать передъ высшимъ лицомъ, что не я одинъ все дѣлаю, но что мнѣ помогаютъ другіе. Впрочемъ, мнѣ кажется, я тутъ бы нашелся: я имѣлъ бы при себѣ трехъ или четырехъ шаркуновъ, ровно ничего не дѣлающихъ и включилъ бы и ихъ въ представленіе къ наградамъ, показывая этимъ самымъ работающей братиѣ, что я отличаю васъ, господа, вовсе не за ваши труды, какъ вы думаете, — труды ваши мнѣ вовсе не нужны, а дѣлаю это потому, что мнѣ такъ задумалось; посмотрите, вѣдь, рядомъ съ вами стоятъ же и такіе, которые положительно ничего не дѣлаютъ. Само собою разумѣется, что эти господа, отличившіеся за кампанію съ другими, были бы людьми почему нибудь мнѣ близкими. Мое особое къ нимъ вниманіе основывалось бы, напримѣръ, на томъ, что съ отцомъ одного изъ нихъ я росъ въ дѣтствѣ, за другою просила княгиня Софія Николаевна, третій приходился мнѣ родственникомъ.... и такъ далѣе.

Конечно, я не упускалъ бы громко кричать о трудности найти людей способныхъ для службы, горячился на каждомъ шагѣ, твердилъ бы, при каждомъ удобномъ случаѣ, что заваленъ дѣлами, просилъ бы всѣхъ и каждого знакомить меня съ людьми благонамѣренными, способными, надежными. Но что дѣлать? Обстоятельства мои сложились иначе, и я, не смотря на первую мою удачную попытку воспользоваться трудомъ Васьки, вскорѣ увидѣлъ, что попытка эта осталась мнѣ въ позоръ и что еслибы не хитросплетеніе тетушки Катерины Григорьевны, смотрѣвшей на все съ особой точки зрѣнія, то я долгое время не рѣшился бы взглянуть прямо никому въ глаза.

Однажды вечеромъ собрались вѣстѣ мой отецъ, мать и тетушка Катерина Григорьевна; пришелъ также и я съ няней. Няня сѣла на стулъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ господъ и стала мотать пятки, которыя я, стоя передъ нею, держалъ на рукахъ. Между отцомъ, матерью и теткой зашелъ разговоръ о нашей дворнѣ и коснулся того, какое назначеніе дать каждому и каждой изъ возрастающаго ея поколѣнія. При помощи тетушкиныхъ мѣтній, многія статьи этого вопроса были рѣшены очень скоро. Митька былъ назначенъ въ фореиторы, Акулька въ кружевницы, Польша въ портнихи, Ванька въ кузнецы, Прошка для компанной услуги, и такъ далѣе. Наконецъ дѣло дошло и до Васьки. Тетушка не утерпѣла, чтобы не выразить при этомъ случаѣ всю свою нелюбовь къ этому бѣднягѣ.

— Ты, братецъ, сказала она моему отцу: — послалъ бы его приучаться на скотный дворъ; въ домѣ держать его нельзя, — онъ такой противный; въ ученіе отдавать его не стѣитъ, онъ какой-то тупой дуракъ, какое-то безсмысленное созданіе, *c'est un vrai animal*, добавила тетушка, для большаго опредѣленія Васькиной личности.

— А онъ мнѣ такъ очень жалокъ, сказала моя мать: — онъ какой-то загнанный, забитый.

— Я какъ ни посмотрю въ окно, добавилъ отецъ: — онъ всегда торчитъ на дворѣ.

— Да кудажь ему прикажете дѣваться. Охъ, батюшка, сказала няня: — житье-то ему у отца и у матерн плохо; они колотятъ его за что ни попало; ужъ сколько разъ говорила я и Федору и Акулинѣ, что они изъ-за этого мальчишки только Господа Бога гнѣвять.

— Напрасно, нянюшка, ты заступаешься за него, сказала съ горячію тетушка Катерина Григорьевна: — онъ большой руки негодяй; я сама разъ видѣла, какъ онъ задѣлъ мою Маркизку, которая вовсе и не думала его трогать; она такая добрая, ласковая собачка; а онъ въ нее, ни съ того, ни съ другаго, сталъ швырять каменя; я думаю десятка два кинулъ; да если бы не выбѣжала Малашка, то онъ ее, пожалуй, и до смерти бы убилъ.

Хотя я очень хорошо зналъ невинность въ этомъ случаѣ Васьки, и хотя мнѣ было вполне извѣстно, что Васька въ этомъ случаѣ явился защитникомъ, а не обидчикомъ Маркизки; но я вовсе не считалъ пужнымъ вступаться за него и представлять дѣло въ истинномъ его видѣ. Вотъ еслибы такой наговоръ былъ сдѣланъ на Алешу Поцалуева, или на Митю Розгина, моихъ пріятелей, то оно было бы совсѣмъ другое дѣло; за нихъ бы я рѣшился поспорить съ тетушкой; а то, кстати ли было мнѣ заступаться за двороваго мальчишку, — что онъ мнѣ такое?

— Ахъ, сударыня Катерина Григорьевна, продолжала няня: — и барскія-то дѣти, за которыми во всѣ глаза смотрять, да и гѣ пошаливаютъ, на то матушка Богъ дѣтямъ ихъ возрастъ посылаетъ. А что, сударыня, Ваську Господь разумомъ не обидѣлъ, такъ позвольте доложить вамъ, матушка, что онъ куда какъ смышленъ. И въ подтвержденіе своихъ словъ, няня разсказала о находчивости Васьки, по поводу нарисованной мною лошади.

Я видѣлъ, что сдѣланный мною подлогъ открывался; я чувствовалъ, какъ меня всего обдавало то жаромъ, то холодомъ. Отецъ мнѣнующимъ взглядомъ посматривалъ на меня и наконецъ сказалъ строгимъ голосомъ:

— Ступай отсюда прочь, и вели сейчасъ же выбросить изъ моего кабинета твою лошадь. Отъ такого обманщика, какъ ты, я ничего не хочу имѣть на память....

Подавленный позоромъ, сдерживая слезы, я, молча, повиновался приказанію отца, который, узнавши подлогъ, сердился такъ, какъ будто бы онъ, вмѣсто Рафаэлева картопа, купилъ произведеніе суздальской живописи.

Но тяжесть этого урока скоро, при помощи тетушкиныхъ толкованій, скатилась съ меня, какъ съ гуся вода. Дня черезъ три послѣ этого случая, я пришелъ къ тетукѣ во флигель. У нея, въ то время, сидѣли два гостя, наши сосѣди, одинъ Арефій Захаровичъ Винтовкинъ, малодушный помѣщикъ и малодушный человекъ, вѣчно потакавшій тетукѣ изъ какой-то раболопной угодливости; другой — Семенъ Семенычъ Заболѣвъ, человекъ очень почтенный, но всегда молчаливый, и который однако, не смотря на свою молчаливость, напомнилъ мнѣ недавно всѣ тѣ обстоятельства, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

— Ну что, папа все еще на тебя сердится? спросила меня моя тетушка.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— *Viens ici, mon pauvre enfant*, сказала тетушка, подзывая меня къ себѣ. Она взяла меня рукою, приложенной къ подбородку, за обѣ щеки, приподняла ихъ, собрала ихъ какъ-то въ ладонь и поцаловала меня въ губы. — Конечно, лгать, продолжала тетушка: — особенно намъ, не хорошо; но ты бы еще разъ цовросилъ у папеньки прошеніе.

— Да, лгать, дѣйствительно не годится, замѣтилъ Винтовкинъ, пристально на меня посматривая съ выраженіемъ упрека, покачивая головою: — вы совершенно справедливо, Катерина Григорьевна, изволили замѣтить, продолжалъ онъ, обращаясь къ тетукѣ: — что особенно въ дворянскомъ званіи этотъ порокъ не похваленъ.

— *Savez-vous*, сказала тетушка; но вспомнивъ, что ни Винтовкинъ, ни Заболѣвъ ни полслова не понимаютъ пофранцузски, она прибѣгла къ родному языку и на немъ рассказала сво-

нѣ гостямъ о бывшемъ со мною случаѣ, и заключила свой рассказъ замѣчаніемъ: — не правда ли, что въ ребенкѣ это простиительно; это можно легко объяснить порывомъ самолюбія, а вѣдь, согласитесь, что самолюбіе благородное качество, особенно въ томъ кругѣ, которому принадлежитъ мы; но.... какъ бы вамъ сказать это точнѣе по русски.... *cela soutient l'esprit de votre corporation*, оно поддерживаетъ духъ нашего сословія. Безъ порывовъ самолюбія, намъ бы пришлось отказаться отъ многихъ, истинно благородныхъ подвиговъ; конечно, и мы не безъ грѣха; конечно, и мы иногда злоупотребляемъ этою страстью, но это не болѣе, какъ только случай!..

— Совершенно, совершенно справедливо, Катерина Григорьевна, поддакнулъ Винтовкинъ: — и вотъ еще на что наволѣте обратить ваше вниманіе: еслибъ Григорій Петровичъ такъ поступилъ съ своимъ товарищемъ, то это было бы очень дурно; но, вѣдь, мы сами знаете, что Васька его будущій слуга....

Во время этого разговора вошелъ мой отецъ. Тетушка захотѣла воспользоваться его приходомъ, чтобъ выпросить у него прощеніе.

— Вотъ, Пьеръ, сказала она: — мы сейчасъ говорили съ Арсѣемъ Захарычемъ о Гришминомъ рисункѣ. Нельзя же такъ строго взыскивать съ ребенка. Вы подавляете въ немъ этимъ самымъ *cette noblesse d'âme*; ты какъ будто равняешь его съ какими-то дрянными дворовыми мальчишкой. Въ благородномъ ребенкѣ, во всякомъ случаѣ, продолжала тетушка поучительнымъ голосомъ: — не надобно убивать врожденную честь, но напротивъ нужно прежде всего стараться поддержать ее; такого ребенка надобно исправлять всего болѣе лаской.

Отецъ мой, былъ человѣкъ чрезвычайно добраго сердца, но вовсе не обладалъ даромъ краснорѣчія. По влеченію сердца, онъ заступался за Ваську, сколько могъ; но онъ не былъ въ состояніи настойчиво и положительно оспаривать громкія тетушкины фразы. Между тѣмъ, встрѣтивъ въ отцѣ моемъ даже и слабое противорѣчіе своимъ нелѣпымъ мнѣніямъ, тетушка вышла изъ себя и, гнѣвно поглядывая на отца, послѣ чрезвычайной запутанности и неясности всей своей рѣчи, вдругъ спросила его рѣшительнымъ тономъ: *«ainsi, selon ton avis, un seigneur peut cirer ses bottes lui même»*, и обратившись къ своимъ гостямъ, она сказала имъ порусски: «вотъ, я спрашиваю Григорія Петровича, какъ онъ думаетъ, неужели, послѣ всего того, что я ска-

зала, можно допустить, чтобъ самъ пошвынчикъ исправлялъ черныя работы, можно позволить, чтобъ самъ баринъ, напримеръ, тонилъ нечи и чистилъ себя сапоги? Фи!

Надобно замѣтить, что такая мысль, какъ и множество другихъ ей подобныхъ, вдругъ, ни съ того ни съ другаго, озарала порою тетущку, которая обыкновенно, въ своихъ разглагольствіяхъ, безвременно мѣшала одинъ предметъ съ другимъ; она сама произвольно вводила въ свою рѣчь и положительные и отрицательныя мнѣнія, смотря по тому, какъ ей было угодно, не позволяя въ тоже время никому прерывать обильный потокъ ея краснорѣчія. Свои собственныя слова, вовсе не подкравшія къ дѣлу, тетущка толковала такъ, какъ она сама хотѣла, и извлекала изъ нихъ самыя невѣрные заключенія. Тетущка старалась, сколько могла, заглушить сущность предмета, о которомъ разсуждала, и потому отводила разговоръ, то въ ту, то въ другую сторону, и этимъ способомъ, ей такъ хорошо свойственнымъ, она совершенно путала и морочила своихъ слушателей.

Отецъ мой, Заболѣвъ и Винтовкинъ были поставлены въ тупикъ тетущкинымъ вопросомъ, хотя, впрочемъ, какъ замѣчено выше, во всѣхъ разсужденіяхъ Екатерины Григорьевны не было ни логической, ни нравственной связи между моимъ поступкомъ съ Васькой, поступкомъ, съ котораго началась рѣчь, и задачей, которую предложила для разрѣшенія моя тетка. Отецъ считалъ бесполезнымъ оспаривать тетку; онъ только прокуривалъ что-то про себя; Винтовкинъ, пользуясь уступчивостію моего отца, поддакнулъ тетущкѣ.

— Конечно, конечно, сказалъ онъ:— есть занятія и работы, которыя совершенно несовѣстны благородному званію.

Въ ту пору я былъ не только малъ и неразсудителенъ, но и слишкомъ пропитанъ понятіями, внушенными мнѣ, чтобъ рѣшиться противорѣчить вамъ, почтеннѣйшая тетущка. Вы забросали бы меня вашими бойкими, хотя болѣею частью и совершенно бессмысленными, французскими фразами. Вы бы такъ язвительно начали поглядывать на меня, вы бы такъ насмѣшливо стали покачивать головою, что я не имѣлъ бы силъости выговорить въ то время передъ вами ни одного слова. Но теперь, при воспоминаніи о моемъ дѣствіи, позвольте мнѣ хотя немного напомнить вамъ ваши ошибки и указать вамъ односторонность вашихъ воззрѣній.

Понятно, что если есть возможность раздѣломъ трудовъ,

сообразно съ способностями и навыкомъ окружающихъ насъ, доставить этимъ людямъ необходимыя для нихъ заработки, и если нѣтъ крайности самому за все приниматься, то самому барину отправлять такъ называемыя ваши черныя работы не кстати. Но однако это не кстати вовсе не потому, что никакъ вы говорите, *cela déroge à noblesse*, т. е. лишаетъ благородства, а потому только, что лучше каждому заниматься своимъ привычнымъ дѣломъ, не хватаясь за чужое.

Но черныя работы ни въ какомъ случаѣ «благородству» вредить не могутъ. Вы, тетушка, говорите не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ: у васъ есть свои столбовыя, обветшалыя понятія. По нашему, и даже, пожалуй, по общественному мнѣнію, рука, державшая когда нибудь колодку и сапожную щетку, или клавшая дрова въ печь, не должна и не можетъ быть, безъ стыда и ужаса, допущена въ хорошее общество, такая рука не должна и не можетъ прикоснуться на балѣ къ стройной талии какой нибудь блестящей благородной барыни или барышни; такая рука не должна и не можетъ ни собирать, ни тасовать, ни сдавать карты на ломберномъ вашемъ столѣ, украшенномъ затѣйливыми инкрустациями; такая рука не должна и не можетъ быть опорой гуляющей дамѣ и такой рукѣ не приходится держать за барскимъ обѣдомъ ни серебрянную вилку, ни серебрянный ножикъ, съ вычеканенными на нихъ гербаны. Все это должно показаться какъ-то смѣшно и неловко даже людямъ самымъ снисходительнымъ. И однако все это будетъ только вслѣдствіе привычнаго, условнаго взгляда на вещи, а не потому вовсе, чтобы такая рука была лишена «истиннаго» благородства.

Впрочемъ, какъ бы я ни толковалъ объ этомъ предметѣ, но все же вы, съ вашими понятіями, имѣете полное право придти въ негодованіе, увидѣвъ, что неблагородная рука нарушила общепринятые условія, осквернивая времена.

Но позвольте же, однако, спросить васъ, почтеннѣйшая тетушка, отчего вы не приходите въ негодованіе, видя, что рука извѣстнаго-вашь господина, положимъ Барабанова, такъ крѣпко обхватывается на великолѣнныхъ балахъ самыми маленькія талии; а между прочимъ, во одиному случаю, вы сами очень хорошо знаете, что эта рука, проигравши однажды въ банкъ около трехъ тысячъ рублей и не найдя средствъ уплатить ихъ ни наличными деньгами, ни займомъ, явилася къ старостѣ въ деревню; чтобы онъ,

пользуясь надеждою въ людяхъ, годныхъ для сдачи въ рекруты, нецелесообразно продать для рекрутскихъ квитанцій четырехъ самыхъ зажиточныхъ мужиковъ, если только они не пожелаютъ откупиться на волю за сумму, назначенную барокоюи, следовательно, благородною рукою Барабанова? Отчего, тетушка, вы съ такой пріятной улыбкой просите другаго господина, — положимъ Заровича, — собирать въ ералашъ ваши ваятки, тогда, какъ рука его, передающая вамъ и принимающая отъ васъ съ такою ловкостью атласныя карты, подписала заемное письмо, отъ котораго онъ въ послѣдствіи такъ безчестно отрекся? Отчего вы такъ охотно, во время вашихъ прогулокъ въ Павловскѣ, опираетесь на руку третьяго, также хорошо извѣстнаго вамъ господина Суталаева, составившаго самый угнетательный проектъ по одной весьма важной части? Вѣдь вамъ очень хорошо извѣстно, что онъ сдѣлалъ это въ пріятной надеждѣ отличиться своимъ изгнаннымъ воображеніемъ, и своею досужей мечтой, и своими самобытными взглядами, хотя и противнымъ духу времени. Позвольте же вообще спросить васъ, отчего вы, при видѣ всѣхъ этихъ рукъ, нравственно замаранныхъ, но силъ дѣйствующихъ въ нашемъ обществѣ, не только не приходите въ негодованіе, но находите, что эти грязныя руки совершенно уместны въ высшемъ, благородномъ кругу? На основаніи какихъ правъ, и на основаніи какихъ заразныхъ сужденій вы заключаете, что эти руки и подобныя имъ (а послѣднихъ есть даже у меня въ виду довольно благороднѣе тѣхъ рукъ, которыя чистили сапоги или топтали вѣш. Скажу вамъ, тетушка, напрямки, что покуда я самъ былъ когда-то подъ вліяніемъ вашихъ умоарѣній, я не могъ разрѣшить этого вопроса; но теперь онъ мнѣ уяснился; жаль только, что разрѣшеніе его должно занять слишкомъ много страницъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Разсказъ объ участи Васьки привелъ и меня къ отвлеченнымъ вопросамъ; но я радъ оставить ихъ въ сторонѣ и продолжать начатое мною повѣствованіе.

Назначеніе Васьки, не смотря на противорѣчіе тетушки, было болѣе почетное: онъ, вмѣсто скотнаго двора, попалъ на барскій, по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Отецъ Васьки, какъ я уже сказалъ прежде, любилъ иногда вынуть чрезъ нѣру. Для этого онъ уходилъ въ кабакъ, бывшій верстахъ въ трехъ отъ нашей усадьбы, и оттуда обыкновенно возвращался на другой день, съ значительными повреждені-

ли и въ кофѣ, и въ костяхъ, и въ одеждѣ, и въ волосахъ. Онъ былъ, какъ говорится, во хмѣлю непокоенъ, и потому не только не уступалъ никому изъ тѣхъ, кто его затрогивалъ, но нерѣдко и самъ задиралъ другихъ посѣтителей питейнаго дома; а кто наблюдалъ за тѣмъ, какъ наше простонародье проводить время около подобныхъ учреждений, тотъ, конечно, замѣтилъ, что для нашихъ мужиковъ бываетъ особенное удовольствіе — подзадорить двухъ выпившихъ товарищей такъ, чтобы они стали драться между собою. Послѣ этого, мало-по-малу, нѣкоторые зрители, еще довольно трезвые, начинаютъ дразнить и затрогивать одного изъ бойцевъ, конечно болѣе выпившаго и притомъ болѣе склоннаго къ ссорѣ; столпившіеся мальчишки также пристають къ нему и начинаютъ изподтишка то подергивать его за полы кафтана, то сбивать съ него шапку, то подставлять ему подножку. Затрогиваемый, выходя изъ терѣбня, начинаетъ ссориться и съ большими и съ малыми забіяками; это еще болѣе смѣшить и тѣхъ и другихъ, и они, какъ испанскіе торреадоры, еще пазойливѣе раздражаютъ свою добычу; тотъ въ свою очередь, не зная, что ему дѣлать, пристаётъ ко всѣмъ; его сперва отталкиваютъ легонько, какъ бы шутя; потомъ все посильнѣе, и наконецъ уже такъ, что онъ отъ каждаго оттолкновенія грохается на землю, при общемъ взрывѣ хохота. При новыхъ попыткахъ обижаемаго встать и отыскать забіякамъ, ему начинаютъ отпущать снова толчки и удары, особенно если ктонибудь ободрительно закричитъ изъ толпы: да что ты, Федька, зѣвасяшь—то,хвати-ко его хорошенько подъ бока, такъ и лѣзть къ тебѣ перестанетъ! Мало по малу при общемъ смѣхѣ, перемѣшанномъ съ бранью, дѣло доходитъ до того, что пять или шесть человекъ, не крѣпко еще выпившихъ, но болѣе другихъ задорныхъ, отдѣляются отъ толпы зрителей и начинаютъ ужъ не на шутку, а изъ всей мочи, колотить бѣднягу, котораго сами же они раздражили и вызвали на драку.

Въ одной изъ такихъ гимнастическихъ забавъ, пьяный Федоръ пострадалъ жестоко; въ особенности, какъ говорили послѣ, отъ ключника Агаѳона, къ которому онъ ревновалъ свою жену. Федоръ насилу вернулся домой; онъ прошелъ въ конюшню, весь избитый, безъ шапки, безъ армяка и съ оторваннымъ воротомъ рубашки. На другой день послѣ попойки и побоища, онъ уже не могъ встать, какъ онъ это дѣлывалъ обыкновенно прежде на другой день послѣ подобныхъ случаевъ, но лежалъ.

не шевелюсь. Онъ съ трудомъ переводилъ неровное дыханіе и постоянно жаловался на боль и колотье въ бокахъ, въ груди и въ поясницѣ. На третій день ему стало еще хуже, и онъ слабымъ голосомъ сталъ просить, чтобъ съѣздили за отцомъ Стефаномъ, говоря, что онъ желаетъ исповѣдаться и причаститься. Онъ хотѣлъ также, чтобъ къ нему позвали его жену и привели Ваську, и чтобъ попросили господъ придти къ нему, буде ихъ милости это непротивно. Такія желанія Федора показывали, что онъ собирается уже разстаться съ земною жизнью.

Когда пришли къ нему въ конюшню, гдѣ онъ лежалъ, мой отецъ и моя мать, онъ пытался привстать сколько могъ и силился схватить ихъ руки, чтобъ поцаловать.

— Простите, батюшка, говорилъ Федоръ, заливаясь слезами, простите, что я такъ часто гнѣвилъ васъ. Господь видитъ, что я крѣпко любилъ и васъ, и матушку нашу барыню; не покиньте же, милостивые, добрые господа, моего Ваську; онъ, послѣ меня, сиротой останется.

Отецъ и мать, несмотря на слабость Федора къ водкѣ, любили его за его безпредѣльную привязанность къ нимъ и за его доброе, безхитростное сердце. Они старались ободрить и утѣшить его, и общались взять въ домъ его Ваську. Между тѣмъ отецъ приказалъ ѣхать въ приходъ за отцомъ Стефаномъ и въ городъ за докторомъ. Последнее было напрасно.

На другой день, когда мы по утру сидѣли за чаемъ и съ нами былъ Поцалуевъ, пріѣхавшій къ намъ въ гости наканунѣ вечеромъ, вошелъ человекъ и сказалъ отцу, что его на минуту просить ключникъ. Отецъ вышелъ, но тотчасъ же пришелъ назадъ съ намернувшимися на глазахъ слезами.

— Представь себѣ, сказалъ онъ матери: — вѣдь бѣдный Федоръ умеръ, — жаль его! Мать перекрестилась; тетушка слѣзала тоже, только въ добавокъ вздохнула и проговорила: *rauivre homme!*

— Вотъ видишь, Петръ Григорьичъ, началъ Поцалуевъ: — я говорилъ тебѣ дѣло, припомни самъ. Если бы ты тогда меня послушалъ, да помѣнялся бы со мною, какъ я тебѣ предлагалъ, то есть, если бы ты отдалъ мнѣ Федора съ его женой, а я тебѣ далъ бы Федула съ его благовѣрной, то ничего бы этого не было. Я бы сумѣлъ его исправить. Талантъ нужно для этого, талантъ, почтеннѣйшій мой Петръ Григорьичъ. Не давай только ни потачки, ни спуску.

Мнѣ было жаль Ѳедора: это былъ первый случай смерти для меня уже сознательный, и потому смѣхъ Поцалуева какъ-то горько во мнѣ отозвался. Я подумалъ, какъ бы жутко было Ѳедору, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ попался къ Поцалуеву для нравственной передѣлки. Въ это время, въ моей памяти отчетливо ожили два случая, произведшіе во мнѣ сильное потрясеніе. Разъ какъ-то меня оставили гостить у Поцалуевыхъ. На другой день я всталъ очень рано и выбѣжалъ въ садъ. Лѣтнее утро было очаровательно; меня обдавало тою душевною свѣжестью, которая не только въ дѣтствѣ, но и въ зрѣлые годы навѣваетъ на человѣка какую-то игривую веселость и какую-то отрадную забывчивость. Ничто меня не тревожило, ни о чемъ я не думалъ, я хотѣлъ только свободно дышать и не могъ надышаться живительнымъ воздухомъ. Посмотрите кругомъ, какъ все чудно. Крупныя капли росы искрились на травѣ и, разноцвѣтно переливаясь, дрожали на листьяхъ и цвѣтахъ, по глади пруда катился бѣлыми кудрявыми клубами утренній туманъ, но не осенній туманъ, густой и тяжелый, а легкій паръ, предвѣстникъ ясной погоды. Птицы начинали чиликать и перекликаться все громче и громче; сперва покраснѣли, а потомъ зазолотились верхушки деревьевъ, которыя сами еще длинными темными тѣнями лежали на просыпающейся землѣ. Значитъ, хорошо было это утро, если, несмотря на то, что съ того времени минуло слишкомъ двадцать лѣтъ, я вспоминаю о немъ еще и теперь съ такимъ живымъ, непритворнымъ восторгомъ. Но какъ пріятно было мнѣ первое впечатлѣніе этого дня, такъ тяжелы были для меня послѣдующія его впечатлѣнія.

Я бѣгалъ по саду, когда услышалъ звонкій голосъ Алеши Поцалуева, который звалъ меня къ себѣ. Я поспѣшилъ на его зовъ, и мы столкнулись въ одной аллеѣ. Алеша показалъ мнѣ весь садъ, и изъ сада мы перешли во дворъ.

— Пойдемъ къ сараю, сказалъ мнѣ Алеша:—быть можетъ, теперь папаша тамъ кого нибудь сѣчетъ, такъ мы посмотримъ... Ты никогда еще не видалъ этого?

То время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, было, какъ видно изъ замѣчанія, прежде мною сдѣланнаго, давно, и потому по всей вѣроятности, не смотря на доброе сердце моего отца, и въ его вотчинѣ существовалъ тотъ способъ исправленія, на который приглашалъ меня посмотреть Алеша Поцалуевъ, и слѣдовательно вообще онъ не долженъ бы быть рѣдкостью для того, кто

росъ въ ту пору въ деревнѣ. Но надобно полагать, что въ нашемъ имѣніи этотъ способъ взысканія исполнялся гдѣ нибудь въ сторонѣ, и что по этому я не имѣлъ еще случая посмотреть на эту патріархальную расправу. Вслѣдствіе такого невѣдѣнія, слова Алеши возбуждали во мнѣ сильное любопытство, и я пошелъ за нимъ (*).

Подходя къ растворенному сараю, я сталъ слышать неясные крики и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ какое-то удушающее замираніе сердца и какую-то лихорадочную дрожь въ колѣнахъ. Я не хотѣлъ было идти далѣе, но маленький Поцалуевъ потащилъ меня къ сараю за рукавъ моей рубашки.

—Иди сюда, и вотъ посмотри отсюда, говорилъ онъ мнѣ, указывая рукою на продольную щель, образовавшуюся между широкими петлями отворенныхъ воротъ.—Стоять тутъ было дѣйствительно удобно: ворота были распахнуты и, слѣдовательно, за ними легко было спрятаться, а щель, бывшая между краемъ воротъ и стѣною сарая, позволяла видѣть все, что происходило внутри послѣдняго.

Тамъ, прежде всего, мнѣ бросился въ глаза Поцалуевъ, въ своей синей венгеркѣ съ черными шелковыми шиурками. Непріятное его лицо показалось мнѣ еще гаже отъ той злобы, которую оно выражало. Онъ держалъ во рту небольшой плетеный волосяной чубукъ съ большою пенковою трубкой. Близъ Поцалуева стояла бѣлая скамейка, и на ней, судорожно изгибаясь, ворочался кучеръ Поцалуевыхъ, Оедулъ; четыре человѣка крѣпко придерживали его; двое стоявшихъ по бокамъ попеременно стегали его розгами, которыя цѣлой грудой были навалены на

(*) «Когда благотѣльное, мудрое и попечительное правительство, проницая заботливымъ окомъ, устроившіяся у насъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, нашло недостаточность въ опредѣленіи степени домашней управы въ законоположеніяхъ (ибо отъ того происходили нѣкоторыя неточности), то постановило ясныя по сему предмету правила. Къ такимъ мудрымъ дѣйствіямъ правительства присоединилось еще развитіе просвѣщенія, и несомненно, что личности, Поцалуевымъ подобныя, въ отечествѣ нашемъ исчезли. Впрочемъ, если таковыя и въ прежнія времена у насъ являлись, то сіи явленія парканіемъ почетному званію помѣщика вообще быть не могутъ, поскольку купно съ ними проживали и особы въ родѣ Розгиныхъ, на коихъ человѣчество всегда могло остановить свой взоръ съ неспритворнымъ умиленіемъ, какъ на истинныхъ отцахъ и благотворителяхъ людей, въ ихъ попечительности состоявшихъ». Замѣчаніе это въ запискахъ Охотовскаго сдѣлано однимъ весьма ученымъ и почтеннымъ деревенскимъ старожиломъ; мы надѣемся, что и записки этого достойнаго лица лягутъ въ скоромъ времени въ печать.

волу по сторонамъ скамейки и у ногъ Поцалуева. Четыре человека были зрителями для примѣра, или только находились въ сараѣ на случай особенной надобности.

Я хотѣлъ отскочить отъ воротъ сарая, но Алеша, придерживая сзади, не пускалъ меня, говоря: «ничего, ничего, не бойся, только смотри». Видно было, что онъ уже совершенно свыкся съ подобными зрѣлищами.

Между тѣмъ Оедулъ покорнымъ, умоляющимъ голосомъ говорилъ: — батюшка-баринъ, помилуй! умилосердись надо мною, отецъ родной, заставь вѣчно Богу молить за тебя; виновать, батюшка.... вижу кормилецъ, что выповать, вижу, что согрѣшилъ, но отпусти же мнѣ вину мою; прикажи, голубчикъ, кончить! Во время такой тихой рѣчи Оедула хлестъ розогъ раздавался еще явственнѣе.

— Я тебѣ дамъ отпа роднаго, я тебѣ дамъ голубчика, говорилъ спокойнымъ голосомъ Поцалуевъ, вынимая чубукъ изъ рта; и, выплевывая слюну на полъ, онъ медленно затиралъ ее ногою. — Я тебѣ, братъ, дамъ такого батюшку, что ты у меня вѣкъ его не забудешь.... я тебя научу. Ну, ну, вдругъ громко вскрикнулъ Поцалуевъ: — чего жалѣете? Ты что сталъ, Степка? Смотри у меня! Наконецъ Поцалуевъ удовлетворился. — Довольно, сказалъ онъ отрывисто; спустить его...

Но при этихъ словахъ, онъ подошелъ къ Степкѣ и ударилъ его по лицу чубукомъ.

— А ты, каналья, закричалъ онъ Степкѣ: — ты слушай, когда тебѣ приказываютъ; а то я тебя самого велю тутъ же разложить.

Степка затрясся, какъ осиновый листъ. Люди же, расправлявшіеся съ Оедуломъ, бросились поднимать разлетѣвшіеся отъ удара по Степкѣ части чубука и мундштука, и на перерывъ спѣшили подать ихъ Поцалуеву, который однако не обращалъ на эту терпеливость никакого вниманія; онъ быстро обернулся и, покручивая свои усы, пошелъ изъ сарая.

Слѣдомъ за нимъ, таща пучки розогъ подъ мышками, вывалила изъ сарая и вся бывшая тамъ ватага. Поцалуевъ пошелъ направо, люди его взяли налѣво. Но едва Поцалуевъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ онъ, какъ будто вспоминая что-то, обернулся назадъ и громко закричалъ вслѣдъ уходившей прислугѣ: ей ты, Петрушка! Всѣ люди въ одинъ мигъ оста-

новилась, точно вкопанные, но только одинъ отдѣлился изъ толпы и кинулся было къ Поцалуеву.

— Бѣжать ко мнѣ не нужно, кричалъ Поцалуевъ, грозя Петрушкѣ указательнымъ пальцемъ: — я хотѣлъ только напomenить тебѣ, что завтра съ тобой будетъ расправа...

При этихъ словахъ, Поцалуевъ повернулся и пошелъ къ себѣ домой твердыми, ровными шагами, а у малаго, къ которому относилась барская угроза, какъ будто подкопились колѣна и опустились руки. Онъ стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ неподвижно нѣсколько времени; потомъ вдругъ выпрямился во весь ростъ, съ какимъ-то отчаяніемъ махнулъ рукою и презрительно плюновъ вслѣдъ Поцалуеву, тихо пошелъ къ поджидавшимъ его товарищамъ.

Я весь дрожалъ; мнѣ казалось, что вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, Поцалуевъ велитъ и меня затащить въ сарай и тамъ расправится со мною по-своему.

— А что? спросилъ я у Алеши: — твой папаша не сердится зато, что ты приходишь сюда смотрѣть?

— Нисколько, отвѣчалъ Поцалуевъ: — онъ еще улыбнется, потреплетъ меня по плечу или по головѣ, да скажетъ: а ты, плутишка, тоже пришелъ сюда посмотрѣть! — Слыша жалобные крики Оедула и видя, какъ онъ изнемогалъ отъ страданья, я чувствовалъ, что вся кровь волновалась во мнѣ, я чувствовалъ, что она вдругъ то приступить къ головѣ, то вдругъ отхлынетъ къ пяткамъ, то вдругъ будто захочетъ разорвать сердце; руки и ноги у меня дрожали, то отъ страха, то отъ злобы на Поцалуева; зубы у меня стучали, какъ въ лихорадкѣ; голосъ замиралъ; я сознавалъ вполнѣ свое безсиліе, и между тѣмъ, не смотря на это, мысленно порывался кинуться въ сарай, за тѣмъ, чтобъ или освободить Оедула, или чтобъ, схвативъ колѣна Поцалуева, со слезами, цалуя его руки и ноги, умолять, чтобъ онъ пощадилъ Оедула. Но робость не позволяла мнѣ сдѣлать первое, а ложный стыдъ заступиться за того, кого имѣють право такъ позорно наказывать, и покорность предъ Поцалуевымъ людей, несравненно сильнѣйшихъ, чѣмъ я, удерживали мои благородные порывы....

Спустя немного времени, вышелъ изъ сарая Оедулъ тихими шагами, безсознательно застѣгивая воротъ рубашки. Онъ шелъ, понуривъ голову, и, сошедши съ деревяннаго ската, который спускался отъ воротъ сарая, нагнулся, чтобы поднять какой-то, попавшійся ему подъ ногу, камешекъ; онъ взялъ этотъ камешекъ

въ руки и сталъ разсматривать его, медленно идя въ людскую. Я слышалъ, какъ безпокойно застучало мое сердце, при выхождѣ изъ сарая бѣднаго Оедула; у меня было съ собою нѣсколько новыхъ пятачковъ, собранныхъ мною въ разное время; я хотѣлъ было побѣжать за Оедуломъ и подать ему ихъ, чтобы хоть нѣсколько утѣшить его; но опять какой-то ложный стыдъ удержалъ меня и отъ этого безотчетнаго движенія, такъ свойственнаго еще не закрутившемуся сердцу, которое при видѣ чужаго горя, съ живою радостью хватается за все, чтобъ только утѣшить горемыку.

Впрочемъ, я думаю, что два, три, ну, наконецъ, четыре подобныхъ зрѣлища, немного власти надъ самимъ собою съ моей стороны, насмѣшки и ободренія маленькаго Попазуева и наконецъ ласковый привѣтъ его отца, ослабили бы во мнѣ и прежній трепетъ сердца, и лихорадочную дрожь колѣнъ, и замираніе голоса, и задушили бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, во мнѣ эти первые порывы справедливаго негодованія; я сталъ бы, мало по малу, грубѣть, сталъ бы, по немногу, привыкать къ чужимъ страданьямъ, и начиналъ бы видѣть въ нихъ необходимое и вѣрное средство, если не для моего счастья и блаженства, то, по крайней мѣрѣ, для моего спокойствія и удовлетворенія моего гнѣва.

Впоследствии, когда бы я самъ получилъ власть, то слѣпое повиновеніе тѣхъ, которые, съ такимъ безкорыстнымъ, повиновѣніемъ, усердіемъ, спѣшили исполнять мою грозную волю, все болѣе и болѣе удостовѣряло бы меня въ правотѣ моего дѣла и въ благости моихъ распоряженій, хотя бы съ виду и жестокихъ.

Скоро такіа убѣжденія сдѣлались бы моими задушевыми вѣрованіями, сдѣлались бы цѣлью моей дѣятельности.

Но кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на меня дѣйствіемъ, видѣннымъ мною въ сараѣ, и страдальческою личностію Оедула, и вся остальная обстановка этого событія возмутила мое сердце, еще слишкомъ мягкое въ ту пору.

Надобно сказать, что въ то время, когда я и маленькій Попазуевъ заглядывали въ сарай на производившуюся тамъ расправу, въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленія стояла молодая еще, одѣтая въ лохмотья, баба; она, закрывши лицо обѣими руками, громко всхлипывала. Подлѣ нея, крѣпко къ ней прижимаясь, стояла босая, въ одной ветхой рубашонкѣ, дѣвчонка лѣтъ шестъ. Дѣвчонка эта, смотря потому, громче или тише кричала Оедулъ въ сараѣ, то ревѣла во все горло, то молча, горько пла-

нала, вытирая запущенные от слез глаза концами грубого передника, который был надѣтъ на стоявшей около нея женщины. Женщина, какъ и узнавъ отъ Алеши, была жена несчастнаго Федула, а маленькая дѣвочка была ихъ дочь.

— А знаешь ли, что онъ сдѣлалъ? Вообрази, онъ опрокинулъ коляску, въ которой сидѣла маменька. Мамаша такъ испугалась, что ей тутъ же разстегнули платье, начали прыскать въ лицо водой, да и людей стали изъ деревни звать на помощь. А видишь, не смотря на все это, мой папаша какой добрый: вѣдь онъ его простилъ; въ солдаты не отдалъ, а только высѣкъ.

— Ну, а Петрушку за что же будутъ завтра наказывать? спросилъ я.

— А вотъ видишь за что. Онъ назначенъ недавно въ форрейторы, а когда спускались лошади съ горы, то онъ долженъ былъ сдерживать ихъ; вотъ такъ, смотри, — и Алеша, сжавши кулакъ, какъ будто въ этомъ кулакѣ была уздечка, сталъ показывать, какъ долженъ былъ дѣйствовать Петрушка, чтобы не давать лошадямъ шибко спускаться въ гору. — Ну, а онъ этого вѣрно не сдѣлалъ, добавилъ Алеша: — такъ ему теперь за это и достанется, чтобы онъ зналъ впередъ, для чего его сажаютъ форрейторомъ.

Я было повѣрилъ словамъ Алеши, и Поцалуевъ показался мнѣ ужъ скорѣе добрымъ, чѣмъ злымъ человѣкомъ: до такой степени дѣтское сердце ищетъ въ каждомъ всего хорошаго. Но, спустя немного времени, когда я стоялъ на крыльцѣ Поцалуевского дома, я услышалъ слѣдующій разговоръ.

— Ну, ну, полно Мартемьяновна, что намъ съ тобой толковать объ этомъ. Вѣдь есть же надъ нами барская воля, такъ и подно; а какъ примемся мы сами, холопы, разсуждать, такъ глядишь въ чемъ и никакого порядку не будетъ. Ну, полно же хныкать, говорю тебѣ, полно.

Это были слова коновала Алексѣя, утѣшавшаго Мартемьяновну, жену Федула въ томъ горѣ, которое она въ этотъ день потерпѣла, мучась за своего мужа. Алексѣй былъ человѣкъ чрезвычайно мягкій, но ужъ слишкомъ не далекій, даже и въ своемъ тѣсномъ быту.

— Хорошо такъ говорить, Егорычъ, хорошо; да вѣдь — случай то этотъ совсѣмъ не той руки. Оно, конечно, кто мѣшаетъ? пусть насъ накажутъ, да только за дѣло; а то, вѣдь, тутъ передъ выѣздомъ самъ же Федулъ пришелъ ко мнѣ, да и говорить

нѣ такъ: ну, жена, что нѣ дѣлать? ходилъ, молю, я и къ баринѣ, докладывать его милости, что сѣраго съ гнѣдымъ въ одну пару впредъ нельзя; на горѣ-то, молю, говорю я, спускъ и безъ того больно крутъ, да теперь, какъ его дождемъ поразмылю, такъ онъ сталъ куда какъ склизокъ; того, молю, и гляди, что лошади, непривычныя къ парной ѣздѣ, подхватятъ, да и разнесутъ. Вѣдь, молю, говоритъ мнѣ Оедуль, и самому то мнѣ шеею ломать не охота; оно не о двухъ и самъ головахъ, а какъ съ господами-то, а особенно съ нашей барыней поѣдешь, такъ только борони Богъ. Чувствуется, говорилъ мнѣ Оедуль, что, дескать, не сдержатъ мнѣ гнѣдаго. А баринъ то, какъ думаешь, что ему на это? Да баринъ говоритъ ему на это: ахъ ты такой, сякой, пошелъ вонъ, да и дѣлай то, что тебѣ приказываютъ, а разсуждать о моей волѣ не смѣй: не воленъ ты, молю, въ этомъ; я и самъ все знаю лучше, тѣмъ ты, сиволапая тварь. Ну, и чтожъ? Вѣстимо дѣло, коль приказано, такъ и запрегъ,—и выѣхалъ-то онъ мой, кормилецъ, продолжала Мартемьяновна, глотая слезы, все охая да вздыхая:—снялъ шапку за воротами, перекрестился на всѣ стороны, да гдѣ жъ ему было сдержать-то? Известное, знать, дѣло: лошади молодыя, горячія, фалеторъ-то мальчишка, трусливъ, въ всего-то третій разъ съ господами ѣхалъ. Ну вотъ лошади и подхватили, да вѣдь правду-то сказать и не опрокинулъ-то ихъ вовсе Оедуль, а такъ только коляска на бокъ погнулась, а барыня-то испугалась; ну, и ахти, ни жива, ни мертва. Ну, Оедуль, куда ужъ ему не шло, да онъ хоть оттерпѣлся; а вотъ завтра, такъ бѣдному Петрухѣ достанется; ужъ переберетъ же онъ его не хуже, чѣмъ сегодня Оедула; слышала я, какъ онъ на него зубы точить. А никакъ завтра еще Петруха именинникъ; вотъ тебѣ и день праздничный, вотъ тебѣ и радость именинная! Господи, Господи, что ты будешь толковать съ нашимъ баринномъ?

— Знаю, матушка Мартемьяновна, знаю, все очень хорошо знаю, вѣдь и рѣчь-то вся, о которой ты теперь толкуешь со мной, вся шла при моемъ лицѣ; я былъ въ наличности. Я и самъ; было, отважился доложить баринѣ, что лучше бы еще подождать, не впрягать гнѣдаго: больно, молю, заносить, говорю я. Такъ нѣтъ, куда тебѣ, расходился такъ, что ужъ я думалъ: ну, мой послѣдній часъ въ гнѣвѣ Божіемъ пришелъ. Скажу тебѣ, кума, какъ ты сама сказала: что же намъ съ нимъ дѣлать? Доля — то наша, Мартемьяновна, такая доля.... Тебѣ,

кажись, добавилъ добрымъ голосомъ Егорычъ: — вчера ну-женъ былъ пятиалтынный, такъ онъ у меня теперь есть; возьми его, если тебѣ надо, а когда у тебя будутъ, Богъ дастъ, деньжонки, да и мнѣ самому онъ понадобится, такъ ты мнѣ тогда этотъ пятиалтынный и отдашь; а то не торопись. Да не плачь же, баба, не плачь, говорилъ Егорычъ Прасковья, которая снова расплакалась! — вѣдь знаешь, что ревомъ не поможешь. Полно же, говорю тебѣ, кума, полно нюнить, да рюнить!

Но всѣ эти тяжелыя ощущенія начали постепенно во мнѣ ослабѣвать подъ вліяніемъ радостнаго лѣтняго дня. Послѣ обѣда заложили огромную, старинную линейку, и вся многочисленная семья Поцалуева, гувернеръ, гувернантка, онъ самъ и его жена поѣхали верстъ за семь пять чай. Я также отправился съ ними. Въ лѣсномъ просторѣ мнѣ стало весело и привольно, и я совершенно забылъ о томъ, что я нахожусь вблизи человѣка, который, нѣсколько часовъ тому назадъ, вселялъ въ меня къ нему такое сильное отвращеніе и который заставлялъ меня трепетать отъ его жестокости. Мы бѣгали, смѣялись и играли, и наконецъ, въ прекрасныя лѣтнія сумерки, отправились домой.

Я думаю, что мы не успѣли сдѣлать еще и одной изворотки всей дороги, какъ вдругъ увидѣли, что на встрѣчу къ намъ поѣдетъ во весь опоръ верховой изъ Куязевки, Поцалуевской усадьбы. Поцалуевъ приказалъ остановить линейку. Верховой, поровнявшись съ нами, изо всей силы осадилъ свою лошадь, соскочилъ съ нее и, совершенно растерявшись, показывалъ Поцалуеву знаками, чтобъ онъ сошелъ съ линейки и подошелъ къ нему. Такое дерзкое обхожденіе слуги съ Поцалуевымъ предвѣщало что-то необыкновенное. Поцалуевъ соскочилъ одномоментно съ линейки, и подбѣжалъ къ верховому, который началъ шептаться ему что-то на ухо. Поцалуевъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно.

— Поѣзжай какъ можно тише, сказалъ онъ кучеру, въ раздумьи садясь на линейку. Верховой поскакалъ впередъ и вскорѣ совершенно исчезъ изъ виду.

Кучеръ тронулся.

— Тише, говорятъ тебѣ тише, слышишь не торопись, кричалъ Поцалуевъ кучеру, который старался сдерживать лошадей сколько могъ. Между тѣмъ жена Поцалуева съ безпокойнымъ видомъ поминутно спрашивала мужа, что такое у нихъ случилось въ домѣ.

— Ничего, успокойся, все вздоръ, говорилъ ей Поцалуевъ: — у насъ всегда изъ какихъ нибудь пустяковъ, Богъ знаетъ что сдѣлають... Но говоря это, Поцалуевъ пожималъ съ удивленіемъ плечами; по временамъ онъ какъ будто вздрагивалъ и шепталъ что-то себѣ подъ носъ. Какъ мы тихо ни ѣхали, но все же наконецъ должны были пріѣхать въ Кувязево. Толпа народа стояла на барскомъ дворѣ, и вся она, при нашемъ появленіи, почтительно сняла шапки.

— Прочь отсюда, мерзавцы! вотъ я васъ! чего вы тутъ, ротозѣи, не выдали, закричалъ сердито Поцалуевъ, соскакивая съ ливейки. Слова его навели страхъ, и всѣ; большіе и малые, и мужики и бабы, бывшіе на господскомъ дворѣ, пустились за ворота, въ разсыпную, со всѣхъ ногъ; а самъ Поцалуевъ почти бѣгомъ пошелъ въ сарай, въ которомъ онъ рано утромъ распрямился съ Ѳеодуломъ.

Мы всѣ, — насъ большіхъ и малыхъ было человѣкъ двѣнадцать, — не входили въ домъ, но остановились на дворѣ и, спершись въ плотную кучку, съ любопытствомъ посматривали на сарай, куда вошелъ одинъ только Поцалуевъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вышелъ оттуда еще блѣднѣе, чѣмъ прежде. Медленно онъ подошелъ къ женѣ и, размахнувъ руками и пожавъ плечами, сказалъ ей: ну, что станешь дѣлать съ этими негодиями? вѣдь шельма Петрушка повѣсился въ сараѣ.

Я вспомнилъ все, что видѣлъ и что слышалъ утромъ, и мнѣ стало невыносимо оставаться въ домѣ Поцалуева; поэтому я былъ очень радъ, когда онъ приказалъ перезаложить лошадей и отправилъ къ намъ свою жену и всю семью, чтобъ онѣ пробыли у насъ въ гостяхъ, покуда не произведутъ слѣдствія и не похоронятъ Петра.

Между тѣмъ, покуда я, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, дѣлалъ разныя соображенія о той участи, которой неминуемо бы подвергся покойникъ Ѳеодоръ, при переходѣ подъ заботливую власть Поцалуева, мой отецъ, мать и тетка разговаривали на тему о смерти и о загробной жизни. Въ это время дверь въ столовую, гдѣ мы пили обыкновенно чай, пріотворилась и изъ-за двери высунулась сѣдая борода нашего домашняго столяра, Гаврилыча. Гаврилычъ скорѣе столяръ-любитель, чѣмъ столяръ-ремесленникъ; стругать и обтачивать дерево, пилить доски, склеивать и сколачивать ихъ, было для него истиннымъ наслажденіемъ. Онъ съ одинаковымъ усердіемъ, тщательностію

и удовольствіемъ дѣлалъ и шкатулку для золотыхъ и серебряныхъ вещей, и простые ящики для свѣчъ, и съ равною охотою тесалъ кресты на могилы. Теперь для его искусства представляется довольно рѣдкій случай: нужно было сколотить гробъ для Ѳедора.

— Чтѣ скажешь, Гаврилычъ? спросилъ его мой отецъ.

— Да вотъ, къ вашей милости пришелъ, отвѣчалъ Гаврилычъ, входя немного въ комнату и вѣсьмъ, по очереди, низко кланяясь:—вотъ, батюшка, Агаѳонъ нехочетъ давать хорошихъ досокъ на гробъ Ѳедору, а суетъ мнѣ какую-то дрянъ, никуда негодящуюся: все съ сучками, да съ горбылями.

Въ это время пзъ-за плеча Гаврилыча появился Агаѳонъ.

— Чтѣжь, или тебѣ жаль досокъ, сказалъ ему отецъ:—отчего не отпускаешь ихъ, когда нужно.

— Изволите видѣть, сударь, сказалъ, откашливаясь Агаѳонъ:—тѣ доски, которыя онъ отъ меня требуетъ, стать можетъ, понадобятся для полокъ въ кладовую; доски то тѣ больно здоровыя, соснякъ важный; а на гробъ-то Ѳедору и еловыя будутъ хороши.

— Ну, ну, сказалъ отецъ:—не люблю я, когда ко мнѣ со всякими вздорами лѣзутъ; ступай и сейчасъ дай Гаврилычу столько хорошихъ досокъ, сколько ему нужно, а для полокъ велишь напилить новыхъ.

— Воля ваша, отвѣчалъ Агаѳонъ, никогда не любившій покойника Ѳедора:— а по моему и тѣ были бы для Ѳедора гожи..

— Чтѣжь тутъ толкуешь еще, замѣтилъ сердито Гаврилычъ:— да развѣ Ѳедоръ-то былъ плохой барскій слуга; вѣдь, послѣднее дѣло ему дѣлаемъ, такъ знаешь, гробъ-то ему нужно сколотить хорошій.

— Э, братъ, полно, сказалъ Поцалуевъ, подтрунивая надъ добрымъ Гаврилычемъ:—ничего, и въ плохой ляжетъ; да развѣ у насъ Муромскіе лѣса, что ты такой сталъ разборчивый на доски? И плохихъ-то для тебя и для Ѳедора у насъ немного.

— Оно вѣстимо, сударь, все такъ, правду изволите говорить; да вѣдь и господа-то наши своего вѣрнаго слугу помнятъ и, чай, досокъ для него не пожалѣютъ.

Наконецъ дѣло о доскахъ совершенно было рѣшено въ пользу Гаврилыча.

Вотъ, думаю я теперь, почти на моихъ глазахъ была окончена жизнь чловѣка, такъ скоро, такъ неожиданно. Впрочемъ

какая же это жизнь? Развѣ можно назвать жизнью, хотя бы и длинный рядъ безсознательно прожитыхъ дней, по которымъ проходили, несмѣняющейся чередой, и горе и лишения; что за жизнь, когда въ ней не было полной радости, и гдѣ замѣняла ее какая-то тупая только безсознательность своей бѣдной доли? Какая это жизнь, въ которой самымъ свѣтлымъ днемъ былъ тотъ, когда можно было прогнать горе штофомъ и въ которой за этимъ, будто бы веселымъ и пріятно проведеннымъ днемъ, слѣдовала тяжелая хмѣль, ломившая черепъ, какъ будто подъ нимъ вертѣлось зубчатое колесо.

Хорошо ты, Федоръ, сдѣлалъ, что догадался умереть пораньше, не испивъ, какъ говорятъ поэты, всю чашу жизни до самаго дна. Вѣдь, рано или поздно, ты могъ попасться къ Поцалуеву. Правда, впрочемъ, и то, что судьба была какъ будто нѣсколько милостива къ тебѣ и берегла тебя отъ этого; но это было только ея своенравная прихоть, и какое она дала тебѣ обязательство въ томъ, что она не намѣревалась поручить тебя, со временемъ, попечительнымъ заботамъ Поцалуева. Вѣдь, купилъ же онъ, послѣ смерти моего отца, наши Зарудники, при которыхъ ты числился по ревизіи. Вотъ и былъ бы тебѣ новый батюшка — баринъ, вотъ и сталъ бы онъ тебѣ и родимый, и кормилецъ, какимъ онъ былъ для Оедула.

Впрочемъ, даже и въ нашемъ домѣ, гдѣ, какъ казалось, ничѣмъ не обижали Федора, житье его было не слишкомъ завидное. День-деньской онъ возился съ лошадьми въ конюшнѣ, которыя нерѣдко били его копытомъ, то въ бокъ, то въ грудь, или лежалъ пьяный, или сидѣлъ на козлахъ, то подъ жгучимъ солнцемъ, то подъ дождемъ, то подъ снѣгомъ; наконецъ, если ему удалось побывать около кабака въ пріятной бесѣдѣ, то онъ и тутъ былъ какъ-то несчастливъ, ему и это удовольствіе никогда не проходило даромъ; обыкновенно онъ возвращался оттуда больной, и съ синяками, и соссидинами, и съ опухолью, и съ подтекомъ подъ глазами. Въ семьѣ Федору тоже не посчастливилось: женился онъ не по своей охотѣ, Акулина пошла за него не-хотя; онъ смотрѣлъ косо на нее, а она на него; онъ ревновалъ ее къ Агаѣону, а она безъ устали корыла его тѣмъ, что онъ пьяница. Казалось, хотѣлъ Господь Богъ послать ему радость въ сынишкѣ, да и тотъ тоже не удался, какъ говорятъ, ни съ кожи, ни съ рожи; да притомъ и на него Федоръ все поглядывалъ изъ подлѣбья: онъ зналъ, что дѣло-то Акулины не совсѣмъ

было чисто. Поотомло Федору отъ сердца передъ самою смертію, да и то только потому, что онъ загулялъ свой конецъ; а остался бы онъ живъ, такъ бы, по прежнему, сталъ колотить Ваську и росъ бы онъ ему въ укоръ, а не на радость..

Едва только успѣлъ Гаврилычъ сколотить гробъ Федору, какъ снова поднялся вопросъ, куда поставить покойника. Тетушка настойчиво требовала, чтобы его снесли подальше. Наконецъ послѣднимъ пристанищемъ Федора, передъ его переходомъ въ могилу, былъ назначенъ передбанникъ въ людской банѣ, хотя дворовыя бабы и дѣвки громко кричали, что если туда поставить Федора, то онъ ни за-что послѣ этого не станутъ ходить по вечерамъ въ баню. Когда уложили Федора въ гробъ, я пошелъ взглянуть на него. Это былъ первый мертвецъ, котораго я самъ видѣлъ; до тѣхъ поръ я слышалъ о покойникахъ только въ страшныхъ разсказахъ и въ занимательныхъ для меня сказкахъ. Шедши въ баню, я думалъ, что увижу что нибудь ужасное; но взглянувъ на жертваго Федору, я, вмѣсто непріятнаго чувства, къ которому было приготовился, ощутилъ какую-то тихую радость.

На широкой скамейкѣ, заново выструганной заботливымъ Гаврилычемъ, стоялъ гробъ, обитый краснымъ кумачемъ, который для этого дала няня; гробъ былъ внутри околоченъ чистымъ, бѣлымъ коленкоромъ; на большой подушкѣ, обшитой кругомъ оборками изъ коленкора, покоилась голова Федора, который весь былъ покрытъ бѣлымъ полотномъ и къ рукамъ котораго, сложеннымъ на груди крестомъ, былъ прислоненъ обращенный къ лицу Федора, небольшой деревянный образокъ великомученика Федора Стратилата, висѣвшій прежде надъ его постелью. Въ головахъ у Федора, на столикѣ стояла зажженная въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ желтая восковая свѣча.

Я пристально посматрѣлъ на лицо Федора, оно было какъ у соннаго; совершенно спокойное, безъ малѣшаго признака скорбей и страданья; только немного открытые глаза были мутны и тусклы; но этотъ недостатокъ кто-то уже постарался уничтожить, потому что на каждомъ глазу Федора лежало по большому мѣдному пятаку.

Вообще самъ Федоръ и все его окружавшее пріятно подѣйствовало на меня какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ.

Время уже подходило къ осени въ ту пору, когда умеръ Федоръ. Въ день его похоронъ, шелъ безъ устали то мелкій, то

крупный дождь, пережѣшанный съ мокрымъ снѣгомъ. Въ этотъ день, рано по утру, пріѣхалъ къ намъ въ домъ изъ прихода отецъ Стефанъ, съ отцомъ дьякономъ Пименомъ и дьячкомъ Прохоромъ. Когда все было готово къ выносу, отецъ мой вышелъ проводить Федора и взялъ меня съ собою. Дворовые люди вынесли гробъ изъ банн и поставили его на носилки, потомъ четверо крестьянъ подхватили концы носилокъ на плеча, понесли Федора на погостъ, а отецъ Стефанъ и его причетъ заунывными голосами запѣли: Святыи Боже! За гробомъ пошла Акулина, рядомъ съ нею шелъ Агаѳонъ, неся въ рукахъ узелокъ изъ синяго бумажнаго платка; изъ этого узелка торчали тоненькія свѣчи изъ желтаго воска; въ этомъ узелкѣ была завязана кутя для поминокъ по Федорѣ. Когда понесли Федора, Васька заревѣлъ во все горло; но никто изъ окружавшихъ его не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, никто не думалъ утѣшать его.

— Полно же, Вася, плакать, ласково сказалъ ему мой отецъ, погладивъ его по головѣ.

— Да, какъ же мнѣ не плакать, заголосилъ Васька:—и всего-то тятка одинъ былъ у меня, да и тотъ умеръ!

—Когда похоронять Федора, сказалъ мой отецъ Акулинъ:—то ты приведи Ваську на барскій дворъ; а ты, продолжалъ отецъ, обращаясь ко мнѣ:—ты, Гриша, приласкай его; видишь, какъ онъ плачетъ.

Когда провожавшіе Федора замѣтили, что самъ баринъ ласково обошелся съ Васькой и даже погладилъ его, тогда почти всѣ стали оказывать ему свое вниманіе и выражать свое сожалѣніе объ его горѣ; особенно это дѣлали бабы: онѣ обступили Ваську со всѣхъ сторонъ, одинъ изъ нихъ замѣчали, что онъ не дойдетъ пѣшкомъ до кладбища, и что лучше бы было посадить его на телѣгу; другія, что онъ можетъ надорваться отъ плачу; третьи, что онъ больно плохо одѣтъ на такую непогоду, и такъ далѣе. Но наконецъ всѣ съ ревомъ двинулись за ворота, отецъ мой прошелъ нѣсколько со всей толпою, потомъ три раза перекрестился, надѣлъ фуражку, взялъ меня за руку и пошелъ со мною домой.

Послѣ похоронъ Федора, Васька былъ взятъ въ господскій домъ. Казалось, какъ будто судьба захотѣла немножко пригрѣть его, давъ ему покровителя въ самомъ баринѣ и заступницу въ нянѣ, которую всѣ такъ любили и почитали; но судьба только забавлялась Васькой: она хотѣла злобно издѣваться надъ не-

счастливецъ. Скоро бѣдный Васька попалъ въ такую передѣлку, какой онъ никогда не могъ даже себѣ представить. Обыкновенно бѣда приходитъ оттуда, откуда вовсе не ожидаютъ; тоже самое было и съ Васькой: могъ ли онъ ожидать, что въ непродолжительномъ времени, у него явится новый, безпощадный гонитель и притомъ изъ такого края, о которомъ Васька никогда даже не могло и помыслиться.

Наступила глубокая осень, дни становились и мрачнѣе, и короче; въ деревнѣ это скучная пора; но въ дѣтствѣ мнѣ нравился этотъ переходъ природы отъ жизни къ усыпленію. Я тогда любилъ смотрѣть, какъ ледъ стягивалъ Рудню, которая текла почти подъ самыми окнами нашего дома; долго засматривался я, какъ, за рѣкою, надъ крестьянскими избами, по небу, покрытому густой сѣрой тучей, предвѣстницей снѣга, вился бѣлый дымокъ; я съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда за Руднею, въ темный вечеръ, начнутъ мелькать яркіе огоньки; и съ удовольствіемъ слѣдилъ я за стаями галокъ, когда онѣ съ крикомъ перелетали для ночлега на другой берегъ рѣки. Я радъ былъ приближенію зимы, потому что съ нетерпѣніемъ ожидалъ широкаго, снѣжнаго пути, большихъ санией съ теплою медвѣжьей полостью, съ приткими конями и звонкими бубенчиками; особенно же я радовался, когда, во время катанья, приводилось намъ перебѣжать черезъ только что замерзшую Рудню, по дорогѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ молодыми елками.

Отецъ мой пользовался этимъ временемъ, удобнымъ для охотниковъ, и потому очень часто уѣзжалъ изъ дому. Мать моя къ осени стала чувствовать себя все хуже и хуже, и уже бывали такіе дни, въ которые она иногда совсѣмъ не вставала съ постели. Въ эти дни, я обыкновенно на цѣлый вечеръ приходилъ съ няней въ спальню моей матери. Я усаживался на ея кровати въ ногахъ; няня садилась около меня на стулѣ и принималась вязать чулокъ. На свѣчѣ опускались, бывшіе въ то время въ большемъ употребленіи, какъ теперь помню, жестяные колпаки, окрашенные внутри бѣлою, а снаружи зеленою краскою; отъ этого въ комнатѣ дѣлался полусвѣтъ, такъ обаятельно дѣйствующій на дѣтское воображеніе. Свѣтъ отъ лампы, горѣвшей постоянно въ углу передъ кивотомъ, былъ заслоняемъ небольшимъ жестянымъ щиткомъ, придѣланнымъ къ лампадѣ, но свѣтъ отъ лампы не разливался по комнатѣ, а собирался на гладко полированномъ щиткѣ, ярко падалъ на стекло кивота и

отражался множествомъ огоньковъ на золоченыхъ и серебряныхъ ризахъ иконы, стоявшихъ въ кивотѣ.

Въ это время обыкновенно или мать, или тетка, которая иногда по вечерамъ приходила къ матери, но всего чаще няня, рассказывала что нибудь весьма для меня занимательное. Въ разныхъ нашихъ повѣстяхъ, поэмахъ, рассказахъ, драмахъ и романахъ были выводимы русскія няни; я не думаю, чтобы няня моя представляла какой нибудь отличительный типъ отъ этихъ общихъ очерковъ. По всей вѣроятности, въ моей нянѣ ничего не было особеннаго; но мнѣ она казалась чѣмъ-то необыкновеннымъ. Я любилъ ее отъ всей души, и потому она мнѣ нравилась болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Еслибъ въ ту пору (разумѣется не теперь) предложили мнѣ на выборъ — поцаловать одну изъ нашихъ молоденькихъ сосѣдокъ, съ розовыми щечками, съ прехорошенькими губками, немножко какъ будто надутыми отъ сѣжести и здоровья, и съ бойкими глазками, полузакрытыми тѣнью длинныхъ рѣсницъ, или же поцаловать мою няню съ ея загрубѣлыми губами и съ ея потухающими отъ старости глазами, я не колебался бы ни минуты: я тотчасъ бы отказался отъ мнѣньейшей сосѣдки и, крѣпко обвивъ обѣими руками шею моей няни, запцаловалъ бы ее, старушку, до усталости. Няня была предметомъ всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ молитвъ; и она сама платила мнѣ тѣмъ же. Разумѣется, годы изгладили изъ моей памяти тѣ заботы, которыми непрерывно окружала меня няня, и я смутно только помню то участіе, которое оказывала мнѣ она на каждомъ шагу. Но я сохранилъ о ней общее какое-то отрадное воспоминаніе, и она стала для меня замѣчательною личностью. Еще недавно дѣлалъ я на счетъ ея розысканія въ Публичной Библіотекѣ, посвятивъ этой заботѣ, въ общей сложности втеченіе нѣсколькихъ дней, часовъ около тридцати.

При этихъ словахъ можно подумать, что у меня была въ няняхъ какая нибудь историческая знаменитость, сказанія о которой перешли въ книги и въ рукописи. Нѣтъ, няня моя была простая наша крѣпостная женщина, и больше ровно ничего; но я производилъ розысканія объ ея судьбѣ вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рассказано.

Однажды какъ-то, въ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые мнѣ пришли теперь на память, я сидѣлъ, по обыкновенію, на кровати, въ ногахъ у матери.

— А что, Анна Федоровна, спросила ее мать;—какой годъ ты теперь живешь вмѣстѣ съ нами?

— Чтобъ не солгать вамъ, матушка, а кажись, чуть ли не за половину четвертаго десятка перевалило.

— Постои, нянюшка, сказала мать: — я, вѣдь, вышла замужъ въ двадцать-третьемъ году.

— Да, такъ, почти передъ самымъ Филипповымъ постомъ; помню.

— Такъ, неужели же ты еще до моей свадьбы жила у моего отца болѣе двадцати лѣтъ?

— А какъ же матушка, Анна Николаевна, вѣдь ты (няня всѣмъ намъ, за исключеніемъ только тетушки, говорила и ты и вы, какъ ей приходилось) развѣ забыла, что я тебя на свои руки прямо отъ кормилицы приняла; да еще до твоего рожденія, я у стараго барина лѣтъ больше восьми жила; три года прожили мы въ Костромѣ, годъ въ Польшѣ, да сколько-то лѣтъ то въ Харьковѣ, то въ Сибири, такъ что всего-то на-все лѣтъ девять и будетъ. Посчитай ты сама, сударыня: у тебя-то головка посвѣжѣ моей.

— Вѣдь ты, няня, изъ Овсянкина?

Овсянкино было имѣніе моего дѣда по матери, находившееся въ одной изъ подмосковныхъ губерній.

— Что ты, матушка, да изъ какого я Овсянкина? съ чего тебѣ это въ голову пришло? смѣясь сказала няня: —въ Овсякинѣ-то, отродясь, и ногой не бывала; я изъ далеча, изъ-за Волги; ужъ я-то и забыла, какъ та сторона называется.

— Вотъ, няня, сказала мать:—живемъ мы съ тобой лѣтътридцать не разставаясь, а я и не знала, что ты прежде была не наша.

— Какъ же, матушка, я не изъ Овсянковскихъ, а изъ купленныхъ; прежде-то мы были какого-то комисинера, кажись, что въ старину такъ называли тѣхъ, что муку да крупу на войско ставили; а потомъ продали насъ купцу; въ то время и купцы покупали насъ крѣпостныхъ, да только на чужое имя; а какъ ихъ такимъ способомъ нѣсколько разъ падули, такъ ихъ отъ этого и отвадило; стали они чужаго присвоенія побаваться. Отъ купца-то мы перешли къ чиновнику, что ли? Прозванія-то его не помню; по фамиліи долженъ былъ быть не русскій, говорили даже, что онъ родомъ былъ изъ жидовскихъ перекрестовъ. А ужъ отъ него мы и достались твоему батюшкѣ.

— Такъ, вотъ, няня, сколько перемѣнъ ты испытала, сказала мать.

— А какъ же ты, матушка, думала? Чтожь будешь дѣлать? Какъ какой нибудь товаръ, отъ одного продавца къ другому съ рукъ на руки и переходила.

— И ты все это помнишь?

— Помнить-то помню; да вспоминать-то горько.

— Ну, Расскажи намъ, няня, а мы тебя послушаемъ.

— Эхъ, матушка-сударыня, что за охота тебѣ слушать моихъ рѣчи? Сердце-то у тебя больно доброе. Еще, пожалуй, отъ моихъ росказней тоска на тебя нападетъ; а это тебѣ, родная моя, не хорошо, здоровьице-то твое плохо.

Мать стала просить, чтобъ няня рассказала о своей бывшей жизни; няня, наконецъ, согласилась, и грустный рассказъ ея глубоко мнѣ врезался въ память.

«Я, начала Анна Федоровна: — какъ сказала тебѣ, матушка, родилась гдѣ-то за Волгой; чьихъ мы тогда были господъ, я и не слыхивала, а теперь подавно и спросить объ этомъ не у кого... Слышала я какъ-то отъ моей матери, что будто въ ту сторону заѣхалъ какой-то комисонеръ, и вздумалъ въ нашей сторонѣ жениться; ну, разумѣется, женѣ его понадобилась горничная. Вотъ онъ и пріѣхалъ къ нашимъ господамъ, и прицѣнился у нихъ къ моей матери; а она въ ту пору была вдовой по мужѣ; а отъ него остались у нее: сестра моя годками двумя меня постарше, я средняя приходилась, да была еще у насъ маленькая грудная сестричка. Господамъ-то, видно, мы не надобились; слышала я, что мать мою они дешево больно продали комиснеру; а насъ-то, какъ малолѣтокъ, дали къ ней въ придачу; онъ за насъ всѣхъ трехъ ни гроша мѣднаго не заплатилъ. Вотъ, послѣ этого, онъ съ молодой женой поѣхалъ въ Москву на почтовыхъ, а насъ всѣхъ туда же отправилъ, да только съ обозомъ. Въ ту пору, я была больно еще мала, и какъ мы ѣхали, я этого вовсе и не помню; а должно быть, — стужа была большая, дѣло-то было зимою: у меня потомъ мѣтъ до двадцати, чуть только холодъ, такъ и руки, и ноги опухнуть, а послѣ этого стануть краснѣть, а наконецъ вотъ такъ-таки синѣшеньки сдѣлаются; бѣлье полоскать не могла, мученье съ этимъ было, да и только. Мать-то рассказывала мнѣ, что въ дорогъ холода были крѣпкіе, а одежки-то теплой у меня никакой не было; такъ я, по этой причинѣ, и руки и ноги больно крѣпко отморозила; а грѣтъ меня моей матери было

не ловко; на рукахъ у ней самой былъ грудной ребенокъ, наша младшая сестра.

«Какъ мы пріѣхали въ Москву, то, не знаю почему, мы тамъ скоро перешли отъ комисинера къ купцу; фамилія его не помню. Разъ какъ-то, этому года два будетъ назадъ. я было фамилію его и вспомнила, и хотѣла было попросить Алексѣя, чтобъ онъ ее записалъ на бумажкѣ, да не успѣла, а тамъ опять забыла; а теперь, хоть что хочешь дѣлай, вспомнить не могу; память стала куда какъ слаба.

«Вотъ мы и жили всѣ четверо у этого купца въ Москвѣ, продолжала няня: — баринъ-то онъ былъ намъ не баринъ, потому что онъ курилъ насъ для себя, на чужое только имя; да произвелъ дѣло такъ, что нашъ-то, въ крѣпости написанный господинъ, передалъ насъ этому купцу въ полную его волю; ты, молъ, воленъ и управлять ими. Мать-то знала все это, да и какой-то подъячій подбивалъ ее, чтобъ она въ судъ жаловалась, да что станешь дѣлать: барская была — не барская, купеческая — не купеческая. А житье у этого купца стало намъ плохо. Мать моя пошла у него за кухарку. Бывало, мѣситъ, мѣситъ тѣсто на пироги, да и вся, голубушка, изъ силъ выбьется; а горшковъ, да кастрюлей, такъ цѣлыя полки въ кухнѣ были набиты; такъ все это каждый день перемой, да перечистъ; ну, я стала чахнуть. Не повелась также и маленькая наша сестричка, въ Москвѣ умерла. Въ эту пору я стала подростать, и куда какъ меня и сестру забивали купеческіе ребяташки, и за волосы теребили, и до синяковъ щипали. Кто бывало къ нимъ ни придетъ, только и слышно, какъ говорятъ, показывая на насъ: вотъ этихъ тятенька въ крѣпостныя купилъ; а онъ скоро крестъ получить, такъ и цѣлую деревню купить.»

Няня на минуту пріостановилась, какъ будто вспоминая что-то.

«Не могу доложить вамъ, сударыня, начала снова няня: — какъ это случилось, а только было слышно, что на нашемъ-то баринѣ, только не на куцѣ, а на томъ, за которымъ дѣйствительно по крѣпости мы числились, оказались казенные, какъ ихъ называютъ, взыски что ли? Денегъ-то у него царскихъ не хватило, такъ, вотъ, насъ за его долги тамъ же въ Москвѣ отъ купца отобрали, да съ акціона и продали. Не помню теперь хорошенько, въ сколькихъ рубляхъ пошла я, знаю только, что на этотъ разъ деньги за меня настоящимъ образомъ заплатили, и,

повѣришь ли, матушка, что я тогда молодая-то дура потѣшалась этимъ: думала — вишь, вѣдь, и я чего нибудь теперь да стою!»

Няня не надолго призадумалась.

— Ахъ, ты, Господи, сказала она вдругъ: — вотъ заболталась на старости, да сама и не замѣтила, какъ три петли съ пятки спустила. Ужь позвольте, сударыня, продолжала няня: — пойти къ свѣчкамъ, да поднять пятку, а то и работа не въ работу. Да положи же клубокъ, сказала миѣ няня, а то повчерашнему весь разматаешь, вишь руки-то у тебя какъ зудятъ.

Я тотчасъ послушался няни. Она всгала, подошла къ столу и, поковырявъ спицами, пришла на свое мѣсто.

— Слава тебѣ, Господи, поправила; а на чемъ, бишь, я остановилась? да, на томъ, какъ мы отъ купца пошли въ Москвѣ съ акціона.

«Вотъ тутъ купилъ насъ чиновникъ; прозваніе его забыла, мудреное больно, не русское. Слышалъ онъ, что люди въ Москвѣ подешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, такъ видно и хотѣлъ разжиться перепродажей; да Богъ съ нимъ! Чай бы онъ и не прочь былъ насъ на ярмарку тогда вывести куда нибудь, да помини, Господи, покойнаго царя Александра Павловича, онъ дѣлать этого въ своемъ христіанскомъ царствѣ не позволялъ (*). Ну, такъ и отправилъ насъ въ Петербургъ. Ъхали-то мы на долгихъ съ кружчаткой, оно не очень скучно было; время было лѣтнее, на дворѣ стояла тепель. Приѣхали мы къ нашему новому барину въ Петербургъ, въ его собственный домъ на Петербургской сторонѣ. Давнешенько не была я тамъ, а, кажись, если бы пришлось побывать, то и теперь бы какъ разъ этотъ домъ указала; онъ былъ такой большой, деревянный, съ садомъ. Мать-то наша еще и прежде хворала, а тутъ и до зимы, голубушка, не дотянула; подъ осень и умерла. Не хотѣлось нашему барину ни копѣйки тратить на ея похороны, потому что на все это, пожалуй, крайнимъ счетомъ около красненькой издержать пришлось; такъ вотъ онъ черезъ своего пріятеля квартальнаго и повелъ дѣло такъ, что донесъ въ полицію, будто крѣпостная его женщина, недавно имъ въ Москвѣ купленная, умерла неизвѣстно отъ чего, скоропостижно, и просилъ розыскать это и взыскать съ продавца по закону. Такъ, по этому на другой день, когда еще и не

(*) Указъ Императора Александра I, изданный 14 июля 1808 и исполненный съятаго негодованія на такіе поступки, напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи.

сѣлаю, пріѣхали къ намъ во дворъ бутешники съ дровнями, уложили на нихъ покойницу мать; проститься намъ съ ней даже не дали, да и увезли ее туда, какъ, бишь, ее называютъ, да,—туда, что на Выборгской, гдѣ мертвецовъ рѣжутъ. Ну, тамъ ее и схоронили, а гдѣ и какъ? я и до сей поры ничего не слыхала. Такъ, родной, ея у насъ и не стало. А баринъ-то, Богъ съ нимъ, такой хитрецъ былъ; должно быть, что и въ правду изъ жидовъ вышелъ, потому только вѣру Христову принялъ; да ужъ, кто его знаетъ, какъ онъ по штатской службѣ чинъ майорскій, что ли, получилъ, такъ и сдѣлался господиномъ.»

— Но какъ же ты няня перешла отъ него къ моему отцу? спросила мать.

— Постой, матушка Анна Николавна, постой чуточку; все тебѣ доскажу; теперь, какъ я разболталась, такъ рѣчь словно по маслу идетъ. Приниматься-то только горько было: о покойницѣ-то матери тяжело было вспомнить; вѣдь такъ низа что извелась. Ну, слушай же теперь далѣе, сударыня.

«Разъ какъ-то, дѣло-то шло уже къ осени, мнѣ такъ годковъ четырнадцать было, а старшая сестренка, можетъ, годами двумя была меня постарше. Вотъ разъ-то мы и слышимъ, что къ нашему барину пришелъ какой-то человекъ; должно быть изъ простыхъ; только баринъ-то нашъ куда какъ вѣжливо его принялъ. Взяло насъ,—ни съ того, ни съ другаго,—любопытство послушать, о чемъ они между собою будутъ говорить; вотъ мы потихоньку и стали подслушивать подъ дверями.

«Вотъ, тотъ, который пришелъ, и говоритъ нашему барину, (кажись, что барина звали Яковъ Соломонычъ):

«— Знаете, молъ, Яковъ Соломонычъ, безъ денегъ ничего тамъ сдѣлать нельзя, деньжонки нужны.

«А баринъ-то нашъ и говоритъ ему:

«— Да чтожъ я буду дѣлать? Вы знаете хорошо, что я теперь людей своихъ продаю: скоро полгода вожусь съ этимъ; одна-то изъ нихъ, на бѣду мнѣ, ужъ умереть успѣла; не досмотрѣлъ я, видно была и прежде еще чахлая; такъ, знаете, вмѣсто выгодъ, я еще и расходы понесъ, даромъ не похоронять господскаго человека, да еще и съ полиціей порядкомъ навозился.

«— Да вѣдь, отвѣчалъ гость: —не станете сами искать купцовъ, такъ и въ десять лѣтъ товару съ рукъ не сбудете.

«— Какъ же, говоритъ нашъ баринъ:—это-то вамъ про меня грѣхъ сказать; гдѣ ужъ я ихъ не ишу, да все въ цѣнѣ не схо-

днися; я прошу свое, а они даютъ свое. Вчера еще, вотъ, въ угольную мелочную лавку забѣжалъ, да и говорю лавочнику: на чай, братецъ, дамъ, народу у тебя въ день многое множество перебивается, такъ пораспроси хорошенько, не знаетъ ли кто, не нужно ли кому купить двухъ дѣвочекъ; дѣвочки-то у меня тихія. Ну и общалъ, сказалъ, чтобъ дня черезъ три я къ нему за отвѣтомъ пришелъ.

«— Все это такъ, Яковъ Соломонычъ, говоритъ гость: — и это дѣло не дурное, да, знаете, вы бы объ этомъ извѣстили черезъ газеты.

«Баринъ-то нашъ заговорилъ было немножко противъ этого; нужно было, какъ потомъ намъ наши сосѣди сказывали, за такія объявленія особую пошлину платить; даромъ не печатаютъ, а онъ-то надъ каждой полушкой дрожалъ. Да нѣтъ, видно было, что гость на него больно наперъ, потому что баринъ о насъ въ газетахъ напечаталъ.»

— А почемужъ ты это знаешь, няня? спросила ее мать.

— А вотъ, сударыня, почему, извольте видѣть. Къ намъ прежде никто не ходилъ смотрѣть насъ, да и самъ-то баринъ, какъ уйдетъ съ утра, такъ запретъ всѣ комнаты, а намъ только двери стеречь прикажетъ, и ничѣмъ болѣе никогда не распорядится. А какъ разъ онъ уйдетъ, такъ и пропадетъ на цѣлый день; говорили, что онъ былъ какимъ-тостряпчимъ, адвокатами, что-ли, ихъ называютъ? Все онъ по чужимъ дѣламъ въ разныя стороны и суды бѣгалъ. Лѣтомъ-то намъ и повадно, бывало, какъ онъ уйдетъ, мы цѣлый день на дворѣ и сидимъ, подметемъ только улицу да дворъ. А ужъ кормилъ-то онъ насъ Богъ знаетъ чѣмъ; до сихъ поръ толку не возьму, какъ мы съ голоду не умерли. Хорошо еще, что на нашемъ дворѣ жили люди, правда бѣдненькіе сами, а все таки нѣтъ—нѣтъ, а смотришь, то, бывало, по ломтю чернаго хлѣба съ солью намъ вынесутъ, то тарелку каши или щецъ отпустить, а иногда, въ большой праздникъ, такъ и по куску пирога дадутъ. Какіе-то вольноотпущенные они были.

«Ну, вотъ, прежде, бывало, вздохнувъ продолжала няня:— какъ сказала я, баринъ, уходя, никакихъ распоряженій на счетъ нашъ не дѣлалъ; а послѣ того, какъ онъ съ гостемъ о газетахъ потолковалъ, то онъ, какъ со двора пойдетъ, такъ и говоритъ намъ: если сегодня придутъ и будутъ васъ спрашивать, вы ли черезъ газеты продаетесь, такъ отвѣчайте, что, молъ, мы; и всѣмъ показывайтесь объ; а когда спросятъ васъ о цѣнѣ, то

говорите, что мы знать этого не можемъ, дѣло это не наше, а извольте, молю, сами повидаться съ нашимъ бариномъ; мы скажемъ ему, что вы изволили здѣсь быть, — такъ они васъ завтра до одиннадцати часовъ утра сами ожидать будутъ. Да смотрите, прибавляя, грозя намъ, баринъ, больше ничего не болтать ни съ кѣмъ, а выпрашивать стануть, такъ говорите, что, молю, мы ничего такого знать не можемъ! Слышите!

«Въ это время баринъ началъ оставлять намъ и свѣчку, только подъ запретомъ не жечь ее напрасно, а если, на случай, придуть смотрѣть насъ вечеромъ, то, чтобъ мы только на эту пору свѣчку зажгли, а потомъ бы тотчасъ ее задули.

«Вотъ, бывало, мы и сидимъ вдвоемъ съ покойницей сестрой цѣлый вечеръ въ темной кухнѣ; заснуть-то боимся: ну, какъ кто нибуль застучится, а мы проспимъ? Холода-то ужъ начинались, а баринъ кухню топить не приказывалъ; а на мнѣ-то всего истлѣвшая рубашонка была, покойница мать изъ своей старой перешла, да разодранное платишко, а на сестрѣ-то и рубашонки не было, платишко на голо тѣло надѣвала, а спали мы на рогожкѣ подъ старымъ войлокомъ, которымъ прежде въ сѣняхъ дверь была обита, а потомъ намъ баринъ далъ его замѣстъ одеяла.

«Вотъ, разъ мы такъ сидимъ, темно, голодно, холодно, да съ горя и мурлыкаемъ что-то про себя, тужимъ, да покойницу мать вспоминаемъ. Вдругъ кто-то въ двери кулаками сталъ ломаться и кричить громко: отвори! Мы со всѣхъ ногъ такъ и кинулись: сестра дверь приотворила, а въ сѣняхъ-то потемки, кто пришелъ не видно.

«— А что? тутъ черезъ газеты продаются дѣвочки? насъ спрашиваютъ.

«Не повѣришь, сударыня Анна Николаевна, какъ у насъ при этихъ словахъ сердце ёкнуло и поджилки подкосились; вѣдь суди сама, матушка, судьба наша рѣшалась.

«— Здѣсь, говоримъ мы обѣ въ одинъ голосъ.

«— А видѣть ихъ теперь можно?

«— Можно, пожалуйста, говоримъ мы опять въ одинъ голосъ.

«Сестра дверь настежь, а я ну поскорѣе высѣкать, да вздуть огонь.

«Тотъ-то, который былъ въ сѣняхъ, вошелъ въ кухню; а другой, видно его товарищъ, не входилъ, а остался въ сѣняхъ, да и кричить тому, который къ намъ вошелъ:

«— Посмотри ты, мнѣ выльзати изъ сани не хочѣтся; да, можетъ быть, и не стоитъ того; ты мнѣ скажешь, если будетъ нужно.

«Вотъ я вздула огонь и держу въ рукахъ свѣчку.

«— Тебѣ который годъ? спросилъ меня незнакомый баринъ, съ виду-то ужъ не очень молодой.

«— Четырнадцатый пошелъ, говорю я.

«— А тебѣ который? спрашиваетъ онъ сестру.

«— Шестнадцатый, отвѣчала она.

«— Фи! да какія вы обѣ грязныя и противныя, сказалъ этотъ баринъ; плюнулъ, да и пошелъ вонъ.

«— Ну, что же? кричалъ ему его товарищъ.

«— Да что, не стоитъ и ходить, одна-то еще больно мала, а другая просто рожа, да и обѣ въ грязи по-уши. Не стоитъ и смотрѣть.

«— Ахъ, вы пострѣлы, вдругъ, засмѣясь, веселымъ голосомъ сказала няня: — вѣдь, вишь, что выдумали.... намъ тогда-то и въ голову не пришло, зачѣмъ они пріѣзжали; ахъ вы, покушники богомерзскіе, добавила няня, отплевываясь.

Мать не утерпѣла, чтобъ невольно не улыбнуться, видя веселое, простодушное негодованіе няни; няня сама отъ души засмѣялась, и хотя я въ ту пору ничего особеннаго тутъ не видѣлъ, во и я не утерпѣлъ, чтобъ тоже не засмѣяться.

Послѣ нѣкотораго молчанія, няня продолжала:

— Дней черезъ пять, а можетъ быть и недѣлю спустя послѣ этого, въ сумеркахъ, когда не было нашего барина дома, пріѣхала насъ посмотрѣть какая-то барыня. Когда она вошла къ намъ въ кухню, гдѣ вода въ ведрѣ стояла замерзши, то сперва только покачала головою.

«— И вамъ тутъ не холодно? спросила она насъ.

«— Какъ не холодно, сударыня, да чтожъ дѣлать?

«— Вы здѣсь и спите.

«— Да.

«— А на чемъ?

«— Вотъ на рогожкѣ.

«И мы потащили было рогожку изъ-подъ печки.

«— Не надобно, не надобно, я васъ только такъ спрашиваю.

«Барыня обошлась съ нами ласково и пожаловала намъ изъ своего кошелька, помнится, каждой по двугривенному и велѣла сказать, что завтра она сама будетъ у барина.

«— А вѣдь вотъ ты, Григорій Петровичъ, сказала няня, обращаясь ко мнѣ: — и не знаешь, чай, кто такая была эта барыня? А она была твоя бабушка, твоей матушки матушка. Была тогда она и молода, и красива, да наслалъ Господь на нее горе. Всѣ дѣти одинъ за другимъ поумирали; такъ, вотъ, она и положила доброе дѣло сдѣлать, взять къ себѣ въ домъ двухъ дѣвочек на воспитаніе, а потомъ, когда онѣ вырастутъ, то или выпустить ихъ на волю, или по охотѣ, а не по принужденію, замужъ отдать, пусть сами себѣ жениховъ выберутъ, а она только приданое дать хотѣла. Да, видно, то была доля не наша. Какъ на свѣтъ Божій тебя явила, сказала няня матери: — такъ и сама-то она на десятый день въ могилу слегла. Такъ намъ и не посчастливилось. Безъ нея-то, голубушки, баринъ и слова еясдержать не хотѣлъ. Посватался было къ сестрѣ одинъ небогатый, добрый мѣщанинъ; она къ барину въ ноги, а онъ говоритъ: какъ выводныя заплатитъ, тогда пусть тебя и беретъ, а такъ, молъ, изъ того только, что вы другъ друга любите, крѣпостныхъ дѣвокъ отпустить на волю не приходится. Ужъ не прогнѣвайся на меня, матушка, а скажу тебѣ правду, не тѣмъ будь твой покойный родитель помлнуть, а жить-то съ нимъ горько было; ты, видно, не въ него пошла, а въ матушку. Ухъ! какой онъ былъ крутой, говорила няня, покачивая головой;—бывало и не подходитъ къ нему близко; всѣхъ, чуть прогнѣвается, и старыхъ, и малыхъ, и бабъ, и дѣвокъ посылалъ для наказанія на конюшню, да вѣдь какъ, бывало, распишетъ.... Извини же меня, матушка, что я, старуха, говорю тебѣ всю подноготную; велишь хвалить, такъ стану, да совѣсти только не хватить. Вотъ я и Григорью Петровичу частенько толкую: не походи, молъ, нравомъ на своего дѣдушку; жестокъ, не милосердъ былъ къ людямъ, и драчливъ, и забіяченъ,—не годится быть такимъ, проку изъ того никакого не будетъ.

— И спасибо тебѣ, няня, за это, сказала мать: — что ты Гришѣ толкуешь это; вѣдь ты знаешь, Анна Федоровна, что мы тебя не слугой, а скорѣе нашей родней считаемъ.

— Знаю, матушка, знаю; оттого-то, глядя на васъ, моихъ голубчиковъ, я ужъ и сердца своего не слышу.

Дѣйствительно, положеніе старой няни въ нашемъ домѣ было хорошо, ей никогда и ни въ чемъ не бывало отказу; впрочемъ, для себя она почти ничего не просила, а просила всегда то за дворовыхъ, то за крестьянъ. У няни была своя отдѣльная

комната, за ней ходила особая дѣвушка, обѣдала и чай пила она вмѣстѣ съ нами, и даже портретъ ея, нарисованный кѣмъ-то карандашемъ, висѣлъ въ рамкѣ, на одной стѣнѣ съ портретами нашихъ родныхъ. Тетушка Катерина Григорьевна искоса посматривала на это, считая такое равенство какъ бы нарушеніемъ родственнаго уваженія; но сказать противъ этого никогда ничего не рѣшалась, предвидя, что слова ея въ этомъ отношеніи будутъ совершенно безполезны.

Правда, что иногда отецъ, не смотря на преклонные года нянюшки, приставалъ къ ней и подтрунивалъ надъ нею. Но она рѣдко сердилась за это и обыкновенно принимала шутки моего отца съ добрымъ сердцемъ. Разъ какъ-то (я и теперь еще это живо помню), отецъ мой, по своему обыкновенію, стоялъ у печки, заложивъ руки за спину и поджидалъ прихода моей матери къ утреннему чаю. Я съ няней пришелъ въ столовую прежде ея.

— Ну, что, старая корга, сказалъ, при входѣ няни, мой отецъ съ той шутливой грубостью, которая бываетъ часто свойственна самымъ добродушнымъ людямъ: — все еще жива?

— Жива, родимый, жива, отвѣчала няня, пріостановившись и почтительно кланаясь отцу: — да вотъ все что-то подъ ложечкой болить.

— А знаешь ли, Анна Ѳеодоровна, продолжалъ шутя мой отецъ: — вѣдь тебѣ бы пора и на погостъ.

— Воля Божія; но мнѣ хоть сегодня же умереть.

— Ну, ну, поиди сюда, старая вѣдьма, сказалъ ей ласковымъ голосомъ отецъ: — да поцалуй меня.... да смотри только хорошенько.

Такое выраженіе взаимной любви между моимъ отцемъ и няней случалось почти каждое утро; няня медленно подходила къ отцу, онъ нагибался, обнималъ ее и крѣпко цаловалъ.

— Да не дави же такъ сильно, батюшка: совсѣмъ было старуху задушилъ.

— Эхъ, няня, няня, шутя говорилъ отецъ: — еще не такъ бы поцаловалъ я тебя, еслибъ тебѣ съ костей лѣтъ еорокъ съ хвостикомъ сбросить.

— Полно тебѣ, озорникъ, полно; смотри ужъ и плѣшь-то у тебя на затылкѣ, какъ мѣсяцъ свѣтитъ начинается; да и сыночекъ-то ужъ подрастаетъ. Когда же ты вздоръ молоть перестанешь? Ничего не дѣлаешь, баклуши только бьешь.

— Да что мнѣ дѣлать? спрашивалъ отецъ, который, надобно сказать правду, ни до какихъ дѣлъ не былъ охотникъ.

— Какъ что? Коли сидишь въ деревнѣ, такъ хозяйничай, а нѣтъ, такъ на службу бы шелъ; не старъ еще, авось бы и въ генералы выйти успѣлъ.

— Ахъ, любезнѣйшая Анна Федоровна, ты думаешь, что, вотъ, такъ и легко въ генералы попасть? Сейчасъ видно, что ты не служила ни въ драгунахъ, ни въ гусарахъ ...

— Христосъ надъ тобой, батюшка! Да какъ же мнѣ было попасть въ драгуны или въ гусары; да развѣ бабѣ дѣло на себя мундиры палить; вотъ еще что выдумалъ на смѣхъ добрымъ людямъ.

— А знаешь ли, няня, житье-то съ военщиной славное, спроси-ка сестру Катерину Григорьевну объ этомъ.

— Кому какъ, кормилецъ, а вотъ плохо, что и поясница у меня побаливаетъ.

— Ну, поди-ка сюда, няня, пойдѣ, не сердись, сказалъ, подмигивая, отецъ.

Няня подошла къ нему, и онъ, нагнувшись, шепнулъ ей что-то на ухо. Няня оттолкнула его рукою отъ себя, а сама отскочила отъ него, и, покачивая головой, говорила:

— Озорникъ ты эдакой, все еще у тебя въ головѣ вѣтеръ свищетъ.

— Не сердись же, не сердись, няня, продолжалъ отецъ: — а Расскажи лучше, какъ тебя хотѣлъ купить въ жены турецкій царь.

При этомъ случаѣ отецъ намекалъ, шутя, на двухъ таинственныхъ покупателей, прїѣзжавшихъ смотрѣть няню.

— Какой турецкій царь? Чего только ты, баринъ, не выдумашь, смѣясь, говорила няня: — они, видно, были просто такіе же сорванцы, какъ и ты. Охъ, батюшка, Петръ Ивановичъ, и за тобой, должно быть, такихъ грѣховъ цѣлый ворохъ. Дашь ты, сердечный, отвѣтъ на томъ свѣтѣ и за молодницъ, и за красныхъ дѣвокъ; вспомни меня, что и тебѣ даромъ это не пройдетъ.

Не смотря на такія, повидимому, размолвки, отецъ и няня оставались постоянными друзьями. Послѣ подобныхъ шутливыхъ разговоровъ, отецъ мой заботливо разспрашивалъ няню, всѣмъ ли она довольна, не пужно ли ей чего, не велѣтъ ли ей подсыпать табаку въ табакерку, и нерѣдко заключалъ свои разспросы общаніемъ привезти съ ярмарки нянѣ какую нибудь обновку. Общанія эти, не смотря на свою разсѣянность, мой отецъ сдер-

живалъ съ примѣрною точностью, и не столько обновка, сколько заботливость и вниманіе моего отца, почти всегда до слезъ трогали добрую старушку.

Хорошо, что все это, при кроткомъ сердцѣ матери и при врожденной добротѣ моего отца, устроилось такъ-то образомъ. Но какими путями до этого дошла бѣдная няня?

Какъ бы то ни было, но спасибо тебѣ, няня, что ты меня, когда я былъ еще ребенкомъ, никогда не убаюкивала сказками, которыя зарождаютъ въ дѣтяхъ вѣрованія въ существованіе какихъ-то добродѣтельныхъ королевичей и прекрасныхъ царевенъ, въ ковры-самолеты и въ шапки-невидимки; спасибо тебѣ, первый другъ моего дѣтства, что ты своими невымысленными рассказами навѣяла на меня ту скорбь, которая, и послѣ многихъ лѣтъ, ведетъ не въ сказочный и призрачный міръ, но въ міръ горя и нужды! Жаль, няня, какъ мнѣ жаль, что не могу я передать другимъ твой простой рассказъ о срубленной елкѣ; до сихъ поръ я не забылъ его еще; но не хочу повторять его не кстати, онъ своею истинностью не понравится многимъ.

Особенно занималъ меня переходъ няни «въ наше семейство». Любопытствуя отыскать слѣды этого случая, я еще не такъ давно досталъ въ Публичной Библіотекѣ «Петербургскія Вѣдомости» за тѣ годы, въ которые, по приблизительному моему исчисленію, совершилась послѣдняя продажа няни. Въ этихъ «Вѣдомостяхъ» я нашелъ весьма любопытный отдѣлъ различныхъ объявленій, относящихся къ концу прошедшаго столѣтія и наглядно объясняющихъ многія утѣшительныя явленія нашей гражданской и общественной жизни. Безмолвны эти строки сами по себѣ, но много говорятъ онѣ тому, кто спрашиваетъ отвѣта о прежнихъ нашихъ заблужденіяхъ, и хочетъ прослѣдить многія темныя полосы въ нашемъ нравственномъ быту. Производя въ газетахъ розысканія объ участи моей няни, я съ любопытствомъ остановился на многихъ изъ этихъ, самихъ по себѣ совершенно ничтожныхъ, объявленій. Одни изъ нихъ заставляли меня только улыбнуться, такъ, напримѣръ, объявленіе о продажѣ итальянскихъ музыкальныхъ нотъ въ овощныхъ лавкахъ. Конечно, при этомъ улыбнется, вмѣстѣ со мною, и многіе другіе. Но пойдемъ далѣе. Усмѣхнулся я также, когда въ объявленіяхъ 1797 года нашелъ, «что нѣкоторый слѣпой желаетъ опредѣлиться въ какой-нибудь господскій домъ, для рассказыванія разныхъ исторій, съ удивительными приключеніями, а отчасти и русскихъ

сказокъ.» Но рядомъ съ этими забавными объявленіями печатались и такія, которыя заставляли меня подумать, не относятся ли они къ удивительнымъ приключеніямъ изъ жизни моей няни; впрочемъ, которое изъ нихъ было сдѣлано на счетъ няни, я рѣшить не могъ, имѣя для этого весьма мало опредѣлительныхъ данныхъ, между тѣмъ, какъ на Петербургской сторонѣ было, въ то время, много дѣвочекъ, испытывавшихъ такую же самую участь, какую испытывала и няня. Въ «Вѣдомостяхъ», между прочимъ, было объявлено, что на Петербургской сторонѣ продаются двѣ дѣвочки, одна десяти, другая двѣнадцати лѣтъ; что продается дѣвка лѣтъ тридцати и гнѣдая молодая лошадь; замѣчательно, что, какъ бы въ отзывъ на это объявленіе, а, быть можетъ, и вслѣдствіе хитрости самого продавца, употребленной для возбужденія болѣе рѣшительности въ покупателяхъ, въ томъ же номерѣ «Вѣдомостей» спрашивали: «не желаетъ ли кто нибудь продать бабу лѣтъ тридцати и молодую лошадь?» Продавались также, въ ту пору, три дѣвки и печать сохраняетъ донынѣ имена ихъ аргусовъ; «а покажутъ, сказано въ объявленіи, оныхъ дѣвокъ дворянинъ Боборыкинъ и сержантъ Шешуковъ.» Продавалась «за излишествомъ» дѣвочка одиннадцати лѣтъ, недавно только привезенная изъ деревни. Но едва ли не самое замѣчательное объявленіе было о томъ, что продается дѣвка лѣтъ двадцати-пяти, добраго поведенія, «въ увѣреніе же чего, сказано въ объявленіи, отдается она покупателю для разсмотрѣнія на три дня». Что это не вымыселъ, въ томъ читатель можетъ убѣдиться, справясь объ этомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», печатанныхъ при Академіи Наукъ въ 1797 году, № 9, стр. 187.

Конечно, мы имѣемъ полное право посмѣяться надъ тѣмъ патріархальнымъ временемъ (къ чести нашей родины минувшимъ, какъ кажется, безвозвратно), когда музыкальныя ноты для фортепіано, продавались вмѣстѣ съ капустой и рѣпой, и когда слѣпцы, подобно греческимъ рапсодамъ, нанимались въ господскіе дома для разсказыванія своимъ кормильцамъ исторій и сказокъ; но какъ должны улыбнуться мы, и въ особенности вы, моя добрая читательница, узнавъ, что одна изъ представительницъ вашего прекраснаго пола, была пазначена въ продажу и даже не вмѣстѣ съ овощами или музыкальными нотами, а просто вмѣстѣ съ молододоу гнѣдоу лошадью!

Но вотъ, въ памяти моей исчезаетъ постепенно обликъ моей няни и, вмѣсто его, снова является личность Васьки, попавша-

гося, какъ я имѣлъ случай замѣтить, вслѣдствіе смерти своего отца, на барскій дворъ. Первымъ знакомъ новаго положенія Васьки было его обмундированіе. Ему нашъ домашній портной Осипъ сшилъ нанковый казакинъ и, неизвѣстно для чего, сдѣлалъ на груди патроны изъ краснаго сукна, въ видѣ двухъ сердецъ. Хотя Васька прежде на предложеніе мое—завести для него ливрею съ золотыми галунами, отвѣчалъ, что онъ отвергаетъ суетный блескъ одежды; но теперь и онъ, разумѣется, невольно, поддался общей человѣческой слабости. Я замѣтилъ, что Васька часто упиралъ подбородокъ въ грудь и силился какъ ножноболѣе опустить внизъ глаза, для того, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ производятъ, нашитые на его казакинъ, красные патроны. Первое время, житье Васьки было хорошее: онъ сидѣлъ или въ теплѣ или въ прохладѣ, смотря по времени года; онъ былъ сытъ, одѣтъ и обутъ, и состоялъ только для посылокъ въ людскую и для подаванія трубокъ и зажженныхъ бумажекъ для ихъ раскурки. Но надъ Васькой,—впрочемъ, не надъ однимъ имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надо мною,—собиралась гроза, пришедшая съ Запада, въ видѣ monsieur Обри.

Уже давно тетушка Катерина Григорьевна приставала къ моему отцу, чтобъ онъ взялъ для меня въ гувернеры какого нибудь француза. Тетушка основательно замѣчала при этомъ, что если я съ малолѣтства не приобрету хорошаго выговора, то потомъ это будетъ уже поздно, и что между тѣмъ дурной французскій выговоръ, по справедливости, будетъ считаться въ обществѣ признакомъ моего небрежнаго воспитанія. Отецъ и мать покорились такимъ взглядамъ общества и настойчивымъ домогательствамъ тетушки и рѣшились пригласить въ нашъ домъ француза, которому предполагалось ввѣрить все мое первоначальное, умственное и нравственное, образованіе.

Я уже часто начиналъ слышать разговоры отца, матери и тетки объ этомъ предметѣ; но первое положительное извѣстіе о пріѣздѣ въ нашъ домъ моего будущаго наставника сообщилъ мнѣ мой дядька Алексѣй.

— Вотъ, Григорій Петровичъ, сказалъ онъ мнѣ однажды печальнымъ голосомъ:—приходится мнѣ съ вами разстаться; барины велѣли ужъ и коляску мазать, для того, чтобъ завтра ѣхать въ городъ за вашимъ учителемъ.

Меня стало занимать, каковъ-то будетъ у меня новый наставникъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я жалѣлъ объ Алешкѣ, къ которому

я былъ очень привязанъ и который находился при мнѣ въ качествѣ дядьки, слѣдовательно какъ бы былъ моимъ первымъ воспитателемъ. До сихъ поръ читать и писать порусски училъ меня отецъ дьяконъ Пименъ, а пофранцузски мать, въ особенности же тетюшка. Впрочемъ, вообще я занимался этимъ весьма мало. Я предчувствовалъ, что съ прїѣздомъ въ нашъ домъ француза, неминуемо должна произойти большая перемѣна въ образѣ моей жизни, и это было тѣмъ вѣроятнѣе, что я уже имѣлъ случай присмотрѣться, какъ такой точно господинъ, по фамилии Тартаронъ, школилъ маленькихъ Поцалуевыхъ.

Между тѣмъ, дѣйствительно, на другой день послѣ извѣстія, сообщеннаго мнѣ Алексѣемъ, выѣхала съ нашего двора коляска, запряженная четверней въ рядъ; она отпиралась за моимъ будущимъ гувернеромъ, обѣщавшимъ доѣхать на почтовыхъ до ближайшаго къ намъ уѣзднаго города, съ тѣмъ, что ужъ тамъ долженъ будетъ ожидать его нашъ экипажъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ намъ въ Зарудники.

Черезъ три дня, коляска, часовъ въ двѣнадцать утра, возвратилась изъ города; въ ней, важно развалиясь, полулежалъ какой-то господинъ; на кѣслахъ коляски сидѣлъ нашъ человѣкъ, который былъ назначенъ для прислуги мсье Обри, во время его переѣзда изъ города къ намъ въ деревню.

Съ біеніемъ сердца, необыкновенно сильнымъ, смотрѣлъ я, какъ мсье Обри проворно выскочилъ изъ коляски, и не могъ удержаться отъ смѣху, видя, какъ онъ дѣлалъ Матвѣю разные знаки, чтобы тотъ вынулъ изъ коляски его поклажу, состоявшую, впрочемъ, изъ одного тощаго чемодана и картонки для круглой шляпы. Самъ мсье Обри, тотчасъ по выходѣ изъ коляски, отправился въ приготовленную для него особую комнату. Въ это время пришелъ ко мнѣ человѣкъ и сказалъ мнѣ: «баринъ, васъ зовутъ въ гостиную, пожалуйста.» Въ гостиной я нашелъ уже мать, отца и тетку, а, спустя немного времени, шумно шаркаясь, явился туда и мсье Обри. Онъ перемѣнилъ свой дорожный запыленный нарядъ: на немъ были брюки свѣтло-гороховаго цвѣта и фракъ зеленовато-табашнаго цвѣта съ рѣзными золотыми пуговицами; на рукахъ были надѣты бѣлыя лайковые перчатки, въ одной рукѣ держалъ онъ круглую шляпу.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ о дорогѣ и объ общихъ знакомыхъ, я былъ представленъ матерью моему новому ментору.

«Charmé» и «enchante» повторялъ безпрестанно мсьё Обри, въ то время, когда ему меня представляли. Я не сохранилъ въ памяти того впечатлѣнія, которое въ первый разъ произвелъ на меня мсьё Обри; помню только, что онъ болталъ безъ умолку и такъ непринужденно, какъ будто онъ былъ въ нашемъ домѣ давнишній знакомый. Со мною онъ обошелся чрезвычайно ласково, улыбался, обращаясь ко мнѣ, и не разъ трепалъ меня дружески по плечу, приговаривая: «et bien! cher monsieur Grégoire, soyez sages et braves!» Но, несмотря на это, я чувствовалъ себя какъ-то неловко все первое время въ его присутствіи, въ особенности же меня стѣсняло то, что я не былъ тогда еще въ состояніи не только понять его скороговорку, но даже и не могъ хорошенько разслышать все, что онъ говорилъ.

Послѣ обѣда, отецъ повелъ мсьё Обри показывать домъ и все наше хозяйство. Обри и тутъ болталъ безъ умолку. Наши дворовыя женщины и дѣвушки выглядывали на него изъ-за дверей; вѣроятно, какъ я теперь думаю, изъ любопытства, чтобы узнать поскорѣе, молодъ ли и пригожъ ли изъ себя пріѣхавшій къ намъ мусьё, такъ стали называть мсьё Обри съ перваго дня его пріѣзда въ нашъ домъ. Васька былъ назначенъ къ нему для услугъ, такъ какъ самъ мсьё Обри просилъ моего отца, чтобы онъ далъ ему не взрослого человѣка, а «гарсона», чтобы тотъ могъ скорѣе привыкнуть къ нему.

Первое время всѣ въ домѣ были очень довольны мсьё Обри, въ особенности же тетюшка. Я слышалъ, какъ однажды говорила она отцу: «вотъ видишь, Пьеръ, какъ ты хорошо сдѣлалъ, что послушался меня и взялъ для Гриши порядочнаго гувернера; согласись самъ, вѣдь, смѣшно же было оставлять такого мальчика, какъ онъ, подъ надзоромъ доморошеннаго дядьки и вани, отъ старости лѣтъ выжившей изъ ума». Но на самомъ-то дѣлѣ тетюшка была довольна тѣмъ, что теперь ужъ вдоволь могла каждый день наболтаться по французски. Кромѣ того, ей было пріятно еще и то, что мсьё Обри на каждомъ шагу оказывалъ ей всевозможное вниманіе и глубокое уваженіе; онъ даже называлъ тетюшку *excellence* и *madame la générale*, не смотря на то, что въ это время Блугинъ не былъ еще произведенъ въ генералы, а только ожидалъ генеральскихъ эполетъ. Ловкій французъ, узнавъ объ этомъ ожиданіи отъ тѣхъ нашихъ знакомыхъ, которые рекомендовали его въ нашъ домъ, не упустилъ удобнаго случая польстить тетюшкиному тщеславію. Впрочемъ, и отца

моего, бывшаго только штабсъ-ротмистромъ въ отставкѣ, онъ называлъ время отъ времени *monsieur le colonel*. По всему было видно, что самому Обри какъ-то пріятно чувствовалось при мысли, что онъ находится въ обществѣ генеральши и полковника.

Отцу моему Обри тоже полюбился; Обри съ жаромъ и съ видомъ знатока толковалъ ему о способѣ ковки, чищенія и выѣздкѣ лошадей, принятомъ во французской кавалеріи; Обри обѣщалъ отцу привить молодыя деревья по особой, изобрѣтенной имъ системѣ, будто бы одобренной Французской Академіей; онъ дѣлалъ отцу моему разныя предложенія о жженіи поташа, предсказывая отъ введенія этого промысла большіе и постоянные доходы. Обри хвалился отцу, что онъ неутомимый охотникъ и страстный любитель верховой ѣзды; короче, по всѣмъ примѣтамъ, онъ обѣщалъ быть для моего отца пріятнымъ спутникомъ, веселымъ собесѣдникомъ и человѣкомъ полезнымъ въ хозяйствѣ; а для деревенскаго жителя и для отставнаго военного, привыкшаго всегда имѣть подъ рукою добраго товарища, мсьё Обри казался дорогой находкой.

Обри успѣлъ понравиться и матери, показываясь человѣкомъ, чрезвычайно добрымъ, заботливымъ и полюбившимъ меня отъ всей души; а извѣстно, что однимъ изъ средствъ пріобрѣсти расположеніе женщины, заключается въ умѣніи оказывать ласки и вниманіе ея дѣтямъ. Обри подбился даже къ нянѣ, онъ съ ней пытался говорить нѣсколько разъ порусски, называя ее: няня, и спрашивая ее съ участіемъ: «а головѣ не боль?» Кромѣ этого, онъ ничего не могъ сказать по русски; но за то, ласково улыбаясь, онъ начиналъ давать ей совѣты, какъ лечить головную боль, и обращался ко мнѣ, требуя, чтобы передавалъ его слова нянѣ по русски; но я по слабости моего знанія французскаго языка, въ то время не могъ это исполнить, и потому говорилъ нянѣ все, что мнѣ приходило въ голову, а она только благодарила Обри, приговаривая:—спасибо тебѣ, голубчикъ!

Я самъ довольно скоро свыкъ съ мсьё Обри; онъ мнѣ, на другой же день своего пріѣзда, сдѣлалъ лукъ для стрѣльбы, увѣряя, что онъ точно такой лукъ отбилъ въ 1812 году въ сраженіи, *chez un Calmuk*. Обри чинилъ мнѣ безпрестанно карандаши и показывалъ мнѣ, какъ надобно рисовать; и хотя онъ самъ въ этомъ искусствѣ ровно ничего не смыслилъ, но обѣщалъ моему отцу реставрировать какую-то старую картину, писанную масляными красками, и которую онъ нашелъ

гдѣ-то въ чуланѣ между старымъ хламомъ. По поводу этой картины, представлявшей какую-то обнаженную нимфу, французъ приходилъ въ восторгъ и твердилъ отцу моему: *Ah! quel dommage! C'est une superbe peinture, il faut absolument, que je la restaure.* (Ахъ! какая жалость! Это прекрасная живопись, непременно нужно, чтобъ я ее возобновилъ.) Однимъ словомъ, мсье Обри былъ воплощенная дѣятельность, готовая на самыя разнообразныя занятія. Ваську онъ сталъ называть гарсономъ, шутилъ съ нимъ, и первое время не только весьма мало требовалъ отъ него услугъ, но даже постоянно заботился о томъ, чтобъ Васька въ пору сходилъ въ людскую отобѣдать и отужинать.

Казалось, что и самому мсье Обри полюбілось житье въ нашемъ домѣ; онъ выпросилъ себѣ особую грядку въ огородѣ, и сталъ разводить на ней какую-то траву, говоря, что онъ теперь дѣлаетъ только опыты, но что потомъ онъ серьезно займется разведеніемъ этой травы на большомъ пространствѣ. Обри никогда не скучалъ, если ему приходилось оставаться одному, въ своей комнатѣ; онъ обыкновенно садился верхомъ на стулъ, клалъ на верхъ его спинки свои локти, и упершись въ нихъ подбородкомъ, всегда что нибудь пацѣвалъ или насвистывалъ. Но особенно былъ веселъ мсье Обри въ тѣ дни, когда къ намъ прѣѣзжали Поцалуевы, потому что вмѣстѣ съ ними являлся гувернеръ маленькихъ Поцалуевыхъ, monsieur Тартаронъ, и ихъ гувернантка madame Шиньонъ, еще не старая и, какъ мнѣ помнится, такъ себѣ, ничего баба. При такихъ свиданіяхъ, madame Шиньонъ дребезжала, какъ дребезжитъ кузнечикъ въ лѣтнюю пору, а Обри и Тартаронъ дѣйствовали, какъ пожарныя трещетки, бывшія еще въ то время въ употребленіи въ нѣкоторыхъ городахъ. Оставаясь одинъ, безъ гостей, мсье Обри постоянно порывался въ дѣвичью; ему непременно нужно было зайти туда, для того, чтобъ попросить что нибудь зашить, заштопать, пріутюжить, разгладить, отпороть, приметать и накрахмалить. Отправляясь туда, онъ спрашивалъ меня, какъ объяснить по русски то или другое; но я, не понимая хорошенько по-французски, не могъ удовлетворить его требованіямъ, и поэтому за запасомъ филологическихъ свѣдѣній мсье Обри обращался къ гувернеру Поцалуевыхъ, бывшему нѣсколько посильнѣе его въ русскомъ языкѣ, или же просилъ необходимыхъ для него свѣдѣній у тетюшки Катерины Григорьевны. Разумѣется, въ ту пору я думалъ, что мсье Обри дѣйствительно необходимо такъ часто

бѣгать въ дѣвичью; но теперь я, по нѣкоторымъ соображеніямъ, догадываюсь, что французъ бѣгалъ туда такъ часто потому, что тамъ за пальцами одѣла очень миленькая дѣвочка, лѣтъ семнадцати, по имени Вѣрушка.

Между тѣмъ, не смотря на всѣ разностороннія занятія мсье Обри, и на частое имъ посѣщеніе нашей дѣвичьей, онъ усердно занимался моимъ воспитаніемъ. Чуть бывало я немножко согнусь, онъ ужъ тотчасъ кричитъ: *monsieur Grégoire! tenez vous droit!* Чуть бывало увидить на моей курточкѣ пятнышко или пушинку, онъ опять кричитъ: *faites netoyer votre habit*, — прикажите, молъ, вычистить ваше платье; чуть немножко растреплются у меня волосы, онъ опять кричитъ: *agrangez vos cheveux de manière comme il faut*, — поправьте, молъ, ваши волосы, какъ слѣдуетъ. Французскій языкъ тоже подвигался, потому что въ самомъ непродолжительномъ времени я ужъ зналъ, какъ называется по-французски гренадеръ, барабанщикъ, пушка, ружье, поле битвы, побѣда и т. п. Причину изученія мною французскаго языка въ такомъ порядкѣ объяснить не трудно. Французъ, мой наставникъ, былъ взятъ въ 1812 году въ плѣнъ; слѣдовательно онъ былъ, что называется, военная косточка. Онъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ отмахалъ, подъ знаменами Наполеона, походъ изъ Парижа въ Москву; а потому, когда явился къ намъ въ домъ, ему было подъ тридцать-девять. Съ виду онъ былъ очень благообразенъ, расторопенъ, бодръ и веселъ.

Такимъ образомъ, для полноты моего положенія, я попалъ подъ вѣдѣніе гувернера-француза. Въ настоящіе годы, мнѣ иногда приходитъ на мысль о слѣдствіяхъ воспитанія, полученнаго подъ такимъ надзоромъ. Что оно дѣйствительно приносило мало пользы, такъ объ этомъ и говорить нечего, но, какъ мнѣ кажется, еще не вполнѣ взвѣсили у насъ особенный вредъ французскаго воспитанія въ нашихъ, такъ называемыхъ, хорошихъ домахъ.

Послѣ первой французской революціи, у нѣкоторыхъ изъ нашихъ помѣщиковъ явились, въ качествѣ гувернеровъ, бѣжавшіе изъ Франціи графы, виконты, маркизы, аббѣ, шевалье и сеньеры съ частичкою *de* передъ фамиліными прозваніями; правда, что они давали своимъ воспитанникамъ очень хорошую и пріятную внѣшнюю отдѣлку; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же господа внушали своимъ питомцамъ, какую-то не только нелюбовь, но даже непріязнь къ простому народу. Потерявъ свое видное граждан-

ское положеніе во Франціи, эти аббе, маркизы, шевалье и пр. вѣдѣли въ народѣ вообще враждебное начало къ благороднымъ (*bien nés*); оставаясь при своихъ, отжившихъ уже, родовыхъ убѣжденіяхъ, они, разумѣется, понятія эти передавали и своимъ питомцамъ; по этому самому, поколѣніе русскихъ, выросшее подъ такими понятіями, не могло уже сочувствовать народу.

Правда, что такихъ наставниковъ было у насъ не слишкомъ много, но бѣда была въ томъ, что они доставались на долю нѣкоторыхъ господъ большой руки, отъ которыхъ взглядъ навещи считали нужнымъ перенять господа меньшаго калибра, а отъ этихъ уже тѣ, которые были еще помельче. Взглядъ на что нибудь, и понятія о какомъ нибудь предметѣ распространяются очень быстро, если они передаются отъ высшаго общества къ низшему, потому что тутъ, кромѣ безсознательнаго подражанія, является еще умышленная и смѣшная охота походить на тѣхъ, кого мы считаемъ занимающими въ обществѣ болѣе важную противъ насъ степень; мелкому человѣку всегда бываетъ пріятно уподобиться значительной по его мнѣнію личности.

Второе сильное нашествіе французскихъ педагоговъ на русскую землю, было послѣ отечественной войны; множество ихъ повыводило съ этою цѣлью изъ военныхъ госпиталей. Кромѣ того, наши бородатые мужички, усердно отстаивая цѣлость родины и защищая ее оскорбленную честь, захватывали цѣлыми стаями обломки великой арміи, и около Москвы, и на всемъ протяженіи Смоленской дороги, и такой ловлею заготавливали порядочный, долго неизводившійся на Русь, запасъ виновственныхъ педагоговъ. Этотъ разрядъ наставниковъ, вступивъ въ Россію при громѣ барабановъ, и потомъ поселившись, вслѣдствіе переворотовъ военнаго счастья, въ видѣ мирныхъ учителей въ домахъ нашихъ помѣщиковъ, не забывалъ однако померкшей славы своихъ знаменъ. Эти наставники любили рассказывать своимъ питомцамъ о величіи императора, о славѣ его походовъ и объ обширности его завоеваній. Часто они, для возбужденія въ ребенкѣ любознательности, слѣдовательно какъ будто съ педагогическою цѣлью, но всего чаще изъ самохвальства, прибавляли къ правдивымъ рассказамъ и собственные свои вымыслы. Рѣдкій наставникъ, окуренный только русскимъ порохомъ подъ Бородинымъ и Смоленскомъ, и захваченный на пути отъ Москвы къ Березинѣ, не вносилъ въ свой послужной списокъ и похода въ Египетъ, не живописалъ песчаныхъ рав-

нинъ и дивныхъ пирамидъ, хотя и самъ онъ обо всемъ этомъ зналъ только по наслышкѣ. Этого рода паставники вселяли въ своихъ питомцевъ воинственный духъ, вбивали въ нихъ военную субординацію и забавляли дѣтское воображеніе мишурою эполетъ мундира, и плодами этого воспитанія былъ вырѣзанный изъ карты солдатъ, или сдѣланная изъ бумаги гренадерская шапка. Къ числу такихъ воинственныхъ наставниковъ принадлежалъ и мой мсьё Обри.

Самъ же я никогда не былъ проникнутъ воинственнымъ духомъ. Я даже не любилъ играть съ маленькими Поцалуевыми потому именно, что они всегда махали саблями, пиками, знаменами и бѣгали въ киверахъ и въ бумажныхъ латахъ. Тщетно мой отецъ напоминалъ мнѣ, что предки наши были люди военные, что военная служба называется благородною, напрасно мой отецъ покупалъ мнѣ барабаны, ружья и деревянные солдатъ. Это какъ-то не прельщало меня. Напрасно мсьё Обри совѣтывалъ отцу приобрести для меня на ярмаркѣ такого рода игрушки, говоря, что *cela developpe un noble enfant*, — то есть, что это развиваетъ благороднаго ребенка; ничто не помогало. Но разъ какъ-то удалось мсьё Обри вдохнуть въ меня воинственную отвагу; кто знаетъ, быть можетъ я, оставаясь подъ его исключительнымъ вліяніемъ, сдѣлался бы потомъ какимъ нибудь Аттилой, Чингисъ-Ханомъ, Батыемъ или Тамерланомъ....

— Чтò, Гриша, спросила меня какъ-то тетушка Катерина Григорьевна: — ты часто разговариваешь съ мсьё Обри?

— Я говорю съ нимъ тогда, когда онъ самъ говорить со мною, отвѣчалъ я: — да притомъ я и не все еще понимаю, чтò онъ мнѣ толкуетъ.

— Надобно, мой другъ, пользоваться случаемъ говорить по французски; нужно, чтобъ мсьё Обри почаще бесѣдовалъ съ тобою. А что, добавила тетушка: — онъ не говорилъ тебѣ еще ни разу о Бородинскомъ сраженіи? Вѣдь это очень интересно; попроси его, или постой, я лучше сама скажу ему объ этомъ, когда я его сегодня увижу.

Тетушка сдержала свое слово, потому что, когда на другой день я сѣлъ съ мсьё Обри за обычный урокъ, состоявшій въ выучиваніи навзустъ діалоговъ, онъ, закрывъ книжку и отложивъ ее въ сторону, сказалъ мнѣ важнымъ голосомъ: *aujourd'hui nous allons parler de la bataille de Borodino ou de la Moskowa....*

Вотъ что! подумалъ я: такъ сегодня-то мы потолкуемъ о сраженіи при Бородинѣ или *Москва*. Ну, это интереснѣе діалоговъ. Хотя объ этомъ сраженіи я уже слышалъ нѣсколько разъ толки моего отца, бывшагося на Бородинскомъ полѣ съ мсьё Обри, но мнѣ все-таки захотѣлось послушать и послѣдняго.

По случаю Бородинскаго сраженія, мсьё Обри болталъ безъ умолку около часу. Слова: *l'empereur, ennemi, les canons, les cirasiers* и пр. слышались поминутно. Но мой наставникъ неудовольствовался одною только запальчивою рѣчью; онъ, какъ было видно, желалъ представить мнѣ баталію, какъ можно нагляднѣе. Съ этою цѣлю, онъ исполнялъ кавалерійскія атаки, топая, какъ можно сильнѣе, обѣими ногами; а передъ атаками, онъ, подражая звуку трубы, проигрывалъ на губахъ довольно искусно разные военные сигналы, восклицая отрывисто: *entendez vous, c'est la fanfare!* (Слышите, это труба). Послѣ того раздавался въ устахъ мсьё Обри барабанный бой: *трахъ-трахъ-трахъ; c'est le tambour*, вскрикивалъ Обри. Затѣмъ, подражая бѣглому ружейному огню, онъ весьма ловко шелкалъ языкомъ, приговаривая: это перестрѣлка, — *c'est la fusillade!* Погодя немного, онъ начиналъ бацать ртомъ, точно изъ пушки: *бухъ, бухъ, бухъ! C'est le grondement des canons*, — это громъ пушекъ, объявлялъ мнѣ онъ, откашливаясь въ сторону. Послѣ пушечной пальбы, онъ, вѣроятно представляя натискъ русскихъ, начиналъ кричать: ура! а потомъ: *«vive l'empereur»* и *«mourrons pour la patrie»*; послѣднія слова онъ повторялъ и чаще и голосистѣе, нежели ура. Среди энергическаго разсказа, онъ вдругъ взвизгивалъ и шоталъ головою, представляя изъ себя раненнаго; потомъ вдругъ опять начиналъ барабанный бой, пальбу и перестрѣлку, и вслѣдъ за тѣмъ стовалъ, какъ умирающій, вытягивался на стулѣ и закрывалъ глаза, видно воображая, что онъ получилъ смертельную контузію. Потомъ вдругъ вскакивалъ со стула съ новымъ одушевленіемъ, указывая пальцемъ на печку, повелительно кричалъ: *marchons, en avant, feu!* Или, хватая книги, онъ торопливо разставлялъ ихъ на столѣ, объясняя мнѣ боевую позицію. Въ заключеніе же этой новой для меня ораторіи, мсьё Обри, что только было у него мочи, хватилъ разъ пять кулакомъ по столу, и потомъ сказалъ торжественнымъ голосомъ; *ce sont les derniers coups des canons. Avez-vous compris tout?* Такъ это, братъ, значить послѣдніе пушечные выстрѣлы, подумалъ я, и на вопросъ мсьё Обри, все ли я понялъ? отвѣчалъ, какъ и на каждый подобный вопросъ, что «oui». Bien! замѣтилъ мой наставникъ.

Хотя я, смотря накривавшіе мсьё Обри, чуть-чуть нѣсколько разъ не выржнуль отъ смѣха, повсе-таки та энергія, съ которою онъ мнѣ рассказывалъ, произвела на меня впечатаніе. Я сталъ думать: вѣдь хорошо же, должно быть, при грохотѣ пушекъ и барабановъ, и подъ свистомъ пуль и ядеръ носиться на конѣ и распоряжаться полками. Марсоманія начинала уже проникать и въ меня.

Въ тотъ же самый день, когда вечеромъ Алексѣй пришелъ раздѣвать меня, я сообщилъ ему мое желаніе быть военнымъ и въ добавокъ сказалъ: жаль, что ты не слышалъ, какъ славно рассказываетъ о сраженіи мсьё Обри.

— Полно, баринъ, отвѣчалъ Алексѣй:—за чѣмъ тебѣ на войну соваться; брали бы въ рекруты, другое дѣло: тутъ и поневолѣ потащутъ, а теперь сиди лучше дома, — цѣлѣ будешь. Ты, баринъ, думаешь, что вотъ тебѣ тамъ сейчасъ такъ и дадутъ верхомъ развѣзжать; какъ бы не такъ! Слушай, что французъ на-толкуетъ, хвастунъ онъ! Я-то отъ людей бывалыхъ слышалъ, какъ на войнѣ расправляются. Даи вздоръ-то мелеть этотъ мсьё, что онъ такъ ѣздилъ. Поцалуевскій-то французъ его знаетъ и рассказываетъ, что онъ при полку билъ только въ барабанъ; да и не пуль, и не штыкомъ его въ плѣнъ взяли, а просто, гдѣ-то около Вязьмы его нашъ братъ мужикъ хватилъ по затылку дубиной.

Дѣйствительно, передъ ненастьемъ, мсьё Обри иногда жаловался на боль въ головѣ; но однажды, на вопросъ тетушки, какими образомъ его взяли въ плѣнъ, онъ отвѣчалъ, что не помнить, потому что въ то время онъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи, по той причинѣ, что разомъ получилъ пять ранъ: одну ядромъ, другую пульей, третью штыкомъ, четвертую пикой и пятую картечью.

— Est-ce possible! восклицала тетушка, съ состраданіемъ по-считывая на герон. «Вотъ, думалъ я, сличая рассказъ Обри о его плѣненіи съ рассказомъ Алексѣя объ этомъ же самомъ: — вотъ тутъ и разбирай правду.

При томъ причѣръ превратности военного счастья, испытаннаго Обри, содѣйствовалъ также къ укрощенію во мнѣ несродныхъ мнѣ воинственныхъ порывовъ. Обри твердилъ, что онъ могъ быть маршаломъ. Однако, думалъ я:—въ маршалы-то ты, братъ, не попалъ, а попалъ въ учителя, — вслѣдствіе одной хорошей затрещины. Нечего сказать, можно полагаться на подобное счастье!»

Сживаясь въ нашемъ домѣ, неудавшійся маршалъ сталъ дѣлаться все безцеремоннѣе и вольнѣе. Сперва онъ сидѣлъ въ гостиной, какъ слѣдуетъ; а теперь сталъ разваливаться на диванѣ и насвистывать; сперва онъ говорилъ съ тетушкой весьма почтительно, а теперь онъ иногда разговаривалъ съ нею, стоя къ ней спиной и посматривая въ окошко, не обращая на нее никакого вниманія; сначала онъ только бѣгалъ въ дѣвичью, чтобъ посмотрѣть на Вѣрушку, а теперь онъ началъ останавливать ее въ корридорѣ и, несмотря на то, что она сердито говорила ему: «да пустите, сударь, мнѣ некогда», онъ не пускалъ ее, приговаривая: «не, не пучу, не пучу, карашо, карашо!» Отца моего онъ изъ полковниковъ разжаловалъ въ *monsieur le capitaine* и уже начиналъ обходиться съ нимъ, какъ съ старымъ товарищемъ. На меня Обри сталъ покрикивать, притопывая иногда ногою. Но бѣдный Васька всѣхъ болѣе сталъ испытывать на себѣ нравственную перемѣну мсье Обри, и съ этихъ поръ начинается рядъ непредвидѣнныхъ имъ прежде мученій.

Однажды Васька не понялъ, что мсье Обри приказалъ ему съ вечера вычистить новую пару сапоговъ, и подалъ ихъ Обри по утру невычищенными. «А! капаль!» закричалъ Обри, сидя на постелѣ: — «тине...» и при этомъ онъ сдѣлалъ руками движеніе, которое представляло, какъ чистятъ сапоги, и послѣ того, не разговаривая болѣе, ткнулъ Ваську сапогами въ зубы, а потомъ со всего размаху далъ ему пощечину. Ваську прошибли слезы, а щека его, говоря поэтически, горѣла, какъ горитъ Востокъ передъ близкимъ восходомъ солнца.

Въ тотъ же день, по утру, когда я, сидя надъ книгой, немного согнулся, я вдругъ почувствовалъ сильный толчекъ кулаковъ въ спину и грозный крикъ: *tenez vous droit!* Спустя нѣсколько минутъ, мнѣ вдругъ показалось, что искры брызнули у меня изъ глазъ и какъ будто огненная полоса перерѣзала поперекъ мою спину, я разинулъ ротъ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ выговорить ни полслова. *Eh bien! voilà ce qu'il faut faire avec vous!* кричалъ мнѣ Обри, подкраившійся ко мнѣ по тихоньку и хватившій меня ребромъ линейки поперекъ спины. Послѣ перваго ошеломленія, я вскочилъ со стула и хотѣлъ побѣжать къ матери, но вдругъ почувствовалъ, что, какъ будто, кожа у меня на затылкѣ отстаётъ отъ костей съ невыносимою болью; это было опять дѣло Обри, державшаго меня за волосы для того, чтобъ я не могъ уйти. Опустивъ мои ве-

лосы, онъ крѣпко схватилъ меня за руку и потащилъ къ печкѣ и тамъ, упираясь обѣими руками въ мои плечи, онъ придавливалъ меня, заставляя стать на колѣни, и крича въ изступленіи: «au genoux! je t'ordonne!» Наконецъ, рѣшительнымъ напоромъ на мои плечи, онъ подкосилъ мнѣ ноги, и я, заливаясь слезами, стала на колѣни. Всунувъ руки въ боковые карманы брюкъ, вѣроятно для удержанія себя отъ дальнѣйшихъ припадковъ запальчивости, мсьё Обри сильно топалъ ногами, осыпая меня бранью, потомъ, вытащивъ изъ кармана правую руку, онъ принялся грозить мнѣ, ударяя меня пальцемъ по носу, и наконецъ, когда я было разинулъ ротъ для объясненія съ разъяреннымъ педагогомъ, онъ крикнулъ во все горло: «taisez-vous! Votre père m'a confié le droit absolu sur vous!» Съ этими словами, онъ схватилъ со стола огромный французскій лексиконъ и, швырнувъ его въ меня, приказалъ, чтобъ я отыскалъ въ немъ, что значатъ слова *le droit absolu*.

Глотая слезы, принялся я отыскивать эти роковыя слова и нашелъ, что *absolu* значить безусловный, неограниченный; потомъ я отыскалъ слово *le droit*, подлѣ него стояли слова: право, законъ, власть. «Ну, что же это значить? подумалъ я:—хоть это и русскія слова, но я все таки ничего изъ нихъ не понимаю.» Между тѣмъ Васька былъ свидѣтелемъ всей этой сцены, и это еще болѣе убивало меня: я боялся, что онъ расскажетъ всей дворнѣ объ оскорбленіяхъ, мнѣ сдѣланныхъ, по ему самому, какъ мы это сейчасъ увидимъ, было не до того.

Когда приближалось время обѣда, Обри велѣлъ мнѣ встать съ колѣнъ, вымыться и причесаться; самъ же началъ дуть въ платокъ и потомъ прикладываетъ его къ моимъ глазамъ, чтобъ уменьшить ихъ жаръ и красноту и не дать матери замѣтить, что я плакалъ. За обѣдомъ я сидѣлъ, какъ растерянный. Между тѣмъ, зашла рѣчь о мѣрахъ исправленія. Обри съ горячностью доказывалъ, что у нихъ во Франціи нельзя тронуть человѣка даже пальцемъ.—«Отчего же», думалъ я: «ты насъ можешь не только трогать, кого хочешь, пальцами, но и бить сапогами, кулаками и линейкой.» Во время этого разговора, мсьё Обри выразилъ моему отцу свое неудовольствіе на Ваську и потребовалъ его наказанія. Матери моей, какъ было замѣтно, это требованіе очень не понравилось; отецъ хотѣлъ было смягчить француза, заговаривая о другомъ и предлагая ему вина; но все было напрасно. Обри, поддерживаемый тетушкой, былъ неумолимъ и

казалось тѣмъ, что, послѣ обѣда, былъ позванъ Агаеенъ, ему дано было приказаніе высѣчь Ваську въ присутствіи самого Обри. Васька пошелъ на экзекуцію съ мужествомъ, достойнымъ похвалы; но за что велѣли высѣчь Ваську, никто не зналъ: ни я, ни Обри, ни самъ высѣченный.

Послѣ этого, все чаще и чаще стали слышаться роковыя слова: *le droit absolu*, и хотя я все еще не понималъ настоящаго ихъ значенія, но уже началъ чувствовать къ нимъ какую-то неодолимую боязнь, смѣшанную съ ненавистью. Однажды я рѣшился попросить тетушку, чтобъ она объяснила мнѣ эти слова, не говоря причины, почему мнѣ хотѣлось это знать. Тетушка начала было толковать что-то, но толкованіе это было для меня непонятно; но вдругъ тетушка вскрикнула:—«постой! то, о чемъ ты спрашиваешь, я сейчасъ объясню тебѣ примѣромъ, это будетъ всего лучше. Вотъ, положимъ, начала она:—только ты не обижайся сравненіемъ, мой другъ; положимъ, что, напримѣръ, твой папаша можетъ сдѣлать съ тобой и съ Васькой, что онъ захочетъ, а я съ Маркизкой; положимъ теперь, что намъ за всѣмъ вами усмотрѣть нельзя, и потому мы поручаемъ васъ хоть бы, такъ сказать, мсьё Обри, съ тѣмъ, чтобъ уже онъ замѣнилъ насъ, и поэтому уже онъ, въ свою очередь, можетъ дѣлать съ вами все, что онъ захочетъ, и ужь въ его глазахъ всѣ вы равны между собою, и ты, и Васька, и Маркизка; а ваше дѣло только слушаться его, а самимъ ужь не думать и не разсуждать, вотъ это-то самое и будетъ *le droit absolu*». Такъ вотъ что оно значитъ, подумалъ я. Плохо же! Послѣ этого, я считалъ уже необходимымъ покоряться всѣмъ требованіямъ мсьё Обри. Признавъ въ немъ своего владыку, я сталъ чувствовать передъ нимъ все свое ничтожество. Въѣсто прежней откровенности и благородной самостоятельности, обнаружились во мнѣ скрытность и угодливость; мнѣ уже начинало становиться пріятно, когда мсьё Обри обходился со мною привѣтливо и хотя нѣсколько отличалъ меня отъ Васьки; вслѣдствіе этого, у меня явилось съ нимъ какое-то соревнованіе и я принимался за такія дѣла, которыя ко мнѣ вовсе не относились. Помню, что однажды, когда мсьё Обри былъ въ сердитомъ расположеніи духа и закричалъ Васькѣ: мой калошъ!—я, вмѣстѣ съ Васькой, кинулся къ шкапу и наперерывъ съ нимъ спѣшилъ вытащить изъ-подъ шкапа калоши моему повелителю. Васька, до того времени всегда смѣлый, прямой и откровенный, теперь, видя, что и я не только покоряюсь, но и уни-

жаюсь передъ Обри, сталъ дѣлаться робкимъ и раболѣпнымъ, а Обри становился съ нами все строже и высокомернѣе. Теперь онъ уже, не говоря ничего моему отцу, самъ, по своему собственному усмотрѣнію, таскалъ Ваську въ людскую и сѣкъ его, сколько душѣ было угодно. Дворянѣ наша начала жалѣть Ваську и стала поговаривать: «ахъ, бѣдняга, сперва отецъ и мать колотили тебя, а теперь для этого нашелся еще какой-то заморскій мусье; онъ полосуетъ тебя, сколько хочетъ; что дѣлать, видно самъ баринъ далъ ему на это право?» Въѣсто того мужества, съ которымъ Васька пошелъ первый разъ подъ розги, въ немъ явилась презрѣнная трусость; неразвитой еще въ немъ твердости духа было мало, чтобъ переносить частыя и притомъ всякій разъ все болѣе и болѣе усиленные страданія. При угрозахъ Обри раздѣлаться съ нимъ, онъ бросался къ ногамъ своего преслѣдователя, цаловалъ его руки, метался по полу, моталъ въ отчаяніи головою и ревѣлъ во все горло, прося о помилованіи. Я самъ пересталъ уже чувствовать внутренніе порывы негодованія при ударахъ линейкой, при трепкѣ за волосы, при рваніи за уши и при полученіи колотушекъ; я уже не стыдился этого, какъ стыдился прежде, а боялся только физической боли. Соображая теперь все это, я ясно вижу, до какого нравственнаго упадка довело меня самовластіе мсьё Обри, смѣшанное съ управленіемъ на военный покрой и выражавшееся безпрестанно въ грозной командѣ: *tenez vous droit* или *taisez-vous*!

Все мое уваженіе, или, вѣрнѣе сказать, боязнь, сосредоточилась теперь на одномъ только мсьё Обри. Я сталъ чувствовать какое-то равнодушіе къ моему отцу и охлажденіе къ матери, которые, какъ казалось мнѣ, предали меня, безъ всякой жалости, въ жертву мсьё Обри. Я боялся жаловаться, опасаясь, что это, можетъ быть, и не избавитъ меня отъ Обри, а только еще болѣе раздражитъ его противъ меня. И я безмолвно покорился своему жребію; но для меня уже минули прежніе свѣтлые и беззаботные дни, и поэтому я не слишкомъ скучалъ, когда меня, на двѣнадцатомъ году, отвезли изъ родительскаго дома въ Москву и отдали въ одинъ изъ тамошнихъ пансіоновъ. Здѣсь, въ кругу товарищей, я скорѣе совершенно отвыкъ отъ отца и матери, забыть свою няню и своего дядьку и даже ни разу не пришло мнѣ въ голову вспомнить о Васькѣ.

Между тѣмъ въ нашемъ домѣ произошли большія перемѣны: прежде всего—умерла мать. За нѣсколько дней передъ смертью,

она попросила къ себѣ мою мать. «Родная моя, сказала она ей:— ты знаешь, что у меня нѣтъ ни роду, ни племени, а я чувствую, что мнѣ жить уже не долго, хочу просить тебя, чтобъ ты для твоей вѣрной рабы обратила свою милость на Ваську; онъ горемычный много натерпѣлся; попроси же, матушка, чтобъ баринъ отпустилъ его на волю.» Отецъ исполнилъ просьбу няни и, въ день ея именинъ, принесъ къ ней отпускную для Васьки. Со слезами на глазахъ приняла няня этотъ подарокъ. «Пусть полежитъ эта бумага пока въ сундукъ, сказала она, а передъ смертью я отдамъ ее Васѣ.» Въ самый день своей смерти, она распредѣлила между людьми все свое имущество. Обыкновенно нянѣ въ большіе праздники отецъ и мать дарили по синенькой, а въ именины по красненькой, няня всегда отказывалась брать эти деньги и принимала ихъ только вслѣдствіе настоянія. Изъ этихъ-то подарковъ составила у няни небольшая сумма, и ее-то распредѣлила она и въ томъ числѣ назначила Васькѣ сто рублей ассигнаціями и сама отдала ему вольную, за нѣсколько часовъ до своей смерти. Во время смерти няни, я уже на столько измѣнился, что извѣстіе объ этомъ нисколько не огорчило меня. «Чтожъ, я думалъ:—не вѣкъ же ей было жить, нужно же было когда нибудь и умереть».

Послѣ няни, выбылъ изъ нашего дома и мой дядька Алексѣй. Отецъ мой отпустилъ его на волю въ благодарность за то, что онъ вырастилъ меня. Алексѣй уѣхалъ въ Нижній къ своему дядѣ, который давно уже откупился на волю и, поселившись въ Нижнемъ, счастливо расторговался пюхательнымъ и курительнымъ табакомъ. Онъ былъ старъ и одинокъ, и въ добавокъ начиналъ слѣпнуть, и поэтому безпрестанно звалъ къ себѣ своего племянника, чтобъ тотъ успокоилъ его старость. Уѣзжая изъ Зарудниковъ, Алексѣй взялъ съ собою и Ваську, обѣщаясь не покидать его и помогать ему, сколько Богъ дастъ.

Проходилъ годъ за годомъ. Быстро смѣнялась та обстановка, среди которой я родился. Мать моя умерла еще на другой годъ моего переѣзда въ Москву. Спустя два года послѣ ея смерти, не стало и моего отца. Онъ умеръ, оставивъ свои дѣла въ самомъ дурномъ положеніи, вслѣдствіе безпечно проведенной юности. Горе и нужда то незамѣтно подкрадывались ко мнѣ,

то открыто бросались съ непримиримымъ ожесточеніемъ. Это впрочемъ, было хорошо въ томъ отношеніи, что во мнѣ начала исчезать барская спесь и барскіе взгляды на многіе предметы. Я чувствовалъ, что въ нравственномъ отношеніи я сталъ улучшаться. Терпя самъ многія невзгоды, я съ участіемъ сталъ смотрѣть на бѣдственное положеніе людей, которыхъ я считалъ прежде какими-то твореніями особой, низшей породы, чѣмъ моя, и раждающимися для того только, чтобъ терпѣть. Я чувствовалъ, какъ среди постоянныхъ бореній съ судьбою, возникали и крѣпли во мнѣ мои собственныя убѣжденія и забывались затверженные мною фразы.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, мнѣ привелось быть въ одномъ изъ примосковскихъ губернскихъ городовъ, и однажды какъ-то я получилъ отъ директора тамошней гимназіи приглашеніе на торжественный актъ. Въ провинціяхъ за все торжественное хватаются съ большимъ удовольствіемъ, и потому торжественный актъ съ рѣчами, стихами, музыкой, закуской и мѣстнымъ губернаторомъ привлекъ множество посѣтителей. Въ назначенномъ часу, я явился въ залу, гдѣ совершался актъ въ порядкѣ, опредѣленномъ программой. Вдругъ, смотрю, на кафедре, для произнесенія торжественной рѣчи, входитъ знакомое мнѣ лицо, на которое впрочемъ время уже положило свой неизбѣжный отпечатокъ. Съ поспѣшностью обратился я за справокою въ программу акта. Тамъ, между прочимъ, было напечатано: 3) Г. старшій учитель, коллежскій совѣтникъ Филокомовъ, произнесетъ рѣчь: «О необходимости изученія въ нашемъ отечествѣ греческаго языка въ религіозномъ, нравственномъ, политическомъ, административномъ, военномъ и ученомъ отношеніи. 4) Музыка проиграетъ вальсъ изъ «Волшебнаго Стрѣлка.» 5) Г. младшій учитель, надворный совѣтникъ Обри, произнесетъ рѣчь: «De l'art militaire relativement aux progrès de l'instruction publique»; въ скобкахъ стояло: (О военномъ искусствѣ относительно къ успѣхамъ народнаго просвѣщенія). Ну, теперь ужъ несомнѣнно, что это мой виновственный Обри! Знакомымъ мнѣ голосомъ, приводившимъ меня нѣкогда въ трепетъ, Обри наполнялъ всю залу; и чего только не было въ его рѣчи! При видѣ Обри, я забылъ всѣ прежнія его гоненія, я только радовался и смотрѣлъ на него, какъ на живое воспоминаніе моего дѣтства. Когда Обри кончилъ свою рѣчь и вышелъ въ сосѣднюю комнату, чтобъ освѣжиться, я поспѣшилъ за нимъ вслѣдъ.

— Вы вѣрно не узнаете меня? спросилъ я его, предъявивъ ему свою фizioномію.

— Pardon! отвѣчалъ Обри, пожимая плечами.

— Охотовскій.

— Comment! крикнулъ Обри во все горло: — comment! monsieur Ochotowsky, notre cher petit Gregoire! и съ этими словами онъ крѣпко сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Во время завтрака, Обри рекомендовалъ меня своимъ сослуживцамъ по гимназіи, какъ своего прежняго питомца.

— Я объ васъ давно уже слышалъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Вѣроятно, отъ мсье Обри? спросилъ я.

— О нѣтъ, отъ Василія Ѳедоровича Печуркина.

— Какъ, отъ Печуркина? Василія Ѳедоровича?

— Да, теперешняго профессора исторіи въ *** университетѣ, у него я жилъ долгое время, нему я очень многимъ обязанъ; это благороднѣйшій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова.

«Василій Ѳедорычъ Печуркинъ, благороднѣйшій человѣкъ, думалъ я:—да кто же такой онъ могъ быть? Ни одного Печуркина не знаю и не помню.

— Вы, вѣроятно, ни за что не догадаетесь, кто такой этотъ Печуркинъ, если я вамъ не скажу объ этомъ, продолжалъ, улыбаясь, мой новый знакомый:—но Печуркинъ васъ очень хорошо знаетъ и помнитъ, и чрезвычайно васъ любить, потому что теперешній Печуркинъ—вашъ прежній Васька.

Я былъ удивленъ неожиданностью такого извѣстія.

— Его всѣ въ *** любятъ и уважаютъ за его прямой характеръ, твердость и независимость мнѣній, продолжалъ мой новый знакомый:—впрочемъ, за послѣднее онъ нажилъ себѣ порядочно враговъ, но онъ борется съ ними, какъ умный и честный человѣкъ. Ему дѣлается честь также и то, что онъ не только не скрываетъ, но, напротивъ, самъ рассказываетъ, что онъ сынъ кучера вашего батюшки, и что если бы не его прежніе господа и не ваша няня, и не вашъ дядька, то ему, вмѣсто того, чтобы сидѣть теперь на профессорской кафедрѣ, пришлось бы сидѣть гдѣ нибудь въ лакейской.

Отъ моего новаго знакомаго, очень милаго и образованнаго молодого человѣка, я узналъ, что, вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній Алексѣя, умеръ его дядя, и что Алексѣй получилъ отъ него въ наслѣдство табачную лавку и небольшой капиталаецъ, и когда только-что онъ устроилъ свои дѣла, то первую его заботою

было отдать Васю въ гимназію, и, по окончаніи имъ съ отличнымъ успѣхомъ полнаго курса, отправить его на свой счетъ въ "" университетъ, откуда онъ и вышелъ первымъ кандидатомъ и вскорѣ занялъ мѣсто адъюнкта, а потомъ и профессора русской исторіи въ томъ же университетѣ. На этой должности и во многихъ своихъ сочиненіяхъ, молодой профессоръ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими блестящими дарованіями, глубокими разносторонними свѣдѣніями и добросовѣстностью своихъ убѣжденій.

Припоминая теперь свое дѣтство и живые примѣры истиннаго благородства въ самой низкой долѣ, съ какою любовью и съ какою почтительностію поцаловалъ бы я твою руку, моя добрая няня; какъ крѣпко обнялъ бы я тебя, мой честный дядька, и какъ бы дружески, отъ сердца, пожалъ бы твою руку, прежній Васька, а теперешній Василій Федорычъ Печуркинъ, и громко сказалъ бы тебѣ: «завидный достался тебѣ удѣлъ—просвѣщать грядущія за нами поколѣнія; иди же, благородный труженикъ, дитя горя и нужды, твердо и неутомимо по избранному тобою пути! Не затемняй еще болѣе мрачныхъ страницъ въ нашихъ сказаніяхъ льстивыми и лукавыми рѣчами; но озаряй ихъ свѣтомъ правды! Неприводи въ восторгъ своихъ, скоро увлекающихся, слушателей, разказами о торжествѣ однихъ только побѣдъ, хотя и онѣ составляютъ славу въ лѣтописяхъ каждаго народа; но увлекай всего болѣе мужающія поколѣнія славою мирныхъ дѣлъ и заставь биться молодые сердца справедливымъ негодованіемъ противъ коснѣнія и невѣжества, — и повѣрь, что далеко, во всѣ концы нашей родины, разнесутся слова твои, если они будутъ полны любви и уваженія къ страждущему чело-вѣку!

ЕВГЕНІЙ КАРНОВИЧЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ

«О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»,

ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «СОВРЕМЕННОКА» ЗА 1857 Г.

(Письмо въ редакцію)

Русскіе журналы имѣютъ огромный авторитетъ у насъ, въ провинціи, — это, конечно, извѣстно вамъ, гг. журналисты. Но, можетъ быть, журналисты не знаютъ всей силы того горячаго сочувствія, которое пробудилось въ насъ (читающихъ и мыслящихъ провинціалахъ) къ журналамъ, особенно въ послѣднее время, когда въ нихъ не только затронуты, но такъ основательно поставлены и значительно уже развиты самые живые современные вопросы, болѣе или менѣе къ намъ близкіе.

Выразить это сочувствіе къ русской журналистикѣ вообще, и вмѣстѣ съ этимъ найти въ нашемъ журналѣ органъ для нѣкоторыхъ убѣжденій и мнѣній, истекающихъ изъ этихъ же началъ, которыхъ держится вашъ журналъ, и расходящихся только нѣсколько въ подробностяхъ, или въ практическихъ примѣненіяхъ, вотъ мысль, которая побуждаетъ меня писать къ вамъ.

Если вы, м. г., не поскучаете, изрѣка, письменною бесѣдою съ однимъ изъ вашихъ провинціальныхъ читателей и (безъ всякаго каламбура) искреннихъ почитателей русской журналистики, то я, безъ всякой опредѣленной программы, по поводу каждой интересующей

насъ мысли или мнѣнія, будутъ ли они высказаны въ вашемъ или въ другомъ какомъ періодическомъ изданіи, стану передавать вамъ откровенно собственное свое мнѣніе о тѣхъ же предметахъ, предлагать вопросы и недоумѣнія, которыхъ полное разрѣшеніе можетъ показаться необходимымъ.

Еще признаюсь вамъ въ одномъ самолюбивомъ побужденіи, подкрѣпившемъ мою рѣшимость взяться за перо, которое болѣею частию упражняется въ однѣхъ агрономическихъ замѣткахъ. Не разъ случалось слышать и мнѣ самому и другимъ, такимъ же мирнымъ, какъ я, землевладѣльцамъ, отъзны столичныхъ бюрократовъ, что есть такого рода современные вопросы, въ которыхъ мы не должны и «не можемъ» быть судьями, потому что мы «не можемъ» судить безпристрастно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшанъ личный нашъ «интересъ». Я не взялся бы доказывать ни одному чиновному господину, который имѣетъ о всѣхъ насъ такіа «интересныя» понятія, что, можетъ быть, многіе изъ насъ гораздо болѣе многихъ изъ нихъ имѣютъ искренняго сочувствія къ тѣмъ самымъ вопросамъ, на которые намекаютъ бюрократы, чуждые всякихъ поземельныхъ интересовъ; не взялся бы именно потому, что истинное сочувствіе ко всему человѣческому должно выражаться не въ однихъ словахъ, не въ однѣхъ громкихъ фразахъ, которыя ровно ничего не стоятъ рисующемуся резонѣру, но на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительныхъ и личныхъ жертвахъ, приносимыхъ общему дѣлу. Одно я легко могъ бы доказать этимъ господамъ, именно то, что мы больше ихъ знакомы съ нѣкоторыми изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ они судятъ слишкомъ высокимъ тономъ, и что мы не совсѣмъ чужды современныхъ убѣжденій. Но пусть лучше нѣкоторыя изъ этихъ убѣжденій выскажутся здѣсь, на болѣе приличномъ и открытомъ поприщѣ, чѣмъ въ праздной рѣчи, между двумя робберами ералаша.

Кстати припомнилось одно обстоятельство, которое можетъ отчасти служить доказательствомъ, что и мы, провинціалы, легко можемъ быть партизанами всего истиннаго и высокаго, независимо отъ мѣстныхъ пристрастій и личныхъ самолюбій. Боже мой! съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ, съ какимъ горячимъ энтузіазмомъ, встрѣчали у насъ, въ провинціи, каждую новую строчку Гоголя, въ лучшую эпоху его дѣятельности, и съ какою грустію печалились о томъ несчастномъ переломѣ въ его жизни, который отвлекъ его отъ этой дѣятельности, и погрузилъ въ туманы безплоднаго аскетизма! Мы и тогда уважали въ немъ челоѣка, но въ тоже время горько сожалѣли о заживо умершемъ великомъ художникѣ, о недоконченныхъ и уже погибшихъ его произведе-

віяхъ. «Мертвыя Души» не переставали быть нашею настоящею книгою. А между тѣмъ, казалось бы, ближе всего было мелкимъ самолюбіямъ ошестиниться противъ писателя, который за-
ключилъ обиденную жизнь несправедливою печатью пошлости, вынесъ на свѣтъ Божій и на позоръ добрымъ людямъ, изъ нашей же живой среды, типы Ноздрева, Собакевича и прочихъ.

Извините за невольное отступленіе отъ современности. Впрочемъ, и теперь еще дѣятельность Гоголя, какъ первый шагъ къ нашему самосознанію, имѣетъ живую, неразрывную связь со всѣми вновъ пробужденными стремленіями къ самонаправленію, къ обновленію. Притомъ, я заранѣе предупредилъ васъ, и еще разъ прошу позволенія: говорить обо всемъ, что впадаетъ на мысль и на сердце, не подчиняясь никакой предпосланной программѣ, тѣмъ менѣе системѣ, которой и не можетъ быть въ моей корреспонденціи, не имѣющей никакихъ претензій, никакихъ притязаній. Но возвращаясь къ нашему журналу.

На этотъ разъ я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ къ окончательному разъясненію чрезвычайно важнаго предмета, по поводу напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Современника» статьи о поземельной собственности.

Прежде всего скажу, что основная идея, ея развитіе и главные выводы совершенно совпадаютъ съ моимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Нѣкоторые противорѣчія, или недоумѣнія, возникаютъ изъ разсмотрѣнія подробностей, кажется не совсемъ оправдываемыхъ опытомъ; но я впередъ увѣронъ, что эти недоумѣнія разрѣшатся при дальнѣйшемъ разъясненіи предмета. Иначе и быть не можетъ, при убѣжденіи въ вѣрности основной мысли и при логическомъ ея развитіи. Я нисколько не спору; я одинаково убѣжденъ въ сущности дѣла и въ истинѣ основныхъ положеній, и только желаю разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, которыя, мнѣ кажется, и въ настоящее время и долго еще будутъ непримѣнимы къ нашей общественной жизни.

Принципъ общиннаго владѣнія непогрѣшительнъ, и мы чрезвычайно счастливы тѣмъ, что онъ не только вполне примѣнимъ къ нашей будущности, но существуетъ уже, какъ фактъ, въ настоящемъ, сроденъ нашему толковому народу и прочно легъ уже въ основаніе нашей общественной жизни. Это такое благо, которому могутъ позавидовать и опередившіе насъ въ развитіи народы: оно въ нашихъ рукахъ, и можетъ въ будущемъ предохранить отъ язвы пролетаріата многіе миліоны русскихъ людей. Это истина, и притомъ истина какъ нельзя болѣе утѣшительная. Дорожить этимъ благомъ, какъ даромъ Провидѣнія, дѣлать его, по возможности раз-

ивать болѣе и болѣе, — это наша непремѣнная и отрадная обязанность. Но не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переходъ въ эту будущность изъ настоящаго состоянія возможенъ скоро — и возможенъ безъ переходнаго состоянія. Такихъ скачковъ никогда не дѣлали народы — и мы не можемъ сдѣлать. Развить эту мысль можно бы очень подробно; но здѣсь неумѣстно. *Sapienti sat.* Я только къ тому веду рѣчь, что и принципъ частнаго владѣнія, хотя бы онъ и вытѣснялся постепенно общиннымъ, будетъ еще долго и долго господствовать и, — какъ переходное состояніе, — неизбеженъ. Если это такъ, то первый вопросъ, мнѣ кажется, состоитъ только въ томъ, какъ одновременно совмѣстить возможно мирное господство обонхъ способовъ владѣнія, и какъ распоряженіе частною собственностію съ дѣлать наивозможно плодотворнымъ и неистѣснятельнымъ для соприсающагося съ нимъ общиннаго владѣнія. За тѣмъ уже можетъ подлежать къ разрѣшенію другой вопросъ: какъ оградить навсегда, благодѣтельное для большинства, общинное владѣніе отъ возможности вторженія въ его область частнаго, и какой лучшей и мирнымъ путь къ постепенному расширенію этой области, съ усовершенствованіемъ самаго распоряженія общественною собственностію. Время сдѣлаетъ остальное.

Если мы согласны съ авторомъ означенной статьи въ томъ, что частные собственники пока неизбежны, то почему же нѣтъ спасенія безъ системы фермерства, которую самъ авторъ находитъ слишкомъ неудовлетворительной и даже вредной? Онъ и на первыхъ страницахъ высказываетъ и потомъ, въ приложеніи В, подробно развиваетъ мысль, что собственнику неудобно и почти невозможно самому производить въ имѣніи прочныя улучшенія, при господствѣ системы фермерства. Да, при послѣднемъ условіи, это дѣйствительно справедливо. Но тамъ, гдѣ еще, слава Богу, не развито фермерство, и частные собственники еще не связаны никакими контрактами, почему же имъ и не заняться самимъ этими улучшеніями? Если соединеніе въ одномъ лицѣ охоты къ труду, знанія дѣла и капитала — очень рѣдко, особенно у насъ, то все-таки возможно. Больше или меньше знаніе дѣла и *охота по неволѣ* сами собою явятся, вслѣдствіе необходимости обезпеченія и нѣкотораго улучшенія своего состоянія, — не говоря уже о тѣхъ, правда немногихъ, собственникахъ, которые смотрятъ на это дѣло серьезно и нѣбуютъ къ нему призваніе. Останется одно затрудненіе — въ недостаткѣ капиталовъ. А гдѣ жъ у насъ эти фермеры — капиталисты? — и откуда они явятся, если не изъ среды тѣхъ же собственников? — Что же, если силою обстоятельствъ историческихъ, вся наша по-земельная собственность распадется на два почти равныхъ отдѣла,

общинныхъ и частныхъ земель? Вѣдь это, не правдали, очень возможно, — даже желательно, — даже неизбежно?.. Предположимъ, что это уже совершилось. Съ одной стороны, общинныя земли, непретѣнными постановленіями, навсегда уже обезпеченныя отъ возможности отчужденія въ частную собственность, и пачинающія организоваться на свойственныхъ имъ началахъ. Съ другой, частныя собственности, предоставленныя собственному званію дѣла и собственнымъ своимъ средствамъ. Фермеровъ еще нѣтъ; а капиталы у частныхъ собственниковъ уже появились, вслѣдствіе самаго перехода значительной части поземельныхъ угодій въ общинное владѣніе, — что не могло произойти безъ денежнаго вознагражденія прежнимъ землевладѣльцамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, если не всѣ, то большая часть собственниковъ очень могутъ и должны заняться сами принадлежащимъ имъ дѣломъ, потому что имѣютъ уже къ этому средства и побужденіе въ собственномъ интересѣ. И та избавишь насъ Богъ, при такихъ, на первый разъ, очень благопріятныхъ данныхъ, отъ развитія фермерства въ томъ видѣ, какъ оно является въ Англіи! — Оно не будетъ уже намъ и опасно, если Бога нибудь приблизительно половина поземельной собственности будетъ уже распределяться по принципу общиннаго владѣнія, если область его, въ которую не можетъ уже вторгаться частная собственность, можетъ постепенно раздвигать свои предѣлы: присоединеніемъ (обязательнымъ или добровольнымъ) измѣльчавшихъ, до извѣстнаго предѣла, чрезъ наследственное дробленіе, участковъ, — къ прилежащей общинѣ; предоставленіемъ права каждому частному собственнику распорядиться, для своего семейства и потомства, землями, на основаніи принципа общиннаго владѣнія, и т. п. Такъ, или иначе, но лишь бы дана была возможность движенія къ расширенію предѣловъ общинной области, вмѣщающей интересы огромнаго большинства, и, съ другой стороны, лишь бы отнята была всякая возможность у частной собственности на незаконное посягательство. — частныя собственности, заботясь о своемъ частномъ благѣ, невольно будутъ содѣйствовать общему. — Все это, какъ вы видите, предположительно, — иначе и быть здѣсь не можетъ, — но согласитесь, что все это очень возможно.

Результатъ всего мною сказаннаго тотъ, что я желалъ бы, въ вашей статьѣ, во-первыхъ, не много болѣе уступки въ пользу частной собственности, исторически неизбежной, можетъ быть, какъ состоянія переходнаго, и, во-вторыхъ, допущенія возможности разумнаго распоряженія землями частныхъ собственниковъ, независимо отъ системы фермерства, до сихъ поръ намъ совершенно чуждой, — и, выѣстъ съ тѣмъ, искренно желалъ

бы, чтобъ угрожающій намъ въ будущемъ призракъ фермерства не парализировалъ, въ настоящемъ, частныхъ нашихъ успѣхъ къ усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства, — а со временемъ, и совсѣмъ исчезъ предъ поглощающимъ вліяніемъ общиннаго начала. Таковы, по крайней мѣрѣ, *mon pia desideria*.

Другое, второстепенное замѣчаніе, или недоумѣніе, относится къ примѣрно принятому авторомъ 57-лѣтнему періоду, для сравненія выгоды прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера. Эта цифра, разумѣется, примѣрная; но чѣмъ она ближе будетъ къ дѣйствительной, тѣмъ убѣдительнѣе, и тѣмъ меньше можетъ подать повода къ сомнѣнію, для людей противнаго или еще неустановившагося мнѣнія, въ истинѣ принятаго начала. Предполагая, что затрата капитала на улучшеніе состоитъ въ удобреніи земли, — случай самый обыкновенный и наиболѣе общій, — находимъ слѣдующее. По теоріи и на практикѣ признано несомнѣннымъ, что это улучшеніе оказываетъ замѣтное дѣйствіе на періодъ очень кратковременный, и, притомъ, съ каждымъ новымъ оборотомъ зерновыхъ посѣвовъ, несмотря на посредствующіе кормовые и на отдыхъ земли въ пару, дѣйствіе это постепенно и быстро ослабѣваетъ. Такъ что, на примѣръ, при обыкновенномъ трехъ-польномъ сѣвооборотѣ, послѣ шести хлѣбныхъ жатвъ, слѣдовательно въ 9-ти лѣтній періодъ, отъ самаго сильнаго удобренія незамѣтно уже и слѣдовъ, — хотя, разумѣется, вообще говоря, земля хоть разъ удобренная, все-таки предпочтительнѣе земли равнокачественной, но никогда неудобренной и одинаково истощенной. Дѣло въ томъ, что избытокъ дохода, вслѣдствіе удобренія, далеко не будетъ равномеренъ при слѣдующихъ сѣнахъ или срокахъ, на которые можетъ подраздѣлиться принимаемый періодъ, если даже онъ будетъ 9-ти лѣтній, не говоря уже о 57-ми и 60-ти годахъ, о которыхъ земледѣльцамъ страшно и подумать. Слѣдовательно, затрата капитала на удобреніе должна возобновляться въ каждый 9-ти лѣтній, и еще вѣрнѣе — въ 60-ти лѣтній періодъ. Изъ этого видно, что результатъ сравнительнаго разсчета выйдетъ совсѣмъ иной, если принять цифры, гораздо болѣе приближающіяся къ дѣйствительности. Не говорю уже о томъ, что здѣсь приняты для сравненія выгоды общинника и фермера, а не собственника, производящаго улучшеніе, собственнымъ своимъ капиталомъ, на принадлежащей ему землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сравнительный разсчетъ уже видоизмѣнился бы не въ пользу общинника: выгоды могутъ быть между ними почти равномѣрны, въ отношеніи по крайней мѣрѣ затраты на удобреніе, которое принесетъ всю свою пользу, даже разъ возобновившись, гораздо прежде новаго передѣла общинной земли, пола-

гая срокъ его въ 15 лѣтъ. Но это замѣчаніе, повторяю, второстепенное, нисколько не подрывающее истины основнаго положенія, и предлагаемое только для большаго разъясненія такого важнаго предмета.

Въ заключеніе, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, съ опасностію быть обвиненнымъ въ противорѣчіи и въ несостоятельности моей логики, позвольте настоять на увѣреніе, что хотя я и отставляю нѣкоторыя права частной собственности, какъ исторической необходимости, однако въ тоже время глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ и плодотворности общиннаго начала. По между признаніемъ непогрѣшительности принципа и признаніемъ возможности полнаго его приложенія, въ данное время, большая разница. Если бы во мнѣ, къ несчастію, могло быть малѣйшее побужденіе оспаривать истину началъ, принятыхъ въ основаніе авторомъ статьи о поземельной собственности, то довольно было бы, чтобы зажать мнѣ ротъ, одной картины, поразительной своей правдою, распределенія поземельной собственности по принятому принципу наследственности (Приложеніе Д). Противъ этой общественной аномаліи, мнѣ кажется, сподручнымъ и радикальнымъ одно средство: замѣна наследственности по частному принципу порядкомъ наследованія, примѣненнымъ къ общинному началу, что ни мало не нарушаетъ интересовъ и правъ частныхъ собственниковъ. Напротивъ, я взялся бы доказать осязательно, что этотъ видопзмѣненный порядокъ наследованія, не выходя изъ области частнаго права, удовлетворяетъ въ одно время и требованію справедливости и ролювому, кровному чувству заботливости о судьбѣ своего потомства. Живо представляю, въ своемъ воображеніи, эту картину наследственнаго движенія поземельной собственности, на общинномъ основаніи, картину, которая могла бы служить въ pendant къ начертанной авторомъ, для нагляднаго доказательства той же истины.... Но объ этомъ надо говорить или подробно и много, или ограничиться однимъ этимъ указаніемъ. Предпочитаю здѣсь послѣднее.

Вотъ, м. г., на первый разъ все то, что я намѣренъ былъ вамъ высказать, не слишкомъ обременяя ваше вниманіе, и не выходя изъ позволительныхъ границъ письменной бесѣды. Если вы желаете когда нибудь ея возобновленія, то самымъ яснымъ знакомъ этого желанія будетъ — появленіе моего письма на страницахъ вашего журнала.

ПРОВИНЦІАЛЪ.

ОТВѢТЪ

НА ЗАМѢЧАНІЯ Г. ПРОВИНЦІАЛА.

Теперь можно говорить прямо, нежели возможно было почтенному автору письма и намъ два или три мѣсяца назадъ, и мы надѣемся, что объясненія, которыя можемъ теперь дать о нашихъ мнѣніяхъ, во многихъ случаяхъ удовлетворить почтеннаго корреспондента, показавъ ему, что большая часть сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нашими статьями, произошла не отъ того, чтобы мы въ сущности имѣли образъ мыслей, съ которымъ бы не могъ онъ согласиться, но единственно оттого, что мы или не могли или не умѣли съ достаточною точностью выразить свою мысль о пѣкоторыхъ подробностяхъ предмета.

Почтенный корреспондентъ начинаетъ свои замѣчанія увѣреніемъ, что многіе изъ нашихъ землевладѣльцевъ заботятся о разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса съ выгодною для крестьянъ не менѣе, нежели люди, упрекающіе землевладѣльцевъ въ холодности къ этому дѣлу. Мы не знаемъ, на сколько авторъ при этомъ увѣреніи обращался лично къ намъ, но, имѣя теперь возможность, мы вообще находимъ полезнымъ точнѣе прежняго выразить наше мнѣніе о классѣ, къ которому принадлежитъ нашъ корреспондентъ. Нѣтъ сословія, которое не имѣло бы своихъ недостатковъ, нѣтъ положеній, при которомъ личные интересы человека не бывали бы часто противоположны справедливымъ выгодамъ многихъ другихъ людей и пользамъ цѣлаго государства. При существованіи крѣпостнаго права это примѣнялось къ положенію помѣщиковъ гораздо болѣе, не-

желѣ къ положенію многихъ другихъ сословій, — наприимѣръ, не говоря уже о самыхъ поселянахъ, торговцахъ, промышленникахъ, домовладѣльцахъ, даже челоѣкъ, живущій процентами съ денежнаго капитала, — даже (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственной службы) чиновникъ занималъ относительно требованій справедливости и національнаго благосостоянія болѣе нормальное положеніе, нежели помѣщикъ. Но изъ того, что извѣстный классъ занимаетъ положеніе, несогласное съ этими условіями, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы лица этого класса можно было осуждать за невыгоды, приносимыя государству или другимъ сословіямъ тѣми условіями быта, которыя составляютъ привилегію. сословія. Можно желать уничтоженія привилегій, несогласной съ справедливостію, гуманностію и государственною пользою; но чувства наши относительно самыхъ лицъ, пользующихся существующею привилегіею, совершенно зависятъ отъ чувствъ, которыми проникнуты сами они. Во всякой многочисленной корпораціи бывають люди очень различнаго образа мыслей и образованности. Одни изъ привилегированныхъ могутъ желать сохраненія своей привилегіи, другіе могутъ желать ея измѣненія. О послѣднихъ поговоримъ послѣ; теперь замѣтимъ, что и первые въ своемъ желаніи, конечно противномъ государственной выгодѣ, могутъ руководиться побужденіями очень различными. Многие отставляютъ свою привилегію только потому, что не понимаютъ другаго порядка вещей, просто потому, что вообще боятся покинуть рутину. Это люди мало развитые, и ихъ умственная слабость, какъ всякая слабость, заслуживаетъ сострадательной помощи. Челоѣкъ, болѣе развитый, показалъ бы себя недостойнымъ уваженія, если бы вздумалъ враждовать противъ такихъ личностей, вмѣсто того, чтобы просвѣщать ихъ. Есть многое другіе, для которыхъ прекращеніе привилегіи содѣяно въ ближайшемъ будущемъ съ такими убытками, которыхъ не могутъ вынести ихъ настоящія средства, хотя въ будущемъ, болѣе отдаленномъ, и для нихъ, какъ для всего государства, прекращеніе привилегіи будетъ выгодно. Относительно такихъ людей мало заботъ о просвѣщеніи ихъ взгляда: имъ нужно матеріальное пособіе, чтобы они могли пережить безъ раззоренія переходный періодъ. Изъ этихъ двухъ разрядовъ можетъ быть состоятъ большинство людей, неблагопріятствующихъ прекращенію привилегій. И хотя привилегія, продолженія которой они хотѣли бы, несомнѣнно вредна, но столь же несомнѣнно и то, что эти личности не могутъ быть предметомъ вражды со стороны справедливаго поборника улучшеній. Съ однимъ они должны доброжелательно бесѣдовать о средствахъ и путяхъ, которыми они могутъ не только не проиграть,

а напротивъ выиграть при отбѣнѣ привилегіи; въ пользу другихъ онъ самъ долженъ приискивать матеріальныя средства, чтобы они въ замѣнъ прежнихъ источниковъ жизни получили новые, если возможно обильнѣйшіе прежнихъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, должны быть чувства просвѣщенныхъ противниковъ крѣпостнаго права относительно большинства нашихъ помѣщиковъ. Не помѣщики, намъ современные, присвоили себѣ вредную для государства привилегію пользоваться обязательнымъ трудомъ. Если тѣ, которые не видятъ выгоднаго для себя выхода изъ этого положенія, желали бы сохранить его, тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Человѣкъ, защищающій свои выгоды, вовсе не есть человѣкъ дурной; нужно только показать ему, что съ уничтоженіемъ привилегіи, его благосостояніе не уменьшится, а увеличится; и онъ не будетъ имѣть ничего противъ улучшеній.

Въ каждой многочисленной корпораціи есть люди нравственно дурные, люди, которымъ дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурнымъ страстямъ: тщеславію, самовластію, лѣности, низкимъ порокамъ и т. п. Для этихъ испорченныхъ людей злоупотребленіе пріятно само по себѣ; они возстаютъ противъ улучшеній не по ограниченности ума или свѣдѣній, не по ошибочному расчету, не по робости передъ нововведеніями, а изъ пристрастія къ дурному. Въ каждомъ сословіи есть такіе люди, но они не принадлежатъ собственно ни къ какому сословію, кромѣ сословія людей нравственно испорченныхъ. Какое бы оффиціальное имя приносили они, все равно, они лично, сами по себѣ, вредны для общества, вредны не положеніемъ своимъ, которое бываетъ очень различно, а качествами своего сердца. Но природа человѣческая такъ благородна по своей сущности, что число такихъ людей незначительно. И каковы бы ни были впечатлѣнія, производимыя на общество нравственно дурными рѣчами или поступками нравственно дурныхъ людей, защищающихъ злоупотребленіе изъ пристрастія къ нему, — какъ бы непріятны ни были эти впечатлѣнія; чувство, ими возбуждаемое, не должно относиться къ цѣлому сословію.

Въ каждомъ сословіи есть люди всякаго рода, въ каждомъ есть, между прочимъ, и нѣсколько человѣкъ нравственно дурныхъ, за которыхъ не обязано отвѣчать сословіе; но съ другой стороны, въ каждомъ сословіи бываютъ и люди, по своимъ личнымъ качествамъ столько же возвышающіеся надъ большинствомъ, на сколько нѣкоторые бываютъ ниже его. Хотя привилегированное положеніе не всегда благопріятствуетъ нормальному развитію человѣка, но съ другой стороны сословіе помѣщиковъ обла-

дѣтъ у насъ. по отношенію къ удобствамъ нравственнаго развитія, столькими средствами, не достающими другимъ сословіямъ, что можно предположить въ сословіи помѣщиковъ болѣшую пропорцію людей, замѣчательныхъ по особенной развитости ума и чувства, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Большая половина всего населеннаго пространства Русской имперіи находится во владѣніи этого сословія. Оно вообще пользуется несравненно болѣшимъ благосостояніемъ, нежели всякое другое сословіе, взятое въ массѣ; даже торгующій классъ далеко не имѣетъ такихъ доходовъ, какъ землевладѣльцы; классу помѣщиковъ по преимуществу открытъ доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія и вообще онъ имѣетъ гораздо больше средствъ, нежели другія сословія, для своего воспитанія. Это вещь извѣстная, но не должно забывать о другомъ обстоятельстве, не менѣе важномъ для умственнаго и нравственнаго развитія: всѣ высшія общественныя должности заняты людьми изъ этого сословія; извѣстно, что занятіе важными общественными дѣлами есть наилучшая школа для развитія въ человѣкѣ всѣхъ истинно человѣческихъ достоинствъ; извѣстно, что изъ двухъ людей, одинаково одаренныхъ отъ природы, тотъ будетъ имѣть болѣе широкій взглядъ на жизнь, кто болѣе привыкъ къ занятіямъ, требующимъ подобнаго взгляда; извѣстно, какъ убійственно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце человѣка такое положеніе, при которомъ всѣ его мысли исключительно прикованы къ мелочнымъ заботамъ о мелочныхъ дѣлахъ; какъ сословіе, одни помѣщики у насъ изъяты отъ этого погруженія исключительно въ мелкіе интересы, они одни заняты широкими заботами о государственныхъ дѣлахъ, нравственно возвышающимъ человѣка. Надобно думать, что этими благоприятными развитію обстоятельствами вознаграждается невыгодное вліяніе приключеній на развитіе, и потому должно предполагать, что въ сословіи помѣщиковъ пропорція людей, достигшихъ высокаго нравственнаго и умственнаго развитія, болѣе значительна, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ, при всемъ возможномъ нерасположеніи къ довѣрчивости похваламъ, безпристрастный человѣкъ едва ли станетъ отрицать, что въ дворянскомъ сословіи находилось и находится очень много людей, заслужившихъ признательность патріота своими заслугами дѣлу общественной жизни вообще, и въ частности находится много людей, самымъ благороднымъ и полезнымъ образомъ содѣйствовавшихъ разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя забывать того, что изъ людей, наиболѣе заботившихся объ уничтоженіи крѣпостнаго права, болѣшая часть принадлежала и принадлежитъ сословію помѣщиковъ. Почти всѣ

дѣльные проекты объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, предшествовавшіе административнымъ мѣрамъ, были составлены людьми изъ сословія помѣщиковъ. Мы не имѣемъ права называть ихъ именъ, которыя стали особенно почтенными по заботливости объ этой реформѣ, но эти имена, вѣроятно, извѣстны нашимъ читателямъ и вѣроятно они знаютъ, что всѣ эти лица сами владѣютъ довольно значительными, а нѣкоторые изъ нихъ огромными помѣстьями. Объ этихъ лицахъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Мы совершенно увѣрены, что благоразумно исполненнымъ отмененіемъ крѣпостнаго права чрезвычайно возвысится благосостояніе помѣщиковъ, возвысится и важность сословія землевладельцевъ. Но какъ бы то ни было, это нововведеніе соединено для помѣщиковъ съ отреченіемъ отъ привилегій, которыя справедливо казались имъ очень важными. Возставать противъ привилегій, которую самъ онъ пользуется, человѣкъ можетъ только тогда, когда слишкомъ живо проникнутъ стремленіями высокой гуманности: для этого недостаточно разсчета, хотя бы самаго вѣрнаго. Привилегія имѣетъ въ себѣ такую обольстительность, что пристрастіе къ ней сопротивляется даже очевидной выгодѣ. Когда человѣкъ отказывается отъ привилегій, наше заключеніе о его нравственныхъ достоинствахъ не мало не зависитъ отъ того, до какой степени выгодно будетъ ему это отреченіе, — во всякомъ случаѣ оно составляетъ высокій нравственный подвигъ, если только оно добровольно. Стремленія тѣхъ лицъ, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, не только были добровольны, но требовали твердости характера и высокой гражданской отважности. Не только не было имъ никакой нужды, никакого разсчета выступать передъ обществомъ съ отреченіемъ отъ своихъ привилегій, напротивъ всѣ чувства житейскаго разсчета и дюжиннаго благоразумія совѣтывали имъ молчать. Правда, многое зависитъ и отъ того, въ какое отношеніе къ благороднѣйшимъ своимъ представителямъ захочетъ стать сословіе; захочетъ ли оно признавать ихъ своими представителями? Теперь мы знаемъ только, что между помѣщиками коренныхъ Вѣликорусскихъ губерній, первыми вступили на указанный благородный путь помѣщики Нижегородской губерніи.

Послѣ этого предисловія, очень длиннаго, мы можемъ перейти къ замѣчаніямъ, которыя дѣлаетъ почтенный корреспондентъ на наши статьи о поземельной собственности.

Онъ справедливо говоритъ, что между нимъ и авторомъ статьи, на которую имѣетъ онъ замѣчанія, нѣтъ спора; замѣчанія почтеннаго корреспондента только поясняютъ нѣкоторыя стороны дѣла, безъ достаточной точности изложенныя въ нашей статьѣ, — пояс-

ваютъ ихъ совершенно согласно съ духомъ нашихъ собственныхъ мѣній, и мы принимаемъ ихъ совершенно.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на чрезвычайно вѣрное толкованіе, которое мысли почтеннаго корреспондента прилагается нашему спору въ защиту общиннаго владѣнія. То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность,—вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселеннаго — хозяина въ званіи поземельнаго собственника. Черезъ тридцать, или двадцать—пять лѣтъ, общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселенцамъ другую, еще болѣе важную выгоду, открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли; не можемъ сказать, чтобы это соображеніе не оказывало сильнаго вліянія на нашу приверженность къ общинному владѣнію; но заботы настоящаго всегда бываютъ сильнѣе соображеній о будущемъ, и конечно мы не защищали бы съ такимъ жаромъ общиннаго владѣнія, если бы не побуждала насъ къ тому важность его для настоящаго времени, совершенно справедливо повиняемая почтеннымъ корреспондентомъ.

Если мы дѣйствительно подали нашимъ читателямъ поводъ думать, что мы упускаемъ изъ виду неизбежность довольно долгаго переходнаго состоянія отъ настоящихъ способовъ обработки отдѣльныхъ участковъ общинной земли частными силами отдѣльнаго хозяина къ общинной обработкѣ цѣлой мірской дачѣ,—если мы дали поводъ къ такому мнѣнію о нашихъ понятіяхъ, какъ на то повидному указываетъ одно изъ замѣчаній, дѣлаемыхъ нашимъ корреспондентомъ, мы выразились неудачно или неполно въ томъ мѣстѣ нашихъ статей, которое дало поводъ къ такому заключенію. Въ полюбившихся недостаткахъ изложенія мы охотно признаемся. Но если вкралось гдѣ нибудь такое упущеніе въ нашемъ изложеніи, въ другихъ мѣстахъ нашихъ статей мы выражались объ этомъ предметѣ съ достаточною ясностью: много разъ положительно и подробно говорили мы о томъ, что при быстромъ развитіи механическихъ и другихъ средствъ для обработки и улучшенія земли, при быстромъ развитіи другихъ промышленности и торговли, при улучшеніи средствъ сообщенія и т. д., нашему земледѣлію предстоитъ вступать въ новую эпоху, когда потребуются отъ него улучшенные способы производства, въ которыхъ оно еще не нуждается теперь или довольно мало нуждается; къ тому времени относимся

мы осуществленіе многихъ нашихъ понятій, исполненіе которыхъ вовсе не требуется настоящимъ; также положительно говорили мы о томъ, что всѣ эти улучшенія, относимыя нами къ будущему, будутъ происходить постепенно, сообразно развитію потребности въ нихъ. Изъ этого почтенный корреспондентъ конечно увидитъ, что намъ должны казаться совершенно справедливыми его слова, что болѣе развитіе общиннаго принципа должно быть дѣломъ будущаго, а для настоящаго достаточно желать сохраненія въ общинномъ владѣніи той части земли, которая въ немъ находится.

Признавая вмѣстѣ съ почтеннымъ корреспондентомъ необходимость для настоящаго времени въ томъ, чтобы подлѣ общиннаго владѣнія существовала и частная поземельная собственность, мы, конечно, съ полнымъ согласіемъ принимаемъ его мысли о томъ, что общинное владѣніе, огражденное отъ вторженія частной собственности въ свою область, можетъ и должно расширять эту область сообразно тому, какъ будетъ представляться въ томъ надобность, по мѣрѣ возрастанія населенія и развитія другихъ условій, требующихъ этого расширенія области общиннаго владѣнія. Изъ мѣрѣ, предлагаемыхъ почтеннымъ корреспондентомъ къ тихому достиженію этой цѣли, особенно полезна въ агрономическомъ отношеніи, кажется намъ его мысль о присоединеніи къ прилежащей общинѣ тѣхъ клочковъ частной земли, которые черезъ наследственное дробленіе измелъчали до извѣстнаго предѣла. Очень важна мысль о передачѣ, по завѣщанію отца, наследственной его земли въ общинное владѣніе его роду; но эта мысль требуетъ точнѣйшаго развитія.

Одобривъ изложенную нами мысль Сисмонди и другихъ экономистовъ о раззорительности англійскаго способа фермерства для огромнаго большинства земледѣльческаго населенія, почтенный корреспондентъ не думаетъ, чтобы оно грозило распространиться у насъ. Онъ конечно говоритъ о настоящемъ, и въ такомъ случаѣ мы съ нимъ совершенно согласны: фермеровъ—капиталистовъ у насъ еще почти нѣтъ, и не могли бы они ни въ какомъ случаѣ овладѣть нашимъ сельскимъ хозяйствомъ въ ближайшія десять или пятнадцать лѣтъ. Но говоря о необходимости оградить нашихъ поселянъ отъ земледѣльской эксплуатаціи по фабричному принципу фермерства, мы имѣли въ виду эпоху экономическаго развитія, при которой становится возможнымъ такое фермерство. Она совпадаетъ съ эпохой, при которой становится выгоднымъ приложение къ земледѣлію большихъ оборотныхъ капиталовъ. Эта пора начинается при извѣстной степени развитія торговли сельскими продуктами. У насъ она еще не настала, но каждый, вникавшій въ

стоту, съ которой начала развиваться наша экономическая дѣятельность въ послѣдніе годы; хорошо видѣть, что мы развѣ нѣсколькими десятилѣтіями, вѣроятно не болѣе, какъ двадцатью пятью или двадцатью годами, удалены отъ той эпохи, когда, напримѣръ, англійскому и французскому капиталисту будетъ также выгодно пустить свой капиталъ въ русское земледѣльческое предпріятіе, какъ вывѣ выгодно ему обратитъ его на наши желѣзныя дороги и облигаціи государственнаго долга; когда и русскіе капиталы найдутъ для себя выгоднѣйшимъ обращаться въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, нежели лежать въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Тогда-то, хотѣли мы сказать, въ странѣ, представляющей удобство для обширныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій на коммерческомъ основаніи, какова Россія, — тогда-то едва ли большинство крупныхъ землевладѣльцевъ удержится отъ искушенія промѣнять на беззаботное полученіе ренты отъ фермера-капиталиста хлопотливую возню съ собственнымъ хозяйствомъ, и хозяйство поселянъ было бы совершенно подавлено соперничествомъ капиталистовъ. Эта будущность отъ насъ не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать мѣры къ отстраненію бѣдствій фабричной эксплуатаціи для земледѣльцевъ. Единственнымъ средствомъ противъ этого кажется намъ сохраненіе у поселянъ общиннаго владѣнія. Тогда они, при появленіи чужды въ большомъ оборотномъ капиталѣ для земледѣлія и въ разширеніи размѣровъ хозяйства, найдутъ у самихъ себя, черезъ соединеніе въ товарищества, нужныя денежныя средства и нужный размѣръ полей. Точно также эти товарищества поселянъ будутъ полезны тогда для крупныхъ землевладѣльцевъ. Общины земледѣльцевъ, являясь соперницами капиталистовъ при наймѣ большихъ помѣстій, избавятъ помѣщика отъ зависимости, въ которую постановила бы монополія капиталистовъ, и отъ невыгодныхъ условій контракта, предписываемаго монополіей.

Ясно, что мы говоримъ о будущемъ, и эти соображенія ни мало не отрицаютъ фактовъ настоящаго, на которые указываетъ почтенный корреспондентъ. Правда, теперь еще нѣтъ у насъ фермеровъ-капиталистовъ; правда и то, что съ освобожденіемъ крестьянъ у землевладѣльцевъ явятся значительныя капиталы, которые съ перваго раза дадутъ имъ возможность прекрасно повести сельско-хозяйственныя предпріятія. Мы говорили только, что такое положеніе дѣлъ непродолжительно; что возникновеніе фермеровъ-капиталистовъ неизбежно, какъ скоро страна, неимѣющая общиннаго владѣнія, достигаетъ нѣкоторой степени экономическаго развитія; съ другой стороны, мы говорили о томъ прирожденномъ человѣческой натурѣ стремленіи, по которому человѣкъ, имѣющій возможность полу-

чать, через отдачу своей недвижимой собственности въ наймы, безъ всякихъ хлопотъ ренту, доставляющую ему избытокъ въ жизни, не захочетъ возиться самъ съ скучными хлопотами земледѣльческаго хозяйства; мы говорили также о томъ, что большой собственникъ, говоря вообще, проживаетъ всѣ свои доходы и скорѣе будетъ имѣть долги, нежели значительный наличный капиталъ. Изъ этого мы выводили, что если бы уничтожилось у насъ общинное владѣніе, то система фермерства на фабричномъ основаніи, хотя еще и невозможна у насъ въ настоящемъ году, скоро сдѣлалась бы господствующею въ нашемъ сельскомъ бытѣ, и большіе собственники, сами ведущіе свое хозяйство, скоро сдѣлались бы рѣдкимъ исключеніемъ между собственниками.

Кстати о фермерствѣ на фабричномъ основаніи, какое видимъ въ Англіи. Мы очень жарко говорили противъ него. Но бѣдствіа, изъ него возникающія для поселянъ, возможны только при условіи преобладанія въ земледѣльческомъ быту. Положеніе работника было бы несравненно лучше, если бы поселянинъ могъ свободно выбирать между работою на участкѣ своего семейства и работою на фермѣ; именно этого выбора нѣтъ въ Англіи, потому что вся земля занята фермами. Но свобода выбора сохраняется, если фермы будутъ занимать гораздо меньшее пространство земли, нежели участки поселянъ. Потому, если сохранится общинное владѣніе въ его настоящемъ размѣрѣ, и даже, согласно мнѣнію нашего почтеннаго корреспондента и нашему будетъ расширяться, но мѣрѣ необходимости, то и введеніе фермерства на земляхъ большихъ собственниковъ не будетъ невыгодно для поселянъ, которые будутъ наниматься тогда въ работники къ фермерамъ не иначе, какъ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Выше мы указали, что при сохраненіи общиннаго владѣнія будетъ оно наиболѣе выгодно и для большихъ землевладѣльцевъ.

Потому мы совершенно согласны съ почтеннымъ корреспондентомъ, что даже англійское фермерство не будетъ для насъ опасно, если у насъ сохранится общинное владѣніе.

За тѣмъ остается намъ пополнить одну свою недомолку, подавшую поводъ къ послѣднему изъ замѣчаній почтеннаго корреспондента. Въ сравнительномъ разсчетѣ выгодъ, приносимыхъ долговременными улучшеніями общиннику и фермеру, мы взяли 60-лѣтній періодъ дѣйствія улучшенія. Ошибка наша при этомъ состояла въ томъ, что мы не достаточно указали именно въ этомъ мѣстѣ статьи различіе между сельско-хозяйственными улучшеніями, дѣйствующими долговременно и дѣйствующими кратковременно, и не упомянули, что въ первыхъ заключается вся сущность вопроса,

когда дѣло падеть о выгодности неотъемлемого владѣнія участкомъ для развитія сельскаго хозяйства. Итакъ, въ томъ мѣстѣ, къ которому относится замѣчаніе почтеннаго корреспондента, рѣчь идетъ о прочныхъ долговременныхъ улучшеніяхъ, каковы, напр., каналы, машины и т. д. для орошенія или осушенія почвы, разведеніе живыхъ изгородей, очищеніе почвы отъ камней, измѣненіе состава почвы примѣсью глины или песку и т. д., — словомъ, все то, чему мы двинемся въ Шотландскомъ хозяйствѣ, — эти вещи преимущественно имѣютъ въ виду люди, толкующіе противъ общиннаго владѣнія, потому мы должны были обратить главное вниманіе наше на эти долговременно дѣйствующія улучшенія и показать, что даже они при общинномъ владѣніи должны совершаться удобнѣе, нежели при системѣ, по которой собственность на землю и обработка ея не соединяются въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, то есть при такомъ положеніи, въ которомъ находится большая часть земли при полномъ господствѣ при частной поземельной собственности.

Заключимъ этотъ отвѣтъ выводомъ не для нашего корреспондента, а для другихъ читателей, особенно изъ сословія помѣщиковъ.

Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній нашу ноябрьскую статью, — къ людямъ, которые будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами, безъ всякаго колебанія отодвигая на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои расчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу поселянамъ? Къ счастью Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много. Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Уступка личныхъ выгодъ общему благу — вотъ девизъ истинно благороднаго человѣка.

И не проиграетъ, а безмѣрно выиграетъ сословіе помѣщиковъ отъ такой системы дѣйствій при разрѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, потому что всѣ эти уступки въ десять разъ, во сто разъ вознаграждаются помѣщикамъ выгодами, которыя приносятъ за собою большимъ землевладѣльцамъ сообразное съ государственнымъ благомъ рѣшеніе этого великаго дѣла.

В. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНИЯ ГЕЙНЕ.

I.

..

Зловѣщій грезился мнѣ сонъ....
И любовь, и страшенъ былъ мнѣ онъ;
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

Въ цвѣтушемъ — снилось мнѣ — саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нѣжныя клоня,
Цвѣты привѣтствуютъ меня.

Веселыхъ пташекъ голоса
Поютъ любовь; а небеса
Горятъ, и льютъ румяный свѣтъ
На каждый листъ, на каждый цвѣтъ.

Изъ травъ курится ароматъ;
Тепломъ и нѣгой дышитъ садъ ...

И все сіяетъ, все цвѣтетъ, —
Все свѣтлой радостью живетъ.

Въ цвѣтахъ и въ зелени кругомъ,
Въ саду былъ свѣтлый водоемъ.
Склонялась дѣвушка надъ нимъ,
И что-то мыла. Неземнымъ

Въ ней было все: и станъ, и взглядъ,
И ростъ, и поступь, и нарядъ.
Мнѣ показалася она
И незнакома, и родна.

Она и моетъ, и поетъ —
И пѣснью за сердце беретъ:
«Ты плечи, волна, плечи!
«Холстъ мой бѣлый полощи!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
«Скажи, откуда ты и кто,
«И здѣсь зачѣмъ, и моешь что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Будь готовъ!
«Я мою въ гробъ тебѣ покровъ.»
И только молвила, — какъ дымъ
Исчезло все. — Я недвижимъ

Стою въ лѣсу. Дремучій лѣсъ
Касался, кажется, небесъ
Верхами темными дубовъ;
Онъ былъ и мраченъ и суровъ.

Смущался слухъ, томился взоръ....
Но — чу! вдали стучить топоръ.
Бѣгу заросшею тропой, —
И вотъ поляна предо мной.

Могучій дубъ на ней стоитъ,

И таже дѣвушка подѣ нимъ....
Въ рукахъ топоръ.... И дубъ трещитъ,
Прощаясь съ корнемъ вѣковымъ.

Она и рубить, и поетъ,
И пѣсню за сердце беретъ:
«Ты руби, мой топорокъ!
«Наруби ты мнѣ досокъ!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
«Скажи, откуда ты и кто,
«И рубишь дерево на что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Близокъ срокъ!
«Тебѣ на гробъ рублю досокъ.»
И только молвила, — какъ дымъ
Исчезло все. — Тоской томимъ,

Гляжу... Чернѣетъ степь кругомъ,
Какъ опаленная огнемъ,
Мертва, бесплодна.... Я не зналъ,
Что ждетъ меня; но весь дрожалъ.

Иду.... Какъ облачный туманъ,
Мелькнулъ вдали мнѣ чей-то станъ.
Я подбѣжалъ.... Опять она!
Стоитъ, печальна и блѣдна,

Съ тяжелымъ заступомъ въ рукахъ,
И роетъ имъ. Могильный страхъ
Меня объялъ. О! какъ она
Была прекрасна и страшна!

Она и роетъ, и поетъ,
И скорбной пѣсню сердце рветъ:
«Заступъ, заступъ! глубже рой:
«Надо въ сажень глубиной!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
«Скажи, откуда ты и кто,
«И здѣсь зачѣмъ, и роешь что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Для тебя
«Могилу рою.» — Ныла грудь,
И содрогаясь, и скорбя;
Но мнѣ хотѣлось заглянуть

Въ свою могилу. Я взглянулъ....
Въ ушахъ раздался страшный гулъ,
Въ очахъ померкло.... Я скатился
Въ могильный мракъ — и пробудился....

II.

НА ГАРЦЪ.

(Прологъ.)

Фраки, бѣлые жилеты,
Тали, стянутыя мило,
Комплименты, поцалуи....
Если бъ въ васъ да сердце было, —

И любви хотя немножко
Было въ сердцахъ!... Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья:
Развѣ жизнь вамъ не забава?

Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышать просторно груди....

Въ горы, гдѣ темнѣютъ ели, —
Шумны, зелены, могучи,

Воды плещуть, птицы свищутъ,
И по волѣ мчатся тучи.

Полированные залы....
Полированные гости....
Въ горы! въ горы! я оттуда
Улыбнуса вамъ безъ злости.

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ.

I.

На горѣ, въ избушкѣ скромной,
Рудокопъ живетъ старикъ.
Шумны темныя тамъ ели,
Кротко-свѣтель лунный ликъ.

Средь избушки стулъ высокій,
Весь рѣзной, у ногъ скамья,
И сидитъ на немъ счастливецъ,
И счастливецъ этотъ — я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Оперлась на локотокъ;
Глазки — звѣзды голубыя,
Губки — розовый цвѣтокъ.

Мнѣ сіяютъ эти звѣзды,
Чистой радостью блестя;
Къ алымъ губкамъ приложила
Бѣлый пальчикъ свой дитя.

Ни отецъ, ни мать не слышать;
Не до насъ имъ: мать прядетъ,
А отецъ, брянча на лютиѣ,
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,

Рѣчь ея едва слышна;
Важныхъ тайнъ своихъ немало
Мнѣ повѣдала она.

«Вотъ, какъ тетушка скончалась,
«И сиди тутъ круглый годъ:
«Съ ней пойдешь, бывало, въ городъ,
«Хоть посмотришь на народъ.

«Здѣсь и пусто такъ, и глухо,
«И такъ холодно въ горахъ;
«А зима придетъ лихая —
«Всѣ схоронимся въ снѣгахъ.

«Я жь трусливая такая:
«Какъ дитя, меня страшать
«Злые духи горъ, что бродятъ
«Темной ночью, и шалать.»

Вдругъ малютка умолкаетъ,
Будто словъ боясь своихъ,
И руками закрываетъ
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

И шумнѣ шелестъ елей,
Громче гулъ веретена,
И яснѣй со звономъ лютни
Пѣсня старая слышна:

«Не страшись, моя малютка,
«Навожденья силы злой!
«Божьи ангелы на стражѣ
«Днемъ и ночью надъ тобой.»

II.

За вѣтвями темной ели
Прячется мѣсяцъ свѣтлый ликъ:

Въ нашей горенкѣ чуть свѣтитъ
Догорающій ночникъ.

Но въ звѣздахъ моихъ лазурныхъ
Свѣтъ мнѣ радостный горитъ;
Пышутъ розы усть румяныхъ,
И малютка говорить:

«Домовые наши — злые:
«Хлѣбъ воруютъ по ночамъ;
«Въ ящикъ съ вечера положишь —
«По утру ужъ пусто тамъ.

«Съ молока сѣдять всѣ сливки,
«Не покроютъ и горшка;
«Кошка вылизеть остатки, —
«И сиди безъ молока!

«А вѣдь копка наша — вѣдьма:
«Ночью буря на дворѣ, —
«А она идетъ тихонько
«Къ старой башнѣ на горѣ.

«Тамъ стоялъ когда-то замокъ;
«Весь сіялъ онъ по ночамъ;
«Въ яркихъ залахъ танцовало
«Много рыцарей и дамъ.

«Но волшебницей лихою
«Проклятъ замокъ и народъ. —
«И остались лишь обломки,
«И сова гнѣздо тамъ вьетъ.

«Помню, тетка говорила:
«Лишь такое слово знать,
«И его въ такомъ лишь мѣстѣ
«И въ такой лишь часъ сказать, —

«Снова въ замокъ превратятся

«Всѣ обломки эти тамъ, —
 «И заплещетъ въ яркихъ залахъ
 «Много рыцарей и дамъ.

«Будетъ тотъ, кто молвилъ слово,
 «Обладателемъ всего;
 «Станутъ трубы и литавры
 «Славить молодость его!»

Такъ живутъ и дышатъ сказки
 У малютки на устахъ;
 Вѣра теплится живая
 Въ голубыхъ ея глазахъ.

Навиваетъ мнѣ на пальцы
 Локонъ шелковый она,
 И цалуетъ, и смѣется,
 И даетъ имъ имена.

И глядитъ все такъ привѣтно
 Въ тихой горенкѣ кругомъ;
 Столъ и шкафъ — какъ-будто съ ними
 Я съ младенчества знакомъ.

Тихо маятникъ лепечетъ,
 Тихо лютня на стѣнѣ
 Прозвучить порой струнами
 И сижу я, какъ во снѣ.

Чѣ такое ль надо мѣсто,
 Нѣ такой ли надо мигъ,
 Что отъ слова замокъ снова
 Въ блескъ царственномъ возникъ?

Да, дитя! Чотри, свѣтлѣетъ
 Ночи темная зра.
 Чу! шумнѣй ру и ели;
 Пробуждается го,

Пѣсня гномовъ съ струннымъ звономъ
 Межъ утесами слышна;
 По камнямъ ковры цвѣтные
 Стелеть знойная весна.

А цвѣты — пестры и чудны,
 Въ благовоиныхъ завиткахъ,
 И трепещутъ слезы страсти
 На широкихъ ихъ листахъ.

Вожделѣнно пышутъ розы,
 Разгараясь все краснѣй;
 На стебляхъ стоятъ хрустальныхъ
 Чаши снѣжныя лилей.

Звѣзды съ неба, словно солнца,
 Смотрятъ страстно-горячи.
 И лилеямъ въ чаши льются
 Ихъ влюбленные лучи.

Да и мы съ тобой, малютка,
 Мы какъ-будто ужъ не тѣ....
 Посмотри: огни зажглись,
 Шелкъ и золото вездѣ.

И пзбушка стала замкомъ,
 И припцессой стала ты;
 Вкругъ все рыцари и дамы:
 Сколько пышной суеты!

Все мое — и ты, и замокъ!
 Пиръ вѣнчальный я даю....
 Трубы, флейты и литавры
 Славятъ молодость мою!

Каданки
 Сѣже
 То запое
 Всег

Брѣжи
 Дити
 Жити
 Бож

Здра
 Ра
 Дни
 П

Ты
 В
 Ж

III.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Всадникъ несется на борзомъ конѣ
 Свѣжею пущей лѣсной;
 То запоетъ онъ, то въ рогъ затрубить,
 Веселъ и воленъ душой.

Крѣпки литые доспѣхи его,
 Духъ не сломился отъ бѣдъ,
 Онъ это — Львиное Сердце — Ричардъ,
 Божьяго вопиства цвѣтъ.

«Здравствуй на родинѣ!» слышенъ ему
 Радостный лепетъ вѣтвей:
 «Слава, король нашъ, что вырвался ты
 «Цѣль изъ австрійскихъ когтей!»

Полною грудью онъ пьетъ благодать
 Вольнаго Божьяго дня;
 Вспомнилъ о смрадѣ австрійской тюрьмы —
 Гонить и шпорять коня.

IV.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ.

Какъ вспомню къ ночи край родной,
 Покою нѣтъ душѣ больной:
 И спомъ забыться нѣту мочи,
 И горько-горько плачутъ очи.

Проходятъ годы чередой...
 Съ тѣхъ поръ, какъ матери родной
 Я не видалъ, прошло ихъ много!
 И все расцвѣтъ во мнѣ тревога...

И грусть растеть день ото дня.
 Околдовала мать меня:
 Все бѣ думалъ о старушкѣ милой, —
 Господь храни ее и милуй!

Какъ любо ей ея дитя!
 Пришлетъ письмо, — и вижу я:
 Рука дрожала, какъ писала,
 А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нѣтъ!
 Прошло двѣнадцать долгихъ лѣтъ,
 Двѣнадцать лѣтъ ужъ миновало,
 Какъ мать меня не обнимала.

Крѣпка родная сторона;
 Во вѣкъ не сломится она,
 И будутъ въ ней, какъ въ оны годы,
 Шумѣть лѣса, катиться воды.

По ней не сталъ бы тосковать;
 Но тамъ живетъ старушка-мать.
 Меня не родина тревожить,
 А то, что мать скончаться можетъ.

Какъ изъ родной ушелъ земли,
 Въ могилу многіе легли,
 Кого любилъ... Считать ихъ стану, —
 И берегу за раной рану.

Когда начну усопшимъ счетъ,
 Ко мнѣ на грудь, какъ тяжкій гнетъ,
 За трупомъ мертвый трупъ ложится;
 Болить душа, и умъ мутится....

Но — слава Богу! сквозь окна
 Пробился свѣтъ. Моя жена,
 Свѣтла какъ день, глядитъ мнѣ въ очи
 И гонить прочь тревоги ночи.

V.

. . .

Брось свои ипосказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? Закону ль правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно.

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забудутъ намъ рта землею....
Да отвѣтъ ли это, полно!

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПОСЛѢДНЯЯ КАЗНЬ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

То, о чемъ я хочу вамъ разсказать, любезные читатели, было въ Костромѣ, не въ нынѣшней чистенькой, опрятной Костромѣ, убранной словно красная дѣвушка, а въ Костромѣ старыхъ временъ. Когда въ ней, намѣстѣ нынѣшнихъ бульваровъ, возвышались земляные валы, на которыхъ стояли заржавѣлыя пушки на полусгнившихъ лафетахъ, скорѣе для формы, чѣмъ для обороны города (потому что при первомъ же выстрѣлѣ ихъ бы разорвало), и рвы, въ которыхъ весною квакали лягушки (1). Въсто каменныхъ домовъ, тогда, по обѣимъ сторонамъ узкихъ, немощеныхъ улицъ, тѣснились высокія на подклѣткахъ (2) избы съ массивными, вычурными воротами нарѣзныхъ вереяхъ, низенькія избушки съ завалинками, а изъ пятидесяти церквей едва-ли и десятая часть была каменная. Тогда, когда на площадяхъ стояли никогда не просыхавшія лужи, ихъ берегли какъ сокровище на случай пожаровъ; въ нихъ преспокойно полоскались утки, и тутъ же сваливалась всякая дрянь изъ мясныхъ и зеленыхъ лавокъ. По этому можете судить, что разсказъ мой относится ко временамъ давно минувшимъ.

Давно, давно, въ лѣта моей юности, бабка моя разсказала мнѣ эту быль; ей тоже, въ свою очередь, разсказала ея свекровь, какъ личная свидѣтельница страшной катастрофы. Передаю ее такъ, какъ было мнѣ разсказано.

Въ одинъ жаркій іюльскій полдень, когда работники спѣшили поскорѣе покончить съ напоминающимъ о себѣ желудкомъ и отдохнуть, купцы для этой же цѣли поспѣшно запирали лавки и, сопровождаемые прикащиками, спѣшили по домамъ; крикливыя торговки, допродавши свои грибы и ягоды и перебраниваясь между собою, или разсказывая другъ другу какія нибудь сплетни, съ пустыми корзинами лѣниво брели домой. И такъ какъ день былъ не торговый, то базаръ (3) вскорѣ опустѣлъ; только тамъ и сямъ калачники, отобравши самые черствые калачи и зачерпнувъ изъ кадокъ квасу, въ которомъ плавали кусочки льду, скромно утоляли свой голодъ и жажду.

Въ этотъ общій часъ обѣда, въ одной изъ старыхъ избышекъ, обступившихъ Мѣдный (4) прудъ, осанистой домохозяинъ Иванъ Барышниковъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и, какъ слѣдуетъ русскому человѣку, кушалъ съ большимъ аппетитомъ. Дубовый столъ, за которымъ онъ сидитъ, покрытъ чистой скатертью, на столѣ передъ нимъ скромно стоятъ оловянная солонка съ крышкой и такая же кружка съ пѣнистымъ холоднымъ квасомъ. Кушаетъ Иванъ Ильичъ съ оловяннаго блюда, въ которомъ жирныя щи переливаются янтаремъ и топазомъ, а отъ щей валитъ горячій паръ. Барышниковъ усердно работаетъ деревянною ложкой, на черенкѣ которой вырѣзано подобіе крестнаго знаменія, и крупный потъ обильно катится съ довольнаго и румянаго лица его. Щи изъ блюда убываютъ и убываютъ. Вотъ онъ наклонилъ блюдо лѣвой рукой, вылилъ остатки на ложку, хлебнулъ, запилъ квасомъ, крикнулъ, вытеръ ротъ и все лицо ручникомъ, затканнымъ по концамъ красной бумагой, который у него лежалъ на колѣняхъ, и перевелъ духъ. Потомъ Иванъ Ильичъ погладилъ свою русую окладистую бороду, разстегнулъ серебряную пуговку у ворота астраханской рубахи, ослабилъ нѣсколько шолковый поясъ и посмотрѣлъ ласково и вопросительно на другой конецъ стола.

На другомъ концѣ стола сидѣла теща **Ивана Ильича**, **Дарья Алексѣевна**, низенькая, коренастая старушка, и умильно поспрашивала на работу своего любимого зятюшки.

Дарья Алексѣевна давно кончила свой обѣдъ и сидѣла за столомъ только для зятя, да и обѣдъ ея не могъ долго продолжаться, потому что онъ состоялъ изъ одного только кушанья—изъ ухи. Какъ овдовѣла, съ тѣхъ поръ она скромнаго не кушала. Передъ ней стояло деревянное блюдечко съ кучкою оглоданныхъ рыбныхъ косточекъ. Поджавъ руки крестомъ подъ мышки, старушка не трогалась съ мѣста, сидѣла и слѣдила своими черными, быстрыми глазами за движеніями зятя. Повидимому, ей хотѣлось начать разговоръ съ **Иваномъ Ильичемъ**, но, какъ надо полагать, она не смѣла прервать его аппетита.

— А что, еще-то есть чтонибудь, матушка?—тряхнувъ головой, спросилъ зять.

— Тотчасъ, дружокъ **Иванъ Ильичъ**, отвѣчала старушка. Жарила для тебя сегодня баранью середку съ нашей. Знаю, что любишь.

И проворно вскочивъ, она достала изъ печки плошку съ бараниной и поставила ее передъ зятемъ. **Иванъ Ильичъ**, набожно перекрестясь, принялся усердно за баранину.

— А что, дружокъ **Иванъ Ильичъ**, вѣдь вотъ ужъ скоро три годка, какъ покойница дочка побывшилась, такъ чай не вѣкъ тебѣ вдовѣть, не вѣкъ Настѣ сиротать; не думаешь ли, дружокъ, искать нынче подружія, сирѣчь сочетаться законнымъ бракомъ? проговорила старушка, сѣвши опять напротивъ зятя.

— Не знаю, матушка, какъ сказать. Какая жена навяжется? А **Настя** едвали въ мамахъ найдетъ мать родную; у мамихи свои дѣти, можетъ, будутъ: грѣхъ. да ссора, а ты разбирай.—**Иванъ Ильичъ** облизалъ жиръ съ пальцевъ, потому что жаркое кушалъ руками, утерся опять ручникомъ, и въ раздумьи покачалъ головою.

— Перестань, дружокъ; что ты, Господь съ тобою. Отецъ ты ласковый, дай тебѣ Богъ долгіе вѣки, и при тебѣ никто не обидитъ сироту.

— Притомъ же, матушка, вѣдь мы съ покойной душавъ душу жили, хорошо хорошая другая-то попадетъ; а то боюсь, чтобъ не наплакаться. Вѣдь ты на наше-то житіе радовалась...

И **Иванъ Ильичъ** прослезился.

— Истинная правда твои рѣчи, дружокъ! И священное Писаніе глаголетъ, что лучше человеку съ львомъ и змѣю, нежели со злою женою. А ты, дружокъ, возьми отечиную дочь, изъбѣгободнаго семейства. Небось, всякъ за тебя отдастъ, женихъ ты не худой.

— Объ этомъ подумать надобно; еще время не ушло.

— А что, дружокъ, тебѣ безъ году сорокъ, али безъ двухъ?

— Безъ двухъ, матушка. А что, есть еще что нибудь у тебя?— спросилъ Иванъ Ильичъ, отодвигая плешку съ остатками баранины.

— Тотчасъ, дружокъ! блины съ лицами печены.

И Дарья Алексѣевна опять проворно вскочила, сунулась въ печь, достала сковородку съ грудкою блиновъ, поставила ихъ передъ зятемъ новята съѣла на свое мѣсто. Иванъ Ильичъ сталъ свертывать блины трубочками и убирать одинъ за другимъ, также непринужденно, какъ щи и баранину.

— Всякія тещи, Иванъ Ильичъ, бывають, другая досадуетъ, какъ вдовый зять на другой женится, а отъ меня, дружокъ, воспрещенія нѣтъ; лучше законно ожениться: и Богу не грѣхъ и людямъ не смѣхъ. Долголи до грѣха, сороковой бѣсъ силенъ, сороковые годы великое дѣло. А ты, дружокъ, не сердись на меня, я свое сдѣлала, совѣтъ дала, а свой умъ царь въ толковъ, проговорила Дарья Алексѣевна.

— Спасибо, матушка, за добрые совѣты, да охоты большой женился, сказалъ Иванъ Ильичъ.

— Спасибо говорить не за что, дружокъ, продолжала старушка, — вельми сильно бореть сороковой бѣсъ. О себѣ, дружокъ, скажу (у людей утайшь, а у Бога нѣтъ); и меня онъ боролъ, сказать повстинѣ, и совѣстно вспоминать, да ужъ такъ къ слову пришло. — Овдовѣла я, дружокъ, мнѣ еще и тридцати не было, и жила какъ слѣдуетъ вдовицѣ: цвѣтнаго платья не носила, мяснаго не ѣла, и пива въ ротъ не брала. Что бы ты думалъ, дружокъ? Какъ сороковой-то годъ наступилъ, и стали такіе помыслы приходить: что, молъ, пройдетъ моя молодость? и цвѣтнаго-то платья я не наошусь, и не навеселюсь, не пагуляюсь. Отчего бы, молъ, мнѣ и за мужъ бы не выдти? И думать, да думать о томъ, ужъ другое и на умъ нейдетъ. Ходила къ намъ старушка, — шитой одеждой торговала, — вотъ я и пристань къ ней: Петровна, говорю, сосватай меня за мужъ!

«—Ишь, говорятъ—Дарья Алексѣевна, гдѣ тебѣ эдакой шопиникъ; да богочелнѣ замужъ идти? да и годки-то твои ушли; аги, говорятъ, сороковой бѣсъ бѣсится? Да, говорю, сороковой бѣсъ бѣсится; а ты все-таки найди мнѣ жениха. Оттого стара, говорю, кажусь, что цвѣтное платье, въ сундукѣ лежавши сншшномъ десять лѣтъ, заплесневѣло, а семь-но набѣлюсь, шарумануюсь, да наряжусь, такъ и молодыхъ молоднцъ за ноеъ ватшу. Право слово, дружокъ, такъ и говорю; куды тебѣ стыдно.... Вотъ и давай сватать меня Петровна. Нашла жениха съ росшвы, низовскаго прикащика, у насъ въ городѣ хлѣбъ выгрумала. И сосватала. Повидались съ женихомъ; богатый да толстый, и бородавъпросѣдъ, и вдобавокъ кривъ на одинъ глазъ. Обѣдалъ мнѣ шубейку парчевую, да штофный сарафанъ. И согласилась я; положила завтра рукоблтъю быть. А родные всѣ такъ и напустились на меня: эдакая, говорятъ, ты мать,—дочь сироту оставлешь, да ѣдешь на чужую сторону; пора бы о дочершномъ замужествѣ заботиться, а ты старыя косты не-семыякосты». Дочкѣ-то ужъ лѣтъ 12 было; я такъ и думала ее у брата оставить. Ну, думаю, говорите, что хотите, такая, знать, судьба моя. На другой день чѣмъ-свѣтъ побѣжала на могилу къ покойнику мужу; отслужила панахиду, поплакала и домой пошла. Дѣло было осенью, уже передъ большимъ заговѣньемъ, такой вѣтеръ да гололедица; знать, дорогой и продуло меня. Пришла домой, дочка лежитъ на печи да воетъ въ голосъ, а я принялась ругать ее, такая меня досада взяла. Вотъ и стала я избу прибирать, полъ и стѣны, вымыла стѣны и крыльцо, въ одномъ-то, знаешь, сарафанишкѣ, да босая, и прозябла я больно. Пришла въ избу да на печку,—зубъ зуба побивается; а тутъ въ жаръ бросило. Въ сумерки приходитъ Петровна съ вѣстью, что, дескать, женихъ скоро будетъ, а я не знаю, что и говорю, бредить стала; а на свѣту и исповѣдывали; да такъ слегла, что шесть недѣль себя не помнила, въ горячкѣ была, дралась, руки вязали. Той порой женихъ домой уѣхалъ, а я и до сей поры осталась вдовицей, и сохранила свое вдовство честно. Вотъ, дружокъ, дѣла-то какія. И Дарья Алексѣевна перекрестилась съ фарисейскимъ смиреніемъ. — Сороковые голы великое дѣло!

— Не даромъ пословица говоритъ: *сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро*, проговорилъ Иванъ Ильичъ, улыбаясь. Незакладываюсь впередъ и я, но теперь, погляди матушка, изба-то наша на бокъ покачнулась, иногда подумаешь: вотъ рухнетъ да и за-

дрожь, и страшно становится; косаки немосало. полешки лезуномъ ходить и скрипять, вездѣ начинаютъ течь. Теперь еще зима жаркое стоитъ, а вотъ осень придетъ и станомъ постела дотужа въ уголъ перетаскивать.

— А пословица говорить: *не красна изба углами, а красна пирогами*. Конечно, дружокъ, косаки можно сдѣлать новые, крышу прикрыть, нижнія бревна вставить....

— Какое бревны вводить, новую надобно строить. Вѣдь все пальцами указываютъ: «моль, въ панскомъ ряду торгуетъ, а дебуша на курьихъ ножкахъ.» Вѣдь ничего не видя, а ужъ и заидуютъ.

— Тѣбу! какой народъ проклятой! Зависть—то, дружокъ, перво насъ родилась.

— Ну, да Богъ съ ними; ужъ и самъ видишь, что изба валится совѣтъ.

— Дорогонько станетъ, дружокъ, — новый домъ строить; денежки-то еще въ торгъ бы годились; чезовѣтъ-то ты еще только паразитишь, Иванъ Ильичъ.

— Дорого не дорого, а необходимо. Такъ вотъ еще какое дѣло предстоитъ; а тамъ и о другомъ подумаешь!

— Такъ, дружокъ; какъ хочешь. Я свое сдѣлала, совѣтъ дала, а *свой умъ царь въ головѣ*, проговорила Дарья Алексѣевна.

Зять и теща встали изъ-за стола, помолились и поклонились другъ другу. Барышниковъ поправилъ поясъ, пригладилъ голову поднимая стекло одного изъ волоковыхъ (5) оконцевъ, сѣлъ подле него, безъ цѣли смотря на улицу и наширокій, передъ домомъ, такъ называемый Мѣдный прудъ, въ которомъ съ кваканьемъ полоскались утки, а далѣе раздавались удары молотовъ изъ чернѣющаго ряда кузницъ.

Дарья Алексѣевна между тѣмъ убрала посуду; крошки со стола съела гусинымъ крылышкомъ, и подметя полъ, опустила красную бахтовую занавѣску, которая была повѣшена вдоль избы, отдѣляя массивную печь съ голубцемъ отъ передняго угла, который теперь принялъ видъ чистой комнаты, а кухня спряталась за занавѣску. Дарья Алексѣевна, снявъ замаранный фартукъ, въ которомъ стирала, надѣла другой, развѣсивъ бахтовый и доставши съ полицы (6) шитье, ушла за работу подъ косящее окно.

— А.... а! зѣвнула старушка, и, перекрестивъ ротъ, промолвила: лечь да отдохнуть, посидѣвши крошечку; а то теперь грѣхъ,

удовольствия сшить несмысленной, которая отъ корыта—и валится на бокъ. И она принималась вдвигать нитку въ иглу, хотя глаза ея смыкались и дѣло никакъ не ладилось.

— Тѣ-фу, пронасть! отпусти дуру Фетинью гулять, такъ рада шататься. Куда это запронастилась, и до сей поры нѣтъ! сказала Дарья Алексѣевна съ досадою, плюнувъ и поднявъ очки на лобъ. Однако трудно было понять, на что болѣе досадовала Дарья Алексѣевна, на Фетинью ли или на иглу, въ ушко которой не могла вдѣть нити.

— А вотъ и они идутъ, сказалъ Иванъ Ильичъ, взглянувъ на улицу. И въ самомъ дѣлѣ, подъ окномъ раздался дѣтскій голосокъ.

— Тятя, ты уже дома? Вотъ и я иду, и Дуня идетъ.—Голова смелкъ. Брякнуло кольцо у калитки, потомъ полъ въ сѣняхъ закрипѣлъ и дверь въ избу отворилась. У порога показалась старуха въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ, испещренномъ разноцвѣтными заплатами,—вѣроятно, это былъ обносокъ Дарьи Алексѣевны,—и замасленномъ, потерявшемъ свой первобытный цвѣтъ повойникѣ (7), изъ подъ котораго торчали клочья начинающихъ сѣдѣть черныхъ волосъ. Лицо ея было худощаво, носъ клюкозанаго цвѣта, неизвѣстно отъ какихъ причинъ. Одинъ ея глазъ совершенно закрылся, а другой, красно-карий, точилъ обильную слезу. Это была Фетинья, крѣпостная Ивана Ильича, которую онъ купилъ скорѣ послѣ свадьбы; кажется,—три рубля заплатилъ (8). Фетинья вела за руку дѣвочку лѣтъ 4-хъ, въ рубашечкѣ съ желтыми тафтяными рукавами, и предлинной алой лентой въ носѣ. Другая дѣвочка лѣтъ трехъ, рыжеватенькая и шедущая, въ грязной по колено рубашонкѣ, робко держалась за ея сарафанъ.

— Вотъ я и здѣсь, тятя, вотъ я и пришла, говорила первая дѣвочка, перелѣзши черезъ высокій порогъ, и бросилась къ Ивану Ильичу.

— Гдѣ ты была, моя матушка? гдѣ ты такъ долго загулялась? спрашивалъ Иванъ Ильичъ, посадивъ ребенка на колѣни и лаская его.

— Мы у Ивановны съ нянькой были, мы Дуню привели; Дуня у насъ будетъ, она играть со мной пришла, лепетала дѣвочка, цалуя отца.

— Фетинья, гдѣ это до сей поры шаталась, старая дура? отпустить нельзя со двора. Чай, у всѣхъ оконъ, у всѣхъ воротъ

перестоялась, колотозка проклятая? чай, у тебя языкъ усталъ. А все чай хозяйку: «хозяйка такая сякая» говорила сердито Даря Алексѣвна. Фетинья не возражала, только утирала рукавомъ слезы, обильно текушія изъ единственнаго глаза. Но Даря Алексѣвна, не обращая вниманія на ея молчаніе, опять принялась вдѣвать нитку въ иглу и ворчать:

— Вы все недовольны, хамово коленно, все не по-вамъ! и голоды вы, и не одѣты вы, и хозяйка васъ журить напрасно; рады, рады языкомъ брякотать, встрѣчному и поперечному жалуетесь....

Иванъ Ильичъ, не обращая вниманія ни на тещу, ни на рабу (9), какъ тогда звали крѣпостныхъ, ласкалъ свою дочь.

— Вотъ, Настенька, бабушка хочетъ, чтобъ я тебѣ молодую мать привелъ, чтобъ тебя уму разуму учила, а когда пужно, то и поѣкла бы порой.

— Что ты, баба! не пужно мнѣ мамы, у меня тятя есть. Милый тятя, за что сѣчь меня? я умница, я люблю тятю вотъ какъ, и Настя обвила рученками шею отца и цаловала его глаза и щеки.

— Вотъ видишь, матушка, Настя не хочетъ мачихи, говорил Барышниковъ, обращаясь къ тещѣ.

— Что мнѣ, дружокъ! я свое сдѣлала, совѣтъ дала, а ты какъ изволишь, *свой умъ царь вѣ юлоу*. А неразумно по моему съ ребенкомъ такія рѣчи заводить: что она разумѣетъ? Еще бы, настрашать, что, молъ, сѣчь будетъ; знаетъ она, кто мать? Кто приласкалъ, — да накормилъ медомъ вотъ и мать! говорила старушка дрожащимъ отъ скрыгаго гнѣва голосомъ.

— Не пужно, не пужно мамъ, — у меня тятя есть, лепеталъ ребенокъ.

— Не бойся, моя ластушка, не приведу тебѣ мачихи, пусть отцовская рука лелѣетъ тебя и показываетъ; за чѣмъ намъ чужихъ, говорилъ Иванъ Ильичъ, прижимая малютку къ сердцу и не слушая тещи. — Больно, Настя, похожа ты на мать свою; буду тобой любоваться и вспоминать прошлые годы и прошлое счастье. И задрожалъ голосъ Барышникова; въ раздумьи опустил онъ голову, и мягкая, любящая душа его отразилась въ ласковомъ взглядѣ, въ колебаніи его широкой груди и въ слезѣ, невольно канувшей на темнорусую головку Насти.

Хорошъ сдѣлался въ эту минуту Иванъ Ильичъ; въ немъ и тѣнѣ не было того Ивана Ильича, который сидѣлъ за жирнымъ

обидомъ ослабѣлъ свой нелѣтъ; воспоминашія о прежнихъ дняхъ любви супружеской его преобразили.

— Нѣтъ, Настя, нѣтъ моя душенька, не женюсь я на другой жень, совѣстно мнѣ съ другой женой прѣсти на могилу твоей матери, — проговорилъ Барышниковъ почти вдохновенно.

— Совѣстно, дружокъ, худыя дѣла дѣлать! мнѣ какъ изводишь: сороковой-то годъ страшенъ, замѣтила почти шепотомъ теща.

Зять не отвѣчалъ и, спуская Настю съ колѣнъ, взглянулъ на дверь. Фетинья все еще стояла за порогомъ и помпунтно утирала глаза. Дуня также робко жалась къ ней.

— Что это, Фетинья, о чемъ ты плачешь? спросилъ съ удивленіемъ Иванъ Ильичъ.

— Охъ, хозяйнушко родной! Дуняшкина-то матка кончилась, отвѣчала Фетинья, всхлиывая.

— Кто? Я не слышу, войди сюда.

— Ивановна померла, сейчасъ при мнѣ и кончилась, сказала Фетинья, переставивъ черезъ порогъ ноги въ тяжелыхъ ко-
тахъ (10).

— Царство небесное! воскликнули въ одинъ голосъ и зять, и теща, набожно перекрестясь.

— Вотъ, какъ пошла я съ Настенькой гулять, дай, моги, навѣщу сосѣдку, продолжала Фетинья, подперши рукою лѣвую щеку. Прихожу, еле дышитъ, сердечная, масломъ ужъ пособоро-
вали, а Дуняшка играетъ возлѣ нея. Она поманула меня рукою и говоритъ чуть слышно: Фетиньюшка, голубушка, попроси ты Ивана Ильича и Дарью Алексѣевну; при жизни они меня не оставляли, отцомъ и матерью мнѣ съ сиротсѣй были, пусть и по смерти моеи ими будутъ; попроси ты, чтобы не оставили мою Ду-
няшу; ихъ за доброе дѣло Богъ наградить, не въ адѣшнемъ свѣ-
тѣ, такъ въ будущемъ. И замолчала она, сердечная; — а сама за-
лилась слезами, а Дуня ко мнѣ бросилась, да такъ и прижалась: она, сердечная, руку было подняла, перекрестить, знать, сироту хотѣла, рученька опустилась, глазоньки закрылись, и душа вошь, только и видѣли, — приказала вамъ долго жить. А бѣдность-то какая! и рубашонки чистой нѣтъ — надѣть на покойницу, на хва-
теръ все чужіе люди, да все скудные, бѣда! Есть у меня новая рубаха, на смерть приготовлена, отдать надѣть ей. — Фетинья утерла слезы и взяла Дуню на руки.

— Чай, послѣ покойницы хозяйки есть и рубахи, и навины (11), спросилъ Иванъ Ильичъ тещу.

— Что ты, дружокъ, затѣля! — послѣ дочки рубахи все тонкія, слѣдъ ли такую рубаху почти на нищую надѣть: а навины также все тонкія, Настѣ въ приданое пригодятся. Есть у меня рубаха на смерть приготовлена, я и отдала бы ее. да рукава миткалинные вшиты, куда на тотъ свѣтъ Ивановнѣ въ миткалинныхъ рукавахъ, дружокъ! отвѣчала Дарья Алексѣевна и принялась опять вдѣвать питку въ иглу, которую было положила, слушая Фетинью.

— Отдамъ я свою рубаху, да и холстишка отрѣжу, оказала Фетинья и поплелась на чердакъ, гдѣ стояла ее коробка.

Иванъ Ильичъ молча вышелъ въ заднюю горницу, гдѣ старыя шпалеры висѣли лоскутьями по стѣнамъ. Въ переднемъ углу на нѣсколькихъ полкахъ стояли образа, и передъ каждымъ изъ нихъ прилѣплены были свѣчки; широкій дубовый столъ заставленъ былъ оловянною посудой, а на закрытомъ наглухо поставѣ стояли бутылки съ наливками; на лавкахъ бураки и кашки съ медомъ, корзины съ сухими грибами и ягодами; на полу сундуки и коробки съ вислыми замками, — а въ заднемъ углу постель хозяина, покрытая краснымъ бахтовымъ одѣяломъ и надъ нею браное полотенце съ кумачемъ; по стѣнамъ висѣли кафтанъ Ивана Ильича, сарафаны и шубейки Дарьи Алексѣевны.

Вошедши, Иванъ Ильичъ отыскалъ на окнѣ маленькое зеркальцо и костяной гребень, причесался, поглядѣлся, надѣлъ кафтанъ, подпоясаясь шелковымъ кушакомъ пониже живота; перекрестясь, надѣлъ поярковую шляпу съ широкими полями и вышелъ изъ горенки; горенка эта была кладовая, и спальни хозяина въ лѣтнее время.

Фетиньины коты стучали обратно съ чердака; она тащила на одной рукѣ Дуню, а въ другой свертокъ холста и новую рубаху. Хозяинъ остановилъ ее.

— Я тебѣ за все это заплачу, Фетиньюшка, только какъ тамъ управишься, приди въ лавку, я тебѣ дамъ денегъ на свѣчи и на ладанъ: домовище (12) привезутъ мои ребята (Иванъ Ильичъ звалъ ребятами своихъ прикащиковъ). Не забудь же, Фетинья, — говорилъ Иванъ Ильичъ.

— Не забыть-то я не забуду, хозяинъ; да что скажетъ Дарья Алексѣевна? отпустить-ли меня на базаръ?

— Что тебѣ Дарья Алексѣевна, ты прямо отъ покойницы и приходи, домой не заходи.

Дарья Алексѣевна слушала у дверей.

— Что это, дружокъ, Иванъ Ильичъ, неужто всякаго покойника на свой счетъ хоронить? сказала она, отворяя дверь въ сѣни.

— Вѣдь не лежать же мертвому тѣлу поверхъ земли, отвѣчагъ съ улыбкой Иванъ Ильичъ.

— По твоему, дружокъ, и дѣвчонку взять да воспитать, нинѣ приказывала,—промолвила съ досадой Дарья Алексѣевна.

— Такъ что же дѣлать! вѣдь намъ приказывала. Эхъ, матушка! мы другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ.

— Эхъ, дружокъ, Иванъ Ильичъ! дѣвчонка будетъ расти, надобно на нее и шить и вымыть, мое дѣло старое, надобно ухотъ и призоръ, возразила теща.

— Ничего, матушка, призоръ за ней не великъ, дѣвочка на своихъ ногахъ, присмотритъ за ней и Фетинья однимъ глазомъ; давай Богъ Настѣ подругу, а и мнѣ вторую дочь, проговорилъ Иванъ Ильичъ.—Дуня, Дуня! что ты дичишься, дружокъ? погляди на меня, прибавилъ онъ, глядя всклокоченные волосы сиротки. Но Дуня скрыла свое запачканое личико на груди Фетиньи.

— Ну, ничего, оглядишься, привыкнешь; а ты, Фетинья, все сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорилъ. Да вымой сиротку и надѣнь на нее Настину рубашку. — Иванъ Ильичъ вышелъ изъ сѣней; за нимъ поплелась Фетинья съ Дуняшей. За воротами они разошлись въ противоположныя стороны; хозяйка на базаръ, а служанка къ покойной Ивановѣ.

Дарья Алексѣевна возвратилась въ избу, ворча про себя: «взялъ, дружокъ Иванъ Ильичъ, на себя попеченіе; всѣ лишнее пойдетъ на дѣвчонку....» и проч. Но какъ зѣвота ее сильно одолевала, то она, не переставая крестить ротъ, достала подушку съ палатей, бросила ее на лавку, легла, и вскорѣ храпъ ея раздался по избѣ: даже кошку напугалъ, которая лежала на голбцѣ и лѣниво дремала; услыша храпъ хозяйки, она наострила уши, вскочила, согнула спину дугою и, распушивъ хвостъ, намѣревалась прыгнуть; но, кажется, ее взяло раздумье, въ которую сторону.

Между тѣмъ Настя сонливо глядѣла въ окно вслѣдъ Фетиньѣ, стоя на колѣняхъ на передней лавкѣ, и когда Фетинья скрылась за уголъ, дѣвочка курнула на четвереньки и послѣдо-

вала бабушкѣ, только безъ храпу, засыпая тихимъ сномъ младенца.

Покойная Ивановна была бѣдная солдатка, жившая на квартирѣ неподалеку отъ Барышниковыхъ. Мужа ея выслали куда-то на границу, и она, оставшись съ маленькой Дуней, зарабатывала себѣ дневное пропитаніе: часто ходила она къ Барышниковымъ, помогая Фетиньѣ полоть на огородахъ или мыть бѣлье. Съ весны она захворала, и послѣ злой, непродолжительной чахотки, поручая свою сироту Богу и добрымъ людямъ, умерла. Хотя Дарья Алексѣевна далеко не была добра, но покойница представляла ее себѣ добродѣтельною старушкой.

На другой день утромъ, мать Дуняши была погребена на погостѣ (13) у Кузьмы и Демьяна, а вечеромъ Дуня, причесанная и чисто вымытая, въ новой рубашечкѣ и съ длинной лентой въ косѣ, которая походила на мышій хвостикъ, играла съ Настей. Иванъ Ильичъ кормилъ ихъ обѣихъ спѣлою малиною; Дуня уже недичилась. У дверей сидѣла Фетинья и съ любовью глядѣла на дѣвушекъ своимъ единственнымъ глазомъ.

Дарья Алексѣевна, какъ и вчера, вдѣвала нитку въ иголку (и, какъ вчера, нитка не попадала). Старуха ворчала подъ носъ: «возись, дружокъ Иванъ Ильичъ, съ дѣвчонкой; взялъ на себя заботушку.....» и проч.

—

Прошло пятнадцать лѣтъ съ описаннаго дня. Иванъ Ильичъ сдержалъ слово, не женился. Боролъ ли его сороковой бѣсъ, преданіе молчать; только уже онъ изъ посредственнаго сдѣлался купцомъ богатымъ; много было лавокъ у него въ панскомъ ряду, много товару въ лавкахъ. И чего тамъ не было: и сукна, и бархатъ, и парчи, и дорадоры, и штофы, и газеты о границахъ; а что полегче, такъ не стоитъ и говорить; словомъ, чего хочешь, того просишь. И не пѣшкомъ уже онъ ходилъ въ лавку надсматривать надъ прикащиками, а отвозилъ его кучеръ Потапъ на сѣрой лошадекѣ въ яблокахъ; лѣтомъ въ крашеной тележкѣ, а зимою въ санкахъ-скачкахъ. А домъ-то, домъ у него, точно хоромы боярскія; высокій, на подклѣтѣ, съ косячеными окнами, съ огромными сѣнями, съ просторной задней

горницей, со свѣтлой, какъ фонарь, свѣтлицей, гдѣ, какъ, птички, распѣваютъ дѣвушки, — его родная дочь и дочь названная. Не холодная задняя горница, какъ бывало въ старомъ домѣ, а съ большою изразцатою печью!... И какихъ только диковинныхъ изображеній не было на изразцахъ: и птицы и зеленые олени, и стрѣлки въ сапогахъ попоаясь, и возраждающіеся фениксы, и райскія птицы съ дѣвическими лицами, и пронзенныя стрѣлами сердца. Диковинка, да и только. Всѣ смотрятъ не насмотрятся на дивныя изображенія. Не можетъ только Барышниковъ разстаться со старой избой, чтобъ сломать ее: стоитъ она, покачнувшись на бокъ, позади новаго дома; никто не живетъ въ ней, окна на глухо заколочены, а въ дверныхъ пробомахъ вложена палочка. Да и самъ-то Иванъ Ильичъ словно бояринъ сталъ: шапка бобровая, шуба лисья, купакъ концы до земли висятъ, такъ вотъ издали поклонится всякой радъ. Но и надъ нимъ время начало оказывать свое дѣйствіе: и въ его окладистую бороду стала прокрадываться сѣдинка. А Настя и Дуняша? — онѣ выросли и похорошѣли. Много было глубокаго чувства въ черныхъ глазахъ Насти; она была кротка, задумчива и безотвѣтна. Напротивъ, Дуняша, рѣзвая и веселая, всегда была беспечна и рѣзва, не смотря на то, что обѣ жили подъ однимъ надзоромъ Дарьи Алексѣевны, которая учила ихъ уму-разуму и частенько журила, за дѣло и не за дѣло. Извѣстно, что ужъ такой нравъ былъ у старушки. Настю, какъ богатую невѣсту, держали строже, за стеклами; Дуняшѣ давали больше свободы, потому что послѣдняя участвовала во всѣхъ домашнихъ работахъ. Нерѣдко Дуня, схвативъ ведры, бѣжала за водою на прудъ, или закликала домой утокъ, полоскавшихъ въ прудѣ: между тѣмъ какъ Настя едва смѣла изъ окна свѣтлицы глядѣть на свою подругу, да и то изъ-за занавѣски.

— Смотри, дружочъ Настя, нерѣдко говорила Дарья Алексѣевна своей внучкѣ: — мотай себѣ на усъ, чему тебя бабушка учить; придется тебѣ въ чужихъ людяхъ жить: каковъ мужъ, какова свекровь! Не хочу того покура слышать, какъ станутъ говорить: чему дитя старая дура, Дарья Алексѣевна, выучила, да не выуча въ чужіе люди отдала. Вонъ Авдотья чужая, приемышь, да и тутъ худу не поучу, развѣ не послушаетъ. Такъ-то, дружочъ!

Настя, слушая эти наставленія, вздыхала, а Дуня смѣялась въ кулакъ. Но между собою дѣвушки жили душа въ душу, со-

вершенно забывая, что онѣ не родныя сестры. Иванъ Ильичъ обѣихъ равно любилъ, — и наряжалъ, какъ куколокъ.

Разъ пріѣхалъ изъ лавки Иванъ Ильичъ такой веселый. Дарья Алексѣевна съ дѣвушками сидѣла въ передней избѣ. Барышниковъ, раздѣвшись, развернулъ передъ дѣвушками кусокъ алой обѣяри. Сидѣвшая у дверей Фетинья такъ и ахнула отъ удивленія.

— Ну, дѣвицы, привезъ я вамъ по обновѣ; обѣ вы становитесь невѣстами, полно вамъ тряпье носить, пора васъ и въ шелкъ рядить. Сшейте себѣ къ семику по сарафану, проговорилъ ласково Иванъ Ильичъ.

У дѣвушекъ искры въ глазахъ запрыгали, щечки отъ удовольствія разгорѣлись алѣе алой обѣяри, и какъ словно сговорившись, обѣ выѣстъ бухъ въ ноги Ивану Ильичу, и слова отъ радости выговорить не могли.

— Ну, Дунюшка, въ сорочкѣ ты родилась, проговорила Фетинья: вѣдь батюшка-то Иванъ Ильичъ любить тебя, что дочь родную. А какъ я у Дубоносики жила, — царство ей небесное, — у ней была тоже взятюшка; слышь, отецъ-то у бѣдняги подъячимъ былъ, даголь такая, что не приведи Богъ. Ребятъ осмеро малъ-мала меньше, съ рукъ и съ ногъ батьку съѣли. Вотъ и пристала къ ему моя-то барыня: отдай, дескать, мнѣ большинькую-то дѣвчонку; стану, дескать, ее наравнѣ съ своими дочками держать. Умѣстила его бѣднаго такими словами, онъ и отдай дѣвушкѣ; лѣтъ десяти была Маша, такая неглухая, только ужъ больно робкая. И житье ей было, голубушкѣ, у насъ! помучилась, нечего сказать. У батьки хотъ бы хлѣбъ съ водой ѣла, да не укороной, а тутъ, бывало, и сахарный кусъ зачастую въ горло не шелъ. Поколѣпалы были, бывало дочки боярскія напраказать, на Машу всю вину свалить, Машу съѣчь. Выросла Маша, бравитъ боярыня: что дескать, въ дѣвичьей не прислушиваешь, что про меня дѣвки говорятъ. Скажетъ что нибудь про дѣвокъ, выбьетъ боярыня дѣвокъ по щекамъ, а Машѣ дѣвки языки кажутъ, ябедой вслухъ, іудой предателемъ зовутъ, да кукишкомъ чуть въ носъ не тычутъ. Любимая кошка захвораетъ, Машу бранять, что вѣрно ей неосторожно косточку Маша подсунула; боярыня съ бояриномъ разсорится, да коли не можетъ его какими бранными словами обозвать, такъ Машу ими обзоветъ. И наряжать-то Машу обѣщалась; а что, какіе наряды? все боярышнинны обноски бѣдная носила, что коротко, и узко, и вылиняло.

— Какъ ты скажешь, дружокъ, Иванъ Ильичъ, — вѣдь по моему боярыня-то не глупо дѣлала? зачѣмъ дѣвчонкѣ зазнаться давать? надобно, чтобы она всякій часъ памятовала, что она не родная дочь, а такъ, ради Христа взята, — замѣтила Дарья Алексѣевна, обращаясь къ зятю. Ну, вотъ хоть бы и ты меня не слушаешь, а больно пехорошо дѣлаешь: зачѣмъ, папримѣръ, шелковый сарафанъ Авдотѣ шить? еще рано, материно молоко на губахъ не обсохло. Настѣ, дружокъ, нельзя не спать: Настя невѣста.

— Дуняша только годомъ моложе Насти, замѣтилъ съ улыбкою Иванъ Ильичъ.

— Ту и другую равнять нельзя, дружокъ Иванъ Ильичъ: Настя твоя дочь единородная, а Авдотья чтò? взятушка безродная, солдатская сирота. Настя считается богатая невѣста, слава Богу, не худова роду племянница, а сирота знай свое мѣсто и помни сама себя. Вотъ ты слышалъ, чтò Фетинья рассказывала; вотъ, дружокъ, какъ умные-то люди дѣлаютъ.

— Не эдакихъ ли боярынь, какъ Дубоносиха, называешь ты, матушка, умными людьми? Избави Господи отъ такого ума, меня, дѣтей моихъ, да и внучать до седьмага колѣна. Ну, подумай ты сама, есть-ли на ихъ крестѣ Христовъ? Грѣхъ намъ, матушка, такіе обычай перенимать, — сказалъ Барышниковъ.

— Ужь это правда, дружокъ, что многіе изъ бояръ нынче и креста не носятъ! Но только объ Дубоносихѣ грѣхъ это сказать: она такая богомольная, каждый праздникъ въ церквѣ Божьей, за всю службу такъ на колѣнкахъ и простоятъ.

— Сгрѣшилъ я грѣшный, не вѣнни Господи въ осужденіе, — люди эти только вѣдь *уста*ми Бога призываютъ, *сердцемъ же* далеко отъ Него отстоятъ. — Ну, развѣ изъ жалости, что ли, берутъ они спроть? такъ, отъ праздности, вмѣсто куколъ, надошло крѣпостнымъ дѣвкамъ косы обстригать, и возьмутъ взятушку; а взятушка въ боярскомъ домѣ все равно, чтò крѣпостная, — безотвѣтныя овцы безотвѣтной. Ну, такъ и давай надъ пей наругаться, а постороннимъ показывать, — поглядите, дескать, на меня, какая я добрая, держу у себя сироту, пою, кормлю, съ собой за одинъ столъ сажаю, съ моего плеча платья носить! А все ради приманки одной — Господи Боже мой, — ну, христіанское ли это дѣло?

— А все, дружокъ, по моему....

— По моему, коли я сдѣлалъ доброе дѣло, во что Богъ почтетъ, такъ для себя, а не для людей; людей-то, вѣдь, обманешь, а Бога никогда; придетъ часъ, когда *всякій отъ своихъ дѣлъ осудится и оправдится*, проговорилъ Барышниковъ, не слушая тещи.

У Дуняши слезы покатались въ три ручья; она готова была броситься на шею своему благодѣтелю, да скромность удержала.

— Ну, скажи же, няня, гдѣ теперь взятושка, что у Дубносовыхъ была? — спросила Настя робко.

— Вырвалась она отъ нихъ, моя голубушка, продолжала Фетинья. — Ишь пріѣхалъ какой-то ахвирецъ изъ Питера, сталъ къ нимъ ѣздить, плясалъ да шушукался съ боярышнями. Ужъ боярыня такъ и меркала старшую-то дочку свалить за него; а онъ вдругъ какъ отрѣзалъ, — пересталъ ѣздить, а черезъ недѣлю и Маша у насъ пропала, словно въ воду канула; слышь, увезъ онъ ее съ собою въ Питеръ. Года эдакъ черезъ три пришелъ въ Кострому полкъ стоять. Вотъ иду я по Русиной улицѣ, вижу пылать на парѣ боярыня въ колымагѣ, словно пава разряжена, и кричитъ кучеру: стой! потомъ и манить меня. Подошла я. Господи, Боже мой! моя голубушка, Марья Семеновна, да такъ раздобрѣла, что и не узнаешь! Здорово, говоритъ, Фетинья? ну, что твои господа, живы-ли? Живы, говорю, матушка, а твоя милость? Мой мужъ, говоритъ, командиромъ въ полку, живу, слава Богу, счастливо, да и сунула мнѣ рублевикъ въ руку. Я поклонъ, а она и была такова. Вотъ сироту, за ея терпѣнье, Богъ и не оставилъ. И ушли они съ полкомъ, и не знаю теперь, жива ли она, моя голубушка, — заключила Фетинья.

Наружность Дарьи Алексѣевны несколько не измѣнилась въ пятнадцать лѣтъ; такъ же, какъ и прежде, легкая и проворная, она не знала болѣзней старости. За то Фетинья совсѣмъ состарѣлась: посѣдѣла, обеззубѣла и въ добавокъ оглохла. Она и прежде безотвѣтно переносила нападки брюзгливой хозяйки, а теперь и совсѣмъ не слышала ея ворчанья; но по прежнему усердно служала.

II.

Въ родовомъ гнѣздѣ своемъ, на широкой лавкѣ, сидѣлъ Степанъ Петровичъ Безродный и усердно почитывалъ старыя рыбацкія свѣти. Передъ нимъ, въ желѣзномъ свѣтцѣ, ярко пылала лучина и наполняла дымомъ ветхую избу. Не затѣдливъ былъ нарядъ Степана Петровича: старая нагольная шубенка едва прикрывала ветхую домотканную рубаху; ступни его, вмѣсто туфель, покоились въ берестяныхъ поршняхъ; но несмотря на видимую бѣдность, такое спокойное и кроткое веселье сіяло въ каждой чертѣ его старческаго лица, что, право, и богачъ позавидовалъ бы. Самый цвѣтъ его серебристыхъ волосъ и длинной, всю грудь покрывавшей бороды отливалъ какимъ-то привѣтнымъ свѣтомъ. Если удавалось старичку ловко связать порванный петли, уста его сами собою улыбались отъ удовольствія, борода отдѣлялась отъ груди, онъ поднималъ голову, и смотря на сидящую напротивъ свою сожительницу, какъ будто говорилъ: а, каково! вѣдь еще, слава Богу, вижу; а ужъ шестой десятокъ доживаю! и снова опускалъ голову, и снова принимался за работу.

Костюмъ Ирины Михайловны былъ, напротивъ, очень шеголеватъ; ея кумачный сарафанъ, алый, словно маковъ цвѣтъ, и передникъ сѣдугу бѣлаго, составляли большую противоположность съ нарядомъ ея супруга. Ирина Михайловна была погружена въ глубокую и грустную думу; безсознательно рука ея шипала кужелекъ бѣлаго шелковистаго льпу, прикрѣпленнаго къ высокой пряслицѣ мѣднымъ гвоздемъ, которому головкою служило маленькое зеркальце. Нечего грѣха таить, — въ старыя годы Ирина Михайловна любила такъ пококетничать съ этимъ зеркальцемъ, ловко поправляя свой штофный повойникъ и любуясь своими черными бровями; но увы! шестьдесятъ лѣтъ кого не измѣняютъ. Давно она не любитъся своими бровями, которыя неумолимое время посеребрило. Итакъ, очень невесела Ирина Михайловна; однако не подумайте, что она сокрушается о прошлой молодости. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. И вотъ голова ея отяжелѣла отъ тяжелыхъ думъ, рука, въ которой проворно шелкало веретено, опустилась, глаза сомкнулись, и старушка начала кланяться кужельку, и Степану Петровичу, и всему, что было въ из-

бѣ, хотя ничто не отвѣчало на ея поклоны. И Степанъ Петровичъ, работая, улыбался и поглядывалъ на Ирину Михайловну. Потомъ, помурныкавъ что-то себѣ подъ носъ, вдругъ запѣлъ дребезжащимъ голосомъ :

« Вы послушайте, ребята,
 Что мы станемъ говорить;
 А мы, старыя старушки,
 Будемъ сказывать
 Про грозна Царя Ивана,
 Про Васильевича.
 Какъ Царь, Государь
 Подъ Казань подступалъ,
 Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку
 Подкопъ подкапалъ.
 Что подкопъ подкапалъ
 Сорокъ бочекъ закопалъ;
 Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
 Чернымъ порохомъ;
 А на бочки ставили
 Воску ярова свѣчи.
 Злы татарева по городу
 Похаживаютъ,
 Похваляются
 Да выхваляются,
 Что не быть дескать Казанюшкѣ
 Погъ бѣлымъ, подъ Царемъ.
 А нашъ Царь, Государь
 Распалается,
 Распалается, прогнѣвается,
 А на завтра пушкарей
 Онъ велитъ всѣхъ казнить,
 Всѣхъ пушкарщиковъ
 Зажигальщиковъ.
 Какъ одинъ пушкаръ,
 Посмѣлый всѣхъ былъ:
 А за первое, Царь, слово,
 Миѣ нѣтъ казни;
 За другое, Царь, слово
 Головы не сними.
 А въ тишп-то свѣчи,
 Онѣ тшп горятъ,

На вѣтру-то свѣчи
 Онъ шибче горать. —
 Не успѣлъ пушкарь
 Слово вымолвить,
 Какъ и взорвало стѣну
 Бѣлокаменную,
 Поломало всѣ башенки
 Узорчатыя.
 Вдругъ нашъ Царь, Государь
 Очень веселъ сталъ,
 А на утро пушкарей
 Велитъ жаловати,
 И всѣмъ пушкарямъ
 По пятьдесятъ рублей.
 Одному пушкарю
 Полтора ста рублей.
 Еще той-ли славной уланей
 Стретенною (14) ..

Голова Ирины Михайловны не переставала покачиваться; ей снилось, что она ребенокъ, что ее убаюкиваетъ родная матушка, которая уже лѣтъ сорокъ, какъ побывшилась. Но вотъ—носъ ея поцаловался съ пряслицей, и отъ этого толчка и вмѣстѣ отъ послѣдняго возгласа Степана Петровича, пѣніе котораго изъ мурныканья перешло въ веселые и громкіе звуки, старушка очнулась.

— Что это, Степанъ Петровичъ, знать, ты совсѣмъ ума рехнулся, голубчикъ? проговорила она, сердито взглянувъ на супруга. Вотъ, правда, что отцово сердце не то, что материнское: — я какъ ночь темная хожу, свѣту бѣлаго не вижу, сердце щемить, можетъ придется по дѣтищѣ папахиду служить, а онъ, изволь вздумать, пѣсни распѣваетъ. Изъ ума выжилъ, мой свѣтъ!..

— Ирина Михайловна, не попрекай меня, воскликнулъ, обидясь, Степанъ Петровичъ:—видитъ Богъ, что у меня на сердцѣ не меньше твоего кошкіи скребутъ, да что будешь дѣлать? не хныкать же по твоему; твое дѣло женское, а я.... и онъ вздохнулъ. Да, что прежде времени горю предаваться? Петръ Кузьмичъ....

— Отступись ты отъ меня съ твоимъ Петромъ Кузьмичемъ! Небось пророчить, что Гриша пріѣдетъ живъ и здоровъ; дождайся. Охъ! пропала я горемычная, знать лишилась я своего

секала немного; помяла-пормяла на старости, — и старушка за-
рыдала.

— Отчаянню — смирный грѣхъ; соосержи на Господа немощ-
наго, и твой грѣхъ прощается, слыхалъ я читають въ церкви, —
утѣмалъ кротко свою супругу Степанъ Петровичъ, а у самого
гласъ дрожала: знать, внутреннее чувство просияло наружу.

— Не видать мнѣ сына милого, не видать мнѣ моего красна-
го солнышка; знать, убили его злые разбойники гдѣ нибудь въ
степи Саратовской, и тѣло его развѣвали по полямъ вѣтры бу-
дильные, а душа-то его не помянута, — встала въ голосъ Ирина Ми-
хайловна, помачивалась изъ стороны въ сторону и ударяя по вре-
мени себя въ грудь.

— Меня ты упрекала, что я съ ума рехнулся, а сама такъ, ви-
дно, совсѣмъ спятила. Развѣ не слышала, что говорилъ Петръ
Кузьмичъ, — такъ не вѣришь, али не помнишь, — кто тебя знаетъ.

— Вѣстимо, Петръ Кузьмичъ всепритчани говоритъ; а у лю-
дей утѣшишь, а у Бога вѣтъ; по правдѣ, не больно ему вѣрю, —
проговорила Ирина Михайловна, утирая слезы.

— Нельзя не вѣрить, Ирина Михайловна, праведному человѣку!
Помнишь, какъ меня кумоха трясла (15); онъ пришелъ, заснѣжа-
лся, да вынулъ мнѣ наголеву ковшъ холодной воды — какъ рукой
сняло; а назавтра и на работу пошелъ. А Грина-то намъ, го-
лубчикъ, тогда въ осыѣ лежалъ? — заглянулъ Петръ Кузьмичъ въ
лѣжку и плюнулъ. А вѣдь парень то вышелъ — какъ яблоко на-
ливное: ни щедринки, ни пятнышка. А пожаръ-то, пожаръ, пом-
нишь? — кругомъ вся улица обжглась, пришелъ Кузьмичъ къ намъ
и выносить ничего не далъ, а покуда горѣло сидѣлъ въ нашей
избѣ. И все кругомъ, какъ помеломъ вымело, а вѣдь избушка-то
ваша и теперь цѣла, и теперь сейчасъ сидимъ мы въ ней съ те-
бой, Ирина Михайловна, да рѣчь ведемъ.

— Что и говорить! Петръ Кузьмичъ благодѣтель нашъ. Да
что это онъ съ твоими-то рубахами дѣлаетъ? хорошъ благодѣ-
тель! Обралъ онъ тебя всего сердечнаго, а ужъ не напасаюсь на
тебя ихъ, не успѣваю прять и шить. Скоро самъ ты похожъ бу-
дешь на Кузьмича, — проговорила съ досадою старушка.

— Тебѣ чужаго добра жаль, Ирина Михайловна, сказалъ
съ упрекомъ Степанъ Петровичъ.

— Какое чужое добро! вѣдь я сама пряду, сама тку, сама
шью. Чего же еще, Степанъ Петровичъ; для чего же я бьюсь, какъ
рыба объ ледъ?

— Такъ ты моя на старости неженать стала; слышишь ли, сорокъ лѣтъ живемъ, да не попрекала; ну, видно, Ирина Михайловна, не долго мнѣ съ тобой пожить на этомъ свѣтѣ.

Иринѣ Михайловнѣ жалко стало старина; она чувствовала, что его обидѣла, и, желая замѣть этотъ разговоръ, сказала:

— Полно, Степанъ Петровичъ, я безъ умысла сказала, затѣяла спроста; ну, Богъ съ нимъ, съ Петромъ Кузьмичемъ: пусть бы онъ носилъ твои рубахи; такъ вѣдь не носить, всегда сердечный въ рубищѣ, зная онъ нищими отдастъ все, что ему даютъ.

— Однажды я тебѣ скажу, Ирина Михайловна, и навсегда, сказалъ Степанъ Петровичъ, не заищая увертки своей супругѣ. И послѣднюю рубаху отдамъ Петру Кузьмичу, если онъ попроситъ; онъ Божій человекъ, и покуда ѣсть нашу хлѣбъ-соль, мы все будемъ цѣлы и невредимы. Я вѣрю этому.

Иринѣ Михайловнѣ противъ такихъ доводовъ шельзы было ни хитрить, ни спорить отпираться, а надобно было замолчать; она такъ и сдѣлала. Черезъ нѣсколько минутъ старушка зѣвнула, перекрестила ротъ, погасила свою прислону на гвоздикъ, засвѣтила салный огарокъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и стала накрывать на столъ. Степанъ Петровичъ сложилъ свою работу, отодвинулъ ея уголь, досталъ изъ стола ковригу хлѣба, и, перекрестясь, сталъ рѣзать.

На улицѣ была темная сентябрьская ночь; дождь моросилъ какъ изъ сита, съ крыши бѣжала вода и капала въ кадку, поставленную подъ застрѣхъ.

Давно уже сидѣла престарѣлая чета за столомъ, а ничего ей не ѣлось; огарокъ нагорѣлъ и тускло освѣщалъ задумчивыя старыя лица. Степанъ Петровичъ прислушивался, какъ чикаетъ сверчокъ за печкой, а Ирина Михайловна—какъ падаетъ вода въ кадку. Они взглянули другъ на друга.

— Кушай, Ирина Михайловна, сказалъ Степанъ Петровичъ, придвинувъ къ женѣ непочатое блюдо шей.

— А ты что не кушаешь, Степанъ Петровичъ? промолвила старушка, замѣтивъ, что у него и ложка-то суха.

— Не хочу я, Михайловна.

— И я тоже не хочу, Степанъ Петровичъ,—и грустно, грустно посмотрѣли старики другъ на друга.

Крѣпился Степанъ Петровичъ, а все что-то выбѣжало изъ глазъ его, какъ блеска сверкнула, да и остановилась на сѣдыхъ усахъ. Онъ набожно взглянулъ на образа, какъ будто пе-

рекая имъ за вѣтное горе и прося себя облегченія, — и чрезъ минуту уже весело ужиналъ; Ирина Михайловна все еще сидѣла насытая. Вдругъ кто-то стукнулъ кольцомъ калитки.

— Не Гриша ли, мой голубчикъ! воскликнула старушка.

— Вѣрно Петръ Кузьмичъ, сказалъ Степанъ Петровичъ и бросился изъ-за стола отпирать калитку.

Черезъ минуту, вѣлѣдъ за хозяиномъ, вошелъ въ избу высокій, худощавый человекъ среднихъ лѣтъ, въ грязной холщевой рубахѣ и подпоясанный шерстянымъ кушакомъ. Изъ подъ изорванной мѣховой шапки, висѣли прядями желтоватые волосы; такого же цвѣта рѣдкая и короткая борода опушала впалыя щеки блѣднаго и покрытаго веснушками лица. Мутно-сѣрые глаза смотрѣли тускло, а босые ноги всѣ были избиты до крови. Толстый и длинный колъ служилъ ему посохомъ, которымъ онъ повертывалъ непринужденно, какъ щеголь легкой тросточкой.

— Добро пожаловать, гость дорогой, садись съ нами и поужинай, чѣмъ Богъ послалъ, сказалъ Степанъ Петровичъ, садясь на свое мѣсто.

Ирина Михайловна неласково взглянула на гостя и что-то проворчала.

Кузьмичъ, бросивъ свой посохъ и шапку на лавку, безъ церемоній, помѣстился возлѣ хозяина.

Ирина Михайловна встала изъ-за стола, помолилась и, доставъ небольшую квашню съ полицы, принялась къ завтраму растворять хлѣбы.

— Ирина Михайловна, что у тебя еще? спросилъ Степанъ Петровичъ, когда Кузьмичъ отодвинулъ отъ себя пустое блюдо, опорожненное Степаномъ Петровичемъ. Ирина Михайловна будто не слыхала, и не переставала дѣлать свое дѣло.

Степанъ Петровичъ, не безпокая болѣе хозяйки, самъ досталъ изъ вѣчки горшокъ съ кашею и, поставивъ передъ гостемъ, сказалъ радушно:

— Кушай на здоровье, Петръ Кузьмичъ.

— Что это, дядя, кутья у тебя, — береги кутью поминать Кузьму, — воскликнулъ Кузьмичъ.

— Это каша, Петръ Кузьмичъ.

— Ужъ не Гришины ли поминки ты пророчишь? — сказала Ирина Михайловна, укрывая квашню своимъ бѣлымъ передникомъ и устанавливая ее на палати.

Но, вместо ответа, Кузьмичъ, вытряхнувъ кашу на столъ, началъ горшокъ объ нелѣ, что было силы. Черешки полетѣли въ разные стороны.

— Ну, вотъ это ужъ не дѣло, голубчикъ, горшки бить; мы никакъ не хотимъ ссоры, а ужъ рукамъ соли не даромъ; вѣдь горшки-то не даромъ же даютъ, Петръ Кузьмичъ. Мы люди скучные, самъ ты посуди, — говорила съ досадою Ирина Михайловна.

— Эхъ, эхъ, крикушка, — волосъ у тебя долготъ, да унѣ коротокъ; что ты враговъ-то жалѣешь, — вѣдь враги во прахъ, такъ надораздаться. Видишь, какъ они сокрушались, — сказалъ Кузьмичъ и, вставъ изъ-за стола, началъ давить ногами тѣ черешки, которые были покрупице.

— Ты все притчами, голубчикъ, говоришь: мы люди темные — неразумѣемъ; вотъ бы по моему, по просту, — зашѣтила старушка, смѣялась.

— Не говори: люди темные; темные только бѣсъ да грѣхъ, а коли на тебя на маленькую попѣ рубашку надѣвалъ, такъ та рубашка свѣтла. Вонъ у дяди Петровича, такъ и душа-то словно свѣчка свѣтится; съ нимъ и въ потьмахъ — свѣтло; найдеть онъ по пути, не споткнется, небось.

— Что ты за путь пророчишь Степану Петровичу? Куда ему, — старъ, плохъ становится.

— Путь этотъ и старику, и молодцу; а ты, Михайловна, пеки блины, да собирай дядю въ дорогу.

— Господь-те знаетъ, что ты такое говоришь! скажи-ко, лучше, дождусь ли я Граши-то изъ Астрахани? — спросила старушка.

— Вари брагу похмѣльнѣ, да заприай ворота: прѣдутъ къ тебѣ гости незванные и нежданные, говорилъ Кузьмичъ. — А послушай-ко Петровичъ, я мимоходомъ шелъ, да къ тебѣ зашелъ: есть у тебя сапожки новые, тяжелы они тебѣ, дядя, а у Кузьмича много ходьбы, далека сегодня моя дорога. Снябди, дядя, меня сапожками-то, прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

— Вотъ-те-на, — чуяло мое сердце, шептала Ирина Михайловна и сказала вслухъ: — какъ же, Петръ Кузьмичъ, ты самъ сказалъ, что Степанъ Петровичъ въ путь долженъ готовиться, какъ же ему безъ сапоговъ? Нельзя, голубчикъ Петръ Кузьмичъ: сапожонки у него одни — всѣ тутъ.

— Куда ему такіе тяжелые; въ дорогу лапотки обуваютъ, Михайловна, въ лапоткахъ легче, отвѣчалъ Кузьмичъ.

Степанъ Петровичъ всталъ изъ-за стола, помолился и, засѣвъ тихишко, молча отправился въ чуланъ.

Ирина Михайловна смекнула, въ чемъ дѣло, выскочила слѣдомъ. Степанъ Петровичъ ужъ отыскалъ сапоги.

— Что это, свѣтъ мой Степанъ Петровичъ, что ты дѣлаешь? возопила она.

— Я тебѣ давеча сказалъ, и не поперечъ мнѣ больше, Ирина Михайловна, отвѣчалъ рѣшительно Степанъ Петровичъ, и, отстранивъ рукою супругу отъ дверей, вышелъ изъ чулана съ сапогами. Ирина Михайловна осталась въ потьмахъ и заплакала съ досады. Трудно сказать, о чемъ она заплакала: сапоговъ ли ей было жаль, или горько, что Степанъ Петровичъ ее не послушался (а онъ только въ этомъ и не слушалъ ее).

— Рехнулся, совсѣмъ рехнулся Степанъ Петровичъ. Наладилъ одно, благодѣтель нашъ Петръ Кузьмичъ,—а благодѣтель то обираетъ да обираетъ. Совсѣмъ голышомъ оставить старого дурня, говорила она сама себѣ. Войти въ избу подѣ горячій часъ не хотѣла, опасаясь оскорбить Кузьмича обидною рѣчью. Ирина Михайловна хотя не признавала паружно Кузьмича, какъ выражался Степанъ Петровичъ, за человѣка праведнаго, но внутренно не могла не сознаться, что многія изъ его предсказаній сбывались на дѣлѣ. Когда сердце Ирины Михайловны уходилось, она вошла въ избу, и, къ крайнему сожалѣнію, увидѣла, что Кузьмичъ прыгалъ по избѣ въ сапогахъ Степана Петровича, а послѣдній, смотря на него, самодовольно улыбался.

— Ай Петровичъ! спасибо дядя, славные сапожки подарилъ Кузьмичу. За это тебѣ Гришка красные привезетъ; да не нужно тебѣ, Петровичъ, и красныхъ сапоговъ, воевода на кнутѣ тебя на свой счетъ отправитъ. А ты, Иринишка, баню топни, пріѣзжаго гостя парить, говорилъ Кузьмичъ прыгая по избѣ.

Ирина Михайловна умильно поглядывала на длинные ноги Кузьмича и молча вздыхала, не слушая рѣчей его.

Петръ Кузьмичъ надѣлъ шапку, взялся было и за колъ, но потомъ положилъ его, прошептавъ: пусть товарищъ-то почуветь. Пора мнѣ, пора, далека моя дорога, прибавилъ онъ вслухъ и черезъ минуту былъ уже на улицѣ. Отошедши нѣсколько отъ дома Безродныхъ, онъ снялъ шапку и сапоги; дождь мочилъ его непокрытую голову. Шлепая по грязи босыми ногами, Кузьмичъ

спустился по глинистому крутому съѣзду и, повернувшись на право, пошелъ по Верхней Дебрѣ (16), направляясь къ Кремлю. Проходя мимо церквей, онъ клалъ земные поклоны. Давно ужъ крѣпостная рѣшотка (17) была задвинута, но сторожъ, увидя Кузьмича, молча развелъ рогатку и пропустилъ его. Вскорѣ соборная паперть пріютила этого страннаго человѣка.

Между тѣмъ Ирина Михайловна, убирая со стола, ворчала:

— Вотъ тебѣ и сапоги, добро бы ужъ носилъ Кузьмичъ, а то завтра же босой придетъ. А завтра пятница, торговый день; въ чемъ пойдетъ Степанъ Петровичъ на базаръ? Охъ! охъ! совсѣмъ одурѣлъ, сердечный.

Но Степанъ Петровичъ будто ничего не слышалъ; помолясь усердно Богу, заперъ на задвижку камитку и сѣни и забрался на палати. Вскорѣ и Ирина Михайловна послѣдовала его примѣру расположась на лавкѣ. Тишина воцарилась въ избѣ, только сверчокъ чикалъ за печкой.

III.

Долго неспалось Степану Петровичу, наконецъ онъ заснулъ. И снится ему страшный сонъ: будто послушался Ирины Михайловны и не далъ сапоговъ Кузьмичу; и вотъ—будто онъ умеръ и какія-то отвратительныя зеленныя существа хотятъ обуть его въ раскаленные желѣзные сапоги, и вспомнилъ онъ, что отказалъ Божьему человѣку, и кается онъ вслухъ, и молится, чтобы его отпустили, а сапоги такъ и пышутъ. Страшно, невыразимо-страшно стало Степану Петровичу, дыханье занялось; онъ сталъ рваться изъ страшныхъ объятій и проснулся.

Перекрестился старикъ, и радъ радехонекъ, что эти ужасы во снѣ ему пригрезились. И вотъ опять онъ хочетъ заснуть. Мышь гдѣ-то подъ лавкой грызетъ сухарикъ, и тараканы шелестятъ мохомъ въ стѣнѣ. А думы, одна одной мрачнѣе, идутъ на умъ, забота о Гришѣ сильно шевелитъ сердце и сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Жарко, душно стало Степану Петровичу; онъ сбросилъ старый кафтанъ, которымъ было одѣлся. И вотъ, чудится ему, что кто-то ходитъ по избѣ, а веретено Ирины Михайловны громко шелкаетъ; старикъ опустилъ голову съ палатей—никого нѣтъ: Ирина Михайловна храпитъ на лавкѣ, а пряслица виситъ на гвоздикѣ; только полная луна, разогнавши сѣрыя тучи, за-

глядываетъ во всѣ три окна, и все онъ слышитъ, что кто-то придетъ. «Вѣрно кикимора (18)», подумалъ старикъ, и жутко ему стало; онъ закутывался, потѣлъ, творилъ молитву и наконецъ заснулъ. Опять дурной сонъ: пришелъ будто Гриша въ саванѣ съ того свѣта, и глядитъ на него тусклыми, недвижными глазами; сердце замерло у Степана Петровича и онъ опять проснулся. Какая мучительная ночь для бѣднаго старичка! Онъ поглядѣлъ во кругъ себя и въ самомъ дѣлѣ что-то бѣлое сидитъ возлѣ него. Степанъ Петровичъ собрался съ духомъ и ощупалъ. Это была квашня, которую Ирина Михайловна свечера поставила, накрывъ своимъ бѣлымъ передникомъ. Плюнулъ Степанъ Петровичъ, повернулся на другой бокъ и сталъ засыпать.

Домовой въ видѣ кота навалился ему на грудь; тошно стало старикъ; хочетъ сотворить молитву, — языкъ не шевелится, хочетъ перекреститься, — рука не поднимается. Опомнися немножко и спрашиваетъ домового: къ добру или къ худу душишь-ты меня? Къ худу! отвѣчаетъ котъ человѣческимъ голосомъ (19), а его бѣлые зубы такъ и скалятся на глотку Степана Петровича. Вздрогнувъ старикъ, схватилъ кота за шиворотъ и сбросилъ съ себя. Въ самомъ дѣлѣ, что-то съ громомъ грохнуло на палъ. Ирина Михайловна вскочила въ испугъ.

— Съ нами Богъ, съ нами сила крестная! вскричала она: — Степанъ Петровичъ не ты ли, мой свѣтъ, слетѣлъ съ палатей?

Но Степанъ Петровичъ, спустивъ голову съ палатей, въ изумленіи протираетъ глаза.

— Ты не спишь? али и тебя проклятый домовой разбудилъ? спросилъ онъ, опомнившись.

— Что ты бредишь, наше мѣсто свято! Ахъ, мои батюшки! ты, знать, квашню-то столкнулъ! воскликнула старуха, поднимая квашню съ выбитымъ донцемъ: — и растворъ весь на полу. Старый ты грѣховодникъ! какъ тебя угораздило?

— Виновать, Ирина Михайловна; чудилось мнѣ домового съ себя сбросить, душилъ, проклятый, не передъ добромъ; и спросилъ я, знаешь, къ добру, молю, али къ худу, — къ худу, говорить. Ахъ, мои батюшки, этакой грѣхъ! говорилъ Степанъ Петровичъ въ свое оправданіе.

— Добро, добро, найдешь оправдаться; ишь — домовый виновать! Бѣдная квашонка, отжила ты знать свой вѣкъ! говорила старуха, поставивъ на полъ квашню и покачивая съ сожалѣніемъ головою.

— Завтра почина, чѣмъ свѣтъ почина.

— Ладно; завтра, кажись, торжественный день, съ рыбешкой на базаръ пойдешь; ахъ вѣдь сапоговъ-то нѣтъ, а я забыла, забытая модко Ирина Михайловна.

— Ты-оу ты! наладила одно: сапоги да сапоги; послушался бы я тебя, отказалъ Божьему человѣку, а меня, стараго грѣшника, и обули бы на томъ свѣтѣ въ желѣзные горячіе сапоги, какъ сегодня мнѣ во снѣ видѣлось. О-ке, хо, хо, какія ужасы! вздохнуть, прибавилъ онъ и замолчалъ. Замолчала и Ирина Михайловна и, перекрестясь, улеглась опять.

Такъ прошло съ полчаса.

Вдругъ сильный стукъ у окна прервалъ дремоту засыпавшихъ стариковъ, и вслѣдъ за стуномъ послышался голосъ:

— Добрые люди, укройте у темной ночи, пустите ночевать! мы прозябли; въ первый разъ въ Костромѣ, не знаемъ, гдѣ отыскать стоялые дворы.

— Кто тамъ? спросила сердито Ирина Михайловна, вставая:— что это, родимые? Поѣзжайте на постоялый дворъ.

— Позднотеперь, бабушка, отыскивать; мы чѣмъ свѣтъ опять въ дорогу, за ночлегъ заплатимъ, продолжалъ голосъ подъ окномъ.

— Пустимъ ихъ, Ирина Михайловна, избы не убудетъ; первые пѣтухи пропѣли, скоро вторые запоютъ, значить, скоро свѣтъ: гдѣ имъ тамъ таскаться и отыскивать постоялый дворъ. Вотъ я отопру. И не дожидаясь согласія Ирины Михайловны, Степанъ Петровичъ слѣзъ съ палатей, накинулъ шубенку и сталъ отыскивать поршни.

Ирина Михайловна встала и взглянула въ окно; сердце ея замерло, лицо вытянулось, глаза выкатились, и она, не произнеся ни слова, словно у нея языкъ отнялся, полумертвая опустилась на лавку. Старикъ оглянулся и, увидѣвъ ее въ такомъ положеніи, въ испугѣ бросился къ ней. Луна освѣщала ея помертвѣвшее лицо; старушка молча показала рукою на окно. Степанъ Петровичъ взглянулъ, и какъ стоялъ, такъ и присѣлъ; ноги его подогнулись: передъ домомъ стояло человѣкъ десять людей страшнаго вида, кто въ тулупахъ, кто въ чемъ попало; а далѣе нѣсколько подводъ лошадей, запряженныхъ въ большія телеги. И вотъ двѣ усатыя хари отдѣлились отъ толпы и подошли подъ окно.

Старикъ немного онемелъ, едва дотанчивая до лавки и попустился вслабъ Ирины Михайловны.

— Согреѣшили мы грѣшные, шепталъ онъ едва слышво.

— Да чтожь, отопрете, али нѣтъ; мы сказали, что заплатить за ночлегъ! кричали подъ окнами.

Но хозяйева молчали, и смутно поглядывая другъ на друга, дрожали какъ осиновыя листь.

— Что ихъ тамъ жалѣть, коли сами не отворяютъ! Лешай, ребята, ворота, произнесъ хриплый голосъ.

— Эй! полно дома не сказываться! Не отопрешь, — сгоримъ въ своемъ сорочьемъ гнѣздѣ, кричалъ другой голосъ. Раздался залпъ ругательствъ и камни полетѣли въ окно.

— Отпирай же Степанъ Петровичъ. Полно бѣднякомъ прикидываться: зять богачемъ живетъ въ Астрахани. Не надобна намъ твоя душа, нужна мощица, проговорилъ звонкій голосъ.

— Лисица! прошепталъ Степанъ Петровичъ. Это голосъ Лисицы, Ирина Михайловна!

Ирина Михайловна молча кивнула головой.

— Да вѣрно съ ними добромъ нераздѣлаешься. Валяй, ребята, калитчонку. И оглушительный стукъ раздался въ калитку, такъ, что заборъ закачался, а изба тряслась, какъ во время грозы.

Обомлѣли старики.

— Дорогіе гости, осмѣлился произнести Степанъ Петровичъ, выглядывая изъ-за косяка въ красномъ окнѣ:—видитъ Богъ, мы люди скудные; помилуйте, пощадите!

— А вотъ, заговоришь ты другія рѣчи, другія пѣсни запоешь, какъ станешь изгибаться на маломъ огнѣ, а старая твоя шкура будетъ потрескиваться, отвѣчали ему съ улицы. И стукъ въ калитку возобновился.

Затрепетало сердце у Степана Петровича, видѣлъ онъ, что его послѣдній часъ приближается.

— Денегъ! добра! кричали разбойники.

— У меня нѣтъ ни полушки, шепталъ Степанъ Петровичъ.

Вдругъ раздалось страшное: у—ухъ! и калитка слетѣла съ петель, а вмѣстѣ съ тѣмъ упала и часть забора. Разбойники съ ругательствами бросились на крыльцо, и ветхое крыльцо затрещало подъ ихъ тяжестью.

— Прогнѣвали мы Господа, — прошептала Ирина Михайловна.

— Последній часъ насталъ для насъ; вотъ — на вѣрь Петру Кузьмичу. Вотъ тебѣ и гости! и незваные! отвѣтилъ Степанъ Петровичъ.

Разбойники стучались у сѣней, а крыльцо тряслось и скрипѣло.

— Этакіе старые черти, словно въ крѣпости уцѣлись и въ усь себѣ не дуютъ. Поджигай ихъ, старыхъ воронъ, пронзешь кричащей голося.

— Господи! не прогнѣвайся на насъ грѣшныхъ, — прости наши прегрѣшенія.

— Молись, Михайловна, готовься къ смерти и кайся во грѣхахъ; прости, Гриша, будь надъ тобой мое отцовское благословеніе, навѣки нерушимо, шепталъ Степанъ Петровичъ, и упавъ на колѣни передъ образомъ, началъ слезно молиться. Вдругъ взоръ его нечаянно упалъ на лежавшій на лавкѣ посохъ Кузьмича; онъ вскопчилъ, надеждана мгновеніе оживила его сердце: онъ схватилъ колъ и вышелъ съ нимъ въ сѣни. Одинъ конецъ кола уперъ онъ въ дверь, въ которую стучали разбойники, а другой въ противоположную стѣну, — какъ разъ пришлось. Старикъ, перекрестясь и поручая себя Богу и молитвамъ Петра Кузьмича, съ болѣе спокойнымъ духомъ возвратился въ избу.

Той порой Ирина Михайловна, размысливъ, что уже смерть неизбежна, какъ ей ни тошно было разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ, рѣшилась какъ слѣдуетъ приготовиться къ смерти. Она достала изъ коробки рубаху и полотняный бѣлый сарафанъ, приготовленные на смерть, и все это надѣла на себя; а голову повязала бранымъ убрусомъ (20), словомъ, совсѣмъ въ гробъ собралась. И когда возвратился Степанъ Петровичъ, она повалилась ему въ ноги и сказала, всхлипывая:

— Свѣтъ ты мой, другъ сердечный, Степанъ Петровичъ, — прости ты меня за всѣ мои грубости и досады, которыя я нанесла тебѣ во всю мою жизнь; прости меня за все зло, которое я съ умысломъ или безъ умысла когда тебѣ сдѣлала, прости, Христа ради; кончикъ намъ обоимъ приходитъ!

— И меня прости, Ирина Михайловна, отвѣчалъ Степанъ Петровичъ, коли я тебя изобидѣлъ чѣмъ. И повалились старики другъ другу въ ноги. Потомъ встали на колѣни и стали молиться.

— Чтожь, ребята, не стыдно ли, что мы такъ долго возникъ съ этимъ глѣздомъ; той порой можно было бы свихнуть его подъ гору какъ кучу вороха, — говорилъ одинъ изъ разбойниковъ.

Раздался стукъ, крикъ и ругательства, и все слилось въ долгій оглушительный трескъ; что-то грохнуло и настала мертвая тишина.

Старики лежали ницъ и ждали смерти.

IV.

Занялась заря утренняя; туманъ волновался надъ городомъ, но городъ еще спалъ сномъ предразсвѣтнымъ. Въ это время по Кинешемской дорогѣ медленно тащилась рогоженная кибитка; усталая лошадь едва передвигала ноги. Въ кибиткѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ нагольномъ тулупѣ и мѣховой шапкѣ. По его бѣдному, изнуренному лицу, по его покраснѣвшимъ глазамъ видно было, что прошлую ночь онъ провелъ дурно.

Передъ нимъ въ туманѣ показалась Кострома. Путникъ снялъ шапку и перекрестился, слеза радости сверкнула на рѣсницѣ; но, какъ будто испугавшись своего ранняго восторга, онъ тревожнымъ взоромъ обвелъ окрестность: все было тихо, даже птицы не спроснулись еще, только вѣтерокъ шумѣлъ въ мелкомъ кустарникѣ, тянувшемся по обѣимъ сторонамъ дороги.

Вдругъ съ лѣвой стороны послышался топотъ поѣзда; путникъ выскочилъ изъ кибитки, схватилъ подъ уздцы лошадь и скрылся въ кустахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ раздался свистъ, и на дорогѣ отъ города показалось пять подводъ въ большихъ телегахъ, на которыхъ сидѣли по два страшныхъ оборванца. Путникъ видѣлъ, какъ они, проскакавъ по полянкѣ, свернули лѣво и скрылись въ густомъ лѣсу, не далѣе, какъ въ полу-верстѣ козани его.

Не долга, но горяча была молитва спасагося отъ очевидной опасности; онъ опять сѣлъ въ кибитку и, погоняя лошадь, пустился въ путь. И вотъ онъ въ городѣ.

Кострома начала просыпаться. И вотъ предметъ его путешествія передъ нимъ. Высокая, ветхая изба Степана Петровича одиноко стоитъ на чистопольѣ, и какъ полоумная старуха смотрится въ грязную лужу. Стекла выбиты, халитка и часть забора уронены. Остановился передъ ней прїѣзжій, вышелъ изъ кибитки и не можетъ надивиться на такое разрушеніе. Спросить не у кого, — нѣтъ близко жилой избы. Только кругомъ тамъ и сямъ торчатъ печныя трубы изъ кучи обгорѣлыхъ бревенъ, или стоятъ столбы

приворотные, черные какъ голубки, сидѣтельства о близости пошарѣ. Лишь нѣ-подъ горы высится Воскресенская церковь, соимжествомъ зеленыхъ главъ, покрытыхъ, какъ чешуею, вырѣзаннымъ деревомъ съ витыми столбиками, съ пѣтиными нарнизами, испещренная и разукрашенная; а на колокольнѣ, возвышающейся надъ папертью (28) круглую башнею, пономарь полюлейнымъ благовѣстомъ сзываетъ усердныхъ богомольцевъ къ заутренѣ.

Далѣе, черезъ крыши домовъ, тѣснящихся по Верхней и нижней Дебрянѣ, синѣетъ Волга; за ней желтѣютъ выжатые поля, чернѣютъ передѣски и деревни; влѣво узенькая Черная рѣчка; съ берегами поросшими ёлочникомъ, за которою слобода Татарская; вправо пробуждающійся городъ, съ своими пятидесятью церквами. Хоромы и избышки тѣсняются другъ къ другу. Между ними деревья съ пожелтѣвшими листьями или уже совсѣмъ безъ листьевъ. Высокія, почти стоячія кровли, торчатъ словно кокошки (29) тогдашнихъ щеголей, и надъ ними встаетъ дымъ, колоннами всѣхъ возможныхъ видовъ возносясь къ небу, и потомъ, разрастаясь кудрявыми деревьями, вѣется причудливыми пощипами и расходится клочками мимолетнаго облачка, и едва-едва замѣтными обрывками исчезаетъ въ пространство.

Долго стучалъ пріѣзжій черенкомъ своего кнута въ подоконники, долго кричалъ онъ, чтобъ кто нибудь выглянулъ; безмолвна и безотвѣтна стояла изба Степана Петровича. Пріѣзжій пошелъ на дворъ; все говорило, что тутъ живутъ живые люди; вотъ стоитъ полѣнница дровъ, вотъ торчитъ клочъ сѣна изъ окна сѣновала, хотя подъ нимъ отворенный коровникъ пустымъ пустехонекъ; вотъ за дворомъ огородъ, на грядкахъ гордо и осанисто сидитъ капуста, вотъ кусты малины и смородины и между ними нѣсколько старыхъ яблоней, тщательно подпертыхъ рогатками; все, все говоритъ, что здѣсь живутъ, или по крайней мѣрѣ—жили вчера живые люди, своею ежедневною жизнью. И разрушенное крыльцо и уроненный заборъ какъ будто говорить о какомъ-то чрезвычайномъ печальномъ событіи, случившемся не далѣе, какъ въ прошедшую ночь. Взялъ колъ пріѣзжій, взобрался на кучу обломковъ и сталъ стучать въ сѣнныя двери, но онъ такъ были высоки, что едва рука доставала. И все отѣта не было.

— Вотъ какія дѣла подѣлались! экая диконница: знать истинные гости были, сказала голосъ позади пріѣзжаго.

Последній оглянувшись, — зашипитъ стоялъ человѣкъ почти огромнаго роста, въ плечахъ косая сажень, какъ говорится; съ самыми свѣлыми волосами и съ такой же бородою, съ опухшими краснорезыми лицами, съ улыбающимися губами и съ прищуренными глазами, въ которыхъ видѣлся какой-то безпечный разгулъ. Онъ былъ босой и безъ шапки, только на одномъ плечѣ у него былъ лангннуть старый бабій шугай.

— Не могу надивиться, что никто не отвѣтитъ мнѣ и неотрегъ, хотя вожусь съ часъ времени; отчего это, не скажешь ли мнѣ, добрый человѣкъ? спрыгнувъ съ обломковъ и подозрительно поглядывая на чудака, спросилъ пріѣзжій.

— Хе, хе, хе! притча-то извѣстная... Давно, братъ, я поглядываю, какъ ты тутъ копошишься. А скажи-ко, любезный, что тебѣ за дѣло? спросилъ въ свою очередь великанъ.

— Мнѣ что за дѣло? по твоему — мнѣ дѣла нѣтъ.

— А ты скажи, кто ты таковъ?

— А ты кто таковъ?

— Я здѣшній старожилъ, — Илья Яковлевъ.

— Илья Яковличъ!

— Да, Илья Яковличъ Лопата; вонъ моя изба въ задахъ-то, съ новою кровлею; али бышь нѣтъ — не моя, а моей жены, чортъ ее возьми! Тамъ она теперь почиваетъ, лебедь бѣлая, а мужъ-то ея, а-то, Ильяшукъ, шляюсь. Вотъ, горькая пьяница, — вчера все съ себя оставилъ въ ошарѣ...

Пріѣзжему наскучило слушать рассказы Илья Яковлича; онъ сказалъ нетерпѣливо:

— Коли ты добрый человѣкъ, Илья Яковличъ, такъ скажи мнѣ, Бога ради, живы ли Степанъ Петровичъ и Ирина Михайловна, — вѣдь они мнѣ родители!

— Какъ! — воскликнулъ Лопата, разинувъ отъ удивленія свой широкой ротъ.

— Просто — я ихъ сынъ Григорій. И что все это значить, растолкуй мнѣ, если можешь?

— А! Григорій Степановичъ! добро пожаловать! Какой, братъ, ты выросъ! Да я не узналъ бы тебя! А вѣдь помню, какъ ты мальчишкой былъ, вонъ тамъ валандался въ лужѣ! А тутъ, слышу, увезли Гришу въ Астрахань. Ну, братъ, молодецъ же ты. Ну, поцалуемся. Съ пріѣздомъ тебя поздравляю, говорилъ Илья, растопыря руки и обнимая Гришу. Последній, послѣ дружескаго лобзанія, утерся рукавомъ.

— Ничего, Григорій Степановичъ, отъ меня, мамонта, драбника не пахнетъ и въ нозь бьетъ; это оттого, что ты еще молоденько. Петрабабенька пагубы-то этой, а я нѣтъ, грѣшный человѣкъ, — понимаю; жена моя, Аграфена Матвѣевна, просто кабакомъ зовутъ. Будто, что кабакъ вина въ себѣ содержать, все оно изъ него утробу переходить. Дура-баба, а научилъ бы, и надо научить, да что, — бабенка шедушная, а кулакъ-то мой, кулакъ-быка убью. Долго-ли до грѣха, — говорилъ Илья, отчаянно махнувъ рукой: — а все участь моя горькая!

Гриша улыбнулся.

— Что же ты мнѣ про стариковъ-то моихъ не скажешь, Илья Яковлевичъ?

— Были они вчера по добру по здорову передъ сумерками, когда я проходилъ мимо ихъ; Ирина Михайловна корову на дворъ загоняла, а Степанъ Петровичъ въ окно глядѣлъ и поклонился мнѣ.

— А теперь, что же все это?

— Просто, знать, воры ночью были, знать со старичками покончили. Что дѣлать, Григорій Степановичъ, жалко; горе-то такъ за человѣкомъ и ходить. Вотъ и моя-то участь горькая!...

— Что же намъ дѣлать теперь? объявить, чтоли? спросилъ Григорій, едва удерживая слезы при мысли, что его родители убиты.

— Пожалуй хоть объявить. Ахъ я дурень какой, — близко ночевалъ, а ничего не слышалъ....

— Али стараться въ избу войти?

— Ну, въ избу войдемъ.

— Да какъ же, двери заперты изнутри. Пытался я стучать, крѣпко заперты, не подаются.

— Такъ какъ же? вѣдь въ окнахъ завязнемъ, черезъ окно не взойдешь; надобно дверь выломать. Пстой-ко, я своимъ кулакомъ повробую; высоко, правда; развѣ тебѣ на плечи встать?

Гриша окинулъ его взоромъ съ головы до ногъ.

— Что, сосѣдъ, глядишь? что я плечи тебѣ отдаваю? Ну, ты на мои становись, да и валий.

Григорій не заставлялъ въ другой разъ сдѣлать такое предложеніе; онъ сбросилъ тулупъ, вскочилъ на плечи Лопаты и сильною рукой началъ стучать въ дверь. Сверхъ ожиданія, дверь скоро отворилась, и Григорій, потерявъ равновѣсіе, съ размаха упалъ головою въ сѣни.

Когда очнулся Гриша, то увидѣлъ, что возлѣ его лежалъ сложенный посохъ Петра Кузмина, который такъ долго служилъ крѣпкимъ запоромъ для осаждаемой двери; онъ всталъ и перекрестился. Сильно забилось его сердце, когда переступилъ онъ порогъ избы, — и что представилось его изумленному взору! Передъ образами лежали старики, внизъ лицомъ и другъ подлѣ друга, — Ирина Михайловна въ бѣломъ сарафанѣ, а посреди избы открытая коробочка, изъ которой вынула старушка свой гробовой нарядъ; на полу валялись горшечные черепки и выбитыя изъ оконъ стекла, а далѣе, возлѣ печки, бездонная квашня и бѣлый ручеекъ раствора, который подлизывала кошка.

Гриша едва дотащился до лавки и, бросясь на нее, схватилъ себя за кудри и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Вотъ участь моя горькая, зачѣмъ вела меня на родину! Отъ, зачѣмъ не убили меня злые разбойники, зачѣмъ убивать старыхъ стариковъ, которые и такъ одной погой ужъ въ гробу стоять, говорилъ Григорій. И тошно, горько ему было; сильно рвануль онъ воротъ рубахи, который давилъ его, и началъ бить въ грудь молодецкую.

Долго плакалъ Гриша, сжимая голову руками, и вопилъ звонкимъ голосомъ, словно женщина; обильно бѣжали изъ глазъ его сивовія слезы и наконецъ, какъ бы уставши, склонилъ онъ голову, и русыя кудри, перевѣсившись, густою тѣнью своей закрыли его печальное лицо.

— Батюшка, родимый мой, не суждено мнѣ было тебя увидѣть живаго и принять твое отцовское благословеніе. Сирота я горемычный остался на бѣломъ свѣтѣ безъ васъ! вскричалъ рыдая Григорій и бросился обнимать отца.

— Родимая матушка, проснись, пробудись, взгляни на свое дѣтище... и онъ цаловалъ мать. Такимъ образомъ переходя отъ одного къ другому, онъ замѣтилъ, что покойники еще не охолодѣли. — Господи, не живы ли еще они? сказалъ онъ и повернувшись къ Ирину Михайловну на спину; пощупалъ сердце: оно еще билось, руки были теплы, глаза и губы были плотно закрыты. Онъ приложилъ руку къ носу, старушка дышала. Жива, жива! вскричалъ радостно Гриша: — знать они со страха замерли.

— Матушка! родимая моя, открой глазоньки, никакого страху нѣтъ, злодѣи ушли; возлѣ тебя Григорій, твой сынъ Григорій.

Старушка тихою рукою зажала и опять зажмурилась. Напрасно Гриша трясъ ее за руки, напрасно приподнималъ ей голову и перагрудъ, — старушка не открывала глазъ. Наконецъ она прошептала: — Господи, прими духъ мой! и опять замолчала. Гриша не зналъ, что дѣлать, метался поизбѣ, какъ угорѣлый. — «Онъ измѣнялся со страху», говорилъ онъ самъ себѣ. Вдругъ пошелось ему на глаза ведро съ водою; онъ поспѣшно схватилъ ковшъ съ водою, и прилепилъ въ лицо матери, — она вздрогнула и открыла глаза. Гриша поднялъ ее и посадилъ на лавку, прижавши голову къ стѣнѣ, чтобъ не упала, — такъ она была слаба.

Потомъ Григорій бросился къ отцу. Степанъ Петровичъ также дышалъ, также билось его сердце, какъ и у Ирины Михайловны. Гриша съ нимъ не церемонился, а просто вылилъ старику на голову цѣлый ковшъ воды. Старикъ открылъ глаза и долго посмотрѣлъ кругомъ.

— Коли рѣзать, такъ рѣжь за-разъ, а не мучь. Господи, прости мои согрѣшенія! прошептала онъ, и опять закрылъ глаза.

Гриша, не разговаривая болѣе, поднялъ его съ полу и носадилъ возлѣ Ирины Михайловны. Старикъ снова открылъ глаза и смутно поглядѣлъ на сожительницу.

— Ну, вотъ вы живы, слава Богу милосердному; а я горевала, такъ вотъ въ землю живой и легъ бы, какъ увидѣлъ васъ на полу, говорилъ обрадованный сынъ, обвиняя то того, то другую.

Насилу опомнились старики, насилу сообразили настоящее и прошедшее, и насилу увѣрились, что они живы и здоровы. Тутъ-то была для нихъ неописанная радость, какъ прижали они къ сердцу сына милаго, котораго и видѣть въ живыхъ отчаяли. Перебивая другъ друга, безсвязно рассказывали они Гришѣ происшествія прошлой ночи, что только въ состояніи были припомнить.

— Вотъ лежимъ мы и ждемъ смерти, заключилъ Степанъ Петровичъ: — вдругъ: не то громъ, не то гулъ подземный, застучало, грохнуло что-то, и все затихло. Тутъ у меня сердце замерло, и я ужъ ничего не помню, спалъ я, или заперъ отъ страха, что ли, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ твой, Гриша, голосъ услышалъ.

— А я думала, Гришенька, что я ужъ на тотъ свѣтъ перешла, промолвила Ирина Михайловна.

— Ну, Ирина Михайловна, вѣдь баснями соловья не кормить; а ну-ка, поблагодаримъ Господа за избавленіе, даи всякой за свое дѣло примемся. И Степанъ Петровичъ положилъ три поклона

въ землю, благодаря Бога со слезами. Его прихвѣру послѣдовали и жена съ сыномъ.

— Ну, теперь принимайся мать за печку, да попотчуй сына блинками, а я затопаю баню, гостя съ дороги выпарить надобно по обычаю, сказалъ старикъ.

— А вѣдь, батюшка, злодѣи-токрыльцо подломали, да помогли дверей выломать, такъ и убрались, зная, сказалъ Гриша:— счастливы, что отсидѣлись.

— Не задавило-ли ихъ тамъ, проклятыхъ, али лихое споро не умретъ скоро, сказала Ирина Михайловна, стоя въ сѣняхъ и съ удивленіемъ смотря на упавшее крыльцо:— какъ же, мои свѣты, мы сойдемъ отсюда, — вѣдь высоко?

— А вотъ я лѣсенку на сѣновалѣ отыскалъ, послышался вприголосъ Лопаты, приставлявшаго лѣстницу.

Тутъ только Ирина Михайловна спохватилась, что она гуляетъ все еще въ гробовомъ нарядѣ; она бросилась въ избу и черезъ минуту на ней алѣлъ по прежнему кумачникъ.

— Вотъ, не знаю, за что приняться, просто руки опускаются. Сѣла бы да сидѣла, да любовалась на Гришеньку, еслибъ было кѣмъ замѣнить; да что дѣлать, — кѣмъ замѣнишь? говорила старуха, бѣгая по избѣ и не зная за что приняться.

— А, мои батюшки! чай давно стадо пригналось, а моя бѣлянка еще недоена. Ирина Михайловна, схвативъ дойникъ, побѣжала доить корову, но на порогѣ столкнулась съ сожителемъ.

— Напрасно трудишься, Ирина Михайловна, воры и забыли пожалуй, что сегодня пятница, да и жарятъ твою бѣлянку, такъ ужь ей дойникъ и не нуженъ, сказалъ старикъ.

— Какъ это?

— Да такъ, воры свели коровушку.

У Ирины Михайловны опустнлись руки, едва дойникъ сдержала, и слезы хлынули ручьемъ.

— Подавиться бы имъ, звѣрямъ плотояднымъ! возопила старуха съ горечью.

— Хоть плачь, хоть нѣтъ, Ирина Михайловна, а что съ возу упало, то и пропало. А все-таки насъ Богъ милуетъ: вмѣсто коровы, конь у яслей.

— Какой конь, полно насмѣхаться, Степанъ Петровичъ.

— Живой конь, не пряникъ; подарилъ его Гришѣ дядя за усердную службу.

— Прощай, Григорій Степанычъ, навѣщу васъ завтра, непременно навѣщу; счастливо оставаться, слышался со двора голосъ уходящаго Ильи.

Григорій вошелъ въ избу, неся два пуховика и нѣсколько свертковъ овчинокъ и цвѣтнаго савьяна.

— Пособи-ко, батюшка, мнѣ сундукъ внести, сказалъ онъ. И вскорѣ большой кованный сундукъ занялъ цѣлый уголъ у дверей.

Той порой Ирина Михайловна затопила печку, и сковородки загремѣли.

— А я и до сей поры не спрошу тебя, здорова ли сестра и зять? сказалъ Степанъ Петровичъ, когда вся семья сидѣла за столомъ и завтракала.

— Слава Богу, прислали вамъ по низкому поклону и на поминки кой-что. Живутъ хорошо, ловъ богатый; отъ торга дядюшка денежки изрядныя наживаетъ, да все жалуются, что дѣтей нѣтъ. Пожилъ я у нихъ десять лѣтъ, словно у печки погрѣлся. Что у нихъ было горя, какъ сталъ я въ Кострому собираться; стану проситься: дядя въ сердце, а тетюшка въ слезы. Чтѣ, говоритъ, Гриша, чѣмъ тебѣ, кажись, не житье у насъ; любнись ты меня, какъ сына роднаго. — Все такъ, говорю я, да подумай сама, тетюшка, старики мои старые, кто ихъ кости прихранить? Вѣдь я одинъ у нихъ.

— Ахъ ты, голубчикъ мой, и тутъ-то про насъ не забылъ, прослезясь, воскликнула Ирина Михайловна.

— Можно ли это вздумать, родимая матушка? Вы днемъ и ночью изъ ума у меня не выходили, говорилъ Гриша. Вотъ я этакъ и собирался года два, да ужъ нонче послѣ Троицы насладу выпросился, и то дядю разсердилъ. Прежде моего выѣхалъ одинъ ярославецъ, я наказывалъ ему: если поѣдешь, молъ, черезъ Кострому, такъ зайди къ моимъ старикамъ, скажи, что-де я поклонъ имъ шлю, да что и я домой скоро непременно буду.

— Былъ онъ у насъ недѣль семь тому назадъ, поклонъ справилъ; а я съ тѣхъ поръ всеи ждала тебя, мое дитятко, и просто съ ума сходила, что нѣтъ тебя долго, да и отецъ-то началъ грустить, сказала старушка.

— Ты ѣхалъ-то благополучно ли? спросилъ отецъ.

— Ёхалъ я всю дорогу благополучно вашими молитвами; выѣхалъ вскорѣ послѣ Троицы. Дядя и тетка со слезами меня проводили, дядя лошадь купилъ, — десять рублей заплатилъ, — мнѣ въ дорогу, да зажиное, за десять лѣтъ, сто рублей далъ, да еще

кнѣзю голубой нѣмецкаго сукна, овчиню, сафьяну, меховъ разныхъ надавалъ. И вамъ прислалъ кой-чего. Вотъ, и поѣхалъ я, началъ разсказывать Гриша. Ъхалъ тихо, лошади не забивалъ, по ночамъ не ѣхалъ, а только днемъ, боясь недобрыхъ людей.

— Блаженъ человѣкъ, нѣже и скоты милуетъ, замѣтилъ Степанъ Петровичъ.

— Все шло благополучно, да вотъ подѣ самой Костромой... правду пословица говорить: родительскія молитвы изъ дна моря выносятъ.

— Что это такое? какъ это! вскричали старички въ одинъ голосъ.

— Да вотъ какъ было, продолжалъ Григорій. Выкормивши вчера въ Кинешмѣ лошадь, пустился я, ужъ съ вечерни почти, располагая быть здѣсь сегодня пораньше. Лошадка бѣжала безъ усталости. Вотъ это было ужъ послѣ полуночи, не доѣзжая версты 8-ми до города, въ сторонѣ, въ лѣсу мнѣ показалось—мелькнулъ огонь. Не волки-ли, я думаю, и гляжу пристально; а лѣсъ все густая ельница, по обѣ стороны такъ и стоитъ стѣною. Не успѣлъ я опомниться, какъ два молодца держали подѣ узды мою лошадь.

«— Что вамъ, добрые люди, надобно? спросилъ я, переводя съ трудомъ духъ отъ испуга.

«— Ты и твое добро, отвѣчали разбойники.

— Ахъ, мои батюшки! вскричала Ирина Михайловна, прыскавъ на мѣстѣ.

— Не мѣшай ему разсказывать, замѣтилъ Степанъ Петровичъ.

«— Вотъ и привели они лошадь къ костру и велѣли мнѣ выходить изъ кибитки. Я мысленно каялся во грѣхахъ и прощался съ бѣлымъ свѣтомъ.

— Радость ты моя! заплакавъ и обнявъ сына, сказала мать.

— Еще два злодѣя сидѣли у костра,—продолжалъ, Гриша:—а пятый съ ружьемъ стоялъ на часахъ.

«— Чтѣ ты за птица? спросилъ одинъ изъ сидящихъ.

«Я сказалъ, кто я.

«Не велика же находка, проворчалъ разбойникъ. — Выпрягите лошадедку, а кибитку закатите въ кусты.

«— Да не прикажешь ли ощупать его подвѣжную горницу? спросилъ одинъ изъ держащихъ меня за руки.

«— Это дѣло атамана, онъ скоро долженъ вернуться изъ Костромы, сказалъ первый.

«— А его куда прикажешь?

«— Да покуда къ дереву.

«Я упалъ на колѣни, и что имъ говорилъ, какъ имъ молился, — ничего не помню. Помню, что слезы рѣкой лились изъ глазъ и рыданія заглушали голосъ.

«— Вотъ возись еще со щенкомъ, да стереги его, по моему — на осину, да и концы въ воду, сказалъ другой изъ держащихъ меня.

— Ахъ, голубчикъ ты мой; сердце мое чуло бѣду, говорила Ирина Михайловна, рыдая и прижимая сына къ сердцу.

— Господи, помилуй! Да не мѣшай ему досказать, сказалъ Степанъ Петровичъ.

«Я упалъ на колѣни, и они волокомъ поволокли меня, съ пинками и тычками. Черезъ минуту я, со связанными назадъ руками, уже былъ крѣпко притянутъ къ дереву. Сидѣвшій разбойникъ всталъ и подошелъ къ намъ.

«— Чуръ, не трогать до атамана; онъ скоро будетъ, — сказалъ онъ.

«— И не съ пустыми руками; Лисица славный лазутчикъ, нечего сказать, — договорилъ другой, который крѣпко завязывалъ веревку около моего пояса.

«— А намъ хлопоты да отвѣтъ завсякаго; по моему мертвый языкъ уговоритъ живаго, заговорилъ другой.

«— Молчать! Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, крикнулъ голова, и пошелъ прочь. И другіе двое оставили меня.

— Постой, постой, Гриша, такъ они и помянули Лисицу? спросилъ старикъ, прерывая разсказъ.

— Да, батюшка, какъ теперь помню: дескать, Лисица — славный лазутчикъ.

— Такъ и есть! вѣдь я самъ слышалъ голосъ Лисицы, старья уши не обманули.

— Кто жъ этотъ Лисица?

— А такъ себѣ, просто посадскій, ничего не дѣлаетъ, шляется, да, говорятъ, съ недобрыми людьми водится; а если ему и скажутъ про то, такъ еще захохочетъ да и говорить: что, дескать, не пойманъ — не воръ; да кто сказалъ, такъ къ тому ночью и приведетъ во дворъ хорошихъ гостей, — такъ и оставляютъ въ одной

рубашѣ. Да, говорить, рады, коли хоть душу-то въ тѣбѣ оставить, отвѣчала Ирина Михайловна.

— Чтожь никто недокажетъ на него? спросилъ Гриша.

— Эхъ, Григорыюшко, да кому хочется донощикомъ быть? Вѣдь, говорить, докащику первый кнутъ. А кому захочется съ воеводской-то канцеляріей связаться? оберутъ, оберутъ, да еще пыткой изкалѣчатъ, въ острогѣ заморятъ до смерти, — кому же охота? А воръ-то настоящій, пожалуй, и вывернется. Вотъ хоть бы мы теперь, примѣрно сказать, ну были въ великомъ страхѣ; Господь помиловалъ: неужто пойду объявлять? — помилуй меня Господи! да замучать. Наѣдетъ судъ: спросы, да допросы, тебя жевъ кандалы закуютъ; что, дескать, не ловилъ воровъ, что не далъ знать драгунской командѣ? А крапивное-то сѣмя: всѣмъ дай, — пидеьгами, и живьемъ, и курницами, и яницами; послѣднюю корову сведутъ со двора; а у меня теперь и той нѣтъ, — благодарствую. Такъ и всякій: воровъ-то бойся, да и защиты-то бойся; и тѣ и другіе маху не дадутъ, не посовѣстятся голышемъ пустить по міру, сказалъ вздохнувъ Степанъ Петровичъ. А ты продолжай, что рассказываешь.

«— Вотъ уѣлисъ всѣ разбойники у костра. Разговариваютъ и пьютъ что-то изъ боченка, только часовой молча ходитъ и не пристасть ни къ пирушкѣ, ни къ разговору. Тошно и горько мнѣ: гляжу на небо да горько плачу. Свечера моросилъ дождь и было темно, а послѣ полуночи тучи разбѣжались и мѣсяцъ глядѣлъ съ неба на мои слезы. Злодѣи напились и растянулись. Все было тихо, часовой сѣлъ и задремалъ, ружье блестяю между колѣнь; только лѣсъ качалъ кудрявыми вершинами да ночныя птицы перелетали съ мѣста на мѣсто. Вѣтерокъ вѣялъ мнѣ въ лицо и освѣжалъ мнѣ голову, мнѣ сдѣлалось легче на сердце, и я забылся. Но вотъ я очнулся, сердце опять какъ кипяткомъ обдало, я открылъ глаза: костеръ догорѣлъ, угли едва алѣли; разбойники по прежнему спали и часовой сидѣлъ понуривши голову. Вдругъ слышу кусты зашелестели, кто-то осторожно шелъ ко мнѣ, и черезъ минуту возлѣ меня стоялъ высокій человѣкъ въ грязной холщевой рубашѣ и въ мѣховой шапкѣ. Онъ дѣлалъ мнѣ знаки, чтобъ я молчалъ, а самъ молча перерѣзалъ веревку, которой я былъ привязанъ, также молча взялъ меня за руку, и мы тихо прошли мимо спящихъ разбойниковъ. Откативъ ближе къ дорогѣ мою кибитку, онъ тихонько впрягъ лошадь, которая въ хомутѣ щипала траву, потомъ за-

коня велѣлъ мнѣ садиться, а самъ помѣстился на облучкѣ. Вскорѣ мы выѣхали на большую дорогу. Отѣхавъ нѣсколько, незнакомый бросилъ мнѣ въ руки возжи, соскочилъ съ облучки и, махнувъ рукой, пошелъ по опушкѣ лѣса. Я не могъ понять: во снѣ или на яву все это дѣлалось со мною. Ошупывая самъ себя и наконецъ увѣрившись, что не сплю, я спохватился поблагодарить моего избавителя, но оглянувшись—его ужъ не могъ видѣть: такъ лошадь моя скоро бѣжала. Не доѣзжая версты трехъ до города, я услышалъ свистъ и топотъ большаго поѣзда. Пословица говоритъ, что пуганная ворона и куста боится; точно такъ и я осторожно свернулъ въ кусты. Вдругъ мимо меня изъ города пронеслось подвое до пяти въ большихъ телѣгахъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло по два оборванца и такіе страшные, что и теперь сердце замираетъ. Они меня не замѣтили и скрылись въ лѣсу, а я вашими молитвами остался живъ.—Гриша кончился.

— Это они, проклятые, отъ насъ лыжи-то наострив, замѣтила старушка.

— Послушай! а каковъ этотъ добрый человѣкъ, что веревки-то твои перерѣзалъ? спросилъ Степанъ Петровичъ.

— Такой сухошавый, борода небольшая; мнѣ помнится, рыжая или русая, и, кажется, рябоватъ.

— Такъ и есть! воскликнулъ Степанъ Петровичъ —Что скажешь, Ирина Михайловна, кто Гришу-то спасъ?

— Какой-то добрый человѣкъ, Богъ его знаетъ.

— Петръ Кузьмичъ!

— Петръ Кузьмичъ! повторила въ недоумѣніи старушка.

— Вотъ какой я старый дурень, насилу догадался. Степанъ Петровичъ, ударивъ себя въ лобъ, выбѣжалъ въ сѣни и возвратился съ изломаннымъ посохомъ Кузьмича.

— Ну, Ирина Михайловна, видишь и теперь, что это! чей это посохъ? кто его намъ оставилъ на защиту? Не онъ ли послужилъ намъ крѣпкимъ запоромъ? не онъ ли удержалъ ветхую дверь на петляхъ и выдержалъ напоръ и удары разбойниковъ, и наконецъ переломился, отворя дверь сыну! Чей это посохъ? говорилъ восторженно Степанъ Петровичъ, вертя переломленный колъ передъ посомъ своей сожительницы: —чей это посохъ?

— Петра Кузьмича, произнесла съ удивленіемъ и слезами на глазахъ Ирина Михайловна.

— Кто же этотъ Петръ Кузьмичъ?—спросилъ Гриша.

— Ты его увидишь, отвѣчалъ Степанъ Петровичъ.

V.

Въ воскресенье Гриша съ отцомъ и матерью собирался къ обѣдѣ въ соборъ. Онъ отперъ свой кованый сундукъ и, вынувъ оттуда свой голубой кафтанъ, надѣлъ его, опоясался персидскимъ жолтымъ кушакомъ, концы котораго висѣли съ лѣваго бока до сырой земли; расчесавъ кудри русыя, прикрылъ ихъ пуховой шляпой, отъ которой красивое лицо его казалось свѣжѣе и румянѣе, и потомъ, пригладивъ только что показавшіеся усики, самодовольно взглянулъ на себя въ маленькое зеркальцо.

— Ну ужъ, нечего сказать, отцовыя голубыя глаза съ поволокою, говорила Ирина Михайловна, натягивая на ноги костровыя чулки со стрѣлками, подарокъ сына, и любясь на него:— и ростомъ взялъ, вылитый Степанъ Петровичъ!

— А миѣ кажется, брови—то твои, дугою, черныя, отвѣчала, Степанъ Петровичъ, улыбаясь и расчесывая свою сѣдую бороду.

Гриша, закусивъ губы, опять взглянулъ въ зеркальцо.

— Ну, какой ты рыбакъ, голубчикъ ты мой, тебя бы въ панской рядъ посадить; тебѣ ли махать веслами. А что, не попросить ли у Ивана Ильича Барышникова мѣстечка для Гриши? Хорошо кабы на мѣсто Лопаты его принялъ,—проговорила старушка.

— Полно, Ирина Михайловна, затѣваешь не дѣло: во-первыхъ Гриша къ торговлѣ панскимъ товаромъ не привыкъ, вторыхъ и прадѣды и дѣды, отецъ мой, и я самъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ съ Волгой знаюсь, и всѣ-то родились, и жили, и умерли рыбаками: такъ неужели Гриша побрезгаетъ отцовскимъ ремесломъ. Хоть меня и на свѣтѣ не будетъ,—стыдно ему забыть, какъ жилъ отецъ Степанъ Петровъ: богатства не нажилъ, а человѣку въ нуждѣ всегда готовъ помочь. Что у кого при нуждѣ занималъ, всегда старался отдать; зла съ умысломъ никому не дѣлалъ, никого не обманулъ; трудился, надѣясь на Бога, и всегда Его благодарилъ за то, чѣмъ онъ благословлялъ трудъ мой; много нежелалъ и малымъ былъ доволенъ. Такъ-то, Ирина Михайловна, честнаго труда стыдиться не должно: большую ли, малую ли онъ пользу приносить; ты сорокъ слишкомъ лѣтъ живешь со

мною, да была ли хоть разъ голодна? проговорилъ Степанъ Петровичъ.

— Вѣстимо, что были сыты, да вѣдъ рыба шить, гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше; всякому хочется богатства, Степанъ Петровичъ.

— Хе, хе, хе! а я слыхалъ отъ разумныхъ людей, будто даетъ Богъ богатство для того, чтобъ богатый бѣднымъ помогалъ. А кто знаетъ, мы съ тобой ближнему-то, можетъ быть, и не помогли бы, а на свои прихоти все протражирили; а на томъ свѣтѣ и дали бы отвѣтъ, какъ оный *неключимый рабъ, скрывшій талантъ въ землю*, про котораго въ церкви читаютъ. Не всѣ богатые счастливы и не всѣ бѣдные голодны. Не стыдись, Гриша, отцовскаго ремесла, сытъ будешь, сказалъ старикъ.

— Правда твоя, батюшка, работать я привыкъ; сложа руки и у дяди не сидѣлъ; а впрочемъ, на все есть ваша родительская воля.

— Такъ-то, такъ, мои голубчики, а у меня и другоена умѣ; у меня и невѣста есть на примѣтъ. Хорошая дѣвушка, нечего сказать; такъ все дѣло-то подстать бы и вышло, коли бы Гриша къ Ивану Ильичу попалъ, сказала Ирина Михайловна, накрываясь на низенькія кокошки красной астраханской наметкой, подаркомъ золовки.

— А кто быэто, что за невѣсту ты выкопала, Ирина Михайловна?

— А хоть бы Дуняшка, взятушка Ивана Ильича. Что, вѣдъ не худо; умная дѣвушка, только ростомъ маленькая: ну, ничего, малъ золотникъ да увѣсится.

— О, славная дѣвушка! такая поклончивая, знаю ее, вижу, когда имъ рыбу ношу.

— Оно дѣло-то и сподручно бы было; Иванъ Ильичъ и по вѣкъ ихъ не оставилъ бы своею милостью; жпи бы, да жили; Гриша-то какъ прикащикъ, а жена-то почти какъ дочка. Вѣдъ не худо, Степанъ Петровичъ?

— Вѣстимо не худо; только жаль, что Гриша-то не рыбакомъ будетъ.

— Ну, большая невидаль твой рыбацкій промыселъ! Ты, право, добра своему дѣтищу не желаешь.

— Да кто спорить съ тобой, Ирина Михайловна. Вотъ мы тебѣ и невѣсту нашла, что ты паэто, Гриша, скажешь? спросилъ старикъ, обращаясь къ сыну.

Въ продолженіе этого разговора Гриша переминался съ ноги на ногу и краснѣлъ, какъ малина; глядѣлъ то въ полъ, то въ потолокъ и вертѣлъ шляпу въ рукахъ; при вопросѣ, онъ покраснѣлъ еще болѣе.

— Что мнѣ сказать.... ваша воля, батюшка,... на все ваша родительская власть.... произнесъ онъ, заикаясь.

И вотъ они готовы. Степанъ Петровичъ, подвязавши низкій шелковый кушакъ по праздничному кафтану и перекрестясь, вышелъ изъ избы, а за нимъ жена и сынъ.

Идутъ они по Верхней Дебрѣ въ соборъ и разговариваютъ между собою; Степанъ Петровичъ показываетъ сыну, который чей домъ. Узка и грязна передъ ними тянется улица, застроенная по обѣ стороны. Ирина Михайловна, осторожно приподнявши свой китайчатый съ кружевомъ сарафанъ (24), идетъ на цыпочкахъ, боясь замарать свои костровые чулки со стрѣлками, или оставить въ грязи черевичекъ на высокомъ каблучкѣ. Костромскія щеголихи, въ высокихъ кокошкахъ, подъ цвѣтными наметками, тамъ и сямъ на цыпочкахъ переходятъ улицу; всѣ торопятся къ обѣднѣ. А въ воздухѣ торжественно гудятъ колокола пятидесяти колоколенъ и соборный благовѣстъ покрываетъ ихъ всѣ своимъ густымъ звукомъ.

Многіе молодцы кланяются Безроднымъ и Степанъ Петровичъ, снимая шляпу, кланяется низко въ отвѣтъ; сынъ ему усердно подражаетъ; но Ирина Михайловна какъ будто не видитъ ничего, ни на что не обращаетъ вниманія. Но не подумайте, чтобъ старушка была спесива; нѣтъ, она просто ничего не видитъ, кромѣ своего милаго дѣтища, на котораго любитъ сзади, обходить и заглядываетъ въ лицо.

И вотъ они перешли ровъ, и вотъ очутились за крѣпостнымъ валомъ, окружающимъ соборъ и воеводскій домъ, — единственные каменные въ городѣ палаты (25), и маленькія деревянныя лавочки, носящія громкое имя гостинаго двора.

— Что это, здорова ли, тетушка Никитишна? Давно ты ко мнѣ не бывала; а мнѣ тебя навѣстить нельзя: домъ и ребятъ не накого покинуть. Вѣдь пьяница-то мой опять запылъ, говорила молодая худенькая жепщина пожилой, толстой, сойдясь съ ней въ святыхъ воротахъ и поцаловавшись дважды.

— Ахъ ты, горемычная моя Груня! сердце мое пзболѣло, на тебя глядя, какъ ты съ пьяницей мучишься. Да никакъ не удалось мнѣ къ тебѣ на дняхъ побывать: мясоѣдъ къ концу прихо-

дѣтъ, разбѣтъ и жениховъ толпыя руки, отвѣдала послѣдняя. — А что Груня, будто, говорятъ, что у Безродныхъ воры были? спросила она, робко оглядывая кругомъ.

— Были, тетушка Никитишна, отвѣчала та шепотомъ: — корону сведи, крыльцо уронили, избу изворочали и всѣхъ обокрали до чиста, — пригала Груня.

— Такъ; жаль бѣдной Ирины Михайловны! экой грѣхъ!

— Что ихъ, тетушка, жалѣть-то! вотъ, прошли теперь въ соборъ и шапки не гнутъ. Я поклонилась; нешто, старикъ еще поклонился, а мать и сынъ будто не видятъ, глядятъ въ другую сторону. Ишь сынъ къ нимъ прѣхалъ, что у дяди въ Астрахани жилъ; говорятъ, что добра, что добра привезъ.

— Такъ, такъ! они теперь богаты; ихъ, чай, слоно муха укусила — и забыли. Да что это на Ирину Михайловну за спесь напала?

— Оттого-то и спесь, что богата стала.

— А парня-то видѣла?

— Видѣла: нешто, финтикъ.

— Ну, а что, Груня, неходила ты къ Ивану Ильичу, поклониться и попросить, чтобъ Илью-то опять взять?

— Охъ, тетушка! спина у меня устала съ поклоновъ, а что толку: возьметъ, мѣсяцъ продержитъ, плутъ опять запѣсть, и опять сошлутъ.

— Такъ что же, Груня, дѣлать! вѣдь надобно бубна кормить; а онъ цѣкакой прибыли не приноситъ!

— Я хочу совсѣмъ прогнать плута: пусть ко мнѣ не ходитъ, таскается по кабакамъ гдѣ знаетъ; я твоей милостью и безъ его проживу.

— Давно я тебѣ о томъ говорила, такъ неслушаешься; повздыхая кувшинъ по воду ходить, тутъ и голову сломить, — несправится.

— Я и хочу его прогнать, плута.

— И годи, да еще подѣлюмъ, — совѣтовала тетушка.

Такъ разговаривая, всходили онѣ на лѣстницу паперти, шумя шелковыми сарафанами и побрякивая пуговками.

Между тѣмъ Гриша съ матерью протѣснились въ церковь, окруженную широкой папертью и сіяющую красою праздничною. Согласные звуки дѣнія выѣстъ съ облаками фиміама неслись подъ высокіе своды. Паперть по обыкновенію была наполнена женщинами.

Степанъ Петровичъ за тѣснотою не вошелъ въ церковь; онъ сталъ у стороннихъ дверей и усердно молился.

Вдругъ пробѣжалъ въ народѣ глухой шовоть и замеръ въ самомъ дальнемъ, въ самомъ темномъ углу; толпа въ страхѣ зашевелилась и прихлынула къ задней стѣнѣ, очистивъ передъ собою свободный широкій проходъ. Высокіе ростомъ присѣдали, чтобы не выказаться рѣзко изъ толпы; передніе прятались за заднихъ. Но Степанъ Петровичъ, углубись въ молитву и отложась душою отъ всѣхъ *житейскихъ попеченій*, ничего не замѣчалъ.

— Воевода! воевода! пронеслось опять по паперти громче прежняго. Но тутъ старикъ не слышалъ; онъ стоялъ по прежнему на дорогѣ и молился; никто не предупредилъ его. Четыре драгуна съ нагайками въ рукахъ вбѣжали по лѣстницѣ и кричали: дорогу, дорогу! Дорога была давно очищена; одинъ только дерзкій стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и молился...

Взвилась нагайка одного изъ драгунъ и съ визгомъ опустилась на голову старика, на сѣдую, старую, голову, почти лишённую волосъ. Вскрикнулъ Степанъ Петровичъ; искры изъ глазъ посыпались, и онъ грянулся на помость паперти. Цинками оттолкали драгуны обезпамятѣвшаго старика къ сторонкѣ и очистили дорогу для двухъ огромныхъ гайдуковъ съ булавами, за которыми прошель костромской воевода въ вышитомъ золотомъ кафтанѣ и паудренномъ четырехъ-ярусномъ парикѣ. Съ высоты воеводскаго величія, градоначальникъ не удостоилъ замѣтить лежащаго старика, у котораго кровь изъ свѣжей раны алой струйкой текла на помость паперти.

Воевода пришелъ и сталъ на свое мѣсто; за нимъ стали гайдуки. Одному изъ нихъ передалъ онъ шляпу, другому трость съ тяжелымъ серебрянымъ набалдашникомъ, такъ многимъ знакомую.

Обѣдня приходила къ концу. Какой-то пріѣзжій проповѣдникъ, кончившій курсъ въ Кіевѣ, полумалороссійскимъ выговоромъ, чрезвычайно кудреватъ говорилъ проповѣдь о любви къ ближнему, о равенствѣ христіанскомъ во Христѣ, о смиреніи Бого-человѣка, пришедшаго послужить павшему человечеству и о будущемъ велиценпріятномъ судѣ, гдѣ равна обязанъ грѣхъ, какъ сильныхъ земли, такъ и послѣдняго изъ рабовъ. Конечно, проповѣдникъ говорилъ такимъ языкомъ, что многіе изъ предстоящихъ, при всемъ желаніи понять, ничего не понимали, воевода, какъ образованный человѣкъ тогдашняго времени, ко-

гда-то, у кого-то, чему-то учившійся, хорошо понималъ, но толку оттого было тоже немного.

Обѣдня кончилась. Воевода вышелъ изъ церкви тѣмъ же порядкомъ, какъ и вошелъ.

Между тѣмъ Степанъ Петровичъ отдохнулъ. Рубецъ отъ пагайки, проходившій черезъ голову, задулся и побагровѣлъ. Онъ перевязалъ голову своимъ клѣтчатымъ платкомъ и сѣлъ на ограду, дожидаясь своей жены и сына.

— Голубчикъ ты мой, Степанъ Петровичъ, что съ тобой стало? спрашивала Ирина Михайловна подходя.

— Ничего, ничего! шепталъ Степанъ Петровичъ.

— Какъ ничего, родимый мой! — отъ чего синий рубецъ на вискѣ,—чтожь ты не рассказываешь?

— Да такъ, оплошалъ; драгунская пагайка задѣла.

— Ахъ они, кровопійцы проклятые! изъязатели-то пашп!

— Что ты кричишь, Ирина Михайловна?—ахъ въ воеводскую канцелярію захотѣла? Тамъ языкъ-то укоротятъ.

— Да какъ же не говорить-то, голубчикъ мой, говорила старушка, едва удерживая слезы:—вѣдь они, тираны, папали на человѣка, который ужъ и такъ одной ногой въ гробу стоитъ.

— Такъ что же! поскорѣй и другой стану; да вѣдь они и виноваты, они исполняютъ волю начальства, а начальство на то, чтобъ насъ неучей учить да совѣтъ давать. Мы люди бѣдные,—а на бѣднаго Макара шишки валятся. И Степанъ Петровичъ хотѣлъ улыбнуться, но скорчилъ какую-то болѣзненную гримасу.

— Неужто, батюшка, часто такъ бываетъ?—спросилъ Грица.

— Да случается. Ты замѣтилъ ли у воеводы на трости набалдашничекъ? Какъ станетъ кто небывалый попередъ градоначальника, такъ онъ его изъ своихъ ручекъ и бацъ по затылку, да такъ, что и почешетъ въ затылкѣ. Здѣшніе-то знаютъ, такъ остерегаются, а какойнибудь пріѣзжій новичокъ попадетсѣ; а не то, такъ гайдуковъ наускнетъ, словно, прости Господи, ловчихъ псовъ. Да и воеводша-то сама крѣпко въ томъ подражаетъ своему еожителю. Богомольна, нечего-сказать, каждый день къ заутренѣ и къ обѣднѣ ѣздитъ. Вотъ, пріѣхала она разъ въ одинъ приходъ къ заутренѣ и стоитъ,—все ничего; вотъ заплѣли: «Слава съ вышнихъ», дьячекъ-то одинъ, да и у того голосъ испортился, хрипѣлъ больно; вотъ какъ она крикнетъ вдругъ:—«отецъ Иванъ! что это у тебя Афонья какъ хрипѣтъ, видно съ похмѣлья? Я въ Питеръ писать стану, что ты прячу дашь большую потачку».

— Мочи нѣтъ — сѣбно, народъ выржася, грѣхъ да и только.... Дѣточкѣ дотянуль, не знаю, какъ ему Богъ помогъ. А священникъ послѣ говоритъ: ужь за сиверскія двери свратался отъ стыда. Вотъ какая бѣдовая! Всѣхъ дѣточковъ и пономарей въ городѣ по имени знаетъ. А встать передъ ней, — сохрани Господи! крикнетъ бывало: что, скотина, помнишь-ли передъ кѣмъ ты сталъ? да и наускнетъ гайдучища, который при ней безотлучно.

Такъ разговаривая, Безродные подошли къ дому.

— Ну, Ирина Михайловна, полечи ты мою старую голову; ломитъ больно, сказалъ Степанъ Петровичъ, въпая, страхнувши, свой праздничный кафтанъ.

Ирина Михайловна отыскала скляночку вина, настоящаго на березовой почкѣ, и намочивъ имъ голову сожителя, обязала волотенцемъ.

— Ну, мои любезные, садитесь сегодня за столъ одни; я вамъ не товарищъ.

— А я сегодня хотѣлъ, батюшка, позвать тебя за рѣку въ Ипатьевскій, сказалъ Гриша.

— Съ Богомъ, Григорьюшко, иди одинъ; а я отправлюсь на палату.

Не успѣла Ирина Михайловна накрыть на столъ, какъ вошелъ Лопата.

— Здорово ли поживаете, Степанъ Петровичъ, Ирина Михайловна, Григорій Степанычъ? Никакъ вчера не удалось мнѣ навѣстить васъ. Съ праздникомъ поздравляю! съ прїѣздомъ сына поздравляю! говорилъ онъ, стоя у дверей, низко кланяясь и переминаясь.

— Добро пожаловать, Илья Яковличъ. Нешто, — живемъ; старикъ что-то недомогаетъ, дѣло старое. Милости просимъ, садись съ нами хлѣба соли кушать, чѣмъ Богъ послалъ! говорила Ирина Михайловна.

— Благодарствую, Ирина Михайловна, ѣсть не хочется, кусокъ въ горло нейдетъ; знаешь ты участь-то мою горькую! охъ! какъ мы съ бабой-то живемъ! Ну, бабенка молодая, все бы еще ничего, да старая-то тетка Никитишна мутитъ; поучить боюсь, кулакъ дуракъ, бабенка щедушная, долго ли до грѣха?

— Что и говорить, Илья Яковличъ! пословица говорить: «не надо и кладъ, коли у мужа съ женой ладъ.»

— То-то и есть что ладу-то нѣтъ; все дѣлать, какъ рѣна желѣе; что будешь дѣлать, съ горя и вымещь; раздражняй, и пошелъ, и пошелъ....

— Какъ-то, Илья Яковличъ, Богъ тебя напесъ, какъ Гришато около избы нашей ходилъ, да въ нее попасть не могъ послѣ разбойниковъ?

— Вовсе не Богъ меня напесъ, а участь моя горькая. Въ тотъ день я погулялъ, и пришелъ домой въ рѣсхмѣль: жена ругаетъ, гонитъ вонъ; хотѣлъ поучить: да чортъ съ тобой, думаю: ушибешь еще, какъ кошку; взявъ шапку да и пошелъ съ горя въ Ошару. Цѣловальникъ знакомый; чарка за чаркой, да все съ себя и оставилъ, еще въ долгъ повѣрили. Привязался Ванька-Ворона, знаете? не отстаеетъ, любить лаховишнику, а самъ, крепень, никогда не поднесетъ. Вотъ и облекли меня, на промѣтъ кафтана, въ худой бабій шугай. Пошелъ я ужь поздно, и боюсь къ женѣ глаза показать: молъ, выгонитъ, пожалуй, и проходя позади вашего огорода придумалъ ночевать у васъ на сѣновалѣ. Вытащилъ колникъ изъ частокола да и пробрался туда. И придушилъ же меня чортъ! ничего не слыхалъ, какъ злодѣи возлихъ на дорогѣ. Проснулся утромъ, ужь свѣтло; сошелъ съ сѣновала и вижу, что Григорій Степанычъ около избы похаживаетъ. Ну, прочее вы знаете.—Илья кончилъ; хотѣлъ, казалось, еще что-то сказать, но не рѣшался.

— Жаль мнѣ тебя, Илья Яковличъ! Худо, какъ въ домѣ дымъ поромысломъ.

— Чтò дѣлать, Ирипа Михайловна, участь моя такая горькая; съ горя пьешь. Вотъ и вчера тоже раздражила жена, словно собаку какую: дескать, въ моемъ домѣ живешь, пою, кормлю тебя, лежишь. Извѣстно, пошелъ да ткнулъ, и темеръ голова трещитъ съ похмѣлья. Денегъ нѣтъ, заложить нечего, сказалъ онъ, оглядывая худой кафтанника и опорыши на ногахъ.

— Матушка, вѣдь онъ просто выпить проситъ, шепнулъ Гриша Иринѣ Михайловнѣ.

— Итакъ, съ прїѣздомъ сына, проговорилъ Илья, записываясь.

— Не обезсудь, Илья Яковличъ; хочешь пообѣдать, милости просимъ; а мы со Степаномъ Петровичемъ горячаго не употребляемъ, такъ и не держимъ.

— Голова съ похмѣлья болитъ, руки дрожать, этакая пакость какая!...

— Вотъ, не осуди, что есть, опохмѣлись, Илья Яковличъ, сказала старушка, доставши изъ корѣбки нѣсколько медныхъ денегъ и подавая Ильѣ; рада бы гостя поподтивать, да что-то не случилось на ту пору.

Илья вздрогнулъ, когда почувствовалъ деньги на своей широкой ладони.

— Благодарствую, Ирина Михайловна, дай Богъ здоровья всему вашему дому благодатному, говорилъ онъ торопливо, пятясь къ двери: — прощенья просимъ!

И онъ поспѣшно выскочилъ въ двери.

— Прости, Илья Яковличъ, кричала вслѣдъ ему старушка; но Илья, не слыша ногъ, уже бѣгомъ бѣжалъ подъ гору, гдѣ Ошара своею зеленою елкою, какъ эмблемою вѣчнаго веселья, нависла надъ своею крышу всѣхъ, подобныхъ Ильѣ Яковличу.

— Вотъ, Григорьюшко, *близай пьянства, аки яда!* Илья Яковличъ добрый человекъ и не дуракъ бы въдѣ, слава Богу, — у Барышниковъ первымъ прикащикомъ былъ, да свихнулся, спился съ кругу, и что же? Съ женой всегда *дракая грамота*; а впрочемъ, кто ихъ разберетъ, другъ на друга жалуются.

— О.... охъ! слышался съ палатей голосъ Степана Петровича. Мать и сынъ сѣли за столъ.

VI.

Весело шелъ Гриша по Нижней Дебрѣ въ послѣобѣденное время, направляясь къ отцовской лодочкѣ, скромно лежавшей на берегу, между своей братин, и припертой замкомъ къ огромной колодѣ. На улицѣ играли взрослые ребята и женатая молодежь въ мячъ и чехарду, а маленькіе ребятишки въ бабки; нѣкоторые изъ нихъ возились съ бумажнымъ змѣемъ, котораго длинный мочальный хвостъ былъ едва не во всю улицу. И всю эту картину, освѣщало осеннее солнышко. Тихо и прохладно было въ воздухѣ, а на лазоревомъ небосводѣ ни одного облачка; только длинныя бѣлыя нити паутины, обыкновенно предвѣщающія сухую осень, летѣли съ юго-востока.

Ярко алѣло полукафтанье Григорья, спитое изъ кармазиннаго сукна. Никто не зналъ Гриши, но всѣ кланялись ему, такой былъ тогда обычай у русскихъ людей; и Григорій учтиво отвѣчалъ на поклоны, снимая усердно свою пуховую шляпу.

Старики и молодцы сидѣли на завалинкахъ, и около послѣднихъ жались крошечныя дѣти. Дѣвочки изъ-за занавѣсокъ выглядывали въ окна.

На лужайкѣ, передъ оградой церкви Стефана Сурожскаго (26), бывшей тогда почти на самомъ берегу, сидѣло нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, и посреди нихъ сѣдой старикъ съ клюкою; повидимому онъ что-то рассказывалъ, и всѣ слушали со вниманіемъ. Женщины съ полуоткрытыми ртами, казалось, боялись проронить хотя одно слово; дѣти робко жались къ матерямъ, молодежь значительно переглядывалась и старики не возражали. Грѣша остановился.

— Было это при князѣ Юрьѣ Долгорукомъ. А князя-то онъ во градѣ Володимирѣ, продолжалъ рассказчикъ съ сильными жестомъ и уставля въ пустое пространство бѣлые безъ зрачковъ глаза свои, которыми не видѣлъ онъ свѣту блага: — при Юрьѣ Долгорукомъ. А князь Юрій былъ княземъ великимъ, сиречь старшимъ, и всѣ князья рускіе ему повиновались, какъ старшему брату, и ничего безъ его совѣта не дѣлали. Костромы-то нашей голубушки тогда еще не было, а были на этомъ мѣстѣ лѣса непроходимые, темныя, дремучія дебри: на берегу-то Нижняя, а повыше Верхняя Дебря назывались, да и до сей поры улицы такъ зовутся. Ну, извѣстно, кто будетъ жить въ лѣсу дремучемъ, какъ не разбойники, удалая вольница придорожная? Да такая-тутъ поселилась вольница, что и Ярославлю городу жутко отъ нея подъ часъ приходилось; а по Волгѣ и говорить нечего, ужъ совѣтъ проѣзду не было! Вотъ и думаетъ думу князь Ярославскій, какъ ему избыть бѣды неминуемой, какъ извести проклятую вольницу. Войной идти на нихъ, — воинства у меня мало, да и гдѣ переловить ихъ? взлѣзуть на деревья, да перестрѣляютъ оттуда мою дружину... Семъ-ка посоветуюсь со старшимъ братцомъ. — И ѣдетъ князь Ярославскій къ князю Володимирскому. Князь Юрій дорогаго гостя встрѣчаетъ, за бѣлыя руки принимаетъ и за дубовые столы сажаетъ, а великая княгиня своими бѣлыми руками чару меду наливаетъ, подноситъ дорогаго гостю и цалуетъ его во уста. И такъ князья пируютъ и прохлаждаются три дня, а сами думу думаютъ, совѣтъ ведутъ. И надумались князья иди на Волгу съ воинствомъ: сперва выжечь лѣса дремучіе, а потомъ полонить вольницу. Вздумано, сдѣлано. Потянулись князья съ дружинами Володимирскими къ Ярославлю, а оттуда съѣли на лавы да и спустились

во Волгѣ; и стали они становѣ на томъ берегу, а на этотъ перѣхали охотники выборные, да и зажгли лѣсъ. И запылала дебря юремъ пламеннымъ, и разлилось это море по всѣмъ концамъ, и отъ того великаго пожару подернулось небо кровавымъ заревомъ. Такой трескъ пошелъ по лѣсу, что волосъ дыбомъ становился у самыхъ храбрыхъ воиновъ княжескихъ! Вспѣлилась, закипѣла, забушевала Волга-матушка, волнами красными. Любуются князья съ того берега на страшное позорище, Испугались разбойники и изъ Нижней Дебри бросились въ Верхнюю; да и тамъ сталъ дымъ имъ глотки захватывать. Атаманъ ихъ былъ изъ татаръ и слылъ богатыремъ и назывался Чувиль-Гроза. Онъ, видя послѣдній часъ своему молодечеству, созвалъ на совѣтъ свою шайку и сказалъ имъ зычнымъ голосомъ:

«— Гой, еси, вы братцы-товарищи, приволжская воляница, знать насталъ, наступилъ нашъ послѣдній часъ, минуетъ ли мы смерти лютыя? Нѣтъ теперь у насъ легкихъ лодочекъ, всѣ сгорѣли они при берегѣ, а добрые кони отъ сираду задыхаются. Мы поидеи, побѣжимъ пѣшіе, въ лѣса Муромскіе; здѣсь намъ остаться—живьемъ сторимъ. А князьимъ въ руки предаться,—станетъ дружина княжеская потѣшаться надъ нами, и невелико намъ будетъ на сосенкахъ, на елочкахъ покачиваться!

«— Идемъ, бѣжимъ отсюда, куда глаза глядятъ! равкнули разбойники.

«А Чувиль-Гроза опять къ нимъ рѣчь держать:

«— Ужъ и вы, братцы—товарищи, вы забыли, что у насъ много злата, серебра и каменье въ самоцѣтныхъ и окатнаго крупнаго жемчугу? Мы всего съ собой не заберемъ, мы всего на себѣ не унесемъ; сгоритъ въ пожарищѣ крупный жемчугъ, перелопачются дорогіа камни, не сгоритъ злато, серебро и достанется оно нашимъ врагамъ. А вы знаете, братцы, сосну столѣтнюю, громомъ Божьимъ опаленную: передадимъ ей на сохраненье добро наше, зароемъ все подъ ею во сыру землю!

«Какъ сказано, такъ и сдѣлано. И пошли разбойники подъ сосну столѣтнюю, громомъ Божьимъ опаленную, понесли боченки золота и большіе котлы серебра. А у сосны привязанъ былъ атамановъ добрый конь, а на соснѣ висѣлъ кочанъ съ калеными стрѣлами, а подъ сосной лежалъ атамановъ мечъ-подъемъ. И копалъ тѣмъ мечемъ Чувиль-Гроза подъ сосною яму глубокую, окопавши дѣлалъ заклѣтія на поганомъ татарскомъ языкѣ. И зарыли въ ту яму разбойники свои сокровища; а сверху

назалили бѣль-горючъ камень. Чувиль-Гроза усканалъ на своемъ добромъ конѣ въ лѣса Муромскіе и долго, долго тамъ разбойничалъ; а разбойники перѣдохли отъ дыму и пламени. Сгорѣли лѣса дремучіе и дебри непроходимыя, дружины княжескія очистили мѣсто и вскорѣ на этомъ мѣстѣ закрасовался городъ Коострома—удѣлъ княжества Володимерскаго. Давнымъ-то давно это было; а сосна стоитъ и теперь цѣлехонька, не гніетъ она, не сохнетъ, и топоръ не беретъ, только черные вороны выютъ гнѣзда на ея косматой вершинѣ; а подъ ней лежитъ бѣль-горючъ камень, гдѣ зарыто закланное сокровище. И до сихъ поръ не родился смѣльчакъ, чтобъ его вырыть!

— Не разъ слышалъ я отъ тебя объ этомъ кладѣ, но, скажи по совѣти, дѣдушка Морозъ, правда-ли, что эта сосна на Галичской дорогѣ? спросилъ вдругъ глухой голосъ позади сѣнца. Всѣ обернулись, не исключая и Гриши. Возлѣ самой ограды стоялъ небольшой, черноватый мужичокъ, съ черной рѣдкой бородой, выдавшимися скулами, широкимъ носомъ и узкимъ лбомъ, заросшимъ волосами. Онъ глядѣлъ исподлобья и какъ-то въ сторону, какъ будто боясь встрѣтиться съ чѣмъ нибудь взоромъ. Кафтанъ его былъ почти весь въ дырахъ, но карманы и пазуха отдулись; старая шляпенка съ оборванными полями надвинута была на самыя брови. Всѣ невольно ведрогнули и отодвинулись подальше, услышавши голосъ этого человѣка; одинъ сѣнецъ отвѣчалъ насмѣшливо:

— Али счастья хочешь попробовать, Ворона? Говорятъ, что ты у татарина и татарскому языку учишься, да въ полночь по лѣсамъ и болотамъ таскаешься, да цвѣтъ папоротника отыскиваешь?

Всѣ нереглянулись; а Ворона, оглядѣвшись боязливо, отвѣчалъ:

— Не худо бы, дѣдушка. Чѣмъ чорту владѣть этимъ богатствомъ, такъ лучше пусть добрымъ людямъ достанется!

— Полно, Иванъ Ивановичъ! я слыхалъ, что коли Богъ далъ намъ силу, да здоровье, да неглупую голову, такъ истиннымъ кладомъ наградишь. И такъ на чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай, да свой затѣвай. Не совѣтую продавать душу нечистому, сказалъ сѣнцой тономъ наставника.

— Правда-ли это, что сосна-та самая, что по Галичской дорогѣ?

— Правда-то правда. Говорятъ, она и теперь стоитъ, и поѣкъ стоять будетъ; такъ мнѣ рассказывалъ дѣдушка. И самъ онъ пытался класть достать, да такія видѣнія видѣлъ, что волось дыбомъ становятся, какъ бывало поскажетъ—да и закаядся, да и всѣмъ православнымъ заказалъ, продолжалъ рассказникъ. А не совѣтую, не совѣтую тебѣ, Иванъ Ивановичъ, съ нечистой силой связываться.

— Спасибо за поученье, дѣдушка Морозъ, проворчалъ Ворона.

— За поученье не сердись; съ добрымъ желаньемъ оно сдѣлано,—проговорилъ слѣпецъ вставая.

— Гдѣ же ты ночуешь сегодня, дѣдушка Морозъ? спросила одна изъ молодежи, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

— А гдѣ Богъ дастъ, Петровна! Ты со мной говоришь? Ну хоть къ вамъ въ избу пойду.

— Добро пожаловать, дѣдушка!—и Петровна пошла впередъ; за нею поплелся слѣпой рассказникъ, ощупывая палкою передъ каждымъ шагомъ и шаря по забору рукою. Онъ вскорѣ отыскалъ ворота избы, въ которую шолъ.

Гриша, услышавъ пѣсню и какую-то брикотню, взглянулъ въѣвъ по улицѣ, въ концѣ которой стояла Ошара съ овоею неузнаваемою эмблемою. Передъ нею образовалась какая-то толпа. Всѣ бывшіе на лужайкѣ слушатели слѣпца, большіе и малые, побѣжали туда, въ томъ числѣ и Ворона. Григорій также изъ любопытства пошелъ къ тому мѣсту. Передъ кабакомъ, посреди улицы, толпа полупьяныхъ мужиковъ орала во все горло слѣдующую пѣсню:

«На улицѣ рамола,
Рамола;
Жена мужа продала,
Продала;
За дешевой, за товаръ,
За товаръ,—
За денежный за калачъ
За калачъ.»

И среди ихъ Илья, закинувъ голову, зажмуривъ глаза, закусивъ бороду и взмахивая руками, такіе дѣлалъ прыжки, что жидкая грязь изъ подъ его босыхъ ногъ летѣла брызгами во всѣ стороны и закрывала глаза пѣвцовъ; но они, казалось, того не чувствовали и продолжали, присвистывая и прищелкивая, свою пѣсню.

Мальчишка, сынъ цѣловальника, стоялъ на крылечѣ кабака и что есть духу барабанилъ въ печной заслонъ.

— Ухъ ты, ахъ ты! вскрикивала Лопата, кидаясь какъ бѣснующійся во все стороны; потомъ пускался въ прятки; какъ будто уставалъ, семеня ногами на одномъ мѣстѣ и опять бѣсновался. Потъ катился градомъ съ плесуна. Пѣсенники старались перекричать и заглушить другъ друга. Зрители хохотали, держась за бока. Передъ Григорьемъ стояли два мальчика лѣтъ по десяти; они, сочувствуя веселой картинѣ, также хлопали въ ладоши. Вдругъ, раздвигая толпу, протѣснилась къ нимъ Петровна.

— Что вы, злодѣи, тутъ дѣлаете! Вотъ я отдеру васъ хорошенько, негодные, кричала она, волоча ихъ немилосердно за руки. Чему хохочете, горла-то распустили? нечего чужой пагубѣ радоваться; не смѣяться, а жалѣть должно, глядя на погибшаго человѣка; сами, можетъ, хуже будете. Долго еще она читала представленія своимъ сыновьямъ, покуда не скрылась изъ виду.

— Полно, Илья Яковличъ, образумься; экъ тебя черти развелили! говорилъ Ворона, глядя подъ ноги Ильѣ.

— А, пріятель! добро пожаловать! заесть красенъ платжемень: вчера я тебя угощалъ, а сегодня ты меня долженъ угостить, отвѣчалъ Илья, остановясь и отирая рукавомъ потъ съ лица.

— Ну ужъ, не осуди, въ карманѣ ни шелеха; на тебя, другъ, надѣлся.

— Овъ все такъ, желѣзная ячница; въ людяхъ Ананья, а дома не найдешь, говорилъ Илья.

— Распотѣшилъ, кричала толпа пѣвцовъ: — надобно, ребята, угостить его; сложимся и угостимъ!

— Благодарствую, товарищи, говорилъ Илья, низко кланясь: — отъ чести не отказываемся.

Двое изъ толпы вышли, подхватили Илью подъ руки и, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, повели въ Ошару. Ворона, видя, что тутъ и ему перепадетъ что нибудь, последовалъ за ними. Остальные также съ пѣснями пошли въ кабакъ. Цѣловальникъ съ цѣловальницею не успѣвали наливать.

Любопытные разошлись, и Гриша пошелъ къ отцовской лодкѣ: но тутъ только вспомнилъ, что забылъ изъ дома взять весла. Ему не хотѣлось ворочаться за ними; оглядѣвъ, Григорій увидѣлъ, что одну изъ лодокъ спихнули два мальчика, — старшему было лѣтъ 13, — и хотѣли ѣхать за Волгу.

— Послушай, мальчикъ! ты знаешь, гдѣ живетъ Степанъ Петровичъ Безродный? спросилъ Григорій, обращаясь къ старшему.

— Какъ-ста не знать, отвѣчалъ послѣдній, почесавъ въ затылкѣ:—вѣдь онъ на Воскресенской горѣ живетъ.

— Да; потрудись сходи туда, возьми пожалуйста весла, а забылъ взять.

— А кто твоя милость?

— Я сынъ Степана Петровича; и если ты его самого не увидишь, то спроси Ирину Михайловну.

— Далеко-ста идти, неохота. А куда ѣхать изволишь? мы переедемъ, коли за Волгу.

— За Кострому рѣку.

— Ну, и за рѣку съезежь.

— Да вы тамъ меня ждать не будете?

— Ничего, подождемъ.

— Коли такъ, то ладно. Да вотъ что: мы поѣдемъ въ нашей лодкѣ, а весла твои.

— И взаправду, твоя побольше.

И такъ, Григорій отперъ замокъ и столкнулъ лодку на воду. Старшій мальчикъ перенесъ въ нее свои весла и сѣлъ грести; младшій остался на берегу. Гриша прыгнулъ въ лодку и взялся править.

Съ любовью глядѣлъ Григорій на Волгу, вспоминая свое житье въ Астрахани. Широкой лентой синѣла Волга, переливаясь, то серебристымъ, то палевымъ цвѣтомъ; на стрѣлкѣ кое-гдѣ торчали приземистые кустарники, съ которыхъ вѣтеръ свѣлалъ листочки—всѣ до послѣдняго, но густая сочная трава еще не потеряла зеленого цвѣта. А вотъ—они вѣхали въ Кострому рѣку. Передъ ними высился древній Ипатьевскій монастырь съ четвероугольною колокольнею; грустно чернѣлъ вѣковой обручъ (вмѣсто ограды нынѣ существующей) изъ дубовыхъ стоячихъ бревенъ, изъ-за котораго виднѣлись темные кедровыя и старыя сосны, покачивая кудрявыми вершинами. Раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Григорій, оставивъ мальчика при лодкѣ, пошелъ въ церковь. Молодой послушникъ ходилъ съ большой книгою съ клироса на клиросъ и звонкимъ голосомъ отчетливо и громко сказывалъ стихиры; монахи шѣли протяжно, повторяя сказанное. Грустно и вмѣстѣ весело было на душѣ молящагося, уста сами собою шептали молитву, глубокий вздохъ летѣлъ изъ сердца, и слеза умиленія просилась на рѣсницу.

Усердно молился Гриша, стоя посреди церкви; онъ вспоминалъ, что давно былъ онъ въ этомъ храмѣ; бывши еще младенцемъ; что во время его болѣзни сердобольная мать обѣщалась отслужить молебень въ этой святой обители, и что по его выздоровленіи принесла его сюда и выполняла обѣщаніе.

Вечерня кончилась, и Гриша съ благоговѣйнымъ любопытствомъ оглядывалъ внутренность храма; онъ взглянулъ вправо, и глаза его долго не могли оторваться отъ памятника, любопытнаго по своей древности. Это было царское мѣсто, присланное Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ въ даръ монастырю, на память призванія его на царство изъ стѣнъ этой святой обители. Долго любовался Гриша его рѣзнымъ верхомъ въ видѣ башни, мѣсто балдахина, украшеннаго на верху двуглавымъ орломъ (27).

Начали молебень по заказу. Гриша опять началъ молиться; вдругъ онъ взглянулъ лѣво — и потупился, взглянулъ въ другой разъ — и отвернулся, взглянулъ въ третій — и ужъ не спускалъ глазъ.... На кого глядѣлъ бѣдный добрый молодецъ?

У лѣваго столба стояла дѣвица и усердно молилась, крестясь бѣлою рукою, на которой сверкали перстни изъ цвѣтныхъ камней. Черные глаза ея кротко, благоговѣйно смотрѣли на иконостасъ, уста шептали усердно молитву.

И какъ хороша, и какъ нарядна она была, — отъ повязки, унизанной цвѣтными камнями съ поднизью изъ крупнаго жемчуга (28), до алаго обѣяринаго сарафана, отъ жемчужнаго ожерѣя до золотого пояса, отъ шолковаго рукава рубашки до черевичка, вышитаго блестками. Все говорило, что это дочь богатаго отца: отъ черной дугою брови, до шелковистой косы, заплетенной лаптемъ и кончающейся бантомъ изъ голубой ленты, которая висѣла по спинѣ чуть не до колѣнъ; отъ бѣлоснѣжной лебединой шеи до гибкаго стана, — все говорило, что нѣтъ такихъ красавицъ во всемъ городѣ.

Возлѣ дѣвушки стояла низенькая старушка въ преузорочной наметкѣ изъ заморскаго ситца и въ кутиновомъ (29) сарафанѣ.

Почувствовала ли дѣвушка на себѣ жгучій молодецкій взоръ или такъ случайно, — только она взглянула на право, встрѣтилась взоромъ съ глазами Гриши, вспыхнула нелучше своего алаго сарафана и, закусивъ свою нижнюю губку, начала проворно креститься и низко кланяться, и ужъ болѣе не оглядывалась.

Григорій потупилъ голову. Долго стоялъ онъ, долго что-то

думаетъ, и тогда только очнулся, когда старый монастырскій служка, побрякивая ключами, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Другъ мой, пора церковь запирать; а коли усердіе есть, помолись, я маленько и обожду.

«Куда же дѣвалась она? какъ это я незамѣтилъ, когда они вышли? Вотъ диво! словно задремалъ,—думалъ Григорій, выходя за монастырскія ворота. Ему уже не любопытно было походить по монастырю, какъ прежде намѣревался; онъ машинально шолъ къ лодкѣ. Красавица со старушкой стояли на берегу и разговаривали съ мальчикомъ. Гриша обрадовался, поспѣшилъ къ нимъ и низко поклонился.

— Молодецъ, не въ городъ ли, дружокъ, поѣдешь. Мальчикъ говоритъ, что это твоя лодка, такъ перевези и насъ по пути, дружокъ, говорила старушка.

— Изволь, коли твоей милости угодно, перевеземъ,—говорилъ Григорій, запинаясь и поглядывая на красавицу. Она тоже взглянула раза два на него и, пуще покраснѣвъ, закрылась плотно носовымъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ съ зеленою каймою, оставя открытою только верхнюю часть лица (30).

— Слава Богу, нашли добраго человѣка, а то на перевозѣ дощаникъ сжидается (31); развѣ къ ночи отвалить,—намъ долго ждать. Ишь, обѣщанье было молебень отслужить въ Ипатьевскомъ; день-то сегодня хорошъ. Вотъ и осень пришла, и не успѣешь опомниться, какъ и зима подкатитъ студеноя, говорила старушка, усаживаясь въ лодку. Но такъ какъ Григорій сѣлъ было въ весла, то она и рассчитала посадить внучку лицомъ къ кормѣ, гдѣ, было, помѣстился мальчикъ.

— Ну, внучка, садись, да постели на лавочку платокъ, не равно сарафанъ замарашь; ты будь бережлива, ворчала она.

Дѣвушка молча повиновалась.

Григорій увидѣлъ свою ошибку тогда, какъ уже лодка поплыла; онъ проворно перескочилъ на корму, сдѣлавъ знакъ мальчику пересѣсть къ весламъ.

Дѣвушка очутилась лицомъ къ Григорію, безпрестанно краснѣла, потупляла глаза и перебирала рукою пуговицы на сарафанѣ. Лучъ солнца, догорая, золотилъ поверхность рѣки и отражался въ глазахъ красавицы и на золотомъ широкомъ галунѣ ея сарафана.

Старушка съ досадой замѣтила, что внучка не закрывается

платкомъ, и что молодецкіе глаза безпрестанно любовались ею.

— Что, это, хорошее ли дѣло—ты не закрываешься; такая безстыдница, ворчала она почти шопотомъ.

— Чѣмъ же я, бабушка, закроюсь? вѣдь платокъ я подъ себя послала, дрожащимъ голосомъ тихо отвѣчала дѣвушка.

— Ахти, и я свой подъ себя послала, сказала старушка и хотѣла уже его изъ подъ себя вытащить, но боялась, чтобы при этомъ не качнулась лодка (а воды старушка ужасно боялась) и оставила свое намѣреніе.

Лѣнливо Гриша работалъ кормовымъ весломъ; лодка тихо скользила, а онъ безпокойно любовался красотой невиданной. Скоро перелетѣла лодочка; Григорій досадовалъ, за чѣмъ такъ узка Кострома рѣка, за чѣмъ она не море широкое, раздольное, по которому бы онъ готовъ былъ плыть всю жизнь свою.

Лодка причалила къ городскому берегу, старушка, приподнявши сарафанъ, покрикивая, выползла изъ нея и осторожно побрела по грязи; но дѣвушка стала на обочинѣ лодки и въ раздумьи глядѣла на грязный берегъ.

Гриша бросился на выручку. — Какъ здѣсь грязно, сказалъ онъ трепетнымъ голосомъ.

— Да, грязно, не глядя на него, прошептала красавица и протянула было ножку въ шитомъ блестками черевичкѣ.

Григорій подалъ ей дрожащую руку, другою охватилъ ее станъ и, крѣпко, крѣпко прижавъ къ сердцу, перенесъ ее на сухое мѣсто и поставилъ возлѣ старушки. Изъ устъ красавицы вырвалось невольное: ахъ! она чувствовала, какъ его шелковистыя кудри скользнули по ея пылающей щекѣ, слышала, какъ чутко колотилось его сердце.

— Что это за боярышня такая, хорошее-ли дѣло, безстыдница, на рукахъ носить; ноги, что ли, отспѣла, — сердито поглядывая на Гришу, ворчала старушка. Дѣвушка покраснѣла еще пуще и готова была заплакать, но Гриша сказалъ:

— Невозможно въ такихъ черевикахъ перейти такую грязь; въ пору и нашему брату, и удивлялся своей смѣлости.

— Такъ ты, дружокъ, вонъ къ тому бы плоту присталъ!

— Тотъ почти весь въ водѣ, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Изволь ко за труды, молодецъ! Спасибо, что перевезъ, — сказала старушка и, развязавъ одинъ конецъ своего носоваго платка, вынувъ денежку, подавала Гришѣ. Изволь!

— Благодарствую! трудъ мой невеликъ; вѣдь все равно—мы бы одни поѣхали же, кланяясь, отвѣчалъ Гриша.

— Полно чваниться—то, возьми на пряникъ, годится, возьми, дружокъ!

— Ей Богу не возьму, говорилъ Григорій, покраснѣвъ до ушей.

— Возьми, возьми — не упрямся!

— Сказалъ, что не возьму.

— Ну, какъ хочешь; губа толще, такъ брюхо тоньше, вишь спесивъ больно. А годилось бы; что дѣлать, больше не случилось, да и рѣка не широка, и не видали какъ переѣхали, говорила старушка обидясь.—Мальчикъ, возьми ты! Ну, онъ какъ хочетъ, а твое дѣло дѣтское—калачъ купишь,—и она протянула руку къ мальчику.

Мальчикъ, съ худо скрытою радостью, взялъ денежку и поклонился.

Поклонился и Гриша; тѣмъ же отвѣтили и старушка съ дѣвушкой. Подобравъ сарафаны, онѣ пошли въ гору на Ишанскую (32) улицу; а Григорій стоялъ на одномъ мѣстѣ и грустно смотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

Сѣрая лошадь въ яблокахъ, запряженная въ крашенную тележку, встрѣтила бабушку съ внучкой; здоровый кучеръ въ сѣромъ армякѣ осадилъ лошадь, и, поровнявшись съ ними, остановился. Старушка и дѣвушка вскарабкались на высокую тележку, которая и поворотила назадъ; Гришѣ показалось, что красавица оглянулась на него и потомъ закрылась платкомъ.

Черезъ минуту онѣ скрылись изъ виду; а онъ, придерживаясь рукою за грудь, какъ-бы удерживая съ удвоенной силой стучащее сердце, все еще стоялъ и смотрѣлъ въ пустое пространство. По біенію сердца узналъ онъ, что спокойствіе его нарушено, и навсегда...

Невыразимо-грустно было Гришѣ, когда опять сѣлъ онъ въ свою лодку; слезы просились на глаза, а плакать было стыдно; да что за глупость, о чемъ ему плакать? Ничего не видѣлъ Григорій на возвратномъ пути, ни на что не смотрѣлъ; не отвѣчалъ на вопросы мальчика, не слышалъ его болтовни; онъ опустилъ голову и сидѣлъ потупившись. Воображеніе рисовало ему то красавицу съ ея обворожительнымъ взглядомъ, то хлопотливую старушку съ денежкой въ рукахъ и ихъ послѣдній прощальный поклонъ; и грустно, невыразимо грустно было Гришѣ.

— Гришенька, вѣдь отецъ—то больно хвораетъ; я думаю по

снять за священникомъ, говорила Ирина Михайловна, встречая сына, входящаго въ избу.

Но сынъ молчалъ, и потушивъ голову, какъ будто считатьъ половицы.

— О-охъ! головушку ломить, слышалось съ палатей.

VII.

Въ слѣдующую субботу, Дарья Алексѣевна въ передней избѣ новаго дома, которая кромѣ величины и косящетыхъ оконъ, ничѣмъ не отличалась отъ старой, — пекла блины. Иванъ Ильичъ ихъ кушалъ. Потапъ, также сидя у дверей, получалъ по временамъ подачки отъ Дарьи Алексѣевны. Это было часовъ въ семь утра.

— Когда ты думаешь, дружокъ Иванъ Ильичъ, новоселье справлять? Родные и сосѣди завалили насъ хлѣбомъ-солью. Чай, всѣхъ надо будетъ позвать? спросила старушка.

— Въ понедѣльникъ Настя будетъ именинница, такъ и новоселье и именины думаю справить за одинъ конобой, отвѣчалъ зять.

— Такъ, дружокъ! да вѣдь гости всѣ захотятъ, чтобъ имениннику за пирогомъ поздравить, а гдѣ это видано, чтобъ дѣвку во всѣ люди на веселье выводить?

— Эхъ, матушка! да вѣдь гости всѣ почти родные будутъ; кромѣ Живчикова; всѣ они знаютъ Настю; а Живчикова я и не зналъ бы, да самъ напросился, зная Настю своимъ глазомъ хочеть посмотреть. И то по два мяса да отбою не было.

— Напрасно ты и отбиваешься, дружокъ; Луку Герасимыча хвалятъ; по моему, веселымъ пиркомъ да и за свадебку.

— Ну объ этомъ подумаемъ; да и куда торопиться: дѣвка еще не оstarокъ, въ хорошемъ житьѣ наживется, а въ худомъ заплачется. Поговоримъ-ко лучше о новосельѣ: чай, поварью надобно?

— И! на что дружокъ поварья, лишнія траты, мы позовемъ Никитишну: она мастерица стряпать, и дѣвицы пособятъ.

— Какихъ же припасовъ надобно? ты подумай, матушка. Я думаю, въ понедѣльникъ не всѣ будутъ скоромное кушать.

— Какъ же дружокъ: первая Ульяна Михайловна, она понедѣльничаетъ, какъ и я, грѣшная; вторая Савишна; матушка попадья тоже, Гаврило Семенычъ и братецъ Марко Алексѣевичъ

тоже понеделничаютъ. Рыбки надобно приготовить непременно.

— Хорошо; я Потапа пошлю къ Безродному: живой принести.

И чрезъ нѣсколько времени Иванъ Ильичъ на сѣрой лошаdkѣ, управляемой Потапомъ, катилъ въ лавку.

Въ это время въ свѣтлицѣ происходила другая сцена. Настя, съ покрасившимися отъ безсонницы глазами, неодѣтая, сидѣла на постели; она склонила грустно головку на ладонь лѣвой руки; тѣлогрейка, накинутая небрежно на плеча, спустилась.

Дуняша отвернула полу браного полога и сѣла въ ногахъ подруги.

— Я думала, что ты заснула, сказала она:—а ты не спишь. Послушай, Настя, какая ты сидѣлась блѣдная, подъ глазами посинѣло, на что похоже, вѣдь захворать не долго, что за дурь себѣ въ голову вбила: тошно, грустно, а о чемъ,—спросить,—сама не знаешь, дурачишься; по моему, не о чемъ грустить, куда батюшку Богъ милуетъ. Вѣдь сговорки еще не завтра? Хоть отъ Луки Герасимыча и отбою нѣтъ, да еще вѣдь не порѣшили.

— То-то и есть, что напрасно онъ хлопочетъ, за его-то ужъ никогда и не пойду, отвѣчала Настя.

— Врешь, пойдешь, какъ батюшка прикажетъ; гдѣ это видано, родительской воли ослушаться, возразила Дуня.

— Нѣтъ, ужъ лучше въ монастырь пойду.

— Вотъ какая старица, похожа на старицу,—нечего сказать, особливо наемднн, какъ стала рассказывать про того пострѣла, что черезъ рѣку перевозилъ: и такой и сякой, незамазаной, красавецъ написанный, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; а у самой щоки такъ и пышутъ. Старица!

Настя уткнула голову въ подушку и трепетала, — отъ смѣху или отъ рыданій, нельзя было видѣть. Взятюшка продолжала: — Не о чемъ тебѣ, Настя, кручиниться да дурь на себя накладывать; замѣтитъ бабушка, начнутъ лечить да отшептывать, да слава по городу пойдетъ, что дескать Барышникова певѣста дряхлая, тогда и женихи не будутъ свататься, и поневолѣ въ дѣвкахъ останешься.

— Неужто ты горевать бы о томъ стала, Дуняша? спросила Настя, повернувшись къ подругѣ и протирая влажные глаза.

— Еще бы не горевать! что за жизнь. Покуда молода, невѣстою чтутъ, наряжаютъ, да не выпускаютъ никуда, держатъ

какъ итижу въ каѣткѣ, а тутъ будешь постарше, покажуй ходи по церквамъ, да монастырямъ, такъ нарядиться не дадутъ: надѣнь старушечью шапку съ ушами и ходи въ ней какъ хочешь.

— А замужемъ развѣ легче? сухота, забота; каковъ мужъ наваяется, угождай ему, свекрови угождай, семѣ угождай.

— За то ужъ какъ пава нарядилась, да съ мужемъ и гуляй на всѣхъ гулянкахъ, на всѣхъ свадьбахъ пируй. А будто ужъ и мужа всѣ худые? есть и хорошіе, есть такъ, что не жена мужу, а мужъ женѣ угождаетъ. Вотъ что бываетъ, говоритъ Никитишна.

— Мало ли, что она говоритъ; она говоритъ: сначала женихъ и нелюбъ бываетъ, а послѣ полюбится; а по моему, постылый женихъ и мужемъ постылымъ будетъ.

— Ну, ладно, говори что хочешь, а все пора вставать, да внизъ идти завтракать. Тебя, Настя, совѣмъ и отъ ѣды отбило.

— Охъ, Дуняша, сердце больно болить!

— Ужъ не сглазилъ ли тебя тотъ молодецъ, что перевозилъ? Ужъ баушка бранила его, бранила, шелкоперомъ зоветъ.

Настя закрыла лицо руками и зарыдала.

— Вотъ-те на! да она взаправду плачетъ? Полно, Настя, какъ тебѣ не стыдно! Неужто о чужомъ молодцѣ? Фу, какъ тебѣ не стыдно! побойся Бога.

— Да, правда, Дуняша, онъ чужой и никогда не будетъ моимъ! Это правда, зачѣмъ плакать, зачѣмъ тосковать, говорила Настя; всхлипыванья прерывали ея голосъ и слезы бѣжали въ три ручья. Дуняша съ участіемъ смотрѣла на подругу и не знала, что сказать.

— А хорошъ онъ? спросила она, помолчавъ.

— Хорошъ, Дуняша. И ты сказала бы это, еслибъ его видѣла. И кудри у его русые; правда, что въ три ряда, говорила Настя, улыбувшись сквозь слезы.

— Ужъ не напудренъ ли онъ какъ нашъ воевода?

— Полно, Дуня, надсмѣхаться! А какъ изъ лодки онъ меня высаживалъ, такъ и не знаю что со мною было, такъ бы сквозь землю и провалилась; а глаза словно туманъ застилаетъ, ничего не вижу, кромѣ его, и баушки не взвидѣла.

— Нехорошо, Настя, выкинь изъ головы такіе пустяки.

Долго бы еще длилась бесѣда дѣвушекъ, еслибъ не услышана была внизу голосъ Дарьи Алексѣевны.

— Эй, дѣвицы! чтожь неидете, блины остыли! кричала старушка, постукивая сковородникомъ объ лѣстницу.

— Что это, пташки, долго почиваете? встрѣтила старушка мучекъ. Настя, да что ты невесела, и глаза словно отъ слезъ покраснѣли?

— Такъ, баушка, по матушкѣ взгрустнулось, не поднимая глазъ, отвѣчала Настя.

— Полно, дружочекъ, слезами умершихъ не воскресить; да ты и непомнишь матери. Молясь Богу, чтобъ отцу здоровья далъ. Ну, завтракайте, лапшу крошить (33) надобно; въ понедѣльникъ Иванъ Ильичъ надумалъ справлять твои, Настя, именины и новоселье. Сейчасъ пошлю за Лузихой, и она намъ пособить.

Дѣвушки ушли за столъ.

— А вонъ и она, легкана помни! сказала Дарья Алексѣевна, взглянувъ въ окно и увидѣвъ жолтую наметку Никитишны. Черезъ минуту Никитишна переступила порогъ избы, помолилась, и на всѣ стороны поклонилась.

— Доброго здоровья, Дарья Алексѣевна, дѣвицы красныя! А я и поспѣла къ блинкамъ; говорятъ: роковой къ обуху, а счастливый къ обѣду всегда посиѣтъ, говорила Лузиха, отдуваясь в шуря глаза.

— Добро пожаловать, Наталья Никитишна! сядись и покушай! Эй, Дуня! принеси чарочку вишневки Никитишнѣ; тажъ въ горничнѣ, на поставцѣ, въ большой склянницѣ, говорила Дарья Алексѣевна. Дуняша исполнила приказаніе.

— А я вотъ хотѣла только посылать за тобой, продолжала хозяйка:—выручи изъ бѣды, Наталья Никитишна; зятекъ захотѣлъ въ понедѣльникъ новоселье сводить: пособи цостряпать, голубушка!

— Съ прегвеликой радостью, Дарья Алексѣевна, отвѣчала Лузиха, опорожнивъ чарку и закусывая блинами.

Векоръ Лузиха, засучивъ рукава своей миткальной рубашки и завѣсившись бѣлымъ передникомъ, мѣсила большіе колобѣи и расучивала въ листъ писчей бумаги. Дѣвушки крошили лапшу и раскладывали ее на опрокинутыя рѣшота.

— Куда мы такую уйму накрошимъ, спросила Дуняша. — Ужь не Настѣ ли на свадьбу!

— Молчи, воструха! немного, все приберутъ: вѣдь гостей-то человекъ шестьдесятъ будетъ. Да что ты сестру-то коришь, мы тебя напередъ выдадимъ, сказала весело старушка.

— А я жепика найду, да и закабалимъ къ заговѣню, это-звалась Лузиха.

— Эхъ, гдѣ тебѣ меня сосватать! ты къ Настѣ-то съ Лукой Герасимычемъ пороги обила, а все дѣло на ладъ неидетъ, Наталья Никитишна, отвѣчала Дуняша. Лузиха погрозила пальцемъ, а Настя толкнула Дуняшу локтемъ. Острый ножикъ, бывшій въ правой рукѣ Дуни, сорвался, скользнулъ по лѣвой, и алая кровь показалась изъ Дуниныхъ розовыхъ пальчиковъ.

Слѣдующую ночь Настя притворялась будто спитъ, но Дуняша не притворялась и лежа возлѣ подруги ворочалась съ боку на бокъ; ей не спалось, она придумывала, какъ бы узнать на кого спросить о молодцѣ, который перевозилъ бабушку совнутой, а не знала на кого напасть. «Развѣ Никитишну, думала она, Никитишна знаетъ всѣхъ въ городѣ. Хорошо, спрошу Никитишну, — ужъ я знаю, какъ завести разговоръ.»

И въ воскресенье утромъ, когда Настя, послѣ бессонной ночи, крѣпко заснула, Дуняша щебетала въ избу, помогая въ стряпнѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ и Фетиньѣ. Вскорѣ присоединилась къ нимъ и Лузиха.

У Дуняши вертѣлся на языкѣ интересовавшій ее вопросъ; но она не знала, съ чего начать.

Вдругъ у Дарьи Алексѣевны прорвался карманъ и мѣдные денежки и полущки посыпались на полъ.

— Али опять за рѣку бабушка собиралась и деньги за перевозъ приготовила? — спросила Дуня, едва удержавшись отъ смѣха.

— Что ты зубы-то скалишь? этакъ грѣхъ, карманъ прорвался! Это я къ обѣднѣ собираюсь, то нишкѣхъ подѣлать приготовила, — подбирая деньги, говорила сердито старушка.

— Поскупилась же ты бабушка намени, одну денежку за перевозъ-то заплатитъ хотѣла. А перевозчикъ-то, говорятъ, слово бояринъ, и меньше рубля не беретъ, наввно продолжала Дуняша.

— Рубля? шутила рублемъ. Да онъ весь и съ лодочкой-то рубля не стоитъ, — бахвалъ этакъ.

— А красивъ онъ собой? Настя говорить, что больно красивъ!

— Да замолчишь-ли ты! Рано еще больно стала о молодцахъ думать; мы въ твою пору куклами играли, перебила грозно Дарья Алексѣвна.

— А кто это, Дарья Алексѣевна? — спросила съ любовнымъ Лузиха.

Дарья Алексѣевна будто не слыхала вопроса; она только сердито взглянула на Дуняшу, и та прикусила язычокъ, и улыбулась сквозь слезы. Значить, продолжать этотъ разговоръ уже было больше нельзя.

Ударили къ обѣднѣ. Дарья Алексѣевна и Наталья Никитишна ушли въ церковь, наказавъ крѣпко на крѣпко Дуняшѣ, чтобы пироги въ печи не подгорѣли. Фетинья ворочалась въ подклетѣ, гдѣ она готовила кушанье про себя, кучера Потапа и четырехъ молодцовъ — прикащиковъ. Настя сошла внизъ; Дуняша дружески упрекнувъ подругу въ томъ, что до сихъ поръ она спала и не успѣла вычесать голову и принарядиться, какъ слѣдуетъ, попросила ее, въ свою очередь, посмотреть пироги въ печи, а сама ушла прибирать заднюю горницу, которая служила и гостиною и спальнею для Ивана Ильича. Дуняша высоко забила пуховую постель своего благодѣтеля, пересмотрѣла, вслаивъ посуда стоитъ на своемъ мѣстѣ въ поставцѣ. Поставецъ этотъ былъ дубовый, глухой внизу и съ мелкими стеклышками въ верхнихъ дверцахъ. За стеклами стояла посуда нѣмецкаго стекла и множество серебряныхъ стаканчиковъ и чарочекъ, а также и солонокъ; а посреди ихъ возвышался огромный хрустальный бокалъ, въ который входилъ штофъ какой угодно жидкости. На одной сторонѣ бокала былъ двухглавый чорный орелъ, коронованный золочеными коронами, на другой — вензель Императрицы Анны Иоанновны, подъ императорскою короною. Внизу, за глухими дверцами, стояли стопы оловянной столовой посуды и нѣсколько сулей съ разноцвѣтными наставками. Дуня стерла пыль съ широкихъ лавокъ, вымыла полъ, накрыла столъ браной скатертью, и засвѣтила свѣчки передъ образами.

Въ это время Настя расплела свою длинную косу и приложивъ квасомъ, принялась машинально расчесывать волосы. Потомъ, облокотясь на столъ и полузакрывъ глаза, она начала по обыкновенію мечтать о красивомъ перевощикѣ, забывъ и пироги въ печкѣ и все окружающее. Вдругъ кто-то стукнулъ кольцомъ приворотнымъ. — Настя вздрогнула, сердце какъ будто упало; она вскочила, взглянула въ окно; но кто-то такъ быстро промелькнулъ, что нельзя было замѣтить. Дверь распахнулась и передъ ней стоялъ, какъ будто съ неба свалился или изъ подъ земли

вышелъ тотъ, о комъ она сейчасъ думала. Гриша, въ голубомъ кафтанѣ и персидскомъ кушакѣ, мня въ рукахъ свою шапку съ крымскимъ околышкомъ, краснѣлъ и робко кланялся.

— Я пришелъ.... Я принесъ... Но узнавши въ Настѣ предметъ своихъ помысловъ, Гриша остолбенѣлъ, замолчалъ, забывъ все окружающее, только глядѣлъ на нее и не могъ произнести ни слова.

Услышавъ его голосъ, Настя затрепетала; она убѣжала бы, но дверь онъ заслонилъ собою; она желала бы провалиться ни мѣстъ, но полъ подъ ней не разступался, и она осталась на мѣстѣ словно прикованная; она краснѣла, блѣднѣла, потупляла глаза, опять взглядывала на него, потомъ снова опускала голову и непронизносила ни слова; она забыла спросить, кто онъ и за чѣмъ пришелъ? Чѣмъ бы кончилась эта нѣмая бесѣда, въ которой безъ словъ такъ много высказали другъ другу молодые люди,—неизвѣстно. Дуняша, заслышавъ скрипъ дверей и походку незнакомаго человѣка, поспѣшила въ избу. Неожиданная сцена поразила дѣвушку до нелзя. Взглянувъ на наружность Григорья, на смущеніе Настя и странные взгляды, она сейчасъ поняла, кто это былъ, и оправившись отъ перваго впечатлѣнія, она поклонилась и бойко спросила:

— Кого тебѣ надобно, добрый человѣкъ?

— Я пришелъ... я рыбу... принесъ. Иванъ Ильичъ къ бѣтюшкѣ.... за рыбой.... присыдалъ.... кланялся и заикался, отъѣхалъ Григорій.

— Гдѣжь рыба?

— На дворѣ дожидается человѣкъ съ лоханкой.

— Такъ надобно сказать Фетиньѣ, чтобъ она ее напогребъ вынесла. Пойдемъ. А ты, Настя, что это съ распущенной косой гуляешь? да посмотри въ печи: пироги, чай, унелись. — Дуняша пошла вонъ. Григорій долженъ былъ слѣдовать за нею. Онъ грустно взглянулъ на Настю, у Настя слезки навернулись, но она даже не шевельнулась. Гриша тоже не поклонился ей; на порогѣ онъ опять оглянулся. Настя стояла все на одномъ мѣстѣ и глядѣла на него не мигая. Онъ затворилъ за собою дверь, оставивъ за порогомъ, какъ говорили романисты прошлыхъ временъ, свое сердце.

Дуняша позвала Фетинью, приказала ей убрать рыбу, а сама, украдкой поглядывая на Гришу, поспѣшила въ избу. Настя уже не было. Бѣдная дѣвушка не уходя Григорія опомнилась;

у ней какъ будто что отбразило отъ сердца, сильное риланіе разрывало грудь. Она убѣжала въ свою сѣтланку, бросясь въ постель, стараясь въ родушкахъ заглушить свои стоны. Дряхлѣе тѣхъ слезы нѣсколько облегчили ея разорванное сердце.

— Такъ и есть! — ворчала Дуля: — убѣжала; что ей за дѣло до домашняго дѣла! Пирогъ все еще въ печи, баушка скоро воротится — и Дуляша бросилась къ печкѣ. — Въ самомъ дѣлѣ, пироги давно были готовы и начинали уже поджарѣть. Дуляша, выбравъ ихъ изъ печи, опять сбѣжала внизъ, чтобъ еще разъ изгладить на Григорія, красотѣ котораго она отдавала полную справедливость. Напогребница отъ крыльца отстояла очень близко, такъ что, если что говорилось тамъ, то на крыльцѣ было слышно. Дуляша притворила немного дверь и встала за лѣю, смотря сквозь щель. Фетинья и Григорій были на напогребницѣ; Фетинья перекладывала рыбу изъ лоханки въ кадочку съ водою, Гриша ее допрашивалъ; но какъ она была глуха, то разговоръ и не сорбитъ клеился.

— Хозяинъ вашъ вѣрно затѣваетъ ширь? спросилъ Григорій.

— Гдѣ много дыръ? родной! Кажись кадушка не разохла и вода не утечетъ, — говорила Фетинья, не дослышавши. Гриша разсмѣялся.

— Я говорю, Иванъ Ильичъ вѣрно хочетъ дѣлать пирушку? сказалъ онъ по громче.

— Да родной, Иванъ Ильичъ добрый человекъ, онъ держитъ старушку тещу, да я живу, да дѣвушка взятушка, — вотъ что видѣлъ — Авдотей зовутъ.

Дуляша досадовала, слушая болтовню глухой старухи, и хотала.

— Да что у васъ завтра будетъ? почти вскричалъ Гриша.

— Столъ въ избѣ, столъ въ избѣ; вишь хозяйская дочь, Настасья Ивановна — именинница, — тоже почти кричала Фетинья, совершенно уже понявъ вопросъ.

— А я думалъ сговоръ, сказалъ про себя Гриша; потомъ прибавилъ громко: — жениховъ, чай, у хозяйской дочки и счету нѣтъ?

— Вѣстимо, и счету нѣтъ богатству у Ивана Ильича.

— Женихамъ-то, у Настасьи Ивановны счету нѣтъ?

— Да есть таки, батюшка, сватаются; да нинь она у насъ какая трещинка стала: нивесъ больна, нивесъ здорова, въ постель не лежитъ, а вѣсть что твой цыпленокъ; съиздила съ ба-

ушней носей, чинный дикъ въ рѣку, да что-то перепугалось, —
опять, на водѣ шныряетъ (34) "правданы, что-ли" Вотъ-вотъ.

Гриша невозможно вздрогнулъ и охватился за грудь.

— Вотъ-таки батюшка нездоровъ; не знаю, чѣмъ Богъ обрадуется. Ты не знаешь ли Степана Петровича? сказали онились Гриша.

— Чѣмъ родной, Петровича?

— Знаешь Степана Петровича Безродного? онъ изъ вашихъ все рыбу носилъ.

— Какъ не знать моего голубчика, хорошій человекъ; знаю, знаю.

— Я сынъ его?

— Охъ, не слышу.

— Я сынъ Безродныхъ.

— Ты-то, ты-то! родимый; ишь какое яблоко наливное! А что Ирина-то Михайловна здравствуетъ ли? Бывало, голубка, навины бѣлила на покойницу молодую хозяйку; ужъ такая была мастерица. Да вотъ ужъ я никуда не хожу, такъ и не вижу прежнихъ товарокъ.

— Митюшка здравствуетъ, да батюшка нездоровъ.

— Здравствуетъ? Ну, славу Богу.

— А батюшка болѣнь!

— Чѣмъ это, мой голубчикъ?

— Головушкой; и пользоваться не хочетъ. А вы что молодую-то хозяйку не полечите?

— Она не жалуется на головушку, — сердечко, что ли, болить, ужъ правдо не умѣю сказать. А сердце вотъ такъ на се, мою головушку, и выболѣло.

— Ну прощай, баушка, сказалъ Гриша, принимая отъ Фетиньи пустую лохань.

— Прости, голубчикъ. Какъ звать?

— Григорій.

— Прости, Егоръ Степанычъ.

— Григорій, а не Егоръ, баушка!

— Ну, Григорій Степанычъ. Вишь глуха, старастала; да и смолоду-то крѣпко была на ухо. Ишь, меня Иванъ Ильичъ батюшка у Дубоносовыхъ купилъ, такъ еще баринъ-то не что, туда и сюда, а ужъ боярыня то была легонька на ручку, не тѣмъ будь поманута: за всякую малость все въ голову, да въ голову утюжила, вотъ и оглушила, — никуда не гожусь.

И, разсуждаясь съ Гришей, Фетинья поспешает въ избу; въ избу никого не было, она заглаживает заливную горюшку, — и тань никого, и она, потопывая тяжелыми котами, пошла въ свѣтлицу. Ей непрекѣнно хотѣлось кому нибудь пересказать разговоръ свой съ Гришей, похвалить его за то, что онъ съ ней не корыстной старухой не погнушался потарабарить. Когда она отворила дверь въ свѣтлицу, обѣ дѣвушки сидѣли на кровати. Настя, блѣдная, съ заплаканными глазами, сидѣвшая на руку, молча слушая утѣшанія и утѣшенія своей подруги.

— Ахъ, дѣвушки, что за молодецъ сынокъ Степана Петровича Безроднаго! что за яблоко наливное, — заговорила Фетинья, утѣшавшись на порогѣ. Вотъ бы тебѣ въ женихи, Настасья Ивановна, вотъ бы парочка была. Настя грустно улыбнулась.

— Подно вратъ, Фетинья; собираешь куческую дочь за работника, — въ своемъ ли ты умѣ? — перебила Дуниша: — да я, круглая сирота, и тутъ не пошла бы за него.

— Дядю, пусть я глупа; а чѣмъ же худъ Григорій-то Степанъ? паренъ — кровь съ молокомъ. И какой добрый, ласковый! Что я, некорыстная старуха, а онъ небось не зубоскаль, а говорить, какъ слѣдуетъ. Слово-то скажетъ, — словно рублемъ подарить. Чванься, Авдотьяшка! Не пошла бы за него? — да еще и не возьметъ. Погоди, засватаетъ тебя Лузика за какое нибудь старое охрапье. Увидишь, — говорила Фетинья, обидѣвшись.

— За что же ты, няня, Дунишу обижаетъ? сказала Настя.

— А за что же она сокола-то яснаго обижаетъ? — Что онъ не богатъ, — ну богатъ Богъ милостью. А развѣ у твоего батюшки казны, что-ли, нѣтъ, наградить скуднаго зятя?

— Не смѣй, не смѣй прочить Настю за бобыля, — покраснѣвъ съ досады и топнувъ пожкой, говорила Дуня.

— Да чтожь ты въ самомъ дѣлѣ кричишь? Голубушка-то моя Настенька не сердится, а ты что это разворчалась на старуху, развѣ я не добра вамъ желаю? Иванъ Ильичъ, я слышала говорить: былъ бы, дескать, зять челоувѣкъ разумный, а что, мнѣ его богатство, тѣфу, да и плюнуть; развѣ, говорить, ушения своего нѣтъ? Да, вотъ онъ что говорить: а что, — развѣ дуракъ какой сынокъ-то Ирины Михайловны? Небось не глушь. Счастлива Ирина Михайловна, что такимъ дѣтищемъ ее Богъ наградилъ!

— Поди-ко, няня, что я тебѣ скажу, сказала Настя кротко.

— Что, моя радость, что такое? — Фетинья подошла.

— Ты пошла убога, Фетиньяшниц, поговори баушкѣ, чтобъ принесла рыбу, — слышишь, это придется такъ будто кто ивѣду, слышишь, что ли.

— А я хотѣла все рассказать, да еще принимаются.

— Нѣтъ, — ничего, няня, поговори.

— Ничего не скажу, мое золотѣ, моли тебѣ угодно.

— А я все расскажу, сказала шутя Дуныша.

— А что ты расскажешь, что я съ нимъ говорила?

— Да что про Настю и про меня говорила. Баушка и дастъ тебѣ за это.

— Ниль, какая беда! Ну, говори, я запрусь и духомъ и сномъ; скажу: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Вѣда зашоръ свитое дѣло.

— Уйди же отсюда, старая хрычовка, кто тебя звалъ?

— Уйду, уйду, матушка, ширься одна.

— Убирайся!

Фетинья хлопнула дверью и затопала съ лѣстницами, ворча довольно громко: буду молчать, буду молчать, какъ камень, моли тебѣ это угодно, мое золотѣ.

Но уходя Фетинья, Дуныша, видя, что Настя по прежнему сидитъ понурия голову, заговорила:

— Сердита я на тебя, Настя: ты такая плакса стала, что шепрутъ вонъ. Ну, о чемъ, ну, о комъ горевать, о комъ думать? Объ рыбакахъ? Вѣдь совсѣмъ ты обезумѣла, разсуди ко ты сама-то.

— Что же мнѣ дѣлать, Дуныша? что мнѣ дѣлать? отвѣчала Настя, закрывъ лицо руками. Нечего теперь таяться отъ тебя, ты сама все видѣла, да и думы-то задушевныя кому я повѣдаю, какъ не тебѣ? Ты у меня одна — и сестра и подруга. Ты его видѣла сама, своими глазами; развѣ онъ хуже какого кушца, или да же боярина, отвѣчай!

— Я не хую его, Настя; да что проку въ твоихъ слезахъ, охахъ, да вздохахъ? Вѣдь ужъ за мужъ тебя батюшка за его не выдастъ, — что же мучить-то себя понапрасну. Я вижу, что и онъ крѣпко тебя любитъ, отвѣчала Дуныша.

— Да развѣвольна я въ своемъ сердцѣ? Пусть ужъ лучше умереть, чѣмъ идти за другаго. Вотъ и все, болѣе чего и ждать нѣтъ.

— Ты бы больше молилась, Настя; вѣдь можетъ это наводнение отъ лукаваго. Баушка говоритъ, что такіе помыслы и монахинямъ въ монастыряхъ бывали.

— Чтожъ мнѣ дѣлать, если и на молитвѣ, и во снѣ, и на

жу, былъ въ мысляхъ и въ глазахъ; вотъ будто такъ его передъ собою и вижу.

— А если батюшка или баушка узнаютъ?

— Развѣ ты имъ скажешь?

— Что имъ сказывать, Богъ съ тобою, Настя; я жалѣючи тебѣ говорю, ты на меня не сердись.

Вѣсто отвѣта, Настя обняла Дуняшу.

VIII.

На дворѣ уже стемнѣло; въ широкихъ сѣняхъ Ивана Ильича свѣтился фонарь, привѣшенный къ потолку. Стѣны были раздѣлены на двѣ половины подвѣшеннымъ подъ потолокъ старымъ ковромъ, сшитымъ изъ разныхъ лоскуточковъ разноцвѣтнаго сукна. За ковромъ стоялъ большой столъ, уставленный бутылками и склянницами разной величины и вида, съ наливками разнаго цвѣта и двумя большими ядовыми, наполненными лантарнымъ медомъ и пѣнистымъ хмѣльнымъ пивомъ. На нѣсколькихъ большихъ подносахъ стояли цѣлые полки рюмокъ, чарокъ и стакановъ. Словомъ, тутъ былъ буфетъ. Двери въ избу и въ горницу были настежь растворены. Въ избѣ у дверей виднѣлись цѣлая куча овчинныхъ и лисьихъ мужскихъ тулуповъ, и женскихъ лисьихъ и заячьихъ шубеекъ, крытыхъ штофомъ и гранитуромъ. На сличникѣ, прибитомъ вдоль стѣны, полъ полицею, висѣло нѣсколько шапокъ, кушаковъ и рукавицъ. На столѣ красовались стоны оловянныхъ тарелокъ, ножей и вилокъ о два рожка съ костяными черенками. Фетинья перетирала посуду, Дуняша свертывала браные ручники. Тимошка, самый младшій изъ прикащиковъ, мальчикъ мѣтъ 13-ти, съ плутоватою физиономіею, почесывалъ затылокъ, сидя на лавкѣ и умильно поглядывая на поставецъ, гдѣ на большихъ мѣдныхъ блюдахъ лежали сладкіе пироги. Въ горницѣ, за большимъ дубовымъ столомъ, накрытымъ узорчатою клеенкой и установленнымъ пряниками и орѣхами, изюмомъ и клюквою на оловянныхъ тарелкахъ, сидѣли впереди, по обыкновенію, попъ съ попадѣей. На священникѣ, вмѣсто рясы, былъ китайчатый кафтанъ, опоясанный шерстянымъ полосатымъ кушакомъ. Возлѣ пона, дяконъ въ подрясликѣ, потомъ двастаршіе дялюшки Ивана Ильича, — одинъ совсѣмъ сѣдой, а другой съ просѣдою и огромной бородавкой

между бровями; возлѣ нихъ третій дядюшка, — это братъ Дарья Алексѣевна, живой и румяный старичокъ, двѣ капли воды Дарья Алексѣевна; возлѣ него Гаврило Семенычъ, худой, безжизненный мужчина съ жолтымъ лицомъ. Кафтанъ на немъ болтался словно на вѣшалкѣ. Вотъ еще бритый двоюродный братъ Ивана Ильича, говорящій и смотрящій свысока; — онъ провелъ два года въ Питерѣ, и теперь ко всякому слову, кстатн и не кстатн, приговаривалъ: какъ у насъ въ Питерѣ, — не то что здѣсь, здѣсь словно деревня. Вотъ еще дюжій мужичища: бородища, что лѣсъ дремучій, взглядъ исподлобья, а голосъ словно изъ бочки. Это племянникъ Дарьи Алексѣевны. Вотъ еще маленькій мужичинка съ тоненькимъ голоскомъ; а на бородѣ торчатъ только три волоска. Вотъ еще... да пересчитаешь ли ихъ всѣхъ! Посмотримъ лучше на женщинъ.

Возлѣ старушки попадѣи сидѣла высокая худощавая Ульяна Михайловна, въ низенькихъ кокошкахъ, подъ штофной наметкой; она безпрестанно сводила и жмурила глаза, какъ будто желая взглянуть на кончикъ своего носа. Возлѣ нея одна дородная тетушка, супруга одного изъ дядюшекъ; потомъ пять-шесть пожилыхъ женщинъ и пять-шесть молодыхъ, и три-четыре сашихъ молоденькихъ. Бѣлила, румяны и сурмпы покрывали ихъ лица. Бѣлые рукава рубашекъ, цвѣтныя ткани наметокъ и сарафановъ, ярко переливались при свѣтахъ; крупные жемчуга перекатывались на полныхъ шеяхъ; галупы блестяли, кокошки горѣли разноцвѣтными камнями и фольгою. Поднизи казались кружевами хитро-сплетенными. На самомъ концѣ стола, замыкая рядъ женщинъ, всѣхъ вышеторчали кокошки Савишны, невѣстки Ивана Ильича.

Прекрасная именинница по временамъ подчивала гостей десертомъ, накладывая снова сластей на опорожненные тарелки. Гости, захватывая горстями орѣхи, грызли безцеремонно, накладывая возлѣ себя кучи скорлупъ; старушки лакомились тѣмъ, что было нѣтъ по зубамъ. Разговоръ былъ только между мужчинами, женщины еще не обошлись и молчали.

По временамъ, то Иванъ Ильичъ, то Дарья Алексѣевна входила съ подносами, уставленными рюмками и стаканами. За кофромъ въ сѣняхъ распорядилась Никитишна; она наливала наливки, пиво и медъ и довольно подрумянилась.

Вотъ Дарья Алексѣевна встала на порогъ и махнула Ульянѣ

Морей чайнѣ. Та, вспомнивъ это, соображивъ, пошла изъ-за стола за спинами своихъ сосѣдокъ (35).

— Дружокъ, Ульяна Михайловна! вотъ варошнѣ видѣть, заправка зазвала Луку Герасимыча, и хочется ихъ угостить чаемъ, да по аромату, что чайъ съ басурманской травой дѣлать. А у васъ вароша бывала, такъ про его вѣрно чайъ ставили? спросила Дарья Алексѣевна.

— У васъ вѣдь есть чайникъ! ну положите въ него травы, примѣрно: щепотки двѣ, или три, и обварите кипяткомъ; а какъ настоится, то и разливайте, — отвѣчала Ульяна Михайловна.

— Иванъ Ильичъ отъ Макарья привезъ большой мѣдный кувшникъ съ рыльцемъ. А вода у меня въ котелѣ согрѣта въ печи спомѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ котлѣ негодится — прѣлью пахнетъ; воду надобно въ чайникъ согрѣть.

— Какъ же, дружокъ? неужто въ такую позднюю пору въ печь нечъ затоплять для этого? развѣвелѣть, чтобъ Фетинья затопила баню?

— Вели, Дарья Алексѣевна.

И Ульяна Михайловна опять покатила за спинами гостей, и опять усѣлась на свое мѣсто.

Черезъ часъ за ковромъ уже стоялъ ведерный мѣдный чайникъ, а изъ рыльца его бѣлою струйкой валила паръ. Дарья Алексѣевна принесла чайку съ полъ-осмушки, завернутаго въ нѣсколько доскутковъ сѣрой бумаги, и осторожно съ молитвою вытряхнула въ чайникъ.

Пріѣхалъ Лука Герасимычъ Живчиковъ. Всѣ засуетились. Иванъ Ильичъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ. Лука Герасимычъ былъ маленькій, щедумный человѣчекъ, на коротенькихъ ножкахъ; его зеленый гранитуровый кафтанъ застегивался серебряными петлями. Въ обоихъ карманахъ было положено по большому платку; карманы отдулись, и Лука Герасимычъ былъ словно въ фижкахъ. Отъ его головы, украшенной лысичкою съ Елисаветинскій пятакъ, несло коричневыми духами; борода была подкружена, хотя мѣстами и начинали проглядывать серебряные волоски. Живчиковъ разцаловался съ Иваномъ Ильичемъ и Дарьей Алексѣвной, отдалъ свою лисью шубу и кумью дѣвку Цетану, занимавшему сегодня должность швейцара, и на цыпочкахъ прошелъ за хозяиномъ въ горницу. Здѣсь, увидѣвъ Настю, Лука Герасимычъ не усомнился, что это и есть На-

отъясъ Иванова Варышника, о красотѣ котораго даже перешла изъ устъ въ уста по всему городу. Иванъ Ильичъ и не подумалъ рекомендовать ему дочь свою, потому что отъясъ и въ женскій обликъ еще незнакомъ былъ нашимъ людямъ. Лука Герасимычъ, какъ учтивый человекъ своего времени, сѣлъ и предложилъ поздравить съ ангеломъ Настасью Ивановну. Дѣвушка, краснѣя, тихонько поблагодарила. Послѣ того Жюльковъ, подойдя къ благословенію священника, переселовался съ мужчинами и раскланивался съ женщинами; и съ послѣдними онъ бы расцаловался, если бы былъ хоть крошечку ородни; но какъ чужой, онъ удовольствовался поклоненъ.

— Гости дорогіе, посторонитесь, пропустите Луку Герасимыча! Лука Герасимычъ, садись, батюшка, возлѣ братца Петра Петровича и возлѣ братца Андрея Андреича! и Иванъ Ильичъ помѣстилъ Луку Герасимыча между двоюродными братцами, который говорилъ свысока, и между троюродными, у котораго голосъ былъ словно изъ бочки. Лука Герасимычъ усѣлся и расправилъ свои фижмы. Хозяева опять засуетились: пріѣхала Марфа Васильевна Лапина, супруга богатого кожевеннаго заводчика, крестная мать Насти. Марфа Васильевна была еще нестарая, но довольно объемистая женщина со вздернутыми носомъ и сѣрыми выпуклыми глазами. Разцаловавшись въ сѣняхъ съ хозяйномъ, Дарьей Алексѣевной и Настей, она скинула свою кунью шубу и величественно вошла въ горницу. Марфа Васильевна умно одѣвалась поигмечки. Лиловая шелковая кофта обтягивала ее полный станъ и топорщилась надъ огромными фижмами; на головѣ ея возвышался уборъ въ родѣ шлема, сдѣланный изъ шитаго серебромъ желтаго платна; кружевные манжеты у рукавовъ доходили почти до кисти; а съ лица сыпалась румяны и бѣлыя, и двѣ маленькія мушки сдѣла по угламъ рта.

Иванъ Ильичъ долго былъ въ недоумѣніи, на какомъ мѣстѣ посадить ему почетную гостью.

— Гости дорогія! сказалъ онъ наконецъ:—прошу покорно выйти изъ за стола! виновать, что потревожилъ, дайте мѣстечко Марфѣ Васильевнѣ!

Гости молча оставили свои мѣста и стали выходить; встала было и попадья.

— Матушка, матушка, ужь ты сяди на своемъ мѣстѣ, а ты, Марфа Васильевна, ужь садись возлѣ матушки-то.

Лапина той порой переселовалась со всеми гостями и обшла

гостиница женщина съѣла все, что она имела, и вернула прежде наруку хвостъ своей юбки, который на полъ-аршина лежалъ на полу.

— Ничъ, клянусь! — дарю тебѣ, что нѣтъ молодцы, а нечестиво съѣла все, что имела старинныхъ, зашила на ушю одна обитая тетунка другой.

— Что дѣлать! — нѣтъ богата! По платю вътрѣмать, хвостъ-то дологъ, не то, что мы съ тобой, сестрица! Видѣ, что мы? старое сиротное, — съшила другая.

— Безстыжая, зашила перзалъ. Но далѣе продолжать такого разговора, въ присутствіи знаменитой гостини, старушки не хотѣли и замолчали, затанувъ досаду на сердцѣ.

Явился Иванъ Ильичъ съ поднесомъ, на которомъ стояли три рюмки, стаканъ вина и стаканъ меду.

— Марфа Васильевна, кумушка дорогая, прошу пригнать, воскликнулъ онъ, протянувъ руки съ поднесомъ къ Марфѣ Васильевнѣ черезъ столъ: — вышнечотки то, голубушка, вышнечотки-то, подчавай онъ.

— Что ты, куманекъ батюшка, Богъ съ тобой? Видѣ знаешь, что я хмѣльнаго не потребляю, говорила гостини вставши, низко кланясь и обѣими руками отталкивая подносъ.

— Кумушка-голубушка, ради здоровья, ради здоровья, дайте прихлебни.

— Эй-Богу не могу, Иванъ Ильичъ; я не безпомощна, родной мой!

— Крошечку, крошечку, Марфа Васильевна дружокъ! воскликнула въ свою очередь Дарья Алексѣевна, внезапно появившись у стола.

— Не могу, ой Богу не могу; прихлебнуть даже не могу, все сердце изоможетъ, ой-ой изоможетъ! Здоровье плохо, голубушка Дарья Алексѣевна, и не проси.

— Ну, хоть малиновки: сладенькая, слабенькая, просто дѣлать пить. — И хозяинъ повернулъ къ гостини рюмку съ малиновой малинкой.

— Не могу, куманекъ, сказали, что не могу! Ну, что за прибыль вамъ, выпью да захвораю? Пожалѣй меня, голубушка Иванъ Ильичъ!

— Какая кумушка сниская, Богъ съ тобой; не любишь ты насъ, сниская кумушка отталкивающимъ голосомъ.

— Ну, малина отъбѣдай, хоть вышнечотки, сниская слабенькая, Иванъ Ильичъ повернулъ къ ней стаканъ съ виномъ.

.. — Не надо и твоей дочке! ни меду, ни чаю, ни кофе, ни вина, ни пива, ни чего-нибудь, голова съ око-боится! ..

.. — Елизаветича, голубушка Марфа Васильевна: расшвыркала полные карманы отъ хлеба! Принимай, дружокъ, водичку, варивала Дарья Алексѣевна.

— Вѣдь я сказала, что даже и пить не могу пить, родная Дарья Алексѣевна!

— Ну, такъ медку; неужто и отъ меду стадаешь еще: отговаривайся, гостя дорогая? И Иванъ Ильичъ повернулъ къ гостѣ стаканъ съ медомъ.

Марфа Васильевна приняла стаканчикъ съ изюмнымъ пекле-номъ и прикоснулась къ нему губами.

— Что же, голубушка? пожалуйста, выкушай!

Гостя прилбнула, и хотѣла стаканъ поставить на видность, но хозяйникъ отдернулъ поднось.

— Дико оставалось Марфа Васильевна, сказала старушкѣ: лико оставляешь, дружокъ! — Гостя еще хлебнула.

— Не могу уже болѣе, ей-Богу не могу!

— Выкушай, голубушка-кумушка!

— Не могу, куманекъ, не могу, родной! — И гостя одной поймала поднось за край и поставила на него стаканъ.

— Спесивая, спесивая! — воскликнули въ одинъ голосъ зять и теща, и вѣнчали. Настя подмынула подъ самый носъ своей матери крестной тарелки съ изюмомъ и орѣхами, которыми Марфа Васильевна и принималась забавляться.

Ничего удивляются, что въ старину свадебные, именинные и даже похоронные столы тянулись отъ двухъ до пяти часовъ, и думать, что гости той порой безарестанно пили и ѣли; но это мнѣніе почти вовсе неосновательно: приведенный примѣръ показываетъ, что хозяйникъ битыхъ полчаса стоялъ передъ одною гостей, и эта церемонія должна была повторяться передъ каждымъ изъ гостей и еще по нѣскольку разъ. Конечно, мущины были сговорчивѣе, но каждый самый безцеремонный считалъ долгомъ хоть маленько помолчать. И на все это сколько требовалось времени!

Между тѣмъ Наталья Никитишна хлопотала около чаю; она настаивала на подносѣ нѣсколько стакановъ зеленого стекла, отыскала въ кладѣ у Дарьи Алексѣевны изюмчикъ какого-то заморского меду и, подославъ на ложку въ каждый стаканъ, стала разливать чай.

Трыкъ, трыкъ, трыкъ! и три стакана лопнули. Лузиха стояла опустивъ руки, и не знала, что дѣлать.

Дарья Алексѣевна первая услышала странный звукъ; сердце у ней замерло, она поняла въ чемъ дѣло и востыжно сумулась за коверъ.

— Злодѣйка ты окаянная! что ты надѣлала? Стоканчики перепортила; шутка, три стакана лопнули.

— Нарочно ли я это сдѣлала? кто ихъ зналъ, что лопнуть, юннана жалостно Никитишна; — вѣдь не всё же, вонъ тѣ цѣли.

— Тебѣ мало еще, что три стакана погубила, шутила ты этимъ.... Три стаканчика,—легко сказать!

— Заплачу я за стаканы, только побойся Бога,—не вѣщи, не сѣйши людей, да и меня не стыди, Дарья Алексѣевна, говорила въ полголоса Лузиха.

— Откуда медъ-то ты достала? спросила Дарья Алексѣевна, смотря на налитые стаканы, въ которыхъ медъ еще на разошелся.

— Въ клѣти (36) на полицѣ взяла!

— Ахъ ты ворогъ! что ты сдѣлала? вѣдь это сырецъ; я нарочно прибрала, если у кого въ семьѣ горло заболитъ, такъ полечить; а ты въ басурманскую траву потратила. Вотъ-те и разъ! кричала хозяйка, чуть не плача: — вишь досужа, умѣешь по чужимъ клѣткамъ ходить!

При этомъ словѣ, словно варомъ обдало Никитишну; глаза ея дико забѣгали, и багровыя пятна выступили на побѣднѣвшихъ лицѣ; она знала, какіе слухи ходили въ народѣ на счетъ ея племянника Лисицы, который у ней по временамъ приставалъ.

— Не заворовствомъ я ходила въ вашу клѣту, а за дѣломъ; ты же просила меня, чтобъ я вамъ послужила. А что я взяла твоей заповѣдннй медъ, такъ сама же ты сказала, чтобъ я изъ клѣты жбанчикъ съ медомъ принесла, задыхающимся голосомъ говорила Никитишна.

— Тамъ на коробкѣ стоитъ другой жбанъ съ краснымъ медомъ, тотъ бы и взяла, таковский для проклятой травы, кричала Дарья Алексѣевна.

— Что же дѣлать! оплошка въ вино не становится, ну и виномъ, коли ужъ такъ пришлось; ну виновата, виновата я дура, что въ чужое дѣло влилась, сказала Лузиха заплакавъ.

— Что юни-то распустила! вѣдь не слезы, а вино изъ глазъ

течетъ; споровахиу бѣлыя-то палила; не что дѣлала, все за ковромъ сидѣла.

Иванъ Ильичъ, наполнившій въ кѣлѣ опорожненными скляницами, услышалъ ссору между тещей и Лузкой.

— Что это, матушка, кричишь! вѣдь гости услышатъ, некоротко. Что такое подѣлалось у васъ? спросилъ онъ, лавя за ковромъ.

— Охъ, дружокъ Иванъ Ильичъ! взгляни-ко ты, что злодѣйка Никитишна сдѣлала? стаканы у ней отъ кипитку передепали, да и медъ мой завѣтнѣй, проклятая, погубила, говорила Дарья Алексѣевна.

— Ругайся, ругайся, обижай сироту! ну, пусть я и вѣщица, а кѣлѣ еще печѣмъ кормить то, — не поднесла сегодня; пусть я и воровка, да съ поличнымъ еще, Дарья Алексѣевна, не понимала, обижай сироту; а вѣдь сиротская-то слеза, да неба сѣча, всплывавая, хрипѣла Никитишна.

— Что это вы затѣяли? тѣфу, страмъ какой! Не кричите, ради Бога, говорилъ хозяинъ, обращаясь то къ тещѣ, то къ Лузкѣ.

— А стаканчики-то, стаканы-то, дружокъ Иванъ Ильичъ, шептала старуха.

— Ну, стаканы наживное дѣло!

— Пришлю, пришлю стаканы, не горюйте, говорила внивапаня.

— А медокъ-то, медокъ-то мой сгубила!

— Успокой же, матушка, сама себя; и меду еще лучшаго куплю, уговаривалъ зять тещу.

— И меду пришлю, слава Богу, я не бездомокъ какой, не станеть на вѣкъ, а на часъ станеть. Не за тѣмъ пришла я къ вамъ, чтобъ опивать да объѣдать васъ; найдется еще и въ моей сиротской избѣ, что пообѣдать. Коли я пришла вамъ послужить, подружить, такъ по знакомству, по сосѣдству. Прощайте! просимъ! за кѣлѣ, за соль благодарствую Иванъ Ильичъ, за ласки, Дарья Алексѣевна... И Никитишна, утирая глаза, пошла въ избу отыскивать свою шубейку. Иванъ Ильичъ молча кивнулъ головой на низкій поклонъ Лузки; Дарья Алексѣевна даже и не взглянула.

— Гдѣ же чай-то, матушка? опросилъ Барышниковъ, когда одинъ изъ уцѣлѣвшихъ стакановъ и спотри окрестъ него Ма-сѣ-т-

ту; онъ удивился, что въ стаканѣ была чистая, не замученная трава.

— Ты про траву-то, дружокъ, спрашиваешь? я ее всю вытряхнулъ въ мѣдникъ-то кушникъ, отбѣжала теща.

— Какъ же, что вы это съ Никитиной сдѣлали? что это за чай такой? Даже ни малѣйшей желтинки нѣтъ. Вѣдь, пилъ я чай и у Микиты на ярмаркѣ, и у Марфы Васильевны, и у Луки Герасимыча, чай что и чай, желтый, а это чистая вода. Какъ подать такой чай гостямъ. — ума не приложу; ужъ видно, вы что нибудь да не такъ состряпали?

— Право, дружокъ, я все такъ сдѣлала, какъ ты говорилъ; да еще для вѣрности Ульяну Михайловну про то спросила. Она велѣла положить траву въ чайникъ, я и положила.

— Погубили добрещо, погубили добрещо! говорилъ горестно Иванъ Ильичъ, мѣшая въ чайникъ ложкою, на которую падали чайные листочки, не могшіе придать водѣ и цвѣта, не только что вкуса.

— И связалась я, окаянная, не со своимъ дѣломъ, прикоснулась къ поганому зелью; да и тебѣ, дружокъ Иванъ Ильичъ, грѣхъ имъ православныхъ-то души пакостить, право—недѣло ты затѣялъ, говорила Дарья Алексѣевна.

Барышниковъ замолчалъ и, вставъ на порогъ горницы, помахивалъ опять Ульяну Михайловну; и она опять, какъ и прежде, вышла изъ-за стола во лавкѣ позади гостей.

— Что у меня съ чаемъ-то матушка сдѣлала? Не знаю, чтò и думать; посоветуй, родная Ульяна Михайловна. Чай, вишь, весь въ чайникъ вбухала, а толку нѣтъ: вода, чистая вода! щепталъ Иванъ Ильичъ за кавромъ Ульянѣ Михайловнѣ.

Ульяна Михайловна сперва поболтала ложкой въ чайникѣ, потомъ покачала головой и сказала: чаю-то вишь мало, а чайникъ большой, вотъ и не настоялось; да вѣдь траву-то не въ этотъ, понастоящему, чайникъ кладутъ, а въ фанфоровый. Есть у васъ фанфоровый чайникъ?

— То-то нѣтъ такого, Ульяна Михайловна, сказалъ хозяинъ.

— Что вы не сказали мнѣ? я бы изъ дому привезла. Да что теперь ужъ дѣлать? нечего — чай испорченъ, объявила гостя.

— Да и не нужно; провались онъ, проклятый; гостей и безъ его есть чѣмъ угостить, дружокъ, промолвила Дарья Алексѣевна.

— Чаю есть еще у меня, должно быть; развѣ домашніе ку-
ды его выбросили! воскликнулъ тревожно Иванъ Ильичъ, и бро-

селся въ герману; съ осторожностью поставивъ чайниковъ гостей, отворилъ поставецъ, всталъ на скамейку и съ самой дорожной полки досталъ изящную лакированную коробочку, потерпанную отъ времени, въ которой прятались горькіе чаи, а не потому назадъ привезенная тебѣ отъ Манеры. Онъ съ торжественъ явился за коверъ.

— Ужъ коли такъ, то вѣдь и бѣленый-то кувшинчикъ у насъ есть у дѣвца; лѣтомъ съ душишникомъ стоялъ, съ сахаромъ теща.

— Дуляша! Дуляша! кричалъ Иванъ Ильичъ, зная Дуляшину избу, гдѣ она разбѣивала сладкіе широгі.

— Авдотья! Авдотья! повторяла Дарья Алексѣевна.

Дуляша проворно прибѣжала на зовъ.

— Душенька, принеси чайничекъ, сказала Ульяна Михайловна.

— Чайничекъ изъ свѣтлицы, повторилъ хозяинъ.

— Бѣленькой кувшинчикъ, что у васъ лѣтомъ съ душишникомъ былъ, пояснила Дарья Алексѣевна.

На силу поняла дѣвушка, что отъ нея требовали. Въ избу побѣжала она въ свѣтлицу и возвратилась съ фаянсовымъ чайничкомъ, у котораго дужка была совсѣмъ отбита, а рыльце на половину. Крышка была совсѣмъ потеряна. Какъ и откуда попалъ онъ въ домъ Барышниковыхъ, никто изъ семьи не могъ этого сказать; вѣроятно, кто нибудь посторонній принесть захотѣлъ игрушки, когда еще Настя и Дуляша были маленькія. Какъ бы то ни было, но уже Ульяна Михайловна, не довѣрая никому, собственными руками принялась оттирать на немъ грязь и вытищать рыльцо, которое совершенно залило, приказавъ той порой подогрѣть большой чайникъ. Черезъ четверть часова было готово. Изъ вѣднаго чайника залилъ паръ, а фаянсовый ослепотѣвъ завареннымъ чаемъ былъ заботливо укутанъ ручникомъ. Дарья Алексѣевна принесла жбанъ съ краснымъ медомъ, и Ульяна Михайловна въ совершенствѣ показала свое искусство разливать чай. Потапъ разносилъ его на огромномъ подносѣ а гости пили, да похваливали, хотя чай давно потерялъ свой запахъ, а вкусомъ походилъ болѣе на ржавую воду, чѣмъ на чай, потому что настоящая коробочка, въ которой онъ хранился, порядочно заржавѣла.

За то ужъ Иванъ Ильичъ какъ благодарилъ Ульяну Михай-

лову, что она и себя, и его не ударила въ грязь лицомъ передъ гостями.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ гостей совсѣмъ чаю не пили; напримеръ Савишова обвинила во всеуслышаніе, что она басурманской травой души своей не осквернить, и ей вмѣсто чаю подавали кивиточку съ паливочкой.

— Вѣдь вотъ это дѣло-то бы Настю! Прости, что дорогую гостью побезпокоилъ; да какъ дѣвушку заставишь? Дѣло дѣтское, небывалое! Благодарствую за труды, Ульяна Михайловна, — говорилъ Иванъ Ильичъ съ низкимъ поклономъ, когда гости чай отпили.

— Рада служить и дружить, не въ службу, а въ дружбу, — отвѣчала также съ поклономъ Ульяна Михайловна, и отправилась на свое мѣсто.

Въ горницѣ сдѣлалось жарко. Женщины громко шекотали какъ сорочье стадо; пьюшіе ихъ останавливали и толкали подъ бокъ, говоря: лишнія бревны есть. При этомъ они пальцами указали на Настю. — Эхъ, батюшка! дѣвушки ничего не слышатъ, у нихъ ушки-то золотомъ завѣшаны, — отвѣчали каламбуристы. А между тѣмъ Настя слушала и краснѣла. Тогда такая мода была, чтобъ дѣвушки краснѣли; нынче дѣвушки надъ этой старинной модой сибѣются....

Настя вошла въ избу, чтобъ распорядиться накрывать на столъ. Лузиха сидѣла облокотясь на столъ и плакала; увидѣвъ Настю, она встала.

— За хлѣбъ, за соль благодарствую, дорогая непинница; прости, моя голубушка, — сказала она.

— О чемъ ты плачешь, Наталья Никитишна? спросила дѣвушка.

— Не видала я отъ тебя обиды, потъ родителя твоего; обидѣла меня Дарья Алексѣевна, Богъ ей плательщикъ; я пойду домой, моя лапушка! И Лузиха надѣвала свою шубейку.

— Погоди же, Наталья Никитишна, вотъ я тебѣ сладкаго пирожка отрушаю.

— Благодарствую! нѣтъ, — ужь и нехлопочи, довольна я вашимъ хлѣбомъ-солью; прощенья просимъ, — и къ огорченію Нasti, Никитишна съ низкимъ поклономъ вышла.

— Ужъ баушка найдетъ къ чему привязаться! Непремѣнно съ кѣмъ нибудь поссорится, или кого нибудь обидитъ, — думала огорченная Настя, накрывая на столы.

Иногда стоятъ горницы накрыты ризами. Гости могут сидѣть за столомъ; оловянная посуда сіяетъ, словно серебряная, огромный бочалъ стоитъ на почетномъ мѣстѣ; онъ ходитъ кругомъ только съ виномъ. Кромѣ тарелокъ и ложекъ, лежащихъ противъ всякаго гостя, посерединѣ стоятъ оловянные блюда съ кушаньемъ; съ блюдъ валитъ горячій паръ, и по три или по два человѣка съ обѣихъ сторонъ кушаютъ съ одного блюда. Противъ женщинъ сидятъ мужья, или чужіе мужчины только по старшинству; по колѣнямъ гостей растянуты браные ручники, два три и на четыре человѣка одинъ ручникъ, смотря по его длинѣ. Холодные гуси, поросята, а также и жаркое, — ставятся на столъ неразрѣзанные, и разрѣзывать, или рушать, поручается гостямъ мужчинамъ, кто помоложе и поодвѣе. Подносы съ рюмками и стаканами въ безпрестанномъ ходу. На концахъ столовъ стоятъ мѣдныя ядовы съ пѣнистымъ холоднымъ квасомъ, въ которыхъ плаваютъ мѣдные ковши. На столъ подаютъ три молодца старшіе прикащики, Потапъ, Фетинья и даже сама Дарья Алексѣевна. У Ивана Ильича подносъ изъ рукъ невыходитъ. Царь горой!

Ровно три часа продолжался столъ. Наконецъ кончился: приставленные скамьи загремѣли. Пошло цѣлованье, обниманье, благодарность за хлѣбъ, за соль, поклоны хозяевамъ, и столы исчезли. Гости всѣ опять усѣлись по своимъ мѣстамъ, и снова на столъ, покрытый клеенкою, появились пряники и орѣха.

— А не спѣтъ ли намъ хозяину и съ единокровнымъ чадоу его многая лѣта? спросилъ отецъ дьяконъ, обращаясь къ собранію.

— Спѣтъ, спѣтъ! споемъ, споемъ! раздалось нѣсколько голосовъ. И чрезъ минуту дьяконъ забасилъ:

— Господину Ивану Ильичу и единокровной дщери его Настасѣ Ивановѣ, многая лѣта!

— Многая, многая, многая лѣта! грянулъ хоръ гостей; даже женщины не остались и подтягивали тоненькими голосками. Всѣ пѣли стоя; хозяйнѣ съ дочерью также стояли среди горницы и широкъ кланялись. Потомъ пропѣли многолѣтіе Дарьѣ Алексѣевнѣ и всему дому. Старушка прибѣжала и также отдала широкій поклонъ. Потомъ попу съ понадѣй и каждому изъ гостей по дарю: имена вдовыхъ соединяли съ именами вдовицъ; имена тѣхъ, которые были безъ женъ, съ именами тѣхъ, которыя пріѣхали безъ мужей.

Гости одна за одной стали выходить въ сѣни прохолодиться. Кто выпивалъ стаканчикъ квасу, кто брусничной водицы. — и, пощекотавши между собою въ сѣняхъ, распросивши Дарью Алексѣевну, многоли дастъ ихня корога молока, давно лите.шлась, пожаловавшись на мужей и на свекровей, и похваставши смышленностью своихъ дѣтушекъ, входили въ горницу и садились опять на свои мѣста. Вышла и Марфа Васильевна; помахалась носовымъ платкомъ, вошла за коверъ и, тяжело опустившись на скамью, произнесла отдуваясь:

— Ухъ, какъ жарко! ужась какъ взорѣла; ну, какъ поживаешь, Дарья Алексѣевна! ухлопоталась ты сегодня, голубушка, чай, ногъ подъ собой не слышишь?

— Дѣло временное, отдохну; а ты не изволишь-ли, дружокъ, прохолодиться? сказала Дарья Алексѣевна.

— Пожалуй, стаканчикъ кваску.

— Полно, дружокъ! что квасомъ утробу палывать; черничной водицы прикусиѣ, дружокъ Марфа Васильевна. И хозяйка, наливъ большой стаканъ вишневой наливки, подала гостьѣ. — Откушай!

Марфа Васильевна вылебнула за одинъ духъ и не поморщилась, какъ будто пила въ самомъ дѣлѣ черничную водицу. Она величественно встала, зашумѣла юбкою и пошла въ горницу на свое мѣсто. Послѣ этого не разъ Иванъ Ильичъ подходилъ къ ней съ рюмочками, она даже и не глядѣла на нихъ (можетъ, эта желюзга поселяла въ ней къ себѣ презрѣніе), божась, что она и пила пить не въ состояніи и только губы прикладывала къ стаканчику съ медомъ. Немного погодя, Дарья Алексѣевна подала еще ей стаканчикъ брусничной водицы, и Марфа Васильевна также безотговорочно выпила, какъ и черничную воду. Многія изъ гостей охотницы были до черничной, брусничной и яблочной водицы, которыя имъ подавали не въ рюмкахъ, а въ стаканахъ.

— Не спѣть-ли намъ что нибудь духовное? спросилъ священникъ, обратясь къ собранію.

— Споемъ, споемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ, и священникъ затянулъ дребезжающимъ голосомъ какую-то стихиру; нѣкоторые изъ гостей пристали. Послѣ одной, пропѣта была другая; въ хорѣ сильно звучалъ голосъ дьякона. Потомъ смолкли; заговорили, — кому что въ голову пришло. Лукъ Герасимычу было чрезвычайно весело; онъ шурилъ глазками, съ удоволь-

строитъ смотрѣть на Настю, сжималъ руки въ шарикъ, гладилъ свои рѣдкѣющія волосы и подстриженную бородку, прищипывая губушконтъ и снисходительно улыбался, воображалъ, какая у него будетъ жена красавица. А что Настя будетъ его женою, онъ въ томъ и не сомнѣвался; особенно теперь, когда Иванъ Ильичъ по родному пригласилъ его къ себѣ.

Настала самая разгульная минута, — въ одномъ углу что-то ватагуля!

«Во саду-ли, въ огородѣ...»

«Дѣвушкагуляла» — грянули гости хоромъ. Свѣщенникъ, не желая слушать пѣсни, выбрался въ переднюю избу; за нимъ было пошли — совершенно сѣдой дядюшка безживотный Гаврило Семенычъ, но въ эту минуту съ уханьемъ и присвистомъ раздалась плясовая:

«Рюмочки по столу»

Покачиваютъ....»

Богобоязные люди были остановлены. Дядюшка съ просѣдью и съ бородавкой между бровями, подхватилъ чернобородаго брата, и пустились въ присядку, заткнувъ полы кафтановъ за кушаки. Савишна прихлопывала въ ладоши; братецъ, свысока смотрѣвшій и говорившій, взялъ мушкетъ съ тоненькимъ голоскомъ, и послѣдовали примѣру первой пары. Одинъ изъ молодыхъ гостей взялъ опорожненную ядову и билъ ковшомъ тактъ. У Луки Герасимыча горѣли ножки; онъ прищипывалъ и щолкалъ пальцами, но боялся пуститься въ плясъ, чтобъ не уронить себя въ глазахъ невѣсты. И вотъ — одинъ изъ гостей, замѣтивъ церемонность Живчикова, стиснулъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ и увлекъ на середину горницы. Уморительно было глядѣть, какъ Живчиковъ въ рукахъ силача дрыгался какъ муха, приподнятая на воздухъ, и болталъ своими тоненькими ножками. Савишна подхватила одну изъ молоденькихъ женщннъ и сдва не касалась потолка своими высокими кокошками, отъ сильныхъ прыжковъ.

— Ну-те, гости дорогіе! возьмите кто нибудь Ульяну Михайловну, а то намъ однимъ обизорко, да и она послѣ смѣяться надъ нами будетъ! кричала Савишна. И бритый братецъ подхватилъ Ульяну Михайловну, — и давай кружить. Напрасно кричала и рвалась степенная старушка: она волей или неволей принуждена была вертѣться; жалко было глядѣть, какъ тряслись ея низенькіе кокошки..

Въ это время оставивъ съ собой дядюшка подзвончикъ былъ ладъ руки дружи изъ гостей, а богобоязливаго Гаврилу Семеновича лѣпала Савишна, бросивъ свою подругу. Наврасно рвался онъ отъ этой женщины, собравъ послѣднія свои силы; она его не выпускала изъ рукъ, вертѣла его и сама вертѣлась. Жившій слышалъ звонкии голосаи плясую пѣсню; даже великолѣпная Марфа Васильевна прихлопывала руками, и уборъ на ея головѣ очень накренился на одну сторону. Но никто изъ гостей не осмѣлился потревожить ея съ мѣста, хотя прочіиъ гостей и силой поднимали и таскали за руки.

Въ это время Дарья Алексѣевна показала на порогъ съ подносомъ.

— Сестрица голубушка, поди-ко пройдишь со мною, крикнулъ румяный старичокъ, братъ Дарьи Алексѣевны, и цотанилъ ее за руку на середину горницы.

— Что ты, братецъ! что ты, дружокъ, вопила старуха, упираясь. И едва успѣла отдать подносъ одной изъ гостей, какъ уже плясала съ братцемъ, проклиная его на чемъ свѣтъ стоитъ, и на мѣстѣ вырваться.

— Задушилъ, погрѣлъ! отпусти, злодѣй! крестана тебѣ нѣтъ! сбѣгись, знать, передъ смертью! кричала Дарья Алексѣевна.

— Пусти душу на покаянье! щептала Ульяна Михайловна своему кавалеру.

— Экой воръ, разбойникъ! уморилъ! продолжала Дарья Алексѣевна, задыхаясь.

— Отними пожалуйста, отецъ дяконъ! вкупись въ спасенье! говорилъ Гаврило Семеновичъ.

— Приударь, приударь въ ядову-то, вотъ такъ! вотъ такъ! кричала Савишна.

И всѣ кружились, топали, скакали. То не была правильная пляска, а ужъ не знаю какъ сказать, какое-то бѣснованіе безъ всякаго толку. И вотъ Дарья Алексѣевна съ своимъ братцемъ, усталые, измученные, грохнулись о полъ, за нихъ запнулась Савишна съ Гаврилою Семеновичемъ и растянулись. Покуда барахтались падшіе, пѣніе стихло, ядова брошена; всѣ бросились ихъ поднимать. Стокнулись, запнулись, перепутались, и Дарья Алексѣевна ужъ совсѣмъ думала, что ей кончикъ приходитъ, потому что масса повалившихся гостей, старающихся услужить другъ другу, поднять другъ друга, непомѣрно ее давила. Кавалеръ ея былъ счастливѣе, — онъ откатился подъ столъ.

И вотъ всё встало; угаръ какъ будто вышелъ, всё отрезвилось; привалились пожиматься, обниматься, цаловаться, утѣреть въ расположении въ приязни. И братецъ Дарья Алексѣевны, привалился передъ сестрицею, такъ крѣпко её сжималъ въ объятияхъ, что Дарья Алексѣевна чуть ему глаза не выцарапала.

Въ это время по улицѣ мимо дому Барышниковыхъ прохаживался статный молодой человекъ; его манера плотно надвинута была на глаза. Не видя гостей въ окнахъ передней избы, онъ осмѣлился даже войти на дворъ. Нѣсколько лошадей, запряженныхъ въ простыя телѣги и крашенныя телѣжки, стояли на дворѣ; въ телѣгахъ спали кучера, дожидаясь своихъ хозяевъ. Молодой человекъ прокрадся къ старой избѣ и сталъ на крылечкѣ, которое приходилось противъ оконъ задней горницы. Всякая мелькнувшая въ окнѣ женщина, ему казалась Настей.

Гости, пожелавъ другъ другу всевозможныхъ благъ, принялись за прощальную чарку; а гости вереницей бросились въ переднюю избу отыскивать свои шубейки.

— Отпустите Настеньку ко мнѣ, говорила Марфа Васильевна, прощаясь съ хозяевами: — пусть она у меня погоститъ. Иванъ Ильичъ благодарилъ и низко кланялся.

И вскорѣ гости разъѣхались, и разошлись. Огни въ домѣ Барышниковыхъ погасли, а хозяева громко захрапѣли; одна только Настя не могла уснуть почти до свѣта.

На другой день утромъ Груня, племянница Лузихи, принесла къ Барышниковымъ три стакана, наполненные сотовымъ лучшимъ медомъ, которые Дарья Алексѣевна приняла съ радостью.

IX.

Вмѣсто упавшаго крыльца, къ избѣ Степана Петровича было пристроено новое; вмѣсто худаго заборишка и вышибенной калитки, стояли новыя ворота; а на дворѣ дойная корова—утѣха Ирины Михайловны; словомъ, дворикъ Степана Петровича былъ какъ колечко; но самъ Степанъ Петровичъ не поправлялся: по ночамъ онъ метался въ сильномъ жару и бредилъ, днемъ лежалъ спокойно, не шевеля ни рукой, ни ногой, какъ будто крѣпко спалъ. Напрасно приходилъ къ нимъ беззубый Афанасьичъ, сторожъ Воскресенской церкви, въ качествѣ лекаря, появля

близкаго бунимей и нитой, мазаль его скипидромъ съ нестью припачивалъ голову виномъ, настоящимъ на разныхъ корешкахъ. Рубецъ отъ нагайки опалъ, синева пропала, но шумъ, жаръ и ломота въ головѣ больного чувствовалъ ежеминутно.

Добрый Степанъ Петровичъ не поправлялся. Давно онъ былъ особорованъ; предупредительная Ирина Михайловна ничего не забыла, что велить долгъ христіанскій. Старушка горько плакала, просиживая дни и ночи у постели больного.

Грустнѣли Гриша, приходя съ базара, гдѣ онъ переторговывалъ рыбою, и садясь у изголовья больного отца. Разъ какъ-то ошомился Степанъ Петровичъ и спросилъ:

— А гдѣ Григорій, — тутъ или шѣтъ?

— Я здѣсь, батюшка, отвѣчалъ Гриша.

— Ну, ладно; а я тебѣ вотъ, что хотѣлъ сказать: знать, я ужъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ, такъ ты мать-то не оставь, будь ей кормилецъ; да коли не хочешь жонмъ-то ремесломъ кормиться, избирай себѣ лучшее, Богъ тебя благословитъ; не будь, Гриша, никому обидчикомъ, будь добрымъ человѣкомъ, бери примѣръ съ меня; мать-то поразскажетъ тебѣ, какъ мы жили....

— Развѣ тебѣ больно худо, батюшка? спросилъ Гриша, не выговариваясь.

— Худо не худо, а что-то словно морозомъ всего обдало: старая кровь не грѣетъ, голову ломить, Гриша; свѣтъ меркнетъ въ глазахъ.

— Вынь, какъ тебя злодѣи отдѣляли, моего голубчика, веселякнула Ирина Михайловна.

— Ну, роптать не надобно, Михайловна, сказалъ больной и потомъ прошепталъ: *«любите.... враги ваша.... благословите кланущія васъ...»* И повернувшись къ стѣнѣ, опять закрылъ глаза. Лавнада горѣла передъ образомъ; сальный огарокъ нагорѣлъ. Гриша отошелъ къ столу и сѣлъ, опустивъ голову на руки. Ирина Михайловна, сидя у изголовья сожителя, задремала; только тяжелое и прерывистое дыханіе больного прерывало тишину.

Вошелъ старикъ Афанасиичъ; Гриша почти его не замѣтилъ; старушка молча поклонилась. Афанасиичъ спалъ со свѣчки и въ это широкое двоя пальцами и отбрасывалъ свѣтильну далеко; потомъ поднесъ огарокъ къ лицу больного, взглянулъ на него, толкнувъ локтемъ Ирину Михайловну; она въ испугѣ всколыхнулась.

— Больше плохъ Степанъ Петровичъ! спазмы! съ тихонько Григорій также подошелъ къ постели.

Степанъ Петровичъ какъ будто услышалъ свое имя, онъ открылъ глаза, поведя ими не разбѣ и, опять закрыть ихъ, едва слышно сказалъ:

— Темно стало.... наутъ.... наутъ, засвѣчайте свѣчки.... Лицо его сдѣлалось чрезвычайно блѣдно; онъ опять отиралъ глаза, но они были уже совершенно мутны, и двѣ пружины слезы выкатились изъ нихъ и остановились на щекахъ.

— Свѣтъ ты мой! знать ты насъ совсѣмъ оставилъ? завопила Ирина Михайловна.

— Батюшка, благослови! воскликнулъ Гриша, бросаясь слезами передъ отцомъ на колѣни.

— Богъ благос....лов....

И не договорилъ Степанъ Петровичъ.

— Отходить, отходить!... гдѣ ладанъ? говорилъ Афанасій, и снявъ съ полки свой псалтирь, началъ читать отходныя молитвы.

Покуда Ирина Михайловна раскуривала на черепочкѣ ладанъ, Степана Петровича уже не стало. Онъ лежалъ въ томъ же положеніи, лицо не измѣнилось, только грудь перестала вздыматься.

— Другъ ты мой, Степанъ Петровичъ, на кого ты меня покинулъ! съ неразумнымъ молодымъ дѣтищемъ! — заголосила Ирина Михайловна, увѣрившись, что умиں сожитель ея преставился.

Гриша долго стоялъ на колѣняхъ, закрывъ лицо руками; рыданія разрывали его сыновнюю грудь, какъ вдругъ въ сѣняхъ раздавалось пѣніе: Вѣчная памяти! вѣчная памяти! — и въ пѣбу вошелъ Кузьмичъ.

— Скоро дядя отправился въ дорогу, и меня не хотѣлъ пождать! смотри же, братъ Петровичъ, вспомни, какъ тамъ тебѣ за столъ посадять, вспомни Кузьмича, говорилъ онъ сѣбячливо.

— Навророчилъ ты, Петръ Кузьмичъ, кончину Степану Петровичу; еще бы надобно пожить ему, другу милому, — говорила Ирина Михайловна.

— Глупа ты болыю, баба старая! досадно тебѣ, что гость домой ушелъ, да тебя не взялъ; а у тебя, Михайловна, народомъ мало; зуда въ худомъ рубищѣ не пускають. Полно аустоего родить, давай-ко лучше бѣлую рубашку; я надѣшу на гостя до-

рого. А вотъ я ему и лапотки принесъ новенькіе, и Петръ Кузьмичъ отвязалъ отъ своего пояса новые лапти.

Черезъ нѣсколько минутъ, Степанъ Петровичъ, прибранный Кузьмичемъ, въ бѣлой рубахѣ и въ новыхъ лаптяхъ (39) съ расчесанной серебристой бородой и съ сложенными крестомъ руками, лежалъ на широкой лавкѣ подъ святыни. Въ головахъ Афанасій читалъ псалтирь, а въ ногахъ сидѣла овдовѣвшая Ирина Михайловна и голосила.

— Подкосились твои скорыя поженъки, опустились твои бѣлыя рученьки, закрылись твои очи ясные! нѣтъ имъ гласа, ни диханія, не промолвишь ты со мною слова ласковаго, не пощучеши меня за столомъ! Кто меня, дряхлую, досмотритъ! Кто меня въ болѣзни провѣдаетъ? Кто сироту младого уму разуму поучитъ? Батюшка ты мой, Степанъ Петровичъ! думала ли я съ тобой разстаться, сожитель мой милый, ой, ой, ой!—потомъ, обратясь къ Гришѣ, сказала: — баранье плечо на похороны надобно купить, изюмцу, да медку въ панасиду.

Гриша сидѣлъ поодаль; слезы обильно струились изъ его глазъ, онъ не слушалъ своей матери и тихо говорилъ:

— Батюшка, батюшка! и тебя не стало, родной ты мой! и ты насъ покинулъ!

Возвратился вышедшій на минуту Кузьмичъ.

— Возьми ты, голубчикъ Петръ Кузьмичъ, рубаху—то, что спалъ съ покойника, да и поминай его!—проговорила Ирина Михайловна.

— Ты изъума выжила, Михайловна! нужна больно мнѣ рубаха съ умершаго! я еще не хочу умирать. Подари его, беззубаго чтеца; небось, радъ будетъ,—отвѣчалъ Кузьмичъ.

— Инъ какъ хочешь, родимый, коли спесивнишься.

— А ты о чемъ это речешь, Иринушка? погляди—ко лучше на жениха-то своего; вишь, борода словно серебро разсыпалась по груди! я его словно князя сварядилъ въ вѣчныя хоромы. Петровичъ-то встрѣтилъ гостю, не пристыдилъ себя. Какъ-то мы ее встрѣтимъ?—говорилъ Петръ Кузьмичъ.—А ты, дитятко, о чемъ плачешь? объ отцѣ нечего плакать, плачь—ко лучше о себѣ. Всякому свое, Григорыюшко! промолвилъ онъ, обратясь къ Гришѣ.—Жаль мнѣ тебя!

— Спасибо, добрый человекъ, что ты меня жалѣешь,—отвѣчалъ Гриша, утирая глаза краснымъ платкомъ. Я и до сей поры тебѣ спасибо не сказалъ, за то, что ты меня отъ смерти изб...

— Те!... жно-старое помашеть, тому глазъ вонъ, — прерываетъ Кузьмичъ. — А хорошо ли, сподручно ли объ одномъ глазѣ жить; намъ и съ двумя-то ваша бражня часто приного пути не видать. да знай забирается въ сторону, и все влѣво, поколѣ въ дремучемъ лѣсу не заблудится, либѣ въ болотѣ по горло засядетъ.

На другой день были похороны Степана Петровича. Передъ сосновою колодею, вѣчнымъ домомъ отшедшаго, шелъ причтъ церковный, за гробомъ вели подѣ руки рыдающую Ирину Михайловну — съ одной стороны Луиза, съ другой одноокая Фетимья. Григорій часто утиралъ глаза краснымъ платкомъ; босой Петръ Кузьмичъ шелъ подлѣ Гриши, поднимая, какъ гусь, покраснѣвшія отъ стужи ноги. Афанасьячъ неси панахида. Толпа свѣдѣй заключала процессію.

За похороннымъ столомъ, всѣ родные и знакомые Степана Петровича сытно покушали блинковъ и киселька съ медкомъ, и вѣрсто, что Богъ послалъ, и разошлись по домамъ, разсуждая о томъ, какъ плавалъ объ-отцѣ Григорій Степанъчъ, и мать теперь станетъ безъ старика поживать Ирина Михайловна.

Забывая настоящее горе, Гриша сколько разъ порывался спросить Фетимью о здоровьи Настасьи Ивановны, но зная ея глухоту, тихонько сдѣлать вопросъ онъ не осмѣлился, а вслухъ не было никакой возможности.

Былъ уже поздній вечеръ, а Ирина Михайловна, сидя въ углу опустѣвшей избы, горько плакала; въ другомъ углу Гриша, подперши голову руками, глубоко вздыхалъ.

Передъ образами Афанасьячъ монотонно и нѣсколько приглушенная, читалъ: *«Блаженни, иже отпустишися беззаконіи и мѣже прикрываша грѣси»*.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Степана Петровича, часовъ въ 11-ть утра, въ передней избѣ Ивана Ильича сидѣла Ирина Михайловна, уже не въ кумачномъ, а, какъ вдова, — въ синемъ кнѣзичьемъ сарафанѣ, съ чернымъ платкомъ на головѣ; съ ней, поджавъ руки подъ мышки, разговаривала Дарья Алексѣевна, рассказывая про болѣзнь и смерть Степана Петровича. У дверей-справа стоялъ Гриша. Дарья Алексѣевна порою взглядывала на него; его лицо казалось ей знакомо, но она не могла припомнить, гдѣ его видѣла.

Душата въ ней сидѣла по избѣ, поглядывая украдкой на Григорія; еще его узнала, но не могла признать, зачѣмъ онъ пришелъ, спросить не а тамъ-а вотъ бабушку не сидѣла.

Вотъ приирая къ лавкѣ доней обидѣти Иванъ Ильичъ; онъ вошелъ въ избу, повѣсилъ шапку и руками на савишникѣ и покланялся на всѣ стороны. Ирина Михайловна и Гриша отбѣжали по низкому поклону.

— Здорово, Михайловна! Ну, что ты? и старика своего скаранила? а старикъ-то добрый, царство ему небесное, — сказала ласково Иванъ Ильичъ, отвѣчая на нѣхъ поклонъ.

— Да, батюшка Иванъ Ильичъ, оставилъ меня Степаниъ Петровичъ вдовой горе мыкать; не могу-то его, голубчика, безъ слезъ вспомнить, заглаживая отаѣчала Ирина Михайловна.

— Что дѣлать, Михайловна! рано ли, поздно ли всѣ тамъ будутъ; а это что за молодецъ? спросилъ Барышниковъ, указывая на Гришу.

— Это сыпишка нашъ, батюшка,

— А! что въ Астрахани-то жилъ?

— Да, мой родимый, вотъ остался сиротой молодецъ, двадцатый годочикъ идетъ. Вотъ и пришли мы, батюшка Иванъ Ильичъ, къ твоей милости поклониться. Кланяйся, Гриша, — и при этомъ словѣ Ирина Михайловна повалилась въ ноги Ивану Ильичу. Гриша, слѣдуя примѣру матери, тоже молча бухнулся, стукнувшись лбомъ о полъ.

— Что ты! что ты, Михайловна! что за поклоны, воскликнулъ Барышниковъ, отскочивъ въ сторону.

— Не оставь, отецъ родной! Крестъ Бога на тебя только и надежда наша, говорила Ирина Михайловна со слезами.

— О чѣмъ же преснишь ты, Михайловна? садись на лавку, спросилъ Иванъ Ильичъ.

— А вотъ, мой батюшка! сыпишка-то мой остался послѣ отца молодецъ, тоже одному на Волгѣ управиться трудно, надо работника; ловъ нынче плохой, прокормить меня старуху люблю, да и обзавестись, можетъ, захочетъ. Нѣшто мы со старикомъ ужъ доживали кой какъ, только, только-что сыты были, а когда и съ голодомъ пополамъ; а онъ только жить начинать, такъ вотъ и пришли мы къ твоей милости: лавочъ у тебя не одна есть, Иванъ Ильичъ, не принешь ли и моего парнишку? Живутъ же у тебя прикишки. Все бы худо-то онъ у твоей милости не научился; не оставь насъ, сирота! Гриша, кланяйся! Ирина Михайловна и Григорій опять повалились въ ноги.

— Что ты мнѣ кланяешься, Михайловна! лучше Бату этого поклонъ отдай. Не знаю, годится ли мнѣ твой сынъ? А что, моло-

дети, что ты въ Астрахань-то подымался спросить. Иванъ Ильичъ, обращаясь къ Гришѣ:

— Въ Астрахани я живу у дядюшки, а дядюшка: торговецъ коренной и свѣжей рыбой, ловъ у него своей была, робке съ молоткомъ отбивалъ Гриша.

— Ну, вотъ видишь, какой же ты смѣлѣе въ лавскомъ ряду? аршина въ руки взять не умѣешь, штуку отъ штуки не отащивши? А вотъ одинъ торговецъ въ рыбномъ ряду отдалъ мнѣ за деньги свою лавку, и стоитъ она затворенная съ годъ, думаю я давно рыбой поторговать, да молодца такого подъ рукой не было, чтобы въ эту лавку посадить; твое дѣло былое.

— Будь отецъ родной! Кланяйся, Гриша! сказала Ирина Михайловна, — и опять бухъ въ ноги; — заставь вѣчно Бога за себя молить.

— Это дѣло мнѣ сручное, Иванъ Ильичъ, и моли твоя милость будетъ, то я готовъ служить по гробъ моей жизни, говорилъ Гриша нѣсколько сибѣе.

— Какъ будешь уметь, да послушавъ, да дѣло будешь дѣлавъ какъ слѣдуетъ, то я тебя не оставляю, лиходѣемъ тебѣ не буду. На первыхъ порахъ десять рублей въ годъ положу, а тамъ погляжу, говорилъ Барышниковъ.

На этотъ разъ, неожиданный приказаніи матери, Гриша самъ бухнулся въ ноги.

— Не кланяйся! Какъ тебя звать?

— Григорьевъ.

— Не кланяйся, Григорій! Ну, ты куда положи; съ Кузмы-Демьяна я открою лавку-то, куда будешь жить у матери, а тамъ погляжу.... Всякій вечеръ ты будешь приносить мнѣ ключи отъ лавки и вырубку, а утромъ заходи въ намской рядъ, ключи я стану выносить. Согласенъ ли?

— Отецъ родной! сказали въ одинъ голосъ мать и сынъ, и опять въ ноги.

— Дай тебѣ, Господи, здоровья, Иванъ Ильичъ, утирая слезы, говорила Ирина Михайловна.

— Добро, добро! а ну-ка, матушка, накрывай на столъ, сказалъ Иванъ Ильичъ, обращаясь къ тещѣ.

Дарья Алексѣевна стала хлопотать около стола. Гриша съ матерью, много раскланявшись, отправились домой. Какія сибѣе надежды зацѣпила въ души молодца.

Душана; удивлялись, что этот разговоръ, до сихъ поръ побывавъ въ спорѣ и недоумѣннѣ, разсказала Настя. Настя улыбалась своєю слезы. Мамин свѣтлан надежда задрѣла въ сердцѣ дѣвчине!

Мясобѣдъ пришелъ; наступили Филиновы.

Лука Герасимычъ встрѣтилъ Луизу на базарѣ.

— Ну, Наталья Никитишна, еще мясобѣдъ пришелъ, а ты все еще мнѣ не сосватала невѣсты, сидишь одна.

— Мясобѣдъ еще другой впереди, да и не одинъ, а много, отбѣчала Никитишна: — а коли твоей милости безотвѣдно въ прошлый мясобѣдъ обзакониться хотѣлось, такъ прислалъ бы за мною, и я бы явилась передъ тобою, какъ листъ передъ травой, Лука Герасимычъ.

— Сажусь за усердіе, Наталья Никитишна! да плохо ловими, — нѣтъ все пойдетъ рыбка на удочку!

— Про кого это твоя милость говорить?

— Да про Барышниковыхъ.

— Твоеу! да развѣ геродъ илиномъ сѣхолося, что ли? Развѣ уми только и шевѣсть, что Барышниковъ? Я найду десять лучше ся, коли твоей милости угодно.

— Ну, извѣра, Никитишна! десяти-то невѣсть въ геродѣ лучше Натасѣ Никитишнѣ и не смѣешь. Да что мнѣ они, Богъ съ ними. Жениться, такъ жениться, во что ни стало на Барышниковой; а не на ней, такъ и ни на комъ! сидишь рѣшительно Живичиновъ.

Хитрая старуха поняла, что съ Лукою Герасимычемъ болѣе толковать нечего, его не переубѣдишь; но опустить такого богатого жениха изъ рукъ ей не хотѣлось. Вѣдь другая сваха ему поможетъ, — и Барышникову сосватаетъ, и вырветъ у нея просто кусокъ изъ рта. «Охъ, Дарья Алексѣевна! сердце не воротится въ свою домъ идти, надосадила старый бѣсъ», думала Луиза.

— Сватай, Никитишна, въ накладъ не будешь, прибавилъ Лука Герасимычъ.

— Уже развѣ еще помытеть счастья? Правда, что Настенька еще молода, потому можетъ отецъ и отказывалъ?

— Можесть; сватай! такой тебѣ мнѣ надъ шубейку подарю, что все замедлится будутъ! (Живичиновъ торговалъ мѣхами);

— Благодарствую, Лука Герасимычъ! Хорошо, постарался! Прощенья просишь. Сваха и женихъ разстались.

Лузика видѣла, что если не хотѣть она сдѣлать изъ бѣды это святошество, то куда прашду къ Дарьѣ Алексѣевнѣ надѣясь спрятать поглубже, и нарушю съ ней примиреніе. И вотъ, въ первое воскресенье послѣ разговора съ Живичиковымъ, она, увидѣвъ въ церкви Дарью Алексѣевну, подошла къ ней, расцѣловалась и поздравляла съ праздникомъ. Дарья Алексѣевна, получивъ прекрасные стаканы съ медомъ, успокоилась и не ощущала въ сердцѣ никакой досады на нее.

Для черезъ два, Лузика, будто ниоткуда, зашла и въ домъ Барышниковыхъ. Ее приняли, какъ и прежде, и съ обѣихъ сторонъ не было и помину о недавней ссорѣ.

Съ этихъ поръ, Нинтишна, по-прежнему, завороте ходила къ Барышниковымъ и очень часто.

Между тѣмъ, Григорій давно уже торговалъ въ рыбной лавкѣ Ивана Ильича. Хозяинъ оставался доволенъ поминъ принащикомъ. Принося вечеромъ выручку и ключи отъ лавки; Гриша, по обыкновенію, если еще не прѣѣхалъ домой Иванъ Ильичъ, и то и другое отдавалъ Дарьѣ Алексѣевнѣ, и, постоявши у дверей, покуда старушка его спрашивала о матерѣ, отиравшаяся домой.

Настя въ это время обыкновенно подходила къ окну, и такъ какъ это было уже вечеромъ, то не ясно различала его фигуру, останавливающуюся на нѣсколько минутъ передъ свѣтлѣющей Григорій; зная, что еще прѣше принащики не бывали, заходя къ Фетиньѣ въ подклѣтъ и стороною навѣдывался о здоровьѣ своей возлюбленной.

Иногда дѣвушки будто случайно сходили внизъ къ его приходу, смотрѣли украдкой на молодца и толкали другъ друга локтями. Дарья Алексѣевна этихъ продѣлокъ не замѣчала; но Гриша все это видѣлъ и блаженствовалъ.

Такъ шло время: Дуниша стала гораздо снисходительнѣе смотрѣть на любовь Насти, не мучила ее утѣшеніями, заглядывая порою и сама съ удовольствіемъ на Григорья. Да и чему не интересоваться было такимъ молодцомъ! Красивъ, статенъ, молодъ, всегда чистъ, даже щеголовато одѣтъ! Учить и спрашивать, чего же нѣтъ было болѣе требовать? Чего бы хотѣть богаты? Не сердце съ расчетомъ никогда не бывало на мѣлочи.

Рождество прошло; настали святки. Однажды Фетинья, идя изъ дому съ дѣвочками къ свѣтлѣющей, сказала имъ:

— Да что же вы не загадываете о женихѣхъ? Охъ вы, дѣвочки, никакими-то дѣвичьими играми не поиграете! Что за время нынче стало? Бывало, какъ я у Дубоносовыхъ жила, найдешь къ намъ гостить боярышню тѣмъ-тѣмущая, святки-то настанутъ, дынь коромысоловъ, да и только. А насъ, дѣвокъ, извѣстно, то съ башмаками за ворота посылають спрашивать прохожихъ, какъ зовутъ, — такъ знаешь и жениха звать будутъ; то велеть изъ конюшни лошадей вывести. Завяжемъ глаза, положимъ дугу на землю, водимъ, водимъ, кружимъ ее по двору и пустимъ. Какъ войдетъ, да задѣнетъ за дугу, вотъ той дѣвицѣ, которая загадывала, и быть тотъ годъ выданой. Что сѣбуху, батюшкинъ свѣтъ! То возьметъ которая, положить въ стананъ кольцо, да и пошлетъ зачерпнуть сѣбуху подъ веревей; принесешь, — смотреть, у иной накрутъ кольца чернѣйшій волосъ обвѣстятъ, у другой рыжій, у иной сѣдой, значить за сѣдаго старика выдать. Тутъ-то хохотъ поднимется. Крикъ, хоть уши зажди! А нынче что за дѣвицы стали? словно старухи незамужнія.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, Настя, не загадать ли намъ? сказала Дуня.

— Полно; баушка узнаетъ, бранить будетъ. Вѣдь грѣхъ, отвѣчала Настя.

— Ну, ужъ и узнаетъ! Можно такъ сдѣлать, что не узнаетъ. Вѣчно баушки трепещетъ.

— Ну, да что же мы станемъ дѣлать? Лошадь вывести нельзя, всѣ узнають: Потанъ разболтаетъ, прикащики выйдутъ на дворъ, и послѣ до баушки дойдетъ.

— Поглядѣли бы хоть на мѣсяцъ въ зеркало; сколько мѣсяцевъ покажется, столько и семи будетъ, проговорила Фетинья.

— Тутъ еще хуже! вѣдь въ зеркало глядѣть надобно на перекресткѣ: баушка скажетъ, что не хорошо за ворота бѣгать. Это было сказано Настей такъ громко, что услышала Фетинья.

— А чего лучше, голубушки, какъ въ старой избѣ на столѣ собрать, да суженаго въ гости позвать? Идти туда, какъ Дарья Алексѣевна свать уляжется, и никто знать не будетъ. А суженаго-то лицомъ къ лицу увидишь.

— Страшно, проговорила Дуня.

— Страшно, повторила Настя.

— Охъ вы, трусихи! да чего бояться? пожалуй, я съ вами посижу, да какъ сдѣлать поучу. Я помню у Дубоносовыхъ взятушка глядѣла и видѣла своего суженаго, какого-то ахфицера.

Вѣдь прїѣхалъ изъ Петрова, да и спалъ на ней, повѣрила Фетинья.

— И въ самомъ дѣлѣ, поглядимъ, Настя? сказала Дуняша: — вѣдь въ зеркало, Фетинья, надобно глядѣть?

— Вѣстине въ зеркало! Да я ужь научу васъ.

— Когда же?

— На Васильевъ день всего лучше.

— Ну, что ты скажешь, Настя?

— Страшно, Дуняша, ну да коли ты хочешь, помай—пождалуй.

— Нѣтъ Настя, ты старшая, ты прежде пачинай, а послѣ я.

Итакъ, между дѣвцами и Фетиньей положено было, что въ вечеромъ, наканунѣ Васильева дня, собрать въ старой избѣ столъ и попросить суженаго Настасьи Ивановны откусать хлѣбасов.

На другой день послѣ этого, Дарья Алексѣевна съ обѣими дѣвцами отправилась къ Ульянѣ Михайловнѣ. Иванъ Ильичъ прямо изъ лавки вечеромъ отправился за ними; молодыя пришли одни и лежа на полатяхъ цѣлый вечеръ пѣли пѣсню. Фетинья, на всемъ просторѣ, устлалась въ передней избѣ ушивать старый свой сарафанъ, украшая его разноцвѣтными заплатами. Грица по обыкновенію принесъ ключи и выручку. Узнавъ отъ Фетиньи, что всѣ хозяева въ гостяхъ, онъ сѣлъ съ ней потарабарить, и вынулъ изъ кармана калачъ и пряникъ, которые несъ къ матери. Положивъ гостинецъ на столъ и зная глухоту Фетиньинъ, онъ кричалъ ей надъ самымъ ухомъ.

— Не обезсудь, баушка Фетинья! какъ тебя по отчеству звать?

— Прохорова, голубчикъ мой, отвѣчала она, усмысливъ вопросъ.

— Возьми гостинчикъ. Давно хотѣлъ тебя попотчевать: нинѣ ты какая вожоватая, — все со мной поговоришь о чемъ нибудь, какъ приду. Люблю я этакихъ старушекъ.

— Охъ, мой желанный! спасибо тебѣ, что мной, некорыстной старухой, не гнушаешься, а я отъ сердца тебя жалю. Вѣдь ты сиротка. Оставилъ васъ съ матушкой Степанъ Петровичъ.

— Ну, что дѣлать, царство небесное батюшкѣ; теперь мнѣ Богъ послалъ Ивана Ильича, словно отца роднова.

— Эхъ, Григорій Степанычъ! а я вотъ такъ тебя люблю, все и думаю, и Бога молю, кабы онъ, Творецъ Милосердный, умаг-

чуть бы оцѣ сердце хозяина, — возлюбилъ бы тебя Иванъ Ильичъ, да Настасью Иванову и выдалъ бы за тебя, мой голубчикъ.

Въ жаръ бросилъ Григорья отъ этой рѣчи; онъ вспыхнулъ и не зналъ, что отвѣчать; потомъ, опомнясь, вздохнулъ и улыбнулся грустно.

— Что ты ухмыляешься? мало ли какія дивы на свѣтѣ совершаются; въ мірѣ, что въ морѣ, только богатства-то Господь тебѣ не далъ; а чѣмъ ты не женихъ Настенькѣ? Собой, что ли, не взялъ? Поглядишь, и богатые-то женихи, только что богатство-то, а то ни кожи, ни рожи, да иной и дуракъ набитый; только что спесивъ. А чѣмъ спесивится? отецъ нажилъ, а онъ рожу воротить, пось къ верху дереть. Эхъ, батюшка! великъ Богъ милостью!

— Гдѣ ужъ намъ, голышамъ, думать о богатыхъ невѣстахъ, Фетинья Прохоровна. Да хотъ, положимъ, Иванъ Ильичъ и явилъ бы такую Божескую милость, такъ родные, совѣтчики разобьютъ: да и сама-то Настасья Ивановна, можетъ, погнушается? — сказалъ Гриша.

— Что правда, то правда Григорій Степанычъ! Ужъ на совѣтчиковъ-то нашихъ печего надѣяться! Дарья Алексѣевна первая наровить внучку за Живчикова. А что, Живчиковъ? и худо, и мало; двухъ женъ пережилъ. Вѣдь Настенькѣ въ отцы годится! Да и жоны-то, кто знаетъ, можетъ и отъ его рукъ въ сыру землю пошли? Вѣдь, родной ты мой, часто и черезъ золото слезы катятся! А ужъ за Настеньку-то поручусь, она голубица безотвѣтная, за кого родитель благословить, за того и пойдетъ.

— Лясы мы съ тобой точимъ, Фетинья Прохоровна: ужъ не быть-то этому, да и не бывать, и думать о томъ невозможно! — отчаянно сказалъ Гриша.

— Невозможно только на небо влѣзть, Григорій Степанычъ! отвѣчала Фетинья.

Гриша задумался. Старуха своими рѣчами разшевелила въ его сердцѣ неясныя надежды и желанія, которыя онъ считалъ несбыточными.

— А вотъ Васильевъ вечеръ все окажется, кто суженый, ряженный Настасьи Ивановны! Этакія нынче, родной, дѣвицы-то стали! не то, что въ наше время, всего бояться, и играми-то дѣвическими не играютъ; на силу я уговорила Настеньку загадать, въ пустую старую избу суженаго позвать хлѣба-соли откушать, — продолжала Фетинья.

— Отъ, не жми ты мое сердце. Фетинья Прохоровна! кабы знала ты да вѣдала, что тутъ? — сказала Грisha, уназывая на грудь. — Давнымъ давно ретивое-то мое зазнобила Настасья Ивановна, коли я еще не зналъ, кто она такова, чьего роду и племени. А кому горе откроешь? молчи про себя, да думай душу съ подушкою. Лучше-бы вотъ такъ живой въ могилу и легъ! — Грisha говорилъ такъ восторженно, такое истинное, горячее чувство слышалось въ его голосѣ, что чувствительная Фетинья проследила за нимъ.

— Знаемъ мы зазнобы-то эти, сами молоды бывали, — сказала она: — авось, можетъ, чего и не думаешь, не гадаешь, а сбывается.

— Хотѣлось бы мнѣ узнать, приду ли я на умъ Настасьѣ Ивановнѣ хоть не нарочно, когда нибудь?

— Умюта я ее вывѣдаю, такъ — обинякомъ; она, моя голубонька, ничего отъ меня не скрестъ. Знаю только, что ей за Живчикова-то крѣпко не хочется.

— Ужъ лучше не говори ей ничего, Фетинья Прохоровна: дѣвица рѣдко правду скажетъ. Хотѣлось бы мнѣ самому ей два слова сказать, только два слова, а тутъ и бѣжать — куда глаза глядятъ, коли она на мои слова ласковыя разсердится. Давно о томъ я думаю, да когда и гдѣ такую минуту улучишь? Хотѣлъ тебѣ о томъ покучиться: навести меня на такой случай, чтобы мнѣ ее ненаглядную одну гдѣ увидѣть, да и высказать все, что на душѣ и на сердцѣ. Ужъ сказалъ бы я тебѣ спасибо; не обижена бы ты у меня была во вѣки вѣковъ, пока голова моя на плечахъ держится! Ей-Богу такъ!

Фетинья задумалась.

— Да гдѣ и какъ улучить намъ часъ такой? Здѣсь отъ дѣвицы Дарьи Алексѣевны не отходить, а въ свѣтлицу забраться тебѣ, тоже попадешься ей! Ума не приложу.

— Похлопочи о томъ, родная ты моя; готовъ тебѣ въ ножки поклониться. — И влюбленный исполнилъ бы это, если бъ старуха его не удержала.

— Что ты, касатикъ мой! безъ поклоновъ твоихъ готова для тебя все сдѣлать. Вотъ развѣ что; какъ Настя пойдетъ на Васильевъ день глядѣться въ старую-то избу, развѣ тебѣ пораньше туда забраться? да вѣдь боюсь — переполошится, моя пташка.

— Будь мать родная, Фетинья Прохоровна! по гробъ твоей услуги не забуду!

— Хорошо, дитятко, такъ и бить, смастерю какъ нибудь, только натрий, языкомъ шели, а рукавъ воли не давай! я сама тутъ неотступно буду. Настя мнѣ всего на свѣтѣ дороже, всёхъ твоихъ посуловъ, сказала Фетинья твердымъ голосомъ. Григорій хотѣлъ броситься на шею старухѣ и расцеловать ее, какъ въ эту самую минуту, подъ окнами, закричѣли полозья. Лошадь выринула и остановилась. Гриша отскочилъ отъ Фетиньи, бросился къ дверямъ, и едва переводя духъ отъ волненія, присѣлъ на ешии конецъ лавки, возлѣ дверей. Фетинья между тѣмъ съ величайшимъ хладнокровіемъ прииѣривала къ своему синему сарафану зеленую заплату. Дверь распахнулась, стужа съдымъ, прозрачнымъ клубомъ ворвалась въ избу, за ней вошелъ Иванъ Ильичъ, а за нимъ и Дарья Алексѣевна. Дѣвушки, смѣясь между собой, пробѣжали прямо къ себѣ на верхъ. Гриша всталъ и низко поклонился хозяину.

— Что ты, Григорій? дожидаясь меня? спросилъ Барышниковъ.

— Выручку принесть твоей милости,—и Григорій вытянулъ изъ за пазухи кожаную кису.

— Хорошо! Товару—то у тебя, Григорій, мало! Слава тебѣ Господи, въ Филиповки всю рыбу выбрали; только, братъ, остатковъ—то не хватитъ до поста, особливо какъ на масляную мужичье паѣдетъ? имъ, извѣстно, судачину подавай, а ея и нѣтъ. Не минуешь, Гриша, послѣ крещенья въ Нижній съѣздить за рыбой? Коли съѣдешь благополучно и все такъ будешь служить, какъ теперича, то вмѣсто десяти, пятнадцать въ годъ тебѣ положу, проговорилъ Иванъ Ильичъ, раздѣваясь.

— Радъ служить по гробъ твоей милости, лишь услуга бы по праву тебѣ была, съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Гриша.

— Знаешь Григорій, пословицу: ласковое телатко двѣ матки сосетъ. Найдешь въ себѣ, найдешь и въ себѣ; а я думаю то для тебя сдѣлать, чего ты и не ожидаешь, сказалъ Иванъ Ильичъ.

Гришу кольнула эта рѣчь въ самое сердце; онъ вздрогнулъ и не отвѣчая бухнулся въ ноги хозяину.

— Ну, не кланяйся! добро ужъ поздно, ступай съ Богомъ; тебя, чай, и мать заждалась сегодня.

Григорій отвѣсилъ всѣмъ по поклону, въ томъ числѣ и Фетиньѣ, которая собирала въ мѣшокъ свое тряпье.

— Чѣмъ нибудь, знать, хозяинъ хочетъ меня наградить? думалъ Гриша, идя домой: — чѣмъ бы это? Ужь не напирочила ли Фетинья? О, Господи!

— Я вотъ что мекаю, матушка: что вѣдь Григорій парень хорошій, прокормить Богъ дастъ жену? Я думаю женить его на Дуняшѣ?.. Она сирота; награжу, чѣмъ могу. пусть живутъ да Бога за насъ молятъ; да и дѣвку пристрою, покуда самъ живъ, говорилъ Барышниковъ по уходѣ прикащика.

— Какъ изволить, дружокъ Иванъ Ильичъ! свой ужъ царь въ головѣ. А прежде Настя Авдотью выдавать по моему негодится; черезъ вѣнецъ счастья не бываетъ: Настю прежде пристроить надобно, — отвѣчала Дарья Алексѣевна, складывая свою узорочную наметку и суковныя рукавички, опущенныя лисичею.

— Ну, погоримъ объ этомъ послѣ, а теперь, Фетинья, похлопочи объ ужинѣ, сказалъ Барышниковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Валу и ры, окружавшіе некогда Кремль, давно сражены; на ихъ мѣстѣ выстроены линіи табачныхъ и масляныхъ лавокъ и разведенъ бульваръ, стараніемъ г. губернатора Баумгартена.

(2) Подлѣтами назывался нижній этажъ домовъ, нѣсколько врытый въ землю.

(3) Базаренъ и до сей поры въ Костромѣ зовутъ собственно рынокъ, а не то—что сѣздъ продавцовъ въ день базарный или торговый.

(4) Мѣдный прудъ и теперь существуетъ близъ кузницъ.

(5) Волоковыми окнами называли боковыя крошечныя окошечки, которыхъ окончина задвигалась въ сторону, между тѣмъ какъ среднее, со створчатыми рамами, звалось краснымъ окномъ.

(6) Полица-полка.

(7) Повойникъ, мѣстное названіе бабьей кичи.

(8) Я видѣла купчую того времени, въ которой означалось, что одинъ изъ моихъ предковъ купилъ женщину дешевле означенной цѣны.

(9) Еще не далѣе какъ лѣтъ двадцать тому, въ Костромѣ, въ купеческихъ домахъ, всѣ отошедшіе на волю крѣпостные и оставшіеся при старыхъ хозяевахъ служить за жалованье, назывались рабами, между тѣмъ какъ вольнонаемные со стороны—работниками и работницами.

(10) Обувь, недавно брошенная крестьянками; она оторачивалась краснымъ сукномъ и подбивалась гвоздами

(11) Навина, — тонкій узкій холстъ.

(12) Домовище — гробъ, въ то время еще не тесовый, а выдолбленная изъ толстаго бревна колода.

(13) Тогда еще не было особыхъ кладбищъ за городомъ, и покойниковъ погребали на такъ называемыхъ погостахъ, т. е. въ оградѣ приходскихъ церквей.

(14) Въ дѣтствѣ я не разъ слыхала отъ стариковъ эту пѣсню; не знаю, напечатана ли она гдѣ?

(15) Трасучую лихорадку и теперь зовутъ въ простомъ народѣ кумохою.

(16) Верхняя Дебря, переименованная въ Верхнедебрянскую улицу, тянется отъ собора до самой Ямской. А параллельная ей набережная и до сей поры зовется Нижнею Дебрюю.

(17) Недоходя до рва, окружающаго Кремль, были въ то время раздвижныя рогатины, запирающія на ночь Верхнюю Дебрю, противъ самой церкви Іоанна Богослова, что на Кадеиной горѣ, и это мѣсто называлось Рѣшотки. Старики и до сей поры говорятъ, — напр: «Домъ такого-то въ Рѣшоткахъ.»

(18) Кикимора — созданіе народной фантазіи. Говорятъ, что этотъ духъ проназываетъ никакого зла не дѣлаетъ людямъ, но если которая пряха поставитъ свою пряслицу на ночь безъ молитвы, то кикимора вѣроятно явится, усердно щолкаетъ веретеномъ и не даетъ домашнимъ спать спокойно.

(19) Въ народѣ есть повѣрье, что будто домовой, котораго называютъ сселяю, душитъ соннаго челоуѣка, и сонный спрашиваетъ, нѣсколько опомнясь: къ добру или къ худу душишь меня, хозяинъ? и будто домовой отвѣчаетъ либо то, либо другое.

(20) Убрусами называли короткое полотенце, вышитое въ рѣшотку и даже вытканное, которымъ повязывали умершихъ женщинъ, завязывая концы подъ бородою.

(21) Колокольная Воскресенской церкви теперь стоитъ отдѣльно, пристроенная къ теплой Георгіевской церкви, но прежде колокольная въ видѣ круглой башни, современная постройкою самой церкви, возвышалась надъ папертью; почему ее сломали—неизвѣстно.

(22) Кокошки—мѣстное старинное названіе кокошника. Женщины, которыя переставали щеголять, носили низенькія кокошки; чѣмъ выше кокошки, тѣмъ щеголеватѣе.

(23) Истинное происшествіе, случившееся гораздо въ позднѣйшее время въ одномъ изъ отдаленныхъ концовъ города. Старикъ со ста-

рукою, запершись, отсиѣлись отъ незваныхъ гостей, которые, стучась, подломили крыльцо и уѣхали.

(24) Кружевомъ называлась особо вытканная шелковая тесьма по бѣлому фону красными цвѣтами, шириною въ вершокъ, иногда и шире, которою обшивались единственно кумачные и китайчатые сарафаны.

(25) Воеводскій домъ, по преданію, стоялъ близъ сѣверо-восточнаго угла соборной ограды, нынѣ существующей.

(26) Церковь св. Стефана Сурожскаго стояла со своимъ погостомъ почти на самомъ берегу Волги, и старожилы говорятъ, что когда въ весеннее половодье вода заливала весь берегъ, церковь осталась, какъ на острову, хотя мѣсто, на которомъ она стояла, нисколько не было возвышеннѣе остальнаго берега. Впослѣдствіи ее перенесли далѣе въ улицу. Но теперь весною волжская волна вымываетъ человѣческія кости на бывшемъ Степановскомъ погостѣ.

(27) Кто изъ русскихъ можетъ смотрѣть безъ умиленія на этотъ памятникъ древности отечества нашего, хранящійся до сей поры въ монастырѣ Ипатьевскомъ?

(28) Поднизь или рефить, изъ жемчугу вынизанная,—родъ кружева, которое покрывало лобъ по самыя брови и спускалось на виски.

(29) Кутень,—бумажная матерія въ родѣ канавата, красная, съ лиловыми или зелеными челноками, а иногда и полосами.

(30) Въ то время костромскія дѣвицы фаты или наметки уже не носили; вѣеры или опахала еще не были введены; но желая скрыть лицо отъ постороннихъ взоровъ, просто зажимались носовыми платками.

(31) Мостъ на Костромѣ рѣкѣ построенъ гораздо въ позднѣйшее время; прежде существовалъ перевозъ, какъ и черезъ Волгу.

(32) Ишанская улица, нынѣ Москвская; но всѣ жители зовутъ ее прежнимъ вѣковымъ именемъ.

(33) Безъ лапши прежде не обходился никакой званный столъ, именины, крестины и свадьба. Особенно на свадьбу, сзывая множество гостей, принимались крошить лапшу за нѣсколько дней.

(34) Лихоманка — ломогная лихорадка.

(35) Такъ какъ лавки во всѣхъ домахъ придѣлывались къ стѣнѣ и иногда не отодвигались, а столы стояли близко къ лавкамъ, то выйти изъ-за стола нельзя было иначе, какъ, вставши на лавку, пройти по за спинами сосѣдокъ. Мушны, кромѣ попа, который обыкновенно сидѣлъ въ самомъ углу подъ образами, большею частію сидѣли на приставныхъ скамьяхъ.

(36) Клѣтами — назывались кладовыя.

А. КОВАКОВА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХЪ ПРАВИЛЬНОСТЬ ДѢЙСТВІЙ ЧИНОВНИКОВЪ.

«Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые, съ Божіею помощью и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться.»

Собственноручная надпись Его Императорскаго Величества Александра II-го, на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ за 1853 годъ.

«Il est de l'intérêt du législateur, non moins que d'un chef militaire, de connaître le véritable état des forces, qui sont à sa disposition; éviter de jeter les yeux sur la partie faible, parce que l'aspect de cette partie faible donne peu de satisfaction, ce serait pusillanimité.»

Bentham.

Всякій человѣкъ имѣетъ свою особую дѣятельность. Правильность или неправильность этой дѣятельности, и отъ этого происходящая польза или вредъ для общества, зависятъ отъ нравственныхъ и матеріальныхъ условій, имѣющихъ на нее вліяніе. Напримѣръ, если для война необходима храбрость, знаніе своего дѣла и хорошее вооруженіе; то очевидно, что дѣятельность война, несоединяющаго въ себѣ всѣхъ этихъ условій, принесетъ не пользу, а вредъ государству: потому, если обнаруживаются недостатки въ дѣятель-

ности какого нибудь человека, то для устранения ихъ необходимо разсмотрѣть, какія обстоятельства обуславливаютъ его дѣятельность; это есть лучший, если не единственный, способъ отысканія причины зла и средствъ его искорененія.

Господинъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1855 годъ, замѣтилъ, что нравственность чиновниковъ «не всегда соотвѣтствуетъ видамъ правительствна.» Публика, литераторы наши, — отзываются далеко не въ пользу чиновниковъ. Зло, значитъ, существуетъ. Отчего же оно произошло, и какъ его искоренить? Вотъ вопросы, для разрѣшенія которыхъ разсмотримъ, что обуславливаетъ правильность дѣйствій чиновниковъ.

I.

НРАВСТВЕННОСТЬ

Священникъ, врачъ, чиновникъ, суть три лица, которыми известны самыя сокровенныя тайны между мужемъ и женой, отцемъ и сыномъ, обольстителемъ и его несчастной жертвой. Чиновникъ есть защитникъ невинности, гонитель насилія и самоуправства, блюститель нравственности. А можетъ ли эти обязанности исполнить человекъ безнравственный?

Показавъ необходимость нравственности, мы должны сказать, что ничто не можетъ такъ вкоренить правилъ нравственности въ человекѣ, какъ воспитаніе домашнее — материнское. — Какъ фундаментъ — основаніе зданія, такъ материнское воспитаніе — основаніе всей жизни человека: выученная въ дѣтствѣ молитва, ласки, наставленія матери врѣзаются въ человѣческую память, составляютъ отраду всей жизни, защищаютъ насъ отъ искушеній, и, какъ воспоминанія пламенной, чистой, безкорыстной любви, провожаютъ насъ до гроба. — Мать слѣдитъ за всякимъ чувствомъ, словомъ, дѣйствіемъ ребенка: за хорошее награждаетъ, за дурное наказываетъ. Въ публичномъ же заведеніи, при величайшемъ усердіи воспитателей, такое наблюденіе невозможно: публичное заведеніе можетъ образовать ученаго, но изъ безнравственнаго не сдѣлаетъ юношу нравственнымъ. Поэтому, нельзя найти словъ для выраженія благодарности, которою мы обязаны нашему мудрому Монарху за усиленіе домашнего воспитанія. Человѣколюбіе и нравственность въ Россіи будутъ вѣчными памятниками царствованія Александра II-го.

Но если для мужчинъ домашнее воспитаніе необходимо, оно необходимо еще для женщинъ: главное достоинство женщины быть хорошей матерью и хозяйкой. У насъ много прекрасныхъ женскихъ заведеній; изъ нихъ выходитъ множество умныхъ, образованныхъ дѣвицъ, которыя превращаются потомъ въ очень милыхъ и свѣтскихъ дамъ, но въ хорошихъ матерей и хозяекъ рѣдко. Мать, хозяйка не можетъ образоваться въ четырехъ стѣнахъ заведенія, только наставленія и примѣры собственной матери могутъ совершить это. Нужно ли послѣ этого говорить, какую пользу можетъ принести примѣненіе къ женскимъ воспитательнымъ заведеніямъ Высочайшій мѣры о мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ?

II.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Разносторонніе успѣхи Сената и Министерствъ нашихъ, съ увеличеніемъ ихъ людьми, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ могущественной силы образованія. Но если мы изъ столицъ перейдемъ въ губерскіе и уѣздные города, то съ прискорбіемъ увидимъ, что въ первыхъ чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ очень мало; во вторыхъ почти вовсе нѣтъ; что въ губерніяхъ эти люди не приобѣли, но настоящее время, правъ гражданства и считаются пришельцами, преградившими дорогу мѣстнымъ чиновникамъ. Все у насъ въ провинціи основано на правилѣ: «рука руку моетъ»; все общество раздѣлено на нѣсколько партій, которыя составляются и поддерживаются взаимнымъ родствомъ, дружбой или расчетомъ ихъ членовъ. Если открывается какая нибудь должность въ губерніи, каждая партія хочетъ помѣстить своего кандидата; поэтому очевидно, что, назначенный высшимъ начальствомъ, образованный чиновникъ вѣтъ имъ помѣка. Такимъ образомъ, бѣдный чиновникъ дѣлается жертвой смеленъ, интригъ, нерѣдко доносовъ: окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, въ этой неравной борьбѣ одного противъ тысячи, онъ или падаетъ побѣжденный дѣйствительностью, или оставляетъ поле сраженія, выходя въ отставку, или даже нерѣдко бываетъ смѣненъ начальствомъ, обманутымъ его врагами. Если положеніе образованнаго чиновника, назначаемого на готовое мѣсто, столь незавидно въ провинціи, то каково же положеніе бѣднаго юноши, который, окончивъ курсъ въ университетѣ,

долженъ самъ хлопотать о должностях! Послѣ безконечныхъ просьбъ, поклоновъ, иногда и слезъ, ему удается наконецъ получить мѣсто писца съ 5-ю, 6-ю, самое большое—10-ю рублями жалованья въ мѣсяцъ: тутъ онъ, съ одной стороны, въ постоянной борьбѣ съ матеріальною нуждою; съ другой, побуждаемый своими испорченными товарищами бросить свою глубокую скромность и честность совершенно деморализируется и, претерпѣвъ опредѣленные закономъ три года, спѣшитъ на службу въ столицу (*). Надо къ тому прибавить, что если въ губерніи чиновникъ обнаружитъ свои честныя убѣжденія на дѣлѣ, и принесетъ истинную пользу, онъ не получитъ никакой награды; напротивъ, его постараются сбыть поскорѣе съ рукъ, какъ человѣка безпокойнаго характера. Послѣ этого, легко понять, почему такъ мало людей съ высшимъ образованіемъ служатъ въ губерніяхъ. А между тѣмъ, сколько для губерніи нужны образованные чиновники, столько же для полнаго практическаго образованія чиновника — необходима служба въ губерніи. Въ Сенатъ и Министерства посылаются на разсмотрѣніе и утвержденіе уже обработанныя дѣла, а начало ихъ, обработка и конецъ, то есть самое исполненіе приговора—въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что самое лучшее средство практическаго усовершенствованія образованнаго чиновника составляетъ служба въ губерніи, и что такого рода опытные чиновники могутъ быть весьма полезны въ Министерствахъ. Между тѣмъ, на практикѣ мы видимъ совершенно противное: кто однажды закабалится въ губернскую службу, для того, несмотря на его способности, если онъ не имѣетъ протекціи, нѣтъ физической возможности перейти въ министерства. Въ сихъ же послѣднихъ, служба имѣетъ столько преимуществъ передъ губернской, что ни одинъ изъ министерскихъ чиновниковъ не перейдетъ въ губернію иначе, какъ на очень важное мѣсто.

Изъ всего нами сказаннаго нельзя не заключить, что для достиженія благотворительнаго вліянія образованія на губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ, слѣдовало бы увеличить число образованныхъ чиновниковъ въ провинціи, чего, по нашему мнѣнію, можно достигнуть: 1) постановленіемъ, что всякій окончивающій курсъ въ университетѣ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, желающій посвятить себя гражданской службѣ, долженъ объявить сво-

(*) Нѣтъ правила безъ исключенія: сказанное нами о положеніи чиновниковъ относится болѣе къ губерніямъ внутреннимъ; губерніи же близкія къ столицамъ, пограничныя, тѣ, въ которыхъ есть университеты, и наконецъ тѣ, въ главѣ которыхъ стоятъ люди просвѣщенные, представляютъ, слава Богу, изъ этого нѣкоторые исключенія.

ему начальству, во какому Министерству и въ какой губерніи они желаетъ служить; университетское же начальство сообщаетъ эти списки министрамъ по принадлежности, на основаніи которыхъ, студенты опредѣляются на службу со дня выпуска, съ назначеніемъ на первыя вакансіи въ выбранныя ими губерніи. До открытія же вакансій, получаютъ жалованье, на томъ же основаніи, какъ воспитанники Училища Правовѣдствія. Такимъ образомъ опредѣленные въ губерніи чиновники, обязаны въ нихъ прослужить четыре года. Прослуживъ четыре года они могутъ или оставаться на мѣстахъ или просить о переводѣ въ Министерства, гдѣ, при открытіи вакансій, должны имѣть преимущество предъ другими. Если же они остаются въ губерніи, то получаютъ прибавку жалованья, послѣ чего обязаны непремѣнно служить еще четыре года на мѣстѣ, по истеченіи которыхъ можетъ быть сдѣлана имъ новая прибавка и т. д. 2) Обо всѣхъ чиновникахъ, окончившихъ курсъ высшаго образованія, должны быть ежегодно представляемы всякому министру, по принадлежности, ихъ начальствами вѣдомости, въ которыхъ должны быть подробно означены ихъ занятія втеченіе года, съ отмѣткою объ особенныхъ отличіяхъ, заслуживающихъ награды. 3) Отличившихся своими теоретическими и практическими сдѣланными посылать на казенный счетъ за границу, для практическаго изученія тамошнихъ полезныхъ учреждений, и составленія проектовъ о примѣненіи ихъ къ Россіи. Наконецъ—сколько бы пользы принесло поощреніе правительства для сочиненій, касающихся юриспруденціи, администраціи и политической экономіи, —основаніе журналовъ, посвященныхъ специально этимъ наукамъ, и распространеніе ихъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, —устройство публичныхъ библіотекъ во всѣхъ городахъ имперіи. При этихъ мѣрахъ только, — мы достигнемъ того, что подобно другимъ европейскимъ государствамъ, у насъ судьи будутъ съ учеными степенями, государственныя имущества будутъ управляемы агрономами, финансы экономистами. Тогда только дѣла не будутъ длиться по пятидесяти лѣтъ, и возвращаться по двадцати разъ на дополненіе изъ одного мѣста въ другое; тогда только наше хозяйство, торговля, промышленность, станутъ наравнѣ съ иностранными, и вознаграждать государство за издержки на образованіе.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи Франція издержала огромныя суммы на образованіе, но эти издержки не только не уменьшили ея средствъ, а еще сдѣлались источникомъ неисчерпаемыхъ богатствъ: произведенія ея литераторовъ, ученыхъ, инженеровъ, механиковъ, технологовъ, фабрикантовъ составили уже для Фран-

ціи отремный капиталъ, на который проценты платитъ вся земной шаръ.

III.

ПЕЧАТАНІЕ (ЛИТЕРАТУРА).

Здравый смыслъ говорить, что выслушиваніе добрыхъ совѣтовъ никогда не можетъ быть вреднымъ. Общественное мнѣніе очень полезно, какъ въ отношеніи къ мѣрамъ законодательства, которое можно преобразовать, такъ и въ отношеніи къ мѣрамъ администраціи, которыя можно возобновить. Самый лучший совѣтъ, сообщенный министру партикулярно, можетъ остаться безъ послѣдствій; между тѣмъ хорошій совѣтъ, данный публикѣ, — если не принесетъ пользы одному, то принесетъ другому; если онъ безполезенъ сегодня, то можетъ быть полезенъ впоследствии; если ему недостаетъ приличной формы, то украшенія могутъ быть сдѣланы другой рукой, согласно господствующему вкусу. Образованность можно сравнить съ сѣменемъ, которое нужно пробовать на различной почвѣ, и воздѣлывать съ терпѣніемъ, потому что его плоды часто заиназдываютъ.

Гласность открываетъ начальству истинное положеніе дѣлъ лучше, чѣмъ принимаемыя имъ прошенія. — Допуская возможность говорить правду, обнаруживать злоупотребленія и подавать совѣты къ ихъ искорененію, правительство расширяетъ свою власть и облегчаетъ свой великій трудъ.

«Но въ формѣ сообщенія этихъ совѣтовъ, говоритъ Бентамъ, можетъ быть примѣтана дерзость и злость; не ограничиваясь разборомъ мѣръ, могутъ затрогивать личности. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно ловкости, чтобы не спутать этого вмѣстѣ? Можно ли шорить какую нибудь мѣру, не затронувъ, въ извѣстной степени, ея автора? Вотъ камень преткновенія, вотъ причина, почему свобода печати столь рѣдка, хотя польза ея очевидна. Опасенія самодлюбятъ ея непримиримые враги. Однако Юмъ II и Фридрихъ II имѣли довольно величія души для введенія ея въ своихъ государствахъ. Она можетъ существовать вездѣ, съ ограниченіями, предупреждающими употребленіе ея во зло.

«Если свобода печати можетъ имѣть неудобства въ отношеніи къ дешевымъ брошюрамъ и листкамъ, которые распространяются, какъ между людьми образованными, такъ и въ народѣ, не имѣющимъ образованія; то это неудобство никакъ не можетъ относиться

сочиненіямъ къ серьезнымъ и большимъ, къ книгамъ, доступнымъ только извѣстному классу читателей, и къ тѣмъ, которые, не будучи въ состояніи произвести немедленный результатъ, оставляютъ всегда время на приготовленіе» (*).

IV.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

«Ничто не можетъ имѣть такого благотвѣтельнаго вліянія на судей (мы продолжаемъ выписки изъ Бентама), какъ публичность судопроизводства,—какъ въ отношеніи къ ихъ честности, такъ равно и въ отношеніи довѣрія публики къ ихъ сужденіямъ.

«Она имъ необходима, какъ поощреніе и подкрѣпленіе въ карьерѣ, полной непріятныхъ обязанностей, гдѣ нужны всѣ способности ума и вся быстрота соображенія; гдѣ каждый день отдыха есть торжество для беззаконія и продолженіе страданія невиннаго.

«Она для нихъ необходима, какъ обузданіе ихъ власти, которую они легко могли бы употребить во зло. Хотя личные недостатки зависятъ отъ характера, и публичность уничтожить ихъ не можетъ, тѣмъ не менѣе, судья не рѣшится, предъ глазами публики, предаваться влеченію своихъ страстей, нетерпѣнію, злости, деспотическому обращенію, устрашающему адвокатовъ и свидѣтелей, различію въ обращеніи, лестномъ для однихъ, и унижительномъ для другихъ; въ немъ образуется передъ глазами публики извѣстное достоинство безъ гордости, и система равенства безъ униженія. Но каково бы ни было вліяніе публичности на наружность судьи, оно не можетъ не быть благотвѣтельно въ отношеніи къ справедливости его сужденій. Тутъ постоянная апеллія отъ его суда къ суду общественнаго мнѣнія. Сколько при его дѣйствіяхъ зрителей, столько заинтересованныхъ свидѣтелей, которые наблюдаютъ за всѣми его дѣйствіями и взвѣшиваютъ всѣ его слова. Осмѣлится ли онъ кривить въ открытомъ полѣ, гдѣ сочтены всѣ его шаги? Еслибъ несправедливость и преобладала въ его сердцахъ, при гласности онъ будетъ справедливъ противъ своей воли, потому что онъ поставленъ въ такое положеніе, гдѣ онъ ничего противозаконнаго не можетъ сдѣлать, не доставляя противъ себя доказательствъ публики,

(*) Bentham. *Traité de législation*, tome II, page 358. Paris. 1820, par Dumeau.

«Чѣмъ замѣнить публичность судопроизводства? правомъ апелляціи, строгими наказаніями противу вѣроломства? Они нужны конечно, но загляните въ исторію: средства эти были употребляемы повсюду, и вездѣ принесли малую пользу. Что значать эти апелляціи и эти наказанія? Это только наставленіе низшему суду быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ высшимъ. Для того же, чтобъ приобрести расположеніе высшаго суда, нужно слѣдовать не путемъ справедливости, а путемъ, который ему пріятенъ. Политическое подобострастіе будетъ первымъ достоинствомъ низшаго суда. Расположеніе же публики можно приобрести только справедливостью: любовь общественная покупается лишь этой цѣной.

«По самому чувству товарищества, высшему суду очень непріятно подвергать наказанію низшаго своего сослуживца. Публика имѣетъ врожденную симпатію къ угнетеннымъ: у людей же должностныхъ совершенно другія чувства; не смотря на личную вражду, у нихъ есть всегда взаимная симпатія, когда дѣло идетъ о поддержаніи ихъ власти.

«Наконецъ, къ чему ведетъ апелляція на судъ, мошенничающаго секретно, къ другому суду, который можетъ мошенничать такимъ же образомъ? Сдѣлайте дѣйствія перваго публичными, не будете имѣть надобности во второмъ; оставьте дѣйствія втораго секретными, онъ не будетъ благонадежнее перваго.

«Въ самой апелляціи даже, что представляется въ высшій судъ лишь скелетъ дѣла. Душа суда находится въ засѣданіяхъ, на которыя являются свидѣтели и подсудимые: тамъ только измѣненія голоса открываютъ чувства сердца, и игра физіономіи обнаруживаетъ состояніе духа. Публичная аудіенція есть истинная апелляціонная палата, въ которой рѣшенія суда обсуживаются и оцѣниваются по ихъ дѣйствительному достоинству. Высшій судъ, несмотря на огромныя издержки и пространство времени, никогда не въ состояніи достигнуть того въ такомъ совершенствѣ, какъ этого достигаетъ трибуналъ публики немедленно, безъ всякихъ издержекъ, и съ неподкупной честностію, потому что честность парода, происходя изъ своего собственнаго интереса, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей благонадежности.

«Можетъ ли наблюденіе начальства замѣнить надзоръ публики и достанетъ ли начальству времени на разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ?...

«Въ послѣднемъ столѣтіи Фридрихъ въ Пруссіи и Екатерина въ Россіи занимались съ величайшимъ усердіемъ преобразованіемъ судебныхъ мѣстъ, уничтоженіемъ продажности, наблюденіемъ за

судьями, безпрестанными повѣрками важѣйшихъ дѣлъ, наказываніемъ лжяго вѣроломства. Но ихъ неусыпный надзоръ имѣлъ мало успѣха; ихъ благія намѣренія не приведены въ исполненіе (*).»

VI.

ОБРАЩЕНІЕ НАЧАЛЬСТВА СЪ ПОДЧИНЕННЫМИ.

Какъ хорошее и умное обращеніе начальства—самыхъ дурныхъ подчиненныхъ дѣлаетъ примѣрными, такъ, напротивъ, дурное, бессмысленное обращеніе портитъ самыхъ лучшихъ. Гнѣвъ, крикъ, шумъ, распеканіе—раждаютъ въ людяхъ образованныхъ и деликатныхъ внутреннюю злобу, ожесточеніе, равнодушіе ко всему, апатію, часто ненависть къ ихъ обязанностямъ; необразованныхъ, грубыхъ — дѣлаютъ еще болѣе равнодушными и закоснѣлыми; и въ тѣхъ и въ другихъ подавляютъ всякое чувство честолюбія и собственнаго достоинства; унижаютъ природу человѣка.

Извѣстный католическій писатель, кардиналъ Бона, говоритъ, что «гнѣвъ лишаетъ человѣка подобія Божія, по которому онъ созданъ: ослѣпляетъ разсудокъ, дѣлая его неспособнымъ понимать истину и слушать совѣты другихъ; приводитъ въ совершенное замѣшательство всѣ умственныя способности, расслабляетъ всего человѣка.... Въ этомъ не естественномъ состояніи, человѣкъ доходитъ до понятій столь низкихъ, что уже гнѣвъ почитаетъ достоинствомъ.» Вотъ замѣчаніе, не бесполезное для тѣхъ начальниковъ, которые имѣютъ несчастное убѣжденіе, что они обязаны, по долгу службы, бранить своихъ подчиненныхъ.

Первымъ достоинствомъ начальника должна быть справедливость; какъ же согласить справедливость съ гнѣвомъ? можетъ ли человѣкъ быть справедливымъ, когда у него разсудокъ помраченъ страстью? Провинился подчиненный,—накажи его, но безъ гнѣва, безъ крику, безъ ругательствъ. Тѣмъ только можно убѣдить и наказываемаго, и всѣхъ, что наказаніе назначено ему справедливо, а не изъ личностей и злобы.

Повѣствуютъ, что Платонъ, разсердившись однажды на служителя, удержалъ поднятую уже руку, и сказалъ: «Я ударилъ бы тебя, еслибъ я не былъ сердитъ.»

(*) *Traité des preuves judiciaires de Bentham, par Dumont. Paris 1823. Tome I. Chap. X.*

Въ бытность французскаго генерала Шампюниета съ войскомъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ окрестностяхъ одного небольшого города, чрезвычайно усилились грабежи и разбой, и неоднократно посылаемые имъ отряды ничего не могли сдѣлать, потому, что муниципальные чиновники города были въ связяхъ съ бандитами и предупреждали ихъ обо всѣхъ движеніяхъ французскаго войска. Въслѣдствіе того Шампюниетъ отправился туда лично съ сильнымъ отрядомъ, призвалъ къ себѣ муниципальных чиновниковъ и сказалъ имъ прехладнокровно, что если кто нибудь изъ нихъ будетъ имѣть сношенія съ разбойниками, то его тотчасъ разстрѣляютъ. На другой день, Шампюниетъ открылъ, что одинъ изъ нихъ сообщилъ ночью важное свидѣніе бандитамъ; въслѣдствіе этого генералъ, публично, съ величайшимъ хладнокровіемъ, даже съ улыбкой, велѣлъ разстрѣлать виновнаго, и этой мѣрой прекратилъ совершенно разбой. Достоверный очевидецъ, изъ словъ котораго я почерпнулъ этотъ рассказъ, говоритъ, что на присутствовавшихъ не столько подѣйствовало разстрѣлываніе, сколько хладнокровіе, съ которымъ Шампюниетъ его назначилъ.

Всякій начальникъ долженъ помнить, что ему не только злѣсь, но и предъ Богомъ, придется дать отчетъ: какъ и на что употреблялъ онъ свою власть надъ подчиненными? имѣлъ ли онъ неусыпный надзоръ и попеченіе надъ ними, искоренялъ ли онъ зло, и призывалъ ли религію и добродѣтель, давалъ ли онъ имъ назидательный примѣръ своими дѣйствіями? Вотъ обстоятельства, которые должны быть постоянно у начальниковъ въ умѣ. Они должны помнить, что чѣмъ выше ихъ положеніе, тѣмъ болѣе глазъ обращено на ихъ дѣйствія, тѣмъ болѣе у нихъ подражателей, тѣмъ болѣе примѣръ ихъ произведетъ хорошихъ или дурныхъ послѣдствій.

Мы служили и въ столицѣ, и въ разныхъ губерніяхъ Россіи, имѣли и сами подчиненныхъ, видѣли обращеніе другихъ, и можемъ сказать положительно, что справедливостью, благородствомъ, кротостію, популярностію, съ приличнымъ тактомъ, можно сдѣлать гораздо больше съ подчиненными, чѣмъ унижающею строгостію, гордостью и недоступностію. Первый способъ обращенія развиваетъ въ подчиненныхъ честность, благородство, любовь къ труду, умственныя способности, дѣлаетъ ихъ мыслящими и дѣйствующими существами; второй убиваетъ всѣ нравственныя и умственныя способности, развиваетъ въ подчиненныхъ корыстолюбіе, пьянство, развратъ, дѣлаетъ ихъ безсмысленными, бездушными тварями, машинами.

Лучшимъ залогомъ отличной дѣятельности подчиненныхъ можетъ служить ихъ любовь и уваженіе къ начальнику. Для

пріобрѣтенія этой любви и уваженія, онъ долженъ, по мѣрѣ возможности, изучитъ характеръ, достоинства, слабости и нужды подчиненныхъ, потому, что обращеніе начальника необходимо должно быть примѣняемо къ личности подчиненнаго: на него одно неудовольствіе начальника произведетъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ самое строгое наказаніе на другого; опредѣленіе строгаго наказанія для перваго—подавить его способности и произвести въ немъ отвращеніе къ службѣ; произведеніе выговора другому поощритъ лишь его къ противозаконіямъ на будущее время.

Ничего нѣтъ легче для начальника, какъ пріобрѣтеніе любви подчиненныхъ. Для этого довольно войти въ ихъ положеніе, выслушать въ ихъ нужды, и помогать имъ по мѣрѣ возможности: чиновникъ семейный желаетъ помѣстить сына въ учебное заведеніе, хочетъ жениться, желаетъ получить мѣсто; трудно ли начальнику сказать или написать въ пользу его нѣсколько словъ, а между тѣмъ онъ этимъ пріобрѣтаетъ навсегда любовь и благодарность своихъ подчиненныхъ. Для пріобрѣтенія же ихъ уваженія — необходимы: нравственное и умственное превосходство, справедливость и безкорыстіе дѣйствій; этимъ только можно заставить себя уважать.

Послѣ всего этого, мы можемъ смѣло сказать, что если подчиненные дурны, въ томъ болѣе всего виноваты начальникъ: подавая хорошій примѣръ самимъ собою, наказывая справедливо виновныхъ, награждая достойныхъ, вспомогавъ нуждающимся, начальникъ можетъ сдѣлать все съ подчиненными.

VII.

ЖАЛОВАНЬЕ.

«Если даже оставить въ сторонѣ частный интересъ благосостоянія челоѣка, говоритъ Бентамъ, то самый интересъ службы требуетъ волнаго обезпеченія потребностей чиновника въсѣхъ должностяхъ, которыя даютъ средства къ пріобрѣтенію — путями, приносящими вредъ обществу. Посему не удивительно, если при несоблюденіи этого правила, люди, безпрестанно побуждаемые новыми потребностями, употребляютъ вѣренную имъ власть во зло? Если они дѣлаются лихоимцами, то болѣею частію не по своей винѣ, а по недостатку средствъ для существованія, который вводитъ ихъ честность

въ необыкновенно западно. Поставленные между необходимостью жить и невозможностию содержать себя честно, они смотрят на взятки, какъ на законное дополненіе жалованья, молча дозволенное начальствомъ (*).

«Генеральный Сборщикъ Доходовъ Фридриха Великаго, Де-Лонэ (de Launay, fermier-général) докладывалъ королю, что его подчиненные имѣли недостаточное для ихъ существованія жалованье, и что поэтому слѣдовало бы ихъ жалованья увеличить, по всей справедливости. При этомъ онъ прибавилъ, что онъ смѣетъ поручиться Его Величеству, что тогда всякій будетъ исполнять лучше свои обязанности, и что тогда доходы государя непременно увеличатся. «Вы не знаете моихъ подданныхъ, отвѣчалъ ему Фридрихъ:—они всѣ мошенники, когда дѣло идетъ о моей пользѣ; я изучилъ ихъ хорошо, и отвѣчаю вамъ, что они готовы обкрадывать меня даже на престолѣ въ церкви. Увеличеніемъ жалованья, вы воровства не прекратите, а только уменьшите мои доходы.»—Ваше величество, отвѣчалъ королю Де-Лонэ, могутъ ли они у васъ не красть? Вы имъ не дадите чѣмъ заплатить за обувь! пара сапогъ стоитъ тысячное жалованье; между тѣмъ большая часть чиновниковъ люди женатые: какимъ же образомъ имъ добыть средства для пропитанія себя самихъ, женъ и дѣтей, если не стачкою съ контрабандистами? Есть, Ваше Величество, основное правило, которое слишкомъ часто, въ особенности въ администраціи, упускаютъ изъ виду:—что *всякій вообще человѣкъ желаетъ только быть честнымъ, и лишь нужно дать ему на то возможность*. Если вы согласитесь, государь, испытать предлагаемую мѣру, я ручаюсь Вашему Величеству, что доходы увеличатся болѣе, чѣмъ одною четвертью.»

«Приведенное Генеральнымъ Сборщикомъ Де-Лонэ правило убѣдило Фридриха; вслѣдствіе чего, онъ согласился прибавить жалованья на половину: мѣра эта увеличила доходы короля болѣе, чѣмъ одною четвертью, безъ всякаго новаго налога (*).»

При преобразованіи судопроизводства въ Пруссіи, государственный канцлеръ Кокцей просилъ Фридриха Великаго увеличить жалованье чиновникамъ, говоря: «чтобы чиновники не брали взятокъ, надобно обезпечить ихъ участь; не всѣ они имѣютъ наклонность къ лихоимству, но всѣ они должны ѣсть и пить, а голодъ и нужда рождаютъ чаще всего противузаконія.» Убѣжденный этимъ, Фридрихъ утроилъ жалованье всѣмъ чиновникамъ, что произвело пре-

(*) Bentham. Théorie des peines et des récompenses. T. 2. Chap. VII.

(*) Thiebault. Mes souvenirs de Berlin. T. IV. p. 126.

красные результаты. И если Фридрихъ не достигъ еще цѣль совершеннаго исправленія чиновниковъ, то единственно потому, что имъ не введена публичность судопроизводства (*).

Въ прошедшемъ столѣтїи, въ Англійской Индіи (**), по причинѣ недостаточности жалованья, лихоимство было чрезвычайно распространено между англійскими чиновниками. Назначенный туда, въ послѣднихъ годахъ того же столѣтїя, генералъ-губернаторомъ, наречь, въ послѣдствїи лордъ, Корваллисъ, опредѣлялъ огромное жалованье всѣмъ служащимъ въ Индіи европейцамъ. Къ несчастію, эта мѣра не была принята къ низшимъ чиновникамъ туземнаго происхожденія, которые получаютъ, и по настоящее время, чрезвычайно малое жалованье. Вслѣдствіе этого, европейскіе чиновники совершенно исправились, и могутъ служить примѣромъ безкорыстія и справедливости; туземные же, низшіе чиновники совершаютъ ужаснѣйшія притѣсненія и несправедливости, несмотря на бдительный и строгій надзоръ первыхъ.

Знаменитый юристъ Филанджери (Filangieri) говоритъ: «жалованье чиновниковъ должно быть соотвѣтственно достоинству и важности ихъ должностей. Важнѣйшій и главнѣйшій интересъ государства заключается въ томъ, чтобы всякій облеченный хотя частицей публичной власти, не былъ заставленъ употреблять ее во зло, для содержанія себя соотвѣтственно достоинству своего сана (***).»

Но возвратимся къ Бентаму. «Жалованье, пропорціональное потребностямъ чиновника, есть какъ бы нравственное противуядіе или презервативъ противу зла. Оно есть лучшій залогъ честности лица, противу вліянія искушеній; страхъ потерять его превосходить удовольствія, ожидаемыя отъ доходовъ.

«При исчисленіи потребностей, нельзя ограничиваться необходимыми. Нельзя принимать въ основаніе Фабриціевъ и Цинциннатовъ. Надо сообразить настоящее положеніе общества и честности его членовъ. Если чиновникъ занимаетъ извѣстное мѣсто, то отъ него требуютъ расхода, соотвѣтственнаго издержкамъ лицъ, занимающихъ равное съ нимъ положеніе въ обществѣ. Если же онъ принужденъ нарушать этотъ законъ общественнаго мнѣнія, онъ унижаетъ себя и подвергается презрѣнію, что для него гнѣвъ

(*) Bentham. Traité des preuves.

(**) Revue des deux Mondes, tome 6 et 7. 1836—1837. Les Anglais et l'Inde, par Fridolin.

(***) Filangieri. Scienza della Legislazione. t. IV.

T. LXVIII. Отд. I.

чувствительнѣе, чѣмъ выше его положеніе. Слѣдовательно, потребности увеличиваются съ увеличеніемъ значенія лица. Значеніе, лишенное законныхъ средствъ поддержать себя, даетъ поводъ къ злоупотребленію, и часть доставляется къ тому средству. Раскройте исторію, и увидите происшедшія отъ этого преступленія (*).»

Изъ всего вышесказаннаго можно не заключить: 1) что, какъ недостаточность жалованья производитъ лихоимство, такъ увеличеніе жалованья есть лучшее средство исправленія чиновниковъ, и 2) что необходимымъ условіемъ честности чиновниковъ должно почитать жалованье, достаточное для приличнаго ихъ содержанія соответственно достоинству и важности занимаемыхъ ими должностей.

Къ сему, мы должны прибавить, что какъ жалованье исчислено на звонкую монету, цѣнность которой различна по времени и мѣсту, то изъ этого слѣдуетъ: 1) что для достаточности жалованья, количество его должно измѣняться пропорціонально съ измѣненіемъ цѣнности монеты. Притомъ 2) оклады жалованья не могутъ быть одинаковы во всѣхъ городахъ, а должны быть пропорціональны мѣстной цѣнности монеты, о чемъ можно заключать по цѣнности произведеній. Во Франціи, напримѣръ, судьи судовъ первой инстанціи раздѣляются на 4 класса, смотря по получаемому ими, въ разныхъ городахъ, различному окладу жалованья.

Теперь приступимъ къ изложенію средствъ увеличенія жалованья безъ обремененія государства. Средства эти могутъ быть троякаго рода: 1) увеличеніе жалованья, безъ назначенія новыхъ налоговъ; 2) увеличеніе жалованья съ назначеніемъ новыхъ налоговъ, и 3) увеличеніе жалованья посредствомъ уменьшенія числа чиновниковъ.

Первое средство, въ Пруссіи, Индіи и многихъ другихъ государствахъ, произвело самыя благодѣтельныя послѣдствія, и не только не обременило правительство, а, напротивъ, такъ умножило доходы, что за отчисленіемъ расхода на увеличеніе жалованья, остается въ нихъ еще огромный излишекъ въ пользу государства. Для лучшаго объясненія этого, прибѣгнемъ къ примѣрамъ. Если, напримѣръ, полицейскій чиновникъ не можетъ жить однимъ жалованьемъ, то онъ не взыскиваетъ въ пользу казны неложимокъ, штрафовъ, позволяетъ провозить и продавать контрабанду и т. п.; сколько же онъ за это можетъ получить? За невзысканіе тысячи рублей или пропускъ контрабанды на эту сумму частное лицо можетъ ему дать 50,

(*) Bentham. Théorie des peines et des récompences, t. 2. Chap. VII.

много 100 рублей. Въ этомъ случаѣ частное лицо получаетъ прибыли 950 или 900 руб., чиновникъ 50 или 100 рублей. Очевидно, что въ девять разъ выгоднѣе казнѣ дать чиновнику лишніе 100 рублей, чтобы получить 900 руб., чѣмъ ничего не получать. Если прокуроры, стряпчіе, судьи не могутъ содержать себя жалованьемъ, то они не взыскиваютъ съ частныхъ лицъ положенныхъ въ пользу казны пошлинъ, не отыскиваютъ и не защищаютъ правъ казны на имущества; при выдачѣ свидѣтельствъ о благонадежности имущества для заложенія пзъ въ кредитныя установленія или для представленія ихъ въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ въ казну, утверждаютъ оцѣнку въ десять разъ выше дѣйствительной. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, не говоря уже объ ужасномъ вліяніи на нравственность чиновниковъ и народа, для государства — страшная потеря, для частного лица, нарушающаго законъ, — огромная польза, а для чиновника, допускающаго и прикрывающаго это нарушеніе, — едва десятая доля прибыли частного лица. Естественно, что для государства, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ отношеніи, гораздо полезнѣе дать чиновнику лишніе 100 руб., чѣмъ ничего не получать и притомъ еще быть какъ бы причиной нарушенія закона. Если сообразить это съ примѣрами, испытанными въ Пруссіи, Индіи и въ другихъ государствахъ, то можно утвердительно сказать, что съ увеличеніемъ жалованья чиновниковъ, доходы государственные увеличатся въ такой мѣрѣ, что не только отъ этого не можетъ быть для государства никакой потери, но даже огромная польза, а потому не будетъ никакой надобности дѣлать новые налоги.

Увеличеніе жалованья съ назначеніемъ налога, можетъ быть всякаго рода, смотря потому, падаетъ ли этотъ налогъ на тѣхъ только, которые нуждаются въ услугѣ чиновника, или на всѣхъ членовъ государства.

Начнемъ съ перваго, т. е. съ пошлинъ въ пользу чиновниковъ (*Droits casuels*), взыскиваемыхъ съ лицъ, нуждающихся въ ихъ услугѣ. Вотъ что объ этомъ говоритъ Бентамъ: «казалось бы, на первый взглядъ, что приговоръ суда приноситъ пользу только тому, въ пользу коего онъ состоялся, а потому, по всей справедливости, онъ долженъ платить особую контрибуцію въ пользу судей. Судъ этотъ защитилъ вашу собственность, бывшую спорною; платите деньги на его содержаніе, какъ вы платите врачу, который васъ пользуется во время болѣзни. Вотъ первый взглядъ, и съ этой точки зрѣнія самъ Смитъ разсматриваетъ этотъ предметъ во 2-мъ отдѣленіи V книги своего сочиненія *De la Richesse des Nations*. Но если вникнуть ближе въ этотъ предметъ, то нельзя не открыть большой

ошибки въ этомъ заключеніи. Мы убѣдимся напротивъ, что выштрафившій тяжбу имѣетъ отъ того менѣе пользы, чѣмъ кто либо другой; потому что, оставляя въ сторонѣ издержки на судъ, сколько для него останется еще другихъ издержекъ, потери времени, трудовъ, заботъ, непріятностей, которыя по самой сущности этой вещи необходимы! Такъ онъ, цѣною всѣхъ этихъ пожертвованій, испуститъ защиту закона, которою другіе пользуются даромъ.

«Положимъ, наприимѣръ, что на миллионъ жителей будетъ тысяча дѣлъ въ годъ. Безъ этихъ дѣлъ, безъ приговоровъ по нимъ, беззаконіе подняло бы голову; на него не было бы другой узды, кромѣ личной силы человѣка. Поэтому, въ равное продолженіе времени, могъ бы произойти миллионъ преступленій: но такъ какъ тысячею приговорами предупреждается миллионъ беззаконій, то изъ этого слѣдуетъ, что всякій, заволяющій тяжбу, предупреждаетъ тысячу преступленій. За столь важную услугу, подвергающую его столькимъ случайностямъ, хлопотамъ и издержкамъ, можно ли налагать на него еще дань? Это тоже самое, что заставить войско, защищающее границы государства, во время вступленія непріятеля платить издержки кампаніи.

Этотъ несчастный истецъ, который ведетъ войну съ беззаконіемъ, который преслѣдуетъ его, на свою собственную отвѣтственность передъ судомъ, онъ тоже воинъ, и его-то мы заставляемъ платить за оказанную намъ услугу.

«Въ случаѣ же, если эти издержки налагаются на отвѣтчика, противъ котораго начать незаконный искъ, то это еще хуже. Не сдѣлавъ ничего въ его пользу, подвергаютъ его большому убытку, и заставляютъ платить дань за сдѣланное ему зло.

«Еслибъ хотѣли скинуть всѣ эти издержки на сторону, признанную несправедливою (хотя очень часто, по неясности факта или закона, нельзя открыть несправедливости ни съ одной стороны), то взысканіе ихъ могло бы имѣть мѣсто лишь по совершенномъ окончаніи ихъ дѣла. Въ такомъ случаѣ, подобный приговоръ будетъ наказаніемъ, которое рождаетъ вопросы: заслуженное ли это наказаніе, въ состояніи ли подсудимый его перенести, и неслишкомъ ли оно велико или мало? (*)

Изъ этого ясно видно, что налогъ на всѣхъ членовъ государства гораздо справедливѣе налога на однихъ тяжущихся лицъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы велики ни были налоги, назначенные правительствомъ для обезпеченія участіи чиновниковъ, они гораз-

(*) Bentham, *Théorie des peines et des récompences*, tome 2, page. 210.

до будутъ меньше тѣхъ, которые будутъ изыскиваемы тайно самими чиновниками, немогущими жить однимъ жалованьемъ.

«Что же касается до третьяго способа увеличенія жалованья, посредствомъ уменьшенія числа служащихъ и раздѣленія жалованья уволенныхъ между оставленными, то это средство очень хорошо, но для примѣненія его необходимо: 1) Упростить и во многомъ преобразовать дѣлопроизводство. 2) Средство это не можетъ быть достаточнымъ для полного обезпеченія чиновниковъ, а лишь можетъ служить облегченіемъ въ этомъ дѣлѣ для государства. 3) При этомъ нельзя оставить безъ вспомошествованія уволенныхъ за штатомъ чиновниковъ, до предоставленія имъ другихъ должностей.

Въ заключеніе этого пункта, мы находимъ не безполезнымъ поимѣнить мнѣніе Бентама *объ упраздненіи должностей безъ обезпеченія участи чиновниковъ, въ нихъ состоявшихъ.*

Эта операція тѣмъ болѣе достойна особаго вниманія, что вмѣсто того, чтобы быть порицаемою, какъ несправедливость, она часто бываетъ признаваема дѣломъ хорошей администраціи и экономіи. Зависть любитъ болѣе всего прикрывать себя личиною общественнаго блага; но благо общественное требуетъ лишь упраздненія излишнихъ должностей, а не нуждается въ несчастіи лицъ, лишившихся своихъ мѣстъ.

«Справедливость требуетъ, чтобы при подобномъ преобразованіи вознагражденіе было полное. Вся польза, которую можно при этомъ извлечь безобидно, заключается въ превращеніи доходовъ вѣчныхъ въ пожизненные.

«Скажутъ, можетъ быть, что немедленное упраздненіе этихъ мѣстъ составляетъ выигрышъ для общества. Это софизмъ. Сумма эта была бы, безъ сомнѣнія, выигрышемъ, еслибъ она происходила изъ другихъ источниковъ, еслибъ она пріобрѣтена была, напримѣръ, торговлей и т. п.; но она не будетъ выигрышемъ, когда ее отнимаютъ отъ нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу того же общества. Будетъ ли, напримѣръ, семейство богаче, если отецъ отниметъ все у одного изъ своихъ дѣтей, чтобы дать больше остальнымъ? Въ этомъ случаѣ еще лишеніе наслѣдства одного сына увеличитъ бы наслѣдство другихъ, и этимъ принесло бы имъ нѣкоторую пользу. Но когда дѣло идетъ о цѣломъ обществѣ, польза отъ одной упраздненной должности раздѣлится между всѣми ея членами, между тѣмъ, какъ потеря отяготитъ участь одного. Выигрышъ, раздѣленный между многими, раздробится на непримѣтныя частицы: потерю же долженъ будетъ переносить одинъ. Операція эта не обогатитъ

тѣхъ, которые отъ нея вынтрываютъ, а приведетъ къ крайней нищетѣ того, кто отъ нея пострадаетъ. Если вѣсто одного упрямственнаго мѣста, допустимъ тысячи, десятки, сотни тысячъ, — результатъ будетъ тотъ же. Отягтое у тысячи раздробится между миллионами. Улицы ваши наполнятся несчастными людьми, погруженными вами въ крайнюю нищету: между тѣмъ никто не обогатится отъ этой жестокой операціи. Плачь потчаянне послышится со всѣхъ сторонъ. Радость же, если она будетъ, будетъ выраженіемъ не счастья, а зашестіи, которая радуется бѣдствію своихъ жертвъ. Министры королей и народовъ, вы никогда не составите счастья общества несчастіемъ его нѣсколькихъ членовъ! Жертвенникъ отчизны, подобно Божественному жертвеннику, не нуждается болѣе въ кровавыхъ жертвахъ.

«Я не могу еще оставить этого предмета, потому что для указанія началъ справедливости, мнѣ кажется необходимымъ преслѣдовать заблужденіе во всѣхъ его убѣжищахъ.

«Что же дѣлаютъ, чтобы обмануть себя самихъ или народъ относительно этикъ несправедливостей? Прибѣгають къ извѣстнымъ напыщеннымъ фразамъ, заключающимъ въ себѣ смѣсь лжи съ истинной, которыя самымъ простымъ вопросамъ придаютъ видъ глубокомыслія и политической тайны. Говорятъ, что интересъ частныхъ лицъ долженъ уступать интересу общества. Но каково же значеніе оно имѣетъ здѣсь? Каждое лицо не составляетъ ли таковую часть общества, какъ всякое другое? Этотъ, олицетворяемый вами, общественный интересъ, есть ничто иное, какъ отвлеченный терминъ, представляющій сумму частныхъ интересовъ. Вѣсто того, чтобы почитать одни интересы всезначущими, а другіе ничтожными, мало всѣ ихъ цѣнить одинаково. Если бъ было хорошо пожертвовать состояніемъ одного лица для обогащенія другихъ, то еще лучше было бы пожертвовать состояніемъ другаго, третьяго, до сотенъ, до тысячъ, безъ возможности означенія предѣловъ этихъ жертвъ; потому что—каково бы ни было количество пожертвованныхъ вами, у васъ всегда останется та же самая причина для прибавленія еще одного лица. Однимъ словомъ, —или интересъ перваго будетъ святъ, или ничей интересъ не будетъ святъ.

«Только одни частные (индивидуальные) интересы могутъ быть интересами истинными (réels). Занимайтесь частными лицами, не презирайте ихъ никогда, и не позволяйте, чтобы ихъ презирали, — и вы осчастливите общество. Можно ли постигнуть, что есть столь безтолковые люди, которые больше любятъ будущее поколѣніе,

тѣмъ настоящее, предпочитаютъ человека ожидаемаго существующему, мучать живыхъ, подъ предлогомъ дѣлать добро тѣмъ, которые еще не родились, и никогда, быть можетъ, не родятся ?

«Во множествѣ случаевъ, люди, страдавшіе отъ подобныхъ операций, не смѣли заставить себя слушать, или не были слушаемы, по причинѣ того темнаго и ложнаго правила, что интересъ частный долженъ уступить интересу публичному. Еслибъ въ этомъ заключался даже вопросъ великодушія, то кому скорѣе слѣдуетъ оказывать великодушіе? Всѣмъ въ отношеніи ко всѣмъ ! Который же эгоистъ хуже : тотъ, который хочетъ сохранить свою собственность, или тотъ, который хочетъ завладѣть чужою собственностью насильно ?

«Чувствительное зло и незамѣтное добро — вотъ результаты этихъ блистательныхъ операций, при которыхъ жертвуютъ частными лицами для общества.

«Я окончу это общимъ правиломъ: чѣмъ болѣе уважаютъ начало (principe) собственности, тѣмъ болѣе оно укрѣпляется въ характерѣ народа. Малыя отступленія отъ этого начала готовятъ большія. Много нужно было времени для поставленія этого начала на ту степень, на которой оно стоитъ у образованныхъ народовъ, въ настоящее время: но опытъ, къ несчастію, показалъ намъ, какъ оно легко ниспровергается, и какъ дикій истинный разбой беретъ верхъ надъ законами. Люди въ этомъ отношеніи подобны ручнымъ львамъ, которыхъ, для возбужденія природной ихъ кровожадности, довольно лишь попробовать хоть немного крови (*).

Великій герцогъ тосканскій Леопольдъ сдѣлалъ много преобразованій въ своемъ государствѣ: — «Но несмотря на большое число этихъ преобразованій, не было въ Тосканѣ ни одного человека, пострадавшаго отъ нихъ, которому бы герцогомъ или не дано было другаго мѣста или не оставлено прежняго жалованья въ видѣ пенсіи (**).» При этомъ только условіи преобразованія полезны, и не могутъ принести вреда ни обществу, ни частнымъ лицамъ.

(*) Bentham, *Traité de Legislation*, t. I. chap. XV, p. 226

(**) Indication sommaire des réglemens de Léopold, grand duc de Toscane. Bruxelles, 1778.

VIII.

НАГРАДЫ.

Всякій человекъ, по слабости своей природы, нуждается въ поощреніи, для поддержанія или усиленія своей дѣятельности. Умный начальникъ имѣетъ подъ рукою безчисленные средства для поощренія своихъ подчиненныхъ: улыбка, ласковое слово, публичная похвала, прибавка жалованья и т. п., рождая благородное соревнованіе между подчиненными, даютъ имъ новыя силы къ занятіямъ. Правительства, для поощренія чиновниковъ, употребляютъ разныя награды, какъ то: денежные, чины, ордена, почетные титулы и т. п. Эти награды тѣмъ болѣе приносятъ пользы, чѣмъ тѣснѣе связываютъ частный интересъ чиновника съ интересомъ службы. Напримѣръ, если, смотря по величинѣ дѣла, назначить сроки для рѣшенія ихъ и постановить, что судья получить награду, если онъ въ теченіе года рѣшитъ окончательно (потому что, безъ этого, лишь сбрасываютъ дѣла съ плечъ долой, посылая ихъ, подъ конецъ года, безъ всякой нужды на дополненіе) всѣ находящіяся у него дѣла въ положенный срокъ, — то такое постановленіе чрезвычайно бы ускорило дѣлопроизводство. Для такой дѣли можно бы даже назначить особыя пенальти съ тяжущихся на награды, чѣмъ не только расходы ихъ не увеличатся, но даже уменьшатся; ибо гораздо дешевле стоитъ одно и то же дѣло, если оно продолжается годъ, уѣмъ десять лѣтъ; неговоря уже о другихъ, могущихъ отъ этого произойти безчисленныхъ пользахъ, какъ то: сбереженіи времени, уменьшеніи хлопотъ, безпокойства и т. п. Или: если назначить извѣстный процентъ въ пользу чиновниковъ, умножающихъ казенные доходы или берегающихъ казенныя суммы; то въ этихъ случаяхъ, награды, тѣсно связывая интересъ частнаго лица съ интересомъ государства, не могутъ не произвести превосходныхъ результатовъ.

Притомъ, чтобы награды приносили истинную пользу, онѣ должны, по возможности, соответствовать потребностямъ чиновниковъ. Напримѣръ, если бѣдному чиновнику, едва могущему прожить жалованьемъ, дать чинъ, за который онъ долженъ платить, богатому же дать денежную награду: то естественно, что для перваго награда принесетъ лишь вредъ, для втораго же не принесетъ никакой пользы. Поэтому, для предупрежденія подобныхъ случаевъ, лучше всего

сравнивать у чиновниковъ, изъ которыхъ они награды желаютъ сами. Наконецъ, награды должны быть справедливы или равнѣсны для всѣхъ за равныя услуги. Напримеръ, если судья своимъ безпристрастіемъ и умомъ, юристъ—новымъ усовершенствованіемъ законодательства, полицейскій—открытіемъ разбойническаго шайки, спасуть жизнь и имущество многихъ, то не такую ли они приносятъ услугу государству, какъ воинъ, отличающійся на полѣ брани? Если въ этомъ случаѣ дать воину двѣ или три награды, а чиновнику одну, то награда превратится для него въ обиду, въ стодалѣнѣйшаго поощренія, возбудитъ презрѣніе къ гражданской службѣ, и побудитъ всѣхъ стремиться, по мѣрѣ возможности, въ военную службу, единственный источникъ наградъ и почестей. Или если: столичнымъ чиновникамъ давать, за ничтожныя услуги, такія же награды, какъ губернскимъ и уѣзднымъ за важныя; то этимъ унижутся послѣднія должности, и никто изъ порядочныхъ людей не захочетъ въ нихъ служить; рѣшившіеся же на это, по циничію лучшихъ средствъ, будутъ себѣ дѣлать награды сами, съ ущербомъ казны и частныхъ лицъ. Напротивъ, если вникнуть безпристрастно въ этотъ предметъ, то нельзя не сказать, что чѣмъ болѣе отдалены чиновники отъ центра управленія, тѣмъ болѣе они нуждаются въ поощреніи. Для чиновниковъ, служащихъ въ столицѣ, самое то обстоятельство, что высшее начальство видитъ всѣ ихъ дѣйствія и перспектива повышенія—удерживаютъ ихъ отъ противозаконій и служатъ достаточнымъ поощреніемъ въ ихъ дѣйствіяхъ, не говоря ужъ о томъ, что, по свойству человѣческой природы, начальникъ помнить и награждаетъ всегда болѣе тѣхъ, которыхъ онъ видитъ ежедневно. Не можетъ ли того ожидать чиновникъ, зарытый въ глуши провинціи?

Велико назначеніе, велика важность, велика сила наградъ,—если онѣ, подобно лучамъ солнца, не отличая придворныхъ отъ духовныхъ, военныхъ отъ гражданскихъ, осѣщая, согрѣвая и оживляя одинаково всѣхъ, направляютъ всѣ стремленія къ одной, единственной цѣли—благу государства.

IX.

ПЕРЕМѢЩЕНІЕ И УДАЛЕНІЕ ЧИНОВНИКОВЪ.

Ничто такъ не вредно для службы, какъ произвольное и частое перемѣщеніе чиновниковъ.—Всякая губернія, уѣздъ, городъ, присутственное мѣсто составляютъ какъ бы особыя государства съ маломъ видѣ, имѣютъ свою особую политику, особые обычаи... Вновь

назначенный чиновникъ находится сначала въ неволе: имѣть своего назначенія, какъ въ дѣсу. Чтобы быть истинно полезнымъ для службы, ему необходимо изучить мѣстную политику, необходимо снискать расположеніе начальства, довѣріе сослуживцевъ, а иногда и влюбки; а на это нужно время. Наконецъ, послѣ долговременнаго труда, уснай, онъ успѣваетъ приобрести расположеніе и довѣріе начальства, сослуживцевъ, мѣстныхъ жителей; онъ начинаетъ быть полезнымъ для службы, какъ вдругъ назначаютъ новаго начальника, желающаго опредѣлить своего любимца, или какой нибудь ябедникъ дѣлаетъ на него доносъ (потому что онъ не согласился закрыть его беззаконій), или просто начальнику захочется перемѣстить его или удалить;—и тогда, когда онъ ожидаетъ плодовъ своего добросовѣстнаго труда, когда онъ, по всей справедливости, могъ ожидать награды, его перемѣщаютъ за 1,000, 2,000, 3,000 верстъ и далѣе, или совершенно удаляютъ отъ службы, и всѣ его труды габнутъ безвозвратно! Какое жъ тутъ поощреніе, какой примѣръ для добросовѣстныхъ чиновниковъ! Зачѣмъ же трудиться, изъ чего хлопотать, къ чему быть честнымъ? Не лучше ли—или не дѣлать ничего, или подличать, чтобы не вооружить противу себя ябедниковъ? Вотъ вопросы, которые предлагаетъ себѣ несчастный чиновникъ, послѣ подобныхъ приключеній.

Наконецъ вслѣдствіе человѣкъ хочетъ имѣть кое-какія удобства жизни, смотря по своему положенію въ обществѣ и по своимъ привычкамъ; у всѣхъ почти чиновниковъ (если у нихъ нѣтъ собственнаго состоянія) средства очень ограничены; по этому, сколько хлопотъ, сколько лишений стоитъ чиновнику устройство самаго необходимаго хозяйства! При внезапномъ перемѣщеніи, онъ долженъ продать все за безцѣнокъ или оставить многое даромъ; онъ долженъ перенести большія издержки при переездѣ на мѣсто новаго назначенія, что заставляетъ его брать часть жалованья впередъ. Иногда эта часть жалованья, если оно небольшое, недостаточна для дальняго переезда; а если даже и достаточна, то, пріѣхавъ на мѣсто новаго назначенія, нужно же чиновнику обзавестись хозяйствомъ, нужно ему жить, а между тѣмъ жалованье имъ забрано за нѣсколько времени впередъ, слѣданы имъ на проѣздъ, быть можетъ, долги, и все это издержано въ пути; жена, дѣти умираютъ съ голоду; морозъ не щадитъ ихъ слабости и несчастія; невозможность переносить имъ даетъ ему возможность не переносить: убитый нравственно, разоренный матеріально, какъ утопающій за бритву, онъ хватается за единственный путь спасенія—за взятки. На практикѣ, мы видѣли множество подобныхъ примѣровъ.

Если столь гибельны результаты произвольнаго перемѣщенія чиновниковъ, то какъ ужасны должны быть примѣры ихъ произвольнаго удаленія: первое деморализируетъ и раззоряетъ ихъ, второе ввергаетъ въ вѣчную нищету и убиваетъ навсегда, если они не составили себѣ состоянія во время службы. При такой непрочности своей судьбы, при неувѣренности, не лишится ли онъ завтра своего мѣста, не останется ли онъ безъ куска хлѣба, можетъ ли чиновникъ думать о пользѣ службы? Нѣтъ, онъ можетъ лишь заботиться, чтобы скорѣе составить состояніе, и тѣмъ обезпечить себя отъ произвола начальства. Нельзя не отдать справедливости благоразумію постановленій тѣхъ государствъ, въ которыхъ однѣ должности пожизненны, другія же, которыя по свойству своему не могутъ быть пожизненными, имѣютъ опредѣленный закономъ срокъ, по слѣдствію котораго чиновникъ перемѣщается въ другую провинцію, въ которыхъ никто не можетъ быть уволенъ отъ должности безъ суда; гдѣ преланіе суду не зависитъ отъ произвола одного лица, а отъ приговора высшаго совѣта или суда. При этомъ только положеніи, чиновникъ можетъ быть увѣренъ, что если онъ будетъ идти путемъ совѣсти и закона, то никакая интрига ябедниковъ, никакой капризъ начальника погубить его не можетъ; въ этомъ только случаѣ, онъ можетъ дѣйствовать самостоятельно, потому что прочность чиновника на мѣстѣ, есть одно изъ главныхъ условій самостоятельности его дѣйствій. Хотя же нѣкоторые должности въ тѣхъ государствахъ и не пожизненны; но такъ какъ перемѣщеніе въ нихъ не зависитъ отъ произвола одного лица, а постановлено закономъ, то оно не унижаетъ чиновника—ни въ его собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ общества. Наконецъ, какъ чиновнику извѣстенъ срокъ, который онъ долженъ пробыть въ должности, то, согласно съ этимъ, онъ располагаетъ своими занятіями, и устроиваетъ свое хозяйство; однимъ словомъ, перемѣщеніе въ этомъ случаѣ не есть наказаніе, не есть несчастіе, а лишь требованіе закона, необходимое для пользы государства, и потому всякій исполняетъ его съ готовностію.

Вотъ нѣсколько условій правильности дѣйствій чиновниковъ, которыя я нашелъ возможнымъ высказать въ настоящее время. Если я ихъ высказалъ, то высказалъ не для какихъ либо личныхъ интересовъ, а потому, что въ великую для насъ настоящую эпоху, когда мудрый Монархъ 'воззвалъ всѣхъ сыновъ отечества къ общей цѣли—внутреннаго возрожденія Россіи, молчаніе всякаго вѣрнопоклоннаго было бы преступленіемъ. Посему, я не гнался въ этомъ сочиненіи за формами, за слогомъ, за выраженіями, а старался лишь о краткомъ, ясномъ и безпристрастномъ изложеніи самаго существа дѣла.

Какъ соблюденіе всѣхъ вышеизложенныхъ условій даетъ дѣятельности чиновниковъ правильное и полезное направленіе, такъ нарушеніе ихъ приноситъ вредъ обществу. Невыгоднымъ отзывъ о нашихъ чиновникахъ обнаруживаютъ у насъ несоблюденіе этихъ условій. Чтобы понять, въ чемъ они нарушаются, надобно выкинуть безпристрастно въ положеніе нашихъ чиновниковъ и сообразить: на какой степени находится ихъ нравственность и образованіе; имѣетъ ли литература и судопроизводство на нихъ надлежащее вліяніе; какъ съ ними обращаются начальники; обезпечено ли ихъ существованіе достаточнымъ жалованьемъ; имѣютъ ли всѣ они равное и справедливое поощреніе въ наградахъ; довольны ли они прочны на своихъ мѣстахъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно?

Сбросимъ же въ эту великую эпоху оковы гордости, эгоизма, корыстолюбія, и призвавъ на помощь Всемогущаго, съ христіанскимъ смиреніемъ, выйдемъ безпристрастно въ положеніе блюстителей нашей нравственности и порядка, рассмотримъ, даны ли имъ средства для исполненія ихъ важныхъ обязанностей, — и глаза нашихъ представятся ясно причины зла и способы его исцеленія.

1. II.

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ,
Пѣла дѣва пѣсню, злымъ убита горемъ;
Говорила вѣтру, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.
Пробѣгалъ корабликъ, мимо подъ скалою,
Слышать мореходы голосъ надъ собою,
Видить чудо-дѣву, —парусъ оставляютъ,
Бросили работу, руль позабываютъ.
«Проходите мимо, мореходы, смѣло!
Ахъ! не бѣлокрылымъ кораблямъ я пѣла.
Я зывала къ вѣтру, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.»

II.

Что горы почернѣли?
Что тьма по нимъ ползеть?
Не вѣтеръ ли ихъ хлещетъ?
Не дождикъ ли сѣчетъ?

Не вѣтеръ горы хлещетъ,
Не дождикъ ихъ сѣчетъ, —
Ихъ Смерть переѣзжаетъ
И полкъ тѣней ведетъ.

Кончаютъ поѣздъ старцы,
 А юноши въ челѣ,
 Рядкомъ сидятъ у смерти
 Младенцы на сѣдлѣ.

И юноши ей кличутъ,
 И молятъ старики:
 «Свернемъ съ пути, въ деревню,
 Вдохнемъ хоть у рѣки.

«Испьютъ водицы старцы,
 А юноши пускай
 Поборятся, а дѣтямъ
 Нарвать цвѣточковъ дай!»

«Въ деревню не заѣду,
 Не стану надъ рѣкой.
 Къ ней матери и жены
 Приходить за водой.

«Жена узнаетъ мужа,
 Узнаетъ сына мать,
 Уцѣплятся другъ въ друга —
 И ихъ ужъ не разнять.»

III.

Межъ тремя морями замокъ,
 Въ замкѣ красная дѣвица
 Нижетъ звонкіе червонцы
 На серебряныя нити.
 Вышло всѣхъ двѣнадцать нитокъ.
 Повязавши всѣ двѣнадцать,
 Шесть на грудь, и шесть на косы,
 Вызываетъ дѣва солнце:
 «Солнце, выдь! — я тоже выйду!
 Солнце, глянь! — я тоже гляну!
 Отъ тебя — дуга повянуть,
 Отъ меня — сердца посохнуть!»

А. МАЙКОВЪ.

О Б Щ И Н А.

Идѣже бо еста два или три собрани во имя
моё, ту есмь посреди ихъ.

Еванг. отъ Матвея гл. XVIII ст. 20.

Между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ» загорѣлся въ высшей степени интересный споръ о поземельной собственности, т. е. о характерѣ владѣнія или пользованія землею.

Въ этомъ спорѣ прежде всего поразили насъ тѣ строки, которыя «Экономическій Указатель» начинаетъ первую свою статью въ отвѣтъ на вызовъ «Современника». Выпишемъ эти строки. «Современникъ прямо вызвалъ насъ къ спору, который мы не считаемъ ни спорящимъ, ни столько важнымъ, сколько онъ можетъ показаться прележскому оообразженію дилетантовъ въ наукъ, для которыхъ ново то, что они не знали.»

Мы съ своей стороны смѣло выскажемъ, что незнаемъ въ настоящее время вопроса болѣе *современнаго* и болѣе *важнаго*, какъ вопросъ о поземельной собственности.

Если въ настоящее время большинство сознаетъ уже устарѣлость формъ труда обязательнаго, тамъ, гдѣ эти формы существуютъ, и необходимость перехода къ труду свободному (что сознаетъ и «Экономическій Указатель»), то, при такомъ переходѣ, вопросъ о способѣ пользованія землею является на первомъ планѣ, слѣдовательно вопросъ этотъ въ высшей степени *современенъ*.

Что же касается *важности* вопроса, то, признаться, какъ-то чересъ-чуръ странно доказывать журналу, носящему названіе «Экономическаго Указателя», что вопросъ о поземельной собственности, во-

прось, составляющій краеугольный камень экономической науки, вопросъ, надъ которымъ ломали и ломаютъ голову первѣйшіе экономисты прошедшаго и настоящаго времени, — что подобный вопросъ есть вопросъ весьма важный. Но, дѣлать нечего, надо остановиться на этомъ предметѣ и постараться доказать «Экономическому Указателю» важность вопроса о поземельной собственности.

Вопросъ о поземельной собственности опредѣляетъ характеръ отношеній человѣка къ землѣ, а тотъ или другой характеръ этихъ отношеній даетъ тотъ или другой характеръ народному быту; въ характеръ же народнаго быта, само собою разумѣется, входитъ характеръ развитія нравственнаго, умственнаго, матеріальнаго благосостоянія, семейныхъ узъ, промышленности и торговли, словомъ сказать, входятъ всѣ элементы народной жизни. Если бы «Экономическій Указатель», паче всякаго чаянія, усомнился въ томъ, что характеръ владѣнія землею находится въ тѣсной и неразрывной связи съ народнымъ бытомъ и тѣмъ опредѣляетъ его характеръ, то доказать эту связь нетрудно; но до времени мы считаемъ это лишнимъ.

Если же характеръ владѣнія землею даетъ направленіе характеру народной жизни, то, кажется, ясно, что вопросъ, касающійся характера владѣнія землею, имѣетъ широкіе предѣлы и не такъ маловаженъ, какъ это кажется «Экономическому Указателю.» Вопросъ этотъ относится не къ частнымъ, но къ общимъ вопросамъ науки, а потому для яснаго уразумѣнія и вѣрнаго обсужденія такого вопроса требуется взглядъ нѣсколько шире того, которымъ смотритъ на него «Экономическій Указатель».

Первыя строки, приведенныя выше, которыми началъ «Экономическій Указатель» свой отвѣтъ «Современнику», ясно показали уже, что вопросъ, объ которомъ идетъ рѣчь, выше уровня воззрѣнія «Экономическаго Указателя» и потому не можетъ быть обсужденъ имъ во всей его полнотѣ. Всѣ статьи «Экономическаго Указателя» по поводу вопроса о поземельной собственности не только оправдали впечатлѣніе, произведенное первыми строками, но ясно показали также, что «Экономическій Указатель» не подозреваетъ даже, что наука, которой онъ является представителемъ, должна быть проникнута одной общей идеей, и идеей живой, человѣческой, которая бы связывала всѣ отдѣльные вопросы въ одно цѣлое и давала имъ направленіе. Наука безъ такой идеи не была бы наукой, а была бы только соображеніемъ массы фактовъ.

Еслибъ «Экономическій Указатель» смотрѣлъ на человѣка не какъ на машину, а какъ на живое существо, одаренное волею, разумомъ, чувствами, способное любить, радоваться и страдать; если бы «Экономическій Указатель» видѣлъ въ своей наукѣ общую человѣческую

идею, то у него не могло бы и родиться такого убѣжденія, что вопросъ о поземельной собственности, въ томъ видѣ, какъ онъ представился къ спору, есть вопросъ не важный.

Но «Экономическій Указатель» можетъ сказать, что онъ не считаетъ споръ, вызванный «Современникомъ», — важнымъ, потому, что наука давно уже рѣшила этотъ споръ. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ, убѣдиться не трудно. Въ чемъ заключается споръ? «Современникъ» защищаетъ принципъ общиннаго пользованія землею; «Экономическій Указатель» возстаетъ противъ этого принципа и защищаетъ принципъ личной поземельной собственности. Если по мнѣнію «Экономическаго Указателя» наука рѣшила споръ и произнесла послѣднее слово въ пользу принципа личной поземельной собственности, то какъ же большая часть Европы, съ населеніемъ шестидесяти миліоновъ жителей (*), развиваетъ противоположный принципъ, то есть принципъ общиннаго пользованія землею. Неужели шестьдесятъ миліоновъ жителей съ ихъ исторіей, ничего не значуть? Неужели голосъ нѣсколькихъ ученыхъ экономистовъ, взрослыхъ среди принципа личной поземельной собственности и не изучившихъ противоположнаго принципа, тамъ, гдѣ онъ существуетъ многіе вѣка во всей силѣ и чистотѣ, сильнѣе убѣжденій 60,000,000? Добро бы еще всѣ западные экономисты единогласно признали принципъ личной поземельной собственности, какъ непоколебимую истину; тогда «Экономическій указатель» имѣлъ бы еще нѣкоторое право слѣпо довѣрять этому принципу, на томъ основаніи, что наука, которой онъ является представителемъ, развилась у народовъ, признающихъ передовыми народами. Но неужели «Экономическій Указатель» не знаетъ, что именно на Западѣ-то (**) и идетъ самый горячій, непримиримый споръ; что уже полстолѣтія, какъ серьезно поднятъ самый важный вопросъ о распредѣленіи богатствъ; что наука слишкомъ пренебрегала этимъ вопросомъ, что всѣ добросовѣстные экономисты, къ какой бы партіи они ни принадлежали, признаютъ этотъ пробѣлъ въ наукѣ, признаютъ, что рамка, принятая для науки, тѣсва и что ее надо расширить; что надъ вопросомъ о распредѣленіи богатствъ трудились и трудятся многіе; что вопросъ этотъ непосредственно вѣдется съ вопросомъ о способѣ пользованія землею и что мнѣніе, противоположное мнѣнію «Экономическаго Указателя», фактически поддерживается 60,000,000 жителей. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что гордиться рѣшеніемъ вопроса можетъ не наука, а

(*) Россіиане вообще и нѣкоторые южные славяне.

(**) Мы нарочно указываемъ на Западъ, потому что «Экономическій Указатель» явился представителемъ одной изъ школъ экономистовъ, развивавшихся на Западѣ.

только та школа, къ которой принадлежит «Экономическій Указатель».

«Экономическій Указатель» полагаетъ, что принципъ общиннаго пользованія землею держится только при рѣдкомъ населеніи и что, при извѣстной степени густоты населенія и развитія народа, онъ замѣняется принципомъ личной поземельной собственности, и такое мнѣніе основываетъ на примѣрѣ западныхъ странъ Европы (*).

На основаніи этого мнѣнія, «Экономическій Указатель» можетъ полагать и, кажется, полагаетъ, что примѣръ 60,000,000 жителей,

(*) Полагаемъ, что мы не приписываемъ «Экономическому Указателю» такого мнѣнія, котораго онъ не разделяетъ, основываясь на слѣдующихъ словахъ.

«Экон. Указ.» № 25 стр. 585. «Общинное владѣніе всегда существуетъ только въ малонаселенныхъ странахъ, относительное число жителей которыхъ или не возмѣщается совершенно, или, хотъ и возмѣщается, но очень медленно.»

«Экон. Указ.» № 25 стр. 586. «Вотъ почему эта система владѣнія (система общиннаго владѣнія землею) оставляется каждымъ племенемъ, какъ только окрѣпнуть его силы, возмужаетъ разсудокъ и явится борьба съ нуждою, составляющая лучшую школу для образованія и улучшеній, пробный камень способностей и духа народа.»

«Экон. Указ.» № 27 стр. 633. «Онъ (критикъ «Современника») увѣряетъ, что Англія и Франція вступили уже въ тотъ періодъ, когда единственнымъ средствомъ спасенія ихъ земледѣльческаго сословія — владѣніе землею миромъ! Грустное положеніе этихъ странъ! Послѣ нѣкоторыхъ усилій, свернувъ отжитыя формы хозяйственной общины, съ которою западные варвары вошли въ Европу, они снова вступили въ этотъ допотопный періодъ развитія!

«Экон. Указ.» № 29 стр. 682. «Общинное пользованіе землею можетъ быть выгоднымъ для нѣкоторыхъ мѣстностей, или покрайней мѣрѣ считаться такимъ, пока не размножится населеніе, не оскудѣютъ земли, не окрѣпнетъ воля и не образуются гражданскія отношенія въ обществѣ; но считать его образцовою формою владѣнія, отдавать ему преимущество предъ частною личною поземельною собственностію, было бы крайнимъ заблужденіемъ, опровергаемымъ и исторіею и опытомъ.»

Хотя «Экон. Указ.» въ своей статьѣ, въ № 22 на стр. 508, и говоритъ: «Пожалуй, можно сидѣть объяснять характеръ хозяйства общиннаго однимъ обиліемъ земель, но гдѣ же напримѣръ такое обиліе угодій въ нашихъ малоземельныхъ губерніяхъ?» Хотя слова эти прямо противоположны первой, слѣзавной нами, выпискѣ (изъ № 25 стр. 585), но мы позволили себѣ приписать «Экон. Ук.» то мнѣніе, духомъ котораго проникнуты всѣ его статьи по поводу вопроса о поземельной собственности.

Встрѣтившееся же противорѣчіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что «Экон. Указ.» не имѣетъ еще установившагося убѣжденія; что онъ то подчиняется теоріямъ той школы, къ которой принадлежитъ, то отдается собственному здравому смыслу, оправдываемому дѣйствительностью, и что онъ не ринкалъ въ причины и мало знакомъ съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Предположеніе позволительное уже по тому одному, что «Экон. Указ.» началъ споръ съ пренебреженіемъ къ самому предмету спора, а тотъ, кто смотритъ на какойнибудь предметъ съ пренебреженіемъ, обнаруживаетъ, что предметъ этотъ мало его интересуеть; потому онъ и не знакомится съ нимъ.

славянского племени, развивающихъ принципъ общиннаго пользованія землею, не опровергаютъ выводы той школы, къ которой онъ принадлежитъ; потому что страны, занимаемыя этими племенами, рѣдко населены, что народы эти мало развиты и что для нихъ не пришло еще то золотое время, когда они должны перейти къ принципу личной поземельной собственности. Если бы предположеніе «Экономическаго Указателя» было вѣрно, то отчего же весьма густо населенныя губерніи Россіи сохраняютъ принципъ общиннаго пользованія землею во всей чистотѣ? Отчего менонисты переходятъ къ принципу общиннаго пользованія землею? Видно принципъ этотъ держится не отъ тѣхъ причинъ, которыя предполагаетъ «Экономическій Указатель»; видно есть другія причины, въ которыя не лишнее бы было возникнуть «Экономическому Указателю.»

Основывать свои заключенія на примѣрѣ западныхъ народовъ также нельзя, ибо неслѣзя признать, чтобы характеръ западно-европейской общины былъ сходенъ съ кореннымъ общиннымъ бытомъ Руси. Это вопросъ спорный (*). Да и могъ ли принципъ общиннаго пользованія землею проявляться на Западѣ въ такомъ безусловномъ, всеобъемлющемъ видѣ, въ какомъ является онъ въ настоящее время на Руси? Въ такомъ видѣ принципъ могъ развиваться только тамъ, гдѣ не было побѣжденныхъ и побѣдителей, гдѣ не было насильственного завладѣнія землею, гдѣ не было рабовъ, гдѣ не было правъ первородства и майоратства и т. п. и гдѣ искони каждый, въ своей общинѣ, имѣлъ право на пользованіе землею въ равной со всѣми степени.

Если западныя общины не имѣли тѣхъ же коренныхъ нормъ, того же характера, какъ у славянскихъ народовъ, то Западъ не можетъ и быть примѣромъ. Наконецъ уже потому одному, что вопросъ объ характерѣ тѣхъ и другихъ общинъ есть вопросъ спорный, въ наукѣ, онъ не можетъ приниматься за основаніе для заключенія, и потому, наука не давала права «Экон. Указ.» пренебрегать протестующимъ противъ его мнѣнія живыми фактами, въ числѣ, не считая маловажнымъ — 60,000,000, жителей.

Итакъ, споръ о поземельной собственности есть споръ современный, ибо непосредственно вѣжется съ вопросомъ переходѣ отъ труда обязательнаго къ труду свободному, вопросомъ, признаннымъ уже вообще въ высшей степени современнымъ; споръ важный, потому что касается самаго кореннаго вопроса науки, Какъ ни казалось бы съ перваго взгляда негѣбно мнѣніе, предложенное къ спору о предметѣ важномъ въ наукѣ, — наука не должна отвѣчать съ пренебреженіемъ.

(*) Для насъ вопросъ этотъ кажется положительно рѣшеннымъ.

онъ, а обязана, изъ уваженія къ самой себѣ, съ достоинствомъ очистить себя и указать фальшивую сторону предложеннаго къ спору мнѣнія. Но споръ, предложенный «Современникомъ», вовсе не таковъ; онъ не могъ и съ перваго взгляда казаться нелѣпнымъ; споръ важенъ уже не по одному тому, что касается важнаго вопроса въ наукѣ, но потому, что опирается на 60.000.000 жителей — не бездѣлица!

Обратимся теперь къ самой сущности вопроса и прежде всего выскажемъ въ самыхъ короткихъ словахъ нашъ взглядъ. Опытныя наблюденія надъ характеромъ общинаго пользованія землею на Руси, обсужденіе этого предмета со всѣхъ сторонъ и примѣры народовъ, развивающихъ противоположныя начала, окончательно убѣдили насъ, что общинное пользованіе землею есть, въ настоящее время, единственное рѣшеніе той важной экономической, и даже, выѣстъ съ тѣмъ, и философской задачи, — потребность рѣшенія которой волнуетъ многіе народы.

Общинное пользованіе землею:

1) Уравниваетъ естественныя права человѣка — потому что явленіе человѣка на свѣтъ даетъ ему право на землю, какъ на одинъ изъ даровъ Божіихъ, необходимыхъ для существованія такъ же, какъ воздухъ, вода и солнце;

2) Дѣлаетъ cadaго человѣка собственникомъ;

3) Обусловливаетъ наибольшую производительность;

4) Не лишая человѣка необходимаго орудія для труда — обусловливаетъ распредѣленіе богатствъ пропорціонально количеству употребленнаго труда и личнымъ способностямъ cadaго;

5) Составляетъ непоколебимый оплотъ противъ разврата и безправственности; ибо давая человѣку собственность, даетъ возможность вступать въ семейныя узы въ юношескіе годы (*), когда человѣкъ полонъ здоровья, силы и свѣжести, — и, обусловливая этимъ естественную жизнь, не вынуждаетъ человѣка нарушать законы природы, нарушеніе которыхъ не проходитъ безнаказанно;

6) Давая cadaму человѣку собственность, уничтожаетъ пролетаріатство, обусловливаетъ для cadaго домоводство, cadaму даетъ самостоятельность и независимость — не по одному названію, но на самомъ дѣлѣ;

7) Давая cadaму осѣдность и средства къ жизни, вполне обеспечиваетъ правильное, и плавное развитіе страны.

Пожалуй, такія положенія могутъ показаться слишкомъ напыщенными и смѣлыми, но пусть безпристрастный читатель выкажетъ въ предметъ поглубже, — и онъ сознаетъ справедливость ихъ. Какъ бы то ни было, таковы наши убѣжденія, въ истинѣ которыхъ не со-

(*) Что и дѣлается во всей Россіи.

ниваемся. Но какъ всякая истина наибольше уясняется, распространяется и водворяется чрезъ столкновение съ противоположными убѣжденіями, то, во имя любви къ истинѣ, мы рады всякому возраженію, всякимъ нападкамъ на принципъ общиннаго пользованія землею, и вообще, уважая всякое мнѣніе, мы съ полнымъ хладнокровіемъ готовы защищать наши убѣжденія; потому съ большимъ терпѣніемъ ждали возраженій «Эк. Ук.» противъ общиннаго пользованія землею. Мы радовались, что наконецъ самый современный и самый важный вопросъ выступаетъ на общественную литературную арену. Мы готовились встрѣтить серьезныя возраженія, но къ сожалѣнію вышло не такъ: вмѣсто того, чтобы опровергать нападки «Эк. Ук.» на общинное пользованіе землею, приходится доказывать, что «Эк. Ук.» не только не понимаетъ духа русской общины, но не знаетъ даже самыхъ обыкновенныхъ ея формъ, не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ сельскаго общиннаго быта. Мы полагаемъ было дѣлать выписки изъ статей «Эк. Ук.» и доказывать, что его нападки обращены не на общинное владѣніе землею, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, а на какую то общину, созданную собственнымъ его воображеніемъ; но скоро увидѣли, что надо перепечатать всѣ его статьи, цѣликомъ, и возражать почти на каждое слово, а потому, чтобы не запутывать вопроса, настаиваемъ, въ этой статьѣ, опровергнуть тѣ нападки, которыя дѣйствительно направлены противъ принципа общиннаго пользованія землею и могутъ казаться серьезными.

Чтобы сдѣлать преніе какъ можно точнѣе, выставимъ эти нападки какъ можно рѣзче и болѣе опредѣлительно, нежели они высказаны «Экономическимъ Указателемъ».

Общинное владѣніе землею:

- 1) Останавливаетъ возможность надлежащихъ усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ;
- 2) Уменьшаетъ производительность;
- 3) Стѣсняетъ волю члена общины;
- 4) Не даетъ члену общины личной поземельной собственности.

Отвѣтъ на первую нападку. На основаніи какихъ умозаключеній и фактовъ можно полагать, что общинное пользованіе землею лишаетъ возможности вводить усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ?—Непотому ли, что мы не видимъ ихъ въ общинахъ на земляхъ, находящихся въ общинномъ пользованіи? Но рядомъ съ землями, находящимися въ общинномъ пользованіи, находятся земли состоящія въ личномъ владѣніи помѣщиковъ. Мы видимъ, что хозяйство на этихъ земляхъ ничѣмъ не отличается отъ хозяйства крестьянскаго; между тѣмъ ни одинъ фермеръ въ Англіи не пользуется

такими предетвами, какъ помѣщики въ Россіи. Не думаетъ ли «Эк. Ук.», что всѣ помѣщики чужды хозяйственныхъ познаній, — значито образованные помѣщики не живутъ въ своихъ помѣстьяхъ? — Огьтакого предположенія лучшее лекарство — путешествіе по Россіи и ближайшее съ нею знакомство. Тогда не трудно убѣдиться, что вездѣ встрѣчаются и образованные и опытные хозяева, и если они не вводятъ еще тѣхъ усовершенствованій, какія введены въ другихъ странахъ Европы, то потому единственно, что еще не настало то время, когда эти усовершенствованія могутъ быть выгодны; и въ этомъ убѣждаются не одними умозаключеніями, но и примѣрами тѣхъ, которые дѣлали опыты. До крайности смѣшно предполагать, чтобъ дѣлая масса личныхъ владѣльцевъ землею отказывалась отъ своихъ выгодъ. Пора убѣдиться въ неоспоримой истинѣ, что всякое усовершенствованіе, и въ чемъ бы то ни было, козъ скоро оно приноситъ существенную выгоду, не замедлитъ явиться и развиться. Итакъ ясно, что останавливать на общинное пользованіе землею общиненіе, что оно останавливаетъ развитіе сельскаго хозяйства въ настоящее время, — нѣтъ никакого повода. Слѣдовательно «Эк. Ук.» можетъ только предполагать, что общинное пользованіе землею представить неодолимыя преграды введенію усовершенствованныхъ способовъ хозяйства, въ то время, когда они будутъ въ состояніи приносить существенныя выгоды (что должно быть при увеличеніи народонаселенія).

Если такое убѣжденіе основывается на одномъ предположеніи, то и намъ позволено отвѣчать предположеніемъ. Но наши предположенія будутъ имѣть въ основаніи факты, тогда какъ предположенія «Эк. Ук.» основываются только на умозаключеніяхъ одной изъ школъ западныхъ экономистовъ, которая, не будучи знакома съ тѣмъ характеромъ общиннаго владѣнія землею, какимъ онъ долженъ быть и какииъ является на Руси, не могла и имѣть фактовъ въ подтвержденіе своихъ умозаключеній.

Мы думаемъ совершенно обратно, нежели «Эк. Ук.» : мы не только скажемъ, что общинное пользованіе землею не задерживаетъ развитія сельскаго хозяйства, но скажемъ, что общинное пользованіе землею есть такой видъ владѣнія, при которомъ только и возможно полное и безграничное развитіе усовершенствованныхъ способовъ сельскаго хозяйства.

Убѣдиться въ такомъ мнѣніи не трудно. Возьмемъ живой фактъ: воспользуемся примѣрами, которые представляютъ намъ Англія и Франція.

Во Франціи раздробленіе поземельной собственности въ личное владѣніе доведено до крайнихъ предѣловъ; ни «Эк. Ук.» и никто не станетъ оснаривать тѣхъ неодолимыхъ преградъ, которыя предста-

взять подобный порядок вещей для усилъховъ сельскаго хозяйства.

Чтобъ судить о мелкости участковъ во Франціи, приведемъ нижеслѣдующую таблицу числа и величины участковъ за 1836 годъ.

Число участковъ.	Подать съ участка. менѣе чѣмъ 5 франк.		
5,205,411			
1,751,994	отъ	5 до	10 фр.
1,514,251	—	10 —	20 —
739,206	—	20 —	30 —
689,165	—	30 —	50 —
553,230	—	50 —	100 —
341,159	—	100 —	300 —
57,555	—	300 —	500 —
33,196	—	500 —	1000 —
13,361	—	1000 и болѣе	—

10,893,528 (*).

Средняя подать съ одного гектара считается около 2 $\frac{1}{2}$ фр. (гектаръ составляетъ $\frac{1}{10}$ десятины); поземельныхъ владѣльцевъ насчитывали въ 1836 году около 4,000,000.

По этимъ даннымъ можно судить, что большая часть участковъ такъ малы, что не только невозможно предпринимать осушеніе болотъ (безъ совокупнаго желанія многихъ владѣльцевъ), не только невозможно введеніе усовершенствованныхъ орудій, которыя могутъ быть употребляемы съ выгодною только при хозяйствахъ довольно значительныхъ размѣровъ, — но большая часть участковъ не имѣетъ даже возможности содержать рабочій скотъ. Доказывать здѣсь невозможность усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ при мелкости поземельныхъ участковъ, находящихся въ личной собственности, считаемъ излишнимъ, потому что это ясно для всѣхъ; это сознаетъ и «Экономич. Указ.» и, наконецъ, предметъ этотъ подробно разобранъ въ статьѣ «О поземельной собственности», помѣщенной въ «Современникѣ» за сентябрь мѣсяцъ, 1857 г., стр. 48 до 57.

Англія представляетъ намъ другой примѣръ: — тамъ поземельная собственность сосредоточивается въ рукахъ одного немногочисленнаго сословія, составляющаго аристократическій классъ; земля не дробится; землевладѣльцы преимущественно отдають землю въ аренду фермерамъ, и, въ настоящее время, большая часть фермъ представляютъ хозяйства въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ усовершенствованные способы сельскаго хозяйства возможны. Мелкія

(*) Эти участки разбиты на клочки, которыхъ насчитывали въ 1836 году 123,360,366.

фермы очень рѣдки, да и тѣ быстро уничтожаются, сдвигаясь въ фермы большихъ размѣровъ. Итакъ, въ Англіи не только нѣтъ земледѣльцевъ-собственниковъ, но нѣтъ и такихъ земледѣльцевъ; интересы которыхъ были бы связаны съ производительностью земли.

Изъ сравненія двухъ противоположныхъ господствующихъ принциповъ, — одинъ въ Франціи, другой въ Англіи, — видно, что какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ свои выгоды и невыгоды.

Принципъ, господствующій во Франціи, имѣетъ то достоинство, что обуславливаетъ, если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для значительнаго числа людей (*), возможность имѣть личную поземельную собственность; но зато принципъ этотъ имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что представляетъ неодолимыя преграды развитію сельского хозяйства.

Принципъ, господствующій въ Англіи, заключаетъ въ себѣ то достоинство, что не представляетъ препятствія для развитія сельского хозяйства, но имѣетъ тотъ страшный недостатокъ, что исключаетъ земледѣльцевъ-собственниковъ, замѣняя ихъ наемщиками, то-есть обращаетъ всѣхъ земледѣльцевъ въ батраковъ, трудъ которыхъ никогда не можетъ сравниться съ трудомъ собственниковъ.

Принципъ общиннаго пользованія землею, въ томъ видѣ, какъ онъ является на Руси, миритъ два вышеприведенные принципа: онъ уничтожаетъ недостатки ихъ и соединяетъ достоинства, и, къ довершенію всего, не заключаетъ этихъ достоинствъ въ извѣстныя узкіе предѣлы, какъ мы видимъ это во Франціи и въ Англіи, но даетъ этимъ достоинствамъ полное развитіе.

Для большей ясности представимъ себѣ слѣдующій случай.

Землевладелецъ, имѣющій небольшой участокъ земли, самъ занимается хозяйствомъ; участокъ его такихъ размѣровъ, что недопускаетъ примѣненія съ выгодною всѣхъ возможныхъ усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ; кромѣ того, въ его участкѣ заключается часть болота; все же болото находится въ рукахъ нѣсколькихъ владѣльцевъ, которые, положимъ, не имѣютъ средствъ, или не желаютъ участвовать въ осушеніи его. Словомъ сказать, *землевладелецъ* видитъ, что для свободнаго, нестѣсняемаго ничѣмъ, хозяйства необходимо образовать такую дачу, которая имѣла бы извѣстныя естественныя границы, сообразно мѣстности. *Землевладелецъ* имѣетъ капиталъ; онъ скупаетъ сосѣднія земли и становится владѣльцемъ такой дачи, которая уже не представляетъ никакого препятствія для всякихъ усовершенствованій, какія только изобрѣлъ человѣческій умъ; все болото и пунктъ, куда можно опустить воду, поступили въ

(*) Поземельною собственностью пользуются до $\frac{3}{4}$ земледѣльческаго или $\frac{1}{4}$ общаго населенія страны.

его владѣніе. Сдѣлавшись полнымъ господиномъ большой дачи, *землевладелецъ* замѣчаетъ, что хозяйство его приняло такіе размѣры, онъ имѣетъ столько работниковъ, что нѣтъ ему физической возможности наблюдать за правильнымъ, добросовѣстнымъ и усидчивымъ исполненіемъ работъ; онъ уже не можетъ отличить хорошаго рабочаго отъ дурнаго, не можетъ по совѣсти наградить одного передъ другимъ, и потому скоро видитъ, что всѣ рабочіе стали работать одинаково неусердно и небрежно, что на работу, которая могла быть исполнена двумя рабочими, употребляется три, и она, при всемъ томъ, производится не съ надлежащею тщательностью. Такимъ образомъ, *землевладелецъ* убѣдился, что онъ много терпитъ, какъ отъ несовершенства работъ, такъ и отъ неполнаго труда каждаго рабочаго, и что при подобномъ порядкѣ вещей, отъ его потери рабочіе не выигрываютъ, слѣдовательно есть существенная потеря въ производительности.

Что дѣлать? нанять надсмотрщиковъ — новый расходъ; вознаградятся ли они? и достигнутъ ли этимъ *землевладелецъ* того, чего нужно? Надо, чтобъ каждый надсмотрщикъ, кромѣ добросовѣстности, зналъ свое дѣло. Положимъ, что я и найду такихъ людей — думаетъ *землевладелецъ*, — но вѣдь интересы ихъ не будутъ связаны съ моими интересами? какая имъ нужда наблюдать и изучать степень труда каждаго рабочаго? будутъ ли они справедливы въ ихъ оцѣнкѣ, и могу ли я въ этомъ случаѣ повѣрять ихъ? Придется слѣпо довѣрять имъ. Нѣтъ, эта мѣра негодится.

Не раздѣлить ли мои владѣнія на участки и не раздать ли ихъ фермерамъ? Но этимъ я опять ставлю каждый участокъ въ невозможность воспользоваться всѣми возможными усовершенствованіями; это значитъ идти назадъ. Я самъ скупаю сосѣдніе участки, для того, чтобъ имѣть такую дачу, которая могла бы съ выгодною вынести всѣ расходы по усовершенствованію хозяйства. Да притомъ, между мною и земледѣльцемъ, являются посредники, доходы которыхъ будутъ на счетъ того дохода, который могъ бы получить я самъ, имѣя дѣло непосредственно съ земледѣльцами. Наконецъ, если мнѣ неизбежно нужно лишиться части возможнаго дохода, то не справедливѣе ли устроить такъ, чтобъ эта часть обращалась въ пользу трудящихся земледѣльцевъ, которые потомъ своимъ орошаютъ поля?

Чтобъ достигнуть желасмой цѣли, т. е., чтобъ характеръ хозяйства обуславливалъ наибольшую производительность, необходимо было не дробить дачу, дабы она могла выдерживать расходы по усовершенствованію въ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвать со стороны трудящихся полный трудъ.

Земледѣлец убѣдился уже, что ни чрезъ надзорщиковъ, ни чрезъ посредниковъ, нельзя вызвать со стороны трудящихся полноту труда; что для этого необходимо связать интересы трудящихся съ производительностью ихъ труда.

И такъ; вопросъ привелся къ тому, чтобъ, не дробивши дачи, связать интересы земледѣльцевъ съ производительностью ихъ труда.

Въ силу такого убѣжденія, достигнутаго постепенно опытомъ, земледѣлецъ созываетъ всѣхъ рабочихъ и объявляетъ имъ, что онъ отдаетъ землю въ общее всѣхъ ихъ и потомства ихъ пользование, и за это они обязаны платить ему такую-то сумму; что онъ не можетъ имѣть дѣло съ каждымъ рабочимъ и возлагаетъ отвѣтственность на все общество рабочихъ. Отвѣтственность на все общество земледѣлецъ возлагалъ съ тою цѣлью, чтобъ общество придумало средство, удовлетворяя всѣмъ потребностямъ хозяйства, сохранить цѣльность дачи, что было необходимо, какъ сказано выше, для возможности введенія разныхъ усовершенствованій.

Возрадовалось сердце каждаго рабочаго; воспрянулъ въ немъ духъ: теперь уже нечего бояться, что не сегодня, такъ завтра—прогонятъ его за излишествомъ, или по какойнибудь другой причинѣ. Теперь онъ имѣетъ осѣдлость, имѣетъ постоянное занятіе и работаетъ онъ не за опредѣленное постоянное жалованье, нѣтъ: теперь чѣмъ болѣе онъ потрудится, — больше и получить.

Вотъ, собрались всѣ рабочіе и стали толковать, какъ бы устроить имъ новый ихъ бытъ.

Вотъ какъ уладимъ мы, говоритъ одинъ: — насъ всѣхъ сто человѣкъ. Раздѣлимъ мы всю землю на сто равныхъ частей, кинемъ жеребьи, и кому какой участокъ достанется, тотъ и бери его, селись на немъ и работай; и выберемъ мы одного старшаго, который бы собирать съ насъ деньги и вносить ихъ владѣльцу.

— Экъ, что выдумать, говоритъ другой: — да развѣ земля-то вездѣ одинаковая? въ дачѣ-то есть и супесокъ, и суглинокъ, и жирная земля, и вовсе негодная: — одному достанется хорошая, а другому дурная.

Третій. Мало того, — развѣ можно такъ подѣлить землю, чтобъ на каждомъ участкѣ была вода? Какъ же я буду жить-то на немъ безъ воды? и для дому, и для скотины, и для огорода надо возить, а возить-то въ другомъ мѣстѣ придется издалека. Такъ и не будешь знать, что дѣлать: воду ли возить, или землю пахать?

Первы. Выкопаемъ колодцы.

Четвертый. Колодцемъ не вездѣ воду добудешь; въ иномъ мѣстѣ, чтобъ до воды добраться, работы на годъ, а нѣтъ—и на два будетъ вволю; съ голоду и жажды померешь и семью уморишь, пока

выросши; да одному-то и вовсе нельзя копать, а наймешь копать, так колодезь дороже всего достатка и всей скотины обойдется. Въ другомъ житье; пожалуй, и скоро воду добудешь, да попадется такая, что и скотину поморишь, да и самъ сдохнешь отъ нея.

Пятый. Какъ же мы съ скотиной-то будемъ? развѣ каждому пастуха нанимать?

Первый. Затѣмъ пастуха? каждый огородить свою землю и разгородить поля и будетъ пускать скотину то въ одно, то въ другое поле, въ которое будетъ можно.

Шестой. Легко сказать, огородить свой участокъ и разгородить всѣ поля: вѣдь изгороди-то не одна верста наберется; надо вырубать лѣсу, надо привести, надо огородить, — глядишь на полгода работы хватить.

Седьмой. Ну, полежаешь, что исподоволь и подѣлаешь изгороди; да вѣдь каждый годъ надо чинить — все время.

Восьмой. Хорошо, коли еще для изгороди есть лѣсъ, а какъ его вѣтъ, — тутъ какъ быть?

Первый. Сдѣлать живыя изгороди.

Десятый. Конечно, живыя изгороди хорошо, да сколько надо труда, чтобъ ихъ развести, потомъ содержать; вѣдь каждому понадобится развести по меньшей мѣрѣ версты три. Исподоволь бы и можно, да сила въ томъ, что много будетъ труда, а толку мало. Отъ скотины живая изгородь не всегда спасетъ, да и шутка ли на всю дачу — триста верстъ изгороди, когда можно десятой долей обойтись.

Девятый. Пускай мы и подѣлаемъ изгороды, и разгородимъ поля, и не будемъ держать пастуховъ, а куда мы дѣнемъ скотину въ то время, какъ ни въ одно поле ее пускать нельзя? надо имѣть выгонъ, а попадется ли на каждый участокъ такая земля, чтобъ для выгону годна была?

Первый. Выгонъ можно сдѣлать общій.

Одиннадцатый. А какъ же скотина попадетъ на тотъ выгонъ? Надо будетъ гонять ее черезъ чужія поля; ну, положимъ, что для этого выгородимъ дороги, то какимъ манеромъ пастухъ будетъ собирать скотину, когда одинъ живетъ на одномъ концѣ дачи, а другой на другомъ?

Двадцатый. Ну, а съ лугами какъ же мы сдѣлаемъ? не унаровишь тоже такъ, чтобъ луга въ каждый участокъ достались.

Тринадцатый. Вѣдь и лѣсъ тоже не всякому попадется.

Четырнадцатый. Извѣстное дѣло: луга ли, лѣсъ ли, къ одному мѣсту держутся, гдѣ имъ быть должно.

Первый. Вижу теперь, что разселиться намъ порознь неудобно, а надо поселиться вѣстѣ, и выгономъ и лѣсомъ владѣть сообща.

Пятнадцатый. Вотъ уже онъ заговорилъ другое, видно не ладно придумалъ. Слышалъ я, братцы, ваши умныя рѣчи, — придумалъ уладить инымъ манеромъ; можетъ, тоже не совсѣмъ ладно, а все-таки будетъ для насъ сподручнѣе. Поселиться намъ надо возлѣ рѣки, чтобъ было привольно и для насъ, и для скотины, и для птицы; да чтобъ и огороды было чѣмъ поливать; словомъ сказать, чтобъ вода намъ не дѣлала хлопотъ, и чтобъ изъ-за нея намъ не трудиться безъ нужды. И выберемъ мы мѣстечко, хоть бы въ колѣнѣ, что рѣка дѣлаетъ — въ подугорье; тамъ затишье отъ ненастья, отъ многихъ вѣтровъ и отъ заморозковъ спасенье, значить всякому растенію въ огородахъ, и дереву въ саду, — хорошо будетъ; ну, и мѣсто это такое, что, почитай, въ серединѣ дачи будетъ. Сперва мы разобьемъ дачу на пять участковъ: въ одномъ будетъ земля полевая, въ другомъ — запольная, въ третьемъ — луговая, въ четвертомъ — выгонъ, въ пятомъ — лѣсъ. Полевою землю разобьемъ на столько полей, сколько намъ нужно; потомъ каждое поле разобьемъ на участки такъ, чтобъ отдѣлить земли хорошія, средственныя и худыя. Каждый такой участокъ разобьемъ на сто полосъ такъ, чтобъ каждому досталось по ровну всякой земли.

Шестнадцатый. Это придумано ладно, да вѣдь одному придется полоса близко отъ селенія, а другому далеко; еще кабы позему не возить, такъ и небольшая была бы бѣда; ну, а наша земля безъ позему не родить, такъ оно многимъ будетъ обидно.

Семнадцатый. Чтожь, этому горю пособить можно. Мы раздѣлимъ сперва каждый участокъ хорошей, средственной и худой земли на двѣ половины, и ужъ каждую половину на сто полосъ, и разберемъ эти полосы, въ переверотъ, такъ, чтобъ въ одной половинѣ приходилась мнѣ ближняя, а въ другой половинѣ дальняя полоса: примѣромъ сказать, пусть мнѣ въ первой половинѣ будетъ первая полоса, а во второй сотая; другому въ первой половинѣ вторая, а во второй девяносто-девятая полоса; послѣднему въ первой половинѣ будетъ сотая, а во второй первая полоса. Такимъ манеромъ и будетъ всѣмъ безобидно.

Восемнадцатый. Стало и луга мы раздѣлимъ также, чтобъ всякому досталось и хорошей и худой травки.

Девятнадцатый. Ну, само собою разумѣется, только на ближнія и дальнія полосы хоть дѣлить, хоть не дѣлить — все равно; по моему лучше не дѣлить, потому тутъ важности нѣтъ; да признаться, луга-то надо кажинный годъ дѣлить.

Двадцатый. Какъ же съ лѣсомъ-то быть? его ужъ дѣлить хитро.

Двадцать-первый. Лѣсъ мы разобьемъ на двѣ половины: въ одной половинѣ будемъ рубить для дровъ и для домашнего обиходу, а

другую половину закажемъ, чтобъ тамъ никто безъ спросу рубить не могъ, а кого изловимъ, тотъ плати штрафу за порубъ въ три-дорога.

Двадцать-второй. Все это будетъ хорошо; но вотъ что: у меня трое сыновей; теперь еще они малы, а подростутъ, да поженятся, такъ съ одного участка не прокормиться; вѣдь надо будетъ и имъ землю дать.

Двадцать-третий. Такъ чтожь? у насъ вѣдь есть запольная земля, мы изъ нея и будемъ выдѣлять.

Двадцать-четвертый. А коли мы будемъ выдѣлять прибылыхъ земли запольныхъ, необработанныхъ,—имъ тяжело будетъ. А мы вотъ что сдѣлаемъ. Намъ вѣдь надо собирать хлѣбъ въ запасъ, такъ заведемъ мы общее поле, хоть небольшое; однимъ днемъ сообща будемъ его запахивать, сообща однимъ днемъ убирать и молотить. Хлѣбъ—то будемъ въ запасъ собирать и какъ наконится вволю, то и продавать, а деньги въ продать отдавать. Изъ этого-то общаго поля, мы и будемъ прибылыхъ надѣлять.

Двадцать-пятый. Ну какъ же мы сдѣлаемъ, когда намъ не изъ чего будетъ прибылыхъ землей надѣлять?

Двадцать-шестой. Ну, тогда лишніе другимъ чѣмъ на сторонѣ будутъ промышлять, приучаться къ какому нибудь мастерству; мастеровые люди вездѣ нужны.

Двадцать-седьмой. Придетъ время, что и мастеровыхъ будетъ вездѣ полно, и работы не найдутъ, такъ съ голоду, что ли, лишнимъ то умирать?

Двадцать-восьмой. Съ голоду не помрутъ; тогда мы сдѣлаемъ участки поменьше; народу въ ту пору будетъ больше и скотины будетъ больше, ну и позему будетъ больше; а коли позему въ землю воложишь больше, да вспашешь землю лишній разъ, то и хлѣбъ уродится больше: оно одно на другое и наведетъ.

Двадцать-девятый. Все это, братцы, хорошо, но вотъ что: вѣдь луговъ—то у насъ будетъ мало. Если посчитать, сколько намъ скотины каждому надо завести, такъ это, почитай, будетъ слишкомъ вдвое противу того, что хозяинъ держалъ; чѣмъ мы будемъ скотину-то кормить?

Тридцатый. Бѣда не велика: у насъ въ дачѣ большущее болото есть, все въ нашемъ владѣніи; есть куда его и спустить; стало ничего намъ не мѣшаетъ осушить его: покопаемъ канавы, расчистимъ, да выкарчемъ, такъ знатные луга будутъ.

Тридцать-первой. Оно легко сказать, покопаемъ канавы, расчистимъ, да выкарчемъ! а какъ же мы это сдѣлаемъ?

Тридцать-второй. Какъ, какъ? да просто: канавы будемъ копать гуртомъ, либо смѣримъ, сколько всего канавъ будетъ, да на

каждого и положимъ выкопать поровну. Ну, для расчистки и корчевки разобьемъ на участки такъ, чтобъ участокъ человѣкъ на пять, или на десять приходился; потому эту работу одному неодождать, а сообщая всѣмъ работать тутъ не приходится, по той причинѣ, что другъ за другомъ не услѣдишь.

Тридцать-третій. Какъ мы съ ригами сдѣлаемся?

Тридцать-четвертый. Разумѣется, не каждому же ригу строить; оно и дорого, и не изъ чего, да и долго ли одному хлѣбъ пересушить; стало рига даромъ будетъ стоять. А мы согласимся человѣкъ по десяти, да одну ригу и построимъ; поочереди и будемъ хлѣбъ сушить.

Тридцать-пятый. Видѣлъ я, братцы, машины, которыя молотить и жать хлѣбъ, да такъ скоро, что одному и въ двадцать дней того не сдѣлать, что эти машины въ день нарабotaютъ.

Тридцать-шестой. Дѣло это не худое; сложимся человѣкъ по двадцати, да и купимъ такія машины, — это въ нашихъ рукахъ.

Тридцать-седьмой. Видать не видалъ, а слыхалъ я, что выдумали какіе-то плуги, что безъ лошадей землю пахнутъ, и этотъ плугъ въ одинъ день столько напашетъ, что и десятью плугами того не сдѣлаешь.

Тридцать-восьмой. Когда увидимъ, да смекнемъ, что отъ такихъ плуговъ польза есть, такъ завести ихъ дѣло не хитрое, помѣхи къ тому никакой нѣтъ; вотъ одному такъ оно плохо, а сообщая чего не одолѣешь.

Тридцать-девятый. Пойдите, вотъ еще, что я вамъ скажу. Настъ двое братьевъ. Я здѣсь жилъ и брату помогалъ, отъ нужды, не было другого дѣла; а у меня охоты большой пахать землю нѣтъ, потому съ измалу я плотничествомъ занимался и все по городамъ хорошую работу работалъ. Если вы мнѣ участокъ дадите, — я къ сельскому дѣлу снаровки неимѣю — такъ мнѣ и не справить его, какъ другому; да я на сторонѣ своимъ мастерствомъ больше достану; слышно, что теперь плотниковъ много требуютъ и они въ цѣнѣ стоятъ. Какъ же мнѣ быть-то? вы, пожалуй, приневолите меня землю пахать, и общественныя работы справлять; такъ эдакъ, хочешь не хочешь, живи здѣсь.

Сороковый. Да ктожь тебя держать-то будетъ? не хочешь земли брать, такъ другой возьметъ; возьметъ два участка, такъ и подать за землю платить вдвое будетъ.

Тридцать-десятый. Ну, такъ я, братцы, земли не беру.

Сорокъ-первый. Ахъ ты дурень, дурень! ктожь отъ добра отказывается? бери! что, земля-то мѣшаетъ развѣ тебѣ? тяжело, что ли, подать за нее платишь. Не хочешь ее работать, — въ наймы отдай: тебѣ

дадутъ столько, что будетъ изъ чего и подать за землю замятти и повинности справить, да и останется еще кое-что.

Сорокъ-второй. Мой совѣтъ — бери землю, и въ наймы не отдавай, а заведись хозяйствомъ; а потомъ и ступай на сторону, коли ужъ охота есть, а дома оставь жену. Она безъ тебя будетъ хозяйство править, а чего не одолѣть — принайметъ; извѣстное дѣло, уже не будетъ столько прибыли отъ хозяйства, какъ у сосѣда; ну, а все же жить семьѣ можно. У тебя же домъ будетъ. Не всегда на сторонѣ прибыльно бываетъ. Вотъ ты пошелъ же землю пахать отъ нуля; ну, и впередъ такой случай можетъ быть. Ну, тоже не здоровье придетъ, — все есть тебѣ, гдѣ голову приклонить. А если отъ всего Богъ помилуетъ, и будешь на сторонѣ хорошія денежки зарабатывать, то знатно заживешь. Поработаешь, поработаешь, да и придешь домой семью провѣдать, кое-что справить, маленько отдохнуть; денегъ кучу принесешь, и будешь въ своей семьѣ, какъ сыр въ маслѣ кататься. Ну, тоже старость придетъ, — гдѣжь ты будешь жить тогда, коли заранѣе дома не заведешь?

Сорокъ-третій. По моему, такъ землю взять, и особымъ хозяйствомъ не заводить, а держать хозяйство съ братомъ, потому — лишніе расходы. Ты будешь деньги на сторонѣ зарабатывать и брату кое-что въ помощь для хозяйства посылать, такъ у васъ такъ пойдетъ хозяйство, что любо дорого будетъ смотрѣть. Ну, когда ужъ поразживетесь хорошенько, и сыновья станутъ подростать, — тогда и раздѣлитесь.

Сорокъ-четвертый. У насъ, братцы, будутъ общія дѣла; не собираться же намъ изъ всякой бездѣлицы толковать; эдакъ много время будемъ тратить.

Сорокъ-пятый. Выберемъ промежь себя старшаго. Пускай онъ общими дѣлами и заправляеть.

Сорокъ-шестой. Ну, теперъ, кажется, обо всемъ преретолковали, какъ намъ уладиться.

Сорокъ-седьмой. Всего съ разу не разсудишь, а будемъ мы на гулянкахъ по воскреснымъ днямъ собираться, да толковать, какъ намъ свои дѣла вести, а, теперъ, пожалуй, и полно; да пойдете-на къ хозяину, объявимъ, какъ мы уладили.

Пришли рабочіе къ хозяину и рассказали ему, какъ они думаютъ устроить свой бытъ. Землевладелецъ выслушалъ и понялъ; что нельзя ничего придумать лучше:

Дача, которой онъ стремился дать естественныя законныя границы, опредѣляющіяся въ каждомъ данномъ случаѣ извѣстнымъ характеромъ мѣстности, — сохранить свою цѣльность и будетъ составлять нераздѣльную единицу; стало быть, всякія усовершенствован-

нія возможны. Интересъ каждаго трудящагося связывается съ произведеніями самаго труда, — стало быть, трудъ каждаго будетъ полный.

Итакъ, соединяются всѣ обстоятельства, при которыхъ возможна наибольшая производительность. Внутренно порадовался *земле-владелецъ* тому, что, преслѣдуя главную идею, не ударился въ частности и не взялся самъ придумывать устраивать отношенія рабочихъ между собою, а предоставилъ имъ, въ этомъ случаѣ, полную свободу самимъ вникнуть и обсудить свои интересы, — чѣмъ и достигъ осуществленія своей основной идеи.

Онъ искалъ рѣшенія вопроса экономическаго, а пришелъ къ необходимости рѣшить вопросъ социальный. Предавшись, въ этомъ случаѣ, вполне закону справедливости, онъ достигъ рѣшенія задачи. Онъ постигъ изъ этого, что удовлетвореніемъ закона справедливости удовлетворяется законъ экономическій, а потому, если человѣку приходится рѣшать вопросъ экономическій и онъ затрудняется въ его рѣшеніи, пусть ищетъ удовлетворить закону справедливости: онъ удовлетворитъ этимъ и закону экономическому, а стало быть и достигнетъ рѣшенія задачи.

Да не подумаетъ читатель, что разсказомъ о *землевладельцѣ и рабочихъ*, мы хотѣли очертить картину перехода личной поземельной собственности въ общинное пользованіе. Мы вовсе не имѣли этого въ виду. Мы хотѣли показать тѣ естественныя, въ экономическомъ смыслѣ, отношенія людей къ землѣ и между собою, къ какимъ они должны придти, если ничѣмъ не стѣснены и поставлены въ такія условія, при которыхъ и себя, и права свои на землю считаютъ равными. Эти естественныя отношенія составляютъ характеръ русской общины, слабый очеркъ смысла которой, въ экономическомъ отношеніи, даютъ приведенные въ нашемъ разсказѣ толки рабочихъ. (Отбросивъ толки о живой изгороди и о паровомъ шлугѣ, какъ вопросы преждевременныя, останется смыслъ голой дѣйствительности). Мы хотѣли показать также, что въ основаніи русской общины лежитъ самая широкая экономическая и практическая идея, проникнутая безграничнымъ духомъ справедливости, и что русская община, съ экономической точки зрѣнія, не есть явленіе отсталое, а напротивъ — передовое.

Выше мы сказали, что принципъ общиннаго пользованія землею на Руси, исключая недостатки, соединяетъ достоинства двухъ принциповъ, господствующихъ — одинъ во Франціи, другой въ Англіи, и развитію этихъ достоинствъ не ставитъ границъ. Понять это теперь не трудно:

Принципъ, господствующій во Франціи, доставилъ пользованіе землею $\frac{2}{3}$ земледѣльческаго или $\frac{1}{3}$ общаго населенія стра-

ны. Принципъ, господствующій въ Англіи, вовсе не надѣляетъ землею земледѣльцевъ. Принципъ, господствующій на Руси, надѣляетъ землею всѣхъ безъ исключенія, слѣдовательно, не только исключаетъ недостатокъ принципа англійскаго, не только заключаетъ въ себѣ достоинства принципа французскаго, но расширяетъ это достоинство до крайнихъ законныхъ предѣловъ. Дача, находящаяся въ общинномъ пользованіи, надѣляя землею всѣхъ членовъ общины, составляетъ между тѣмъ одну нераздѣльную единицу, и такую крупную единицу, которая не представляетъ такихъ физическихъ, или естественныхъ препятствій для улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, какія представляютъ мелкія личныя поземельныя собственности во Франціи. Слѣдовательно принципъ русскій, исключая недостатокъ принципа французскаго, заключаетъ въ себѣ достоинство принципа англійскаго, и расширяетъ это достоинство, потому, что владѣнія самой маленькой общины на Руси, превышаютъ своимъ размѣромъ самую большую ферму въ Англіи.

Итакъ, очевидно, что улучшенія сельскаго хозяйства, при общинномъ пользованіи землею, зависятъ только въ иныхъ случаяхъ отъ общаго согласенія членовъ общины, а въ другихъ отъ согласенія нѣсколькихъ лицъ. Физическаго же или естественнаго препятствія нѣтъ. Слѣдовательно нападать на невозможность развитія сельскаго хозяйства при общинномъ владѣніи землею—значитъ признавать невозможность согласенія между членами общины.

Но улучшеніе сельскаго хозяйства при принципѣ личной поземельной собственности возможно тоже только при ассоціаціи. Спрашивается теперь, что можетъ скорѣе сдѣлаться: ассоціація ли мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, какъ напримѣръ во Франціи, или согласеніе членовъ русской общины? Тутъ, кажется, не должно бы быть и спору, но остановимся, на всякій случай, немного на этомъ предметѣ.

При мелкости участковъ, находящихся въ личномъ владѣніи, для возможности усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ, нужна, быть можетъ, ассоціація, состоящая не изъ двухъ, не изъ трехъ, а изъ 10, 20 или 30-ти собственниковъ. Люди эти живутъ порознь, каждый на своемъ участкѣ; свиданія рѣдки, а общее свиданіе всѣхъ, которые могутъ составить ассоціацію съ выгодой, можетъ считаться какъ исключительный случай; словомъ сказать, обыденная жизнь этихъ людей находится въ такихъ условіяхъ, которыя нимаю не способствуютъ, а, напротивъ, затрудняютъ общительность ихъ между собою, и въ этомъ есть уже, нѣкоторымъ образомъ, физическое неудобство, затрудняющее возможность сближенія. Слѣдовательно, еще прежде, нежели приступить къ дѣлу, нужно много

счастливыхъ случайностей, нужно преодолѣть много физическихъ неудобствъ, чтобъ люди имѣли только возможность сговориться и согласиться составить ассоціацію. Но положимъ, что наконецъ они согласились и приступаютъ къ дѣлу, — являются страшныя неудобства.

Надо построить общую ригу. Гдѣ ее поставить, на чемъ участвовать? У Ивана. Да почему? Ивану будетъ хорошо, а Петру, Александру, Якову, Федору и Николаю приходится далеко возить хлѣбъ для сушки и отвозить потомъ зерно и солому; имъ приходится лишняя работа противъ Ивана и близкихъ его сосѣдей. Сдѣлать гумно общее? Но подъ общее для всѣхъ гумно нужно много земли; ни Иванъ и никто не согласится отдать часть земли подъ гумно, потому что для пашни остается мало. Купить землю подъ гумно у сосѣда? Но все же Ивану, Петру и Александру будетъ близко возить солому съ гумна на дворъ для скотины, а другимъ далеко, — какъ примирить выгоды всѣхъ? — Камень преткновенія.

Иванъ владѣетъ половиною болота, остальная половина котораго находится во владѣніи прочихъ членовъ ассоціаціи; ассоціація намѣрена болото осушить и сдѣлать изъ него лугъ. Но кто же будетъ пользоваться этимъ лугомъ? Неужели Иванъ будетъ пользоваться половиною всего луга, когда всѣ употребили равный трудъ? Заплатить Ивану за часть его болота и лугомъ пользоваться всѣмъ по ровну? Является общинное пользованіе: надо или согласиться на это, или отказаться отъ осушенія болота; но, въ послѣднемъ случаѣ, какая же польза отъ ассоціаціи?

Но что всего больше представить затрудненій, — это особое по каждому участку дѣленіе земли на поля. Ассоціація, въ сельскомъ хозяйствѣ, тогда только можетъ быть полезна, когда владѣнія всѣхъ, участвующихъ въ ней, составятъ какъ бы одну ферму, т. е., хозяйство ассоціаціи будетъ устроено такъ же, какъ на фермѣ, съ тою только разницею, что обработыватели земли сами землевладѣльцы. Что можно сказать про такую ферму, гдѣ земля была бы разбита сперва на нѣсколько участковъ, а потомъ уже каждый участокъ на извѣстное число полей? Кто станетъ оспаривать такую бессмыслицу; кто станетъ оспаривать, при такомъ порядкѣ вещей, потерю труда въ полевыхъ работахъ, неудобства хозяйства, страшное затрудненіе въ паствѣ скота и проч. и проч.? Какъ только участники ассоціаціи дойдутъ до вопроса дѣленія полей, такъ выйдетъ одно изъ двухъ: или они разойдутся, не составивъ ассоціаціи, или рѣшатся сбить (какъ говорится порусски) всю землю въ кучу и сдѣлать общее дѣленіе полей, т. е. признаютъ принципъ общиннаго пользованія. Здѣсь кстати вспомнимъ русскую пословицу: «какъ ни кинь, а все будетъ

книжъ»; откуда ни пойдешь, а все придеши къ тому, что принципъ общиннаго пользованія землею есть принципъ наивыгоднѣйшій. Допустимъ, что составляющіе ассоціацію и не разойдутся, и не собьютъ всей земли въ кучу, а оставляютъ особое дѣленіе полей по участкамъ; но тогда они скоро на опытъ убѣдятся, что ассоціація не принесла имъ никакой пользы: обстоятельства нисколько не измѣняются, не дѣлается никакихъ новыхъ условій, которыя бы способствовали обезреженію труда, увеличенію числа скота и тому подобнымъ средствамъ для улучшенія хозяйства; а потому такая ассоціація или скоро рушится, или будетъ существовать на словахъ, а не на дѣлѣ.

Въ русской общинѣ, для соглашенія и устройства какого либо дѣла сообща, нѣтъ и тѣни тѣхъ затрудненій и неудобствъ, какія могутъ встрѣтиться при ассоціаціи личныхъ поземельныхъ собственниковъ. Поземельная дача въ русской общинѣ составляетъ одно цѣлое; дѣленіе полей общее; люди живутъ въ кучѣ бокъ о бокъ, каждый день встрѣчаются, каждый день рядомъ работаютъ, каждый день вечеромъ калыкаютъ. Жизнь втеченіе многихъ вѣковъ при такихъ условіяхъ и при общинномъ пользованіи землею сдѣлала общительность кровнымъ девизомъ русскаго человѣка. Бхать ли въ извозъ? ѣдетъ изъ селенія не одинъ, а нѣсколько человѣкъ. Идти ли на заработку? идетъ не одинъ, а артель. Принялся ли русскій человѣкъ за мастерство? онъ не одинъ. Въ одномъ селеніи всѣ шьютъ сапоги; въ другомъ— всѣ валяютъ шляпы; въ 3-мъ вяжутъ веревки; въ 4-мъ дѣлаютъ бочки; въ 5-мъ гнутъ полозья; въ 6-мъ дуги; въ 7-мъ точутъ колеса; въ 8-мъ ткутъ полотна; въ 9-мъ все плотники; въ 10-мъ все каменщики.

Характеръ русскихъ людей таковъ, что не надо имъ много и толковать, чтобъ согласиться на какое либо дѣло. Посмотрите, напримеръ, какъ подрядчикъ запрягаетъ на какую нибудь работу: пріѣдетъ въ селеніе и позоветъ мужичка, который ужь слыветъ самымъ бойкимъ и смѣтливымъ.

— Слушай, братъ Петръ Ивановъ: мнѣ надо съ пристани въ городъ перевезти тысячу пять бревенъ. Поговори-ко своимъ, не возмущаются ли они?

— Почему же не вѣзаться, Василій Ивановичъ:—какая цѣна будетъ?

— По четвертаку со штуки.

— Маловато, Василій Ивановичъ, надо бы копѣчекъ тридцать положить.

— Двѣ копѣйки накину, хочешь бери, хочешь нѣтъ; больше не дамъ; даю ли?

— Ну, да ужь дѣлать нечего, коли болѣе не даете.

— Слушай же, Петръ Ивановъ: мнѣ надо поскорѣе двинуть, чтобъ завтра же начать, и чтобъ подводъ съ сотню было. Ты ужь смастери. Вотъ тебѣ за хлопоты пять цѣлковыхъ; когда кончуть работу,—еще дамъ; а мнѣ некогда—надо ѣхать.

— Спасибо, Василий Ивановичъ; будьте покойны и ступайте съ Богомъ; завтра приѣдемъ.

Пошелъ Петръ Ивановъ и встрѣтилъ Ивана Семенова.

— Василий Ивановичъ приѣзжалъ; работу даетъ.

— А что дѣлать?

— Да бревна съ пристани въ городъ возить.

— А какую же цѣну то положилъ?

— По четвертаку съ двуконѣшникомъ со штуки,—цѣна добрая.

— Нешто, такъ себѣ.

— Что жь, поѣдешь?

— Люди поѣдутъ, такъ и я поѣду.

— Поѣдешь ты, да поѣдетъ Карпъ, да Тимофей, такъ и люди за вами поѣдутъ, потому вамъ нужды нѣтъ, стало въ убыточную работу не полѣзете. Ступай-ко, скажи Карпу, а я къ Тимофею схожу.

Вечеромъ у избы Петра собралась кучка человѣкъ десять. Ъдетъ народъ съ работы и видитъ кучку; смотришь, ужь собралось человѣкъ двадцать или тридцать. Послушали, въ чемъ дѣло, и пошли спрашивать другъ друга.

— Что, Семенъ, ты ладишь ѣхать?

— Надо бы ѣхать, потому—я ужь у Василия Ивановича работалъ, деньги не задерживаетъ. Ну, а ты, Захаръ?

— Люди ѣдутъ, такъ что жь мнѣ дома-то сидѣть.

Другой не былъ дома и не слыхалъ о предстоящей работѣ; всталъ утромъ и видитъ на деревнѣ сборы.

— А что, Терентій, куда это народъ сряжается ѣхать?

— Приходилъ сейчасъ Кузьма, сказывалъ, что бревна возить съ пристани въ городъ; — вечеръ, вишь, Василий Ивановичъ приѣзжалъ рядить.

— А много народу ѣдетъ?

— Да Богъ знаетъ; я вечеръ тоже дома не былъ, — кажись довольно.

— А ты ѣдешь?

— Да не знаю; а ты какъ?

— Поѣдемъ, пожалуй; а по чемъ даютъ?

— Не знаю; Кузьма не сказывалъ, а я то, признаться, не спро- силъ. Народъ ѣдетъ, такъ стало можно ѣхать; что другимъ дадутъ, то и намъ.

— Ну, такъ пойдемъ запрягать.

— Миѣ еще клещи у хомута надо справить; вечеръ одна клещня лопнула.

— Пока клещню будешь справлять, пота народъ на пристани будетъ; а тебѣ дамъ хомутъ; у меня есть другой.

— Спасибо, братъ, спасибо.

Повторяемъ опять вопросъ для безпристрастныхъ судей: что можетъ совершаться скорѣе: ассоціація-ли личныхъ поземельныхъ собственниковъ, или соглашеніе членовъ общины?

О сельско-хозяйственныхъ ассоціаціяхъ между личными поземельными собственниками что-то не слышно; а соглашеніе между членами общины для сбереженія труда, капитала, и вообще для улучшеній, польза которыхъ несомнѣнна, — мы видимъ на каждомъ шагу. Хотите примѣровъ? Извольте.

Поѣзжайте въ любое селеніе, туда, гдѣ хлѣбъ для молотбы сушится въ ригахъ, — вы найдете, что риги содержатся нѣсколькими хозяевами.

Поѣзжайте туда, гдѣ для пашни употребляются плуги съ упряжкой въ три и четыре пары воловъ, — вы найдете, что хозяева, по три, или по четыре вмѣстѣ, держать одинъ плугъ.

Это примѣры соглашенія, нѣсколькихъ, членовъ общины для сбереженія труда и капитала.

Для нѣкоторыхъ же улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ необходимы общія соглашенія цѣлой общины. Вы полагаете, можетъ быть, что это невозможно. Приведемъ примѣры, намъ извѣстные.

Поѣзжайте по Московскому шоссе въ Клинскій уѣздъ. Вы найдете многія селенія государственныхъ крестьянъ, которыя осушили огромныя болота, и важнѣе всего въ этомъ случаѣ то, что это сдѣлано не по распоряженію мѣстныхъ властей, но по соглашенію общины, которыя не малое время домогались разрѣшенія на производство означенныхъ работъ.

Въ Екатеринославской губерніи, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, мы видѣли въ одномъ селеніи искусственный водопроводъ, устроенный года три или четыре тому назадъ, по соглашенію общины, для снабженія селенія хорошею водою изъ источника, находящагося верстахъ въ трехъ отъ селенія.

Это примѣры частныя, хотите примѣры общіе? Извольте:

Въ иныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ нынѣ, и уже давно, господствуетъ исключительно система хозяйства трехпольная, во время генеральнаго межеванія, вмѣстѣ съ трехпольнымъ хозяйствомъ, существовало еще, въ значительномъ количествѣ, хозяйство переложное, или подсѣчное. Въ другихъ губерніяхъ, гдѣ въ то время было исключительно хозяйство или переложное или подсѣчное, — нынѣ большая часть земли обрабатывается по системѣ трехпольной.

Это фактъ, что общинное пользованіе не мѣшаетъ переходить отъ одной системы хозяйства къ другой.

Перемѣны эти совершались постепенно съ возрастаніемъ народонаселенія, которое и вызываетъ сознаніе необходимости перейти къ иной системѣ хозяйства. Тѣже причины, которыя побудили переходить отъ переложной или подсѣчной системы хозяйства къ трехпольной, — побуждаютъ перейти и отъ системы трехпольной къ системѣ многопольной. Препятствія къ тому нѣтъ никакого, лишь бы пришло то время, когда многопольная система будетъ выгоднѣе трехпольной (*).

Не помѣшало же общинное пользованіе землею, не помѣшала же трехпольная система измѣнить крестьянамъ обычный порядокъ хозяйства, и дѣленіе полей: для разведенія на продажу пеньки, въ губерніяхъ: Орловской, Курской, Тульской, Рязанской, Калужской, Смоленской, Могилевской и частью въ нѣкоторыхъ смежныхъ съ ними губерніяхъ; для разведенія табаку, въ губерніяхъ — Полтавской, Черниговской и другихъ; — свекловичны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерній: Кіевской, Подольской, Харьковской, Черниговской, Воронежской и другихъ, гдѣ находятся сахарныя заводы.

Многіе полагаютъ еще, что общинное пользованіе землею мѣшаетъ удобренію земли; такое предположеніе происходитъ отъ совершеннаго незнанія фактовъ.

Дѣйствительно, у насъ въ Россіи, въ южной части черноземной полосы, поля не удобряются, но не удобряются не потому, чтобы мѣшало этому общинное пользованіе землею, а потому, что тамъ, въ настоящее время, при жирности почвы и изобиліи земли, удобреніе не только бесполезно, но вредно. По земѣ же имѣетъ тамъ пока другое полезное назначеніе, — замѣняетъ топливо.

Въ центральной части черноземной полосы удобреніе начинается уже изрѣдка мѣстами входить въ употребленіе, а тамъ, гдѣ въ этой части полосы разводятся пенька, — земля подъ нее удобряется ежегодно весьма тщательно.

Въ сѣверной части черноземной полосы: въ губерніяхъ — Казанской, Нижегородской, Рязанской, Тульской и частью въ губерніяхъ Пермской и Вятской удобреніе полей дѣлается частями, по очереди, т. е. каждый годъ удобряется не все паровое поле, а только часть его, сообразно со средствами.

Во всей нечерноземной полосѣ Россіи, удобреніе полей есть уже необходимое условіе хозяйства; не удобряются только запольныя земли, или земли, забрасываемыя на нѣсколько лѣтъ.

Само собою разумѣется, что степень удобренія не во всѣхъ гу-

(*) Выгоды той или другой системы зависятъ отъ степени населенія. Объ этомъ будемъ имѣть случай говорить далѣе.

беріяхъ одинакова, и въ этомъ отношеніи можно подраздѣлить губерніи вечерноземной полосы на 4 разряда. Къ первому разряду можно отнести губерніи: Ярославскую и Тверскую (*); ко второму—Вологодскую, Новгородскую и Смоленскую; къ третьему—Архангельскую, часть Вятской и Пермской, Олонецкую, С.-Петербургскую, Костромскую, Владимирскую, Московскую, Калужскую, Виленскую, Минскую, Ковенскую, Гродненскую, Могилевскую; къ четвертому—Псковскую и Витебскую. Въ общей сложности по губерніямъ — на 100 десятинъ пароваго поля приходится крупнаго скота: въ первомъ разрядѣ отъ 200 до 225 головъ, а въ послѣднемъ — отъ 100 до 125 головъ.

Хотя въ общей сложности, даже по губерніямъ перваго разряда, нельзя считать удобреніе полнымъ, но въ частности можно встрѣтить между крестьянами вѣдомства государственныхъ имуществъ хозяевъ, держащихъ отъ пяти до шести головъ крупнаго скота на одну десятину пароваго поля.

Предположеніе, что общинное пользованіе землею отбиваетъ охоту у земледѣльца удобрять землю, есть сущій вздоръ. Побѣждайте въ любое селеніе, гдѣ удобреніе составляетъ необходимое условіе хозяйства, познакомьтесь съ бытомъ и интересами крестьянина, и вы убѣдитесь, что каждый крестьянинъ и спитъ и видитъ—какъ бы завести лишнюю коровку, чтобъ увеличить количество позема. Мы долго жили въ мѣстности (Новгородской губерніи), гдѣ вся полевая земля удобряется, и убѣдились, что крестьянинъ не только старается увеличивать численность скота, но никогда не упуститъ случая купить поземъ, если только есть средства. Впрочемъ, всякой можетъ убѣдиться въ этомъ, побывавъ въ подгородныхъ селеніяхъ.

Во время производства работъ Николаевской желѣзной дороги, въ извѣстныхъ пунктахъ сосредоточивалось значительное число лошадей и рогатаго скота, а потому въ этихъ пунктахъ скоплялось не малое количество позема. Тѣ крестьяне, которымъ удавалось предупредить другихъ и вступить въ обязательство поставять на эти пункты солому съ тѣмъ, чтобъ получать обратно поземъ,—считали себя счастливыми и возили этотъ поземъ за 6, за 7 верстъ. Если въ извѣстномъ пунктѣ не было такого обязательства,—крестьяне покупали поземъ, и мы нерѣдко видѣли также, что если крестьянину случалось ѣхать домой порожнякомъ, то онъ покупалъ поземъ и везъ его домой верстъ за 20.

Въ нѣмнѣ Новгородской губерніи Валдайскаго уѣзда (деревни Байнева и Новая), находящемся въ моемъ управленіи, — по случайному стеченію разныхъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ обыкновенно

(*) Мы не включаемъ Остзейскихъ губерній.

венныхъ хозяйственныхъ условий, — передѣлы земли были нѣсколь-ко лѣтъ сряду; не смотря на такіе частые передѣлы, охота удобрять землю нисколько не ослабѣвала. Дѣло въ томъ, что передѣлъ дѣлается всегда въ паровомъ полѣ, до удобрения, т. е. наблюдается такой порядокъ, что никому не приходится снимать хлѣбъ по чужому по-зему.

Если ежегодные, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, передѣлы земли не могли ослабить охоту къ удобрению, то могутъ ли имѣть какое нибудь нравственное вліяніе передѣлы, совершающіеся черезъ девять лѣтъ, или черезъ три сѣвооборота? Нарочно беремъ самый кратчайшій срокъ; необходимость передѣлать землю чаще означеннаго срока, можно разсматривать, какъ исключительный случай. Обыкновенно же, передѣлы земли бываютъ послѣ новой ревизіи.

Итакъ, мы видимъ, что принципъ общиннаго пользованія землею не помѣшалъ и не мѣшаетъ переходу отъ одной системы хозяйства къ другой, не помѣшалъ измѣнить обычное трехпольное дѣленіе земли — для разведенія разныхъ растений, не мѣшаетъ удобрению полей; а потому нѣтъ никакого повода предполагать, чтобъ онъ помѣшалъ, когда увеличится народонаселеніе и когда будетъ выгодно, перейти отъ трехпольной системы хозяйства къ многопольной.

Конечно, если въ какой нибудь общинѣ Иванъ вздумалъ бы (какъ предполагаетъ «Эк. Указ.») завести многопольную систему хозяйства, то онъ, на участкахъ, состоящихъ въ общинномъ пользованіи, дѣйствительно этого сдѣлать не можетъ; — фальшивое предположеніе привело и къ фальшивому обвиненію. Дѣло въ томъ, что Иванъ захотѣлъ, а Сидоръ, Петръ, Карпъ и всѣ прочіе не захотѣли; не захотѣлъ и сосѣдній помѣщикъ, у котораго средства и земли въ 100 разъ больше, чѣмъ у Ивана. Если измѣнить систему хозяйства выгодно Ивану, оно выгодно и помѣщику-сосѣду, и Сидору, и Петру, и Карпу, и всѣмъ; слѣдовательно, захотѣлъ Иванъ — захотятъ и всѣ; если же измѣнить систему хозяйства невыгодно всѣмъ, то оно не выгодно и Ивану, а потому и не можетъ явиться выскочка Иванъ. Еслибъ даже и явился выскочка Иванъ, то никто не мѣшаетъ этому Ивану купить или нанять особый участокъ земли.

Не надо забывать также, что перейти отъ одной системы хозяйства къ другой вдругъ нельзя: захотѣлъ и завелъ многопольную систему! Переходы отъ одной системы къ другой совершались, совершаются и будутъ совершаться постепенно, втеченіе многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ, по мѣрѣ возрастанія населенія. Возрастетъ населеніе до того, что трехпольная система не будетъ уже удовлетворять требованіямъ земледѣльцевъ, — отдѣлятъ сперва небольшую часть полей около селенія и заведутъ на этой части много-

польную систему; а потомъ, по мѣрѣ возрастанія населенія, и будутъ постепенно расширять предѣлы этой системы, такъ же точно, какъ расширяли и расширяють предѣлы системы трехпольной на-счетъ переложной или подсѣчной и какъ расширяють удобреніе полей.

Но намъ могутъ возразить, что и тогда, когда настанетъ время для многопольной системы хозяйства, нужна же съ чьей нибудь стороны инициатива; нуженъ же примѣръ, который бы могъ распространять въ общинѣ познанія касательно новой системы хозяйства; иначе она не можетъ привиться.

За примѣрами дѣло также не станетъ.

По этому случаю приведемъ маленькій рассказъ въ дополненіе къ приведенному выше рассказу о *землевладѣльцѣ и рабочихъ*.

Сосѣдъ того *землевладѣльца*, о которомъ мы говорили въ первомъ нашемъ рассказѣ, тоже владѣлецъ значительной дачи, увлекся примѣромъ своего сосѣда и такъ же, какъ онъ, предоставилъ рабочимъ пользоваться землею и свободу устроить свои дѣла. Рабочіе эти порѣшили дѣло такъ же, какъ и ихъ сосѣди. Но когда они пришли къ своему хозяину, то онъ имъ держалъ слѣдующую рѣчь:

— Дѣло вы уладили хорошо; но вотъ, что я скажу вамъ, братцы. Я ужъ двадцать лѣтъ занимаюсь хозяйствомъ, привыкъ къ этому дѣлу, люблю его, знаю его хорошо; скучно мнѣ будетъ ничего не дѣлать, а другимъ какимъ дѣломъ заняться не могу. Да къ тому же вы знаете, что у меня смертельная охота пытать всѣ хитрыя людскія выдумки по хозяйственному дѣлу, которыя норовятъ все, чтобъ труда не прибавлять, а больше работы сдѣлать, и чтобъ та же земля да больше хлѣба родила. Такъ я и вздумалъ не всю землю отдавать вамъ въ аренду, а оставить часть себѣ, и на этой землѣ я буду хозяйничать. Конечно, у васъ земли на брата придется поменьше, чѣмъ у вашихъ сосѣдей, но у васъ будетъ оставаться свободное время, стало вы можете приходить ко мнѣ работать и деньги зарабатывать. Плата у меня будетъ не жалованьемъ; я буду вамъ платить слѣдно, т. е. на каждое дѣло будетъ постановлена цѣна; а потому кто больше сработаетъ, больше и получитъ, — и будетъ отъ этого вамъ работать любо. Прежде, вы сами знаете, я не могъ всѣхъ рабочихъ слѣдно нанимать, потому всякой наровилъ, какъ бы подольше на одномъ мѣстѣ пожить, чтобъ не таскаться безпрестанно работы искать, и чтобъ пригрѣть себѣ уголокъ. Вотъ оттого-то всякій и старался наниматься на извѣстное время за жалованье, а теперь, какъ у васъ будетъ здѣсь домъ, будетъ хозяйство, такъ всякій изъ васъ, когда будетъ у него свободное время, и придетъ поработать; сколько сработалъ, за столько и получилъ, и ушелъ опять, коли недосугъ. Вамъ будетъ хорошо, и мнѣ тоже: вы съ меня за работу дорого брать

не будете, — у меня работать вамъ приходится не кидая дома; все у васъ подъ руками, работать можно не однимъ, а съ семьями. По всему по этому вамъ и будетъ выгодно съ меня недорого брать; а чтобъ вамъ выгодно было къ другому идти, то съ него не въ пригнѣръ надо дороже взять, а тому дорого дать, такъ не изъ чего и хлопотать. Обижаться вамъ на меня противъ вашихъ сосѣдей тоже нечего, потому — на сколько вы потеряете противъ нихъ барышей въ сборѣ хлѣба, столько же заработаете съ меня деньгами. Можетъ, вамъ кажется, что вамъ столько не заработать, потому что земли у насъ вмѣстѣ съ моей землей столько же, сколько и у сосѣдей; людей столько же, — стало вообще хлѣба будетъ собираться столько же; что если бывамъ пришлось въ доходѣ выверстаться съ сосѣдями, такъ у меня небыло бы барышей; а коли у меня будутъ барыши, то это, значитъ, отдѣлится отъ васъ. Скажу вамъ, что если вы такъ думаете, то думаете невѣрно. Мой барышъ будетъ отъ того, что у меня въ хозяйствѣ хитрыхъ людскихъ выдумокъ будетъ побольше, чѣмъ у сосѣдей. Мы, значитъ, той же силой сдѣлаемъ больше, а потому и хлѣба у насъ будетъ больше; этотъ-то лишекъ и будетъ мой барышъ. Увидите вы, какъ у меня хозяйство съ разными хитростями идетъ, полюбите и вамъ, и вы у себя заведете такое же хозяйство.

Разскажемъ этимъ мы хотѣли показать, что рядомъ съ общиннымъ пользованіемъ землею, всегда могутъ быть и будутъ люди, пользующіеся большими участками земли. Эти люди, будучи образованнѣе и имѣя больше средствъ, чѣмъ земледѣльцы-общинники, и будутъ служить въ дѣлѣ хозяйства примѣрами для послѣднихъ. У насъ, въ Россіи, помѣщикамъ выпала на долю такая благодѣтельная, уважительная и почтенная дѣятельность.

Въ заключеніе скажемъ: пусть тѣ, которые не понимаютъ настоящаго духа общиннаго пользованія землею, такимъ, какимъ онъ является на Руси, которые смотрятъ на этотъ принципъ враждебно, пусть они взглянутъ на общину, какъ на ферму, тогда вопросъ представится имъ въ другомъ свѣтѣ. Представимъ себѣ ферму, — въ которой земледѣльцы работаютъ не за поденную плату, не за жалованье, даже не сдѣльно, но такъ, что каждому земледѣльцу, въ каждомъ полѣ, указанъ участокъ, который онъ долженъ обрабатывать на условіяхъ, что чѣмъ больше получится продуктовъ съ его участка, тѣмъ больше онъ получитъ вознагражденія. Условіе, кажется, не дурное, какъ для производительности, такъ и для производителей. Хозяинъ этой фермы: — человекъ, не обладающій ни особеннымъ хозяйственнымъ образованіемъ, ни особенными познаніями, человекъ не предприимчивый; онъ тогда только дѣлаетъ въ своемъ хозяйствѣ нововведенія, когда убѣждается, что эти нововведенія приносятъ его

состѣху дѣйствительную выгоду. Чего не доставляетъ общинѣ для нововведеній? — познаній; но она заимствуетъ ихъ отъ состѣды-владѣльца большого участка земли; — предприимчивости; но она и не нужна.

Предприимчивость въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, обхватывающая всю массу земледѣльцевъ, не только не можетъ быть полезна, но была бы вредна. Предприимчивость включаетъ рискъ; сельское хозяйство не азаръ, и въ такомъ дѣлѣ, которымъ занимаются миліоны и главная часть населенія, всеобщаго риску не должно быть, его и нѣтъ, и никогда не будетъ.

Предприимчивость нужна для того, чтобъ дѣлать опыты, для того, чтобы стремиться къ новымъ открытіямъ и двигать науку хозяйства впередъ. Подобные опыты сопряжены всегда съ потерями; это жертвы, приносимыя для общаго блага. Плохо бы было, еслибъ всѣ задумали дѣлать опыты и стремиться къ новымъ открытіямъ. Попріице для опытовъ открыто владѣльцамъ большихъ участковъ земли; они всегда будутъ впереди земледѣльцевъ по ихъ образованію и матеріальнымъ средствамъ. Если обстоятельства зрѣлы для какихъ нибудь нововведеній, то между ними всегда найдутся предприимчивые люди, которые и покажутъ примѣръ.

Но намъ могутъ сказать, что и между земледѣльцами-общинниками могутъ быть предприимчивые люди; зачѣмъ же надѣвать на нихъ узду? Положимъ, что дѣйствительно между земледѣльцами-общинниками родился человѣкъ съ дарованіями, съ предприимчивостью и со всѣми личными качествами, нужными для того, чтобъ подвинуть науку сельскаго хозяйства впередъ. Спрашивается, чѣмъ его положеніе хуже, сравнительно съ тѣмъ, если бы такой человѣкъ родился въ странѣ, гдѣ господствуетъ принципъ личной поземельной собственности? Если бы этотъ земледѣлецъ родился во Франціи, онъ или вовсе не имѣлъ бы земли, или имѣлъ бы по наслѣдству небольшой участокъ, недостаточный для опытовъ. Если бы родился въ Англіи, онъ ни въ какомъ бы случаѣ не могъ имѣть земли. Слѣдовательно, такому человѣку, для приложенія своихъ дарованій къ дѣлу, нужно или прежде разбогатѣть и купить, или арендовать землю, или дѣйствовать своимъ вліяніемъ на другаго, имѣющаго уже землю въ достаточномъ количествѣ. Чѣмъ же община мѣшаетъ сдѣлать подобному человѣку тоже самое, что онъ долженъ сдѣлать при другихъ условіяхъ? Развѣ тѣмъ, что она, давая землю въ пользованіе, даетъ человѣку средство развиться?

Итакъ, мы доказали:

1) Принципъ общиннаго пользованія землею не представляетъ физическаго или естественнаго препятствія для усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ; подобно тому, какъ представляетъ принципъ мелкой личной поземельной собственности.

2) Улучшеніе и сбереженіе труда и капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ при принципѣ общиннаго пользованія землею, такъ и при принципѣ мелкой личной поземельной собственности, зависитъ отъ соглашенія или членовъ общины, или личныхъ поземельныхъ собственниковъ.

3) Соглашеніе членовъ общины можетъ совершаться несравненно легче, чѣмъ соглашеніе личныхъ собственниковъ, и для выполненія сдѣланнаго соглашенія принципъ общиннаго пользованія землею не только не представляетъ неодолимыхъ препятствій, какъ представляетъ принципъ личной поземельной собственности, но, напротивъ, доставляетъ этому выполненію необыкновенное удобство.

4) Соглашеніе членовъ общины для улучшеній въ хозяйствѣ и для сбереженія труда и капитала, совершалось и совершается постоянно.

5) Принципъ общиннаго пользованія землею не мѣшаетъ переходить отъ одной системы хозяйства къ другой и расширять удобреніе полей.

6) Переходъ отъ одной системы хозяйства къ другой совершается постепенно, по мѣрѣ возрастанія населенія.

7) Принципъ общиннаго пользованія землею не исключаетъ личныхъ землевладѣльцевъ, усовершенствованія въ хозяйствѣ которыхъ и будутъ служить примѣрами для общинниковъ.

8) На основаніи всего вышеизложеннаго, нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что принципъ общиннаго пользованія землею помѣшаетъ перейти отъ системы трехпольной къ многопольной и вводить всевозможныя усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Полагаемъ, что на первый разъ мы представили довольно возраженій противъ первой нападки на принципъ общиннаго пользованія землею:—будто бы принципъ общиннаго пользованія *останавливаетъ* возможность *нуждающихся* усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ.

Перейдемъ теперь ко второй нападкѣ.

Принципъ общиннаго пользованія землею уменьшаетъ производительность.

Такое обвиненіе можетъ падать на общинное пользованіе землею отъ двухъ предположеній:

1) Что человекъ при общинномъ пользованіи землею не имѣетъ къ труду такой охоты, какъ личный поземельный собственникъ; 2) что будто бы съ общиннымъ пользованіемъ землею неразрывно связана трехпольная система хозяйства, которая не такъ производительна, какъ многопольная.

Возраженія, приведенныя нами противъ первой нападки, опровергаютъ уже эти два предположенія, слѣдовательно и вторую нападку,

а потому намъ немного прійдется прибавить въ дополненіе къ вышеприведеннымъ доказательствамъ.

Прежде всего мы скажемъ, что въ данномъ мѣстѣ, въ данное время, при существующихъ условіяхъ, производительность всегда наибольшая. Ибо: 1) люди сами себѣ не враги; 2) существующія условія опредѣляются силою обстоятельствъ, которыя для даннаго мѣста и времени имѣютъ всегда законную причину. Но если мы будемъ сравнивать степени производительности при разныхъ условіяхъ производства, то, конечно, производительность можетъ быть при однихъ условіяхъ производства больше, при другихъ меньше.

Вообще говоря, степень производительности опредѣляется трудомъ и способомъ приложенія труда.

Если трудъ будетъ наибольшій, а способъ приложенія труда не будетъ обуславливать наибольшую производительность, и наоборотъ, то производительность не будетъ наибольшая.

Если же и трудъ наибольшій, и способъ приложенія труда обуславливаетъ наибольшую производительность, то и производительность будетъ наибольшая.

Для поясненія приведемъ примѣръ.

Положимъ, одинъ человѣкъ вздумалъ перерѣзать бревно ножомъ, а другой перепиливать пилой; положимъ, что, какъ тотъ, такъ и другой—съ равными силами, и каждый употребилъ въ теченіе дня полный трудъ. Въ обоихъ случаяхъ трудъ наибольшій; но въ первомъ способъ приложенія труда не обуславливаетъ наибольшую производительность, а во второмъ — обуславливаетъ; потому въ первомъ случаѣ производительность будетъ меньше, чѣмъ во второмъ.

Трудъ человѣка тогда будетъ наибольшій, когда онъ получаетъ вознагражденіе пропорціально количеству употребленнаго труда; а какъ земледѣлецъ-собственникъ и земледѣлецъ-общинникъ непосредственно пользуются произведеніями своего труда, то трудъ одного и того же человѣка, въ обоихъ случаяхъ, будетъ равенъ. Но если мы возьмемъ для сравненія двѣ страны одинаковаго пространства, съ одинаковымъ населеніемъ, и предположимъ, что въ одной господствуетъ принципъ общиннаго пользованія, а въ другой принципъ личной поземельной собственности, то сумма труда въ послѣдней будетъ менѣе, чѣмъ въ первой, потому, что при принципѣ личной поземельной собственности не всѣ земледѣльцы будутъ собственники, а будутъ и батраки, трудъ которыхъ не будетъ равенъ труду собственниковъ.

На основаніи вышесказаннаго, сдѣлаемъ теперь сравненіе Франціи, Англіи и Россіи.

При принципѣ, господствующемъ во Франціи: 1) земледѣльцы—

собственники составляют только $\frac{3}{8}$ всего земледельческаго сословія, слѣдовательно трудъ не наибольшій; 2) усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ безъ ассоціацій (*) невозможны; слѣдовательно, способъ приложенія труда не обусловливаетъ наибольшую производительность. И такъ, во Франціи нѣтъ ни наибольшаго труда, ни способъ приложенія труда не обусловливаетъ наибольшую производительность, а потому, при принципѣ французскомъ, не можетъ быть наибольшей производительности.

При принципѣ, господствующемъ въ Англіи: 1) земледельцевъ-собственниковъ вовсе нѣтъ; 2) усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ возможны. Слѣдовательно, въ Англіи способъ приложенія труда обусловливаетъ наибольшую производительность, но трудъ не наибольшій, а потому, при принципѣ англійскомъ, производительность тоже не можетъ быть наибольшая.

При принципѣ общиннаго пользованія землею: 1) всѣ земледѣльцы получаютъ вознагражденіе за трудъ пропорціально употребленному труду, а потому трудъ ихъ равенъ труду собственниковъ; 2) усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ возможны. Слѣдовательно, въ Россіи, гдѣ господствуетъ принципъ общиннаго пользованія землею, и трудъ наибольшій (**), и способъ приложенія труда обусловливаютъ наибольшую производительность, а потому производительность должна быть наибольшая.

Такой выводъ, что степень производительности сельскаго хозяйства въ Англіи, гдѣ оно такъ усовершенствовано, ниже, чѣмъ въ Россіи, гдѣ господствуетъ система трехпольная и переложная, можетъ показаться черезъ-чуръ страннымъ, хотя выводъ и основанъ на положеніяхъ истинныхъ. Но объяснить такую странность не трудно, тѣмъ болѣе, что факты, какъ увидимъ сейчасъ, подтверждаютъ выводъ даже при томъ, что больше, чѣмъ одна четверть всего труда земледѣльцевъ въ Россіи производится обязательнымъ образомъ (***).

(*) Если будутъ ассоціаціи, то мы видѣли уже, что тогда принципъ измѣняется и переходитъ въ принципъ общиннаго владѣнія землею.

(**) Слѣдовало бы сказать *«былъ бы наибольшій, если бы не было обязательнаго труда»*. Но обязательный трудъ въ Россіи не имѣетъ ничего общаго съ принципомъ общиннаго пользованія землею. Обязательный трудъ въ Россіи есть явленіе недавнее, случайное, которое не вытекло и не вытекаетъ изъ характера пользованія землею, подобно тому, какъ изъ принципа англійскаго вытекаетъ бѣготство, а потому вездѣ, гдѣ мы говорили и будемъ еще говорить объ Россіи, мы подразумѣвали и будемъ подразумѣвать отсутствіе обязательнаго труда.

(***) Число помѣщичьихъ крестьянъ нѣсколько превышаетъ число свободныхъ земледѣльцевъ, а какъ помѣщичьи крестьяне вообще употребляютъ половину своего времени на обязательную работу, то и можно полагать, что обязательный трудъ составляетъ нѣсколько болѣе одной четверти общаго труда земледѣльцевъ.

Мы видѣли уже, что принципъ, господствующій въ Россіи, не ставитъ преградъ ни для перехода отъ одной системы хозяйства къ другой, ни къ примѣненію всѣхъ возможныхъ способовъ усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, характеръ системы сельскаго хозяйства совершенно свободенъ, и на него не имѣютъ вліянія какія нибудь причины въ родѣ тѣхъ, какъ во Франціи, — дробность земли. А потому, если въ Россіи держится такая-то система сельскаго хозяйства, а не другая, то держится не вынужденно, а держится потому, что выгоднѣе другой.

Конечно, если мы будемъ сравнивать степень производительности десятины, обрабатываемой въ Россіи и въ Англіи, то найдемъ, что производительность одной десятины въ Англіи слишкомъ вдвое больше, чѣмъ въ Россіи. Но, чтобъ взвѣснить, при данныхъ условіяхъ, степени производительности или выгодности одной системы хозяйства передъ другой, надо сравнивать производительность не одной и той же единицы пространства, а производительность суммы всѣхъ единицъ, обрабатываемыхъ при той или другой системѣ одной и той же силой. Если въ Россіи десятина даетъ меньше, чѣмъ въ Англіи, за то этихъ десятинъ одинъ человѣкъ обработаетъ больше.

Самое безошибочное опредѣленіе производительности будетъ по отношенію къ числу рукъ, то есть, если мы докажемъ, что земледѣлецъ въ Россіи производитъ больше, чѣмъ въ Англіи, мы докажемъ этимъ, что, въ настоящее время, для Россіи существующая система выгоднѣе, чѣмъ система англійская.

Во всемъ Соединенномъ Королевствѣ средній сборъ хлѣба исчислился въ 1842 г. въ 50,000,000 (*) четвертей, или въ 69,250,000 четвертей; для округленія будемъ считать 70,000,000 четвертей. Земледѣльцевъ, работниковъ мужскаго пола, въ 1841 году было въ Англіи 1,261,448 (**); въ Шотландіи 229,337 а вмѣстѣ круглымъ числомъ 1,500,000, при общемъ населеніи въ 18,000,000. Точныхъ цифръ о числѣ земледѣльцевъ работниковъ въ Ирландіи мы не имѣемъ. Но, полагалось, въ тоже время, что, по отношенію къ общему населенію, пропорція земледѣльцевъ въ Великобританіи была на 100 — 26 а въ Ирландіи на 100 — 66 т. е. въ Ирландіи земледѣльцевъ, по отношенію къ числу жителей, вдвое больше, чѣмъ въ Великобританіи. А потому, если въ Великобританіи, при общемъ населеніи въ 18,000,000, работниковъ земледѣльцовъ было 1,500,000

(*) *Statistique de la France comparée à celle de l'Angleterre, par le Ch. F. de Tarbes. 1845. page 70.*

(**) Эта цифра и всѣ слѣдующія, относящіяся къ соединенному королевству, заимствованы изъ *Histoire d'Angleterre par S. A. Fleury, tome 2, situation économique* (Les chiffres dans cette ouvrage sont extraits de l'ouvrage de M. Porter.

то въ Ирландіи при 9,000,000 общаго населенія должно быть больше 1,500,000; но для отстраненія всякаго нареканія въ преувеличеніи числа работниковъ земледѣльцевъ, будемъ считать только 1,500,000. Итакъ во всемъ Соединенномъ Королевствѣ земледѣльцевъ работниковъ мужскаго пола было 3,000,000 и они производили 70,000,000 четвертей, или на cadaго по 23,3 четверти.

Въ Россіи общій сборъ хлѣба исчисляется въ 250,000,000 четвертей (*), при сельскомъ населеніи въ 43,761,046 человекъ (**); исключая изъ этого числа женскій полъ, который въ Россіи на 2,1 процента превышаетъ мужской, получимъ что число душъ мужскаго пола будетъ 21,420,000. Полагая изъ этого числа 40% (***) работниковъ, получимъ, что общее число земледѣльцевъ работниковъ мужскаго пола будетъ 8,560,000; для округленія будемъ считать 8,600,000. Эти работники производятъ 250,000,000 четвертей, т. е. на cadaго приходится по 29 (****) четвертей.

Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что для Россіи существующая въ ней система хозяйства менѣе выгодна, въ настоящее время, чѣмъ система, существующая въ Англіи? Не надо забывать еще, что, при сдѣланныхъ выше выводахъ, не было принято въ соображеніе среднее время труда cadaго работника земледѣльца, которое для Англіи будетъ гораздо больше, чѣмъ для Россіи. Въ Россіи и мѣто короче, и въ большей половинѣ ся 3 или 4 зимнихъ мѣсяца земледѣльцы не занимаютъ работами, относящимися до сельскаго хозяйства.

Обратимся теперь къ третьей нападкѣ.

(*) Объясненіе къ Хозяйственно-статистическому Атласу Европейской Россіи 1852 года.

(**) Объясненіе къ Хозяйственно-статистическому Атласу Европейской Россіи, 1852 года.

(***) Пропорція эта не можетъ считаться преуменьшенной, ибо въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, число тягловъ или земледѣльцевъ-работниковъ мужскаго пола измѣняется въ предѣлахъ отъ 30% до 35%; въ казенныхъ селеніяхъ пропорція земледѣльцевъ-работниковъ выше, чѣмъ въ помѣщичьихъ, потому что въ дворовыхъ людей. Не надо забывать также, что у насъ въ Россіи изъ числа сельскаго сословія огромное число мастеровыхъ и промышленныхъ людей не занимаютъ сельскимъ хозяйствомъ. Мы не исключаемъ также козаковъ, состоящихъ на службѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя насъ упрекнуть въ преуменьшеніи пропорціи работниковъ относительно числа душъ.

(****) Авторъ статьи имѣетъ весьма точныя исчисленія о количествѣ сбора хлѣбныхъ продуктовъ въ Россіи по губерніямъ, основанныя на данныхъ тщательно окритикованныхъ и повѣренныхъ съ разныхъ сторонъ, но, не имѣя права; пока эти исчисленія не сдѣлаются извѣстными публикѣ, принять ихъ за норму, считаемъ, однако, долгомъ сказать, что, замѣняя ими, выше приведенную цифру 250,000,000 чет., и взявъ болѣе точный расчетъ для числа работниковъ, получается выводъ, нисколько не измѣняющій общаго заключенія.

Принципъ общиннаго пользованія землею стѣсняетъ волю члена общины.

Эта баналка происходитъ отъ совершеннаго незнанія устройства общиннаго быта. Чѣмъ община стѣсняетъ своего члена? укажите намъ. Мы такихъ фактовъ не видѣли и не видимъ. Не тѣмъ ли, что членъ общины не можетъ измѣнить систему хозяйства? Но мы доказали, что выскочекъ, въ этомъ случаѣ, не можетъ быть; что предположеніе такого выскочки несообразно съ здравымъ смысломъ. Не тѣмъ ли, что надѣляетъ земель? А вѣдь «Экон. Указ.» думаетъ, что это стѣсненіе. Вотъ подлинныя слова его («Экон. Указ.» стр. 184 § 13): «Общинное устройство необходимо должно стѣснять *свободу движенія* и перехода съ мѣста на мѣсто: каждый членъ ся долженъ быть обязательнымъ земледѣльцемъ (*) и нести повинности для своихъ сочленовъ.»

Община даетъ мнѣ землю, даетъ этимъ средство имѣть свой домъ, свое хозяйство, свою семью — удивительный злодѣй эта община! Вадумалось мнѣ идти зарабатывать, или промышлять деньги на другой конецъ Россіи: взялъ паспортъ и пошелъ; оставилъ дома жену и дѣтей; жена дома справляетъ хозяйство; что можетъ — сама сдѣлаетъ, чего не можетъ — найметъ, и живетъ себѣ. Соскучился, пришелъ домой, заплатилъ подать, пожилъ немного и опять пошелъ промышлять. Поражился немного, захотѣлось мнѣ торговлей въ городѣ возаняться, поѣхалъ за семьей; скотину продалъ, домъ приказалъ свату беречь, на всякій случай — неровно проторгуюсь; и наказалъ ему, что ужъ коли будетъ община на меня землю выдѣлать, и придется мнѣ земскія повинности нести, то чтобъ землю въ наймы отдавалъ, а деньги въ повинность уплачивалъ; а буде чего не хватить, чтобъ мнѣ отписалъ — я дошлю; справился и поѣхалъ. — Бѣда просто отъ этой общины, не дасть двинуться съ мѣста, вздохнуть не дасть свободно! Пожилъ я въ городѣ, поторговалъ и разбогатѣлъ. Вадумалось въ купцы переписаться, подалъ прошеніе по начальству, хвать — за сыномъ рекрутская очередь, міръ и не пускаетъ. Говорятъ, что — никому нѣтъ охоты за своего сына въ солдаты идти: когда отбудешь рекрутскую повинность, тогда и выпустимъ, а не охота

(*) Въ 23 № «Экон. Указ.» на стран. 383, говорится. «Въ странахъ съ такой системой хозяйства (тутъ подразумѣвается хозяйство при общинномъ пользованіи землею) существуетъ примѣръ подвижнаго населенія изъ городовъ, и безпрестанные переходы рабочихъ, напоминающіе кочевую жизнь съ ея взглядами и привычками.»

Эти слова прямо противорѣчатъ словамъ, выписаннымъ изъ № 29. Такое противорѣчіе опять таки доказываетъ неустановившіяся убѣжденія. Но мы не имѣемъ считать живѣе, высказанное въ № 29, окончательнымъ, потому что оно высказано послѣ и въ заключительной статьѣ.

дожидаться, такъ рекрута—поставь. Ну, дѣлать нечего, не стала дожидаться, нанялъ охотника, поставилъ рекрута и переписался въ кунцы. — Какая эта несправедливая община! Ну какъ таки недопустили, чтобъ съ одного на другаго повинность безъ всякаго повода свалить, да при томъ еще съ богатаго на бѣднаго.

Кто не знаетъ, что сотни тысячъ людей изъ крестьянъ, т. е. членовъ общины, ежегодно отправляются на заработки и промыслы во всѣ концы Россіи? Неужели «Экон. Указ.» не знаетъ, что члены общины свободны жить гдѣ хотятъ, дѣлать что хотятъ (мы разувѣемъ крестьянъ Государственныхъ Имуществъ); хоть вѣлый вѣкъ не показываться въ общину, только бы платилъ казенныя повинности? Неужели «Экон. Указ.» серьезно думаетъ, что надѣленіе землею можетъ быть въ тягость; неужели онъ не видитъ въ этомъ великаго блага и высокой справедливости? Отъ надѣленія землею отказываются только бобыли, которые, или по случайному стеченію обстоятельствъ, или по дурному поведенію, пришли въ такое положеніе, что не въ состояніи держать хозяйство; но и эти бобыли, которые встрѣчаются рѣдко, при первой возможности берутъ землю и заводятъ хозяйство.

«Экон. Указ.» говоритъ, что инымъ навязываютъ земли больше, чѣмъ они желаютъ. Дѣйствительно, при раскладкѣ повинностей, община обращаетъ вниманіе на степень достатка каждаго, и на тѣхъ, кто побогаче, налагаетъ больше повинностей; но за то и надѣляетъ ихъ большимъ количествомъ земли. Это ненормальное надѣленіе землею выпадаетъ на долю тѣхъ, которые шутя могутъ уплачивать повинность гораздо больше той, какая имъ приходится. Я зналъ одного крестьянина Ярославской губерніи, который нѣсколько лѣтъ находился подъ моимъ вѣдѣніемъ. Онъ имѣлъ 3,000 р. сер. капитала въ банкѣ, получалъ и теперь получаетъ 360 руб. сер. жалованья, проживалъ менѣе 100 руб. сер.; имѣлъ только жену и дочь, которые жили въ деревнѣ и держали хозяйство. Не разъ, въ разговорѣ со мною, онъ мнѣ выражалъ неудовольствіе, что міръ наложилъ на него платежъ повинностей за 4 души и что до сихъ поръ не складывастъ съ него оброкъ, тогда какъ ему уже около 55 лѣтъ (оброкъ помѣщикомъ наложенъ былъ на всю общину, а не по тягламъ, а потому община сама распоряжалась раскладкою оброковъ). Всего приходилось платить ему около 35 руб. сер., землею онъ былъ надѣленъ пропорціонально числу душъ, имъ оплачиваемыхъ. Въ жалобѣ этого крестьянина не выражалось серьезнаго обвиненія общины въ несправедливости, а ясно видно было хвастовство: что вотъ де мнѣ уже столько-то лѣтъ, а я все еще тяну повинность. Неужели община поступила, въ этомъ случаѣ, несправедливо? Неужели распредѣ-

леніе повннностей, пропорціональное достатку каждаго, есть распре-
дленіе незаконное? Всѣ государства стремились и стремятся къ по-
добной цѣли, т. е. ищутъ справедливыхъ базисовъ для государст-
венныхъ доходовъ, желая, чтобы участіе въ образованіи оныхъ на-
дѣло на всѣхъ, пропорціонально средствамъ каждаго. Община, кото-
рая должна уже нести извѣстную повинность, старается распредѣ-
лять справедливо; достигать этой цѣли общинѣ не очень трудно,
ибо она болѣе или менѣе знаетъ средства каждаго своего члена.

Вообще всѣ нападки «Эк. Ук.» на стѣсненіе, будто бы претерпѣ-
ваемое членами общины отъ принципа общиннаго пользованія зе-
млею и отъ общины, — не имѣютъ серьезнаго характера. Мнѣніе
свое «Экон. Указ.» доказываетъ небылицами, созданными въ соб-
ственномъ воображеніи, въ родѣ того, — что община мѣшаетъ
строить вѣтряныя мельницы. Побѣждайте, пожалуйста, въ хлѣбород-
ныя губерніи, гдѣ мельницамъ есть работа; — вы увидите, что мель-
ницы, не взирая на «Экон. Указ.», окружаютъ деревни со всѣхъ
сторонъ, какъ грибы окружаютъ пни. Мы видѣли много дере-
вень, около которыхъ десятковъ пять шесть мельницъ торчатъ, а
безъ десятку рѣдка обойдется. Или, напримѣръ, «Экон. Ука-
затель» утверждаетъ, что общинное владѣніе землею не даетъ члену
общины распорядиться своимъ хозяйствомъ, а что хозяйствомъ рас-
порядится сама община. Что на это возражать? Скажите Бога ра-
ди:—Какъ назту небылицу, такъ и на всѣ нападки одинъ отвѣтъ: по-
знавайтесь и познакомьтесь съ порядкомъ общиннаго пользованія
землею на Руси; тогда, не смотря, на враждебный на него взглядъ,
занимствованный отъ одной изъ школъ западныхъ экономистовъ, вы
сами вычеркните всѣ ваши нападки, которыя, за невѣдѣніемъ, ис-
ключительно направлены противъ призрака, а не противъ дѣйстви-
тельности.

Обратимся теперь къ четвертой нападкѣ.

*Принципъ общиннаго пользованія землею не даетъ члену общины
личной собственности.*

Развѣ принципъ личной поземельной собственности даетъ кому
нибудь землю? Чтобы быть поземельнымъ собственникомъ надо имѣ-
ть землю по наслѣдству, или купить ее. Мы видѣли уже, что
Франція земледѣльцы собственники составляютъ только $\frac{1}{3}$ земле-
дѣльческаго и $\frac{1}{4}$ общаго населенія страны.

Принципъ же общиннаго пользованія землею надѣляетъ землею
не только всѣхъ земледѣльцевъ, но все сельское населеніе (*) безъ
исключенія.

*) Въ числѣ сельского населенія въ Россіи, есть огромная масса людей не
земледѣльцевъ, а мастеровыхъ и промышленниковъ.

Но намъ скажутъ, что земля, которой пользуется общинникъ, не есть его собственность: онъ не можетъ ни продать ни заложить ее. Правда; но вѣдь общинникъ земли не покупалъ, стало не долженъ и имѣть права продать ее. Земля досталась ему даромъ по праву того, что онъ явился на свѣтъ Божій, онъ пользуется ею, какъ однимъ изъ даровъ Божьихъ, необходимыхъ для существованія человека также, какъ воздухъ, вода и солнце.

Господь Богъ далъ мнѣ руки; я ими пользуюсь и извлекаю изъ нихъ всевозможную пользу; но продать, заложить и лишить себя ихъ не могу (развѣ сойду съ ума и отрублю). Есть ли руки моя собственность или нѣтъ?

Что можетъ человекъ дѣлать съ руками, тоже самое общинникъ можетъ дѣлать съ землей.

Человекъ пользуется руками.

Общинникъ пользуется землей.

Человекъ можетъ отдать свои руки въ наемъ.

Общинникъ можетъ также отдать свою землю въ наемъ.

Человекъ можетъ совершенствовать свои руки въ мастерствѣ.

Общинникъ можетъ удобрять землю и улучшать свое хозяйство. (Мы доказали уже выше, что принципъ общиннаго пользованія этому не мѣшаетъ).

Человекъ можетъ сколько ему угодно времени не пользоваться своими руками, — руки все таки остаются при немъ.

Общинникъ можетъ тоже не пользоваться своею землею, сколько ему угодно времени; — все таки земля остается при немъ; онъ не теряетъ отъ того своего права на нее и какъ только захочетъ пользоваться землею, она тотчасъ ему и отводится.

Человекъ по законамъ, существующимъ нынѣ во всемъ образованномъ мірѣ, лишень власти лишать себя воли или независимости, т. е. продавать свои руки, или закабалать себя въ работу навсегда (*).

Общинникъ лишень права продавать свое право на землю, т. е. лишать себя того дара, который обуславливаетъ его независимость, не воображаемую, не значущуюся только въ буквѣ закона, но — дѣйствительную.

Къ чему стремится общая человѣческая дѣятельность? — Не къ распространенію ли общаго блага, не къ улучшенію-ли какъ мате-

(*) Тамъ, гдѣ земледѣлецъ не пользуется естественнымъ правомъ на землю, и притомъ не получаетъ собственности по наслѣдству, онъ, если не по буквѣ закона, то по существу дѣла, находится какъ бы въ кабалѣ до тѣхъ поръ, пока не приобрететъ себѣ какой нибудь собственности, которая могла бы обеспечивать его независимость и самостоятельность. Но многими ли выпадаетъ такая счастливая доля?

ріального, такъ и нравственнаго быта *каждою* человѣка? Всѣ науки на столько заключаютъ въ себѣ жизни, на сколько онѣ прямо или косвенно содѣйствуютъ этой цѣли, этому направленію, данному человѣческой дѣятельности свыше. Непосредственная задача экономической науки есть стремленіе къ уразумѣнію тѣхъ истинныхъ началъ, которыя должны служить основаніемъ для достиженія этой цѣли. Еслибъ школа экономистовъ, къ которой принадлежитъ «Экономическій Указ.», имѣла постоянно эту главную цѣль въ виду, она не съюзила бы своего воззрѣнія и своей дѣятельности въ ту рамку, въ которой онѣ заключаются теперь. Эта школа имѣетъ въ виду одно усиленіе производительности. Мы совершенно согласны, что усиленіе производительности есть необходимое условіе для достиженія главной цѣли. Но ошибка въ томъ, что тѣ начала, которыя эта школа признаетъ необходимыми для усиленія производительности—ложны. Ложны потому, что она, увлекшись однимъ изъ необходимыхъ условій, упустила изъ виду другое условіе—вопросъ о распредѣленіи; забыла, что въ главной цѣли заключается вопросъ о «каждомъ». Упустивъ такимъ образомъ полноту цѣли, она уклонилась отъ истины. Уклонившись отъ истины—нарушила законъ справедливости и приняла въ основаніе, для усиленія производительности, начало ложное, которое вовсе необусловливаетъ наибольшей производительности: чтò хорошо для каждаго, хорошо и въ общемъ; чтò хорошо только для нѣкоторыхъ, не можетъ быть хорошо въ общемъ.

Въ отношеніи къ поземельной собственности, эта школа признаетъ необходимымъ условіемъ, для усиленія производительности, принципъ личной поземельной собственности, который, какъ мы видѣли выше, вовсе не обусловливаетъ наибольшей производительности и заключаетъ въ себѣ начало, или обусловливающее владѣніе землею только нѣкоторымъ земледѣльцамъ, или вовсе исключющее земледѣльцевъ — собственниковъ; т. е., что принципъ, призванный ею, не удовлетворяя закону справедливости, не удовлетворяетъ и закону экономическому. Еслибъ упомянутая школа, — повторяемъ опять, — не упускала бы изъ виду главной цѣли, то она не клеймила бы видъ владѣнія землею, обусловливаемый принципомъ общиннаго пользованія, какъ видъ недостойный науки, потому одному, что видъ такого владѣнія не подходитъ подъ опредѣленіе поземельной собственности, сдѣланный ею.

Въ чемъ заключается благая сторона поземельной собственности? Вѣроятно не въ томъ, чтобъ видъ владѣнія землею подходилъ подъ опредѣленіе означенной школы. Намъ кажется, что благая сторона собственности заключается въ томъ, чтобъ дать человѣку независимость, самостоятельность и средства къ жизни.

Если известный видъ владѣнія землею даетъ мнѣ и независимость, и самостоятельность, и средства къ жизни, и обуславливаетъ развитіе моего благосостоянія матеріальнаго, а слѣдовательно и — нравственнаго, — не все ли мнѣ равно: — могу ли я продать или заложить землю, или не могу? Наконецъ, что можетъ быть тверже такой собственности, права на которую не можетъ не только другой, не только не могутъ никакія обстоятельства лишить меня, но и я самъ не могу лишить себя? Такимъ то неотторжимымъ правомъ поземельной собственности и надѣляетъ принципъ общиннаго пользованія землею каждаго земледѣльца, не лишая его въ тоже время права имѣть, буде захочетъ, личную собственность. О томъ, что земледѣлецъ — общинникъ имѣетъ такой же точно интересъ прилагать свой трудъ къ землѣ, какъ и земледѣлецъ — собственникъ было говорено выше, и доказано не одними умозаключеніями, но и дѣйствительными фактами.

И такъ, по мѣрѣ силъ, мы отразили всѣ четыре нападки; теперь намъ остается отвѣчать еще на одно фальшивое мнѣніе «Экономическаго Указателя», которое можетъ незнакомыхъ съ характеромъ общиннаго пользованія землею ввести въ заблужденіе.

«Экономическій Указатель» говоритъ, что общинное пользованіе землею обязательно для членовъ общины, что они тяготеютъ такимъ способомъ владѣнія землею, и охотно готовы перейти къ принципу личной поземельной собственности.

Опять намъ приходится посоветовать тому, кто хочетъ повѣрить справедливость мнѣнія «Экономическаго Указателя», отправиться въ любую русскую деревню, гдѣ принципъ общиннаго пользованія землею господствуетъ во всей силѣ и чистотѣ, познакомиться съ русскими мужичками, пораспросить ихъ, попробовать предложить имъ принципъ личной поземельной собственности, и, въ особенности, если кто можетъ, приступить къ исполненію на дѣлѣ. Вотъ тогда-то онъ увидитъ мѣру справедливости мнѣнія «Экономическаго Указателя»; тогда-то онъ убѣдится, до какой степени это мнѣніе фальшиво.

По этому поводу мы расскажемъ истинное происшествіе.

Лѣтъ семь тому назадъ я вступилъ въ управленіе имѣніемъ, состоящимъ изъ двухъ смежныхъ деревень, съ общимъ населеніемъ въ 180 душъ. (Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда, деревни Байнево и Новая лежатъ въ восемнадцати верстахъ отъ Угличской станціи Николаевской желѣзной дороги.) Это имѣніе издавна находилось въ одномъ общемъ управленіи. Не смотря на то, состояніе крестьянъ въ одной изъ этихъ деревень (Байнево) было вообще незавидно; тогда какъ въ другой деревнѣ крестьяне были въ очень хорошемъ положеніи. Причину такой разницы надобно было приписать тому, что первая де-

реши была резиденція, сначала управляющаго, а потомъ владѣльца. Многіе крестьяне не имѣли вовсе лошадей; другіе имѣли по одной на тягло; тѣхъ и другихъ крестьянъ насчитывалось больше половины. Самособою разумѣется, что они не были богаты и рогатымъ скотомъ.

Съ своей стороны, я принялъ всѣ возможныя мѣры, въ предѣлахъ благоразумія: давалъ и лошадей, и рогатый скотъ, съ раскладкою платежа на нѣсколько лѣтъ; дѣлалъ разныя льготы въ исполненіи работъ и въ платежѣ оброка, — такъ, что черезъ два года не было ни одного крестьянина, у котораго не было бы лошади, а лѣтъ черезъ пять у каждого тягла было не менѣе двухъ лошадей и не менѣе какъ отъ трехъ до трехъ съ половиною, а у нѣкоторыхъ отъ четырехъ до пяти и болѣе головъ крупнаго скота на десятину цароваго поля. Но не въ томъ дѣло. Дурное положеніе крестьянъ съ самаго начала побудило меня вникать въ ихъ положеніе, знакомиться съ ихъ бытомъ поближе и искать радикальнаго средства къ улучшенію ихъ положенія.

Надо сказать, что въ означенной нами деревнѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, двое крестьянъ, дядя и племянникъ, купили у помещика двадцать-двѣ десятины земли подлѣ самой деревни, у озера, поселились на этой землѣ порознь, огородились и завели отдѣльное отъ всѣхъ, но общее между собою, хозяйство (*).

Крестьяне эти находились въ отличномъ состояніи; имѣли всего въ изобиліи, такъ что для крестьянскаго быта нельзя было желать ничего лучшаго. Мнѣ казалось, что каждый крестьянинъ изъ бывшихъ сочленовъ означенныхъ двухъ крестьянъ долженъ былъ съ завистью смотрѣть на ихъ положеніе, и мечтать о томъ, какъ бы было хорошо, еслибъ и онъ могъ также, какъ и эти два крестьянина, имѣть участокъ земли и жить на немъ паномъ.

Словомъ сказать, примѣръ означенныхъ двухъ крестьянъ навелъ меня на мысль: нельзя ли каждому крестьянину поставить въ такое же положеніе, то есть, дать каждому особый участокъ земли, на которомъ бы онъ могъ поселиться и вести хозяйство отдѣльно (**). Мысль эта укрѣпилась совершенно, когда я увидалъ, что мѣстныя условія представляютъ необыкновенное удобство для выполненія самаго дѣла. Въ дачѣ находятся два узкихъ озера, длиною до трехъ верстъ, въ

(*) Здѣсь не лишнимъ считаю замѣтить, что все-таки одинъ не рѣшился жить особнякомъ, даже подлѣ самой деревни, а согласился двое, и хозяйство завели общее; ничто не мѣшало имъ каждому завести отдѣльное хозяйство.

(**) Въ то время я не разумѣлъ истиннаго смысла общины и общиннаго пользованія землею, и также, какъ «Экономическій Указатель», смотрѣлъ на этотъ обычай, какъ на неурядицу, и мечталъ о благѣ личной поземельной собственности, подкрѣпленный въ своихъ убѣжденіяхъ примѣромъ упомянутыхъ двухъ крестьянъ.

родѣ двухъ широкихъ рѣкъ, расположенныхъ параллельно по своей длинѣ, въ растояніи около полторы версты одно отъ другаго; весь промежутокъ между озерами находился въ моемъ владѣніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ мѣстности представляется возможность разбить участки вдоль обоихъ озеръ, такъ, чтобы каждый участокъ примыкалъ къ озеру. Такимъ образомъ, каждый могъ жить на своемъ участкѣ близъ воды. Я созвалъ крестьянъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи отвести, вдоль двухъ озеръ, на каждое тягло по двадцати десятинъ земли и выселить каждого на свой участокъ, за что они будутъ обязаны платить мнѣ съ участка такую сумму, какую до сихъ поръ платили состоявшіе на полномъ оброкѣ. Я заранѣе ожидалъ въ отвѣтъ на мое предложеніе всеобщаго восторга. Но каково было мое удивленіе, когда всѣ задумались, отвѣчали мнѣ холоднымъ спасибо, и, по очереди, стали возражать и отпѣкиваться. Одинъ говорилъ объ неудобствѣ въ отношеніи паствы скота; другой, что не всякому достанется ровная земля, что одному передъ другимъ будетъ обидно; третій, что не справится съ изгородами; четвертый, что тяжело каждому держать ригу; пятый, что будетъ заносить снѣгомъ, такъ что зимой надо будетъ прочищать себѣ путь, чтобы въѣхать или выѣхать со двора на дорогу съ возомъ. Словомъ сказать, посыпался градъ разныхъ возраженій, и дѣльныхъ, и недѣльныхъ. Полагая, что во всѣхъ этихъ возраженіяхъ, за исключеніемъ неудобства въ отношеніи паствы скота и неравенства качества земли (*), таится задняя мысль: не охота трогаться со стараго пепелища, гдѣ жили дѣды и отцы, — я представилъ имъ неудобство, въ отношеніи работъ, при настоящемъ ихъ положеніи, и въ особенности дальность возки поезда для удобренія полей. На это крестьяне отвѣчали мнѣ, что они сами знаютъ, что имъ тѣсно жить; что они давно уже думали поразселяться; что, живучи, многіе просились у прежняго владѣльца вы-

(*) Возраженіе противъ неудобства паствы скота, въ то время, когда скотъ долженъ былъ держаться не въ поляхъ, а на выгонѣ, было отражено мною тѣмъ, что, при упомянутомъ выше расположеніи участковъ, заднія, параллельныя озерамъ, изгороди каждого участка составятъ двѣ непрерывныя линіи и выдѣлятъ такимъ образомъ полосу, на которую каждый крестьянинъ, не ожидая пастуха, могъ безопасно выгонять скотину, ибо собирать ее на этой полосѣ пастуху было бы очень легко. Что же касается до того, когда скотъ долженъ бы былъ держаться въ полѣ, необходимо было каждый участокъ разгородить на поля, для чего за жердами не могло быть остановки.

На замѣчаніе объ неравенствѣ качества почвы, я отвѣчалъ, что такъ какъ здѣсь земля безъ возему не родитъ, то поземомъ можно скоро выровнять всякую землю, лишь бы не случился нескотъ, котораго и нѣтъ. Хотя крестьяне отвѣчали мнѣ, что съ иной землею никакъ не сладитъ, развѣ только вчетверо валить въ нее возему, да и то нескоро добьешься толку, но я имъ не повѣрилъ. Впослѣдствіи я на опытъ убѣдился въ справедливости ихъ словъ.

селиться дворовъ поместити и по семи въ разныхъ удобныхъ мѣста (которыя и указали), но что на это не послѣдовало разрѣшенія, а что, буде съ моей стороны будетъ милость дозволить имъ исполнить ихъ намѣреніе, то они будутъ очень благодарны.

Этотъ отвѣтъ доказалъ мнѣ, что предполагаемой мною задней мысли не существуетъ. Но предложеніе ихъ мнѣ не нравилось. Я видѣлъ въ этомъ нѣкоторое временное отстраненіе предполагаемыхъ мною неудобствъ, но не видѣлъ радикальнаго измѣненія условій, достигнуть которыхъ я имѣлъ непреодолимое желаніе. Я сталъ имъ доказывать, что если они расселятся деревнями, опять не будетъ у каждаго своего участка; что не будетъ у каждаго охоты удобрять землю, и что дѣлять ихъ опять станетъ тѣсно жить.

— Какъ можно неудобять землю! — отвѣчали мнѣ крестьяне: — всякому охота побольше хлѣбца снять.

— Да зачѣмъ же вы хотите непременно расселиться деревнями?

— Да такъ будетъ намъ не въ примѣръ легче.

— Да отчего же?

— Да ужъ будетъ лучше, новѣрь.

Лучше да лучше, а отчего лучше, — не могъ добиться толку. Общиннаго духа, непреклоннаго духа уравниенія правъ каждаго, таящагося въ крови русскаго человѣка, я тогда и не подозрѣвалъ и ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову.

Возраженія крестьянъ не поколебали моей рѣшимости. Я сказалъ имъ, что они не понимаютъ своей собственной пользы, чтобы они пораздумали хорошенько и представили, если имѣютъ, настоящіе резоны противъ моего намѣренія, а тѣ, которые они мнѣ говорили, или вздорны, или могутъ быть отстранены. Между тѣмъ я нанялъ землемера, распорядился подробною съемкою мѣстности, на которой предполагалъ расселить крестьянъ, и ожидаю только окончанія этой работы для приведенія въ исполненіе своего намѣренія. Съемка продолжалась все лѣто; въ это время я раза три собиралъ сходки, чтобы толковать о предстоящей операціи, и постоянно слышалъ одно: «воля твоя, но коли милость будетъ, позволь расселиться деревеньками.» Наконецъ къ осени съёмка была окончена и разбивка участковъ на планѣ назначена. Я собралъ сходку и объявилъ, что нынче же осенью намѣренъ начать переселеніе и выселить два двора, и каждый годъ выселять по столько же; теперь же предложу кинуть жеребій, сперва кому какой участокъ достанется, а потомъ — кому начать переселеніе, буде не найдется охотниковъ. Когда крестьяне увидали, что я уже больше не совѣтуюсь съ ними, и что дѣло приходитъ круто, замолчали и повѣсили носы. Это меня огорчило; во, желая, во что бы то ни стало, достигнуть своей цѣли, въ кото-

рой видѣлъ благо крестьянъ, я рѣшился побѣдить ихъ нерасположеніе къ выполненію моего намѣренія громадностью льготъ, и потому объявилъ:

1) Что отводимый участокъ, въ 20 десятинъ на тягло, будетъ закрѣпленъ мною каждому въ вѣчное потомственное владѣніе (*).

2) На два года переселившійся крестьянинъ освобождается отъ платежа оброка.

3) Изба и все надворное строеніе будетъ перевозиться и ставиться міромъ.

4) Каждое поле въ первый разъ будетъ обрабатываться подъ посѣвъ міромъ.

5) Дни, употребляемые міромъ на эти работы, будутъ считаться въ число тѣхъ 10 дней въ году, которые выговорены для исполненія нѣкоторыхъ моихъ хозяйственныхъ работъ.

6) Въ добавокъ къ позему, который будетъ имѣть крестьянинъ отъ своего скота, я жертвую на каждое, въ первый разъ удобряемое, поле столько же возовъ позему, сколько будетъ у крестьянина, слѣдовательно каждое поле получить въ первый разъ двойное удобреніе противъ обыкновеннаго.

Каково было мое удивленіе, когда и эта мѣра не произвела успѣха. Крестьяне кланялись, благодарили, но говорили: «воля твоя, что прикажешь, то и будемъ дѣлать, мы люди подневольные.» Такое непонятное упорство я приписалъ, отчасти, невѣжеству, но главнымъ образомъ предполагалъ, что они не довѣряютъ моимъ обѣщаніямъ.

Это предположеніе недовѣрія задѣло мое самолюбіе, и я захотѣлъ непремѣнно доказать имъ, что я умѣю исполнять свои обѣщанія, а потому еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи и рѣзко объявилъ крестьянамъ, что я больше ненамѣренъ ихъ слушать, что они глупы и не понимаютъ, отъ какого добра отказываются. Тогда вышелъ одинъ крестьянинъ (изъ другой деревни **), который не

(*) Многимъ можетъ показаться такая жертва съ моей стороны неблагоразумною; поэтому я долженъ сказать, что въ означенномъ мѣстѣ приходится по 30 десятинъ на душу, и что для предстоящей операціи приходилось отдѣлать меньше $\frac{1}{4}$ всей дачи. Но я имѣлъ въ виду, что крестьяне, пришедъ временно въ такое же положеніе, какъ упомянутые два вольныхъ крестьянина (которые имѣли земли меньше, чѣмъ назначалось мною) легко могутъ выкупиться на волю, а что до тѣхъ поръ отдало бы было смотрѣть на всеобщее благоденствіе и не было бы недоборовъ въ оброкъ.

(**) На этотъ разъ на сходкѣ были крестьяне деревни Новой, которыхъ я приказалъ собраться, дабы приготовить ихъ тоже къ мысли объ разселеніи; ибо я возмнилъ намѣреніе слѣлать, хотя не скоро, разселеніе и этой деревни, къ чему тоже представлялась довольно-удобная мѣстность: вдоль дачи ротекалъ ручей.

былъ прежде на скотняхъ. Этотъ крестьянинъ былъ самый богатый во всей деревнѣ, занимался не только земледѣліемъ, но промышлялъ разными способами: и приторговывалъ, и ходилъ въ извозъ, и содержалъ лодки, и лошадами промышлялъ, ну, словомъ сказать — былъ мужикъ умный, толковый, оборотливый и тертый уже человекъ, выработавшій умѣнье выражать свои мысли довольно отчетливо.

— Позволь мнѣ, баринъ, тебѣ слово сказать, заговорилъ этотъ крестьянинъ.

Я отвѣчалъ, что готовъ слушать.

Постараюсь передать его рѣчь, какъ можно ближе къ подлиннику.

— Давно ужъ, баринъ, слухъ идетъ, что расселятъ, да расселятъ хочешь ты мужичковъ особняками. Вижу, что наровишь ты, какъ бы мужичкамъ добро сдѣлать, только, помини мое слово, худо будетъ. Ты все на тыхъ вольныхъ мужичковъ уназываешь; да вѣдь нѣтъ отъ того любо жить, что за міромъ живутъ. Нуженъ ли работникъ или работница, на день ли, на два, на недѣлю, на сколько хочешь, въ деревнѣ народу много, сейчасъ и нанялъ. Захотѣлось хлѣбъ съ корня убрать поскорѣе, чтобъ неастье не захватило, — купишь вина, спекъ пироговъ, созвалъ помочь, и хлѣбъ разомъ уберутъ. Хотя они и вольные, а за дровами въ мірской лѣсѣ ѣздятъ, потому, у нихъ лѣсу нѣтъ. Скотину тоже, когда нужно, въ мірское стадо пускаютъ. Одному, двумъ или тремъ особнякамъ возлѣ міру хорошо жить, а какъ всѣ будутъ особняки, такъ изъ деревни половина, коли не больше, мужичковъ изгнѣются и пропадутъ. И тебѣ худо, выгоды не получишь, и мужичковъ-то жалко.

— Да отчего же они пропадутъ?

— А вотъ отчего — скажу тебѣ къ примѣру. Вотъ я человекъ съ достаткомъ, скотины у меня, самъ знаешь, вволю, ну и позему, значить, не покупать statt. На свои-то полосы я позему кладу жирно; положивъ побольше позему — и хлѣба соберешь больше, и слава Богу. Принялъ передѣлъ, моя-то полоска досталась мужичку по ровнѣе, скотишки у него помельше и позему меньше, стало уже ему не положить въ землю позему настояще. Ну, а какъ я землю-то не выпускалъ, такъ хоша онъ и меньше позему положить, а у него хлѣбъ-то все уродится изрядно. У другаго мужичка только и есть, что одна лошадь, да одна коровка, а какъ въ кучу всю скотину по деревнѣ сбить, такъ на мужицкую полосу больше скота придется, чѣмъ у этого мужичка. Ну, когда скотина по полю-то ходитъ, она вѣдь не разбираетъ, моя ли, твоя ли полоса, значить на всяку полосу добра кривей придется.

«— Вотъ такъ-то мы другъ за друга и держимся. Неровенъ случай, всѣ подъ Богомъ живемъ, прогнѣвши Его чѣмъ, отыметь достатокъ и будешь ровнейшимъ мужичкомъ,—вѣдь не знаешь, что на роду написано. Ну, опять же скажу, заболѣеть мужичекъ въ саму пашню, или лошадь падеть, вѣдь теперича, коли мужичку не изъ чего нанять, такъ мы ему поможемъ — снашемъ; да надо вѣдь также, чтобъ и земля въ пустѣ не лежала. Ну а какъ мы особняками-то жить будемъ, такъ мы къ нему нахать-то не поѣдемъ. Теперь тоже, одинокій мужикъ, жена да малыя дѣти, въ домѣ ни старика, ни старухи,—на работу ѣхать, хотьбы сѣно грести, ну и попросить баба—либо тетку, либо мать, ну а нѣтъ, у сосѣдей какую старушку за дѣтьми пригласить. Ну, а тогда-то какъ будетъ? жена не работай, а дома сиди, да дѣтей няньчи. Ну, также, наприхѣрь, мужикъ хорошему на сторонѣ купилъ, теперича, взялъ онъ полведра али ведро водки, мы ему и перетащимъ и поставимъ, — не пойду я къ нему и онъ ко мнѣ не пойдетъ; ну, а въ ту пору, какъ мы особняками-то жить будемъ, поди склимай народъ, а одному-то мужичку и въ полгода не повернуться».

«— Кто богатъ, да семейный, тотъ только и удержится. Вотъ, хоть бы мнѣ, легко и прибыльно будетъ особнякомъ жить: и достатокъ есть, и семейство большущее; ну, а все думается: сегодня есть, а завтра, придетъ воля Божія, ничего не будетъ. Другіе — кой какъ будутъ перебиваться, а половина—такъ вовсе пропадетъ, бросать и хозяйство держать, потому, не долготъ и придетъ имъ такъ, что въ батраки и ступай. Не хватитъ и твоего достатку ихъ подымать, развѣ опять въ кучки будешь народъ сбивать.»

Эта рѣчь перевернула всѣ мои идеи. Я понялъ секретъ, понялъ то, что не могли мнѣ выразить словами другіе крестьяне. Я понялъ, что общинное пользованіе землею не есть только слѣдствіе необходимости, въ отношеніи устройства одного хозяйственного быта, — что для намѣненія общиннаго пользованія землею въ личную поземельную собственность недостаточно побѣдить одни мѣстные физическія препятствія, дѣлающія неудобнымъ, въ хозяйственномъ быту, отдѣльныя владѣнія землею; но — надо пересоздать народъ. Мнѣ стало стыдно, что я до сихъ поръ не понималъ этого; мнѣ стало стыдно, что я, для выполненія своего намѣренія, кажущагося мнѣ благимъ, обращался къ эгоистической сторонѣ челоѣка, и старался всѣми жѣрами раздуть это чувство, и — встрѣтилъ, въ отношеніи къ общинному устройству, совершенное отсутствіе чего либо подобнаго эгоизму. Конечно, отсутствіе этого чувства въ отношеніи къ общинному пользованію землею, не есть слѣдствіе высокаго нравственнаго развитія. Можетъ быть тотъ самый крестьянинъ, который держалъ

нѣ рѣш., въ то же утро надулъ своего сѣзда лошадей. Но, отъ того, или отъ другаго, не существуетъ у русскаго человѣка эгоизма въ отношеніи къ общинѣ, — нѣтъ сдѣлалось ясно одно, — что благородное чувство въ отношеніи къ общинному быту — коренится въ крови русскаго человѣка.

Съ этой минуты, я рѣшилъ не выполнять своего намѣренія, и сказалъ крестьянамъ, что отлагаю исполненіе до тѣхъ поръ, пока они сами не изъявятъ полную готовность, и съ этой же минуты сталъ я искать въ характеръ общиннаго быта. Съ тѣхъ поръ я имѣлъ случай бывать въ разныхъ концахъ Имперіи и вездѣ убѣждался въ одномъ, что принципъ общиннаго пользованія землею есть не только физическая и экономическая, но и кровная необходимость русскаго народа.

Мы показали, что принципъ общиннаго пользованія землею, представляя всевозможныя выгоды съ экономической точки зрѣнія, въ то же время, въ высшей степени, олицетворяетъ справедливость. Съ какой же стороны можно еще нападать на этотъ принципъ? Чѣмъ же замѣнить его? Принципомъ, подобнымъ принципу, господствующему во Франціи. Но вѣдь неудобство французскаго принципа признается всѣми; всѣ признають необходимость хозяйственныхъ ассоціацій, а ассоціаціи неминуемо приведутъ къ общинному пользованію землею. Неужели же въ угоду школъ, думающей, что развитіе всѣхъ народовъ должно подчиняться одному общему характеру, неужели изъ одного обезьянства мы должны разрушать начало, съ тѣмъ, чтобъ опять вернуться къ нему же? — Принципомъ, подобнымъ тому, какой господствуетъ въ Англіи. Но для этого надо всѣхъ земледѣльцевъ хозяевъ обратить въ пролетаріевъ, поденщиковъ или батраковъ. Развѣ это возможно, развѣ это сродно съ духомъ русскаго народа? Русскій крестьянинъ привыкъ жить своимъ домкомъ, имѣть свое хозяйство; только силой можно оторвать его отъ подобной жизни и ввергнуть въ беззаконную, безсемейную и батраческую жизнь. Если ни тотъ ни другой принципъ не удобенъ, не примѣнимъ, и не выгоденъ — какой же остается? Остается принципъ общиннаго пользованія землею для сословія земледѣльческаго, рядомъ съ принципомъ личнаго пользованія большими участками земли, для сословія высшаго. Въ этомъ сочетаніи двухъ принциповъ заключается рѣшеніе важнѣйшей философской и экономической задачи настоящаго вѣка. Россія рѣшила эту задачу; ей остается только избавиться отъ частнаго крѣпостнаго состоянія, отъ этой случайно привившейся къ ней болѣзни, объявшей, впрочемъ, меньше половины ея тѣла; но раны уже покрылись струпами, струпа подсохли и скоро свалются.

Защита принципа общиннаго пользованія землею, мы дѣлаемъ это не изъ опасенія, что можно разрушить этотъ принципъ. Никакія человѣческія успія не въ состояніи измѣнить то, что подчиняется высшему закону, что вытекаетъ изъ физическихъ и естественныхъ условій. Уничтожить принципъ общиннаго пользованія землею также возможно, какъ возможно развести пальмовыя рощи въ Мезени, или бѣлыхъ медвѣдей въ Аравіи.

Можно измѣнить форму, но нельзя уничтожить сущности, которая таится въ крови и въ внѣшнихъ физическихъ условіяхъ. Легко обрубить сучья у дерева, легко его срубить, но вырвать дерево съ корнемъ трудно. Срубите дерево, отъ корня вырастетъ такое же дерево; вырвите даже дерево съ корнемъ — та же земля, тѣ же физическія условія вырастятъ вамъ такое же дерево. Чтобы уничтожить принципы общиннаго пользованія землею на Руси, надо истребить русскій народъ и пересоздать лицо русской земли.

И такъ повторяемъ, что не опасеніе за гибель принципа заставляетъ насъ защищать его — нѣтъ; но мы считаемъ священнымъ долгомъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, предъупреждать покушенія на этотъ принципъ. Измѣняя принципъ въ формѣ, не имѣя возможности уничтожить сущности, выйдетъ, что форма не будетъ соответствовать сущности; рано или поздно сущность выработаетъ соответствующую форму, но эта выработка обуславливаетъ безполезнаю трату силъ. А потому виновниками передъ истинной будутъ тѣ, которые будутъ стремиться нарушить принципъ общиннаго пользованія — нарушить такое благое и справедливое начало!

Въ рѣшеніи настоящаго вопроса объ уничтоженіи частнаго имущественнаго права и объ измѣненіи условій быта помѣщичьихъ крестьянъ — вопросъ объ принципѣ общиннаго пользованія землею долженъ быть поставленъ на первомъ планѣ. Если по какимъ нибудь случайностямъ, принципъ этотъ для земледѣльческаго сословія будетъ нарушенъ, — много, много потратитъ Россія силъ, пока принципъ этотъ снова не возстановится во всей своей полнотѣ. Но объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

В. А. ПАНДЕЦЪ.

КАВЕНЬЯКЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ (*).

Июньская побѣда передала въ руки умѣренныхъ республиканцевъ всю правительственную власть надъ Франціею. Ужаснымъ путемъ достигли они до этого торжества, и мы видѣли, что неизбѣженъ былъ для нихъ этотъ путь послѣ той основной ошибки, которая сдѣлана въ началѣ 1848 года умѣренными республиканцами и парижскими работниками. Двѣ партіи, стремленія которыхъ были не-примѣримо противоположны, соединились тогда между собою для низверженія противниковъ, которые по своимъ убѣжденіямъ гораздо менѣе разнились отъ умѣренныхъ республиканцевъ, нежели умѣренныя республиканцы отъ своихъ союзниковъ. Результатомъ обманчиваго союза на словахъ, при полнѣйшемъ разногласіи въ желаніяхъ, была неизбѣжная необходимость двумъ на время слившимся партіямъ, тотчасъ послѣ одержанной въ союзѣ побѣды, вступить между собою въ борьбу, гораздо болѣе серьезную, нежели та, въ которой общими силами они низвергли орлеанскую систему. Фальшивыя историческія вложенія всегда дорого обходятся государству, но иногда бываютъ выгодны для тѣхъ, которые ставятъ въ нихъ государство, — это тогда, когда одна изъ партій, вступающихъ въ обманчивый союзъ, хитритъ и коварствуетъ. Но тутъ обѣ партіи дѣйствовали не по хит-

(*) Первая статья была помѣщена въ 1-мъ № «Современника» на 1848 годъ.

тому расчету, а по соображеніяхъ, при всей своей ошибочности, примодушнымъ, и потому обѣ проиграли отъ ошибки, въ которую одна увлечена была другою. Парижскіе работники за союзъ съ умѣренными республиканцами расплатились тѣмъ, что надолго остались безъ куска хлѣба и тысячами погибли въ битвѣ, тысячами были брошены въ темницы. Умѣренные республиканцы заплатились тѣмъ, что пробудили ненависть къ себѣ во всѣхъ тѣхъ классахъ населенія, любовью которыхъ дорожили.

Очень трудно было положеніе умѣренныхъ республиканцевъ послѣ июньскихъ дней, хотя вся правительственная власть была въ ихъ рукахъ. Сами по себѣ, они были малочисленны и слабы; они могли держаться только опираясь на другія партіи, которыя тогда всѣ сливались въ два большіе лагеря, почти поровну дѣлившіе между собою все народонаселеніе Франціи.

Съ одной стороны, соединились въ одну массу всѣ тѣ, идеалъ которыхъ былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Нѣкогда они распадались на враждебныя партіи легитимистовъ и орлеанистовъ, смертельно ненавидѣвшія другъ друга. Но теперь вражда ихъ умолкла подъ грозою, одинаково страшною для всего, чѣмъ дорожили всѣ они одинаково. Въ прежнее время былъ между ними споръ о томъ, классу землевладѣльцевъ или классу капиталистовъ владычествовать во Франціи, фамилінымъ преданіямъ съ придворными правами и феодальными стремленіями, или промышленной спекуляціи, съ биржевыми правилами и узкимъ либерализмомъ хитраго эгоизма. Теперь тотъ и другой интересъ подвергался одинаковой опасности, и для своего спасенія оба они слились въ одинъ интересъ — интересъ возвращенія господства надъ законами и администраціею тому, что называется превосходствомъ по имуществу или значительностью въ обществѣ. Люди, которымъ лично выгодно это возвращеніе, не многочисленны во Франціи. Но тогда каждый изъ нихъ имѣлъ за собою болѣе или менѣе значительное число кліентовъ, привыкшихъ слушаться или поставленныхъ въ необходимость повиноваться ему. Такъ, за капиталистами шли очень многіе изъ людей, зависѣвшихъ отъ нихъ по промышленнымъ дѣламъ и голосу ихъ сглаголовало большинство въ сословіи торгующихъ людей и ремесленниковъ, хотя эти маленькіе люди, если бы ясно сознавали свои выгоды, могли бы замѣтить, что биржа и банкиры вовсе не представляютъ ихъ интересовъ. За большими землевладѣльцами во многихъ провинціяхъ шли поселане; по воспоминаніямъ феодальныхъ временъ и по ультрамонтанскимъ стремленіямъ заодно съ большими землевладѣльцами было католическое духовенство, пользовавшееся очень значительнымъ вліяніемъ на поселанъ. Такимъ образомъ, теперь, желавшій

восстановленія стараго порядка, расколотъ отъ зачинщиковъ войны.

Съ другой стороны были люди, желавшіе, какъ мы говорили, измѣнить въ матеріальныхъ отношеніяхъ сословія, желавшіе экономическихъ и административныхъ мѣръ для улучшенія быта низшихъ классовъ. Естественно было бы полагать, что вся масса простолюдиновъ станетъ на этой сторонѣ. Но знаніе о новыхъ мѣрахъ, предлагавшихся въ ихъ пользу, было распространено только между престарѣлыми большими городами. Поселенныя во Франціи ничего не читали, почти не встрѣчали образованныхъ людей, которые рр-сказали бы ему, въ чемъ дѣло. Потому реформаторы шли на своей сторонѣ только городскихъ простолюдиновъ; изъ сельскаго населенія, погруженнаго въ совершенное незнаніе, болышая масса слѣдовала за своими обычными авторитетами, — земледѣльцами и духовенствомъ, и только въ немногихъ, ближайшихъ къ большимъ городамъ, округахъ, поселеніе сочувствовало идеемъ городскихъ простолюдиновъ.

Посредникъ между этихъ двухъ огромныхъ лагерей стояла помпозная армія умѣренныхъ республиканцевъ. Съ тѣмъ и дру- гихъ становъ были у ней сильныя причины къ несогласію, но съ тѣмъ мѣстѣ и важныя точки соприкосновенія, подававшія возможность къ сближенію.

Отъ партій, желавшихъ сохраненія общественнаго быта въ прак- тическомъ видѣ, умѣренные республиканцы рр-дѣлялись воспоминаніями жестокой прижды съ конца прошлаго вѣка до введенія ар- левской системы. Еще важнѣе было разногласіе въ мнѣніяхъ о вер- хѣ правительства. Реакціонеры ужасались слова «республика», — не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были искренни монархистами, а просто потому, что представляли республику осуществленіемъ без- граничной демократіи.

Отъ реформаторовъ умѣренные республиканцы отдѣлялись также воспоминаніями о борьбѣ, которая была менѣе продолжительна, но еще болѣе жестока, нежели борьба съ реакціонерами; притомъ же и воспоминанія эти были свѣжѣе: послѣдній и самый страшный актъ борьбы только что совершился и продолжались еще его послѣдствія: осажденное положеніе, арестъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, стѣсненіе газетъ, и т. д. О коренномъ разногласіи въ идеяхъ мы уже говорили: умѣренные республиканцы хотѣли остановиться на измѣненіи поли- тической формы, реформаторы утверждали, что оно ничего не зна- чить безъ измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ, которое умѣрен- ные республиканцы вмѣстѣ съ монархистами называли нелѣпою и гибельною химерою.

Противны къ раздору были, какъ видно, чрезвычайно важны. Но отношенія между тремя лагерями по матеріальной силѣ были таковы, что ни одинъ самъ по себѣ не могъ управлять Франціею нормальнымъ и прочнымъ образомъ, — получить рѣшительный перевѣсъ въ обществѣ могла каждая изъ трехъ главныхъ партій не иначе, какъ въ союзѣ съ другою. Въ послѣдствіи времени были заключаемы такіе союзы, — значитъ они были возможны, не смотря на всю силу азанимающихъ несогласій. Такъ въ концѣ 1849 года умѣренныя республиканцы дѣйствовали дружно съ реформаторами противъ реакціонеровъ, а позднѣе за одно съ монархистами противъ Луи-Наполеона. Но тотъ и другой союзъ былъ слишкомъ пошатнутъ. Во время враждебнаго партій не хотѣли и слышать о прекращеніи борьбы, которая неостаточно погубила ихъ. Теперь насъ занимаетъ исторія умѣренныхъ республиканцевъ; потому, оставляя въ сторонѣ ошибки, сдѣланныя другими партіями, мы посмотримъ только, какія ошибки были причиною низверженія этой партіи.

Въ половинѣ 1848 года всѣ люди всѣхъ партій одинаково чувствовали, что первой необходимостью для Франціи было учрежденіе прочнаго правительства. Прочность не зависѣла тутъ отъ имени и формы, а единственно отъ того, чтобы партія, которая управляла бы государствомъ, имѣла на своей сторонѣ рѣшительное и прочное большинство въ націи. Ни одна изъ партій, взятыхъ въ отдѣльности, не имѣла этого большинства, и всего менѣе могли обольщаться въ этомъ случаѣ умѣренныя республиканцы, на каждомъ шагѣ получавшіе доказательства своей малочисленности. Кратчайшимъ путемъ къ полученію поддержки большинства былъ бы для нихъ прямой союзъ съ одною изъ двухъ многочисленныхъ партій. На какихъ условіяхъ былъ возможенъ тогда этотъ союзъ?

Реакціонеры ужасались слова республика вовсе не потому, чтобы были искренними монархистами: они скоро примкнули къ Луи-Наполеону, союзнику Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома. Истинной привязанности къ монархической формѣ у большей части изъ нихъ было такъ мало, что они съ удовольствіемъ согласились бы на республику, если бы только сохранилось въ этой республикѣ преобладаніе мыслящихъ классовъ. Отъ республиканской формы умѣренныя республиканцы не могли бы отказаться ни въ какомъ случаѣ, но этой уступки пока отъ нихъ и не требовалось бы; возможна ли была уступка, которая дѣйствительно требовалась реакціонерами? Умѣренныя республиканцы имѣли чрезвычайное пристрастіе называть себя демократами; вотъ именно эта-то прибавка къ слову республиканецъ и возмущала реакціонеровъ; а между тѣмъ былъ ли въ этой прибавкѣ какой нибудь реальный смыслъ? Было ли практическое значеніе? По

правды говоря, вовсе нѣтъ. Гораздо именитѣе демократы, умѣреннѣе республиканцы гнушались именемъ демагоговъ, а демагогами называли всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли дѣйствовать возбужденіемъ массы для достиженія цѣлей; ообразившихъ отъ выгодами массы. Какой же реальный смыслъ оставался послѣ того за именемъ демократъ? Тотъ, что умѣренные республиканцы не хотѣли допустить такого преобладанія аристократическихъ элементовъ, какое видѣли въ Англіи; имъ больше нравилось устройство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но во Франціи аристократическіе элементы вовсе не имѣютъ той силы, какъ въ Англіи, и далеко не имѣли въ 1848 году притязанія сбѣгать изъ Франціи Англію; все, чего въ сущности желали они, ограничивалось спокойствіемъ на улицахъ и сохраненіемъ прежнихъ сословныхъ отношеній. Въ сущности того же самого желали и умѣренные республиканцы. Къ чему же послѣ того было умѣреннымъ республиканцамъ такъ шумно кричать о своемъ демократизмѣ, заигрывая этимъ громкимъ словомъ добрыхъ людей, не замѣчавшихъ, что демократъ становится нулѣвымъ и безсильнымъ изъ людей, какъ скоро придумываетъ разницу между демократизмомъ и демагогіею? Неразсчитливо было со стороны умѣренныхъ республиканцевъ отталкивать отъ себя реакціонеровъ словомъ безъ реального значенія; неразсчитливо было и со стороны реакціонеровъ изъ-за пустой парадной похвалы отстраняться отъ людей, у которыхъ за душой не было въ сущности ничего непримиримого съ тогдашними потребностями реакціонеровъ.

Та и другая партія забывали объ одинаковости своихъ настоящихъ желаній изъ-за споровъ объ именахъ и историческихъ воспоминаніяхъ. Онѣ могли бы дѣйствовать дружно, но не хотѣли того. Реакціонеры непремѣнно хотѣли извергнуть умѣренныхъ республиканцевъ изъ-за ихъ пустой претензіи на демократизмъ. Если умѣренные республиканцы никакъ не рѣшались отказаться отъ пустого слова для привлеченія на свою сторону реакціонеровъ, то не могли ли они вступить въ союзъ съ реформаторами?

Тутъ недоразумѣніе было еще неглубже. Умѣренные республиканцы, восхищаясь своимъ демократизмомъ, еще съ большимъ усердіемъ кричали, что хотѣ они и демократы, но презираютъ и ужасаются демагоговъ. Крикъ о демагогахъ былъ такъ шуменъ и производился съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ лица, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, въ 1848 году, Франціи угрожали какіе нибудь Йоганны Лейденскіе и Томасы Мюнцеры, или, по крайней мѣрѣ, Дантоны. А на самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были идеи реформаторовъ, но сами реформаторы никакъ не должны были бы внушать ужаса, — справедливы или ошибочны, прак-

личны или несущественны: были нѣхъ инстинкты, но сами по себѣ они для насъ мало не выходили на несущественный, опасный для спокойствія нарисованный уличъ. Это были люди не уличныхъ волненій, а ученыхъ разсужденій въ тихихъ кабинетахъ, заваленныхъ головоломными книгами; даже говорить въ многочисленномъ обществѣ очень немногіе изъ нихъ были способны, и почти каждый изъ нихъ былъ связанъ только съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ. Дѣйствія такихъ людей не могли въ сущности представлять ничего опаснаго для матеріальнаго порядка. Но быть можетъ, ихъ инстинкты и требованія были неудоволенными или опасны?

О ихъ общихъ теоріяхъ, мы не хотимъ здѣсь говорить потому, что не ихъ партія слушаетъ предметомъ нашей статьи: мы должны показать только ихъ отношенія, въ послѣдней половинѣ 1848 года, къ партіямъ, главою которой былъ Кавендишъ. Послѣ июньскихъ дней, тѣ силы, которыми могли бы осуществиться теоріи реформаторовъ, были сокрушены и надолго уничтожена всякая надежда реформировать нѣтъ правительственную власть. Дѣла приняли такой оборотъ, что надобно было ждать чрезвычайнаго вліянія реакціонной партіи на ходъ событій. Требования реформаторовъ не простирались уже до того, чтобы ихъ теоріи приводились въ исполненіе правительствомъ; они почли бы себя чрезвычайно счастливыми уже и тогда, если бы хотя половина тѣхъ обѣщаній, которыя два-три мѣсяца тому назадъ давались не только умѣренными республиканцами, но и реакціонерами, была исполнена. И тутъ были громкія слова, служившія предметомъ споровъ, наиримѣръ: «право на трудъ», но подъ громкими словами скрывались теперь требованія, самыя скромныя: хотя сколько нибудь дѣйствительной заботливости со стороны правительства о помощи стѣсненному положенію нисшихъ классовъ, и реформаторы были бы довольны. Не только умѣренные республиканцы, но и всѣ разсудительные люди между реакціонерами были убѣждены въ необходимости позаботиться объ улучшеніи быта нисшихъ классовъ. Въ большинствѣ и умѣренныхъ республиканцевъ и даже реакціонеровъ, это убѣжденіе было не только вынужденнымъ расчетомъ, но и искреннимъ желаніемъ. Кромѣ невозможныхъ, нравственно-дурныхъ людей, всѣ желали позаботиться о распространеніи образованія между простолудинами, объ улучшеніи ихъ квартиръ, объ улучшеніи мелкаго кредита, къ которому они прибѣгаютъ, объ избавленіи ихъ отъ ростовщиковъ и т. д. Между умѣренными республиканцами не было ни одного, который не имѣлъ бы этихъ желаній, а серьезной заботы объ исполненіи этихъ желаній было бы довольно для пріобрѣтенія поддержки со стороны реформаторовъ. Но вмѣсто того, чтобы заботиться о вещахъ, которыя

вѣтъ населись и полезны и практичны, умѣренныя республиканцы предпочли спорить противъ разныхъ призраковъ и проводили время въ опроверженіи требованій, которыхъ никто не предлагалъ, но существованіе которыхъ предполагалось умѣренными республиканцами. Самая простая, самая легкая игра вызывала противъ себя крики о невозможности и опасности, потому что подъ всю всегда предполагалась какая нибудь громадная теорія. Призракъ материальной демагогіи, за которую не хотѣли или не были способны приниматься ни одинъ изъ реформаторовъ, и призракъ утопическихъ теорій, которыхъ никто не хотѣлъ приводить въ исполненіе въ тогдѣшнее время, — эти нелѣпные призраки не давали умѣреннымъ республиканцамъ и подумать о союзѣ съ реформаторами, которыхъ нигдѣ угодно было воображать себѣ съумасшедшими людьми.

Такимъ образомъ, по существенному положенію серьезнаго дѣла, умѣренными республиканцами былъ бы возможенъ союзъ съ лѣвыми угодно изъ двухъ враждебныхъ лагерей, раздѣлявшихъ между собою населеніе Франціи. Но отчасти воспоминаніе о прежнихъ причинахъ вражды, отчасти громкія слова, пугавшія воображаемымъ значеніемъ, котораго не имѣли, препятствовали сближенію. Вѣроятно, если бы въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ предводители были великими государственными людьми, эти затрудненія были бы устранены своевременно и партія умѣренныхъ республиканцевъ приобрѣла бы прочную опору себѣ или отъ реакціонеровъ, или отъ реформаторовъ, смотря потому, съ какимъ изъ этихъ лагерей имѣла бы она болѣе точекъ одинаковости въ стремленіяхъ. Намъ кажется, что если бы умѣренными республиканцами руководили такіе люди, какъ Риншль, Штейнъ или Робертъ Пиль, то она предпочла бы сближеніе съ реформаторами. Несмотря на всю жестокость іюньскихъ битвъ и слѣдовавшихъ за ними проскрипцій, реформаторы легче, нежели реакціонеры, согласились бы поддерживать умѣренныхъ республиканцевъ: послѣ іюньскихъ дней, реакціонеры стали такъ самопадѣльны, что внушали уже чрезвычайно серьезныя опасенія реформаторамъ и, такимъ образомъ, самая жестокость пораженія, нанесеннаго реформаторамъ умѣренными республиканцами, заставляла этихъ послѣднихъ быть склонными къ поддержкѣ побѣдителей, за которыми выказывались грозныя полчища людей, одинаково враждебныхъ и побѣжденнымъ и побѣдителямъ. Но въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ не доставало государственнаго благоразумія на вступленіе въ рѣшительный союзъ ни съ тою ни съ другою изъ партій, имѣвшихъ наиболѣе существеннаго могущества. Они вздумали держаться собственными силами. Ошибка эта была очень важна; она основывалась на странномъ самообманѣ.

идеи относительно своихъ силъ. Умѣренные республиканцы такъ будто не знали, что ихъ образъ-мыслей, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на матеріальныхъ сословныхъ выгодахъ и потребностяхъ, во необходимости можетъ имѣть своими послѣдователями только небольшое число тѣхъ людей, которые дѣйствуютъ въ жизни не по требованію шитойскіихъ интересовъ, а по правиламъ отмеченной теоріи; они воображали, что умозаключенія, а не интересы руководятъ людьми. Отъ людей, впадавшихъ въ такое отвлеченное заблужденіе, едва ли можно ожидать здравого практическаго образа дѣятельности; но если бы они дѣйствовали практично, то могли бы даже безъ союза съ сильнѣйшими партіями сдѣлать очень многое для утвержденія своихъ идей въ государственной жизни французской націи.

Положимъ, что они были совершенно несправедливы въ основномъ своемъ заблужденіи, въ томъ, что считали себя гораздо болѣе многочисленными, нежели какъ были на самомъ дѣлѣ; но все-таки они очень хорошо знали, что слишкомъ значительная часть народонаселенія Франціи не сочувствуетъ ихъ политическимъ мнѣніямъ. Они должны были употребить всѣ заботы, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ. Приобрѣтать прозелитовъ своимъ убѣжденіямъ вовсе не такъ легко, какъ находить союзниковъ своимъ интересамъ; но все-таки искусный государственный человѣкъ можетъ довольно быстро распространить свои понятія въ массѣ, если будетъ заботиться объ удовлетвореніи тѣхъ матеріальныхъ потребностей націи, которая не противна его убѣжденіямъ. Умѣренные республиканцы имѣли въ своихъ рукахъ правительственную власть, и при малѣйшемъ искусствѣ въ парламентской тактикѣ могли вѣрно рассчитывать на поддержку большинства въ Национальномъ Собраніи; это было уже очень важное преимущество. Нѣсколько мѣсяцевъ имъ оставалось для того, чтобы урѣзвиться въ занимаемомъ ими положеніи, и если бы они сумѣли воспользоваться этимъ временемъ, они могли бы утвердиться довольно прочно. Люди, которые, управляя дѣлами нѣсколько мѣсяцевъ, не будутъ въ концѣ ихъ гораздо сильнѣе, нежели были въ началѣ, неспособны управлять дѣлами.

Не вступая въ союзъ съ многочислѣннѣйшими партіями, умѣренные республиканцы не должны были надѣяться на помощь отъ людей, предводительствованныхъ этими партіями; но масса никогда не имѣетъ непоколебимыхъ и ясныхъ политическихъ убѣжденій; она слѣдуетъ впечатлѣніямъ, какія производятся отдѣльными событіями и отдѣльными важными мѣрами. Эту массу могли бы привлечь къ себѣ умѣренные республиканцы, если бы позаботились о томъ, чтобы ихъ управленіе производило выгодныя впечатлѣнія на ма-

су и удовлетворило тѣмъ ее желанію, которое тогда еще исполнить не имѣла своему образу мыслей.

Государственный бюджетъ всегда составляетъ одну изъ самыхъ общихъ и сильныхъ причинъ довольства или недовольства въ массахъ. Франция жаловалась на обременительность налоговъ; особенно опасенъ былъ общій ропотъ противъ обременительныхъ налоговъ на соль и на вино и противъ пошлинъ, собираемыхъ въ городахъ съ съѣстныхъ припасовъ (*octroi*). Съ самого Наполеона непрерывно шелъ этотъ ропотъ; каждое правительство, заботясь при своемъ началѣ о популярности, обѣщало отменить налоги на соль и вино; ни одно не считало готовъ нужнымъ сдерживать это обещаніе и при каждомъ переворотѣ одною изъ сильнѣйшихъ причинъ того глухого недовольства, которое предшествовало волненію, былъ ропотъ на эти налоги. Соль и вино участвовали въ паденіи Наполеона, Бурбонъ и Орлеанской династій. Уничтожить городскія пошлыны отъ провизій было бы не менѣе полезно: пока на нихъ роптали только горожане, но зато отъ горожанъ зависѣла прочность правительства еще больше, нежели отъ поселянъ; при томъ, если существованіе этихъ пошлинъ не беспокоило поселянъ, то уничтоженіе ихъ скоро было бы признано за благодѣяніе и поселянами, потому что увеличилось бы тогда потребленіе мяса, хлѣба и т. д. въ городахъ, стало бы развиваться бы торговля сельскими продуктами. Налоги на соль и вино доставляли государству около двухъ сотъ милліоновъ франковъ, и при огромности французскаго бюджета было бы легко признать эту сумму; если же не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, то желанія массы указывали источникъ, изъ котораго было бы легко съ избыткомъ получать эти двѣсти милліоновъ. Какъ обременительны казались налоги на вино и соль, такъ напротивъ чрезвычайно популярно было бы учрежденіе налога съ капитала или съ дохода. Ничѣмъ нельзя было бы въ дѣлахъ финансовъ такъ угодить массѣ народа, какъ обращеніемъ косвенныхъ налоговъ въ прямые. Пошлыны съ съѣстныхъ припасовъ поступали въ городскіе доходы, — эти пошлыны также легко было бы замѣнить прямыми налогами.

Кромѣ постоянныхъ налоговъ, чрезвычайный ропотъ былъ возбужденъ негнѣнымъ временнымъ увеличеніемъ поземельнаго налога въ 1848 г. Этотъ временный добавочный налогъ равнялся почти половинѣ основнаго налога и по силѣ долженъ былъ доставить до двухъ сотъ милліоновъ франковъ, но на дѣлѣ доставилъ гораздо менѣе, потому что никто не хотѣлъ его платить. Въ первой статьѣ мы уже упоминали, что онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ реакціи, обнаружившейся противъ февральскаго переворота. Надобно было от-

министр эту поразительную цифру, черезъ нѣсколько дней послѣ апрельской революціи придуманную одними изъ умѣренныхъ республиканцевъ, Гаррис-Чампа.

Эти объясненія были бы необходимы даже въ томъ случаѣ, если бы умѣренные республиканцы не хотѣли сокращать государственныя расходы, — въ такомъ случаѣ надобно было бы, какъ мы говорили, замѣнить уничтоженные косвенные налоги прямыми; но народная желанія требовали значительнаго сокращенія бюджета, который былъ доведенъ до страшныхъ размѣровъ расточительнаго управленіемъ Луи-Филиппа, при которомъ въ теченіи 18 лѣтъ государственныя расходы и вмѣстѣ съ ними подати увеличились вдвое. Изъ 1800 милліоновъ франковъ надобно было бы довести расходы не болѣе какъ до 1200 милліоновъ. Благоразумные политико-экономисты видѣли въ этомъ государственную необходимость. Умѣренные республиканцы признавали справедливость ихъ словъ, но ничего важнаго не сдѣлали для исполненія этой необходимости.

Другимъ общимъ желаніемъ дѣльныхъ людей всѣхъ партій было свѣщеніе тѣхъ излишествъ административной централизаціи, которая обременяла чиновниковъ и самымъ утомительнымъ образомъ стѣсняла дѣятельность частнаго человѣка, равно никому не принося пользы и ни для чего не будучи нужны. Чтобы починатъ какой нибудь дѣльный мѣръ черезъ ручей въ какомъ нибудь селѣ, надобно было испрашивать разрѣшенія отъ министра. Постройка домовъ, мостовъ, улицъ — для всего этого нужны были позволенія и предписанія отъ парижскаго правительства. Умѣренные республиканцы, конечно, понимали неудобства этого порядка, связывавшаго всю Францію, сами реакціонеры говорили объ этомъ благоразумно. Но тутъ ничего не было сдѣлано.

Слѣдующими мѣры, назвавшіеся необходимою послѣ июньскихъ событій, лишили умѣренныхъ республиканцевъ популярности при началѣ управленія Кавеньяка. Ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя мы сейчасъ перечислили, и которыя могли бы уменьшить эту непопулярность, не была принята правительствомъ умѣренныхъ республиканцевъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за учрежденіемъ ихъ правительства. Быть можетъ, достаточнымъ извиненіемъ тому могли быть безчисленныя хлопоты и затрудненія, въ которыя вступивалось новое правительство; во всякомъ случаѣ, умѣренные республиканцы надѣлялись черезъ нѣсколько времени продолжать свое управленіе лучше, нежели начали его. Они надѣлялись раньше или позже приобрести популярность, которой лишены были лѣтомъ и осенью 1848 года. Такимъ образомъ, ихъ собственному мнѣнію, весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы

удержать за собою власть до той поры, когда приобретется иная популярность. Выиграть время—для нихъ было бы выиграть дѣло.

Было нѣсколько средствъ для нихъ продлить свою власть. Она пручена была Кавеньяку временнымъ образомъ отъ Национальнаго Собранія и Национальное Собраніе сначала не хотѣло торопить его прекращеніемъ этого положенія. Зная свою непопулярность въ настоящее время, умѣренные республиканцы могли бы прибѣгнуть къ средству, которое на долго упрочило бы ихъ тогдашнее положеніе и даже сдѣлало бы ихъ любимицами народа. Точно также, какъ и всѣ французы, они чувствовали желаніе, чтобы Франція заняла въ Западной Европѣ то первенствующее положеніе, которымъ пользовалась при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ. Они считали униженіемъ для Франціи трактаты 1815 года. Сосѣднія страны представляли много удобныхъ случаевъ для начатія войны на Рейнѣ или въ Италіи. Италія нуждалась въ помощи французовъ противъ австрійцевъ. Прирейнскія области Пруссіи и всѣ государства западной Германіи находились въ такомъ положеніи, что французская армія могла явиться въ Германію союзницею одной изъ партій, готовившихся вооруженною рукою рѣшать споръ о сохраненіи или измѣненіи порядка дѣлъ въ Германіи.

Но, не принимая никакой рѣшительной мѣры, Кавеньякъ и его друзья давали проходить одному мѣсяцу за другимъ, пока уже поздно было вознаграждать потерянное время. Чего же ждали они и на что надѣялись? Они, кажется, воображали, что все устроится по ихъ желанію однимъ магическимъ дѣйствіемъ тѣхъ громкихъ словъ, въ неотразимую очаровательность которыхъ они вѣрили; они, кажется, предполагали, что Франція находитъ ихъ людьми необходимыми, потому что они сохраняютъ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищаютъ слово республика, какъ будто бы слово республика могло восхитить само собою кого нибудь, кромѣ немногочисленныхъ и безсильныхъ теоретиковъ, и какъ будто реакціонеры не считались гораздо лучшими ревнителями порядка, нежели республиканцы.

Наконецъ, былъ еще одинъ путь для удержанія власти: можно было сохранять свое владычество при помощи фактической силы, отстраняя формальное выраженіе національных желаній. Умѣренные республиканцы могли говорить, что партіи, раздѣляющія между собою Францію, находятся въ такой враждѣ между собою, изъ которой снова легко можетъ возникнуть междоусобная война при первомъ поводѣ къ тому (и это было бы правда); что потому оффиціальныя проявленія народной жизни, слишкомъ волнующія массу, какъ, напримеръ, государственные выборы и особенно выборы президента республики, должны быть отложены на нѣкоторое время, пока уни-

успокоится. Они не сдѣлали этого, не умѣли всарови предвидѣть результата, къ которому приведетъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій при тогдашней перемутанности коняцій.

Умѣренные республиканцы не имѣли столько благоразумія, чтобы отсрочить на годъ или на полтора года выборъ президента республики. Нюкогда обнаружилось, что ихъ кандидаты Кавеньякъ не имѣютъ въ рѣшительности быть избраннымъ, у нихъ оставалось еще средство въ значительной степени уменьшить вредныя для нихъ послѣдствія этой ошибки. Они уже предвидѣли, что исполнительная власть перейдетъ въ руки кандидата противныхъ имъ партій. Новъ Национальномъ Собраніи, у котораго законодательная власть могла оставаться еще очень на долго, большинство принадлежало имъ. Политическій расчетъ долженъ былъ говорить имъ, что слѣдуетъ какъ можно болѣе увеличить вліяніе законодательной власти и какъ можно болѣе подчинить ей исполнительную. Они не сдѣлали и этого, пожертвовавъ и собственными выгодами, и спокойствіемъ государства отвлеченному соображенію о томъ, что исполнительная власть должна быть сильна и независима.

При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могла бы удержаться за собою власти партія, дѣйствовавшая такъ непредусмотрительно и нерѣшительно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ постепенно исчезло то могущество, которое было утверждено за умѣренными республиканцами июньскою побѣдою. Напрасно было бы вникать въ томъ обстоятельства: если много было въ нихъ затруднительнаго и неблагопріятнаго, то еще больше было выгоднаго для умѣренныхъ республиканцевъ; сами по себѣ они были довольно слабы, но у нихъ въ рукахъ было все то могущество, которое дается государственною властью; при томъ же всѣ другія партіи, хотя и болѣе многочисленныя, были въ то время еще слабѣе умѣренныхъ республиканцевъ; одиѣ изъ нихъ были поражены въ іюнѣ, другія въ февралѣ и ни одна не успѣла еще оправиться послѣ пораженія. Ихъ слабость доходила до безнадёжности и не одна не отваживалась даже и предъявлять притязаній на то, чтобы заступить мѣсто умѣренныхъ республиканцевъ въ управленіи государствомъ. И когда пришло время борьбы за власть, единственнымъ опаснымъ соперникомъ умѣренныхъ республиканцевъ явился кандидатъ, тогда еще не имѣвший никакого самостоятельнаго политическаго значенія и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно тому, что его поддерживали люди, въ сущности столько же враждебные ему, какъ и умѣреннымъ республиканцамъ, — поддерживали оттого, что считали его еще гораздо болѣе слабымъ, нежели были сами. При такомъ безсиліи соперниковъ, легко было бы надолго удержаться за собою власть умѣреннымъ республиканцамъ, если бы они были хотя сколько нибудь практическими людьми. Но за блестящ

и шлохотъ своихъ отвлеченныхъ формулъ они не видѣли и не слышали ничего, и каждое событіе было для нихъ неожиданностью, которой они беззащитно уступали до тѣхъ поръ, пока наконецъ были совершенно оттѣснены отъ власти, которою не умѣли пользоваться.

Таковъ общій характеръ событій французской исторіи съ конца июля до конца ноября 1848 года. Краткій обзоръ этихъ событій подтверждаетъ старую истину, что непредусмотрительность и нерѣшительность въ государственныхъ дѣлахъ гибельны бываютъ и для государства и для людей; неумѣющихъ пользоваться властью.

По укрощеніи возстанія, Кавеньякъ явился въ Национальное Собраніе и объявлялъ, что возвращаетъ ему ту диктаторскую власть, которую получилъ отъ него на время битвы. Собраніе рѣшило, что опасность еще продолжается, и потому просило Кавеньяка оставаться главою правительства, предоставивъ ему право по своему усмотрѣнію составить министерство. Выборомъ министровъ и другихъ важнѣйшихъ сановниковъ Кавеньякъ и умѣренные республиканцы, имъ руководившіе, показали, какими ошибочными соображеніями руководились они, когда рѣшили, что диктатура должна быть продолжена. Большинство министровъ было взято изъ умѣренныхъ республиканцевъ, но нѣкоторые важнѣйшіе посты были вѣрены людямъ изъ старинныхъ партій, управлявшихъ Франціею съ 1815 до 1848 года. Военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Ламорисьеръ, другъ принцевъ Орлеанскаго дома. Этотъ выборъ не былъ впрочемъ опасенъ для республики: человекъ честный, Ламорисьеръ не интриговалъ противъ правительства, участникомъ котораго былъ. Гораздо болѣе опасности представляло назначеніе генерала Шенгарнье командантомъ парижской національной гвардіи: Шенгарнье вслѣдствіе клеветъ о возстановленіи системы, разрушенной въ февралѣ, и былъ извѣстенъ неумѣренностію своихъ реакціонныхъ стремленій. Выборъ его на столь важное мѣсто доказывалъ, что умѣренные республиканцы хотѣли опираться на реакціонеровъ, что свою диктатуру они хотѣли направить исключительно противъ реформаторовъ, которыхъ одни считали опасными для государственнаго порядка.

Это прямо обнаруживалось рѣчами и дѣйствіями умѣренныхъ республиканцевъ въ Национальномъ Собраніи, о которомъ пора намъ сказать нѣсколько словъ, потому что съ іюля до половины ноября отъ его рѣшеній зависѣли всѣ важнѣйшія дѣла.

Изъ девятидесяти «представителей народа», составившихъ Национальное Собраніе, до 350 человекъ принадлежали разнымъ реакціоннымъ партіямъ. Они сидѣли на правой сторонѣ залы. Около 300 человекъ, сидѣвшіе въ центрѣ, нѣсколько ближе къ лѣвой, несли

къ правой сторонѣ, были умѣренные республиканцы. Наконецъ лѣвую сторону занимали крайніе республиканцы и реформаторы, которыхъ находилось въ Собраніи до 250 человекъ. При такомъ распредѣленіи, большинство партій составлялось только посредствомъ соединенія двухъ партій изъ числа трехъ. Чтобы провести свои мѣры, правительство, кромѣ прямыхъ своихъ приверженцевъ, должно было имѣть поддержку или отъ лѣвой стороны, — въ такомъ случаѣ предложенія правительства имѣли бы за себя большинство около 200 голосовъ, — или поддержку отъ правой стороны, и въ такомъ случаѣ большинство доходило бы до 400 голосовъ. Люди, незнакомые съ парламентскою тактикою, могутъ подумать, что при такомъ распредѣленіи голосовъ, для полученія поддержки съ той или другой стороны, центральная партія должна была дѣлать много уступокъ той партіи, голоса которой хочетъ имѣть. Во все мѣтъ; или та, или другая изъ крайнихъ партій не могла имѣть никакой надежды пріобрѣсти большинство своимъ собственнымъ мѣрамъ, потому что онѣ встрѣчали бы сопротивленіе въ остальныхъ партіяхъ, стало быть могли имѣть большинство только такія мѣры, которыя выходили бы отъ центральной партіи. Она могла по произволу выбрать себѣ поддержку съ той или съ другой стороны, и тутъ должно происходить нѣчто подобное тому, какъ бываетъ при встрѣчѣ двухъ продавцевъ съ однимъ покупщикомъ: тотъ и другой продавецъ наперерывъ другъ передъ другомъ понижаетъ цѣну до послѣдней крайности и радъ довольствоваться самою незначительною выгодною.

Малѣйшее предпочтеніе, оказываемое центральною партіею правой сторонѣ надъ лѣвою, или наоборотъ, уже пріобрѣтаетъ ей голоса этой стороны. Мало того: нужно только, чтобы центральная партія выказывала больше нелюбви, напримѣръ, къ лѣвой сторонѣ, нежели къ правой, и правая сторона будетъ самымъ усерднымъ образомъ поддерживать центръ, хотя бы центръ и съ нею обходился очень сурово. Это преобладаніе центра въ рѣшеніи дѣлъ доходитъ до того, что искусные парламентскіе предводители, съ центральною партіею изъ 50 человекъ, могутъ управлять рѣшеніями собранія, состоящаго изъ 500 человекъ. И такъ, умѣренные республиканцы, имѣя цѣлую третью часть голосовъ и занимая средину между двумя крайними партіями, почти равносильными, должны были рѣшительно господствовать въ Національномъ Собраніи. Имъ довольно было рѣшительно отталкивать отъ себя одну изъ этихъ партій, чтобы имѣть горячую поддержку со стороны другой. Какую же изъ двухъ партій будутъ они преслѣдовать? вотъ вопросъ, представлявшійся имъ послѣ июньскихъ дней. Лѣвая сторона была лишена силъ и

нѣтъ своихъ предводителей въ Парламентѣ и потеряла свою армию въ Парламентѣ. Она не могла теперь быть опасна, какъ бы громко ни выражала свой гнѣвъ. Всякое снисхожденіе отъ центра, она приняла бы безъ всякихъ условій. Но центръ не видѣлъ настоящаго; ему все чудились страшные призраки іюньскихъ дней; онъ воображалъ, что завтра, послѣ завтра, могутъ снова стать на баррикаду сотни тысячъ пролетаріевъ, забывая, что уже не осталось въ Парижѣ пролетаріевъ, способныхъ драться. Умѣренные республиканцы воображали, что черезъ недѣлю послѣ Іены и Ауэрштедта, пруссаки могли разбить Наполеона, что Наполеонъ на другой день послѣ Ватерлоо могъ дать новую генеральную битву. Они твердили, что ужасаются страшныхъ замысловъ лѣвой стороны. Этимъ неразсчитливымъ выраженіемъ вустого страха, они лишили себя всѣхъ выгодъ своего центральнаго положенія, объявивъ, что имъ нѣтъ выбора между правою и лѣвою стороною. Естественно, стала черезъ это въ очень выгодное положеніе правая сторона. Центръ объявлялъ, что она ему необходима и она могла дорого продавать свои голоса. Подъ вліяніемъ вустого страха, центръ такъ сильно погнулся на правую сторону, что потерялъ всякое равновѣсіе и можно было увлекать его все дальше и дальше на право. А между тѣмъ опасность ему была послѣ іюньскихъ дней справа, а не слѣва. Силами реакціонеровъ была выиграна іюньская побѣда, и побѣдители, конечно, были гораздо требовательнѣе, нежели побѣжденные. Никакія уступки со стороны центра не удовлетворяли правую сторону; съ каждымъ днемъ она дѣлалась все настойчивѣе, интриговала смѣлѣе и вынуждала у центра новыя уступки.

Возвращая диктатуру Кавеньяку, центръ прямо говорилъ, что эта диктатура направлена исключительно противъ лѣвой стороны и что для поддержанія своей власти онъ будетъ опираться исключительно на правую сторону. Онъ давалъ вѣру всѣмъ слухамъ о заговорахъ и замыслахъ лѣвой стороны и отвергалъ, какъ клевету, всѣ подобныя слухи о правой сторонѣ, выставлялъ опасными всѣ мелкіе безпорядки, при которыхъ слышались крики, бывшіе лозунгомъ лѣвой стороны, и оправдывалъ всѣ подобныя случаи, выходившіе съ правой стороны. Кавеньякъ запретилъ большую часть газетъ лѣвой стороны, хотя онѣ нападали только на людей и отдѣльными распоряженіями, а не на самую форму правительства тогдашней Франціи, и охранялъ всѣ газеты правой стороны, хотя онѣ открыто стремились къ низверженію той формы правительства, представителемъ и защитникомъ которой былъ онъ, — побѣжденная революція представлялась ему болѣе серьезнымъ врагомъ, нежели побѣдоносная реакція. Скоро для обузданія лѣвой стороны были предложены цент-

ромъ три закона: по первому, каждая политическая газета была обязана внести въ казну 24,000 франковъ (6,000 р. с.), или въ противномъ въ уплатѣ штрафовъ, которые могутъ быть на нее наложены по второму назначались тяжелыя наказанія за газетныя статьи, противныя общественному порядку; по третьему, клубы подвергались строгому полицейскому надзору.

Этими законами совершенно разрушалось равновѣсіе между правою и лѣвою стороною въ средствахъ политической дѣятельности. Уже и прежде, правой сторонѣ было дано гораздо больше простора, нежели лѣвой; теперь послѣдняя была чрезвычайно стѣснена, между тѣмъ какъ до правой стороны новыя законы вовсе не касались. Правая сторона была гораздо богаче лѣвой. Газеты правой стороны безъ хлопотъ взяли у своихъ патроновъ требуемыя обезпеченія: вмѣсто 24,000, каждая изъ нихъ, не стѣсняясь, нашла бы и 240,000 франковъ. Тѣ проступки, которые совершались газетами правой стороны, оставались безъ преслѣдованія, между тѣмъ какъ газеты противной партіи безпрестанно отдавались подъ судъ и осуждались на штрафы. Клубы для лѣвой стороны были тѣмъ, чѣмъ балы, большіе обѣды и фѣе Оперы и Французскаго Театра для правой: преслѣдуя тѣ собранія, въ которыхъ разсуждали о политикѣ приверженцы лѣвой стороны, полиція предоставляла болѣе широкую свободу всѣмъ съѣздамъ правой стороны.

Просимъ читателя не забывать точки зрѣнія, съ которой мы излагаемъ событія. Мы говоримъ вовсе не о томъ, хороши или дурны были убѣжденія той или другой партіи. Наша цѣль вовсе не теоретическій разборъ различныхъ политическихъ убѣжденій, существовавшихъ во Франціи въ 1848 году; до нихъ намъ нѣтъ никакого дѣла; до нихъ мало дѣла даже и французамъ настоящаго времени: въ десять лѣтъ всѣ эти убѣжденія совершенно устарѣли и дѣтъ теперь во Франціи человека, который думалъ бы о вещахъ точно такъ, какъ думалъ въ 1848 году. Но если вопросы и обстоятельства въ различныхъ странахъ и въ разное время бываютъ различны, то нравы и благоразуміа во всѣхъ странахъ вѣчно неизмѣнны. Только эта сторона событій, сохраняющая навсегда интересъ для жизни, интересуется насъ здѣсь. Каковы были мнѣнія умѣренныхъ республиканцевъ, намъ нѣтъ дѣла; мы хотимъ только знать, благоразумно ли поступали они; каковы были цѣли, которыя имѣли они въ виду, — вопросъ посторонній для насъ; намъ хочется только показать, что они не умѣли выбирать средствъ для достиженія цѣлей и изъ ихъ ошибокъ вывести нѣкоторыя правила, въ родѣ знаменитаго латинскаго стиха, примѣняющагося ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ:

Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem, —

«Чтобы ты не дѣлала, поступай благородно и расчитывай на свой долгъ съумма поступать». Быть можетъ, образъ мыслей уфрэннаго республиканцевъ былъ вреденъ для государства; лично мы даже увѣрены въ этомъ. Быть можетъ, для Франціи было счастіемъ, что вышло Кавеньяна, правителемъ Франціи сдѣлался Луи-Наполеонъ, — многіе говорятъ это. Мы все не сравниваемъ этихъ двухъ людей по образу мыслей; мы рассматриваемъ только, до какой степени надобно приписать Кавеньяку и увфраннымъ республиканцамъ терпимость Луи-Наполеона, и находимъ, что они постоянно дѣйствовали въ пользу ему и во вредъ себѣ; а такъ какъ они хотѣли все не того, то мы и находимъ, что они держали себя нерасчетливо; для того, чтобы обнаружить эту нерасчетливость, мы должны показывать, въ чемъ должны были бы состоять для нихъ внушенія благородія. Быть можетъ, правая сторона по образу мыслей была совершенно справедлива; но ея усиленіе вело ко вреду центра, потому и нерасчетливо поступалъ центръ, содѣйствуя ея возвышенію. Онъ долженъ былъ или самъ принять мѣрныя правой стороны, или бороться съ нею, — онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Правая сторона усиливалась его помощію, а между тѣмъ продолжала ненавидѣть его, и съ каждымъ днемъ онъ долженъ былъ уступать шагъ за шагъ власть врагамъ, которымъ самъ помогалъ.

Скоро правая сторона неудовольствовалась тѣмъ, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ правительствѣ отданы ей; она стала требовать, чтобы изъ министерства были удалены люди, ей несправившіеся. Прежде другихъ былъ удаленъ въ угодность ей министръ народнаго просвѣщенія Каріо, котораго реакціонеры не любили отчасти за его имя, отчасти зато, что онъ издавна былъ друженъ съ людьми, которые были подозрительны реакціонерамъ. Не прошло двухъ недѣль послѣ іюньской побѣды, какъ правая сторона уже потребовала его удаленія, и мѣсто его отдано человѣку правой стороны, извѣстному историку Волабеллю. Черезъ три мѣсяца, правая сторона снова потребовала отдачи своимъ предводителямъ еще двухъ мѣстъ въ министерствѣ. Сенаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывший президентъ Національнаго Собранія въ іюнѣ вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, принималъ самыя крутыя мѣры для поавленія инсургентовъ. Тогда реакціонеры превозносили его; но въ началѣ октября уже не хотѣли терпѣть въ министерствѣ человѣка, котораго еще недавно называли однимъ изъ спасителей общества. Сенаръ долженъ былъ уступить мѣсто Дюфору, и его отверженіе правою стороною служило очень яснымъ предсказаніемъ, что скоро будетъ отвергнуто ею и главный изъ іюньскихъ «спасителей общества», Кавеньякъ. Дюфоръ, подобно Ламорисьеру, не интриговалъ по крайней мѣрѣ противъ по-

ради дѣла, существовавшего тогда во Франціи. Но другой члѣнъ правой стороны, вѣсть съ нимъ вступившій въ министерство Капеллана, Вишентъ, явно стремился къ неограниченному правительству, въ которомъ сталъ участвовать.

Эту сѣбну министровъ правая сторона уже не выправляла, нѣтъ прежде: въ октябрѣ она стала такъ сѣбла, что уже сталъ отнимать свои голоса у Капеллана, когда хотѣла принудить его къ новой уступкѣ. Она уже открыто говорила, что поддержка ея необходима ему, что она чуть ли не изъ милости держитъ его президентомъ исполнительной власти. При такихъ словахъ было очевидно, откуда грозитъ опасность центру; но онъ оставался непреклоненъ въ своемъ укастѣ передъ призракомъ новыхъ баррикадъ и дѣлалъ правой сторонѣ одну уступку за другою.

Вѣсть съ преніями объ административныхъ вопросахъ и текущихъ происшествіяхъ, или въ Національномъ Собраніи пренія о конституціи. Изъ всѣхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ, ближе всего касался судьбы правительства вопросъ объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной. Въ теоріи существовало объ этомъ два различныя мнѣнія: одни признавали частые перевороты, раздиравшіе Францію въ послѣднія 60 лѣтъ, тому, что у правительствъ было будто бы слишкомъ мало силы для сопротивленія инсургентамъ, низвергавшимъ ихъ одно за другимъ. Другіе указывали на то, что постоянно исполнительная власть во Франціи подчиняла себя законодательную и, пренебрегая законнымъ контролемъ ея, впадала въ ошибки, которыя и бывали прямою причиною общаго неудовольствія, приводившаго къ насильственнымъ переворотамъ; изъ этого они выводили, что для прочности исполнительной власти и сохраненія государственнаго спокойствія, законодательную власть во Франціи надобно усилить на счетъ исполнительной, такъ, чтобы контроль первой надъ послѣднею былъ дѣйствителенъ. Которое изъ двухъ мнѣній было справедливо въ теоретическомъ отношеніи, мы не станемъ разсматривать. Но очевидно было, къ которому изъ этихъ двухъ мнѣній должны были присоединиться умѣренныя республиканцы. Въ Національномъ Собраніи они господствовали; каковы будутъ стремленія исполнительной власти, когда она сдѣлается независимой отъ законодательной, они не знали наизусть, но могли предполагать, что она не будетъ чужда тѣмъ преданіямъ, какія остались отъ всѣхъ французскихъ правительствъ со времени Наполеона. Эти преданія были вовсе не въ пользу умѣренныхъ республиканцевъ. Благоразуміе ясно указывало имъ путь. Пусть ихъ теоретическія убѣжденія были бы въ пользу независимости исполнительной власти отъ законодательной; но они должны были понять, что не время

намъ приводить въ дѣло чистую теорію и надобно принять въ соображеніе настоящія привычки, отлагая полное осуществленіе теоріи до той поры, когда измѣнившіеся понятія самой исполнительной власти о своихъ обязанностяхъ будутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что она не употребитъ во зло своей независимости. Это было ясно. Но мы должны повторить фактъ, на который уже много разъ приходилось намъ указывать. Умѣренные республиканцы были теоретики, непонимавшіе условій практической жизни. Они во время ареній о конституціи постоянно поддерживали всевозможную независимость исполнительной власти отъ законодательной и возвышали ея силы. Кавеньякъ и всѣ министры говорили въ этомъ смыслѣ. Но вотъ дошла очередь до того параграфа, который опредѣлялъ способъ избранія президента республики. Тутъ было два противныя мнѣнія, какъ и обо всемъ въ государственныхъ дѣлахъ, у правой и лѣвой стороны. Правая сторона хотѣла, чтобы президентъ исполнительной власти былъ избираемъ непосредственно націею, — этимъ возвышалось величіе исполнительной власти; лѣвая сторона хотѣла, чтобы онъ былъ избираемъ законодательнымъ собраніемъ, — черезъ это, конечно, онъ становился ниже его. Тутъ Кавеньякъ и министры замѣтили наконецъ, что дѣло идетъ о сохраненіи или низверженіи тогдашняго порядка вещей во Франціи. Они замѣтили, что при общемъ неудовольствіи націи на нихъ, умѣренныхъ республиканцевъ, при разстройствѣ партій реформаторовъ, легко могутъ восторжествовать при выборахъ президента реакціонеры, если выборъ будетъ предоставленъ націи. Кавеньякъ и министры подали голосъ вмѣстѣ съ лѣвою стороною въ пользу предложенія, чтобы президентъ республики былъ избираемъ Национальнымъ Собраніемъ. Но было уже слишкомъ поздно. Умѣренные республиканцы слишкомъ уже приучены были своими предводителями видѣть на лѣвой сторонѣ смертельныхъ враговъ всякаго общественнаго порядка и вслѣдъ за реакціонерными журналами кричать: *Les barbares sont à nos portes!* Они до того приучены были повертываться на право, что когда теперь ихъ предводители вздумали сдѣлать маневръ на лѣво, то были покинуты всѣмъ своимъ войскомъ. Большинствомъ четырехъ-сотъ голосовъ было рѣшено, что президентъ республики будетъ избранъ не Законодательнымъ Собраніемъ, а голосами всей націи.

Этимъ почти рѣшена была судьба умѣренныхъ республиканцевъ, подавшихъ голосъ противъ самихъ себя по неумѣнью соображать результаты своихъ дѣйствій. Трудно было имъ надѣяться на успѣхъ своего кандидата при выборѣ президента голосами всей націи, потому что ничего не сдѣлали они для приобрѣтенія популярности, а между тѣмъ должны были передъ общественнымъ мнѣніемъ нести от-

вѣтственности за всѣ тѣ матеріальныя невагоды, которыми сопровождался февральскій переворотъ.

Нельзя отрицать того, что Кавеньякъ и его политическіе друзья искренно желали отвратить всѣ злоупотребленія, облегчить всѣ тяжести, на которыя жаловалась нація. Но еще неоспоримѣе то, что ничего не было сдѣлано ими для исполненія этихъ желаній. Мы уже говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, какія надобно было бы сдѣлать въ бюджетѣ, чтобы удовлетворить жалобамъ, которыя сильно содѣйствовали февральскому перевороту и ожиданіямъ, которыя были возбуждены этимъ переворотомъ. Реформы, нами указанныя, были согласны съ убѣжденіями умѣренныхъ республиканцевъ. Но эта партія была порукамъ и по ногамъ связана реакціонерами, превозглашавшими непогрѣзительность бюджета прежнихъ лѣтъ и вопіавшими противъ всякой попытки сократить государственные расходы, которыми они пользовались, или замѣнить распредѣленіе налоговъ, благоприятное для нихъ. Воображая себя въ опасности отъ людей убитыхъ, сосланныхъ или изгнанныхъ въ іюнь, умѣренные республиканцы не могли эмергически приняться и за вопросъ о децентрализациі, потому что всевозможное натягиваніе административныхъ пружинокъ казалось имъ нужно для охраненія общественнаго порядка отъ опасностей съ лѣва, которыхъ уже не было. Охотно принимали бы они какія нибудь прямыя мѣры для улучшенія положенія ниснихъ классовъ, но всѣ эти мѣры уже предлагались реформаторами, каждая мысль которыхъ представлялась умѣреннымъ республиканцамъ чѣмъ-то разрушительнымъ для общества; а если и приходила умѣреннымъ республиканцамъ въ голову какая нибудь маленькая идея о какомъ нибудь издѣльномъ законѣ, который бы нѣсколько полезенъ былъ народу, реакціонеры поднимали вопль, доказывая, что этотъ законъ былъ бы подражаніемъ проектамъ реформаторовъ, — и дѣйствительно не трудно было доказать это, потому что на самомъ дѣлѣ мысли умѣренныхъ республиканцевъ объ улучшеніи состоянія простолюдиномъ были бѣдными отраженіями понятій, высказанныхъ реформаторами, — и бѣдные умѣренные республиканцы съ испугомъ отступали отъ того изъ своихъ сотоварищей, который былъ обвиняемъ реакціонерами въ потворствіи реформаторскимъ теоріямъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту нерѣшительность, мы укажемъ на единственную прямую мѣру, принятую Национальнымъ Собраніемъ для улучшенія участи работниковъ. Собраніе назначило 3,000,000 франковъ на пособіе учрежденію ассоціаций между фабричными работниками, то есть, для образованія чего-то похожаго на наши промысловыя и ремесленныя артели. Повидимому ничто не могло быть невиннѣе такого назначенія. Но надобно только прочесть доклады и рѣчи, съ не-

тѣмъ дѣла были эти долги, чтобы конять, нашими чувствами простолюдины должны были встрѣтить этотъ заемъ. Вотъ докладъ, представленный Собранію Корбономъ отъ имени Комитета, разсматривавшаго предложеніе объ этомъ пособіи и рекомендовавшаго Собранію принять его.

«Намѣренное, въ нашемъ Собраніи нѣтъ ни одного члена, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ постепеннаго возвышенія сословій, до сихъ поръ содержавшихся въ низкомъ положеніи. Съ своей стороны, мы искренно убѣждены, что настанетъ время, когда большая часть работниковъ перейдутъ изъ состоянія наемщиковъ въ состояніе сотоварищей, какъ прежде перешли они изъ рабства въ крѣпостное состояніе, изъ крѣпостнаго состоянія въ вольные наемщики. Но эта перемѣна будетъ дѣломъ времени и личныхъ усилій работниковъ. Конечно, государство должно помогать ей; но каково бы ни было его участіе въ медленномъ осуществленіи этого прогресса, участіе государства будетъ въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, нежели участіе, какое въ немъ должны имѣть сами работники. Работникъ долженъ быть сыномъ своего труда, и если онъ нѣкогда тѣмъ или другимъ способомъ получить въ собственное распоряженіе средства для производства своего промысла, этими средствами онъ долженъ быть прежде всего обязанъ собственнымъ усиліямъ.

«Мы знаемъ, что такой приговоръ мало удовлетворитъ ту часть рабочаго класса, которую, напротивъ, увѣрили, что государство сдѣлаетъ все, и что работникамъ надобно лишь пользоваться его содѣйствіемъ. Недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ, не имѣютъ истиннаго понятія ни о свободѣ, ни о равенствѣ, ни о братствѣ, тѣ, которые не хотятъ пытаться поднять себя постоянными и терпѣливыми усиліями, а ждутъ, пока ихъ воднимутъ другіе.

«Мы хотимъ, чтобы государство помогало работникамъ только пропорціонально тѣмъ усиліямъ, которыя будутъ дѣлать они сами для приобрѣтенія въ свое распоряженіе средствъ къ независимому труду.

«Мы не исполнили бы всей своей обязанности, если бы не прибавили, что ассоціаціи, пользующіяся нашей помощью, должны необходимо подчиняться условіямъ соперничества, безъ котораго нѣтъ самой свободы труда. Мы говоримъ это именно потому, что работниковъ увѣряли, будто всѣ ихъ бѣдствія — результаты соперничества. До известной степени это справедливо; но напрасно отъ злоупотребленій соперничества заключать, что надобно уничтожить самое соперничество.

«Для работниковъ полезно будетъ услышать, что уничтожить соперничество — просто невозможно.

«Въ самомъ дѣлѣ, какъ уничтожить его? Силою власти? Но власть, которая возьмется за это, будетъ немедленно низвергнута. Посредствомъ ассоціаціи, которая послужила бы зерномъ для всеобщей ассоціаціи? Но—(Корбонъ доказываетъ, что это также невозможно).

«На счастію настало время, когда эти важные вопросы будутъ обсуждены съ національной трибуны, которая своимъ авторитетомъ предостережетъ работниковъ противъ идей, приравнявшихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много умъ.

«Наши пренія покажутъ, сколько правды въ тѣхъ ученіяхъ, которыя, прикрываясь формами строгой нравственности, прибѣгая къ языку любви и преданности общему благу, въ сущности вызываютъ только къ эгоизму и возбуждаютъ противъ общества ненависть тѣмъ болѣе глубокую, что ими раздражаются всѣ желанія у людей, вслѣдующихъ и необходимаго.»

Съ перваго взгляда видно, что этотъ докладъ составленъ не столько подъ вліяніемъ мысли провести мѣру полезную для работниковъ, сколько подъ вліяніемъ заботы не показаться союзниками реформаторовъ, и желанія внушить работникамъ, что ихъ надежды на содѣйствіе государства въ измѣненіи ихъ быта напрасны. Безъ всякой надобности, Корбонъ толкуетъ о необходимости соперничества, о невозможности всеобщей ассоціаціи работниковъ, которой нѣтъ и въ поминѣ, утверждаетъ, что государство ничего особеннаго не можетъ сдѣлать для работниковъ, и т. д. Могъ ли такой докладъ произвести на работниковъ хорошее впечатлѣніе? Нѣтъ, онъ представлялся для нихъ выраженіемъ антипатіи къ нимъ. И какъ легко приходили имъ мысли, которыми опровергались разсужденія доклада. Напримѣръ, при словахъ «недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ» (*Ceux-là ne sont pas dignes d'être aidés, qui n'ont pas le courage de s'aider*), — при этихъ словахъ, составляющихъ основую мысль доклада, кому изъ нуждавшихся въ содѣйствіи государства не приходило въ голову такое возраженіе: «Но даѣтъ же и существуетъ государство, какъ не для охраненія человека отъ бѣдствій, которыхъ не можетъ отвратить его собственное мужество и сила? Если такъ, полиція должна бы защищать отъ воровъ только того, который самъ и безъ полиціи въ смятѣніи прогнать или убить вора; если же разбойники нападутъ на труса или больного, полиція же должна защищать отъ нихъ этого человека, потому что «онъ не имѣетъ мужества помочь себѣ». Да развѣ помощь нужна сильнымъ и мужественнымъ, а не слабымъ и забитымъ обстоятельствами?»

Но докладъ Корбона былъ еще очень любезенъ, сравнительно съ тѣмъ рѣчами, какія говорились по этому дѣлу реакціонерами. Корбонъ думалъ, во крайней мѣрѣ, что въ оказываемомъ пособіи есть что-то хотя отчасти справедливое и хотя нѣсколько полезное. Предводители реакціонеровъ, знаменитый говорятъ Тьеръ, своимъ наклоннымъ голосомъ кричалъ, что все это вздоръ, что деньги эти бросаются въ печь, но что онъ съ удовольствіемъ соглашается бросить ихъ въ печь, потому что безуспѣшностію этой нелѣпой попытки помогать учрежденію ассоціацій докажется нелѣзность самой мысли объ ассоціаціи, мысли сумасбродной и безнравственной. «Не три милліона, а двадцать милліоновъ слѣдовало бы вамъ требовать отъ насъ», говорилъ онъ Корбону. — мы дали бы вамъ ихъ. Да, двадцати милліоновъ не жаждали бы мы на поразительный опытъ, который долженъ изнѣжить насъ всѣхъ отъ этого колоссальнаго сумасбродства».

Выдачу этихъ денегъ считали милостынею и прямо говорили, что бросаютъ ихъ совершенно бесполезно; изъ этого слѣдовало бы заключать во крайней мѣрѣ, что пособіе оказывается безвозмездно. Все нѣтъ: три милліона назначались вовсе не въ безвозмездное пособіе, а просто въ заемъ ассоціаціямъ, которыя должны были постепенно возвращать въ казну сполна всю полученную ими ссуду. Прилично ли, возможно ли кричать, что даришь деньги, когда даешь ихъ въ займы? Прилично ли тутъ хвастаться своимъ великодушіемъ? Прилично ли кричать о пропажѣ денегъ? Заемъ, выдаваемый съ такими рѣчами, оскорбитъ каждого, въ комъ осталось хоть нѣсколько уваженія къ себѣ.

Напоионецъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, какое впечатлѣніе должна была производить самая величина ссуды? 700.000 руб. сер. нѣкое государство, въ пособіе ссудное, составляющему гораздо болѣе семи милліоновъ человѣкъ. Скупость доходила тутъ до ироніи. Какое впечатлѣніе должны были производить эти жалкіе 3 милліона франковъ, по сравненію съ десятками милліоновъ, ежегодно выдававшимся отъ казны на покровительство биржевымъ спекуляціямъ? Но банкиры и биржевые спекулянты, какъ будто, отъ природы получили привилегію на поощреніе отъ французскаго правительства. Суммы, которыя расстрчиваются казною для нихъ, не слѣдуетъ сравнивать съ деньгами, назначаемыми въ пособіе черному народу; можно сравнивать во крайней мѣрѣ величину суммъ, назначаемыхъ на разные способы пособія черному народу. Въ то самое время, какъ опредѣлялось три милліона для ассоціацій во Франціи, ассигновалось 50 милліоновъ на переселеніе предетаріевъ въ Аджирію. Рѣшительныя обстоятельства, которыми сопровождался законъ объ этой колонизаціи, дѣлали это переселеніе совершенно подобнымъ ссылкѣ,

предпринимаемой для удаленія изъ Франціи опасныхъ людей, изъ которыхъ большинству предстоитъ на новомъ мѣстѣ жительства погибнуть отъ лишеній всякаго рода и камильскихъ пуль. Въ этомъ смыслѣ и было принято переселеніе простолюдины; они сочли за результатъ заботливости о нихъ, а слѣдствіемъ желанія удалитъ изъ Франціи предприимчивыхъ, и потому опасныхъ, простолюдиновъ. Какое же впечатлѣніе производилось на работниковъ сравненіемъ трехъ милліоновъ, съ упреками и дурными предсказаніями выдаваемыхъ на исполненіе задуманнаго убѣжденія простолюдиновъ, и 50-ти милліоновъ, назначаемыхъ на ссылку, прикрытую именемъ колонизаціи?

Ссуда на учрежденіе ассоціацій была единственною сколько нибудь важною мѣрою Кавеньяковскаго правительства для пріобрѣтенія популярности. Очень мало было принято даже и незначительныхъ мѣръ съ этою цѣлью, да и тѣ всѣ были обсуждаемы и исполняемы въ такомъ же духѣ, какъ выдача ссуды ассоціаціямъ. Очень натурально, что чувство, съ которымъ народъ смотрѣлъ на Кавеньяка и его партію послѣ июньскихъ дней, нисколько не улучшилось въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ мѣсяцевъ. Умѣренные республиканцы не слѣдали совершенно ничего для привлеченія къ себѣ народа, и народъ продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, отъ которыхъ нечего ему ждать.

Политика умѣренныхъ республиканцевъ была очень неудачна въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ недостатокъ могъ бы до нѣкоторой степени замѣниться блескомъ и популярностью внѣшней политики. Случаевъ къ тому представлялось много и нѣкоторыя изъ нихъ были до того благопріятны, что самый неразсчетливый человѣкъ легко понималъ ихъ драгоцѣнность.

Мы укажемъ только два важнѣйшіе.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ собрался Нѣмецкій Парламентъ съ цѣлью дать нѣмецкому народу государственное единство. По правилу, нами принятому, мы вовсе не будемъ разсматривать, хороша или дурна была эта цѣль, точно такъ, какъ мы вовсе не говорили и о томъ, хороши или дурны были стремленія Кавеньяка и его политическихъ друзей. Мы обращаемъ вниманіе только на то отношеніе, какое существовало между потребностями положенія, въ какомъ находилось правительство Кавеньяка и дѣлами Франкфуртскаго Парламента, и хотимъ показать, что Кавеньякъ, и его партія не умѣли дѣйствовать сообразно съ своими выгодами. Франкфуртскій Парламентъ искалъ дружбы Франціи; онъ былъ проникнутъ тѣми же понатіями, какъ и правительство Кавеньяка, — дѣйствовалъ въ духъ того демократизма, который, противъ такъ называемой демагогіи, враждуетъ

гораздо сильнѣе, нежели противъ реакціи. Подобно правительству умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи, Франкфуртскій Парламентъ вышелъ изъ революціоннаго движенія; подобно умѣреннымъ республиканцамъ Франціи, онъ утвердилъ свое значеніе кровопролитнымъ подавленіемъ революціоннаго движенія, изъ котораго возникъ самъ; подобно умѣреннымъ республиканцамъ, онъ былъ уже въ большой опасности отъ усиливавшейся реакціи (отъ которой скоро и погибъ подобно имъ); и подобно имъ, совершенно не понималъ и не замѣчалъ этой дѣйствительной опасности, воображал, что опасность грозитъ ему совѣмъ не съ той стороны. Словомъ сказать, по своимъ идеямъ, Франкфуртскій Парламентъ занималъ среди нѣмецкихъ партій точно такое же положеніе, какъ правительство Кавеньяка среди французскихъ партій. Союзъ между правительствами столь однородными казался бы неизбежнымъ. Франкфуртскій Парламентъ, не находившій поддержки ни въ одномъ изъ иностранныхъ правительствъ, чрезвычайно дорожилъ надеждою на дружбу съ Франціею и готовъ былъ чрезвычайно дорого заплатить за эту дружбу. Тайныя инструкціи, данныя на этотъ случай его агенту въ Парижѣ, необнародованы; но хорошо извѣстны нѣкимъ людямъ, господствовавшимъ во Франкфуртѣ, и не трудно отгадать, на какія важныя уступки согласились бы они. Но вѣсто того, чтобы вступить въ выгодный союзъ, французское правительство даже не приняло посланника отъ Франкфуртскаго Парламента.

Еще яснѣе нѣмецкаго вопроса былъ итальянскій, еще очевиднѣе была выгода французскихъ правителей принять въ немъ участіе. Не говоря уже о томъ, что итальянцы проникнуты были чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ Франціи и выступали съ тѣми же лозунгами, которые находились на знамени тогдашняго парижскаго правительства, — не говоря объ этихъ соображеніяхъ, основанныхъ на фактахъ настоящаго: даже дипломатическая рутина требовала, чтобы Кавеньякъ принималъ сторону итальянцевъ противъ австрійцевъ. Австрія была всегда соперницею Франціи, издавна дипломатическія и военные торжества пріобрѣтались Франціею преимущественно въ борьбѣ противъ этой державы. Но и тутъ правительство Кавеньяка не сдѣлало ровно ничего. Не была подана итальянцамъ матеріальная помощь, когда они нуждались въ ней; а когда послѣ пораженія итальянскихъ армій Франція рѣшилась наконецъ принять посредничество съ цѣлью противодѣйствовать слишкомъ сильному перевѣсу Австріи, дѣло было ведено чрезвычайно слабо и вяло, и кончилось совершенно въ пользу Австріи и въ стыдъ Франціи.

Таковъ общій характеръ управленія Кавеньяка. Внутренніе вопросы настоятельнѣйшимъ образомъ требовали разрѣшенія, — ничего не было сдѣлано для этого, и путь, избранный правительствомъ Кавеньяка во внутренней политикѣ, прямо противоположенъ былъ и смыслу обстоятельствъ и выгодамъ правительства. Слава внѣшняго могущества, блескъ дипломатическихъ и военныхъ торжествъ могъ бы доставить правительству Кавеньяка ту популярность, которой не могла доставить внутренняя политика, — внѣшняя война отвлекла бы вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, соединила бы всю націю подъ знаменами правительства, — но и этого не поняли, и этимъ не воспользовались умѣренные республиканцы.

Такимъ образомъ, когда настало время выборовъ президента республики, умѣренные республиканцы не могли похвалиться ничѣмъ, кромѣ іюньскаго кровопролитія; ничего не сдѣлали они для смягченія ненависти, возбужденной этими жестокостями въ одномъ изъ двухъ лагерей, и своимъ излишнимъ крикомъ объ ужасныхъ намѣреніяхъ этого лагеря ободрили притязанія предводителей противной партіи. Ничего не сдѣлали они для нации, оттолкнули отъ себя однѣ партіи и сдѣлали надменными другія партіи.

Тѣмъ не менѣе, слабость всѣхъ другихъ партій была такъ велика, что ни одна изъ нихъ не могла выставить своего кандидата съ надеждою на успѣхъ. На это рассчитывали умѣренные республиканцы, и ожидали, что всѣ благоразумные люди соединятся около ихъ кандидата за недостаткомъ другаго.

Дѣйствительно, такъ поступали многіе изъ людей, желавшихъ поддерживать новыя формы государственнаго устройства. За Ледрю Ромена подало голосъ только меньшинство изъ тѣхъ, которые принадлежали къ партіямъ, выставившимъ его своимъ кандидатомъ; большинство ихъ политическихъ друзей, видя, что Ледрю Роменъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ избранъ, подали голосъ за Кавеньяка, для общаго интереса пожертвовавъ своими неудовольствіями противъ него и умѣренныхъ республиканцевъ.

Многіе изъ людей, которыхъ преслѣдовало правительство Кавеньяка, поддерживали его изъ преданности интересамъ Франціи. Не такъ поступили партіи, которымъ оно дѣлало всевозможныя уступки: гордость ихъ возрасла до того, что они уже не хотѣли никакихъ сдѣлокъ съ республиканцами; они дали ненависти до того овладѣть собою, что выставили впередъ человѣка, по своимъ стремленіямъ гораздо болѣе враждебнаго имъ, нежели Кавеньякъ, лишь бы только низвергнуть Кавеньяка.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію Луи-Наполеона Бонапарте до декабря 1848 года. Мы должны только показать его отношенія къ партіямъ, при тѣхъ выборахъ, которыми рѣшалась участь Франціи.

Партія бонапартистовъ никогда не исчезала во Франціи, но всегда была чрезвычайно слаба, такъ что вовсе не могла считаться серьезною политическою партіею; по своему безсилію, она не могла быть никому опасна. Она пользовалась совершеннымъ просторомъ для дѣйствій, благодаря всеобщему невниманію къ ней.

Первое, что придавало бонапартизму нѣкоторую важность, были неблагоразумные поступки реакціонеровъ и умѣренныхъ республиканцевъ, во вопросу о главѣ бонапартистовъ, Луи Наполеонѣ. Въ февралѣ, онъ просилъ у новаго правительства разрѣшенія возвратиться во Францію, изъ которой былъ изгнанъ постановленіями прежнихъ правительствъ. Онъ уже тогда считалъ себя претендентомъ на французскій престолъ; но его притязанія были тогда еще безсильны; люди проникательные говорили, что не нужно придавать ему важность, показывая видъ, что его опасаются, и предлагали, чтобы ему было позволено возвратиться. Реакціонеры и умѣренные республиканцы отвергли этотъ совѣтъ. Слѣдствіемъ этого было повтореніе просьбъ и жалобъ съ его стороны. Благодаря отказу, ему удалось возбудить къ себѣ вниманіе и сожалѣніе во многихъ. Если съ перваго раза отказали ему, слѣдовало уже твердо держаться этого рѣшенія; но черезъ нѣсколько времени, ему позволили возвратиться. Уже успѣвъ надѣлать шума своими просьбами и жалобами, онъ теперь отважился выставить себя кандидатомъ въ президенты.

Реакціонеры не имѣли кандидата, котораго могли бы противопоставить Кавеньяку. Они распались на нѣсколько партій, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступить другой перевѣса. Притомъ же, всѣ предводители этихъ партій были на дурномъ замѣчаніи у народа. Надобно было выбрать нейтральное имя, на которомъ могли бы соединиться ультрамонтанцы, легитимисты и орлеанисты, — духовенство, аристократы и капиталисты; надобно было отыскать такого кандидата, противъ котораго нація еще не имѣла бы предубѣжденія и кандидатство котораго обозначало бы только протестъ противъ партіи, управлявшей Франціею съ февраля, и не означало бы ничего другаго, потому что въ этомъ одномъ были согласны реакціонеры. Этотъ кандидатъ реакціонеровъ, котораго надобно было найти внѣ реакціонныхъ партій, долженъ былъ не представляться для нихъ опаснымъ по своей силѣ, долженъ былъ получить власть изъ ихъ рукъ, держаться только ихъ поддержкою и безъ нихъ не значить ничего. Именно такимъ человѣкомъ представлялся имъ Луи Наполеонъ. Ничтожность его собственной партіи была причиною,

что на немъ остановился выборъ реакціонеровъ, которые думали, что какъ теперь безъ нихъ онъ ничего не значитъ, такъ и потому ничего не будетъ значить безъ нихъ, и что они будутъ управлять его именемъ.

Такимъ образомъ, всѣ реакціонеры единодушно стали за Луи Наполеона. Этимъ приобрѣталась ему почти половина голосовъ на выборахъ.

Тогда масса реформативныхъ партій, увидѣвъ, что остается избирать только между Луи-Наполеономъ и Кавеньякомъ, увлеклась ненавистью къ умѣреннымъ республиканцамъ за июньскія событія, и рѣшилась предпочесть Луи-Наполеона. Умѣренные республиканцы доказали, что отъ нихъ нельзя народу ждать ничего хорошаго; Луи-Наполеонъ будетъ во всякомъ случаѣ не хуже, а быть можетъ окажется и лучше ихъ. Правда, его поддерживаютъ реакціонеры, но онъ самъ не принадлежитъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой силы, и его выборъ имѣетъ только значеніе переходнаго факта, временнаго перемирія между партіями, изъ которыхъ еще ни одна не довольно сильна, чтобы одной ей побѣдить умѣренныхъ республиканцевъ и всѣ другія партіи. Его власть будетъ только до того времени, какъ мы оправимся отъ июньскаго пораженія, — пусть же до той поры, когда мы въ состояніи будемъ надѣяться на побѣду, продолжается перемиріе, и пусть будетъ власть въ нейтральныхъ рукахъ человѣка, который не можетъ помѣшать намъ, потому что самъ по себѣ безспленъ.

Точно также думали и реакціонеры. Правленіе Луи-Наполеона каждая изъ ихъ партій принимала только какъ переходную ступень къ собственному торжеству, какъ перемиріе съ другими партіями до того времени, какъ она сама станетъ сильнѣе всѣхъ другихъ.

Для всѣхъ, подававшихъ за него голосъ, онъ казался безопаснымъ орудіемъ для низверженія умѣренныхъ республиканцевъ, казался нейтральнымъ агентомъ, которому поручается временное веденіе дѣлъ до той поры, какъ довѣритель самъ почтетъ удобнымъ взять дѣла изъ его рукъ въ свои.

Такимъ образомъ, при выборахъ президента, партіи стали въ слѣдующее положеніе относительно трехъ кандидатовъ:

За Ледрю-Роллена была только небольшая часть людей лѣвой стороны, — именно только тѣ, которые компрометировали бы свою политическую репутацію, если бы подали голосъ не за оффиціального кандидата своей партіи. Масса этой партіи подала голосъ за Луи-Наполеона.

За Кавеньяка были умѣренные республиканцы, и сверхъ того люди, которые никогда не желаютъ никакихъ перемирій, — число

последнихъ было, въ то время разгара политическихъ страстей, гораздо менѣе обыкновенной пропорціи.

За Луи Наполеона были всѣ реакціонеры и масса приверженцевъ лѣвой партіи, предводители которой по своему положенію передъ общественнымъ мнѣніемъ не могли покинуть Ледрю Роллена. Всѣ приверженцы реформаторовъ, не имѣвшіе своего кандидата, подали голосъ за Луи Наполеона.

При этомъ расположеніи партій, всѣ болѣе или менѣе предвидѣли результаты выборовъ; всѣ знали, что Кавеньякъ не получитъ большинства, всѣ были увѣрены, что коалиція, избравшая своимъ орудіемъ Луи Наполеона, составитъ большинство голосовъ.

Тутъ, умѣренные республиканцы, покидая власть, въ первый разъ приняли образъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ. Дѣла дошли до такого состоянія, при которомъ всѣ мѣры воспрепятствовать выбору Луи Наполеона остались бы напрасными, и правительство Кавеньяка не позволило себѣ ни одной интриги, ни одного незаконнаго дѣйствія во вредъ своему противнику. Честность Кавеньяка и его друзей въ этомъ отношеніи заслужила имъ всеобщее уваженіе, и дѣйствительно, она была безпримѣрна въ исторіи Франціи. Съ незапамятныхъ временъ, въ первый разъ французы видѣли правительство, которое законъ ставитъ выше собственныхъ интересовъ, и не хочетъ злоупотреблять своею силою для продолженія своей власти. Но и тутъ, мы не знаемъ, понимали ли умѣренные республиканцы, что всѣ попытки сопротивленія съ ихъ стороны были напрасны; дѣйствовали ли они какъ государственные люди, понимающіе состояніе дѣлъ, и сознательно отказывающіеся отъ невозможнаго, — или они еще полагали, что могли бы удержаться, если бы прибѣгли къ интригамъ, стѣснительнымъ мѣрамъ и открытой силѣ. По соображенію всего, что говорили мы о прежней ихъ неспособности понимать обстоятельства, надобно склоняться къ послѣднему предположенію.

Какъ бы то ни было, правительство Кавеньяка оставило полную свободу выборамъ, неблагопріятный исходъ которыхъ предвидѣло, и съ благоговѣніемъ уступило результату выборовъ.

Въ выборахъ приняли участіе 7,324,672 избирателей; изъ нихъ подали голосъ:

За Ледрю Роллена.	407,039.
— Кавеньяка	1,448,107.
— Луи Наполеона	5,434,226.

20-го декабря результатъ выборовъ былъ провѣренъ Національнымъ Собраніемъ. Кавеньякъ взошелъ на трибуну, въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ выразилъ свою покорность волѣ націи и сложилъ съ себя власть.

Съ этого дня, умѣренные республиканцы потеряли всякое вліяніе на ходъ событій, ихъ политическая роль во Франціи окончилась.

Полугодичное ихъ управленіе Франціею даетъ много уроковъ людямъ, думающимъ о ходѣ историческихъ событій. Изъ этихъ уроковъ, важѣйшій тотъ, на который преимущественно и указываютъ факты, нами изложенные.

Нѣтъ ничего гибельнѣе для людей и въ частной и въ государственной жизни, какъ дѣйствовать нерѣшительно, отталкивая отъ себя друзей и робѣя передъ врагами. Честный человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ни отъ кого, кромѣ людей, дѣйствительно сочувствующихъ его намѣреніямъ, не можетъ онъ ждать опоры, что недовѣріе къ нимъ и довѣріе къ людямъ, желающимъ совершенно противнаго, не приведетъ его ни къ чему хорошему. Напрасно сталъ бы онъ думать, что какими бы то ни было потворствами можетъ онъ смѣлѣть партію, которая не одобряетъ его коренныхъ желаній, — вражда этой партіи къ нему останется непримирима, и для того, чтобы, удержатъ за собою свои мнимыя выгоды, она всегда готова будетъ погубить человѣка, намѣренія котораго ей противны, — конечно, погибнетъ потомъ и сама, какъ погибли и французскіе реакціонеры при Луи Наполеонѣ, — но ослѣпленная ненавистью, она не разбираетъ средствъ и не предвидитъ будущаго.

Государственный человѣкъ не долженъ вѣрять веденія дѣлъ, не долженъ оставлять вліянія на ходъ событій врагамъ своихъ намѣреній. Только при этомъ условіи дѣла пойдутъ такъ, какъ онъ того хочетъ.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ ПОМЪЩИКА

ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

Дѣтскіе годы Багрова — внука, служащіе продолженіемъ «Семейной Хроники» С. Аксакова. Москва. 1858 г.)

Рѣшаясь говорить о новой книгѣ г. Аксакова, мы прежде всего отстраняемъ отъ себя всякое сужденіе о художественныхъ достоинствахъ этой книги. Распространяться о нихъ мы считаемъ излишнимъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главные состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, это было бы крайне скучно, а во-вторыхъ, что мы слишкомъ уважаемъ фактическую правду мемуаровъ, изложенныхъ г. Аксаковымъ со словъ Багрова — внука, чтобы спянься отыскать въ нихъ еще правду художественную. Мы согласны, конечно, что и въ самыхъ правдивыхъ воспоминаніяхъ можетъ быть много художественныхъ достоинствъ, состоящихъ въ способѣ представленія предметовъ и даже въ самомъ изложеніи. Но кому же было бы интересно слѣдить за нами, если бы мы стали отыскивать подобныя достоинства въ «Дѣтскихъ годахъ» г. Аксакова? Ровно два года тому назадъ, всѣ журналы полны были восторженными похвалами художественному таланту г. Аксакова, обнаруженному имъ въ «Семейной Хроникѣ». Авторитетъ С. Т. Аксакова установился съ тѣхъ поръ незыблемо. Его

нѣкоторые поставили главою современной русской литературы, и этому никто не думалъ противорѣчить, исключая г. К. С. Аксакова, который, въ началѣ прошлаго года, обозрѣвая въ «Русской Бесѣдѣ» современную нашу литературу, выразилъ мнѣніе, діаметрально противоположное взглядамъ поклонниковъ С. Т. Аксакова. Именно, г. К. С. Аксаковъ объявилъ, что г. С. Т. Аксаковъ не только не есть глава современной русской литературы, но даже вовсе не принадлежитъ къ ней, а стоитъ какъ-то «совершеннымъ особнякомъ». Должно полагать, впрочемъ, что этотъ, столь неблагопріятный, отзывъ вызванъ былъ болѣе потребностью сказать и здѣсь хоть что-нибудь въ пику западникамъ, пренозносившимъ «Семейную Хроникку», нежели дѣйствительнымъ желаніемъ отнять С. Т. Аксакова у современной русской литературы. Какъ бы то ни было, въ послѣдніе два года С. Т. Аксаковъ, по признанію всѣхъ своихъ поклонниковъ, занялъ безспорно первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Этого мало: художественныя достоинства произведеній г. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самого автора и доставили ему всеобщее уваженіе, уже просто—какъ челоѣку;—поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ Казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представили петербургскіе студенты: задумавши издать «Сборникъ» своихъ ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на это одобренія г. Аксакова, и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ «Семейной Хроники» одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. Все это мы припоминаемъ зѣлымъ, чтобы показать, до какой степени великъ авторитетъ С. Т. Аксакова въ глазахъ многочисленныхъ его поклонниковъ. Нашъ голосъ ничего не могъ бы прибавить къ извѣстности автора «Дѣтскихъ годовъ»,—какъ бы мы ни разсыпались въ похвалахъ и въ точно такъ же, какъ безплодны были бы всѣ наши усилія, если бы мы вздумали доказывать, что новая книга г. Аксакова не имѣетъ такихъ достоинствъ, какъ его прежнія произведенія. По этому мы рѣшили, что гораздо благоразумнѣе будетъ съ нашей стороны—не утомлять читателей подробнымъ анализомъ художественныхъ совершенствъ или недостатковъ «Дѣтскихъ годовъ». Авторитетъ Аксакова утвердился въ общественномъ мнѣніи, а разъ утвердился авторитетъ держится въ немъ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ значительной перемѣны вообще въ понятіяхъ и направленіи общества. Возставать же противъ общаго мнѣнія благонамѣренная критика можетъ и должна только тогда, когда вліяніе авторитета оказывается вреднымъ для общества. Но литературная дѣятель-

доставъ г. Лисакова темъ чистое наслажденіе, что критикъ остается съ радостью принять общій приговоръ публики. Значеніе премныхъ разсказовъ г. Лисакова было утверждено публикою; она же рѣшить значеніе новой его книги. Намъ остается сказать немного о содержаніи «Дѣтскихъ годовъ»; а потомъ мы поспѣемъ обратиться вниманіемъ читателей на одну сторону воспоминаній, заимствованныхъ г. Лисаковымъ со словъ Багрова, — сторону, особенно насъ заинтересовавшую, — именно на то, какою является въ его разсказахъ жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ въ ихъ деревняхъ.

Всѣ воспоминанія, находящіяся въ «Дѣтскихъ годахъ», относятся къ деревенской жизни помѣщиковъ, — родныхъ Багрова, въ Багровѣ и Чурасовѣ, и къ перѣздамъ изъ одного села въ другое. Немного страницъ посвящено описанію жизни въ Уфѣ. Въ изображеніяхъ природы и своихъ личныхъ впечатлѣній авторъ отличается тою же обстоятельностью, какая замѣтна была и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Намъ кажется даже, что здѣсь эта обстоятельность выразилась еще болѣе, нежели въ прежнихъ произведеніяхъ г. Лисакова. Причина этого очень понятна: воспоминанія дѣтства всегда живѣе представляются человѣку, нежели воспоминанія о послѣдующихъ годахъ его жизни. Тѣмъ болѣе должно было проявиться это въ молодомъ Багровѣ, который, какъ видно изъ его воспоминаній, всегда отличался болѣе субъективной наблюдательностью, нежели испытующимъ вниманіемъ въ отношеніи къ вѣншему міру. Эта субъективная наблюдательность началась въ немъ весьма рано. Онъ разсказываетъ, что помнитъ себя, когда отнимали его отъ кормилицы, и даже нѣсколько раньше. «Я помню себя, говоритъ онъ, лежащимъ ночью то въ кровати, то на рукахъ матери, и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабо освѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди, и мнѣ становилось хорошо.» Такимъ простодушно-правдивымъ характеромъ отличаются всѣ записки о дѣтскихъ годахъ Багрова, и мы ни на одной страницѣ ихъ не нашли, чтобы авторъ ихъ усиливался возвысить какую нибудь художественною прибавкою простую правду своихъ воспоминаній. Видно, что онъ безыскусственно повѣрялъ бумагѣ все, что передавалъ ему изъ своихъ воспоминаній Багровъ-внукъ, не стѣсняясь даже тѣмъ, что въ дѣтской жизни Багрова было много моментовъ, до извѣстной степени повторявшихъ другъ друга. Онъ дорожилъ каждою подробностью и записывалъ ее столько разъ, сколько разъ она припоминалась. Такъ много разъ описываетъ онъ дорогу, уже знакомую читателямъ, много

страницъ занимаетъ подробнымъ изображеніемъ своихъ чувствъ уже не въ первый разъ появившихся въ его душѣ (?)....

Каждый изъ этихъ частныхъ моментовъ, изъ этихъ особенныхъ состояній, вписанъ авторомъ въ записки, конечно, потому, что для него самого они живутъ все-таки своимъ отбѣикомъ, своимъ различіемъ, хотя различія эти почти неуловимы для читателя. Но за то тѣмъ болѣе довѣрія внушаютъ рассказы Багрова, тѣмъ живѣе является передъ нами эта жизнь, не составленная художественнымъ образомъ изъ обломковъ и лоскутковъ, а просто изображенная въ своей естественной вѣрности. Видно, что авторъ дорожилъ всѣмъ, что только сохранила его память: много страницъ посвящаетъ онъ описаніямъ

(?) Чтобы не дѣлать длинныхъ выписокъ, мы ограничимся здѣсь, для подтвержденія своихъ словъ, тѣмъ, что выпишемъ изъ «Дѣтскихъ годовъ» изображение того, какъ встрѣчаютъ молодыхъ Багровыхъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ это село.

(Стр. 77). «Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ веселыми цѣлѣми и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цаловались съ нами отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перепцеловали....»

(Стр. 107). «Двери были растворены настежь; въ сѣняхъ уже стояли бабушка, тетушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выйти, подѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери, и съ этой минуты я ничего не помню...»

(Стр. 202). «Насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, не смотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ: обѣ плакали навзрылъ...»

(Стр. 236). «Когда мы подѣхали къ дому, бабушка, въ полгода очень постарѣвшая, и тетушка Татьяна Степановна, стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать.»

(Стр. 327). «Тетушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать.... и проч.

(Стр. 450). «Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ собрались у крыльца. Можно себя вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій, причитаній, обниманья и цалованья...»

Въ этихъ шести встрѣчахъ есть нѣкоторая разница; но она понятна болѣе для автора, нежели для читателя, который, при однообразіи общей формы легко можетъ перемишлять ихъ. Если бы С. Т. Аксаковъ составлялъ изъ воспоминаній Багрова какое нибудь художественное цѣлое, то, конечно, онъ сумѣлъ бы, съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, избѣгнуть всѣхъ повтореній и ненужныхъ подробностей. Но его рассказъ постоянно поражаетъ насъ безыскусственною, наивною простотою лѣтописи, и это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе его записокъ, какъ несомнѣннаго памятника временъ минувшихъ. Для того, чтобы ярче выставить это значеніе «Дѣтскихъ годовъ», мы и останавливаемся нѣсколько на той подробностей, съ которою авторъ передаетъ каждый отдѣльный моментъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній.

юриежеть лошадей и почевокъ въ дорогъ; на многихъ страницахъ изображаетъ свои улочки и уженье, свое засыпаніе и пробужденіе, свои книжки, свои болѣзни, и пр. (*). Для многихъ изъ читателей можетъ показаться излишнимъ и утомительнымъ безиреistanное описываніе одной и той же дороги, то весной, то лѣтомъ, то осенью, то зимой; одного и того же уженья, то на Мешѣ, то на Демѣ, то на Бѣлой, то на Бугурусланѣ. Номы увѣрены, что такое мнѣніе можетъ имѣться только у тѣхъ читателей, которые совершенно несправедливо хотятъ видѣть въ «Дѣтскихъ годахъ» просто произведеніе легкой литературы. Напротивъ, кто обратитъ вниманіе на историческое значеніе записокъ, изданныхъ С. Т. Аксаковымъ, тотъ не посѣтуетъ и автора за излишнюю растянутость его воспоминаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такіа же требованія предъявлялись нѣкоторыми по поводу «Записокъ Болотова», печатавшихся въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: говорили, что онъ слишкомъ длиненъ и требовали сокращенія. Намъ тогда еще казались не совѣсти справедливыя жалобы на растянутость мемуаровъ, и мы не понимали, какъ можно сокращать ихъ, по тому уваженію, что то или другое можетъ показаться скучнымъ для большинства читателей. Такого рода сокращенія можно дѣлать въ посредственныхъ драмахъ для сцены, да въ легкихъ произведеніяхъ беллетристики. Но въ истинномъ историческомъ повѣствованіи каждая подробность можетъ, при случаѣ, пригодиться, если не тому, такъ другому. Напримѣръ, для людей, специально занимающихся педагогическими вопросами, будутъ, вѣроятно, интересны въ «Дѣтскихъ годахъ» многія мелочи, которыя могутъ показаться скучными для охотниковъ и рыболововъ; а эти

(*) Для образца того, съ какою подробностью авторъ описываетъ всѣ самыя мелочныя обстоятельства своей дѣтской жизни, приведемъ здѣсь описаніе приготовления миндального пирожного.

(Стр. 118—119). «Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама (мать Вятрова), и смотрѣть на это приготовленіе было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обладала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндальныя только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное притопилось изъ миндального тѣста, или какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣсивъ эти обрѣзки на личиныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣйки, то короны, то какія-то шапки или звѣзды; все это складывалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ, совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, щегольски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, выбѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій бѣлый фартукъ, сносила бережно пожиркомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сыропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ гостямъ».

последніе, въ свою очередь, найдутъ здѣсь много частныхъ замѣтокъ о птицахъ и рыбахъ, лесахъ; попланкахъ и удочкахъ, — замѣтокъ, не интересныхъ для большинства, но для нихъ, можетъ быть, очень важныхъ. Точно такъ — для врачей могутъ быть не лишены любопытства многія подробности о болѣзняхъ и о нервныхъ раздраженіяхъ Сережи, для психологовъ — его субъективныя наблюденія, для историковъ литературы замѣчанія о книжкахъ, какія онъ читалъ и какія были тогда въ ходу, и пр., и пр. Такъ точно для насъ показались особенно интересными тѣ части воспоминаній Багрова, въ которыхъ рисуется деревенская жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, и мы весьма благодарны автору, что онъ не скрывалъ и не сокращалъ ничего въ тѣхъ фактахъ, которые сохранились въ его памяти. Мы даже сожалѣли, что нашли въ книгѣ г. Аксакова менѣе подробностей объ этомъ предметѣ, нежели сколько ожидали, судя по тому, что дѣтскіе годы Багрова проходятъ среди тѣхъ людей, воспоминанія о которыхъ доставили г. Аксакову такой богатый матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ типовъ «Семейной Хроники». Скудость изображеній, относящихся къ жизни людей, окружавшихъ ребенка, объясняется, впрочемъ, весьма удовлетворительно, отчасти тѣмъ, что въ этой жизни не было почти ничего рѣзкаго и поражающаго, отчасти же особенностями личнаго характера автора. По природѣ своей и по первоначальному воспитанію, подѣвланіемъ матери, съ которой, конечно, хорошо знакомы читатели «Семейной Хроники», Сережа Багровъ вовсе не принадлежалъ къ числу дѣтей, рано втягивающихся въ практическую жизнь и съ первыхъ дней жизни изострающихъ всѣ свои способности для живаго и пытливаго наблюденія ея явленій. Кругъ интересовъ маленькаго Сережи долгое время былъ ограниченъ только міромъ внутренняго чувства, и изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе, — пріятное или непріятное, — производили на него предметы. Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее до нервической болѣзни, выражается вслѣдъ у автора весьма ярко. Но пытливаго вопроса, склонности къ работѣ мысли почти вовсе не замѣтно, точно такъ, какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназій. Нѣсколько разъ, правда, уклоненія отъ логики, естественной каждому человеку, и даже поврежденной въ ребенкѣ, вызываютъ и его на размышленіе и вопросъ. Напримѣръ, когда мать Сережи упрасивала его отца сдѣлать старосту Мironыча, въ селѣ, принадлежащемъ ихъ тетюшкѣ, за то, что онъ обременяетъ крестьянъ, и, между прочимъ, одного большаго старика, и когда отецъ говорилъ ей, что этого нельзя сдѣлать, потому что Мironычъ родня Михайлушкѣ, а Михайлушка и

большой силѣ у тетушки; то Сережа никакъ не могъ, сообразить этого и задавалъ себѣ вопросы: «за чтѣ страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Мировичъ, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ же прогнать Мировича? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится.» (58 стр.) Для разрѣшенія своихъ сомнѣній, мальчикъ прибѣгаетъ къ родителямъ; тѣ стараются объяснить дѣло, какъ умѣютъ. Но легко понять, что ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными предъ чистой дѣтской логикой, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велѣтъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случай сказать ему: «ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь.» Немудрено, если ребенокъ не умѣлъ и не хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтъ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ прошло его дѣтство, и который трудно было бы разобрать и опытнымъ взгляду, свободному отъ все примиряющей и все обезсмысливающей рутины. Не мудрено, что живой, воспримчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству и сталъ жить въ этомъ мірѣ, въ которомъ не встрѣчалъ столько противорѣчій, какъ въ окружающихъ его житейскихъ явленіяхъ. Впрочемъ, все это объяснится всего лучше тогда, когда мы рассмотримъ эту самую жизнь, какъ изображаютъ ее намъ воспоминанія, записанныя г. Аксаковымъ, хотя его наблюденія по этой части и не столько обильны, какъ мы бы желали.

Прежде всего мы должны замѣтить, что жизнь, которую хотимъ мы представить читателямъ, по запискамъ, относящимся, по своему содержанію, къ концу прошедшаго столѣтія, вовсе не похожа на жизнь нынѣшнихъ помѣщиковъ. Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ. Нынѣ уже, вѣроятно, рѣдки помѣщики, которые живутъ однимъ только трудами своихъ крестьянъ и сами ничего не дѣлаютъ: нынѣ дворяне считаютъ своей обязанностью служить, или въ службѣ имѣть какія нибудь полезныя занятія. Съ теченіемъ времени все большее и большее количество дворянъ начинаютъ заводить у себя улаженія по сельскому хозяйству, принимать участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, и т. п. Рѣдкій помѣщикъ, живущій въ деревнѣ, въ наше время не выписываетъ жур-

наловъ и хорошихъ книгъ... Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣлать свое время не безъ пользы, и, кромѣ того, есть сознание необходимости трудиться самому и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина. Съ переменною крѣпостныхъ отношеній исчезнуть, безъ всякаго сомнѣнія, и послѣдняя возможность такихъ явленій, какія бывали въ помѣщичьемъ быту въ старину, и тогда рассказы о Степанѣ Михайловичѣ Багровѣ и Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ покажутся исправдоподобной выдумкой. Впрочемъ, они и теперь существуютъ уже только въ воспоминаніяхъ старыхъ людей, и къ нимъ-то относятся «Дѣтскіе годы Багрова-внука.»

Отецъ мальчугана Сережи жилъ сначала въ Уфѣ и служилъ тамъ. Мать его знала цѣлый городъ, какъ дочь бывшаго товарища намѣстника, и потому знакомство у нихъ было обширно; ихъ безпрестанно посѣщали гости, и, значить, для всего семейства было развлеченіе отъ скуки. Но таково было вліяніе воспитанія того времени, непривычки къ серьезному труду и неумѣнья найти высшіе интересы жизни; такова была сила ложныхъ отношеній, въ какихъ стояли тогда Багровы и всѣ ихъ родственники и знакомые, — что даже и въ городской жизни выражалась таже праздность и апатія, въ какую они погружались въ деревнѣ. Такъ, два дяди Сережи и ихъ пріятель, адъютантъ Волковъ, забавлялись тѣмъ, что дразнили стѣлара Михея, желая видѣть, какъ онъ разсердится; потомъ ту же забаву перенесли на перваго, раздражительнаго Сережу, и его дразнили, сочиняя указы о солдатствѣ, по которымъ, будто бы, возьмутъ его въ рекруты, или рядныя записи, по которымъ Волковъ женится на маленькой сестрѣ его.... Забавы, какъ видите, очень филантропическія и благоразумныя. Когда же ребенокъ одинъ разъ вышелъ изъ терпѣнія и пустилъ молоткомъ въ одного изъ своихъ мучителей, его оставили безъ обѣда, заперли въ пустой комнатѣ, велѣли просить прощенья у обиженнаго имъ и довели наконецъ до того, что мальчикъ захворалъ. Все это казалось необходимымъ, по правиламъ тогдашняго воспитанія, для того, чтобы *переломить характеръ* ребенка. Вообще, на воспитаніе дѣтей нито въ домѣ, какъ видно, не обращалъ большаго вниманія. Отецъ—каждый день поутру уѣзжалъ въ должность, а вечеромъ принималъ гостей или самъ уѣзжалъ въ гости. Даже мать, хоть и очень любила своего сына и часто говорила съ нимъ, но, кажется, чужда была сознательныхъ заботъ о его воспитаніи, а болѣе ограничивалась ухаживаніемъ за нимъ, раздѣляя эту заботу съ Парашей и Евсеемъ; часто распросы ребенка прекращала она словами: «ты еще малъ», или:

«объ этомъ мы поговоpимъ послѣ». Для первоначальнаго ученія мальчишка приглашенъ былъ учитель изъ народнаго училища, и одинъ разъ даже посылали Сережу самого въ училище. Здѣсь воспоминанія его рисуютъ намъ картину, отвратительную не столько вообще по своей грубости, сколько по той ужасной противоположности, какая представляется въ обращеніи школьнаго учителя съ Сережей, сыномъ достаточнаго и значительнаго барина, приглашавшаго его къ себѣ на домъ для уроковъ, и съ бѣдными мальчишками, порученными его смотрѣнію въ училищѣ. Вотъ сцена, оставшаяся въ памяти Сережи и представленная имъ съ удивительной яркостью.

«Въ одинъ, очень памятный для меня, день, отвезли насъ съ Андрушей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую, неопрятную комнату, изъ которой несли шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи, — комнату, всю уставленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ первымъ столомъ стояла, утвержденная на какихъ-то подставкахъ, большая черная четверугольная доска; у доски стоялъ мальчикъ съ обостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязной тряпичей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ однихъ рубашкахъ, а многіе одѣты какъ нищіе. Матвѣй Васильичъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ края, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ, Андруша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильичъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало, — и съ какимъ-то напѣвомъ: «не знаешь? наколѣни!», и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, которыхъ я сначала не замѣтилъ и которые были очень веселы; когда учитель обращивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ ариметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ, — это была въ тоже время переписка; оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильичъ отмѣчалъ въ спискѣ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: «въ третій разъ нѣтъ; въ четвертый нѣтъ, — такъ разги!» Я оцѣлѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цифры и считать ихъ какъ-то отъ

правой руки къ лѣвой, повторяя: «единицы, десятки, сотни.» При этомъ счетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казалось онъ непонятнымъ и мудренымъ, хотя я давно уже выучился самоучкой писать цифры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ ихъ; но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Переключавъ всѣхъ по списку и испытывъ въ степени знанія, Матвѣй Васильичъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цифрахъ, о ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понималъ, сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ, мною видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчишковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, не смотря на заткнутые пальцами уши, я увидѣлъ живую и шумную вокругъ меня суматоху: забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣжали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, также веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ «засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ.» (стр. 140 — 43.)

Испытавши такія впечатлѣнія, Сережа, разумѣется, явился домой разстроенный и изволнованный. Но его стали увѣрять, что это ничего, что такъ и должно быть, что въ томъ и состоитъ обязанность Матвѣя Васильича, чтобы сѣчь мальчишковъ, незнающихъ урока. Такъ въ то время понимали задачу воспитанія. Но мальчишки никакъ не могли удовлетвориться такими понятіями; онъ не могъ примириться съ мыслью, что по его выраженію «видѣнное имъ не было исключительнымъ злодѣйствомъ», за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича; что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что сами родители вѣсѣнныхъ мальчишковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчишки будутъ благодарить со временемъ; что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, — сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человекомъ». Не смотря на исъ увѣренія въ невинности Матвѣя Васильича, Сережа получилъ къ нему такое отращеніе, что уже не могъ болѣе у него учиться. Черезъ мѣсяцъ учителя отказали, и такъ какъ другаго учителя во всемъ городѣ не было, то отецъ и мать сами забили его. Но ихъ заботы-ослабѣли, и они

гимъ: всего больше они смотрѣли за тѣмъ, чтобы мальчикъ писалъ какъ можно похоже на прописи. А между тѣмъ мать Багрова принадлежала, по своей образованности и уму, къ числу женщинъ рѣдкихъ въ то время, и удивляла высоту своего просвѣщенія лучшихъ людей своего времени, какъ напр. Новикова. Она съ крайней неохотою отправлялась на житье въ Багрово, именно потому, что тамъ «все люди грубые и необразованные, съ которыми слова сказать нельзя», и что жизнь въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна. Къ сожалѣнію, Сережа не сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что это было за общество умныхъ людей, и что дѣлали молодые Багровы въ своемъ избранномъ обществѣ. По своимъ лѣтамъ и по степени своего развитія, онъ не могъ еще тогда обратить надлежащее вниманіе на это обстоятельство. Впрочемъ, одинъ особенный случай, рассказанный авторомъ, показываетъ, что жизнь большей части уфимскихъ жителей ограничивалась тогда скорѣе кругомъ личныхъ интересовъ, нежели сочувствіемъ къ явленіямъ, важнымъ въ общественномъ смыслѣ. Случай этотъ — получение въ Уфѣ извѣстія о кончинѣ императрицы Екатерины. Всѣхъ оно огорчило; но губернаторъ В. «публично показывалъ свою радость, что скончалась государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ» (стр. 190). Все это дѣлалось «потому, что новый государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ.» Всѣ были въ негодованіи на явное выраженіе радости губернаторомъ, и всѣ соглашались, когда мать Сережи убѣждала, что не надо ѣхать на балъ къ В. Но тутъ выразилось безсилье всѣхъ этихъ людей предъ принятой формой, передъ привычкой — являться на каждое приглашеніе губернатора. Убѣжденные, что ѣхать на балъ къ В. не должно и стыдно, всѣ рѣшили, что, однако, *нельзя не ѣхать*, и даже отецъ Сережи отправился туда; «но скоро воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной государынѣ, зачѣмъ она выпустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти» (стр. 191). Случай этотъ, показывая, до какой степени общіе интересы и убѣжденія уступали мѣсто частнымъ расчетамъ, не представляетъ въ особенно-хорошемъ свѣтѣ избранное уфимское общество. Равнымъ образомъ не видимъ мы доказательства особенной развитости этого общества въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь «всегда говорили петихоньку» объ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и ихъ приводившихъ въ смущеніе. Скрытность, даже въ семействѣ

была такъ велика, что не смѣли говорить вслухъ даже при шестилѣтнемъ Сережѣ. «Одного только нельзя было скрыть, замѣчать онъ въ своихъ воспоминаніяхъ: — государь приказалъ, чтобъ всѣ, кто служитъ, носили какіе-то сюртуки особеннаго покроя, съ гербовыми пуговицами (сюртуки назывались *оберроками*); и кромѣ того — чтобъ жены служащихъ чиновниковъ носили, сверхъ своихъ парадныхъ платьевъ, что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же шитьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать была мастерица на всякія вышиванья и сейчасъ принялась шить по картѣ серебряныя петлицы, которыя очень были красивы на голубомъ воротникѣ бѣлаго спенсера или курточки.» (Стр. 234)

Таковы въ «Дѣтскихъ годахъ» многія свѣдѣнія о томъ, какъ проходила жизнь родныхъ Сережи въ городѣ. Но большая часть книги занята изображеніемъ деревенской жизни, то въ Багровѣ, то въ Чурасовѣ. Изъ этой-то жизни мы и представимъ теперь нѣкоторыя черты, наиболѣе характеристичныя.

Въ первый разъ Сережа былъ въ Багровѣ еще при жизни дѣдушки, Степана Михайловича, уже извѣстнаго читателямъ изъ «Семейной Хроники». Степанъ Михайловичъ вовсе не былъ дурнымъ исключеніемъ изъ своихъ собратій; напротивъ — если онъ и отличался отъ другихъ, подобныхъ ему помѣщиковъ, — то именно отличался своими хорошими качествами. Онъ обладалъ твердою волей, неизмѣнною правдивостью, практическою сообразительностью; онъ требовалъ только должнаго (по крайній мѣрѣ согласно его понятіямъ); онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ въ голодные годы, рассуждая, что благосостояніе крестьянъ есть имѣсть и его собственное благосостояніе. Все это — такія качества, которыя не у всѣхъ помѣщиковъ можно было найти въ то время. Своими добродѣтелями, Степанъ Михайловичъ заслуживалъ общее уваженіе и даже любовь, что опять не всякому помѣщику удается. Но при всемъ этомъ — посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой, доброй и благородной натуры, то положеніе, въ какомъ онъ находился. Его понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія мелки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разсудкомъ, внутренняя сила, не находя себѣ правднаго, естественнаго исхода, раздражается только домашнею грозю. Мы не говоримъ уже объ этихъ дикихъ вспышкахъ, когда Степанъ Михайловичъ стаскивалъ волосникъ съ своей старухи жены и таскалъ ее за косы, — если только она осмѣливалась попросить за свою дочь, на которую старикъ разсердился: въ этихъ вспышкахъ ясно выражается произволъ, къ которому всегда приводило человѣка полное, безоглядственное обладаніе людьми, безгласными

протинъ его воли. Можно, конечно, объяснять припадки гнѣва въ старикѣ Багровѣ тѣмъ, что таковъ ужъ его характеръ былъ, что онъ не могъ сдержатъ себя. Но отчего же, — спросимъ мы, — съ распространеніемъ образованія перевелся въ дворянствѣ и обычай битъ своихъ женъ? Развѣ теперь уже вспыльчивыхъ характеровъ нѣтъ? И неужели русскій человѣкъ имѣетъ болѣе пылкія страсти, нежели всѣ другіе образованные народы? Отчего же бы русскому человѣку имѣть непременно большую наклонность къ собственноручной расправѣ, чѣмъ напримѣръ хотъ бы итальянцу, который, какъ извѣстно, тоже не отличается особенной холодною кровью? А между тѣмъ одинъ изъ русскихъ путешественниковъ недавно напечаталъ толстую книгу, въ которой поноситъ Италію именно за то, что тамъ ему не позволяли драться, не взирая даже на то, что онъ состоялъ, кажется, въ четвертомъ классѣ. Драться, поего мнѣнію, необходимо для порядка. Къ такимъ мнѣніямъ, выражаемымъ, конечно, на дѣлѣ еще чаще, чѣмъ на словахъ, приводитъ именно возможность давать просторъ своей страсти, какъ замѣчаетъ самъ г. Аксаковъ, говоря о Куролесовѣ въ «Семейной Хроникѣ»: «избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его оружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшенному своеволю.» Дѣйствительно, дѣйствіе этого психологическаго закона, имѣющаго такое громадное практическое приложеніе, каждый человѣкъ, даже самый кроткій, испытывалъ, вѣроятно, на себѣ. Когда вы раздражены, — хотъ бы и справедливо, — и начинаете выражать свое неудовольствіе, то сначала вы слѣдите за собой, соображаете свои выраженія, умѣете сказать именно то и столько, сколько считаете нужнымъ и возможнымъ. Но видя, что отпора нѣтъ, что вашему гнѣву не полагается преградъ, вы, — даже и въ несправедливомъ гнѣвѣ — ободряетесь, вашъ собственный голосъ своимъ звукомъ, все болѣе крѣпкимъ и высокимъ, подстрекаетъ васъ, и вы кончаете тѣмъ, что забываете всякую мѣру и даете полную волю страсти. Въ нашей общественной жизни это явленіе еще не такъ рѣзко кидается въ глаза, потому, что опасеніе отвѣтственности прелъ закономъ или сознаніе принятыхъ принциповъ, часто останавливаетъ насъ, несмотря на отсутствіе видимаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, на кого падаетъ нашъ гнѣвъ. Но отнимите это сознаніе въ всякой отвѣтственности, поставьте предъ нами существа беззащитныя, безотвѣтныя, состоящія въ полномъ нашемъ распоряженіи, — и замѣтка г. Аксакова о Куролесовѣ вполне оправдывается на каждомъ человѣкѣ, который, долгою работою надъ самимъ собою, не приобрѣлъ нравственной независимости отъ виѣшнихъ развращающихъ вліяній. Мысль эта оправдывалась и на практикѣ во

вѣхъ времени. Характеры, подобные старому Багрову и Куролесову, необходимы при тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ, при той нравственной обстановкѣ, въ какой находились эти люди. По общему психологическому закону, — при недостаточномъ развитіи однихъ способностей души, сила развитія обращается на другія, которыя встрѣчаютъ менѣе препятствій, и слѣдствіемъ неравноцѣнности иліній бываетъ всегда одностороннее развитіе. Какія же вліянія могли благопріятствовать развитію нравственныхъ началъ и здравыхъ понятій въ людяхъ, находившихся въ положеніи Багрова и Куролесова? Оба они служили въ полку. Степанъ Михайловичъ даже русскую грамоту зналъ плохо и любилъ хвалиться тѣмъ, что умѣлъ считать на счетахъ; Куролесовъ же, хотя умѣлъ писать бойко и зналъ кое-что, но никакого солиднаго образованія тоже не получилъ. Да и на что жъ имъ было образованіе, когда они съ малолѣтства чували возможность простымъ и даровымъ способомъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? На что имъ были какія-то нравственные начала, когда они видѣли впереди сферу, въ которой никакая нравственность ихъ стѣснять не будетъ, въ которой они будутъ полными, безсудными господами, и ихъ воля будетъ закономъ для окружающихъ? Произволъ, господствовавшій встарь въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и особенно дворовымъ, существовалъ совершенно независимо отъ того, испылчивъ былъ барьеръ или нѣтъ. Произволъ этотъ былъ общій, неизбежнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія землевладельцевъ. Еще болѣе же онъ увеличивался ихъ необразованностью, которая, опять, какъ извѣстно, обуславливалась ихъ положеніемъ. Какое сознаніе правъ человека могло развиться въ томъ, кого съ малыхъ лѣтъ воспитывали въ той мысли, что у него есть тысяча, или сотня, или десятокъ (все равно) людей, которыхъ назначеніе — служить ему, выполнять его волю, — и съ которыми онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ? Естественно, что человекъ, пропитанный такими внушеніями, — привыкалъ ставить самого себя центромъ, къ которому все должно стремиться, и своими интересами, своими прихотями мѣрилъ пользу и законность всякаго дѣла. Еще въ недавнее время жилъ такіа понятія, и даже нашъ знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣтъ о томъ, какъ ему по больше изживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, пекумытымъ рыломъ и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика ятнимъ не проймешь: онъ къ эгому уже привыкъ!» Но въ то время, когда эти мысли были высказаны, энергическое обличеніе уже встрѣтило ихъ со всѣхъ сторонъ, и весь авторитетъ писателя, какъ онъ

ни былъ великъ, не спасъ его отъ сарказмовъ, крайне ядовитыхъ по своей справедливости. — Не то было въ старину. Тогда многіе помещики считали единственнымъ здравымъ началомъ въ управленіи крестьянами—стараніе получить отъ нихъ сколько возможно болѣе выгоды. Но въ этотъ уровень подходилъ всѣ помещичьи натуры, за весьма немногими исключеніями. Звѣрски-жестокій, буйный и пьяный Михайлъ Максимычъ Куролесовъ сходилъ въ этомъ съ благодѣтельнымъ, правдивымъ, строго-правственнымъ по своему Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ. Куролесовъ въ два-три года поправилъ разстроенное хозяйство, оставивъ по себѣ память, что онъ *крутенецъ*. Главнымъ изъ употребленныхъ имъ средствъ улучшенія хозяйства было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста. Багровъ сдѣлалъ тоже самое съ своими крестьянами, по тому же расчету собственныхъ выгодъ. Его не остановилъ вопль и плачъ крестьянъ, «продавшихся навѣсѣда съ стариною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣловъ и отцовъ». Его не удержала мысль о трудностяхъ, которыя должны встрѣтить крестьяне, переселяясь слишкомъ за четыреста верстъ, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Онъ не подумалъ о томъ, что, какъ замѣчаетъ авторъ занизокъ о немъ, «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселеніе тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церковей, надо было и умирать безъ исповѣди, и поворожденнымъ младенцамъ долго оставаться вкормленными,—казалось дѣломъ страшнымъ» («Сем. Хр.», стр. 18). Степанъ Михайлычъ не думалъ ни о чемъ этомъ, точно такъ же, какъ не думалъ о нравственномъ значеніи своихъ поступковъ, когда осматривалъ свое паровое поле, обработанное крестьянами, и употребилъ слѣдующую хозяйственную мѣру: «Онъ приказывалъ возить себѣ взадъ и впередъ по испачканнымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко, сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если онъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно» («С. Х.», стр. 38). Принципы, управлявшіе его дѣйствіями, очевидно: надо дѣйствовать строгостью, чтобъ хозяйство хорошо шло. При этомъ принципѣ никакія философскія размышленія, никакія экономическія соображенія о трудѣ, зацѣльной платѣ и т. п., не могли имѣть мѣста. Что такъ поступалъ не одинъ Степанъ Михайлычъ, въ этомъ можно убѣдиться, прочитавши описанія страннаго помещичьяго быта, въ современныхъ мемуарахъ Давилова, Болотова и

др., равно какъ и въ сатирическихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ журналахъ Новикова. Хотя въ сатиру мы привыкли видѣть вымыселъ, но здѣсь можно быть увѣрену, что вымыселъ этотъ былъ согласенъ съ дѣйствительностью. Новиковъ, какъ извѣстно, былъ первый и, можетъ быть, единственный изъ русскихъ журналистовъ, имѣвшій всѣ средства взяться за сатиру смѣлую и благородную, поражающую порокъ сильный и господствующій. Онъ затрогивалъ такіе вопросы и интересы, которые только еще въ настоящее время находятъ свое разрѣшеніе и о которыхъ, поэтому, во время Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. Несмотря на то, «Трутень» и «Живописецъ» Новикова исполнены такой сильной правды, которая едва подъ силу была бы и нынѣшнему русскому обществу. Лучшее время Новикова было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, когда онъ еще не пускался въ мистицизмъ и не навлекъ на себя подозрѣній правительства. Это было вообще золотое время русской сатирической литературы, которое только теперь еще общаетъ повториться. Широко и бодро расправили тогда крылья русскіе сатирики. Единственной, крѣпкой преградой для сатиры было тогда—негодование знатныхъ, потому что въ то время, какъ и долго еще спустя, были тупоумные, которые во всякомъ литературномъ обличеніи, особенно если оно немножко рѣзко, искали какихъ-то намековъ, вредныхъ мыслей, указаній на себя и на своихъ знакомыхъ. Но и они не могли тогда остановить новиковской сатиры, и она ярко отразила въ себѣ многіе весьма важныя недостатки тогдашняго общества, и, между прочимъ, злоупотребленія помѣщиковъ. Мы должны теперь отказать себѣ въ удовольствіи представить читателямъ выписки изъ Новикова и изъ мемуаровъ конца прошлаго вѣка. Отлагая это до болѣе удобнаго времени, теперь мы спѣшимъ перейти снова къ запискамъ Багрова, въ которыхъ найдемъ еще нѣсколько личностей, отчасти напоминающихъ Стенана Михайлыча — полнымъ просторомъ въ употребленіи своей власти и средствъ.

Важное мѣсто въ воспоминаніяхъ маленькаго Багрова занимаетъ Прасковья Ивановна Куролесова, ея двоюродная бабушка. Это была женщина, много испытавшая на своемъ вѣку, имѣвшая доброе сердце и свѣтлый взглядъ на вещи. Она хотѣла, между прочимъ, чтобы мужики ея были богаты. Но, при всемъ томъ, и она избаловалась отъ постоянной рабѣйной покорности всѣхъ окружающихъ. Вся цѣль жизни опредѣлилась для нея тѣмъ, чтобы ничѣмъ не озабочивать себя и не имѣть никакихъ преградъ для своихъ желаній. Поэтому она поручила все управленіе крестьянами Михайлушкѣ, хотя и знала, что онъ плутъ. Главное для нея было то, чтобъ се ничѣмъ не беззаконно-

или; съ Михайлушкой она этого достигала, и съ нею было довольно. Многочисленная дворня ея была безобразно избалована и безприветвенна; она не хотѣла ничего замѣчать. Если же какъ нибудь случайно наткнется она на пьянаго лакея или какого нибудь двороваго, то сейчасъ прикажетъ Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты; не годится—спустить въ крестьяне. Замѣтитъ нескромность поведения въ женскомъ полѣ—опять прикажетъ отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать за крестьянина.

«Но, замѣчаетъ маленькій внукъ ея, въ своихъ запискахъ, — для того, чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барыни *мечаян*ю наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую. А какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не знала и очень не любила, чтобы говорили ей о чемъ нибудь подобномъ.» (Стр. 314). Привычка ничѣмъ не стѣснять себя, ничего не дѣлать для общества, а, напротивъ, требовать, чтобы другіе все дѣлали для нея, постоянно выражается во всѣхъ поступкахъ Прасковьи Ивановны; гостями своими она забавляется, какъ ей вздумается, или ругаетъ ихъ въ глаза, если захочетъ; отъ родныхъ своихъ она требуетъ повиновенія и никогда не встрѣчаетъ противорѣчій, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Такъ Алексѣя Степаныча Багрова, гостившаго у ней, она не хотѣла отпустить къ умирающей матери, сказавши, что «взоръ! она еще не такъ слаба»;—и Алексѣй Степанычъ не смѣлъ ея послушаться, пробылъ у ней лишнее время, и не засталъ въ живыхъ матери. Такъ она не захотѣла, чтобы дѣти обѣдали съ больными, и Софья Николаевна, никогда не обѣдавшая врозь съ своимъ милымъ Сережей, не смѣла даже заикнуться о томъ, чтобы посадить дѣтей за общій столъ. Неограниченный произволъ съ одной стороны, и полное безгласіе съ другой, развивались въ ужасающихъ размѣрахъ, среди этой беззаботной, пышной жизни патриволье крестьянскіе гроши. Даже въ тѣхъ поступкахъ, которые происходили просто отъ радушія, веселости, отъ доброты сердца наконецъ, и въ нихъ этотъ грубый произволъ, это незнаніе мѣры своеволію въ обхожденіи съ людьми, которыхъ и за людей не считали, выглядываетъ, подобно безобразному пятну на хорошей картинѣ. Въ запискахъ Багрова, изложенныхъ нынѣг. Аксаковымъ, находимъ мы, между прочимъ, изображеніе сценъ такого рода. Между гостями Прасковьи Ивановны бывалъ часто Александръ Михайловичъ Карамзинъ, котораго всѣ называли богатыремъ за его огромный ростъ и необыкновенную силу. «Однажды, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну (приживалку Прасковьи Ивановны) и ва-

чалъ метать ею, какъ ружьемъ, солдатскій артикулъ. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы, и сѣдые косы растрепались по плечамъ, подиалъ изъ-за картъ всѣхъ гостей, и *долго общій хохотъ раздавался по всему дому*» (стр. 426). Эти добрые, благородные люди, гости Прасковьи Ивановны, могли смѣяться, смотря на такую сцену! Да отчего же имъ было и не смѣяться, когда они тысячу разъ видали сцены гораздо посерьезнѣе. «Но мнѣ жалко было бѣдную Дарью Васильевну», прибавляетъ маленькій Сережа, и, разумѣется, какъ всегда, непосредственное чувство ребенка, еще чистаго и неспорченного, служить и здѣсь горькою уликою взрослымъ.

Другая изъ личностей, упоминаемая въ запискахъ о дѣтскихъ годахъ Багрова, и относящаяся къ тому же разряду, о которомъ мы говорили выше, есть-богатый помѣщикъ Д., употребившій свое богатство очень хорошо: на оранжереи, мраморы, статуи, оркестръ, удивительныхъ заморскихъ свиней, величюпою съ корову, и т. п. Мать Сережи отозвалась о Д., что онъ человѣкъ добрый. Тоже самое говорилъ о немъ и одинъ изъ крестьянъ, который, между прочимъ, вотъ что рассказывалъ о немъ:

«Когда умерла одна изъ свиней (которыхъ было двѣ у Д.), — то-то горе-то у насъ было, говорилъ мужикъ. Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милостивый, до всякаго скота жалостливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго: ужъ и мы ему не взмилелись. Оно и точно такъ: насъ-то у него много, а чушекъ-то всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря; а мы доморощина. А добрый баринъ, ужъ сказать нельзя, какой добрый; да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца: вода пресмѣнная, родниковая, холодная. Мужички, выѣзжая на поле, за-всегда ея пользовались. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть—одѣтыя въ кумашные сарафаны, подпоясаны золотымъ позументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую поднимла, ровно прыгнуть хотеть. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный, и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали: говорятъ, что ве пригоже!» (Стр. 474).

Видите, какъ прихотливая затѣя тогдашняго богатого помѣщика, затѣя самая невинная и добродушная, выказываетъ, однако, полное неуваженіе обычаевъ, взглядовъ и нуждъ его крестьянъ. Ему нѣтъ нужды, что его деревянные нимфы лишаютъ крестьянъ воды: за то проѣзжіе останавливаются и дивятся! Это такая же невинная штучка, какъ выкидываніе артикула посредствомъ Дарьи Васильевны. Въ этомъ же родѣ были и затѣи старика Багрова, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ послѣ ужина

заставлялъ, наприимѣръ, двухъ слугъ своихъ, Мазана и Танайченка, драться на кулачки и бороться. При этомъ онъ самъ, смѣха ради, ихъ поддразнивалъ, до того, что они, не шутя, начинали колотить другъ друга, и даже вцѣплялись другъ другу въ волосы. Такая забава, дѣйствительно, не должна была казаться дикою и безнравственнымъ тому человѣку, въ которомъ считалось большою милостью, когда онъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволилъ мужику «жениться, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ.» («Сем. Хр.», стр. 43).

Само собою разумѣется, что многое изъ того, чтъ намъ кажется теперь безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ, происходило и отъ общей тому времени недостаточности здравыхъ понятій обо всемъ на свѣтѣ. Сближеніе съ Европою для многихъ важныхъ бояръ послужило только средствомъ получать изъ-за границы болѣе предметовъ, служащихъ къ роскошной жизни, а роскошь была причиною многихъ безнравственныхъ поступковъ.

Интересно видѣть, какъ произволъ и грубость въ обращеніи съ своими подвластными, переходили встарину у помѣщиковъ и въ ихъ собственныя семейныя отношенія. Степанъ Михайловичъ, привыкшій, чтобы его трепетали въ полѣ, на гумнѣ, на мельницѣ, не могъ уже не требовать страха и трепета и отъ домашнихъ. Свою Арину Васильевну онъ таскалъ за косы такъ, что она по цѣлому году съ пластыремъ на головѣ ходила. Дочери боялись и почитали его, какъ своего господина, а не какъ отца. Отсутствіе живыхъ семейныхъ связей и тупая покорность передъ силой очень ярко выразилась въ семействѣ Багровыхъ послѣ смерти дѣдушки. Описаніе сценъ, послѣдовавшихъ за смертью Степана Михайловича, принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ и интересныхъ страницъ «Дѣтскихъ годовъ» г. Аксакова. Любопытно, какъ относятся теперь мать и старшія сестры къ Алексѣю Степановичу и къ невѣсткѣ, которую прежде столько преслѣдовали. Старуха мать не смѣетъ сѣсть за столъ, пока не явится младшій сынъ, ставшій теперь *хозяиномъ* въ домѣ. Напрасно невѣстка ее упрасиваетъ не дожидаться; старуха отвѣчаетъ: «нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.» Когда сынъ входитъ, она встаетъ и идетъ къ нему на встрѣчу съ поклономъ, а сестры даже падаютъ въ ноги брату, съ вытьемъ и просьбами—не оставитъ ихъ. Потомъ съ тѣми же униженными просьбами обращаются къ невѣсткѣ, какъ хозяйкѣ въ домѣ. Сцены эти могутъ нѣкоторымъ нравиться, какъ живой памятникъ патріархальныхъ отношеній домохозяевъ къ владыкѣ дома. Но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ничего, кромѣ чрезвычайной неразвитости и спутанности нравственныхъ понятій,

и кромѣ привычки быть подъ началомъ, при отсутствіи всякихъ духовныхъ связей любви и истиннаго уваженія. Интересно, какъ выражается за обѣдомъ печаль по только—что умершемъ главѣ семейства. «За столомъ всѣ принимались такъ кушать, говорить г. Аксаковъ, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ.» Между прочимъ, одна изъ дочерей покойника, разливая уху и накладывая всѣмъ груды икры и печенокъ, просила покушать ихъ въ память того, что батюшка-то любилъ ихъ. И при этомъ слезы капали у ней въ тарелку. Несмотря на то, она, какъ и другіе, кушала съ удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда же всѣ отправились спать и проспали до вечерняго чая. Въ девятый день опять былъ обѣдъ, и тутъ уже всѣ были спокойны, пока не подали блиновъ. Но какъ только явились на столъ блины, всѣ принялись кушать ихъ со слезами и даже съ рыданіями. Это выраженіе любви посмертное. А вотъ что было при жизни. Во время житія въ Багровѣ, уже послѣ смерти дѣдушки, Сережа зашелъ въ одинъ амбаръ, отдѣленный для тетюшки Татьяны Степановны, оставшейся незамужнею и жившей при родителяхъ. Тамъ увидѣлъ онъ сундучки, ларчики, ящики, посуду, даже бутылки съ новыми пробками, и наконецъ кадушку съ колотымъ сахаромъ. Онъ обратился за объясненіемъ такого страннаго явленія къ своей нянѣ Парашѣ, и та, увлеченная благороднымъ негодованіемъ, объяснила, что барышня все это потихоньку натащиала у покойнаго дѣдушки, а бабушка ей потакала. Такова была семейная нравственность, таковы отношенія между людьми, въ сущности не злыми и не безчестными. Г. Аксаковъ замѣчаетъ (въ «Семейной Хроникѣ»), что вообще, не смотря на свой трепетъ предъ Степаномъ Михайловичемъ, и жена, и дочери пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ надуть его, и постоянно съ нимъ хитрили. Этого, разумѣется, и слѣдовало ожидать отъ людей, которые связываются между собою единственно узами страха, и изъ которыхъ одинъ привыкъ своевольно распоряжаться, а другіе—безсловесно и неразумно трепетать предъ его нолей.

Впрочемъ, и эти покорныя существа имѣли свою сферу, въ которой являлись уже сами распорядительницами. Во владѣніи бабушки Арины Васильевны находился свой особый міръ деревенскихъ дѣвокъ и дѣвчонокъ. Г. Аксаковъ рассказываетъ, со словъ Багрова, одну изъ сценъ бабушкина управленія, которой Сережѣ привелось быть свидѣтелемъ. Послѣ смерти мужа, Арина Васильевна, уже ослабѣвшая и отставшая отъ хозяйства, занималась главнымъ образомъ пряжей козьяго пуха. Множество дѣвочекъ, сидя вокругъ нея, должны были выбирать волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Если выбрано было нечисто, то бабушка бранилась. Одинъ разъ бабушка сидѣла такимъ

образомъ за пражей и весело разговаривала съ внучкомъ, слѣдовательно была въ самомъ шолоковомъ расположеніи духа, когда одна дѣвочка подала ей свой ключокъ пуху, уже разъ возвращенный назадъ. «Бабушка посмотрѣла на свѣтъ и, увидя, что есть волосья, схватила одной рукою дѣвочку за волосы, а другою вытащила изъ-подъ подушекъ ременную плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку» (стр. 269). Внучекъ былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ и убѣжалъ отъ него; но для бабушки это была обыкновенная семейная расправа: на то ужъ и плетка лежала подъ подушками. Это даже не было собственно назначено для дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвчонокъ: справедливость требуетъ сказать, что и съ родными дѣтьми такіа потасовки были тогда не въ рѣдкость. Руки, привыкшія къ размахистому управленію, требовали и въ семействѣ такой же дѣятельности, какъ на господскомъ дворѣ и запанкѣ. Не только у такихъ людей, какъ старики Багровы, но и у болѣе кроткихъ господъ воспитаніе дѣтей шло постоянно съ помощью собственноручной расправы. Болотовъ, напримѣръ, рассказываетъ о своей матери, что она была весьма кроткая и разумная женщина. О ея кротости, даже трусости, свидѣлствуютъ многія обстоятельства въ запискахъ Болотова. Когда, напримѣръ, одинъ сосѣдъ подалъ на нее въ судъ жалобу, что къ ней въ имѣнье убѣжала когда-то его крѣпостная баба и вышла тамъ замужъ за крѣпостнаго Болотовыхъ мужика, то мать Болотова крайне перепугалась, собрала домашнее совѣщаніе и, убѣдившись, что сосѣда требованіе право, что онъ свою бабу требовать назадъ во всякое время и по всѣмъ законамъ можетъ, помѣшница рѣшилась стараться только объ одномъ: склонить сосѣда къ миру, хотя бы и съ большими уступками съ ея стороны. Другое обстоятельство: Болотова свихнула себѣ ногу, оттого, что очень скоро побѣжала и какъ-то второпихъ неловко повернула ногу, при вѣсти о пріѣздѣ въ домъ ея брата, который извѣстенъ былъ крутымъ своимъ правомъ. И эта, столь боязливая и нерѣшительная женщина, находила, однако же, силы собственноручно наказывать сына. «Нерѣдко случалось, говоритъ Болотовъ (стр. 105), что она, поставивъ меня въ ноги у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать, и иногда продолжала тазанье таковое съ цѣлый часъ времени.» Какъ она обращалась съ своими людьми, Болотовъ не упоминаетъ; но объ этомъ можно догадываться изъ его же словъ, что ее легко было подвигнуть на гнѣвъ, и въ «семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ.» Подобныхъ лицъ и случаевъ можно было бы привести множество изъ разныхъ сочиненій, относящихся къ тогдашнему быту; но предметъ этотъ такъ общезвѣстенъ что распространяться о немъ, кажется, нѣтъ надобности.

Такимъ воспитаніемъ поддерживалось, конечно, продолженіе стараго порядка и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, и такимъ образомъ прогрессъ нравственныхъ понятій былъ весьма сомнителенъ. Съ теченіемъ времени исчезла, мало по малу, прежняя грубость, самовольство выражалось уже въ другихъ, менѣе оскорбительныхъ формахъ; но вовсе не выражаться оно не могло. О сочувствіи къ простому народу, о любви къ нему, о пониманіи его нуждъ и интересовъ, не могло быть и рѣчи. Сильнѣйшее доказательство этого находимъ мы въ матери Сережи, Софьѣ Николаевнѣ. Ей было легче другихъ помѣщиковъ проникнуться любовью къ бѣднымъ земледѣльцамъ. Ея дѣдушка былъ уральскій казакъ, а мать изъ купеческаго званія; преслѣдуемая мачихой, она сама, въ годы вѣжной юности, испытала всю тяжесть принужденной работы; ея природный умъ былъ ясенъ и крѣпокъ; образованіе было выше, чѣмъ у другихъ. Но и она, въ отношеніи къ своимъ слугамъ и крестьянамъ, не могла стать на ту высоту, какая нынѣ требуется отъ человѣка истинно просвѣщеннаго. Она не дѣлала и не говорила ничего дурнаго прислугѣ, припоминаетъ ея сынъ; при всемъ томъ сенелюбиви. Безъ сомнѣнія, прислуга видѣла въ ней этотъ величавый, безмолвно-подавляющій взглядъ, съ которымъ она относилась ко всему окружающему. Она запретила своимъ дѣтямъ всякое сношеніе съ прислугою, въ Багровѣ и Чурасовѣ. Положимъ, что она была права, полагая, что багровская и чурасовская дворня ничему не можетъ научить дѣтей, кромѣ худаго. Но вѣдь не запретила же она дѣтямъ разговаривать съ двоюродными ихъ сестрицами, которыя объясняли Серержѣ, что онѣ безпрестанно лгутъ и во всемъ обманываютъ родителей, что безъ этого нельзя, и пр. Тутъ, значитъ, кромѣ дѣтской нравственности, были и другія соображенія. Но это еще не важно; есть другія обстоятельства, болѣе значительныя. Узнавъ, что няня Сережи, Параша, сказала ему что-то нехорошее про тетусекъ (которыхъ Софья Николаевна сама не любила), мать его, хотя и знала, что все сказанное справедливо, тѣмъ не менѣе погрозила, если впередъ чтонибудь подобное услышитъ, сослать Парашу въ деревню за скотиной ходить, разлучивши съ мужемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ внутреннее побужденіе такой угрозы: это могло быть и неудовольствіе на то, что прислуга смѣетъ разсуждать о господахъ, и самолюбивое желаніе выставить себя ангеломъ, не позволяющимъ другимъ бранить враговъ своихъ, и материнская боязнь за сына, чтобы онъ не проникся враждой къ своимъ роднымъ. Можетъ быть, все это вмѣстѣ участвовало въ негодованіи на Парашу. Но каково проявленіе этого негодованія? «Я, дескать, сошлю тебя въ дальнюю деревню за скотиной ходить, а не за сыномъ моимъ!» Неправда ли, что здѣсь

довольно сильно обнаруживается, какъ трудно человѣку не принять нѣкоторыхъ нехорошихъ замашекъ, оградить себя отъ нѣкоторыхъ излишествъ, къ которымъ его положеніе даетъ ему поводъ и даже какъ будто нѣкоторое право! Самое отстраненіе Софьи Николаевны отъ дѣлъ хозяйства и отъ крестьянъ происходитъ, очевидно, не отъ сознанія ложности своего положенія въ отношенія къ нимъ, не отъ робкой застѣчивости, думающей: что я имъ такое? Это вовсе не простодушіе Сережи, который, увидавъ, какъ въ Парашинѣ мужики кланяются его отцу и привѣтствуютъ его, спрашиваетъ съ изумленіемъ: «За что это они такъ насъ любятъ? Что мы имъ сдѣлали?» Нѣтъ, тутъ скрывалось совсѣмъ другое чувство. Когда Алексѣя Степановича ввели во владѣніе отцовскимъ имѣніемъ, онъ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, долженъ былъ, по обычаю, выдти къ крестьянамъ. Но Софья Николаевна никакъ не хотѣла согласиться на это, не смотря на всѣ упрасиванья мужа и старухи свекрови, которую она должна была теперь замѣнить въ хозяйствѣ. Крестьяне были очень недовольны, что не видятъ молодой барыни, и Алексѣй Степановичъ долженъ былъ имъ сказать, что она нездорова. Узнавъ объ этомъ, она принялась выговаривать мужу зато, что онъ солгалъ, такъ, что онъ принужденъ былъ отиѣтвить ей: «Совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть; въ чемъ же они передъ тобой виноваты?» Потомъ, на вопросъ сына, отчего она не вышла къ крестьянамъ, мать отвѣчала, что отъ этого бабушкѣ и тетускѣ было бы грустно. «Притомъ же я терпѣть не могу.... ну, да ты еще малъ, и повясть меня не можешь.» Послѣднія слова заставили сына долго ломать голову надъ тѣмъ, чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что ихъ такъ любятъ? (Стр. 263). Предположенія мальчика были справедливы только отчасти: скорѣе нужно думать, что Софья Николаевна, не терпѣвшая всякой лжи, не могла терпѣть парадныхъ изъясленій восторга и любви отъ людей, для которыхъ она ничего не сдѣлала, которыхъ не знала и съ которыми ни мало не могла симпатизировать. Намъ грустно за искаженіе естественныхъ человѣческихъ отношеній, когда мы думаемъ обо всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ случаѣ. Жаль видѣть бѣдную женщину, смутно сознающую ложность отношеній, въ которыя она поставлена къ неизвѣстнымъ ей людямъ. Выдти ей и принять привѣтъ крестьянъ? Да чѣмъ же она его заслужила? Что она для нихъ такое? И что же дѣлать, когда она не можетъ, не лицемѣря, показать имъ свое сочувствіе; потому, что въ сердцѣ у нея живаго сочувствія къ нимъ нѣтъ и не можетъ быть. Не выдти? Но тутъ опять встрѣчаютъ ее ложныя отношенія, отъ которыхъ становится еще болѣе грустно. Мужъ ея говорить:

«развѣ они виноваты передъ тобой, что ты не хочешь быть ихъ барыней?» То-есть, по его понятію, барыня дается мужикамъ какъ бы въ награду за хорошее поведеніе. Сами мужики едва ли не раздѣляютъ этой мысли: они такъ смиренны, такъ привыкли къ своему положенію, что ихъ желанія, дѣйствительно, не простираются далѣе господской милости. При такомъ положеніи дѣла, дѣйствительно, всѣ здравыя понятія перепутываются, даже въ душѣ самой неспорченной. Маленькій Сережа признается, что уже не спрашиваетъ въ это время, за что ихъ такъ любятъ крестьяне: «Я убѣдился, что это непременно такъ быть должно.» (Стр. 261).

Взглядъ Софьи Николаевны на крестьянъ объясняется аристократическимъ складомъ всѣхъ ея убѣжденій и чувствъ. Она любитъ изящное, доброе и благородное, но мысль поискать всего этого между крестьянами не приходитъ ей въ голову. Ей сильно претитъ здѣсь то ложное положеніе, въ которомъ стоитъ она къ этому народу. Она, конечно, не стоитъ на степени развитія Простаковой, которая, узнавши, что Палашка лежитъ больная и бредитъ, восклицаетъ съ негодованіемъ: «лежитъ, бестія, — бредитъ! какъ будто благородная!» Но все-таки и Софья Николаевна не могла еще дойти до понятія о томъ благородствѣ, которое равно свойственно и помѣщику и крестьянину и которое нерѣдко можетъ быть въ совершенно обратномъ отношеніи къ общественному положенію лица. Она желала бы вовсе не знать о существованіи крестьянъ, которыхъ положеніе вовсе ее не занимаетъ. Проѣзжая черезъ Парашино и вида крестьянскіе запасы хлѣба, Алексѣй Степанычъ, по чувству ли хозяина или просто по добротѣ сердца, восклицаетъ: — «вотъ такъ крестьяне! молодцы! сердце, глядя на нихъ, радуется.» Но Софья Николаевна не только не радуется, а даже не обращаетъ вниманія на слова мужа. Проѣзжая мимо хлѣбовъ, Багровъ опять жалѣетъ, что не успѣютъ мужички убратъся; жена его и тутъ слушаетъ его безъ малѣйшаго участія. Маленькій сынъ прибѣгаетъ къ ней съ восторженными разказами о томъ, что онъ видѣлъ на полѣ, какъ крестьяне пахутъ, сѣютъ, косятъ: она не только безъ участія, но даже съ неудовольствіемъ слушаетъ его рассказы.... Сыну хочется идти, вмѣстѣ съ отцомъ, посмотреть на заимку пруда: она его не пускаетъ, потому, что «нечего ему дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою.» Мужъ напрасно старается увѣрить ее, что ничего подобнаго не бываетъ. (стр. 365—366). Въ ея присутствіи багровскія дворовыя дѣвушки должны отказаться отъ своихъ пѣсенъ и съ сожалѣніемъ говорить ей сыну: «матушка наша не любитъ нашихъ деревенскихъ пѣсенъ». (стр. 391). Словомъ,

полное отчужденіе отъ простаго быта крестьянъ, высокомерное пренебреженіе къ нему — выражается почти въ каждомъ поступкѣ Софьи Николаевны, хотя она не позволяетъ себѣ никакихъ жестокостей и грубостей.

Отчего же такое отчужденіе въ ней именно? У нея должно быть все-таки больше развито чувство любви и уваженія къ человѣчеству, нежели, напримѣръ, хотъ въ старикахъ Багровыхъ; почему же они не чуждаются крестьянъ, а она чуждается? Если мы вглядимся въ сущность этого явленія, то неизбежно должны, кажется, прийти къ заключенію, вовсе не отрадному. Какія точки соприкосновенія съ крестьянами видимъ мы въ странномъ быту помѣщиковъ? Во-первыхъ—корысть. Хозяйственныя распоряженія неизбежно сближали помѣщика, живущаго въ деревнѣ, съ крестьянами, которые должны исполнять его распоряженія съ соблюденіемъ его выгодъ. Вторымъ обстоятельствомъ, сближавшимъ помѣщиковъ съ крестьянами, была тогда—равно низкая степень образованности тѣхъ и другихъ. Куролесовы, Багровы и тому подобные, потому не боялись сближаться съ своими крѣпостными людьми, что не видѣли въ себѣ нравственной разницы съ ними. Притомъ же, входя въ хозяйственныя сношенія съ крестьянами и даже пускаясь въ intimacy съ домашней прислугой, они знали, что ни къ чему себя этимъ не обязываютъ. Они знали, что все-таки эти люди находятся въ ихъ рукахъ. Куролесовъ, кутившій съ пьяной ватагой всякихъ сорванцовъ, тѣмъ не менѣе пробовалъ свои «кошечки» натомъ изъ нихъ, кто ему не нравился. Дочь Багрова, Татьяна Степановна, ничуть не считала неловкимъ быть своею Матрешку, вѣрную хранительницу ея заповѣднаго амбара, со всѣми его секретами. Дѣло очень естественное: помощь, услуги, сообщничество этихъ людей,— все считалось обязательнымъ, они не могли и не смѣли не сдѣлать такъ, какъ это имъ приказано; слѣдовательно, принимая услуги ихъ, повѣряя имъ свои нужды, господинъ все-таки не терялъ своихъ правъ: могъ ихъ наказывать, и обращаться съ ними, какъ ему угодно было. При такихъ понятіяхъ, отчего же было и не сходиться съ крестьянами и дворовыми, отчего не сближаться съ ними по наружности? Въдѣ существенное-то разстояніе все-таки оставалось и не могло быть забыто ни тѣмъ, ни другимъ.... Этихъ то воззрѣній не могла, конечно, понять Софья Николаевна; а до другихъ она не могла еще возвыситься, и потому остановилась на распуты — на пренебреженіи къ простому народу и къ простому быту.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ, по воспоминаніямъ Багрова-внука, отношенія къ крестьянамъ въ разныхъ лицахъ семейства Багровыхъ. Выписки изъ подлинныхъ воспоминаній дру-

гихъ современниковъ того вѣка и изъ тогдашнихъ сатирическихъ нападеній, могли бы совершенно подтвердить вѣрность и обыкновенность всего, что описываетъ намъ, со словъ Багрова, г. Аксаковъ. Надо признаться, что результаты этихъ фактовъ неслишкомъ отрадны.

«Но вѣдь не постоянно же крѣпостныя отношенія вторгались въ деревенскую жизнь помѣщика, — замѣтитъ читатель. Изъ очерка этихъ отношеній мы все еще не составляемъ себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ именно проходила домашняя жизнь нашихъ предковъ-помѣщиковъ, чѣмъ они занимались въ деревнѣ, вообще какъ проводили свое время. Можетъ быть, здѣсь найдется и свѣтлая сторона нравовъ того времени, можетъ быть, семейныя добродѣтели старинныхъ помѣщиковъ и примирять насъ съ ними за тѣ ложныя отношенія, которыя развивали они въ своей жизни, и которыя, впрочемъ, и независѣли отъ воли отдѣльныхъ личностей...»

Мы должны сознаться, что требованіе читателя вполне справедливо и что даже, судя по заглавію статьи, читатель могъ ожидать отъ насъ не того, что мы изложили. Мы обѣщали очеркъ деревенской жизни старинныхъ помѣщиковъ, а говорили объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и крѣпостной прислугѣ. Но, для своего оправданія, мы должны сказать, что такой оборотъ дѣла составляетъ не нашу вину. Что же дѣлать, когда крѣпостныя отношенія проникали собою всю жизнь старинныхъ помѣщиковъ, особенно жившихъ въ деревняхъ, и обнаруживали свое вліяніе даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать: въ домашнихъ заботахъ, въ родственныхъ отношеніяхъ, въ воспитаніи дѣтей помѣщиковъ. Изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ нами въ продолженіе статьи, можно видѣть отчасти, какъ протекало время для старинныхъ деревенскихъ жителей, владѣвшихъ крестьянами. Но нужно сознаться, что точнаго и опредѣленнаго очерка жизни тогдашней не даетъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ мемуары о томъ времени. Должно быть, жизни собственно и не было въ этой темной, удушливой средѣ; было какое-то прозябаніе, не оставлявшее по себѣ никакого слѣда и потому не могшее быть уловленнымъ воспоминаніями тѣхъ, кто старался изобразить этотъ бытъ. Подобно другимъ мемуарамъ, и записки, издавыя г. Аксаковымъ, не представляютъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго очерка. Прочитавъ эту толстую книгу, невольно спрашиваешь себя: «что же, однако, дѣлали эти люди всю свою жизнь? Какъ они ее прожили? Чѣмъ занималась все время своего тридцатипяти-лѣтняго дѣвчества — хоть тетушка Татьяна Степановна? Какое занятіе было у самой матери Сережи?» На все это даются отвѣты очень смутные, отрывочные, неудовлетворительные.

Для разъясненія дѣла можетъ отчасти служить «Добрый день Степана Михайловича», описанный въ «Семейной Хроникѣ». Онъ даетъ нѣкоторое понятіе о той праздности и лѣни, въ которую погружено было цѣлое семейство, внѣ хозяйственныхъ заботъ, лежащихъ почти вполнѣ на одномъ только главѣ дома. Просыпается Степанъ Михайловичъ рано, даже раньше слугъ своихъ, которыхъ будить въ добрый день — не калиновымъ подождкомъ, не пинкомъ и не стуломъ, какъ въ другіе дни, а просто — почеловѣчески. Только что онъ всталъ, — и весь домъ на ногахъ: вся семья почтительно идетъ къ старику здороваться. Потомъ пьютъ чай, и затѣмъ отецъ отправляется на поле, гдѣ испытываетъ доброту пашни извѣстнымъ уже намъ способомъ. Съ поля онъ возвращается прямо къ обѣду, который ужъ непремѣнно долженъ быть готовъ къ его возвращенію. За стуломъ хозяина стоитъ, во все время обѣда, Николка Рузанъ, съ цѣлымъ сучкомъ березы, и обмахиваетъ его отъ мухъ. Въ столовую собираются дворовые мальчишки и дѣвчонки «за подачками»; они знаютъ, что Степанъ Михайловичъ веселъ и будетъ обдѣлывать ихъ кусками съ своего стола. Послѣ обѣда, бывшего всегда въ полдень, всѣ ложатся спать, и спать часа четыре. Затѣмъ отецъ ѣдетъ на мельницу, и беретъ съ собой всю семью. Оттуда возвращаются домой, и баринъ толкуетъ со старостой, затѣмъ ужинаетъ; послѣ ужина старикъ прохлаждается нѣсколько времени на крыльцѣ, забавляясь дракою своихъ слугъ, и наконецъ мирно ложится спать.

Вотъ вамъ цѣлый день, одинъ изъ лучшихъ дней. Какая дѣятельность выпадаетъ тутъ на долю Арины Васильевны и дочерей? И что дѣлаетъ самъ Степанъ Михайловичъ, если онъ не ходитъ въ поле и не ѣздитъ на мельницу, — этого, право, мы не умѣемъ сказать. Должно быть, ничего не дѣлаетъ. Полтвержденіе этой мысли находимъ мы въ замѣчаніи г. Аксакова о Куролесовѣ, который умѣлъ вести себя хорошо въ первые два или три года, пока у него было дѣло на плечахъ, пока онъ занятъ былъ устройствомъ имѣнія. Но потомъ, праздность одолѣла его; натура-то была у него широкая, а дѣла себѣ никакого не находила: и пустился Михаилъ Максимовичъ въ пьянство и буйство. Другіе не пускались въ такіа художества, но прозябали безъ шума и слѣда, не думая ни о чемъ, ни въ чемъ не пытая своихъ силъ. Богачъ Д* занимался своими крѣпостнымъ оркестромъ и заморскими чушками; Прасковья Ивановна — пріемомъ гостей и картами; Арина Васильевна — прижей козьяго пуху, въ промежутки между сномъ и процессомъ наполненія желудка. Экстраординарными занятіями — были уженье, охота, собираніе грибовъ и ягодъ... А ужъ зимой, — постигнуть нельзя,

что дѣлали въ деревнѣ зимой... Въ зимнее время, вѣроятно, увеличивались тѣ забавы и развлечения, образцы которыхъ, представили мы выше въ выходящемъ артикула — Дарьей Васильевною, вѣсто-ружья. Тутъ же, конечно, помогали много и благодѣтельные карты, служившія—то для игры въ дурачки, то для гаданья. Съ теченіемъ времени, т. е. въ поколѣніи, слѣдовавшемъ уже за Степаномъ Михайловичемъ, развивалась любовь къ чтенію: такъ у Татьяны Степановны былъ уже свой любимый пѣсенникъ... Чего же больше?

Если мы сдѣлаемъ надъ собою усиліе и вообразимъ себя на мѣстѣ какой нибудь Арины Васильевны или богача Д', съ ихъ понятіями, съ ихъ матеріальными средствами, со всею обстановкою ихъ жизни,—то мы не удивимся ихъ праздности. Вѣдь всякая дѣятельность непремѣнно чѣмъ нибудь вызывается и поддерживается; всякій работаетъ прежде всего потому, что сознаетъ *потребность* труда, нравственную или физическую, чаще всего и ту, и другую, нераздѣльно. Скажите, отчего же потребность труда могла бы родиться въ Прасковѣ Ивановнѣ или въ богачѣ Д'? Что имъ была за *надобность* работать?...

Грустно становится, когда раздумываешься объ этихъ временахъ, которыхъ остатки существовали еще такъ недавно. Но и тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона, отрадная, успокоивающая: это видъ бодрого, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, съ постоянной надеждой на милость Божью и царскую. Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ, Д'' и т. п.... Весело смотрѣлъ маленькій Сережа на дружную работу косцовъ, и потомъ съ восхищеніемъ рассказывалъ, какъ это хорошо—косить. Ему отвѣтили, что смотрѣть-то хорошо, а работа очень тяжела, и онъ долго не могъ помириться съ мыслью, чтобы такая веселая и красивая работа могла быть тяжела. Въ другой разъ онъ видѣлъ жнито, при которыхъ, на вопросъ отца его, — «не тяжело-ли», — крестьяне отвѣчали: «тяжеленько, да какъ же быть, рожь сильна, — прихватимъ вечера.» Тутъ маленькаго Сережу поразили тяжело дышашія, согнутыя надъ серпомъ крестьянки, обивавшіе грязными тряпичами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ работавшихъ, и особенно плачъ груднаго ребенка, который былъ тутъ же, въ полѣ, съ матерью, какъ-бы приучаясь къ этой «страдѣ» крестьянской. Сережа съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ молодая женщина, воткнувъ серпъ въ связанный ею снопокъ, подошла къ ребенку, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятака сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя, а потомъ сно-

ва положила его въ люльку и принялась жать съ особеннымъ уси-
ліемъ, чтобы наверстать потерянное время, и не отстать въ работѣ.
«Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ
напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, обхватило мою душу», го-
ворить теперь Сережа (стр. 61). Черезъ нѣсколько времени крестьянскія
работы дали ему испытать еще новое чувство. Онъ увидалъ,
какъ боронять землю крестьянскіе мальчики, и самъ захотѣлъ по-
пробовать боронить. Мать сначала говорила ему, что это вздоръ,
что это не его дѣло, но наконецъ согласилась на усиленные просьбы
сына. Разумѣется, оказалось, что Сережа не только боронить не мо-
жетъ, но даже ходить по вспаханной землѣ не умѣетъ. «Крестьян-
скій мальчикъ шелъ рядомъ со мной, говоритъ онъ, — и смѣялся.
Мнѣ было стыдно и досадно» (стр. 369).

Да, радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили
эти времена, что теперь блестить уже новый день, что грядущія
поколѣнія ожидаетъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія,
а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на
собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что
посѣяно. Теперь своекорыстные расчеты и привычная лѣнь долж-
ны умолкнуть предъ величіемъ общаго начинанія ко благу человѣ-
чества. Голосъ правды, голосъ любви призываетъ: не время оста-
ваться въ прежней праздности и апатіи. Пусть воспоминанія того
поколѣнія, которое возрастаетъ теперь, представляютъ наше общество
въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ какомъ являются предъ нами, въ
воспоминаніяхъ правдивыхъ современниковъ, люди конца прошед-
шаго столѣтія!...

НОВЫЯ КНИГИ.

ФЕВРАЛЬ 1858.

**Физиологическо - психологическій сравнительный
взглядъ на начало и конецъ жизни.** Сочиненіе заслужен-
наго профессора *В. Берви*. Казань. 1858 г.

Продолженіе жизни мало интересуеъ г. заслуженнаго профессора Берви; заботу о продолженіи жизни онъ считаетъ даже матеріаль-
нымъ направленіемъ, ведущимъ къ грубому сенсуализму. Чтобы
стать отъ матеріи сколько возможно далѣе и чтобы, по его выраже-
нію «содѣйствовать по силѣ возможности» отвлеченію человѣка отъ
заботъ о настоящей жизни, г. заслуженный профессоръ Берви бро-
саетъ физиологическо-психологическій взглядъ на человѣка — до его
рожденія и послѣ его смерти, т. е., говоря поэтически,

• Конецъ съ началомъ сопрягаетъ
И смертію животь дарить....»

Психологическія идеи г. Берви относятся болѣе къ младенцу, нахо-
дящемуся въ утробѣ матери, а физиологическія изслѣдованія къ
мертвому трупѣ, въ которомъ уже прекратились всѣ физиологиче-
скія отправленія. Въ трупѣ этомъ г. Берви уловляетъ нѣкій духъ и
подвергаетъ его физиологическимъ соображеніямъ, не подозревая
того, что духъ, отдѣляющійся при гніеніи трупа, подлежитъ уже не
физиологіи, а химіи. Для всякаго другаго смѣшать химію съ физио-
логіей въ наше время довольно трудно; но для г. Берви это было легко,
потому, что онъ не хочетъ принадлежать нашему времени и вслѣ-

ски хлопочеть о томъ, нельзя ли какъ нибудь уничтожить, убить его, наше-то время. Съ такою цѣлію издалъ онъ свой фізіологическо-психологическій взглядъ, въ которомъ выражаетъ, между прочимъ, свое неудовольствіе на то, что всѣ естественныя науки обратились къ матеріальнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для настоящей жизни. Такое направленіе естественныхъ наукъ для г. Берви пуще ножа востраго. Изъ-за естественныхъ наукъ онъ негодуетъ на все наше время, и, изречитавъ его брошюру, мы вполне понимаемъ причину негодованія г. заслуженнаго профессора и даже сочувствуемъ ему въ его печальномъ положеніи, хотя, къ сожалѣнію, пособить его горю ничѣмъ не можемъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждая страница фізіологическо-психологическаго взгляда г. Берви доказываетъ, что онъ изучалъ естественныя науки когда-то давнымъ-давно, въ отдаленныя времена, когда Шубертъ и Эшенмайеръ царили въ области антропологіи, а можетъ быть и еще раньше, въ тѣ доисторическія времена, когда еще и Лавуазье не было. Кажется, мы не много погрѣшили бы, если бы даже отнесли время образованія г. Берви къ среднимъ вѣкамъ, судя потому, что онъ для подтвержденія своихъ мнѣній приводитъ латинскія цитаты изъ Бэкона, Сенски, Цицерона, и даже (кажется въ объясненіе всей своей брошюры), — латинскую пословицу: *Ergage humanum est*, что, какъ извѣстно, означаетъ: человѣку свойственно ошибаться. Изслѣдованія новѣйшихъ натуралистовъ совершенно неизвѣстны г. Берви. Болѣе всего основывается онъ на авторитетѣ Плинія; изрѣдка указываетъ на Блуменбаха, на Бугенвиля, а изъ новыхъ знаетъ только «своего ученаго сотрудника П. А. Пелля, осязательно доказавшаго, какъ обманчивы всѣ выводы, долженствовавшіе доказать превращеніе овса въ рожь.» (стр. 61.) Мудрено ли же, что при такомъ состояніи своихъ познаній, г. Берви крайне недоволенъ нашимъ временемъ, въ которое естественныя науки сдѣлали такой огромный шагъ впередъ, примиривши философскія разсужденія о силахъ природы съ результатами опытныхъ изслѣдованій надъ матеріею. Нынѣ въ естественныхъ наукахъ усвоенъ положительный методъ, всѣ выводы основываются на опытныхъ, фактическихъ знаніяхъ, а не на мечтательныхъ теоріяхъ, когда-то и гѣмъ-то составленныхъ наобумъ, и не на темныхъ гаданіяхъ, которыми въ старыя времена довольствовалось невѣжество и полужнаніе. Нынѣ уже не признаются старинныя авторитеты, предъ которыми благоговѣтъ г. Берви, да и вообще авторитеты въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій не имѣютъ большаго значенія. Молодые люди нынѣ не только парацельсовскія мечтанія называютъ, не обвиняясь, издоромъ, но даже находятъ заблужденія у Либиха, о которомъ г. Берви, кажется и не слыхивалъ, читаютъ Моленюта, Дюбуа-Реймо-

на и Фокта, да и тѣмъ еще не вѣрять на слово, а стараются про-
вѣрять и даже дополнять ихъ собственными соображеніями. Ны-
нѣшніе молодые люди, если ужъ занимаются естественными науками;
то соединяють съ этимъ и философію природы, въ которой, опять,
слѣдуютъ не Платону, не Оксену, даже не Шеллингу, а лучшимъ,
наиболѣе смѣлымъ и практическимъ изъ учениковъ Гегеля. Какъ же
на все это не сердиться г. Берви, когда онъ въ философіи остано-
вился на Фихте, котораго, впрочемъ, не понимаетъ, и котораго уче-
ніе (какъ самъ г. Берви сознается на стр. 13) «представляется ему въ
какой-то туманной отдаленности.» Какъ не сердиться ему на наше
время, когда успѣхи естественныхъ наукъ совершенно уничтожаютъ
его средневѣковыя теоріи и дѣлають его смѣннымъ не только въ
глазахъ спеціалиста, слѣдящаго за успѣхами положительныхъ зна-
ній, но даже и въ глазахъ всякаго образованнаго чековѣка, родивша-
гося немножко позже Лавуазье и Фихте. Г. Берви не любитъ нашего
времени за то, что оно пережило его. Но время ли въ томъ виновато?
Кто же велѣлъ отставать? А если не хватило силъ для продолженія
пути, то зачѣмъ оставаться на дорогѣ, понапрасну мѣшая другимъ?
Не можетъ же ходъ времени и знаній остановиться и дожидаться
одного изъ адептовъ науки, хотя бы этотъ адептъ былъ и профес-
соромъ.... Да, отсталъ, сильно отсталъ отъ науки г. заслуженный
профессоръ Берви, и, право, намъ отъ души жаль его. Намъ всегда
внушали грустное чувство—и запоздавшія осенью птички, не успѣв-
шія отлетѣть въ теплыя страны, и возъ, отставшій отъ обоза и уны-
ло подвигающійся одинъ среди пустынной дороги, и цыпленочекъ,
который, заглядѣвшись по сторонамъ, не поспѣлъ, вмѣстѣ съ дру-
гими, за матерью, и потомъ мечется, какъ угорѣлый, отыскивая ее
тамъ, гдѣ она была за минуту предъ тѣмъ, но гдѣ теперь, увы! ужъ
нѣтъ ея, нѣтъ ея!... Подобно симъ отставшимъ существамъ, вну-
шилъ намъ грустное чувство и г. Берви, стоящій по выраженію по-
эта на распутии живыхъ,

«Какъ будто памятникъ надгробный
Среди обитателей людскихъ....»

Изъ сожалѣнія къ г. Берви, мы хотѣли было вовсе умолчать о немъ
и его фیزیологическо-психологическомъ взглядѣ. Но послѣ прочте-
нія брошюры и краткаго размышленія, мы убѣдились, что наше со-
жалѣніе къ г. Берви совершенно напрасно. Мы увидѣли, что почтен-
ный авторъ «Взгляда» стоитъ на той степени самодовольствія, кото-
рое вызываетъ не состраданіе, а чувство совѣсти другаго рода. Онъ
не сознается въ своей отсталости, не старается даже понять то, что
выработано новыми изслѣдователями, не хочетъ догонять опередив-
шихъ его, а, что бы вы думали? силится остановить тѣхъ, которые

нню г. Берни идти по той же дорогѣ жизни. Онъ говоритъ, что естественныя науки занимаются теперь не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, что онъ идетъ ложнымъ путемъ, иначе сказать — онъ отвергаетъ значеніе тѣхъ результатовъ, которые добыты положительными изслѣдованіями новаго времени. Что же это за задачи, которымъ, по мнѣнію г. Берни, предстоятъ наукамъ и отъ которыхъ онъ уклонился? Задачи эти весьма замысловаты, и если бы онъ не были истощены въ среднихъ вѣкахъ, то изобрѣтеніе ихъ сдѣлало бы честь даже воображительности Кифы Мокиевича. Видите: психологія должна стремиться къ опредѣленію разницы между жизненнымъ началомъ и душою человѣка; физиологія должна заниматься изслѣдованіемъ жизненныхъ процессовъ въ мертвомъ трупѣ; физика должна отыскать силу, отдѣльную отъ матеріи, и матерію, свободную отъ вліянія силы; химія должна, подвергая своему анализу тѣла, отыскивать въ нихъ что нибудь сверхъ-чувственное. Вообще, перемѣщая науки естественныя съ нравственными, г. Берни налагаетъ на натуралистовъ такое обязательство, какого никому, кромѣ средневѣковыхъ алхимиковъ, и въ голову не приходило. Онъ хочетъ, чтобы физическія изслѣдованія шли въ виду не познаніе измѣненій и дѣйствій матеріи, а отысканіе въ матеріи — духа, архея, ээпра, жизненной силы, словомъ чего нибудь, только чтобы это «что нибудь» не было положительнымъ, матеріальнымъ, а было что нибудь «чувствамъ недоступное.» Требованіе, разумѣется, нелѣпое; но для г. Берни оно очень хорошо, потому, что такимъ манеромъ онъ думаетъ прикрыть свое невіданіе. «Не потому дескать, я новѣйшихъ изслѣдованій не привожу, что я не знаю ихъ, а потому, что я ихъ отвергаю, какъ вредныя и несчастныя, ведущія къ грубому сенсуализму. Не потому старыя понятія держусь, что до новыхъ не дошелъ, а потому, что новыя не заключаютъ въ себѣ стремленія къ сверхъ-чувственному.» А, когда такъ, то уже нечего и жалѣть о положеніи отстаиваго, но самодеятельнаго нутника, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же задираетъ тѣхъ, которые стараются идти впередъ и ругается надъ ними. Мы болѣе не хотимъ укрывать г. Берни и выставимъ его забавный потешный нублику своими мистическо-алхимическими взглядами, которые въ средніе вѣка, могутъ быть, показались бы схоластическою пресудостью (*variante scholastica*), но нынѣ могутъ быть приняты не иначе, какъ за балаганное фиглярство. Будемъ открывать науку разными страницами; все равно: на каждой есть какая нибудь курьезная штука.

Вотъ наприм., въ самомъ началѣ изслѣдованія (стр. 6 — 7) вы находите сравненіе рожденія съ смертію, въ такомъ смыслѣ: до рожденія младенца, мать его страдаетъ; послѣ рожденія радуется. Такъ

точно передъ смертью человека различны: дружелюбно и спокойно. Что изъ этого? Служайте!

«Это терзаніе, эта тоска, волнующія нашу грудь, ведутъ насъ къ успокоительному убѣжденію въ безсмертіи: подобно тому, какъ родильныя муки, предвѣщая родиль, предвѣщаютъ радостное появленіе на свѣтъ новаго чловека.» (стр. 7)

Неправда ли, какъ ловко умѣетъ г. Берви обращаться съ своимъ предметомъ? Онъ берется доказывать предметъ, о которомъ между образованными людьми давно уже не существуетъ никакихъ сомнѣній, но, несмотря на всю легкость задачи, шутовскимъ сравненіемъ умѣетъ обратить въ смѣхъ самый предметъ. Это даже лучше того остроумца, который доказывалъ, что умноженіе чиновниковъ превѣщаетъ скорое просвѣщеніе государства, дѣлая такое сравненіе: заря занимается на небѣ предъ восхожденіемъ солнца, все остѣпцающаго; такъ чиновникъ занимается въ департаментѣ предъ распространеніемъ просвѣщенія во всемъ государствѣ.

А вотъ какъ г. Берви компрометируетъ популярность изложенія. На стр. 9, онъ говоритъ слѣдующее:

«Кто взглянетъ на трупъ чловека или на застрѣленнаго зайца, или на зарѣзанную курицу, не останавливаясь скажетъ, что это суть тѣла мертвыя. Почему? потому, что они перестали жить, лишились жизни. Слѣдовательно, смерть лишаетъ животное жизни, и мертвое тѣло есть отрицаніе живаго, или нѣчто противоположное живому тѣлу.»

Конечно, такъ намъ кажется, можно такъ думать, что г. Берви, почтенный г. В. Берви, г. заслуженный профессоръ В. Берви полагаетъ, даже имѣетъ убѣжденіе и твердую увѣренность въ томъ, что популярность, прелесть изложенія, общепонятность представленія вещей или предметовъ состоитъ въ томъ, не въ другомъ чемъ заключается, какъ въ томъ, чтобы повторять нѣсколько разъ, много разъ повторять, переворачивать на разные лады простые, простые, самыя простые положенія, вѣтъ понятныя вещи, предметы, или по крайней мѣрѣ возбуждающіе недоумѣнія. Почтенный г. В. Берви, авторъ «Физиологическо-психологическаго взгляда», г. В. Берви — конечно, конечно, не сомнѣвается, что многократное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ разныхъ видахъ — составляетъ популярность изложенія.

Къ сожалѣнію, почтенный авторъ не всегда держится такой популярности, почти на каждой страницѣ попадаются у него длинные періоды, непроницаемые для чловекаго разума и даже для чужденныя логическаго, а иногда и грамматическаго смысла. Напримеръ на стр. 16 есть такой періодъ:

«Безъ опыта, безъ, полученаго посредствомъ внешнихъ чувствъ, насъ не ведутъ къ познанію вѣшняго міра, такъ что мы не можемъ утвердиться въ нашемъ духовномъ бытіи, которое безъ содѣйствія своего тѣла лишено самаго знанія, сего необходимаго условія всѣхъ духовныхъ дѣятельностей въ семъ мірѣ».

Точка, читатели, точка. Чего вы еще ждете? Неужели вамъ мало того, что наказы вамъ г. Берви въ этой первой половинѣ недосказаннаго условнаго періода? Если и тутъ уже нашлось «духовное бытіе съ своимъ тѣломъ», — то что же нашлось бы еще, если бы это «если» было приведено къ желанному концу!

Если вы перевернете два листа, то найдется на стр. 21 еще вотъ какой періодъ:

«Подобно духу человѣческому, одаренному свободою волею, жизненное начало проявляется въ творящихъ качествахъ самостоятельныхъ бытіемъ, превращающимъ въ кругъ дѣйствія онаго поступившія вещества, соответственно своей цѣли, не подчиняясь общимъ законамъ физики и химіи, которыя минералъ отклонять не можетъ.»

Не мы это сочинили; увѣряемъ, что не мы. Мы даже ничего не прибавили, ничего не убавили въ словахъ г. Берви; даже правописание его мы сохранили.

За то г. Берви очень остроумно умѣетъ смѣяться надъ скептиками, или, по его выраженію «*Nihilist'ами*». «Позволю себѣ думать, ядовито замѣчаетъ онъ, что *Nihilist'ы*, будучи укушены собакою въ ногу (замѣчаете ли здѣсь тонкое выраженіе презрѣнія!) или обрѣзавши себѣ палецъ не примутъ боли, отъ этого происходящую, за призракъ» (стр. 14). Чрезвычайно остроумно и ядовито! Всѣмъ *nihilist'амъ* должно быть очень совѣстно, послѣ издѣвокъ г. Берви! Жаль только, что ядовитыя издѣвки сіи повторяются чуть ли не современъ Сократа, а на русскомъ языкѣ напечатаны въ первый разъ, кажется, въ Письмовникѣ Курганова.

Г. заслуженному профессору Берви не должно казаться обиднымъ, что мы отнимаемъ у него честь изобрѣтенія остроты надъ скептиками. У него остается много изобрѣтеній, лично ему принадлежащихъ и, чтобы угодить г. Берви, мы готовы передать нѣкоторыя, наиболее любопытныя изъ нихъ, нашимъ читателямъ.

На стр. 60, г. Берви говоритъ: что зародышъ въ утробѣ, лишенный познанія вѣшняго міра, занимается *самосознаніемъ*, или, какъ выражается почтенный профессоръ, съ свойственной ему популярностью, — «погруженъ въ субъективную ночь самосознанія».

На стр. 36, г. Берви говоритъ, «что человѣкъ, какъ тѣло природы, не можетъ уклониться отъ законовъ оной». На страницѣ же 37—

приводятся: «но, какъ недѣлимое, онъ преслѣдуетъ свою собственную цѣль и находитъ всеобщіе законы природы».

Любопытно бы узнать отъ г. Берви, какіе это всеобщіе законы природы, которые человѣкъ, какъ недѣлимое, измѣняетъ по своей волѣ?.. Впрочемъ на стр. 25 находимъ положеніе, еще болѣе возвышающее надъ природою уже не только одного человѣка, но и всѣхъ животныхъ. Г. Берви утверждаетъ, что животныя живутъ внѣ условій пространства, или, приведемъ лучше собственные слова г. Берви: «духъ міра въ сихъ тѣлахъ (животныхъ) проявляется дѣйствіями во времени, не стѣняемыми предѣлами пространства».

Изображая материнскую попечительность природы о животныхъ, почтенный профессоръ указываетъ, между прочимъ, на стр. 26, цѣль, для чего животныя чувствуютъ голодъ и жажду. «Дабы животное вѣдало о своихъ потребностяхъ, говоритъ онъ:—оно побуждается къ удовлетворенію ихъ чувствомъ голода, холода, жажды, и т. д.»

Впрочемъ, такая, доведенная до крайности, телеологія, иногда приводитъ автора къ заключеніямъ, которыя не могутъ быть названы удачными. Къ числу такихъ неудачныхъ выводовъ относимъ мы высказанную на 24 стр. мысль, что «часть равна своему цѣлому». Г. Берви говоритъ, что «иныя произведенія природы суть чистѣйшіе представители матеріи», и затѣмъ продолжаетъ:

«Эти произведенія неимѣютъ собственнаго значенія, ниже собственнаго центра, почему всякая часть оныхъ по своему значенію равна цѣлому. Сюда относятся тѣла, составляющія въ совокупности своей природу, такъ называемую, мертвую: минералы, соли, воды, и т. п.»

Повторяемъ: это напечатано, слово въ слово, на 23—24 страницѣ брошюрки г. заслуженнаго профессора В. Берви: «Физиологическо-психологическій взглядъ на начало и конецъ жизни». — Намъ могутъ сказать, что г. Берви разумѣлъ тутъ что нибудь другое, а не величину, и что слова: «по своему значенію», — измѣняютъ дѣло въ его пользу. Но мы спрашиваемъ васъ и г-на Берви: чѣмъ же опредѣляется значеніе одинаковыхъ по составу неорганическихъ предметовъ, какъ не величиной? На чомъ, кромѣ величины, можете вы основать свое сужденіе о значеніи двухъ кусковъ чистаго серебра различнаго вѣса, двухъ глыбъ одинаковаго гранита, мрамора, и т. п.? Нѣтъ, какъ ни смягчайте дѣло, а положеніе что г. Берви считаетъ части нѣкоторыхъ тѣлъ равными своему цѣлому, — остается во всей силѣ.

Скажутъ: не можетъ быть, чтобъ г. Берви не зналъ аксіомы, что часть всегда меньше своего цѣлаго. Нѣтъ, можетъ быть. У насъ

есть на это аналогическое доказательство, очень убѣдительное. Вотъ что говоритъ г. Берви на стр. 50: «Я полагаю, что у меня есть сердце, легкія, печень, и т. д. Это есть умозаключеніе, на аналогіи основанное, точно такъ, какъ я полагаю, что Юпитеръ и Сатурнъ суть тѣла подобныя нашей землѣ и имѣющія, подобно ей, своихъ обитателей». Видите, еслибъ мы вамъ сказали: г. Берви не знаетъ даже того, есть ли у него сердце и легкія, вы бы не повѣрили. Но идѣмъ — теперь вы повѣрите, когда мы приведемъ его собственныя слова. Онъ высказываетъ самъ, что не знаетъ навѣрное, есть ли нѣтъ у него сердце; *я полагаю* — говоритъ онъ, — что есть — *точно такъ, какъ я полагаю, что есть на Сатурнѣ жители...* А вѣдь можетъ быть, что ихъ и нѣтъ... Это простая аналогія.

Такъ разсуждаетъ г. Берви, и мы ничего не прибавили отъ себя къ его мыслямъ. Можете справиться сами, если не вѣрите: затѣмъ мы и страницы вездѣ выставляли, приводя мнѣнія г. Берви.

Не правда ли, что все это крайне-забавно, и что приведенныя мнѣнія г. Берви одни были бы достаточны для того, чтобы избавить критику отъ труда вознѣстись съ его сочиненіемъ? Читатели, вѣроятно, давно уже дивятся, зачѣмъ мы хлопочемъ долго, выбирая разныя ликовники изъ книжки г. Берви, когда довольно бы было въ пяти строкахъ предать се на общее посмѣяніе. Чтобы показать причину нашего вниманія къ г. Берви, мы приведемъ еще выписку, уже послѣднюю, и она, конечно, покажетъ читателямъ, что тутъ одного смѣха не довольно, что дѣло г. Берви даже вовсе не забавно. На стр. 4-й онъ говоритъ: «я пускаю въ свѣтъ то, что ежегодно преподаю моимъ слушателямъ», — и прибавляетъ: «слушатели мои — юноши, и, какъ таковыя, воспріимчивы ко всему высокому, идеальному». — Вотъ гдѣ серьезная-то и плачевная сторона вопроса. Пусть бы г. Берви мечталъ, о чемъ ему угодно, пусть бы онъ проклиналъ современное развитіе естественныхъ наукъ, сомнѣвался въ существованіи у себя сердца и легкиихъ, и въ то же время вѣрилъ, что часть равна своему цѣлому и что животное ѣсть хочетъ собственно для того, дабы вѣдать о своихъ потребностяхъ. Но вѣдь все это онъ преподаетъ своимъ юнымъ слушателямъ: вотъ въ чемъ бѣда. И, по всей вѣроятности, преподаетъ—то онъ имъ что нибудь еще похуже; потому что, издавая въ свѣтъ свои лекціи, каждый профессоръ непремѣнно старается обдѣлать ихъ получше. Да и кромѣ того, лекція г. Берви доказываетъ, что она составлена—какъ будто на показъ: крайне щеголевато и съ избыткомъ учености, совершенно ненужной и, правду сказать, крайне дешевой. Тутъ идетъ рѣчь и о Сципіонѣ, и о Регулѣ, и о Людовикѣ XIV, и о Наполеонѣ, и о созвѣздіи Вола, и о плодородіи крысъ, и о щукѣ, пойманной въ 1497 г., и о трудолюбіи

ичоль, и о дикихъ сибирскихъ языкахъ, и при этомъ прино-
дятся стихи Вольтера и Гёте, говорится, что планету Нептунъ слѣдо-
вало бы назвать Ньютономъ, что арабскія лошади превосходны, что
Сѣверо-Американскіе Штаты суть ужасное зло въ человѣчествѣ; и
т. п. Позаботившись о томъ, чтобы вставить въ свои лекціи подоб-
ныя, не относящіяся къ дѣлу, разсужденія, г. Берви позаботился
бы конечно, еслибъ могъ, и о правильности своихъ научныхъ по-
нятіи, и о логичности выводовъ, или, по крайней мѣрѣ, — о тождес-
твѣ изложенія. А то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, — предположимъ даже;
напримѣръ, что г. Берви и знаетъ о томъ, что часть всегда меньше
своего цѣлаго (предположеніе смѣлое и слѣдующее совершенно а priori,
безъ всякихъ фактическихъ основаній; но предположимъ, въ уваженіе
профессорскаго званія г. Берви) — легче ли оттого его слушателямъ,
если онъ съ ними такъ объясняется; какъ написана вся его брошюра?
Можно думать, что нисколько не легче. И вотъ кого надобно отъ
души пожалѣть въ этомъ случаѣ; а не самого г. Берви. Онъ уже
потому не заслуживаетъ сожалѣнія; что, несмотря на свою отста-
лость въ наукѣ и невѣроятные проступки противъ здраваго смысла,
обладаетъ незаслуженнымъ самодовольствомъ. Но эти «воспри-
имчивые юноши», находящіеся подъ его руководствомъ; никакъ до-
стойны сожалѣнія всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что
они, во что бы то ни стало; непременно обязаны слушать т. В. Бер-
ви, какъ своего профессора.

Аттила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и
народныхъ преданій. А. Вельмана. Москва, 1858

Великій споръ о народно-славянскомъ воззрѣніи, еще недавно
возобновленный въ «Русской Бесѣдѣ» г. Кривошанкинымъ изъ
Енисейска, приходитъ, кажется, къ концу. Г. Вельманъ, давно из-
вѣстный русской публикѣ игривостью своего воображенія, избравъ
средство примирить славянъ съ человѣчествомъ и славянофилъ
съ западниками. Средство, придуманное имъ, чрезвычайно просто.
Давно уже западники говорили, что славяне — люди, и что, слѣдо-
вательно, ничто человѣческое имъ не чуждо; но противники ихъ
справедливо утверждали, что мысль эта есть ничто иное, какъ пере-
водъ извѣстной латинской пословицы, и что, слѣдовательно, она,
какъ родившаяся не на русской почвѣ, ничего не можетъ доказы-
вать. Теперь г. Вельманъ, въ видахъ пользы славянофиловъ, беретъ
давно-высказанное, общечеловѣческое понятіе навъоротъ т. е. го-
ворить: всѣ люди — славяне, и слѣдовательно ничто славянское имъ
не чуждо. Такимъ всеобъемлющимъ панславизмомъ доказывается го-

сходство людей со славянами и блѣднѣе тождество славянскаго воззрѣнія съ общечеловѣческимъ. За тѣмъ споръ долженъ уже прекратиться, по крайней мѣрѣ—со стороны «Русской Бесѣды», которая должна остаться совершенно довольною изслѣдованіями г. Вельтмана,—такъ какъ его тенденціи, свойства его учености, самыя приемы его весьма близко подходятъ къ славянофильскимъ требованіямъ. Тенденція г. Вельтмана заключается именно въ безпредѣльномъ панславизмѣ. Въ силу такой тенденціи онъ утверждаетъ, что если теперь не всѣ люди представляются славянами, такъ это только кажется, а въ самомъ-то дѣлѣ всѣ—славяне или, по крайней мѣрѣ, были славянами въ мифологическія времена. Мифологическія времена славянской исторіи были, по мнѣнію г. Вельтмана, до потопа; послѣ же потопа начинаются историческія сказанія, которыя для нашего панслависта представляются въ совершенной ясности. Въ третьемъ и четвертомъ столѣтіи по Рожд. Хр. русскіе князья представляются уже у г. Вельтмана въ стройной генеалогической таблицѣ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. описывается очень подробно война славянъ съ готами—дацѣлнами. За 500 лѣтъ до Р. Х. славянскіе государства уже имѣютъ свою исторію: меланхлены, скифы и кинокефалы, о которыхъ говоритъ Геродотъ,—были славяне. Даже за 1000 лѣтъ до Р. Х. славяне существовали въ Европѣ и именно—жители при Днѣпрѣ (Атт. стр. 89). Мало того, древній Иракль, иначе Арей,—есть ни что иное, какъ древне-русскій Яро или Юрій (стр. 21 и 200). А вѣдь извѣстно, что Геркулесъ былъ сыномъ самого Зевса и жилъ лѣтъ за 1300 до Р. Х. Но даже и этого недостаточно: г. Вельтманъ намекаетъ на еще болѣе отдаленную древность, говоря, что славяне жили въ Даніи прежде датчанъ, которые по нѣкимъ сказаніямъ пришли сюда изъ Азіи, во времена Серуха, прадѣда Авраамова, т. е. лѣтъ за 2500 до Р. Х. (стр. 61). Словомъ если еще подлежитъ сомнѣнію, былъ ли славяниномъ Ной, то одинъ изъ сыновей его навѣрное былъ уже славянинъ. Заключение для славянъ чрезвычайно лестное. Можно надѣяться, что послѣдующія розысканія г. Вельтмана, совокупно съ трудами г. Чертиова, Егора Классена и барона Розена, въ самомъ непродолжительномъ времени — утвердятъ такой блистательный выводъ на основаніяхъ незыблемыхъ.

Свойства и приемы учености г. Вельтмана могутъ быть раздѣлены на общіе и частныя, собственно-филологическіе. Общія приемы относятся всего болѣе къ критикѣ источниковъ. Всѣ почти свѣдѣнія о гуннахъ, признаются г. Вельтманъ, почерпаются изъ Приска, Амміана, Иорнанда и народныхъ преданій. Но Амміанъ не понимаетъ происхожденія гунновъ, Иорнандъ пристрастенъ къ готамъ, а Прискъ хотя и правдивъ, но считаетъ Атиллу варваромъ. Остаются

народныя преданія, но и тѣ искажены, и, слѣдовательно, — нужно ихъ очистить и возстановить посредствомъ «сочувственнаго настроенія». Лучшее сочиненіе объ Аттілѣ принадлежитъ Тьерри; но Тьерри унаслѣдовалъ источники и, притомъ, не имѣлъ «сочувственнаго настроенія», и потому тоже призналъ Аттілу не только гунномъ, но даже варваромъ. А между тѣмъ это названіе греки дали ему просто изъ зависти, за то, что онъ крѣпко держался «народныхъ воззрѣній» и «не подчинялся эллинской премудрости» (стр. 7). Такимъ обращеніемъ съ источниками и обиліемъ «сочувственнаго настроенія» многіе изъ славянофиловъ должны быть очень довольны!

Филологическіе приемы г. Вельмана основаны на слѣдующихъ, весьма простыхъ, открытыхъ имъ законахъ языка.

- 1) При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой всякая гласная можетъ превращаться во всякую гласную.
- 2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую согласную.
- 3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая, какъ гласная, такъ и согласная, буква, — а равно и цѣлые слоги.

NB. Перѣдко также гласныя превращаются въ согласныя, и наоборотъ.

Какъ видите, филологическая система — весьма простая, и г. Вельманъ пользуется ею неутомимо, и дѣлаетъ открытія, въ самомъ дѣлѣ — блестящія. Напримѣръ вотъ хоть бы гунны — кто бы это были, по вашему? Полатыни они пишутся *Guni* и *Nuni*; теперь можете догадаться? Нѣтъ? такъ г. Вельманъ еще приближаетъ ихъ къ русскому: *Схуни*. Все еще не отгадываете? Ну, авторъ «Аттілы» дастъ имъ еще болѣе русскій видъ: *Схуени* (стр. 89). Неужели и теперь не знаете? Это ужъ, кажется, такъ чисто по русски, что чище быть нельзя: только напишите это самое русскими буквами, — что выйдетъ? Г. Вельманъ увѣряетъ, что выйдетъ: *Кыяне*, то есть Кіемяне, обитатели города Кіева. Вотъ вамъ и отгадка. Къ чему она ведетъ, вы вполне постигнете только тогда, когда прочтете VI главу изслѣдованія г. Вельмана, называющуюся такъ: «Аттіла великій князь Кіевскій и всяя Руси самодержецъ» (стр. 129). Съ помощію своей филологической системы, авторъ разсказываетъ, что въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. были: «Великая Русь» (*Vilzenland* — велька Русь; потому, что *Land* часто замѣняетъ *Reich*, а *Reich* — нѣвѣстное дѣло, — тоже, что Русь), обнимавшая Скандинавію (т. е. Свевію или Славію), Кимврію (т. е. Сербію) и *Vinland*, (т. е. Вендскую землю); «Холмоградская Русь» (*Ulmerugia*) и «Кыянская Русь» (*Nunigard*). Въ этой то кыянской Руси и царствовали князья, которыхъ имена греками и латинами, разумѣется, исковерканы, но нынѣ г.

Вальманомъ реставрированы, — именно, Фридрихъ или, что совершенно одно и то же, Преславъ; Геринтъ, или на русски Яровитъ; Денетъ, или Денно; Родъ или опять Яровитъ; Осиадъ или Острой, и наконецъ—Аттила. Такъ, проходя черезъ струю русскаго правениска, всѣ греческія и латинскія слова получаютъ смыслъ и форму, сообразныя народно-славянскому воззрѣнію.

Нѣтъ возможности передать всему образованному міру филологическихъ сопроищъ, обрѣтенныхъ г. Вельманомъ, на пользу славянскаго міра. Попробуемъ, однако же, указать—хотя на нѣкоторые.

Аланы—славяне, потому что они называются иногда *Vulani*, т. е. волынцы, отъ слова воля; это несомнѣнно подтверждаетъ Аммианъ, который повѣствуетъ, что аланы никогда не были подъ игомъ рабства.

Вандалы — славяне. Это — тѣ же венды.

Герулы—тоже славяне, потому что они лугари (герулы, гелуры, лугеры, лугари).

Исканцы и португальцы—славяне же, что несомнѣнно доказываетъ тѣмъ, что у нихъ есть лужичане (Лузитанія) и рѣки Туга (Таго) и Туръ (Дуэро).

Козары—тоже славяне, за то, что они носили косы, т. е. чубы, на головахъ, и потому собственное ихъ имя было—чубатые.

Кимары—славяне (кимвары, цимбры, симбры, сербы).

Кельны—славяне: это была *челдь* у кимвровъ, т. е. сербовъ, а историки, не имѣвшие сочувственнаго настроенія, приняли ихъ за народъ.

Донгобарды — славяне, т. е. лугари пограничные (отъ словъ — *лугъ* и *брѣдъ*, *бердо*, ребро, край).

Саксы—славяне. Названіе—саксы есть испорченное имя чеховъ.

Франки—славяне. Это варяги, а варяги, извѣстное дѣло,—руссы. Иначе доказываетъ г. Вельманъ тоже самое, назвавши франковъ *фракамы*, потому, что они селились на *границахъ* съ Римомъ.

Шведы—славяне (свевы—славы, совершенно ясно).

Словомъ, всѣ народы древняго и новаго міра оказываются славянами, кромѣ только готтовъ, которые по этому самому и признаются г. Вельманомъ—скотами (*gothi*, *scothi*, *schothi*).

Только два производства не совсѣмъ удачными показались намъ. уг. Вельмана (собственно по русски *Велемудра*, потому, что *вельмъ*—явно есть искаженно *вельмъ*, *вельмъ*, а *манъ*—есть санскритскій корень, означающій—мудръ. См. «Сравненіе словъ славянскихъ съ санскритскими», составленное извѣстнымъ нашимъ поэтомъ и санскритологомъ, г. Хомяковымъ, и помѣщенное въ Извѣстіяхъ II отд. Академіи Наукъ за 1855 г.). Въ этихъ двухъ производствахъ мы не мо-

жизнь не отдавъ преимуществъ предшествовавшимъ Великимъ, замечанію профессору алексинцу, В. К. Тредьяковскому. Г. Вельтманъ говоритъ, что Одоакръ былъ Годицъ (т. е. Odoacer, Odoacer, Godacius, Godeos, Годицъ), а Амазонки — галичане (amazonoi; amazonoi; Galazonoi, галичане). Г. Тредьяковский утверждаетъ, что амазонки были *омужонки*, т. е. мужественныя женщины, а Одоакръ, — названъ такъ потому, что, сдѣлавшись царемъ, вскричалъ: «о, да я царь!»... Не правда ли, что это несравненно проще и естественнѣе?

За то во всемъ остальномъ мы такъ довольны г. Вельтманомъ, какъ будто бы мы были нѣмцы, которыхъ присоединить онъ къ семьѣ славянской, т. е. человѣческой. Воображаемъ, какъ же должны быть довольны славянофилы!

Впрочемъ, разсматривая строго, мы находимъ и нѣкоторыя черты различія между славянофилами и ихъ велемудрыми сторонниками. Такъ напр. г. Вельтманъ имѣетъ необыкновенную склонность передѣлывать всѣхъ варваровъ въ славянъ; тогда какъ сторонники славянофильства сильно желаютъ видѣть всѣхъ славянъ варварами. Г. Вельтманъ полонъ любовью къ человѣчеству, потому что видитъ въ немъ славянъ; «Русская Бесѣда» любитъ славянъ, потому что въ нихъ только видитъ человѣчество. Свое сочувственное настроеніе г. Вельтманъ выражаетъ болѣе на практикѣ, не говоря о немъ, но выражая его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Сотрудники «Бесѣды» напротивъ больше любятъ поговорить о немъ, а въ изслѣдованія пока не пускаются. По мнѣнію г. Вельтмана, правильному ходу развитія русской жизни помѣшалъ, въ первомъ столѣтіи по Р. Х., царь Гильвъ, путешествовавшій въ чужія страны, допустившій готовъ въ свои владѣнія и принявшій отъ нихъ ученіе, «весьма отъ древней истинны отдѣлявшееся»; славянофилы, какъ извѣстно, утверждаютъ что все это произведено не во времена Гильва, а въ началѣ прошедшаго столѣтія. Всѣхъ неславянъ г. Вельтманъ считаетъ скотами (scothi), а славянофилы — нѣмцами. Наконецъ г. Вельтманъ, какъ видно изъ его книги, весьма расположенъ къ миру съ европейцами, какъ съ своими однородцами; славянофилы же, напротивъ, благословляютъ споръ, именуемый ими *борьбою*, и это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, препятствовало до сихъ норъ славянофиламъ стать подъ мирное знамя г. Вельтмана. Если бы они съ нимъ согласились, то имъ ужъ ровно нечего было бы дѣлать.

Стихотворенія Н. М. Языкова. При нихъ приложены: его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи, и надписанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ издавiachъ. Двѣ части, Сиб, 1858 г.

Языковъ — тоже славянофилъ въ своемъ родѣ, и вотъ почему. Нисколько не удивительно, что г. Перевальскій, издававшій уже славянскую грамматику и хрестоматию (въ которую, впрочемъ, не попалъ Языковъ), издастъ между прочимъ и Языкова. Стихотворенія этого поэта вина истрасти иъжной. до того нравятся г. Перевальскому, что онъ, недовольствуясь однимъ разомъ, считаетъ нужнымъ для удовольствія читателей напечатать нѣкоторые изъ нихъ два раза въ одной и той же книжкѣ. Такъ, напр., въ 1-й части, на стр. 4-й, напечатаны три элегіи, а на стр. 94 — 5, той же части — тѣже элегіи, только ужъ каждая порознь. На стр. 96-й 1-й части, посланіе Т-ву; а на стр. 296-й 2-й части тоже посланіе съ заглавіемъ: Татариннову. Изъ этого видно, что желаніе нѣкотораго библіографа, чтобы всѣ русскіе поэты изданы были такъ же тщательно, какъ теперь Языковъ, — не совсѣмъ справедливо. Впрочемъ, изданіе г. Перевальскаго хорошо тѣмъ, что въ немъ помѣщены всѣ статьи, какія были писаны по поводу стихотвореній Языкова. Въ сѣть съ статьями гг. Погодина, Шевырева, Ксенофонта Полевого, тутъ же есть и отзывъ Бѣлинскаго, который повторять нѣтъ нужды. Для любителей веселаго чтенія, тутъ же находится и рецензія Библіотеки для Чтенія, весьма остроумная.

Не считая нужнымъ входить въ разсужденія по поводу значенія Языкова въ исторіи русской литературы, мы рѣшаемся указать только на одну сторону таланта Языкова, болѣе другихъ почтенную, но менѣе извѣстную русской публикѣ. На Языкова смотрять обыкновенно, какъ на поэта разгула, вина, сладострастія, или какъ на возвышеннаго патріота, бранившаго всѣхъ нѣмцевъ нехристью, прославлявшаго Москву, старину, и хвалившаго

• Металлыи, вазикій, самогудный,
Разгудный, истый нашъ азыкъ... »

Все это было въ своемъ родѣ превосходно. Но мы считаемъ нелишнимъ указать также и на первое время поэтической дѣятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пиры и разгулъ» — воспѣвалъ онъ только между прочимъ, а лучшую часть своей дѣятельности посвящалъ изображенію чистой любви къ родинѣ и стремленій чистыхъ и благородныхъ. Въ то время муза его была еще свободна

отъ многихъ предразсудковъ кружка, которые замѣтны въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ его жизни. Тогда онъ воспріималъ родину — не какъ безусловно-совершенную страну, которой одно имя должно повергать въ священный трепетъ, не говоря уже о ея пространствахъ, ея рѣкахъ, морозахъ, кулакахъ, и прочихъ затѣяхъ русской остроты. Нѣтъ, источникъ его тогдашняго сочувствія къ родинѣ былъ гораздо выше: онъ славилъ ея подвиги, ея благородныя порывы, безъ всякаго затаеннаго желанія приписать ихъ именно извѣстному времени, или странѣ. Онъ потому любилъ родину, что видѣлъ въ ней много великаго, или по крайней мѣрѣ способности къ великому и прекрасному; а вовсе не находилъ прекраснѣйшій и величій все русское — только потому, что оно народное — русское. Впослѣдствіи времени Языковъ уклонился отъ своего первоначальнаго, чистаго направленія и сначала призналъ разгулъ очень хорошею вещью, воображая, что тутъ сидитъ русская народность.

• Не призывай чужаго Бога,
Живи и пей по своему, —

совѣтовалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей.

Такъ точно впослѣдствіи увлекся онъ другими особенностями русской природы и жизни, и, воображая, что въ нихъ-то и есть чистая народность, издѣвался надъ нѣмцами, неумѣющими ходить по гололедницѣ, увѣрялъ съ увлеченіемъ, что картины Волги краше, чѣмъ распрекрасный Кавказъ, да побранивалъ, и очень безцеремонно, — тѣхъ, кому не нравились публичныя лекціи г. Шевырева, въ которыхъ, по выраженію поэта, ожила —

• Святая Русь — и величава,
И православна, какъ была....

Всего этого не было въ произведеніяхъ ранней молодости поэта, въ періодъ 1822 — 1825 г. Тогда онъ обращался къ временамъ бѣдствія Россіи, среди которыхъ именно могъ проявиться великій духъ народа. Таковы, напр., пѣсни барда, изъ временъ монгольскаго ига. Вотъ что поетъ бардъ, обращаясь къ Дмитрію Донскому, предъ битвой съ Мамаемъ (Стих. Языкова ч. I, стр. 25).

• Твои отцы — славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи — злато приносили.
И не свобода ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій
Ты грозно кинешься на бой, —

Кто, сильный, сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленные рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица,
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки, измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
Такъ вѣсны побѣдная громчей
Глухаго скрежета цѣней!...»

Освобожденіе Руси отъ ига монгольскаго внушило Языкову нѣсколько стихотвореній, которыя, по силѣ выраженія и по чистотѣ выражаемаго въ нихъ чувства — любви къ отечеству, должны быть отнесены къ числу лучшихъ его произведеній. Нельзя безъ удовольствія перечитывать, даже въ настоящее время, его «Пѣсни барда во время владычества татаръ въ Россіи» (стр. 18). Она сопровождается у Языкова примѣчаніями, взятыми изъ исторіи Карамзина и поясняющими его выраженія (Стих. Яз. ч. I, стр. 18—19); но мы полагаемъ, что читатели наши не нуждаются въ этихъ примѣчаніяхъ, и потому приведемъ только самые стихи, ярко рисующіе бѣдствія Руси при татарахъ.

«И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣна!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавымъ
За грозовыя облака.
Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы.... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтя протекуть, и русскій мечъ не граветь
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимая страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья
Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
Теперь вотще молодой баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Работъ помертвыхъ оглашаетъ;
И озябшаю рукою
Полнявъ холодныя желѣзы,
Молчитъ, смотря на нихъ савозъ слезы».

Тѣ же чувства выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ ранней поры Языкова. Но, къ сожалѣнію, источникъ ихъ былъ не въ твер-

домъ, ясно-сознаннымъ убѣжденіемъ, а въ стремительномъ порывѣ чувства, не находившаго себѣ поддержки въ просвѣщенной мысли. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ всѣхъ поэтовъ пушкинскаго кружка. Языковъ не могъ удержаться сознательно на этой высотѣ, на которую его поставило непосредственное чувство; у него не доставало для этого зрѣлыхъ убѣжденій и просвѣщеннаго умѣнья опредѣлить себѣ ясно и твердо свои стремленія и требованія отъ своей музыки. Оттого-то во всей его поэтической дѣятельности выражается какое-то намѣреніе, никогда не исполняемое, потому что поэтъ безсиленъ его исполнить. Онъ восклицаетъ иногда довольно рѣшительно:

«Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытить молодыя —
Дѣлами чести и добра!...»

И въ тоже самое время, тотъ же поэтъ восклицаетъ, съ меньшею рѣшительностью:

«Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
Упыюсь во имя прошлыхъ дней
И поэтически отправлю
Помники юности моей!»

Такъ вотъ чѣмъ насыщаются молодыя надежды относительно чести и добра! Вотъ гдѣ поэзія находитъ свое полное осуществленіе!

Немного спустя, Языковъ опять говоритъ, въ стихотвореніи «Поэту»:

«Иди ты въ міръ, да слышать онъ пророка, —
Но въ міръ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ воровъ,
И не проси и не бери награды.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ;
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свой забудетъ муки;
И царь Саулъ заслушается ихъ!...»

Переверните страницу (7) въ нынѣшнемъ изданіи стихотвореній Языкова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и вы прочтете, въ стихотвореніи «Кубокъ»:

«Гордошій и свободный,
Чудно напеваютъ поэтъ!
Кубокъ славы; дуть угодны,
Этотъ образъ, этотъ пѣтъ;
Слѣзъ и слезъ; нѣтъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой...» и пр.

Вотъ каковъ этотъ смѣлый и отважный орелъ, этотъ пророкъ, грядущій въ міръ! Вотъ каковы его поэтическіе звуки, стройные и сладостные,

«Въ которыхъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ».

Поэтъ напрасно ищетъ во всѣмъ мірѣ этого чуднаго забвенія: онъ находитъ его только въ книгѣ.

Съ теченіемъ времени ослепенная и Языковъ. Г. Перевлѣскій говоритъ объ этомъ съ откровеннымъ простодушіемъ, можетъ быть даже не чуждымъ ироніи, — по крайней мѣрѣ, оборотъ рѣчи, употребленный издателемъ Языкова, не особенно благопріятенъ для послѣдняго періода дѣятельности поэта. «Во время странствованій Языкова по цѣлебнымъ водамъ, пишетъ г. Перевлѣскій, въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры перѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ, слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи». Итакъ нужны были страданія сокрушительнаго недуга, чтобы отучить Языкова отъ его пѣсенокъ! Но отучивши отъ пѣсенокъ, къ чему же болѣзнь приучила его? Ни къ чему, — рѣшительно. Въ это время, какъ и прежде, подѣвліемъ важнаго настроенія духа, Языковъ могъ написать двѣ-три возвышенныхъ звучныхъ пьесы; но общій характеръ, содержаніе поэзіи до конца жизни осталось у Языкова одно и тоже. Измѣненіе только въ томъ, что поэтъ безпрестанно сожалѣлъ теперь о томъ, что прежде воспѣвалъ съ такимъ восторгомъ. Изъ пьесъ серьезнаго направленія—написанныхъ Языковымъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни,—есть одна, дѣйствительно,—замѣчательная вещь—«Стихи на памятникъ Карамзину». Особенною живостью и силою отличается здѣсь изображеніе временъ Грознаго. Но вообще говоря, — безсиліе Языкова предъ серьезными вопросами и идеями было въ концѣ жизни, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ въ началѣ его поэтической дѣятельности. Въ стихотвореніи «Землетрясеніе» онъ задаетъ поэту задачу, которою, какъ извѣстно, восхищался Гоголь:

«Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колесанія земли,

Носись душой врозь со сродна
 И ликавъ ангельскій вѣнчан.
 И приносъ дрожавшій людямъ
 Молитвы съ горной вышины,
 Да въ сердце принесъ ихъ и будешь
 Мы нашей вѣрой спасены».

И прежде, какъ мы видѣли, Языковъ призывалъ поэта къ проповѣданію истинъ людямъ; теперь онъ только иначе мотивируетъ свое требованіе. Какъ же это призваніе выражается у него въ тотъ періодъ его поэзій, къ которому относится «Землетрясеніе»? Вотъ какъ:

«Въ Москвѣ тамъ васъ,—я помню, я
 Не разъ, не два, и всенародно,
 Пѣлъ горячо и превосходно,
 Громко-хвалебными стихами.
 Усердно поклонялся вамъ.
 И подобаетъ тѣмъ стихамъ
 Хвала моя...

...Смотрите вотъ
 Лишь мало мальски успокоенъ
 Въ моемъ житіѣ, еще разстроенъ
 Толпой болѣзненныхъ заботъ
 Почти весь день, еще надеждъ
 Почти не смѣю довѣрять,
 Что буду никогда опять
 Такии, каковы бывалъ я прежде.»

Смѣемъ думать, что послѣдніе стихи относятся не къ одному только возстановленію здоровья поэта, а и къ его поэтическому характеру. Тоже можетъ подтвердить и другое посланіе, относящееся къ тому же времени, и начинающееся стихами:

«Въ достопамятные годы.
 Милой юности моей,
 Вы меня, пѣвца свободы,
 И студентскихъ кутежей,
 Восхитительно ласкали,

и продолжающееся такъ:

Поэтически-живая,
 Отцвѣла весна моя,
 И дана мнѣ жизнь иная,
 Жизнь тяжелая, — но я...
 Тогда же я...»

Оба эти стихотворенія писаны, какъ видно, тогда, когда Языковъ немножко выздоравливалъ. Они объясняютъ намъ, какъ смотрѣть на его грустныя сожалѣнія о томъ, что онъ былъ и кутежу

Уже не помочь, какъ бывало,

Цѣть вольнодумную хваду....

Да, въ натурѣ Языкова были, конечно, и некоторые задатки хорошаго развитія; но у него мало было внутреннихъ силъ для разумнаго поддержанія своихъ добрыхъ инстинктовъ. Онъ погубилъ свой талантъ, воспѣвая пирушки да небреживая нѣмецкую похристь; тогда, какъ онъ могъ обратиться къ предметамъ, гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ. Такъ, впрочемъ, погибъ не одинъ онъ: участь его раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ поэты пушкинскаго кружка. У всѣхъ ихъ были какіе-то неясные идеалы, всѣмъ имъ видѣлась «тамъ, за далью непогоды», какая-то блаженная страна. Но у нихъ не доставало силъ неуклонно стремиться къ ней. Они были слабы и робки....

«А туда выносить волны
Только сильваго душой!....»

Стихотворенія В. Л. Баева. Спб. 1858 г.

Отголоски, стихотворенія Николая Гербеля, въ двухъ частяхъ. Спб. 1858 г.

Стихотворенія Л. К. Паниюткина. Спб. 1858 г.

Стихотворенія Александра Розенштрема, артиста императорскихъ Спб. театровъ. Спб. 1858 г.

Стихотворенія Д. Сушкова. Спб. 1858 г.

Мицкевичъ въ переводѣ Омелевекаго. — Сонеты. — Спб. 1858 г.

Какъ снѣгъ на голову! совершенно, какъ снѣгъ на голову!... На русскихъ поэтовъ внезапно налетѣлъ духъ вдохновенія, и они пустились въ насъ цѣлыми книгами своихъ стиховъ. Еще ничего, если книжка тоненькая, какъ напримѣръ г. Баева, — всего 23 странички; а если книга такова, какъ напр. г. Гербеля, — въ двухъ частяхъ, — такъово тогда читателямъ! Конечно, и г. Гербеля книжка (несмотря на то, что въ ней двѣ части) — не Богъ — вѣсть какая толстая; но все же — посудите сами: тамъ Игорь, князь Сѣверскій въ двухъ видахъ — въ древнемъ и новомъ, — тамъ цѣлый Изюмскій полкъ, лейбъ-улазы, — штандартъ скачетъ... Чего нибудь стоитъ все это! Впрочемъ, читатели тамъ, какъ хотятъ, такъ пусть и отдѣлываются. Что касается до критики, то для нея г. Гербель представляетъ не болѣе затрудненія, чѣмъ и г. Баевъ, и даже гораздо менѣе. Г. Гербель уже составилъ себѣ репутацію въ публикѣ и литературѣ, а посягать на литературныя репутаціи, мы никогда не рѣшимся, чтобы не по-

Т. LXVIII. Отд. II. 4

насть въ бѣду.» Следовательно, мы не можемъ просто сослаться на общественное мнѣніе, давно уже опредѣлившее г. Гербеля видное мѣсто въ литературѣ радѣ русскаго поэтовъ переводчиковъ, начинающихся, какъ всѣмъ извѣстно, отъ В. К. Тредьяковского, презрительнаго Тилемахида, и оканчивающагося пока г. Омелевскимъ, который хотя и пишетъ прозой, но непремѣнно хочетъ, чтобы его прозу принимали за стихи. Мы, пожалуй, и на это согласны, если читатели согласятся, — хотя, по нашему разумѣнію, — что же это за стихи?

«Баба сѣгла ты, ужъ взоръ слезой я отуманилъ; твой голосъ проливалъ до сердца, и за душу онъ хваталъ.... Казалось, ангелъ душу ту по имени называлъ и въ колоколъ небесный онъ минуту забавленія ударилъ».

Эту тираду взяли мы изъ перваго сонета, съ первой страницы; вотъ начало третьяго сонета:

«Незаученая—твоя походка, рѣчь безъ вымысла твоя ложится, и ни лицо, ни взглядъ твой надъ другими не превыситъ: а каждый радъ тебя увидѣть, радъ тебя услышать; хоть въ платки и пастушки, видно, что царица».

Г. Омелевскій увѣряетъ, что это стихи, — только безъ соблюденія размѣра, числа стопъ и рима. Въ этомъ мы съ нимъ не споримъ, но должны ему указать на г. Гербеля, который думаетъ о стихахъ совершенно иначе.

Спутника себя на поприщѣ стихотворства безъ размѣра и безъ рима—г. Омелевскій можетъ найти въ г. Баевѣ, который написалъ цѣлую сказку о походѣ Олега на Царьградъ, подобными стихами:

«Была радость въ градѣ Киевѣ;
Веселились и пировали всѣ,
Что со славой богатырь Олегъ
Воротился изъ подъ Царяграда....» и пр.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что г. Баевъ пишетъ болѣею частью съ римами, только безъ размѣра. Напримѣръ:

«Изъ-за черной тучи грянулъ,
Съ грохотомъ, дробясь, громъ,
И лютый тигръ отъ сна воспрянулъ,
Озираясь кругомъ.»

Другой примѣръ:

«Ужасенъ моря бурнаго крикъ,
Неистовъ, свирѣпъ онъ и дикъ.»

Въ этомъ примѣрѣ, воспѣвающимъ кричащее море, недостаетъ, кромѣ размѣра, — также и смысла; но смыслъ не главное въ поэзіи, въ этомъ издавна убѣждены были поэты, подобные г. Баеву. Отсут-

свое сдѣла не номѣнало и г. Басеву написать прекрасные стихи «На Новый годъ», — оканчивающіеся слѣдующимъ образомъ:

«Богъ знаетъ лучше наши нужды,
Ему всю жизнь мы предадимъ:
Онъ благъ, и мы, несчастій чужды,
Всѣхъ жизни нашей совершимъ.
Ему воздаемъ благодаренье
За благо прежнихъ жизни дней.
За милость къ Русскимъ, за спасенье
Царя—отца и насъ—дѣтей!

Изъ этого читатели видятъ, что г. Басевъ весьма разнообразенъ, въ чемъ заключается крайнее неудобство для критики. Какое мѣсто опредѣлить г. Басеву въ исторіи русской поэзіи? Какое его значеніе, какъ обширна сфера, и какъ велика сила его дарованій? Вотъ вопросы, которые, конечно, не могли бы представиться критикѣ, если бы г. Басевъ явился предъ нею одинъ, — но которые приводятъ ее въ крайнее затрудненіе, когда г. Басевъ является на судъ ея вмѣстѣ съ г. Гербелемъ, Розенштремомъ, и пр. Онъ имѣетъ полное право обидѣться, если мы, отдавая справедливость другимъ, не отдадимъ ему тойже справедливости. Поэтому... впрочемъ, нѣтъ... мы боимся даже и о г. Басевѣ приносить рѣшительный приговоръ. Иначе, онъ непременно уподобитъ насъ хищной ласточкѣ, которая, въ одномъ его стихотвореніи, — налетѣла и проглотила бѣднаго мотылька. Право, говорить о г. Гербелѣ гораздо пріятнѣе: тутъ уже нѣтъ возможности ошибиться и навлечь на себя непріятности. Авторъ самъ знаетъ свое значеніе; публика также знаетъ; критикъ остается только свести въ одночастныя сужденія, давно уже произнесенныя о поэтѣ. Сужденія же эти всегда были очень благопріятны для г. Гербеля, который явился въ русской литературѣ въ такое время, когда она и хотѣла—было приступить къ дѣйствительному міру, да страшно трусила, какъ бы не утонуть въ этомъ морѣ, и потому уже подумывала, не удариться ли ей лучше въ ээпрѣ, который не столько опасенъ; — и вдругъ г. Гербель, въ это самое время, какъ нельзя болѣе кстати, предъявилъ, что у него —

«Душа утопаетъ въ волшебномъ сіяньи,
Стремится въ невѣдомый міръ.
И тамъ, за хаосомъ, среди мірозданья,
Впиваетъ надзвѣздный ээиръ.»

Русская литература ужасно обрадовалась и принялась г. Гербеля хвалить. Да и какъ же было не хвалить человека, у котораго душа утопаетъ въ волшебномъ сіяньи и впиваетъ надзвѣздный ээиръ, — тамъ, за хаосомъ, въ невѣдомомъ мірѣ, среди мірозданья! Нельзя

было не хвалить! Ну, и принялись хвалить, — до того, что г. Гербель, проникшись чувством собственного достоинства, сказал однажды, обращаясь неизвестно къ кому, — можетъ быть и къ русской литературѣ:

*«Я разрыну твои печали,
Сомнѣнья сачиы твои.»*

Русская литература всему вѣрила, полагая, что тому, кто вшивалъ въ себя ээиръ, за хаосомъ, должно быть уже очень легко разрѣшать вѣчныя сомнѣнія. Это вѣрованіе такъ укоренилось и приняло такіе страшные размѣры, что г. Гербель, наконецъ, самъ испугался того значенія, какое пріобрѣлъ въ русской литературѣ и началъ настоятельно увѣрять, что онъ уже въ ээирѣ больше не утопаетъ и за хаосъ не стремится, что онъ совершенно напротивъ, что онъ теперь богѣтъ,

*«И для души его больной
Весь міръ божественный покрылся
Какой-то чорной пеленой...»*

Но уже было поздно! Сколько г. Гербель ни объявлялъ, что онъ уже не тотъ, что у него теперь

*«Духъ томится, сердце дремлетъ,
Изнуренное борьбой,
И просторъ его объемлетъ
Безлазольной пустотой....»*

сколько ни признавался онъ,

*«...Что глупо и напрасно
Онъ силы духа расточилъ—
Елеемъ землю наполни.»*

Ничто не помогало: г. Гербелю не хотѣли вѣрить и все ожидали, чтобъ онъ, упившись надзвѣзднымъ ээиромъ, разрѣшилъ вѣчныя сомнѣнья людей. Г. Гербель видѣлъ, что его преслѣдуютъ, и въ отчаяніи не зная, что дѣлать, восклицалъ:

*«Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой,
Хотя я самъ еще назвать его не знаю....»*

Видя наконецъ, что ээиръ сыгралъ съ нимъ плохую штуку, г. Гербель рѣшился на отчаянное средство. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что русская литература спустилась теперь «съ ээира въ канцелярію», онъ собралъ свои стихотворенія и, издавши ихъ въ двухъ частяхъ, торжественно объявилъ, что это не его стихотворенія, а просто отголоски. На что это отголоски, — мы сначала недогадывались, и даже хотѣли примѣнить къ нимъ прекрасное «Подражаніе Пушкину», написанное г. Александромъ Розенштремомъ:

ЭХО

«Какой бы ни былъ звукъ,
Ударъ или звонъ или стукъ,
Ты имъ сейчасъ внимаешь
И живо отвѣчаешь!
Тебѣ же нѣтъ отвѣта;
Все тоже для поэта!

Но сообразивши литературную исторію г. Гербеля, мы рѣшили дѣло иначе. И вышло дѣло чрезвычайно простое. — Вѣдь были поэты до г. Гербеля?—Были.—У каждаго изъ нихъ былъ какой нибудь голосъ?—Былъ. — Ну, а у г. Гербеля своего голоса нѣтъ; что же прикажете дѣлать? Молчать? Да какъ же молчать-то, вѣдь онъ—поэтъ! А это ужъ дѣло извѣстное, что поэту молчать невозможно. Въ этомъ случаѣ можно опять привести интересную эпиграмму г. А. Розенштрема :

«Мнѣ декаръ говорилъ
Чтобъ я вина не пилъ:
Когда жъ вина не пить,
Не надо мнѣ и жить.»

Такъ, видите, въ своемъ затруднительномъ положеніи г. Гербель рѣшился издавать *отголоски* на голоса другихъ поэтовъ. Русская критика, весьма равнодушная къ литературнымъ преданіямъ, ничего, разумѣется, не замѣтила, и воображала, что г. Гербель поетъ своимъ голосомъ. Нынѣ, рѣшившись, и вѣроятно—навсегда, отдѣлаться отъ своего поэтического эмира, надѣлавшаго ему столько хлопотъ, г. Гербель самъ великодушно объявляетъ свои стихотворенія—*отголосками*, не болѣе. И странное дѣло!—когда вотъ теперь знаешь этотъ маленькій секретъ, то самому на себя удивительно становится, — какъ это прежде не замѣчалъ ничего! Такъ-то иногда простые вещи трудно достаются! А вѣдь, кажется, чего легче: вотъ отголосокъ *дровяго Баяна*, вотъ отголоски Шиллера, Гёте, Крабба, Шенье. А вотъ и отголоски русскихъ поэтовъ! Вотъ стихотворенія: «Изюмцамъ», «Уланамъ», «Пѣснь лейбъ гвардіи уланскаго полка». Это, очевидно, три отголоска, возбужденные г. Борисомъ Федоровымъ, сочинившимъ нѣкогда «Стихи на случай угощенія конныхъ полковъ гвардіи», и т. п. Вотъ стихотвореніе.

«Нѣтъ драгоцннѣй въ мірѣ дара,
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья....»

Ну, это, разумѣется, отголосокъ извѣстной пѣсенки:

«Юность, юность, веселися!
Веселись, пока цвѣтешь.»

И даже эти самые стихи есть у г. Гербея, — только измѣненные нѣсколько — для разиѣра:

«Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды еще...»

Стихи:

«Много звѣздочекъ сіяетъ
Въ небѣ темно-голубомъ....
Но одна ихъ всѣхъ милѣе,
Ближе сердцу моему....» и пр.

составляютъ отголосокъ стихотворенія Баратынскаго:

Взгляни на звѣзды, — много звѣздъ
На небѣ голубомъ.
Взгляни на звѣзды, — между нихъ
Милѣе всѣхъ одна...» и пр.

Стихотвореніе: «Прощай»

«Прощай! и прощай навсегда!
Намъ нужно, намъ должно разстаться,
Чтобъ вновь никогда, никогда
Уже не сойтись, можетъ статься!

Ты плачешь, мой ангелъ земной!
Но развѣ и я не рыдаю?
Ты вянешь, ты страдаешь душой,
Но развѣ и я не страдаю?

Это стихотвореніе — слабый отголосокъ Нелединскаго-Мелецкаго:

«Ты, въ комъ душу полагаю,
Милая моя, прости!
Я долгу покидаю,
Гдѣ всегда бываешь ты.

За рѣкою удаленный,
Горестью займусь одной,
Но ужъ голосъ мой плачевный
Не услышится тобой.»

У г. Гербея слабѣе выражено чувство разлуки, чѣмъ у Мелецкаго; но вѣдь зато у Мелецкаго — голосъ, а у г. Гербея — только отголосокъ. Такъ точно есть у г. Гербея другое стихотвореніе, довольно длинное, въ которомъ онъ говоритъ о себѣ, что онъ уже не тотъ, что онъ много пережилъ:

«...Мы сердцемъ постарѣли
Все то, что прежде насъ плѣняло и влекло,
Ужъ больше не манитъ, у насъ иныя цѣли.»

Стихотвореніе Младенческое-Младенское, котораго отголосокъ составляетъ указанное нами стихотвореніе г. Гербеля, герцога очевидно перемешать ту же мысль въ двухъ стихахъ:

«Бывалъ я молодецъ, сталъ мокрая тряпича;
Что прежде было медь, то стало мѣль — горчичка».

Вобщемъ, надо сказать, что г. Гербель, какъ отголосокъ, не имѣетъ особенной силы «выраженія». Напримѣръ, его стихотвореніе: «На смерть брата»:

«Тебя ужъ нѣтъ, мой милый братъ,
Увiali раннія надежды!
Уста смежоннымъ молчать;
И взглядъ не блещетъ нѣтъ подъ вѣжды....»

составляетъ, очевидно, отголосокъ стихотворенія Петрова «На смерть сына», и далеко уступаетъ ему въ силѣ, — какъ можно видѣть, слѣдующимъ самое начало:

«Тебя ужъ нѣтъ, дити любезно!
Скрылъ ты очи навсегда,
И легъ, о зрѣлище преслезно!
О скорбь, о лютаа бѣда!»

А вотъ и еще стихотвореніе, составляющее отголосокъ стиховъ г. Бригера, лѣтъ пять тому назадъ издавшаго свои стихотворенія въ городѣ Николаевѣ:

«Друзья разошлись. На столѣ предъ мною
Стоялъ недопитый бокалъ,
И, пѣясь своей безконечной игрою.
Мечту за мечтой навѣвалъ....» и т. д.

Долге разсказываются мечты о Шампаніи; эти мечты прекрасны, но все-таки не могутъ сравниться съ мечтами г. Бригера, которыя появились у него, когда онъ увидѣлъ въ своей комнатѣ уже не бокалъ недопитый, а

«Одинъ бутылки лишь,
Пустыя всѣ....»

и заключилъ свои мечтанія стихами:

«Такъ ты, жизнь моя,
Какъ бутылъ пуста,
Глуховата!....»

До такой силы г. Гербель еще не достигъ. Но такъ исладуетъ, чтобы отголосокъ былъ слабѣе голоса: это совершенно въ порядкѣ вещей.

Такъ легко объясняется теперь поэтическая дѣятельность г. Гербеля, наконецъ рѣшившагося открыть секретъ своей поэзии водѣвствіе, вѣроятно, благого намѣренія, болѣе уже этихъ секретовъ не пользоваться, т. е. не издавать отголосковъ... Честъ и слава ему и

такую фальшивость, какъ она ни притворилась русской литературѣ, столь уже приманивой прислаиваемая къ отголоскамъ г. Гербеля.

Впрочемъ, ничто не исчезаетъ въ сущности; неизмѣняется та же форма и личность. Такъ замѣтить г. Гербеля выступать нынѣ на литературномъ поприщѣ г. Розенштремъ, еще робкій и неискusstный въ своемъ дѣлѣ, не умѣющій даже скрыть, что онъ поетъ чужимъ голосомъ, но тѣмъ не менѣе подбуждющій надежды. У него тоже отголоски. Есть даже отголосокъ стиховъ г. Гербеля, т. е. отголосокъ съ отголоскомъ. Но у г. Розенштрема нужно замѣтить одну замѣчательную черту: его отголоски сильны, но кратки. Для примѣра приведемъ два. Одинъ относится къ Жуковскому; это отголосокъ его гимна: «Русскому царю». Г. Розенштремъ тоже написалъ «Русскому царю»:

«Русскій славный,
Мудрый царь!
Православный
Государь!
Дай Богъ здравья
Много лѣтъ!
Счастья, радость
И побѣдъ!

Другой отголосокъ, пробужденъ стихотвореніемъ г. Гербеля: «Просторъ», начинающимся такъ:

«Кони мчатъ, гремѣтъ телега,
Колокольчикъ дребежитъ;
Отъ ночлега до ночлега
Путь навстрѣчу мнѣ бѣжитъ..... и пр.

Г. Розенштремъ написалъ на это слѣдующій отголосокъ:

«Тройня быстрая несется
Тарахтаетъ мой дребежитъ,
Пыль столбомъ за мною вьется
И какъ облако летитъ.
Солнце, яркое свѣтило,
Смотритъ огненнымъ шаромъ
И спускается такъ мило
За пастушескимъ шатромъ.
Вечеръ чудный, ароматный.
Созерцаю сельскій видъ.
Вѣтерокъ такой пріятный
Чуть въ растеньяхъ шелеститъ.

Отголосокъ г. Розенштрема въ сравненіи съ отголоскомъ г. Гербеля короче цѣлыми восемью стихами: это достоинство.

Мы предвѣщаемъ г. Розенштрему, что онъ со временемъ займетъ мѣсто въ томъ ряду поэтовъ, въ которыхъ съ такимъ почтениемъ на-

зависитъ уже г. Гербола. Отголоски г. Розенштрема иѣтъ свои достоянства, и напрасно скромный авторъ говоритъ въ предисловіи:

«Вотъ вышло первое изданіе
Моихъ неопытныхъ стиховъ,
И это слабое созданье
Подниметъ много бранихъ словъ.»

Смѣемъ увѣрить г. Розенштрема, что первое изданіе неопытныхъ стиховъ его не станутъ бранить, — не за что. Вотъ если онъ дождется втораго изданія, тогда — дѣло другое!

Вотъ напр. г. Сушкова мы намѣрены бранить, потому что онъ не въ первый разъ издаетъ свои стихи. Еще въ 1833 году издалъ онъ книжечку стихотвореній и, неблагоклонно принятый критикою, съ тѣхъ поръ рѣдко являлся въ литературѣ. Теперь вдругъ онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, и мы непремѣнно хотимъ раскритиковать его по двумъ причинамъ: во первыхъ — зачѣмъ онъ издалъ книжечку стиховъ? а во вторыхъ — критика вѣдь ужъ разъ бранила его, такъ нельзя же во второй разъ хвалить. Теперь мы ушли впередъ, и слѣдовательно то, что казалось критикѣ дурнымъ за 20 лѣтъ, должно теперь показаться еще дурнѣе. Итакъ, выберемъ, съ цѣлю раскритикованія, какую нибудь изъ псесъ г. Сушкова. Вотъ, напр., «Прости, прости!» Это должно быть забавно. Прочтемъ:

«Прости, прости, и ты, кого такъ много,
Такъ искренно, такъ долго я любилъ,
И не суди безчеловѣчно — строго
Того, кто здѣсь тобою только жилъ!...

Нѣтъ, это слишкомъ субъективно, да и стихи — то попались недурные. Пониземъ другой псесы.

«Бури житейскія, бури нежданья
Бодрость убили во мнѣ;
Мысли печальныя, мрачныя, страшныя
Мучать меня въ тишинѣ.»

Нѣтъ, и это критиковать негодится: чѣмъ же виноватъ поэтъ, что подвергся житейскимъ бурямъ? Перевернемъ страницу и посмотримъ, что тамъ? «Послѣдняя элегія». Должно быть, тоже, что нибудь мрачное. Прочтемъ, однако.

«Разбито сердце въ прахъ; надежды и желанья
Рокъ вызвалъ изъ него, и замерло оно
Для счастья, и любви и только что страданья
Ему извѣдать суждено!»

Да, это опять тоже грусть. Что же смѣяться надъ грустью? Посмотримъ лучше, какъ поэтъ мечтаетъ. Вотъ стихотвореніе:

«Мечтай, мечтай! одни мечтанья
Здѣсь счастье намъ даютъ.»

Впрочемъ, вѣтъ, мы этихъ стиховъ продолжать не будемъ въ концѣ
страницы мы увидали вотъ какіе стихи. «Ты, говоритъ поэтъ, не до-
вѣряйся людямъ,

«Они тебя, повѣрь, обмануть,
И осмѣютъ потомъ,
И разбирать тебя всё станутъ
Безъ чувства, но съ умомъ.»

Последніе стихи, можетъ быть, къ намъ относятся: что же въ этомъ
хорошаго? Впрочемъ, посмотримъ, какъ вообще смотритъ поэтъ на
людей и сужденія. Вотъ его стихотвореніе «Людской судъ».

«Когда сердечныя утраты и страданья
На судъ пристрастный вѣшь выносить вамъ поэтъ, —
О люди! ждешь онъ слезъ горючихъ состраданья;
Но лишь бездушныя руганья—
Толпы безсмысленной безжалостный отвѣтъ!»

Какъ видите, мы не можемъ критиковать г. Сушкова: его грустное
чувство слишкомъ постоянно и искренно, и выраженіе этого чув-
ства слишкомъ естественно и просто, чтобы подать поводъ къ какому
осужденію. Притомъ, многія изъ этихъ пьесъ писаны двадцать лѣтъ
тому назадъ, и г. Сушковъ не предъявляетъ никакихъ претензій на
ихъ современное значеніе: съ какой же стати мы будемъ нападать на
нихъ? мы даже признаемся, что нѣкоторыя стихотворенія мы про-
чили съ съ большимъ сочувствіемъ: простая грусть, выраженная въ
нихъ, подѣйствовала и на насъ. Таковы, напр. пьесы: «Поэтъ»,
«Новгородъ», «Существенность», «На смерть Асенковой», «Элегія»,
«Къ надшей», и проч. Чтобы показать читателямъ, о чемъ и какъ
груститъ г. Сушковъ, мы выпишемъ одну его «Элегію».

«Дни поэтическихъ мечтаній
Уже навѣкъ для насъ прошли,
И жаръ труда и жажду знаній
Съ собою вѣсть унесли.
Молчать порывы вдохновенья.
Погружены въ тяжелый сонъ,
Мы ждемъ напрасно пробужденья:
Не прерывается все онъ!
Такъ въ праздности, въ забавѣ вздорной,
Проходятъ лучшіе года,
Безъ мысли свѣтлой, плодотворной
И безъ полезнаго труда....
Лишь мелькомъ, словно призракъ дальній,
У насъ идея проблеснетъ;
На мигъ разговитъ сонъ печальный,
Но ничего не принесетъ.

И дальше все, въ мертвѣющей скупѣ,
Мы всё торопимся отжить,
Боясь труда, боясь науки,
Не въ силахъ мыслямъ поразить.
Конецъ всему! къ преддверьямъ гроба
Дойдя безъ мысли и труда, —
Земная приметъ насъ утроба,
И мы исчезнемъ безъ слѣда.»

О томъ же, о чемъ грустить г. Сушковъ, жалѣть и г. Панютинъ, только гораздо современнѣе. Мы, признаемся, не видимъ особенной надобности г. Панютину—писать стихами. Его прекрасныя, благородныя мысли не потеряли бы цѣны и въ прозаическомъ изложеніи, а его высокія, чистыя чувства не довольно хорошо выражаются въ его стихомъ. Для нихъ нуженъ былъ бы стихъ болѣе звучный, крѣпкій и выработанный. По всему видно, что г. Панютинъ языкомъ владѣетъ хорошо, но съ стихомъ справиться не можетъ. Притомъ, искушеніе—написать стихи часто дѣйствуетъ очень неблагоприятно на г. Панютина: нерѣдко онъ доходитъ до того, что пишетъ стихи о томъ, о чемъ въ прозѣ говорить стыдно. Напр. г. Панютинъ ѣдетъ по морю; вдругъ ему хочется бури, и онъ начинаеть выражать свое желаніе плохими стихами:

«Что жъ вы молчите, бури напѣвы?
Молніи, громы! гдѣ же вы? гдѣ вы?
О волны, волны, любимыя мной!
Что жъ не блещите вы гривой сѣдой?
Дождуся ли вновь я вашей погони,
Пѣной покрытые, дикіе кони?
О, пусть воетъ буря! пусть плещетъ волна!
Люблю ихъ, жду ихъ, мнѣ врагъ тишина.
О горе! Все мертво... никто не слышитъ;
Лишь бездна моря такъ тяжело дышитъ,
Да неба жарко-накаленный сводъ,
Какъ мѣдный колоколъ, море гнететъ.»

Подобныя обращенія къ напѣвамъ бури, громамъ и молніямъ, пѣной покрытымъ конямъ и пр. въ прозѣ позволительны были только Марлинскому, и г. Панютинъ, еслибъ писалъ прозой, вѣрно не сочинилъ бы такой отчаянной тирады.

Такъ точно — въ прозѣ не могло бы случиться и «Ночной встрѣчи», поставленной первою пьесою въ собраніи стихотвореній г. Панютина. Встрѣча эта состоитъ вотъ въ чемъ. Утомившись танцами на балѣ, авторъ вышелъ въ садъ освѣжиться, и вдругъ услышалъ крикъ. Какой-то голосъ въ отдаленіи кричалъ:

«Мракъ и сѣнь на землѣ;
Блескъ и свѣтъ въ вышнѣй,
И мерцанье въ небесныхъ свѣтилахъ.

Тиха майская ночь,
Но тоски превозмочь
Мое бдѣное сердце не въ силахъ.

Надо мной въ небесахъ
На воздушныхъ крылахъ
Хоры ангеловъ тихо летаютъ.
Чужды горя земли,
Чуждой пѣсней они
Хвалу Богу небесъ возсылаютъ.»

Стихи, какъ видите, плоховаты и не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Но г. Панютинъ такъ былъ ими пораженъ и очарованъ, что остановился въ оцѣпенѣніи посреди сада. Тутъ является предъ нимъ какал-то женщина, которую онъ немедленно вопрошаетъ :

«Скажи, кто ты? зачѣмъ во тьмѣ ночной
Являешься неожиданно предо мной?»

Она немедленно отвѣчаетъ ему :

«Ты хочешь знать, кто я? Не знаю.»

и затѣмъ, на десяти страницахъ, рассказываетъ, кто она и что съ ней случилось. Оказывается, что это сумасшедшая отъ любви. Разсказавши плохими стихами, но очень связно, свою исторію, она убѣгаетъ, а авторъ дѣлаетъ такой выводъ :

«Я думалъ: нашъ удѣлъ передо мною весь.
Несчастье съ счастьемъ повсюду неразлучно:
Безумье нира тамъ, безумье горя здѣсь,
А вѣрить человѣкъ, что все благополучно».

И для этакого-то вывода надобно было писать 20 страницъ стиховъ! Пиши г. Панютинъ прозой, ничего подобнаго не могло бы случиться.

Но у г. Панютина есть отдѣлы стихотвореній подъ названіемъ — «Оды и пѣсни», изъ которыхъ многія легко могли бы быть пересказаны и въ прозѣ, нисколько не потерявъ своего значенія и даже приобрьли бы его, вѣроятно, болѣе, потому что въ прозѣ общія мысли стиховъ нецеремѣнно получили бы большее развитіе или оживились бы частными фактами, приложеніями, и т. п. Прочтите, напр. эти стихи изъ «Посланія къ другу» (стр. 98—99):

«Ахъ, опасень твой пути! Среди злыхъ и порочныхъ
Ты свой вѣкъ проведешь.

Сколько юношей зналъ я, какъ ты, безупречныхъ,
Честныхъ, добрыхъ,—и что жъ?

Мнѣ съ ихъ юностью—старость сравнить невозможно,
Какъ съ зимою весну...

Эти юные Вруты,—подъ старость безбожно
 Стали грабить казну!

Тотъ кто за море ѣхалъ, прельщаясь надеждой
 Жить наукой, трудомъ,
 Тотъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ совершеннымъ невѣждой,
 Возвратился въ свой домъ.

Кто кверстныхъ заботъ, какъ суля непреклонный,
 Не прощаль и отцу,
 Тотъ теперь, возмужавъ, бьетъ земные поклоны
 Золотому тельцу.

Кто когда-то къ защитѣ всѣхъ жертвъ угнетенныхъ
 Былъ особенно рьянъ,
 Тотъ, помѣстья наживъ, въ деревняхъ отдаленныхъ
 Угнетаетъ крестьянъ.

Кто жь Россіи служа, ее любитъ душою,
 Тотъ имъ врагъ и злодѣй....
 Но не стану усиловать рѣчью такою
 Я печали твоей.

Не должны мы грустить. Прочь печаль и сомнѣнья!
 Посмотри—все кипитъ,
 Все волнуется, ждетъ, — и звѣзда возрожденья
 Надъ Россіей горитъ!

Августъ, 1856 г.

Мысли, изложенныя г. Панютинымъ, превосходны и вполнѣ справедливы. Но мы не видимъ въ нихъ присутствія поэзіи, точно такъ, какъ и въ большей части его стихотвореній. Есть и у него нѣсколько пьесъ съ проблескомъ чувства живаго и свѣжаго; но тогда уже его чувство обращается не къ высокимъ идеаламъ и не къ современнымъ вопросамъ, а къ тому, что вливаетъ горячее чувство въ душу самого непоэтичнаго человѣка, — къ любви. Вотъ напр. стихотвореніе, очень незатѣйливое по мысли, но которое мы въ поэтическомъ отношеніи все-таки предпочитаемъ посланію, сейчасъ приведенному.

СОСѢДКѢ

Посмотри, сосѣдка, нѣтъ уже зимы!
 Теплыхъ дней весеннихъ дождался мы.
 Снѣжные покровы сняты ужъ съ природы,
 Сердце проситъ чувства, а душа свободы.
 Рѣки ледъ разбитый унесли давно...
 Другъ мой! поскорѣ отвори окно!
 Ты уже не будешь при мерцаніи свѣчки,
 Сидя за работой, прижиматься къ печкѣ.
 И теперь тебя ужъ не заставитъ мать, —

Ей на соотъ-градуцій свой псалтырь читать,
 Нѣтъ, ужь просыхаетъ въ садикъ дорожка.
 Мать тебѣ позволить погулять немножко,—
 И тогда, накрывшись клѣтчатымъ платкомъ,
 Въ садъ ко мнѣ приди ты позднимъ вечеркомъ.
 Тамъ я, съ нетерпѣнья обрывая вѣтки,
 Буду ждаль прихода дорогой сосѣдки.
 И когда придешь ты къ старой той вербѣ,
 Радостно въ объятія кинусь я тебѣ..

Мы не говоримъ, чтобъ эта пьеса обнаруживала въ авторѣ поэтический талантъ: на этотъ мотивъ написано уже столько стихотвореній, предметъ такъ избитъ, что невозможно по изложенію его судить опредѣлительно о томъ, есть ли у автора поэтический талантъ, или нѣтъ. Мы заключаемъ только, — изъ нѣкоторыхъ стихотвореній, — что г. Панютинъ можетъ еще довольно удовлетворительно выразить чувство, даже *страсть* любви (какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Этера»). Но, вѣдь какъ хотите, все любовь да любовь — надобсть. Для того, чтобы въ ней находить безпрестанно новые предметы для хорошихъ пѣсень, какъ находилъ, напр., Гейне, надобно имѣть талантъ необыкновенно сильный. Да при томъ же г. Панютина сильно тревожатъ еще общественные вопросы, которыхъ онъ, какъ видно, еще не уяснилъ себѣ хорошенько. Мы заключаемъ это особенно изъ его стихотвореній: «Царица морей», въ которомъ онъ проклинаетъ Англію не хуже г. Шевырева. Описавши, какъ англичане работаютъ, безъ шума, въ потѣ лица, какъ могучъ флотъ ихъ и обширна торговля, г. Панютинъ вдругъ восклицаетъ:

«Но если поэтъ ты безсечный и скромный,
 Не знающій *низкихъ* страстей,
 То тотчасъ покинь этотъ островъ огромный,
 Бѣги отъ царицы морей..»

Между прочимъ онъ бранитъ Англію за то, что тамъ сердца у всѣхъ очерствѣли, и всѣ заняты *роскошью пышной*. Намъ кажется, что г. Панютинъ долженъ на время оставить стихи и взяться за изученіе Англіи; тогда, вѣроятно, и многіе общественные вопросы, о кото рыхъ онъ хлопочетъ, уяснятся для него. Пусть не боится онъ зачерствѣть въ этомъ изученіи. У него же самого встрѣтили мы нѣсколько эпиграфовъ изъ Байрона, изъ Борнса, и пр. Неужели онъ думаетъ, что эти поэты имѣли *чорствое* сердце или *низкія* страсти? Да и кромѣ ихъ, въ Англіи было много такихъ поэтовъ, какихъ мы, вѣроятно, долго еще не дождемся, даже и въ такомъ случаѣ, если каж дый мѣсяць будетъ такъ же обилень стихами, какъ нынѣшній.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Друзья и школьные товарищи. — Разговоръ на улицѣ. — Стихи въ честь прошедшаго. — О томъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ поклонники отживающаго порядка. — Разсказъ бѣднаго офицера, ищущаго мѣста. — Отрывокъ изъ письма о картинѣ Иванова. — Новыя произведенія Айвазовскаго. — Объявленіе отъ Общества поощренія художниковъ. — Кукукъ, Каламъ и другія замѣчательныя картины у г. Негри. — Концерты съ живыми картинами. — Концерты прѣзжихъ артистовъ. — Викоунтъ Альфредъ де Кастонъ. — Г. Левассеръ. — Чтенія Роде о строеніи земной коры. — Первые номера «Подсѣжника», дѣтскаго журнала, изд. г. В. Майновичъ. — Новый журналъ «Землезнадѣлецъ». — Литературныя новости. — Объясненіе по поводу книги г. Лебедева З. — Некрологъ О. И. Сенковского.

Такой богатой, пестрой, оригинальной и разноцвѣтной коллекціи друзей, какую я составилъ себѣ въ теченіе моей жизни, едва ли владѣть кто имѣлъ. Я имѣю друзей рѣшительно во всѣхъ классахъ петербургскаго общества, за исключеніемъ, впрочемъ, того высокопочтеннаго класса, достойнымъ пѣвцомъ котораго явился недавно г. Эмиль-Жиранденъ въ своей комедіи: «Дочь мильонера». Я долженъ признаться съ грустію, что между русскими *Адами* (добродѣтельный мильонеръ — герой комедіи г. Жирандена называется *Адамомъ*), я еще не имѣю ни одного друга.

Друзья не даютъ мнѣ покоя, мѣшаютъ мнѣ жить, не позволяютъ мнѣ ничѣмъ заняться серьезно, не оставляютъ мнѣ ни одной свободной минуты, чтобы углубиться въ самого себя, а такого рода углубленіе челоуѣку, какъ извѣстно, не только полезно, даже необходимо. Друзья врываются ко мнѣ во всякій часъ, требуютъ отъ меня изитовъ, навязываютъ мнѣ разныя порученія, сердятся, если я у нихъ долго не бываю. Я задыхаюсь отъ ихъ ласкъ, вниманія, заботливости, сплетень и папиросокъ. (Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ дурную привычку не выпускать изъ рта папиросокъ изъ удовольствія, раздѣлающаго глаза, зелья, называемаго *Мариланомъ*).... И я, по слабости моего характера, всѣмъ имъ жму руки

на право и на лѣво, всѣмъ улыбаюсь любезно, всѣмъ все обѣщаю и никогда не успѣваю исполнять.... И если у кого нибудь долго не бываю, то при встрѣчѣ съ таковымъ на улицѣ въ смущеніи скрываюсь отъ него подъ ворота, чувствуя, что это глупо, что у меня съ этимъ господиномъ нѣтъ ничего общаго, что мнѣ слѣдовало бы или вовсе не знакомиться съ нимъ, или давно прекратить знакомство. И, выходя изъ-подъ воротъ и боязливо озираюсь кругомъ, я бѣшу на самого себя и проклинаю внутренне свою слабость.

Одинъ изъ моихъ друзей, имѣющій двухъ дочерей невѣст и супругу съ раскрашенными волосами и щеками, приглашаетъ меня безпрестанно то на балки (уменьшительное отъ слова *бала*), то на домашніе концерты, въ которыхъ его дочери, затанутыя въ рюмочку, поттого едва дышашія, разыгрываютъ на фортепіано какія-то варіанці въ четыре руки, послѣ исполненія которыхъ я непременно долженъ кричать: *Charmant! Charmant!* хотя для выраженія этого фальшиваго восторга у меня и языкъ не поворачивается и голосъ замираетъ; то на *живыхъ картины*, въ которыхъ дочери его являются съ растрепанными подвижными косами, въ различныхъ живописныхъ позахъ, въ видѣ Ундины, Сильфиды и какихъ-то мифологическихъ божествъ.... Я знаю, что на этихъ балкахъ, концертахъ и живыхъ картинахъ, удостоивающихся, между прочимъ, посѣщенія нѣкоторыхъ благонамѣреннѣйшихъ особъ въ генеральскомъ чинѣ, — смертельная тоска, погружающая въ апатію не только людей, даже мухъ. Я, не шутя, замѣтилъ, что мухи въ домѣ моего друга какъ-то особенно сонны и вялы, даже въ самые сильные жары, придающіе имъ, какъ извѣстно, особенную быстроту и легкость.... И, не смотря на все это, я ѣзжу на увеселительныхъ вечеринки моего друга.... Зачѣмъ? для чего? Я очень хорошо понимаю, что я не нуженъ ни хозяину, ни хозяйкѣ дома, ни его затанутымъ въ рюмочку дочерямъ, которымъ только нужны танцующіе и также затанутые въ рюмочку офицеры, или господа статскіе, съ приборомъ по среднѣй головы и съ стеклышкомъ въ глазу; ни его генераламъ, посѣщеніе которыхъ доставляетъ ему несказанное блаженство, потому что его гости говорятъ потомъ: «Однако, сколько у Василья Ивановича было звѣздъ-то на вечерѣ! Шутите съ нимъ!» Я вижу ясно, что для ихъ превосходительствъ, этихъ благонамѣреннѣйшихъ героевъ безвозвратнаго прошедшаго, такъ враждебно разсматривающихъ настоящее, — мое присутствіе непріятно, что они готовы были бы, если бы только это было въ ихъ власти, отправить меня въ отдаленныя губерніи, дабы не встрѣчаться со мною, жар-

ній пеклоушника пастолцаго. Я предчувствую, что мое присутствіе на увеселительныхъ вечеринкахъ моего друга, во-первыхъ, нѣсколько женируетъ его вслѣдствіе моихъ отношеній къ ихъ происхожденіямъ; во-вторыхъ, оно не доставляетъ ни малѣйшей пріятности моему другу, и въ-третьихъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ льстить его самолюбію, ибо я не женихъ, не генералъ, не пользуюсь никакою особенною извѣстностью ни въ литературѣ, ни въ обществѣ, не танцую, не играю въ карты, не умѣю занимать разговорами почетныхъ старушекъ, и, пріятно улыбаясь, поддакивать почетнымъ старцамъ, когда они, съ пѣною у рта, изволятъ отзыматься о разныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ. Да, я все это вижу, знаю, понимаю, предчувствую, ощущаю, и все-таки не имѣю силы отказаться отъ приглашеній.... Странный я человѣкъ! Да и мой другъ также не безъ странности.... Я знаю, что если я не поѣду на его вечеринку, онъ внутренно будетъ очень доволенъ этимъ, но все-таки сочтетъ потомъ непремѣннымъ долгомъ упрекать меня за это и возьметъ съ меня честное слово быть у него на слѣдующей вечеринкѣ, — и я никакъ не сумѣю отдѣлаться отъ него и непремѣнно дамъ ему честное слово.

Я еще если бы такого рода другъ былъ у меня одинъ!

Я имѣю честь получать три раза въ зиму литографированныя приглашенія отъ князя и княгини Л* на ихъ великолѣпныя балы, на которыхъ присутствуетъ весь блестящій и фешенебельный Петербургъ. Я, по природѣ своей, человѣкъ робкій, боящійся всякаго блеску, любящій болѣе всего на свѣтѣ независимость и спокойствіе. Одна мысль о присутствіи на такомъ ослѣпительномъ балѣ, среди бриллиантовыхъ дамъ и мужчинъ, среди фонтановъ и тропическихъ растений, одна мысль топтать эти ковры и мраморы, проходить мимо этого гордаго швейцара въ золотыхъ галунахъ, плюшевыхъ штанахъ и шелковыхъ чулкахъ, — приводитъ меня въ трепетъ; я знаю, что моего присутствія въ этихъ раззолоченныхъ и рѣзныхъ изъ луба залахъ никто не замѣтитъ; я знаю, что ни князь, ни княгиня не будутъ упрекать меня за то, что я не воспользовался ихъ лестнымъ приглашеніемъ, но я, не смотря на то, что мнѣ такъ хорошо и тепло дома, и такая лѣнь одѣваться, и дѣло есть, — все таки ѣду на княжескій балъ.... Зачѣмъ? Неужели же тщеславная и жалкая мысль показать себя въ большомъ свѣтѣ, а на другой день, какъ будто случайно, замѣтитъ друзьямъ, не выѣзжающимъ въ этотъ свѣтъ, что я былъ на балѣ у князя.... неужели такое ничтожное побужденіе заставляетъ меня преодолевать всѣ нравственные препятствія и пытки, которыя всякій разъ сопряжены съ моими выѣздами въ большой свѣтъ? И отчего въ такихъ случаяхъ я, слабый

человѣкъ, вдругъ дѣлаюсь героемъ? И что мнѣ въ этомъ кляѣ и въ этой княгинѣ? Что общаго между мною и ими? Еще съ моими другомъ, дающимъ вечера съ живыми картинами, у меня есть что нибудь общее; какіе-нибудь одинаковыя интересы; мы всевозможно понимаемъ другъ друга, а съ княземъ и княгиней я чувствую себя просто глупымъ и не нахожу, о чемъ говорить съ ними.... О паденіи лорда Пальмерстона и о новомъ торійскомъ министерствѣ?... Но что могу сказать я поэтому поводу новаго: князь и княгиня давно выслушали уже объ этомъ событіи мнѣніе одного важнаго дипломатическаго лица и толки различныхъ посланниковъ, секретарей и повѣренныхъ въ дѣлахъ.... О рѣчи Жюль-Фавра въ защиту Орсини?... Но ни князь, ни княгиня не могутъ слышать имени этого ужаснаго человѣка. О русской литературѣ?... Вотъ было бы забавно!... Князь, правда, получаетъ русскіе журналы, но не удостоиваетъ ихъ прочтенія, не смотря на то, что его камердинеръ постоянно ихъ разрѣзываетъ тотчасъ по полученіи и раскладываетъ ихъ въ его кабинетѣ, а княгиня по русски даже понимаетъ плохо, не смотря на то, что въ ея княжескихъ жилахъ течетъ чистѣйшая русская кровь. Въ послѣднее свиданіе мое съ нею, я было хотѣлъ завести рѣчь о г. Эдмонѣ Абу, который такъ быстро пріобрѣлъ въ Парижѣ извѣстность своими романами, за которые даже награжденъ орленомъ Почетнаго Легіона. Но княгиня отвѣчала мнѣ коротко и холодно: «Oui, c'est un joli talent», не желая, повидимому, входить въ дальнѣйшія объясненія и я долженъ былъ проглотить заготовленные мною заранѣе прекрасныя французскія фразы о значеніи этого господина во французской литературѣ...

Сколько разъ приходило мнѣ въ голову бросить петербургскую жизнь, всѣхъ этихъ лестныхъ для моего самолюбія знакомыхъ и нѣжныхъ друзей, съ которыми я ежедневно раскланиваюсь, которымъ киваю головой и жму руки на Невскомъ проспектѣ, до боли въ головѣ и въ рукѣ; уѣхать куда нибудь какъ можно дальше отъ Петербурга, и отдохнуть гдѣ нибудь въ глуши, на свободѣ отъ знакомствъ дружбы. Но, увы! вмѣсто того, чтобы осуществить эту мысль, я съ каждымъ мигомъ все болѣе и болѣе запутываюсь въ лабиринтахъ петербургской жизни, съ каждымъ днемъ умножаю количество своихъ друзей и даже возобновляю утраченные знакомства и связи, какъ это случилось со мною мѣсяцъ тому назадъ.

Я шолъ по улицѣ, близкой къ Невскому Проспекту. Въ одномъ изъ домовъ этой улицы, въ подвальный этажъ, находится харчевня подъ вывѣскою: *Русское пирожное заведеніе*. Эти пирожныя заведенія, помѣщавшіяся въ самомъ приличномъ для нихъ мѣстѣ—туннелѣ пассажа, благоразумно запертаго по распоряженію полиціи, вышли не-

дливо изъ мрака на свѣтъ Божій во всей своей нечистотѣ, съ пятнами горькаго масла на салфеткахъ, и съ кухоннымъ чадомъ отъ блиновъ, сифтаннымъ съ запахомъ алкоголя. Въ ту минуту, когда я поровнялся съ подвальнымъ заведеніемъ, изъ него выѣстъ съ струею алкоголя поднялись на тротуаръ двѣ фигуры, — одна въ какой-то неопредѣленной полувоенной формѣ, съ пурпуровымъ лицомъ, другая въ статской шинели и въ бархатной пестрой фуражкѣ.

Послѣдній дружески ударилъ меня по плечу. Онъ мнѣ былъ, какъ будто, знакомъ.

— Здравствуй, сказалъ онъ: — сколько лѣтъ и зимъ не видались!... Что, не узнаешь меня?

Я началъ вглядываться въ него.

— Не узнаешь! замѣтилъ онъ проницески, обращаясь къ своему полу-военному другу: — вотъ оно, братецъ, что значить.... а вѣдь мы съ нимъ однокашники, на одной лавкѣ сидѣли!... Гдѣжь ему узнать стараго товарища.... Мы, воть, видѣли ли вышли изъ русской пирожной, такъ какъ же можно узнавать такихъ людей, хоть бы они были и однокашники!... Небрезгай, братецъ, вами, не брегай. Вѣдь въ нашихъ жилахъ течетъ также, слава Богу, дворянская кровь.

— Они точно что васъ не узнають, замѣтилъ полу-военный, улыбувшись такъ, какъ улыбается г. Горбуновъ въ своемъ превосходномъ разсказѣ о господинѣ, допившемся до чортиковъ.

— Я васъ узналъ, сказалъ я статскому, который держался за пуговицу моего пальто.

Это былъ точно одинъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, окончившій курсъ годомъ позже меня, съ которымъ я никогда не имѣлъ никакихъ близкихъ отношеній, и котораго втеченіе двадцати-пяти лѣтъ встрѣчалъ нѣсколько разъ мелькомъ на улицахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на гуляньяхъ. Всѣ свѣдѣнія мои о немъ ограничивались слухомъ, что онъ женатъ на какой-то помѣщицѣ въ триста или пятьсотъ душъ, что имѣніе жены его находится между Петербургомъ и Москвой, и что онъ занимается какими-то мелкими подрабками.

— Мы такъ рѣдко встрѣчаемся съ вами, прибавилъ я: — что если бы я и совсѣмъ не узналъ васъ, — это было бы не удивительно.

— Вы, васъ.... Слышишь, братецъ, ужъ на вы съ однокашникомъ-то, съ старымъ товарищемъ-то!

Онъ обратился къ полу-военному, скорчилъ гримасу и покачалъ головой.

— Ну, Богъ съ тобой, какъ хочешь, сказалъ онъ съ ироніей, осматривая меня съ ногъ до головы: — пожалуй, говори мнѣ он, а я съ тобой буду все-таки на ты, потому что я стараго товарища не забываю.

Я хотѣлъ было идти, но старый товарищъ безцеремонно схватилъ меня за руку.

— Нѣтъ, стой, куда ты! Не важничай! Еще усиѣешь, сказалъ онъ: — погоди! Вы думаете, что вы сочинители, такъ всѣ передъ вами такъ и должны кланяться и вѣрить каждому вашему слову?... Какъ бы не такъ! Нѣтъ, братъ, извини. Когда вы описываете тамъ эти цвѣточки, кусточки, или какъ тамъ какой нибудь господинъ влюбился въ барышню и катится съ нею въ лодкѣ при закатѣ солнца, — это можетъ быть и хорошо по вашему. Оно, пожалуй, иной разъ и прочтешь это съ удовольствіемъ, когда нечего дѣлать, во время отдыха. А вотъ когда вы залѣзаете въ чужія усадьбы, да пускаетесь разсуждать о нихъ вкривъ и вкосъ, когда вы добираетесь до нашего сельскаго устройства, о которомъ вы ничего не разумѣете, и хотите увѣрить насъ, что наши дѣды и отцы были глупы, хотите все передѣлывать на какой-то новый манеръ, когда вы посягаете, милостивые государи, на нашу собственность и хотите распоряжаться ею.... это ужъ атанде!... Твое поимѣстье, братецъ, изъ сколькихъ душъ состоитъ?

Господинъ въ бархатной фуражкѣ разгорячился, глазки его налились кровью, а голосъ принялъ раздражительный тонъ.

— Сколько у тебя душъ? говори!

— Ни одной, отвѣчалъ я, улыбувшись.

— А-а-а! Извольте видѣть! Вотъ оно что! Ну, такъ послѣ этого понятно. Ему нечего терять, такъ онъ можетъ разсуждать о новомъ сельскомъ устройствѣ!... Матвѣй Федорычъ, слышишь? Вѣдь это понятно, братецъ?...

Полу-военный улыбнулся по Горбуновски, а мой старый товарищъ продолжалъ, все не выпуская моей руки:

— У тебя нѣтъ ни одной души, — я и поздравляю тебя съ этимъ, а у меня своихъ сто, да за женой шестьсотъ, а у него (онъ кинулъ головой на полу-военнаго) двадцать-двѣ души, онъ сосѣдь мой.... Положимъ, что я не пропаду еще съ голода, а онъ? что будетъ дѣлать онъ?... Ему вы прикажете съ сумой идти, дворянину-то?...

— Родовое имѣніе, изъ рода въ родъ владѣли.... отъ предковъ, произцесь, заикаясь, полу-военный.

— Да, отъ прелковъ. Ужъ какіе бы ни были предки, а все-таки предки, перебилъ мой старый товарищъ: — у него имѣніе законное,

родовое и документы на лицо, — а вотъ они, — эти господа сочинители (онъ указавъ на меня) говорятъ, что мы наше кровное, законное наслѣдіе должны отдать, уступить, или какъ-то тамъ раздѣлить пополамъ, — я ужь не знаю.... Прочтя-ка, что они пишутъ!... Нѣтъ, любезнѣйшій, ты дворянинъ, тебѣ долгъ, честь и совѣсть повелѣваютъ вступить за нашего брата....

— Прекрасно, перебилъ я: — но я не понимаю, къ чему же вы мнѣ все это говорите? Я отъ роду не писалъ никакихъ статей объ измѣненіи вашего сельскаго устройства.

— Ну если не ты, такъ я не знаю, кто тамъ у васъ сочиняетъ эту чушь, — и слава Богу, что не ты, потому что дворянину стыдно это писать!... Я не повѣрю, чтобы дворянинъ это писалъ. Но я все вижу, все.... я вижу, что ты противъ насъ, этого ты не счтешь....

— И за что же насъ обижать? произнесъ нетвердо полувоспанный: — отнять достояніе... чѣмъ же жить?

Я хотѣлъ было вырваться отъ моего стараго товарища, но онъ схватилъ меня за другую руку и закричалъ во все горло, такъ что уже около насъ начали останавливаться прохожіе.

— Нѣтъ, не пущу. Ты отвѣчай ему на вопросъ. Чѣмъ онъ жить-то будетъ?

— А сколько вы получали дохода съ вашихъ душъ? спросилъ я у полу-военнаго.

— Сто цѣлковыхъ-съ.... у меня имѣніе заложено-съ....

— Такъ изъ чего же вы такъ хлопочите. Ну, положимъ, что вынуждены не будете получать съ вашего имѣнія, вслѣдствіе новыхъ условій сельскаго быта, такъ неужели же вы собственнымъ честнымъ трудомъ не будете себѣ въ состояніи добыть вдвое противъ того, что вы получали съ вашего помѣстья? Вы не стары, сложение у васъ такое прекрасное, цвѣтъ лица такой....

— Да чтожь ему, однако, пойти въ поденщики, что ли? перебилъ мой старый товарищъ:—онъ, любезнѣйшій, такъ жедворянинъ, какъ и ты. Вѣдь ты не пойдешь въ плотники! Онъ у себя въ деревушкѣ живетъ себѣ покойно, встаетъ цѣлый день на лежанкѣ въ своемъ тулупчикѣ, да покуриваетъ трубку, или гарцуетъ въ отъѣзжѣмъ полѣ. Онъ у себя на всемъ на готовомъ и знать себѣ никого не хочетъ. Ему ста рублей за глаза довольно; а не хочетъ жить дома, возметъ подводу у своего мужика, прїѣдетъ ко мнѣ, у меня прогоститъ нѣсколько-другой.... Онъ такъ мыкается иногда отъ сосѣда къ сосѣду круглый годъ, — тогда и ста-то рублей ему много. А теперь такъ, ни за что, ни про что таскайся по бѣлу свѣту, кланяйся, да ищи работы, ради насущнаго прокормленія. Да я не хочу работать, не хочу

именно потому, что мнѣ предки оставили кусокъ хлѣба, — не хочу! Они оставили мнѣ его для того, чтобы я ничего не дѣлалъ, а только зовался бы только правами и привилегіями своего сословія. Вотъ поэтому-то я и не хочу, если бы и могъ работать....

— Да у васъ нѣчто ничего и не отнимается, будьте покойны, не горючитесь напрасно.

Я хотѣлъ было снова вырваться отъ своего стараго товарища.

— Нѣтъ, братъ, погоди, шалишь!... Не выпущу такъ скоро! воскликнулъ мой старый товарищъ: — у меня накопѣло въ груди-то!... Не отнимаютъ! Ты это думаешь? Нѣтъ, ты прежде меня выслушай.... Мы вѣдь, братецъ, читаемъ вашу дребелень; конечно, сочинять не умѣемъ, но пишемъ также въ головѣ логику, здравыя понятія. Моя деревенька устроена, — ты спроси у него (онъ ткнулъ пальцемъ на полу-военнаго), какъ игрушка: прекрасный садъ, — жена охотница до цвѣтовъ, оранжереи и много этакихъ разныхъ затѣй. Я въ своемъ помѣстьѣ одинъ хозяинъ, все мое, все мнѣ принадлежитъ, пу, а когда тутъ будетъ сто, двѣсти, триста владѣльцевъ, когда эти неизвѣстные владѣльцы противъ моего дома на своей землѣ вздумаютъ на зло мнѣ дѣлать разные безчинства. Ты забудь, братецъ, вѣдь у меня жена—женщина образованная, воспитанная въ нѣгѣ, въ баловствѣ, — у дѣда ея было семь тысячъ душъ! Шутка сказать.... У меня четырнадцатилѣтняя дочь, при ней француженка, чистѣйшая парижанка.... Я ей тысячу рублей въ годъ плачу и вдругъ какой нибудь мужикъ, который, повинаясь, мнѣ теперь за версту шапку снимаетъ, тутъ нарочно передъ нашими глазами будетъ ломаться въ пьяномъ видѣ, въ той мысли, что онъ самъ себѣ господинъ, будетъ еще насъ поддразнивать, что мы уже не имѣемъ права распоряжаться съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Ну, это каково будетъ, братецъ, я тебя спрашиваю?

Товарищъ мой скорчилъ яловитую ироническую гримасу и захотѣлъ трагическимъ хохотомъ.

— Да, это ужасно! сказалъ я: — однако, прощайте.... мнѣ холодно.

— А намъ не холодно, перебилъ онъ: — потому что мы себя предохранили отъ сырости. Не улыбайся, братецъ, не улыбайся. Тебѣ кажется неприличнымъ, что мы изъ этого заведенія вышли... Ахъ вы франты! Да вѣдь вы насъ не удивите своими Борелями и Дюссо.... Ну, хочешь.... пойдемъ сейчасъ обѣдать къ Дюссо. Я тебя угощу. Хочешь, — идетъ, что ли?

Я отказался отъ этого любезнаго приглашенія.

— Ну, Богъ съ тобой, сказалъ мой старый товарищъ: — честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ.... Насильно милъ не бу-

день, а я тебя все-таки люблю... Ты не сердись на меня за правду. Я человекъ прямой. Когда тебя можно застать дома? Миѣ съ тобой, братецъ, нужно переговорить серьезно объ одномъ литературномъ дѣлѣ. Я непременно къ тебѣ заѣду, непременно. Мы еще должны переговорить о многомъ.

И при этомъ онъ обнялъ меня.

— Говори, когда же я могу застать тебя дома?...

— Всегда, отвѣчалъ я.

— Это значитъ никогда! Да ужъ ты какъ тамъ хочешь, а я, братецъ, насильно ворвусь къ тебѣ.

Я рассказалъ объ этой страшной встрѣчѣ одному изъ нашихъ общихъ товарищей, который объяснилъ мнѣ, что товарищъ нашъ изъ русскаго пирожнаго заведенія точно женатъ на вдовѣ помѣщицѣ съ состояніемъ, но что онъ промоталъ свои собственные души, совершенно запуталъ ея имѣніе и кругомъ задолжалъ, пустившись въ какія-то нелѣпыя аферы; что жена отняла у него въ послѣднее время довѣренность на управленіе ея имѣніемъ; и что, вѣроятно, съ горя онъ началъ зашибать хлѣбемъ.

На дняхъ онъ сдержалъ свое слово и дѣйствительно ворвался ко мнѣ; напрасно человекъ мой увѣрялъ его, что меня нѣтъ дома.

— Ты врешь! кричалъ онъ: — я знаю, что онъ дома.... Я старый товарищъ и другъ твоего барина, меня онъ всегда приметъ, у меня до него важное дѣло....

— Ага! понимаю же тебя, продолжалъ онъ кричать, входя въ мой кабинетъ: — дома нѣтъ! Нѣтъ, братецъ, меня не надусь!

Онъ схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее, потомъ безъ церемоній развалился на диванъ, закурилъ свою папиросу, распространившую въ комнатѣ непріятный чадъ, вытащилъ изъ ящика засаленную рукопись и, удара по ней рукой, произнесъ съ нѣкоторою торжественностію:

— Я принесъ тебѣ, братецъ, кладъ.... такая статья, что фуроръ произведетъ. Я тебѣ отвѣчаю за это: тутъ бездна ума, познаній, историческіе факты, все основано на данныхъ, глубоко обдуманно и вѣрно; это не то, что вы тамъ печатаете этакія фантазмагоріи о новомъ сельскомъ устройствѣ, — тутъ, братъ, не теорія, а дѣло, практика. Тому, кому нечего терять, хорошо запускать фантазмагорію, а это писалъ человекъ, имѣющій четыре тысячи душъ, хозяйинъ; практикъ, все знающій, все изучившій. Вотъ, послушай....

И онъ развернулъ рукопись, приготовляясь читать.

— Нѣтъ, я не могу.... мнѣ теперь нѣкогда, вскрикнулъ я съ ужасомъ.

Но мой старый товарищ не внималъ мнѣму, и, на смотря мое восклицаніе, началъ чтеніе, спотыкаясь и путаясь.

Сколько можно было понять изъ такого чтенія, въ рукописи доказывались всѣ прелести и выгоды крѣпостнаго состоянія и къ этому прибавлялось еще, что улучшеніе сельскаго быта не только полезно, но гибельно; что мысль объ этомъ улучшеніи пришла къ намъ изъ растлѣннаго Запада, искажѣннаго и извратившаго всѣ истинныя и здравыя понятія; что отъ сохраненія стараго крестьянскаго быта во всей его неприкосновенности зависитъ счастье и благоденствіе нашего отечества, и прочее.

Когда чтеніе кончилось, мой старый товарищ бросилъ на меня взглядъ побѣдителя и воскликнулъ:

— Ну, что, каково? Что ты послѣ этого скажешь?... Хочешь взять эту рукопись? Ты имѣешь связи съ разными журналистами, — отдай имъ, пусть они напечатаютъ. Вѣдь такая статья принесетъ пять тысячъ подписчиковъ, вѣдь за такую статью они должны мнѣ въ ножки поклониться.

— Статья точно удивительная, но мнѣ до нея нѣтъ никакого дѣла, отвѣчалъ я: — отправляйтесь сами къ журналистамъ, попробуйте, можетъ быть и напечатаютъ.

— Понимаю, братецъ, понимаю!... Ты мнѣ эдакъ обинякомъ хочешь сказать, что вы такого рода статей не печатаете.... Не печатайте.... Не печатайте!... Намъ, братецъ, только бы вышло..огать издавать свой журналъ, тогда намъ наплевать на васъ. Извини за откровенность. Тогда мы покажемъ вамъ, въ чемъ дѣло-то. Мы заберемъ, братецъ, уничтожимъ васъ!... Такъ ты рѣшительно не берешься за то, чтобы эта статья была напечатана?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ну, въ такомъ случаѣ чортъ съ тобой!... Велика водки подать. У тебя что-то холодно.... Я, братецъ, безъ церемоній, я старый товарищъ!

Старые школьные товарищи и одноклассники еще ужасна драстиче друзей и пріятелей.

На дняхъ ко мнѣ явился также старый товарищъ, котораго я не видалъ нѣсколько лѣтъ. Помѣщикъ К губерніи, статскій совѣтникъ и камеръ-юнкеръ, съ зачесанными отъ затылка на лобъ остатками волосъ. Боже мой! какъ время измѣняетъ людей, какія страшныя черты проводить по лицу, и какъ безжалостно обнаруживаютъ то, что подъ румяною и кудрявою кожей почти незамѣтно.... Мнѣ какъ-то грустно стало, когда я взглянулъ въ выраженіе выпуклыхъ оловянныхъ глазъ моего товарища, пившихъ некогда пріятный голубой оттѣнокъ, и въ его странную улыбку.... Онъ, неизвѣстно

по какой причинѣ, безпрестанно улыбаешься и хотѣшь похвастаться, хотя бы рѣчь шла о самыхъ грустныхъ предметахъ.... И этотъ хотѣть дѣйствуетъ какъ-то тяжело на нервы!....

— Ну что, какъ ты находишь? произнесъ мой товарищъ густымъ басомъ и захохоталъ.

— Я ничего, отвѣчалъ я: — но ты расскажи мнѣ лучше, какъ идутъ наши деревенскія дѣла, и какъ вы рассматриваете мѣры къ улучшенію крестьянскаго быта?

— Миѣ, братецъ, что! отвѣчалъ онъ: — у меня вѣдь восемнадцать десятинъ на душу.... миѣ все равно.... Да что объ этомъ говорить, братецъ, заговоришь, а толку не выйдетъ....

И онъ опять захохоталъ.

— А вотъ я къ тебѣ съ просьбой.... Ты тамъ все что-то сочи-ляешь и со всѣми пишущими знакомъ.... Такъ вотъ, нельзя ли гдѣ нибудь эти стихи напечатать. Прочти, братецъ, я не знаю, какъ по тебѣ, а по моему это прекрасные стихи.

Я пробѣжалъ поданный миѣ листъ. То былъ гимнъ прошедшему времени, исполненный самыми смѣшными, нелѣпыми и несправедливыми выходками противъ настоящаго.

— Ну, что, каково? спросилъ меня мой товарищъ, улыбаясь, когда я возвратилъ ему стихи.

— Превосходно! отвѣчалъ я: — стихи такъ хороши, что я со-вѣтую тебѣ напечатать ихъ отдѣльно наведеневой бумагѣ золотыми буквами, съ гербами кругомъ и арматурой.

Мой товарищъ захохоталъ и вынулъ изъ меня глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ онъ: — я объ этомъ подумую. Такъ ты не напечаталъ ихъ?

— Нѣтъ.

Эти стихи, встрѣча съ моимъ товарищемъ изъ русскаго пирожнаго заведенія и его разговоръ, различныя замѣчанія, вопросы и намеки, исполненные раздраженія, колкостей, и прочее, которыя я почти ежедневно выслушивалъ отъ ожесточенныхъ враговъ всякихъ улучшеній и нововведеній, слухи о ихъ различныхъ промѣнахъ, — все это грустно и смѣшно, нелепо и дико!

И до чего доходятъ эти слѣпые поклонники прошедшаго; эти тупоумные эгоисты, прикрывающіе свои личные интересы святымъ именемъ патріотизма, когда чуть коснутся до ихъ безумныхъ пре-разсудковъ, которые они считаютъ священными и неприкосновенными!

Не такъ давно, въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, напечатана была очень умная и дѣльная статья противъ одной глупой статьи, въ которой доказывалось, что благоденствіе Россіи зависить

отъ крѣпостнаго состоянія. Извѣсть крѣпостнаго быта общественно и написалъ на статью своего противника еще болѣе неслѣное и при томъ грубое возраженіе. Недѣля три тому назадъ, авторъ, обнаружившій дикость понятій и нечѣстество пѣвца крѣпостнаго быта, получилъ по городской почтѣ его неслѣное возраженіе съ подписями изъ шестъ карандашей: *члѣмъ глупѣе человекъ, тѣмъ самолюбивѣе.... Удивительно! люди, воспитывавшіеся въ такихъ-то и такихъ-то заведеніяхъ* (эти заведенія поменованы), *не знаютъ, чему ихъ учили и не умѣютъ писать по русски!...*

Это фанта.

Вотъ къ какимъ благороднымъ мѣрамъ прибѣгаютъ эти повага рода старовѣры, безсильные панегиристы отжившаго, лицемерные патриоты и *si-devant* благонамѣреннѣйшія особы!

На этотъ разъ, впрочемъ, я болѣе говорить объ нихъ не буду, тѣмъ болѣе, что мнѣ остается еще передать читателямъ оди́къ рассказъ, имѣющій интересъ своего рода.

Въ одно утро, когда я писалъ эти замѣтки, ко мнѣ явился совершенно незнакомый мнѣ молодой армейскій офицеръ.

— Извините меня, что я беспокою васъ, что я поужиналъ нашими занятіями, началъ онъ: — я *такой-то* и рѣшился обратиться къ вамъ, войдите въ мое положеніе, если можете.

— Пожалуйста, садитесь.... Что вамъ угодно, и чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ? спросилъ я.

— Я постараюсь не отнимать у васъ много времени, отвѣчалъ онъ: — но все-таки попрошу у васъ четверть часа, чтобы объяснить вамъ, какъ я очутился у васъ. Для этого подобно все-таки начать издалика. Дѣдъ мой былъ очень извѣстный и богатый помѣщикъ. Говорятъ, что онъ былъ человекъ умный, но безъ всякаго образованія, и съ дикой, ничѣмъ необузданной волей. По рассказамъ объ немъ моего отца, онъ долженъ былъ походить отчасти на Багрова, отчасти на барина въ «Старыхъ временахъ», или на Пушкинскаго Дубровскаго. Изъ дѣдушкиныхъ шести тысячъ душъ, отцу моему досталось только шестьсотъ и тѣ заложенные. Нашъ было человекъ восемь, изъ которыхъ осталось въ живыхъ четверо. Батюшка былъ человекъ добрый, горячо насъ любившій, но съ барскими понятіями, взглядами и предразсудками. Онъ непремѣнно хотѣлъ дать намъ блестящее въ барскомъ смыслѣ образованіе, полагалъ, что съ такимъ образованіемъ намъ легко будетъ послѣ самимъ проложить себѣ дорогу, особенно съ именемъ, которое мы носимъ. Французы и французини, англичанки, швейцарскія дѣвки были выписаны для насъ. Въ деревнѣ нашей былъ великолѣпный домъ съ садами, съ вѣснатыми горами, съ вырытыми прудами и съ парками; въ этомъ дѣлѣ

была лѣдушкина резиденція; батюшка, разумеется, не могъ поддерживать всѣхъ этихъ барскихъ затѣй: пруды обтохли или замльсывились, домъ разрушался и половина его была заколочена наглухо, паркъ давно загложъ, а садъ чисто содержался только передъ домомъ. Все это мучило его самолюбіе, оскорбляло его гордость и постепенно раздражало его кроткій характеръ. Вы меня извините за подробности, мнѣ хочется вамъ объяснить мое положеніе.... Въ десять лѣтъ я порядочно болталъ на трехъ языкахъ, танцевалъ съ большою ловкостію и былъ смѣлъ и развязанъ не по лѣтамъ. Эту смѣлость и развязность я приобрѣлъ отъ своего гувернёра француза. Не только всѣ наши сосѣди, но и вся наша губернія, начиная съ губернаторши, были отъ меня въ восхищеніи. «Charmant enfant!» только слышалось повсюду. Волоса мнѣ завивали въ локоны, платье выписывали изъ Москвы, также какъ и бѣлье. До шестнадцати лѣтъ я носилъ бѣлье изъ самаго тончайшаго полотна, а теперь вотъ неудобно ли вамъ взглянуть.

Онъ улыбнулся, вытащилъ изъ-подъ обшлага кончикъ рукава изъ толстаго, грубаго холста и показалъ мнѣ.

— Отецъ души во мнѣ не чаялъ, продолжалъ онъ: — и баловалъ страшно. Матушка тоже. Въ шестнадцать лѣтъ отдала меня въ Московскій университетъ; отецъ полагалъ, что изъ меня выйдетъ геніальный человѣкъ, онъ прочилъ меня въ дипломаты, но вышло не такъ: я учился плохо, а потомъ пересталъ совсѣмъ учиться, игралъ съ утра до вечера въ трактирахъ на бильярдѣ, пилъ, волочился и надѣлалъ долговъ, а въ заключеніе, не кончивъ курса, вышелъ въ полкъ юнкеромъ. Отецъ былъ въ отчаяніи, но не оттого, что я велъ безпутную жизнь, — «это», говорилъ онъ, «ничего, это молодость, это все пройдет!» — Но именно оттого, что я въ *армейской* полку имѣю товарищей съ какими-то неблагозвучными фамиліями и могу испортить свои манеры. О гвардіи и подумать было нельзя, потому что уже въ это время батюшка былъ въ такихъ обстоятельствахъ, что и въ арміи едва могъ содержать меня. Черезъ годъ послѣ моего производства онъ умеръ, матушка и два меньшіе мои брата умерли еще прежде его.... Имѣніе мы продали. Двѣ сестры мои были замужемъ и отдѣлены. За уплатой долговъ, мнѣ и старшей сестрѣ моей, большой дѣвушкѣ, осталось всего пятнадцать тысячъ.... Смерть отца и потеря почти всего поразили меня. Я вдругъ опомнился, какъ будто проснулся, увидѣлъ безобразіе своей жизни и всю ложь моего воспитанія. Къ тому же, мнѣ стало очень жаль мою бѣдную сестру, къ которой я былъ привязанъ съ дѣтства.... Я отдалъ все сестрѣ. Признаюсь вамъ, что этотъ *великодушный* поступокъ мнѣ было сдѣлать не такъ легко, какъ выпить стаканъ во-

ды. Я вѣселою душою изучалъ и борался съ самимъ собою, эгоизмъ чуть было не перестыжалъ, но когда я уже отдалъ деньги сестрѣ, я почувствовалъ себя совершенно покойнымъ и счастливымъ, не смотря на то, что слѣдѣла нищизнъ. Потомъ скоро началась война, я былъ слегка раненъ, а теперь вотъ нахожусь въ безсрочномъ отпуску и ищу себѣ мѣста.

•Первое время мысль существовать своимъ трудомъ и бороться съ обстоятельствами приводила меня въ восторгъ. Я думалъ, что это не такъ трудно. На эту тему у меня были такія фантазіи, что теперь признаться стыдно. Я поборолъ въ себѣ почти совѣтъ мои барскіе вспышки. Я былъ достаточно развитъ для того, чтобы отдѣлаться отъ понятій, которыя внушали мнѣ съ дѣтства; частію чтеніе, а частію опытъ жизни, нужда, заставили меня пріобрѣсть болѣе человѣческія понятія, но остатки прежнихъ дикостей все еще иногда и до сихъ поръ прорываются у меня, только не на словахъ, а на дѣлѣ.... Что дѣлать?...

«Для пріисканія мѣста, я пріѣхалъ въ Петербургъ. У меня здѣсь по отцу и по матери родственники — люди богатые. Я отправился къ нимъ и объяснилъ имъ прямо и откровенно свое положеніе. Меня выслушали и то только потому, что мои бѣдствія я перелалъ на бойкомъ французскомъ языкѣ, а безъ этого, можетъ быть, мнѣ просто бы на дверь указали. У насъ еще до сихъ поръ нѣкоторые люди изъ такъ называемаго порядочнаго общества, на человѣка, говорящаго хорошо по французски, смотрятъ какъ-то благосклоннѣе и считаютъ неловкимъ отдѣлаться грубостями отъ такого человѣка. Родственники довольно вѣжливо отвѣчали мнѣ, что они очень сожалеютъ о моемъ положеніи, но не знаютъ, какъ помочь мнѣ, потому что вообще мѣста въ Петербургѣ доставать очень трудно, но обѣщали поговорить обо мнѣ князю такому-то и графу такому-то. Я разъ десять заходилъ послѣ этого узнавать, мѣтъ ли отвѣта отъ князя или отъ графа, по глупости я принялъ это обѣщаніе серьезно, но когда мнѣ намекнули, что я слишкомъ нетерпѣливъ и навязчивъ, что я беспокою собой, я расклаивался и съ тѣхъ поръ, разумѣется, не видалъ моихъ милыхъ родственниковъ. Нетерпѣливъ и навязчивъ!... Имъ хорошо въ своихъ великолѣпныхъ домахъ съ швейцарами и съ прислугой въ бѣлыхъ галстукахъ разсуждать о терпѣніи, имъ и въ голову не придетъ, что человѣкъ можетъ умереть съ голоду. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно умирать съ голоду дворянину, имѣющему хорошіе манеры и говорящему бойко по французски!... А что если бы еще увидѣли мою рубашку, которую не надѣнетъ ни одинъ изъ ихъ лакеевъ!... Но я припряталъ ее... Теперь мнѣ ужасно досадно на себя, что я имѣлъ глупость просить этихъ людей, хо-

дѣтъ къ нимъ, переносить грубость ихъ швейцаровъ и наглые взгляды ихъ лаксеевъ. Все это неопытность! А вѣдь, кажется, тутъ и опытности-то большой не нужно имѣть: во всѣхъ романахъ пишутъ, что на богатыхъ родственниковъ надѣяться нечего.... Впрочемъ, одинъ изъ нихъ принялъ во мнѣ какъ будто участіе, потому ли, что дѣйствительно вошелъ въ мое положеніе, или потому, чтобы похвастаться передо мною, съ какими людьми онъ имѣетъ связи, — это ужъ я достоверно не знаю, но дѣло въ томъ, что онъ далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ очень значительнымъ людямъ, изъ которыхъ нѣкоторые обнадеживали меня...

Офицеръ на минуту остановился и сказалъ, пристально посмотрѣвъ на меня:

— Но я, право, боюсь, мнѣ кажется.... я отнимаю у васъ время. Скажите мнѣ прямо и откровенно.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не церемоньтесь и продолжайте, отвѣчалъ я.

— Мое путешествіе по переднимъ и полѣстницамъ значительныхъ особъ довольно любопытно. Если бы я имѣлъ талантъ, я бы описалъ это путешествіе, и въ этомъ разсказѣ могло бы быть много любопытнаго и поучительнаго.... по крайней мѣрѣ для такихъ бѣдняковъ, какъ я.... Я вамъ замѣчу только, что люди дѣйствительно значительные принимаютъ нашего брата еще благосклоннѣе, чѣмъ тѣ, которые подъ ними стоятъ, и отъ которыхъ въ сущности много зависитъ. Я сейчасъ кончу, позвольте мнѣ вамъ только разсказать о томъ, какъ принялъ меня одинъ изъ этихъ послѣднихъ.

«Я пришелъ къ нему.... это было не такъ давно.... въ мѣсто его служенія. Надо вамъ сказать, что я не былъ ему рекомендованъ никѣмъ, а рѣшился пойти спросить у него, нѣтъ ли обо мнѣ чего нибудь, потому что его начальникъ общалъ имѣть меня въ виду.

«Вхожу на департаментскую лѣстницу.... Господи! Какая лѣстница, какія колонны, какая чистота и какъ пахнетъ—амбре накурено! Спрашиваю я у швейцара: гдѣ такой-то департаментъ? Онъ говоритъ: направо, во второмъ этажѣ, и прибавляетъ: да куда вы? Извольте здѣсь снять шинель. — А что, говорю я, его превосходительство пріѣхалъ?... — Нѣтъ еще, говоритъ, а скоро будутъ. Я поднялся съ біевіемъ сердца. У самыхъ дверей департамента стоялъ курьеръ и съ безпокойствомъ поглядывалъ въ низъ, изъ чего я заключилъ, что дѣйствительно его превосходительство долженъ быть скоро. Вхожу въ первую комнату. У окна за столомъ передъ бумагами сидитъ старый плѣшивый чиновникъ, у дверей стоитъ унтеръ-офицеръ; на кожаномъ диванѣ, прямо противъ двери, сидитъ какая-то не старая и не дурная дама, должно быть просительница.... Когда я

вошелъ, плѣшивый чиновникъ апатически взглянулъ на мѣсяцъ и потомъ, отвернувшись, зѣвнулъ, а унтеръ-офицеръ спросилъ: «Кого вамъ нужно?» — Его превосходительства, отвѣчалъ я. — «Не пріѣхали еще, ваше благородіе....» Я сѣлъ на стулъ.... На стѣнѣ часы тукъ, тукъ, тукъ.... Тишина и порядокъ такой во всемъ, только шурѣдка или чиновникъ высморкается, или дама нѣжно крикнетъ отъ нетерпѣнія, или скрипнетъ дверь и молодой чиновникъ съ завитыми висками, которому должно быть смертельная тоска въ департаментѣ, выглянетъ въ дверь, осмотрится кругомъ, броситъ особенно внимательный взглядъ на то мѣсто, гдѣ сидитъ дама, выйдетъ изъ двери, поправляя виски, взглянетъ на стѣнные часы, посмотритъ на свои и опять броситъ взглядъ на даму.

«Пройдись по комнатѣ мимо дамы, чиновникъ съ завитыми волосами сказалъ, обратясь къ плѣшивому чиновнику:

«— Ужъ половина двѣнадцатаго, а не ѣдетъ что-то!

«— Пріѣдетъ! отвѣчалъ плѣшивый чиновникъ, не глядя на завитаго. При этомъ онъ вынулъ табакерку, посмотрѣлъ на нее, и съ разстановкою понюхалъ табакъ.

«Затѣмъ чиновникъ въ завиткахъ удалился, все смолкло, а часы все тукъ, тукъ, тукъ....

«Такимъ образомъ я просидѣлъ болѣе часа.

«Вдругъ на лѣстницѣ послышалось сильное движеніе. Унтеръ-офицеръ полуотворилъ дверь, выглянулъ на лѣстницу и, засуетившись, сказалъ: — пріѣхалъ:

«Плѣшивый чиновникъ встрепелся и своимъ клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ слунулъ крошки табаку съ бумагъ. Я все это наблюдалъ отъ нечего дѣлать, хотя мнѣ было не до того. Апатическое выраженіе въ лицѣ его мгновенно исчезло, онъ принялъ выраженіе озабоченное и робкое. Нѣсколько чиновниковъ выглянуло изъ двери въ пріемную, также съ безпокойнымъ и робкимъ взглядомъ; плѣшивый чиновникъ махнулъ имъ значительно рукой и прошепталъ: — идетъ! идетъ!

«Все замерло на мгновеніе и часы какъ будто нѣсколько оробѣли.... Тукъ-тукъ, раздавалось не такъ громко, но это уже, вѣроятно, мнѣ такъ показалось.

«Я никогда не видалъ его превосходительства, я только слышалъ объ немъ много съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ....

Но зѣвсъ я долженъ на минуту остановиться и объяснить читателю, что рассказъ офицера, хотя переданъ мною не слово въ слово, — онъ можетъ быть и не говорилъ такъ гладко, — однако безъ всякихъ прибавленій съ моей стороны.... Когда рассказчикъ на-

взглядъ по имени его превосходительство, и пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Боже мой, воскликнулъ я: — да я имѣю честь быть знакомымъ съ его превосходительствомъ. Это человекъ замѣчательный, несравненный, рѣдкій!...

Офицеръ улыбнулся.

— Что вы улыбаетесь? Въ самомъ дѣлѣ, съ его грацією и ловкостію ничто не можетъ сравниться, — и въ тоже время какъ онъ весь отъ пятки.... вы замѣтили, что у него премаленькая и презувенькая пятка, какъ у героическихъ фигуръ на превосходныхъ медальонахъ графа Ф. П. Толстаго.... какъ отъ пятки до небольшого дохолока на темени, онъ весь проникнутъ высокимъ чувствомъ собственного достоинства, хотя ростомъ и не высокъ.... Какія принимаетъ онъ разнообразныя, живописныя позы и притомъ всегда соответственныя съ должнымъ положеніемъ и съ лицомъ, съ которыми онъ разговариваетъ.... Говоря съ издѣлими и съ подчиненнымъ, онъ какъ бы вырастаетъ, прекрасный станъ его не только выпрямляется, даже выгибается назадъ и принимаетъ какую-то упругость и твердость, и тогда гордый взглядъ его, въ которомъ есть что-то сокрушающее, говорящее: «понимаешь ли ты, что я могу тебя истереть въ порошокъ?» внушаетъ невольный трепетъ и уваженіе къ его особѣ. Я имѣлъ честь испытать лично на себѣ дѣйствіе этой позы и этого взгляда. При видѣ лицъ начальствующихъ и высшихъ, все туловище его превосходительства принимаетъ, напротивъ, необыкновенную эластичность; взглядъ его умягчается до умиленія, зрачокъ принимаетъ выраженіе благоговѣйной покорности... въ такія минуты, онъ чудно-хорошъ!... Я слышалъ, что онъ до того проникнутъ чувствомъ собственного достоинства и превосходства, что даже во снѣ видитъ только лица до 4 класса включительно.... Это замѣчательный человекъ.... но извините, что я перебилъ васъ.

— Ничего, помилуйте, отвѣчалъ офицеръ: — въ самомъ дѣлѣ это удивительный господинъ.... и какую прекрасную карьеру онъ сдѣлалъ: ему на видъ не болѣе 45 лѣтъ....

— Чтожъ, это не мудрено, замѣтилъ я: — при его ловкости и эластичности. Такого рода люди сквозь иглиное ухо легко пролѣзаютъ.... Но, сдѣлайте одолженіе, продолжайте.

— Признаюсь вамъ, продолжалъ офицеръ: — когда сторожъ отворилъ дверь изъ пріемной на лѣстницу и его превосходительство, предшествуемый курьеромъ съ портфелемъ, показался на порогѣ двери, я почувствовалъ сильное волненіе и вскочилъ со стула.... Плѣшивый чиновникъ, утеръ-офицеръ, дама-просительница и я, мы

все выпрямилась въ одно мгновеніе, за тѣмъ дама пріѣхала, а мы почтительно склонили головы.

«Его превосходительство, съ нѣсколькими наизвѣстными на глаза бровями, прошелъ мимо насъ, не обративъ на нашъ почтительный поклонъ ни малѣйшаго вниманія, за то, ловко, не теряя, впрочемъ; своего достоинства, разшаркнулся передъ дамой и сказалъ:

«— Что вамъ угодно, сударыня?

«— Я все по тому же дѣлаю къ вашему превосходительству, отвѣчала дама, бросивъ на него пріятнѣйшій взглядъ....

«— Но, сударыня, возразилъ его превосходительство съ глубокомысленнымъ выраженіемъ: — вы требуете невозможной быстроты.... Если вы полагаете, что у насъ одно только ваше дѣло, вы совершенно ошибаетесь. У насъ есть дѣла, несравненно болѣе важнаго важныя, — извините за мою откровенность, — дѣла государственныхныя. Надо имѣть немножко терпѣнія, сударыня.

«И за тѣмъ его превосходительство, граціозно шаркнувъ ногою, продолжалъ свое шествіе.

«Когда онъ удалился, а дама вышла, я простоялъ съ минуту въ раздумьи и потомъ подошелъ къ плѣшивому чиновнику.

«— Доложите обо мнѣ его превосходительству... мнѣ нужно его видѣть.... я сказалъ ему мою фамилію.

«Чиновникъ посмотрѣлъ на меня довольно равнодушно, а на сапоги мои съ нѣкоторымъ вниманіемъ и любопытствомъ. Къ несчастію у меня была заплатка на одномъ сапогѣ.... Онъ повнюхалъ табакъ, зѣвнулъ и спросилъ:

«— А вамъ зачѣмъ его превосходительство? Ихъ нельзя беспокоить. Они теперь очень заняты.

«— Но я прошу васъ доложить....

«— Это не мое дѣло, отвѣчалъ чиновникъ: — вонъ скажите сторожу.... и отвернулся къ окну.

«Сторожъ отвѣчалъ мнѣ, что генералъ никого не принимаетъ и что ему будетъ бѣда, если онъ доложитъ.... У меня было четыре четвертака въ карманѣ, я отдалъ одинъ сторожу. Это подѣйствовало и по нѣкоторомъ раздумьи, онъ пошелъ докладывать обо мнѣ его превосходительству.

«— Ничего, сказалъ онъ, вернувшись и дружески кивнувъ мнѣ головою: — велѣлъ только погодить. У нихъ теперь Петръ Петровичъ.

«Я ждалъ полтора часа.

«Накопецъ меня позвали въ кабинетъ его превосходительства.

«Они изволили меня привѣять стоя у стола изначительно упершись

правую ладонью руки о столъ, съ нависшими на глаза бровями, съ озабоченнымъ и занятымъ видомъ.

«Я поклонился.

«— Что вамъ угодно? произнесъ его превосходительство такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ мнѣ сказать: какъ вы смѣли меня беспокоить?

«— Его высокопревосходительство, началъ я:—нѣсколько мѣсяцевъ назадъ тому, когда я просилъ его объ опредѣленіи меня въ его вѣдомство, изволилъ сказать мнѣ, что онъ будетъ имѣть меня въ виду и поговорить обо мнѣ съ вашимъ превосходительствомъ. Не имѣя до сихъ поръ никакого отвѣта, я рѣшился лично беспокоить ваше....

«Но въ эту минуту слово замерло у меня на языкѣ, потому что его превосходительство нетерпѣливо, гнѣвно и быстро поднялъ голову и вскрикнулъ:

«— Только-то, сударь, только?... Я думалъ, что вы въ самомъ дѣлѣ имѣете до меня какое нибудь дѣло.... Прощайте.

«И онъ величественно указалъ мнѣ на дверь.

«Я однако не вышелъ.

«— Я потому рѣшился беспокоить ваше превосходительство, сказалъ я твердо:—потому, что у меня въ карманѣ осталось только три четвертака.... (Я не сказалъ, что четвертый я отдалъ его сторожу, чтобы быть допущеннымъ). Если это смѣлость съ моей стороны, извините меня, я пріѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобы списать себѣ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ.... и долженъ былъ совѣмъ прожить.... потому что меня постоянно все обнадеживаютъ... болѣе года. Скажите мнѣ, ваше превосходительство, рѣшительно....

«Его превосходительство прервалъ мою смиренную рѣчь ударомъ кулака по столу.... Правая нога его пришла въ судорожное движеніе....

«— Что такое?... Кто васъ обнадеживаетъ? снова закричалъ онъ:— что мнѣ за дѣло до вашихъ трехъ четвертаковъ.... Вы, сударь, только по пусту отрываете меня отъ важныхъ занятій; его высокопревосходительство по добротѣ своей общалъ имѣть васъ въ виду,—чтожъ изъ этого слѣдуетъ?... а вы съ вашими четвертаками..... Что за четвертаки! Что это такое. Вы, сударь, забываетесь, вспомните, гдѣ вы и передъ кѣмъ стоите....

«Онъ при этомъ сдѣлалъ жестъ рукой, ткнувъ себя пальцомъ въ правую сторону груди съ блестящимъ украшеніемъ.

«— Мнѣ, сударь, нѣкогда разговаривать съ вами. Честь имѣю кланяться.

«И онъ иронически поклонился мнѣ. У меня вертѣлся на языкѣ отвѣтъ ему, однако я промолчалъ и вышелъ....

«Такимъ образомъ, я обилъ пороги всѣхъ значительныхъ лицъ въ Петербургѣ, втеченіи этого года, перенесъ тысячи оскорбленій въ родѣ разсказаннаго мною — и всенапрасно, нѣкоторые, впрочемъ, очень вѣжливо водили меня за носъ — и за то спасибо.... Но нигдѣ еще не вытерпѣлъ я такого страшнаго оскорбленія, какъ въ домѣ одного мильонера, нажившагося золотыми промыслами или откупамъ, чѣмъ-то въ родѣ этого.... Мнѣ добрые люди посоветовали отложить надежды на казенное мѣсто, искать частнаго и обратиться съ этой просьбой къ господину, ворочающему миллионами, котораго я не назову вамъ по имени изъ скромности.

«Я разъ десять въ разное время дня пробовалъ заходить къ нему, но швейцаръ его постоянно мнѣ отказывалъ; наконецъ, также по совѣту добрыхъ людей, я занялъ немного деньжонокъ и попробовалъ дать швейцару два цѣлковыхъ....

«Эта сумма, казалось, столь незначительная для швейцара господина, ворочающаго миллионами, подѣйствовала. Швейцаръ небрежно снялъ съ меня шинель и продолжалъ:

«— Ступайте на верхъ. Онъ дома. Тамъ объ васъ доложутъ....

Я не помня себя отъ радости, почти взлетѣлъ по широкой лѣстницѣ, устланной драгоцѣннымъ ковромъ, покрытымъ сверху плотномъ сѣвжной бѣлизны и остановился на мраморной мозаичной площадкѣ, передъ раззолоченною дверью, за которой видѣлись статуи въ цвѣтахъ и въ зелени, массивныя шелковыя портьеры, занавѣсы, зеркала и прочее.

«Я было уже хотѣлъ переступить порогъ этой завѣтной двери, какъ вдругъ передо мною очутился, точно какъ будто выскочилъ изъ подъ пола, какой-то господинъ, очень полный, прекрасной и значительной наружности съ темными бакенбардами, въ бѣломъ галстухѣ, въ бѣломъ жилетѣ съ золотой цѣпочкой и брелоками, съ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, въ тончайшемъ черномъ фракѣ и въ лакированныхъ сапогахъ.... Я принялъ его за самого и, признаюсь, оробѣлъ нѣсколько при одной мысли, что стою передъ такой несокрушимой силой — и невольно съежился внутренно.

«— Что вамъ нужно? спросилъ у меня господинъ значительной наружности, загоразивая мнѣ дорогу.

«— Я съ просьбой къ ***... я называлъ мильонера по имени.

«— Они не принимаютъ.... куда же выльзете? кто васъ пустилъ?

«— Но нельзя ли обо мнѣ доложить.... мнѣ изъ (я ужъ употребилъ множественное мѣстоименіе отъ страха) очень нужно видѣть, сдѣлайте одолженіе.... Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?...

«— Я *илый* камердинеръ и говорю вамъ, что ихъ нельзя видѣть....

«У меня кровь бросилась въ голову.

«— Нельзяли поѣжливѣе, сказалъ я, задыхающимся голосомъ: — вы видите я офицеръ....

«— Чтоооо? протянулъ лакей: — много васъ эдакихъ.... извольте идти, идите, идите.... Что тутъ разговаривать-то?

«У меня подвинулась ужь рука, чтобы его ударить, но я пересилилъ себя, вы можете себя представить, чего мнѣ это стоило, — я промолчалъ и началъ спускаться съ лѣстницы, ноги у меня подкашивались.... Я только невольно пробормоталъ вполголоса:

«— Господи! и у министровъ лакеи вѣжливѣе и къ министрамъ легче доступъ.

«— Идите, идите, закричалъ лакей сверху: — насъ министрами-то не удивите.... Эй, дуракъ швейцаръ! Зачѣмъ ты сюда пускаешь юртъ знаетъ кого?...

«Ужъ не помню, какъ я выбѣжалъ на улицу, я опомнился только, когда очутился Богъ знаетъ гдѣ, чуть не подъ Невскимъ. Для два послѣ этого я былъ въ какомъ-то бѣшенствѣ... я хотѣлъ отколотить этого подлаго лакея, поймать самого миллионера на улицѣ и нагрубить ему.... Каковъ слуга, таковъ и господинъ, думалъ я. Хорошъ же долженъ быть господинъ!...

«Но теперь, разсуждая хладнокровно и пересказывая вамъ мои положенія, я думаю, что я былъ неправъ сердясь на ролевенниковъ, генераловъ, миллионеровъ, и на ихъ дворню, за нечеловѣческое, грубое обращеніе ихъ самихъ или ихъ лакеевъ, съ бѣдными просителями. Сколько насъ несчастныхъ ежедневно шляется къ нимъ съ просьбами и какъ мы должны надѣяться собою этимъ счастливымъ, избраннымъ особамъ, а еще болѣе ихъ лакеямъ. Теперь я сержусь не на нихъ, а на самого себя. Вольно же было мнѣ унизаться и таскаться по раззолоченнымъ лакейскимъ. Теперь ужь нога моя не переступитъ за эти мраморные пороги.... Человѣкъ средняго состоянія, испытавшій, что такое бѣдность, или бѣдность скорѣе сочувствуетъ бѣдняку. Я ужь, знаете, заходилъ въ разные магазины и предлагалъ себя въ приказчики — хотѣлъ все испытать.... Въ Гороховой есть одинъ маленькій магазинъ, хозяинъ его сжалился было надо мною и хотѣлъ мнѣ дать уголь и небольшое жалованье, да и то раздумалъ потомъ.... «Нѣтъ, говорить, не могу, воля ваша: съ васъ нельзя *вызывать*.... Это мнѣ говорили и другіе магазинщики....

«Что же мнѣ дѣлать? Я думалъ-думалъ да и придумалъ обратиться къ вамъ. Вы имѣете связь съ разными журналистами, литератора-

ми... Нельзя ли мнѣ хоть за небольшую плату пріютиться къ какому нибудь изданію. Я могу переводить, могу говорить переводчиковъ и безъ того много. Я предлагалъ на счетъ переводовъ свои услуги книгопролавамъ, да тѣ мнѣ отказали: — переводчиковъ, говорятъ, какъ собакъ, особенно съ французскаго.... Я могу держать корректуру — не возьмутъ ли меня въ корректоры?

«Если бы теперь мнѣ кто нибудь предложилъ 25 р. с. въ мѣсяцъ, за мой трудъ, какъ бы онъ тяжелъ ни былъ, я счелъ бы его своимъ благодѣтелемъ.... Вотъ за чѣмъ я у васъ, неимѣя чести быть съ вами знакомымъ. Мнѣ мой внутренній голосъ говорилъ, что вы примете во мнѣ участіе....

Лицо, голосъ, манера говорить, все внушало довѣренность къ бѣдному молодому человѣку. Я крѣпко пожалъ его руку, поблагодарилъ за довѣренность ко мнѣ и обѣщалъ ему употребить всѣ мѣры, чтобы какъ нибудь и куда нибудь пристроить его....

Не поможетъ ли мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ благосклонный читатель?...

Но я такъ заговорился, что чуть было не забылъ представить отчетъ о петербургскихъ новостяхъ за февраль мѣсяцъ....

Начинаю прежде всего съ художественныхъ новостей.

Говорятъ, что знаменитая картина Иванова, вполнѣ оконченная художникомъ, будетъ привезена въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцъ.... Сюда ждутъ также самого художника. Новость эта возбуждаетъ въ высшей степени любопытство знатоковъ и любителей живописи.

Я очень радъ, что кстати могу привести теперь отрывокъ изъ письма, полученнаго мною изъ Рима отъ одного изъ моихъ пріятелей — тонкаго цѣнителя искусствъ; въ этомъ отрывкѣ говорится о знаменитой картинѣ, о которой до сихъ поръ было столько противорѣчивыхъ слуховъ.

«Ивановъ, воротясь изъ своей поѣздки по Европѣ, снова заперъ свою картину и никому ее не показываетъ, по той причинѣ, что много русскихъ путешественниковъ желаютъ ее видѣть, а это позазываетъ отвлекать его отъ занятій. Но намъ онъ показалъ ее. Признаюсь, картина его превзошла всѣ мои ожиданія. Прежде всего надо сказать, что Ивановъ не колористъ и не дана ему тайна гармоніи красокъ. Но глубина мысли, но характеристика лицъ, но правда выраженія, но высокое благородство стіля — всѣ эти достоинства картина Иванова имѣетъ въ высочайшей степени. Содержаніе ея вѣроятно извѣстно тебѣ: мы вилимъ передъ собой самое начало великаго событія, совершившагося между Евреями. Небольшая толпа людей разнаго званія и лѣтъ собралась около Іоанна, проповѣдывающаго о грядущемъ Мессіи и призывающаго къ крещенію.

Нѣкоторые тутъ же окрестились и одѣваются, другіе только что выходятъ изъ воды. Нѣкоторые изъ послѣдователей Іоанна стоятъ возлѣ него — между ними юношеская фигура будущаго Іоанна Богослова. Вдали, одиноко, съ строгимъ и задумчивымъ лицомъ, приближается Христосъ. На него указываетъ Іоаннъ и всѣ съ различными чувствами и мыслями смотрятъ на нѣщаго. Въ нѣкихъ лицахъ любопытство, въ нѣкихъ изумленіе, въ нѣкихъ недовѣрчивость. Одинъ изъ Фарисеевъ, очевидно пришедшій сюда изъ любопытства, гадючково и отрицательно разсуждаетъ объ этомъ. Іоаннъ — благороднѣйшая фигура идеалиста и энтузіаста. Вообще разнообразіе и искренность выраженій въ этой картинѣ удивительна. Несмотря на то, что фигура Христа находится на самомъ заднемъ планѣ дѣйствія — она собственно составляетъ средоточіе его: чувствуешь, что онъ — духовный центръ картины. Величайшую задачу задалъ себѣ художникъ: изобразить удивительнѣйшее религіозное явленіе въ исторической, человѣческой сущности. И зритель чувствуетъ, что на этой обще-человѣческой почвѣ совершается что-то необычайное и изумительное; словно стоишь передъ тою грапью, гдѣ человѣческое преобразается въ божественное, но именно въ человѣчески-божественное, а не въ сверхъ-естественное и мистическое. Въ этомъ смыслѣ я не знаю ни одной, ни старой, ни новой картины, которую бы можно было по содержанію поставить рядомъ съ картиной Иванова: эта религіозно-историческая картина нашего времени. Теперь, когда я увидѣлъ, къ какой сферѣ искусства принадлежитъ она, становится понятно, почему онъ такъ много лѣтъ сидѣлъ надъ ней. Работа мысли была въ ней несравненно огромнѣе, нежели работа кисти. И потомъ — рисунокъ въ ней не только превосходенъ, — но исполненъ изящества удивительнаго. Есть фигуры, дышущія чистѣйшей Рафаэлевскою граціей. Задній пейзажъ картины превосходенъ, но передній сухъ и грубоватъ. Всѣ фигуры облиты яркимъ свѣтомъ (позднее утро); воздуха между ними не чувствуется; всѣ контуры рѣзки, а не обвѣяны воздухомъ, всегда дѣлающимъ ихъ мягкими, какъ въ природѣ. Цвѣта не сливаются въ общую гармонію, а остаются красками. Конечно это не бравурная и кричащая пестрота Брюловской живописи, — въ этомъ отношеніи колоритъ Иванова строгъ и избѣгаетъ даже самыхъ позволительныхъ эффектовъ, но тѣмъ не менѣе надо помириться съ мыслию, что Ивановъ не колористъ и искать въ его картинѣ другаго; а все другое имѣетъ она въ изумляющей полнотѣ.»

Выставка Императорской Академіи Художествъ будетъ представлять въ настоящемъ году много замѣчательныхъ произведеній. Она будетъ украшена между прочимъ нѣсколькими новыми произ-

деленіями И. К. Айвазовскаго. Превосходный талантъ г. Айвазовскаго пользуется блестящей извѣстностью не только въ своемъ отечествѣ, но и въ Европѣ. Это одинъ изъ художниковъ, которыми по справедливости можетъ гордиться русская школа. Онъ трудится неутомимо и при этомъ обладаетъ изумительною быстротою въ исполненіи. Мы на дняхъ любовались въ его мастерской нѣсколькими новыми его картинами и между прочимъ въ особенности двумя истинно поэтическими произведеніями, выполненными съ необыкновеннымъ искусствомъ и художественною тонкостію. Одно изъ нихъ представляетъ Лаго-Маджіоре и тѣмъ болѣе вглядываясь въ этотъ свѣтлый пейзажъ, съ гладкою, какъ зеркало, воюю и съ ярко-голубымъ небомъ, которое отражается въ ней, тѣмъ болѣе оцѣнишь его высокое поэтическое достоинство... Какъ хорошъ берегъ съ строеніемъ на заднемъ планѣ, какъ мастерски уловленъ тонъ воздуха и какое пріятное, успокоительное ощущеніе производить эта картина, когда входишь въ ея подробности и проникаешься ея содержаніемъ!... Другая картина представляетъ степь въ Малороссіи съ безчисленнымъ стадомъ овецъ; на переднемъ планѣ съ лѣва большое густое дерево, за нимъ вали горы и все это освѣщено яркимъ пламеннымъ закатомъ солнца, освѣтившаго стадо своимъ пурпуровымъ золотомъ. Мастерство и эффектъ этого освѣщенія удивительны. Картина эта можетъ стать на равнѣ съ его знаменитыми *Чумаками*.... Мы не говоримъ покуда о другихъ его картинахъ:—всѣ онѣ будутъ на академической выставкѣ, а до выставки уже не долго.

Общество Поощренія Художниковъ, столь заботящееся о развитіи изящныхъ искусствъ въ Россіи, разослало недавно слѣдующее объявленіе:

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству Комитета Общества Поощренія Художниковъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: для распространенія круга дѣйствій Общества и усиленія его средствъ, сверхъ дѣйствительныхъ членовъ, составляющихъ Общество въ настоящее время и имѣющихъ поступить въ оное впредь, принимать желающихъ членами-соучастниками.

«Члены-соучастники пользуются слѣдующими правами:

а) Выставляютъ, бесплатно, художественныя произведенія, для показу публикѣ и продажи, на вновь учрежденной отъ Общества выставкѣ, въ залѣ Рисовальной Школы для вольноприходящихъ, помѣщающейся въ зданіи С. Петербургской Биржи.

б) Присутствуютъ въ собраніяхъ Общества при чтеніи отчетовъ Комитета о дѣйствіяхъ его въ истекшемъ году.

с) По назначенію Комитета получаютъ, безденежно, выдаваемая на счетъ Общества художественныя произведенія.

д) Участвуютъ въ полученіи, безденежно, билетовъ и выигрышаемыхъ художественныхъ произведеній при лоттерейхъ, бывающихъ въ собраніяхъ Общества между членами.

«Члены-соучастники вносятъ по 10 р. въ годъ, или, если пожелаютъ, при вступленіи одновременно 100 рублей.

«Комитетъ Общества Поощренія Художниковъ, объявляя о вышеизложенномъ, приглашаетъ гг. желающихъ поступить въ члены-соучастники, обращаться съ требованіями о выдачѣ билетовъ на это званіе въ квартиру Комитета, Васильевской части, на углу 5-й линіи, напротивъ Академіи Художествъ, въ домѣ Тура, ежедневно съ 2½ до 8 часовъ пополудни.»

Кстати объ искусствахъ. Мы недавно заходили къ г. *Негри*, который справедливо пользуется въ Петербургѣ извѣстностію, какъ продавецъ изящныхъ произведеній—картинъ новѣйшихъ иностранныхъ художниковъ, стариннаго саксонскаго фарфора, античной бронзы и прочаго. У г. *Негри* находится замѣчательное собраніе картинъ бельгійскихъ и французскихъ современныхъ знаменитостей и, между прочимъ, превосходный пейзажъ *Декампа*, пользующагося въ сію минуту большою извѣстностію между французскими художниками.... Мы любовались у него также двумя прекрасными, небольшими пейзажами *Кукука* и *Калама*....

Въ большой залѣ Магазина русскихъ издѣлій выставлены нѣкоторыя изъ вещей, оставшихся послѣ покойнаго графа Л. А. Перовскаго, которыя будутъ продаваться съ аукціоннаго торга.... Тутъ есть между прочимъ и бронзы и мраморы и картины.... Между послѣдними однако мало заслуживающихъ вниманія.

Отъ художественныхъ произведеній и картинъ перейдемъ къ живымъ картинамъ и концертамъ....

Всѣ живыя картины, а ихъ было безчисленное множество на всѣхъ театрахъ: — Большомъ, Михайловскомъ, Александринскомъ и проч., были поставлены очень недурно, по пальму первенства въ этомъ случаѣ все-таки нельзя не отдать г-ну Роллеру. Лучшими живыми картинами были безъ сомнѣнія тѣ, которыя мы видѣли въ его бенефисѣ. По выраженію одного изъ русскихъ фельетонистовъ, въ этихъ картинахъ принимали участіе *лучшіе цѣлтысячники труппы*.

Концертовъ въ нынѣшній короткій театральный сезонъ было множество. Ихъ всѣхъ не перечестъ, да это скучно и бесполезно. О своихъ домашнихъ артистахъ, и артисткахъ мы говорить здѣсь не будемъ: объ этомъ уже много и очень краснорѣчиво писали раз-

ные знатоки музыки въ разныхъ музыкальныхъ и не музыкальныхъ газетахъ.

Изъ прїѣзжихъ къ намъ въ нынѣшній концертный сезонъ артистовъ упомянемъ о самыхъ замѣчательныхъ, по мнѣнію знатоковъ :

Піанистка г-жа *Тейнцмонъ-Эльменъ*, ученица Дрейшока, замѣчательна, говорятъ, силою и смѣлыми, твердыми аккордами.

Виолончелистъ г. *Монтиньи* ни въ чемъ неуступаетъ г. Серве. Въ игрѣ его много чувства; его механизмъ также весьма замѣчательнъ... Въ первомъ концертѣ его было немного публики, въ послѣдующихъ гораздо болѣе, потому что слухъ о талантѣ г. Монтиньи быстро распространился по Петербургу послѣ перваго его концерта.

Хвалить также піаниста г-на *Равина*. Его игра очень тонкая и мягкая.

О концертахъ гг. *Контскихъ* и *Дмитріева-Сельчина*, г-жи *Гардеръ*, г-жи *Штаркъ* (которая была забросана букетами), г-жи *Леоновой*, гг. *Чарди*, *Кюне* (слѣпорожденнаго) и прочее, — мы только упомянемъ.

Слухи о прїѣздѣ г-жи *Дженни-Линдъ*, къ сожалѣнію, оказались ложными....

На прощаньи съ концертами — замѣтимъ, что концертное общество въ залѣ пѣвческой капеллы 14 февраля давало концертъ для немногихъ, истинныхъ любителей музыки, въ которомъ они наслаждались съ благоговѣйнымъ вниманіемъ антрактами для трагедіи *Эмонтъ* — Бетговена.

Концерты нынѣшняго сезона вообще немогли похвалиться многочисленною публикою, несмотря на то, что городъ Петербургъ почитается музыкальнымъ городомъ; но дѣло въ томъ, что музыкальная петербургская публика была занята болѣе г. *Виконтомъ Альфредомъ де-Кастономъ* (vicomte Alfred de Caston), соперникомъ знаменитаго Юма, современнымъ Карліостро и Пинетти.... чѣмъ высокимъ искусствомъ Моцарта и Бетговена. Въ теченіе всего февраля мѣсяца Петербургъ толковалъ только объ одномъ г. Кастонѣ и удивлялся его чудесамъ. Политика, литература, различныя современныя улучшенія и вопросы — все отошло на второй планъ. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ при всякой встрѣчѣ былъ: «видѣли ли вы г. Кастона?» или: «слышали вы что сдѣлалъ г. Кастонъ у В' или у Л'?...» Безъ г. Кастона не обходился ни одинъ аристократическій вечеръ.... Извѣстность его быстро распространилась во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества; о г. Кастонѣ ходятъ невѣроятные слухи.

— Слышали-ли вы, что сдѣлалъ Кастонъ у г. NN, говорилъ при мнѣ одинъ мой пріятель другому.

— Что же?

— Вообразите, онъ съ завязанными глазами прочелъ неспотыкаясь ни на единомъ словѣ—трахъ—ту страницу изъ книги, которая была открыта и положена ему на голову.... Этого мало: съ нимъ хотѣли спутить шутку, это мнѣ рассказывалъ М*,—открыли страницу въ славянской книгѣ,—онъ знаетъ почти всѣ языки, кромѣ русскаго.... Чтожъ бы вы думали? онъ — трахъ — отодралъ цѣлую страницу, какъ семинаристъ.

— Да чтожъ тутъ мудренаго? возразилъ другой мой пріятель.

— Какъ чтожъ? Это чудо, это необъяснимо! Я вамъ говорю, онъ ни по-русски ни по-славянски не знаетъ.

— А по моему, это очень легко объяснить.

— Какимъ же образомъ? Скажите.

— Да очень просто, — тотъ, кто рассказывалъ вамъ это — совралъ.

И всѣ мы расхохотались.

Люди довѣрчивые, малоразсуждающіе, или наклонные ко всему мистическому, чудному и необъяснимому (къ этому послѣднему разряду принадлежатъ болѣею частію дамы), рассказываютъ даже, что г. Кастонъ вызываетъ мертвыхъ и общался г-жѣ N вызвать ее умершую сестру. Для этого представленіе имѣетъ быть назначено за-городомъ,—на Средней Рогаткѣ, кажется, чтобы придать всему этому еще болѣе таинственности и поэзіи. Г. виконтъ беретъ за вечеръ по 150 р. с. и многія небогатые семейства дѣлаютъ складчину на г. Кастона.... Послѣ представленія въ Англійскомъ клубѣ 24 февраля, о немъ заговорили еще болѣе, тѣмъ болѣе, что г. Гречъ въ «Сѣверной Пчелѣ» объявилъ, что у него *закружилась голова* отъ г. Кастона, что онъ *всю ночь провѣлъ въ безпокойныхъ грезахъ и на лаву бредилъ картами—игральными и историческими*; что на этомъ вечерѣ присутствовали *военные генералы и высшіе гражданскіе чиновники, купцы, академики, врачи и другіе ученые, все люди образованные и видѣвшіе свѣтъ съ его чудесами и причудами* и всѣ они были поражены г. Кастономъ не менѣе самого его, г. Греча.

Мы позволимъ себя заимствовать небольшой отрывокъ изъ статьи г. Греча о Кастонѣ: «Приступаю къ важнѣйшей части его опыта, говорить г. Гречъ, которую можно назвать *историческою*. Виконтъ (всѣхъ завязавшими глазами) проситъ четверыхъ изъ присутствующихъ написать карандашомъ на бумажкахъ четыре какія нибудь эпохи, годы или числа случившихся въ мірѣ происшествій.—«Написали?» — «Написали.» — Онъ подходитъ къ одному, и говоритъ:

«Вы написали два года девятнадцатаго, и до одному восемнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Одно число напоминаетъ намъ ужасную эпоху ослабленія и изступленія народа, который ниспровергъ порядокъ, существовавшій въ теченіе вѣковъ, и самъ на себя обрушилъ величайшія бѣдствія—1848 годъ. Такъ ли?» — «Такъ!» — «Другимъ означенъ годъ, въ который Франція, покоривъ со славою Алжиръ, подверглась внутри раздору, мятежу и переменѣ правленія. Это — 1830 годъ. Такъ ли?» — «Такъ.» — «Третье число, шестнадцатаго столѣтія, ознаменовано плачевнымъ зрѣлищемъ вѣсти и кровопролитія, предпринятыхъ во имя Святой Христовой Вѣры. Это 1572 годъ, эпоха Варееоломеевской ночи. Такъ ли?» — «Такъ.» — «Если бы не случилось четвертаго событія въ восемнадцатомъ вѣкѣ, я не имѣлъ бы чести быть въ Петербургѣ, и стоять предъ вами. Это 1703 годъ — основанія Петербурга.» Я привелъ только четыре отвѣта, наиболѣе прѣзавшіеся въ мою память, но виконтъ угадывалъ и характеризовалъ разныя эпохи исторіи до Рождества, и по Рождествѣ Христовѣ, даже дни, въ которые что либо случалось. — Опыты кончились. Удовольствіе, изумленіе, недоумѣніе были общія. Всѣ спрашивали другъ у друга: «Какъ это возможно? Чему это приписать?» Когда виконтъ (въ двѣнадцатомъ часу) снялъ повязку съ глазъ, лицо его было покрыто потомъ, онъ былъ блѣденъ, утомленъ до крайности и едва держался на ногахъ.»

На публичныхъ представленіяхъ г. Кастона въ залахъ у Бенардаки и въ Знаменской гостинницѣ задыхались отъ жара, до того стеченіе публики было многочисленно...

Петербургъ совершенно увлеченъ г. Кастономъ. — Петербургскіе младенцы, еще не отнятые отъ груди, едва лепечущіе: *мама и папа*, повторяютъ уже имя *Кастона*.... это всего чудеснѣе....

Мы же, переставшіе давно вѣрить въ чудесное, должны прибавить отъ себя, что дѣйствительно г. Кастонъ одинъ изъ самыхъ умныхъ, ловкихъ и утонченныхъ фокусниковъ. — Такого, по крайней мѣрѣ, мы еще на своемъ вѣку не видѣли.

Кромѣ г. Кастона петербургская музыкальная публика развлекалась шуточными вечерами (*Soirée-bouffe*) знаменитаго г. *Левассора*, перваго комика *Полеройдальскаго театра*, удостоившаго насъ неожиданно своимъ посѣщеніемъ. Г. Левассоръ безъ всякаго сомнѣнія замѣчательный комическій талантъ, и отличный мимикъ; онъ мастерски рассказываетъ и ловко поетъ смѣшныя куплеты... но за чѣмъ же брать такія неслыханныя цѣны: по 25 р. за ложи, по 5 р. за креслы!... А впрочемъ почему же не брать, если дають, — если театръ ломится во время его представленій?... Вотъ что значитъ европейская-то извѣстность!... По нашему мнѣнію, г. Горбуновъ раз-

сказываетъ нехуже г. Левассора, да еще рассказы его понятнѣе намъ, а попробуй г. Горбуновъ дать представленіе за половинный цѣны противъ г. Левассора, на представленіяхъ г. Горбунова навѣрно не было-бы тѣсно.

Г. Роде въ Театрѣ-Циркѣ показывалъ свои любопытныя оптическія картины исторіи образованія земной коры. Представленія эти раздѣлялись на пять частей, въ первой части показывались:

«1) Происхожденіе твердой коры земной, по мнѣнію Лапласа, въ шести картинахъ. Во второй: продолженіе развитія земной поверхности посредствомъ морскихъ слоевъ Юрской формаціи, въ пяти картинахъ; формаціи, и нынѣшній міръ, человекъ — послѣднее произведеніе творенія. Въ третьей: разныя астрономическія наблюденія. Въ четвертой: ландшафты и архитектурныя изображенія: 1) южный пикъ въ Пиринеяхъ; 2) гора Бенелихъ въ верхней Баваріи; 3) гробъ св. Зебальдуса въ Нюрнбергѣ; 4) входъ въ церковь въ Испаніи; 5) берегъ у города Гавра; 6) залъ Доллигера въ Регенсбургѣ; 7) партенкирхенъ въ Тиролѣ; 8) монументъ Фридриха Великаго въ Берлинѣ; 9) горящій корабль; 10) подземелье въ одномъ изъ монастырей трапистовъ въ Шикаріи; 11) развалины храма Юпитера въ Сидиліи; 12) утро въ Пиринеяхъ; и къ заключенію: оптическія игры яркихъ цвѣтовъ и линій.»

Кромѣ всѣхъ этихъ великопостныхъ развлеченій, были еще ежедневныя представленія въ циркѣ г-жи Лоры Бассенъ и К....

Теперь перейдемъ къ новостямъ литературнымъ и начнемъ съ дѣтской литературы.

Журналъ г. Майкова — «Подсѣжничекъ», о появленіи котораго мы извѣдали въ свое время публику, въ двухъ вышедшихъ номерахъ представилъ много прекрасныхъ статей, особенно во 2 №. Стихотворенія гг. Майкова (А. Н.) и Михайлова (М. А.), его русскія сказки, превосходная статейка г. Гончарова («Два случая изъ морской жизни»), кромѣ того, статьи: о жизни и нравахъ пауковъ, о торговлѣ въ Индіи, и прочее, — все это представляетъ для дѣтей чрезвычайно любопытное, разнообразное и полезное чтеніе. Мы смѣло можемъ рекомендовать теперь этотъ журналъ родителямъ.

Въ скоромъ времени должны появиться четыре новые журнала, вызванныя вопросомъ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Мы обращаемъ особенное вниманіе на одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Журналъ Землеуладѣльцевъ», который будетъ издаваться въ Москвѣ съ апрѣля нынѣшняго года, однимъ изъ просвѣщенныхъ помещиковъ, г. Желтухинымъ. Вотъ его программа:

«Цѣль этого періодическаго изданія — содѣйствовать успѣшно-

му окончанію великаго дѣла — улучшенія быта крестьянъ; почему «Журналъ Землевладѣльцевъ» исключительно посвящается:

1) Сообщенію всѣхъ нужныхъ по этому предмету свѣдѣній.

2) Доставленію большаго удобства хозяевамъ-землевладѣльцамъ высказывать собственныя по этому предмету мысли, и пояснять необходимыя при всякомъ новомъ и сложномъ дѣлѣ, и

3) Соудѣйствію всякой частной предпріимчивости, направленной ко благу землевладѣльцевъ и крестьянъ.

«Съ этою цѣлію «Журналъ Землевладѣльцевъ» будетъ заключать въ себѣ:

I. Перечень всѣхъ обнародованныхъ дѣйствій и распоряженій правительства по предмету устройства отношеній между помѣщиками и крѣпостными людьми.

II. Сообщенія по этому же предмету, какія правительству благоуходно будетъ слышать.

III. Историческое изложеніе мѣръ, какія съ этою цѣлію принимались въ другихъ странахъ Европы и въ нашихъ губерніяхъ.

IV. Критическое обозрѣніе всего, что по этому предмету появлялось въ литературѣ, и постоянный разборъ книгъ и журнальныхъ статей, которыя будутъ появляться въ отечественной и иностранныхъ литературахъ, съ извлеченіемъ того, что можетъ быть полезно и приложимо въ Россіи.

V. Хозяйственные вопросы изъ губерній и отвѣты на оныя.

VI. Описаніе большихъ и малыхъ хозяйствъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, замѣчательныхъ по разумному и выгодному употребленію познаній, капитала и труда.

VII. Практическія указанія на все, что имѣетъ отношеніе:

а) до улучшенія быта крестьянъ, ихъ образованія и воспитанія, здоровья, образа жизни, хозяйства, промысловъ, средствъ обезпеченія въ платежѣ податей, повинностей и всякихъ денежныхъ сборовъ, и

б) до правильнаго устройства помѣщичьяго хозяйства на началахъ свободнаго труда, развитія промышленности, строгой отчетности и разумнаго употребленія капиталовъ.

«Сверхъ сего, въ интересахъ землевладѣльцевъ и крестьянъ:

«Во-первыхъ. При конторѣ «Журнала» будетъ учреждена постоянная выставка чертежей, моделей и полныхъ экземпляровъ усовершенствованныхъ снарядовъ и машинъ, образцовъ произведеній промышленности и другихъ предметовъ, могущихъ дать наглядное и точное понятіе о важности и практической пользѣ, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ улучшеній въ сельскомъ бытѣ.

«Во-вторыхъ. Въ «Журналѣ» будутъ помѣщаться объявленія обо всемъ вышеописанномъ, а также о покупкѣ и продажѣ или объ отдачѣ въ арендное содержаніе земель и цѣлыхъ имѣній; о составленіи земельельческихъ компаній и тому подобныхъ, до сельскихъ нуждъ относящихся, предметахъ.

«Изъ этой программы ясно, что «Журналъ Землевладельцевъ» будетъ имѣть характеръ чисто практическій; таково, по крайней мѣрѣ, желаніе издателя; но осуществленіе этого желанія и самыя успѣхъ журнала главнѣйше будутъ зависѣть отъ участія, какое примутъ въ изданіи гг. землевладельцы и хозяева. Ихъ опытыя указанія, положительныя свѣдѣнія, дѣльныя мысли будутъ драгоценны для редакціи.

«Не стѣсняясь формою изложенія, всякій практическій дѣатель приглашается сообщать для напечатанія свои статьи: литературная ихъ отдѣлка, согласно выраженному желанію гг. сочинителей, съ уважительнымъ сохраненіемъ всѣхъ мыслей и самыхъ особенностей языка, будетъ дѣломъ редакціи.

«Независимо отъ людей практическихъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, редакція журнала, имѣющаго главною цѣлію великое дѣло улучшенія быта крестьянъ и необходимое при ономъ усовершенствованіе хозяйства самихъ помѣщиковъ, покорнѣйше проситъ гг. ученыхъ, литераторовъ и всѣхъ образованныхъ соотечественниковъ, которымъ близко къ сердцу благо Россіи, не отказывать редакціи въ сообщеніи историческихъ, статистическихъ, этнографическихъ, политико-экономическихъ, финансовыхъ, агрономическихъ и вообще научныхъ свѣдѣній и замѣтокъ, могущихъ облегчить тотъ трудный и доблестный подвигъ, который всѣмъ вамъ указанъ для достиженія высокой цѣли.

«Редакція съ благодарностью помѣститъ на страницахъ своего журнала всякую статью, содержаніе которой будетъ соответствовать утвержденной программѣ, отличаться безпристрастіемъ и благонамѣренностію и обѣщать пользу общему дѣлу.

«Издатель проситъ гг. присылающихъ статьи адресовать оныя въ контору «Журнала Землевладельцевъ», и какъ ихъ, такъ и гг. подписчиковъ сообщать редакціи подробный и четко написанный ихъ адресъ.

«Журналъ Землевладельцевъ» будетъ выходить книжками въ большую осьмушку отъ четырехъ до шести листовъ два раза въ мѣсяцъ. Впрочемъ, редакція предоставляет себѣ право издавать вмѣсто двухъ по четыре книжки въ мѣсяцъ, если статьи, имѣющія современныя интереса, будутъ требовать скорѣйшаго сообщенія. Во всякомъ случаѣ годовое изданіе будетъ заключать въ себѣ не менѣе

ста-двадцати, а при обилии матеріаловъ до ста-пятидесяти печатныхъ листовъ.»

Вотъ еще двѣ литературныя новости, о которыхъ насъ просили сообщить:

Г-жа Нарская (псевдонимъ), талантъ которой извѣстенъ читателямъ «Современника», издаетъ романъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Двѣ сестры». Отрывокъ изъ этого романа былъ нѣкогда напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Дѣйствіе первой части происходитъ въ Одессѣ, въ ея блестящую эпоху, лѣтъ за десять до послѣдней войны. Задача романа — представить столкновение двухъ противоположныхъ характеровъ. Женщины съ артистической натурой, полной поэзіи, чистоты и высокихъ стремлений, съ другою, преданною практической жизни, съ прямымъ и холоднымъ взглядомъ на жизнь, но съ живымъ и игривымъ умомъ. Истинно желаемъ успѣха этому произведенію.

Г. Щербина издалъ: «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи».

Этотъ «Сборникъ» состоитъ изъ избранныхъ стихотвореній почти всѣхъ извѣстныхъ русскихъ поэтовъ, а также и изъ *простонародныхъ* пѣсенъ. Издатель предположилъ себѣ цѣлью удовлетворить потребности публики — имѣть подъ рукою *въ совокупности* избранныя стихотворенія нашихъ поэтовъ. Книга издана красиво.

Редакторъ «Русскаго Ивалида», полковникъ Лебедевъ З, просилъ насъ объявить, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ книги: «Примѣненіе Желѣзныхъ Дорогъ къ защитѣ материка», сочиненіе подполковника Лебедева З, который въ Библиографіи «Современника», во 2 №, названъ по ошибкѣ полковникомъ.

Въ заключеніе мы должны сообщить печальную новость.

4 марта скончался О. И. Сенковский, бывшій редакторомъ «Библиотеки для Чтенія», столь извѣстный своими учеными трудами и юмористическими статейками подъ псевдонимомъ Барона Брамбуса. На похоронахъ его, 8 марта, въ Католической церкви (въ Коломиѣ) присутствовали многіе изъ литераторовъ. — Тѣло его предано погребенію на Волковомъ кладбищѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. — Отношеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ къ г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору касательно устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. — Уставъ Амурской Компаніи. — Проектъ объ устройствѣ желѣзной дороги между Митавою и Ригою. — Передача желѣзныхъ дорогъ въ Царствѣ Польскомъ частной компаніи. — Поясненіе 2039 ст. Уложенія о наказаніяхъ. — Правила касательно основанія новыхъ періодическихъ изданій. — Крещеніе Бурятъ. — Обращеніе раскольниковъ. — Отчетъ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ. — Замѣчанія о внѣшней торговлѣ Россіи. — Мѣста жительства Евреевъ. — Замѣтка о событіяхъ въ Европѣ. — Мыльный пирогъ. — Кавалеръ де-Кастри. — Смерть Лабаша. — Литературное обозрѣніе: статьи о крестьянскомъ вопросѣ въ русскихъ журналахъ. — Статья г. Горлова «Объ устройствѣ сельскаго труда въ Пруссіи». — Статья графа Орлова-Давыдова «О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи». — Письма, помѣщенные въ «Le Nord», объ устройствѣ крестьянскаго сословія въ Остзейскихъ губерніяхъ. — Дѣйствія гласности въ русской литературѣ. — Статья г. Кокорева: «Путь Севастопольцевъ», помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ». — Замѣтка г. А. С. З. о крестьянскихъ школахъ.

«Современное Обозрѣніе» (главная цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобъ знакомить читателей нашего журнала со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными случаями и явленіями въ жизни административной, общественной и умственной) обыкновенно въ каждой книжкѣ журнала занимается промежуткомъ времени отъ послѣднихъ чиселъ одного мѣсяца до тѣхъ же чиселъ другого.

Въ теченіе этого времени, примѣнительно къ настоящему номеру «Современника», конечно, самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ нашемъ отечествѣ было учрежденіе особаго комитета для разсмотрѣнія о правилахъ крѣпостнаго состоянія.

Государь Императоръ въ 3-й день января 1857 года Высочайшимъ соизволеніемъ учредить, въ непосредственномъ Своемъ вѣдѣніи и подъ Своимъ предсѣдательствомъ, особый Комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Комитетъ этотъ, находящійся подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества, называется: «Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу». Въ случаѣ непредсѣдательства въ этомъ Комитетѣ самого Государя Императора, и тогда предсѣда-

теля занимаетъ генералъ-адъютантъ князь Орловъ. Комитетъ имѣетъ слѣдующій личный составъ. Члены его: Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Буловъ, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ; дѣйствительные тайные совѣтники: князь Гагаринъ, Ланской, баронъ Корфъ и графъ Панинъ; генералъ-адъютанты: князь Долгоруковъ и Чевкинъ; генералъ отъ пѣхоты Муравьевъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ Брокъ и генералъ-адъютантъ Ростовцовъ.

Производство дѣлъ по Комитету Государь Императоръ изволилъ возложить на Государственную Канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря Буткова, назначивъ въ помощь ему по сему дѣлу исправляющаго должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковского.

Указывая читателямъ «Современника» на ходъ дѣла по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, должно также сказать и объ отношеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ къ с. петербургскому военному генералъ-губернатору отъ 17 февраля за № 104.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, упоминая въ этомъ отношеніи о тѣхъ главныхъ основаніяхъ касательно устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, которыя были сообщены имъ прежде при Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя дворянства С.-Петербургской губерніи, говоритъ, что соображенія, сообщенныя г. генералъ-губернатору въ означенномъ отношеніи, заключаются лишь въ общихъ чертахъ, дабы подробною программю не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній губернскаго комитета.

«Нынѣ, продолжаетъ г. министръ, нѣкоторые изъ дворянскихъ комитетовъ, составленныхъ въ губерніяхъ, изъявившихъ желаніе приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, встрѣчаютъ, какъ имъ извѣстно, затрудненія въ своихъ сужденіяхъ, не находя въ отношеніяхъ моихъ къ вашему превосходительству и начальникамъ губерній подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ: и потому я счелъ нужнымъ присовокупить и сообщить вашему превосходительству нѣкоторыя къ сему отношеніямъ изъясненія».

Затѣмъ г. министръ замѣчаетъ, что какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ его отношеніяхъ не надобно искать подробной для сужденія комитетовъ программы. «Мысли и предположенія мои, продолжаетъ господинъ министръ, не должны быть почитаемы, какъ бы предпріиміемъ подлежащихъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указанія на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію комитетовъ. Развитіе сихъ вопросовъ и

примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены Высочайшимъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія тѣмъ, такъ сказать, совѣтами, которые изложены въ моихъ отношеніяхъ.»

Послѣ сообщенія о томъ, что предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній комитетовъ, господинъ министръ указываетъ однако на неарикосновенныя и неизмѣнныя начала сего устройства. Они заключаются: *«въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельный ихъ собственности, а крестьянамъ прочной оплотности и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей».*

Затѣмъ господинъ министръ внутреннѣхъ дѣлъ сообщаетъ нѣкоторыя указанія на вопросы, подлежащіе обсужденію комитетовъ, именно: 1) касательно выкупа усадебъ, 2) относительно владѣнія усадьбами, 3) касательно перенесенія усадебъ и 4) относительно отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго мірскаго общества полей и другихъ угодій.

По предмету выкупа усадебъ, господинъ министръ говоритъ, что выкупъ этотъ можетъ быть совершенъ различными способами, сообразно съ мѣстными средствами и потребностями, и что еслибы выкупъ усадебъ не успѣлъ совершиться въ теченіе переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ, хотя вообще срокъ переходнаго періода и не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать двѣнадцать лѣтъ, и что до окончательнаго за усадьбы платежа, крестьяне не будутъ полными ихъ владѣльцами.

Относительно владѣнія усадьбами, по мнѣнію господина министра, можетъ быть постановлено, что выкупленныя крестьянами усадьбы должны будутъ переходить по наслѣдству или по даренію, или черезъ продажу, только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества или къ лицу, въ то общество принимаемому.

Касательно перенесенія крестьянскихъ усадебъ, господинъ министръ полагаетъ, что перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на другія въ томъ же имѣніи мѣста можетъ быть допускаемо, но не иначе, какъ съ особеннаго согласія помѣщика и крестьянъ и съ утвержденія особаго мѣстнаго присутствія.

Наконецъ, что касается отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго мірскаго общества полей и другихъ угодій, то господинъ министръ находитъ, что замѣны оныхъ и всякія въ томъ перемѣны, сообразно потребностямъ обоюднаго хозяйства помѣщика и селскаго общества, могутъ быть дозволены, по взаимному ихъ соглашенію; недоумѣнія же, могущія при семъ возникнуть, должны

Т. LXVIII, Отд. II.

будутъ разрѣшаться также высшеозначеннымъ мѣстнымъ присутствіемъ.

«Однимъ словомъ, заключаетъ господинъ министръ упомянутое отрошеніе:—принять за основаніе начала, Высочайшею волею указанныя, дворянству предложить цѣлыскать наиболѣе простые и удобныя въ примѣненіи ихъ способы, дабы всрѣзоть крестьянъ къ окончательному устройству ихъ быта совершился, въ теченіе опредѣленнаго времени, постепенно и правильно, съ соблюденіемъ справедливости и обоюдныхъ пользъ».

Изъ другихъ событій въ нашемъ отечествѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія опубликованный въ 12 № «Сенатскихъ Вѣдомостей», Высочайшее утвержденный 11 января настоящаго года, уставъ Амурской Компаніи. Какъ не порадоваться, что самая разнообразная дѣятельность начинаетъ возникать въ глуши Сибіри. Упомянутую Компанію составляютъ: отставной поручикъ Бенардски и почетный гражданинъ Рукавишниковъ; она учреждена на акціяхъ для развитія въ При амурскомъ краѣ промышленности и торговой дѣятельности.

Къ замѣчательнымъ новостямъ, сдѣлавшимся извѣстными публикѣ въ теченіе октябля мѣсяца, относится также извѣстіе изъ Митавы о проектѣ желѣзной дороги между Митавою и Ригею; проектъ этотъ давно уже составленъ и, поименному, онъ долженъ скоро осуществиться; такъ какъ, въ недавнее время, произведены были официальные измѣренія протяженія этой дороги и назначено мѣсто для путевого двора.

Говоря о желѣзной дорогѣ, сообщимъ нашимъ читателямъ, что въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ въ истекшемъ мѣсяцѣ былъ напечатанъ «Договоръ на уступку желѣзныхъ дорогъ Царства Польскаго въ пользованіе частной компаніи». Договоръ этотъ Высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ въ Варшавѣ 1 (13) октября 1857 года. По этому договору, желѣзныя дороги въ Царствѣ Польскомъ должны были быть переданы учредителямъ компаніи 20 октября (1 ноября) прошедшаго года.

Изъ общихъ правительственныхъ распоряженій, сдѣлавшихся извѣстными публикѣ въ теченіе минувшаго мѣсяца, нельзя не сказать о поясненіи 2,039 ст. Улож. о Наказ., сдѣланномъ Правительствующимъ Сенатомъ и помѣщенномъ въ журналѣ министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Упомянутое узаконеніе говоритъ: «для объ. угрожать начинаютъ лишь по жалобамъ самого угрожаемаго или угрожаемыхъ или же супруговъ ихъ, родителей и опекуновъ.» Между тѣмъ вышелъ слѣдующій случай: въ одной губерніи жена дьячка подала въ уѣздный судъ жалобу на одного мужчину за то, что онъ

дѣлать угрозы ея мужу, тогда какъ самъ угрожаемый вовсе не жаловался. По поводу этого и при имѣніи въ виду приведенной здѣсь статьи закона, мѣстная Уголовная Палата возбудила вопросъ: могутъ ли жены начинать иски объ угрозахъ, дѣлаемыхъ ихъ мужьями? Общее присутствіе губернскаго правленія и палаты, по обсужденіи этого вопроса, нашло, что если въ примѣчаніи къ 2,039 статье Улож. о Наказаніяхъ подъ словомъ супруги понимать не бывшихъ мужей но и жонъ, то это едва ли соотвѣтствовало бы общимъ правамъ и обязанностямъ супруговъ между собою, изъясненнымъ въ 108 и 109 статьяхъ Зак. Граж. тома X, гдѣ ясно сказано что мужья должны защищать личность жонъ, а жоны повиноваться мужьямъ; между тѣмъ какъ съ предоставленіемъ права жонамъ начинать, безъ согласія мужей, иски по дѣламъ объ угрозахъ и личныхъ обидахъ, нанесенныхъ этимъ послѣднимъ, нарушилось бы это полное повиновеніе. Правительствующій Сенатъ, по разсмотрѣніи изъясненнаго вопроса, принимая во вниманіе, что, на основаніи 65 ст. Основ. Гос. Зак. т. I., въ случаѣ затрудненія въ примѣненіи закона, слѣдуетъ держаться смысла, наиболѣе соотвѣствующаго духу законодательства и что, по разуму примѣчанія къ 2,039 ст. Улож. о Наказ., право начинать иски по дѣламъ объ угрозахъ, въ случаѣ несовершеннолѣтія самыхъ угрожаемыхъ, предоставлено родителямъ и опекунамъ, т. е. лицамъ, обязаннымъ вступаться за несовершеннолѣтнихъ; въ брачномъ же союзѣ возложена на мужа обязанность защищать жену, — признавъ, что въ вышеприведенномъ узаконеніи подъ *супругами* должно подразумѣвать только мужей; и за тѣмъ заступничество жонъ, въ подобныхъ случаяхъ, за своихъ мужей, уничтожено положительнымъ истолкованіемъ закона.

Изъ узаконеній, относящихся къ литературѣ и состоявшихся въ послѣднее время, мы упомянемъ о нѣкоторыхъ облегченіяхъ въ отношеніи періодическихъ изданій. Нынѣ вновь Высочайше дозволено: разрѣшать новыя періодическія изданія по части наукъ, искусствъ и словесности Главному Управленію Цензуры, испрашивая Высочайшее разрѣшеніе только на изданія политическаго содержанія и на тѣ изъ первыхъ, которыя, по важности своего содержанія, или по какимъ либо особннымъ обстоятельствамъ, будутъ того требовать.

Говоря о развитіи торговли и промышленности въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, нельзя пройти молчаніемъ о распространеніи нравственнаго развитія посредствомъ христіанской религіи. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщали весьма утѣшительныя извѣстія о распространеніи христіанства въ

отдаленной Сибири, близъ китайской границы. Изъ этой статьи видно, что около пяти тысячъ бурятъ, подвластныхъ особому владѣльцу, именующемуся тайшой, кочуетъ при верховьяхъ Иркута. Долго народъ этотъ жилъ безъ религіи, при однихъ только обычаяхъ; долго шаманъ былъ у нихъ заклинателемъ злыхъ духовъ и предсказателемъ будущаго. Лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ изъ управляющихъ бурятскимъ колѣномъ отправилъ сына своего къ забайкальскимъ бурятамъ для того, чтобъ онъ тамъ обучился тибетскому языку и догматамъ буддизма. Спустя нѣсколько лѣтъ, молодой человекъ возвратился съ духовнымъ саномъ ламы, привезъ богослужебныя книги, построилъ кумирни и собралъ около себя духовныхъ, съ которыми и совершалъ богослуженія по правиламъ Буддизма. Но это нововведеніе между бурятами не имѣло успѣха. Между тѣмъ и христіанство распространялось между ними слабо; на всемъ протяженіи бурятскихъ кочевьевъ была только одна христіанская церковь въ селеніи Тункѣ, населенномъ казаками и русскими крестьянами.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что когда, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, поступилъ на Иркутскую епархію преосвященный Нилъ, то этотъ достойный пастырь заботился вообще о распространеніи христіанства и объ устройствѣ церкви въ подвѣдомственной ему паствѣ. Кромѣ того, преосвященный сблизился съ бурятскимъ тайшой, выучился монгольскому языку и посѣл въ сердцѣ тайши сѣмена христіанства. Теперь этотъ тайша, съ семействомъ и съ нѣкоторыми начальниками колѣнъ, принялъ 25 мая прошедшаго года св. крещеніе въ иркутскомъ кафедральномъ соборѣ; съ тайшей крестилось 79 человекъ его подданныхъ. Примѣръ тайши сильно подѣйствовалъ на бурятъ, и 500 изъ нихъ изъявили желаніе принять христіанскую вѣру. Такъ какъ они для совершенія надъ ними таинства св. крещенія не могли пріѣхать въ Иркутскъ, то самъ епископъ иркутскій и нерчинскій Евсеій отправился для этого въ бурятскія кочевья и въ свою поѣздку окрестилъ 720 душъ обоего пола. Разсказъ о совершеніи таинства крещенія на рѣкахъ, въ купеляхъ, обставленныхъ елками, очень хорошъ, и очень жаль, что мы не можемъ помѣстить его здѣсь, такъ какъ онъ слишкомъ увеличилъ бы объемъ нашего «Обозрѣнія». Скажемъ только въ заключеніе, что преосвященный Нилъ, уже оставивъ свою отдаленную епархію, и нынѣ еще ревностно заботится о прежней своей духовной паствѣ. Его преосвященство трудится теперь надъ переводомъ богослуженія на монгольскій языкъ и уже кончилъ переводъ «Треника» и «Служебника». Теперь переводится также «Часословъ», и вѣроятно, замѣчаетъ авторъ

упоминаемой нами статьи, черезъ годъ, а много черезъ два, буряты услышатъ Слово Божіе на природномъ языкѣ.

«С.-Петербургскія же Вѣдомости» сообщили объ обращеніи къ православной церкви 3679 человекъ раскольниковъ, въ Ярославской губерніи.

Въ декабрьской книжкѣ «Журнала министерства Внутреннихъ Дѣлъ» помѣщенъ отчетъ г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ. По нѣкоторымъ не зависѣвшимъ отъ насъ обстоятельствамъ мы не могли сообщить нашимъ читателямъ объ этомъ отчетѣ въ предшествующей книжкѣ «Современника», а потому, руководствуясь этимъ отчетомъ, укажемъ теперь на нѣкоторыя условія нашей гражданской и общественной жизни.

Кромѣ общихъ свѣдѣній о числѣ жителей, родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся, замѣчательны слѣдующія данныя:

Въ вѣдомствѣ министерства Внутреннихъ Дѣлъ состояло въ 1856 г. 697 городовъ, 1244 мѣстечка и посада, всего городскихъ поселеній было 1941. Изъ нихъ въ 622 устроены свои хозяйства. По росписямъ на 1856 г. было изчислено въ нихъ доходовъ 10,561,397 р. 24¹/₂ коп., —расходовъ 10,368,869 р. 76 коп.; слѣдовательно, въ общей сложности, мѣста городскихъ поселеній не только могутъ удовлетворять мѣстные потребности своими собственными денежными средствами, но еще представляютъ общій остатокъ, простирающийся до 192,527 р. 48¹/₂ коп. Но надобно замѣтить, что въ отдѣльности до 115 городовъ имѣютъ доходы, несоотвѣтствующіе своимъ расходамъ; въ валовой же суммѣ доходы превышаютъ расходы только избыткомъ первыхъ по нѣкоторымъ наиболѣе богатымъ городамъ. Надобно также замѣтить чрезвычайную несоразмѣрность между доходами разныхъ городовъ. Такъ, доходы Петербурга въ 1856 г. простирались до 2,218,000 р., доходы Москвы до 1,554,000 р., доходы Одессы до 1,354,000 р. Изъ другихъ городовъ наибольшій доходъ получили: Рига 404,000 р. Кіевъ 254,000 и Нижній Новгородъ 148,000 р., а между тѣмъ есть города, въ которыхъ доходы не превышаютъ 140 и даже 78 рублей.

Относительно другихъ данныхъ, опредѣляющихъ финансовое положеніе жителей имперіи, замѣтимъ, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ по всѣмъ нашимъ банковымъ учрежденіямъ, въ первый еще разъ считали всего займовъ 46,336, долгу 427,109,994 р. 76 коп., изъ нихъ числѣ домовъ, превышающихъ ссуду 7,147 въ 98,686,214 р. 23 коп., т. е. 23 процента; самая значительная часть займовъ приходится на займы, совершенные подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Изъ этихъ займовъ въ 1856 году считалось 43,248 подъ залогъ 6,596,620 руб., на сумму 397,879,459 р. 63 коп.

Изъ отчета же господина министра видно, что изъ 109,110 дворянскихъ имѣній находится въ залогѣ 38,976. Въ 1856 году за казенные и частные долги и за неплатежъ процентовъ въ кредитныя установленія, подвергнуто было описи и опекѣ 4,131 имѣнiе, продано съ публичнаго торга 402 (болѣе всего въ Калужской, Смоленской, Тамбовской и Тульской губерніяхъ). Говоря о положеніи помѣщичьихъ имѣній, относительно сдѣланныхъ подъ нихъ ссудъ, замѣтимъ кстати, что всего опекѣ надъ помѣщиками въ 1856 году было 36,021; въ томъ числѣ по малолѣтству 29,297 и по злоупотребленію помѣщичьей власти 176.

По взаимнымъ между помѣщиками и крестьянами ихъ договорамъ, уделено въ государственные крестьяне, водвореннымъ на собственныя земли, 16 ю помѣщиками, 1850 душъ мужскаго пола, всего болѣе по Саратовской губерніи — 736 душъ. Въ 1856 году по всей имперіи крестьянъ этого разряда считалось 147,000 душъ. Въ Люблинской губерніи, постепенный переходъ помѣщичьихъ крестьянъ съ барщины на оброкъ продолжался и въ 1856 году.

Затѣмъ обратимся далѣе къ даннымъ, опредѣляющимъ ходъ денежныхъ дѣлъ. Въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія состояло въ 1856 году капиталовъ 126,756,378 р. 77 к.

Съ 1842 года стали открываться постепенно при Приказахъ сберегательныя кассы; въ теченіе 14 лѣтъ открыто 42 такихъ кассы; въ нихъ въ 1856 году было вкладовъ на сумму 1,319,529 р. 93½ к. Въ 16 городахъ существовали общественныя банки и кромѣ того въ министерствѣ имѣлись ходатайства объ учрежденіи банковъ еще въ 32 городахъ. Къ числу экономическихъ ссудныхъ кассъ, учрежденныхъ для хозяйственныхъ и промышленныхъ надобностей населения въ Волынской и Подольской губерніяхъ, присоединилась новая—въ мѣстечкѣ Дунаевцахъ, въ Подольской губерніи.

Податей къ 1856 году слѣдовало 78,199,913 р. 81½ к., въ томъ числѣ оклада 45,218,631 р. 82½ к. и ведемки 32,981,281 р. 99 к. Поступило же какъ самыхъ податей, такъ и ведемки только 42,416,336 р. 77 к. При этомъ господинъ министръ замѣчаетъ, что такое поступленіе, не имѣя удовлетворительное сравнительно съ годами, предшествовавшими войнѣ, должно отнести къ ея послѣдствіямъ.

Для большаго, по возможности, опредѣленія стоимости обращающихся у насъ капиталовъ, упомянемъ о движеніи ярмарочной торговли въ 1856 году. Данные, приведенныя въ отчетѣ, свидѣлствуютъ объ особенномъ ея развитіи по заключеніи мира. На 4,609 ярмаркахъ, въ теченіе 1856 года, привезено было товаровъ на

231,500,000 р., продано на 160,000,000 р. На Нижегородской ярмаркѣ торговый оборотъ 1856 года превышалъ на 8% торговый оборотъ предшествовавшаго года. На эту ярмарку, въ 1856 году, привезено было товаровъ на 68,917,515 р., продано на 62,504,370 р. «Такой высокой цѣнности, сказано въ отчетѣ, какъ по привозу товаровъ, такъ и по сбыту, не бывае съ основанія Макарьевской ярмарки.»

Всѣ эти свѣдѣнія мы позволяемъ себѣ дополнить еще свѣдѣніями, заимствованными изъ ми имѣ «Видовъ Внѣшней Торговли» за 1856 годъ. Отсюда мы узнаемъ, что внѣшняя торговля Россіи въ 1856 году была значительнѣе, нежели въ послѣднемъ передъ имѣвшею войною 1853 году, какъ по отпуску отечественныхъ произведеній, такъ по и привозу иностранныхъ товаровъ.

Всѣхъ вообще товаровъ отпущено было:

Изъ Имперіи: а) по европейской границѣ на .	136,492,398 р.
б) по азіатской — — — .	10,593,882 —
Въ Финляндіи	2,884,096 —
Изъ Царства Польскаго	10,279,496 —
	<hr/>
	160,249,872 р.

Между тѣмъ въ 1853 году вся сумма отпуска составляла только 147,662,815 р. Слѣдовательно, отпускъ товаровъ въ 1856 году увеличился противъ 1853 года на 12,587,057 р.

Въ 1856 году привезено товаровъ:

Въ Имперію: а) по европейской границѣ на .	90,171,961 р.
б) по азіатской — — — .	17,002,189 —
в) изъ Финляндіи	564,828 —
Въ Царство Польское	14,823,464 —
	<hr/>
	122,562,442 р.

Между тѣмъ цѣнность привоза въ 1853 г. составляла только 102,286,768 руб., поэтому въ 1856 году привезено товаровъ болѣе противу 1853 года на 20,275,674 р.

Всей золотой и серебряной монеты вывезено изъ Имперіи:

а) по европейской границѣ на .	885,272 р.
б) по азіатской — — — .	4 825,296 —
Изъ Царства Польскаго	81,774 —
	<hr/>
	5,792,342 р.

Привезено изъ за границы золота и серебра въ монетѣ и въ слиткахъ въ Имперію: а) по европейской границѣ. 15,158,210 р.
б) по азіатской — — 110,075 —
Въ царство Польское. . . 950,744 —

16,219,029 р.

Изъ этихъ чиселъ видно, что привозъ превышалъ отпускъ на 10,426,687 р.

Замѣтимъ вообще, что вывозъ хлѣба, лѣса, кожъ, сала, желѣза и льняного сѣмени противъ 1853 г. увеличился. Прочихъ товаровъ, какъ-то: пеньки, мѣди, овечьей шерсти, поташа и щетины—уменьшился.

Опредѣливъ этими данными вещественное положеніе нашего отечества по возможности въ самое ближайшее къ настоящему время, перейдемъ теперь къ той части отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ, которая указываетъ на нравственное состояніе нашего народа.

При разсмотрѣніи этой весьма важной части отчета, мы находимъ, что общее число случаевъ преступленій и проступковъ въ 1856 году простиралось до 60,000; изъ нихъ половина должна быть отнесена къ преступленіямъ, а другая къ проступкамъ. Всѣхъ же преступленій въ 1856 году совершено 32,361. Изъ этого числа почти *два трети* составляютъ разнаго рода кражи, именно 20,631 случай, и изъ нихъ болѣе трети, именно 7,377 случаевъ конокрадства. Самое большое число преступленій было совершено въ Бессарабіи, именно 3,124. Число открытыхъ преступниковъ простиралось до 23,015; изъ нихъ мужчинъ 20,119, женщинъ 2,896. По сословіямъ, преступниковъ было: дворянъ и чиновниковъ 619; крестьянъ разныхъ наименованій 14,972; въ томъ числѣ государственныхъ 8,430, помѣщичьихъ 5,724, удѣльныхъ 466, лицъ военного вѣдомства 1,564, евреевъ 771, иностранцевъ 113.

Разбоевъ и грабежей было до 544. Большіе размѣры принялъ разбой въ губерніяхъ Екатеринославской и Харьковской: тамъ образовалась значительная шайка грабителей изъ бѣглыхъ, полъ начальствомъ государственнаго крестьянина Кобыкова. Разбойники грабили проезжающихъ, разбивали питейные дома, убивали людей; опасность достигла до такой степени, что почту и эстафеты надобно было отправлять подъ прикрытіемъ военныхъ конвоевъ. Шайка эта была захвачена въ Екатеринославской губерніи; предводитель ея защищался отчаянно, былъ тяжело раненъ и тутъ же умеръ.

Въ Витебской, Могилевской на Днѣпрѣ и Гомелѣ жители были встревожены во второй половинѣ 1856 года поджогами и подметными письмами.

Изъ 15,261 суебно-медицинскихъ изслѣдованій надъ трупами оказалось, что болѣе половины всѣхъ этихъ случаевъ было слѣдствіемъ неестественной смерти, а изъ нихъ болѣе одной пятой произошло отъ *пьянства*.

Но дѣламъ слѣдственнымъ въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства содержалось до 121,558 человѣкъ. Въ теченіе минувшаго года выбыло изъ тюремъ 101,145 человѣкъ, за тѣмъ въ 1857 году осталось 20,413.

Говоря о гибельныхъ послѣдствіяхъ сильнаго пьянства въ нашемъ народѣ, замѣтимъ, что въ 1856 году, по случаю прекращенія порочества въ большихъ разбѣрахъ, упразднена была послѣдняя, состоявшая изъ 75 человѣкъ, пороченная стража, которая, какъ говорить отчетъ г. министра, бывъ установлена для частныхъ выносовъ оккупационныхъ, всѣму народонаселенію обошлась, въ продолженіи семи лѣтъ, въ полмилліона руб., взятыхъ изъ земскихъ сборовъ....

Особенно замѣчательнымъ распоряженіемъ правительства, кромѣ милостей, оказанныхъ Высочайшими манифестами, было разрѣшеніе свободнаго выѣзда за границу лицамъ всѣхъ сословій и отиѣна существовавшей пошлины съ заграничныхъ паспортовъ. Хотя, положимъ, и такая пошлина для людей достаточныхъ и не составляла важности, но за то какъ она была обременительна для людей, располагавшихъ скудными денежными средствами. Въ первое время 1856 года, когда заграничные билеты выдавались только изъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ихъ выдано было 2,612; во вторую же половину 1,856 года начальниками губерній выдано было 2,553 заграничныхъ паспорта.

Весьма интересныя данныя сообщаетъ отчетъ г. министра внутреннихъ дѣлъ о врачебной части и о ходѣ дѣлъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ; изъ этого послѣдняго отдѣла отчета между прочимъ видно, что по Таврической губерніи есть дѣла, которыя начались 48 лѣтъ тому назадъ.

Вообще, отчетъ за 1856 представляетъ много данныхъ, которыя могутъ служить основаніемъ для нѣкоторыхъ соображеній по разнымъ частямъ нашего гражданскаго и общественнаго быта.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ «Сенатскія Вѣдомости» распубликовали Высочайше утвержденное 2 декабря прошлаго года мнѣніе Государственнаго Совѣта, по коему евреямъ и семьямъ ихъ дозволяется имѣть свободное жительство въ 50-ти-верстномъ пространствѣ отъ бывшей границы царства Польскаго и селиться во вновь открываемыхъ, въ 100-верстной, вдоль означенной границы, полосы, городахъ и мѣстечкахъ.

Окончивъ обзоръ всего, что явилось у насъ болѣе замѣчательнаго, какъ въ жизни, такъ и въ административномъ отношеніи, мы перейдемъ теперь къ обзору тѣхъ событій, которыя привлекали наше вниманіе въ нашего отечества.

Всёобщее вниманіе Европы въ истекшем мѣсяцѣ занято было покушеніемъ 14 января на жизнь императора французевъ. Процессъ виновниковъ этого покушенія уже оконченъ. Китайская война, усмиреніе Индіи и паденіе Пальмерстона были тоже въ числѣ главныхъ предметовъ, занимавшихъ всѣ европейскія газеты. Онѣ посвящали также нѣсколько страницъ описанію брачнаго торжества, бывшаго въ Лондонѣ по случаю свадьбы принца прусскаго съ англійскою принцессою, дочерью королевы Викторіи. Наши газеты воспроизводили на своихъ столбцахъ описанія этихъ торжествъ и рассказывали о приѣмѣ, сдѣланномъ молодой четвѣ въ Берлинѣ. Супругамъ поднесены были разными городами и сословіями Пруссіи многіе подарки; въ числѣ ихъ были замѣчательны: тканая картина съ портретами ихъ высочествъ; модель англійскаго корабля «Веллингтонъ», составленная вся изъ сигаръ и поцаренная принаду отъ имени работниковъ табачной фабрики Неймана, и ученый свитокъ, напечатанный два національные гимна—англійскій и прусскій. Безспорно, что всѣ эти подарки замѣчательны, но всего болѣе понравилось намъ, что, по извѣстіямъ одной изъ нашихъ газетъ, поднесены молодымъ пироги изъ душистыхъ мѣлъ отъ заведенія Гросмана. Вотъ истинный сюрпризъ для четы. Впрочемъ, въ нынѣшнее время, пироги на Западѣ представляютъ замѣчательную особенность; такъ, вѣроятно, читатели газетъ не забыли о пирогахъ, бывшемъ при Сентъ-Джемскомъ Дворѣ, на свадебномъ столѣ юной принцессы, и украшенномъ драгоценными камнями. Но воля ваша, все-таки подобный пирогъ лучше мыльнаго; пришло же въ голову образованному нѣмцу выразить свою радость такимъ замысловатымъ пирогомъ.

Французскія газеты сообщаютъ между прочимъ о появленіи въ Парижѣ изъ Испаніи кавалера де-Кастри, званіемъ инженера, дѣлающаго необыкновенныя чудеса. По его велѣнію летаютъ и не только вертятся столы и отпираются двери, но два обыкновенныхъ фортепьяно, поставленныхъ въ разныхъ углахъ комнаты, исполняютъ съ необыкновеннымъ согласіемъ большую сонату Бетговена, единственно по повелѣнію волшебника, который, вѣроятно, рано или поздно, а не откажется пріѣхать, или, пожалуй, чего добраго, и прилетитъ къ намъ на коврь-самолетъ.

Скажемъ также объ одной новости, явившейся среди общественныхъ парижскихъ увеселеній: въ театрѣ Сентъ-Мартенскихъ воротъ, во время минувшаго карнавала, данъ былъ ночной праздникъ подъ названіемъ Bal de Faridondaine; на этомъ праздникѣ дѣвсти хористовъ исполнили одними голосами кадрили, составленную Мюссаромъ изъ старинныхъ народныхъ парижскихъ пѣсень и другую—изъ пѣ-

сѣтъ Беранже. Такое нововведеніе очень понравилось и парижанамъ и нѣмцамъ.

Но если Парижъ видѣлъ въ теченіе нынѣшняго карнавала много удовольствій, то онъ былъ также свидѣтелемъ новой потери, ошутительной для искусства. 20 февраля происходило въ церкви св. Магдалины отпѣваніе тѣла Лаблаша, привезеннаго 14 февраля изъ Неаполя. Requiem Моцарта былъ исполненъ артистами итальянскаго театра и оперы. Въ числѣ пѣвцовъ и пѣвицъ были: Тамбурини, Маріо, Альбини, Гриси и многіе другіе. Послѣ обѣда, тѣло Лаблаша было предано землѣ въ семейномъ склепѣ, гдѣ лежитъ его жена и одна изъ его дочерей.

Лаблашъ пользовался во всей Европѣ огромною извѣстностью; какъ первоклассный артистъ, онъ былъ въ числѣ современныхъ знаменитостей, и потому мы считаемъ уместнымъ познакомить нашихъ читателей съ біографіею покойнаго пѣвца.

Людвигъ Лаблашъ родился 6 декабря 1794 года, въ Неаполѣ; отецъ его, марсельскій негоціантъ, отъ бурь революціи переселился въ 1791 году въ Неаполь. Несмотря на то, что отецъ Людвика Лаблаша занимался коммерціей, семья Лаблаша была ширинскаго происхожденія, и одинъ изъ родственниковъ знаменитаго пѣвца, графъ де-Лаблашъ, погибъ на эшафотѣ во время терроризма.

Николай Лаблашъ, основатель въ Неаполѣ торговый домъ, женился на Францискѣ Бетакъ, родомъ Ирландкѣ. Въ 1799 году вспыхнула въ Неаполѣ революція, и Николай Лаблашъ раззорился совершенно. Онъ не могъ перенести этого несчастія и скоро умеръ съ горя.

Когда на Неаполитанскій престолъ вступилъ братъ Наполеона, король Іосифъ, то онъ обратилъ свое вниманіе на молодого Лаблаша и помѣстилъ его въ Неаполитанскую консерваторію. Хотя онъ и былъ разсѣянъ, лѣнивъ и шаловливъ, однако онъ въ скоромъ времени сдѣлалъ удивительные успѣхи.

Однажды, когда исполняли въ Неаполѣ реkvіемъ по случаю смерти Гейла, шестьдесятъ басовъ покрывали весь хоръ; чгобъ возстановить въ немъ равновѣсіе, Лаблашъ взялъ полною грудью такую звучную ноту, что еще до окончанія реkvіема онъ совершенно опѣлъ. Два мѣсяца оставался Лаблашъ нѣмымъ въ полномъ смыслѣ этого слова: Вдругъ однажды утромъ, при сильномъ припадкѣ кашля, возвратился Лаблашу голосъ, тотъ голосъ, которому суждено было гремѣть подобно грому и потрясать окна обширныхъ залъ.

Мы не будемъ разсказывать здѣсь подробно, какъ молодой Лаблашъ, не выходя изъ консерваторіи, принужденъ былъ бѣжать отъ кипрессаріо изъ Неаполя въ Палермо съ чемоданомъ, набитымъ—

пескомъ и какъ онъ былъ пойманъ сбирями и доставленъ обратно въ Неаполь. Спустя нѣсколько времени, Лаблашъ опять попалъ на Палермскій театръ, гдѣ онъ и оставался до 1820 года, а въ этомъ году онъ перешелъ на Миланскій театръ Делла-Скала.

Въ 1825 году извѣстность Лаблаша, какъ пѣвца и актера, была огромная. Въ Вѣнѣ въ честь его выбрали медаль. Въ 1830 году Лаблашъ перешолъ на сцену парижскаго итальянскаго театра и тамъ приобрѣлъ себѣ громадную славу, особенно въ слѣдующихъ операхъ: «Парижанахъ», въ «Семирамидѣ», въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», въ «Любовномъ Напиткѣ» и въ «Донъ Паскуале». Замѣтимъ, что безпечный Лаблашъ, не безпокоившійся слишкомъ ни о славѣ, ни о состояніи, былъ всего болѣе обязанъ своей женѣ Терезѣ, дочери извѣстнаго итальянскаго актера Пинотти; она умѣла возбудить въ своемъ мужѣ соревнованіе съ другими извѣстными артистами, успѣвала уговаривать его, чтобъ онъ принималъ на себя такія роли, которыхъ хотя онъ и не любилъ, но которыя какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали его дарованію.

Съ 1830 по 1852 годъ Лаблашъ жилъ зимою въ Парижѣ, лѣтомъ въ Лондонѣ, и только въ 1833 году онъ, вмѣстѣ съ Малибранъ, съѣздивъ въ Неаполь и тамъ съ такимъ увлеченіемъ игралъ въ одной пьесѣ, что министръ полиціи сказалъ однажды Лаблашу: не можете ли вы играть не съ такимъ большимъ жаромъ?—Я лучше совсѣмъ откажусь, нежели буду играть холодно эту роль, отвѣчалъ благородный артистъ.

Въ 1852 году Лаблашъ пріѣхалъ въ Россію. Весною 1857 года сильное до того времени здоровье Лаблаша разстроилось; онъ отправился на воды въ Киссингенъ, оттуда заѣхалъ въ Парижъ, по совету тамошнихъ врачей, рѣшился избрать мѣстомъ жительства свою родину Неаполь. Въ гостепріимномъ домѣ его стало собираться все лучшее неаполитанское общество. Умный и любезный хозяинъ, не смотря на свои страданья, умѣлъ очаровывать многочисленный кругъ гостей своею умною и пріятною бесѣдой.

До послѣдней минуты, Лаблашъ оставался артистомъ; онъ умеръ, стараясь пропѣть любимую англійскую пѣсню: «Home sweet home». Лаблаша не стало 23 января, въ два часа и три четверти послѣ полудня.

Отъ воспоминанія объ иностранномъ артистѣ мы намѣрены перейти теперь къ замѣткамъ о русской литературѣ, которая, впрочемъ, представляетъ нынѣ болѣе общественнаго, нежели художественнаго интереса. Эти литературныя замѣтки могутъ, нѣкоторымъ образомъ, служить дополненіемъ къ тому, съ чего начали мы наше Обзорѣніе.

Судя по общему характеру современной русской литературы, нужно было ожидать, что едва только вопросъ объ устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ получить у насъ гласность, какъ литература наша съ своей стороны, будучи, можно сказать, главной выразительницею общественныхъ стремленій, представитъ ученые и литературныя статьи по этой части. И дѣйствительно,—можно сказать, что ни одинъ журналъ, ни одна газета не появились безъ подобныхъ статей — конечно, кромѣ «Весельчака».

«Отечественныя Записки» въ февральской книжкѣ помѣстили статью «Историческій очеркъ лифляндскихъ крестьянъ»; въ этомъ номерѣ, только первая часть статьи. «Библіотека для Чтенія», въ истекшемъ мѣсяцѣ, представила двѣ статьи, соединенныя съ вопросомъ объ устройствѣ быта крестьянъ и помѣщичьихъ имѣній. Первая статья, подъ заглавіемъ: «Объ устройствѣ сельскаго труда въ Пруссіи» принадлежитъ г. Горлову. Вторая статья, подъ заглавіемъ: «О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи» принадлежитъ графу Орлову-Давыдову, имя котораго, если мы не ошибаемся, является въ первый разъ въ нашей литературѣ. Твердо отказываясь дѣлать изъ чужихъ журналовъ и книгъ значительныя выписки, мы считаемъ однако не только законнымъ въ дѣлѣ литературы, но и полезнымъ упоминать вообще о появленіи статей, заслуживающихъ вниманіе или по своей художественной отдѣлкѣ, или по мыслямъ, въ нихъ выраженнымъ, или по фразамъ, въ нихъ помѣщеннымъ, или, наконецъ потому, что онѣ своимъ содержаніемъ затрагиваютъ нѣкоторые весьма важные современные вопросы и представляютъ основательный поводъ разсматривать ихъ въ нашемъ «Обозрѣніи».

Устройство сельскаго труда въ Пруссіи, какъ видно изъ статьи г. Горлова, было тѣсно связано въ своемъ началѣ съ общими преобразовательными планами и съ вопросами о тѣхъ мѣрахъ, которыми можно было возстановить Пруссію, доведенную до самаго бѣдственнаго положенія несчастными войнами съ Наполеономъ.

Вникая въ основныя идеи тогдашнихъ государственныхъ мужей Пруссіи, нельзя не замѣтить изъ статьи г. Горлова, что въ Пруссіи главнымъ двигателемъ всѣхъ великихъ государственныхъ преобразованій была — наука. По словамъ г. Горлова, министр Шретеръ, занимавшійся обработкою всѣхъ преобразовательныхъ проектовъ, и самый дѣятельный членъ Коммиссіи, учрежденной для этой цѣли,—фонъ-Шенъ, имѣли почти одинакія убѣжденія, которыя *окушены* были имѣ уроками кѣнигсбергскаго профессора Крауса, отличавшагося обширными познаніями и яснымъ, увлекательнымъ изложеніемъ своего предмета. При этомъ знаменитомъ профессорѣ, Кѣнигсбергскій университетъ привлекалъ многихъ

слушателей, изъ которыхъ въ послѣдствіи вышли отличные чиновники и даже известные государственные люди. «Высокія идеи философіи и права, говоритъ г. Горловъ, были переносимы изъ университетскихъ аудиторій въ служебную дѣятельность и приготовили тѣ благія преобразованія, въ которыхъ нуждалась Пруссія». Вотъ великія послѣдствія умственного образованія и значенія науки въ государственной жизни!

Краусъ излагалъ съ своей кафедры ученіе Адама Смита, который первый заговорилъ о началѣ свободнаго труда, прилагая его, вообразивъ съ духомъ своей страны, только къ торговому законодательству и къ тарифнымъ постановленіямъ. Краусъ, примѣнялся къ потребностямъ своей страны, распространялъ теорію Смита и на сельскую промышленность.

Когда начались преобразованія въ Пруссіи, во главѣ правительства стоялъ знаменитый министръ Штейнъ, взявшій на себя управленіе государственными дѣлами только послѣ того, какъ король предварительно обѣщалъ принять его планъ къ возстановленію государства. Чтобы достигнуть этого, Штейнъ предполагалъ: 1) преобразовать устройство городскихъ общинъ, предоставивъ гражданамъ участіе въ городскихъ дѣлахъ, и такимъ образомъ возбудить любовь къ общинѣ. 2) Превратить *домовыхъ* крестьянъ въ Восточной и Западной Пруссіи въ свободныхъ собственниковъ, и 3) уничтожить личную зависимость жителей государства. Кроме того, для благосостоянія государства, приняты были и другія средства; въ числѣ ихъ весьма замѣчательны: значительныя ограниченія придворнаго королевскаго штата и отказъ короля отъ своихъ кабинетныхъ денегъ. Между тѣмъ на главномъ планѣ всѣхъ преобразованій стояла личная свобода.

Штейнъ одобрилъ составленные по этимъ частямъ проекты. 8 октября 1807 онъ имѣлъ докладъ у короля, а 9 октября былъ готовъ уже самый эдиктъ (законъ) и отосланъ къ канцлеру для обнародованія.

Мы не можемъ здѣсь разсказывать съ тою подробностію, съ которою разсказываетъ г. Горловъ, о судьбѣ сельскихъ жителей до времени преобразованій, совершившихся въ Пруссіи въ 1807 г. Замѣтимъ только, что крестьяне, вслѣдствіе зависимости отъ помещиковъ, должны были исправлять въ извѣстныхъ имѣніяхъ своего господина сельско-хозяйственные работы, но не какія нибудь другія, относившіяся къ промысламъ и фабрикаціямъ. Наблюбно также сказать, что крестьяне безъ имѣнія, которому были они подчинены, не могли быть отдѣльно продаваемы, или уступаемы другому господину безъ ихъ воли. Опредѣляя положенія крестьянина, прусское

законодательство еще до 1807 года, въ отношеніи прежнихъ узаконеній, говорило, что положеніе крестьянина, подвластнаго землѣ, не должно быть смѣшиваемо съ личною неволею, *Leibeigenschaft*. Но въ сущности, порядокъ дѣлъ оставался тотъ же. Такъ дѣти подчиненныхъ крестьянъ, пока не находились въ брачномъ состояніи, обязывались, по требованію господъ, жить на господскомъ дворѣ въ качествѣ работниковъ, съ уменьшеніемъ за то общепринятой рабочей платы. Господинъ могъ отдавать ихъ въ работу къ крестьянамъ своихъ имѣній. Жениться подчиненные крестьяне могли только съ позволенія помѣщика.

Изъ этихъ узаконеній, приводимыхъ г. Горловымъ, видно, что положеніе крестьянина, хотя лично, какъ будто, и свободнаго, было весьма тягостно и слишкомъ подчинялось произволу помѣщика. Такъ помѣщикъ могъ по закону отказать крестьянину даже въ позволеніи жениться, если первый, по своему усмотрѣнію, найдетъ, что послѣдній имѣетъ слабое сложеніе для исполненія трудныхъ работъ. Притомъ, господинъ могъ безъ труда подвергать крестьянина умѣренному наказанію.

Разсматривая еще внимательнѣе судьбу прусскаго крестьянина въ прежнее время, нельзя не обратить вниманія на тотъ законъ, по которому крестьянинъ не могъ освободиться изъ подъ власти помѣщика, если послѣдній не былъ даже въ состояніи кормить его. Крестьянинъ могъ только просить о разрѣшеніи снискивать пропитаніе въ другомъ мѣстѣ; но былъ обязанъ возвратиться къ помѣщику *по первому его зову*! Впрочемъ, крестьянинъ имѣлъ право отпустить дѣтей, если онъ не получилъ отъ помѣщика устроеннаго хозяйства, а самъ между прочимъ изучилъ какую нибудь науку, искусство и ремесло не на господскомъ, а на собственномъ своемъ извѣщеніи.

Желающимъ узнать въ подробности положеніе прусскаго крестьянина до освобожденія его отъ зависимости помѣщика, мы советуемъ обратиться къ весьма любопытной статьѣ г. Горлова. Изъ этой же статьи читатель увидитъ постепенность мѣръ, которыя клонились къ облегченію участи земледѣльцевъ. Замѣтимъ только, что самымъ важнымъ закономъ въ этомъ отношеніи былъ эдиктъ 14 марта 1739 года; этимъ эдиктомъ постановлялось, чтобъ впредь никто изъ государственныхъ вассаловъ не могъ, подъ тяжкою ответственностію, самовластно смѣщать крестьянъ съ ихъ участковъ, не имѣя на то основательныхъ причинъ; это было слабымъ началомъ къ учрежденію крестьянской поземельной собственности. Вносѣдствіи, для лишенія крестьянина земли, требовался уже не произволъ помѣщика, а судейскій приговоръ.

Кромѣ крестьянъ обязанныхъ, о которыхъ мы говорили адѣе, руководствуясь сочиненіемъ г. Горлова на столько, сколько позволяетъ объемъ нашего обозрѣнія, были еще въ Пруссіи оброчные крестьяне. Описанію ихъ положенія г. Горловъ посвящаетъ нѣсколько страницъ въ своей статьѣ.

Въ 1807 году послѣдовалъ эдиктъ, произведшій существенныя перемѣны въ отношеніяхъ подвластныхъ крестьянъ и имѣній, къ которымъ они были приписаны. По этому эдикту, во всѣхъ прусскихъ земляхъ должно было прекратиться подвластное состояніе крестьянъ со всѣми истекавшими изъ него послѣдствіями. Но полицейская власть на исправительныя наказанія принадлежала помѣщику по прежнему. И обязанность поселянъ, занимавшихъ крестьянскіе участки, подчиненные имѣніямъ, — исправлять на эти имѣнія барщину и повинности, осталась также на прежнемъ основаніи. Но въ то же время, крестьянинъ получалъ право перехода и еще чрезвычайно важное право — приобретать всякаго рода земли. Послѣ этого, эдиктомъ 14 октября 1811 года, былъ произведенъ раздѣлъ крестьянской земли между главными собственниками и крестьянами.

Вообще, какъ видно изъ статьи г. Горлова, личная эманципация въ Пруссіи не встрѣтила практическихъ затрудненій и была осуществлена въ положенный срокъ: но другая важная мѣра — надѣленіе крестьянъ землею, принадлежащею имъ въ полную собственность, не могла быть приведена въ исполненіе немедленно и безъ препятствій; требовалось много дополнительныхъ постановленій и разъясненій, чтобъ удовлетворить обѣ стороны. Съ 1811 года, по замѣчанію нѣкоторыхъ писателей, устройство крестьянскаго быта въ Пруссіи было дѣломъ колеблющимся. Переходы поземельной собственности были очень часты. Земли упали въ цѣпѣ. Съ 1811 по 1848 годъ въ Пруссіи 70,582 крестьянина обращены въ собственниковъ. 289,651 собственникъ и потомственный арендаторъ освобождены отъ разнаго рода повинностей.

Послѣ 1848 года окончательно установились отношенія между владѣльцами земли и ея воздѣлывателями.

Въ заключеніе своего обозрѣнія касательно устройства быта крестьянъ въ Пруссіи, г. Горловъ говоритъ, что личная эманципация не могла встрѣтить затрудненій, при томъ образованіи, на которомъ тогда стояла Пруссія. Идея о неприкосновенности права людей на ихъ собственную личность и на ихъ трудъ была весьма распространеною идеею, и при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ она могла быть весьма легко приведена въ исполненіе.

Подробное извѣщеніе на немъ это читатель можетъ найти въ статьѣ г. Герлофа, заслуживающей справедливаго вниманія по общему характеру, возбуждаемому у насъ подобными же поврѣщеніямъ.

Статья графа Орлова-Давыдова обратила наше вниманіе въ особенности потому, что, какъ намъ извѣстно, авторъ ея принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ Россіи. Мы также очень хорошо помнимъ, что графъ Орловъ-Давыдовъ, единственный, если мы не ошибаемся, изъ русскихъ помѣщиковъ, удостоившій Высочайшее благоволеніе за словеніе съ своимъ крестьянъ оброчныхъ надѣлокъ. Облегченіе это оказалъ г. Давыдовъ до случая Всемилостивѣйшаго повелѣнія Государя Императора на просьбу его принять ему фамилію графовъ Орловыхъ, которыхъ онъ представлялъ въ женскомъ колѣнѣ.

Обстоятельства эти указывали намъ на статью графа Орлова-Давыдова, какъ на статью писателя, который пишетъ не одні только теоріи и наблюденія, но имѣетъ возможность примѣнять ихъ и въ практикѣ. Къ большому нашему удовольствію мы не ошиблись въ этомъ, отчасти потому, что авторъ, касаясь устройства гессенскихъ помѣстьей въ Англіи, пишетъ въ то же время кое-что о гессенскихъ помѣстьяхъ въ Россіи. Правда, что, какъ видно изъ замѣтокъ графа Орлова-Давыдова, свѣдѣнія его объ англійскихъ помѣстьяхъ немножко устарѣли, потому что онъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи говоритъ: «такъ по крайней мѣрѣ бывало лѣтъ двѣдцать тому назадъ». Но, впрочемъ, англичане крѣпко держатся старинны въ образѣ жизни и быстры у нихъ только новизны въ общественной и торговой дѣятельности, следовательно тутъ большой бѣды нѣтъ: лучше знать, что нибудь пошамло, чѣмъ многола. Какъ бы то ни было, статья графа Орлова-Давыдова читается легко, хотя, какъ намъ кажется, изъ нея нельзя ничего извлечь для насъ практически-полезнаго.

Обратимъ однако вниманіе на нѣкоторые мѣста статьи графа Орлова-Давыдова. Такъ между прочимъ онъ говоритъ, что съ давнихъ временъ англичане прозвали свою родину веселою, «шутку», такъ какъ мы называемъ Россію «святою». Не правда ли, довольно странно, что «сегматичны англичане такъ прозвали свою родину, полную по нашимъ понятіямъ тоски, хандры, труда и силна? Но графъ Орловъ-Давыдовъ замѣчаетъ, что эта веселость эта выражалась особенно въ гостеприимствѣ.

Впрочемъ, изъ статьи почтеннаго автора видно, что англичане слѣдили свои помѣстья убѣжищемъ всего для нихъ дорогаго во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ первая на свѣтѣ частная библіотека лорда Спенсера находится въ его семейномъ замкѣ. Телескопъ лор-

да Россѣ поставленъ въ его нѣбѣи. Дорогихъ аршинъ шитье, говорятъ графъ Орловъ-Давыдовъ, можетъ быть столько же въ Англіи, сколько въ Италіи. Онъ расхвываетъ не домашъ, болѣе же не землемѣръ записанъ.

Что же касается собственно устройства помѣщичьихъ нѣбѣи, то графъ Орловъ-Давыдовъ замѣчаетъ объ этомъ слѣдующее. «Большинство англійскихъ помѣстій отдается фермерамъ, на сроки вообще длинныя, отъ 21 до 99 лѣтъ. Поэтому заключенія контрактовъ суть пререкновенія, раздѣляемыя большими періодами, и не занимающія много времени. Богатые помѣщики прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ къ соудамъ законниковъ — атторнѣи, которые въ такихъ непонятныхъ должностяхъ помѣщиковъ, не исключительно для одного помѣщика, а для многихъ. Дѣло посяга, удобренія и т. д. предоставлено послѣдствіемъ промышленности. Поземельная аристократія выходитъ въ дѣла и въ интересы земледѣльческаго класса только политическимъ своимъ вліяніемъ, стараясь защищать права помещанъ и поддерживать цѣны произведеній. Отиженіе вывоза помѣщанъ на ввозъ заграничнаго хлѣба было, въ продолженіе многихъ лѣтъ, однимъ изъ главныхъ предметовъ раздора между земледѣльческой и промышленной партіями въ Англіи и наконецъ рѣшено къ удовольствію послѣдней, несмотря на всѣ усилія помещальскихъ собственниковъ, фермеровъ и парламентарныхъ членовъ.»

Разсказавъ послѣ этого о превращеніи времени англійскими помѣщичаами въ ихъ нѣбѣи, графъ Орловъ-Давыдовъ переходитъ къ замѣчаніямъ о русскихъ помѣщикахъ, и говоря о небольшомъ числѣ хорошо отстроженныхъ помѣщичьихъ жилищъ, онъ основательно, хотя и не первый, замѣчаетъ, что раздѣлы нѣбѣи по разнымъ частямъ между наследниками протѣкаютъ не только устройству новыхъ большихъ заведеній, но и приличной поддержкѣ старыхъ. Затѣмъ почтенный авторъ говоритъ, съ довольно быстрымъ переходомъ отъ устройства нѣбѣи въ литературу: «всмыслъ сказать, чтобъ литература благоволила къ помѣщикамъ; Пушкинъ соизволилъ наъ въ графѣ Нулинѣ, Гоголь окскариатурничалъ, Дармавинъ писалъ оды придворнымъ и государственнымъ людямъ, но не обратилъ вниманія на вельможъ, живущихъ въ деревнѣ, если таковые и были въ его время.»

По поводу этого замѣчанія объ отношеніяхъ нашей литературы къ русскимъ помѣщикамъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать слѣдующее. Намъ кажется, что литература наша, напротивъ, весьма благоволила къ помѣщикамъ. Сколько удивительныхъ рассказовъ, хотя конечно божественныхъ, на тему о кротости и добродѣти помѣщиковъ являлось у насъ въ двадцатыхъ годахъ! Если же это

ду рода произведеній нашъ кажутся теперь ребяческими, и, никуда, забавными, то это потому только, что вообще все приторное и натянутае не можетъ выдержать суда критики, требующей не пустыхъ словъ, а дѣйствительныхъ явленій изъ опытной жизни. Кромѣ повѣстей, литература наша омазала свое благоволеніе къ помѣщикамъ и въ водевилахъ. Есть въ нѣкоторыхъ нашихъ драматическихъ произведеніяхъ нѣсколько много сценъ, затрогивающихъ живое сердце зрителя помѣщичествомъ помѣщиковъ объ участіи ихъ крестьянъ. Мы даже имѣемъ по этой части одно капитальное произведеніе: «Именины благодѣтельнаго помѣщика.» Чего же болѣе?

Если же иногда и доставалось помѣщикамъ отъ литераторовъ, то чѣмъ дѣлать: литераторы ужъ такой эдакий народъ! Развѣ литература наша благоволила когда нибудь къ чиновникамъ, къ купцамъ? Попробовала—было, правду сказать, наша литература поблаговолить къ чиновникамъ, и вышла у ней такая укорительная личность, какъ Надимовъ. Впрочемъ, къ однимъ только господамъ офицерамъ литература наша была особенно благосклонна, заставляя разнаго рода героевъ влюбляться безъ ума то въ бѣлый султанъ, то въ ансальбаты, то въ шпоры, то въ усы. При общенъ же жолчномъ направленіи нашей литературы, она ни съ кѣмъ почти не уживалась въ ладахъ и, кажется, помѣщики еще дешево отдѣлались отъ ся злобы. Какъ помнится, въ «Графъ Булинь» Пушкинъ не слышномъ осмѣлялъ ихъ; Гоголь сюрриатурнлъ не однихъ помѣщиковъ: досталось отъ него и горючичнмъ, и почтмейстерамъ, и даже учителямъ, и смотрителямъ богоугодныхъ заведеній. Притомъ Гоголь былъ самъ, хотя не большой, но все же родовой помѣщикъ, и личностей у него съ этимъ почтеннымъ сословіемъ, какъ кажется, никогда не было.

Что же касается до Державина, то замѣчаніе графа Орлова совершенно справедливо. Державинъ, слѣдуя духу времени, нѣлъ обыкновенно вельможъ сильныхъ, и только однажды онъ носилъ одного вельможу, подвергнушагося опалѣ. Система Державина по части одъ весьма понятна. Великій пѣвецъ «Бога» искалъ собѣ служебнаго значенія, а его получить было трудно, востѣвая вельможъ, жившихъ въ деревнѣ, потому что обыкновенные вельможи удалялись отъ Двора въ деревню только тогда, когда они теряли свою силу, а развѣ для такихъ господъ астати было писать оды? Чего добраго, въ жолчномъ настроеніи духа, они принимали бы шолу за насмѣшку; а это, какъ мы увидимъ, легко могло случиться, если бы ода была имъ представлена даже самимъ Державинимъ.

Хвалебные стихи удаются редко, и самый великий наш поэт, имевший однажды великаго полководца, не сообразил удачно описать его военный гений, говорил:

«Лижеть на горы — горы дрежать,
Лижеть на воды — воды кипять,
Граду коснется — градъ упадетъ,
Башню рукою за облакъ кидаетъ.»

Какъ хотите — это не ода, а сцена, преслащенная на листѣхъ карикатурнаго альбома. Слава Суворова безсмертна, русскія рати по справедливости могутъ гордиться вождемъ, перешедшимъ заоблачныя вершины Альповъ: объ этомъ нечего и говорить. Но поэтическое изображеніе Суворова Державинымъ, воля наша — забавно. Представьте себѣ нашего старика-витязя, съ его щедрымъ комплексомъ и маленькимъ ростомъ, лежащимъ на дрожащей горѣ или, что еще хуже, въ кипящей водѣ, или наконецъ, подбрасывающимъ башни за облака! Вѣдь, правое, это тоже самое, что если бы кто нибудь захотѣлъ изобразить, положимъ, полковника чиновника, и представилъ бы, для похвалы дѣятельности такого лица, что при маловѣніи руки его летятъ перья изъ гусиныхъ хвостовъ и сами начинаютъ писать, или что тотъ же чиновникъ департамента бросаетъ кипы дѣлъ изъ Петербурга прямо въ Уфу, Оренбургъ, Казанецъ-Подольскъ и такъ далѣе! Развѣ это не карикатура? А между прочимъ, такое изображеніе гражданскаго дѣателя совершенно тождественно съ хвалебною одою Державина великому полководцу. Все это мы говоримъ къ тому, чтобы по возможности оградить нашу литературу отъ упрековъ графа Орлова-Давыдова, будто она не благоволила къ помятникамъ. Впрочемъ, если это и было такъ, то все же она не въ накладѣ, потому что и при благоволеніи литературы, никто торжественнаго гимна, поэтъ, воетѣвующій вельможѣ-помятнику, могъ наговорить бездну взору. Лестъ удается редко; на ней, повторимъ снова, спотыкался и нашъ великій Державинъ.

Въ добавокъ къ этому скажемъ, что если Пушкинъ, Гоголь и Державинъ дѣйствовали такъ неблагоклонно или несправедливо относительно къ помятникамъ въ произведеніяхъ нашей отечественной словесности, то мы можемъ сообщить графу Орлову-Давыдову, что вельзя сказать вообще, будто наша литература не благоволила къ помятникамъ. Разверните, напримѣръ, статью г. Ладыженскаго, находящуюся во 2 № «Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» за 1856 годъ, подъ заглавіемъ «Русскій помятникъ». Въ ней почтенный авторъ оправдываетъ до нѣкоторой степени литературныя воззрѣнія на личность помятника тѣмъ, что

самый дух времени создавал изъ нихъ прежде такіе типы, къ которымъ, конечно, не могла благоволить литература, если считать ее представительницею передовыхъ движеній въ отношеніи образованія и въ отношеніи языка. Вотъ, что говоритъ г. Ладыженскій: «по большей части полагаютъ еще у насъ, что помѣщикъ удаляется въ деревню для того, чтобъ предаваться праздности, собирать доходы съ имѣнія, ихъ проживать въ свою утѣху, и косить въ удаленіи отъ движенія человѣческаго, въ своемъ безотвѣтномъ самоугодіи, забывая, что времена перемѣнились, что лица «Недоросли» уже явленія исчезнувшія, что «Ревизоръ» болѣе или менѣе правдоподобный анекдотъ! (Впрочемъ, какъ кажется, два лица въ этой комедіи, Добчинскій и Бобчинскій, оба помѣщика, лица весьма возможные и въ настоящее время; что самое «Горе отъ ума» не имѣетъ примѣненія къ нынѣшнему обществу; что даже типы «Мертвыхъ Душъ» суть уже лица, собранныя изъ разныхъ мелкихъ чертъ и недостатковъ въ одинъ, такъ сказать, оптический фокусъ.»

Приводимыя здѣсь замѣчанія графа Орлова-Давыдова и г. Ладыженскаго наводятъ насъ на мысль составить когда нибудь небольшую, но по возможности вѣрный очеркъ, о значеніи помѣщичьихъ типовъ и характеровъ въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Общій выводъ о томъ, въ какомъ видѣ представлялись у насъ въ литературѣ эти личности, какъ кажется, не будетъ лишнею замѣчанности.

Разсказывая справедливо объ отношеніяхъ нашихъ помѣщиковъ къ ихъ усадьбнымъ имѣніямъ и упоминая о неудобствахъ нашей деревенской жизни, графъ Орловъ-Давыдовъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, «что становые любятъ прогрѣтъ съ колокольниками по господскому двору или по марку и напоминать о своей важности. Хорошо, продолжаетъ почтенный авторъ, еслибъ помѣщики ладили между собою для устройства общей полиціи, улучшенія дорогъ, учрежденія больницъ и другихъ полезныхъ цѣлей. Увы! этого нѣтъ. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію устройства крестьянскаго сословія въ Остзейскихъ губерніяхъ. Матеріаломъ для этого обзорѣнія намъ будутъ служить письма, немногіе помѣщенные въ газетѣ «Le Nord».

Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ прежде всего, что эсты, лотты и остатки ливовъ, покоренные на сѣверѣ ихъ земель датчанами, а на югѣ меченосцами, находились въ совершенномъ рабствѣ, что они не имѣли никакой собственности, что весь трудъ крестьянъ принадлежалъ помѣщику, безъ позволенія котораго крестьянинъ не имѣлъ права даже купить что нибудь на рынкѣ. Продажа людей не ограничивалась временемъ, ни возрастомъ, ни поломъ, ни семейными свя-

зани. Остзейские крестьяне продолжались даже за границу, въ Россію и въ Польшу. Только на островѣ Эзель и въ Курляндіи положение крѣпостныхъ было нѣсколько легче.

Съ XVII вѣка начались какъ бы нѣкоторые облегченія въ быту остзейскихъ крестьянъ, установившіеся въслѣдствіе мѣстныхъ обычаевъ, — и вообще злоупотребленія помѣщичьей власти стали встрѣчаться рѣже. Но законы были жестоки....

Первымъ дѣйствующимъ въ пользу угнетенныхъ остзейскихъ крестьянъ является знаменитый король польскій, Стефанъ Баторій. Извѣстно, что послѣ паденія Ливонскаго ордена, часть орденскихъ владѣній отошла подъ власть королей польскихъ. Въ 1582 году Стефанъ Баторій объявилъ лифляндскому дворянству, что необходимо облегчить участь селскаго населенія, угнетаемаго страшнымъ образомъ (*miris modis*). Сохраняется преданіе, что Баторій хотѣлъ замѣнить для лифляндскихъ крестьянъ тѣлесныя наказанія денежными пенями, но что крестьяне, находившіеся въ страшной нищетѣ, воспротивились сами этому способу выисканія.

Спротивленіе остзейскихъ крестьянъ введенію денежныхъ пеней легко объяснить. При уничтоженіи способа наказаній, не предполагалось однако измѣнить всю систему отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; власть была по прежнему обширна, и при ней произволъ послѣднихъ надъ первыми нѣсколько бы не уменьшился, — а помѣщикъ бралъ бы съ крестьянина еще денежную пеню на законномъ основаніи. Быть можетъ, я ошибаюсь, но я нахожу, что крестьяне поступали благоразумно, стараясь уклониться отъ новой налагаемой на нихъ тягости. Притомъ же они были въ нищетѣ, а г. составитель письма не говоритъ ничего, какъ предполагалъ Стефанъ Баторій поступать съ крестьянами, которые не могли внести пеню; вѣдь нужно же было придумать на подобный случай какое нибудь наказаніе, которое бы замѣняло денежный выискъ.

Сигизмунтъ III старался облегчить участь остзейскихъ крестьянъ, и въ особенности дѣлаетъ ему честь то, что онъ хотѣлъ достигнуть этого собственнымъ своимъ примѣромъ, начавъ облегченіе крестьянъ въ своихъ королевскихъ имѣніяхъ.

Но гораздо благотворнѣе на участь крестьянъ подействовало шведское господство: когда въ 1601 году Лифляндія была занята шведами, то герцогъ Эстерманландскій, царствовавшій потомъ въ Швеціи подъ именемъ Карла IX, предложилъ дворянству освободить крестьянъ и дозволить имъ дѣтямъ посѣщать школу. Въ 1620 году, при окончательномъ присоединеніи Лифляндіи къ Швеціи, Густавъ Адольфъ приказалъ допускать крестьянскихъ дѣтей въ

лишениі, основанную нѣ въ Ригѣ, и учредить комиссію для постановленія университетскихъ правилъ по помѣщичьимъ имѣніямъ.

Но самыми яркими поборниками крестьянскаго блага явился Карлъ XI. Онъ издалъ особый указъ въ 1697 году для управленія государственными землями, приглашая дворянство съобразоваться съ этимъ указомъ и въ отношеніи къ крестьянамъ, подвластнымъ этому сословію.

Восшествіе на престолъ Карла XII прекратило въ Лифляндіи благотворительныя реформы, предпринятыя его предшественникомъ, и въ 1710 году Лифлядія и Эстляндія были покорены нашимъ оружіемъ, а въ 1721 году, обѣ эти области, вмѣстѣ съ островами Эзелью, окончательно были, по Ништадтскому миру, утверждены за Россіей.

Распоряженія Петра относительно быта эстляндскихъ крестьянъ были благотворительны. Онъ въ 1716 году запретилъ въ краѣ, еще не окончательно за нимъ утвердившемъ, препятствовать свободѣ бряковъ между крѣпостными людьми. Спустя нѣсколько лѣтъ, государь запретилъ арендаторамъ казенныхъ имѣній самовольно располагать работами крестьянъ, проживающихъ въ этихъ имѣніяхъ. Но несмотря на эти указы и на подтвержденія ихъ въ 1728 и 1733 годахъ, положеніе крестьянъ, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, котораго они достигли въ царствованіе Карла XI, стало приходить въ упадокъ.

Составитель приводимыхъ нами писемъ весьма основательно дѣлаетъ это замѣчаніе, основываясь на оффиціальномъ отношеніи ландрата барона Розена, въ юстицъ-коллегію, отъ имени лифляндскаго дворянства, сдѣланномъ въ 1739 году. По всему видно, что этотъ баронъ былъ человекъ потетальнй и слишкомъ привязанный къ личнымъ выгодамъ, потому что онъ въ упомянутомъ отношеніи оставляетъ полное, неограниченное право помѣщика надъ его крѣпостными, и утверждаетъ, что всякое имущество, приобрѣтенное имъ, принадлежитъ ему. Въ добавокъ ко всему этому, баронъ замѣчаетъ, что нельзя не только уменьшать, но даже и увеличивать число исправительныхъ наказаній, которымъ помѣщикъ имѣетъ право подвергать своихъ крѣпостныхъ. Ландратъ отвергаетъ злоупотребленія помѣщиковъ, осылая на то, что эти злоупотребленія несовѣстны съ ихъ личными выгодами. Замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, такая апологія крѣпостныхъ нравъ, написанная барономъ Розеномъ, имѣла, какъ вѣздется, значеніе въ главахъ юстицъ-коллегіи, потому что аточеніе двадцати-пяти лѣтъ послѣ того дѣло обѣзвѣщенія была крестьянъ въ Эстляндскихъ губерніяхъ оставалось безъ всякаго движенія.

Послѣдствіемъ императрицы Екатерины II Лопатинъ въ 1764 году нѣколько благопріятнее вліянію на судьбу тамошнихъ крестьянъ. До императрицы дошлагое количество жалобъ, сама она увидѣла поразительную бедность крестьянъ и рѣшилась положить конецъ гнетушему самовластию. Несомнѣтельно своихъ высочайшихъ повелѣній императрица избрала генерала-губернатора графа Броуна. Онъ долженъ былъ пригласить дворянство, чтобъ оно приняло скорѣе и охотнѣе всѣ мѣры для пресѣченія зла, видѣннаго самой государыней. Въ 1765 году на ландтагъ, по настоянію графа Броуна, ливондское дворянство сдѣлало нѣсколько уступокъ въ пользу крестьянъ: оно обязалось не увеличивать повинностей, отбываемыхъ крестьянами, опредѣлить, однажды навсегда, слѣдующіе съ нихъ оброки; оно ограничило мѣру исправительныхъ наказаній и смягчило ихъ вообще; постановило учреждать сельскія школы и запретило продавать крѣпостныхъ на рынкахъ, или иностранцамъ на выносъ, подѣ страхомъ штрафа въ двѣсти червонныхъ, а также продавать мужа отдѣльно отъ жены, и жену отдѣльно отъ мужа, положивъ за это штрафъ въ четыреста червонныхъ.

Но на требованія графа Броуна, касательно правъ крестьянъ на собственность, на жалобы, а также касательно уничтоженія чрезвычайныхъ оброковъ и нѣкоторыхъ правилъ относительно исправительныхъ наказаній, ландтагъ отвѣчалъ неясно и уклончиво. Тогда генералъ-губернаторъ обнаружилъ благородную твердость и объявилъ собранію дворянства, что если оно не рѣшится произвести само необходимыя преобразованія, то правительство предприметъ ихъ съилье, и что тогда ужъ не будетъ обращено ни малѣйшаго вниманія ни на мнѣнія, ни на требованія дворянства.

Несмотря на это, ландтагъ отвѣтилъ первоначально въ смыслѣ отношенія, написаннаго въ 1739 году ландратомъ барономъ Розеномъ, и, неслушавъ противъ, предложилъ весьма замысловатое узаконеніе, по которому оно полагало наказывать за расточительность всякаго дворянина, разоряющаго своихъ крестьянъ, лишеніемъ права управлять имѣніемъ, не не какъ человѣка недостойнаго этого права, а какъ человѣка, который самъ себя разоряетъ! Всѣ дворяне единодушно приступили къ этому акту; среди нихъ раздался одинъ только голосъ въ защиту угнетенныхъ: этотъ голосъ принадлежалъ барону Шульцъ-фонъ-Ашераденъ.

Этотъ благородный человѣкъ давно уже преслѣдовалъ на дѣлѣ идею объ улучшеніи крестьянскаго быта. Онъ въ 1764 году замечатель на латышскомъ языкѣ особое положеніе, которое издалъ для руководства своимъ крестьянамъ. Дворянство въ этомъ образѣ дѣйствій барона Шульца видѣло страшный вредъ и опредѣленію

своего ламатага предприняло уничтожить это положеніе. Малая неза-
нѣтность, что этия положеніемъ баронъ Шульцъ не только пре-
доставлялъ крестьянамъ личныя права, только впоследствии вы-
данхья, но и уступалъ крестьянамъ право наследственнаго владѣ-
нія формами.

Но убѣжденія барона Шульца, высказанныя имъ ламатугу, не
подѣйствовали на него, и только настоянія графа Броуна за-
ставили дворянство рѣшить дѣло въ пользу крестьянъ. Благород-
ный баронъ Шульцъ возбудилъ противъ себя общее недовѣр-
ствіе въ то время, но спустя нѣсколько, портретъ этого человека, по
приговору дворянства, украсилъ одну изъ залъ Дворянскаго собра-
нія, находящагося въ Ригѣ.

Императоръ Павелъ I, тотчасъ по вступленіи своемъ на пре-
столъ, возстановилъ въ Остзейскихъ областяхъ прежній порядокъ
дѣлъ. Дворянство, въ видѣ признательности къ государю, поручило
составить ламатугу Сиверсу проектъ поземельнаго закона, имѣвшаго
цѣлью уменьшить тяжесть повинностей, лежащихъ на крестьянахъ.
Проектъ этотъ былъ напечатанъ въ Москвѣ и подписанъ импера-
торомъ и самимъ Сиверсомъ, который былъ избранъ въ депутаты
на коронацію. Императоръ препроводилъ этотъ проектъ на размо-
трѣніе Сенага.

Въ царствованіе императора Александра I рѣшилась основатель-
но участь остзейскихъ крестьянъ. Вскорѣ по вступленіи его на пре-
столъ, два эстляндскіе дворянина Лависъ и баронъ Штангелбергъ
обратились прямо къ государю съ просьбою объ утвержденіи нѣ-
которыхъ мѣръ, клонившихся къ улучшенію крестьянскаго быта въ
ихъ провинціи. Тогдашній предводитель дворянства фонъ-Бергъ
воспользовался этимъ случаемъ и въ 1802 убѣдилъ ламатага поста-
новить рядъ положеній, которые признавали бы: во 1-хъ право кресть-
янскою собственности; во 2-хъ невозможность лишать крестьянина
фермы безъ судебного, безпристрастнаго приговора; въ 3-хъ наслед-
ственную передачу фермъ дѣтямъ и вдовамъ, исключая случаевъ ихъ
неспособности, юридически, впрочемъ, доказанной; въ 4-хъ право
крестьянъ судиться не у помѣщиковъ, но въ особыхъ крестьян-
скихъ судахъ, а смотря по родамъ преступленій, и въ общихъ суди-
лищахъ; въ 5-хъ, огражденіе продажи крѣпостныхъ людей безъ
земли, и въ 6-хъ, учрежденіе нѣкоторыхъ новыхъ властей, исклю-
чительною обязанностію которыхъ была бы разборъ жалобъ крестья-
нъ на помѣщиковъ.

Предводителю Бергъ представилъ этотъ проектъ императору
4 іюля 1802 года; спустя десять дней, государь удостоилъ предво-
дителя рескриптомъ съ изъявленіемъ благодарности и съ пригла-

женіемъ воспѣшить охотѣнствъ двусторонняго труда, предпринятое дворянствомъ, а 2 сентября того же года государь рескриптомъ на имя Борта дозволилъ обнародовать новый уставъ на восточсконъ языкѣ, объявивъ, что до времени императоръ остается доволенъ.

Дѣйствительно, крестьянскій уставъ 1802 года нельзя признать окончательнымъ актомъ объ устройствѣ восточскихъ крестьянъ, такъ какъ въ немъ вовсе не было опредѣлено ни границъ исправительныхъ наказаній, предоставленныхъ волѣ помѣщика, ни количество крестьянскихъ повинностей.

Вслѣдствіе этого, 27 августа 1804 года, было Высочайше утверждено новое временное положеніе, заключающее въ себѣ нѣкоторые дополнительные распоряженія.

Такія дѣйствія восточскаго дворянства навели на мысль люфляндскаго ландрата Сиверса просить государя объ утвержденіи Положенія, представленнаго имъ въ 1797 году императору Павлу и препровожденнаго имъ на разсмотрѣніе Сената.

17 февраля 1802 года собрался Люфляндскій ландтагъ; на немъ происходили жаркія пренія, прежде чѣмъ дворянство согласилось на тѣ предположенія, которыя были имъ приняты, какъ основанія общаго устава объ устройствѣ крестьянъ. Тогда императоръ, рескриптомъ отъ 11 мая 1803 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, приказалъ учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія предположеній ландтага, и въ 1804 году, 20 февраля, по окончаніи комитетскихъ работъ, было утверждено императоромъ новое статистическое Положеніе.

Вотъ главныя основанія этого Положенія:

1) Право располагать личною крестьяниномъ безъ земли, на которой онъ живетъ, уничтожено окончательно.

2) Помѣщикъ не имѣетъ права принудить крестьянина, безъ его согласія, оставить сельскія работы и поступить къ нему въ личное услуженіе.

3) Совершенная свобода крестьянина вступать въ бракъ по его волѣ, безъ спроса и безъ согласія помѣщика.

4) Запрещеніе переселять крестьянина, безъ его согласія, съ одного мѣста на другое.

5) Крестьянинъ имѣетъ право избирать изъ среды своего сословія судей: общиннаго, приходскаго и окружнаго.

6) Наказанія за проступки могутъ быть назначены только по приговору суда.

7) Исправительныя наказанія, опредѣляемыя самимъ помѣщикомъ, не могутъ превышать пятидесяти палочковыхъ ударовъ.

- 8) Разрѣны стѣются общими, а не помѣщичьими; послѣдній не имѣетъ располагать въ этомъ случаѣ только своими дворовыми людьми.
- 9) Лѣсъ, необходимый для построекъ и топленія, долженъ быть вывезенъ крестьянамъ отъ помѣщика безплатно.
- 10) Отноительно купли, продажи и наслѣдства разнаго рода, крестьяне подчинены общимъ законамъ имперіи.
- 11) Крестьянинъ свободенъ отъ всякихъ личныхъ оброковъ; они платятъ только на землю, которою онъ пользуется.
- 12) Контрактъ на аренду фермъ наслѣдственъ.
- 13) Извѣстная часть земли уступается безплатно крестьянину; доходъ съ нея идетъ на покрытіе государственныхъ повинностей.
- 14) Повинности, зависящія въ урочныя положенія (Wacken-facher), не могутъ быть въ послѣдствіи увеличены.
- 15) Начала шведскаго кадастра 1687 года должны служить основаніемъ для оцѣнки земли.

Кромѣ того, этимъ Положеніемъ опредѣлена оцѣнка барщины пѣшими и конными днями или дневныхъ работъ, а также пространство земли, обрабатываемой для помѣщика барщиною.

Ну, а что же подбуждаетъ у насъ гласность? спросить. быть можетъ, нѣкоторые читатели «Современнаго Обозрѣнія». Какъ что, да разныя попрежнему пороки, проникаетъ въ тайники человеческихъ сердецъ, указываетъ на вѣточниковъ, укоряетъ неслобосовѣстныхъ спекуляторовъ, обнаруживаетъ зло нашей общественной, гражданской и домашней жизни; однимъ словомъ, работаетъ—да и только.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что и гласность бываетъ разныхъ родовъ: есть гласность касательно дурныхъ сторонъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ нашихъ учрежденіяхъ, есть гласность насчетъ кое-какихъ полезныхъ прозектовъ, наконецъ является у насъ гласность даже и для распространенія извѣстности собственныхъ своихъ дѣяній. Такъ однажды кто-то объявлялъ въ газетахъ, чтобы его не смѣшивали съ его однофамильцемъ писателемъ и для отличія двухъ сомнѣнныхъ личностей обращали бы вниманіе на ихъ чины; даже одно торговое лицо объявило, что оно не будетъ занимать денегъ у такого-то; встрѣчается также печальная гласность облудномъ сытѣ, за котораго его родители не думаютъ платить долги, объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе.

Всѣ согласятся, что это гласность и гласность весьма необходимая.

Но иногда гласность теряетъ свою силу, если при ней является обликъ челоѣка, такъ сказать, фарисейски пользующагося ею. Притѣрнѣ тому можетъ служить г. Шадиновъ, который, укоряя не-

нмущихъ взяточниковъ возгласилъ: «пара крикнути на всю Россію, и этихъ нехотѣ сказалъ довольно острый казанбуръ. Г. Надимовъ положительно кричалъ, что взятки брать грѣшно, но нашлись однако люди, которые тоже весьма положительно, посредствомъ гласности, замѣчали г. Надимову, что и онъ, хотя не денежный, но въ своемъ родѣ тоже порядочный взяточникъ, положимъ хоть жеманнѣе сердецъ, и что онъ, при таковыхъ условіяхъ, образецъ для господъ чиновниковъ служить не можетъ.

Такимъ образомъ г. Надимовъ, обнаруживъ свою пустую личность, потрясъ въ глазахъ людей благоразумныхъ истинность своихъ возгласовъ противъ взятокъ; взятки наврядъ ли прекратились отъ этихъ возгласовъ, а г. Надимовъ, какъ говорится, со скандаломъ долженъ былъ сойти съ тѣхъ подмостковъ, на которые онъ взгромоздился.

Сочетаніе гласности своихъ мнѣній съ личностью самого г. Надимова, привело нѣтъ на память одинъ невымысленный мною, но истинный случай.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я зналъ пресмышленнаго, преко-реннаго русскаго человѣка. Далъ ему Господь Богъ не пустую голову, далъ ему и бодрость, и охоту, и силу для того, чтобы трудиться, далъ также ему и доброе сердце, которое готово было сочувствовать многому изъ того, что могло быть хорошо и полезно для ближнихъ. Мой знакомый началъ свою жизнь очень скромно; но счастье повезло ему, и онъ постепенно сдѣлался, изъ повѣреннаго по откупу, участникомъ все болѣе и болѣе возраставшихъ паевъ, потомъ сталъ половинщикомъ въ откупѣ, довольно значительномъ, и наконецъ сдѣлался самостоятельнымъ откупщикомъ, а изъ откупщика превратился въ миллионера. Славно зажилъ мой знакомый, но стала мучить его охота о своей собственной гласности. Постарѣлся онъ, и тутъ счастье повезло ему, потому что имя его заходило сперва въ какомъ-то чадѣ, въ туманѣ, а потомъ стало уясняться все болѣе и болѣе. Сперва о моемъ знакомомъ говорили только по поводу бѣны (разжиженнаго или указныхъ градусовъ. — сказать не могу). Запрыгало отъ радости сердце Петра Андронича, такъ звали моего знакомаго; спустя нѣсколько времени, ни съ того ни съ другого, стали поговаривать объ его необыкновенномъ умѣ, о разныхъ про-ектахъ, будто бы имъ составляемыхъ, заговорили объ его загородномъ домѣ, о поѣздахъ въ этотъ домъ, о короткомъ знакомствѣ Петра Андронича съ значительными особами и о состояніи при немъ, какъ бы на службѣ, нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ довольно крупные чины.

Но всего этого казалось мало Петру Андроничу для распростра-

не тайности о себѣ самомъ. Онъ умѣлъ повести дѣло такъ, что явился партиска, на которой онъ былъ представленъ въ полужаждномъ положеніи. Нѣтъ! дѣла такъ казалось ему и этого мало для распространенія гласности о себѣ самомъ. Онъ принялся сочинять разныя застольныя рѣчи, имя его сдѣлалось еще громче; ободренный перьями уснѣхомъ, онъ принялся сочинять для русскихъ журналовъ, — еще громче сдѣлалась о немъ гласность. Не удовольствовался и этимъ Петръ Андровичъ, и давай писать по-французски. Какъ, впрочемъ, писалъ онъ по французски, не зная ни слова на этомъ языкѣ, я уже не знаю. Вслѣдствіе всего этого, мой знакомый изъ дочтеннаго человѣка сдѣлался презабавною личностью, но за то гласность объ этой личности разнеслась во всѣ стороны, и его чисто русское прозвище, отпечатанное внизу статьи французскими буквами, явилось въ кофейнѣ Сандвичевыхъ Острововъ. Чего же еще болѣе желать?

Мой знакомый, какъ я сказалъ, былъ человѣкъ пресмѣтливый, и поэтому, когда ему представилась возможность обратить свои огромные капиталы на предпріятія болѣе выгодныя и соединенныя съ гласностью болѣе пріятною, чѣмъ гласность, сопровождавшая ежминныя операціи, то онъ бросилъ эти послѣднія и принялся, ради окончательнаго упроченія гласности о себѣ самомъ, вопить предъ того пѣрдка, которымъ онъ самъ прежде умѣлъ такъ общедобовно воспользоваться; мало этого — приняло на него такое самозабвеніе, что онъ позабылъ о томъ, какъ онъ самъ ловко разжился на счетъ слабостей своихъ ближнихъ и принялся за обвиненія пороковъ и зла.

Помню, что однажды я зашелъ какъ-то къ Петру Андровичу. Онъ сидѣлъ за чаемъ и покуривалъ дорогую сигару. Подлѣ Петра Андровича сидѣлъ человѣкъ въ синей чуйкѣ, съ виду его ромесникъ. Съ перваго разу можно было замѣтить, что гость Петра Андровича былъ бойкій ярославецъ. Ярославецъ держалъ фарфоровое блюдечко на пяти поднятыхъ вверхъ пальцахъ и, подувая на чашку и прикусывая сахаръ, пошивалъ съ удовольствіемъ теплую влагу. А между тѣмъ они съ Петромъ Андровичемъ вели дружескую бесѣду.

— Ну, чтожъ? говорилъ хозяинъ: — ну и написалъ, такъ чтожъ? заботѣлъ, сѣлъ да и написалъ. А мнѣ что за дѣло, если говорить, что написалъ я худо. Я и напередъ зналъ, что пророку чести во своемъ отечествіи не бывать! Не оцѣнили меня соотечичи, такъ я и сталъ писать по-французски...

При этихъ словахъ чуйка пырсинула отъ смѣху, поперхнулась чаемъ и сахаромъ и, схватившись за животъ руками, спросила, заливаясь хохотомъ:

— А для чего-жь не по-нѣмецки? Вѣдь тебѣ, чай, Петръ Андроничъ, продолжала сияла чуйка, понатыкала се ошпѣху: — ~~самому~~ писать какъ по французски, такъ и по нѣмецки. Инишь мы знаемъ съ тобой и на томъ и на другомъ; да когда мы съ тобой и по русскому-то говоримъ, то и тогда намъ нами нескѣняются, ~~большо~~ до, молъ, на «онъ» да на «глаголь» напирасимъ. Ну а попробуй, ~~сн~~жи-ка мнѣ что нибудь по французски, аь по нѣмецки, все равно. Ну, мусь, начинай, а я послушаю.... Аь не можешь, говори правду?

Петръ Андроничъ насупился и важнымъ голосомъ сказалъ сией чуйкѣ:

— Государственныя условія Россіи требуютъ того, чтобъ и ~~даль~~ гласность своему образу мыслей; это современная потребность для исправленія нашихъ грѣховъ и ошибокъ.

— Такъ вишь оно што, сказала, ухмыляясь, сияла чуйка: — да о чемъ же станешь писать?

— Говорить тебѣ, объ общественномъ злѣ.

— Такъ вишь оно што, повторила сияла чуйка. — Станешь писать, продолжала она: — о томъ, что ты видѣлъ, да слышалъ, такъ сдѣлаешь добро; гнѣвить Господа Бога нечего, смысломъ тебя онъ не обидѣлъ, дорогу многому показать можешь и по коммерціи, и по откупной комплексіи; а какъ примешься толковать о грѣхахъ ближняго, такъ, чего добраго, пригвоздятъ твою гортань словомъ евангельскимъ, гдѣ говорится: спицу видишь въ глазѣ брата своего, а въ своемъ и бревна не замѣчаешь! Вѣдь надо сказать по правдѣ, Петръ Андроничъ, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ. Что намъ съ тобой кричать на зло, на худо, которое въ нашей матушкѣ Расѣюшкѣ водится. Да развѣ мы-то съ тобою передъ судомъ, не только Божескимъ, но и человѣческимъ, нежить сухокожики изъ воды выдти? Вѣдь, Петръ Андроничъ, и мы съ тобою въ общихъ злахъ свою долю взяли. Каются бы намъ, а не корить своихъ ближнихъ. Вспомни-ко, продолжала заунывнымъ голосомъ почтенная чуйка: — сколько мы народу сааго честнаго, да только, на бѣду, немущаго, разнаго рода приношеніями на свою сторону приворачивали-то за нотачку, то за ноблажку, то за молчанку, то за проволочку дѣла, то за то, чтобъ съ нашей, большой головы, да на чужую, здоровую, свалили. Эхъ, Петръ Андроничъ, вспомнилъ бы ты все это.

Тутъ чуйка вздохнула и прихлебнула чайку.

— Правда, что милосердаго и долготерпѣливаго Господа Бога мы съ тобой не слишкомъ просиѣвали. Благословилъ Онъ насъ избыткомъ, да вспомни только, что денешники-то наши пришли къ намъ

отъ трудовыхъ заслугъ, сколотить изъ потока нашей же братки кружечку....

Тутъ чуйка нагнулась къ уху Петра Андреевича, заслонила своею рукою и начала что-то тихо шептать; изъ всего шопота ямогъ только слышать:

— А водица-то?

— Такъ что же, начала опять громко чуйка, смиренно покачивая головою: — встати ли намъ, послѣ всего этого, за добродѣтемъ расхаживать? Твори, Петръ Андреевичъ, твори добро, Христосъ возмездилъ это; да твори безъ гласу трубнаго, твори, какъ учить Евангеліе, чтобъ лѣвая рука твоѣ не вѣдала, что творить правая, — а то трубимъ про себя громко, а въ писаніи-то сказано, что Отецъ Небесный видитъ все въ тайнѣ, воздастъ тебѣ въ явѣ....

Слова разсудительнаго гостя не подѣйствовали на хозяйку: гласность, шумливая гласность тревожила моего знакомаго....

Впрочемъ, зачѣмъ разсказывать частныя примѣры гласности? Лучше посмотрѣть, что вообще у насъ сдѣлала гласность въ теченіе минувшаго мѣсяца. Статей, отличающихся ею, явилось весьма немного и, какъ намъ кажется, особенно замѣчательна этимъ догрити свойствомъ превосходная статья г. Кокорева, помѣщенная въ первомъ номерѣ «Русской Бесѣды», подъ заглавіемъ «Путь Свѣтоносильцевъ».

Простое заглавіе этой превосходной статьи вовсе не обѣщало такой огненной гласности и такихъ энергическихъ обличеній, какія мы нашли въ этой превосходной статьѣ. Мы, судя по заглавію, ожидали, что статья эта будетъ статья лирическаго свойства, а между тѣмъ изъ нея вышла статья преположительная, пренсторическая, препочительная, преблагонравѣренная и прегласная.

Мы рѣшаемся познакомить нашихъ читателей съ этою превосходною статьею г. Кокорева, предѣливъ однако въ тоже время нѣкоторыя противъ нея возраженія. Намъ кажется, что познакомить нашихъ читателей съ этою статьею нужно еще и потому, что ина г. Кокорева, какъ новаго писателя, явилось въ одно и то же время, какъ въ русскомъ журналѣ, такъ и въ одной французской газетѣ. Литературныя труды г. Кокорева при этихъ условіяхъ обихаживаютъ въ молодомъ писателѣ замѣчательныя дарованія, потому что писать отлично по-французски, и въ тоже время такъ оригинально, такъ кудряво, такъ самобытно, такъ плавно, такъ энергически излагать свои мысли по-русски — дѣло нелегкое. Способности владѣть въ совершенствѣ двумя языками, слѣшкомъ различными и по духу и по оборотамъ — достается немногимъ, только весьма даровитымъ людямъ.

Статья г. Кокорева начинается весьма удачною характеристикою наших героев — черноморцевъ, но только намъ не совсѣмъ понравилось въ этой характеристикѣ замѣчаніе, что черноморцы зарекаясь душою, точно также, какъ и русскій переобразный человѣкъ, когда были присташи спасенія на стогнахъ Кіева, Владимира, Москвы и Нижняго. Сказано очень кудраво и мѣтко, но не совсѣмъ ясно. Впрочемъ, это почти неизбежное неудобство для того, кто владѣетъ разомъ двумя языками; поэтому, кажется, въ статьѣ г. Кокорева на одной страницѣ встрѣчается французскій, нетерпимый въ русской рѣчи, оборотъ, и именно: «склонялся ко сну, стало мнѣ мерещиться» и пр. Совершенно не по-русски, чисто переводъ съ французскаго.

Впрочемъ, неясность выраженія и несправильность искупается слѣдующею прекрасною мыслью, которая можетъ быть принята, какъ афоризмъ: «стремленіе къ исполненію долга доступно лишь только тѣмъ, кто пренебрегаетъ чувства любви ко всѣмъ, кто въ личныхъ своихъ успѣхахъ, навосланихъ вредъ другому, видитъ общее зло, а въ успѣхахъ человечества — собственный ростъ». Какая высокая, какая смѣлая, какая правильная мысль!

Проповѣдуя энергически *самозабвеніе и общелюбіе*, г. Кокоревъ замѣчаетъ весьма справедливо, что «тяжело стало нашему корыстному и мельчающему вѣку хранить это священное наслѣдіе, полученное нами, по словамъ г. Кокорева, отъ нашихъ, славныхъ предковъ; чувство общелюбія стало угасать, а за тѣмъ послѣдовала утрата самозабвенія. Опустѣли мѣста нашего сердца замкнулись заботою о самихъ себѣ, и умъ сталъ опираться на истинную подопру самозабвенности». Но, замѣтимъ мы, къ счастью нашего вѣка явился г. Кокоревъ. Мы твердо убѣждены, что этотъ писатель возстановитъ упавшее и раздуетъ угасшее! Честь ему и слава!

Но если мы соглашаемся съ возвышенными мыслями г. Кокорева и если даже имѣемъ крѣпкія надежды на молодого нашего писателя, то все таки мы не можемъ согласиться съ его словами: будто Севастопольскій громъ, принимаемый земной суетой за послѣдствіе дипломатическихъ недоразумѣній, объясняется христіанскимъ созерцательнымъ смиреніемъ — явленіемъ гнѣва Божія.

Нѣтъ, г. Кокоревъ, Тотъ, Кто, по словамъ Спасителя, великъ солнцу одинокое восходить надъ злыми и добрыми и Кто посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, тотъ не явитъ своего гнѣва.

Вспомните, г. Кокоревъ, что, по словамъ Св. Писанія, Богъ не ищетъ смерти даже грѣшника. Христіанскій Богъ есть Богъ любви и благодати, а не Богъ гнѣва. Притомъ, скажите, чѣмъ же грѣшна наша добрая, наша святая, наша Православная Русь? Зачѣмъ тол-

кошеть, г. Кокоревъ, о томъ, что вы сами, никакъ какжетъ, книжкомъ
може понимаете!

Другой вашъ авторимъ, гласящій на 118 страницъ, что въ
важныхъ случаяхъ, поименно всѣхъ должнѣхъ и замисловатыхъ со-
ображеній, очень полезно прибѣгать къ особому особей русской
науки. Эта особая наука такова, что всѣ прочія (видли г. Кокоревъ
хорошо знаетъ всѣ науки) служатъ ей какъ бы только срединнѣхъ
къ развѣтвленію ума, и безъ этой приращенной научъ науки ничто-
го сдѣлать нельзя. Таковая, Богомъ данная намъ, наука называеца
глазомѣръ.»

Вотъ теперь мы постигаемъ всю важность статьи г. Кокорева.
Какъ иногда отыщешь корень всего тамъ, гдѣ и не ожидаешь. У
насъ бывало объ усилѣхъ просвѣщенія, сѣтуютъ на медленности
ихъ, но теперь оказывается, что науки безъ г. Кокорева не поше-
нутся впередъ. Вотъ вамъ, всѣ господа, сильные дѣлатели наукъ!
Зачѣмъ же вы вводили насъ въ обманъ на отчетъ усилѣхъ науки?
Г. Кокоревъ обличилъ васъ, что вы ничего не могли сдѣлать безъ
глазомѣра! Помните вы слова нашего поэта:

«Какихъ ни вымыслилъ пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.»

И дождался вы этого: г. Кокоревъ неожиданно, безжалостно,
безмеременно снялъ съ васъ личины и обнаружилъ, о мужи бум,
ваше невѣжество. Но будемъ надѣяться, что г. Кокоревъ откроетъ
со временемъ курсъ «Русскаго глазомѣра» и приластъ быстрый
бѣгъ просвѣщенію. Друзья человѣчества являются рѣдко, но за то
хитрая и разнообразная ихъ дѣятельность творить много благъ!

Но покуда исполнятся наши ожиданія, мы безъ «развѣтвленія
ума» скажемъ, что на глазомѣръ, хотя бы и русскій, больно много по-
лагаться нельзя, не только, какъ совѣтуетъ г. Кокоревъ, въ дѣлахъ
важныхъ, но даже и въ самыхъ малыхъ.

Читатели «Современнаго Обозрѣнія» извинятъ насъ за неосла-
бительность нашего разсказа о превосходной статьѣ г. Кокорева:
чтожъ дѣлать, когда онъ самъ, съ сопутствующими ему Севасто-
польцами, бросается изъ одного конца Россіи въ другой, и на одной
и той же страницѣ сѣшиваесть разсужденія «о дипломатическихъ
подслукахъ» съ сатирическойзамѣткой объ «освѣжающемъ квасѣ.»

Воздавая хвалу Москвѣ, очень остро называемой г. Кокоревымъ
«Всероссійскимъ пріютомъ», кто-то въ вагонѣ сказалъ:

— А славный квасъ въ Москвѣ, не выдохшійся, забористый.

— Оттого и хорошъ, отвѣчаетъ, какъ кажется, самъ г. Кокоревъ: — что домашній, не продажный; въ немъ есть сила — дрожжи.

— А отчего въ Питерѣ мало хорошаго квасу? опять спрашиваетъ кто-то, а можетъ быть — и самъ г. Кокоревъ.

— Тамъ въ ходу все кислыя щи, а если есть квасъ, то больше рижскій. Квасъ этотъ вовсе не хлѣбный, а какое-то горько-сладкое сѣшеніе, производящее тошноту. Кислыя щи хоть и кипятъ, и струю даютъ, но не отъ закваски, а отъ искусственной игры, — поташа подкладываютъ.

— Такъ поташа подкладываютъ? спрашиваетъ кто-то изъ нихъ, — а можетъ быть — и самъ г. Кокоревъ.

— Ну да, вѣдь тамъ они въ продажу поступаютъ, а всякій товаръ лицомъ продается, — вотъ и нуженъ поташъ: отъ него поминуть немного, какъ откупорятъ бутылку, а ужъ другую половину всегда допиваютъ насильно.

Каковъ нашъ молодой писатель? Шипучій, шипучій! О, какъ завиденъ жребій писателя, который съ перваго раза попалъ не въ бровь, а въ глазъ всѣмъ акалеміямъ и въ тоже время такъ увлекательно, въ формѣ драматическаго изложенія, умѣетъ преслѣдовать общественное зло въ дрожжахъ, въ квасѣ, въ кислыхъ щахъ и даже въ водянистомъ винѣ, о которомъ онъ самъ упоминаетъ на одной страницѣ.

Замѣтка г. Кокорева привела меня въ поэтический восторгъ, я вспомнилъ то время, когда я кропалъ стихи, собрался съ силами и сочинилъ нашему новому писателю слѣдующее плохое восьмистишіе:

Какъ русскій умъ отвсюду прыснулъ
(Онъ только ждалъ счастливыхъ дней)!
Глядь: Кокоревъ въ «Бесѣдѣ» тиснулъ
Словцо о порчѣ кислыхъ щей!
Въ словцѣ томъ вовсе нѣтъ искусства
И пришибаетъ зло оно,
Какъ пришибаетъ въ людяхъ чувства
Указной крѣпости вино!

Добрыя качества нашего народа, прогнѣвившаго, однако, не мнѣню г. Кокорева, Господа Бога, описаны весьма умышленно. Изъ статьи почтеннаго автора мы узнаемъ, что у насъ есть много добродѣтельныхъ людей: стоитъ только поискать, замѣчаетъ г. Кокоревъ. Не даромъ же, по словамъ его, русскій человѣкъ, при обширныхъ *всядныхъ* (отчего бы не сказать и *всемитныхъ*) злоупотребленіяхъ, говоритъ: «все же есть еще добрые и честные люди! вѣдь держится же чѣмъ нибудь бѣлый свѣтъ!» Весьма справедливо мы съ своей стороны только добавимъ, что литераторы, подобныя

г. Кокореву, служить не малою для него поддержкою. Очень желательно, чтобъ эти господа пропались, какъ выражается г. Кокоревъ, «по тѣмъ разрядамъ человечества, гдѣ люди ходятъ на ходуляхъ, гдѣ всякія пятна закрыты свѣтлыми занавѣсками, да какими еще дорожками: гобеленовскими, брюссельскими...» (слѣдуетъ нѣсколько толчекъ.) Каково обличеніе? Какова гласность! Мы бы только хотѣли посмотреть на бытъ литераторовъ, нападающихъ на дорогія занавѣски. По всей вѣроятности, эти господа должны жить сами, какъ настоящіе Чатертоны....

Впрочемъ, говоря откровенно, мы въ нападкахъ г. Кокорева на занавѣски не видимъ большой искренности; статья можетъ, самъ авторъ статьи обладаетъ этими предметами, конечно только не для закрытія пятенъ. Думать последнее мы не имѣемъ никакого права, а о первомъ заключаемъ изъ того, что г. Кокоревъ говоритъ, что онъ въ оперѣ будетъ сидѣть на *пятирублевомъ* креслѣ. Отчего же тотъ, кто спитъ на такомъ креслѣ, не можетъ имѣть занавѣсокъ? Мало того, что г. Кокоревъ усядется на это кресло, — онъ вѣдь что будетъ дѣлать: «теперь, говоритъ зочтенный авторъ, когда буду сидѣть въ *пятирублевомъ* креслѣ, то непременно вспомню, что сижу на десяти кулахъ ржи по Тамбовской цѣнѣ.» Конечно, вольному воля, спасенію рай, но зато и я, когда разсядусь на такомъ же креслѣ, то и вспомню, что я сижу не на десяти кулахъ ржи, а только на $1\frac{1}{2}$ ведра простаго вина, и буду думать съ тѣмъ же знакомъ восклицанія, съ какимъ самъ г. Кокоревъ думаетъ, слѣдующее. «Вотъ и еще несообразность: цѣна за ведро посредственнаго вина $4\frac{1}{2}$ руб., затѣмъ надобно продать 9 четвертей ржи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она по 50 коп. чтобъ купить одно ведро вина.» Какова гласность!

Отъ обличеній, высказанныхъ съ такимъ мужествомъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію предположеній г. Кокорева. Они заслуживаютъ вниманія, потому что охватываютъ всю Россію, конечно, по глазомѣру, по правиламъ особой русской науки, которую, впрочемъ, я, — быть можетъ и ошибочно, — называю: *на авось или на фу-фу*. Въ «Пути Севастопольцевъ» у г. Кокорева является и Архангельскъ, и Оренбургъ, и Астрахань. Нечего сказать, пришлось же нашимъ храбрымъ морякамъ, истомленнымъ въ бояхъ, погулять за г. Кокоревымъ; честные защитники нашей славы хотятъ ѣхать въ Петербургъ, а г. Кокоревъ сворачиваетъ ихъ путь во всѣ стороны, какъ будто онъ не могъ выбрать для своихъ прогулокъ по Россіи другое время.

Предположенія г. Кокорева о разныхъ въ Россіи улучшеніяхъ начинаются съ торжковскихъ башмаковъ и валдайскихъ колокольчиковъ. Предположенія эти прерываетъ поэзія, именно «восходя-

щая луна, озаряющая безконечныя равнины, облегающія желѣзную дорогу.» Г. Кокоревъ предается мечтаніямъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и по поводу этого говоритъ приведенный нами замѣчательный афоризмъ: «*объ обращеніи, помимо вѣсти дѣлать изъмысловитыхъ соображеній, къ глазомѣру*». Едва ли впрочемъ можно допустить это мнѣніе нашего новаго наставника. Кто изъ людей, дѣйствительно мыслящихъ, а не вопиющихъ только, согласится отвергать выводы наукъ, честно трудившихся для пользы человечества въ теченіе вѣковъ, для того, чтобы, по зову г. Кокорева; прежде всего обратиться къ русскому глазомѣру? Это будетъ не-кстати, потому что тотъ же самый глазомѣръ паки послужить въ пользу собственнаго кармана и даже портмоне съ золотымъ ободочкомъ.

Что же касается глазомѣра г. Кокорева, то на первый разъ, это на первый разъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать противъ этой науки нѣкоторые возраженія.

Напримѣръ, г. Кокоревъ говоритъ, что при постройкѣ одной вѣтви дороги по направленію отъ Москвы въ Саратовъ *длиною въ 600 верстъ*, посредствомъ Волги, Урала, Кавказа, Персіи, Туркменціи и Закавказья, Астрахань съ рыболовствомъ, пшеница и сало приволжскія, соль озерная и прочее (?) — будутъ находиться у *Москвы подъ руками*. Такимъ образомъ, *самой дальней стороны Астрахани* нужно будетъ менѣе 7 дней (т. е. можетъ быть четыре, а можетъ и три, а кто знаетъ? — можетъ даже и два; вѣдь и два, пожалуй, менѣе семи) *на перѣздъ въ Москву*. Быть можетъ, у г. Кокорева есть свои глазомѣрные доказательства на то, что первая желѣзная дорога, которая должна идти изъ *Москвы въ Саратовъ*, можетъ быть длиною только въ 600 верстъ. О томъ, что нашъ юный въ литературѣ, но тѣмъ не менѣе почтенный писатель, имѣетъ подобныя (т. е. глазомѣрные) доказательства, мы не споримъ и потому не рѣшаемся опровергать его предположеній; но только, въ видѣ вопроса, выставляемъ съ своей стороны слѣдующіе факты: и по глазомѣру, и по геометріи извѣстно, что прямая линія есть *кратчайшій* путь между двумя точками, а между тѣмъ прямая линія, т. е. *кратчайшій* путь отъ *Москвы* до *Саратова*, исчисленный по градусамъ долготы и по масштабу почтовой карты Россіи, и даже по глазомѣру, никакъ не *менѣе 800 верстъ*; спросимъ же теперь г. Кокорева, какимъ образомъ на прямомъ разстояніи, простирающемся по крайней мѣрѣ на 800 верстъ, онъ проводить желѣзную дорогу *только въ 600 верстъ*, и какъ распорядится онъ двумя сотнями остальныхъ верстъ? Развѣ возьмемъ версты по глазомѣру, и онѣ будутъ у него не въ 500, а положимъ — въ 600 сажень? А быть можетъ онъ — и прямо разъяснитъ наши

недоумѣнія нашии выбулъ удовлетворительными объясненіями. Какъ бы то ни было, но мы, узнавъ изъ статьи нашего молодого писателя, что желѣзная дорога изъ *Москвы въ Саратовъ* можетъ простираться только на 600 верстъ, пришли въ крайнее недоразумѣіе.

Конечно, если у самаго перваго профессора глазомѣра встрѣчаются такіе промахи, то что же будетъ у его не столь способныхъ учениковъ? А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что господинъ Кокоревъ, кромѣ глазомѣра, имѣетъ даръ угадыванія. Мы дивимся тому, что пріѣзжіи къ намъ французскій виконтъ-фокусникъ отгадываетъ карты и книги, а не дивимся г. Кокореву, который угадалъ, что въ Россіи есть 5 миліоновъ курящихъ. На сколько миліоновъ ошибся г. Кокоревъ въ этомъ случаѣ, мы рѣшить не можемъ, považивъ то, что на этой угадкѣ г. Кокоревъ основалъ обширную финансовую операцію. Послушайте почтеннаго автора: «Итакъ на первое время нужно 1260 верстъ необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы достигнуть общей связи въ сообщеніяхъ. Безъ излишней роскоши 1260 верстъ можно построить съ *небольшими* на 100 мил. руб. Не гдѣ взять ихъ? Возникаютъ безконечные вопросы о гарантияхъ, займахъ и т. п. Укажу на новую статью дохода—табакъ. Эта статья можетъ дать въ *десять лѣтъ сто миліоновъ*, следовательно (логика очень вѣрна) стоитъ только установить *правильную* пошлину и въ *десять лѣтъ на счетъ прироста* явится желѣзные дороги! (Знакъ восклицанія и въ подлинникѣ). Вотъ *доказательства* возможности: въ Россіи есть 5 миліоновъ курящихъ. Положимъ, что изъ нихъ полмиліона достаточныхъ, два среднѣхъ и два съ половиною маломущихъ. Расположите сборъ по сортамъ табаку, такъ, чтобы достаточный заплатилъ до 10 руб., средній въ рубль, маломущій только гривенну. Итогъ сбора *выдѣланный* и ни для кого не тягостный». Каконъ провить? Сколько въ немъ *доказательствъ*! Сколько въ немъ *вѣрныхъ* данныхъ! Сколько въ немъ вниманія и къ достаточности и къ маломущности ближняго!

Когда проектъ этотъ прочиталъ мой знакомый Петръ Андроничъ, то онъ, крѣпко насупившись, сказалъ жолчно: мало ли что пишетъ г. Кокоревъ! Онъ писатель еще новый, должно быть молодой, гоняется за вычурностью; а собственно—то говоря, проектъ его въ стоѣ вовсе не почтенный.

— Ну, сказалъ я:—однако же, Петръ Андроничъ, прицумайте-ко! *мыслимъ, что выбулъ* подобное?

— А чтоли, слушайте: въ Россіи есть 26,753,046 человекъ, *смерзавшихся* въ платки. Положимъ, что изъ нихъ 839,648 человекъ богатыи и что они употребляютъ заграничные платки;

или батистовые платки; 9,346,655 достаточныхъ: они употребляютъ или полотняные, или московскіе фуляровые; 16 548,743 малошущихъ, они употребляютъ бумажные. Расположите же теперь сборъ по сортамъ платковъ, такъ, чтобы богатый заплатилъ до 3 руб. пошлины въ годъ, достаточный — одинъ рубль, а малошущій только гривенну; и я скажу вамъ точно такъ же, какъ говоритъ въ книжкѣ г. Кокоревъ, что итогъ сбора выйдетъ *почтенный и ни для кого не тягостный*? Вѣдь платки тоже прихоть. Вотъ доказательства: крокъ 26,000,000, остальные же утираютъ въ Россіи носъ — кто рукавицей, кто тряпичкой, кто полкой, а кто и просто пальцами; послѣдніе въ счетъ и у меня нейдутъ: на эту голь перекатную и рассчитывать нечего!

— А какъ будто, замѣтилъ я: — рассчитать вашъ на сморкающихся въ платки — вѣрнѣе?

— А будто, сказалъ Петръ Андронычъ, передразнивая меня и притомъ нѣсколько злобно: — рассчитать г. Кокорева окурившихъ — вѣрнѣе? Пусть прежде онъ мнѣ докажетъ, хоть по глазомѣру, что въ Россіи *дѣйствительно* есть 5 миліоновъ курящихъ, такъ я ему потомъ на счетахъ выложу до 26 миліоновъ сморкающихся въ платки. Вотъ странно, почти задыхаясь отъ злобы, прибавилъ Петръ Андронычъ: — кричать у насъ о гласности, и допускаютъ между тѣмъ сочинять проекты безъ всякихъ доказательствъ, основанныхъ съ позволенія сказать, — на табачномъ дыму. Отъ чего же я не могу устроить свой проектъ на русскихъ носсахъ! Все же эта точка опоры несолиднѣе, чѣмъ дымъ!

«Ну, подумалъ я, нашла коса на камень!»

Слова Петра Андроныча зародили во мнѣ скептицизмъ къ исчисленіямъ г. Кокорева; я принялся повѣрять его глазомѣръ и открылъ, что при 100 миліонахъ этотъ глазомѣръ сдѣлалъ, какъ кажется, маленькій недочетъ, и вотъ почему именно:

По глазомѣру г. Кокорева, изъ 5,000,000 курящихъ заплатить въ годъ:

разрядъ первый	— 5,000,000 руб.
второй	— 2,000,000
третій	— 250,000

слѣдовательно, въ годъ получится 7,250,000.

Кто жъ доплатитъ остальные 2,750,000, исчисленныхъ г. Кокоревымъ по глазомѣру?... Мало этого: хотя *правильнымъ* пошлины съ табаку и будутъ *взиматься* *холодною* монетою, но сама по себѣ монета эта въ назначенныя ей мѣста ходить не будетъ; слѣдовательно, нужно будетъ или учредить управленія для сбора и посылки

10,000,000 руб. ежегодной акцизной пошлины, или табачный откупъ. При существовании въ Россіи 697 городскихъ и въстѣхъ и поселковъ, придется для учрежденія акцизныхъ управленій отсчитать изъ 10,000,000 хотя 500,000, а если сдать табакъ на откупъ, то еще откупщику, при невѣрности глазомераго расчета, едва ли согласенъ риснуть, но и въ виду десяти процентной выгоды; следовательно, изъ 10,000,000—одного милліона не будетъ. Затѣмъ, по исчисленію и по провѣсткѣ г. Кокорева, вмѣсто ежегодныхъ 10,000,000, получится только 6,750,000 р., а пожалуй и всѣ 6,250,000, что въ десять лѣтъ, противъ глазомера, составитъ дефициту—30,250,000 руб., а пожалуй и всѣ 35,000,000 руб. Чѣмъ добрать эти 30,000,000 руб.? Нужно будетъ ожидать желѣзныхъ дорогъ еще болѣе пяти лѣтъ, такъ дорога г. Кокорева посяветъ не черезъ десять лѣтъ, а слишкомъ черезъ пятнадцать, а кто знаетъ, быть можетъ, и позже.

Вотъ малейшая ошибка глазомера! Посмотрите, что сдѣлаетъ Петръ Андроничъ на счетахъ!

Объяснъ настоящей статьи не позволютъ намъ поговорить съ г. Кокоревымъ о неточности его глазомера по Архангельской губерніи, и не такъ называемому молодымъ писателемъ «строченію бумагъ», и по выдѣлкѣ кружевъ въ Иценскѣ, и на счетъ образованія въ деревнѣ Тимошинѣ (Вологодской губерніи) второй женевской фабрики варманныхъ часовъ, и на счетъ уничтоженія голода въ Вѣлороссіи, наводняющагося, по мнѣнію г. Кокорева, въ связи съ землельными спичками! Скажемъ только, что мы вовсе не отказываемся отъ пріятныхъ для насъ глазомерныхъ бесѣдъ и лекцій г. Кокорева, и что для насъ представляется нестоимымъ матеріалъ премій по такимъ статьямъ, гдѣ на каждомъ шагѣ попадаются: «кабы», да «если бы».—Ахъ, г. Кокоревъ! есть русская пословица: кабы у бабушки... дальше-то я позабылъ.... а вѣдь у насъ по части однихъ переходовъ этихъ «бы» да «кабы» цѣлыхъ 13 штукъ, да по Орловской и Курской губерніямъ опять этихъ «бы» да «кабы» 12 штукъ. Согласитесь же сами, что на этихъ «бы» да «кабы» далеко не уйдешь!

Какъ бы то ни было, но статья г. Кокорева заслуживаетъ особаго вниманія; «кабы» только побольше положительности, да побольше глазомера.

Притомъ скажемъ откровенно, что въ статьѣ г. Кокорева проглядываетъ малецкій эгоизмъ. На 122 страницѣ вы изволите говорить: «съ незнающими русскаго языка мы обязаны уже быть вѣжливыми и внимательными». Хорошо вамъ высказывать такіе истинны, когда вы сами, какъ видно изъ статей вашихъ, помѣщенныя въ

«Le Nord», — извѣсто, что писаны въ немъ чуждыми людьми, что, въ случаѣ необходимости, могла бы употреблена французская, не говоря уже о русскій, — а набо этого не было? Не надумейте, однако, на основаніи драговъ называть языкъ общенароднымъ и самолюбивымъ, что нашему брату, не владеющему иностранными языками и говорящему единственно по-русски, отъ этого спорнаго будетъ куда какъ жутко! А кстати, не случилось ли вамъ по главному, сидѣло у насъ въ Россіи нѣсколько знакомыхъ иностранцевъ? больше или меньше, чѣмъ курящихъ?

Но довольно, вѣдь, намъ говорить г. Кокоревъ, рѣшимъ по акидатору. Статья г. Кокорева представляетъ оригинальное и замѣчательное явленіе; она должна подѣйствовать не только на писателей, но и на научн. Въ статьѣ этой г. Кокоревъ является: историкомъ, мыслителемъ, администраторомъ, адвокатомъ торговли и промышленности, поэтомъ, ратушнымъ хозяиномъ, патріотомъ, общителемъ, наблюдателемъ, политикомъ, техникомъ, моравлавателемъ, произносителемъ спичей, сатирикомъ, путешественникомъ и, наконецъ, — что, всего важнѣе, — профессоромъ русскаго глагола!

Заключить же статью нашу слѣдующимъ, весьма замѣчательнымъ, спорномъ г. Кокорева, на счетъ способности русскаго человѣка: «Бессомнѣнной вѣры нѣтъ; не ждите отъ него одобренія, пока онъ не познаетъ, пока его мысленное око не увидѣло возможности исполнить, а если вы станете *надсаждать* его доказательствами хвалить свое предложеніе, какъ бы добивался это одобренія и утвержденія изъ *неопровержимой* пользы нововсѣленія, тогда онъ (какъ бы вы думали, что дѣлаетъ?) — *закуривается*, вы услышите короткій отгѣтъ: *если бы...*»

Прислушайтесь же, Петръ Амѣронычъ, къ словамъ нашего молодого писателя: не *надсаждайте* насъ доказательствами осуждающихъ въ плетки и не хвалите своего предложенія. Возмните придръ съ г. Кокорева: сколько полезныхъ проактовъ написалъ онъ въ небольшой своей статьѣ, а между тѣмъ вовсе не вѣдалъ, чтобы онъ добивался одобренія. Да будетъ же ему за это честь и хвала! Пусть только онъ не *закуривается* на будущее время, а продолжаетъ дарить публику своими превосходными статьями, а мы будемъ только повторять слова, взятые нами изъ его же статьи: да обновится... да обновится... да обновится русскій человѣкъ!

Мы получили недавно отъ г. А. С. З. замѣтку объ утратѣ сельскихъ школъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ ней почтенный авторъ извѣщаетъ, между прочимъ, нашу фразу о «милліонѣ крестьянскаго населенія въ губерніи», напечатанную въ «Современнѣмъ»

Вотъ Обзоръ нашихъ январской книжки «Современника». Г. А. С. З. совершенно справедливо замѣчаетъ, что имѣющіе крестьянскіе хозяйства въ губерніи (средніи системы, не включая села, колоній, отхожихъ, анбарскихъ и заводскихъ) можно положить только въ такомъ случаѣ, если считать вмѣстѣ и помѣщичьихъ, и государственныхъ крестьянъ. Такъ мы и считали, не думая отбавлять въ этомъ случаѣ государственныхъ крестьянъ отъ помѣщичьихъ. Внимательно прочитавши наши замѣтки, г. А. С. З. самъ не могъ безъ удивленія въ этомъ. О помѣщичьихъ имѣніяхъ мы замѣтили только, что всѣ возраженія со стороны помѣщиковъ должны устраниваться съ перемѣною крѣпостныхъ отношеній. Замѣтилъ, сказали мы, разумѣя уже, конечно, всѣхъ крестьянъ вообще, — остается другое обстоятельство — недостатокъ школъ. При этомъ мы хотѣли указать на затрудненіе, соединенное съ предположеніемъ — «взять изъ самихъ крестьянскихъ дѣтей по нѣсколькимъ человѣкамъ для приготовленія ихъ къ должности учителей.» Мы разсчитывали, что если брать изъ тысячи крестьянъ — одного мальчика, то придется въ каждой губерніи учредить еще по три или четыре гимназіи. Но тутъ мы сдѣлали ошибку, сказавъ вмѣсто жителей — *души*, и г. А. С. З. весьма основательно замѣчаетъ, что надъ *душами* разумѣется обыкновенно только населеніе мужскаго пола, следовательно, нельзя положить на губернію миллионъ душъ, а надобно — 500,000.

Горячо благодаря г. А. С. З. за столь важную и основательную поправку, мы не считаемъ однако нужнымъ помѣщать въ сей книжкѣ полемическую часть его письма, а представляемъ читателямъ только вторую половину его, заключающую въ себѣ расчетъ количества учениковъ изъ крестьянъ, сдѣланный самимъ г. А. С. З. Замѣтимъ, что цифра, выведенная г. А. С. З. превышаетъ предложенную нами (1,000 мальчиковъ въ губерніи), и следовательно, замѣчанія, нами высказанныя въ январской книжкѣ, сохраняютъ всю свою силу.

Вотъ что говоритъ г. А. С. З.

«Въспять мой: «Откуда взять учителей для сельскихъ школъ?» я полагалъ съ каждыя 200 душъ взять по три мальчика для приготовленія въ сельскіе учителя. Соглашаюсь, что наборъ такого количества мальчиковъ, дѣйствительно, потребовалъ бы слишкомъ большаго расширенія гимназій. Мнѣ хотѣлось, чтобы сколь возможно большое количество крестьянскихъ дѣтей получили образованіе въ гимназіяхъ, вкусили бы духовную пищу, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ. Но какъ такое желаніе трудно примѣнимо на практикѣ, а при увеличеніи количества учениковъ въ сельской школѣ можно удовлетво-

вотъ бы и въ учители, гимназическіе образованные, въ 200 ревизскихъ мужескаго пола душъ, то вмѣсто трехъ можно дать по одному мальчику съ 200 душъ, и тогда, полагая крѣпостное население губерніи въ 250 тысячъ мужеск. пола душъ (во многихъ губерніяхъ это количество гораздо меньше), составитъ 1,250 учениковъ—гимназистовъ. Неужели богатое имѣніе съ 250 тысячъ рев. мужескаго пола душъ (принимая всѣ помѣстья губерніи за одно), приносящее ежегодный доходъ своему владѣльцу (принимая всѣхъ помѣщиковъ губерніи за единицу) около 2½ миллионовъ рублей серебромъ ежегоднаго дохода, не въ состояніи образовывать *единовременно* 1,250 гимназистовъ, хотя бы для этого потребовалось учредить особую гимназію??.

Сдѣлаемъ приблизное расчисленіе для всей имперіи. Положимъ крутымъ числомъ помѣщичьихъ крестьянъ (мужескаго пола) 10 миллионовъ. Населенное имѣніе въ 10 мил. муж. пола душъ можетъ дать ежегоднаго дохода 100 миллионовъ рублей серебромъ. Полагая, что каждыя 200 душъ должны образовывать одного гимназиста, 10 миллионовъ — образовали бы 50 тысячъ крестьянъ—гимназистовъ. Гимназическое образованіе должно продолжаться шесть лѣтъ. Положимъ, что ежегодно каждый гимназистъ—крестьянинъ обошелся бы въ 200 р. сер. (помѣщеніе, пища и одежда крестьянъ—гимназистовъ должны быть самыя скромныя); 50 тысячъ учениковъ стоили бы въ годъ 10 миллионовъ руб. Следовательно, если бы въ теченіи шести только лѣтъ употреблять ежегодно 10-ю часть дохода, то народъ имѣлъ бы 50 тысячъ гимназически-приготовленныхъ учителей, которые скоро разили бы и грамотность и просвѣщеніе на всю массу крѣпостнаго населенія... Пожертвованіе *единовременное*, а результаты его такъ громадно-благодѣтельны, что передъ блестящею и такъ *единовременное* пожертвованіе становится ничтожнымъ.

Тутъ дѣло не въ невозможности, а въ степени сочувствія къ благу народа, къ просвѣщенію, къ благоденствію отечества — въ доброй волѣ.

А. С. З.

1838 г., Января 17.

Въ дополненіе къ сообщенію о дѣйствіяхъ Правительства по крестьянскому дѣлу, приведеннымъ въ началѣ «Современнаго Обозрѣнія», помѣщается здѣсь волея начальства въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1856 г. № 39:

«Копія съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору отъ 17 Февраля, за № 104.»

«Вмѣстѣ съ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имѣвшее превосходительство 5-го декабря 1857 г., препровождено къ вамъ и отношеніе мое отъ того же числа за № 41.

«Государь Императоръ, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаніе дворянства Санктпетербургской губерніи приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, соизволивъ явить Своимъ Высокое довѣріе къ благородному стремленію сего сословія, представивъ самымъ дворянамъ развитъ и примѣнить къ различнымъ мѣстностямъ губерній главныя основанія, въ Высочайшемъ рескриптѣ Его Величества указанныя.

«Посему и соображенія, сообщенныя вашему превосходительству въ означенномъ моемъ къ вамъ отношеніи, заключаются лишь въ общихъ чертахъ, дабы подробною программю не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній губернскаго комитета.

«Нынѣ, нѣкоторые изъ дворянскихъ комитетовъ, составленныхъ въ губерніяхъ, изъявившихъ желаніе приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, встрѣчаютъ, какъ мнѣ извѣстно, затрудненіе въ своихъ сужденіяхъ, не находя въ отношеніяхъ моихъ къ вашему превосходительству и другимъ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ: и потому я счелъ нужнымъ присоизслѣдовать и сообщить вашему превосходительству нѣкоторыя къ сему отношенію изъясненія.

«Прежде всего я здѣсь долженъ повторить, что въ отношеніяхъ моихъ, какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящемъ, не надобно искать подробной для сужденій Комитета программы. Мысли и предположенія мои не должны быть почитаемы какъ бы предпріятіемъ предлагаемыхъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указанія на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію Комитетовъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлено Высочайшимъ рескриптомъ

самому дворянству, безъ стѣсненій тѣхъ, такъ сказать, совѣтши, которые положены въ началѣ отношенійхъ. О такомъ значеніи нѣхъ предварительныхъ соображеній ясно упомянуто и въ первомъ моемъ къ вамъ отношеніи за № 41-мъ, въ коемъ я сказала, что если Губернскій Комитетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаетъ которыя-либо изъ сихъ соображеній неудобными, то можетъ, не принявъ ихъ, объяснить только причины, препятствующія ихъ принятію.

«Предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній Комитета. Непзмѣнными и несприкосновенными должны остаться лишь главные начала сего устройства, въ Высочайшемъ рескриптѣ указанныя.

«Въ сихъ началахъ, т.-е. въ обеспеченіи помѣщикамъ земельной ихъ собственности, въ крестьянскихъ прочной осядлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается неизбѣжное основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предназначенное великое дѣло.

«Только въ совокупномъ исполненіи сихъ основныхъ условій Россія будетъ имѣть залогъ и спокойствія, и довольства всѣхъ и каждого, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

«Указанныя Государвѣмъ Императоромъ начала, неизмѣняемая въ своей сущности, могутъ и должны подлежать дальнѣйшему развитію въ подробностяхъ и особенно въ примѣненіи ихъ къ различнымъ мѣстностямъ, и сіе именно развитіе основныхъ положеній, по слову Высочайшаго рескрипта, на нихъ даннаго, поручается Губернскому Комитету.

«Имѣя въ виду, что дѣйствія Комитетовъ уже начинаются, я счлаь долгомъ, какъ сказала выше, присоединить къ прежнимъ моимъ соображеніямъ еще нѣкоторые указанія на вопросы, подлежащіе обсужденію Комитета:

1.) *Выкупъ усадебъ.* Онъ можетъ быть совершенъ различными способами, сообразно съ мѣстными средствами и потребностями. Если при всѣхъ льготахъ, которыя помѣщики, стремясь къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, не иррамянутъ, конечно, ихъ предоставить, выкупъ сей не успѣлъ бы совершиться въ теченіе переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ и этотъ срокъ вообще переходнаго періода и не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать двѣнадцати лѣтъ. Доповныя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сія не будутъ пользоваться ихъ недвижимостями.

«2) Относительно владѣнія усадьбами, можетъ быть постановлено, что выкупленные крестьянами усадьбы долины переходятъ, по наследству имъ, или по даренію, или чрезъ продажу, только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу, въ то общество принимаемому.

«3) Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на другія въ томъ же мѣстѣ можетъ быть допускаемо, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія помѣщика и крестьянъ и съ утвержденія особаго мѣстнаго присутствія.

«4) Въ отношеніи отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго мірскаго общества полей и другихъ угодій, замѣнъ оныхъ и всякія къ томъ перемѣны, сообразно потребностямъ обоюднаго хозяйства помѣщика и сельскаго общества, могутъ быть дозволены по взаимному ихъ соглашенію; недоумѣнія, могущія при семъ возникнуть, разрѣшаются также вышеозначеннымъ мѣстнымъ присутствіемъ.

«Однимъ словомъ, принявъ за основаніе начала, Высочайшею волею указанныя, дворянству предлежитъ изыскать наиболѣе простые и удобные въ примѣненіи ихъ способы, дабы переходъ крестьянъ къ окончательному устройству ихъ быта совершился въ теченіе опредѣленнаго времени, постепенно и правильно, съ соблюденіемъ справедливости и обоюдныхъ польсъ...»

«Подписано: министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ламекой.»

(Такія же отношенія написаны отъ министра внутреннихъ дѣлъ къ московскому военному генерал-губернатору, къ виленскому генерал-губернатору и къ нижегородскому военному губернатору.)

ПРИЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ,

Собранныя въ послѣднее время свѣдѣнія доказываютъ, что Православные поклонники въ Св. мѣстахъ Палестины подвергаются много-различнымъ тягостямъ и лишеніямъ, по неимѣнію для нихъ въ Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ Палестины пріютовъ, страннопримныхъ домовъ, врачей и вообще разныхъ благотворительныхъ учрежденій, истрѣчаемыхъ богомольцами другихъ исповѣданій, для которыхъ устроены подобныя заведенія на щедрыя пожертвованія, поступающія въ большомъ количествѣ отъ ихъ единовѣрцевъ. Для устройства подобныхъ благотворительныхъ заведеній и для Православныхъ поклонниковъ, Государь Императоръ Высочайше разрѣшилъ: принимать пожертвованія въ Коммисаріатскомъ Департаментѣ Морскаго Ми-

нистерства (въ Петербургѣ, въ зданіи Главнаго Адмиралтейства) съ тѣмъ, что объ употребленіи оныхъ будетъ постоянно отдаваться подробный отчетъ въ вѣдомостяхъ. Пожертвованія, кои соберутся на этотъ предметъ, будутъ передаваться Духовной Миссіе или въ Іерусалимъ и Русскому Обществу Пароходства и Торговли, которое назначило готовность поручить агентамъ своимъ на Востокъ заняться *безвозмездно* устройствомъ для Православныхъ поклонниковъ необходимыхъ благотворительныхъ учрежденій и вообще имѣть о нихъ всевозможное попеченіе.

Первое пожертвованіе уже поступило отъ Статскаго Совѣтника Камергера Ивана Алексѣевича Яковлева, который представилъ отъ своего усердія на это доброе дѣло тридцать тысячъ рублей серебромъ.

ПРИЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

для сооруженія на развалинахъ Херсониса храма св. Владиміра
въ Инвалиднаго дома для увѣчныхъ и престарѣлыхъ морскихъ
чиновъ.

Императоръ Александръ 1-й, посѣтивъ Крымъ въ послѣдніе дни жизни, имѣлъ мысль соорудить на развалинахъ древняго Херсониса храмъ во имя Св. Владиміра, въ память совершившагося тамъ великаго событія. По разнымъ обстоятельствамъ, мысль эта не могла осуществиться, хотя, впрочемъ, и собралась отъ добровольныхъ пожертвованій нѣкоторая сумма на постройку храма. Стараніями Преосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, не за долго до послѣдней войны, учредилась на развалинахъ Херсониса небольшая иноческая обитель съ временною церковью. Разоренная войной, она была возобновлена, по мысли и благословенію архипастыря, Севастопольскимъ 1-й гильдіи купцомъ Петромъ Телятниковымъ.

Въ настоящее время Государь Императоръ, желая осуществить намереніе Александра Благословеннаго и сверхъ того устроить въ Крыму пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ морскихъ чиновъ, соизволилъ утвердить проектъ храма Св. Владиміра, представленный іеромонахомъ Евгеніемъ и разрѣшилъ построить оный на томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію Равноапостольный Князь Владиміръ принималъ святое крещеніе, также построить близъ храма вышепомянутый Инвалидный домъ. На эти сооруженія Его Императорское Величество разрѣшилъ принимать добровольныя пожертвованія и передать часть суммы, имѣющейся для сооруженія въ Севастополѣ храма Св. Владиміра, который, по нынѣшнимъ потребностямъ тамошняго небольшого населенія, долженъ быть несравненно менѣе, нежели какъ предполагалось прежде войны.

Приемъ пожертвованій произволится въ Комисаріатскомъ Департаментѣ Морскаго Министерства, въ С. Петербургѣ, въ зданіи Главнаго Адмиралтейства. Имена жертвователей будутъ вписаны въ синодикъ Херсониской Обители для вѣчнаго поминовенія и объ употребленіи пожертвованныхъ ими суммъ будутъ сообщаться свѣдѣнія въ вѣдомостяхъ. Иногородные могутъ присылать свои приношенія на имя Комисаріатскаго Департамента.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

НА 1858 ГОДЪ.

Журналъ сей въ 1858 году (25-мъ своего существованія) будетъ продолжаться по прежней программѣ. Редакція не считаетъ себя вправе говорить о томъ, что сдѣлала для его улучшеніе: если оно есть, то должно говорить само за себя, и тѣ, которые постоянно и безпристрастно слѣдятъ за ходомъ нашихъ періодическихъ изданій, безъ сомнѣнія это замѣтятъ. Такъ, вѣроятно, отъ ихъ вниманія не ускользнетъ, что собственно литературному элементу, необходимому для полноты и оживленія журнала, дано болѣе развитія, вслѣдствіе чего стали являться въ немъ статьи такого рода, какъ оригинальная драма «Конрадинъ» и «Нюнгенія въ Тавридѣ» соч. Гёте, «Историческіе очерки поэзій»; отдѣлъ критики расширенъ и пополненъ многими спеціальными разборами замѣчательныхъ отечественныхъ произведеній по части наукъ; вопросы педагогическіе, такъ много, къ-счастью, занимающіе современное наше общество и столь свойственные этому журналу, поставляются на видъ и обсуживаются то съ помощію лучшихъ педагоговъ иностранныхъ, то отечественныхъ писателей, и т. п. Такъ какъ все это не осталось безъ одобренія со стороны людей, которыхъ одобреніе можно считать благопріятнымъ признакомъ для дѣла, то редакціи ничего не остается, какъ, слѣдуя указаніямъ опыта и по мѣрѣ своихъ средствъ, продолжать идти тѣмъ-же путемъ.

Программа Журнала слѣдующая :

ОТДѢЛЕНИЕ I. Дѣйствія правительства. Издаваемые по Министерству указы и постановленія; важнѣйшія временныя мѣры и распоряженія; извѣстія объ опредѣленіи, перемѣщеніи, увольненіи и награжденіи разныхъ лицъ. Сіе отдѣленіе подраздѣляется на: 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія. Въ первой половинѣ года помещается обзоръ дѣйствій Правительства за истекшій годъ.

ОТДѢЛЕНИЕ II. Словесность, науки и художества. Оригинальныя и переводныя статьи по части вѣроученія, философіи, законодѣнія,

педагогикѣ, исторіи, словесности, рускаго языка и другихъ общезнаемыхъ знаній; путешествія учныя илѣяющія историческую важность.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.* Извѣстія о трудахъ академіи, университетовъ и ученыхъ обществъ, о состояніи поданныхъ Министерству и другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній; о дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ занятій ученыхъ экспедицій и комиссій.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. *Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.* Извѣстія о состояніи ученыхъ и учебныхъ заведеній въ разныхъ странахъ и о мѣрахъ, употребляемыхъ тамошними правительствами къ ихъ улучшенію. Извѣстія о дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ занятій важнѣйшихъ ученыхъ собраній, экспедицій и комиссій.

ОТДѢЛЕНІЕ V. *Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.* Историческія свѣдѣнія о ходѣ просвѣщенія и гражданскаго образованія въ Россіи и другихъ странахъ. Біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

ОТДѢЛЕНІЕ VI. *Обозрѣніе книгъ и журналовъ.* Рецензіи замѣчательныхъ книгъ, выходящихъ въ Россіи; извѣстія о книгахъ иностранныхъ, особенно заслуживающихъ вниманіе; обозрѣнія выходящихъ въ Россіи періодическихъ изданій.

ОТДѢЛЕНІЕ VII. *Новости и смѣсь.* Извѣстія отечественныя и иностранныя. Тѣ и другія касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ: отличныхъ произведеній художествъ; примѣчательныхъ физическихъ явленій; мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академіи и ученыхъ обществъ; разныхъ событій, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, плавы, снимки съ почерковъ и проч.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части—полное годовое изданіе.

Подписная цѣна экз. Журнала—*Двадцать руб. сер.*, а съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ другіе города — *Тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.*

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ—у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи—въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

Редакторъ **НИКИТЕНКО.**

этими людямъ добро. И дѣйствительно съ одной стороны она права. Но, съ другой стороны, по словамъ этойже самой женщины, долженъ же быть и для нихъ въ мірѣ какой нибудь уголокъ. Въдѣ міръ-то великъ, и это знаю. Даже зло разбираетъ, когда подумаешь объ этомъ! Почему не издадутъ закона присоединить ихъ къ неграмъ? Тогда по крайней мѣрѣ у нихъ будутъ люди, которые станутъ о нихъ заботиться. Тогда мы стали бы что нибудь дѣлать для нихъ, и была бы надежда поддерживать ихъ, если не въ совершенной безбѣдности, то по крайней мѣрѣ не въ нищетѣ.

Гарри не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія отвѣчать на такія замѣчанія. Онъ зналъ, что добрый мистеръ Гордонъ говорилъ это собственно для того, чтобъ облегчить свою душу, и что онъ, за немѣніемъ подлѣ себя живаго существа, точно бы также свободно открылъ свое сердце передъ первымъ появившимся ему на встрѣчу капитаномъ. Поэтому онъ далъ мистеру Гордону полную свободу высказаться, и потомъ уже заговорилъ съ нимъ о предметахъ, болѣе близкихъ къ его сердцу. Въ одну изъ паузъ, ему представился случай сказать:

— Миссъ Нина прислала меня сюда сегодня поутру.

— Ахъ, Нина! моя прекрасная, маленькая Нина! Да благословить ее Небо! Такъ она тебя прислала? Почему же не пріѣхала она сама, утѣшить и порадовать сердце стараго дяди? Нина, я тебѣ скажу, Гарри, прелестнѣйшая дѣвушка во всемъ нашемъ штатѣ.

— Миссъ Нина находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Вчера вечеромъ пріѣхалъ мистеръ Томъ въ пьяномъ видѣ, и сегодня такъ сердитъ и такъ сварливъ, что она рѣшительно не знаетъ, что съ нимъ дѣлать.

— Въ пьяномъ видѣ? Негодяй! Онъ-таки частенько попииваетъ. Заходитъ, кажется, черезъ чуръ далеко. Объ этомъ, при последнемъ свиданіи, я говорилъ ему. Томъ, говорю я:—молодому человѣку не мѣшаетъ подгулять раза два въ мѣсяцъ. Въ молодые годы я самъ это дѣлывалъ; но, говорю, Томъ, постоянно быть подъ хмелькомъ — не годится. Слова никто не скажетъ, увидѣвъ случайно молодаго человѣка пьяненькимъ; но онъ долженъ быть воздержнымъ и не забывать себя. Быть пьянымъ, говорю я, каждый день, или черезъ день, это тоже, что отдать себя на жертву дьяволу! Я говорилъ Тому именно эти слова; заговорилъ съ нимъ откровенно; въдѣ я, какъ извѣстно тебѣ, за-

ступаю ему мѣсто отца. Значить, слова мои на него не подѣствовали. Со всѣхъ сторонъ я слышу, что половину своего времени онъ проводитъ въ пьянствѣ, и ведетъ себя какъ сумасшедшій. Заходить слишкомъ далеко, слишкомъ! Мистриссъ Дж терпѣть его не можетъ. Каждый разъ, когда онъ прїѣзжаетъ сюда, она бранится съ нимъ, а онъ бранится съ ней. Поэтому-то мнѣ и непріятны его посѣщенія. Въ душѣ, мистриссъ Гордонъ добрая женщина, но въ поступкахъ немного сурова. Тотъ тоже суровъ, а потому, когда они сойдутся, то и выходитъ, что однимъ огнемъ поджигается другой. Такія вещи крайне непріятны для человѣка, который хотѣлъ бы, чтобъ всѣ окружающіе его наслаждались счастьемъ. Ахъ, Боже мой! какъ бы я желалъ, чтобъ Нина была моей дочерью! Почему бы ей не переѣхать сюда и не жить вмѣстѣ съ нами? У нея такой характеръ, какимъ, мнѣ кажется, я вѣкъ бы любовался. Она такая веселая, такая шалунья, что при ней не соскучишься. Ну, что ея женихи? Правда ли, что она хочетъ вытти за мужъ?

— У миссъ Нины и теперь есть два джентльмена. Одинъ—мистеръ Карсонъ, изъ Нью-Йорка.

— Чортъ возьми! неужели она выйдетъ за янка! Да мой братъ повернется въ могилѣ!

— Не думаю, чтобъ онъ былъ доведенъ до такой необходимости, сказалъ Гарри:—миссъ Нина, какъ кажется мнѣ, благоволитъ болѣе къ Клэйтону.

— Клэйтонъ! хорошей фамиліи! Это мнѣ нравится! Должно быть — джентльменъ, славный малый, не правда ли?

— Ваша правда, сэръ: — говорятъ, у него есть плантація въ Южной Каролинѣ.

— А, а! это хорошо! Только мнѣ жаль разстаться съ Ниной. Я даже не хотѣлъ отпустить ее въ Нью-Йоркъ. Мнѣ что-то не вѣрится въ эти пансіоны. Я видѣлъ, что на плантаціяхъ выросли такія славныя дѣвушки, какихъ нельзя лучше требовать. И къ чему посылать туда нашихъ дѣвочекъ? развѣ только для того, чтобъ они набрались тамъ дрянныхъ идей? Благодарю Бога, что я не былъ въ Нью-Йоркѣ, да и быть не намѣренъ. Родился я и выросъ въ Каролинѣ, а жена въ Виргиніи... Воспитаніе чистое! Въ ней нѣтъ ничего заимствованнаго изъ пансіона! Когда я вѣнчался, то, право, во всей Виргиніи не было дѣвушки, которая могла бы сравниться съ ней. Ея щочки алѣли, какъ розы! Высокая, стройная, гибкая, она умѣла

держатъ себя и умѣла поговорить, о чемъ угодно. Да и теперь, я тебѣ скажу, нѣтъ женщины, которая бы такъ превосходно знала свое дѣло, и такъ отлично могла присмотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ. Если иногда и приходится мнѣ испытывать безпокойство, то я долженъ переносить его и благодарить за это Бога. Не будь ея, мнѣ кажется, и я, и управляющій, и негры, и скотеры, и всѣ, всѣ давнымъ бы давно были въ преисподней!

— Миссъ Нина послала меня сюда, собственно за тѣмъ, чтобъ я не встрѣчался съ мистеромъ Томомъ, сказалъ Гарри, послѣ непродолжительнаго молчанія. Онъ на меня нападаетъ по прежнему. Вамъ извѣстно, сэръ, что онъ всегда ненавидѣлъ меня; и эта ненависть возрастаетъ все болѣе и болѣе. Онъ ссорится съ миссъ Ниной изъ-за всего, что касается до управленія плантаціей, а вы знаете, сэръ, что я всѣми силами стараюсь сдѣлать лучшее; вамъ и мистриссъ Гордонъ всегда угодно было говорить, что я управляю хорошо.

— Правда, мой другъ, правда, мы говорили это. Оставайся здѣсь, сколько душѣ угодно. Можетъ статься, ты хочешь сѣздать со мной на охоту?

— Благодарю васъ, сэръ. У меня теперь не то на умѣ. Меня мучаетъ мысль, что я долженъ находиться далеко отъ плантаціи во время посѣва. Теперь все зависитъ отъ моего присмотра.

— Поѣзжай назадъ, въ такомъ случаѣ. Придирчивость Тома невыносима только въ то время, когда онъ пьянъ. Я знаю это, я вижу это насквозь. Само собою разумѣется, пьяный человѣкъ и угрюмъ и сварливъ; спустя день — онъ мягокъ, распушается, какъ старый чулокъ. Я слышалъ, что въ сѣверныхъ штатахъ существуютъ общества воздержанія, не дурно было бы завести что нибудь и у насъ въ этомъ родѣ, для нашихъ молодыхъ людей. Они такъ часто напиваются. Третья часть изъ нихъ получаетъ бѣлую горячку, не достигнувъ пятидесяти лѣтъ. Славная была бы вещь, еслибъ у насъ завелись общества, которые научали бы воздержанію! Нельзя ожидать, чтобы молодые люди сдѣлались стариками прежде времени; но все же было бы очень хорошо, еслибъ они позволили себѣ лишнее не болѣе раза въ мѣсяцъ.

— Къ несчастію, сказалъ Гарри: — въ этомъ отношеніи, мистеръ Томъ зашелъ слишкомъ далеко.

— Ги! да! Жаль, жаль! вѣрю этому. Когда человѣкъ дово-

дѣть себя до этой степени, онъ бываетъ похожъ на старый кафтанъ, позаплатамъ котораго невозможно сказать, изъ какого сукна онъ былъ сшитъ. Томъ, я полагаю, постоянно самъ не свой; всегда — какъ корабль между волнами, Жаль, очень жаль!

— Для миссъ Нины это весьма тяжело, продолжалъ Гарри. Мистеръ Томъ вмѣшивается во всѣ дѣла, и я не имѣю власти защитить ее. Вчера онъ началъ говорить моей женѣ такія вещи, которыхъ я не могу вынести и не вынесу! Онъ *долженъ* оставить ее въ покоѣ.

— Э! э! какой же онъ мальчишка! Это скверно. Я поговорю съ нимъ объ этомъ; а ты, Гарри, будь похладнокровнѣе! Помни, что молодые люди не могутъ вести себя стариками; и что если кто заводится хорошенькой женой, тотъ *долженъ* ожидать непріятностей. Я поговорю съ Томомъ. А-га! Джэкъ возвращается! съ корзиной и ключемъ отъ копильни. Теперь надо что нибудь послать къ этимъ несчастнымъ. Если люди намѣрены умирать голодною смертію, то пусть умираютъ, только не на моей плантаціи. Чего я не вижу, о томъ у меня не болятъ и сердце. Миѣ мало нужды, если завтра они всѣ перетопятся; но, чортъ возьми, я не допущу этого, если буду знать заранѣе. Такъ вотъ что, Джэкъ: возьми этотъ окорокъ и хлѣбъ, и отнеси ихъ къ старухѣ; да посмотри, нельзя ли починить ее хижину. Когда скоттеръ воротится, я заставляю его работать; правда, у насъ и всего-то ихъ двое, да и тѣхъ негры ненавидятъ. Гарри, ты поѣзжай домой и скажи Нинѣ, что мистриссъ Джи и я прѣдемъ завтра обѣдать.

ГЛАВА XVIII.

ДРѢДЪ.

Гарри ночевалъ въ домѣ мистера Гордона и всталъ на другое утро въ весьма непріятномъ расположеніи духа. Для дѣятельнаго и предприимчиваго человѣка, ничего не можетъ быть несноснѣе, какъ оставаться въ совершенной праздности; такъ и Гарри, послѣ непродолжительной утренней прогулки, почувствовалъ, что принужденное отсутствіе отъ сцены его обычныхъ занятій увеличивало въ немъ негодованіе съ каждой минутой. Постоянно пользуясь правами свободнаго человѣка, свободой

располагать временемъ по своему произволу, уѣзжать и пріѣзжать, покупать и продавать, дѣлать торговые обороты, не подчиненный какому либо ошутительному контролю, онъ сильнѣе обыкновеннаго чувствовалъ униженіе, которому его подвергали.

— И вотъ! я долженъ скрываться, сказалъ онъ про себя:— прятаться въ кустахъ, какъ куропатка, долженъ бросить все управленіе и приготовить негодяю поводъ къ моему же обвиненію; и почему? Потому что массу младшему брату угодно пріѣхать на плантацію, безъ всякой причины и права, пріѣхать за тѣмъ, чтобъ выказывать надо мной свою власть и оскорблять мою жену; потому еще, что законы всегда защитятъ все его преступленія. Да, да! это вѣрно. Они все за-одно. Все за-одно, какъ бы ни былъ я правъ, какъ бы ни былъ онъ виновенъ. Все примутъ его сторону, и обвинять меня; все, потому что моя бабушка родилась въ Африкѣ, а его въ Америкѣ. Нѣтъ! Я не въ силахъ выносить этого! Кто знаетъ, что наговоритъ онъ, и что подѣлаетъ Лизеттѣ во время моего отсутствія? Сейчасъ же ѣду домой, и встрѣчусь съ нимъ, какъ слѣдуетъ честному человѣку! Займусь дѣломъ, и, если онъ станетъ мѣшать мнѣ, то пусть пеняетъ на себя! Вѣдь у него не двѣ жизни! Пусть онъ бережется.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на коня и поскакалъ домой. Онъ поѣхалъ дорогой, проходившей по окраинѣ обширнаго болота, которому дано было названіе Ужаснаго. Въ то время, когда онъ ѣхалъ, углубленный въ думы, впереди его послышался топотъ лошадиныхъ подковъ. Неожиданный поворотъ дороги поставилъ его лицомъ къ лицу съ Томомъ и мистеромъ Джекилемъ, которые чѣмъ свѣтъ выѣхали изъ дому, чтобъ достигъ почтовой станціи до наступленія полуденнаго зноя. Та и другая сторона выразили безмолвное изумленіе; но вдругъ Томъ Гордонъ, какъ человѣкъ, сознавшій свою власть, и рѣшившійся пользоваться ею и выражать ее при всякомъ возможномъ случаѣ, нарушилъ молчаніе, сказавши презрительнымъ тономъ:

— Стой, собака! и скажи твоему господину, куда ты ѣдешь?

— Вы не мой господинъ, отвѣчалъ Гарри, голосомъ, которому сосредоточенное молчаніе сообщало гораздо болѣе горечи и гнѣва, чѣмъ можно было выразить при самомъ сильномъ взрывѣ бѣшенства.

— Ахъ ты скотина! воскликнулъ Томъ Гордонъ, ударя бичемъ по лицу Гарри: — вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ два! Помо-

тришь теперь, господинъ ли я твой! Надѣюсь, будешь меня по-
мнить! Эти рубцы будутъ напоминать тебѣ, кто твой господинъ!

Гарри давно уже сдѣлалъ привычку подавлять въ душѣ
своей порывы гнѣва. Но въ эту минуту лицо его приняло стра-
нное выраженіе. Не смотря на то, въ его осанкѣ, когда онъ
осадила немного лошадь и медленно подвигалъ къ Небу руку,
было что-то величественное и даже повелительное. Онъ хотѣлъ
сказать что-то, но голосъ его задушался подавленнымъ бѣшен-
ствомъ.

— Можете быть увѣрены, мистеръ Гордонъ, сказалъ онъ на-
конецъ: — что эти рубцы никогда не будутъ забыты.

Бываютъ минуты душевнаго волненія, когда все, что есть въ
человѣческой натурѣ, повидимому пробуждается и сосредото-
чивается во взглядѣ и голосѣ. Въ подобныя минуты, всякій че-
ловѣкъ, уже по одному только обстоятельству, что онъ принад-
лежитъ къ человѣческому роду, что въ немъ есть душа, пробуж-
даетъ къ себѣ какое-то уваженіе, какой-то страхъ въ душѣ тѣхъ
людей, которые во всякое другое время его презираютъ. Такъ
и теперь, наступила пауза, втеченіе которой никто не вымол-
вилъ слова. Наконецъ мистеръ Джекиль, миролюбивый чело-
вѣкъ, воспользовался первымъ удобнымъ мгновеніемъ, чтобы
дотронуться до локтя Тома и сказать:—пора! пора! нельзя тра-
тить время! иначе мы опоздаемъ.

И когда Гарри повернулъ свою лошадь и уже отъѣхалъ на
нѣкоторое разстояніе, Томъ Гордонъ повернулъ свою и съ сар-
кастическимъ смѣхомъ прокричалъ въ слѣдъ Гарри:

— Сегодня утромъ, передъ отъѣздомъ, я заходилъ къ твоей
женѣ, и во второй разъ она понравилась мнѣ лучше, чѣмъ въ
первый.

Эта насмѣшка, какъ стрѣла вонзилась въ сердце Гарри, и боль
ея отозвалась въ душѣ его сильнѣе боли отъ позорныхъ ударовъ.
Жалюся, повидимому, вивалось, въ него съ каждымъ мигомъ все
болѣе и болѣе, пока наконецъ Гарри опустил поводья и разра-
зился жестокою бранью.

— Ага! Вѣрно больно стало! не вытерпѣлъ! раздался гру-
бый голосъ въ чащѣ кустарника, окаймлявшего болото.

Гарри остановилъ въ одно время и лошадь, и потокъ прокля-
тій. Въ кустахъ колючихъ растений послышался трескъ и дви-
женіе; вслѣдъ за тѣмъ на дорогу вышелъ мужчина и сталъ пе-
редъ Гарри. Это былъ высокій негръ, величавой осанки и громад-

ныхъ разбѣровъ. Кожа его имѣла чрезвычайно черныи цвѣтъ, и лоснилась какъ полированный мраморъ. Широкая рубаша изъ красной фланели, открытая на груди, обнаруживала шую вгрудь геркулесовской силы. Рукава рубашки, засученные почти по самыя плечи, выказывали мускулы гладиатора. Голова, величаво возвышаясь надъ широкими плечами, отличалась массивностью. Большия глаза имѣли ту особенную неизмѣримую глубину и мракъ, которые часто составляютъ поразительную характеристику глазъ африканца. Подобно огненнымъ языкамъ горящей горной смолы, въ глазахъ этого негра безпрестанно вспыхивалъ яркiй огонь, какъ будто постоянное напряженiе умственныхъ способностей было въ немъ близко къ помѣшательству. Господствующими въ его организмѣ были: — мечтательность, способность увлекаться явью, необыкновенная сила воли и непоколебимая твердость; вообще, сочетанiе душевныхъ способностей было таково, что изъ этого человѣка могъ бы выйти одинъ изъ вождей героическихъ временъ. На немъ надѣтъ былъ какой-то фантастическiй тюрбанъ изъ старой шали яркаго краснаго цвѣта, дѣлавшiй его нарядность еще оригинальнѣе. Его нижнее платье, изъ грубаго сукна домашняго приготовленiя, опоясывалось краснымъ кушакомъ, въ который воткнуты были топоръ и охотничiй ножъ. Онъ весъ на плечъ винтовку; передняя часть пояса покрывалась патронташемъ. Грубой работы ягдташъ висѣлъ на рукѣ. Какъ ни было внезапно его появленiе, но оно не показалось страннымъ для Гарри. Послѣ первой минуты изумленiя, Гарри обратился къ нему, какъ къ человѣку знаменитому; въ тонѣ его голоса отзывались, и уваженiе и, въ нѣкоторой степени, боязнь.

— Ахъ! это ты, Дрэдъ! Я не зналъ, что ты подслушиваешь меня!

— Кому же и подслушать, какъ не мнѣ? сказалъ Дрэдъ, поднимая руку и устремляя на Гарри взглядъ, исполненный дикаго одушевленiя. Я знаю твои мысли; знаю, что тебѣ тяжело. Ты *долженъ* преклоняться предъ притѣснителемъ и его жезлъ долженъ опускаться на тебя. Теперь и твоя жена должна быть жертвою сластолюбца!

— Ради Бога, Дрэдъ! не говори такъ жестоко! сказалъ Гарри, быстро выдвигая впередъ руки, какъ бы стараясь оттолкнуть отъ себя зловѣщiя слова. Ты вселяешь въ меня демона!

— Послушай, Гарри: продолжалъ Дрэдъ, переходя отъ серьезнаго тона, къ тонѣ, отличавшейся усаѣдкой иронiей: — неужели твоей,

господинъ ударить тебя? Неправда ли, какъ сладостно поцаловать его жезлъ? За то ты носишь тонкое сукно, и спишь на пуховикѣ. Господинъ твой дастъ тебѣ на лекарство залечить эти рубцы!... О жень своей не сокрушайся! Женщины любятъ господина лучше, чѣмъ невольника! И почему имъ не любить? Жена всегда будетъ ненавидѣть мужа, который ползаетъ въ ногахъ своего господина, и по дѣломъ ему! Смиряться, мой другъ! носи изношенное платье своего господина, бери отъ него жену свою, когда она надоесть ему, и благословляй свою судьбу, поставившую тебя близко къ господину. Вотъ другое дѣло я, человѣкъ, не знающій удобствъ вашей жизни. Я бѣгу отъ васъ, потому что хочу быть свободенъ въ своемъ лѣсу! Ты спишь на мягкой постелѣ, подъ занавѣсами, я на болотистой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Ты питаешься тукомъ земли, я тѣмъ, что приносятъ мнѣ вороны! Но никто не ударить меня, никто не коснется жены моей; никто не скажетъ мнѣ: какъ ты смѣешь это сдѣлать? Я вольный человѣкъ.

Съ этими словами, сдѣлавъ атлетическій прыжокъ, Дрэдъ скрылся въ чащѣ кустарника.

Дѣйствія этихъ словъ на предварительно взволнованную душу легче вообразить, чѣмъ описать. Проскрежетавъ зубами, Гарри судорожно сжалъ кулаки.

— Пстой! вскричалъ онъ: — Дрэдъ! я... я сдѣлаю по твоимъ словамъ...

Презрительный смѣхъ былъ отвѣтомъ на слова Гарри, и звукъ шаговъ, сопровождаемый трескомъ валежника быстро удалялся. Удалявшійся запѣлъ, звучнымъ, громкимъ голосомъ одну изъ тѣхъ мелодій, въ которыхъ отвага и одушевление смѣшивались съ безотчетною, невыразимою грустью. Трудно описать тонъ этого голоса. Это былъ густой баритонъ, бархатной нѣжности; не смотря на то, звуки его, казалось, прорѣзывали воздухъ съ тою внятностью и раздѣльностью, которые обыкновенно служатъ характеристикою голосовъ гораздо менѣе сильы. Началомъ этой мелодіи были слова изъ громогласнаго гимна, распѣваемого обыкновенно на митингахъ подъ открытымъ небомъ:

«Братія! неужели не слышите громкаго призыва?

Звукъ военной трубы раздается!

Все внемлетъ ему, всѣ собираются вкупѣ

И воинъ спѣшитъ подъ знаменемъ...

Въ каждой нотѣ, въ каждомъ переливѣ голоса отзывались звуки шумной, свободной радости. Гарри слышалъ въ нихъ одно лишь презрѣніе къ своей ничтожности. Въ эту минуту, душа его разрывалась, повидимому, на части отъ извѣстной боли. Въ немъ пробудилось чувство, неопредѣленное, тревожное, неотступное; пробудились непонятные инстинкты. Источники его благородной природы, безвыходно замкнутые до этой поры, вдругъ прихлынули къ сердцу съ удушающею силою, и въ эту минуту невыносимыхъ страданій, Гарри проклиналъ день, въ который родился. Судорожное сжатіе его души было прервано внезапнымъ появленіемъ Милли, шедшей по тропинкѣ.

— Милли! какими это судьбами? сказалъ изумленный Гарри: — куда ты отправляешься?

— Иду на почтовую станцію. Хотѣли было заложить телегу для меня; но, — помилуйте, сказала я: — зачѣмъ Господь-то далъ намъ ноги? Нѣтъ, пока въ силахъ ходить, я не хочу, чтобъ меня возили животныя. И къ тому же, душа моя, въ такое утро и по такой дорогѣ пріятно прогуляться: между этими деревьями, такъ вотъ и слышится голосъ Господень. Но, праведное Небо! что же это случилось съ лицомъ-то твоимъ?

— Это Томъ Гордонъ, будь онъ проклятъ! сказалъ Гарри.

— Ради Бога, не говорите такихъ словъ, сказала Милли, наставительнымъ тономъ, на который, между всѣми членами, составлявшими господскую прислугу, она имѣла право по своимъ лѣтамъ и степенности.

— Я хочу, я буду говорить! И почему же нельзя мнѣ этого говорить? Я больше не хочу быть хорошимъ человѣкомъ.

— А развѣ ты поможешь себѣ, сдѣлавшись дурнымъ? Непамядя Тома Гордона, неужели ты захочешь дѣйствовать, подобно ему?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Гарри: — я не хочу быть такимъ, какъ Томъ Гордонъ; я хочу только отмстить за себя! Дрѣдъ сегодня снова со мной разговаривалъ. Каждый разъ онъ пробуждаетъ въ душѣ моей такія чувства, что самая жизнь становится въ тягость; я не въ силахъ переносить такое положеніе.

— Другъ мой, сказала Милли: — остерегайся этого человѣка. Держись отъ него какъ можно дальше. Онъ находится въ Синайской пустынѣ; онъ блуждаетъ во мракѣ и бурѣ. Въ одномъ только Небесномъ Іерусалимѣ можно быть свободнымъ; поэтому не обращай вниманія на то, что случается здѣсь — на землѣ!

— Да, да, тетушка Милли, все это прекрасно для такой старухи, какъ ты; но твои слова ни подѣ нашинъ видоу не могутъ согласоваться съ понятіями молодого человека, какъ я.

— Что намъ до того, что случается на землѣ, набожно продолжала Милли:—все пути ведутъ къ царствію небесному, и этому царствію не будетъ конца. Другъ мой, продолжала она, торжественнымъ тономъ: — я не ребенокъ, я знаю, что говорю и дѣлаю. Я работаю не для миссъ Лу, но для Господа Иисуса, и, повѣрь, Онъ воздастъ мнѣ по дѣламъ моимъ, лучше всякаго человека.

— Все это прекрасно, сказалъ Гарри, нѣсколько поколебленный, но не убѣжденный: — но мнѣ бесполезно дѣйствовать какъ нибудь иначе. Имѣя такія чувства, ты должна быть счастлива, Милли; но я ихъ не могу имѣть.

— Во всякомъ случаѣ, другъ мой, не дѣлай ничего безразсуднаго; не слушай *его*.

— Да, сказалъ Гарри:—я вижу, что все это сумасшествіе, чистое сумасшествіе;—бесполезно думать, бесполезно говорить объ этомъ. Прощай, тетушка Милли. Миръ съ тобой!

Сказавъ это, молодой человекъ тронулъ съ мѣста свою лошадь и вскорѣ скрылся изъ виду.

Мы обязаны теперь нашимъ читателямъ нѣсколькими объяснительными словами относительно новаго лица, введеннаго въ нашъ рассказъ; и поэтому должны воротиться немного назадъ и сослаться на нѣкоторыя грустные историческія событія. Многимъ казалось загадочнымъ, какимъ образомъ система невольничества въ Америкѣ соединила въ себѣ двѣ очевидныя несообразности: законъ о невольническомъ уложеніи, болѣе жестокомъ, чѣмъ во всякой другой цивилизованной націи,—съ мягкимъ исполненіемъ этого закона, по крайней мѣрѣ столь же мягкимъ, какъ и во всякой другой странѣ. Справка въ исторіи покажетъ намъ, что жестокость закона происходила именно вѣдѣствіе мягкаго его примѣненія къ дѣлу.

Немногомъ втеченіе первыхъ лѣтъ привоза ихъ въ Южную Каролину пользовались многими привилегіями. — Тѣ изъ нихъ, которые жили въ образованныхъ семействахъ и имѣли желаніе учиться, научались читать и писать. Полная свобода дана была имъ присутствовать при отправленіи богослуженія на религіозныхъ митингахъ, и въ другихъ собраніяхъ, не допуская въ нихъ свидѣтелей изъ бѣлыхъ. Многие пользовались особымъ довѣріемъ

владѣльцевъ и занимали хорошія мѣста. Слѣдствіемъ этого было развитіе въ многихъ изъ нихъ въ значительной степени умственныхъ способностей и сознанія своего достоинства. Между ними появлялись люди дѣльные, мыслящіе, энергичные, съ постоянно-напряженнымъ слухомъ и зрѣніемъ, съ ушами, во всякое время готовыми разсуждать и дѣлать сравненія. Когда разсужденія о присоединеніи Миссури къ невольническимъ штатамъ произвели волненіе во всѣхъ частяхъ Союзныхъ Штатовъ, между неграми отыскиались люди съ необычайнымъ умомъ и силою воли, люди, которые невольнымъ образомъ были свидѣтелями различныхъ сценъ и слушателями различныхъ рѣчей. Разсужденія объ участи негровъ печатались въ газетахъ; а все, что печаталось въ газетахъ, становилось новымъ предметомъ разсужденій у дверей почтовой конторы, въ тавернахъ, у буфетовъ, за зваными обѣдами, гдѣ слуги-негры, стоявшіе за стульями, слышали все, что говорилось. Свободный негръ, въ городѣ Чарльстонѣ, слышій водъ названіемъ Датчанина Вези, отважился воспользоваться электрическимъ токомъ въ нависшей такимъ образомъ тучѣ. Онъ составилъ неудачный планъ, въ родѣ подражанія примѣру, показанному американскимъ племенемъ, планъ, цѣлю котораго была независимость негровъ. Свѣдѣнія наши объ этомъ человѣкѣ заимствованы неключительно изъ печатныхъ донесеній марныхъ судей, сообщившихъ весь ходъ дѣла, въ которомъ негръ этотъ былъ главнымъ лицомъ, и дѣйствовавшихъ, не безъ причины, съ нѣкоторымъ пристрастіемъ въ его пользу. Они утверждаютъ, что негръ этотъ былъ привезенъ въ Америку какимъ-то капитаномъ Вези, молодымъ человѣкомъ, отличавшимся красотою и обширнымъ умомъ, и что въ теченіе двадцати лѣтъ онъ казался самымъ преданнымъ невольникомъ. Но, выигравъ однажды въ лотерею полторы тысячи долларовъ, онъ откупился, и работалъ въ качествѣ плотника, въ городѣ Чарльстонѣ. Онъ отличался силой и дѣятельностію и, какъ утверждаетъ донесеніе, пользовался такой безукоризненной репутаціей и такимъ довѣріемъ со стороны бѣлыхъ, что когда его обвинили, — то обвиненію не только не вѣрили, но даже в теченіе нѣсколькихъ дней его не подвергали аресту; онъ былъ неприкосновененъ до тѣхъ поръ, когда преступленіе сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ, чтобы сомнѣваться. «Трудно представить себѣ, говорится въ донесеніяхъ: — какая причина заставила егоступить съ такой заговоръ; никто бы не узналъ ее, еслибы

одинъ изъ свидѣтелей се объявилъ, что Вези имѣлъ дѣтей, которыя всѣ были невольниками, и что, при одномъ случаѣ, Вези выразилъ желаніе освободить ихъ. Эту улику Вези подтвердилъ во время допроса.

Вези углубленъ былъ въ проектъ возбужденія и одушевленія негровъ на это предпріятіе болѣе четырехъ лѣтъ, и во все это время безпрестанно изыскивалъ случаи воодушевить своихъ единоплеменниковъ. Рѣши въ Конгрессѣ тѣхъ лицъ, которыя сопротивлялись присоединенію Миссури къ Союзнымъ Штатамъ, быть можетъ некаженные и перетолкованныя въ дурную сторону, доставляли ему обширныя средства къ воспламененію умовъ чернаго поколѣнія.

Даже проходя по улицамъ. — говорится въ донесеніи: — онъ не оставался празднымъ. Если товарищъ его кланялся бѣлымъ, какъ это вообще дѣлаютъ невольники, онъ упрекалъ его. Когда товарищъ отвѣчалъ ему: — мы невольники! Вези замѣчалъ съ негодованіемъ и саркастическимъ тономъ: — вы заслуживаете оставаться невольниками! (*)

Втеченіе времени, Вези привлекъ на свою сторону пятерыхъ, въ своемъ родѣ замѣчательныхъ негровъ, имена которыхъ были: Ролла, Нэдъ, Питеръ, Мондэй и Гулла Джэкъ. Въ официальномъ донесеніи объ этихъ лицахъ говорится:

«Въ выборѣ сообщниковъ, Вези оказалъ величайшую провѣдительность и присутствіе здраваго смысла. Ролла былъ предпріимчивъ и отличался необыкновеннымъ самообладаніемъ; смѣлый и выносливый, онъ не отступалъ отъ цѣли при видѣ опасности. Наружность Нэда показывала, что это былъ человѣкъ съ крѣпкими нервами и отчаянной храбрости. Питеръ былъ неустрашимъ и рѣшительнъ, вѣренъ данному слову и остороженъ въ словахъ, тамъ, гдѣ требовалось сохранить тайну; его не страшили и не останавливали никакія затрудненія: при всей увѣренности въ успѣхъ, онъ принималъ всевозможныя мѣры къ устраненію непредвидимыхъ препятствій, и старался открывать всѣ средства, которыя могли бы послужить имъ въ пользу. Гулла-Джэкъ, слывъ за чародѣя и притомъ такого, котораго страшатся уроженцы Африки, такъ охотно вѣрующіе въ сверхъ-естественное. Его считали не только неуязвимымъ, но и умѣющимъ, съ помощію своихъ чаръ, сообщать другимъ это свойство; кромѣ того, онъ имѣлъ возможность снабдить всѣхъ своихъ приверженцевъ оружіемъ. Это свидѣтели изъ бѣлыхъ. Мѣшаны изъ официальныхъ бумагъ.

былъ человѣкъ хитрый, жестокій, кровожадный; словомъ, человѣкъ съ демонскимъ характеромъ. Трудно вообразить себѣ его вліяніе на негровъ. Мондэй былъ твердъ, рѣшителенъ, скрываетъ и уменъ.

«Къ сожалѣнію, продолжало донесеніе, должно сказать, что поведеніе этихъ людей, кромѣ Гулла-Джэка, почти освобождало ихъ отъ всякаго подозрѣнія. Они пользовались не только безграничнымъ довѣріемъ владѣльцевъ, но и многими удобствами жизни, и всѣми привилегіями, совмѣстными съ ихъ положеніемъ въ обществѣ. Поведеніе Гулла-Джэка хотя и не отличалось безукоризненностью, но всеже его ни подъ какимъ видомъ нельзя было назвать дурнымъ человѣкомъ.

«Вообще поступки и поведеніе Вези и пятерыхъ его сообщниковъ могутъ быть интересны для многихъ. Вези, являясь къ допросу, становился потупивъ голову, сложивъ руки на грудь, и, по видимому, весьма внимательно выслушивалъ приводимыя противъ него обвиненія. Во время допроса свидѣтелей, онъ оставался въ этомъ положеніи; послѣ того ему самому предоставили переспросить ихъ, — что онъ и сдѣлалъ. Съ окончаніемъ допроса, Вези довольно долго говорилъ предъ всѣмъ собраніемъ. Когда произнесенъ былъ приговоръ, по лицу Вези катились слезы. Ролла объявилъ при допросѣ, что совершенно не знаетъ, въ чемъ его обвиняютъ; по его требованію, ему объяснили, и онъ принялъ это объясненіе съ величайшимъ изумленіемъ. Во все время допроса онъ обнаруживалъ необыкновенное спокойствіе и присутствіе духа. Когда ему объявили, что онъ обвиненъ, и когда посовѣтовали ему приготовиться къ смерти, онъ казался опять крайне изумленнымъ, но не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ страха. Въ поведеніи Нада не было ничего замѣчательнаго. Выраженіе его лица было сурово и неподвижно, даже и послѣ той минуты, когда произнесенъ былъ приговоръ. По его лицу невозможно было заключить или угадать, каковы были его чувства. Не такъ держалъ себя Питеръ-Пойсъ. Его лицо рѣзко обнаруживало чувство обманутыхъ ожиданій, чувство мщенія, негодованія, и наконецъ желанія узнать, какъ далеко простиралось открытіе заговора. По видимому, онъ не страшился послѣдствій, касавшихся собственнo его личности, и не столько заботился о своей собственной участи, сколько объ успѣхѣ плана, въ который погруженъ былъ всею душою. Выраженіе лица и поза его оставались неизмѣнными даже и въ то время, когда читали приго-

воръ. Единственнымъ словомъ его, при удаленіи изъ суда, было: «надѣюсь, мнѣ позволено будетъ; до казни, увидѣть жену и мое семейство.» Эти слова были сказаны вовсе не умоляющимъ тономъ. Приговоренные рѣшительно отказались сдѣлать новыя признанія, или сообщить свѣдѣнія, которыя могли бы открыть другихъ сообщниковъ. Питеръ-Пойсъ строго повелѣвалъ имъ соблюдать молчаніе: *Не открывайте рта; умрите молча, какъ, вы увидите, умру я*; и съ этой рѣшительностью они встрѣтили свою судьбу. Двадцать-два заговорщика были казнены на одной висѣлицѣ.

«Питеръ-Пойсъ былъ самымъ дѣятельнымъ агентомъ, на которомъ лежала обязанность собирать сколько можно болѣе приверженцевъ. У всѣхъ главныхъ дѣятелей были списки лицъ, изъ-явившихъ согласіе присоединиться къ нимъ. Пойсъ, по словамъ одного изъ свидѣтелей, имѣлъ въ своемъ списокѣ болыпе шесте-есть именъ; но, до послѣдней минуты, онъ старался соблюсти клятву, данную его сообщникамъ: не открывать ихъ личностей, такъ что изъ всѣхъ арестованныхъ, ни одинъ не принадлежалъ къ его партіи. Въ дѣлѣ, въ которомъ, какъ полагали, тысячи лицъ принимали участіе, только тридцать-шесть были признаны виновными.»

Въ числѣ дѣтей Датчанина Вези былъ мальчикъ, рожденный отъ невольницы изъ племени Мандинго. Мальчикъ этотъ былъ любимымъ сыномъ отца. Племя Мандинго считается лучшимъ во всей Африкѣ, по уму, по красотѣ сложенія, по непреклонной гордости и энергической натурѣ. Какъ невольники, они считались особенно драгоценными для тѣхъ владѣтелей, которые имѣютъ достаточно такта, чтобы управлять ими и цѣнить ихъ за обширныя способности и вѣрность; — но при управленіи грубомъ и жестокомъ, они бываютъ мстительны, сварливы и опасны. Этотъ мальчикъ, сынъ Вези, по желанію матери, получалъ имя Дрэдъ, имя, весьма обыкновенное между невольниками и преимущественно даваемое дѣтямъ, одареннымъ необыкновенною физическою силой. Развитіе ума въ ребенкѣ было столь необыкновенно, что между неграми возбуждало изумленіе. Еще въ ранніе годы, онъ самъ собою научился читать, и часто удивлялъ окружавшихъ его словами, которыя вычитывалъ изъ книгъ. Подобно другимъ дѣтямъ глубокой и пылкой натуры, онъ обнаруживалъ величайшее расположеніе къ религіозности, и нерѣдко своими вопросами и отвѣтами ста-

внѣзъ вступилъ старыхъ негровъ. Сынъ, одаренный отъ природы такими способностями, не могъ не быть предметомъ гордости и вниманія для такого отца, какъ Датчанинъ Вези. Между неграми, казалось, господствовало убѣжденіе, что этотъ ребенокъ родился для совершенія дѣлъ необыкновенныхъ; быть можетъ, сильное желаніе приобрѣсть свободу собственно для развитія такого ума, и заставило Датчанина Вези подумать о состояніи невольничества, о страшныхъ стѣсненіяхъ, налагаемыхъ на разумъ человѣка этимъ состояніемъ; быть можетъ, что только одно это обстоятельство и породило въ его головѣ планъ освобожденія чернаго племени. Библія, которую Вези постоянно читалъ, еще сильнѣе возбуждала это желаніе. Онъ сравнивалъ свое собственное положеніе, повоспитанію, поправамъ и уваженію, которыми пользовался между бѣлыми, съ положеніемъ Моисея между Египтянами; и имѣлъ убѣжденіе, что, подобно Моисею, онъ назначенъ свыше быть избавителемъ своего народа. Втеченіе процесса заговора, сынъ его, хотя бывшій только десяти лѣтъ отъ роду, пользовался, однакоже, особеннымъ довѣріемъ своего родителя, который постоянно наказывалъ ему не отступать отъ составленнаго плана, даже и въ такомъ случаѣ, если бы начало его и оказалось неудачнымъ. — Вези твердо впечатлѣлъ въ умъ своего сына двѣ идеи: не покоряться безусловно игу невольничества, и вѣрить, что его ожидаетъ впереди болѣе, чѣмъ обыкновенная участь.

Послѣ открытія заговора и послѣ казни главныхъ зачинщиковъ, негры, находившіеся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, хотя и не принимавшіе никакого участія въ мятежныхъ замыслахъ, были проданы въ другіе штаты. Съ особенной предусмотрительностію и осторожностію, Вези отклонилъ отъ своего сына всякое подозрѣніе. Во время казни Вези, Дрэду исполнилось четырнадцать лѣтъ. Его нельзя было впустить въ темницу, въ которой находился отецъ, но за то онъ былъ свидѣтелемъ спокойствія и неустрашимости, съ которой Вези и его сообщники приняли смерть. Воспоминаніе объ этомъ событіи глубоко запахло въ глубину его души, какъ падаетъ камень на дно мрачнаго горнаго озера. Проданный на отдаленную плантацію, онъ сдѣлался замѣчательнымъ по своему, въ высшей степени неукротимому характеру. — Онъ не принималъ никакого участія въ удовольствіяхъ и играхъ негровъ; работалъ молча, но прилежно, и при малѣйшемъ упрекѣ или угрозѣ, въ немъ воспламенялось какое-то бѣшенство, которое, при громадной физической силѣ,

дѣлало его предметомъ ужаса для управляющихъ. Дрэдъ принадлежалъ къ числу тѣхъ негровъ, отъ которыхъ управляющіе во всякое время и охотно готовы были отвязаться. А потому одинъ владѣтель продавалъ его другому, какъ капризную лошадь. Наконецъ одинъ управляющій, суровѣ прежнихъ рѣшился было смирить Дрэда. Вслѣдствіе этого произошла стычка, въ которой Дрэдъ, однимъ ударомъ, убилъ управляющаго, бѣжалъ въ болота, и послѣ того не было о немъ ни слуху, ни духу въ цивилизованномъ мірѣ.

Взглянувъ на карту Америки, читатель увидитъ, что весь восточный берегъ Южныхъ Штатовъ, за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, перерѣзанъ непрерывною цѣпью болотъ, пространствами страшнаго хаоса, гдѣ обильная растительность, всасывая силы влажной почвы, разрастается въ дикой свободѣ и становится преградой всѣмъ усиліямъ человѣка проникнуть въ нихъ или покорить ихъ своей власти. Эти дикія мѣста служатъ вѣрнымъ убѣжищемъ аллигаторамъ и гремучимъ змѣямъ. Хвойныя деревья, перемежанныя съ временно-увядающими лѣсными произрастеніями, образуютъ здѣсь непроходимыя чащи, зеленѣющія круглый годъ и служащія пріютомъ безчисленному множеству птицъ, щебетаньемъ которыхъ непрерывно оглашается эта лѣсная пустыня. Лозы виноградника и паразиты, невыразимо-роскошные и безконечно-разнообразные, вьются здѣсь, переплетаются и свѣшиваются съ высоты высочайшихъ деревьевъ, какъ корабельные вымпелы золотисто-пурпурнаго цвѣта, какъ праздничныя флаги, свидѣтельствующіе торжество уединеннаго величія природы. Особые роды чужездныхъ растений и мховъ, перекидываясь густою массою съ дерева на дерево, образуютъ удивительныя гирлянды, между которыми сіяютъ, во всемъ своемъ блескѣ, красныя ягоды и зеленныя листья амерканскаго шиповника. Эта болотистая полоса земли для американскаго невольника служитъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій владѣльцевъ. Постоянное усиліе выжить оттуда бѣглецовъ произвело къ этимъ штатамъ отдѣльное сословіе, неизвѣстное до настоящаго времени ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ,—сословіе охотниковъ, которые держали собакъ, выученныхъ отыскивать мужчинъ и женщинъ чернаго племени, какъ дикихъ звѣрей, выгонять ихъ на охотника. Несмотря на то, при всемъ удобствѣ такой выдумки, возвращеніе бѣглецовъ изъ этихъ укрѣпленій сопряжено съ такими издержками и затрудненіями,

что близость болотъ постоянно обуздываетъ самовластіе управленіищихъ.

Дрэдъ взялъ туда съ собой одну вещь—библію своего отца. Въ этой книгѣ заключалось для него все. Но его страстная натура все умѣла обращать въ орудіе своихъ убѣжденій и желаній. Глядя на природу во всемъ ея разнообразіи, не трудно замѣтить въ ней отраженіе самыхъ разнообразныхъ мыслей, ощущеній и страстей нашихъ. Намъ нравится въ ней преимущественно то, что согласуется съ настроеніемъ нашей души. Суровая, недоступная пѣжымъ ощущеніямъ душа восхищается шумомъ водопада, громомъ снѣжной лавины, ревомъ бури. Такъ точно и во всемъ умѣетъ человѣкъ находить такія черты, которыя особенно близки къ его собственному настроенію; такъ Дрэдъ умѣлъ приобщать къ своему положенію многое изъ того, что приходилось ему узнавать изъ ученія методистовъ, изъ правилъ, провозглашавшихся на митингахъ и въ публичныхъ собраніяхъ. Дрэдъ слышалъ, какъ читали о грозныхъ приговорахъ, произносимыхъ древними пророками противъ притѣсненія и несправедливостей. Онъ читалъ о царствахъ, истребленныхъ моровою язвою, о страшныхъ буряхъ, о чумѣ и саранчѣ; о морѣ, раздѣленномъ на двое, во дну котораго прошли поляща египетскихъ плѣнниковъ и въ волнахъ котораго погибли ихъ преслѣдователи. Всѣ эти и подобныя имъ историческія воспоминанія и нравственные требованія глубоко западали въ его душу.

Отчужденному отъ всякаго сношенія съ людьми, по цѣлымъ вѣдѣямъ не выдавшему человѣческаго лица,—ему чужды были обыденныя и прозаическія идеи, идеи, которыя могли бы охладить его энтузіазмъ. Нравственность, слышанная, вычитанная и усвоенная имъ, была высокая и чиста, и онъ, съ простодушіемъ ребенка, не понималъ того, какъ можно допускать отклоненія отъ нея, въ пользу обыденныхъ, житейскихъ явленій и мелкихъ расчетовъ. Онъ со всѣмъ пыломъ дикаря предавался идеямъ, зашедшимъ въ его душу. Самое выраженіе его мыслей сдѣлалось важнымъ и торжественнымъ сообразно съ важностью идей, которыя онъ былъ проникнутъ. Многія выраженія были имъ заимствованы изъ библии, съ которою онъ никогда не разставался.

Человѣкъ, незнакомый съ бытомъ и состояніемъ негровъ Южныхъ Штатовъ, можетъ не замѣтить, что хотя невольники Южныхъ Штатовъ, чѣмъ ожидала. неумѣютъ читать библию, но несмотря на то, еможесть, гордость нежаніе распространены между ними до такой ст

въ разговоры свои нерѣдко вводятъ библейскія изреченія. Какое же должно быть вліяніе этой книги на такую плантационную натуру, при чтеніи ея въ уединенія, гдѣ вниманіе ничѣмъ не отвлекается!

Неудивительно, что при своемъ энергичномъ характерѣ Дрэдъ умѣлъ обратить дикія и непроходимыя болота въ плодотворный и вѣрный пріютъ, — не только для себя, но и для другихъ негровъ, спасавшихся бѣгствомъ съ окрестныхъ плантацій.

Жизнь Дрэда проходила здѣсь въ какомъ-то мечтательномъ состояніи. Иногда, скитаясь поэтизмъ пустыннымъ мѣстамъ, онъ по нѣсколько дней сряду постился и молился, и тогда слышались невѣдомые голоса, и листы библіи казались покрытыми какими-то іероглифами. — Въ менѣ возбужденномъ настроеніи духа, онъ съ обдуманною рѣшимостью пускался на предпріятія, необходимыя для поддержки его существованія.

Нельзя сказать, чтобъ негры, скрывавшіеся въ болотахъ, были совершенно лишены всякаго сношенія съ обществомъ. Навольники всѣхъ сосѣднихъ плантацій, при всемъ желаніи пріобрѣсти расположеніе своихъ владѣтелей, въ душѣ еще болѣе расположены содѣйствовать пользѣ и выгодамъ бѣглецовъ. Они ясно видятъ, что на случай затруднительныхъ обстоятельствъ необходимо имѣть друга и защитника въ болотахъ, и потому нисколько не стѣсняются, по мѣрѣ силъ и возможности, снабжать бѣглецовъ всѣмъ, чего послѣдніе ни пожелаютъ. Бѣдные скоттеры, содержатели мелочныхъ лавокъ въ окрестностяхъ плантацій, не стѣсняются выдавать необходимые товары, на обменъ лѣсной дичи, которою изобилуютъ болота. Поэтому Дрэдъ могъ пріобрѣсти превосходную винтовку, владѣя которой онъ никогда не нуждался ни въ снарядахъ, ни въ пищѣ. Въ болотахъ находились возвышенныя мѣста, оказывавшіяся, при нѣкоторой обработкѣ, чрезвычайно плодородными. Подобныя мѣста Дрэдъ обрабатывалъ или своими руками, или руками бѣглыхъ, которыхъ принималъ подъ свое покровительство. По своей неуступчивости, онъ не ограничивался пребываніемъ въ одномъ только мѣстѣ; но бродилъ по всему болотистому пространству въ окрестностяхъ Каролинахъ и Южной Виргиніи, оставаясь на нѣсколько дней въ одномъ мѣстѣ и на нѣсколько въ другомъ. Въ мѣстахъ удобствъ таинномъ мѣстѣ и на нѣсколько въ другомъ. Въ мѣстахъ укрѣпленій сопряженія онъ образовывалъ нѣкотораго рода лагерь. При одномъ случаѣ онъ избавилъ дрожа-

щую и окрававленную мулатку отъ собакъ, преслѣдовавшихъ ее и загнавшихъ въ болота, женился на ней и, повидимому, питалъ къ ней глубокую любовь. Въ болотѣ, примыкавшемъ къ плантаціи Гордона, онъ, съ особенною предусмотрительностію, устроилъ для нея постоянное жилище, и съ этого времени сдѣлался извѣстнымъ въ той мѣстности болѣе, чѣмъ въ другихъ. Онъ обратилъ все свое вниманіе на Гарри, какъ на человѣка, котораго способности, дѣятельность и сила характера могли бы сдѣлать изъ него передоваго человѣка между неграми. Гарри, равно какъ и многіе невольники на плантаціи Гордона, зналъ о пребываніи Дрэда въ ближайшихъ окрестностяхъ, часто съ нимъ видѣлся и говорилъ. Но никто не обнаружилъ, что этотъ фактъ имъ извѣстенъ; хранить тайну составляло отличительную черту въ характерѣ невольниковъ. Гарри, одаренный отъ природы далекою видностію, зналъ, что его положеніе было непрочное, что ему необходимо дѣлать снисхожденія, которыя могли бы послужить ему въ пользу въ случаѣ его собственнаго побѣга. Мелкіе торгаши изъ бѣлыхъ также знали Дрэда, и пока они вели выгодный обмѣнъ съ нимъ, онъ находился внѣ всякой опасности; короче сказать, Дрэдъ до такой степени не опасался за свою свободу, что являлся даже на многочисленные митинги и оставлялъ ихъ безъ всякихъ непріятностей.

Кажется, этого весьма достаточно о человѣкѣ, который долженъ часто являться на сценѣ до окончанія нашей исторіи.

ГЛАВА XIX.

ЛѢТНЯЯ БЕСѢДА ВЪ КАМЕА.

Втеченіе немногихъ дней семейный кружокъ въ Канема увеличился прибытіемъ сестры Клэйтона, — въ то самое время когда Карсонъ, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, отправился на сѣверныя морскія купальни. Въ отвѣтъ на пригласительное письмо Нины, Анна пріѣхала съ отцомъ, который, по обязанностямъ его служенія, долженъ былъ находиться въ окрестностяхъ этой плантаціи. Нина приняла сестру Клэйтона съ обычнымъ радушіемъ, такъ что Анна весьма скоро и отъ души полюбила будущую сестру свою, полюбила гораздо больше, чѣмъ ожидала. Еслибъ Нина была сама гостьей, то, быть можетъ, гордость не

позволила бы ей быть слишкомъ любезной передъ Анной, которой, впрочемъ; она очень хотѣла поправиться. Но на этотъ разъ она была хозяйкой дома и имѣла мавританскія понятія о гостепріимствѣ и привилегіяхъ гостей; а потому безпрестанно занимала миссъ Анну разговоромъ, пѣла для нее, играла на фортепіано, гуляла съ ней по саду, показывала аллен, павильоны, цвѣточный садъ, прислуживала въ спальнѣ, словомъ, оказывала тысячи маленькихъ услугъ, тѣмъ болѣе очаровательныхъ, что они дѣлались безъ принужденія. Кромѣ того, Нина, въ маленькомъ сердцѣ своемъ, дала себѣ клятву поколебать горделивую степенность Анны, отнять всякую возможность быть слишкомъ серьезной и разсудительной, наконецъ принудить ее смѣяться и рѣзвиться. Клэйтонъ едва удерживался отъ улыбки при видѣ успѣха, которымъ вскорѣ увѣнчались усилія Нины. Веселость Нины, особливо въ самой сильной ея степени, имѣла какую-то прилипчивость; она сообщалась всѣмъ, ее окружавшимъ, и приводила ихъ въ одинаковое съ ней расположеніе духа; такъ что Анна, въ обществѣ Нины, смѣялась надъ всѣмъ и надъ ничѣмъ, единственно потому, что чувствовала себя веселою. Къ довершенію всего, въ Канема пріѣхалъ дядя Джонъ Гордонъ, съ его постоянно смѣющимся, радостнымъ лицомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ неумолкаемыхъ говоруновъ, которые нерѣдко становятся неопѣненнымъ кладомъ для общества, потому что, такъ или иначе, они умѣютъ поддержать бесѣду и придать ей нѣкоторое одушевленіе. вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала и мистриссъ Гордонъ, или, какъ Нина обыкновенно называла ее, тетенька Марія. Это была видная, статная среднихъ лѣтъ женщина, весьма бы недурная собой, еслибъ черты заботы и нервнаго раздраженія не врѣзались такъ глубоко въ ея лицо. Свѣтлые, каріе глаза, прекрасные зубы, и размѣры ея формъ, свидѣтельствовали, что она родилась въ старой Виргиніи.

— Наконецъ, сказала Нина, обращаясь къ Аннѣ Клэйтонъ и располагаясь съ ней на отъѣпной сторонѣ балкона: — наконецъ я отправила тетеньку Марію въ комнату тетеньки Несбитъ, гдѣ онѣ съ такимъ наслажденіемъ начнутъ оплакивать мою судьбину.

— Оплакивать васъ? сказала Анна.

— Да; меня! Вы удивляетесь, а между тѣмъ я навѣрное могу сказать, что для нихъ это составляетъ нѣкоторое развлеченіе! — И какъ же онѣ разберутъ-то меня! Пересчитаютъ по пальцамъ

всѣ вещи, которыя я должна бы знать и не знаю, которыя должна бы дѣлать и не умѣю. Мнѣ кажется, междуродными это обыкновенный способ высказать свое родственное расположеніе,—особливо между такими родными, какъ мои тетеньки.

— Какой же цѣлью онѣ достигнуть черезъ это?—сказала Анна.

— Никакой, кромѣ удовлетворенія желанію поговорить. Надо сказать, что тетенька Марія—въ высшей степени строгая и гнѣвная домохозяйка, аккуратная до сумасбродства; въ домѣ у нее не заведется ни мышенка, ни букашки, ни соринки, ни пылинки; каждая минута у нее имѣетъ свое назначеніе, и въ этомъ отношеніи она пунктуальна, какъ часы. Она управляетъ домомъ съ желѣзнымъ жезломъ въ рукахъ, такъ что все дрожитъ вокругъ нея; она никогда почти не спитъ, такъ что во всякое время можетъ сказать, сколько разъ мигнула; сама ведетъ счеты, сама творитъ судъ и расправу, и готова уничтожить того, кто хоть на волосъ отступилъ отъ заведеннаго порядка. Сама кроитъ, сама шьетъ, сама вяжетъ и бренчитъ ключами. И весь этотъ шумъ она называетъ домохозяйствомъ!—Теперь, какъ вы полагаете, что она думаетъ о Нинѣ Гордонъ, молоденькой дѣвицѣ, которая надѣваетъ утромъ шляпку, выбѣгаетъ въ садъ, гуляетъ въ немъ и любитъ цвѣтами, пока не кликнетъ ее тетушка Кэти—узнать приказанія на текущій день?

— А, кто же эта тетушка Кэти? сказала Анна.

— Въ своемъ родѣ первый министръ при моей особѣ, и надо вамъ сказать, очень похожа на первыхъ министровъ, о которыхъ я учила въ исторіи и которые всегда стараются поставить на своемъ, какія бы отъ нихъ капризы ни были послѣдствія. Такъ точно и Кэти: когда она подходитъ ко мнѣ и такъ почтительно спрашиваетъ: что угодно миссъ Нинѣ имѣть сегодня къ обѣду?—неужели вы думаете, она дѣйствительно ожидаетъ моего приказанія? — Ничуть не бывало! У нее найдется пятьдесятъ возраженій на каждое мое предложеніе. Не забудьте, иногда и у меня вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, является желаніе заняться хозяйствомъ, подобно тетушкѣ Маріи; но все не удается какъ-то. Лишь только Кэти начнетъ убѣждать, что всѣ мои предложенія ничто иное, какъ верхъ нечѣстности,—и докажетъ окончательно, что для такого стола, какой заказываю я, не найдется даже и провизіи, я сейчасъ же покидаю попытку сдѣлаться хозяйкой. А когда я скажу ей съ нѣкоторой покорностью: тетушка Кэти, что же станемъ мы дѣлать?—она слегка прокашляется и прочи-

таетъ цѣлую программу блюдъ такъ быстро, какъ будто она составлена была еще наканунѣ, и, разумѣется, я соглашаюсь. Что касается расчетовъ, то для этого есть Гарри. Въ деньгахъ я ничего не понимаю; я умѣю только тратить ихъ. Я одарена на это особенной способностью. Можете же вообразить теперь, до какой степени страшное впечатлѣніе все это должно производить на бѣдную тетуску Марію! сколько вздоховъ теперь теряется изъ-за меня, сколько взглядовъ на небо, сколько потрясеній головою! — Тетусика, не шутя, то и дѣло твердить мнѣ о развитіи моихъ душевныхъ способностей! А подъ этия развитіемъ должно подразумѣвать чтеніе какой нибудь сухой, глупой, скучной, старой книги, какія она сама имѣетъ обыкновеніе читать! Чтò говорить? мнѣ правится идея о развитіи душевныхъ способностей, — я даже увѣрена, что мнѣ необходимо это развитіе; но съ другой стороны, я не могу отказаться отъ мысли, что прогулка въ саду, по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ развиваетъ и улучшаетъ меня гораздо быстрее, чѣмъ книги, надъ которыми невольно дремлешь. Я смотрю на нихъ, какъ на сухое сѣно, которое весьма хорошо, за неимѣніемъ свѣжей травы. Не лучше ли поэтому гулять на свободѣ и цитаться зеленью? То, что принято называть природой, никогда не надоѣдаетъ мнѣ; про книги я не могу сказать того же самого. Согласитесь, что люди созданы совершенно различно! Однимъ нравятся книги, другимъ природа; — не правда ли?

— Я могу привести важный фактъ въ защиту вашихъ доводовъ, сказалъ Клэйтонъ, незамѣтно подошедшій къ спинкамъ ихъ стульевъ во время этого разговора.

— А я и не знала, что дѣлаю доводы! возразила Нина: — во всякомъ случаѣ, я очень рада, если есть хотя что нибудь въ мою защиту.

— Замѣтите, сказалъ Клэйтонъ: — книги, имѣвшія вліяніе на міръ, существующія отъ временъ незапамятныхъ, распространявшіяся по всему пространству міра, проникнувшія во всю глубину его, были написаны людьми; которые углублялись болѣе въ природу, чѣмъ въ книги; которые, употребляя ваши слова, питались зеленью, а не сухимъ сѣномъ. Гомеру, въ его время, даже нечего было и читать; а между тѣмъ онъ оставилъ источники духовной пищи, неизсякаемые для многихъ вѣковъ и поколѣній. Не думаю даже, что и Шекспиръ былъ большой любитель чтенія.

— Неужели жеты полагаешь, сказала Анна:— что для насъ, людей обыкновенныхъ, которые ненамѣрены быть ни Гомерами, ни Шекспирами, необходимо имѣть двѣ тетивы у одного лука, и извлекать назидательныя поученія изъ книгъ и изъ природы?

— Разумѣется, сказалъ Клэйтонъ: — если только будете употреблять книги надлежащимъ образомъ. Чтеніе, для многихъ, ничто иное, какъ родъ вспомошествованія для ума, которое забавляетъ отъ труда мыслить за самихъ себя. Нѣкоторые люди въ этомъ отношеніи похожи на тощихъ коровъ Фараона: они поглощаютъ книгу за книгой и попрежнему остаются тощими.

— Дѣдушка намъ говаривалъ, замѣтила Анна: — что для библіотеки женщины достаточно имѣть библію и Шекспира.

— Шекспиръ, сказала Нина:—вовсе не правится мнѣ. Я говорю это откровенно. Во-первыхъ, я не понимаю его наполовину, а всѣ говорятъ, что онъ такъ натураленъ! Я еще ни разу не слышала, чтобы люди говорили такъ, какъ онъ заставляетъ ихъ говорить въ своихъ произведеніяхъ. Скажите сами, слышали ли вы когданибудь, чтобы люди говорили бѣлыми стихами, сбѣгла ихъ отъ времени до времени стихами звучными, — какъ это дѣлаютъ его дѣйствующія лица въ длинныхъ рѣчахъ. Скажите, слышали ли вы?

— Въ этомъ отношеніи, сказалъ Клэйтонъ: — съ вами можно согласиться вполнину. Его разговоры имѣютъ тоже самое сходство съ дѣйствительною жизнью, какое имѣютъ лица въ оперныхъ роляхъ. Натурально ли, напримѣръ, для Нормы залиться пѣсню въ то время, когда она узнаетъ объ измѣнѣ мужа? А между тѣмъ вы допускаете это, потому, что этого требуетъ свойство оперы; и потомъ, при этомъ исключеніи, все остальное кажется вамъ совершенно натуральнымъ дѣломъ, которому музыка придаетъ особенную прелесть. Такъ и въ Шекспирѣ; вы не можете не допустить, что театральныя пьесы должны заключать въ себѣ поэзію, что дѣйствующія лица въ нихъ должны говорить непремѣнно рифмами и притомъ со всею выпренностию поэтическаго чувства; при этомъ условіи разговоры дѣйствующихъ лицъ должны показаться натуральными.

— Но я не понимаю очень многого, о чемъ говоритъ Шекспиръ, сказала Нина.

— Это потому, что съ того времени, какъ онъ писалъ, многія слова и обычаи совершенно измѣнились, сказалъ Клэйтонъ;

потому что въ его сочиненіяхъ есть множество новизны на слухъ изъ общественной жизни, которые теперь не повторяются, на привычки, которые давно вышли изъ употребленія, и наконецъ потому еще, что, прежде, чѣмъ понимать его, вы должны изучить его языкъ. Представивъ себѣ поэму на иностранномъ языкѣ: — вы, не зная того языка, не можете сказать, нравится ли вамъ она или не нравится. А по моему мнѣнію, въ вашей натурѣ скрывается расположеніе къ Шекспиру, какъ сѣмя на пустившее ростковъ.

— Что же заставляетъ васъ думать такими образами?

— О, я вижу это въ васъ, какъ скульпторъ видитъ статую въ глыбѣ мрамора.

— Не намѣрены ли вы извлекать ее изъ этой глыбы? спросила Нина.

— Если будетъ позволено, отвѣчалъ Клэйтонъ: — во всякомъ случаѣ, мнѣ нравится ваша откровенность, ваше чистосердечіе. Я часто слышалъ, какъ нѣкоторыя дамы восхищались Шекспиромъ, сами не зная, чѣмъ восхищаются. Я зналъ, что онѣ не имѣли ни настолько опытности въ жизни, ни на столько привычки заглядывать въ человѣческую натуру, чтобы уиѣтъ оцѣнивать достоинство и красоты этого писателя; восхищеніе ихъ было чисто-поддѣльное; онѣ считали за преступленіе не восхищаться имъ.

— Благодарю васъ, сэръ, сказала Нина:—что вы находите смыслъ въ моемъ недѣльномъ сужденіи. Я думаю удержать васъ у себя еще долѣе, съ тѣмъ, чтобы вы перевели всѣ мои безсмысленны на чистый англійскій языкъ.

— Вамъ извѣстно, что я совершенно въ вашемъ распоряженіи, сказалъ Клэйтонъ:—вы можете приказывать мнѣ, что вамъ угодно.

Въ эту минуту вниманіе Нины было привлечено громкими восклицаніями съ той стороны господскаго дома, гдѣ расположены были хижины негровъ.

— Убирайся прочь! Намъ не нужно твоего хлама. Нѣтъ! нѣтъ! миссъ Нина тоже не нуждается въ тухлой твоей рыбѣ. У нея довольно негровъ, чтобы наловить сажей, если захочетъ!

— Кто-то тамъ напрасно произноситъ мое имя, сказала Нина, подбѣгая къ противоположному концу балкона.

— Топтуть, продолжала она, обращаясь къ этому юношѣ, который лежалъ на снѣгѣ и грѣлся на солнышкѣ, въ ожиданіи,

когда его кликнуть чистить ножи: — охоти, пожалуйста, что тамъ за крикъ?

— Это, миссъ, скоттеръ, отвѣчалъ Томтитъ: — пришелъ сюда сбить какую-то дрянъ. Миссъ Лу говорить, что ихъ не должно баловать, и я самъ того же мнѣнія.

— Пошли его сюда, сказала Нина, которая, частью изъ состраданія къ ближнему, частью изъ желанія противорѣчить, рѣшилась оказывать бѣднымъ скоттерамъ покровительство при всякомъ случаѣ. Томтитъ побѣждалъ и вскорѣ подвелъ къ балкону человека, оборванное платье котораго едва прикрывало наготу. Его щеки были сухи и впалы; онъ стоялъ передъ Ниной согнувшись и какъ бы стыдился своей наружности; но смотря на то, для всякаго было замѣтно, что при лучшей одеждѣ, и лучшемъ положеніи въ обществѣ, онъ могъ бы показаться красивымъ и умнымъ мужчиной.

— Что ты просишь за эту рыбу? спросила Нина.

— Что пожалуйста.

— Гдѣ ты живешь? продолжала Нина, вынимая кошелекъ.

— Мое семейство приютилось на плантаціи мистера Гордона.

— Почему ты не примешь постоянного мѣста?

При этомъ вопросѣ, скоттеръ бѣгло посмотрѣлъ на миссъ Нину и потомъ сейчасъ же принялъ обычное, томное выраженіе.

— Не могу принскать работы, не могу достать денегъ; нашему брату ничего не даютъ.

— Ахъ, Богъ мой! сказалъ дядя Джонъ, случайно подслушавшій этотъ разговоръ. Да это должно быть мужъ того заманчиваго призрака, который недавно появился на моей плантаціи. Пожалуйста, Нина, заплати ему, что просить: ты отсрочишь отъ семьи его часть голодной смерти.

Нина исполнила приказаніе дяди, щедро заплатила скоттеру за рыбу и отпустила его.

— Теперь, сказала Нина: — я увѣрена, что все мое праспорѣчье не убѣдитъ Розу приготовить рыбу къ обѣду.

— Почему же нѣтъ; если вы прикажете ей? сказала тетюшка Марія, которая уже спустилась на балконъ.

— Почему? потому, что скажетъ: я не нѣтъ расположенія готовить се.

— Мои слуги къ этому не приучены! замѣтила тетюшка Марія.

— Я съ вами совершенно согласна, сказала Нина. — Но ваши слуги и мои — большая разница. На моей плантаціи они дѣлають, что должны, и за все это я требую отъ нихъ одной только частицы той же самой привилегіи.

— Женѣ этого мужа и дѣтямъ понравилась моя плантація, сказалъ мистеръ Гордонъ, со смѣхомъ: — и потому, Нина, заплати ему за рыбу, ты избавила меня отъ лишнихъ расходовъ.

— Это правда, правда! Мистеръ Гордонъ изъ такихъ людей, которые готовы навѣшать себѣ на шею всѣхъ пнищихъ! сказала мистрисъ Гордонъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Не ужели можно равнодушно смотрѣть на несчастнаго, который умираетъ съ голоду? Еслибъ общество можно было совсѣмъ передѣлать, тогда бы еще была надежда, что участь этихъ людей улучшится. Голова должна управлять руками, но въ томъ-то и бѣда, что у насъ руки не слушаются головы, и, посмотрите, что изъ этого выходитъ?

— Кого же вы подразумѣваете подъ словомъ голова?

— Кого? конечно, верхній слой общества! Насъ, воспитанныхъ людей! Мы должны имѣть безграничное дѣйствіе на рабочіе сословія и управлять ихъ дѣйствіями, какъ голова управляется дѣйствіями рукъ. Рано или поздно, но надобно придти къ этому результату, — другія постановленія не возможны. Сословіе скотарей не можетъ заботиться о себѣ, и потому должно быть постановлено въ такое отношеніе къ намъ, чтобы мы о немъ заботились. Какъ вы думаете, какое значеніе имѣетъ въ нихъ понятіе слово свобода? звукъ, — яп больше, ни меньше какъ пустой, ничтожный звукъ; — они подразумѣваютъ подъ этимъ — свободу быть голодными и нагими, вотъ и все. Не могу понять, какими образомъ люди привязываются къ однимъ только словамъ! Я уверяю, что этотъ же самый человѣкъ, этотъ нищій, страшно осмѣиваетъ, если его припишутъ къ моимъ неграмъ; не смотря на то, что онъ и его дѣти ради-радехоньки объѣдають хлѣба, которые упадутъ со стола невольника! Не могу надивиться, почему человѣкъ, называемый еще разумнымъ животнымъ, имѣя подобный примѣръ передъ собою, можетъ очертя-голову возставать противъ невольничества. Сравните только свободное рабочее сословіе съ нашими неграми! О Боже! до какой степени заблуждаются люди въ этомъ мірѣ! У меня не хватаетъ терпѣнія, особливо въ такое знойное время!

И мистеръ Джонъ отеръ свое лицо бѣлымъ шелковымъ платкомъ.

— Все это прекрасно, дядюшка Джонъ, мой милый, старый джентльменъ! сказала Нина. Но я вамъ одно должна сказать: вы столько не путешествовали, сколько я, и потому ничего не видѣли.

— Нѣтъ, дитя мое! благодарю Господа, что нога моя не переступала границъ невольническихъ штатовъ, и, надѣюсь, никогда не переступитъ, сказалъ дядя Джонъ.

— А не мѣшало бы вамъ посмотрѣть на рабочее сословіе въ Сѣверныхъ Штатахъ, сказала Нина. Тамъ, начальники штатовъ часто избираются изъ тѣхъ же фермеровъ, которые трудятся вмѣстѣ съ своими работниками. Тамъ голова и руки дѣйствуютъ за-одно, и та еще не большая голова, которая приводитъ въ дѣйствіе пятьдесятъ паръ рукъ. За то и работа тамъ идетъ не такъ, какъ у насъ! Вы только посмотрите на наши плуги и сохи! смѣхъ беретъ, когда случается взглянуть на нихъ. Тамъ земледѣльческія орудія точно игрушки, а у насъ въ одной лопатѣ фунтовъ десять вѣсу.

— Разумѣется! здѣсь, если они недостаточно тяжелы, чтобы углубляться въ землю отъ собственной своей тяжести, то наши лѣнныя негры ничего съ ними не сдѣлаютъ. Они въ одно утро переломаютъ дюжину лопатокъ, купленныхъ отъ янки, сказалъ дядя Джонъ.

— Неправда, дядюшка, позвольте мнѣ сказать, какъ дѣлаютъ это въ Сѣверныхъ Штатахъ. Однажды я отправилась съ Ливи Рэй въ Нью-Гэмпширъ провести тамъ каникулы. Отецъ Ливи, фермеръ, проводитъ часть дня въ работѣ вмѣстѣ съ своими людьми; пашетъ землю, копаетъ ее, сѣетъ и садитъ, — а между тѣмъ онъ чуть-ли не первое лицо въ штатѣ. У него великолѣпная ферма, на которой все въ отличномъ порядкѣ; его сыновья съ двумя-тремя наемными работниками содержатъ ее лучше всякой нашей плантаціи. Мистеръ Рэй очень много читаетъ, имѣетъ превосходную библіотеку, и во всѣхъ отношеніяхъ такой джентльменъ, какихъ вы рѣдко встрѣтите. Тамъ нѣтъ ни вышшаго, ни низшаго сословія. Тамъ всѣ трудятся, и всѣ, по-видимому, счастливы. Мать Ливи имѣетъ прекрасный огородъ, оранжерею и двухъ сильныхъ женщинъ, которыя помогаютъ ей работать. Въ домѣ все такъ мило, и течение большей части дня все въ немъ такъ приятно, чисто и тихо, что вы бы поду-

мил, что живущіе въ немъ ничего не дѣлають. Мнѣ кажется, это гораздо лучше, чѣмъ обращать рабочія сословія въ невольниковъ.

— Подумаешь, право, какъ умно разсуждаютъ молоденькія люди! воскликнулъ дядя Джонъ. Безъ сомнѣнія, для Нью-Гампшира наступаетъ вѣчное блаженство! Но, скажи пожалуйста, моя милая, какую же роль во всемъ этомъ разыгрываютъ молоденькія люди? Мнѣ кажется, твоя особа нисколько не улучшилась!

— О, что касается меня, то я только исполняю мое призваніе, сказала Нина:—я стараюсь просвѣтитъ тупыхъ, сонныхъ старыхъ джентльменовъ, не выѣзжавшихъ никуда изъ штата, въ которомъ родились, и не знающихъ, что имъ дѣлать. Я дѣйствую на нихъ въ качествѣ миссіонера; а этого труда для меня весьма достаточно.

— Я знаю только одно, сказала Марія: — что я величайшая невольница изъ всѣхъ скоттеровъ и негровъ. Во всѣхъ моихъ людяхъ, кромѣ меня, нѣтъ ни души, кто бы позаботился изъ нихъ о себѣ или о своихъ дѣтяхъ.

— Надѣюсь, упрекъ этотъ до меня не касается, сказалъ дядя Джонъ, пожавъ плечами.

— Если говорить правду, такъ ты нисколько ихъ не лучше, возразила мистриссъ Гордонъ.

— Такъ и есть! я этого ждалъ! воскликнулъ дядя Джонъ. Клянусь честью! непременно приглашу проповѣдника: пусть онъ прочтетъ тебѣ правило объ обязанностяхъ женъ!

— И мужей, прибавьте, сказала тетушка Марія.

— Да, да! воскликнула Нина. Я бы сама хотѣла познакомиться съ этими правилами.

Нина часто говорила не подумавъ: дядя Джонъ лукаво посмотрѣлъ на Клэйтона. Нина не могла воротить своихъ словъ. Она вспыхнула и поспѣшила переменить разговоръ.

— Во всякомъ случаѣ, я знаю, что тетушкина жизнь гораздо тяжелѣ жизни всякой домохозяйки въ свободныхъ штатахъ. Мнѣ кажется, чтобъ нанять слугу, для исполненія всѣхъ вашихъ работъ, достаточно башмаковъ, которые вы изнашиваете, преслѣдуя негровъ. Тамъ всѣ такого мнѣнія, что люди Южныхъ Штатовъ ничего не дѣлають, какъ только лежать на мягкой софѣ; никто и вѣрить не хотѣлъ, когда я говорила, что у нашихъ людей столько хлопотъ, что и вообразить нельзя.

— ~~Одниме твои~~ хлопоты, Нина, тебя не очень изнурили, сказалъ дядя Джонъ.

— Они изнурятъ, если вы дядюшка не будете вести себя лучше. Страніе исправить мужчину убьетъ хоть кого.

— На эти слова одному джентльмену слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, сказалъ дядя Джонъ, пожавъ плечами и съ усмѣшкой посмотрѣвъ на Клейтона.

— Что касается меня, сказала тетушка Марія: — то я знаю только одно: я была бы рада отдѣлаться отъ негровъ. Иногда жизнь кажется мнѣ такимъ бременемъ, что право не стоило бы хлопотать изъ-за нея.

— Неправда, мой другъ, неправда, сказалъ дядя Джонъ: — при такомъ очаровательномъ мужѣ, какъ твой, который старается устроить отъ тебя всякаго рода заботы, жизнь ни подъ какимъ видомъ не должна быть въ тягость.

— Позвольте, сказала Нина, вглядываясь въ даль дубовой аллеи: — что тамъ такое? Не я буду, если это не старый Тиффъ съ своими дѣтьми!

— Кто этотъ Тиффъ? спросила тетушка Марія.

— Старикъ, сказала тетушка Несбитъ: — изъ числа тѣхъ несчастныхъ семействъ, которыя поселились гдѣ-то около сосновой рощи... Ничтожныя созданія... Незнаю почему, у Нины есть расположеніе оказывать имъ покровительство.

— Пожалуста, Гордонъ, удержи ее, сказала тетушка Марія въ то время, когда Нина побѣжала имъ навстрѣчу. — Поступи съ ней, какъ дядя!

— Перестань, сдѣлай милость, сказалъ мистеръ Гордонъ: — берегись; иначе, я самъ расскажу про тебя. Не сама ли ты отправила корзину съ провизіей къ несчастнымъ скоттерамъ и бранила меня за то, что я принимаю въ нихъ участіе.

— Бранила! Мистеръ Гордонъ, я никогда не бранюсь!

— Ахъ извините, я хотѣлъ сказать, что вы упрекали меня!

Всякому извѣстно, что женщины нравятся; когда выставляютъ на видъ ея состраданіе къ ближнему; и потому тетушка Марія, которая лаяла, какъ говорится въ простонародной поговоркѣ, безпредѣльно злѣе, чѣмъ кусала, сидѣла въ эту минуту въ полномъ самодовольствіи. Между тѣмъ Нина выбѣжала въ аллею и вступила въ откровенный разговоръ съ старымъ Тиффомъ. Возвращаясь на балконъ, она не поднималась, но прыгала по ступенькамъ, въ необычайномъ восторгѣ.

— Дядюшка Джонъ! какая радость предстонтъ намъ! Вы всѣ должны ѣхать! Непремѣнно! какъ вы думаете, какое удовольствіе ожидаетъ насъ? Милыхъ въ пяти отсюда предназначается митингъ подъ открытымъ небомъ. Поѣдьте... пожалуйста! всѣ, всѣ!

— Вотъ это кстати, сказалъ дядя Джонъ. Я сейчасъ же поступаю подъ твои знамена! Я готовъ во всякое время къ воспріятію всего лучшаго. Кто хочетъ, тотъ можетъ пересоздать меня во всякое время.

— Нѣтъ, дяденька Джонъ, сказала Нина:—пересоздать васъ трудно. Вы похожи на громадную рыбу, которая очень больно жусается; не успѣютъ ее вытащить на берегъ, какъ она захлопываетъ хвостомъ и только думаетъ, какъ бы снова нырнуть въ воду, и снова предаться прежнимъ грѣхамъ. Я знаю по крайней мѣрѣ трехъ проповѣдниковъ, которые надѣялись поддѣть васъ на удочку; но ошиблись въ расчетѣ.

— По моему мнѣнію, сказала тетушка Марія:—эти митинги приносятъ не столько добра, сколько вреда. Тутъ собираются, такъ сказать, подонки общества, между которыми втеченіе одной недѣли больше выпивается вина, чѣмъ въ шесть недѣль во всякомъ другомъ мѣстѣ и въ другое время. Притомъ же на этотъ случай прекращаются всѣ работы; а мистеръ Гордонъ приучалъ негровъ такъ, что они считаютъ за величайшую обиду, если имъ не позволить дѣлать того, что дѣлаютъ другіе. Нѣтъ! въ нынѣшнемъ году я подавлю ногой всѣ эти причуды, и не позволю имъ отлучаться, кромѣ воскресенья.

— Жена моя знаетъ, что ея ножка была извѣстна всему округу по своей красотѣ, и потому держитъ меня постоянно подъ ней, сказалъ мистеръ Гордонъ;—она знаетъ, что я не въ силахъ сопротивляться хорошенькой ножкѣ.

— Мистеръ Гордонъ! возможно ли говорить подобныя вещи? Я должна думать, что, говоря такой вздоръ, вы совсѣмъ выживаете изъ ума! сказала мистрисъ Гордонъ.

— Вздоръ! это, по вашему, вздоръ! Позвольте же сказать вамъ, что правдивѣе этихъ словъ вы не услышите на митингѣ, сказалъ дядя Джонъ. Но оставимте это.... Кляйтонъ, вы вѣрно поѣдете! Пожалуйста безъ отрицаній! Увѣряю васъ, что ваше лицо будетъ приличнѣйшимъ украшеніемъ этой сцены; что же касается до миссъ Анны, то, я полагаю,—извинить такому старику

какъ я, если онъ скажетъ, что ея присутствіе осчастливитъ это собраніе.

— Я подозреваю, сказала Анна:—Эдвардъ боится, что его примутъ тамъ за человѣка, который можетъ оказать услугу митингу. Въ кругу незнакомыхъ людей его не иначе принимаютъ какъ за пастора и нерѣдко просятъ прочитывать молитвы, употребительныя въ семейномъ кругу.

— Это обстоятельство въ нѣкоторой степени подтверждаетъ ложное понятіе, что отправленіе религіозныхъ обрядовъ вмѣняется въ исключительную обязанность нашихъ пасторовъ, сказалъ Клэйтонъ. — По моему мнѣнію, каждый христіанинъ долженъ быть готовъ и способенъ принимать ихъ на себя...

— Я уважаю подобное мнѣніе, сказалъ дядя Джонъ. Человѣкъ не долженъ стыдиться своей религіи, какъ воинъ не долженъ стыдиться своего знамени. Я увѣренъ, что въ сердцахъ многихъ простыхъ, честныхъ мирянъ, скрывается болѣе религіознаго чувства, чѣмъ подъ бѣлыми, накрахмаленными галстуками и воротничками пасторовъ; — и потому первые должны высказывать избытокъ этого чувства. Я говорю не потому, что не имѣю уваженія къ нашимъ пасторамъ; напротивъ, они прекрасные люди, — немного тяжелы, да это не бѣда! Ни одинъ изъ нихъ, однакожь, не представитъ душѣ моей случая попасть прямо въ рай, потому что я люблю таки иногда облегчить свое сердце крѣпкимъ словомъ. Да и то сказать, съ этими неграми, управляющими и скоттерами, мои шансы къ спасенію страшно ограничены. Я не могу удержаться отъ побранки, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Говорятъ, что это ужасно грѣшно, а мнѣ кажется, еще грѣшнѣе удерживаться отъ справедливаго гнѣва.

— Мистеръ Гордонъ, сказала тетюшка Марія упрекающимъ тономъ: — думаете ли вы о томъ, что говорите.

— Думаю, другъ мой, думаю во всякое время. Не подумавъ, я ничего не дѣлаю, кромѣ только тѣхъ случаевъ, какъ я уже сказалъ, когда нечистая сила беретъ верхъ надо мною. И вотъ еще что скажу вамъ, мистриссъ Джи: надо бы приготовить все въ нашемъ домѣ, на случай, если какой нибудь пасторъ вздумаетъ провести съ нами недѣлку или болѣе: мы соберемъ для нихъ митингъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Я всегда люблю оказывать имъ уваженіе.

— Постели для гостей у насъ готовы во всякое время, сказала мистриссъ Гордонъ съ величавымъ видомъ.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Я хотѣла сказать объ экстренныхъ приготовленіяхъ, о тучномъ тельцѣ и тому подобномъ.

— Такъ завтра утромъ мы отправляемся? сказала Нина.

— Согласны, отвѣчалъ дядя Джонъ.

ГЛАВА XX.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ТИФФА.

Вѣсть о предстоящемъ митингѣ произвела въ Канема сильное волненіе. Въ людской всѣ были заняты этимъ событіемъ отъ тетушки Кэтти до Томтита. Женщины и дѣвицы захопотажи о своихъ нарядахъ, потому что эти собранія доставляли негритянкамъ, особливо молоденькимъ, возможность выказать свою красоту. Поэтому не успѣлъ еще Тиффъ сообщить вѣстіе о митингѣ и удалиться, какъ Томтитъ протрубилъ объ этомъ во всѣхъ хижинахъ, примыкавшихъ къ правой сторонѣ господскаго дома, присовокупивъ, что миссъ Нина отпускаетъ на митингъ всѣхъ негровъ. Вслѣдствіе этого, старикъ Тиффъ очутился на первомъ планѣ въ группѣ негритянокъ, между которыми Роза, повариха, была замѣчательнѣе прочихъ.

— Ужъ вѣрно, Тиффъ, ты тоже отправишься? и возьмишь дѣтей своихъ? ха! ха! ха! сказала Роза. Миссъ Фанни, вы я думаю не знаете, что всѣ считаютъ Тиффа за вашу маленьку! ха! ха! ха!

— Ха! ха! ха! хоромъ раздалось со всѣхъ сторонъ, въ знакъ сочувствія къ остроумію Розы, между тѣмъ какъ Томтитъ бѣгалъ около толпы, и отъ избытка радости бросалъ на воздухъ обрывки своей шляпы, совершенно позабывъ, что его ожидаютъ почищенные ножи. Старикъ Тиффъ, при каждомъ появленіи на плантацію, постоянно заискивалъ расположеніе Розы какими нибудь подарками, доставлявшими, по словамъ какого-то мудреца, искреннихъ друзей; такъ и теперь онъ увеличилъ собственный птичникъ Розы парюю молодыхъ куропатокъ, гнѣздомъ которыхъ ему недавно удалось овладѣть. Въ силу такого разсудительнаго поведенія, Тиффъ пользовался особеннымъ расположеніемъ тамъ, гдѣ оно оказывалось необходимымъ. Роза тихонько передавала ему лакомые куски своего произведенія и, кромѣ того, сообщала драгоценныя секреты относительно вскар-

вниманіе грудныхъ дѣтей, имѣвшихъ несчастіе лишиться матери.

Старый Гондрадъ, подобно многимъ лицамъ, чувствовалъ, что вниманіе, оказываемое всякой другой личности, чрезвычайное вредило его собственному достоинству, и потому, при настоящемъ случаѣ, смотрѣлъ на очевидную популярность Тиффа глазами циника. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ издумалъ было улажить Тиффа замѣчаніемъ, которое дѣлалъ своей женой.

— Удивляюсь тебѣ, Роза! Ты стряпаешь на Гордоновъ и такъ унижаешь себя, позволяя скоттерамъ фамиллярничать съ собой.

Еслибъ этотъ оскорбительный намекъ относился собственно до личности Тиффа, онъ, вѣроятно, пропустилъ бы его мимо ушей, и даже разсмѣялся бы, какъ это дѣлывалъ онъ даже и въ то время, когда внезапно застигалъ его проливной дождь; но при мысли о фамиліальныхъ связяхъ, онъ воспламенялся какъ факелъ, и его глаза, прикрытые очками, горѣли какъ огни, поставленные въ окнахъ.

— Вы, кажется, не понимаете, о чемъ говорите! Желалъ бы знать: смыслите ли вы сколько нибудь о фамиліяхъ старой Виргиніи? Можно смѣло сказать, что тамъ на каждомъ шагу вы встрѣтите старинныя фамиліи. Всѣ ваши фамиліи происходятъ оттуда! Гордоны—фамилія прекрасная,—я ни слова не могу сказать противъ нея, —но ей далеко до фамиліи Пэйтонъ, если вы о ней слышали. Генералъ Пэйтонъ ѣздилъ не иначе, какъ въ шестерку черныхъ лошадей! Хвостъ у каждой лошади былъ отнюдь не короче моей руки. Вы, я думаю, въ жизнь свою не видали подобныхъ созданій!

— Кто? я! — я не видалъ? сказалъ старый Гондрадъ, въ свою очередь затронутый за живую струну. Да Гордоны не иначе ѣздили, какъ въ восмерку лошадей, во всякое время дня!

— Перестань вздоръ-то городить! сказала Роза, имѣвшая свои причины поддерживать сторону Тиффа. Ты скажи еще сначала, ѣздитъ-ли кто въ восемь лошадей.

— Ёздить, право ѣздить! Да я, на примѣръ управляюсь хоть съ шестнадцатью. Ахъ ты, Господи, какъ любятъ лгать эти старые негры! Ужъ что коснется до фамиліи, имъ всегда этотъ предметъ представляется въ увеличенномъ видѣ. Когда слушаю ихъ вздоръ, у меня волосы становятся дыбомъ: —такъ страшно лгутъ они! сказалъ старый Гондрадъ.

— А по вашему, чтобъ не лгать, такъ нужно восклицать ваше занятіе! сказалъ Тиффъ. Позвольте же замѣтить, что человѣкъ, который скажетъ слово противъ Пэйтеновъ, есть уже лжецъ.

— Вотъ еще новость! не хочешь ли сказать, что и эти ребята потомки Пэйтеновъ! сказалъ старый Гопдрадъ. Это—Криппсы! извини, любезный. Я бы желалъ знать, слышалъ ли кто нибудь о Криппсахъ? Убирайся! Не говори мнѣ пожалуйста о Криппсахъ! Это скоттеры, ни больше, ни меньше! Знаемъ мы, за кого выдаете вы себя!

— Перестаньте, пожалуйста! сказалъ Тиффъ. Я не думаю, что вы родились на плантаціи Гордона, потому что у васъ вовсе нѣтъ порядочныхъ манеръ. Я считаю васъ за стараго, второстепеннаго негра, взятаго полковникомъ Гордономъ за долги, изъ какой нибудь фамиліи, которая не знала, куда дѣвать деньги. Эти негры всегда безпорядочные, можно сказать, низкіе люди, Гордоновскіе негры почти все лѣди и джентльмены, всѣ до единаго, сказалъ старый Тиффъ, стараясь какъ истинный ораторъ. привлечь на свою сторону вниманіе всей аудиторіи.

Окончаніе этихъ словъ сопровождалось громкими криками, такъ что Тиффъ, подъ прикрытіемъ всеобщаго восторга, вышелъ торжествующимъ.

— По дѣломъ тебѣ, несносный старый негръ! сказала Роза, обращаясь къ мужу. Надѣюсь, ты теперь доволенъ. Старая чума! А ты, Томъ? что же ты не чистишь ножей? или хочешь, чтобъ тебя оттузили!

Между тѣмъ Тиффъ, пришедшій въ обычное спокойствіе, веселюшело, возвращаясь домой, позади кривой своей лошади, и напѣвая, съ изумительными варіаціями: «Я отправляюсь въ Ханаанъ!» Наконецъ миссъ Фанни, какъ онъ называлъ ее, прервала его весьма многозначительнымъ вопросомъ:

— Дядюшка Тиффъ, — да гдѣ же этотъ Ханаанъ?

— Ахъ ты Господи! дитя мое; я бы и самъ хотѣлъ знать объ этомъ.

— На небѣ? сказала Фанни.

— Я думаю, отвѣчалъ Тиффъ, съ видомъ сомнѣнія.

— Или тамъ, куда отправилась наша мама? продолжала Фанни.

— Можетъ быть, и тамъ, отвѣчалъ Тиффъ.

— Значить, этотъ край подъ землей? сказала Фанни.

— Овѣтъ, пѣтъ! дитя мое, сказалъ Тиффъ, засмѣявшись отъ чистаго сердца.—Что вамъ вздумалось говорить подобныя вещи, миссъ Фанни?

— А развѣ это неправда? Развѣ маму мою не опустили въ землю?

— О нѣтъ, нѣтъ! дитя мое! Она отправилась на небо—вонъ туда, надъ нами! сказалъ Тиффъ, указывая на темную лазурь, перерѣзанную глубокими впадинами соснового лѣсу.

— Вѣроятно, туда есть ступеньки или лѣстницы, по которымъ можно взобраться? сказала Фанни:—а можетъ статься—туда входятъ изъ того мѣста, гдѣ небо сходится съ землею! Не взбираются ли туда по радугѣ?

— Какъ это дѣлается, дитя мое, право не знаю, сказалъ дядя Тиффъ:—а ужъ какъ нибудь да взбираются. Пало бы разузнать. На митингъ, куда мы отправимся, быть можетъ, что нибудь да и узнаю. Правда, я часто бывалъ на этихъ митингахъ, и ничего не узнавалъ такъ ясно, какъ бы хотѣлось. Методисты нападаютъ тамъ на пресвитеріанъ, пресвитеріане на методистовъ, а потомъ тѣ и другіе на епископальную церковь. Баптисты полагаютъ, что всѣ они заблуждаются, а между тѣмъ, пока они нападаютъ такимъ образомъ другъ на друга, я до сихъ поръ немогу узнать дороги въ Ханаанъ. Нужно много учиться, чтобъ принимать подобныя вещи, а вѣдь я ничему не учился. Я ничего не знаю; знаю только, что есть Господь; Онъ являлся вашей маме, и взялъ ее къ Себѣ. Теперь, дитя мое, я намѣренъ принарядить васъ и взять вмѣстѣ съ Тэдди и малюткой на большой митингъ,—такъ что вы въ молодыхъ еще годахъ можете обрѣсти Господа.

— Тиффъ, мнѣ не хочется идти туда, сказала Фанни боязливымъ тономъ.

— Господь съ вами! миссъ Фанни, почему вы не хотите? Тамъ вы прекрасно проведете время.

— Тамъ будетъ много народа, а я не хочу, чтобы они насъ, видѣли.

Дѣло въ томъ, что слова Розы, относительно материнской привязанности Тиффа, вмѣстѣ съ насмѣшками стараго Гондрэда, произвели свое дѣйствіе на душу Фанни. Гордая отъ природы, она не хотѣла сдѣлаться предметомъ публичнаго осмѣянія, и въ тоже время ни за что въ свѣтѣ не хотѣла открыть своему доброму другу настоящую причину нерасположенія отпра-

виться на митингъ. Проницательный взоръ стараго Тиффа въ одинъ моментъ, по одному лишь выраженію лица миссъ Фанни, угадалъ, въ чемъ дѣло. Если кто изъ читателей предполагаетъ, что сердце преданнаго стараго созданія было уязвлено этимъ открытіемъ, тотъ сильно ошибается. Для Тиффа казалось это шуткой самаго лучшаго достоинства. Продолжая идти молча позади кривой лошади, онъ предавался своимъ спокойнымъ, длиннымъ порывамъ смѣха и отъ времени до времени отиралъ крупныя слезы, катившіяся по его морщинистымъ щекамъ.

— Что съ тобой, Тиффъ, о чемъ ты плачешь? спросила Фанни.

— Ничего, миссъ Фанни, Тиффъ знаетъ о чемъ плачетъ! Тиффъ знаетъ, почему вы не хотите отправиться на митингъ; Тиффъ узналъ это по вашему лицу.... ха! ха! ха! Миссъ Фанни, неужели вы боитесь, что тамъ будутъ припимать Тиффа за вашу мама? За мама Тэдди и малютки, — да сохранить его Господь!

И старикъ снова разразился самымъ громкимъ смѣхомъ.

— Вы сами посудите, миссъ Фанни, развѣ я могу быть вашей мама? продолжалъ онъ: — бѣдная вы моя овечка! да развѣ люди-то не увидятъ, взглянувъ только на ваши бѣленькія ручки, что вы дочь благородной лэди? Напрасно вы боитесь, миссъ Фанни, напрасно!

— Я знаю, что это глупо, сказала Фанни: — но мнѣ не нравится, когда говорятъ, что мы несчастные скоттеры.

— О, дитя мое! вѣдь это говорятъ одни только грубые негры! Миссъ Нина всегда добра до васъ, неправда ли? говорить съ вами такъ ласково и такъ пріятно. Вы должны помнить это, миссъ Фанни, и говорить точно такъ же, какъ миссъ Нина. Теперь, когда вашей мама нѣтъ на свѣтѣ, я боюсь, что вы научитесь говорить по моему. А вамъ, я повторяю, не слѣдуетъ говорить языкомъ стараго Тиффа; молодые лэди и джентльмены не должны такъ говорить. Тиффъ, дитя мое, умѣетъ отличить хорошій языкъ отъ худаго. Тиффъ слышалъ разговоръ самыхъ знатныхъ лэди и джентльменовъ. Тиффъ не хотѣлъ учиться говорить на томъ языкѣ, потому что онъ негръ. Тиффу нравится его языкъ, для Тиффа онъ очень хорошъ, и служить ему превосходно. Бѣлая же дѣти не должны такъ говорить. Вы слышали, какъ говорить миссъ Нина? Слово за словомъ такъ и сыплется, и сыплется — просто прелесть! Она обѣщала навѣщать насъ, такъ смотрите же, миссъ Фанни, слушайте, какъ говорить она, замѣчайте, какъ она ходитъ и какъ держитъ свой платочекъ. Когда

она садится, то оправить платье, и тогда складочка такъ и ляжетъ къ складочкѣ. Это ужъ такъ у нихъ заведено, это-то и показываетъ благовоспитанную лэди. Скоттеры совсѣмъ иное. Замѣтили ли вы, какъ онѣ садятся? Шлепнется въ стулъ, какъ турбанъ, за-то и платье-то сидитъ, точно на вѣшалкѣ. Я не хочу, чтобъ вы переняли что нибудь отъ скоттеровъ. Случится, если вы не поймете, что говорятъ вамъ другіе, вы не должны вспрыгнуть съ мѣста, какъ это дѣлаютъ скоттеры, и сказать: что? Нѣтъ! вы должны сказать: *извините, сэръ*, или: *извините, ма'мъ*. Вотъ какъ это нужно дѣлать. Кромѣ того, вамъ, миссъ Фанни, и вамъ, мистеръ Тэдди, нужно учиться читать; а если не будете учиться, то, разумѣется, всякій скажетъ, что вы бѣдные скоттеры. И потомъ вотъ еще что, миссъ Фанни: вы говорите, что лэди ни метутъ, ни чистятъ, словомъ ничего не дѣлаютъ: это неправда: онѣ занимаются рукодѣльемъ; онѣ шьютъ и вяжутъ. Вы также должны учиться шить и вязать, потому что, вы знаете, не всегда же я могу шить на васъ: для вашего платья нужно знать модный покрой, а негры этого не понимаютъ. Да, миссъ Фанни! замѣчайте все, что говоритъ вамъ старшій Тиффъ. Еслибъ вы были изъ скоттеровъ, тогда бесполезно было бы и говорить объ этомъ; это такой народъ, что пзъ него не могутъ выйти ни лэди, ни джентльмены. Вы совсѣмъ другое дѣло; вы родились быть лэди; это уже въ вашей крови; а у кого что въ крови, то само собой должно выказаться наружу. Ха! ха! ха!

И съ этимъ смѣхомъ, служившимъ какъ бы финаломъ назидательной рѣчи, Тиффъ подѣхалъ къ своему жилищу. Съ этой минуты старому Тиффу предстояло много хлопотъ. Отправляясь въ походъ на цѣлую педѣлю, онъ долженъ былъ привести свой домъ въ надлежащій порядокъ. Нужно было взрыхлить землю подъ мансъ, выполоть петрушку, позаботиться объ осиротѣлой семьѣ молодыхъ куропатокъ. Последнее обстоятельство болѣе всего занимало старика. Наконецъ, послѣ продолжительнаго размышленія, онъ рѣшился взять ихъ съ собой въ корзины, полагая, что между часами, назначенными на проповѣди, ему будетъ достаточно времени присмотрѣть за ними и удовлетворить ихъ нужды. Послѣ того, онъ сходилъ къ одному изъ любимыхъ капаповъ, и принесъ оттуда, не тучнаго телца, но жирнаго зайца, который долженъ былъ служить основой лакомыхъ блюдъ, за трапезой, приготовленной на время жи-

тинга. Ему нужно было пересмотрѣть платье Тэдди; перемыть кое-что и перегладить; одѣть малютку, такъ, чтобъ это дѣлало честь его именили, вѣришь, честь имени его дѣдушки. При всѣхъ этихъ заботахъ, старикъ былъ дѣятельнѣе обыкновеннаго. День былъ теплый, и потому онъ рѣшился заняться мытьемъ въ великолѣпной прачешной, устроенной самой природой. Онъ развелъ огонь, весело затрещавшій вскорѣ въ недалекомъ разстояніи отъ дома, повѣсилъ котелъ надъ нимъ, и приступилъ къ другимъ занятіямъ. Сосновые дрова, недостаточно высушенные, съиграли съ нимъ непріятную шутку, на что вообще способны всѣ сосновые дрова: они трещали и пылали довольно весело, пока Тиффъ не отходилъ отъ костра; но когда Тиффъ осматривалъ въ лѣсу силки и капканы, огонь совершенно потухъ, оставивъ на мѣстѣ костра почернѣвшіе сучья и палки.

— Дядя Тиффъ, сказалъ Тэдди: — огонь-то погасъ!

— Ха! ха! ха! въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Тиффъ:—это странно. А вѣдь какъ пылалъ-то, когда пошелъ я отсюда! продолжалъ онъ, рѣшившись видѣть въ каждомъ предметѣ одну хорошую сторону: — вѣрно совѣстно стало солнышка, вотъ и потухъ. Видалъ ли ты огонь, который бы не потухалъ, когда солнце смотритъ ему прямо въ глаза? Это преннтересный фактъ. Я замѣчалъ его тысячи разъ. Сейчасъ я принесу сухихъ растопковъ. Ха, ха, ха! Это похоже на нашихъ ораторовъ! Пылаютъ на митингахъ ярче огня, и потомъ на цѣлый годъ остаются черными! Глядя на нихъ во время митинга, такъ вотъ и думаешь, что эти люди поступаютъ прямехонько въ царство небесное. О, какъ заблуждаемся всѣ мы смертные! Сколько заботъ дѣлаемъ мы Доброму Пастырю, стерегущему паству свою съ высоты небесъ!

ГЛАВА XXI.

БОГОМОЛЬЦЫ.

Митингъ подъ открытымъ небомъ составляетъ главную черту въ американскомъ развитіи религіи, особенно принаровленіемъ къ обширному протяженію страны и къ кореннымъ, первобытнымъ привычкамъ, которыя упорно сохраняются въ населеніи немногочисленномъ и разсѣянномъ. Само собою разумѣется,

общіе результаты этого способа благотворны. Недостатки его, можно сказать, общи всѣмъ большимъ собраніямъ, въ которыхъ населеніе цѣлой страны, безъ всякаго порядка, стекается въ одну массу. На эти митинги, какъ и на всѣ другія сборища, цѣлю которыхъ бываетъ богопоклоненіе, люди отправляются по различнымъ причинамъ: одни изъ любопытства, другіе изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ, иные—чтобъ изъ мелкой торговли извлечь маленькую прибыль, нѣкоторые—чтобы посмѣяться, и весьма немногіе съ чистымъ желаніемъ—помолиться. Для того, чтобы дать хоть нѣсколько полное понятіе о разнообразіи побужденій, заставлявшихъ различныхъ богомольцевъ отправиться на митингъ, мы считаемъ за самое лучшее представить нашимъ читателямъ нѣсколько сценъ изъ происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ въ то утро, когда многіе приверженцы митинга приготовлялись двинуться въ путь.

Между земляни мистера Джона Гордона и плантаціей Кане-на, стояла хижина, въ которой помѣщалось торговое заведеніе Абиджи Скинфлинта. Заведеніе это было самымъ неспособнымъ мѣстомъ для плантаторовъ, вслѣдствіе общаго убѣжденія, что Абиджа велъ бойкую, непозволительную, тайную торговлю съ неграми, и что многіе изъ различныхъ предметовъ, выставленныхъ имъ на продажу, воровскимъ образомъ переносились къ нему по почамъ съ ихъ же плантацій. Уличить въ этомъ не представлялось возможности. Абиджа былъ дальновидный человѣкъ, длинный, сухой, тощій, съ острымъ носомъ, съ острыми маленькими сѣрыми глазами, съ острымъ подбородкомъ, и пальцами, длинными какъ птичьи когти. Кожа его до такой степени была суха, что каждый разъ, когда онъ улыбался или говорилъ, такъ и казалось, что щеки его треснуть; и потому, какъ будто для размягченія ихъ, онъ постоянно держалъ за ними табачную жвачку. Абиджа былъ изъ числа тѣхъ пронырливыхъ янки, которые оставляютъ свое отечество для его же блага, и которые на мѣстѣ новаго поселенія обнаруживаютъ такое сильное, — свойственное, впрочемъ, ихъ отечеству, — желаніе нажиться, что этимъ вполне оправдывается отвращеніе, которое уроженецъ Южныхъ Штатовъ питаетъ къ янки. Абиджа пилъ виски, но довольно осторожно, или, какъ онъ выражался, «ума не пропивалъ». Онъ женился на своей единоплеменкѣ, которая тоже пила виски, но не такъ осторожно, какъ мужъ, — иногда она перепивала. Бѣлоголовые сыновья и дочери, родившіеся отъ этой много обѣ-

шающей четы, были дерзки, грязны и отличались грубыми манерами. Но среди всѣхъ домашнихъ и общественныхъ испытаній, Абиджа постоянно и усердно стремился къ главной своей цѣли — накопить побольше денегъ. За деньги онъ все готовъ былъ сдѣлать; за деньги онъ готовъ былъ продать жену, дѣтей, даже свою душу, еслибъ ему случилось имѣть ее. Но душа, если и существовала въ немъ, то была такъ ничтожна и суха, что брелчала въ его тощень тѣлѣ, какъ сморщившаяся горошина въ прошлогодней шелухѣ. Абиджа отпраивлся на митингъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что хотѣлъ нажить деньги, а во-вторыхъ, ему нужно было знать, скажетъ ли его любимый проповѣдникъ, старшій Стрингфелли, проповѣдь о выборахъ, согласно съ его видами. Надо сказать, что Абиджа занимался теологіей, и умѣлъ догмы кальвинизма пересчитывать на своихъ длинныхъ пальцахъ съ непогрѣшительною аккуратностью. Относительно религіозныхъ убѣжденій, можно сказать, что онъ не имѣлъ ихъ вовсе. Есть закоснѣлые грѣшники, которые, одмакоже, вѣрують въ нѣкоторыя истины и трепещуть. Единственное различіе между ихъ вѣрованіемъ и вѣрованіемъ Абиджи, заключалось въ томъ, что онъ вѣрилъ и нетрепеталъ. На истины, потрясающія душу, внушающія глубокое благоговѣніе, онъ смотрѣлъ съ такимъ хладнокровіемъ, какъ анатомъ смотритъ на кости скелета.

— Смотри же, Самъ! сказалъ Абиджа своему негру-работнику:—боченокъ-то поставь поровнѣе, чтобъ онъ не опрокинулся; да долей его черезъ втулку водой. Безъ этого будетъ слишкомъ крѣпко. Миссъ Скинфлинтъ, торопитесь! Я не буду дожидаться! Другіе тамъ—какъ себѣ хотятъ, а я долженъ пріѣхать раньше всѣхъ. Въ этомъ мірѣ много пропадаетъ долларовъ собственно изъ-за того, что опаздываетъ! Жена! проворнѣй!

— Я готова; надо подождать только Полли, сказала мистриссъ Скинфлинтъ: — она чешетъ волосы.

— Не могу ждать, не могу и не могу! сказалъ Абиджа, выходя изъ комнаты, чтобы сѣсть въ повозку, нагруженную запасомъ окороковъ, яицъ, жареныхъ цыплятъ, хлѣба и зелени, не говоря уже о помянутомъ боченкѣ виски.

— Я вамъ говорю, подождите! вскричала Полли изъ окна:—если пѣтъ, то я вамъ надѣлаю хлопотъ, когда вы воротитесь; увидите! Не будь я Полли, если не надѣлаю.

— Иди же проворнѣй! На будущій разъ я тебя съ вечера запру на чердакъ: ты будешь у меня готова во время!

Полли торопливо накинула на свою тучную фигуру пунцовое ниткаевое платье, схватила въ одну руку пестрый лѣтній платокъ, въ другую шляпку, опрометью бросилась изъ комнаты и когда нагнулась, чтобъ вскарабкаться въ повозку, крючки на ея платьѣ одинъ за другимъ лопались и отлетали.

— Какъ это гадко! я не знаю, что дѣлать! сказала она: — это проклятое старое платье все расплозлось!

— А чтобъ позаботиться по раньше! сказалъ Абиджа, тонкомъ утѣшеніи.

— Зашпили булавкой, Полли, сказала мать, спокойнымъ, вѣзучимъ голосомъ.

— Чортъ возьми! у меня всѣ крючки отлетѣли! возразила многообѣщающая молодая леди.

— Въ такомъ случаѣ, зашпили нѣсколькими булавками, сказала маменька, и повозка Абиджи тронулась съ мѣста.

На самомъ краю болота, немного позади хижины Тиффа, жилъ нѣкто Бенъ Джинъ. Бенъ былъ замѣчательный охотникъ; онъ имѣлъ превосходную свору собакъ, лучше которыхъ не находилось миль на тридцать въ окружности. И теперь еще въ мѣстныхъ газетахъ можно видѣть объявленія, со всею аккуратностію изъясняющія точныя условія, на которыхъ онъ вызывался выслѣдить и поймать всякаго мужчину, женщину или ребенка, бѣжавшаго съ плантаціи. Читатели наши, по всему этому, не станутъ считать Бена за чудовище, если приниматьъ, что за нѣсколько лѣтъ, обѣ сильныя политическія партіи Соединенныхъ Штатовъ, торжественно дали клятву, сколько будетъ зависѣть отъ нихъ, посвятить себя подобному призванію; а какъ многіе изъ членовъ этихъ партій занимали высшія духовныя должности, и слѣдовательно имѣли пасторовъ, которые обязаны были говорить проповѣди въ этомъ духѣ, то мы полагаемъ, что никто не будетъ имѣть неосновательныхъ предубѣжденій противъ Бена.

Бенъ былъ высокій, широкоплечій, крѣпкій, коренастый

мужчина, готовый оказать услугу ближнему съ такимъ же расположеніемъ, какъ и всякій другой. Несмотря на то, что отъ времени до времени Бенъ принималъ значительное количество виски, въ чемъ сознавался самъ, онъ считалъ себя не менѣе другихъ достойнымъ присутствовать на митингѣ. Если кто нибудь рѣшался упрекать Бена въ его безчеловѣчной профессіи, у него всегда являлись въ защиту этой профессіи основательные доводы. Бенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ бойкихъ молодцовъ, которые не позволяютъ себѣ оставаться позади ни въ чемъ, что бы ни происходило въ обществѣ, и потому всегда былъ однимъ изъ передовыхъ людей на митингѣ.

Съ помощію громкаго голоса, которымъ одаренъ былъ отъ природы, Бенъ производилъ въ хоровомъ пѣніи удивительный эффектъ. Подобно многимъ громаднымъ и крѣпкимъ мужчинамъ, онъ имѣлъ маленькую, блѣдную, чахлую жену, висѣвшую на его рукахъ, какъ пустой ридикюль; и надо отдать ему справедливость, онъ былъ добръ къ этому милому созданію: казалось, онъ полагалъ, что всѣ ея жизненные силы поглощались его собственнымъ необъятнымъ развитіемъ. Она страшно любила ѣсть глину, чистить зубы табакомъ, пѣть гимны методистовъ и заботиться о спасеніи души Бена. Въ утро, о которомъ идетъ рѣчь, она смиренно сидѣла на стулѣ, между тѣмъ какъ длинноногій, широкоплечій, двухлѣтній ребенокъ, съ щетинистыми бѣлыми волосами, дергалъ ее за уши и волосы и вообще обходился съ ней нецеремонно, стараясь принудить ее встать и дать ему кусокъ хлѣба съ патокой. Не обращая на ребенка вниманія, она слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ мужа.

— Теперь идетъ самое горячее дѣло! сказалъ Бенъ: — намъ бы слѣдовало быть въ судѣ.

— Ахъ, Бенъ! тебѣ должно думать о спасеніи души своей больше, нежели о чемъ нибудь другомъ! сказала жена.

— Правда твоя! замѣтилъ Бенъ: — митинги не каждый день случаются! А что же будемъ мы дѣлать вонъ съ той? прибавилъ онъ, указывая на дверь внутренней темной комнаты.

Эта та была не кто иная, какъ негрятка, по имени Нанси, которую наканунѣ пригнали собаки.

— Есть о чемъ заботиться! сказала жена: — приготовимъ что нибудь поѣсть и приставимъ у дверей собакъ. Небось! не убѣжить!

Бенъ открылъ дверь, и за нею открылся родъ чулана, освѣщаемаго единственно сквозь щели деревяннаго сруба. На полу, покрытомъ толстымъ слоемъ грязи, сидѣла здоровая, хотя и тощая на видъ, негритянка. Поджавъ и обхвативъ колѣни обѣими руками, она держала на нихъ свой подбородокъ.

— Ну, Нансъ! какъ ты поживаешь? спросилъ Бенъ веселымъ тономъ.

— Плохо, мистеръ Бенъ, угрюмо отвѣчала Нанси.

— Такъ ты думаешь, что старикъ тебя поколотитъ, когда ты воротишься? сказалъ Бенъ.

— Думаю, отвѣчала Нанси: — онъ всегда меня колотитъ.

— Ну, вотъ что, Нанси: я хочу ѣхать на митингъ; сиди спокойно до нашего приѣзда, и за это я возьму отъ старика обѣщаніе не бить тебя. Разумѣется, я возьму съ него и за труды, вѣдь это слѣдуетъ — не правда ли?

— Правда, мистеръ, отвѣчала несчастная тономъ покорности.

— А нога-то твоя очень болитъ? спросилъ Бенъ.

— Очень.

— Дай мнѣ взглянуть на нее.

Негритянка выпрямила ногу, небрежно перевязанную старыми тряпками, которыя въ эту минуту были насквозь пропитаны кровью.

— Это чортъ, а не собака! сказалъ Бенъ: — тебѣ бы слѣдовало, Нанси, стоять спокойно, и тогда бы она не кусала тебя такъ сильно.

— Да возможно ли это, когда она меня кусала! сказала негритянка: — кто въ состояніи вытерпѣть боль въ ногѣ, когда въ нее впивлись собачьи зубы.

— Не знаю этого и я, сказалъ Бенъ, поддерживая веселый тонъ: — миссъ Джинъ, ты бы перевязала ногу Нанси. Замолчи ты, негодный! крикнулъ онъ неугомонному ребенку, который, уничтоживъ одинъ ломоть хлѣба, настойчиво требовалъ другаго. — Я тебѣ вотъ что скажу, продолжалъ Бенъ, обращаясь къ жевѣ: — я намѣренъ поговорить съ этимъ старикомъ, — старшимъ Сеттлѣ. Больше меня, никто въ цѣломъ округѣ не ловилъ ему негровъ, и потому я знаю, что тутъ есть какая нибудь причина. Если съ неграми обращаются порядочно, они не побѣгутъ въ

болото. Люди, съ христіанскими чувствами, не должны мять негровъ голодомъ, ни подъ какимъ видомъ не должны.

Черезъ нѣсколько времени, повозка Бена тянулась по дорогѣ къ сборному пункту. Бенъ подобралъ возжи, откинулъ назадъ голову, чтобъ дать легкимъ своимъ полную свободу, и запѣлъ любимый громогласный гимнъ, такъ часто повторяемый на митингахъ.

Перенеситесь теперь въ хижину Тиффа, обитатели котораго, въ прохладѣ свѣтлаго и раннаго утра, были необыкновенно дѣтельны. Повозка Тиффа представляла собою замѣчательно-сложную машину, преимущественно его собственнаго произведенія. Корпусъ ея состоялъ изъ длиннаго ящика. Колеса привезены были Криппсомъ домой въ разные промежутки времени; оглобли орѣховаго дерева, тонкія съ одного конца, съ другаго прикрѣплялись къ повозкѣ гвоздями. Сверху нѣсколько обручей, покрытыхъ грубой холстиной, доставляли защиту отъ зноя и непогоды; кипа соломы, подъ этимъ покровомъ, служила мѣстои для сидѣнья. Тошая, кривая лошадь прищѣплялась къ этой повозкѣ посредствомъ упряжи изъ старыхъ веревокъ. Несмотря на то, ни одинъ миллионеръ не восхищался такъ своей роскошной каретой, какъ восхищался Тиффъ своимъ экипажемъ. Повозка эта была произведеніемъ его рукъ, предметомъ наслажденія для его сердца, восхищенія для его глазъ. Само собою разумѣется, что, подобно многимъ любимымъ предметамъ, она имѣла свои слабыя стороны и недостатки. Съ осей, отъ времени до времени, спадали колеса, оглобли ломались, упряжь рвалась; но Тиффъ всегда былъ готовъ, и при подобныхъ случаяхъ соскакивая на землю и приводилъ въ порядокъ неисправности съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто повозка его чрезъ это обстоятельство становилась еще милѣе. И вотъ, она стоитъ теперь передъ изгородью, окружающей небольшую хижину. Тиффъ, Фанни и Тедди суетятся, хлопчутъ, укладываютъ и увязываютъ. Люлькѣ изъ камеднаго дерева отдается предпочтеніе предъ всѣми другими предметами. Тиффъ, по секретному совѣту тетуски Розы, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя улучшения, сдѣлавшія ее для глазъ

Тиффъ чудомъ совершенства между всѣми люльками. Онъ прикрѣпляетъ къ одному концу ея длинный эластичный прутъ, склонившійся надъ самымъ лицомъ малютки. Съ конца этого прута свѣшивался кусочекъ ветчины, которую юнѣйшій потомокъ благороднаго племени сосалъ съ особеннымъ наслажденіемъ, причемъ его большіе, круглые глазки то открывались, то закрывались отъ избытка соннаго удовольствія. Этотъ способъ Роза рекомендовала, разумѣется, въ таинственныхъ выраженіяхъ, за савѣй вѣрный, чтобъ отлучить дѣтей отъ материнской груди, о которой, въ противномъ случаѣ, они будутъ тосковать съ значительнымъ ущербомъ для здоровья. День былъ знойный, но Тиффъ, не смотря на то, нарядился въ свой длиннополый бѣлый кафтанъ; онъ не могъ сдѣлать иначе, потому что нижнее его платье находилось въ слишкомъ ветхомъ состояніи, чтобъ соответствовать достоинству фамиліи Пейтоновъ; на его бѣлой поярковой шляпѣ все еще оставался бантъ изъ чернаго крепа.

— Удивительный вышелъ денекъ, слава тебѣ Господи! сказали Тиффъ: — птички одна передъ другой стараются вознести хвалу Господу. Для насъ это можетъ служить чудеснымъ примѣромъ. Миссъ Фанни! вы никогда не увидите, чтобы птички унывали или сѣтовали на свою судьбу; для нихъ все равно: непогода ли стоитъ или свѣтитъ яркое солнышко. Они всегда хвалятъ Господа. Что ни говорите, а онѣ, да и кромѣ нихъ многія созданія, — далеко лучше насъ.

Сказавъ это, Тиффъ свалилъ съ своихъ плечъ прямо въ повозку тяжелый мѣшокъ манса; но, отъ неудачнаго поворота, мѣшокъ упалъ на край повозки, потерялъ равновѣсіе и всею тяжестью рухнулъ на дорогу. Чрезвычайно старая ткань, изъ которой сшитъ былъ мѣшокъ, расплзлась отъ паденія, и мансъ посыпался въ песокъ съ той непріятной быстротой, которая такъ свойственна предметамъ, когда съ ними дѣлается совѣтъ не то, что слѣдуетъ. Фанни и Тодди вскрикнули въ одно время печальнымъ голосомъ; но Тиффъ схватился за бока и смѣялся до тѣхъ поръ, пока изъ глазъ не покатались слезы.

— Ха, ха, ха! Послѣдній мѣшокъ, и тотъ лопнулъ, и все зерно перемѣшалось съ пескомъ. Ха, ха, ха! Какъ это забавно.

— Что же станешь ты дѣлать? спросила Фанни.

— Что нибудь да надо дѣлать, миссъ Фанни. Позвольте! у меня гдѣ-то есть ящикъ.

И Тиффъ скоро возвратился съ ящикомъ, который оказался

слишкомъ большимъ для повозки. Однакожь, на время, Тиффъ пересыпалъ мансъ, и потомъ, вынувъ изъ кармана иглу и наперстокъ, пресерьёзно началъ зашивать мѣшокъ.

— У Бога ничто не торопится, сказалъ Тиффъ. И мансъ и картофель растутъ себѣ, и поспѣваютъ въ свое время. Готово! сказалъ онъ, починивъ мѣшокъ и пересыпавъ мансъ: — теперь онъ сдѣлался лучше, чѣмъ прежде.

Кромѣ необходимаго запаса провизіи, Тиффъ, съ благоразуміемъ дальновиднаго человѣка, положилъ въ повозку запасъ различной зелени, въ надеждѣ пріобрѣсть въ лагерѣ небольшія деньги въ пользу миссъ Фаины и дѣтей. Въ числѣ провизіи находились такіе предметы, которые въ состояніи были возбудить аппетитъ даже въ человѣкѣ съ разборчивымъ вкусомъ. Тутъ были жареныя цыплята и кролики, заяцъ, о которомъ мы сказали, связки сочной зелени и кореньевъ; салатъ, парниковый латукъ, зеленый лукъ, редисъ и зеленый горохъ.

— Что ни говорите, дѣти, сказалъ Тиффъ: — а мы живемъ чисто поцарски.

Собравшись окончательно, Тиффъ тронулъ лошадь и спокойно двинулся въ путь.

На поворотѣ перекрестныхъ дорогъ, Тиффъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что его догоняетъ карета Гордона. Старый Гондрадъ, въ праздничной рубашкѣ съ пышными манжетами, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ золотой кокардой на шляпѣ, сидѣлъ на козлахъ. Если Тиффъ испытывалъ когда нибудь въ душѣ своей мучительную боль, то именно въ эту минуту. Впрочемъ, онъ крѣпко держался идеи, что до какой бы степени наружность ни говорила противъ него, его фамилія нисколько чрезъ это не терпала; и потому, вооружась полнымъ сознаніемъ своего достоинства, онъ лишній разъ ударилъ свою лошадь, мысленно говоря: «мнѣ все равно, они такіе же!» Но, какъ будто нарочно, лошадь въ этотъ моментъ дернула, вывернула гвозди, прикрѣпленные оглобли, и одна изъ оглоблей упала на землю. Веревочная упряжь перепуталась въ тотъ самый моментъ, когда карета Гордона проѣзжала мимо.

— Такую сволочь, чтобы мнѣ еще не обогнать! съ презрѣніемъ сказалъ старый Гондрадъ: — у нихъ, что ни шагъ, то оборвется! На что ни взгляните, во всемъ видны скоттеры!

— Что тутъ случилось? сказала Нина, высуувавъ голову изъ

онна кареты:—Ахъ, Тиффъ! это ты? здравствуй мой другъ! Не нужна ли тебѣ помощь? Джонъ! спустись и помоги ему.

— Помилуйте, миссъ Нина, лошади такъ разгорятились, что я не въ силахъ съ ними справиться! сказалъ старый Гонд-рэдъ.

— Не безпокойтесь, миссъ Нина, сказалъ Тиффъ, возвративъ свое обычное расположеніе духа:—это ничего не значить. Слава Богу, что случилось на удобномъ мѣстѣ; я приколочу въ одну секунду.

И Тиффъ говорилъ совершенную правду: съ помощью небольшого камня и огромнаго гвоздя онъ исправилъ все дѣло.

— Здорова ли миссъ Фанни и дѣти? сказала Нина.

«Миссъ Фанни!» Еслибъ Нина осыпала Тиффа драгоценными камнями, то, право, они ничего бы не стоили въ сравненіи съ этими словами. Въ избытокъ удовольствія, онъ поклонился почти до земли и отвѣчалъ, что «слава Богу! миссъ Фанни и дѣти здоровы.»

— Такъ поѣзжай, Джонъ, сказала Нина:—знаешь ли ты, что этимъ однимъ словомъ я задомила Тиффа недѣль на шесть? Сказавъ ему: здорова ли миссъ Фанни? я одолжила его болѣе, чѣмъ если бы послала ему шесть четвериковъ картофеля.

Теперь надобно представить еще одну сцену, прежде чѣмъ кончить описаніе немногихъ лицъ, отправлявшихся на митингъ. Читатель долженъ послѣдовать за нами далеко за предѣлы значенные для обиталища человѣка, въ глубину дикой пустыни, известной подъ названіемъ «Страшнаго болота». Мы перейдемъ чрезъ тѣ обширныя пространства, гдѣ лѣсъ, повидимому, растетъ изъ воды. Кипарисы, красный кедръ, камедь, тюльпаны, тополи и остролистникъ дружно переплетаются своими вѣтвями. Деревья высятся огромными массами на пятьдесятъ, семьдесятъ пять и даже сто футовъ; жимолость, виноградъ, вьющійся шиповникъ, лавръ и другіе кустарники, съ густой, вѣчно-зеленѣющей листвою, образуютъ между этими деревьями непроницаемую чашу. Ползучія растенія, обвивая огромнѣйшія деревья футовъ на семь-

десять или восемьдесят, опускаются съ сучьевъ тяжелыми естонами.

Невозможно, кажется, чтобъ человѣческая нога могла пропихнуть въ эту дикую, непроходимую глушь; а между тѣмъ мы должны провести сквозь нее нашихъ читателей на открытое мѣсто, гдѣ стволы упавшихъ деревьевъ, полусогнутыхъ и покрытыхъ мхомъ, перемѣшаннымъ съ землею, образовали островъ тучнаго чернозема, воздѣланнаго и расширеннаго человѣческой рукою. Пространство это, въ шестьдесятъ ярдовъ длины и тридцать ширины, окружено устроеннымъ самой природою валомъ, который служилъ вѣрной защитой отъ нападеній человѣка и звѣря. Природа, помогая усиліямъ бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь убѣжища, покрыла срубленные и сваленныя одно на другое деревья терновникомъ, лозами винограда и другими выющими растениями, которыя, поднимаясь на сосѣднія деревья и снова опускаясь внизъ, переплетались такъ часто, что образовали стѣну зелени футовъ на пятьдесятъ вышиною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лавръ, съ его лоснистыми, зелеными листьями и массами блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ, представляетъ глазу красоту дикой природы во всемъ ея величїи. Кисти желтаго жасмина висятъ на воздухѣ какъ кадильницы, распространяя сладкое благоуханіе. Тысячи выющихся растений, покрытыхъ цвѣтами, названія которыхъ, быть можетъ, еще неизвѣстны ботаникамъ, придаютъ особенную прелесть всей картинѣ. Этотъ растительный валъ окружаетъ очищенное мѣсто, сдѣлать которое неприступнымъ употреблены были всѣ усилія; — впрочемъ, въ этой странѣ зноя и влаги, природа, втеченіе нѣсколькихъ недѣль, удивительно какъ помогаетъ человѣческимъ усиліямъ. Единственнымъ выходомъ отсюда служатъ извилистая тропинка, по которой два человѣка, другъ подлѣ друга, пройти не могутъ. Вода, окружающая весь этотъ островъ, прерываетъ слѣдъ отъ чутя собаки. Надобно замѣтить, что климатъ въ этой болотистой странѣ ни подѣ какинъ видомъ нельзя назвать нездоровымъ. Дровосѣки, проводящіе большую часть года въ здѣшнихъ лѣсахъ, свидѣтельствуютъ, что воздухъ и вода чрезвычайно благопрїятствуютъ здоровью. Между ними господствуетъ мнѣніе, что обиліе сосенъ и другихъ смолистыхъ растений — сообщаетъ водѣ бальзамическое свойство и наполняетъ воздухъ благоуханіемъ, которое дѣлаетъ то, что это мѣсто можетъ служить здѣсь исключеніемъ изъ общаго правила, будто бы болотистыя мѣста вредно дѣйствуютъ на здо-

розе; такъ точно и почва, будучи достаточно осушена, становится въ высшей степени плодородною.

По краямъ поляны находились два небольшихъ домика; средняя, какъ болѣе подверженная вліянію солнца и воздуха, засѣяна была ячменемъ и картофелемъ. Полуденное солнце знойнаго іюньскаго дня бросаетъ на поляну длинныя тѣни, и ищіе птицъ, сидящихъ на вѣткахъ деревь, оглашаетъ все пространство. На землѣ, передъ одной изъ хижинъ, лежитъ негръ, облитый кровью; его окружаютъ двѣ женщины и нѣсколько дѣтей; дикая фигура, въ которой читатель съ разу узнаетъ Дрэда, стоитъ подлѣ негра на колѣняхъ и всѣми силами старается остановить кровь, которая потокомъ льется изъ другой раны на шею. Тщетно! При каждомъ биеніи сердца, она стремится изъ раны чрезвычайно регулярно, показывая слишкомъ ясно, что у несчастнаго открыта большая артерія. Негритянка, стоящая на колѣняхъ съ другой стороны, съ озабоченнымъ видомъ держитъ въ рукахъ тряпки, оторванныя отъ ея одежды.

— Приложи ихъ, пожалуйста, поскорѣе.

— Безполезно, сказалъ Дредъ: — онъ умираетъ!

— О нѣтъ! не давай умирать ему! Развѣ ты не можешь спасти его? сказала негритянка, голосомъ, въ которомъ отзывались мученія ея души.

Глаза равнаго открылись и безъ всякаго выраженія обратились сначала на голубое небо, и потомъ на негритянку. Кажется, онъ хотѣлъ что-то сказать. У него крѣпкая рука; онъ старается поднять ее, но кровь струится сильнѣе прежняго; глаза тускнутъ, во всемъ тѣлѣ замѣтно легкое трепетаніе, и потомъ все утихаетъ. Кровь останавливается, потому что остановилось биеніе сердца, и безсмертная душа отлетаетъ къ Тому, Который ее даровалъ. Негръ этотъ принадлежалъ къ сосѣдней плантаціи; простодушный и честный, онъ бѣжалъ съ женой и дѣтми, чтобъ избавить первую отъ наглыхъ преслѣдованій со стороны управляющаго. Дредъ принялъ и приютилъ его; пострадалъ ему хижину и защищалъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По законамъ Сѣверной Каролины, невольники, бѣжавшіе изъ болота и невозвращающіеся втеченіе опредѣленнаго срока, лишаются покровительства законовъ; тогда уже не вмѣняется въ вѣстудленіе тому лицу или лицамъ, которыя убьютъ или увечтуютъ такихъ невольниковъ, средствами или орудіемъ, какими признаютъ они удобными. Тѣмъ же закономъ постановляетъ

ся: когда бѣглый невольникъ будетъ убитъ, то владѣтель имѣетъ право получить двѣ трети стоимости его съ шерифа того округа, въ которомъ негръ былъ убитъ. Въ старинные годы, объявленіе о бѣглыхъ публиковалось въ праздничный день, у двери церкви или часовни, немедленно послѣ службы, приходскимъ старостой или чтецомъ. Вслѣдствіе такого позволенія, партія охотниковъ на негровъ, съ собаками и ружьями выслѣдила негра, который въ этотъ день, къ несчастію, осмѣлился выйти изъ предѣлы своего убѣжища. Онъ успѣлъ убѣжать отъ всѣхъ собакъ, кромѣ одной, которая бросилась на него, вцѣпилась зубами въ горло и повалила его на землю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины. Дрэдъ подоспѣлъ во время, чтобы убить собаку; но рана на горлѣ оказалась смертельною.

Лишь только негритянка убѣдилась, что мужъ ея умеръ, она разразилась громкимъ воплемъ.

— О, Боже мой! онъ умеръ! умеръ изъ-за меня! Онъ былъ такой добрый! Скажите: можетъ статься, онъ будетъ еще жить?

Дрэдъ приподнялъ неохладѣвшую еще руку и потомъ опустилъ ее.

— Умеръ! сказалъ онъ, голосомъ, въ которомъ выражалось подавленное душевное волненіе.

Ставъ на колѣни, онъ воздѣлъ руки къ небу и въ словахъ, исполненныхъ глубокой горести и негодованія, хотѣлъ, повидимому, излить всю скорбь своей души. Его большіе, черные глаза, расширились и подернулись той стеклянною оболочкой, которую замѣчаемъ въ лунатикѣ въ сомнамбулическомъ состояніи. Наконецъ, жена его, увидѣвъ, что онъ намѣренъ уйти, бросилась къ нему на шею.

— Ради Бога, не уходи отъ насъ. Тебя убьютъ когда нибудь, какъ убили его!

— Оставь меня, сказалъ Дрэдъ: — я долженъ быть на нингѣ. Я долженъ доказать этимъ людямъ, до какой степени безчеловѣчны ихъ поступки.

Сказавъ это, онъ бросился къ отверстію зеленой ограды и скрылся въ ея непроницаемой чащѣ.

ГЛАВА XXII.

МИТИНГЪ.

Мѣсто, избранное для митинга, находилось въ одной изъ самыхъ живописныхъ частей окрестности. Это была небольшая поляна, среди обширнаго и густаго лѣса, бросавшаго по всѣмъ направленіямъ, на холодную зелень, пятна свѣта и тѣни. Въ центрѣ поляны устроенъ былъ амфитеатръ, скамейки котораго были сколочены изъ грубыхъ сосновыхъ досокъ. Кругомъ, по опушкѣ лѣса, раскинуты были палатки различныхъ богомольцевъ. Тотъ же самый ручеекъ, который протекалъ подлѣ хижины Тиффа, скромно журчалъ въ этомъ лѣсу, и снабжалъ собравшееся здѣсь общество свѣжею водою.

Гордоны пріѣхали сюда изъ любопытства; они остановились въ сосѣдствѣ, и потому не запаслись палаткою. Прислуга ихъ, однакоже, была недовольна такимъ распоряженіемъ. Тетушка Роза, напримѣръ, качала головой и съ видомъ прорицательницы говорила, что «благословеніе низойдетъ ночью, и что тѣ, которые хотятъ получить долю этого благословенія, должны провести ночь на мѣстѣ, назначенномъ для митинга.» На этомъ основаніи, Нину обступили со всѣхъ сторонъ, прося ее, чтобъ она позволила людямъ своимъ построить палатку, въ которой они, по очереди, могли бы провести ночь, въ ожиданіи благословенія. Нина, обладавшая тою же добротою души, которая постоянно отличала ея предковъ, дала свое согласіе, и палатка Гордона забѣлѣла между другими палатками, къ величайшему восторгу негровъ, принадлежавшихъ этому дому. Тетушка Роза оберегала входъ въ палатку и, ради развлечения, то давала ребятишкамъ подзатыльники, то съ полнымъ рвеніемъ присоединяла свой голосъ къ хору священныхъ гимновъ, раздававшихся со всѣхъ сторонъ.

За палатками, на самыхъ оконечностяхъ поляны, находились, на скорую руку сколоченныя, лавки, въ которыхъ продавали виски, различные съѣстные припасы и кормъ для лошадей. Въ числѣ лавочниковъ былъ тутъ и Абиджа Скинфлинтъ, между тѣмъ, какъ жена и дочь его тараторили по палаткамъ съ другими женщинами.

Противъ скамеекъ, подъ густою группою сосенъ, устроена была эстрада для проповѣдниковъ. Это былъ небольшой помостъ изъ грубыхъ досокъ, съ перилами и кафедрой для библіи и книги съ священными гимнами. Проповѣдники начали уже собираться и сильно подстрекали любопытство въ группахъ народа, прогуливавшихся взадъ и впередъ между палатками. Нина, опираясь на руку Клэйтона, прогуливалась въ числѣ прочихъ. Анна Клэйтонъ шла подъ руку съ дядей Джономъ. Тетушка Несбитъ и мистриссъ Гордонъ шли позади.

Для Нины это зрѣлище было совершенно ново. Проживши долгое время въ Сѣверныхъ Штатахъ, она почти отвыкла отъ подобныхъ сценъ. Благодаря своему зоркому взгляду, наблюдательности и природной веселости, она находила обильный источникъ удовольствія въ различныхъ странностяхъ и забавныхъ сценахъ, которыя бываютъ неизбежны при такомъ стеченіи народа. Они отправились въ устроенную отъ фамиліи Гордоновъ палатку, гдѣ предварительный митингъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Мужчины, женщины и дѣти сидѣли въ кружкѣ и, зажимивъ глаза и закинувъ назадъ головы, пѣли во всю силу своихъ голосовъ. По временамъ, тотъ или другой изъ нихъ, для разнообразія, хлопалъ въ ладоши, высоко подпрыгивалъ на воздухъ, падалъ всѣмъ тѣломъ на землю, кричалъ, плакалъ и стѣялся.

— Мнѣ представилось видѣніе! воскликнулъ одинъ, и искливымъ голосомъ началъ рассказывать, между тѣмъ, какъ прочіе продолжали пѣніе.

— Мнѣ тоже представилось, кричалъ во все горло Томтитъ, котораго тетушка Роза, заботившаяся о немъ, какъ родная мать, привела съ собою.

— Врешь, Томтитъ! садись на мѣсто! возразила Роза, начиная его мять, какъ резиновый мячъ, и продолжая въ тоже время ревностно подтягивать хору въ пѣніи начатаго гимна.

— Я нахожусь на вершинѣ блаженства! воскликнулъ негръ, сидѣвшій подлѣ Томтита.

— Я тоже хочу вскарабкаться на эту вершину, кричалъ Томтитъ, дѣлая отчаянныя попытки высвободиться изъ дебелихъ рукъ тетушки Розы.

— Замолчи же ты, негодный! или я тебя вовео скомкаю! вскричала Роза, и, видя, что онъ продолжаетъ дурачиться, дала ему такого толчка, что Томтитъ стреломъ покотился на

осовому, лежащую въ самой глубинѣ палатки. Негодуя на такое обращеніе, онъ хотѣлъ отомстить ей страшнымъ воплемъ безсмыслаго гнѣва; но вопль этотъ заглушенъ былъ общимъ ураганнымъ шѣсень и восклицаній.

Нина и лядя Джонъ остановились у палатки и отъ души хохотали. Клэйтонъ смотрѣлъ на эту сцену съ обычнымъ ему задумчивымъ, серьезнымъ выраженіемъ. Анна съ отвращеніемъ отвернула голову.

— Что же вы не смѣтаетесь? сказала Нина, обращаясь къ ней.

— Не нахожу тутъ ничего смѣшнаго, отвѣчала Анна: — напротивъ, это зрѣлище наводитъ грусть.

— Почему это такъ?

— Потому что я смотрю на эти собранія, какъ на вещь для меня священную, и мнѣ непріятно, когда обращаютъ ее въ смѣшное, сказала Анна.

— Это еще не значитъ, что я не уважаю религіозныхъ митинговъ, если смѣюсь надъ подобными странностями, отвѣчала Нина. — Мнѣ кажется, — я родилась безъ органа благоговѣнія, и потому выраженіе моей веселости, вовсе не представляется мнѣ такъ неумѣстнымъ, какъ вамъ. Переходъ отъ смѣха къ благоговѣйнымъ созерцаніямъ, въ моихъ глазахъ, вовсе не такъ великъ, какъ думаютъ другіе.

— Мы должны быть снисходительны къ образу выраженія религіозныхъ чувствъ въ этихъ людяхъ, сказалъ Клэйтонъ. Варварскіе и полуобразованные народы всегда чувствуютъ потребность сопровождать обряды богослуженія рѣзкими внѣшними выраженіями своихъ чувствъ. Я полагаю это потому, что раздраженіе нервовъ пробуждаетъ и оживляетъ въ нихъ духовную сторону натуры и дѣлаетъ ее болѣе воспримчивою, болѣе впечатлительною: такъ точно мы должны трясти спящаго и кричать ему въ ухо, чтобъ привести его въ состояніе понимать насъ. Я знаю, что многіе обращались здѣсь въ христіанскую віру, находясь подъ вліяніемъ именно этого нервнаго раздраженія.

— Все же, сказала Анна: — скромность и приличія должны играть въ этомъ случаѣ не послѣднюю роль. Подобныхъ вещей не слѣдуетъ позволять ни подъ какимъ видомъ.

— Нетерпимость, по моему мнѣнію, сказалъ Клэйтонъ: — есть порокъ, пустившій глубокіе корни въ нашей натурѣ. Міръ

наполненъ различными умами и тѣлами, какъ лѣса различными листьями: каждое существо и каждый листъ имѣютъ свое особое развитіе и свои особыя формы. А мы, между тѣмъ, хотимъ уничтожить это развитіе, хотимъ оттолкнуть отъ себя все, что несообразно съ нашими понятіями. Зачѣмъ! Пусть африканецъ кричитъ, приходитъ въ восторгъ и плашетъ, сколько душѣ его угодно! Это согласно съ его тропическимъ образомъ жизни и организаціей, точно такъ же, какъ образованнымъ народамъ свойственны задумчивость и рефлексія.

— Кто это такой! сказала Нина, когда всеобщее волненіе въ лагерь возвѣстило о прибытіи лица, интереснаго для всѣхъ.

Новоприбывшій былъ высокій, статный мужчнна, уже перешедшій, повидимому, за черту зрѣлаго возраста. Прямая поступь, крѣпкое тѣлосложеніе, румяныя щоки и особенная свобода въ обращеніи показывали, что онъ скорѣе принадлежалъ къ военному, чѣмъ къ духовному званію. Черезъ плечо у него висѣла винтовка, которую онъ бережно поставилъ въ уголъ эстрады, и потомъ пошелъ мимо толпы, съ веселою миною, подавая руку то одному, то другому.

— Ба! сказалъ дядя Джонъ: — да это мистеръ Бонни! Какъ вы поживаете, мой другъ?

— Ахъ, это вы мистеръ Гордонъ? Здоровы ли? сказалъ мистеръ Бонни, взявъ его за руку и крѣпко сжимая ее: — говорятъ, продолжалъ онъ съ веселой улыбкой: — вы сдѣлались закосѣлымъ грѣшникомъ!

— Правда, правда! сказалъ дядя Джонъ: — я самое жалкое созданіе.

— Наконецъ-то! сказалъ Бонни: — правду говорить, что надобно имѣть крѣпкій крючокъ и длинную веревку, чтобъ ловить такихъ богатыхъ грѣшниковъ, какъ вы! Мѣшки съ деньгами и негры висятъ у васъ на шеѣ, какъ жеринова! Евангельское ученіе не дѣйствуетъ на вашу зачерствѣлую душу. Подождите! продолжалъ онъ, шутливо грозя дядѣ Джону: — сегодня я не даромъ явился сюда! Вамъ нужны громы, и они разразятся надъ вами.

— Дѣйствительно, сказалъ дядя Джонъ: — громите покладуиста, сколько душѣ угодно! мнѣ кажется, вы всѣ въ этомъ нуждаетесь. Но теперь, мистеръ Бонни, скажите мнѣ, почему вы и всѣ ваши собраты постоянно твердите намъ, грѣшникамъ,

что богачество есть зло; между тѣмъ какъ я еще не видалъ ни одного изъ васъ, который бы побоялся завести лошадку, негра, или другую вещь, попадающую подъ руку безъ лишнихъ хлопотъ и издержекъ. Я слышалъ, что вы приобрѣли хорошенкѣйшій клочокъ земли и нѣсколько негровъ, для ея обработки. Не мѣшало бы позаботиться и вамъ, мнѣ кажется, о собственной своей душѣ.

Общій смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту выходку. Всѣ знали, что мистеръ Бонни, вымѣнивая лошадь или покупая негра, нѣтъ болѣе смѣтливости, чѣмъ всякій торговецъ въ шести окрестныхъ округахъ.

— Отвѣтилъ же онъ вамъ! сказали, смѣясь, нѣкоторые изъ окружающихъ.

— О, что касается до этого, возразилъ мистеръ Бонни, смѣясь въ свою очередь: — то, если мы иногда и заботимся сами о себѣ, особливо когда міряне не думаютъ принять на себя эту обязанность, — такъ въ этомъ нѣтъ никакой опасности для души.

Возлѣ мистера Бонни очутился собратъ его, проповѣдникъ, представлявшій сѣпимъ, во многихъ отношеніяхъ, рѣзкую противоположность. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ, немного сутуловатъ, съ черными выразительными глазами и свѣтлымъ, приятнымъ лицомъ. Изношенное черное платье, тщательно вычищенное, свидѣтельствовало о его скудномъ достояніи. Онъ держалъ въ рукахъ небольшой чемоданъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, находились перемѣна бѣлья, библія и нѣсколько проповѣдей. Мистеръ Диксонъ, — такъ звали его, — пользовался известностью во всемъ округѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, въ сословіи американскаго духовенства, которые поддерживаютъ вѣру и напоминаютъ собою древнихъ христіанъ. Въ частыхъ своихъ путешествіяхъ, онъ претерпѣвалъ усталость, голодъ и холодъ, жажду и недостатокъ во снѣ и одеждѣ. Къ этимъ физическимъ лишеніямъ слѣдуетъ еще присовокупить всѣ тѣ заботы, которыми обремененъ каждый, посвящающій себя дѣлу проповѣди. Горе другихъ людей становилось его собственнымъ горемъ; всякая обида, нанесенная другимъ людямъ, жгла сердце его, какъ раскаленное желѣзо. Всѣ жители штата знали и уважали мистера Диксона и, какъ это обыкновенно бываетъ, находили, что онъ поступаетъ хорошо и заслуживаетъ всякое уваженіе, если переноситъ труды, претерпѣваетъ усталость, го-

ледъ и холодъ, заботясь о спасеніи ихъ душъ, но предоставляли себѣ полную свободу обращать или не обращать вниманіе на его совѣты. Мистеръ Диксонъ никогда не слѣдовалъ, общему въ этой странѣ, обычаю держать невольниковъ. Небольшое число негровъ, завѣшанныхъ ему однимъ родственникомъ, онъ, съ большими затрудненіями и издержками, переселилъ въ одинъ изъ свободныхъ штатовъ и устроилъ ихъ тамъ довольно спокойно. Свѣтъ напрасно беспокоится, стараясь придумать, какимъ бы образомъ наградить подобныхъ людей:—онъ не въ состояніи постичь этого, потому что не имѣетъ наградъ, которыя бы соотвѣтствовали ихъ заслугамъ. Награда имъ—на небесахъ. Все, чѣмъ можно наградить ихъ въ этой жизни, едва ли равняется даже куску хлѣба, поданнаго поселяниномъ изъ своей кижинъ человѣку, которому, быть можетъ, завтра же, суждено управлять цѣлымъ царствомъ. Мистеръ Диксонъ слушалъ происходившій разговоръ съ тѣмъ серьезнымъ и снисходительнымъ выраженіемъ, съ которымъ онъ обыкновенно слушалъ остроумныя сужденія своихъ собратій.

Мистеръ Бонни, хотя и не пользовался такимъ уваженіемъ и довѣріемъ, какое внушалъ къ себѣ мистеръ Диксонъ, не смотря на то, за его ласковое обхожденіе, за безыскусственное, но пылкое краснорѣчіе, и его тоже уважали и любили. Онъ производилъ на толпу болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ другіе, вѣлъ дольше и громче, и часто краснорѣчіемъ своимъ производилъ оригинальный и сильный эффектъ. Многіе изъ слушателей оскорблялись иногда слишкомъ вольнымъ его обращеніемъ, когда онъ онъ не былъ на кафедрѣ; самые строгіе судьи говорили, что «сойдя съ кафедры, онъ не долженъ бы снова всходить на нее,—а взойдя, не долженъ бы сходить.»

Лишь только смѣхъ, возбужденный его послѣдними словами, пріутихъ, онъ обратился къ мистеру Диксону съ вопросомъ:

— Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я не думаю, кроткимъ голосомъ сказалъ Диксонъ:—что бы вы когда нибудь увидѣли истиннаго христіанина, ведущаго за собой толпу негровъ.

— Почему же нѣтъ? А Авраамъ, отецъ вѣрующихъ? Развѣ у него не было трехъ сотъ обученныхъ слугъ?

— Слугъ, можетъ быть, но не невольниковъ! сказалъ отецъ Диксонъ:—потому что всѣ его слуги носили оружіе. По моему

мѣнно, покупать и продавать людей, и вообще торговать человеческими существами — грѣхъ передъ Богомъ!

— Но, сказалъ мистеръ Бонни: — если покупать, держать и продавать невольниковъ изъ видовъ корыстолюбія — грѣхъ, то сѣла можно сказать, что три четверти протестантовъ и диссидентовъ въ невольническихъ штатахъ принадлежать исключительно дьяволу!

— Во всякомъ случаѣ, я считаю это за грѣхъ, спокойно возразилъ мистеръ Диксонъ.

— Пора, собрать мой, сказалъ другой проповѣдникъ, ударивъ по плечу мистера Диксона: — пора начинать проповѣдь. Споръ этотъ вы можете кончить въ другое время. Пойдемте мистеръ Бонни: вы начнете гимнъ.

Мистеръ Бонни выступилъ на край эстрады и вмѣстѣ съ другими проповѣдникомъ, такого же высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, не спимая шляпы, заплѣлъ гимнъ, исполненный воинственныхъ звуковъ. Едва первая слова его огласили поляну, какъ различныя группы разговаривающихъ повернулись къ эстрадѣ, присоединили голоса свои къ голосамъ проповѣдниковъ и устремились къ мѣсту богослуженія. Пѣніе продолжалось. По мѣрѣ того, какъ толпа увеличивалась, выходя изъ отдаленныхъ частей лѣса, поющіе возвышали голоса свои и дѣлали знаки приближавшимся, чтобъ они торопились.

Въ соединенномъ голосѣ многочисленной толпы всегда есть что-то необыкновенно торжественное. Дыханіе, исходящее одновременно изъ груди такой массы людей въ минуту энтузіазма, какъ будто заключаетъ въ себѣ частицу той загадочности и таинственности, которая скрывается въ ихъ безсмертной душѣ. Все пространство передъ эстрадой и отдаленныя части лѣса, покрылись, повидному, одной волной звуковъ; все, казалось, обратилось въ море голосовъ, когда скоттеры и негры, свободные люди и невольники, владѣльцы, торговцы и охотники на негровъ, проповѣдники и міряне, одушевленные однимъ и тѣмъ же чувствомъ, соединили свои голоса въ торжественный хоръ. Какъ будто электрическій токъ пробѣжалъ по всему собранію, когда оно, подобно шуму разъярившихся волнъ, заплѣло послѣднія строфы гимна.

Пріятель нашъ, Бенъ Дикинъ, протѣснился къ эстрадѣ, и со слезами, катившимися по щекамъ, превознесъ всѣхъ другихъ своими энергическими возгласами. За нѣсколько минутъ

передъ тѣмъ, онъ чуть-чуть не подражалъ съ другими охотникомъ на негровъ, который появлялся, что его свора лучше; онъ былъ на митингъ; онъ далъ сопернику обѣщаніе — раздѣлаться съ нимъ по окончаніи проповѣди. И вотъ теперь, со слезами на глазахъ, онъ стоялъ передъ эстрадой и пѣлъ съ величайшимъ усердіемъ. Какъ же мы должны судить объ этомъ? Бѣдный, заблудшійся Бенъ! Не точно ли также считалъ онъ себя христіаниномъ, какъ и многіе изъ его собратій, которые, будучи поставлены выше его по образованію, надѣются перейти въ вѣчность, сидя на мягкихъ диванахъ Нью-Йоркскихъ и Востонскихъ церквей, и подъ звуки органовъ торжественно дремлютъ въ какомъ-то неясномъ, туманномъ убѣжденіи, что они попадутъ прямо въ царствіе небесное? Сравнивъ Бена съ ними, мы найдемъ, что онъ, все-таки достойнѣе ихъ; въ немъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ какое-то неопредѣленное чувство, что онъ грѣшенъ и нуждается въ спасеніи; нѣтъ даже никакого сомнѣнія, что въ то время, когда по щекамъ его текутъ горячія слезы, онъ даетъ себѣ клятву не дотрогиваться до виски, между тѣмъ, какъ болѣе почтеннымъ, дремлющимъ его собратамъ не приходится и въ голову того же самого относительно кипъ съ хлопчатой бумагой. Тамъ былъ и соперникъ Бена, Джамъ Стокесъ, человѣкъ угрюмый, грубый и вздорный. Онъ тоже присоединяется къ хору и ощущаетъ въ глубинѣ души своей, какое-то смутное, неопредѣленное сожалѣніе, которое заставило его подумать: ужь не лучше ли покинуть навсегда враждебныя намеренія противъ Бена?

Что касается до Гарри, стоявшаго тоже въ толпѣ, то слова и напѣвъ гимна, слишкомъ живо напомнили ему утреннюю встрѣчу съ Дредомъ. Въ минуты спянаго гнѣва, человѣкъ, повидимому, постигаетъ вполнѣ всю силу, которая таятся въ его груди, и при этомъ, если въ его общественномъ положеніи есть что нибудь ложное и ненатуральное, то онъ ее ощущаетъ вдвойнѣ. Мистеръ Джонъ Гордонъ въ свою очередь поддался общему увлеченію. Онъ пѣлъ съ особеннымъ одушевленіемъ; и еслибъ борьба, о которой упоминалось въ гимнѣ, была съ какими нибудь другими врагомъ, а не съ его собственнымъ эгоизмомъ и лѣнностью, еслибъ въ эту минуту онъ могъ помѣряться силами съ дѣйствительнымъ врагомъ, то безъ сомнѣнія, не теряя времени, онъ принялъ бы на себя грозный видъ и воинственную позу.

На окончаніи гимна, всѣ, у кого были олезы, отерли ихъ, и широко сѣли на мѣста, чтобы выслушать проповѣдь. Мистеръ Бонни говорилъ съ одушевленіемъ. Его рѣчь уводилась тропическому болоту, изобилующему различными родами растений: она была то серьезна, и въ тоже время весела, то отличалась страшными выраженіями, то была слишкомъ торжественна, то насмѣшлива до такой степени, что возбуждала всеобщій хохотъ. Подобно сильному вѣтру, сгибающему деревья, она увлекала за собой всѣхъ слушателей. Въ его рѣчи не было недостатка ни въ безыскусственномъ пафосѣ, ни въ серьезныхъ увѣщаніяхъ. Митингъ состоялъ изъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ сектамъ диссидентовъ, но проповѣдники той и другой стороны принимали въ немъ равное участіе. По этому они условились не касаться тѣхъ спорныхъ пунктовъ, въ которыхъ мнѣнія ихъ расходились.

Между тѣмъ слушатели сопровождали каждую проповѣдь громкими восклицаніями.

Около полудня служба окончилась, и слушатели разсѣялись по своимъ палаткамъ, и начались взаимныя посѣщенія, угощенія, и такіе разговоры и попойки, какъ будто глубокое раскаяніе и пламенные утрепнія молитвы происходили совершенно въ другомъ мірѣ. Дядя Джонъ, находясь въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, повелъ свое общество въ лѣсъ и усердно помогать выгружать корзину, въ которой находилось вино, холодная дичь, пирожное, пастеты и другія лакомства, приготовленные тетущею Кэти на этотъ торжественный случай. Старый Тиффъ раскинулъ палатку свою въ премиленькомъ уголку, на берегу ручья, подъ тѣнью деревъ, гдѣ разсказывалъ каждому прохожему, что эта палатка принадлежитъ молодому господину и молодой госпожѣ, у которыхъ Тиффъ находится въ услуженіи. Желая доставить ему удовольствіе, Нина избрала мѣсто для отдыха недалеко отъ Тиффа и отъ времени до времени обращалась къ нему и его маленькимъ господамъ съ ласковою рѣчью.

— Видишь ли, какъ поступаютъ настоящіе-то господа! угрюмо сказала Тиффъ старому Гондраду, который несъ каретныя подушки для общества дяди Джона. — Настоящіе-то господа насъ все видятъ! Кровь узнаетъ свою кровь! Миссъ Нина видитъ, что эти дѣти не имѣютъ простаго званія... это вѣрно.

— Молчи! сказалъ старшій Гондрэдъ:—ты ужъ чересчуръ заважничался съ своими дѣтьми, которыя, по правдѣ-то сказать, нисколько не лучше обыкновенной сволочи!

— Послушай! если ты будешь говорить мнѣ подобныя вещи, то я не посмотрю ни на кого и раздѣляюсь съ тобой посвоему, сказалъ старшій Тиффъ, который, хотя и былъ весьма миролюбиваго и кроткаго характера, но, выведенный изъ терпѣнія, рѣшался прибѣгать и къ силѣ.

— Джонъ, что ты говоришь тамъ Тиффу? спросила Нина, до слуха которой донеслись послѣднія слова. Иди сейчасъ въ свою палатку и не безпокой его! Я взяла его подъ мое покровительство.

Общество обѣдало съ величайшимъ наслажденіемъ, которое для Нины увеличивалось тѣмъ, что она могла наблюдать за Тиффомъ, приготовлявшимъ кушанье для молодыхъ своихъ господъ. Передъ уходомъ къ проповѣди, онъ развелъ небольшой огонь, на которомъ, втеченіе цѣлаго утра, варилась говядина, и теперь, когда онъ снялъ крышу съ котелка, пріятный запахъ, возбуждавшій аппетитъ, распространился вокругъ.

— Какой славный запахъ, Тиффъ! сказала Нина, вставъ съ мѣста и заглядывая въ котелокъ. Не позволить ли миссъ Фанни отвѣдать намъ кусочекъ?

Фанни, которой Тиффъ пунктуально передалъ этотъ вопросъ, застѣнчиво изъявила согласіе. Но кто опишетъ гордость и радость, наполнившія сердце стараго Тиффа, когда между роскошными блюдами на столѣ Гордоновъ, появилось блюдо его приготовленія, и когда всѣ, другъ передъ другомъ, старались похвалить его и принять подъ свое покровительство? — Наконецъ, когда Нина поставила имъ на доску, служившую вмѣсто стола, тарелку съ мороженымъ, Тиффъ пришолъ въ такой восторгъ, что одно только вліяніе утренняго Богослуженія могло удержать его въ границахъ приличія. Самодовольство, повидимому, превратило его совсѣмъ въ другаго человѣка.

— Ну что, Тиффъ, какъ тебѣ понравилась проповѣдь? спросила Нина.

— Проповѣдь была превосходная, миссъ Нина; только чересчуръ ужъ высока.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что она очень хороша для людей знатныхъ... въ ней, знаете, слишкомъ много высокопарныхъ словъ. Все это,

конечно, очень хорошо; но бѣдные негры, какъ я, многого не въ состояніи понять въ ней. Дѣло въ томъ, миссъ Нина, я все думаю, какъ бы провести мнѣ этихъ дѣтей въ Ханаанъ. Я, знаете, слушалъ, то однимъ ухомъ, то другимъ, а все таки ничего не слышалъ. О другихъ предметахъ они говорятъ очень много, и говорятъ хорошо; но все не о томъ, о чемъ бы мнѣ хотѣлось. Они говорятъ о вратахъ, въ которыя стоитъ только постучаться и они отворятся; говорятъ, что нужно странствовать, и сражаться и быть защитникомъ креста. Богу одному извѣстно, какъ бы радъ я былъ ввести этихъ дѣтей во врата, о которыхъ они говорятъ; зная дорогу туда, я взялъ бы ихъ на плечи и принесъ бы туда и, о! какъ бы сталъ стучаться я! Но, выслушавъ проповѣдь, я все такъ не знаю, гдѣ врата, и гдѣ дорога къ нимъ; никто и не сражается здѣсь, кромѣ Бена Дэкина и Джима Стокса, да и тѣ только спорятъ и, пожалуй, готовы подраться изъ-за своихъ собакъ. Каждый изъ насъ отправляется обѣдать и, по-видимому, забываетъ, о чемъ говорили съ каеэды. Это меня очень, очень беспокоитъ, потому что я, тѣмъ или другимъ путемъ, хотѣлъ бы ввести ихъ въ Ханаанъ. Не знаютъ ли объ этомъ въ вашемъ кругу миссъ Нина?

— Не будь я Джонъ Гордонъ, если я не чувствовалъ точно того же! сказалъ дядя Джонъ. Проповѣдь и гимны меня всегда чрезвычайно трогаютъ. Но за обѣдомъ, который слѣдуетъ за проповѣдью, все забывается; его нужно уничтожить, и я лучше этого ничего не нахожу: послѣ двухъ-трехъ рюмокъ всѣ впечатлѣнія испаряются. Со мной это такъ всегда бываетъ!

— Говорятъ, продолжалъ Тиффъ:—надобно ждать, когда сойдетъ на насъ благословеніе. Тетушка Роза говоритъ, что оно нисходитъ на тѣхъ, кто громче кричитъ: — я кричалъ, что было силъ, но не подучилъ его. Говорятъ тоже, что только избранные могутъ получить его, а другіе думаютъ совсѣмъ иначе; на митингъ, будто бы, глаза совершенно прозрѣваютъ; о, какъ бы я желалъ, чтобъ прозрѣли мои глаза! — Не можете ли вы, миссъ Нина, объяснить мнѣ это?

— Пожалуйста, не спрашивай меня! сказала Нина:—я рѣшительно этихъ вещей не понимаю. Я думаю, прибавила она, обращаясь къ Клейтону;—что въ этомъ отношеніи я похожа на дядю Джона. Проповѣди и гимны производятъ на меня двойное впечатлѣніе: одни меня усыпляютъ, а другіе трогаютъ и разд-

ражаютъ; но нѣтъ, ни другіе не производятъ на меня благотворнаго вліянія.

— Что касается меня, то я врагъ всякаго застоя, сказалъ Клэйтонъ. — Все, что приводитъ въ движеніе душу, по моему мнѣнію, въ высшей степени благотворно даже и тогда, когда мы не видимъ непосредственныхъ результатовъ. Служа музыку или глядя на картину, я по возможности воздерживаюсь отъ всякой критики. Я говорю тогда: отдаюсь исполнѣ вашему вліянію, дѣлайте со мной, что хотите! Тотъ же самый взглядъ у меня и на эти обряды: увлеченіе ими составляетъ самую таинственную часть нашей натуры: я не показываю притязанія исполнѣ повиноваться ей, а потому никогда и не критикую.

— Все же, сказала Анна: — въ дикой свободѣ этихъ шитинговъ есть столько обрядовъ, оскорбляющихъ вкусъ и чувство приличія, что для меня они скорѣе противны, чѣмъ благотворны.

— Вы послушайте, вѣдь это говоритъ женщина, которая больше всего обращаетъ вниманіе на приличіе, сказалъ Клэйтонъ. Бросьте только взглядъ на предметы, которые окружаютъ васъ! Посмотрите на этотъ лѣсъ: сколько растений, неприятныхъ для глазъ, между этими цвѣтами, этими виноградными лозами и купами зелени! Вы бы хотѣли, чтобы не было этого терновника, этихъ сухихъ сучьевъ и кустарниковъ, растущихъ въ такомъ изобиліи, что заглушаютъ иногда самыя деревья. Вы бы хотѣли видѣть одни только остриженные деревья и бархатный лугъ. Мнѣ же правится терновникъ, дикій кустарникъ, и сухіе сучья, правится именно по своей дикой свободѣ. Взоръ мой не весело останавливается, то на дикомъ жасминѣ, то на душистомъ шиповникѣ или виноградной лозѣ, которыя выются съ такой граціозностью, что и самый искусный садовникъ не въ состояніи сдѣлать что нибудь имъ подобное. Природа рѣшительно отказывается ему въ этомъ. — Нѣтъ говоритъ она: — я берегу это для себя. Ты не можешь имѣть моей самобытной свободы, слѣдовательно, ты не можешь владѣть тѣми прелестями, которыя изъ нея истекаютъ! То же самое бываетъ и съ людьми. Приведите какое нибудь собраніе простыхъ людей въ энтузіазмъ, дайте имъ волю дѣйствовать по своему произволу, не стѣсняйте ихъ и позвольте имъ говорить по внушенію самой природы, и вы увидите въ нихъ и терновникъ, и шиповникъ, и виноградную лозу и всякаго рода произрастенія, вы услышите идею, подмѣтите чувства, которыя не обнаружались бы при всякихъ

другихъ обстоятельствахъ. Вы, образованные люди, находитесь въ большомъ заблужденіи, если презираете энтузіазмъ толпы. Въ пословицѣ: *vox populi, vox Dei*, гораздо болѣе истины, чѣмъ мы предполагаемъ.

— Что же это значить? спросила Нина.

— Гласъ народа — гласъ Божій. Въ этихъ словахъ есть истина. Я никогда не сожалѣю, принимая участіе въ народномъ восторгѣ, если онъ проявляется вслѣдствіе какихъ бы то ни было возвышенныхъ чувствъ.

— Я боюсь, Нина, въ полголоса сказала тетушка Несбитъ; — я боюсь, что онъ принадлежитъ къ числу невѣрующихъ.

— Почему вы такъ думаете, тетушка?

— И сама не знаю; но, мнѣ кажется, потому, что онъ говорить ужь слишкомъ просто.

— А вы непремѣнно хотите, чтобъ онъ говорилъ свысока: — употребляя высокопарныя слова?..

Втеченіи всего этого времени, на мѣстѣ, гдѣ Абиджа Скин-флинтъ устроилъ свой балаганъ, обнаружилось особенное движеніе. Это былъ длинный, невысокій шалашъ, сдѣланный изъ колевъ и покрытый только-что сейчасъ срубленными, зелеными вѣтвями. Здѣсь изъ бочонка съ виски постоянно истекала влага, утолявшая жажду посѣтителей, которые окружали балаганъ со всѣхъ сторонъ. Абиджа сидѣлъ за грубо устроеннымъ прилавкомъ, свѣсивъ ноги и кусая соломенку, между тѣмъ какъ его негръ дѣлательно исполнялъ различныя требованія покупателей. Абиджа, будучи, какъ мы уже сказали, отъявленнымъ кальвинистомъ, развлекалъ себя споромъ съ толстымъ, маленькимъ, желтоволосымъ мужчиною, принадлежавшимъ къ сектѣ негодистовъ.

— Славно же отдѣлалъ васъ сегодня Стрингфелла, говорилъ онъ: — нечего сказать, мѣтко попалъ!

— Ничуть не бывало, съ видомъ пренебреженія отвѣчалъ мужчина. — Старый Баскумъ его совсѣмъ уничтожилъ: какъ будто его и не бывало.

— Странно, право, сказалъ Абиджа: — какъ это люди смотрятъ на вещи; по моему, въ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе, всему есть предопредѣленіе. Уже одна мысль объ этомъ доставляетъ человѣку утѣшеніе. Все дѣлается такъ, какъ тому предназначено. Если въ мірѣ все получило предназначеніе еще до его сотворенія, то ничего нѣтъ удивительнаго, если все идетъ своимъ чередомъ. Но еслибы все пошло какъ хочется людямъ, то изъ этого вышла бы страшная неурядица.

— Мнѣ не нравится сухая матерія о предопредѣленіи, сказалъ другой, очевидно принадлежавшій къ сектѣ съ болѣе свободнымъ и веселымъ взглядомъ на жизнь. — Я стою за свободу желаній, — за свободу благовѣстія и свободу молитвы.

— Съ моей стороны, сказалъ Абиджа съ недовольнымъ видомъ: — еслибъ все дѣлалось по моему, я бы слова не сказалъ тому, кто не вѣруетъ въ законъ о предъизбраніи.

— Это потому, что вы, безусловно вѣрующіе въ предъизбраніе, считаете себя въ числѣ избранныхъ! сказалъ одинъ изъ присутствующихъ. Безъ этой увѣренности вы бы не стали говорить такъ утвердительно. Если ужъ и въ самомъ дѣлѣ все должно слѣдовать предопредѣленію, то скажите, какимъ бы образомъ помочь себѣ?

— Этотъ вопросъ меня не касается, сказалъ Абиджа. — У меня, есть убѣжденіе; отъ котораго на душѣ какъ-то легко, — которое показываетъ мнѣ все въ надлежащемъ своемъ свѣтѣ, и притомъ же оно чрезвычайно удобно для каждого человѣка.

Въ другой части поля Бенъ Дэкинъ спѣлъ у входа въ палатку свою, лаская одну изъ любимыхъ собакъ, и раздѣлая поуденную трапезу съ женою и сыномъ.

— Кляпуй тебѣ, жена, сказалъ Бенъ, отирая ротъ: — съ этого времени я рѣшительно намѣренъ заботиться о своей душѣ. Изъ перенятыхъ вырученныхъ денегъ за поимку негровъ, я отдамъ половину на устройство митинга. А теперь пойду и стану въ ряды защитниковъ вѣры.

— Да, пожалуйста, Бенъ, держись подальше отъ Абиджа Скинфлинта, сказала его жена.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Анчикова дворца, въ
домъ Завѣтнаго,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ КНИГИ:

Цѣны означены на серебро.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПОСОБІЕ для ПРОПОВѢДНИКОВЪ или собраніе темъ для проповѣдей и назидательныхъ мыслей, извлеченныхъ изъ Евангельскихъ чтеній на литургіяхъ въ дни воскресные и праздничные, парочитыхъ святыхъ и при особенныхъ службахъ, совершаемыхъ въ православной Россійской Церкви. Сост. Протоіереемъ *Павломъ Соколовымъ*. Двѣ части. Спб. 1858 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

УТРО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ, или Поученія и Рѣчи, сказанныя *Феоодотіемъ*, архіепископомъ Симбирскимъ и Сызранскимъ. Новое изданіе. Три части. Спб. 1858 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.

ИЗБРАННЫЯ СЛОВА и РѢЧИ Высокопреосвященнѣйшаго *Никанора*, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго. Три тома, (съ портретомъ Высокопреосвященнѣйшаго). Спб. 1857 и 1858 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.

ПРОПОВѢДИ на Малороссійскомъ языкѣ, протоіерея *Василія Гречульца*, изд. второе, испр. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

КНИГА О ПРОМЫСЛѢ БОЖІЕМЪ, какъ онъ чрезъ православіе ведетъ ко спасенію, а неправославныхъ обличаетъ собственными ихъ дѣлами. Бывшаго инока Горы Аѳонской, а нынѣ Николаевской Бирлюковской пустыни, строителя іеромонаха *Парвенія*. Москва. 1858 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ Россійской Церкви, также-Иверскихъ и Славянскихъ. Мѣсяцъ мартъ и апрѣль. Спб. 1858 г. Ц. каждому 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ. Сост. *К. О. Свенске*. Т. 2-й. Спб. 1857 г. Ц. 1 руб. 25 к., съ перес. 2 р.

О ЖИЗНИ и СОЧИНЕНІЯХЪ Катона Старшаго. Разсужд., по греч. и лат. источникамъ написанное *К. Зедергольмомъ*. Москва, 1857 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

О ЗНАЧЕНІИ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ въ Россіи и объ охранной системѣ, съ изложеніемъ мнѣній разныхъ писателей, въ защиту и противъ ученія о свободной международной торговлѣ, *А. Ушинскаго*. Часть 1 и 2. Сост. отдѣльное цѣлое. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ русскому уголовному судопроизводству. Сост. *Н. Стояновскій*. Москва. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

- ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ** *А. Милюкова*. Второе допоя. изд. Спб. 1858 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ИТАЛІЯ**. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. *Влад. Яковлева*. Сиб. 1855 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ** Артиллер. офицера. Соч. *Е. Р-ш-ва*. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- ОБЩАЯ ТЕОРІЯ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ**, и теорія паровозовъ съ новыми изслѣдованіями. Соч. инженеръ - полковн. *Доброправова* (съ полит. рисунки. въ текстѣ). Спб. 1858 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- СБОРНИКЪ** свѣдѣній о сельско-хозяйственныхъ постройкахъ (съ полит. рисунки. въ текстѣ). Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.
- РУКОВОДСТВО** къ изученію качественного химическаго анализа. Сост. для начинающихъ, преимущественно для тѣхъ, у которыхъ нѣтъ руководителя, *В. Гофмана*, съ 6-ю табл. и полит. рис. въ текстѣ. Москва 1858 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 руб.
- ОБЩЕПОЯТНАЯ ТЕОРІЯ ПЕРСПЕКТИВЫ** и тѣней. Сост. *А. Лее*, съ 27 политичаж. въ текстѣ, и съ 30-ю литогр. рисунками. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- РУССКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЪМАНАХЪ**, съ 200 рисунками, гравир. на деревѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 25 к.
- ПОМИЛУЙ МЯ, БОЖЕ**, помилуй мя. Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Спб. 1858 г. Ц. 25 к., съ перес. 50 к.
- ПРИМѢРЫ БЛАГОЧЕСТІЯ** среди соблазновъ, или поведеніе древнихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. *Архим. Макарія*. Спб. 1858 г. Ц. 25 к., съ перес. 60 к.
- ПРАЗДНИКЪ КРЕЩЕНІЯ** Господа нашего Іисуса Христа. Соч. *В. З. А С...на*. Москва 1857 г. Ц. 30 к., съ перес. 55.
- ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ** РИМСКОЙ ЦЕРКВИ къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду. Записки *Аодіа Востокова*, изд. свящ. *В. Гречулевичемъ*. Два тома. Спб. 1852 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ перес. 3 р. 50 коп.
- КІЕВЪ**, съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею Соч. *В. Аскоченскаго*. Двѣ части. Кіевъ. 1856 г. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.
- ПАМЯТНИКЪ ТРУДОВЪ** православныхъ благовѣстниковъ русскихъ, съ 1793 до 1853 г. Москва. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 25 к.
- О ДОЛЖНОСТЯХЪ** и УЧРЕЖДЕНІЯХЪ, по церковному управленію въ древней Восточной Церкви. Соч. проф. Спб. Духов. Семинаріи *Іеромонаха Палла*. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ**. Нижегородская губернія. Соч. *Архим. Макарія* (съ 11-ю литогр. и ксилограф. изобр.). Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Въ этомъ магазинѣ принимается подписка на всѣ журналы и газеты, издаваемые въ 1858 году, по цѣнамъ, объявленнымъ отъ н. издателей.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, февраля 9 дня 1858 года.

Ценсоръ *П. Новосильскій*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

Вышелъ и раздается гг. подписавшимся:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ,

заключающій въ себѣ переводъ перваго тома

«ИСТОРИИ XVIII СТОЛѢТІЯ» ШЛОССЕРА.

Оглавленіе его слѣдующее:

Предисловіе къ русскому переводу. — Предисловіе автора.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Связь политической исторіи новаго времени вообще съ исторіею всеобщей литературы. — § 2. Замѣчанія о состояніи литературы въ семнадцатомъ столѣтіи. — § 3. Результатъ политической исторіи восемнадцатаго столѣтія. — § 4. Общіе замѣчанія о политическихъ отношеніяхъ разныхъ государствъ Европы въ началѣ восемнадцатаго столѣтія.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ начала столѣтія до войны за Австрійское наслѣдство.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Исторія государственныхъ перемѣнъ, гражданско й и домашней жизни.

ГЛАВА I.

Война за Испанское наслѣдство.

§ 1. Причины войны; отношенія главныхъ державъ, начавшихъ ее. Австрія, Испанія, Франція, Англія, Нидерланды. — § 2. Война за наслѣдство Испанскаго престола. — § 3. Утрехтскій миръ, Баденскій миръ, Раштадскій миръ, и соединенныя съ ними измѣненія въ Югозападной части Европы.

ГЛАВА II.

Севьерная война. Начало Русскаго военнаго могущества въ Европѣ.

§ 1. Россія, Данія, Саксонія, Польша, Швеція до Альтранштэдскаго мира. — § 2. Сѣверъ и востокъ Европы до 1718 года. — Россія, Польша, Турція, Саксонія, Данія, Швеція, Пруссія, — до раздѣленія провинцій, отнятыхъ у Швеціи. — § 3. Раздѣленіе Шведскихъ провинцій. — Правленіе и жизнь высшихъ классовъ въ Россіи, Пруссіи, Германіи, гдѣ народъ образовывался по образцу Дворовъ и дворянства.

ГЛАВА III.

Отъ основанія новой Русской имперіи и отъ начала ея перевѣса надъ сѣверными государствами до войны за Австрійское наслѣдство.

§ 1. Новыя правительства во Франціи, Испаніи, Англіи; характеръ первыхъ дѣйствій этихъ правительствъ. — § 2. Англія, Франція, Испанія, Голландія до Севильскаго трактата и уступки Тосканы дону Карлосу. — § 3. Россія, Польша, Скандинавія, Турція, Австрія, до войны за наслѣдство Испанскаго престола.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Исторія главнѣйшихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ воззрѣніяхъ людей образованнаго круга на общественныя отношенія.

ГЛАВА I.

Философская и литературная реформація въ Англіи.

§ 1. Общія замѣчанія.—Локкъ.—§ 2. Начало и продолженіе религіознаго просвѣщенія; противники господствующаго ученія, Шефтсбѣри и нѣкоторые другіе.—§ 3. Болингброкъ.—§ 4. Эрботтотъ, Попъ, Свифтъ.—§ 5. Эдисонъ, Стиль, Англійскіе журналы.

ГЛАВА II.

Литературное образованіе и умственная жизнь Французовъ или, лучше сказать, высшихъ классовъ цѣлой Европы съ 1715 до шестидесятихъ годовъ XVIII-таго столѣтія.

§ 1. Вольтеръ.—§ 2. Монтескйѣ.—§ 3. Французскіе писатели, въ первой половинѣ XVIII-таго столѣтія, пользовавшіеся покровительствомъ Фридриха II.—§ 4. Парижскіе литературные салоны.—§ 5. Театръ до «Отца семейства» и «Побочнаго сына» Дидро.

ГЛАВА III.

Стремленіе Германіи къ просвѣщенію и къ литературѣ, согласной съ духомъ остальной Европы, до «Литературныхъ писемъ».

§ 1. Введение.—Піетисты, Христіанъ Томасіусъ.—§ 2. Готтшедъ. Перемѣны въ языкѣ и литературѣ, произведенныя Лейпцигскою школою.—§ 3. Саксонскіе поэты Готтшедовой школы. Цахаріа, Рабенеръ, Геллертъ.—§ 4. Бременскій Сборникъ.—Гагедорнъ, Галлеръ.—§ 5. Споры Цюрихцевъ, Вольфианцевъ и другихъ писателей съ Готтшедомъ. Вліяніе этихъ споровъ на Нѣмецкое просвѣщеніе.—§ 6. Первые признаки движенія, которое, развишись, совершенно измѣнило Нѣмецкую жизнь и литературу въ слѣдующій періодъ. Вейссе, Рамлеръ, Николай, Лессингъ, Клейстъ и т. д., до «Литературныхъ писемъ».

Подписка на «ИСТОРИЧЕСКУЮ БИБЛИОТЕКУ» продолжается. Цѣна для подписчиковъ «Современника» 5 руб. сер. съ пересылкою и доставкою. Для лицъ, не получающихъ «Современника» на 1858 годъ, 7 руб. 50 коп., съ пересылкою и доставкою 9 р.

Печатать позволяется. Марта 14-го дня 1858 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

Во типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

ють поклонники отживающаго порядка.—Разсказъ бѣднаго офицера, ищущаго мѣста. — Отрывокъ изъ письма о картѣхъ Иванова. — Новая произведенія Айвазовскаго. — Объявленіе отъ Общества поощренія художниковъ. — Кукукъ, Каламъ и другія замѣчательныя картины у г. Негри. — Концерты съ живыми картинами. — Концерты пріѣзжихъ артистовъ. — Виконтъ Альфредъ де Кастонъ. — Г. Левассоръ. — Чтенія Роде о строеніи земной коры. — Первые нумера «Подсѣжника», дѣтскаго журнала, изд. г. В. Майковымъ. — Новый журналъ «Землегладецъ». — Литературныя новости. — Объясненіе по поводу книги г. Лебедева 3. — Некрологъ О. И. Сенковского.) 63

XIII. — СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. — Отношеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ къ г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору касательно устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. — Уставъ Амурской Компаніи. — Проектъ объ устройствѣ желѣзной дороги между Митавою и Ригою. — Передача желѣзныхъ дорогъ въ Царствѣ Польскомъ частной компаніи. — Поясненіе 2039 ст. Уложенія о наказаніяхъ. — Правила касательно основанія новыхъ періодическихъ изданій. — Крещеніе Бурятъ. — Обращеніе раскольниковъ. — Отчетъ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ. — Замѣчанія о виѣшной торговлѣ Россіи. — Мѣста жительства Евреевъ. — Замѣтки о событіяхъ въ Европѣ. — Мыльный пироги. — Кавалеръ де-Кастри. — Смерть Лаблаша. — Литературное обозрѣніе: статьи о крестьянскомъ вопросѣ въ русскихъ журналахъ. — Статья г. Горлова «Объ устройствѣ селскаго труда въ Пруссіи». — Статья графа Орлова-Давыдова «О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи». — Письма, помѣщенные въ «Le Nord», объ устройствѣ крестьянскаго сословія въ Остзейскихъ губерніяхъ. — Дѣйствія гласности въ русской литературѣ. — Статья г. Кокорева: «Путь Севастопольцевъ», помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ». — Замѣтка г. А. С. 3. о крестьянскихъ школахъ 98

XIV. — ЖИЗНЬ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. Романъ Г-жи Вичеръ-СТОУ. 209—272

Объявленія: 1) Пріемъ пожертвованій на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ. 2) Пріемъ пожертвованій для сооруженія на развалинахъ Херсонеса храма св. Владиміра и инвалиднаго дома для увѣчныхъ и престарѣлыхъ морскихъ чиновъ. 3) Объ изданіи журнала «Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1888 годъ. 4) Объ «Исторической Библіотекѣ». 5) Отъ книжнаго магазина А. И. Давыдова.

Печатать позволено. Марта 13 дня, 1888 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

СОВРЕМЕННОСТЬ въ 1858 году выходитъ
перваго числа каждаго мѣсяца книжками
отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ
(выходящей четырьмя большими томами въ годъ):

20 руб. серебромъ.		21 руб. 50 коп. серебромъ.
--------------------	--	----------------------------

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ Н. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ
своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ
Контору Современника въ С. Петербургъ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

1858

№ IV АПРѢЛЬ

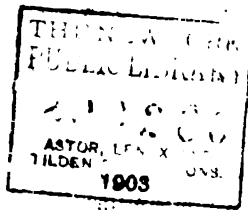
Вышелъ и раздается господамъ подписавшимся первый томъ
«ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ».

ПОДПИСНА НА СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКУЮ БИБЛИОТЕКУ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

✓ I. — КОНГРЕСЪ ВЪ ВАШИНГТОНѢ ВЪ 1857 ГОДУ. А. А. ЛАКІЕРА	333
✓ II. — ПОСЛѢДНЯЯ КАЗНЬ. Романъ А. П. КОВЯКОВОЙ. Часть вторая и послѣдняя	373
III. — О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА. Статья вторая	493
IV. — МУЗЫ. Стихотв. А. А. ФЕТА	540
✓ V. — ВОЛЬНАЯ ПТАШКА. Повѣсть М. А. МИХАЙЛОВА.	541
✓ VI. — ДУНАЙСКІЯ КНЯЖЕСТВА МОЛДАВІЯ И ВАЛАХІЯ. Статья первая ***	577
✓ VII. — ДѢВИЧЬЯ КОЖА. Повѣсть Е. Я. КОЛБАСИНА	613
VIII. — КРИТИКА. — НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ СТАН- КЕВИЧЪ. (Перенесена его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ). — ПОВА.	145
IX. — НОВЫЯ КНИГИ: Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1857 годъ (167). — Записки объ осадѣ Севастополя. Н. Берга. Два тома (171). — Севастополь- скія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Соч. Е. Р. Ш—ова (172). — Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго кинопродавца-издателя Александра Филиповича Смир- дина. Изданіе петербургскихъ кинопродавцевъ на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооруженіе ему памятника. Томы I, II (179). — О звѣдномъ небѣ. — Природа и люди. Уроки географіи, читанные въ Ни- колаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Книга I. Выпускъ I (188). — Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности. Н. Лебедева (190). — Басня. Ороскомъ кота. Адристанъ, Ижицына	191
X. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. Забѣтки НОВАГО ПОСТА. (Нѣсколько словъ о моемъ почтенномъ наставникѣ, по поводу вѣсьма замѣчательнаго «Дневника», случайно попавшагося мнѣ. — Воспоминанія объ авторѣ этого вѣсьма замѣчательнаго «Дне- вника». — Отрывки изъ него и черты изъ жизни его авто- ра. — Любопытное дѣло, производившееся некогда въ бывшей II межевой Конторѣ. — О русоникѣ художника въ Римѣ (отрывокъ изъ письма). — Петербургъ передъ свѣтлымъ празд- никомъ. — Святая недѣля. — Балаганы. — Каррикатурный ли- стокъ г. Данилова. — Сѣверный Цвѣтокъ — журналъ модъ. — Еще новыя журналы. — Снѣкъ — листокъ безъ подписчиковъ и безъ соотрудниковъ)	193

КОНГРЕССЪ ВЪ ВАШИНГТОНѢ

ВЪ 1857 ГОДУ.

Чтобы имѣть вѣрное понятіе о Вашингтонѣ—Сити, надобно по-
сѣтить его тогда, когда въ немъ собрался конгрессъ. Во всякое дру-
гое время онъ представляется большою деревнею, съ широкими,
пробитыми неизвѣстно для кого и для чего улицами, и когда ви-
дишь стоящіа одиноко въ разныхъ концахъ города огромныя бѣлыя
зданія съ сотнями колоннъ, невольно спрашиваешь себя: не стоятъ
ли всѣ эти зданія всеу? Тогда и Капитолій, брошенный въ конецъ
города, висится въ мертвенной тишинѣ, и боишься за него, чтобы
онъ по широкимъ и пустымъ улицамъ не двинулся въ гости въ
White House, жилище президента.

Совсѣмъ другой видъ получаетъ Вашингтонъ во время засѣданія
конгресса. Городъ оживляется отъ присутствія въ немъ болѣе 300
солоновъ и ликурговъ, съѣхавшихся сюда изъ разныхъ концовъ
Соединенныхъ Штатовъ; магазины стараются завлечь къ себѣ пре-
красныхъ и непрекрасныхъ американокъ и американцевъ, гуляю-
щихъ по Pennsylvania Avenue; только и слышишь про обѣды и вече-
ра то у одного, то у другаго члена дипломатическаго корпуса, про
серенады и собранія въ честь разныхъ членовъ конгресса. Отелн,
Т. LXVIII. Отд. I.

представляющіе лѣтомъ чуть не плачевный видъ пустыни, открываютъ двери для сотенъ посѣтителей. Въ столовой, въ передней и на крыльцѣ отелей, гдѣ въ обыкновенное время можно видѣть только подошвы сапоговъ молчаливаго янки и изъ-за сапоговъ едва замѣчаешь ихъ обладателя, во всѣхъ этихъ мѣстахъ теперь слышится живой разговоръ, въ которомъ разсыпаны слова Кансасъ, президентъ, Дугласъ, treasury notes и т. п. Собраніе конгресса — эпоха для Вашингтона, но еще болѣе для всей Union, союза Соединенныхъ Штатовъ, потому что онъ служитъ для нихъ видимому связью. Во всякое другое время они живутъ своею самостоятельною жизнью, имѣютъ свое законодательство, свой судъ, свою систему воспитанія, даже свою монету, управляются лицами, выбранными народомъ и утверждаемыми большинствомъ голосовъ. Президенту Соединенныхъ Штатовъ принадлежитъ, какъ извѣстно, исполнительная только власть по дѣламъ, касающимся всего Союза и въ частности управленіе округомъ Колумбією, гдѣ находится городъ Вашингтонъ. Въ другой разъ я позволю себѣ поговорить подробнѣе о законодательныхъ собраніяхъ отдельныхъ штатовъ, о судахъ, тюрьмахъ въ нихъ, далѣе о школахъ и системахъ воспитанія и т. п. Теперь я останавливаюсь на Вашингтонъ-Сити, и первый вопросъ, представляющійся намъ: — почему это именно мѣсто избрано для національной столицы Соединенныхъ Штатовъ, National Capital, какъ называютъ его американцы? Мало ли городовъ, которыхъ положеніе было бы и центральнѣе, и удобнѣе, и наконецъ даже здоровѣе? Особенно важенъ вопросъ о центральному мѣстоположеніи города, избираемаго американскими штатами для правительственныхъ установленій. Въ новыхъ штатахъ и территоріяхъ Дальняго Запада, подобимъ въ Кансасъ, Айбъ (Iowa), Миннесотѣ, всякій поселенецъ (settler) можетъ по своему усмотрѣнію свободно избрать мѣсто для города; сначала это не болѣе десятка избъ, блокгаузовъ, околоченныхъ наскоро изъ досокъ; и если мѣстоположеніе выбрано неудачно, далеко отъ путей сообщенія, или земля неплодородна, города здѣсь никогда не образуется и можно напередъ сказать, что эти блокгаузы будутъ брошены и современемъ послужатъ убѣжищемъ для охотника или движущагося народонаселенія, такъ называемыхъ моверовъ (movers), ищущихъ себѣ незаселенныхъ еще участковъ земли для поселенія. Если же, наоборотъ, первая партія этихъ моверовъ успѣла удачно выбрать мѣсто, нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ 10, 20 лѣтъ изъ него образуется огромный торговый и промышленный центръ, мѣсто складки и отправленія въ Восточные Штаты и въ Европу произведеній земледѣльческихъ или лѣсу, или соленой свинины, или желѣза... Такова исторія Бу-

сало въ западной половине штата Нью-Йорка, Шикаго въ Иллинойсѣ, Цинцинати въ Огайо, Питсбурга въ Пенсильваніи, Сентъ-Луисъ въ Миссури, Чарлстона въ Южной Каролинѣ и такъ далѣе. Во время путешествія по Западнымъ Штатамъ я встрѣчалъ людей, которые помнили, когда на мѣстѣ теперьшняго блестящаго города Шикаго стояло десятка два хижинъ, когда все мѣсто, занятое городомъ, можно было купить за нѣскольکو сотенъ долларонъ; а теперь нѣтъ богача, которому такая покупка была бы подъ силу. Съ какою-то неусыпимою жадностью народъ спѣшитъ на новыя мѣста, стараясь заявить свои права на незанятые земли, если еще отыщется; не успѣешь обернуться, и желѣзная дорога уже сблизила новое мѣсто съ главными пунктами, съ противоположными морями, и около такихъ центровъ группируются промышленные интересы страны. Но американецъ понимаетъ, что избрать такой торговый центръ въ центръ правительственный значило бы торговлю и вообще частную дѣятельность гражданина поставить подъ вліяніе властей штата, тогда какъ достаточно для этого однихъ властей городскихъ, муниципальных, а съ другой стороны — ардево не изъять правительства штата отъ вліянія обстоятельствъ и лицъ, правительственной дѣятельности чуждыхъ. Нью-Йоркъ, наприимѣръ, великая метрополія Соединенныхъ Штатовъ, эта Empire-city, которую по справедливости гордятся американцы, конечно была самою дурною столицей штата Нью-Йорка, тогда какъ, оставаясь центромъ торговли и слѣдовательно городомъ съ властями муниципальными, онъ грозитъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стать выше Лондона, Амстерлама, Парижа. Тихое, центральное мѣстоположеніе, вдали отъ большихъ торговыхъ путей, считается необходимымъ для столицы штата, для помѣщенія капитолия, для законодательнаго собранія, и такимъ образомъ, рядомъ съ торговыми шумными населенными центрами идутъ тихіе, мелкіе по населенію, но богатые правительственными зданіями города — Альбани въ штатѣ Нью-Йоркъ, Джеферсонъ-Сити въ Миссури, и т. д. Мнѣ кажется даже, что въ этихъ городахъ съ тою цѣлю и спѣшатъ строить капитолій и ставить памятники Вашингтону (необходимость принадлежность всякаго правительственнаго города), чтобы само законодательное собраніе какъ никуда не вздумало перенести мѣсто своихъ засѣданій въ другой городъ.

Итакъ, повторяемъ, центральность мѣстоположенія есть одно изъ главныхъ условій при выборѣ города въ столицы. Вашингтонъ такою выгодною въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ Америки не пользуется, слѣдовательно опять является вопросъ о выборѣ его. Генералъ Вашингтонъ, основатель единства Соединен-

ныхъ Штатовъ, былъ родомъ изъ Виргиніи; и вокругъ рѣки Потомама сосредоточены воспоминанія о частной его жизни: онъ родился подлѣ Фридериксбурга въ Виргиніи, недалеко отъ этого мѣста погребена его мать. Самъ Вашингтонъ любилъ городокъ Александрію на Потомакѣ, и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ мѣстѣ Mount-Vernon, принадлежавшемъ его брату, гдѣ гробъ «отца отечества» до сихъ поръ служитъ мѣстомъ почитанія и для американца и для всякаго чужаго, кому дорого имя Вашингтона. Я думаю, что личная привязанность Вашингтона къ мѣсту родины опредѣлила болѣе или менѣе выборъ его, и если это справедливо, то первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ достоинъ не порицанія за то, что онъ какъ бы руководился эгоизмомъ, а напротивъ благодарности за свою провинциальность. Я не разъ слышалъ отъ самихъ американцевъ, что пилъ Вашингтона, правила, которыя онъ завѣщалъ потомству и въ самой конституціи и въ прощальномъ адресѣ (Farewell address) отъ 17 сентября 1796 года, служатъ главнымъ, если не единственнымъ звеномъ между Сѣверными и Южными Штатами, и не надобно вовсе большаго знанія политическаго состоянія Америки, чтобы замѣтить постоянную вражду невольническихъ штатовъ съ штатами вольными. Первые доказываютъ, что мѣры къ освобожденію невольниковъ, сочиненія о нихъ, митинги разнаго рода имѣютъ въ виду ослабить и уничтожить всякую производительную дѣятельность Южныхъ Штатовъ, не могущихъ по самому своему климату обойтись безъ труда негра, тогда какъ янки — аболіціонисты воюютъ противъ установленія, несогласнаго ни съ духомъ христіанства, ни съ нравственностью, и хлопочутъ объ отмычѣ невольничества. Чѣмъ и когда кончится эта распря, предсказать трудно; до сихъ поръ по крайней мѣрѣ вѣра въ справедливость словъ Вашингтона, предвидѣвшаго распрю и потому сказавшаго, что единство и согласіе штатовъ есть основной камень независимости Америки, оплотъ спокойствія внутри и мира нѣе, безопасности, благосостоянія и свободы, — вѣра эта спасала неприкосновенность единства. Не прекрасная ли поэтому была у Вашингтона идея — связать національную столицу союза штатовъ съ своею родиною и съ своимъ именемъ?

Кромѣ того, трудно было старый, или по крайней мѣрѣ существовавшій прежде, городъ заставить подчиниться исполнительной власти, лишивъ себя политическихъ и обыкновенныхъ городскихъ правъ, быть въ зависимости отъ конгресса; потому надобно было выбрать пустопорожнее мѣсто и дать ему такую форму управленія, какая была удобнѣе. На мѣстѣ теперешняго Washington-City едва ли когданибудь обыкновеннымъ путемъ образовался бы значитель-

ный городъ. Онъ не представляетъ ни торговыхъ, ни промышлен-
ныхъ удобствъ. Потомакъ слишкомъ еще незначителенъ и далекъ
отъ устьевъ, и наконецъ, по свидѣтельству жителей, климатъ Ва-
шингтона вовсе нездоровъ, лѣтомъ частыя лихорадки выгоняютъ
отсюда большую часть населенія; словомъ, городъ существуетъ, по-
тому что ему вѣрно быть здѣсь. За его improvements, развитіе дѣ-
тельности его жителей, увеличеніе населенія — нечего бояться: мо-
жетъ быть, со временемъ выстроится еще нѣсколько сотъ домовъ, вы-
двинутся дворцы для всѣхъ министерствъ, городъ будетъ въ извѣ-
стную эпоху пустѣть, въ другія населяться, но напрасно предска-
зываютъ нѣкоторые, что не всегда Вашингтонъ останется столицей
Соединенныхъ Штатовъ. На Вашингтонъ, его Капитолій, министер-
ства — потрачено столько миліоновъ долларовъ, что неприкосновен-
ность ихъ обезпечена. Другое, разумѣется, скажу на счетъ будуща-
го великаго центра Западныхъ Штатовъ и даже всей Union, на
счетъ grand city of the West, которой необходимость чувству-
ютъ въ Америкѣ, и которую всякій помѣщаетъ въ свой уголъ, кто
въ Шикаго, кто въ С. Луи, кто въ С. Поль, на верхнемъ Миссисипи,
кто въ Каира, болотистый Мемфисъ, даже Кансасъ. Необходи-
тельства покажутъ, кто былъ правъ въ своихъ предсказаніяхъ. Пока
чувствуется необходимость такого центра, и нѣтъ сомнѣнія, что
другой Нью-Йоркъ долженъ образоваться на Западѣ.

Независимость Соединенныхъ Штатовъ и конфедерація преж-
нихъ англійскихъ колоній были объявлены въ Филадельфій и до-
сихъ поръ въ столицѣ Пенсильваніи, въ ея State house показываютъ
комнату, гдѣ совершился этотъ великій актъ народноі независимо-
сти. Все въ этой комнатѣ осталось на прежнемъ мѣстѣ, и въ нее
входишь съ благоговѣніемъ; но городъ слишкомъ шуменъ для сто-
лицы всего союза, и въ 1790 году конгрессъ, по предложенію Ва-
шингтона, рѣшилъ, чтобы штаты Мерилендъ и Виргинія уступили
для помѣщенія конгресса и центральнаго правленія десять квадрат-
ныхъ миль по обомъ берегамъ р. Потомака. Это пространство зем-
ли названо дистриктомъ Колумбією. Въ 1793 году было положено
основаніе Капитолію и въ 1800 федеральное правительство перешло
въ Вашингтонъ. Замѣчу мимоходомъ, что съ теченіемъ времени
пространство дистрикта Колумбіи уменьшилось, и Александріа опять
отошла къ Виргиніи.

Напрасно сталъ бы путешественникъ по древнему обновленному
Риму искать древняго римскаго канитолія. На томъ мѣстѣ, откуда
римскій сенатъ правилъ міромъ, стоитъ теперь музей; сторона ка-
питолія, обращенная къ форуму, совершенно перестроена, и гуляя
по форуму, никакъ нельзя догадаться, что тамъ, гдѣ теперь итальян-

ка вытѣсила просушивать паземки своего *basilique*, сидѣлъ когда-то великіе римляне, отцы отечества. Стыдно потворять, а какъ не скажешь: — *sic transit gloria mundi!* Впрочемъ, по счастью сохранилось одно громадное окно, или можетъ быть дверь, древняго капища со стороны форума, и у кого живое воображеніе (знаніе Римскихъ древностей повредило бы только дѣлу), тотъ можетъ повѣрить толкованію гидовъ и даже ученыхъ сочиненій, старающихся допытаться, для чего сдѣлано было это громадное отверстіе. Какъ бы то ни было, это единственное мѣсто, съ котораго хорошо видны остатки форума; но капищія надобно искать теперь въ Вашингтонѣ, на берегахъ Потомака.

Для полнаго сходства новаго Вашингтона съ древнимъ Римомъ, первый также выстроенъ на холмахъ, только не на семи. Какъ я и старался пересчитать холмы Вашингтона, ихъ все выходило гораздо болѣе семи. Капитолій однако построенъ на холмѣ, выше римскаго; лучше выбрать для него мѣсто было трудно. Къ нему подходилъ садомъ со стороны *Pensylvania Avenue* и выходилъ также въ садъ. Чѣмъ ближе поднимаешься къ зданію, ндучи по саду и по лѣстницѣ, тѣмъ лучше открывается видъ на городъ и его ближайшія окрестности. Въ ясный день Потомакъ льется свѣтлою лентою по далекой равнинѣ, и на берегахъ его видны Джорджтоунъ, Александрія и покрытые лѣсомъ холмы Мериленда и Виргиніи. Лѣтомъ садъ этотъ, особенно вечеромъ, когда спадетъ жаръ, пріятное мѣсто для прогулки. Въ немъ поставленъ морской памятникъ въ честь американцевъ, павшихъ въ войнѣ съ Триполи. Это роstralная мраморная колонна съ американскимъ орломъ на верху. У подножія колонны богиня славы указываетъ собравшимся вокругъ нея дѣтямъ на подвиги предковъ. На пьедесталѣ начертаны имена Сомерса, Кальвелла, Декатура, Вадсворта, Дорселя и Израиля. Нельзя сказать, чтобы памятникъ этотъ былъ здѣсь на мѣстѣ или что-бы онъ сохранился очень тщательно. Прежде онъ стоялъ въ такъ называемомъ *Navu-Yard*, адмиралтействѣ, и недавно поставленъ впереди Капитоліемъ.

Широкая лѣстница ведетъ въ Капитолій и, поднявшись во второй этажъ, вы входите въ ротонду, въ которой собраны картины, изображающія исторію освобожденія американскихъ колоній изъ-подъ власти Англіи и образованія самостоятельнаго государства. Я не знаю, описывать ли имъ размѣры, длину, высоту каждой залы, говорить ли подробности о картинахъ. Описывать ихъ не артисту описать, а это чувствую, тѣмъ не менѣе Вашингтонъ такъ далекъ отъ нашего Свѣта, что пожалуй кто нибудь упрекнетъ за недостатокъ цѣлостныхъ описаній. Я самъ спѣшу на конгрессъ, и потому вынужденъ

мно изъ оффиціальныхъ источниковъ цифры и прибавлю бѣглое описаніе картинъ и вѣрныхъ изображеній въ ретосдѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда будетъ готовъ огромный чугунный куполъ, для котораго теперь ставятся и уже отчасти поставлены чугунныя колонны поверхъ временнаго купола, когда даѣе будутъ отдѣланы и открыты новыя помѣщенія для сената и народныхъ представителей, — трудно будетъ опредѣлить основной архитектурный характеръ капитолія. Пока старый куполъ существуетъ, можно утвердительно сказать, что первоего строителя Галлетъ, Латсомъ, Гобанъ и наконецъ Латробъ строили ротонду капитолія въ Вашингтонѣ съ римскаго пантеона и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ. Все же зданіе въ коринтскомъ стилѣ. Выборъ такого образца, какъ римскій пантеонъ, удаченъ, не только потому, что трудно послѣ Микель-Анжело, построившаго куполъ Св. Петра въ Римѣ по размѣрамъ пантеона, выбрать лучшій образецъ, но и потому, что дѣйствительно размѣры эти удобны и вмѣстѣ съ тѣмъ красивы. Во время войны Англіи съ Соединенными Штатами, капитолій былъ сожженъ англичанами въ 1812 году, но потомъ опять воздвигнутъ и стоялъ въ такомъ видѣ до 1850 года, когда почувствовалась необходимость въ расширеніи стараго помѣщенія и возвышеніи купола выше всѣхъ, доселѣ существующихъ куполовъ. Теперь въ главѣ строителей прибавокъ къ капитолію стоитъ капитанъ Мейгсъ. Видѣть зданіе на рисунокѣ и видѣть, когда оно отстроено и притомъ для извѣстной цѣли, — дѣла вещи совершенно различныя, и потому трудно встрѣтить теперь двухъ американцевъ или два американскихъ журнала, которые бы одинаково выгодно или невыгодно отзывались о талантѣ новаго архитектора и о пристройкахъ къ капитолію. Нѣтъ сомнѣнія, что когда ротонда будетъ покрыта новымъ куполомъ, то размѣры ея ли останутся такъ пропорціональны, какъ теперь. Эта гармонія высоты купола и діаметра круга составляетъ, какъ извѣстно, главное условіе изящества и красоты зданія, и не всегда нравится новое и слишкомъ высокое тому, у кого глазъ и вкусъ воспитанъ на хорошихъ образцахъ. Кто изъ путешественниковъ не любовался въ послѣднее время новою залою для чтенія въ Британскомъ музеумѣ въ Лондонѣ! А между тѣмъ, что новаго въ ея размѣрахъ? Ничего. Чувствуешь, что это далеко не ничтожное произведеніе, глазъ не можетъ досыта насмотрѣться на это гармоническое произведеніе, и — поверьте ли — въ такой залѣ, какъ New-reading room въ Лондонѣ, лучше читается и думается, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Впрочемъ о будущемъ капитолія трудно судить: теперь открыта одна только зала для представителей народа (new representatives hall),

и я откровенно выскажу о ней свое личное впечатлѣніе. Пока цѣны: въ первоначальнойъ вѣдѣ длина капитолия была 352' ф., глубина или ширина его въ срединѣ 221, по угламъ 121; вышины угловъ до балюстрады—70, ротонды—96 ф., діаметръ ея также—96 ф.; вышина новаго купола—140 ф. Когда боковыя, съ обѣихъ сторонъ главнаго вѣдѣлія, пристройки будутъ готовы, длина всего зданія увеличится до 740 ф., и постройка будетъ стоить до десяти милліоновъ долларокъ; пространства земли подъ строеніями, садами и принадлежностями капитолия будетъ до четырехъ акровъ.

Что касается до размѣровъ отдѣльныхъ частей капитолия, то зала сената имѣетъ длины — 74 и высоты — 42 ф., зала палаты представителей 95 и 60 ф.

Во время засѣданій конгресса, конечно весь интересъ публики сосредоточенъ на залахъ собраній, и нѣтъ сомнѣнія, что тогда яснѣе и ощутительнѣе назначеніе и цѣль ихъ; но даже когдаходишь въ пустую залу, когда смотришь на стѣны, не отражающія живаго слова и живой мысли, чувствуешь невольное уваженіе къ мѣсту, въ которомъ народъ помѣстилъ свои надежды на будущее и распоряженія въ настоящемъ. Воображеніе, конечно, дорисовываетъ живыми и едва ли всегда вѣрными красками то, чего не видятъ глаза; тѣмъ не менѣе, чтобъ имѣть понятіе о центральномъ правленіи союза, чтобы понять всѣ пружины, которыми народъ дѣйствуетъ, завѣдывая самъ собою, надобно видѣть конгрессъ, надобно имѣть терпѣніе вглядываться и вслушиваться въ его производство, рѣчи, лица представителей разныхъ штатовъ и различныхъ убѣжденій.

Во время двукратнаго моего пребыванія въ Вашингтонѣ, мнѣ ни разу не приходилось быть въ ротондѣ одному. Ротонда есть школа для американца, гдѣ воспитываются для благородныхъ цѣлей его патриотизмъ и любовь къ отечеству; подобно другимъ общественнымъ зданіямъ въ Соединенныхъ Штатахъ, она всегда и для всѣхъ доступна. Этотъ народный музей состоитъ изъ девяти картинъ и четырехъ барельефовыхъ изваяній, содержаніе для которыхъ также взято изъ американской исторіи.

Четыре картины въ ротондѣ принадлежатъ Трумбулю, для котораго имя въ Вашингтонѣ и слава Соединенныхъ Штатовъ тѣмъ были дороже, что онъ служилъ адъютантомъ генерала Вашингтона въ первый годъ войны за независимость Америки, и принималъ участіе въ борьбѣ англійскихъ колоній въ Америкѣ съ метрополіею. Скоро, по окончаніи этой борьбы, кончившейся образованіемъ самостоятельнаго государства, Трумбуль посвятилъ себя искусству, бѣднѣвъ въ Соединенныхъ Штатахъ для изученія лицъ,

которая помилъ себѣ мѣсто въ его картинахъ, и въ 1816 году Конгрессъ поручилъ ему написать для капитолия тѣ четыре картины, которымъ теперь украшаютъ ротонду: 1) Объявленіе независимости Соединенныхъ Штатовъ, — замѣчательную по костюмамъ конца XVIII столѣтія, сходству портретовъ съ лицами, изображенными артистомъ нѣхъ группировкѣ. Комната совершенно скопирована съ той, въ которой соби́рался конгрессъ для этого великаго дѣла. 2) Сдача генерала Бургойна 7 октября 1777 года. На этой картинѣ представлены генералы Бургойнъ и Филлисъ, въ сопровожденіи англійскихъ офицеровъ, сдающіеся генералу американскихъ войскъ Гетсу, который отказывается обезоружить Бургойна и приглашаетъ его въ свою палатку. Сцена эта чисто военная и свидѣтельствуесть о глубокомъ изученіи артистомъ выведенныхъ имъ лицъ и событій. 3) Тотъ же характеръ отличаетъ третью картину Трумбуля: Сдача Моря Кориваллиса, окруженнаго американскими и французскими союзными силами, 19 октября 1781 года. Артистъ изобразилъ ту минуту, когда германскія войска, потерпѣвъ пораженіе, сложили оружіе, и главные ихъ вожди проходятъ между рядами побѣдителей. Конечно лучшей эпохи не могъ избрать американецъ для украшенія народнаго капитолия. 4) Прощаніе генерала Вашингтона съ собравшимся въ Аннаполисѣ 23 декабря 1783 года конгрессомъ. Лица членовъ конгресса вѣрные, какъ говорятъ, портреты съ натуры.

Остальными пять картинъ принадлежать кисти различныхъ художниковъ и вмѣстѣ съ предшествующими одно общее: изображеніе лучшихъ и самыхъ блестящихъ страницъ американской исторіи. 5) *Чиппана* Крещеніе Покахонты, дикой индианки Сѣверной Америки, и первое обращеніе въ адвѣнситъ краѣ язычниковъ въ христіанство; 6) Отправленіе переселенцевъ въ новыя земли краѣ тевершней новой Англіи изъ Голландіи. Картина эта, принадлежащая кисти *Вейра*, замѣчательна по выраженію лицъ переселенцевъ, одушевленныхъ чувствомъ вѣры и упованія, что ихъ сильный подвигъ съ цѣлью распространенія чистаго ученія Христа, не противенъ Богу. 7) Прибытіе Колумба въ новыя свѣтъ, работы Вандерлина. Особенно хорошо вложенное выраженіе лица Колумба. 8) *Повелла* открытіе Миссисипи. Испанецъ Де Кото на первомъ планѣ встрѣчаетъ индейцевъ, приносящихъ ему дары. Санта его наслаждается картиною текушаго вдали Миссисипи, между тѣмъ какъ старый доминиканскій священникъ читаетъ молитву и произноситъ благословеніе надъ деревяннымъ крестомъ, который готовится воздвигнуть на новооткрытой землѣ. 9) *принатіе*. Франклина и двухъ его слугъ Дина и Ла Франсуа-

скимъ королевъ Людовикомъ XVI, которому они представляютъ конституцію государства. Картина работы Хелл.

Изъ ротонды четыре выхода, и надъ каждымъ изъ нихъ барельефное изображеніе событій изъ исторіи Америки: 1) надъ северною дверью, ведущею въ сенатъ, представляетъ Вилльямъ Пеннъ, заключившій въ 1686 году условіе съ индѣйцами, у которыхъ бралъ землю для прибывшихъ съ нимъ переселенцевъ. Вся группа поставлена подъ развѣсистымъ деревомъ, на которомъ два целующихся голуба свидѣлствуютъ о миролюбивомъ расположеніи благороднаго основателя процвѣтающей до сихъ поръ Пенсильваніи. 2) Надъ противоположною дверью, ведущею въ залу дома представителей, изображенъ герой и піонеръ кентукскій Дэвидъ Бунъ въ борьбѣ съ индѣйцами. Жестокость бѣлаго, отнимающего собственность у кореннаго населенія, и отчаяніе, пожалуй звѣрство на лицѣ индѣйца, чувствующаго превосходство своего соперника (тѣло одного убитаго индѣйца у ногъ Буна) становится еще грустнѣе при сравненіи съ нимъ поступкомъ миролюбиваго Пенна и индѣйскаго вождя, доверчиво подающаго руку бѣлому. 3) Надъ восточною дверью очень выразительное, по моему мнѣнію, лучшее изъ четырехъ, изображеніе, представляющее первый шагъ пилигримовъ по прибытіи въ новый свѣтъ. На скалѣ, къ которой присталъ европейецъ, являлся дикій, подающій ему въ знакъ дружбы и гостепріимства плодъ манса, который американцы называютъ indian corn. Европейецъ какъ бы не доврѣлетъ тому, что видитъ, и потому одною ногою еще въ лодкѣ; онъ въ изумленіи; подлѣ него сынъ, спрашивающій отца не удалаться къ дикимъ, а жена съ поднятыми вверхъ глазами благодаритъ Бога за счастливое окончаніе странствія. Наконецъ 4) надъ западною дверью — избавленіе капитана Смита индѣйскою Покахонтою отъ убійства его дикими. Они занесли уже страшное оружіе, чтобы умертвить лежащаго на землѣ связаннаго капитана Смита, когда является прекрасная Покахонта (принявшая впоследствии крещеніе) и спасаетъ бѣлаго.

Такова ротонда капитолія въ Вашингтонѣ. Изъ нея одна дверь ведетъ въ залу сената, другая въ залу представителей. Первая зала меньше второй, потому что число членовъ, заседающихъ въ сенатѣ, какъ сейчасъ увидимъ, меньше. Амфитеатромъ расположены мѣста для сенаторовъ. У каждаго изъ нихъ свой маленькій столикъ или лучше своя конторка, а въ центрѣ — возвышенное мѣсто для президента. Такимъ образомъ президенту, къ которому обращена рѣчь сенаторовъ, слышно все, что говорятъ другіе, и наоборотъ — сенаторамъ нетрудно разослышать, что читаютъ президентъ или клеркъ, секретарь, сидящій по лѣвую сторону президента. Для корреспондентовъ го-

зетъ (reporters) слѣданы мѣста близъ президента, а для зрителей удержане помѣщеніе на хорахъ валь. Члены дипломатическаго корпуса имѣютъ особыя мѣста за сенаторами внизу. Излишнимъ считаю прибавлять, что всякому открыты двери сената—до, во время и послѣ засѣданія. Невольно вспоминалъ я при этомъ про англійскій парламентъ, куда входятъ только съ билетомъ отъ члена, и потому мѣста для публики почти всегда остаются безъ публики. Вообще, зала сената въ Вашингтонѣ очень красива, она драпирована краснымъ, потолокъ поддерживается колоннами, и маленькій куполъ пропускаетъ свѣтъ сверху. Но описаніе было бы неполно, если бы я не упомянулъ объ удивительномъ портретѣ Вашингтона, работы Чарльса Вильсона Пилля. Изображеніе Вашингтона помѣщено чрезвычайно удачно, и за малыми исключеніями, видно отовсюду. Изъ своей золоченой рамы и изъ за дубоваго вѣнка «Patriae Pater», какъ подписано внизу, смотритъ на цѣлыя поколѣнія законодателей, и я вѣрю, что эта великая личность своимъ примѣромъ дѣйствуетъ до сихъ поръ на потомство. Да, завидна участь великихъ людей и безсмертіе достается не даромъ!

Если зала сената скопирована съ какаго-то греческаго храма, то зала представителей (the Hall of the representatives) напоминаетъ собою древній греческій театръ, съ 24 вокругъ мраморными колоннами и изысканномъ куполомъ. Всѣ мѣста народныхъ представителей сгруппированы около мѣста спикера (speaker) или президента. Надъ нимъ, въ виду всѣхъ членовъ собранія, статуя Свободы и надъ нею американскій орелъ, а прямо противъ мѣста, назначеннаго для президента, слѣд. надъ входомъ въ залу изъ ротонды, мраморная статуя исторіи, вносящей въ книгу событія. Она стоитъ на колесницѣ и въ окрыленномъ колесѣ—часы. Идея и исполненіе—итальянскаго скульптора Гарделли — очень удачны.

Теперь это красивое и удобное помѣщеніе опустѣло, и грустно видѣть, что на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ такъ недавно еще сидѣли «душцы», выражаясь старымъ русскимъ словомъ, теперь сидитъ праздный посѣтитель пустой залы, можетъ быть думающій о бренности всего земнаго. Я также долго сидѣлъ въ опирѣтой залѣ, признаюсь, болѣзненно сжималось сердце, когда я помышлялъ, какъ новое всегда влечетъ насъ къ себѣ и какъ молодое поколѣніе любитъ ломать то, что такъ нравилось нашимъ отцамъ. Говорятъ, что старое помѣщеніе было слишкомъ тѣсно; но зачѣмъ было спѣшить изъ него въ новое, еще недостроенное! Въ корридорахъ, на лестницахъ,—вездѣ слышенъ еще стукъ молота, зладіе обшариваетъ въ верхнихъ этажахъ мраморомъ, а въ залѣ уже собираются представители народа. Сенатъ не торопится, и его новое помѣщеніе

еще не готово. Не знаю, перейдетъ ли въ него, вмѣстѣ съ сенаторами, портретъ Вашингтона; а видѣ грѣшно будетъ оставить его безъ зрителей.

Итакъ, изъ пристроекъ, которыя снаружи представляются громадными мраморными зданіями, уставленными колоннами, пока готова одна зала. Она безъ купола, имѣетъ видѣ параллелограмма и безъ колоннъ. Хоры, на которыхъ можетъ помѣститься до 3000 зрителей, образуютъ огромный уступъ или, правильнѣе, этажъ, открытый въ залу. Это громадное пространство, уставленное отдѣльными для каждаго члена конторками, освѣщается сверху чрезъ матовыя стекла, образующія потолокъ. Имъ же воспользовался архитекторъ для освѣщенія залы газомъ. Судя по множеству позолоты, по сочетанію цвѣтовъ, даже по штучному потолку, съ висѣщими съ него украшеніями въ родѣ сталактитовъ, можно бы подумать, что строитель имѣлъ въ виду и принялъ за образецъ севильскій Алькансаръ или какую нибудь изъ залъ Альгамбры; но архитектура всего вовсе не соответствуетъ ожиданіямъ, и напрасно ищешь, къ какому стилю причислить новую Hall, и потому мнѣнія о ней совершенно различны. Кто бывалъ въ разныхъ концахъ Соединенныхъ Штатовъ, тотъ вспомнитъ, какъ не установился еще до сихъ поръ вкусъ и стиль въ постройкѣ общественныхъ зданій Америки. Европейскія государства въ этомъ случаѣ счастливы: всякое изъ нихъ, вмѣстѣ съ исторіею, наслѣдовало извѣстный архитектурный стиль. Въ Америкѣ же не всегда умѣстны готическія зданія, башни и цѣвты, потому что они напоминаютъ эпоху, вовсе чуждую молодымъ штатамъ. Въ самомъ Вашингтонѣ можно найти архитектурныя произведенія чуть ли не всѣхъ стилей, начиная съ древнѣйшихъ и кончая совершенно вновь выдуманнымъ, небывалымъ. Стоитъ взглянуть на Смитсоновъ институтъ и, чрезъ дорогу отъ него, зданіе министерства финансовъ (Treasury department): первое есть вѣрное подобіе норманскаго замка среднихъ вѣковъ, которое, вовсе не знаешь, почему, явилось на берегахъ Потомака и даже неумѣстно для зданія, назначенія котораго есть распространеніе просвѣщенія. Между тѣмъ министерство финансовъ скопировано съ греческаго храма Минервы въ Афинахъ, и въ этомъ родѣ большая часть министерствъ. Не всегда, конечно, умѣстны и ряды колоннъ, которыми уставны зданія Вашингтона; тѣмъ не менѣе классическій стиль древности, перенесенный на новую почву, не поражаетъ глаза, потому что онъ сталъ достояніемъ всего міра, хотя сначала былъ мѣстнымъ. Было бы несправедливо не признаться, что подобій греческихъ храмовъ въ Соединенныхъ Штатахъ находимъ очень много,

и нѣкоторыя изъ нихъ чуть ли не превосходятъ образцовъ; напр. Джирардъ-Колледжъ въ Филадельфiи есть, безспорно, одно изъ лучшихъ зданiй новаго свѣта и трудно сказать что нибудь въ порицанiе простаго и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскаго стиля, въ которомъ онъ построенъ. Тѣмъ удобнѣе было держаться древнихъ образцовъ въ пристройкахъ къ капитолію, что основное зданіе—въ строгомъ классическомъ стилѣ.

Мы не кончили еще описанiя капитоліа: намъ остается взглянуть на него съ восточнаго фасада, при выходѣ изъ ротонды въ дверь противоположную той, въ которую вошли изъ Вашингтона съ Pennsylvania Avenue. Но я позволю себѣ прежде оживить вѣсмыслѣнны капитоліа и собрать въ него Конгрессъ, послушать рѣчь президента Соединенныхъ Штатовъ, пренiя членовъ Конгресса и представить вкратцѣ начала, которыми они руководствуются.

«Мы не нуждаемся въ прошедшемъ» (We do not want the past), часто говоритъ вамъ американецъ, и онъ правъ въ томъ отношенiи, что будучи старою новою, Соединенные Штаты могли откинуть много такого, что собственно составляло принадлежность и осталось достоянiемъ метрополи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что главныя, существенныя учрежденiя Америки корнями своими касаются родной почвы—Англіи. Преобладающее населеніе англійскихъ колоній въ Америкѣ всегда было и до сихъ поръ есть англо-саксонское, и такъ какъ меньшинство — голландцы, испанцы, французы и наконецъ въ позднѣйшее время нѣмцы—не обладали отличительнымъ качествомъ англійской расы—не уступая чужому, напротивъ пренебрегая имъ, вводить свое, то учрежденiя Англіи повторились и на новомъ континентѣ. Колонисты, покинувшіе родной край, или въ слѣдствіе религиозныхъ распрей, или для улучшенiя своего благосостоянiя, никакъ не хотѣли имѣть въ новомъ свѣтѣ менѣе правъ, чѣмъ имѣли въ старомъ отечествѣ, и потому они перенесли сюда законодательныя собранiя, самостоятельное управленіе и судъ присяжныхъ. Всякая колонія оставалась при этомъ какъ бы отдѣльнымъ государствомъ, съ зависимостью отъ англійскихъ королей и парламента въ дѣлахъ, касающихся споровъ между колоніями, ихъ границъ и подсудности. Нарушеніе правъ нѣкоторыхъ колоній вызывало перѣдко протесты противъ притязаній королевской власти, но когда въ 1765 г. британскій парламентъ выразилъ свои права на вышательство во внутреннее законодательство и управленіе американскихъ колоній, первый конгрессъ въ 1774 году единогласно сталъ требовать для всѣхъ колоній въ Сѣверной Америкѣ ненарушимости правъ, которыя принадлежатъ каждому англичанину.

Кто знаетъ, если бы британское правительство въ то время, согласно убѣжденіямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ людей, уступило справедливымъ требованіямъ американскихъ переселенцевъ и оставило ненарушимымъ такъ называемый актъ о правахъ колоній 1774 года, можетъ быть теперь вовсе и не было бы самостоятельнаго государства Соединенныхъ Штатовъ. Иначе разсуждало большинство въ парламентѣ: колоніи надобно было приучить къ повиновенію, покорности, и слѣпое упрямство вождей правительства не представляло возможности, что отдѣльныя колоніи возстанутъ, какъ одинъ человекъ, въ защиту своихъ нарушенныхъ правъ и что кровавая война братьевъ запечатлѣтъ надолго ненависть къ притѣснителямъ.

Съ 1774 года континентальный конгрессъ собирался ежегодно въ Филадельфіи, и каждая колонія присылала сюда своихъ представителей. Разрывъ съ Англіею былъ только временный до 1776 года, когда конгрессъ, видя неуступчивость метрополи, рѣшилъ объявить ей открытую войну и начерталъ знаменитый актъ о независимости соединенныхъ—только уже не колоній,—а штатовъ. Война рѣшилась, на чьей сторонѣ было право и съ тѣхъ поръ народное управленіе (national government) и законодательство имѣли постояннымъ своимъ органомъ Конгрессъ. Такимъ образомъ народъ Соединенныхъ Штатовъ получилъ путемъ войны только то, чего не могъ добиться путями мирными: всякая колонія, теперь всякій штатъ имѣетъ свое законодательное собраніе, свое независимое управленіе и судъ присяжныхъ; парламентъ и власть короля замѣнены конгрессомъ и президентомъ; но дѣйствій общей законодательной и исполнительной власти уже не чужды болѣе и народъ. Напротивъ всякій штатъ участвуетъ въ разсужденіяхъ конгресса и въ распоряженіяхъ исполнительной власти, чрезъ посредство своихъ представителей, избранныхъ большинствомъ.

Но миновалась гроза, миновалась опасность, связывавшая до сихъ поръ колоніи, и союзъ ихъ могъ опять рушиться, такъ какъ всякій штатъ, по самому своему мѣстоположенію, по преобладающему населенію и т. п. обстоятельствамъ, могъ имѣть различныя интересы. Надобно было связать всю конфедерацію однообразными основными законами и притомъ такъ, чтобы, не жертвуя своими частными, мѣстными правами, всякій штатъ имѣлъ выгоду подчиняться имъ. Задача была трудная: тринадцать штатовъ подчинить въ общемъ управленію однимъ началомъ, когда англійское владычество и послѣдствія его были еще такъ свѣжи. Очевидно, великое

для надобно было оставить въ рукахъ самого народа. Въ 1786 году конгрессъ рѣшилъ собрать народныхъ представителей для начертанія коренныхъ положеній управленія Соединенныхъ Штатовъ. Всѣ штаты, кромѣ Родъ-Эйленда; прислали уполномоченныхъ въ Филадельфію и, послѣ долгихъ преній и большаго мессагласія въ мнѣніяхъ, 17-го сентября 1787 года была начертана конституція Соединенныхъ Штатовъ, которая въ главныхъ положеніяхъ существуетъ до настоящаго времени. Не вдругъ однако приняли ее всѣ тринадцать, тогда существовавшихъ штатовъ, такъ что только въ 1789 году она усвоена Сѣверною Каролиною, и въ 1790 г. Родъ-Эйлендомъ. Американецъ съ благодарностью долженъ всегда вспоминать про тѣхъ народныхъ представителей, которые умѣли въ начертаніи или конституціи согласить интересы частныхъ штатовъ и всего союза. Но не менѣе трудно было привести ее въ дѣйствіе, и потому заслуги Джорджа Вашингтона, перваго президента Соединенныхъ Штатовъ, цѣнятся такъ высоко. Чѣмъ болѣе учаешь жизнь этого человѣка, тѣмъ болѣе понимаешь, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководился исключительно тѣми правилами, которыя могли имѣть одно послѣдствіе — увеличеніе народнаго благосостоянія и общее спокойствіе страны. Нѣтъ сомнѣнія, что пока государственные люди Соединенныхъ Штатовъ будутъ руководствоваться тѣми же началами, пока во главѣ союзнаго управленія будутъ стоять люди, подобные Вашингтону, то по чистотѣ правилъ и стремленій, нѣтъ сомнѣнія, что Соединенные Штаты будутъ расти и выситъся. Не даромъ явко твердить, что будущее Америки предоставлено Соединеннымъ Штатамъ. Давно ли этотъ младенецъ вышелъ изъ пеленокъ, давно ли Европа была свидѣтельницею его дѣтства, можетъ быть предсказывала ему скорую погибель или наоборотъ счастливый ростъ, а теперь этому юношѣ уже тѣсно между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, между Гудсоновымъ и Мексиканскимъ заливами, и онъ тянется въ центральную Америку и на Антильскіе острова, не забывая въ тоже время внутренняго улучшенія страны, дорогъ, земледѣлія, населенія. Какъ у всякаго молодаго народа, у американцевъ, къ отдѣльности вѣявшихъ, много такого, что не нравится европейцу. Но многое ниено потому и откинуто американцемъ, что показалось ему смѣшнымъ въ европейцѣ и что удержать его значило бы ограничить права личности, чего явко не хочетъ. Впрочемъ, это все истины, которыя ясны сами по себѣ и извѣстны всякому.

Первыя статьи и большая часть конституціи Соединенныхъ Штатовъ посвящены изложенію правъ конгресса, его состава изъ сената,

и палаты представителей, выбора членовъ и ихъ обязанностей. Законодательная власть есть главная принадлежность конгресса и только сенатъ дѣлитъ съ президентомъ Союза исполнительную власть въ отношеніи назначенія посланниковъ Америки къ иностраннымъ дворамъ и утвержденія договоровъ съ другими государствами.

Въ Америкѣ, подобно Англіи, двѣ палаты законодательнаго собранія, но такъ какъ наследственной аристократіи и наследственныхъ титуловъ конституція Америки не допускаетъ, то нѣтъ учрежденія, которое бы соотвѣтствовало по составу своему наследственной палатѣ лордовъ, напротивъ, оба собранія обновляются въ извѣстные сроки. Но отказаться отъ этой двойственности конституція Америки не хотѣла, для того, чтобы не отдать судьбы народа и страны на произволъ простаго большинства голосовъ, такъ какъ оно можетъ образоваться вслѣдствіе не совсѣмъ чистыхъ иногда побужденій и вліяній. Необходимо было повѣрять рѣшенія, принятые представителями народа, опытомъ и благоразуміемъ другаго собранія, сената. Цѣль и стремленіе конституціи Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ случаѣ становятся совершенно ясными изъ слѣдующихъ статей о выборѣ членовъ обѣихъ частей конгресса.

Каждые два года обновляется собраніе народныхъ представителей; въ члены этого собранія поступаютъ, по волѣ народа каждаго штата, его жители. Нѣкоторые закономъ предписанныя ограниченія необходимы для обезпеченія самихъ же избирателей въ томъ, что лица, заступающія ихъ, достаточно благоразумны и знакомы съ потребностями своего штата. Представитель долженъ быть не моложе 25 лѣтъ, не менѣе семи лѣтъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и долженъ жить въ томъ штатѣ, который его избираетъ. Гражданское и матеріальное состояніе члена не разсчитъ не принимается, и существованіе его въ Вашингтонѣ обезпечивается содержаніемъ отъ Союза. Общее правило: никакой членъ конгресса не можетъ быть въ службѣ исполнительной власти. Черезъ два года выборы дѣлаются вновь и такимъ образомъ убѣжденія народа, если не согласны съ видами представителя, могутъ найти себѣ другаго истолкователя и защитника.

Сенатъ также состоитъ изъ членовъ, исходящихъ изъ среды народа, но они избираются не самимъ народомъ, а законодательнымъ собраніемъ каждаго штата и избираются притомъ не на два года, а на шесть лѣтъ. Очевидно, что составители конституціи хотѣли, чтобы сенатъ соединялъ въ себѣ опытность и знаніе дѣла. Поэтому званіе сенатора Соединенныхъ Штатовъ одно изъ самыхъ почет-

ныхъ въ Америкѣ и вслѣдствіе высшимъ государственнымъ должностямъ.

Черезъ каждые два года одна треть сенаторовъ выходитъ изъ конгресса или возвращается въ него по новымъ выборѣ, или замѣняется новыми членами. Такимъ образомъ иреданія высшаго законодательнаго собранія живутъ непрерывно въ памяти его членовъ, и уваженіе народовъ иностранныхъ государствъ къ благоразумію ихъ обезпечено, тѣмъ болѣе, что сенаторъ не можетъ быть моложе тридцати лѣтъ, и кромѣ того онъ долженъ быть по крайней мѣрѣ девять лѣтъ гражданиномъ Америки и жителемъ того штата, которымъ избирается.

У каждаго собранія свой президентъ. Въ сенатѣ онъ удерживаетъ это имя и мѣсто его по правилу принадлежитъ вице-президенту Соединенныхъ Штатовъ; голоса однако онъ не имѣетъ, развѣ если сенаторы раздѣлятся поровну, и его мнѣніе должно образовать большинство. Въ случаѣ отсутствія вице-президента, сенатъ изъ своей среды избираетъ себѣ главу на время, равно какъ и прочихъ должностныхъ лицъ.

Предсѣдатель собранія представителей называется Speaker, какъ въ англійскомъ нижнемъ парламентѣ (House of commons), и избирается самими членами, безъ вліянія исполнительной власти.

Ни въ томъ, ни въ другомъ законодательномъ собраніи не присутствуетъ ни президентъ Соединенныхъ Штатовъ, ни его министры, и это также коренное различіе отъ англійскаго парламента, гдѣ какъ первый министръ, такъ и прочіе члены кабинета должны быть въ засѣданіяхъ верхняго или нижняго парламента, смотря потому, какіе вопросы имѣются въ виду. Основное правило Англіи:—отвѣчаютъ министры, а не король—не примѣнимо къ Соединеннымъ Штатамъ. Здѣсь вса отвѣтственность на президентѣ, а министры—его секретари, какъ они и называются на официальномъ языкѣ (министръ иностранныхъ дѣлъ—Secretary of State, министръ финансовъ—Secretary of Treasury, военный—Secretary of War, морской—Secretary of the Navy и внутреннихъ дѣлъ—Secretary of the Interior). По особенному устройству судебной части, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ министра юстиціи; въ Америкѣ мѣсто его заступаетъ государственный адвокатъ (Attorney general). Почтовое управленіе—въ вѣдѣніи главнаго почтмейстера (Postmaster general). По приглашенію президента, они совѣщаются съ нимъ и представляютъ ему отчеты, на которые согласясь, президентъ предлагаетъ конгрессу такія или другія мѣры; но конечно министрамъ,

дѣйствующимъ по волѣ президента, не-зачѣмъ защищать своихъ распоряженій, и присутствіе ихъ въ сенатѣ или собраніи представителей было бы вовсе излишнимъ. Тѣмъ не менѣе участіе президента въ дѣйствіяхъ конгресса необходимо: не только потому, что ему приходится исполнять то, что постановляетъ конгрессъ, но еще болѣе потому, что безъ его участія конгрессъ могъ бы многого не звать, что требуетъ новаго постановленія, отмены или усовершенствованія прежняго. Конгрессъ есть помощникъ, совѣтникъ президента, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выйдетъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти и станетъ врагомъ отечества, сенатъ становится его судьей.

По конституціи Соединенныхъ Штатовъ, конгрессъ долженъ собираться и собирается въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца каждаго года, и такъ какъ составъ его измѣняется каждые два года, въ палатѣ представителей совершенно, а въ сенатѣ отчасти, то періодъ конгресса годичный, и теперь, напримѣръ, со времени приведенія конституціи въ дѣйствіе, тридцать-пятый конгрессъ. Всякій штатъ непременно имѣетъ въ немъ своихъ представителей, и число ихъ въ сенатѣ постоянно: отъ каждаго штата по два сенатора, а въ палатѣ представителей на каждые 30,000 жителей по одному члену. Территоріи, хотя находящіяся въ предѣлахъ Союза, но не получившія еще конституціи и не образовавшія изъ себя самостоятельнаго штата, присылаютъ по депутату (delegate). Такимъ образомъ, теперь въ сенатѣ шестьдесятъ-два члена, а въ палатѣ представителей двѣсти-тридцать-четыре члена, и кромѣ того, депутаты отъ территорій: Миннесоты, Орегона, Новой Мексики, Вашингтона, Кансаса, Небраски и даже Юты, непокоряющейся исполнительной власти Союза, и признающей надъ собою гражданскую и духовную власть вождя мормоновъ, Бригама Юнга.

Число представителей каждаго штата не одинаково, и выгода большихъ и населенныхъ штатовъ, состоящая въ томъ, что на ихъ сторонѣ можетъ образоваться большинство голосовъ, уравнивается разнѣемъ убѣжденій представителей; избранныхъ въ разныхъ концахъ одного и того же штата. Вліяніе политическихъ партій на рѣшеніе дѣлъ въ конгрессѣ такъ важно, что небольшое въ пользу ихъ отступленіе необходимо.

Производятся ли выборы въ городскія должности, или для отправления какихъ нибудь обязанностей въ штатѣ, или, наконецъ, въ члены конгресса, — все равно: образуются кружки, митинги, каждый изъ нихъ предлагаетъ, хвалитъ своего кандидата, выставляетъ

его достоинства, его прошедшее, надежды на будущее, и какъ въ Англіи перевѣсъ получаютъ или виги, или тори, такъ въ Америкѣ смотрятъ, какихъ членовъ въ конгрессѣ или другія должности выбираютъ болѣе — демократовъ, республиканцевъ или американцевъ. Съ перваго взгляда, повидимому, не можетъ быть существеннаго различія между образомъ воззрѣнія этихъ трехъ партій, но на дѣлѣ выходитъ наоборотъ. Сначала надобно отдѣлить такъ называемую американскую партію (american) отъ демократической и республиканской: тогда какъ первая допускаетъ къ выборамъ и общественнымъ должностямъ только и исключительно американцевъ, то есть, роившихся въ Соединенныхъ Штатахъ (тѣмъ же началами, но еще строже руководствуются такъ называемые Но-нотинги, know-nothings), демократы и республиканцы не исключаютъ никого, кто пробылъ извѣстное число лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ и сталъ гражданиномъ Союза, все равно, къ какому народу онъ ни принадлежитъ по роженію. Далѣе національная демократическая (national democrat) партія имѣетъ въ виду сохраненіе единства штатовъ, какъ въ отдѣльности, такъ и въ цѣломъ союзѣ, хлопочетъ, чтобы одинъ городъ, одинъ штатъ или одинъ разрядъ людей не имѣлъ, по возможности, болѣе политическихъ правъ, чѣмъ другой, чтобы миръ и согласіе преобладали въ цѣлой Union. Партія республиканская (republican) старается о развитіи одного на счетъ другаго, готова жертвовать основнымъ единствомъ союза для преобладанія одного какого нибудь начала, напримѣръ, отиѣны невольничества. Самъ президентъ союза принадлежитъ къ какой нибудь изъ этихъ партій и дѣйствуетъ въ ея духѣ. Такимъ образомъ, въ конгрессѣ всегда есть люди, готовые защищать его начала, распоряженія и предложенія, какъ, наоборотъ, оппозиція вооружается противъ нихъ. Это раздѣленіе членовъ конгресса замѣняетъ отчасти присутствіе официальныхъ защитниковъ президента, и пройдутъ ли, или нѣтъ, его предложенія, зависятъ отъ большинства голосовъ, согласныхъ съ нимъ или принадлежащихъ оппозиціи. И на конгрессѣ, какъ въ парламентѣ, есть свои корифеи, leading men, и ихъ краснорѣчіе, доводы увлекаютъ большее или меньшее число членовъ. Настоящій президентъ Соединенныхъ Штатовъ — демократъ, и какъ во время его выборовъ въ президенты, такъ и въ конгрессѣ оппозиція была сосредоточена въ Сѣверныхъ Штатахъ Новой Англіи, вооружающихся противъ невольничества. Въ сенатѣ, напр., изъ 62 членовъ 25 принадлежатъ оппозиціи и въ числѣ ихъ оба сенатора изъ Нью-Йорка, Мэна, Нью-Хемпшайра, Масачузетса, Коннектикута и Вермонта. Также въ палатѣ предста-

вителей: 128 членовъ демократовъ, 92 оппозиціи и 14 американской партіи, и опять тѣ же штаты прислали или только однихъ оппозиціонныхъ представителей (Массачузетсъ 11, Мэнъ 6, Нью-Хампширъ и Вермонтъ по 3) или большинство ихъ (напр., Нью-Йоркъ имѣетъ право на 33 представителя, изъ нихъ 20 оппозиціонныхъ и 13 демократовъ). Каждая партія имѣетъ свои журналы, свои органы, и измѣнить тѣмъ началамъ, которыхъ держался прежде представитель народа и для олицетворенія которыхъ онъ избранъ, считается нарушеніемъ общественнаго довѣрія и карается членами той же партіи. Согласно своимъ убѣжденіямъ, члены конгресса заимствуютъ мѣста на лѣвой или на правой сторонѣ отъ президента.

Когда члены конгресса избраны народомъ и къ декабрю мѣсяцу съѣдутся въ Вашингтонъ, чтобы занять предоставленныя имъ мѣста, президентъ Соединенныхъ Штатовъ открываетъ конгрессъ посланіемъ, которое нарочно изготовляется имъ на этотъ случай. Открытіе парламента въ Англіи есть эпоха не только какъ событіе государственное, но и какъ любопытное зрѣлище, гдѣ дворъ, высшіе государственные сановники, наконецъ король, королева и ихъ семейство являются во всемъ блескѣ и средневѣковомъ величіи предъ народомъ и его представителями. Къ великолѣпной готической залѣ палаты лордовъ, въ которую на этотъ разъ приглашаются и члены нижняго парламента, какъ нельзя болѣе идутъ длинныя напудренные парики лорда канцлера и спикера нижней палаты, парики адвокатовъ и клерковъ. Тутъ умѣстны токи англійскихъ леди, украшенные развѣвающимися перьями, ихъ шлейфы, весь придворный этикетъ, мундиры, гербы, наконецъ колѣнопреклоненный лордъ канцлеръ, въ богатой одеждѣ, подающій королю или королевѣ у подножія престола рѣчь, обращенную къ лордамъ и джентльменамъ.

Ничего подобнаго въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ: тутъ нѣтъ ни париковъ, ни форменныхъ одеждъ, ни орденовъ. Все и всѣ въ черныхъ сюртукахъ или фракахъ, всякій сидитъ какъ хочетъ, и если бы не жалъ было новой хорошей мебели и новаго ковра въ залѣ представителей, я бы даже и не замѣтилъ невѣжливаго, но за то, можетъ быть удобнаго положенія ногъ какого нибудь сына степей, поднявшаго выше головы сосѣда, и дурной привычки многихъ американцевъ жевать табакъ. Въмѣсто всего величія англійскаго двора и синклита, клеркъ конгресса читаетъ длинное посланіе президента (President's Message), который обращается къ членамъ его, называя ихъ просто согражданами, fellow citizens of the Senate and house of representatives. Ничего лишняго, ничего ослабляющаго, и тотчасъ по прочтеніи посланія, пожалуй, кто нибудь начнетъ опро-

вергать его справедливости, спорить противъ высказанныхъ президентомъ началъ....

Никогда, думаю я, англійскій король не читалъ предъ парламентомъ такой длинной рѣчи, какую пынѣшній годъ пришлось читать клерку предъ конгрессомъ. И это не исключеніе; это не охота теперешняго президента Джемса Буханана. Тоже дѣлали и предшественники его, и, я думаю, дѣлали это потому, что послѣ посланія президента, некому болѣе объяснять конгрессу смыслъ недосказанныхъ и, можетъ быть, излишне краткихъ словъ. Поэтому, съ другой стороны, собраніе посланій президентовъ (*) служить едва ли не лучшимъ источникомъ для внутренней и дипломатической исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ въ посланіи своемъ, послѣ выраженія благодарности къ Провидѣнію за покровительство Союзу, излагаетъ нужды страны, предлагаетъ, на что должно быть обращено особенное вниманіе конгресса, какія мѣры приняты для устраненія какихъ нибудь неудобствъ, безпорядковъ и т. п., и, кромѣ того, вводитъ конгрессъ въ тайны дипломатическихъ сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ другими государствами.

Въ настоящемъ году президентъ мѣтко обозначилъ въ своемъ посланіи тѣ пункты, около которыхъ сосредоточены вниманіе и дѣятельность конгресса; но національному эгоизму (если только такой эгоизмъ возможенъ) простительно прежде всего привести изъ посланія президента выраженія, касающіяся нашего отечества. «Наши сношенія съ Россіею», сказалъ президентъ, «остаются, какъ и всегда были, самыми дружественными. Настоящій императоръ, подобно своимъ предшественникамъ, всегда показывалъ, когда къ тому представлялся случай, доброе расположеніе къ нашей странѣ, и нѣтъ дружбы была всегда высоко цѣнима правительствомъ и народомъ Соединенныхъ Штатовъ.» Слова эти дѣйствительно справедливы, и всякій, кто, подобно намъ, путешествовалъ въ Америкѣ, можетъ засвидѣтельствовать, что имя русскаго вызывало самое радушное пріѣтствіе и самый ласковый пріемъ со стороны американца. То же чувство выражается американскимъ правительствомъ къ цѣлой странѣ. Явленіе это отрадно, и нѣтъ сомнѣнія, что прямымъ сношеніямъ нашимъ съ Соединенными Штатами, не чрезъ посредство Англіи, Франціи или Германскихъ портовъ, послужили

(*) Есть собраніе посланій президентовъ Соединенныхъ Штатовъ съ 1789 по 1851 годъ. (The statesman's manual containing the Presidents messages inaugural, annual and special from 1789 to 1851, by Edwin Williams, 4 vol. in 4° New-York.

бы къ выгодамъ Россіи и ея производителейъ снѣтъ. Мы также, подобно американцамъ, не чужды торговой отваги и предпринимчивости, но не забудемъ, что когда Петръ Великій катался по Переяславскому озеру, англійскіе переселенцы давно переплынали Атлантическій океанъ и занимали невѣдомые края Сѣверной Америки.

Что касается до сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ другими государствами, то президентъ довольно подробно разбираетъ отношенія Союза къ Франціи, Англіи, Испаніи, Персіи, Китаю, Центральной Америкѣ и др. болѣе мелкимъ державамъ. Одно изъ великихъ правилъ Вашингтона было: безъ нужды не подымать ни противъ кого оружія и не вмѣшиваться въ дѣла сосѣда. До сихъ поръ Соединенные Штаты держатся этого мудраго начала, но годось ихъ тѣмъ не менѣе получаетъ вѣсь и въ дѣлахъ Европы. Недавно рѣшенный вопросъ о зундскихъ пошлинахъ служитъ тому доказательствомъ. Впрочемъ, главною дѣятельностью американской дипломатіи остается устройство дѣлъ съ Испанією, обладающею Кубой, и съ Центральною Америкою, или правильнѣе Англією, которая, въ видахъ торговыхъ и для сообщенія съ Тихимъ океаномъ, желала бы удержать здѣсь свое вліяніе. Недавнія дѣйствія генерала Валькера, который съ отрядомъ волонтеровъ-флибустьеровъ, двинулся въ Никарагуа для защиты ея отъ незаконнаго, по его мнѣнію, вмѣшательства Коста-Рики, и для покровительства угнетенному народонаселенію, вызвали неудовольствіе иностранныхъ государствъ—Англіи и Франціи. Южные Штаты Америки, желающіе, во что бы то ни стало, переселить Сѣверные, вліять въ присоединеніи Кубы и пріобрѣтеніи владѣній въ Центральной Америкѣ средство получить новое подкрѣпленіе въ вопросѣ о невольничествѣ, и потому ихъ политика совершенно противоположна убѣжденіямъ сѣверныхъ свободныхъ штатовъ (free states). Президентъ же, съ своей стороны, видитъ въ дѣйствіяхъ Валькера и его сподвижниковъ нарушеніе мира Соединенныхъ Штатовъ и предлагаетъ конгрессу уполномочить его, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, употреблять сухопутныя и морскія силы Союза для покровительства республикамъ Центральной Америки, которыхъ мирное существованіе необходимо для торговли Соединенныхъ Штатовъ.

Что касается до внутренняго состоянія страны, то президентъ обрисовалъ самыми неутѣшительными чертами финансовое ея положеніе въ послѣднюю четверть истекшаго года. Несмотря на богатство произведеній земли, растройство торговыхъ дѣлъ въ городахъ и штатахъ, мануфактурныхъ и торговыхъ, дошло до крайнихъ предѣловъ.

Компаніи и торговые дома, считавшіеся самыми надежными, пали, увлекая за собою сотни другихъ. Значительные центры рабочаго народонаселенія, и въ числѣ ихъ болѣе всего Нью-Йоркъ, представляли грустную картину народныхъ безпокойствъ отъ недостатка работы и хлѣба, и Нью-Йоркъ долженъ былъ давать своимъ бѣднымъ общественную работу. Извѣстно, что этотъ финансовый и торговый кризисъ, начавшійся въ Америкѣ, не остался безъ вліянія и по ту сторону океана, и президентъ счелъ долгомъ остановиться надъ вопросомъ о причинахъ кризиса и придумать мѣры для устраненія такого зла на будущее время. По мнѣнію главы Союза, безпорядокъ въ финансовыхъ дѣлахъ торговыхъ городовъ Америки произвелъ чрезвычайное количество бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ тысячу-четырьмястами безответственныхъ банковыхъ учреждений и разныхъ штатовъ, безъ достаточнаго обезпеченія владѣльцевъ такихъ бумажныхъ денегъ надлежащимъ количествомъ звонкой монеты. Огромныя торггорныя спекуліаціи, постройки желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, требовали огромныхъ капиталовъ, и кредитъ развился до соразмѣрныхъ пропорцій, пока наконецъ стали требовать отъ банковъ уплаты вѣреннхъ имъ суммъ наличными деньгами (specie), и банки оказались несостоятельными. Президентъ говорить, что на семь съ половиною долларовъ, пущенныхъ въ обращеніе, приходится только одинъ долларъ обезпеченія. Внезапно остановились торговыя сдѣлки, банкротство одного непосредственно слѣдовало за несостоятельностью другаго, и рабочій классъ, обезпеченный въ дневномъ пропитаніи, дошелъ до необходимости прибѣгнуть къ общественной благотворительности. Какъ предупредить повтореніе такого несчастія? Всякій хочетъ жить и наслаждаться жизнью, не заботясь о сосѣдѣ; всѣ бросились въ предпріятія, не помышляя о томъ, что денежныя средства, необходимыя для приведенія ихъ въ исполненіе, недостаточны, и кредитъ дошелъ до небывалыхъ итоговъ. Молодая нація, можетъ быть, увлеклась въ порывахъ своихъ далѣе другихъ, но и Западная Европа, болѣе опытная, дѣйствовала по тѣмъ же началамъ и случаи разоренія частныхъ людей не служатъ урокомъ для тѣхъ, кто остался при деньгахъ и можетъ продолжать начатыя спекуліаціи. Правда, нигдѣ нѣтъ столько бумажныхъ денегъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и американцы такъ привыкли къ нимъ, что нельзя однимъ разомъ уничтожить ихъ, да исполнительная власть и не имѣетъ на это права. Поэтому, президентъ предлагаетъ конгрессу подумать о столь важномъ дѣлѣ и ограничить безответственность банковъ.

До завтра. рѣшенъ для спокойствія Союза другой вопросъ. объ

устройствъ Кансаса, области на дальнемъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ такъ давно господствуютъ безпорядки и несогласія, производимыя двумя борющимися партіями: изъ нихъ одна хочетъ, чтобы Кансасъ вошелъ въ составъ Союза, какъ свободный штатъ, другая наоборотъ, какъ невольническій. Вопросъ этотъ, касающійся домашнего, внутреннего учрежденія, важный для одного Кансаса и его жителей, и слѣдовательно подлежащій единственно, исключительно обсужденію мѣстнаго законодательнаго собранія, по несчастію выведенъ изъ обыкновеннаго естественнаго пути. Дѣйствія послѣдняго губернатора въ Кансасѣ увеличили безпорядки, и президентъ, предлагая конгрессу необходимость прескратить ихъ, подробно излагаетъ основанія своей политики въ отношеніи къ Кансасу.

Другая территорія, на которую также обращено вниманіе исполнительной власти, есть Юта (Utah). Она еще далѣе Кансаса, на самомъ отдаленномъ западѣ. Секта мормоновъ, жившая сначала у береговъ верхняго Миссисипи и имѣвшая главную свою квартиру въ мѣстечкѣ Нуону, должна была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выселиться изъ этого края, по неудовольствію съ другими обитателями тѣхъ же мѣстъ; двинулась къ Роки-Моунтенсъ. У такъ называемаго Соленого озера мормоны, величающіе себя сами «святыми послѣднихъ дней» (Latter-Day-Saints), построили себѣ городъ съ великолѣпнымъ храмомъ и, признавая верховную, гражданскую и духовную, надъ собою власть назначеннаго въ Юту въ 1850 году губернаторомъ Бригама Юнга, не хотѣли подчиняться конституціи Союза, и стремятся къ отдѣленію себя отъ Соединенныхъ Штатовъ. Военныя дѣйствія начались еще въ прошломъ году и, для успѣшнаго ихъ продолженія, президентъ предложилъ конгрессу прибавить къ существующимъ войскамъ Соединенныхъ Штатовъ еще четыре полка.

Изложивъ затѣмъ доводы, по которымъ исполнительная власть считаетъ необходимымъ покровительство и вспоможеніе конгресса для постройки желѣзной дороги къ Тихому Океану, президентъ переходитъ къ отчетамъ, представленнымъ ему по разнымъ частямъ управленія. Онъ начинаеть съ отчета министра финансовъ и мы послѣдуемъ за нимъ, чтобы взглянуть на внутреннее состояніе Союзнаго управленія. Отъ 1856 года осталось въ казнѣ союза до 20 мил. долларовъ, по покрытіи всѣхъ издержекъ; до 30 іюня 1857 финансоваго года всѣхъ доходовъ было 68,631,513 дол., съ прибавкою остатка отъ прежняго года образовалась сумма 88,532,839 дол. Всего издержано до того же 30 іюня 1857 года 70,822,725 дол. и такимъ образомъ осталось въ казнѣ 17,710,114 дол. Съ перваго іюля 1857 г. въ первые три мѣсяца поступило доходовъ 20,929,819 дол.

на 30 июня 1854 года, — предполагается, — поступить въ казну Союза 36,750,000 дол., что выѣстъ съ остаткомъ отъ истекшаго года составить 75,380,933 дол., а такъ какъ издержекъ предвидится 74,963,058 дол., то остатокъ будетъ всего 426,875 дол. Долгу Соединенные Штаты имѣли всего 25,165,154 дол., что чрезвычайно мало, если сравнить съ долгомъ Англіи въ 3,979,615,000 или Франціи — 1,665,000,000 долларовъ.

Ссылаясь на отчеты министровъ военнаго и морскаго, президентъ предлагаетъ увеличить армию и разрѣшить постройку десяти небольшихъ пароходовъ. Для покрытія всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ издержекъ и для того, чтобы быть въ состояніи уплатить предполагаемыя издержки даже и тогда, когда бы нѣкоторая часть доходовъ осталась въ недопмѣ, исполнительная власть предлагаетъ выпустить ограниченное число (до 20 мил. дол.) билетовъ государственнаго займа, такъ называемаго treasury notes, что уже и разрѣшено конгрессомъ.

Изъ отчета государственнаго почтмейстера (Postmaster general) мы извлекаемъ только цифру о протяженіи почтовыхъ дорогъ: въ 1827 году оно было не болѣе 105,336 миль; въ 1857 оно достигло 242,601 мили, изъ нихъ 22,530 миль желѣзныхъ дорогъ, по которымъ перевозится почта.

Последнія финансовыя обстоятельства не остались, конечно, безъ вліянія на состояніе государственнаго казначейства, и потому президентъ рекомендуетъ конгрессу бережливость въ издержкахъ на общественныя надобности, хотя въ то же время справедливо замѣчаетъ, что экономія эта не должна состоять въ несовершеніи того, что, требуя денегъ, необходимо для удержанія въ силѣ конституціи или для защиты страны.

Высказанныя президентомъ въ посланіи къ конгрессу предложенія обсуждаются въ обоихъ законодательныхъ собраніяхъ, и разными членами, смотря по образу ихъ воззрѣнія на предметъ, по различію партій, къ которымъ принадлежатъ, или одобряются или порицаются. Рѣчи произносятся совершенно свободно, то есть, не стѣсняясь ни въ словахъ, ни въ выраженіяхъ, иногда не совсѣмъ пріятныхъ сосѣду или даже самому президенту. Впрочемъ, что до этого, лишь бы достигалось общее благо. Но есть ли въ конгрессѣ великіе ораторы? Какой отличительный характеръ ихъ рѣчей? Вопросы естественные, когда знаемъ, что почти въ каждой странѣ, гдѣ введено публичное проповѣдничество дѣлать, можно подыскать какойнибудь отглагольный рѣчи, вытекающей изъ основнаго характера народа и оратора,

его представляющего. Южные народы отличаются живостью, картинностью выражений, способностью говорить руками и глазами как договаривать этими орудіями то, чего нельзя или не хочется сказать словами. Поэтому декламация, скажу болѣе — драматическія поэмы и въ то же время цвѣтистость слога отличаютъ ораторовъ Франціи, Испаніи и Италіи, и притомъ все равно, для кого и для чего произносится рѣчь, для какого мѣста и для какой цѣли она назначена, для суда ли, церкви, или парламента. Сѣверные народы положительнѣе холоднаѣе, если ораторы ихъ позволяютъ себѣ нѣкоторыя движенія, они однообразны, размѣрены, цвѣты слова какъ бы блекнутъ отъ холоднаго вліянія атмосферы, и если рѣчи великихъ ораторовъ, напримѣръ Англіи, не увлечаютъ массы, за то многія изъ нихъ, во крайней мѣрѣ, остаются образцовыми по глубинѣ мысли. Это не значитъ, чтобы рѣчи французскихъ ораторовъ вовсе не обладали этимъ достоинствомъ: я хотѣлъ только сказать, что ихъ лучше, почитательнѣе и даже пріятнѣе слушать, чѣмъ читать.

Американскіе ораторы всего ближе должны бы подходить къ англійскимъ. Разумѣется, дѣло идетъ о большинствѣ, потому что степени просвѣщенія, уже не говоря о личностяхъ въ разныхъ штатахъ Союза, такъ различны, что нельзя и не должно проводить параллели между восточными, напримѣръ, и западными штатами. Представитель Нью-Йорка, болѣе образованный человекъ, болѣе торговый и видѣвшій свѣтъ, съ какою-то ироніею отзывается, говоря о фермерахъ западнаго штата, *Western men*. О послѣднихъ, правда, почти всегда можно сказать, что они сами себя образовали, сами проложили себѣ дорогу сперва въ законодательное собраніе или сенатъ своего штата, а потомъ въ члены конгресса. Въ залѣ сената мнѣ указывали на нѣкоторыхъ *self-made-men*, и если бы необходимы были доказательства, я упомянулъ бы о Дугласѣ, сенаторѣ изъ Иллиноиса. Сынъ бѣднаго и простаго работника, онъ собственнымъ трудомъ поднялся до того, что почувствовалъ необходимость образовывать себя, былъ за границею, былъ даже въ Россіи, теперь богатъ, одинъ изъ корифеевъ въ сенатѣ и, говорятъ, мѣтитъ въ президенты. Въ Соединенныхъ Штатахъ дорога открыта всякому, кого выберетъ народъ. Это есть основное начало самоуправленія (*selfgovernment*). Но съ другой стороны, чтобы быть выбраннымъ, надобно быть извѣстнымъ народу, иногда льстить ему, стараться добиться популярности, являться на митинги, и т. п. Не великій, особенно образованный человекъ, способенъ на это. Вотъ почему многіе американцы, особенно молодое ихъ поколѣніе, общественнымъ дѣламъ предпочитаютъ или адвокатуру, или саундбузъ

правительственныхъ учрежденійхъ Союзъ, или, всего чаще, отдають себя торговлѣ, какому анбуль производителену, но частному заштѣ, зажимають деньги и далеки отъ военныхъ политическихъ партій, какъ бы мало заботясь о судьбѣ Америки. Это явленіе грустное, особенно если сравнить съ настоящимъ то, что было, напримѣръ, во время войны за независимость англійскихъ колоній, или сравнить теперешнее положеніе дѣлъ въ Англіи, гдѣ нѣтъ почести, болѣе воинаграждающей труда проавѣщеннаго человѣка, какъ почестъ быть выбравшимъ въ представители своего графства или города. Поэтому, переходя къ ораторамъ на американскомъ конгрессѣ, я долженъ откровенно сказать, что рѣчи ихъ не отличаются ни глубиною мысли, ни изысканствомъ отдѣлки, по большей части многословны и, кажется, болѣе имѣють въ виду удовлетворить ожиданія избирателей (constituents) и той партіи, къ которой избранный принадлежитъ. Что касается до декламаций, то она по большей части непязища; если рукѣ дается слишкомъ много воли, то она или бьетъ объ столѣ, или складывается въ кулакъ и грозно разсѣкаетъ воздухъ, или наконецъ ладонь сталкивается съ другою ладонью. Американецъ говорить очень легко, не щетъ словъ для того, чтобы отбиться отъ противника, и это много, но не все для оратора. Говорять, прежде было болѣе знаменитыхъ ораторовъ въ сенатѣ; изъ теперешнихъ я слышалъ, по крайней мѣрѣ, лучшихъ, и, признаюсь, пожалѣлъ, что патріотическія чувства, которыми проникнуть всякій американецъ, находятъ себѣ не всегда достойныхъ истолкователей. Каждая обезпечить себя и потомство, нажить себѣ скорѣе денегъ; money making, увлекаетъ многихъ. Миръ, которымъ около пятидесяти лѣтъ наслаждается Союзъ, возможность, представившаяся вслѣдствіе того американцу провести сотни, тысячи миль желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, настроить несмѣтное число пароходовъ, распространить свою торговлю по всему міру, отвлекли вниманіе американца отъ общественныхъ дѣлъ. Его девизъ: Go ahead! онъ это знаетъ и дѣйствуетъ сообразно этому началу. Справедливо судятъ американцы, которые, для возбужденія опять чувства національной гордости въ частныхъ людяхъ, видятъ необходимость въ войнѣ, въ родѣ той, какая возбудила въ концѣ прошлаго столѣтія, всѣ живущія силы Америки.

Съ величайшимъ вниманіемъ и хладнокровіемъ членъ конгресса выслушиваетъ своего противника, почти никогда не перебивая его, удерживаясь даже отъ всякихъ одобрительныхъ восклицаній; и только тогда, когда одинъ окончитъ снѣчь, другой встаетъ и словомъ: President! въ сенатѣ, или Speaker! въ палатѣ представителей, — даетъ

знать о своемъ намѣреніи говорить, и начинать рѣчь послѣ отбыта: Senator или Gentleman! причемъ председатель прибавляетъ названіе того штата, къ которому ораторъ принадлежитъ. Если въ одно время встанетъ съ своимъ мѣстомъ нѣсколько членовъ, президентъ даетъ преимущество тому, кто всталъ раньше, или по своему усмотрѣнію. Его голосу въ этомъ случаѣ другіе подчиняются, хотя искусный или, можетъ быть, недобросовѣстный председатель сената, равно какъ спикеръ въ домѣ представителей, можетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, чтобы въ рѣшительную минуту, тогда именно, когда ожидаютъ послѣдняго слова, выбрать оратора одной съ председателемъ партіи.

Всякій членъ законодательнаго собранія имѣетъ право предлагать на обсужденіе своихъ членовъ биллы (bills), и если они требуютъ предварительнаго разсмотрѣнія, то ихъ вносятъ въ комитеты, состоящіе изъ членовъ конгресса при сенатѣ или палатѣ представителей, и затѣмъ, съ заключеніемъ комитета, вносятся въ собраніе конгресса, который или принимаетъ образовавшееся въ комитетѣ мнѣніе или по предложенію (motion) какого нибудь члена, принятому большинствомъ голосовъ, измѣняетъ его.

Дѣйствія конгресса касаются исключительно дѣлъ, относящихся до защиты, благосостоянія и финансовъ цѣлаго Союза, но никакъ не должны входить въ область частныхъ штатовъ, въ какія бы то ни было мѣстныя распоряженія: для устройства ихъ у каждаго изъ 31 теперь существующаго штата, есть свой конгрессъ, свой сенатъ и свое собраніе представителей, и губернаторъ каждаго штата имѣетъ на постановленія мѣстнаго законодательнаго собранія такое же вліяніе, какое президентъ Соединенныхъ Штатовъ на дѣйствія конгресса всего Союза.

Всякое постановленіе, когда оно пройдетъ чрезъ палату представителей и чрезъ сенатъ, прежде, чѣмъ обратится въ законъ, должно быть представлено президенту Соединенныхъ Штатовъ. Если онъ одобритъ такой билль, онъ подписываетъ его; въ противномъ случаѣ возвращаетъ его безъ своей подписи, но съ возраженіями, въ ту часть конгресса, въ которой билль получилъ свое начало. Здѣсь онъ подвергается новому обсужденію, и если двѣ трети голосовъ будутъ въ пользу измѣненія первоначальнаго билля, то онъ выѣдетъ съ замѣчаніями президента отсылается въ другую часть конгресса, гдѣ также требуется двухъ третей голосовъ, для того, чтобы измѣненный билль обратился въ законъ. Въ противномъ случаѣ, первоначальное постановленіе конгресса остается безъ измѣненія и нѣтъ

отъ обязательную силу; но законъ требуетъ, чтобы голоса отбра-
ны были отъ каждаго члена конгресса и въ журналѣ записывались
не единично съ означеніемъ именъ, кто далъ отрицательный и кто
положительный отвѣтъ на предложеніе президента (Yes and noys).
Съ своей стороны президентъ не можетъ болѣе десяти дней (исклю-
чая воскресенья) оставлять конгрессъ безъ отвѣта на счетъ согла-
сія или несогласія съ представленными ему биллями. Иначе они и
безъ подписи президента Союза обращаются въ законъ, развѣ толь-
ко конгрессъ не собирался нѣсколько дней и невозвращеніе ему
была было не отъ вины президента.

Постановленія конгресса печатаются ежедневно въ оффиціальной
газетѣ, издающейся въ Вашингтонѣ, The Washington Union; но кро-
мѣ того, всѣ значительныя газеты Соединенныхъ Штатовъ (число
газетъ въ Америкѣ достигаетъ огромной цифры 3,754; изъ нихъ въ
одномъ Нью-Йоркѣ 613) имѣютъ своихъ корреспондентовъ, и каж-
дая передаетъ читателямъ своимъ происходящее на конгрессѣ бы-
стро и съ оцѣнкою. Телеграфъ также не остается безъ дѣйствія, и
нѣсколько мѣсяцевъ Союзъ Соединенныхъ Штатовъ живетъ въ Ва-
шингтонѣ и питается новостями изъ округа Колумбін. Невольно
и мы остались въ залахъ собранія конгресса долѣе, чѣмъ предпола-
гали; но позвольте выдти вмѣстѣ съ вами, мой отдаленный чита-
тель, изъ ротонды Капитолія въ восточныя ея двери, и если вы по-
падете въ Вашингтонъ въ свѣтлый, теплый, солнечный день, вы
скоро забудете и залы конгресса, и рѣчи сенаторовъ, и народныхъ
представителей, при видѣ широкой и роскошной картины, которая
разстилается вдали; и опять блеснуть Потомакъ, извиваясь по по-
лосѣ Виргиніи и Мериленда, и опять предъ вами садикъ, разведен-
ный подлѣ памятника Вашингтону. Но сойдемте съ лѣстницы, что-
бы полюбоваться восточнымъ фасадомъ Капитолія. Хоть онъ также
установленъ колоннами, но здѣсь они у мѣста и поддерживаютъ пре-
красный фронтонъ, на которомъ такъ хорошо представлено будущее
Соединенныхъ Штатовъ. Колоссальный геній Америки держитъ
правою рукою щитъ, упирающийся нижнимъ концомъ на алтарь, съ
надписью на дубовомъ щитѣ «4 іюля 1766 г.»; на щитѣ изображены
въ лучахъ «U. S. A.», то есть, United States (of) America». Геній
обратилъ взоры на стоящую подлѣ него слава фигуру «Надежду»,
которая указываетъ на третью фигуру, стоящую вправо отъ генія
Америки «Справедливость», давая тѣмъ знать, что вѣрность, вена-
рушность конституціи (которую держитъ послѣдняя фигура) и
исполненіе законовъ есть ручательство за будущее Соединенныхъ
Штатовъ. Эмблема ихъ—орелъ, у ногъ средней фигуры, смѣло смо-

травить нагемія Америки, гдѣ бы съизвонилось по полѣго волеѣ куда онъ велитъ. Группа эта работы Персио. Тому же художнику принадлежитъ мраморная группа — южаріе Америки, стоящая на лѣстницѣ, ведущей съ восточнаго фасада въ садъ: Колумба, въ полномъ вооруженіи, съ поднятымъ шпорѣмъ габусомъ, и редеетъ съ нимъ испугавшаяся или лучше изумленная нагая индіанка, смотрящая на Колумба. Эта группа не производитъ желаннаго эффекта: Колумбъ слишкомъ колоссаленъ, грозенъ, и боишься за бѣдную женщину, стоящую прямо подъ его рукою, чтобы шаръ какъ нибудь не выкатился изъ руки Колумба и не прервалъ изумленія дикой. Та же идея, то есть — превосходство просвѣщенія надъ нецивилизацией, вышла себѣ еще иное изображеніе на другой сторонѣ лѣстницы. Предметъ богатый, и артистъ, осуществившій эту идею, Гриню (Greenough), представилъ цѣлую семейную группу: нагой дикій занесъ молотъ надъ головою беззащитной женщины, няньчащей ребенка и, повидимому, только что прибывшей въ Новый Свѣтъ; но мужъ ея, отецъ дитяти, удержалъ дикаго отъ злаго дѣла и, ухвативъ его за руки, накидываетъ на него одежду. Собака, которая, можетъ быть, защищала бѣдную женщину, отвернувшись отъ дикаго, чтобы спрятать отъ него ребенка, прекрасно дополняетъ картину семейства переселенца. Какъ идея, такъ и исполненіе хороши. Статуи мира и войны, стоящія также при входѣ въ ротонду, — послѣднія украшенія съ этой стороны Капитолія.

Въ рѣдкомъ штатѣ законодательное собраніе не имѣетъ своего памятника Вашингтону. Лучшимъ по сходству считается памятникъ въ Ричмондскомъ сенатѣ въ Виргиніи, работы французскаго мастера Кудона. Но тутъ Вашингтонъ — человекъ; Гринюу, рѣзцу котораго принадлежитъ огромный памятникъ предъ Капитоліемъ въ Вашингтонѣ, изобразилъ американскаго героя-законодателя полубогомъ, въ родѣ древнихъ статуй Юпитера или нѣкоторыхъ императоровъ Рима. Вашингтонъ, въ огромномъ мраморномъ иреслѣ, съ накинутаю на голое плечо товою, держитъ въ лѣвой рукѣ мечъ, а правую указываетъ на небо. На гранитномъ пьедесталѣ прекрасная надпись: *First in the hearts of his countrymen, First in war, First in peace* (первый въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ, первый на войнѣ, первый въ мирѣ). Съ четвертой стороны самъ артистъ увѣковѣчилъ себя, соединивъ свое имя съ именемъ великаго человека: «*Simulacrum istud ad magnum libertatis exemplum, nec sine ipsa duraturum. Horatius Grenouch faciebat.*»

Какъ національная гордость британца не можетъ удовлетвориться памятниками Веллингтону, разсыпанными въ разныхъ концахъ

Соединеннаго Королевства, и еще въ недавнее время парламентъ рѣшилъ поставить ему новый памятникъ; такъ и Америка строитъ на берегахъ Потомака, въ полумиліи, можетъ быть, отъ сѣихъ описаннаго, національный памятникъ отцу отечества на добровольныя приношенія отъ своихъ и чужихъ. Если бы можно было, вѣтъ сомнѣнія, что Соединенные Штаты воздвигли бы Вашингтону памятникъ такой вышины, чтобы онъ видѣнъ былъ изъ всѣхъ концовъ міра, но такъ какъ сдѣлать этого невозможно, то наобихъ было удовольствоваться вышиною въ 600 футовъ; изъ колоннады въ 100 ф. вышиною и 250 ф. въ окружности подымается Обелискъ въ 70 ф. объема внизу и въ 500 ф. вышины. Обелискъ отчасти построенъ; надъ отдѣлкою остальнаго работаютъ; подлѣ памятника сложены приношенія отъ разныхъ штатовъ, отдѣльныхъ обществъ, школъ, компаній и т. п. Это каменные доски разныхъ формъ, величинъ, цвѣтовъ, съ надписью, отъ кого присланы. Каждый приноситель старался по своему выразить свое уваженіе къ Вашингтону. Доски эти расположатся между колоннами внизу памятника, и внутри ротонды будетъ цѣлый музей подвижниковъ героя. Вообще, когда памятникъ этотъ будетъ оконченъ, онъ превзойдетъ всѣ, доселѣ существовавшіе, если не по красотѣ (объ этомъ теперь судить нельзя), то по величинѣ, и, говоря о чудесахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, будутъ упоминать, ряломъ съ Ниагарскимъ водопадомъ и неизгнрными Маммертовыми пещерами въ Кентукки, о національномъ памятникѣ Вашингтону.

Впрочемъ, и теперь Америка обладаетъ памятникомъ Вашингтону, если не самымъ большимъ въ мірѣ (я не считаю это войсе необходимою), но крайней мѣрѣ однимъ изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ. Мысль его принадлежитъ недавно умершему американскому артисту Крауфурту, и я видѣлъ его въ Мюнхенѣ уже отлитымъ. Вашингтонъ на конѣ, и вокругъ пьедестала оставлены мѣста для главныхъ его подвижниковъ: Генри, Джеферсона, Гамильтона и др. Мѣсто его назначенія Ричмондъ въ Виргиніи. Недавно привезенъ этотъ памятникъ въ Соединенные Штаты; для него готовъ уже противъ Ричмондскаго Капитолія пьедесталъ, и когда вся эта группа будетъ на мѣстѣ, главный городъ Виргиніи будетъ обладать двумя пока лучшими памятниками въ честь своего великаго сына. Но талантъ Крауфурта не останется чуждъ и Капитолію въ Вашингтонѣ: послѣдніе годы его жизни были посвящены статуѣ Америки, заказанной Соединенными Штатами для новаго купола, и когда онъ будетъ готовъ, путешественникъ получитъ возможность любоваться этою громадною статуею, гдѣ смѣлость контура и изящество от-

дыки въ частностяхъ смотрятъ съ красотою статуи, какъ произведенія великаго артиста. Теперешнему архитектору пристроекъ къ Капитолію предоставлена честь наблюдать за отличіемъ статуи Крауфорта.

Но не перейдете отъ памятниковъ прошедшаго въ жилища настоящаго президента. Хотя большая часть казенныхъ, или вѣрнѣе общественныхъ зданій Вашингтонъ-Сити—бѣлаго цвѣта, титулъ *бѣлаго дома* (White House) остается исключительно за домомъ, обитасмымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Большая и самая шегольская въ Вашингтонѣ улица—Pennsylvania avenue, ведетъ изъ Капитолія къ дому президента, и такъ какъ каждому, читавшему путешествія по Америкѣ или слышавшему рассказы о ней, извѣстно названіе—бѣлый домъ, то понятно желаніе послѣ толерійскаго или букингамскаго дворца взглянуть и на то, какъ и гдѣ живетъ президентъ Американскихъ Штатовъ. Идучи отъ Капитолія встрѣчаешь огромное мраморное зданіе, все въ колоннахъ и думаешь, что вотъ часть покрайней мѣрѣ дворца президента, одно крыло, еще недостроенное, и заворачиваешь за уголъ, чтобы взглянуть на фасадъ, но его не находишь. Вы справляетесь; указываемое вами зданіе—министерство финансовъ и казначейства (Treasury), а домъ президента дальше; онъ едва виденъ изъ за деревьевъ, двухъ-этажный, дѣйствительно бѣлый домъ, достаточный для частнаго семейства и совсѣмъ несоотвѣтствующій ожиданіямъ европейца. Гдѣ же, спрашиваете вы, стража? Когда пускаютъ осмотрѣть домъ? Гдѣ берутъ билетъ для этого? Въ какомъ платьѣ надобно быть? вопросы, какъ извѣстно, необходимы въ Европѣ. Въ Вашингтонѣ вамъ просто отвѣчаютъ walk in!—войдите! Вы хотите видѣть президента говорить съ нимъ: если онъ дома, незанятъ, вы будете приняты безъ всякихъ особенныхъ формальностей, безъ особеннаго этикета. Нѣтъ ни швейцаровъ, ни блестящихъ ливрей, и вообще если бы по ошибкѣ зайти въ Бѣлый домъ, не зная, кто живетъ въ немъ, трудно было бы не подумать, что это домъ частнаго человека средняго состоянія. Богатый и знатный Европы не повѣритъ, пожалуй, сейчасъ сказанному; но оно справедливо и, конечно, испытано всѣми, кто былъ въ гостяхъ у президента. Въ обыкновенное время нечего смотрѣть въ Бѣломъ домѣ: нѣтъ ни замѣчательныхъ картинъ, ни статуй, и если вы пришли сюда въ простой день, вамъ указываютъ на портретъ Вашингтона, на мраморные бюсты Христофора Колумба, Ламартина, на обои въ пріемныхъ комнатахъ, на зеркала въ большой залѣ и на люстры, ничѣмъ незамѣчательныя. Согласитесь, не того вы ожидали отъ жилища президента и, пожалуй,

вы покинете его разочарованные, прибавивъ, что всѣ рассказы о Вашингтонѣ—американскій *холмбоксъ*, т. е. пустяки; но не судите скоро о томъ, что такъ несогласно съ нашими понятіями, съ нашимъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ и постарайтесь придти въ тотъ же бѣлый домъ въ новый годъ, когда весь Вашингтонъ и все, что есть въ немъ въ этотъ день, начиная отъ малаго ребенка до старика, отъ сенатора до простаго фермера, отъ богатаго банкира до послѣдняго работника, имѣетъ право войти въ Бѣлый домъ, топтать его мягкіе ковры, послушать музыку въ передней, пока проходятъ первые ряды и затѣмъ, добравшись до пріемной, пожать руку президента и пожелать ему счастья. Одинаковый привѣтъ и *шекс-хендъ* готовы для всякаго; нѣтъ лицемерія ни на одежду, ни на состояніе американца.... Отдѣляются только дипломатическій корпусъ, члены кабинета, высшій судъ, армія и флотъ. Блестящіе мундиры дипломатовъ и военныхъ еще виднѣе среди черной массы движущихся тысячъ, изъ которыхъ каждый счелъ долгомъ пожать руку старика-президента. Я никогда не видалъ, какъ представляется вновь избранный президентъ народу, я не былъ при такъ называемой инаугураціи; но мнѣ рассказывали, что когда весь народъ стоитъ въ шляпахъ, президентъ ѣдетъ съ непокрытою головою, въ знакъ того, что онъ обязуется служить народу. Я припомнилъ этотъ обрядъ, смотря въ новый годъ на бѣлые волосы Буханана и на его старческое лицо. Съ сознаніемъ общаго равенства и своего права американецъ идетъ смѣло къ президенту, и удивляешься, какъ тысячи народа, сошедшагося отовсюду и не видящаго ни полиціи, ни войска, спокойно ждутъ очереди, защищая кромѣ того дѣтей и женщинъ отъ того, чтобы кто нибудь не нарушилъ ихъ права на первенство. Картину дополняли индѣйцы, т. е. дикіе Сѣверной Америки, прибывшіе сюда за нѣсколько дней до новаго года для того, чтобы упросить своего дѣдушку (такъ они величаютъ президента Соединенныхъ Штатовъ) не обижать ихъ и выплатить имъ деньги за земли, которыя они уступили правительству. Извѣстно, что политика преемниковъ Вашингтона съ дикими, которые прежде населяли всю Сѣверную Америку и которыхъ бѣлое населеніе постоянно оттѣсняло и до сихъ поръ оттѣсняетъ къ сѣвернымъ оконечностямъ, состояла въ томъ, чтобы приучить ихъ къ осѣдлости и мирнымъ занятіямъ, и первое для того средство было: ограничить ихъ извѣстнымъ количествомъ земель, чтобы сдѣлать на практикѣ понятною идею о правѣ поземельной собственности. Остальныя затѣмъ земли переходили за условленное вознагражденіе къ Штатамъ; но такъ какъ часть платы, почти всегда половинна, отдается товаромъ, одеждою, оружіемъ, разными туалет-

ными бездѣлками, иногда земледѣльческими орудіями, и, какъ видно изъ жалобъ дикихъ, не безъ злоупотребленій со стороны просвѣтителей, то дикіе, вступающіе въ договоръ съ Американскими Штатами, присылаютъ нерѣдко депутатовъ для изложенія своихъ нуждъ предъ президентомъ. На этотъ разъ въ Вашингтонъ прибыли уполномоченные отъ народовъ: Павне, Понка и Поттаватоме. (*) Отъ души желаю, чтобы бѣдный этотъ народъ, истоптавшій, какъ выразился одинъ изъ вождей, мокасины (мягкіе индѣйскіе башмаки) подурной дорогѣ, былъ удовлетворенъ въ своихъ ожиданіяхъ и просьбахъ; потому что, право, больно слушать, когда индѣецъ начинаетъ разсказывать, что бѣлому-де хорошо, потому что великій духъ (great spirit) ему покровительствуетъ, а что онъ, дикій, и бѣденъ и несчастливъ, по неблаговоленію къ нему великаго духа, да и бѣлый кромѣ того обижаетъ. Что же страннаго, что дикіе, вѣсто того, чтобы просвѣщаться отъ соприкосновенія съ бѣлыми, вымираютъ? Тамъ, гдѣ теперь большіе города Америки, центры торговыхъ, хлѣбобродныхъ и мануфактурныхъ штатовъ, тамъ когда то охотились и кочевали дикіе. Теперь надобно ѣхать въ степи Миннесоты, въ Айову, Кансасъ, Орегонъ, въ лѣса Канады, чтобы встрѣтить дикихъ, еще любящихъ охоту и рыбную ловлю. Но дѣло не въ томъ: я хотѣлъ сказать только, что появленіе дикихъ въ ихъ народныхъ костюмахъ, въ разноцвѣтныхъ, красныхъ и синихъ суконныхъ одѣялахъ на голыхъ плечахъ, въ пестрыхъ макасилахъ на ногахъ и поверхъ нихъ одѣяніе въ родѣ штиблетъ до половинны туловища, цѣлые хвосты птицъ на головѣ, пестрыя повязки для удержанія въ возможномъ порядкѣ длинныхъ развѣвающихся волосъ, наконецъ множество бусъ, погремушекъ, ожерелій, серегъ разнаго рода и объема, и сверхъ всего расписанныя лица—веселили народъ. Къ чести американца, надобно сказать, что онъ вовсе не обращаетъ вниманія на одежду, если она не одежда дикаго; но и налѣ послѣднемъ онъ не позволяетъ себѣ смѣяться, хотя очевидно интересуется ею.

Индѣйцы также пожали руку президента, совершенно на однихъ правахъ съ бѣлыми его согражданами и, подобно другимъ, могли осмотрѣть послѣ того бѣлый домъ. Мнѣ кажется, что, кромѣ президента и его особеннаго положенія въ отношеніи къ народу, тутъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Подобно жилищамъ нашихъ богатыхъ номѣщиковъ въ деревняхъ, домъ президента въ саду: одна сторона его обращена къ Потомаку, а другая къ Пенсильвеніа-Авеню, и предъ послѣднею статуя Джеферсона: онъ держитъ еще въ рукѣ перо, которымъ только что начертилъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ и

(*) Изъ территоріи Небраски, отъ Платъ-Ривера.

лица его еще не покинула дума, — какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ актъ, что скажутъ о новомъ государствѣ, и каково будущее его. Безспорно, статуя Джеферсона одна изъ лучшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣсто для нея выбрано очень удачно. Черезъ дорогу отъ бѣлаго дома, въ т. п. Лафайетъ-Скверѣ, — конная статуя генерала Андрея Джексона, героя Америки, статуя замѣчательная по умѣнию, съ какимъ артистъ Кларкъ-Мильсъ нашелъ точку опоры для тяжести лошади и всадника, и поставилъ ее на заднія ноги, ничѣмъ инымъ не прикрѣпивъ къ пьедесталу. Генералъ, на красивомъ конѣ, какъ бы привѣтствуетъ войско и для того приподнялъ шляпу съ головы. Вокругъ сквера и въ ближайшихъ его окрестностяхъ сосредоточены дома лучшаго общества Вашингтона, а Лафайетъ-Скверъ съ его памятникомъ служить мѣстомъ, куда собираются играть дѣти.

Таже простота и таже доступность, какая господствуетъ въ домѣ президента, замѣтна и въ жилищахъ его министровъ. Я говорю о нихъ только какъ о государственныхъ людяхъ, не касаясь ихъ частнаго и общественаго быта, въ который европейскіе представители, дипломаты, знатные путешественники умѣли перенести европейскій этикетъ, визиты, карточки и т. п. Всему свое мѣсто! Безъ преувеличенія скажу, къ военному министру можно войти въ кабинетъ, не встрѣтивъ челоуѣка для доклада. Остражѣннѣе и помину нѣтъ. Не знаю, долго ли продержится эта простота: въ настоящее время она существуетъ потому, что всякій американецъ самъ занятъ, цѣлый день имѣетъ свое дѣло и безъ надобности не беспокоить, а если онъ съ дѣломъ, то отказать нельзя.

Съ расточительностью, на которую, впрочемъ, никакой американецъ никогда не жалуется, если имѣется въ виду общественное дѣло, построены и строятся зданія для министерствъ. Всѣ они почти одного вида и скопированы съ лучшихъ образцовъ древности. При сосредоточеніи управленія каждаго штата въ его законодательномъ собраніи и въ исполнительной власти, очевидно, министрамъ въ Соединенныхъ Штатахъ меньше дѣла, чѣмъ въ другихъ государствахъ, гдѣ нити отъ каждаго министерства проведены въ самые отдаленные предѣлы и вездѣ есть подчиненные исполнители главнаго начальника. Если бы не официальные источники, на которыхъ я основываюсь, можно бы не повѣрить, что министерство иностранныхъ дѣлъ (State department) состоитъ изъ семнадцати только лицъ, именно: самъ министръ, его товарищъ, директоръ канцеляріи (chief clerk), 12 секретарей, одинъ переводчикъ и одинъ библіотекарь. Далѣе министерство внутреннихъ дѣлъ состоитъ изъ самого министра (Secretary of the department of the Interior), одного

директора канцеляріи и двѣнадцати клерковъ. Также несложны министерства военное и морское, по той простой причинѣ, что сухопутныя и даже морскія силы Соединенныхъ Штатовъ незначительны, особенно въ сравненіи съ пространствомъ земли и водъ, въ которыхъ они разсѣяны и которыхъ защита имъ вѣрена. Сложнѣе почтовое управленіе, потому что его вѣдѣнію вѣрены почты всего Союза и наблюденіе за почтовыми чиновниками во всѣхъ штатахъ и городахъ. У главнаго начальника почты (Postmaster general), три товарища, assistants the postmaster general; у каждаго свой особый департаментъ съ извѣстнымъ числомъ клерковъ: у перваго ихъ 19, у втораго 26, у третьяго 21, и кромѣ того у главнаго клерка (chief-clerk) которому вѣрены судебная и наблюдательная часть (inspection office), 17 клерковъ. Но самымъ большимъ, и по составу, и соотвѣтственно, по зданію, которое до сихъ поръ строится, остается министерство финансовъ. Хотя каждый штатъ избираетъ своихъ казначеевъ, и вообще финансы отдѣльныхъ Штатовъ не касаются федеральнаго управленія, тѣмъ не менѣе въ каждомъ приморскомъ и пограничномъ городѣ есть чиновникъ министерства финансовъ, потому что торговля и мореплаваніе находятся въ наблюденіи и заведываніи его, и кромѣ того одинъ изъ главныхъ государственныхъ доходовъ состоитъ изъ пошлинъ, собираемыхъ съ привоза и отвоза товаровъ. Если къ этимъ доводамъ прибавить отчетность и сношенія съ другими вѣдомствами, становится понятною неизбежная сложность этого министерства даже и въ Америкѣ.

Въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ состоитъ между прочимъ разсмотрѣніе новыхъ изобрѣтеній, выдача на нихъ привилегій, патентовъ, кромѣ того собраніе статистическихъ свѣдѣній о земледѣліи, приведеніе въ извѣстность растений, почвъ, ихъ воздѣлываніе и т. п. Для дѣлъ этого рода есть особенный patent office и выстроенное для него зданіе есть и въ архитектурномъ отношеніи и по объему одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Вашингтонѣ. Портикъ на главномъ фасадѣ есть совершенное подобіе портика въ римскомъ пантеонѣ и безъ ошибки можно сказать, что американецъ, посѣтившій монументальную столицу Союза, получитъ понятіе и объ архитектурныхъ стіляхъ древности въ лучшихъ ихъ образцахъ. Нижній этажъ зданія временно занятъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, верхній весь отданъ патентъ-офису. Въ немъ найдете для себя пищу и историкъ, и естествоиспытатель, и любитель художествъ, механикъ, въ обширномъ значеніи слова. Это цѣлый національный музей Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ собрано все, что можетъ произвести интереснаго почва Америки, все, что дорого американцу. Вы конечно догадались, что дѣло идетъ о Вашингтонѣ,

и дѣйствительно—кромѣ будущаго огромнаго памятника ему, сдѣланнаго въ видѣ модели, здѣсь хранятся — его одежда, съ означеніемъ когда какой былъ на немъ мундиръ, его трости, сабли, домашняя утварь, посуда, серебро и вообще много такого, что бываетъ намъ дорого и мило какъ память о прошедшемъ. Здѣсь же хранятся въ подлинникахъ основные документы о самостоятельности Соединенныхъ Штатовъ: кромѣ подлиннаго акта народныхъ представителей о независимости Штатовъ, грамоты разныхъ государей Европы, признавшихъ новое государство. Станокъ типографа-философа Франклина дополняетъ это любопытное собраніе.

Здѣсь же положено начало будущему музею изящныхъ искусствъ; но пока онъ бѣденъ. Это общій недостатокъ Америки, и можетъ быть потому вкусъ къ изящному, во всемъ обширномъ значеніи слова, развитъ здѣсь мало. Но за то съ другой стороны—собранія естественной исторіи, произведеній разныхъ царствъ природы, собранія, сдѣланныя морскими экспедиціями Соединенныхъ Штатовъ,—драгоценны. Богатства американской почвы изумительны, и я слышалъ отъ знатоковъ, что распредѣленіе предметовъ согласно требованіямъ науки. Прибавленія дѣлаются по мѣрѣ возможности, и нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени это будетъ единственный въ своемъ родѣ американскій музей. Впрочемъ, большая часть знанія, какъ показываетъ уже самое его названіе, посвящена моделямъ и образцамъ изобрѣтеній, какъ новыхъ, такъ и служащихъ къ усовершенствованію старыхъ. Сколько тысячъ здѣсь моделей, сказать трудно, но я увѣренъ, что другаго подобнаго собранія сыскать невозможно. Достаточно сказать, что въ одну послѣднюю недѣлю 1857 года выдано 62 патента. Очевидно, что въ числѣ ихъ должны быть и не очень замысловатые, и дѣйствительно—въ рядахъ моделей видишь иногда усовершенствованія, на которыя у насъ напр. никто и не подумалъ бы брать привилегію. Но американецъ разсчитываетъ на огромный сбытъ, и дорожитъ патентомъ на какойнибудь новый винтъ, пружину, замочекъ и т. п. для того, чтобы связать съ нимъ свое имя и одному производить его. Правда, что американцы, въ сравненіи съ англичанами или французами, сдѣлали мало новыхъ изобрѣтеній, но за то съ другой стороны все ихъ стараніе обращено на то, чтобы упростить работу и не употреблять слишкомъ много рукъ для производства незначительныхъ даже, въ другихъ странахъ ручныхъ работъ. Паръ примененъ всюду: къ мельницамъ, къ машинамъ, для разгрузки и погрузки товаровъ для ссытки хлѣба, къ производству полевыхъ работъ, и т. д., и т. д. Велика выгода Соединенныхъ Штатовъ, что они наслѣдовали опыты, сдѣланные въ старомъ свѣтѣ, какъ позднѣйшіе по своему рожденію, и умѣли примѣ-

нить сдѣланныя уже прежде изобрѣтенія. Связь эта съ старымъ свѣтомъ поддерживается непрерывно прѣбывающими сюда переселенцами, и намъ кажется, что величайшимъ для Америки несчастіемъ былъ бы перевѣсъ въ политикѣ такъ называемыхъ Но-вотинговъ, видящихъ одну невыгоду въ наплывѣ иностранцевъ: они будто приносятъ съ собою бѣдность, беззащитность во время голода, недостатка работъ и т. д. При этомъ, они указываютъ на ирландцевъ, отчасти на нѣмецкихъ работниковъ, забывая, что безъ этихъ людей, въ сѣверныхъ по крайней мѣрѣ штатахъ (въ южныхъ большая часть работниковъ и слугъ—негры), сами американцы ищутъ себѣ независимыхъ, самостоятельныхъ и въ тоже время выгодныхъ занятій, а въ услуженіе къ частному лицу или въ работы нейдутъ: наконецъ собраніе въ одномъ городѣ, и верѣяко въ одной мастерской работниковъ изъ всѣхъ краевъ Европы не можетъ не быть выгоднымъ для находчиваго и смѣлаго ума американца: ему представляется возможность, не странствуя далеко, сравнивать пріемы, употребляемые въ другихъ земляхъ, если можно, онъ ихъ усвоить, упростить, замѣнить руки цѣромъ, опишетъ—и патентъ готовъ. Намъ кажется, что этимъ отчасти путемъ можно объяснить то множество и разнообразіе изобрѣтеній, на которые выдаются патенты въ Соединенныхъ Штатахъ.

Наконецъ, говоря о конгрессѣ въ Вашингтонѣ, мы не можемъ не упомянуть о заведеніи, которое, будучи интересно по началамъ, положеннымъ въ основаніе его учрежденія, и по исполненнымъ имъ трудамъ, ввѣрено главному наблюденію президента Соединенныхъ Штатовъ, министровъ и конгресса. Мы говоримъ о Смитсоновомъ институтѣ (The Smithsonian Institution), названномъ такъ въ честь и память Джемса Смитсона завѣщавшаго Соединеннымъ Штатамъ до 550,000 долларовъ, съ тѣмъ, чтобы въ Вашингтонѣ было основано заведеніе для приращенія познаній и распространенія ихъ между людьми, или, какъ сказано въ подлинникѣ «for the increase and diffusion of knowledge among men». Такимъ образомъ, въ завѣщаніи Смитсона указаны двѣ, совершенно отдѣльныя одна отъ другой, цѣли, для достиженія которыхъ онъ оставилъ въ распоряженіе Соединенныхъ Штатовъ свое состояніе. Очевидно, что при этомъ имѣлось въ виду не одно американское населеніе, а человѣчество вообще; но какъ исполнить такое завѣщаніе, которое хочетъ изъ Вашингтона дѣйствовать въ пользу всего человѣчества? Легче задать, чѣмъ рѣшить такую трудную задачу. Сдѣлать изъ завѣщанныхъ денегъ музеи, картинную галерею, училища, бібліотеку, посылать ученыхъ экспедиціи, печатать изслѣдованія и т. д. значило бы или вовсе не исполнить, или исполнить только отчасти волю завѣщателя.

Одѣлы слишкомъ мѣстны, другія слишкомъ ограничены для достиженія великаго намѣренія Смитсона. Долго были споры между лицами, которыми вѣрено исполненіе завѣщанія, и удачнѣе рѣшить эту задачу, какъ сдѣлано теперешнимъ секретаремъ института, профессоромъ Генри, было трудно. Для увеличенія массы свѣдѣній собираются изслѣдованія по разнымъ частямъ вѣдѣнія, по естественнымъ наукамъ, исторіи, этнографіи, философіи и т. п., и печатаются подъ названіемъ: «*Smithsonian contributions to Knowledge*». Заведеніе входитъ, кромѣ того, въ сношенія съ учеными обществами и отдѣльными лицами, становится посредникомъ между американскими и иностранными изслѣдователями, даетъ вспоможенія лицамъ, посвящающимъ себя ученымъ трудамъ и печатаетъ ихъ. Самое обнародованіе изслѣдованій, сдѣланныхъ при содѣйствіи института, способствуетъ достиженію и другой цѣли: распространенію познаній между людьми; но кромѣ того, при заведеніи есть анатомическій кабинетъ, музей естественной исторіи, небольшое собраніе картинъ, преимущественно портретовъ индѣйцевъ и сценъ изъ жизни дикихъ; есть далѣе библіотека, наконецъ, отъ времени до времени, читаются по разнымъ предметамъ публичныя лекціи, бываютъ собранія учителей для обсужденія общихъ предметовъ воспитанія, и конечно, доступъ всюду и всѣмъ открытъ безденежно. Если можно пожалѣть о мѣстѣ, выбранномъ Смитсономъ для своего заведенія, о Вашингтонѣ, за то съ другой стороны, сколько позволяютъ средства, цѣль достигается, и по мѣрѣ большаго и большаго устройства разныхъ частей заведенія, увеличенія сношеній съ другими учеными обществами, Смитсоново учрежденіе будетъ получать большее и большее значеніе. Ежегодно печатаемые въ «*Актахъ Конгресса*» отчеты о состояніи института, о томъ, что сдѣланомъ въ теченіе года и о томъ, что оно намѣрено сдѣлать впредь, составятъ хорошій матеріалъ для будущаго историка Америки. Имя Смитсона достойнымъ образомъ привязано къ будущему Соединенныхъ Штатовъ; и потомство, благодаря за его пожертвованіе, будетъ съ благоговѣніемъ входить въ комнату, гдѣ собраны нѣкоторыя вещи, принадлежавшія человѣку, который умѣлъ такъ благородно употребить свои избытки. Наши ученые общества могутъ только выиграть отъ постоянныхъ сношеній съ Смитсоновымъ Институтомъ, и самъ институтъ съ своей стороны ищетъ во всѣхъ концахъ міра и корреспондентовъ и изслѣдователей. Таково его назначеніе, таковы его стремленія!

Я жалѣю, что мой разсказъ о Вашингтонѣ и о томъ, что я замѣтилъ въ немъ, не есть письмо съ дороги; иначе я не преминулъ бы

засвидѣтельствовать свою искреннюю признательность нашему посланнику въ Америкѣ, дѣйств. ст. совѣтн. Стѣкло, за любезность, съ которою онъ принялъ русскаго странника, и предупредительность, съ которою старался ввести меня въ кругъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и пріятелей въ Вашингтонѣ. Ему я обязанъ тѣмъ, что имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія о Соединенныхъ Штатахъ, видѣть высшее общество американцевъ и, можетъ быть, со временемъ подѣлиться своими наблюденіями съ далекими соотечественниками. Во всякомъ случаѣ, мнѣ пріятно кончить свое описаніе Вашингтона воспоминаніемъ о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ въ домѣ нашего посланника, въ кругу его помощниковъ и друзей.

А. Л. ЛАНІЕРЪ.

3 января 1858 года
22 декабря 1857
Вашингтонъ.

ПОСЛѢДНЯЯ КАЗНЬ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Х.

Наканунѣ Васильева дня, Лузиха была у Барышниковыхъ и просидѣла до поздняго вечера; Дарья Алексѣевна пригласила ее отуживать. За ужиномъ Никитишна шутила: что, дескать, завтра Васильевъ день, а сегодняшней ночью, дѣвицы загадываютъ о суженомъ, ряженомъ, мостятъ мостикъ, ѣдятъ пересоль, глядятся въ зеркало, полютъ снѣгъ и проч. Дѣвушки значительно переглянулись; хитрая Никитишна подмѣтила этотъ взглядъ. Когда убрали со стола, Дарья Алексѣевна сказала гостьѣ:

— Эхъ, Наталья Никитишна! охота тебѣ теперь домой тащиться, вѣдь сама говоришь, что племянница у тебя ночуетъ, ну, и ночуй здѣсь; глянь-ка, на улицѣ слякоть какая, дождь идетъ, такія лужи развело, вотъ-те и Васильевской морозъ!

— Спасибо, Дарья Алексѣевна; я и сама подумываю, что безъ фонаря сегодня опасно идти,—какъ разъ леща скушаешь, ужъ развѣ милость ваша будетъ, Потапа пошлете меня грѣшную проводить,—отвѣчала Лузиха.

— Чѣмъ провожать, такъ лучше у насъ ночуй, коли можно, дружокъ!

— Можно-то можно, у меня не малые ребята дома плачутъ. Груня подождетъ, да и спать ляжетъ; я сказала, куда пошла.

— Ну, такъ и толковать нечего, *молись Спасу, да и ложись*

спать, проговорила Дарья Алексеевна, выходя из избы. Илья Ильич также пошел в свою заднюю горницу, Настя тоже ушла в светлицу, только Дуняша что-то пересеменивала, как будто всех выжидая. Лузиха, помолясь Богу, забралась на велати и тихонько смотрела оттуда, как Дуня взяла скатерть, отрезала два ломтя хлеба, взяла две ложки, солонку с солью и все это, завернув в скатерть, спрятала под накинутую на плечи шубейку, и вышла вон.

— Дзвигицы сегодня загадывать хотять; суженного ужинать звать; да гдѣжь они соберуть на столъ, гдѣ? либо въ банѣ, либо въ старой избѣ, гдѣ нѣтъ образа, — думала Никитишна и уходъ Дуни.

Вскорѣ возвратилась Дарья Алексеевна и улеглась на свою постель, противъ печки, и черезъ полчаса весь домъ погрузился въ крѣпкій сонъ. Однако Лузиха не спала; любопытство ее мучило: гдѣ будутъ загадывать дзвигицы? — вотъ такъ бы пошелъ да и напугалъ ихъ. — Черезъ нѣсколько времени, она услышала, что кто-то осторожно сошелъ изъ светлицы и дверь на крыльцо скрипнула, потомъ все стихло.

— Охъ, какъ страшно, няня! я вотъ такъ и дрожу со страху, говорила Настя, переступая порогъ старой избы и обративъ в шедшей позади ея Фетинь.

— Чего бояться, голубка моя; вѣдь я съ тобою, ты же одна, мое золото! — отвѣчала Фетинья, тщательно запирая дверь изнутри и ставя на лавку фонарь, который она принесла, прикрывши полою. Фонарь освѣтилъ внутренность старой избы, массивную растреснувшуюся печь и старый столъ, накрытый скатертью, гдѣ лежали два ломтика хлеба и две ложки, и стояли солонка и пустой подсвѣчникъ. Фетинья вынула изъ фонаря огарокъ, вставила его въ подсвѣчникъ и придвинувъ къ столу маленькую мейку, сказала:

— Ну, садись, мое дитятко; да гдѣ-жь зеркало? — развѣ ты не принесла?

— Вотъ оно здѣсь, няня, дрожащею рукою положила на столъ маленькое зеркало, сказала Настя. Фетинья отыскала на мейке

работный перстокъ, опрокинула его на столъ и поставила къ нему зеркало.

— Ну теперь совсѣмъ, Настенька? садись мое золото. — Настя съ претомъ опустилась на скамейку.

— Крестикъ-та, крестъ сними, въ крестъ ничего не увидишь; а я тебя очерчу.

— Ахъ нѣтъ, няня, я не сниму креста, мнѣ страшно безъ него.

— Надобно снять голубка моя, да въ черевичекъ подъ пятку положить.

— Какъ! крестъ подъ пятку положить? что ты няня, въ умъ-ли ты это говоришь? отвѣчала дѣвушка съ ужасомъ: ни за что этого грѣха не хочу дѣлать.

— Настенька, да вѣдь всѣ такъ дѣлають.

— Что же прежде ты мнѣ этого не сказала? лучше не буду гадать; вставая, рѣшительно сказала Настя.

— Подно, моя ластушка; ну, какъ хочешь! по крайней мѣрѣ, давай крестъ, я къ себѣ его въ карманъ положу, — говорила Фетинья, до потомъ, будто что-то вспомнивъ, хитро качнула головой и прибавила: Ну, ничего, и въ крестъ можно, только я тебя очерчу. — Она взяла огарокъ лучины, и что-то тихонько нащелтывая обѣими пальцами три раза кругъ на полу, кругомъ сидящей на скамейкѣ Насти.

— Ну, что ты въ зеркаль-то видишь, Настенька? спросила старуха.

— Вижу дверь, няня.

— Ну ладно; говори же за мной: суженый, ряженный, приходи ко мнѣ ужинать.

Настя три раза повторила за Фетиньей эти призывныя слова.

— Ну, теперь, моя голубушка, гляди же въ зеркало пристально, какъ не спускай и что увидишь, не бойся и не кричи, а старая разглядѣть; тебѣ бояться нечего, ты не одна, я съ тобою.

Настя пристально устремляла и свои взоры и свои мысли на зеркало; Фетинья съѣла на конецъ лавки къ дверямъ, позади дѣвушки и по временамъ взглядывая въ темный уголъ за печью, шептала, какъ будто годовую и дѣлала какіе-то знаки.

Настя дрожала, тщательно куталась въ шубейку и не спускала

глазъ съ зеркала. Прошло съ четверть часа—и такъ какъ дѣвушка глядѣла не мигая, то глаза ея оставили, на распахнутыхъ дрожали слезы; сперва она ясно видѣла дверь и Фетинью, потомъ свѣча нагорѣла и все это слилось въ темный густой туманъ,—она ужъ ничего не различала.

Вдругъ, какъ будто, что-то зашевелилось за печкой; Настя вздрогнула, но не оглянулась; потомъ, что-то зашевелилось за самой спиной Насти, и она увидѣла въ зеркалѣ, позади себя, какую-то темную высокую мужскую фигуру; сердце ея замерло, но скрѣпясь, все еще она помнила, что ей надобно разглядѣть и принялась смотреть пристальнѣе прежняго.—И вотъ она увидѣла, что курчавая голова какъ будто склоняется надъ ея плечомъ, и она почувствовала на своей щекѣ прерывистое горячее дыханіе живаго человѣка. Настя не вытерпѣла, со страхомъ взглянула себѣ черезъ плечо, увидѣла Григорія, вскрикнула, дыханіе занялось и она упала бы со скамьи, если бъ Гриша не поддерживалъ ея.

— Голубушка, Настенька, красавица моя! что ты? Господь надъ тобой! чего бояться живаго человѣка? это Григорій Степановичъ, — говорила испуганная Фетинья, суетясь вокругъ Насти. Испуганная дѣвушка едва дышала; блѣдная, поддерживаемая Григоріемъ, она сидѣла, закрывъ глаза, между тѣмъ, какъ Фетинья терла ей виски принесеннымъ снѣгомъ.

Настя открыла глаза и взглянувъ на Гришу, отодвинулась отъ него. Все еще дрожа всѣмъ тѣломъ и смутно припоминая, что съ ней сдѣлалось, она робко оглядывала избу.

— Что же ты боишься меня? я живой человѣкъ, — не опасайся, Настасья Ивановна. Неужли ужъ я такъ противенъ, что и слово мною промолвить не изволишь? говорилъ Гриша, почтительно стоя передъ дѣвушкой и взглядывая то на нее, то на свою шапку, которую мялъ въ рукахъ.

— Няня, какъ же онъ попалъ сюда? все еще не глядя на молодца, спросила Настя у Фетиньи.

— Эхъ, моя голубушка! а все случаемъ, — шель, шель, да зашелъ сюда, гдѣ дѣвица гадала. Знать онъ настоящій суженый, то и есть, — отвѣчала Фетинья.

— Виновать передъ тобой я, Настасья Ивановна, и винюсь въ своей винѣ. Долго ждалъ я такого случая, чтобъ перемолвить съ тобой одно слово, сдѣлать запросъ; узналъ, что ты сегодня едва здѣсь будешь, вотъ и зашелъ сюда. Ну, брани меня, прогони меня долой со своихъ ясныхъ очей, говорилъ Гриша, потупивъ голову.

— Что же за запросъ такой? спросила Настя, приходя въ себя.

— Помнишь-ли, какъ я тебя съ Дарьей Алексѣевной перевозилъ черезъ Кострому-рѣку, вотъ съ этого-то дня лишился я сна, покою, хлѣба и соли; хожу, словно тѣнь таскаюсь, и все одна дума грызеть ретивое, тоска нестерпимая; шатаюсь около вашего дому по вечерамъ, гдѣ бы тебя увидѣть въ окно. Люблю я тебя, Настасья Ивановна, больше матери родной, больше свѣту блага, больше душевнаго спасенія; виновать я, казни меня, сруби мою буйную головушку, да и плечъ прихвати, говорилъ Гриша дрожащимъ голосомъ, не смѣя поднять глазъ на Настю.

Дѣвушка молчала, только крупныя слезы катились изъ глазъ ея.

— Такъ вотъ и хотѣлось мнѣ спросить тебя: коли ты не любишь меня, коли я противенъ тебѣ, я не стану тебѣ досаждать и на глаза тебѣ показываться; уйду туда, куда воронъ костей не заноситъ; пусть буйные вѣтры на чужой сторонѣ развѣютъ мою тоску-кручину, не увижу я, по крайней мѣрѣ, какъ тебя съ друзьями къ вѣнцу повезутъ.»

— Григорій Степанычъ, на это есть воля родительская, отвѣчала Настя, едва слышно.

— Всякій то же скажетъ, кто не любитъ, кому все равно, кто ли поэтъ, тотъ батька; ну, а я не скажу этого. Настасья Ивановна, духу не хватить.

— Скажи же мнѣ еще одно слово, послѣднее—спросилъ Гриша, рѣшительно и смѣло, посмотрѣвъ на Настю — противенъ я тебѣ? Настя молчала.

— Любишь ты меня, какъ я тебя? скажи правду, или убей меня.

Настя молчала, потупивъ глазки, а потомъ обратилась къ Федотѣ.

— Няня! ты худо одѣлала, что не сказала мнѣ, что онъ здѣсь

будеть. Фетинья или не слыхала, или притворилась, что не слышитъ.

— О, я теперь вижу, что мнѣ нечего надѣяться и нечего жить на свѣтъ! Пусть Волга матушка скроетъ и зальетъ today mine! сказалъ Гриша съ горестью и пошелъ къ дверямъ. — Да и что, чего желалъ я? я забылъ, что я сынъ рыбака, что не кушар какой нибудь. Онъ отлянулся. Прости же, прости, Настасья Ивановна, что я тебя потревожилъ, не зачти въ обиду слова мой! ..

Настя вскочила, вся сила страсти, скрываемой такъ долго, охватила въ этотъ мигъ ея душу; она все забыла вокругъ себя и самое себя; блѣдная, трепещущая протянула обѣ руки и сказала, едва слышно, не уходи!.. рыданія заглушили ея голосъ.

Григорій вернулся, бросилъ шапку на столъ, обнялъ девушку, горячо и сильно прижалъ ее къ сердцу, не смѣя поцаловать ее, долго держалъ такъ, и потомъ бережно посадилъ ее на окладку. Настя всхлинывала. Фетинья бросилась къ нимъ.

— Ну, ужъ, не взъищи, Григорій Степанычъ! *языкомъ, что хочешь, болтай, а руками воли не давай.* Вотъ какъ обвивайтесь, такъ цалуйтесь и обнимайтесь, сколько душѣ захочется, а теперь.. воля твоя!—говорила Фетинья, отталкивая Гришу отъ девушки.

— Будь спокойна, Фетинья Прохоровна, я не обидчикъ *какой*, ужли я захочу обидѣть Настасью Ивановну; да я жизнь свою готовъ положить за нее, отвѣчалъ молодецъ.

— Господи! что со мною дѣлается? что ты дѣлаешь со мною, Григорій Степанычъ? прошептала Настя, закрывъ лицо руками.

— Ничего худого я не дѣлаю и никогда не сдѣлаю, не опасайся ты ничего; мнѣ хотѣлось только, чтобы ты знала, что я тебя люблю больше всего на свѣтъ, — вотъ и все. Теперь я знаю, что непротивенъ тебѣ. Ахъ, Настасья Ивановна, зачѣмъ я небогаты? зачѣмъ не могу завтра же заслать къ тебѣ сваху? и придется же мнѣ горькому видѣть, какъ съ другими повезутъ тебя къ вѣнцу. Вѣдь не захочетъ же твой батюшка выдать тебя за такого бобыля, какъ я!

— Въ монастырь скрою я свое горе, а замужъ за другого не пойду, проговорила Настя, вспыхнувъ. Григорій преодолѣлъ само

застѣнчивость и покрывала горячими поцалуями щеки, глаза, руки и шею красавицы.

— Ахти бѣда! ахти бѣда! накликала я окаянная бѣду на свою сядую голову! — говорила Фетинья, таща прочь Гришу за рукавъ: Григорій Степанычъ, побойся Бога! Настенька, безсо-
вѣстная, постыдись, до вѣнца, цаловаться съ молодцомъ!

Но влюбленная чета не слушала наставленій и отчаянныхъ воплей старой няни. Долго длилась задумчивая, нежная, бесѣда, прерываемая порою поцалуями.

Между тѣмъ, Лузиха не спалось. — Такъ и есть! — думала она — дѣвцы ушли загадывать въ пустую избу, и вотъ ужъ часа пол-
тора будетъ, какъ ихъ нѣтъ, не испугались-ли чего? чего добраго, не приключилось ли съ ними чего нибудь? семъ-ка пойду, погля-
жу. — И она тихонько слезла съ полатей, ошупью вышла на крыльцо и увидѣвъ слабый свѣтъ въ старой избѣ, сквозь щели закрытыхъ ставней, не производя никакого шума, по мокрому свѣгу, тихонько подошла къ самому окну и съ любопытствомъ
смотрѣла сквозь щель ставня. Она не вѣрила глазамъ своимъ и сначала то, что увидѣла, приняла за дьявольское навожденіе; ~~нужно~~ крестилась и шептала молитвы, какія только приходили
ей въ голову; хотѣла бѣжать, но ноги какъ будто приросли къ
плоту. Потомъ, видя, что видѣніе не исчезаетъ, она опомнилась,
и ужасъ превратился въ любопытство. Лузиха видѣла все, что
происходило въ старой избѣ.

Молодая чета, наговорившись, нацаловавшись и передавши другъ другу все, что волновало и томило ихъ любящія сердца, наконецъ вспомнила, что надобно и разстаться. Григорій, понуж-
даемый Фетиньей, всталъ со скамьи; Настя также встала; пу-
бика ея спустилась съ одного плеча, шелковый платочекъ, слабо
повязанный на головѣ, спалъ на самый затылокъ и выказывалъ
ей прекрасные темнорусые волосы, гладко зачесанные за уши,
въ которыхъ блестяли серги съ изумрудами. Щеки красавицы
горѣли яркимъ румянцемъ; она, то робко потупляла глаза, то
нужно поднимала ихъ на Гришу. Гриша правою рукою обнялъ
ее, а въ лѣвой держалъ ручку Нести и молча любовался красо-
той. Старикъ все еще горѣлъ на столѣ, хотя Фетинья уже со-

брала и скатерть и все принадлежности гаданья. Высокая фигура Гриши кидала огромную тень на дверь, и Никитишна въ этой тени не могла замѣтить Фетиньи, но она хорошо рассмотрѣла въ лицо и Настю, и ея друга.

— А! вотъ идѣ раки-то зимуютъ! кто бы подумалъ? Настасья Ивановна! да вѣдь всегда въ тихомъ омутѣ черти-то и водятся! — шептала она, протирая глаза и боясь проронить малѣйшее движеніе влюбленныхъ.

— Прости же, моя ненаглядная, и надолго-ли мы прощаемся? Настенька! ужели это свиданіе было первое и послѣднее? спрашивалъ Гриша нѣжно у своей подруги.

— Не знаю, какъ сказать тебѣ, со вздохомъ отвѣчала девушка, не знаю, — если будетъ можно....

— Пора, пора! невведи меня въ бѣду, золотой Григорій Степанычъ, вѣдь двери на крыльцо не заперты, чего добраго! просиетъ Дарья Алексѣевна, выйдетъ въ сѣни, увидитъ незапертыя двери, побѣжитъ въ свѣтлицу, да какъ не найдетъ тамъ Настеньки, то и ей, и мнѣ, и Дунѣ достанется — говорила Фетинья, чуть не плача.

— Тошно мнѣ съ тобой разстаться, словно съ душою, и когда можно поговорить намъ опять, прикажи Фетиньѣ, я буду у ней навѣдываться, говорилъ Гриша, прости же! и объявъ еще разъ Настю, онъ пошелъ къ дверямъ.

Никитишна, не желая быть замѣченною и видя, что Григорій выходитъ изъ избы, почти бѣгомъ вбѣжала на крыльцо, тихонько митворила за собою дверь и ошущю вошла въ избу и забралась на полати, все еще прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Вотъ она услышала, что кто-то тихонько вошелъ въ сѣни, тихонько заперъ за собою дверь, и осторожно, едва слышными шагами, пошелъ въ свѣтлицу. Это была Настя.

— Этакія дѣла! ну, кому бы я повѣрила, если бъ не видѣла своими глазомъ? вотъ-те и дочь богатаго отца! вотъ-те и внучка степенной и строгой бабушки! Хорошо! теперь вы все въ моихъ рукахъ; да Богъ съ вами, я худа вамъ не желаю, пристрою дѣлку, пойду завтра къ Живчикову. И ужъ теперь вѣрно не захочетъ показаться, Иванъ Ильичъ, радъ радехонекъ будешь разстаться съ

дочкой, коли не захочешь, чтобъ про нее по всей Костромѣ въ наближи были!—думала Лузиха. И долго, долго не могла заснуть, удивляясь виданному.

На другой день утромъ, только что проснувшись Дарья Алексеевна, Никитишна простилась съ нею и поспѣшила къ Лукѣ Герасимовичу.

Настя не могла заснуть всю ночь съ переполненной душой; она ворочалась съ боку на бокъ, мечтая о Гришѣ; ей хотѣлось избыткомъ чувства подѣлиться съ подругою, но жалѣла прервать свой сонъ Дуняши. На разсвѣтъ, лишь только послѣдняя успѣла открыть въ просонкахъ глаза, Настя бросилась на ея грудь и обливая подругу слезами, краснѣя рассказала о ночномъ свиданіи съ Григорьемъ. Удивленная Дуняша покачивала головою, не прерывая разсказа; она слушала съ любопытствомъ и видѣла, что ея упреки и наставленія теперь ужъ ни къ чему не поведутъ. Когда Настя кончила, Дуняша, жалѣя внутренно свою подругу, бранила на чемъ свѣтъ стоитъ старую Фетинью, которую и Настя не смѣла защищать.

Къ завтраку обѣ дѣвушки сошли внизъ, но Настя ни къ чему не притронулась; за то Дуня кушала съ большимъ аппетитомъ.

Между тѣмъ, Наталья Никитишна на всѣхъ парусахъ летѣла къ Живчикову; ея желтая наметка развѣвалась по вѣтру. Едва переводя духъ отъ скорой ходьбы, Лузиха, казалось, забыла усталость, слыша жениха застать дома. Вотъ она достигла его хаты, отворила ворота и перекрестясь на мѣдный крестъ, вѣшанный въ перекладину надъ воротами, вступила на дворъ. Шумя шелковымъ сарафаномъ, она поспѣшно перешла теплыя широкія стѣны и отворила стекольчатую дверь въ горницу, по которой прохаживался хозяинъ въ черномъ бархатномъ камзолѣ, и кармазинныхъ узкихъ, доходящихъ до колѣна, штанахъ, усаженныхъ шелковыми пуговками. Онъ самодовольно поглядывался въ небольшое, висѣвшее на простѣнкахъ, зеркала и ожидалъ благосѣда къ обѣду. Передъ кивотомъ горѣли нѣсколько свѣчей и освѣщали серебряныя и золоченыя ризы на образахъ. Въ одномъ углу стоялъ столъ съ кожанною подушкою, набитою перьями, которыми

уже начинали выглядывать изъ развѣхавшихся швовъ; въ другомъ, кровать со взбитыми пуховиками, подъ ситцевымъ раздѣльнымъ пологомъ. Образа и постель достались Лукѣ Герасимовичу послѣ первой супруги, какъ законная часть. (38).

Живчиковъ нисколько не удивился раннему посѣщенію Лузики; онъ ласково съ ней раскланялся, когда та, положивъ три поклона передъ образами, отвѣсила низкій поклонъ хозяину.

— Съ праздникомъ поздравляю, батюшка, Лука Герасимовичъ. Ну, какъ живешь—поживасяшь, все ли въ добромъ здоровьи? Ну вотъ я по тебѣ и встосковалась и пришла, а ты и забылъ про меня бѣдную сироту—говорила Лузика.

— Слава Богу! слава Богу! а я только про тебя сейчасъ думаю. Ну, и хорошо сдѣлала, что сама пожаловала. Сядь—ка, сядь, гостья будешь; вотъ сюда на софу, говорилъ Живчиковъ, самодовольно поглаживая бороду и вертясь фертонъ передъ свѣтомъ.

— Ужъ не обезсудь, Лука Герасимовичъ, смерть устала, обаялась; что твою милость не застаю и бѣжала во всю лопатку, говорила Никитишна, опускаясь на софу, при чемъ перья подушки полѣтели въ разные стороны. Ну, что, мой батюшка, что надумалъ о томъ дѣльцѣ, что мы съ тобой въ послѣдній разъ толковали?

Живчиковъ придвинулъ кожаный стулъ съ превысочайшей спинкой, и помѣстился на самомъ краешкѣ.

— Что мнѣ думать! давно надумано, Никитишна, помолюсь Богу да и въ дорогу; а ужъ легкій день выбрать твое дѣло, сдѣлать онъ.

— А все къ Барышниковой небось тянеть?

— Да что я слзпой, что-ли, чтобъ Настасьей Ивановной на другую промѣнялъ, не считай меня дуракомъ, сваха!

— Не глывайся, милостивецъ, вѣдь мало-ли, что бываетъ; утро вечера мудренѣе; вчера думаемъ такъ, а сегодня иначе!

— О чемъ другомъ, а не объ этомъ, Никитишна; напридумай тебѣ скажу, что коли Барышниковъ за меня не выдастъ, такъ и въкъ не женюсь.

— Ну, нечего дѣлать, благословляй Лука Герасимовичъ! 40-30-го года у насъ четвергъ? въ будущую субботу шарашу тебѣ...

да ужъ все одилаю, а на своемъ поставлю; два раза отназы-
вали, а коли въ третій откажутъ, такъ и быть, граха укушу, къ
выдуну охоту, а постараюсь твое желанье исполнить. Вотъ;
къ тебѣ для тебя стараюсь, Лука Герасимычъ.

— Не будешь въ накладъ, Никитишна, я сказалъ, и сдержу
свое слово, только въ приданомъ не забывайся; что мнѣ приде-
тся—тѣбу! развѣ мнѣ не во что нарядить жену? слава Богу, най-
дётся во что!

— Ты пожалуй и росписи не прикажешь требовать?

— Безъ росписи нельзя; роспись нужна для родственниковъ; а такъ,
что ни напишутъ, я всемъ буду доволенъ.

Въ это время ударили въ соборъ къ обѣднѣ; женихъ и сваха
перекрестились.

— Ну, прощенья просимъ, Лука Герасимычъ, говорила Лузиха,
приподнимаясь съ софы, при чемъ перья изъ подушки опять по-
летѣли; — я не бываю къ твоей милости въ воскресенье.

— Хорошо; буду ждать, Никитишна; постарайся пожалуйста,
говорилъ Живичковъ, провожая сваху въ сани и отвѣчая ласко-
во на ея низкіе поклоны.

XI.

Въ субботу, на той же недѣль, когда еще Настя спала, Ду-
няша, по обыкновенію, схвативъ ведра, бѣжала на прудъ за во-
дой, бѣгать хрустѣлъ подъ ея быстрой походкой; а морозъ еще
сильно румянилъ и безъ того свѣжія щечки изятюшки. Въ самыхъ
воротахъ, ей встрѣтилась Лузиха, подъ желтой наметкой и въ
гранитуровомъ тулупчикѣ, выпушенномъ сибирскою бѣлкой.

— А, не дѣржѣ катить сегодня, для субботы, (39) въ воскр-
сенье нарядъ Никитишна, ужъ вѣрно со овананьемъ! подушка
Дуныша. Старуха, поцаловавши съ дѣвчушкой, съ недовольнымъ
вздохомъ остановилась. Когда Дуныша, зачерпнувъ ведра, возвра-
щаясь домой, то увидѣла, что Лузиха, воротясь, обходя прудъ
съ лѣвой стороны и опять направлялась къ нимъ. Тутъ Дуныша
сразу все ясно, какъ дважды-два-четыре.

— Ужъ вѣрно отъ Живчикова? Постоить же я помню тебя, Наталья Никитишна, говорила сама себѣ дѣвушка, глядя изъ избы въ окно, какъ Лузиха входила на дворъ. Дуняша, не давая ей войти на крыльцо, со всѣхъ ногъ выбѣжала ей навстрѣчу.

— Что это, тетушка Никитишна, ты воротилась? вѣдь къ намъ дѣвчича шла; али забыла что? спрашивала Дуня, лукаво улыбаясь.

— Видно самъ лукавый поджигаетъ эту дѣвченку мнѣ мѣшать сегодня, подумала Никитишна, взглянувъ неприяженно на Дуняшу; потомъ, стараясь скрыть свою досаду, промолвила:— Ахти, опять забыла! продастъ одинъ человекъ штофный спорокъ съ шубейки, просилъ показать Дарьѣ Алексеевнѣ — и съ этимъ словомъ Никитишна опять побѣжала со двора.

— О, о! какъ пугаетъ тебя дѣвичья встрѣча! (40) Не обманешь же ты меня, старая сорока, не будетъ тебѣ сегодня пути въ твою дѣль; помучу же тебя, думала Дуня, и полагая дѣвчиче, что Лузиха опять воротится, пошла и сѣла на крутой лѣсенкѣ, ведущей въ свѣтилицу, намѣреваясь броситься навстрѣчу, только сваха войдетъ въ сѣни. Дуняша не обманулась; Лузиха, постоявъ за воротами минутъ пять, вошла въ сѣни, и только что Дуняша хотѣла къ ней сбѣжать, какъ изъ горницы вышелъ Иванъ Ильичъ.

— Добраго здоровья, батюшка, Иванъ Ильичъ! — говорила Лузиха съ низкими поклонами. А я къ твоей милости, словечко перемолвить....

— Добро пожаловать; Наталья Никитишна! да кажется, здѣсь не мѣсто разговаривать, войдемъ-ка въ горницу. — Хозяинъ и сваха вошли; и лишь только дверь затворилась за ними, Дуняша сошла съ лѣстницы, подошла, къ двери горницы и выжидала и стала слушать.

— Садись-ка, садись, Никитишна, что хорошенькаго скажешь? — спросилъ Иванъ Ильичъ.

— У тебя, Иванъ Ильичъ, есть товаръ, а у меня купецъ; Лука Герасимовичъ приказалъ твоей милости кланяться, и твоей единородной дочери, Настасьи Ивановны, просить въ замужество, и переговорила сваха.

— Благодарствую за честь и милость, и доброе слово Луку Герасимыча, только вишь товарецъ-то мой еще молодецъ, разстаться жаль; не выуча, въ чужіе люди отпустить не годится, отвѣчалъ Барышниковъ.

— Иванъ Ильичъ! ты ужь по третій разъ изволишь говорить, что молода, да молода Настасья Ивановна; вѣдь ей нынче *двѣнадцатый* годочикъ пошелъ, батюшка ты мой; *двѣ* чья краса, что *утренняя роса*: *поколъ цвѣточекъ аленекъ, потолъ и всякому миленькѣ*, старыхъ невѣсть въ Костромѣ не оберешься, да ни кому не нужны, особливо такому жениху, какъ Лука Герасимычъ. Женихъ-то онъ, можно сказать, всему городу краса, и въ жествомъ, манерствомъ и богатствомъ взять.

— Ну, ужь хоть не всему городу краса, этотъ женихъ! ты Никитишна не прилыгай; воздержись маленько, лучше будетъ; а все же Луку Герасимыча я почитаю хорошимъ человѣкомъ, не глухимъ и степеннымъ женихомъ, а красоту разбирать въ нашемъ братъ нечего; впрочемъ все же подумать надобно, это такое дѣло, *не сапогъ, съ ноги не сбросишь*, проговорилъ Иванъ Ильичъ.

— Вѣстимо дѣло, подумать надобно.

— Хорошо, Наталья Никитишна, побывай ты завтра ко мнѣ, а я переговорю, съ кѣмъ нужно, и посоветуюсь.

Лузиха распрощалась съ хозяиномъ и пошла къ двери. Заслышавъ ея шаги, Дуняша бросилась отъ двери и какъ рывый котенокъ, взбѣжала на лѣстницу.

Послѣ объѣда, Иванъ Ильичъ пригласилъ въ свою заднюю горницу Дарью Алексѣевну и заговорилъ:

— Матушка! къ Настѣ опять сватается Живчиковъ. Какъ ты, давеча, у объѣда была, безъ тебя ко мнѣ Лузиха приходила.

— Такъ чтожъ, слава Богу, дружокъ! отвѣчала теща.

— Чтожъ ты на это скажешь?

— Что сказать, дружокъ! Живчиковъ женихъ хорошій, коли думно нынче Настю замужъ отдавать, такъ нечего звать.

— Не хотѣлось бы мнѣ ее за вдовца выдать.

— И вдовецъ, да молодецъ, вѣдь отъ перваго супружества дѣтей не осталось, такъ что? все равно, что холостой.

— И ты совѣтуешь магушца?—

— Совѣтовала бы, дружокъ! разумеется, надобно поспѣшить, какого чедовѣкъ поведенія, не водится-ли за нимъ какихъ художествъ?

— Про Живчикова худаго ни одинъ чедовѣкъ въ городѣ не скажетъ, кромѣ того, что онъ моей Настѣ въ отцы годится, а не въ мужа.

— Вотъ тебѣ разъ! пустяки, дружокъ, говоришь; да со старымъ мужемъ и житье-то масляница! небось, не убавить отъ молодой жены къ другой, какъ дѣлаютъ, не здѣсь сказано, молодые-тр мужа!

— А жаль мнѣ еще нынѣшній годъ съ Настей разстаться, скавалъ Иванъ Ильичъ съ чувствомъ.

— Пустыя рѣчи говоришь, дружокъ; дѣло извѣстное: давка не домашній товаръ, сколько ни держи, а выдать надобно, не осадить еѣ впрокъ, проговорила съ увѣренностью Дарья Алексѣевна. Помолись, дружокъ, да и рѣшись.

Когда Дарья Алексѣевна оставила зятя, Иванъ Ильичъ заперся въ горницѣ и долго молился, потомъ написалъ на двухъ бумажкахъ какія-то каракульки, одна значила *да*, другая *нѣтъ*, и бросилъ ихъ въ свою шапку; положивъ ее подъ образа, принялся опять усердно молиться. Потомъ, Иванъ Ильичъ, закуривъ, сталъ вынимать жеребьи, сперва попалось *да*, потомъ *нѣтъ*, потомъ опять *да*. Иванъ Ильичъ бросилъ бумажки въ печь и сѣлъ къ столу въ раздумьи, подперевъ голову руками.

Долго бы думалъ и передумывалъ Барышниковъ, но вотъ кто-то постучался у дверей, онъ отперъ,—то была Настя. Мгновенно озарились мысли Ивана Ильича.

— Самъ Богъ посылаетъ ко мнѣ въ эту минуту ту, о которой я такъ заботливо сокрушаюсь, подумалъ изжннй отецъ и сказалъ, пригласивъ прежде дочь сѣсть подлѣ себя:

— Милое дитятко, будь со мной откровенна, говори все, что есть на душѣ, не скрывай ничего; къ тебѣ свѣтается Лука Демисмычъ Живчиковъ; онъ ужъ въ третій разъ меня эдмъ безконить. Ты его видѣла на своихъ именинахъ, скажи, передъ Богомъ, правень-ли онъ тебѣ?

— Родимый батюшка, за что ты на меня прогнѣдался? О, не губи меня, не дай умереть прежде времени. Завопила дѣвушка, и закрываясь сѣзани, бросилась къ ногамъ отца.

— Другъ мой, Настя! плакать тебѣ не о чемъ. силой я тебя не принуждаю; коли не любъ тебѣ Живчиковъ, я откажу, только послѣ, чтобы не жалеть, боюсь я и на слезы—то ващи глядѣть; вѣдь всякая дѣвица, какъ выдаютъ, плачетъ.

— Не любъ, не любъ мнѣ Живчиковъ, да такъ противенъ, словно жожъ въ сердцѣ, говорила Настя.

— Однако, другъ мой, онъ человекъ непоследній, хорошии торговецъ; а денегъ, говорятъ, хотъ лопатой гребѣ.

— Что намъ до его богатства, родимый батюшка? и я по твоей милости не нищая.

— И школенъ Лука Герасимычъ, нечего сказать.

— О, ужъ и не говори, не могу вспомнить безъ смѣха, какъ онъ дрягалъ своими маленькими ножками, когда въ мои нманины вертели его какъ муху! и Настя засмѣялась сквозь слезы.

— Дурочка ты моя! вотъ видишь сама, что я не хочу выдавать тебя силою, Богъ съ тобой, не хочу, чтобы ты плакалась на меня, коли не посчастливится; а правду-то сказать, все еще жаль съ тобой разстаться,—сказалъ Иванъ Ильичъ и ласково подалъ Настю въ голову.

Утеревши слезки, успокоенная и приласканная дѣвушка, оставила отца.

На другой день, это было въ воскресенье, только что Иванъ Ильичъ проснулся послѣ объденнаго сна, Наталья Никитишна встала къ нему въ горницу.

— Здорово, хозяинъ-батюшка; ну, что понадумалъ о томъ дѣлцѣ? садясь на лавку, спросила сваха, послѣ обычнаго здравствования.

— Ничего не надумалъ, Никитишна; спасибо за честь; сожалею, что ты напрасно трудилась. Не думаю динче выдавать дочь, отвѣчалъ Барышниковъ.

— Напрасно, напрасно, Иванъ Ильичъ, теперь самая красная пора выдать Настасью Ивановну, не то молодая, не то старая, да и женихъ-то мой сущий кладъ, проговорила Лузиха.

— Пусть все это такъ, я жениха не хую, но я не рѣшился въ этотъ мясоздъ играть свадьбы; это ужъ мое дѣло.

— Напрасно, напрасно! нечего бы медлить: *въ міръ, что въ морь*, дѣвушки вешній цвѣтъ, поколь до грѣха! говорила скороговоркою Лузиха, сверкая глазами и какъ будто съ трудомъ сдерживая внутреннее волненіе. Между тѣмъ, какъ на лицѣ ея показались блѣдныя и багровыя пятна.

— Что, Никитишна?

Да такъ, Иванъ Ильичъ, долго-ли до худой славы! *Вдѣй на чужой ротокъ не накинешь платокъ*, пословица говорится; *нѣче*, батюшка, рѣдкая дѣвица повернется, чтобъ чего нибудь не сказали.

— Стало быть и про моихъ дѣвицъ говорить худое?—вскочивъ съ мѣста, вскричалъ запальчиво Иванъ Ильичъ.

— Мало-ли что про кого говорятъ, всего не переслушаешь. Хмъ!... Есть такіе люди:

— Хотѣлъ бы я узнать, кто это говорить?

— Я всякаго выставить не могу.

— Не кого, знать видно, выставить, Наталья Никитишна? Это зло все отъ васъ старыхъ сорокъ выходить; вы по домамъ хлопощете, да изъ дому въ домъ разный соръ переносите, къ одному слову пятьдесятъ прискажете. Не думалъ я, право, отъ тебя такія рѣчи слышать. И такъ прошу ко мнѣ въ домъ больше не жаловать; коли ты добрая соседка, такъ ты должна сказать, кто и что говорить, а не обиняками, кляузы творить, проговорилъ Барышниковъ въ сильномъ гнѣвѣ.

— Не гнѣвись Иванъ Ильичъ, пріятно хорошія вѣсти пересказывать, а не худыя; а что я сказала, такъ не отъ себя выдумала; худаго я вашему дому никогда не желала, хотѣла только хлопотать, чтобъ дѣвушку пристроить, а коли не хочешь, такъ это твоя родительская воля. Пусть отъ другихъ, что нибудь услышишь, а не отъ меня. Прощенья просимъ, сказала Лузиха, низко кланяясь. Глаза ея сверкали, губы тряслись, пятна на лицѣ выступили еще виднѣе; Барышниковъ, обиженный и разсерженный, ничего этого не замѣтилъ; онъ не отвѣтилъ на ея поклонъ и даже не взглянулъ.

... Безъ наговора нынче добрые — то люди! гдѣ нѣтъ — здѣтъ, тутъ и наговоротъ: сиротина проклятая, старая ворона не на добре кончить, проговорилъ онъ, по уходѣ свахи.

Въ снѣгахъ Лузихъ понались дзвунки.

— Ну что, тетушка Никитишна, нахмурилась? Не удалось тебѣ Настю сосватать? знай нынхъ! Какъ ты не ворочилась назадъ, а дзвунчя встрѣча все-таки заколодила, говорила Дуня, смѣясь.

— Не смѣйся, Авдотья Ивановна, молодо-зелено, смѣяться надъ старухой; все при васъ дзвунчя воля остынется, сидите въ дѣлкахъ, трясите вѣкъ косою, да шушукайтесь и цалуйтесь съ молодцами, проговорила Лузиха злобно.

Настя поблѣднѣла, но Дуня всыхнула.

— Что ты взмѣшалась, Настасья Ивановна? не бойся, батюшка отказалъ хорошему жениху, достанешься любимому настуху. — Дзвунки переглянулись; Никитишна отвѣсила имъ по низкому поклону и пошла съ крыльца.

— Настя, она вѣрно знаетъ твои проказы? проментала Дуня.

— Незнаю, Дуняша; какъ ей знать, гдѣ ей знать? а сердце помнить. Не погубила бы она насъ! да какъ ей знать? говорила въ раздумьи Настя.

— Кто ее знаетъ? вѣдь она ночевала у насъ на Васильевъ день.

— Они все крѣпко спали: и въ избѣ, и въ горницѣ. Какъ я проходила по снѣгамъ, никого не замѣтила, сказала Настя.

— А можетъ, она и такъ наобумъ говоритъ, со зла, что батюшка отказалъ, такъ хочеть насъ уязвить чѣмъ нибудь.

— Можетъ быть; а сердце все щемить что-то.

Между тѣмъ, Лузиха, задыхаясь, бѣжала къ Живчикому. По-прежнему были видны хоромы Барышниковыхъ, она оглядывалась и ментала угрозы.

— Меня выгнать! меня, Наталью Никитишну, у которой полгорода креснать! безъ которой рѣдкая свадьба обойдется; меня выгнать! хорошо, богатый человекъ, Иванъ Ильичъ; да вѣдь ты еще не считала и въ моихъ сундукахъ, я не бездомная нищая? Пислажу, какъ ты поплачешь съ своей дочкой, которой болѣнно гордился, я докажу дружбу.... я.... Но вотъ домъ Ивана Ильича сгорѣлъ

изъ виду, и она пошла ровнѣе и тише. Лузиха вошла въ комнату Живчиковъ. Лука Герасимовичъ похаживалъ по своей свахѣ и порою лакомился мочеными яблоками и брусничкой, которая на оловянныхъ тарелкахъ стояли на столѣ.

— Что новаго? что новаго, Никитишна? усаживая задыхающуюся сваху на знаменитую софу, изъ которой полетѣли искры, спрашивалъ нетерпѣливо хозяйня.

— Что новаго, Лука Герасимычъ?... Иванъ показал! — переводя духъ, отвѣчала Никитишна.

«Какъ... пишъ, Никитишна? почти простоналъ обиженный женихъ.

— Да, отказали и ничего не сказали, прикинули же вѣсто кланяться, да не велѣли чваниться.... Прикажи — ки, милостивецъ, подать хоть кваску напиться, въ горлѣ пересохло. Вотъ изъ-за жаго дѣла, да принимай похмѣлье.

Живчиковъ машинально подошелъ къ поставцу, налить свѣжее вино и подалъ свахѣ. Лузиха за одинъ духъ выпила и, закусывая моченымъ яблокомъ, сказала:

— Охъ, Лука Герасимычъ! говорить-то языкъ не зарожается, безъ ножницъ обстригли; отказъ, чистый отказъ, въ третій разъ.

— Что же? сказалъ Иванъ Ильичъ.

— Что, вѣстимо что, одна пѣсня: молода да и все. Вѣдь я скажу же прямо, что не хочу, дескать, за такого-то жениха выдать.

— Ну, Иванъ Ильичъ гордый человекъ, нечего сказать, я нынче не ожидалъ этого отъ него; да, мнѣ, кажется, ты, Никитишна, не умѣла дѣла сдѣлать, не постаралась, либо придамаго много запомнила.

— Что ты, батюшка мой! о придавомъ еще и речи не было, такъ-таки на первомъ словѣ и озадачилъ.

— Чтожь намъ дѣлать теперь, Никитишна? сказалъ отчаянно женихъ.

— Что! плюнуть, да и все; разве городъ-то Клязьминъ, чѣмъ сошелся? слава Богу есть невѣсты и пострани Барышниковой.

— Ну ужъ нѣтъ, Никитишна, я что сказалъ, то и сдѣлаю: или же на Барышниковой, такъ и ни на комъ не женюсь.

— Какъ изводишь, твоя на то воля.

— Да вѣдь ты общалась и къ колдуну сходить? А воть дѣло и поправится.

— Мало-ли что въ азартѣ молвится, а какъ раздумаешь, такъ изъ чего это смертный-то грѣхъ себѣ на душу брать? Грѣхъ большой—неотмолимый, да и что привязался ты? хоть бы дѣвно то была, а то...

— А то что?

— Да худые слухи ходять, Лука Герасимычъ! Я ничего не знаю, за что купила, за то и продаю.

— Какъ! обѣ Настасья Ивановна Барышниковой худые слухи ходять? Ну, Никитишна, не завирайся! Неужто моя вишневка такъ плоха, что твой умъ и память прихлонула? проговорилъ Живчикова, а ты слышишь волненья.

— Такъ ты меня, милостивецъ, пьяной считаешь? ну пусть въ такъ будетъ, богатые люди всегда угостятъ, а послѣ обидятъ. А что я тебѣ о Барышниковой сказала, такъ черезъ недѣлю можешь на базарѣ стануть толковать.

— Да, если васъ старыхъ сорокъ десять соберется со своими злыми языками, такъ и на солнцѣ пыль пустять, а не то что на дѣвичью честь, проговорилъ Живчикова.

— Ужъ вездѣ-то мы виноваты! да знаешь ли, мой батюшка, поговору: *чужа на зеркало не падаетъ, коли роза крича*. А Настасья, что же такое? вѣдь не ангелъ-же небесный! *есть на земли жидень, есть хлѣбъ жуешь*. Эхъ! и не такіе сны-та подлаиваются!

— Не мнешь напрасно на дѣвицу! сама ты не умѣла дѣло сдѣлать, да со зла и изводишь небылицы; хоть бы батюшка съ матушкой съ того свѣта пришли и говорили мнѣ, что нибудь такое не хорошее про Настасью Ивановну, я и тутъ не повѣрять бы. Во-первыхъ, знаю, что она дочь хорошаго отца, и дѣвѣ Алексевна худу свою внуку не научить; сидитъ она у окна за стеклами, словно птичка въ клеткѣ; да кто смѣлъ про нею худое говорить? А ты съ такими рвцами, Наталья Никитишна, въ мой домъ прошу не жадовать, я найду другую сваху и подарю ей, что тебѣ посулилъ, а воть дѣло смажетъ. Не хочу я,

чтобъ ты помнила, какъ ко мнѣ дверь отворяется, проговорилъ, въ сильномъ негодованіи, Лука Герасимовичъ. Онъ покраснѣлъ какъ ракъ, и его маленькія глазки быстро перебѣгали съ предмета на предметъ.

— Прощенья просимъ, Лука Герасимычъ! желаю всякаго благополучія, нога моя не будетъ здѣсь, только не пришлось бы тебѣ вспомнить моихъ словъ, говорила хрипло Никитишна, низко отклониваясь хозяйну. Губы ея тряслась и злобно улыбались, глаза сверкали зловѣщимъ блескомъ.

— Силетница проклятая! проговорилъ Лука Герасимовичъ, взволнованнымъ голосомъ, но уходя ея, и, чтобъ охладить жаръ негодованія, принялся за моченныя яблоки.

Лузиха также, задыхаясь, бѣжала теперь домой, какъ бѣжала давеча къ Живчикову; шептала угрозы, и также часто оглядывалась на домъ Луки Герасимовича, какъ и на домъ Барышкова, доколѣ онъ не скрылся изъ виду.

XII.

На другой день крещенья, Иванъ Ильичъ былъ именинникъ; званныхъ гостей нѣкого не было. Именинникъ, увидѣвъ въ себѣ у обѣдни Григорья, милостиво пригласилъ его къ себѣ отобѣдать. У Грѣши сердце такъ и замерло отъ радости; хотя и зналъ онъ, что за столомъ, можетъ быть, онъ увидѣтъ Настю, но боялся измѣнить себѣ, отказаться же не смѣлъ.

Когда хозяйнѣ и прикащикъ пришли отъ обѣдни, у Дарьи Алексѣевны, въ передней избѣ, ужъ накрытъ былъ столъ. Дуныша разрывала сладкій пирожекъ, а у дверей скромно сидѣла Ирина Михайловна, пришедшая поздравить именинника.

Когда Иванъ Ильичъ, помолился Богу, повѣсилъ свою шапку, домашніе начали поздравлять его, и онъ поцаловался съ Федотомъ и Дунышей. Фетинья, что-то копавшаяся у печки, такъ отъскочила, что ему низкій поклонъ.

— Съ ангеломъ поздравляю батюшка, Иванъ Ильичъ, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Дай тебѣ Господи много

леть здравствовать! проговорила мать Григорья, смиренно кланяясь чуть не до земли.

— Спасибо, Михайловна; ну, как поживаешь без старика? сказал ласково Барышниковъ.

— Выстиемъ, батюшка, ужъ надобно жить какъ нибудь, извѣстно, дѣло сиротское, Божьей да твоей отцовской милостью живу не-маленьку, отвѣчала Ирина Михайловна.

— Надобно жить по больше, Михайловна! старика твоего Богъ призвалъ послѣ многихъ трудовъ и немощей. Всѣмъ намъ умереть придется. А тебѣ Господь далъ сына, кормильца подъ старость; ну, что, почитаетъ ли тебя Гришуха-то?

— Еще бы не почитать! Вѣдь я у него одна matka-то, умру такъ и той не будетъ. Эхъ, Иванъ Ильичъ, вѣтъ парнишка-то еще бѣднѣе молодъ, глухъ; служить ли онъ тебѣ мой кормилецъ, какъ слѣдуетъ?

— Покуда я, твоимъ парнишкой доволенъ, а что молодъ, такъ умъ не въ лѣтахъ; есть у насъ у многихъ борода выросла, а ума не смысла; вонъ у меня Илья изъ рукъ вонъ. Что я съ нимъ не дѣлалъ: и лаской и грозой—нѣтъ отъ рукъ отбился, такъ рукой и махнулъ. А ты только проси Бога, чтобъ не забаловался твой сыночекъ, а коли все такой будетъ, какъ теперь, такъ не бойся, твою старую голову прокормить.

— Благодарствуемъ, батюшка, на добромъ словѣ. Ну, Гриша, кланяйся хозяину,—сказала Ирина Михайловна, обратясь къ безмолвно стоявшему у дверей сыну.

Гриша, молча, бултыхнулся въ ноги Ивану Ильичу.

— Не кланяйся, дружокъ, самъ заслужилъ доброе слово,—сказалъ Иванъ Ильичъ.

— Ну, прощенья просимъ, батюшка, пойдемъ, Гриша, — сказала старушка.

— Что ты, Михайловна! нѣтъ отобѣдай у нянькинина; чужихъ узнаю никого нѣтъ, мы все свои, своей семьей, сказалъ нянькинъ. — Григорій тоже останется.

— Ужъ уволь, батюшка, Иванъ Ильичъ, гдѣ намъ бѣднымъ сидѣть съ твоей милостью за однимъ столомъ сидѣть.

— Вотъ тебѣ на! и богатые и бѣдные все равно въ ротъ

ложку носимъ, небось не въ ухо! Есть о чемъ толковать. Оставайтесь! примолвилъ хозяинъ полу-ласково, полу-повѣдительно. Отговариваться болѣе не посмѣла Ирина Михайловна, и, въ ожиданіи обѣда, присѣла на краекъ лавки.

Вошла Настя наряженная и прекрасная, но блѣдная и грустная; увидѣвъ Григорья она остановилась. Никто не замѣтилъ этого движенія, и она, опомнясь, и покрашевъ, подошла къ отцу, поздравила чуть слышно и поцаловала его; потѣтъ застѣнчиво рассказываясь съ Гришей и его матерью.

За столъ сѣли; Иванъ Ильичъ впереди, по обѣ его стороны дѣвушки, возлѣ Насти — Ирина Михайловна. Гришу посадили противъ Дуняши; а Дарья Алексѣевна помѣстилась на кончикъ прѣставной скамьи, потому что ей нужно было часто вставать, чтобъ подавать кушанье на столъ. Фетинья вынимала отъ толпы въ печки.

Дарья Алексѣевна поставила на столъ здобную кулебяку съ осетриной. Иванъ Ильичъ взялъ рюмку, поставилъ на тарелку и изъ стоящей на столѣ фляжки, налилъ въ нее душистой вишневки.

— Ну—ка матушка, поздравь съ ангеломъ!—сказалъ онъ, протянувъ руку съ рюмкою чрезъ столъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ.

— Что ты, дружокъ! словно не знаешь, что имѣльнаго съ роду въ ротъ не беру? Вишь, чѣмъ вздумалъ подчивать, сказала старушка.

— Ну, такъ ты, Михайловна! оказалъ онъ, перепося рюмку къ Иринѣ Михайловнѣ.

— Что грѣха танти, батюшка, Иванъ Ильичъ, и въ красные-то дни не пила, а теперь ужъ не расчинать statt, дѣло вдвое, сказала Ирина Михайловна.

— Вишь какія спѣсивыя! ну, честь предложена, а отъ убавки *Воиъ изъавиль*. А васъ ужъ и подчивать нечего, Гриша-то еще молодъ, а вамъ стрекозамъ знаю, что давно медку хочется. Ну, такъ желаю всѣмъ добраго здравія! воскликнулъ Иванъ Ильичъ и вытянулъ рюмочку.

— На здоровье, на здоровье! сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— Я васъ медкомъ поподчую, и Иванъ Ильичъ, раскупоривъ

бутылку ваннстаго меду, въ которой плавали раздувшіеся изюмины, налилъ въ стаканчикъ, и такимъ же порядкомъ подалъ на тарелку: сперва Дарья Алексѣевна, потомъ Ирина Михайловна, потомъ двѣвушкамъ и наконецъ Гришѣ. Григорій, по обыкновенію, поздравилъ именинника и сталъ пить; крѣпкій медъ бродился въ носъ, слезы навернулись на глазахъ и онъ закашлялся, краснѣя, какъ макъ цвѣтъ; отъ робости, стыда и кашля, онъ закрылся ручникомъ и насилиу прокашлялся. Дуня смѣялась, за то Настя сидѣла, какъ на угольяхъ.

— Ничего, ничего! это значитъ, что вина еще въ ротъ не брала, коли и съ медомъ неумѣешь справиться, сказалъ хозяинъ весело.

Иванъ Ильичъ самъ разрезалъ кулебяку и передъ каждымъ, собственноручно, съ наклономъ, положилъ во аппетитному куску. Потомъ разломилъ свой кусоокъ, перекрестился и, поклонясь на все три стороны, произнесъ торжественно:

— Кушайте!

Все присутствующіе огвѣтили на его поклонъ и, набожно перекрестясь, принялись утолять свой голодъ. Старушки вѣли очень тихо: Дарья Алексѣевна отъ того, что были зубы плохи, а Ирина Михайловна отъ несмѣлости; Настя совсѣмъ не шла и сидѣла потупясь; за то Дуняша безъ всякой церемоніи убирала за обѣщекъ. Гриша ломалъ крошечные кусочки и очень церемонно клалъ въ ротъ; но, не смотря на такую предосторожность, опять покраснѣлъ и закашлялся.

— Не постычка-ли попала! воскликнула Дарья Алексѣевна.

— Что ты, дитятко, сегодня все закашливаешься? шептала Ирина Михайловна.

— Поперхнуло; вѣрно кто нибудь торопится. Проколотите его въ горбъ! кричалъ Иванъ Ильичъ.

— Захлебни кваскомъ, — говорила Дарья Алексѣевна, подавая кружку съ квасомъ.

— Проглоти корочку хлѣбца, шептала Ирина Михайловна, сунувъ ротъ сыну кусочекъ.

— Я говорю, что колотите его въ горбъ! кричалъ Иванъ

Ильичъ. Дуняша хохотала; Настя то краснѣла, то ~~блѣднѣла~~ и готова была заплакать.

— Я говорю вамъ колотите по горбу! что вы оглохли, что ли?

И бѣднаго сконфуженнаго Гришу принялись колотить въ спину: съ одной стороны Дарья Алексѣевна, съ другой Ирина Михайловна. Стоящая у печки Фетинья и безмолвно смотрѣвшая на эту сцену, подбѣжала и преусердно принялась помогать имъ. Грима кашлялъ, слезы катились изъ глазъ его; а три старухи не переставали барабанивать по его спинѣ. — Подавился! кричали онъ въ одинъ голосъ.

— Колотите! воскликнулъ Иванъ Ильичъ и хотѣлъ самъ къ нимъ присоединиться; какъ, наконецъ, Григорій, сконфуженный, не могши сказать слова, или перевести духъ, закрывшись ручникомъ, вскочивъ изъ-за стола, выбѣжалъ въ сѣни. Скамья, на которой онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Дарьей Алексѣевой, потеряла равновѣсiе, опустѣвшій конецъ поднялся и почтенная Дарья Алексѣевна перестанула. На бѣгу Григорій сплилъ съ ногъ Фетинью; отъ сильного толчка новояныкъ ея свалился и съдыя косы повисли.

— Уронилъ! охъ, ноженьку ушибла, говорила Дарья Алексѣевна, сидя на полу и поглаживая ногу. Этакой вѣтеръ проклятый.

— Окосматилъ! ворчала Фетинья, тоже сидя на полу и отыскивая свой новояныкъ, который, прицѣпясь къ волосамъ завязавшимъ, висѣлъ на спинѣ.

Дуняша хохотала; Иванъ Ильичъ улыбался; Настя горела была провалиться, Ирина Михайловна бросилась поднимать Дарью Алексѣевну, и покуда три старухи барахтались на полу, покуда встали, слыи, Фетинья привела въ порядокъ свой туалетъ, покуда всѣ успокоились, перестали охать и сизаться, Грима той порой прокашлялся за дверью, утерся, успокоился и вошелъ въ кабу.

— Неподавился?—

— Прокашлялся?—

— Прошло?

Вскричали три голоса.

— Ничего, прошло, отвечалъ Григорій и по приглашенію хвѣлина сѣлъ на свое мѣсто.

Въ эту минуту дверь распахнулась и на порогъ блеснула желтая наметка Лузики.

— *Вздвѣтъ-ли грѣшныя съ рѣй?* сказала Никитишна, помодалась и низко кланяясь. — Съ ангеломъ проздравляю, дорогой имянинчикъ! примолвила она, обращаясь къ Ивану Ильичу.

— Благодарствую, Никитишна, молвилъ хозяинъ.

— Ну, садись за имянинный столъ, гостья будешь. —

— Благодарствую, батюшка, ужъ и боюсь заглянуть къ твоей милости, вишь *межь нами намедни чорная кошма праслячила*, да все по навожденію лукаваго, да вѣтъ, таяеть, по старой памяти. Идти, молъ, поздравить имянинника, во что ни считеть. А васъ съ имянинникомъ, Дарья Алексеевна! Настасья Ивановна! Авдотья Ивановна! примолвила Никитишна, обращаясь къ хозяйкамъ.

— Благодарствуемъ, отвечали три голоса.

— Ну, полно, что толковать, сегодня для меня истаковский день, чтобъ зло вспоминать, говоришь весело Иванъ Ильичъ. Вѣдь всѣхъ рѣчей не переслушаешь: *собака и на Владыку лаеъ* — Дзвучки маленько покосились на Лузиху; но Дарья Алексеевна, ничего не зная, что произошло между ею и зятсмъ, радушно распаловалась съ гостьей и предложила мѣсто возлѣ себя.

— Ужъ право совѣстно! будто я за обѣдъ такъ-таки марочное и пришла, говорила Лузиха, скинувъ свой тулупчикъ и усажившись возлѣ Дарьи Алексеевны.

— Полно, полно, принимайся-ко за кулебяку, помошь не *опар-сится*, сказалъ хозяинъ, подавая Лузихѣ рюмку вишневаго.

— Ну вотъ, *роковой къ обузу*, а *счастливой къ обѣду*, говорила она, выпить рюмку и разламывая кусокъ кулебяки.

— А, Григорій Степанычъ, Ирина Михайловна, добрыя здорovia! Что *залетѣли вороны въ высокія хоромы?* примолвила она, обращаясь къ Безроднымъ.

Гриша вспыхнулъ отъ досады, а Ирина Михайловна отвѣтила смиренно:

— Не милости, батюшки, Ивана Ильича и мы *опали* за его

транезу; дай Господи ему много лѣтъ здравствовать! не погнушался нами скудными людьми и имъ Богъ не погнушается.

— Хмъ!... хмъ! — промывчала Никитишна, обвела всехъ присутствующихъ злобымъ и насмѣшливымъ взглядомъ, который займала только Дуняша, пристально слѣдившая за всеми ея движеніями. Луиза усердно принялась за кулебяку.

Обѣдъ кончился. Дѣвушки ушли въ свѣтлицу. — Въѣмъ стали собираться домой, благодаря за угощеніе хлѣбосольнаго хозяина; но Дарья Алексѣевна уняла Луизу.

— Вѣдь у тебѣ остался дома кто нибудь, такъ что торопиться, побудь у насъ, восхрани послѣ обѣда, дружокъ.

— Груняша пришла, давече, просто коровой реветь. Извоили нидѣть, няинца-та ужъ руку на ее наложилъ, окровенилъ; слышь, не дала овчиннаго тулупа въ закладъ въ кабакъ нести; а тулупъ-то я сшила на свои родимые денешки, говорила Луиза.

— Ахъ, Ильюшка! ахъ, ворогъ проклятый! восклицала въ годованіи Дарья Алексѣевна.

— Вотъ жуть-то я устоя, идѣ кисель густой! А вѣдь Груню-то я всяюкла, вскормила, вѣтру дунуть не дала, а теперь терпи отъ злодѣя, прослезясь, говорила Никитишна.

— Эхъ, Наталья Никитишна! вѣдь горе-то все по людямъ дошло, а не по лѣсу; замѣтила Ирина Михайловна.

— Такъ ужъ не обезсудь, Дарья Алексѣевна, я у васъ отдохну, сказала Никитишна и полѣзла на полати.

Григорій съ матерью проостились съ Дарьей Алексѣевной и хотѣли идти, первый въ лавку, а другая домой, какъ въ сараи съѣзжалъ ихъ Иванъ Ильичъ и пригласилъ въ горницу.

Возродило послѣдствіе за хозяиномъ и, перестукивъ пороги, стали у дверей. Барышниковъ свѣлъ на лавку.

— Ну, что скажешь, Григорій, на этой недѣлѣ надобно ль Милѣй за товаромъ; въ лавкѣ пусто, одинъ мыши бѣгаютъ, узналъ хозяинъ, обратясь къ Гришѣ.

— Дѣло известно твоей милости, что товаръ нынче, сараи пугу, весь сошелъ, даже стыдно сидѣть въ пустой лавкѣ, вѣжливо отвѣчалъ Гриша.

— И такъ, Михайловна, собирай завтра сама въ дорогу,

Григорья молча поклонилась.

— Ну, и чтобъ тебя было веселее у меня служить, Гриша, такъ я тебя женю; ты ужъ въ такихъ годахъ, въ которыхъ я давно женою была. И живите, да живите съ Богомъ, будешь умна, да небудешь лѣнива, такъ жому прокормишь, свидѣлъ Іоакимъ Иванъ Ильичъ. У Гриши ёкнуло сердце:

— Кланяйся, Гриша, Ивану Ильичу, за его превеликия милости, сказала Ирина Михайловна, Гриша машинально поклонился.

— Я для тебя и невѣсту нашла; ты сегодня съ нами обидать и вѣрно видѣлъ Дунишу, мою вѣстунку, двѣна брать стоятъ тебѣ, послушная, проворная и домоводная, лицесть недурная, да ты самъ видѣлъ, я нарочно и пригласила тебя, чтобы вы дружка поглядѣли, Ну, о придаюмъ толковать нечего, награду такъ, какъ мнѣ Богъ по сердцу положить, говорилъ Иванъ Ильичъ, потупилъ въ полъ.

— Кланяйся, Гриша, кланяйся въ ножки нашему благодѣтелю, сказала Ирина Михайловна, заплакавъ отъ радости и бухнувшись въ ноги Ивану Ильичу.

— Что ты, Михайловна, что за поклоны, сказалъ кавказъ, ходившая старушку съ полу.

— Не только кланяться, мы, батюшка, должны твои ноги лѣзать, да воду пить, проговорила Ирина Михайловна, всхлипывая.

Но Григорій, опершись на косякъ, стоялъ, какъ воступающъ; вѣща въ его глазахъ ходила кругомъ; вѣсто одного Ивана Ильича, онъ видѣлъ трехъ и то окриво какое то туманило вѣща; сердце сильно колотилось, дыханіе въ груди смиралось.

— Что ты болваномъ-то стоишь? Гриша, кланяйся, говорившая, проговорила мать. Но Гриша не кланялся, онъ слышалъ, но не понималъ, что говорили, а только смутно сознавалъ, что это положеніе страшно и безвыходно.

— Батюшка, Иванъ Ильичъ, да можетъ быть парень—та не приидетъ по праву Авдотъ Ивановъ? сказала старушка.

— Вотъ тебя разъ! да какова еще ей рожня? коли и приидетъ, такъ значить худова не выберу; ея дѣло дѣлать—спираться, сказалъ Варыинниковъ и взглянувъ на Гришу, старуш

ротъ отъ удивленія. Въ это время и мать взглянула на него.

— Что съ тобою?

— Что съ тобою, спросили въ одинъ голосъ и мать и хозяйка.

Гриша, молча, склонилъ голову, лицо его было словно у мертвеца; онъ упалъ бы, если бы стоялъ не возле стѣны.

— Знать ты угорьѣлъ, мой голубчикъ? спросила заботливо старушка.

— Угорьѣлъ, угорьѣлъ! выведи его въ сѣни, говорилъ хозяинъ. Гриша пошатнулся, шапка вынала изъ рукъ; мать подняла шапку и подъ руку вывела сына изъ горницы. Онъ машинально сидовалъ за старушкой, сошелъ съ крыльца и присѣлъ на нижніе ступеньки. Ирина Михайловна потерла ему виски сызгомъ.

— Ну, что прошло? спросила она.

— Прошло, отвѣчалъ машинально Гриша. Онъ всталъ и побрелъ съ матерью домой. Холодный вѣтерокъ освѣжалъ его ныряющую голову, и онъ спокойнѣе сталъ обдумывать свое положеніе. Любя страстно Настю, онъ не могъ согласиться на выгодное, при другихъ обстоятельствахъ, предложеніе Ивана Ильича. Отказаться, онъ зналъ на вѣрное, что потеряетъ мѣсто; да никто и въ городѣ послѣ этого его не возьметъ; скажутъ, что дескать, вѣрно самъ худъ, что не могъ ужиться у такого хозяина, какъ Барышниковъ; приняться за отцовское ремесло, отъ рыбаковъ насмѣшскъ не оберешься; дескать хотѣлъ быть лавошникомъ, а сдѣлался лямошникомъ, а старуха-мать на рукахъ, ее надобно кормить. «Нельзя, нельзя мнѣ въ Костромѣ остаться,» думалъ бѣдный Григорій, не могу же я камень на сердце положить, да глядѣть равнодушно, какъ Настю съ другимъ вынчать повезутъ. Нѣтъ! тогда я брошусь въ Волгу. Позду я завтра въ Нижній, закулю рыбы для Ивана Ильича и приплю сѣ вѣрнымъ чловѣкомъ, а самъ тамъ останусь; Нижегородскіе купцы знали меня, когда я жилъ въ Астрахани; не ужто никто изъ нихъ не возьметъ меня къ себѣ? Пусть вѣтры буйные развѣютъ мою тоску-гручину по чужой сторонѣ. Однако мнѣ надобно видѣть Настасю, проститься съ ней въ послѣдній разъ и на всегда. И онъ, дойдя почти до самаго своего дома, вдругъ сказалъ матери:

— Матушка! ключи отъ лавки я у себя въ карманъ забылъ, надобно отдать ихъ хозяину.

— Ты поди, дитятко, домой и пролежись хорошенько, я сама отнесу ключи къ Ивану Ильичу, сказала Ирина Михайловна.

— Гдѣ тебѣ? скоро ли ты добредешь? у меня теперь не болитъ голова и я отнесу, самъ. Сказавши это, Григорій побѣжалъ назадъ къ хозяйскому дому, повторяя про себя:

«Мнѣ надобно ея увидѣть, надобно увидѣть.» Въ самыхъ воротахъ онъ столкнулся съ Фетиньей, которая шла со двора.

— Дома Иванъ Ильичъ? спросилъ онъ.

— Отдыхаетъ. —

— А Дарья Алексѣевна?

— Тоже отдыхаетъ. —

— А дѣвицы?

— Кто ихъ знаетъ! онъ въ своей свѣтлицѣ. Да что на тебѣ лица нѣтъ, Григорій Степановичъ? — спросила Фетинья.

— Куда идешь? Воротись! вотъ тебѣ ключи; когда проснется хозяинъ отдай ихъ ему; да еще прошу тебя, Фетинья Прохоровна, сослужи ты мнѣ службу въ послѣдній разъ, скажи Настасѣ Ивановнѣ, что я желалъ бы съ ней перемолвить. Можно ли теперь войти мнѣ въ старую избу?

— Какъ не можно, можно! хозяева храпомъ храпятъ, парни еще изъ лавки небывали; Потапъ радъ, на печь забрался, никто не увидитъ. Пойдемъ-ка туда, а то здѣсь со мною глухою старухой калякать не ладно. —

Григорій и Фетинья вошли въ избу.

— Поди и скажи Настасѣ Ивановнѣ, что я ее здѣсь жду, и какъ совсѣмъ смеркнется, то пусть она пришла бы сюда, не замедлила, а коли заупрямится, такъ я въ Волгу брошусь, такъ и скажи, прокричалъ Гриша надъ самымъ ухомъ Фетиньи.

— Такъ, такъ! прошптала Фетинья, вытаращивъ въ испугъ свой единственный глазъ.

— Иди сейчасъ и скажи Настасѣ Ивановнѣ всѣ мои слова! И Григорій почти насильно вытолкнулъ Фетинью изъ избы.

Старуха въ испугъ побѣжала въ свѣтлицу и пересказала все, что слышала отъ Гриши. Дѣвушки не на шутку перетрусили, и

разруждая между собою, и торжась въ догадкахъ. Настя приказала Фетиньѣ приготовить фонарь и стала истерзательно дожидаться покада совершенно смеркнется.

— Ты съ Фетиньей пойдешь?—спрашивала Дунаша.

— Куда же; еще крикъ тамъ заведетъ и пожалуй на дворъ ухлывнетъ,—отвѣчала Настя рѣшительно.

Этотъ отвѣтъ доказываетъ, что въ рѣшительную минуту добрая дѣвушка почти всегда дѣлается героиней.

Стремжало.

Настя съ трепещущимъ сердцемъ накиннула шубейку на плечи, вышла внизъ къ Фетиньѣ, взяла у ней зажженный фонарь, спрятала подъ шубейку, и забывая опасность, пустилась бѣгомъ въ пустую избу. На порогъ встрѣтилъ ее Григорій и заключилъ въ свои объятія.

— Гриша, что съ тобой? сказала тихо дѣвушка и едва переводя духъ, опустилась на скамью.

Гриша взялъ у ней фонарь и поставилъ на столъ.

— Здравѣ-ли ты, мой не наглядный? отъ чего ты такъ блѣднѣешь? спросила она опять, глядя съ безпокойствомъ на блѣднѣющее лицо Григорія, когда свѣтъ фонаря освѣтилъ его измученное лицо.

— Настинька! жизнь моя! прости на вѣки! злая доля поработила нашему счастью; не дада намъ свыкнуться, а ужъ и-вѣдѣть растаться, отвѣчалъ молодецъ, утирая слезы.

— Что же случилось? въ испугъ спрашивала Настя.

Григорій, свѣвъ подлѣ ся, рассказалъ подробно о предложеніи Ивана Ильича.

— И такъ, я завтра иду и никогда не возвращусь; прости мой голубка, какому злодю ты достанешься? заключилъ онъ, вѣсившись и прижимая къ груди трепещущую дѣвушку. Но Настя сказала рѣшительно:

— Ты опять придешь, Гриша!

— Чтобъ видѣть, какъ тебя стануть съ другимъ вѣчать.

— Съ другимъ вѣчать меня не стануть, потому что я не войду.

— А батюшка прикажетъ?

— Прежде я сама такъ думала, а теперь пусть прежде рас-

вернуть мою блудную грудь, да вынуть мое ратное, тогда ужь пусть и далають со мною, что хотятъ, когда я дышать перестану, отъѣхала дѣвушка.

— Боюсь я воротиться, что я скажу Ивану Ильичу? что я хочу жениться на Авдотѣ Ивановнѣ? онъ обидится этимъ. Вѣдь онъ мнѣ все же добра желаетъ.

— А ты и забылъ, что Дуныша не пойдеть за тебя, вотъ и вся не долга! Вѣдь ты не виноватъ же, что она не пойдеть, сказала Настя, утирая глаза своему любезному и притѣшав улыбаясь.

— Почему знать, моя лапушка, можетъ быть Авдотья Ивановна не захочетъ поперечить своему второму отцу.

— Да и не захочетъ же уложить и меня въ гробъ. Не бойся ты, другъ мой, и прїѣзжай изъ Нижняго, а послѣ подумаемъ: утро вечера мудреннѣе, проговорила восторженно дѣвушка, все болѣе и болѣе увлекаясь своимъ чувствомъ.

Фригорій утѣшенный, обрадованный, обнадеженный вздохнулъ глубоко и горе, какъ гора, скатилось съ сердца; онъ нѣжно цаловалъ дрежащія руки своей утѣшительницы.

Въ это время Иванъ Ильичъ, долго думая о томъ и о другомъ и ворочаясь съ боку набокъ, соскучилъ; вставши, онъ зажегъ свѣчку, потому что уже совсѣмъ смерклось, пошелъ въ избу. Первая проснулась Лузиха, за ней и Дарья Алексѣевна стала звать и потягиваться.

— Заспались, старушки Божьи! вѣдь ужь вечеръ надвора, — сказалъ Иванъ Ильичъ.

— И мыравду заспались. Батюшки спятъ! меня Аграфона-те зажала, — говорила Лузиха, сходя съ полатей, — вѣра и ко дровамъ.

— Сиди у насъ вечеръ, — говорилъ Иванъ Ильичъ.

— Останься, дружокъ, прибавила Дарья Алексѣевна.

— Нѣтъ, мои милостивцы, времячко домой идти, боюсь злодѣй-та Илюшка, бабу пристрастилъ, что дескать живой косточки не оставлю, такъ и боюсь, не ворвался бы къ ней безъ меня, да не ухвонилъ бабенку.

— Господи помилуй! какой Илья-парень смиренница былъ, что только съ нимъ стало! произнесъ Барышниковъ со вздохомъ.

Наталья Никитишна надъла свой тулупчикъ и, покрывшись желтою наметкою, простилась съ хозяевами. Сойдя съ крыльца, она взглянула въ ту сторону, гдѣ находилась старая изба. Узкая полоса свѣту, сквозь щель закрытаго ставня, тускло отражалась на снѣгу. Лузиха поняла въ чемъ дѣло; она боялась подойти къ избѣ, чтобъ скрипъ свѣгу не измѣнилъ ей и той порой бесѣды не разбѣжались. Постоявъ съ минуту, Лузиха воротилась въ избу. Хозяева сидѣли по прежнему.

— Что это у васъ въ старой избѣ за чудеса дѣлаются? свѣтъ такой изъ окна въ щелку видно! Не ужто нечистая сила шутитъ? святки ужъ прошли, сказала Лузиха изумленнымъ хозяевамъ.

— Наше мѣсто свято! проговорила Дарья Алексѣевна крестясь.

— Полно не показалосьли?—молвилъ Иванъ Ильичъ.

— Какое показалось! коли не вѣрите, такъ взгляните сами, съ крыльца все видно.

Иванъ Ильичъ и Дарья Алексѣевна, въ сопровожденіи Никитишны, вышли на крыльцо.

Въ самомъ дѣлѣ, полоска свѣту, пробиваясь сквозь щель ставня, стлалась по снѣгу.

Зять и теща въ недоумѣніи переглянулись между собою.

— Что такое? что нибудь да не просто, съ нами Богъ, сказала робко Дарья Алексѣевна.

— А вотъ, посмотримъ матушка, кликну-ка изъ-низу Потана. Теща позвала Потана.

— Вотъ теперъ пойдемъ и поглядимъ, что, тамъ такое? матушка, иди впередъ, съ молитвой, сказалъ Иванъ Ильичъ.

— Что ты дружокъ! мое-ли дѣло передомъ идти, Господь съ вами! проговорила старушка, дрожа отъ страха. Пусть Потанъ идетъ.

— Нѣтъ, Потанъ пойдетъ сзади; иди ты Никитишна впередъ; вѣдь ты первая чудо увидѣла, сказалъ хозяинъ, обратясь къ Лузихѣ.

— Что ты, Иванъ Ильичъ! твое хозяйское дѣло, тебѣ честь и мѣсто, мое дѣло женское.

— Нэтъ, нэтъ Никитишна! иди ты впередъ.

— Иди впередъ, дружокъ, Наталья Никитишна, повторила Дарья Алексеевна.

— Нэтъ, нэтъ Иванъ Ильичъ!

— Нэтъ, нэтъ Никитишна! говорилъ Иванъ Ильичъ, толкая Лузиху впередъ.

Никитишна нисколько ничего не боялась, она знала въ чемъ дѣло и внутренно смѣялась.

Всѣ двинулись къ необитаемой избѣ. Потанъ шагаль сзади, удивляясь хозяйскимъ затѣямъ, и когда увидѣлъ свѣтъ въ щель ставни, то дрогнувъ и тихонько сотворилъ молитву; онъ обратился бы всматривать не разузнавши дѣла, еслибъ смѣлъ это сдѣлать. Толпою окружили они волшебное окно; снѣгъ хрустѣлъ подъ ихъ ногами; но молодая чета въ необитаемомъ убѣжищѣ, забывъ весь міръ, изжнѣла о своей любви, о своей будущности, строя планы, одинъ одного несбыточнѣе и осыпали другъ друга пощадками.

Дозоръ остановился.

— Ну, погляди же въ щелку Наталья Никитишна, говорилъ Иванъ Ильичъ.

— Самъ погляди Иванъ Ильичъ! Мое дѣло женское, что-то боюсь.

— Погляди, дружокъ, Никитишна, шептала Дарья Алексеевна, держась за Потапа.

— Сама погляди, Дарья Алексеевна.

— Что ты дружокъ! съ роду такихъ чудесъ не видала; да я съ ума сойду, просто ослѣпну.

— Ты, ты погляди Никитишна! говорилъ Иванъ Ильичъ, толкая Лузиху впередъ.

Лузиха поглядѣла въ щелку и за смѣялась злобно: сцена прѣзшла ея ожиданія. Гриша сидѣлъ возлѣ Насти, обнявши ее; головка дѣвушки лежала на его плечѣ.

— Что ты видишь? спросилъ съ любопытствомъ Барышниковъ.

— Что видишь, дружокъ? повторила робко Дарья Алексеевна.

Потапъ дрожалъ, какъ осинный листъ и ужалъ бокъ, если бы не держалась за него старая козявка.

— Да ничего страшнаго нѣтъ, что-то не могу развѣдать, отвѣчала Лузиха. — Утебя глазки-то по свѣжѣе, погляди на самъ Иванъ Ильичъ!

Ободренный Иванъ Ильичъ, смѣнилъ Никитишну у щели. Долго глядѣлъ онъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ, читалъ тихонько воскресную молитву, но видѣніе не пропадало. И вотъ оскорбленный отецъ опомнился.

— Злодѣй! — закричалъ онъ, какъ раненный звѣрь. — Потапъ, за мной! — и бросился въ избу. Потапъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, продолжалъ за Хозяиномъ. Лузиха, злобно улыбаясь, пошла за ними изъ любопытства. Дарья Алексѣевна боялась одна остаться на дворѣ, все еще приписывая эту суматоху и бѣшенство зѣта чему-то сверхъ естественному; она схватила за полу Никитишина тулупчика и хотѣла ее удержать, но такъ какъ Лузиха была сильнѣе и хотѣла непременно быть въ избѣ, то Дарья Алексѣевна и была почти насильно увлечена.

Настя услышала голосъ отца и страшно вздрогнула, это успѣла поднять головы, какъ дверь, которую она забыла запереть изнутри, быстро распахнулась и передъ испуганной челою, какъ грозная тѣнь, стоялъ разгнѣванный отецъ; изъ-за него выглядывали: глупое лицо и широкія плечи Потапа, изъ-за Потапа неприязненно сверкали глаза Никитишны, а за ней тряслись низенькія кокошки Дарьи Алексѣевны.

Не успѣла Настя ахнуть, а Григорій вскочить съ мѣста.

— Злодѣй! варваръ! что ты сомною дѣлаешь? — рыкнулъ своимъ голосомъ Иванъ Ильичъ и сильною рукою схватилъ Григорья за воротъ. Гриша помертвѣлъ, Настя бросилась между ними.

— Батюшка, прости, онъ не виноватъ, вскричала она, я одна, я одна виновата передъ тобою!

— Прочь змѣя подколодная, — вскричалъ Иванъ Ильичъ и сильно оттолкнулъ ее.

— Потапъ, поди сюда, вижи! крути вора!

Но Потапъ, самое доброе существо отъ природы, никакъ не хотѣлъ помогать хозяину, въ такомъ озорномъ дѣлѣ, а только,

выставив свою круглую рожу, молча глядеть на происходящее. Теперь только Дарья Алексеевна догадалась въ чемъ дѣло.

— Бейте его! убейте, избейте! живой-кости не оставляйте! руки, ноги обламывайте! кричала она, и бросаясь неистово на Григорья, начала кулаками барабанить по его спине, только гораздо больше, измѣ даяща за обэдомъ.

Гриша не вытерпѣлъ; онъ рванулся, что было силы и, оставивъ въ рукахъ Ивана Ильича воротъ своей астраханской рубахи, отбросивъ Дарью Алексеевну въ сторону, словно кошку, выбѣжалъ изъ избы; но боясь погони, онъ непобѣждалъ на улицу, а замѣтивъ отворенный коровникъ бросился туда и спрятался. На дорогѣ онъ ошибъ съ ногъ Фетинью, которую послала Дуниша, по уходѣ Настя стоявшая у окна, какъ будто на часахъ, и увидѣвшая, какъ отецъ со старухами пошелъ къ старой избѣ и послѣ всѣ вошли туда.

Иванъ Ильичъ, выпустивъ изъ рукъ Григорья, обратился къ Настѣ; онъ схватилъ ее за длинную шелковистую косу и тропнулъ о полъ, вскричавъ—убью какъ гадину!

— Батюшка, прости! простонала Настя и лишилась чувствъ...

— Какой я твой батюшка! у меня нѣтъ дочери, будь ты прокля... — онъ недоговорилъ и оттолкнулъ Настю ногою, бросясь на лавку, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

— Того и стоить, безстыдница этакая, позорница; покорь всему роду-племени, опозорила мою съдую голову. Что теперь, стану говорить? чему, дескать, Дарья Алексеевна внучку-та выучада, да я тебя живую не оставляю, кричала бабушка и бросаясь на безчувственную внучку, колотила по чему попало.

Въ это время въбжала запыхавшись Фетинья.

— Что это? Настеньку-то мою, голубушку-то мою! не дамъ же, не дамъ надъ нею наругаться, — кричала она, загородивъ Настю собою, такъ что удары Дарьи Алексеевны падали на Фетинью.

— Вотъ тебя, вотъ тебя старая потатчица, приговаривала хозяйка, дубася кривую, свою вѣрную, служанку.

— Бей меня сколько душъ угодно, поколъ руки не отобьешь, матушка Дарья Алексеевна, а ужъ Настеньку не дамъ, воля твоя.

— Потапъ, Потапъ! за чѣмъ мы злодѣя-то упустили? — говорилъ Иванъ Ильичъ, колотя кулакомъ по столу.

Но, Потапъ, будто не его дѣло, переступалъ съ ногъ на ногу, ночесывалъ затылокъ и молча ухмылялся.

— Чѣмъ же молодецъ-то виновать? Вѣдь безъ зари красное солнышко не взойдетъ, а безъ прилуки молодецъ къ красной дѣвушкѣ не зайдетъ — замѣтила хладнокровно Лузиха, словами пѣсни.

Дуняша, ожидавшая съ нетерпѣніемъ Фетинью, наконецъ сама рѣшилась явиться на сцену. Бѣдная дѣвушка вскрикнула, увидѣвъ въ какомъ положеніи Настя; она растолкала Потапа и Никитишну, и тоже не очень учтиво толкнула грозную бабушку, потомъ обратясь къ Потапу, сказала настойчиво:

— Потапъ! возми на руки Настиньку и снеси въ свѣтлицу. Они ея здѣсь убьютъ. — Потапъ, видя, что подъ этимъ предлогомъ онъ скорѣе всего можетъ отсюда удалиться и что его заставляютъ не бить, а спасти отъ убійства, былъ очень радъ, и схвативъ Настю, какъ перышко, понесъ ее въ свѣтлицу. Фетинья последовала за ними; а Дарья Алексѣевна за Фетиньей, толкая ее и тузя въ спину.

— Какой страмъ надѣлали, да еще работника позвали, какъ будто на показъ! шептала Дуня.

— Ну, что Иванъ Ильичъ, не вѣришь теперь своимъ глазамъ? мнѣ-то рвчамъ ты не вѣрилъ, да меня же и обидѣлъ, — говорила Лузиха, вставъ передъ огорченнымъ отцемъ, когда всѣ ушли изъ избы.

— Я виноватъ передъ тобою, Никитишна! прости! за гордость меня Богъ наказалъ — прошепталъ Барышниковъ.

XIII.

Огарокъ догорѣлъ и погасъ; Иванъ Ильичъ и Лузиха вышли, не сказавъ ни слова другъ другу. Первый направился къ своимъ хоромамъ, другая домой, но она не пошла со двора въ ворота, а ближайшею дорогою; черезъ огородъ Барышниковыхъ и со-

одной огородъ была проложена трона и выходила въ переулокъ, въ которомъ былъ домъ Никитишны. По этой-то тропѣ отправилась Лузиха. За минуту передъ этимъ, Григорій, все видящій въ коровника, какъ пронесли Настю домой, тихонько вышелъ изъ своего убѣжища и также направился по этой тропѣ, но услышавъ, какъ снѣгъ захрустѣлъ подъ ногами Лузики, бросился къ сосѣднему сараю и сталъ въ тѣни, возлѣ забора. Мѣсяцъ едва просвѣчивалъ сквозь тяжелыя облака, которыя, кажется, говорили, что вотъ такъ снѣгъ и посыплется на землю.

Лузиха шла въ радостномъ волненіи и почти задышалась; по-прежнему она оглядывалась, покачивала головою и улыбалась. Наконецъ, поровнявшись съ спрятавшимся Гришей, она остановилась, оглянулась назадъ и сказала съ злобнымъ смѣхомъ:

— Ну, вотъ и на моей улицѣ праздникъ! Никитишна-то хочется, а вы, мои обидчики, поплачьте. Вотъ и дочка твоя дяко-винная, Иванъ Ильичъ! вотъ и внучка твоя степенная, Дарья Алексевна! вотъ и невеста твоя прекрасная, Лука Герасимычъ! ха, ха, ха! Кто бы подумалъ? Гришка Безродный? ха, ха, ха! *за-мѣтила корона въ высокія хоромы.*

Григорій слышалъ все отъ слова до слова; ему хотѣлось броситься и задушить эту вѣдьму, но онъ удержался.

— Славное я пиво заварила! Не насмѣхаться же вамъ надѣною. Вотъ я и старая сорока, и змѣиный языкъ, и пьяница! вотъ раскैसे-ка теперь, расхлебайте это горе,—каково! Судьба-то сама за меня отплатила.—И Никитишна, захохотавъ, пошла своей дорогою, не замѣтивъ Григорья. Когда шаги ея затихли, онъ вышелъ тою же дорогою, въ первый разъ въ его кроткой, нѣжной душѣ зашевелилось чувство мести.

«Такъ вотъ отъ кого сырѣ-боръ загорѣлся!» думалъ онъ. «Она, она злодѣйка ваткнула на насъ домашнихъ Нasti, она отубила мое счастье, ладно! ты дорого за это заплатишься.» И Григорій въ бѣшенствѣ бѣжалъ по городскимъ улицамъ; онъ желалъ догнать ее и изгрызть, изорвать въ куски, уничтожить виновницу своего несчастья, но Лузиха давно уже была дома, а онъ не зналъ, гдѣ она живетъ. Долго шелъ съѣ, самъ незная куда, безсознательно блуждая изъ улицы въ улицу, но домой

идти не хотѣлъ, сказать правду матери онъ не могъ, солгать теперь не умѣлъ.

Прохожіе въ остановку смотрѣли на него, и покачивая головой продолжали путь свой; но онъ никого не видѣлъ. Все окончилось позже и позже, проходящіе на улицахъ попадались рѣже.

И вотъ передъ Григорьемъ какая-то гора, онъ взбѣгалъ на эту гору: справа и слева оврагъ, въ оврагъ съ лѣвой стороны; свѣтитъ огонекъ и туда ведетъ крутая тропинка. Онъ пошелъ по этой тропинкѣ. Низенькій, пошатнувшійся домишка, украшенный надъ дверью словою веткой и освѣщенный сдвинутой разбитымъ фонаремъ; рекомендовалъ себя съ веселой стороны; широкая дверь безпрестанно отворялась и затворялась, въ нее входили и выходили темныя фигуры, окутанныя седыми паромъ, который клубами вырывался изъ кабака, вмѣстѣ съ пѣснями и крикомъ гуляющихъ посѣтителей. Гриша дотѣпился до крыльца и опустился на нижнюю ступеньку, опершись головою о столбъ, поддерживающій крышу надъ крыльцомъ. Онъ усталъ душевно и физически ослабъ, и смутно припоминалъ все, что съ нимъ случилось, и не узнавалъ мѣста, гдѣ теперь находится.

— Чортъ бы тебя взялъ! у мѣста усялся! — окричалъ одинъ изъ посѣтителей веселаго дома, выбывая оттуда и со всего размаха перекувырнувшись черезъ Григорья.

— Вотъ же я тебя попотчую, ты, шельмецъ, чуть безъ головы меня не сбывалъ: попробуешь моего кулака. Уже ноги у Илья руки развязались, такъ все его силы попробуютъ, — говорилъ Лопатъ, вставъ съ земли и подступая къ Гришѣ со сжатыми кулаками.

— Гдѣ я? проговорилъ Григорій, приходя въ себя.

— Вотъ какъ нализался! не помнитъ, гдѣ онъ, аи пріятель! Въ сулъ, въ шепитой сулъ (41) — говорилъ Илья со смѣхомъ, уже миролюбиво поглядывая на Гришу.

— Въ сулъ?

— Ну, да, въ сулъ. Еще не бойся не на томъ свѣтъ. Аи, да что это! Григорій Стеянычъ? какими судьбами? Али въ напикомъ попалъ? Али заветнаго хлебнуть захотѣлось? — спрашивалъ Илья.

Иди-ка, братъ, угощу. Корову продаѣ, деньги есть, гуляй душа! — и Лопата потащилъ Гришу въ кабацъ. Послѣдній машинально следовалъ за нимъ.

— Эй, Сидорычъ! развернись, братъ! — крикнулъ Илья цѣлующицу и усадилъ Григорья въ уголъ, налилъ ему стаканъ вина. Григорій оттолкнулъ стаканъ, драгоценная влага плеснулась.

— Пить такъ пей, а не лей Григорій Степанычъ! вѣдь за вино денежки заплачены, — проговорилъ глубокомысленно ни гдѣ взявшійся Ворона.

Дружка онемѣлся, и теперь только увидалъ двухъ пріятелей.

— Выпей, Григорій Степанычъ! Эхъ, коли попалъ къ намъ, такъ по дружески, нечего въичаться, — говорилъ Илья.

— Охъ, братцы! не волей попалъ я сюда, а злая участь, да горе, в не помню, какъ завели меня, проговорилъ Гриша, вздохнувъ глубоко.

— А меня-то кто въ первый разъ въ кабацъ привалъ, какъ не злая доля! — сказала Илья. А вотъ вышей-ка, отъ сердца и отляжетъ, словно живая вода по жиламъ протечетъ; выпей, другъ!

— Выпилъ бы я не только стаканъ, а цѣлую бочку, если бы только было залить мое горе. У меня вѣдь пожаръ, вѣтъ туфъ. Григорій ударилъ себя въ грудь.

— А вѣтъ вышей же, говорю тебѣ, право слово, вѣтъ рукой выжить.

Гриша хлебнулъ и закашлялся.

— Ничего, — первая-то коломъ, а другая околела, — завылъ Ворона.

Гриша померещился и допилъ стаканъ. Какая-то животворная тѣлота продлилась по всему существу его, отъ сердца, какъ будто что отлегло, только голова отяжеледа, да въ глазахъ стало рябко.

— Ну, что, полегче стало?

— Да, полегче, Илья Яковлычъ! Спасено тебѣ; а все нахераше, что я сюда попалъ, говорилъ Гриша, тряхнувъ кудрами и повелъ пригладить нѣтъ рукою.

— Да вѣдь самъ сказалъ, что неволя завела тебѣ сюда, — выдалъ злая доля.

— Да и какая злая-то доля, какое горе-то! Эхъ! и Григорій махнулъ рукою.

— И горе намъ повѣдай—попріятельски, мы и горе разгрюсемъ и виастъ его зальемъ; легче будетъ—повѣрь мнѣ, какъ я; такъ всякому про свою горькую долю рассказываю, и сердце лучше, не болитъ; а то брать все на сердце скрывать становитъ, тотчасъ сухотка приключится,—утѣшалъ Илья. — На-ка выпей еще!

Григорій не отговаривался отъ другаго стакана и кой-какъ вытянулъ весь.

— Ну, теперь закусн!—сказалъ Лопата, подавая ему кусокъ соленого судака, но Гриша оттолкнулъ закуску, и подперши руками, опустилъ голову.

— Не ешьи головы, не печаль хозяина; а я хозяинъ-та таропатый такой. Ну-ка, Илья Яковлitch, поднеси и мнѣ,—жуды нишло;—проговорилъ Ворона своимъ глухимъ голосомъ.

— Этакая несытая утроба, бочка бездонная! сколько сегодня выпилъ, а все не спойшь тебя, кощей безсмертный! сказалъ за уголъ Илья.

— Развѣ въ пазуху, проговорилъ Гриша, поднявъ голову и стисненными глазами глядя на Ворону. Что это пазуха-то и таманы у тебя отдулись? чѣмъ набиты?

— Чѣмъ? А вотъ гдѣ гусь, али курица, али и галка, похалуй, перышко потеряетъ, я все поднимаю, да въ карманъ; да въ пазуху, да такъ зголоўе, да двѣ подушки и набиралъ; а теперь въ верину началъ копить; глянь-ка что сегодня собралъ,—сказалъ Ворона и вытащилъ изъ пазухи мѣшокъ съ перьями.

— Вотъ домоводъ! всякую дрянъ во дворѣ тащить,—кричалъ Лопата захохотавъ,—а я такъ все изъ дому. Довелъ меня жена да тетка ея, вѣдьма проклятая, Наталья Ниветинна, довели меня до того! Все корятъ, вишь домъ женинъ; вишь я бездомокъ, вишь въ домашнемъ быту не помогаю. А куда же и деньги дѣвалъ, какъ у Ивана Ильича жилъ? вѣдь я 15-ть рублей въ годъ получалъ! И все въ домъ уходило. Да тамъ-то ты, али меня, какъ ржа желѣзо; ишь мало добываю, жену наряжаю. А что, воровать что-ли мнѣ было на ея наряды? Дожой приду: жена ѣсть, а тетушка нуще! Слушалъ, слушалъ, глядя,

гнать, да и пошел... а Ворона дало говорить, что первая то коломъ, а вторая соломъ. И мзота лишился; а съ гора и пуце, и пуце; да и тутъ еще не былъ мою Аграфену Матвеевну до вчерашняго дня, нѣтъ, рука не поднималась; а вчера, пришелъ я домой, подъ-вечеръ, ужъ выпивши, знаешь, и вынулъ я изъ сундука свой овчинный тулупъ, хотѣлъ его для своей надобности заложить, безъ сапоговъ хожу. Она не давать, гонитъ меня, не-мать, дескать, вонъ и не заглядывай ко-мнѣ,—домъ, слышь мой! я говорю: смотри, Груня, не наскочи на кулакъ! а она, что бы вы думали? Схватила кочергу, да меня кочергой, а сама кричитъ: вонъ, вонъ! слышь, разбойникъ! убирайся отсюда! мнѣ и тетюшка Никитишна велѣла гнать тебя въ три шелена! Врешь! жила я, да словно руки-та у меня кто развязалъ; какъ началъ ее голубушку валять со щеки на щеку, нолды алый сокъ изъ зубовъ показалося. Кричитъ проклятая благимъ матомъ; ребятишки ронуть, сбѣжались сосѣди, постояли, поахали, да вѣстро—со-мъ собаки рызуются, — чужая не суется, всѣ и разошлись. Вотъ, какъ я натѣшился, сердце уходилось и жалко стало ея; одиному свирѣлъ сердце, махнулъ рукой и ушелъ, дома не мочезалъ. Прихожу сегодня утромъ; никого нѣтъ, изба заперта; я хватъ въ хлѣвъ, корову за рога, да и свелъ въ мясной рядъ. Ну, вотъ и съ деньгами. Жаль только, что подъ горячій часъ мнѣ Лузиха надъ руку не попала, а то я заставилъ бы ее помянуть пламяничка. — Илья замолчалъ, тряхнулъ головой и щелкнулъ пальцами.

— Эта-то Лузиха! эта-то злодѣйка и меня погубила, восклицнулъ Григорій, которому хотѣлось высказать свое горе.

— Да ее живую надобно въ землю зарыть. Ну-ка рассказывай, молодецъ!—Илья устылся слушать, а Гриша рассказывалъ все безъ утайки, что съ нимъ случилось.

— Хороша! право слово хороша Настасья Ивановна! я было всегда ею любовался,—проговорилъ Илья, выслушавъ рассказъ.—А что до тетюшки-то, она наша злодѣйка. Пойдемъ, братъ, Гриша, потышимся надъ нею вдоволь, отваяемъ ей бока! не смѣяться же ей вѣдмѣ надъ такими молодцами. У Илья, руки

развизались, и онъ друга не выдастъ. Ну, идемъ что-де-тъ-прямомилъ онъ, сжавъ свои огромные кулаки.

Взигъ Григорьямъ овладѣла страшная ярость, которая дала душить его.

— Идемъ! вскрывалъ онъ, и Верепа не успѣлъ мигнуть. Въ два шага товарища, протолкавшись сквозь толпу кланяющихся, неслышимо оставилъ сулу.

— И ей достанется, и Аграфенъ достанется. Эхъ Гриня, шулки, мечи нѣтъ, чешутся! — говорилъ дорогого Лопата. Но Григорій молчалъ, новая страсть — жажда мести — овладѣла имъ.

Такъ дошли они до жилища Лузихи и остановились. Ворота были заперты, потому что давно была глухая полночь. Избушка притаялась за заборомъ, окна не были закрыты, изъ нихъ едва виднѣлся тусклый свѣтъ лампы, теплящейся у образа. Желѣзка и племянница крѣпко спали. Дети Ильи также заботливо уложены были на полатахъ. Наши герои перешагнувъ черезъ невысокій заборъ, заглянули въ окна и торгнулись у крыльца, которое, по обыкновенію, было заперто.

— Что мы теперь будемъ дѣлать? спросилъ упрямо Григорій.

— А вотъ увидимъ! — отвѣчалъ хладнокровно Лопата, подождавъ кругомъ избы. Они зашли сзади. — Э, э! — промывчало Ильи, взглянувъ на окно задней горенки, закрытое ставнемъ. Онъ оторвалъ ставень, высадилъ кулакомъ окончину и вскакивалъ въ окно такъ скоро, что Григорій не успѣлъ опомниться.

— Сюда, за мною, Гришенька! дорога-то широкая! — говорилъ Лопата, шныряясь въ потьмахъ на кованые ларцы и дубовые сундуки. — Эхъ тетущка, сколько добра ты накопила! А все Лисицыны труды. Ну, да не только онъ, можетъ и ты съ нимъ закачаешься между двухъ столбовъ на перекладнѣ.

Григорій также ощупью пробирался вслѣдъ за нимъ. Илья дошелъ до двери — она была заперта снаружи. Но что могло противиться силъ этого богатыря! онъ понатужился и пробок выскочили изъ дверей; маленькій височій замокъ отлетѣлъ въ сторону. Они вступили въ сѣни, прошли ихъ ощупью и отворили дверь въ переднюю избу. Все было тихо. Они увидѣли, при тускломъ свѣтѣ лампы, широкую постель, на которой спала тѣтя

из женщины. Груня у стены, поджав правую руку под щеку. Ея блондурият косы разметались по подушникъ. Съ краю сидѣла Лузика, она лежала навзничъ и сильно хранила; повоились обилие на-сторону.

— А, разлучница! разлучила ты меня съ женою!—вскричалъ Илья и схвативъ Никитишну за воротъ, треннулъ о зѣмь. Она открыла глаза и смутно озиралась.

— Не ты-ли учила жену гнать мужа изъ дому?—кричалъ онъ, и страшные кулаки скакали по тѣлу Никитишны.

— Не ты-ли, злодѣйка, погубила меня и Настю и похвалилася своимъ руководльемъ, насмѣхалась надъ нашимъ горемъ? кричалъ Григорій въ страшной злобѣ и принялся душить Лузiku.

— Пу...сти...те ду...шу на по...кая...н...хрипѣла старуха, узнавъ враговъ своихъ.

— Не щади ся! говорилъ Илья.

— Не щади ся! повторилъ Григорій.

Груня, какъ полбумная, вскочила безъ памяти и смутно глядѣла на происшедшее. Сначала она думала, что все это во сна видѣтъ, но потомъ опомнилась, узнавъ своего мужа.

— Злодѣй! разбойникъ! ты убьешь тетюшку! Батюшки—собоудники! помогите! выручите!—кричала она, но выйти изъ избы не могла, потому что Илья загородилъ дорогу.

— А! и ты моя боярыня запѣла! Погоди, я раздѣлаюсь съ тобой!—у Илья руки расходились—я тебя поучу, какъ мужа по-чуждой битъ! и Лопата, схвативъ жену за косы, привязалъ къ ножкѣ тяжелаго дубоваго стола и снявъ съ себя веревку, которой былъ подпоясанъ, (шелковый поясъ давно уже пропилъ) связалъ на обоихъ концахъ по узелку и принялся бичевать свою блондурную страдалицу, припѣвая:

«Плетка хлынула,

«Ой люли, люли!

«Кровь пробрызнула,

«Ой люли, люли!

«Млада навизгнула,

«Ой люли, люли!

Напрасно кричала Груня, напрасно рвалась косы съ себѣ.

одинъ рядъ обвивались вокругъ столовыхъ ножекъ, были прижаты къ полу, и оторваться было невозможно; напрасно плакали на податяхъ проснувшіеся дѣти, Илья Яковлевичъ тыкался надъ сожительницей, какъ ему хотѣлось.

Я не былъ золъ, но сами меня собакой сдѣлали; ну, а отъ собаки нечего хорошаго ожидать, — разсуждалъ онъ, кончивъ рацию и не переставая работать веревочкой по Грунинымъ плечамъ, между тѣмъ, какъ Григорій управлялся съ тетушкой: онъ былъ ее чѣмъ попало: кулаками, пинками, каблуками сапоговъ. Луиза сначала кричала, потомъ стонала и наконецъ замолчала; на губахъ ея показалась запекшаяся кровь, но товарищи, во мракъ, того не замѣтили, не замѣтили, что и у Аграфены Матвѣевны воротъ в рукава сорочки покрылись красными разводами.

— Ну, чортъ съ тобой! руки устали; не сердись Груня на меня, уму — разуму училъ; выбрось изъ головы теткины науки; теперь, послѣ этакой бани, то-то славно заживемъ! Приходи завтра домой, я тоже приду, — полно гулять и бражничать, дѣти домиремся! говорилъ Лопата, отвязывая жену отъ стола. Груня отвѣчала, она кое-какъ доползла до постели, но не могла подняться; такъ тутъ и растянулась.

— Ну, натѣшились, теперь до свѣту надобно убаиваться, сказалъ Илья, обратясь къ Григорью, Григорій взглянулъ на Луизу, она едва дышала. Онъ молча последовалъ за товарищемъ, тѣмъ же путемъ, которымъ они пришли. Выскочивъ изъ окна, Лопата припрыгалъ ставень, и когда выбрались на улицу, сказалъ какимъ голосомъ:

— А вѣдь жаль, смерть жаль бабенку! Вотъ, какое у меня мерзкое сердце! будь она хороша, пальцемъ бы не тронулъ! А, какъ ты думаешь, Григорій Степанычъ, эта наука пойдетъ въ прокъ?

Но Григорій Степанычъ не отвѣчалъ.

Прошло съ полчаса; Груня отдохнула; она пощупала свое спину и плечи, которыя не давали дотронуться, поохала, и кой-какъ встала. Лампадка туекло горѣла. Она припомнила, гдѣ вчера поставила свѣчку, отыскала и засвѣтила. Бѣдная бабенка отступила въ искугъ, взглянувъ на тетку. Луиза...

шла; все лице ея составляло одну рану; изъ носу и изъ рта струилась кровь. Испуганная племянница, сперва постаралась остановить и отереть кровь, потомъ влила ей въ ротъ нѣсколько капель вина и спрыснула водою.

— Тетушка! голубушка! тетушка Никитишна! добреди, какъ нибудь, до постели!—говорила Груня, склонясь надъ теткой.

— О! охъ!—простонала Лузиха и не шевелилась.

Большаго труда стоило Аграфенѣ дотащить ее до постели и уложить; потомъ она постаралась успокоить перепуганныхъ и плачущихъ дѣтей своихъ и стала у стола, опершись на него руками и дожидаясь въ такомъ положеніи утра, потому что ни лечь, ни съѣсть не могла отъ мужниной науки.

XIV.

Настя также палую медью лежала въ постель. Дарья Алексеевна приходила по нѣскольку разъ въ день къ ея постели и осыпала несчастную бранью и упреками. Дуняша, скорбя о ней, другъ душевно, старалась ее утѣшить, какъ могла; Фетинья приходила и плакала у ея постели, проклиная злую судьбу, которая и ее привела въ немилость хозяйскую, потому что и Фетинья доставалось отъ старухи.

Иванъ Ильичъ, на другой день послѣ несчастнаго происшествія, какъ и обыкновенно, поѣхалъ въ лавку, но далеко былъ невеселъ: самъ не торговался съ покупателями, отрывисто и насильсково говорилъ съ прикащиками, и какъ то боялся глядѣть на людей, думая или увидѣть насмѣшливую улыбку, или услышать обидный намекъ. Но, благодаря обстоятельствамъ, происшествіе это оставалось для всѣхъ тайной. Фетинья не сказала бы о немъ никому, хоть бы у ней языкъ вырвали, потому что любила Настю; Потапъ отъ природы былъ скупъ на слова, а Дарья Алексеевна и самымъ близкимъ родственникамъ не могла объявить про такой фамильный позоръ,—страдала даже ея собственная репутація. Только отъ одной Лузихи и можно было ожидать разглашенія; да, и она не приминула бы рассказать о томъ и

вдохъ перекресткахъ, если бы Гриша не постарался ее уложить въ постель, на которой она пролежала, между жизнью и смертію, нѣкую недѣлю. И такъ, Ивану Ильичу нечего было бояться. Дома, Барышниковъ ничего не говорилъ: также обладалъ, также ужиналъ въ урочный часъ; порядокъ его домашней жизни не измѣнился; но видѣть домъ онъ не хотѣлъ. Черезъ нѣдѣлю, Настя встала въ постель. Больная и слабая, съ растерзаннымъ сердцемъ, страдавшая тоскою и стыдомъ, хотя въ сущности и невинная, девушка хотѣла броситься къ ногамъ отца и вымолить прощеніе; но она боялась, что онъ оттолкнетъ ее; боялась услышать страшныя слова проклятій. Въ одинъ день, добрый ангелъ, послалъ къ ней ее крестную мать, Марѳу Васильевну Лапину: она за тѣмъ и пріѣхала, чтобъ увезти крестницу къ себѣ въ гости.

— Что это, Настинька? что съ тобою, мила моя? вѣдь краше тебя въ гробъ кладутъ! воскликнула она, цалуясь съ крестницей.

— Эхъ дружокъ, Марѳа Васильевна! знаешь, святки были; даю двѣдиче — гадали, свѣтъ полади, за верета бѣгала, вотъ дѣла! Настя и прозябала, да недѣлю и вылежала, подосѣла Дарья Александровна на выручку ко внучкѣ.

— А я ватамъ и пріѣхала, чтобы Настиньку къ себѣ погостить отпросить у Ивана Ильича, — сказала Лапина.

— Повидно, дружокъ, Иванъ Ильичъ изъ лавки пріѣзжаетъ, даго тебѣ беспокоиться, дожидаться его.

— Да не отпустишь ли ты ее безъ него, дорогая Дарья Александровна?

— Господи помилуй! да развѣ я чужая, что не могу безъ отца внучку въ гости къ матери крестной отпустить! съ продолжительнымъ удовольствіемъ, дружокъ, отпущена — переговоровъ Дарья Александровна. И такъ, Настю собрали, навязали большой ушатъ подарковъ и отправили въ гости, чему и сама она была чрезвычайно рада, желая хоть на время избѣгнуть брани отъ своей бабушки.

— Пріѣхала, дружокъ, Марѳа Васильевна и увезла внучку къ себѣ въ гости. Не будешь ли, дружокъ, Иванъ Ильичъ, сердиться, что я безъ твоего спросу ее отпустила? спрашивала теща зятя, когда тотъ пріѣхалъ изъ лавки. Но Иванъ Ильичъ промолчалъ.

Премно: еще два сдвляки. Мести все еще не было у ватери крестной, тоскуя о своемъ любезномъ.

Дарья Алексеевна, разъ какъ то, сказала зятю.

— А что, дружокъ, вѣдь, что ни говори, а злодейку-та все надобно пристроить, голову ей прикрыть до большой бѣды. Иванъ Ильичъ промолчалъ.

— Вѣдь, какъ ни сердись, а пора гнѣвъ на милость положить, и подумать о дѣлѣ: она и мнѣ большую сдвль принесла, да что дѣлать, вѣдь родная. Если бъ это сдвляла Дуняшка, такъ ее въ три шен до воротъ: чужая, и не жалко, коли не умѣла песья мога на блюды лежать, такъ подъ заборомъ валялся; а что ты съ родной-та будешь дѣлать? Иванъ Ильичъ вздохнулъ.

— Подумай, дружокъ, я не худо совѣтую, выдадимъ, и съ рукъ долой.

— Охо, хо, хо! пропала моя головушка! да если нѣтъ жемиза, такъ не выдашь за быка? проговорилъ угрюмо Барышниковъ.

— Вотъ—те на! да мы найдемъ жениха. Вотъ что, дружокъ, я придумала: схожу сама къ Никитишнѣ, что тантъся, вѣдь ужъ она все дѣло знаетъ, вотъ посулю ей хоть два рубля, да и зиплю къ Живчикову.

— Да, поведетъ къ намъ теперь Живчиковъ—дождимся! чай ужъ давно ему извѣстенъ позоръ-то нашъ.—

— Не можетъ быть, дружокъ, ужъ коли бы извѣстно ему все было, такъ и всему городу извѣстно, а то даже сродники ничего не намекаютъ. Видалась я и съ Ульяной Михайловной и съ Савишной, ну, намедни, и Марѳа Васильевна была, какъ будто ни въ чемъ не бывало и не заикнулся.

— Не надвюсь я на Живчикова, я ему три раза отказывалъ, сказать съ сожалѣніемъ Иванъ Ильичъ.

— То-то и есть, дружокъ; я говорила тогда: до чего жолъ дѣвку дома держать? анъ мои слова и сбылись.

— Не далеко локоть; да не укусишь:—

— Ну, такъ попробовать, дружокъ, что я говорила, жалъ бѣдной Никитишны, больно хворала сердечная, вотъ каковъ испугъ! въ нашей-то передраги залежала, насилу оклемалась и теперь

едва бродить, вранье въ гробъ кладутъ. Такъ я побывало на ней, дружокъ?

— Какъ знаешь, такъ и дѣлай,—сказалъ Иванъ Ильичъ, махнувъ рукой,—какъ будто дѣло шло о чемъ нибудь постороннемъ, а не о его дочери, но не смотря на это, онъ страдалъ невыразимо.

Дарья Алексѣевна, какъ думала, такъ и сдѣлала; она сама отправилась къ Никитишнѣ.

Лузиха, чѣмъ болѣе выздоравливала, тѣмъ болѣе мысль о страшной кровавой мести росла въ ея сердцѣ: она придумывала отмстить Григорью, Настѣ и всему роду ихъ, и строила самыя ужасныя, самыя несбыточные планы. Она сидѣла на постелѣ, когда вошла Дарья Алексѣевна, и поблѣднѣла еще болѣе, увидя гостью, хотя и такъ похожа была на мертвеца, вставшаго изъ могилы.

— Со здоровьемъ къ тебѣ, дружокъ, Наталья Никитишна! говорила Дарья Алексѣевна, цалуя Лузиху. Какъ тебя Богъ милуетъ?

— Не что, теперъ стала крошечку поправляться, а все еще плохо. Спасибо, что ты, Дарья Алексѣевна, вспомнила меня сироту горемычную—отвѣчала Никитишна.

— Дай Богъ; жалѣла я тебя, дружокъ, какъ родную.

— Дай Господи тебѣ здоровья, пошли долгіе вѣки. А домашніе—то ваши, какъ живутъ—могутъ?

— Охъ и не говори, дружокъ, Никитишна! Иванъ Ильичъ едва ноги съ горя таскаетъ; у меня все сердце изболѣло, а ее, злодѣйку, мать крестная къ себѣ въ гости увезла.

— Такъ! Такъ!

— А я къ тебѣ—дружокъ, съ дѣломъ, съ просьбою, потрудись, дружокъ, не въ службу, а въ дружбу.

— Что такое, Дарья Алексѣевна?

— Жаль дѣвченки знаешь—родная, наглушила; а все-таки, дружокъ, родная, вотъ и хочется ее пристроить. Не сходишь ли къ Живчикову, ась? онъ еще, можетъ, не остылъ?

— Куй желѣзо, пока горячо; не знаю, Дарья Алексѣевна, что

теперь думаетъ Лука Герасимычъ, а только я въ эти хлопоты, вступить не могу.

— Дружокъ, Никитишна! ты доброе дѣло сдѣлаешь, дѣвчонку пристроишь и сама въ барышахъ останешься; Иванъ Ильичъ приказалъ тебѣ сказать, что даетъ тебѣ два рубля; да знаешь, ватажную сваху дарятъ вездѣ бумажнымъ платкомъ, мы кладемъ тебѣ шелковые, въ сговоръ, на другой день, и въ дѣвничникъ; кромѣ того бумажные, каждый разъ, какъ съ женихомъ придешь на недѣлю посидѣть.

— Нѣтъ, Дарья Алексѣевна, я немощна, ты сама позволишь видѣть, недавно съ постели сползла; теперь холодно, вишь ночка-то съ имянинъ Ивана Ильича дорогѣ мнѣ досталась—проговорила Лузиха, судорожно улыбувшись. Глаза ея страшно засверкали, а на щекахъ выступили багровыя пятна.

— У меня, самой, дружокъ, съ недѣлю послѣ этой суматохи животъ болѣлъ. Ну, такъ какъ же, дружокъ?

— Не могу, теперь холодно, выйти изъ избы не могу!

— Ну, дружокъ, я лошадь пришлю; Потанъ довезетъ, только не къ самымъ воротамъ, а то пожалуй, женихъ скажетъ, что засылаешь.

— Не могу, Дарья Алексѣевна! —

— Ну, вотъ еще въ придачу я отъ себя миткалинную рубаху тебѣ дамъ.

Лузиха нерѣшительно покачала головой.

— Ну, будь другъ, Наталья Никитишна! ты знаешь мой зеленый штофный платокъ, почти новинькой,—раза четыре не больше я надѣвала,—дарю тебѣ его, только склей дѣло, да еще отъ жениха тебѣ перепадетъ что-нибудь.

— Послушай, Дарья Алексѣевна! что мнѣ ваши посулы, я помню вашу хлѣбъ-соль, совѣстно мнѣ отговориться,—проговорила Лузиха, коварно улыбаясь,—такъ и быть, похлопочу ради дружбы.

— Ужъ я надѣяться буду, Наталья Никитишна. Такъ когда же ты къ жениху побываешь?

— А что у насъ завтра? да, пятница, тяжелый день, чтобъ не попятаться назадъ. Въ субботу, въ субботу Дарья Алексѣевна.

— Только смотри, дружокъ, не проговорись кому, что мы тебя заслали.

— Вотъ, какую дуру нашла! не бойся ничего. Похлопочу, какъ только моего умъня хватить, — сказала Никитишна съ увѣренностью.

И въ самомъ дѣлѣ, въ субботу, Лузиха, забывъ свои немощи, чѣмъ свѣтъ, отправилась къ Живчикову, съ свойственнымъ ей безстыдствомъ, говоря обрадованному жениху:

— Что вотъ, дескать, Лука Герасимычъ, зная твое непремѣнное желаніе жениться непременно на Барышниковой, и я столько разъ хлопотала объ этомъ дѣлѣ, столько разъ ходила къ Ивану Ильичу, что послѣ этого и стало мнѣ жаль передать эти хлопоты въ другія руки, какъ ты сказалъ, что намѣренъ послать другую сваху, такъ я опять къ твоей милости; коли ты туда еще никого не посылалъ, такъ не пошлешь ли меня, если еще твоя милость не раздумалъ; а я, дескать, теперь увѣрена, что Иванъ Ильичъ никакъ не откажетъ, потому что я грѣха укусила — достала такой корешокъ отъ знающаго чловѣка. —

Лука Герасимычъ вспрыгнулъ отъ радости при такомъ предложеніи, вѣря всей душой въ побѣждающую силу таинственнаго корешка, угостилъ радушно сваху, насулилъ ей богатыхъ подарковъ, и наказавъ, чтобъ о приданомъ не хлопотала, а чтобъ росписъ написали только для приличія, чтобъ было что показать роднѣ, а половину приданого, пожалуй, онъ и самъ справитъ, если не захочетъ Иванъ Ильичъ. Отправилъ Лузиху на своей лошади, наказавъ кучеру, чтобъ къ самымъ воротамъ Барышниковой не подъѣзжалъ, такъ какъ сватовство считалось дѣломъ тайнымъ, такъ, чтобъ сосѣди по лошади не узнали, отъ кого сваха пріѣхала.

Черезъ часъ, Никитишна возвратилась съ благопріятнымъ отвѣтомъ. И какъ Живчикову было не вѣрить силъ корешка? Онъ земли подъ собою не слышалъ, прыгалъ какъ козленокъ и цаловалъ Лузиху. Лука Герасимовичъ, никогда не пившій, латынулся вишневки, серебряной чарочкой, которой безпрестанно чокался съ рюмкой Никитишны. На прощанье, онъ подарилъ свахѣ

ту серебряную чарочку, да еще въ придачу оставшуюся послѣ жены, бѣлую камчатную наметку, съ лиловыми окладинами.

Въ воскресенье была написана роспись Настину приданому. Дуся отпавилась съ нею къ жениху. Женихъ остался росписью доволенъ. Сваха воротилась къ Барышниковымъ, и было рѣшительно положено быть сговору въ понедѣльникъ, какъ горула Дарья Алексевна: чтобъ другой день приходился въ скоромный день, т. е. во вторникъ.

А бѣдная невеста еще не знала своего приговора.

Въ понедѣльникъ, только-что начинало смеркаться, а ужъ сонаръ въ сѣняхъ у Ивана Ильича былъ подвѣшенъ къ потолку.

— Милости просимъ, милости просимъ! восклицала Дарья Алексевна, выбѣжавъ въ сѣни и встрѣчая Марѳу Васильевну, которая привезла Настю. Онѣ чинно расцаловались. Настя, слѣдовавшая за крестной матерью, не смѣла поцаловать бабушку, а только поклонилась; за то, увидѣвъ Дуняшу, она со слезами бросилась въ ея объятія.

— Что, живъ ли онъ? ничего ты не слыхала? спрашивала Настя у подружки шопотомъ.

— Я посылала Фетинью узнать; мать ей сказала, что лежитъ въ горячкѣ!—отвѣчала тихо Дуня, а сама залилась слезами.

— Охъ, Боже мой!

Въ это время вышелъ въ сѣни Иванъ Ильичъ. Настя, по прежнему, бросилась было къ отцу, но онъ отплатился, даже не взглянувъ на нее и бѣдная дѣвушка, глотая слезы, отошла прочь.

— Любезная кумушка, Марѳа Васильевна—говорилъ Барышниковъ, цалуясь съ кумой—милости просимъ! спасибо, что побеспокоились, привезли гостью. За угощеніе благодарствуемъ.—

— Еще бы не привезти! вѣдь знала я, кумонекъ, что попить ѣдемъ, отвѣчала кума.

— Милости просимъ, пожалуйка сюда!—и Иванъ Ильичъ распахнулъ дверь въ переднюю избу. Гости и Дарья Алексевна послѣдовали за нимъ. Настя тоже хотѣла идти, но заглянувъ туда, понялась; въ избѣ на всѣхъ лавкахъ сидѣли собравшіеся родственники. Рядъ кокошекъ и богатыхъ наметокъ ослѣпилъ

заплаканные глаза Насти, звук смышнанного шопота поразилъ ея слухъ; она прихлопнула дверь и все еще не възя самой себя, бросилась въ заднюю горницу.

Здѣсь, на большомъ столѣ, лежали разложенные наряды Насти, парчевые и разныхъ шелковыхъ матерій сарафаны, лѣтники и шубейки на лисьихъ и бѣличьихъ мѣхахъ, съ большими воротниками и опушками; воротеньки съ камчатными и гранитуровыми рукавами и запястьями, вышитыми золотомъ и жемчугомъ; насыпныя и дорадоровыя наметки, разшитыя шелками полотенцы и тонкія съ кружевами сорочки и простыни, лежали—дюжинами. И между этими вещами, на большомъ поднось красовались низанныя повязки и рефити или подниси крупнаго жемчугу, серги, перстни и самоцвѣтныя запонки, двадцать нитокъ крупнаго жемчугу на шею, по десяти на руки и въ ладонь шириною жемчужная цѣпочка; также нѣсколько серебряныхъ простыхъ и золоченыхъ цѣпочекъ съ большими серебряными крестами. На одномъ изъ оконъ стояли вынутыя изъ кивота три образа въ серебрянныхъ ризахъ, которые Иванъ Ильичъ назначалъ за Настей въ приданое; въ заднемъ углу большая двухъ-пудовая пуховая перина и четыре пуховика, въ алыхъ шелковыхъ наволочкахъ; тутъ же лежало и штофное одѣяло. Занавѣсъ еще былъ не сшитъ и для его была раскинута штука заморскаго ситцу съ разводами. Нѣсколько паръ черевичекъ, вышитыхъ золотомъ, собственными руками Насти, чинно стояли на лавкѣ, и возлѣ этого стола, обомлѣвшая дѣвушка увидѣла Никитишну, которая какъ ястребъ разсматриваетъ свою добычу, разсматривала эти вещи, на показъ приготовленныя. Она щупала доброту матерій на сарафанахъ, отходила прочь и любовалась ими издали; потомъ брала перстни, надѣвала ихъ на пальцы, любовалась блескомъ камней, взвѣшивала на рукѣ жемчугъ и щупала пуховики. На другомъ концѣ стола, Савишна усердно разсматривала бѣлье, какъ сшиты сорочки, съ какими строчками, съ какими кружевами полотенцы и простыни, хорошо ли обрублены рубчики, часто ли сшиты.

Настя поцаловалась съ гостями, взглянула на столъ, сердце ея замерло, руки опустились и она едва удержалась на ногахъ.

— Здорово ли гостила, лебедушка моя? спросила • Савишна.

— Больно ты похудѣла что-то, Настасья Ивановна!—промолвила Лузиха.

Но Настя, не отвѣчая, шатаясь какъ въ угарѣ, вышла вонъ и воспышила укрыться въ свою свѣтлицу. Тамъ дожидалась ее Дуняша.

— Настя!—воскликнула Дуня, бросаясь на шею подругѣ.

— Дуняша, меня хотять погубить, меня хотять выдать!

— Да!

— За кого, радость моя!

— За Живчикова. Сегодня сговоръ. Видѣла ли ты въ горницѣ свое приданое?

Настя, вмѣсто отвѣта, съ громкимъ воплемъ упала на постель.

— Что со мной дѣлають! что со мной дѣлають! я пойду упрощу батюшку, вопила она.

— Не упросишь, Настя; батюшка прогнѣвался на тебя и радъ за кого нибудь, только поскорѣй выдать. Въдь въ двѣи сутки сосватали,—говорила Дуняша.

Въ это время вошла Савишна.

— Что это вопишь, голубушка ты моя, Настасья Ивановна? вора тебѣ и собираться? Скоро будутъ гости новые, о чемъ плакать? Богъ дастъ тебѣ большую голову, говорила Савишна. Я тоже плакала, какъ выдавали меня замужъ, а послѣ самой слобилось. Не долго только покрасовалась, вѣку Богъ не далъ покойнику.

Но бѣдная невеста не внимала утѣшеніямъ; рыданія разрывали ея сердце; Дуняша тоже плакала.

Вошла Марѳа Васильевна.

— Матушка крестная! выдаютъ меня за нелюба! попроси ты батюшку, чтобъ онъ смиловался надо мною и зарылъ бы живую въ землю!—говорила Настя, бросаясь на шею своей крестной. У Марѳы Васильевны навернулись слезы.

— Другъ мой, Настенька! да какъ же противъ воли то родительской пдти? Богъ въдь счастья не дастъ. Ужъ коли батюшкѣ вздумалось тебя за этого жениха выдать, такъ и должно слушаться, проговорила она, утирая слезы.

Вошелъ Иванъ Ильичъ.

— На-подъ-ладъ, батюшка, не дается, реветъ да и все тутъ, замѣтила Савишна.

— Что же, долго ли ты будешь плакать? долго ли дорогимъ гостямъ дожидаться тебя? али еще хочется тебѣ отца огорчить? — проговорилъ Барышниковъ холодно и не глядя на Настю, а у самого слезы такъ и набѣгали на глаза, но онъ крѣпился.

— Батюшка, родимый ты мой! не губи ты меня, не выдавай за Живчикова! заточи лучше меня въ темную темницу, или навяжи камень на шею, да и брось въ Волгу—матушку, только откажи Живчикову. Я нейду замужъ, не пойду замужъ; я въ монастырь пойду! вопила Настя, обнимая ноги отца и обливая ихъ слезами.

— Чего же ты хочешь? спросилъ угрюмо Иванъ Ильичъ.

— Откажи Живчикову.

— Теперь этого нельзя сдѣлать, — сказалъ Иванъ Ильичъ дрожащимъ голосомъ. Видя слезы и рыданія любимой дочери, которая ему раздирали сердце, огорченный отецъ готовъ былъ прижать ее къ сердцу, простить ея вину, но крѣпился.

— Не ужто ты погубишь свое дѣтище? говорила Настя въ изступленіи; но Барышниковъ только поднялъ ее съ полу, посадилъ на постель и, махнувъ рукою, вышелъ изъ свѣтлицы.

— Ну что? спросила Дарья Алексѣевна, стоявшая внизу.

— Что съ ней дѣлать? плачетъ, управляйтесь съ нею какъ знаете, — отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, утирая украдкой глаза.

— А! все еще реветъ! возьми-ка, Иванъ Ильичъ, дружокъ, ремень, да за косу и стащи сюда дочку-та, небойся, ужъ мы наблзимъ и нарумянимъ, проговорила бабушка.

Но Иванъ Ильичъ отпавился, за известный коверъ, приготовить наливки.

— Постоите-ка, не угворю ли я? — проговорила Лузиха, вышедъ изъ горницы и пошла въ свѣтлицу, улыбаясь и что-то обдумывая.

— Пожалуйте-ка вы, гости дорогія, внизъ! — сказала она, обращаясь къ Савишнѣ и Марѣзъ Васильевнѣ — да и тебя Душня бабушка кличетъ.

Гости и Дуняша оставили свѣтлицу.

— Ну, не плачь же, лебедушка ты моя, Настасья Ивановна! — заговорила сваха, утѣрившись напередъ, что всѣ ушли и никто не можетъ слышать.

— Что ты понапрасну ретивое надсаживаешь, да лицо свое блѣлое портишь слезами? не сердись ты на меня, не обижайся; неволей, нечаянно попала я въ вашу кашу: твой батюшка самъ догадался, что кто нибудь есть въ старой избѣ, да и потащилъ насъ съ Дарьей Алексѣевной, и Потапа захватили для опасности. Да вотъ и наткнулись на васъ, съ соколомъ-то Григорьемъ Степанычемъ. такая бѣда! Эхъ, голубушка моя! *кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!* а все молодость-то. И совѣтовала я Ивану Ильичу: что молъ, батюшка, богатства что ли у тебя не хватаетъ, — благослови ихъ и *дѣло въ шляпъ*; такъ гдѣ ты! и рветъ и мечетъ, и слышать не хочетъ, за Живчикова выдамъ да и разъ. Ну, такъ что же, посиди вечеръ другой съ нелюбомъ, скръпи сердечко, хоть и поцалуетъ тебя Лука Герасимычъ, — тебя не убудетъ? и подарочки бери, пригодятся. *И все дѣло перемелется, ей, ей, мука будетъ, а мы исподволь подумаемъ...*

Настя внимательно слушала; въ каждомъ словѣ Никитишны, она думала встрѣтить соломинку, за которую хватается утопающій.

— Такъ вотъ я тебѣ что скажу, умница ты моя; вѣдь я тебя больно люблю, сиротка ты моя, нѣтъ у тебя родной матушки, некому пожалѣть тебя, отцово сердце подъ часъ дѣлается каменнымъ, продолжала Лузиха таинственно. — Была я вчера у Безродныхъ, навѣстила Григорья Степаныча, нездоровъ онъ былъ сердечный, теперь получше стало, слава Богу; такъ-таки мы съ нимъ откровенно безъ обиняковъ поговорили, Ирины Михайловны дома не было. Вотъ онъ, соколъ ясный, и прислалъ тебѣ поклонъ. Думали мы съ нимъ, думали, да и придумали штучку: согласна ли ты обвѣчаться съ Григорьюшкоймъ тихонько? — спросила Никитишна Настю на самое ухо.

Дѣвушка открыла ротъ и смотрѣла неподвижно.

— Не пугайся, моя лагушка, не ты первая, не ты последняя, обвѣчались, да и разъ; тамъ послѣ говори, что хочешь. Иванъ Ильичъ носердится, да поартачится, да и простить, —

вѣдь ты родная дочь Я вся тутъ одна. Не изумляйся! хоть я и сватала тебя за Луку Герасимыча, да это такъ изъ прилики, не хотѣла твоей участи другой свахѣ повѣрить, а теперь вы у меня всѣ въ рукахъ: и Лука Герасимычъ, и ты съ Гришей, маме меня ни что не пройдетъ. Вотъ, какъ я люблю тебя, моя красавица! день и ночь не спала, все придумывала, да и придумала!— И Лузиха обвила руками шею Насти и поцаловала изумленную дѣвушку. То были объятія удава и подалуй Іуды.

Долго еще Никитишна улещала Настю, и наконецъ сказала:— и такъ, покуда, мы съ Григорьемъ Степанычемъ все придумаемъ и устроимъ, а ты моя голубушка приданое изъ сундуковъ выбери, да въ узелки свяжи, и то я приду узелокъ подъ полой унесу, то съ Фетиньей подъ сумерочки пришлешь; ну, а что по цѣннѣе и сама съ собою возмешь. Да Фетинью къ Гришѣ не посылай, извѣстно глухая, начнетъ толковать, такъ на всю улицу слышно, смотри, что бы кто не подслушалъ. Ну, а теперь пойдѣмъ моя сударка. (Скрѣпи сердце, сговоръ назначенъ, гости съѣхались, пора собираться и тебѣ.—Настя встала съ постели, отерла глазки и обняла Лузиху. Значить она была согласна на всѣ ея предложенія.

Черезъ полчаса, Настасья Пвановна, разряженная куколкой и окруженная гостями, дожидалась жениха въ передней избѣ. Ульяна Михайловна искусно нарумянила блѣдныя щеки невесты; только подъ глазами видны были темныя полукруги, да вѣки всушили и покраснѣли.

Повидимому Настя была спокойна; все, что творилось около нея, ей видѣлось въ какомъ-то туманѣ, только надежда на будущее счастье съ Григорьемъ, яркою звѣздой зажглась въ душѣ ея, послѣ словъ Лузихи. Дуняша хлопотала, бѣгала взадъ и впередъ и утирала слезы. Все было въ тревожномъ ожиданіи.

Иванъ Ильичъ и Дарья Алексѣевна стали рядомъ съ образами въ рукахъ, Настя помолилась, приложилась къ образамъ, поцаловалась съ отцемъ и съ бабушкой и, поклонясь имъ въ ноги, сѣла на почетное мѣсто подъ святыми.

— Невѣста ни слезинки не выронила, какъ благословляли,— замѣтила одна изъ гостей.

— Она, моя голубушка, еще давеча слезы та выплакала, отвѣчала Савишна.

Наталья Никитишна поѣхала извѣстить жениха, что невѣста готова.

— А что, матушка, заводить-ли чай-та?—спросилъ Барышниковъ у тещи.

— Какъ хочешь, дружокъ, твоя воля, только ужъ я тебѣ не наливальщица. Ни за что на свѣтъ теперь не примусь за проклятую траву, отвѣчала Дарья Алексѣевна.

— Пожалуй, мнѣ не въ трудъ похлопотать, только на сговорахъ чаемъ не угощаютъ,—отозвалась Ульяна Михайловна.

Черезъ-полчаса пріѣхала Лузиха, и извѣстила, что женихъ не замедлитъ.

— Кому же невѣсту-та выводить? сказала Дарья Алексѣевна. Ужъ пожалуйста потрудишься ты, Савишна, дружокъ!

— Ишь на Савишнѣ какія высокія кокошки, вѣдь Настасья-то Ивановна больно маленька, противъ Савишны покажется,—замѣтила Ульяна Михайловна.

— Такъ ужъ развѣ ты, Ульяна Михайловна, потрудишься.

— Съ охотой, да вѣдь и я не ниже Савишны.

— Такъ развѣ мнѣ самой.

— Ужъ ты Дарья Алексѣевна больно певелчка и Настенька противъ тебя высока покажется, замѣтила Савишна.

— Развѣ мнѣ? молвила Марѳа Васильевна.

— Ты дюженька собой и Настасья Ивановна возлѣ тебя покажется словно пичужечка,—сказала Ульяна Михайловна.

— Пожалуй я выведу!—произнесла одна изъ молодыхъ гостей.

— Ты больно молода!—воскликнула Ульяна Михайловна.

Вытащили какую-то тетушку, но та оказалась стара; и всѣ желающіе выводить невѣсту къ жениху, вставали возлѣ невѣсты, а остальные гости, отступивъ нѣсколько и сличая ихъ между собою, изрѣкали судъ.

— Вотъ *навели шапку на ухо!* некому и невѣсту-та вывести; давеча и не подумали о томъ! воскликнула въ отчаяніи Дарья Алексѣевна.

И какъ ни судили, какъ ни рядили, а приличнѣе Марѣи Васильевны Лапиной никто не нашелся.

И вотъ послышался топотъ большого поѣзда; скрыпъ саней замолкъ у крыльца.

— Пріѣхали! пріѣхали! замушукали въ передней избѣ. Иванъ Ильичъ и Дарья Алексѣевна бросились въ сѣни встрѣчать новыхъ гостей.

Лука Герасимовичъ, раскланявшись съ хозяевами, съ толпой своихъ гостей, доходящей до 35-ти человекъ, чинно вступилъ въ горницу, — не снимая впрочемъ шубъ и тулуповъ и держа шапки подъ мышками. Они все стали молча; священникъ поближе къ образамъ, а женщины за спинами своихъ супруговъ, выглядывая съ любопытствомъ на разложенное приданое.

Черезъ минуту, въ переднюю избу вошла Лузиха.

— Настасья Ивановна! приказалъ тѣбѣ кланяться пріѣзжій князь, Лука Герасимычъ, приказалъ тебя просить въ свѣтлую горницу, онъ тамъ тебя дожидается! — произнесла торжественно сваха съ низкимъ поклономъ.

— Мы готовы! сказала Марѣи Васильевна, и взявъ невесту за руку, последовала за Никитишной. Толпа гостей ихъ сопровождала. Настя блѣдная и трепещущая, вступая въ горницу, не видѣла передъ собой ничего и двигалась какъ кукла. Онъ сперва подошли къ благословенію священника, потомъ, раскланявшись съ пріѣзжими гостями, стали посреди горницы. Лука Герасимовичъ и его бородатая и высоко-кокошечная роденька принялись оглядывать невесту съ головы до ногъ.

Марѣи Васильевна съ Настей, постоявъ такимъ манеромъ минутъ десять, тѣмъ же порядкомъ отправились изъ горницы обратно въ избу. Ихъ сродники также последовали за ними. Но Иванъ Ильичъ и Дарья Алексѣевна во время вывода находились въ избѣ.

По уходѣ невесты, новопріѣзжіе гости бросились къ приданому и начали перебирать все до волоса, взвѣшивать на рукъ жемчугъ, развертывать бѣлье и платье, щупать пуховики, и цѣнить все безъ милости дешевою цѣною; особенно женщины. Потомъ, перешенувшись между собою, вышли въ сѣни для совѣта.

— Что, какова показалась невеста? На мои глаза двнца недурна?—спросилъ священникъ жениха и вообще всѣхъ.

— Хороша-то хороша, да собой больно тоща, подала голосъ посаженная мать Луки Герасимовича, претолстущая баба.

— Эхе, хе, хе! не съ красой жить-та, а съ разумомъ,—замѣтила одна родственница съ огромнымъ носомъ.

— Кажись по моему и приданое хорошо? я гдѣ ни бывалъ, не видалъ такихъ крупныхъ жемчуговъ!—заговорилъ опять священникъ.

— Шубекъ-то только двѣ на лисьемъ мѣху; кабы третью, что на бѣлицемъ, на лисій положить, да на гранетуровый тулупчикъ воротникъ бы новый, а то этотъ моль тронула, сказала посаженная мать.

— И наметокъ-то золотныхъ, только дорадоровая, да на-сыпанная хороши, а парчевая, такая ледащая парчица, *муха крыломъ прошибетъ*; падобно бы еще четвертую, получше этой?

— А на тафтяномъ сарафанѣ пятнышки есть; кабы новенькій вмѣсто этого?

— А на штофномъ-то голубомъ, назади, большое пятно, словно на нечистое мѣсто сѣдѣли въ немъ.

А камчатные-то рукава у воротеньки, ужъ не новые, пожелтели.

— Сѣрги-то бурмишскія, что въ третьихъ, мелконьки.

— А одѣяло-то старое, знать послѣ матери-покойницы.

Такъ судили и рядили доброжелательныя родственницы Луки Герасимовича о невестинѣмъ приданомъ; только женихъ съ мушкетерами молчалъ.

— Что это они шушукуютъ? ужъ не съѣзжать-ли хотятъ? говорила Дарья Алексѣевна, съ безпокойствомъ поглядывая на дверь.

— Экое безчестье!—шепталъ Иванъ Ильичъ.

— Кто тогда ее возьметъ?

Дай Богъ, чтобы съѣхали, думали Настя и Дуняша. И всѣ они слушали у дверей, кромѣ только Насти, которая сидѣла ни жива, ни мертва.

— Потапъ, запри ворота!—сказалъ Иванъ Ильичъ, открывъ

волоковое оконце и выглянуть на дворъ. А то, того и гляди, съвдуть; вишь какъ шанки — та крѣпко въ рукахъ держать — шесталъ Иванъ Ильичъ. (44)

— На что же вы рѣшились? — спросилъ наконецъ священникъ жениха.

— Довольны, всемъ довольны и невестой и приданымъ. Наталья Никитишна, доложи ихней милости, Ивану Ильичу, и проси назадъ Настасью Ивановну, молвилъ весело Лука Герасимовичъ, который и въ сѣни — то выходилъ, только чтобъ обычай исполнить. Лузиха побѣжала въ избу извѣстить невесту о рѣшеніи ея участи. Настя затрепетала. Но одинъ взглядъ, брошенный на нее Лузихой, успокоилъ дѣвушку.

Такимъ же порядкомъ, какъ и въ первый разъ, вошла невеста объ руку съ Марѳой Васильевной въ горницу, окруженная сродниками. Священникъ поставилъ ее рядомъ съ женихомъ, прочиталъ молитву, благословилъ и заставилъ поцаловаться; потомъ Марѳа Васильевна, а вслѣдъ за нею и Настя перецаловались съ жениховой родней, съ женщинами и мужчинами. Настю посадили возлѣ Луки Герасимовича. Иванъ Ильичъ, Дарья Алексеевна и вся ихъ родня поздоровались со сватьями, поздравили другъ друга съ нареченными. И пошелъ пиръ горой.

Ужъ благовѣстили къ заутренѣ, когда повхали гости съ сговору, одаренные богатыми дарами. Всѣ были веселы, а всѣхъ веселѣе Дарья Алексеевна; только Настя и Дуняша, проводивъ гостей и воротясь въ свою свѣтлицу, плакали долго, обнявшись; Иванъ Ильичъ и Лузиха отъ всѣхъ тавили свои чувства.

XV.

На другой день сговора, съ раннего утра, кухня въ домѣ Ивана Ильича, что называется ходуномъ ходила. Самая лучшая повариха въ городѣ была приглашена; ей помогали и Дарья Алексеевна, и Дуня, и Лузиха, и даже Аграфена, племянница Лузики. Между тѣмъ какъ Фетинья нѣсколько разъ ходила въ лавку къ Ивану Ильичу, за разными снадобьями, которыхъ требовала иску-

сная поварья; и въ одинъ изъ такихъ походовъ она встрѣтилась съ Ириной Михайловной. Старухи, какъ слѣдуетъ, дружелюбно поздоровались.

— Охъ, Ирина Михайловна! съ ногъ меня старуху сегодня сбили! Вотъ въ третій разъ иду сегодня на базаръ.—ишь сахару поварья понадобилось. Давича за какимъ—то листомъ посылали, лавриной, махровый что ли, забыла, проваль его возьми, ей, ей! ногъ подъ собою не слышу! нашли разсылать старуху! А все Дарья Алексевна, Богъ съ ней, такая крутая и не приведи Господи! говорила жалобно Фетинья.

— Что же у васъ сегодня, гости чтоли будутъ? что поварья стряпаетъ?—спросила Ирина Михайловна.

— Какъ! да развѣ ты ничего не слыхала?

— Ничего, Фетинья Прохоровна.

— Въдь Настиньку—та, мою голубушку, вчера сговорили.

— Неужли?

— Ей, ей!

— За кого же?

— За Живчикова.

— Вотъ—те на! Старенекъ женихъ—та.

— Ужъ и не говори, голубушка ты моя! поглядишь, такъ вотъ сердце—та и надрывается; въдь онъ ей въ отцы годится.

— Чтожь дѣлать! за то богатый женихъ, Лука Герасимычъ.

— Эхъ! въдь не съ богатствомъ жить—то? и черезъ золото слезы катятся.

— И правда, что не съ богатствомъ жить, Фетинья Прохоровна. Вотъ мой покойникъ, Степанъ Петровичъ, царство ему небесное, бѣдный былъ человекъ, а я съ нимъ безъ мала сорокъ лѣтъ прожила, словно у нечки погрѣлась,—проговорила съ чувствомъ Ирина Михайловна.

— То то и есть! ну, а ты какъ поживаешь? что Григорій-то Степанычъ поправляется—ли?

— Нечто, теперъ, слава Богу, сталъ пображивать, да плохо больно, ничего не ѣсть, сидитъ, понуря голову, словно все что думаетъ; въ цѣлый день слова не скажетъ; и что за больсть у

него такая, Господь его знает!—И простылись старушки и разошлись.

— Знаешь ли какія вѣсти я принесла? сказала Ирина Михайловна, возвратясь домой и обращаясь къ сыну, который сидѣлъ подѣ окномъ и смотрѣлъ, какъ вороны купались въ снѣгу, предвѣщая тепло. Слышалъ онъ или нѣтъ слова матери, только ничего не сказалъ и даже головы не повернулъ.

— Вѣдь хозяйскую—та дочку, Настасью Ивановну, замужъ сговорили!—не глядя на Гришу, говорила старушка, равнодушно раскладывая на столъ свои покупки, за которыми ходила.—Вчера сговоръ былъ, сейчасъ видѣла Фетинью Прохоровну, она мнѣ и сказала. А какъ бы ты думалъ, за кого? За Луку Герасимыча Живичкова!—и старушка взглянула на сына.

Блѣденъ и неподвиженъ сидѣлъ Григорій съ помутившимися глазами, раскрытымъ ртомъ и вытянутыми впередъ руками. Ирина Михайловна въ страшномъ испугѣ побѣжала къ нему.

— Гришенька! что ты? Господь съ тобою! что съ тобою сдѣлалось, дитятко мое?

Гриша молчалъ.

— Ужъ не сбѣгать ли за священникомъ, голубчикъ ты мой?—вопила она, тряся сына за руку, которая была холодна, какъ ледъ.

— Охъ! тяжело, матушка! вотъ тутъ тяжело! едва слышно проговорилъ Гриша, указавъ на грудь,—знать послѣдній кончикъ мнѣ приходитъ?

Ирина Михайловна оплакивала сына въ голосъ.

Григорій, какъ будто очнувшись; онъ судорожно вскочилъ, лице его внезапно вспыхнуло, глаза блеснули горячешнымъ огнемъ.

— Все кончилось! что за жизнь моя? на что мнѣ жить, вскричалъ онъ изступленнымъ голосомъ. Матушка! родная матушка! прости меня, не сердись на меня и не молись обо мнѣ, прибавилъ онъ, крѣпко сжалъ Ирину Михайловну въ своихъ объятіяхъ и опрометью бросился изъ избы. Ирина Михайловна побѣжала за нимъ, хотѣла схватить, удержать его, но Григорій уже отворилъ дверь и вдругъ столкнулся съ Кузмичемъ. Кузмичъ взялъ его за плеча и понятилъ назадъ.

— Господи помилуй! господа помилуй! пѣлъ протяжно Петръ

Кузмичъ и довелъ такимъ образомъ Григорья до передней лавки, на которую и посадилъ его. Несчастнѣйшій присмирѣлъ въ рукахъ Кузмича, какъ нойманный въ шалости мальчикъ и вполне сознавшій вину свою, опустилъ голову и не поднималъ глазъ.

— Господи помилуй! Господи помилуй! молись, Иринushка, Богу. Лыбнѣ ты молиться; еще говоришь, что любишь сына, а и не примѣтила, какъ чернѣйшій воронъ свилъ гнѣздо въ его сердцѣ, говорилъ Петръ Кузмичъ.

— Эхъ, глупенькій ты Гриша! примолвилъ онъ, обращаясь къ Григорью, ну развѣ жарко, теперь? задумалъ въ Волгѣ купаться: а на сердцѣ-то пожаръ пройдетъ! Прохолодись! и онъ, зачерпнувъ ковшъ воды, изъ стоявшаго на лавкѣ ведра, подаль ему. Гриша молча взялъ и сталъ пить съ жадностію.

— Ухъ! произнесъ Григорій, проводя прежде по лбу, а потомъ по груди.

— Ну, вотъ, маленько и отошло; глупенькій ты Гриша! ну вѣдь Волга широка, гдѣ тебѣ извѣдывать дно ея! на днѣ — то мракъ и холодъ, а мы оныи свѣта! И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго! заключилъ Кузмичъ, взглянувъ на образа и набожно перекрестясь, молча оставилъ мать съ сыномъ.

Ирина Михайловна нѣжно глядѣла на сына и утирала рукавомъ заплаканные свои глаза. Григорій сидѣлъ, облокотясь на столъ; порывъ отчаянія прошелъ; ему было грустно, но это была уже грусть тихая, мысль о самоубійствѣ, которая давеча такъ внезапно овладѣла имъ, теперь не приходила ему въ голову; онъ вполне сознавалъ свое безрадостное положеніе, свою безцвѣтную будущность и покорялся безропотно своей судьбѣ; только глубокіе вздохи говорили за него, что ему было нелегко. Онъ взглянулъ на мать.

«А матушка-та! Вѣдь у ней одинъ, она зоветъ меня утѣхой; а я? сколько горя принесть я ей, сколько заботы! подумалъ онъ и слезы покатились изъ глазъ его.

Пришелъ вечеръ и Григорьемъ овладѣла страшная грусть; ему хотѣлось идти къ дому Ивана Ильича, хотѣлось поглядѣть на этотъ домъ, гдѣ какъ въ холодной могилѣ, хоронили его

сердце. И онъ, не смотря на уговоры Ирины Михайловны, которая давнишній его порывъ приписывала разстройству разсудка отъ болѣзни, не хотѣла пустить его одного, одѣлся и ушелъ.

Огни горѣли въ окнахъ дома Барышниковыхъ. Настя сидѣла возлѣ Луки Герасимовича. Шелъ столъ; подгулявшіе гости шумѣли; зрители толпами стояли на улицѣ передъ домомъ; смѣлыя изъ нихъ толпились въ сѣняхъ и даже на порогѣ горницы. Женщины въ мужскихъ тулупахъ, въ шапкахъ, съ завязанными лицами платками, для того чтобы ихъ не узнали, въ слухъ хвалили Настю, и цаловали жениха ея, пересмѣивали гостей и порицали Ивана Ильича, что такую ягодку выдаетъ за старика. Григорій долго толкался на дворъ, заглядывая въ окна задней горницы: ему хотѣлось увидѣть ее; но окна съ частыми перелетами такъ запотѣли, что сквозь нихъ можно было видѣть только свѣтъ и неясны мелькающія тѣни, но разсмотрѣть ихъ не было никакой возможности. Григорій, съ грустью, сошелъ со двора и не зналъ, куда идти: домой ему не хотѣлось; идти и идти хотѣлъ онъ, не зная куда самъ, но только бѣ разгулять эту кручину, развѣять, хоть бы по чистымъ полямъ, по дремучимъ лѣсамъ. И онъ пошелъ безъ цѣли. Онъ подходилъ къ кузницамъ, которыя тогда, какъ и теперь, были недалеко отъ мѣднаго пруда. Изъ одной вышелъ человекъ, неся на плечъ два заступа. Гриша не обратилъ на него вниманія, но тотъ, провнявшись съ нимъ, взглянулъ на него пристально и ударилъ его по плечу. Гриша вздрогнулъ, свѣтъ кузнечныхъ горновъ падалъ на незнакомца и Григорій въ немъ узналъ Ворону.

— Здравствуй, Григорій Степановичъ!

— Здравствуй, Иванъ Ивановичъ!

Знакомые размѣнялись поклонами.

— Слышалъ я, братецъ мой, отъ Лопаты, что ты все недомогалъ послѣ тѣхъ проказъ; все мнѣ, братецъ, Илья-то разсказалъ. Да и стоять того эти протлѣтыя бабы! со всѣмъ они Илью Яковлича сгубили, а Илья славный парень. Однако, хорошо же вы ихъ и отдѣляли, проговорилъ Ворона. Гриша не отвѣчалъ, а только вздохнулъ глубоко.

— Да вѣдь оживи, оживи! живущи, какъ кошки. Ну, хоть бы

генеръ Лузика, опять въ старые грѣхи пустялась, — вотъ сосватала, твою — то, хмъ! ну, Ивана Ильича дочку за Живчикова.

Григорій схватилъ Ворону за руку и такъ стиснулъ, что тотъ вскрикнулъ отъ боли.

— Я убью ее! скорѣй пропнивай, чѣмъ прошенята! Григорій.

— Эхъ, нустьяки говоришь! этимъ братецъ, горю не поможень, а на висѣлицу попадешь, — замѣтилъ хладнокровно Ворона своимъ глухимъ голосомъ.

— А вотъ придумать надобно этакую штуку, чтобы въ навадъ не остаться. Хочешь ты меня послушать, такъ я посовѣтую тебѣ, проговорилъ Ворона, понизивъ голосъ. — Да найдемъ — ю мнѣ? я живу тутъ не далеко у Алексѣя Божія челоуѣка; такъ вотъ тамъ и потолкуемъ, а то здѣсь не ладно, братецъ, сей часъ подслушаютъ, да въ воеводскую канцелярію и отправятъ.

— Что же ты мнѣ скажешь? спросилъ насмѣшливо Гриша. Натъ, Иванъ Ивановичъ, ужъ братъ видно всему конецъ.

— Эхъ! а всему-то конецъ, по моему, тогда, когда въ колоду положить, да въ землю опустятъ. А что бы ты сказалъ, коли бы я тебя вдругъ обогатилъ, да и женилъ на Живчиковой-то невестѣ? ась!

— Какъ же это? почти съ любопытствомъ спросилъ Гриша.

— А вотъ, то-то и есть! войдемъ-ка ко мнѣ, да и потолкуемъ. Сегодня, правда, Илья Яковличъ мнѣ вечеромъ въ сулу велѣлъ приходить; у него, братецъ мой, деньги; такъ ужъ всѣхъ на провалую, такъ и угощаетъ. Вишь жена — то нейдетъ домой, боится; у тетки проживаетъ, такъ я, какъ кузнецъ и слесарь, своего дѣла мастеръ, по Плюшиной просьбѣ и подобралъ ключъ къ замку. Вотъ вечеромъ и ходитъ въ запертой-та домъ, да межъ нами сказать и таскаетъ оттуда разный хламъ и продаетъ. Да самъ ты посуди, вѣдь это все его, коли жена его, такъ и все, что она принесла въ приданное его. Стало тутъ грѣха никакого нѣтъ? заключилъ мудро Иванъ Ивановичъ. Гриша ничего не отвѣчалъ.

— Чтожъ ты, Григорій Степанычъ, ничего неговоришь? люблю такого челоуѣка, играетъ въ молчанки да и разъ; а по моему, нашелъ молчи, потерѣлъ молчи. Вотъ мой нравъ, люблю

Молодца! И такъ, я сегодня такъ радъ, что тебя встрѣтилъ, что и къ Ильѣ не пойду. — Говоря такимъ образомъ, Ворона довела Григорья до своей избы, которая стояла на просторномъ огородѣ, обнесенномъ кругомъ частоколомъ и мигала своими думи крошечными окошечками, въ которыхъ мелькалъ огонь, и которые очень похожи были на глаза волка въ темную ночь.

— Ну, вотъ и моя избушка, на курьихъ ножкахъ! тихо тихонько, Григорій Степанычъ, не убейся, иди дверь пизжа; я то не величекъ, пройду, а ты поберегись, у меня Максимовна баба то рослая, и все сердечная бьется, говорилъ Ворона, входя въ сени, а потомъ и въ избу. За нимъ шелъ Григорій, нагнувшись. Войдя за хозяиномъ въ избу, Гриша сначала ничего не могъ различить: въ свѣтъ пылала и трещала лучина, и такъ дымилъ, что ничего не было видно. Наконецъ, окруженная облаками дыма, обозначилась рослая сожительница щедушного Ивана Ивановича; она сидѣла на большой опрокинутой квашнѣ и усердно прjala. На поклонъ Гриши, едва замѣтно кивнула головою, повязанною дырявымъ краснымъ платкомъ, и поправить лучину, опять принялась за работу.

— Прошу жаловать, гость! сказалъ Ворона, не глядя на Григорья, и поставивъ въ уголь заступы, и скинувъ кожаный фартукъ и засаленную шубенку, отодвинулъ къ сторонѣ кучи, какихъ-то лохмотьевъ и тряпья, очистивъ такимъ образомъ мѣсто для гостя и самъ сѣлъ возлѣ него. Ворона молчалъ, какъ бы раздумывая, какъ начать разговоръ и глядѣлъ куда—то въ сторону. — Максимовна, молча, прjala; лучина дымила и потрескивала.

Какъ ни разстроены былъ Григорій, какъ ни занятъ своимъ несчастнымъ положеніемъ, однако онъ не могъ безъ любопытства осматривать это грязное гнѣздо, куда нечаянная встреча его теперь привела. У задней стѣны стояла постель, съ двумя перыными подушками, которыя съ такимъ трудомъ, по одному перинку, были собраны неутомимымъ хозяиномъ. Перина еще не существовала, она только зарождалась, въ небольшомъ мѣшкѣ, который, набитый перьями, лежалъ на лавкѣ. И такъ, мѣсто перины занимала постилка изъ соломы, прикрытая одеяломъ изъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ тряпокъ, также собранныхъ Иза-

Ивановичемъ и спящими рукодельной хозяйкой. Подъ постелью лежала куча худыхъ сапоговъ, опорышей, и стоптанныхъ черевичекъ; въ другомъ углу лежали бездонныя ведра, щепы, и даже горшки съ обитыми краями и всякая дрянь.

— Ну, Максимовна, я тебѣ сегодня ничего не принесъ; не попалось давеча ни одного перышка, и перина наша еще долго не соберется, ни одной тряпочки, ни щепки, рѣшительно ничего! такой день выпелъ, проговорилъ Ворона, впрочемъ, не глядя на жену.

— Максимовна молча мотнула головою.

— Стара и тѣсна избушка-то, да что дѣлать, вѣдь родительская, такую оставили, сказали: молъ самъ наживай! ну, авось и наживемъ....

— Оно попросторнѣй бы было, если бъ вотъ этого не было — сказалъ Григорій, показывая на кучи всякой дряни.

— И безъ этого нельзя, польшко, щепочку поднимешь годится нечуку истонить; тамъ горшокъ какой со щелью, ну пригнется тоже, хоть что нибудь сухое всыпать, хоть соль держать; лоскутъ тоже, на заплату годится; а это, братецъ, — Ворона показавъ на кучу негодной обуви, — это идетъ въ большую пользу. Напримѣръ, приду вечеромъ изъ кузницы, ночь долгая, вотъ я и засяду за работу. Тотъ несетъ сапожнишки починить, подметки подкинуть, другая съ черевиками тащится, набоечки, заплатки положить; вотъ не покунуть же стать новаго товару. У меня значить и есть про этотъ обиходъ, только выберешь покрепче, оно некупленное, на улицѣ поднято. А глядишь въ вечеръ-то копытка, а иногда и грошъ (45) перепадетъ. Перебиваюсь помаленьку. Ну, а тамъ — что Богъ дастъ; буду богатъ, буду, это мнѣ вѣрно сдается, — договорилъ съ полною увѣренностью Ворона.

— Все на будущее надѣешься, Иванъ Ивановичъ! оно и хорошо, а горько было бы человѣку, если бъ онъ не имѣлъ надежды; вотъ, напримѣръ, какъ я! проговорилъ Гриша со вздохомъ.

— Надѣюсь, и знаю, что буду богатъ; это такъ вѣрно, какъ

я Ворона, а не Лопата! мнѣ и во снѣ-то все снится, что я кладъ вырываю.

— Знать никогда не найдешь клада, потому что пріятные сны рѣдко сбываются.

— Ой, нѣтъ! а ну поговоримъ мы съ тобой, Григорій Степановичъ, откровенно? Я знаю гдѣ кладъ, знаю когда и какъ его достать, только одинъ не могу, мнѣ нуженъ помощникъ; надѣяться я ни накого не могу, другой свою часть получить, а послѣ тебя же въ воеводскую канцелярію потянетъ. Думалъ я взять съ собой Лопату, да это такой трусъ, что не приведетъ Богъ,—какъ ему что причудится, такъ онъ обомретъ со страху, либо дастъ тягу; и тѣмъ все дѣло испортить. А послѣ всѣхъ разболтаетъ. Ишь на языкъ неводерженъ. Такъ вотъ лучше и помощника мнѣ не надо; ты такой молчаливый; хотѣлъ я взять жену съ собою, вотъ такъ баба, братецъ ты мой! нечистой силы ни, ни! не боится, проговорилъ Ворона.

— Есть чего бояться! подай-ка мнѣ ее нечистую-то силу, а ее въ дугу согну? проговорила Максимовна, отрывисто ругаясь басомъ, такъ что Гриша вздрогнулъ, думая, что тутъ гдѣ-нибудь спрятался посторонній мужчина; но страхъ его былъ напрасенъ, потому что это сказала въ самомъ дѣлѣ сама хозяйка.

— И взялъ бы ее, да нельзя; и споконъ въку не слышалъ, чтобы бабы кладъ вырывали, и боюсь я, какъ при бабѣ кладъ еще глубже скроется, такъ весь мой трудъ и пропадетъ, продолжалъ Ворона.—И такъ, я тебя все и поглядывалъ, благо встрѣтилъ сегодня. Хочешь-ли пособить мнѣ, только покопать землю? Вонъ я и два заступка припасъ; онъ указалъ на заступы.—Ты мнѣ пособишь, да съ чедовкомъ, какъ-то и охотнѣе. Согласенъ, братецъ? что найду, тебѣ третью часть даю! Согласенъ?

Гриша отрицательно кивнулъ головою.

— Чуденъ ты, Григорій Степановичъ! отчего не согласиться? Работа не слишкомъ ужъ такъ трудна.

— Начто мнѣ деньги? на что мнѣ богатство безталантиному? променталъ Гриша, опустивъ голову на грудь.

— Чуденъ ты, право! да ты знаешь съ деньгами—то все можно сдѣлать. Вотъ взялъ, да увезъ хозяйскую-то дочку, да

обвѣчался потихоньку. А вѣдь и за вѣнчанье-то не щепки же, а деньги надо дать. Да видать, что безъ благословенія родительскаго прѣехали въ тихомолку, такъ—такъ тебя сожмутъ, что братъ слезы покапаютъ; давай молю столько, такъ и ступай въ церковь, а не дашь, такъ и поворачивай оглобли-то. Вотъ что? Деньги не пустая вещь, вездѣ и ко всемъ двери отворяютъ. Ну, положимъ, обвѣчаешься, надо будетъ жить: чай Барышниковъ-та дочка привыкла золотомъ вышивать, а не у корыта стоять, да рубахи стирать, подъ корову чай съестъ не умѣетъ, правой рукой къ хвосту сядетъ. Ну, а какъ у тебя есть деньжонки, такъ и живи припѣваючи. Вѣдь старикъ-та можетъ такъ взбѣситься, что годъ другой и на глаза не пуститъ. продолжалъ Ворона, глядя себѣ чрезъ плечо, какъ будто Григорій сидѣлъ у него за спиною.

Какъ будто элекрическая искра пробѣжала по всему тѣлу Григорія отъ словъ Вороны. Онъ быстро вскочилъ съ мѣста, схватилъ Ворону за руку и сильно потрясъ ее, сказавъ:

— Зачѣмъ ты искушаешь меня, Иванъ Ивановичъ?

— Я говорю правду, Григорій Степановичъ; ты самъ подумай хорошенько.

— Ахъ, если бы все это сбылось, все это сбылось, Иванъ Ивановичъ! тогда!... и Гриша, не договора, опять опустился на лавку, схвативъ себя за голову. Да ты смѣешься надо мной? ты меня обманываешь?

— Къ какой стати мнѣ обманывать тебя; ты мнѣ человѣкъ нужный, и за трудъ я тебѣ заплачу, вотъ и все, а главное ты никому ничего не разболтаешь. А тамъ, какъ хочешь, Григорій Степановичъ, вѣдь мнѣ тебя силой не притащить къ своему дѣлу, сказалъ Ворона.

— Согласенъ, согласенъ на все! А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это не въ мочь, не въ силу тосковать всю жизнь, охъ какъ тяжело! прошепталъ Гриша, потомъ прибавилъ вслухъ: согласенъ на все! дѣлай со мной, что хочешь, Иванъ Ивановичъ!

— Вотъ люблю молодца! сказалъ Ворона, хлопнувъ Григорія по плечу, и что-то похожее на улыбку осканило его бѣлые зубы.

— И такъ, продолжалъ онъ, я знаю теперь, какъ за это приняться: я возьму у знакомаго мужичка лошадь сутки на трои; если въ первую ночь не дастся совсѣмъ, то нужно и въ другую, и въ третью отъ дѣла не отступать. Въ первый разъ мы поѣдемъ, какъ мѣсяцъ ущербнетъ; а мѣсяцъ ущербнетъ въ среду, это будетъ послѣ завтра. И такъ подъ оумерки, ты приходи сюда, у меня все ужъ будетъ готово: мы поѣдемъ, продолжалъ Ворона.

— Куда же? не къ той ли соснѣ, что слѣпой старикъ рассказывалъ?

— И не одинъ этотъ старикъ, я тридцать лѣтъ слышу эту повѣсть. И наконецъ дознался, что это не сказка. Да! подъ этой сосной зарыто несмѣтное сокровище. И такъ въ среду я жду тебя, Григорій Степанычъ? сказалъ Ворона.

Уже за полночь Григорій оставилъ это воронье гнѣздо.

Наступила середина. Давно уже былъ вечеръ.

— Настя, Настя! какъ мнѣ жалко разстаться съ тобою, сказала Дуняша своей печальной подругѣ, когда послѣ ужина они вошли въ свою свѣтлицу.

Тяжело и подумать, на что я рѣшилась. Да ужъ видно такая судьба моя! отвѣчала Настя, горько заплакавъ. А кажется мы ужъ все выбрали изъ сундуковъ, Дуняша?

— Все, только твой алый объяриный сарафанъ виситъ на клѣтѣ на грядкѣ.

— Я его тебѣ на поминокъ оставляю, я его очень люблю.

— Зачѣмъ? вѣдь у меня есть точно такой-же.

— То твой, а это мой; носи его, не береги и вспоминай почаще обо мнѣ. Вотъ еще любимыя жемчужныя серги я это тоже оставляю, говорила Настя, вынимая изъ небольшого сундука серги и запирая его. Въ сундучкѣ были сложены жемчугъ и все ея драгоценности.

— Ну, спасибо Настя; я буду глядѣть на нихъ, какъ на тебя, — отвѣчала Дуняша. А зачѣмъ же ты свою лучшую рубашку не передала Никитишнѣ?

— Свѣтъ ты мой! я хочу вѣнчаться нарядная, а Никитина говорить, что и кони у ней на дворъ дожидаются, знаешь

просто въ сани да и въ церковь. А тошно мнѣ, Дуняша, тошно оставить домъ родительскій, ретивое такъ и щемить. Прости, моя сестрица, моя голубушка! не поминай меня лихомъ! Упрости батюшку, чтобы на меня не гнѣвался! проговорила Настя, и бросилась на нее Дуняшъ. Обѣ подруги долго рыдали, не выпуская другъ друга изъ объятій.

— А ужъ и проворна же эта Лузиха! она на другомъ дни, откуда мы за столомъ сидѣли, узловъ пять домой отнесла, а послѣ на другую ночь два узла унесла. Да Фетинья два узла. А этотъ сундучекъ ты съ собой возьмешь? проговорила Дуняша, утирая слезы.

— Съ собою; тутъ жемчугъ и все, что подороже. Жаль, что пуховики взять нельзя, замѣтно—больно велики; пожалуй кому попадемся! говорила Настя, надѣвая сверхъ штофнаго сарафана свою лучшую парчевую шубейку.

— Не тужи Настинька, пуховики, твои не пропадутъ, и послѣ перешлю тебѣ ихъ съ Фетиньей. Да что ты рабѣдлась? Чу! еще внизу не улеглись. Слышишь ходятъ, да и фонаря на улицѣ не видать; вѣдь Лузиха съ фонаремъ хотѣла тебя на улицѣ подождать?

Настя, нѣмсто отвѣта, закрыла лице руками и горько заплакала.

— Не знаю, на горе или на радость оставляю я домъ родительскій? говорила она: а сердцу больно! сердце щемить!

— Что же дѣлать, Настя? я всяко думала, да просто ужъ не приложу. Вѣдь и съ Лукой-то обвѣнчаться, да послѣ все равно въ тоскѣ изнывать не легче будетъ! утѣшала Дуняша, рыдающую подругу свою.

— Правда твоя, Дуняша; но говорятъ, что кто противъ воли родительской замужъ выходитъ, надъ тѣмъ не бываетъ благоденствія Божія; прошептала Настя.

— Молись больше Богу, Настинька, чтобы онъ смягчилъ батюшкино сердце; онъ, можетъ, безъ всякаго гнѣва проститъ насъ; Богъ милостивъ! говорила Дуняша.

Такъ проговорили подруги часа два, то смѣшивая свои слезы смѣхомъ, то утѣшая другъ друга. Наконецъ, внизу не слышно

стало ни шаговъ ни хлопанья дверями, значило, что все утихло. Подруги прислушались къ этой тишинѣ и Настя сказала:

— Теперь погляди, мой дружокъ, въ окошко, не виднётся ли на улицѣ фонарь?

Дуняша, заслонивъ лицо съ обѣихъ сторонъ ладонями, пришла къ окну и, поглядѣвъ съ минуту, сказала:

— Вонъ тамъ, по ту сторону пруда, идетъ кто то съ фонаремъ. Фонарь сталъ на одномъ мѣстѣ... опять воротились назадъ. Опять идетъ сюда... опять назадъ... опять стоитъ.

— Это она, это она! прошептала Настя, и вставъ, одѣла земной поклонъ передъ образомъ, но съ полу уже встать не могла; силы почти готовы были ее совсемъ оставить, и судорожныя рыданія разрывали грудь. Дуняша подняла ее.

— Прости, моя сестричка любимая! береги батюшку, ласкайся къ нему, какъ я къ нему ласкалась; утѣшай его, коли станетъ тосковать обо мнѣ и выпроси у него мнѣ прощеніе. Давеча я простилась съ нимъ, онъ благословилъ меня на сонъ и не зная, что благословляетъ подъ вѣнецъ. Не забудь и меня горемычную? Богъ знаетъ, когда еще увидимся, говорила Настя прерывающимся голосомъ и покрывая подругу поцелуями.

Теперь въ свою очередь, какъ мертвецъ, блѣдна и холодна, повисла ей на шею Дуняша и не хотѣла ее выпустить изъ объятій.

— Ужъ и совсемъ ты готова меня оставить, радость ты моя, Настинька! ужели мы на вѣки съ тобой расстаемся? говорила она, обливая Настю слезами. Одну я тебя любила на свѣтѣ, опрота я горькая. Не забудь же меня провѣдать! вспомни мою къ тебѣ любовь!

— Не думала я самокруткой замужъ выходить: безъ свахъ, безъ позжанъ и безъ родительскаго благословенія, да видно мнѣ такъ на роду написано! А тяжело оставить домъ родительскій и можетъ навѣки! говорила Настя. Ну, прости же, прости, моя милая! мнѣ пора; меня ждутъ; и опять длинныя, кривкія, жаркія объятія и задушаемыя рыданія. Потомъ, схвативъ сундучокъ, Настя бросилась къ двери; но у несчастной бѣглянки подогнулись ноги и она съ глухимъ стономъ упала на порогъ; наступило

кричала она и обливала слезами порогъ родительскій, который оставила.

— Настинька, опоминись, другъ мой! ты рыданьями перебудешь весь домъ, тогда придутъ сюда, и тебя остановятъ, говорила Дуня, придя въ себя. Настя встала и заглушала всхлипыванія. Обѣ подруги въ потьмахъ, ощупью, сошли съ лѣстницы, перешли сѣни; задвижка у дверей щелкнула и подруги ужъ стояли на крыльцѣ. Безмолвно простались названные сестрицы; и вскорѣ Настя была уже за воротами. Дуниша заперла двери, которые уже не отворились болѣе для живой Насти. Возвращаясь въ сѣтлицу, бѣдная вѣстунька вполне предалась своей горести: долго глядела она, какъ темная фигура Насти переходила чрезъ прудъ и чернѣла на бѣломъ сызномъ грунтѣ. Какъ ее встрѣтилъ фонарь и какъ потомъ этотъ фонарь исчезъ за угломъ, значить и Настя скрылась.

— Долго ты, долго-замышлялась, моя ластунька, жаждалъ и тебя! говорила Лузиха, освѣщая фонаремъ заплаканное лицо Насти и ея парчевой нарядъ. Но бѣглянка не отвѣчала. Она подошла къ воротамъ Лузихина дома.

Въ это время по Галицкой дорогѣ вышла за городъ дорожная лошадка, запряженная въ розвальни; въ нихъ сидѣли двое мужчинъ и лежали два новыя заступы. То были наши знаменитые кладонскатели.

XVI.

Несмыслою стопою ступила Настя на Лузихинъ дворъ, и ворота за ней заперлись. На дворѣ стояла пара лихихъ коней, заложенныхъ въ большія пошевни. Ночь была звездная, но безлунная, снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, лошади пряли ушами и въ нетерпѣннѣ рыли ногами бѣлую пыль.

— Что? тяжело было разстаться съ роднымъ-та гнѣздышкомъ? ну ничего, скоро все забудешь, моя голубушка! пойдѣмъ-ка скорѣй, скоро полночь! — сказала Лузиха и, схвативъ Настю крѣпко за руку, ввела ее въ сѣни. Дрожа всемъ тѣломъ, Настя въ слѣдъ

за хозяйкой вошла въ заднюю горницу. Свѣтъ одинока-гого на дубовомъ столѣ, накрытомъ браною скатертью. Въ горнице не было печки и морозъ своевольно вывелъ свои узоры на косячатыхъ окнахъ. Настя перекрестилась на образъ и поклонилась хозяйкѣ.

— Добро пожаловать, гостя дорогая!—вскричала хозяйка, ставя на скамейку загашенный фонарь,—садись-ка, садись.

Настя, едва стоявшая на ногахъ, опустилась на лавку. Движенье помѣстилась противъ нея; дыханье въ груди старухи оспиралось и производило какое-то хрипанье: она была въ сильномъ волненіи, и блѣдныя и багровыя пятна показались на щекахъ ея.

— Да гдѣжь у тебя жемчугъ-та? я ни въ одномъ узелѣ не нашла?—спросила наконецъ Лузиха, задыхаясь.

— Вотъ онъ въ этомъ сундукѣ, отвѣчала дрожащая старуха, подавая ей завѣтный ларчикъ. А гдѣжь Григорій-то Степановичъ? въ свою очередь спросила Настя.

— Онъ сѣмелъ со двора и скоро воротится,—подожди его!—отвѣчала насмѣшливо Лузиха, и поспѣшно вышла вонъ. У Насти замерло сердце. Столько неприязни слышалось въ словахъ Никитишны.

Прошло съ полчаса, Настя похаживала по горницѣ и не переставала въ окно; но, кромѣ стоящихъ лошадей, ничего не видѣла. Она слышала, что заперли дверь въ сѣняхъ и вздрыгнула; какое-то невыразимо тяжелое предчувствіе запало въ ея душу. Каждая минута ей казалась годомъ. Наконецъ вошла Никитишна.

— Долго нѣтъ Григорья Степановича! проговорила Настя. А на что же ты, тетушка Никитишна, заперла сѣни?

— Придетъ, такъ постучится!—отвѣчала отрывисто Лузиха.

— Гдѣжь узлы-то мои? спросила опять Настя робко.

— Гдѣ? вѣстимо въ моей кладнѣ. Не бойся, не упадутъ они въ другія руки кромѣ моихъ! жаль, что пуховиковъ-то не мерда я захватить. А славные были пуховички, нечего сказать!

Настя вздрогнула, но старалась эти слова принять за шутку.

— Долго его нѣтъ! долго его нѣтъ! сказала она.

— Можетъ и не придетъ. А ты, боярышня, сиди-ка у бабушки!—сказала насмѣшливо Лузиха.

Настя взглянула на нее и окаменѣла: такими страшными глазами смотрѣла на нее старуха.

— Затѣмъ же мнѣ раздѣваться? я и такъ здѣсь озябла: у тебя ишь горенка безъ печки. Пойдемъ лучше въ переднюю избу! проговорила дѣвушка трепещущимъ голосомъ.

— Неужто ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я поведу тебя въ переднюю избу? да можетъ у меня тамъ есть хорошіе люди, честныя дѣвицы и жены. Да захотятъ ли еще они быть вмѣстѣ съ тобою, съ воровкою распутною, которая обокрала отца, да бѣжала за полюбовникомъ! Ха, ха, ха! — Лузика адожи намотала. Хохотала до того, держась за бока, что на губахъ ея показывалась пѣна.

— Чтожъ, разве для того ты сманила меня изъ дому родительскаго, чтобъ насмѣхаться, наругаться надо мною? я не думала это отъ тебя услышать, Наталья Никитишна, проговорила съ кроткимъ упрекомъ Настя и горько заплакала.

— Вѣстимо для того привезла я тебя сюда, — вскрикнула извѣстиво Лузика, чтобъ наругаться надъ тобою за все тѣ обиды, которыя пережила я отъ старой вѣдьмы, баушки твоей, отъ твоего отца, отъ жениха твоего и отъ твоего полюбовника Гринни Безроднаго, который здѣсь, въ моемъ домѣ, хотѣлъ убить меня, и за все это я вымещу на тебѣ, на тебѣ моя красавица. Убью тебя, задушю тебя! какъ онъ злодѣй душилъ меня. Задую! задую! — и Лузика подбѣжала къ столу и сильно застучала по немъ кулаками, такъ что подосѣвчикъ подсакивался на своемъ мѣстѣ.

— Что же я-то тебѣ сдѣлала? мошлужъ, Наталья Никитишна! Отпусти ты меня къ батюшкѣ? ты, я вижу, обманула меня, вранье Грина не придетъ? али ты, можетъ, шутишь, хочешь пострадать сама? говорила дѣвушка, обливаясь слезами.

— А вотъ увидишь, шучу-ли я, дура ты этакая! да какъ бы я врагамъ-то моимъ лютымъ, супостатамъ-то моимъ отплатила? да я всю жизнь не сдумала бы этого сдѣлать! а теперь, вѣтъ, я не отаующу тебя, я вымещу на тебѣ все мои обиды.

— Наталья Никитишна! есть-ли въ тебѣ Богъ?

— О, еще Бога воспоминаеть, распутница этакая! пусть по-

любовникъ-та твой выручаетъ тебя изъ моихъ когтей! стѣра сорока заклюеть тебя! а языкъ змѣиный кровь подлижеть, — произнесла Лузиха съ невыразимою злобою, и вышла вонъ, слабо хлопнувъ дверью, которую и заперла за собою.

— Господи, Господи! что она со мной хочетъ дѣлать? говорила несчастная дѣвушка и била себя въ грудь. Ужели въ самомъ дѣлѣ она хочетъ убить меня? что я ей одѣлала? Она говоритъ, что Гриша хотѣлъ задушить ее... когда и за что? Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть, она лжетъ! Гриша всегда такой смирный, такой кроткій. Не можетъ быть! Господи, куда я понаю? вѣщее сердце говорило мнѣ, что не быть добру. Батюшка! Гриша! Дуняша! кто меня выручить? И Настя въ отчаяніи простерлась передъ образами. Господи, прости меня! говорила она, рыдая, прости мои согрѣшенія! Спаси меня, избавь отъ вѣрной смерти! родитель мой! бабушка! сестра! няня! простите мнѣ, кому я когда досаждала! прости бѣлый свѣтъ! прости, другъ мой, милый Гришинушка! прости навзки! что ты нейдешь выручить твою Настю? И она какъ безумная вскочила и бросилась къ двери. Дверь въ самомъ дѣлѣ была заперта, но въ отъѣздъ слышались голоса. Настя съ жадностію слушала.

— А по моему ножъ въ бокъ, да и концы въ воду! — слышалъ тоненькій звонкій голосъ.

— Перестань, лиса проклятая! тебѣ бы все рзать, шурѣть въ крови пачкаться! Убирайся къ чорту! я и безъ тебя справлюсь... и... твоё дѣло убрать! — слышался голосъ Лузихи.

Последнія слова поразили Настю; она уже не сомнѣвалась въ своей погибели. Она отскочила отъ дверей и, какъ подстреленная птичка, бѣжала по горнищѣ. И вотъ, нища спасенія, она въ отчаяніи бросилась къ окну, наперла что было силы, стекла посыпались, ставень размахнулся, но толстый и частый переплетъ глухой рамы препятствовалъ ей выскочить.

— Православные, спасите! помогите! избавьте отъ смерти! — кричала Настя въ окно отчаяннымъ голосомъ; но голосъ ея терялся въ холодномъ пространствѣ ночи; ее ни кто не могъ слышать: была глухая полночь, все крѣпко спало.

— Что ты глотку-та дерешь, змѣя подколодная? — вскричал

Душка, вбегая въ горницу.—Ай, мои батюшки! да она и женщина-та мою выбила. Вотъ я тебя! замолчишь ты у меня!— И она неистово бросилась на свою жертву, бросивъ на полъ душу, которую держала въ рукахъ.

— Сжался надо мною! купи себѣ отпущеніе грѣховъ!— кричала Настя, бросаясь къ ногамъ злодѣйки, отпусти меня, возьми мое все себѣ, отпусти меня въ одной рубашкѣ, я никому ничего не скажу, по гробъ моей жизни; а коли проговорюсь, тогда изрѣжь меня на мелкіе куски; но я не скажу, вотъ тебя Богъ и все святые! я ничего про тебя не скажу, только отпусти меня.

— Ну снимай же шубейку-та!—крикнула Лузиха и сорвала съ Насти сперва жемчужную повязку, а потомъ и нарчевую шубу. Несчастная не сопротивлялась; но отъ сильнаго толчка упала и ударилась головкой о ножку стола. Лузиха задула свѣчу и, схвативъ женщину, бросила на блѣдное личико почти безчувственной Насти и села на нее. Сперва послышался задушаемый стоишь, потомъ глухое хрипаніе... потомъ все стихло.

Черезъ несколько минутъ, Наталья Никитина вошла въ переднюю избу; она была блѣдна, башенство ужъ не горѣло въ ея глазахъ; пѣна не была изо-рта, она была спокойна, жажда мести была удовлетворена. Она перекрестилась, что-то прошептала, на образъ, передъ которымъ неугасимо горѣла лампадка; зашевелила свѣчу и сказала, обращаясь къ сидѣвшему на лавкѣ маленькому человечку съ плутовскими глазами, съ желтыми волосами и почти безбородому.

— Ну, племянничекъ! все ли у тебя готово?

— У меня все готово: рогожка въ овняхъ; а ты, тетушка, и справилась?

Лузиха махнула рукой.

— Да смотри, тамъ на лавкѣ бѣлая простыня, прежде въ простыню, а тамъ и въ рогожку; только стащи съ нея сарафанъ, галушъ золотой, а пуговицы серебряныя; запонку изъ рубашки вынь, серги изъ ушей, и вѣтъ ли тамъ перстней на рукахъ, погляди! Дуракъ, вѣдь это все серебро да золото,—проговорила Лузиха.—На, вотъ, свѣчку.

— Ужъ Лисица своего не упустить,—проговорилъ племянникъ,

принимая отъ тѣни свѣчку, и вышелъ вонъ. Черезъ четверть часа ворота отворились и со двора Лузихи ѣзжали пошевни, запряженные въ пару лихихъ лошадокъ. Въ пошевняхъ что-то лежало, тщательно прикрытое рогожкой, а на облучкѣ сидѣлъ лисица, ловко правилъ возжами, шапка на ухо, и тонкимъ заливистымъ голосомъ пѣлъ ухарскую пѣсню.

Лузиха сидѣла въ изѣ, подперевъ голову руками. Что она думала, никто не зналъ. Лампада свѣтилась, а съ потолка раздавался храпъ Аграфены и дѣтей ея, которые спали дремлющею сномъ.

Въ это время кладовщики усердно работали водъ заветной сѣней. Въ продолженіе дороги Григорій безпрестанно говорилъ Ворона.

— А что, можетъ и сказки, что тутъ кладъ зарытъ? можетъ ны и ничего не найдемъ.

— Авось! отвѣчалъ Ворона.

— Можетъ это такъ тебѣ представлялось, потому что ты об этомъ безпрестанно думалъ, а въ самомъ-то дѣлѣ ничего тамъ нѣтъ?

— Авось!

И такъ они доехали до назначеннаго мѣста еще до полудня.

— Ну, вотъ и прѣехали!—воскликнулъ Ворона, завидѣвъ огромную косматую сосну, окруженную мелкимъ кустарникомъ. Они свернули съ дороги и приблизились къ заколдованному мѣсту. Ворона досталъ изъ саней два заступца и какую—то длинную палку съ зарубками, досталъ фонарь и высккъ огня. Оставивъ нѣсколько большихъ холщевыхъ мѣшковъ, приготовленныхъ для помѣщенія сокровища въ санихъ, они лошадь привязали къ кусту и по колына въ снѣгу, съ трудомъ добрались до самой сосны.

— Вотъ одно, Григорій Стенанычъ! коли хочешь быть псередимъ отъ вражьей силы, то слушайся меня во всемъ, не разговаривай и не оглядывайся, а то такіе страхи увидишь, что и умришься, — говорилъ Ворона.

— Все буду дѣлать, что ты, Иванъ Ивановичъ, укажешь, говорилъ Гриша. Однако земля промерзла и намъ придется тамъ работать.

— Ахъ! — и Ворона началъ мѣрить землю палкою отъ одного края. Отмѣривъ три на востокъ, по прямому направленію отъ себя, онъ сказалъ: — вотъ здѣсь зарыто золото; потомъ, отмѣривъ три на поденъ, сказалъ: а вотъ здѣсь серебро. Потомъ столько же отмѣривъ на западъ, проговорилъ. — а тутъ жемчугъ и замощенные камни.

— На сѣверъ нечего и мѣрить, такъ зацепили оружіе, монеты, каденцы, стрѣлы пернатые и тяжелые шлемы. Мы съ тобой не юнцы, Григорій Степановичъ, а продавать это оружіе, шитье и прочее не кунить, сказалъ Ворона. Потому они разметали сѣверъ на сколько было нужно и Ворона, сгинувъ овой крестъ, приказалъ то же сдѣлать и Григорью, повѣсилъ кресты на кустъ и сдѣлалъ въскольке круговъ головешкою, которую вынулъ изъ пазухи, на землѣ, съ заклятіями на неизвѣстномъ языкѣ, призывая копать землю, заставивъ и Григорья дѣлать то же.

Земля была мерзлая, и потому работа была трудная. Забыли же окружающее и не вида никакихъ страховъ, кладовскатели начали копать; фонарь, повѣшенный на кустъ, освѣщалъ ихъ фигуры и усталыя лица, съ которыхъ струился потъ; они безпрестанно утирались и продолжали работу.

• Сперва имъ попадались въ землѣ древесныя корни, потомъ нѣкіе камешки; наконецъ что-то звякнуло подъ заступомъ. Они окунули, то была какая-то плотная масса, чугунная или каменная плита. Кладовскатели присели въ ямъ и перевели духъ, потомъ молча обрыли и вытащили плиту, въ аршинъ болѣею въ ширину и въ длину. Она была дикаго камня; они принялись усиленно рыть, но сколько ни бились, подъ плитою не было ничего.

— Ушелъ глубоко! — прошепталъ Ворона. Въ это время изъ города донесли къ нимъ звуки благовѣста заутреня, а съ дороги скрипъ большого обоза.

— Что же мы мучимся по напрасну, Иванъ Ивановичъ! слышь, въ городѣ благовѣстятъ изъ заутрени, а я не слыхалъ, чтобы кладъ можно было достать днемъ, проговорилъ Григорій.

— До завтра! — сказалъ глухо Ворона. И они оба выскочили изъ ямы.

Ворона взялъ заступы и марку, уложилъ все въ сани и, везъ лошадку подъ уздцы, повелъ ее изъ лѣсу. Грина, севъ фонарь на куста и кресты, последовалъ за товарищемъ; но привыходя уже большую дорогу, гдѣ Ворона дожидался его, сядя въ развалины, Григорій зачто-то запнулся и упалъ. Однако фонарь уцѣлалъ въ рукъ его и не загасъ. Григорій всталъ и, поднявши фонарь, принался осматривать предметъ, за который запнулся. Что-то похожее на человека, завернутаго въ простыню, лежало на сыгъ. Онъ сначала отступилъ, но потомъ любопытство одержало верхъ надъ минутнымъ страхомъ, онъ наклонился и распахнулъ простыню. То былъ трупъ женщины въ одной сорочкѣ. Длинная коса, темною лентою висѣла по обнаженнымъ плечамъ.

— Иванъ Ивановичъ! поди—ко сюда! вскричалъ Грина своему товарищу.

Ворона вышелъ изъ саней и подошелъ. Григорій въ это время навелъ фонарь на лице покойницы. Лицо было блѣдно, глаза плотно сомкнуты, только на губахъ виднѣлась кровавая измя.

— Настя! вскричалъ Григорій и упалъ на трупъ. Ворона взялъ фонарь, ототавилъ въ сторону и пытался поднять Григорія. Долго стоялъ онъ надъ нимъ, долго звалъ его по имени, Грина молчалъ и покрывалъ поцалуями холодный трупъ.

— Что это такое? Господи Боже мой!—говорилъ Ворона, что это за мертвое тѣло? Откуда взялось оно? что за Настя? ужасъ это дочь Барышникова, непривидѣніе-ли это?—И Ворона въ ужасѣ дѣлалъ заклинанія на непонятномъ языкѣ. Но видѣніе не прощало; Григорій все еще обнималъ мертвую.

— Пойдемъ, уйдемъ отсюда! сказалъ наконецъ Ворона, тѣща Григорія за руку.

— Уйдемъ отсюда! говорилъ Григорій и, поднявши трупъ на руки, побѣжалъ за товарищемъ. Ворона оглянулся, и увидѣвъ Грину съ страшною ношею, пустился отъ него бѣгомъ, читая вслухъ воскресную молитву и крестясь. Онъ едва успѣлъ добѣжать до лошади и вскочить въ развалины. Грина былъ близко.

— Постой, постой! уйдемъ, убѣжимъ отсюда! постой, постой, посади насъ!—кричалъ онъ, но Ворона ужъ нахлесталъ лошадку, что было силы, и лошадь въ одинъ духъ поскакала въ

городъ. Григорій съ своею драгоценной пошею все бѣжалъ за нимъ, все кричалъ ему; бѣжалъ до тѣхъ поръ, покуда силы его оставили, голосъ смолкъ, и онъ! ринулся безъ чувствъ, возлѣ холоднаго трупъ, который вынулъ изъ оковъ живыхъ рукъ, уже на большой дорогѣ.

На разовѣтъ, вхалъ изъ Галича одинъ изъ писарей воеводской канцеляріи и навхавъ на тѣло Нasti и безчувственнаго Григорья, взялъ ихъ обоихъ и представилъ въ городъ.

Григорья сначала оттерли и привели въ чувство, потомъ сковали и отравили въ острогъ. А Настю привезли къ дому родительскому.

Иванъ Ильичъ, какъ вышелъ на встрѣчу дочери, такъ и грохнулся на ея трупъ.

Казалось земля стонала, какъ вносили Настю въ горницу. Дуниша каталась, какъ безумная. Фетинья страшно и жалобно выла. Ивана Ильича отливало водою. Даже Потапъ утиралъ рукавомъ слезы; одна только Дарья Алексѣевна сохранила присутствіе духа и осыпала крупной бранью весь родъ безродныхъ, ихъ предковъ и будущихъ потомковъ. На крыльцѣ стоялъ Лука Герасимовичъ въ своемъ гранитуровомъ кафтанѣ, но уже безъ фижмъ, утирая глаза персидскимъ платкомъ. На дворъ была давка отъ стеченія любопытныхъ, и между толпою, толкался лысый Афонасѣичъ со псалтырю подъ мышкою, всячески стараясь, чтобъ его замѣтили.

Въ эту ночь Ирина Михайловна протосковала до утра и не могла заснуть; она не могла надивиться, куда дѣвался ея чадо милое:—ужь не въ прорубь-ли съ безумья бросился, чего добраго? О, спаси его Господи и помилуй!—говорила старушка и принялась за четки, снѣзанные изъ гороху и начала молиться. Но не смотря, что Ирина Михайловна била земные поклоны, мысли ея были далеки отъ молитвы. Такъ настало утро, старушкѣ пришло не въ моготу; она принималась нѣсколько разъ плакать, но сынъ не возвращался. Истопивъ печку, старушка пошла въ соборъ; но и тамъ молитва ей не шла на умъ. Изъ собора старушка прошла на базаръ, и тамъ увидѣла какое-то волненіе: толпы сходились, что-то шушукали, расходились и бѣжали

куда-то: женщины шептались, махали руками, качали головами и тоже бѣжали куда-то, размахивая по вѣтру разноцвѣтными наметками.

— Батюшки вы мои! да что такое подѣлалось? куда народъ бѣжить?—спрашивала Ирина Михайловна у одной молодницы.

— А ты, знаешь баушка, Барышникова? спросила молодница.

— Какъ, дитятко, не знать Ивана Ильича.

— Такъ вотъ какое дѣло! у него дочка пропала.

— Какая дочка, это Настасья Ивановна?

— Ну, не знаю, какъ ее тамъ звали, только сегодня нашли ее убитую гдѣ-то за городомъ, а слышь убили парень, что у Барышникова въ прикащикахъ жилъ.

Ирину Михайловну, словно варомъ обдало, съ ногъ до головы.

— Гришка Безродный! проговорилъ проходящій парень, вслушавшійся въ ихъ разговоры. Ирина Михайловна, какъ стояла, такъ и присѣла, молодница отскочила прочь, и все проходящіе далеко сторонились прочь; только проходящій Илья издали узналъ Ирину Михайловну, по красной астраханской наметкѣ, подошелъ и поддержалъ ее.

— Охъ! произнесла старушка.

— Охо, охо, охо!—повторилъ Лопата.

— Что за слухи такіе страшные носятя? не слыхалъ ли ты чего Илья Яковлевичъ?

— Не веселые, не веселые слухи, Ирина Михайловна, особенно для материнскихъ-то ушей.

— Не ужто правда? а онъ сегодня не ночевалъ, пропала старушка.

— Истинная правда; также пропала съ вздохомъ Лопата.

вс. — Гдѣ же онъ теперь?

лос. — Кто? Григорій-то Степанъ? да вотъ сейчасъ скон-

— провели въ острогъ. Идетъ сердечный, да шатается и глотаетъ, а помутились, проговорилъ Илья и на силу удержалъ лошадку, мать, которая падала.

Прина Михайловна едва добрела до острогу; сердце ее окаменѣло, она даже не плакала.

— Острогъ тогда былъ напротивъ валу (46) Большое деревянное зданіе, почернѣвшее отъ времени, обнесенное кругомъ высокимъ заборомъ, изъ стоячихъ бревенъ, верхъ котораго былъ усаженъ, въ видѣ гребенка, большими желѣзными гвоздями, остриемъ вверху; въ заборъ были проилены узкія отверстія, и когда въ праздничный день, или въ поминальные, такъ называемыя родительскія субботы, колодниковъ вынуждали на дворъ, то въ эти протесины протягивались руки къ прохожимъ и слышались голоса:

— Будьте милостивы! будьте жалостливы къ бѣднымъ заключеннымъ!

И добрые люди одѣляли ихъ: кто деньгами, кто калачами и блинами, а въ пасху крашенными яицами.

Прина Михайловна, съ низкимъ поклономъ, обратилась къ наружному часовому, который оберегалъ низенькую и узкую калитку, замѣняющую ворота.

— Родименькой ты мой служивый, скажи ты мнѣ ради Христа: посадили сегодня тутъ, такого русаго молодца, похожъ онъ на меня, брови точь-въ-точь мои?

— Посадили, баушка, отвѣчалъ молоденькой солдатикъ.

— Не можно-ли, сударикъ, мнѣ поговорить съ нимъ?

— Не знаю, поди въ караульню къ дежурному ахвицеру. И часовой, отворивъ калиточку, пихнулъ туда старушку и снова захлопнулъ. Караульня эта примыкала къ самой калиткѣ, другая дверь изъ нея вела во дворъ, такъ что войти въ острогъ, и выйти необходимо было чрезъ караульню. Прина Михайловна не успѣла и опомниться, какъ очутилась передъ офицеромъ, окруженная цѣлой командой.

— А что тебѣ нужно, старуха? спросилъ дежурный офицеръ, не охотно оставляя драматную игру съ посѣтившимъ его товарищемъ.

— А вотъ, батюшка, сударикъ.. ваша милость, сегодня говорятъ.. посадили сюда моего сына? говорила запинаясь и низ-

ко кланяясь старушка. — И мнѣ хотѣлось бы съ нимъ перемолвить!

— Нельзя, онъ еще у допроса не былъ, отвѣчалъ дежурный, не снукая глазъ съ шахтатной игры.

— Тарунчиковъ, твой ходъ! прокричалъ товарищъ. Дежурный сдѣлалъ ходъ.

— Нельзя, нельзя бабушка! онъ еще у допроса не былъ.

— А мнѣ бы, сударикъ, самой хотѣлось его допросить. — Оба офицера съ любопытствомъ оглядѣли Ирину Михайловну съ головы до ногъ.

— Я советовалъ бы тебѣ отправить старуху въ воеводскую канцелярію—проговорилъ тихо товарищъ.—При допросѣ можетъ она дѣло и пояснить.

— Спасибо, братъ, отвѣчалъ Тарунчиковъ: надоѣла ужъ мнѣ эта воеводская канцелярія, не знаю какъ вырваться отсюда, говорить наборъ, значить война! не дождешься этого праздника, заплесневѣлъ, братъ, я здѣсь. Потомъ, обратясь къ Иринѣ Михайловнѣ, онъ сказалъ съ ласковой улыбкой:

— Нельзя, старушка, тебѣ самой сына допрашивать, это и безъ тебя сдѣлаютъ въ свое время, кому слѣдуетъ; а тебѣ я советую поскорѣй убираться за-добра ума, да и впредь не часто сюда заглядывать, а то вѣдь не всегда Тарунчиковъ въ острогъ въ караулъ бываетъ; пожалуй другой познакомить твои старыя кости и съ воеводской канцеляріей.

— Нельзя, сударикъ! — проговорила Ирина Михайловна, и заплакавъ оставила караульную. До поздней ночи шаталась старушка около острога, но сына не видала.

XVII.

Въ задней горницѣ родительскаго дома, на дубовомъ столѣ, лежала Настя, въ алломъ обьяриномъ сарафанѣ, который оставила было Дунишъ; черная коса двумя волнами сбѣгала по плечамъ, обвитая алою лентой, въ уши были вѣдты жемчужныя серьги, а на пальцѣ блестяло кольцо. (47) На оттаявшихъ

щочкахъ мертвой красавицы, игралъ яркій румянецъ, словно у живой, только на груди было большое багровое пятно, да лебединая шея распухла. У образовъ свѣтилась свѣчка, и лысый Афонасычъ гнусливымъ голосомъ читалъ псалтырь. Съ утра до вечера, горница была набита народомъ, и любопытные любовались богатымъ парчевымъ покровомъ, и нарядомъ покойницы, даже смотрѣли какіе черевички были на ней надѣты.

— Этакая причта повстрѣчалась съ Настенькой, думано-ли? гадано-ли? говорила Савишна, покачивая головою.

— Кто думалъ? Третьяго дня сидѣла, моя голубушка, съ Лукой Герасимычемъ, да ужъ такая-то невеселая, замѣтила Ульяна Михайловна.

— Лука-то и погубилъ ея!—проговорила какая-то молодица.

— Какъ не Лука! анъ Гришка Безродный, ея полюбовникъ, уходилъ,—отозвалась другая.

— Да, убилъ, да и вывезъ на Галичскую дорогу, да кровь то и попутала, ослѣтъ окаянный, не могъ съ мѣста сойти, сыщики навхали, а онъ и сидитъ надъ тѣломъ, вмѣшалась третья.

— Не сыщики, слышь, мужикъ съ дровами вхалъ да и навхалъ, сказалъ четвертый голосъ.—И убійца не ослѣтъ, а такъ обезумѣлъ.

— Ну, совсѣмъ не обезумѣлъ, а такъ сдѣлался разслабленнымъ. Непересказныя рѣчи-та, сама отъ ямщика слышала, что воеводскаго писаря везъ, да на тѣло и навхали.

— А она, сердечная, говорятъ, всѣ деньги у отца поддѣла!

— Неправда, неправда! говорятъ только свое приданое.

— Въдъ Гришка-то, злодѣй, говорятъ, ходилъ къ ней, разъ баушка какъ-то и застала, да поскорѣй съ рукъ долой и хотѣла свалить за Живчикова, жалко его!

— Бѣдный Лука Герасимычъ, жалко его!

— Эхъ, полно! еще лучше, что такъ сдѣвалось, а то сердечный, можетъ, вѣкъ бы мучился съ распутной-то жемой?

— Всяко бываетъ, другая и худая, лучше хорошей замужемъ живсть!

— Я думала отецъ-то разсердится и въ домъ мертвую не приметъ?

— Отцовское сердце, жарки мои; недосталось я давеча, плакавши на его глядя, какъ онъ сердечный причиталъ.

— А не следовало бы ее погребать по-христіански, въдъ безъ покаянія умерла!

— А ты думаешь! жалко бросить, какъ чурку.

— Да и бросили бы, кабы была небогатаго кунца дочь, а то вишь богатымъ то, и живымъ и мертвымъ почеть.

— Чтожь? убита?—кровью вычалась!

— Да въдъ хорошо, если бы ее безвинно убили, а то за свой грѣхъ и пострадала.

— Глянька, глянька, мачка! на покойницѣ и черевки-та золотомъ вышиты! послышался звонкій голосъ дѣвчонки, ошупывавшей ноги покойницы. — А въ рукахъ то шелковой платокъ.

— Этакую крѣпость Богъ далъ баушкѣ-то! въдъ не больно плачетъ! а ужъ взятушка-то, словно кликуша давеча кричала. А ты видѣла, старушонку-та кривую? Это нянька покойницы: говорятъ, она всему злу виною, она и свела дѣвушку съ злодѣемъ.

— То-то она ужъ больно и реветъ, совѣсть значить мучить.

Такъ судили и рядили Костромскія горожанки, обступивши тѣло Насти.

Вошелъ священникъ съ причтомъ, служить литію, толпа разступилась; вслѣдъ за нимъ двѣ женщины ввели подъ-руки рыдающую Дуняшу; а потомъ двое мужчинъ, почти на рукахъ внесли Ивана Ильича. Дарья Алексѣевна пестрымъ платочкомъ утирала глаза. Вошелъ Лука Герасимовичъ, взоры всѣхъ съ участіемъ и любопытствомъ обратились на него. Несчастный женихъ помолвлясь, поклонился тѣлу и заплакалъ; потомъ сталъ въ самый дальній уголокъ, безмолвно утирая слезы. Живчиковъ, въ одни сутки, постарѣлъ десятию годами: волосы его были не причесаны, глаза красны отъ слезъ, и лицо, и кафтанъ казались измятыми, въ бородѣ показалась сѣдина; онъ сдѣлался еще худѣе, еще ниже, потому что не топоршился на цыпочки. Значить, онъ не притворно любилъ Настю.

— Не посчастливилось бѣдному!—зашушукали женщины.

— Ни што ему! больно невѣсть браковаль: та худа, другая не хороша, вотъ ему и невѣста!

— Позавидоваль врагъ, реда христіанскаго человѣческому счастью!—сказала Ульяна Михайловна.

— Худыя дѣла до добра не доведуть, отозвался кто-то.

Толпа смолкла. Священникъ началъ служить литію, и когда дѣлочки, протяжно и заунывно, пропѣли вѣчную память и дымъ кадила смѣшался съ дымомъ погашенныхъ свѣчъ, тогда ужъ никакая человѣческая сила не могла удержать Ивана Ильича; съ страшнымъ воплемъ отчаянія вырвался онъ изъ рукъ державшихъ его и грохнулся о землю.

— Другъ мой, Настинька! сокровище мое! жемчужина моя дорогая? я не умѣлъ уберечь тебя! я потерялъ тебя на вѣки! прости меня! я одинъ, я одинъ виноватъ! Богъ наказалъ меня за гордыню, я достоинъ, достоинъ этого Настинька! возьми меня съ собою!—кричалъ онъ неистово и рвалъ на себѣ волосы и царапалъ грудь. Потомъ онъ вскочилъ и бросился цаловать на вѣкъ закрытыя глаза своей дочери и ея окостенѣвшія руки.

— Сестрица ты моя любезная! для чего оставила ты домъ родительскій! сманила тебя, мою радость, обманщица, змѣя подколодная и предала сырой землѣ! не повѣрю я чтобы тотъ убилъ тебя, кого ты любила, не повѣрю!—вопила Дуняша и билась въ рукахъ державшихъ ее женщинъ.

Такъ плакали тѣ, которые любили Настю, воили ихъ раздирали сердце и вся толпа плакала на ихъ глядя.

— Что это, дѣвица-то словно кого обвиняеть? знать старую-то няньку? сказала одна горожанка своей сосѣдкѣ.

— Эхъ, полно родная! она просто ряхнулась.

— А что, не слыхала ты, еще убійцу-та не приводили проститься съ убитой?

— Нѣтъ еще; говорятъ, что приведуть.

Вдругъ, дверь распахнулась, послышался стукъ ружей и Григорій блѣдный, шатающійся, съ помутившимися глазами, бренча кандалами, вошелъ въ горницу, окруженный конвоемъ. Толпа алынула въ стороны, наступила глубокая тишина; всѣ глаза устремились на несчастнаго, за нимъ шелъ воеводскій ишарь.

По приказанію писаря, Григорья подвели къ тѣлу два солдата. Всѣ уши наострились, чтобы услышать роковое признаніе.

Гриша нѣжно прижалъ свои горячія запекшіяся губы къ холоднымъ, безответнымъ устамъ своей Насти и тихо прошепталъ:

— А какъ мы любили другъ друга! а какъ мы любили другъ друга! Потомъ поцаловаль ея очи, щечки и сложенные крестомъ руки. И ни вопля горести, ни слова признанія не вырвалось изъ его груди, не сорвалось съ языка. Было-ли то слѣдствіе глубокаго отчаянія любви, которая уже переходитъ за предѣлы земнаго міра, или тихаго помѣшательства? не извѣстно. Вполнѣли сознавалъ несчастный свою горькую потерю и свое безвыходное положеніе, трудно рѣшить. Съ помутившимися глазами, съ поникнутой головою, не сказавъ никому ни слова, онъ просидѣлъ цѣлыя сутки не пивши, не ѣвши. При допросѣ, когда спрашивали, за чѣмъ, когда и по какой причинѣ убилъ дѣвицу Настасью Барышникову? онъ только говорилъ: «я любилъ ее и люблю, какъ же вы хотите, чтобы я убилъ ее?»

Когда спрашивали, какимъ образомъ очутился онъ съ трупомъ на большой дорогѣ? Григорій молчалъ. Забылъ-ли онъ, что съ нимъ было, или просто не хотѣлъ говорить, и это неизвѣстно.

Воеводскій писарь записалъ слова арестанта, произнесенныя имъ при прощаньи съ покойницей. И Григорья тѣмъ же порядкомъ вывели вонъ.

— Самъ бы кажется петлю злодѣю затянулъ! прошепталъ Лука Герасимовичъ.

— Своими руками супостата живаго бы въ землю закопала! проговорила вслухъ Дарья Алексѣевна.

— Что, вѣдь кажись кровь-та не брызнула на убійцу? сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Кажись нѣтъ! Да у ней у голубушки, чай еще у живой, съ испугу то кровь замерла.

— Да откуда крови быть? говорятъ она задушена, а не зарѣзана.

— Изъ носу бы, али изорта брызнуло, замѣтила одна старуха.

— А что вѣдь Гришка-то ничего не страшнѣе, такой блѣдный.

— А ты думала!.. онъ вѣдь не придорожный разбойникъ,

честныхъ отца съ матерью сынъ, да ишь на добро-то зубы разгурьлись. Охо, хо! *дьяволь-то и юрами качаетъ!*

Такъ опять принялась шушукать толпа.

— Что же Никитишны-то здѣсь нѣтъ? что она къ намъ не бывала? пошлите за ней! приведите, допросите ее, куда она дѣвала ее, когда ее выманила изъ дому! вскричала вдругъ Дуняша, какъ будто опомнившись. И не успѣла Дуняша смолкнуть, какъ дверь отворилась, и поспѣшно вбѣжала Лузиха, накрытая бѣлой камчатной наметкой, подаркомъ Луки Герасимовича.

— Ахъ, моя батюшка, знать и литія-то не застала? проговорила она торопливо, и бойко продралась сквозь толпу къ самой покойницѣ.

— Ахъ, ты голубушка моя бѣлая, Настасья Ивановна, думано-ли, гадано-ли, лежать тебѣ на дубовомъ столѣ, гдѣ бы съ женихомъ за столомъ красоваться? проговорила Никитишна, утирая платкомъ глаза. Потомъ она положила три поклона передъ образами, поклонилась въ землю передъ тѣломъ, и раскланялась на всѣ стороны.

Толпа прислушавшаяся къ словамъ Дуняши, теперь съ жадностію разсматривала Лузиху, которую почти весь городъ зналъ.

— Ну-ка батюшка, Иванъ Ильичъ! этакую садѣль принесла твоему родительскому сердцу твоя единородная дочка! только глаза помозолила; пожила на бѣломъ свѣтѣ! заговорила опять Лузиха, обращаясь къ сидѣвшему на лавкѣ Ивану Ильичу. Барышниковъ горько улыбнулся, Живчиковъ покачалъ головою, Дарья Алексѣевна сотворила молитву; а Дуняша что-то хотѣла сказать.

— Словно живая лежитъ, моя родимушка! глазоньки плотно сжала, словно уснула, а губоньки словно ухмыляются, сударка ты моя! продолжала Лузиха, подойдя опять къ тѣлу. И словечка не промолвить; прости же моя красавица! И съ этимъ словомъ Никитишна поцаловала покойницу. Вмнѣ лицо Насти, какъ у живой покрылось яркимъ румянцемъ, и струйка алой крови брызнула фонтаномъ изъ носу, на бѣлую камчатную наметку убійцы (48).

— Убійца! злодѣйка! душегубка! раздалось со всѣхъ сто-

ровъ, и вблизи стоявшая Савишина первая схватила Лузиху за руку.

Иванъ Ильичъ быстро всталъ съ мѣста; бывшіе въ горницы мушны окружили преступницу.

— Ты ее погубила? ты убила дочь мою, спросилъ тихо, но грозно горестный отецъ.

— Виновата! мой грѣхъ ко мнѣ пришелъ, попутала кровь христіанская! отвѣчала поблѣднѣвъ, но совершенно спокойно Лузиха.

Лука Герасимовичъ, случившійся тутъ Гаврило Семеновичъ и Потапъ, скрутили руки убійцы.

— Не вяжите меня, не крутите, ведите такъ куда слѣдуетъ, я не убѣгу; я виновата, я сманила изъ дому родительскаго Настасьи Ивановну, я ее ограбила, я задушила ее, винюсь предъ вами православные въ грѣхъ моемъ. Я виновата, а Григорій Безродный не зналъ, не въдалъ, ни сномъ, ни духомъ. А имѣніе ваше все въ моей клятвѣ, оно цѣло, говорила Лузиха.

Женщины всѣ подальше отхлынули отъ душегубки.

— Будьте свидѣтелями православные! воскликнулъ Живиковъ, обращаясь къ толпѣ.

Женщины робко переглянулись и нѣкоторые изъ нихъ поблѣднѣли.

— Вотъ-те на! пожалуй теперь въ воеводскую канцелярію потянуть? зашептали онѣ и одна по одной стали выбираться изъ горницы.

— Я это батюшка передъ судомъ скажу, что говорила теперь, цѣлыя сутки я какъ въ огнѣ мучилась, кровь недавала мнѣ покоя, сказала Лузиха.

Тотчасъ она была отправлена въ судъ. и тамъ вторично призналась въ своемъ преступленіи; была закована въ кандалы и отправлена въ острогъ.

На третій день похоронили Настю, весь городъ былъ на выносъ. Только у всѣхъ и толковъ было, что объ этомъ казусномъ дѣлѣ.

— Я тебя поведу Дарья Алексѣевна, молвила Ульяна Михайловна, когда гробъ Нasti выносили изъ дому.

— Я, дружокъ, и сама пойду, слава Богу, ноги не отнялись, отвѣчала старушка.

— Я теперь спокойнѣе, пусть же страдаетъ виноватый, чѣмъ правый, думала Дуняша.

XVIII.

Зима проходила, слухи и толки о убійствѣ Насти, стали смолкать въ городѣ. Иванъ Ильичъ не могъ забыть своего горя: не такъ усердно онъ предавался теперь торговлѣ; иногда сутки по тропѣ не видали его въ лавкѣ; за то онъ усердно молился Богу, за каждой службой его можно было видѣть въ соборѣ, скромно стоящаго на колынкахъ у задней стѣны, и щедро одѣлающаго нищихъ при выходѣ изъ церкви.

Дуняша все по прежнему грустила о подругѣ, но уже рѣже плакала. Дарья Алексѣевна по прежнему хлопотала, стряпала и бранила Фетинью. Одна Фетинья вѣрна была своему горячему горю. Если всѣ уходили изъ избы, она садилась на лавку, и обнимая свою съдую голову, начинала вѣть, и причитать въ голосъ, называя Настю самыми нѣжными пменами и взывая къ ней, что бы она взяла къ себѣ ея безродную и горемычную. Когда же всѣ домашніе были дома, тогда старуха уходила въ старую избу и тамъ давала полную волю слезамъ своего единственнаго глаза. Порою она совсѣмъ пропадала и тогда Потапъ, посланный ее отыскивать, приводилъ прямо съ могилы Насти. По временамъ она посѣщала горемычную Ирину Михайловну, и сойдясь обѣ старухи горько плакали, повѣряя другъ другу свое задушевное горе. Словомъ, Фетинья считала сама себя нѣсколько участницей въ смерти Насти. Она дала себѣ обѣщаніе выходить всѣ святые мѣста будущей весною, и просила на то позволенія хозяина. Иванъ Ильичъ далъ ей вольную.

Когда прошло шесть недѣль послѣ смерти Насти, Живчиковъ опять положилъ въ карманы кафтана платки, опять подкрутилъ бороду и началъ душиться, умываться разными мылами и ходить на цыпочкахъ; словомъ женишиться. Значитъ и его горестъ прошла? Ничто не вѣчно подъ луною.

А Лузиха и Гриша все еще были въ острогѣ. Любопытные ходили смотрѣть на нихъ; но Григорій почти никогда не выходилъ на дворъ; нища принесенная матерью, или присланная потихоньку отъ Дарьи Алексѣевны Дуняшею съ Фетиньей, стояла не тронутая по нѣскольку сутокъ. Когда приходила къ нему плачущая Ирина Михайловна, онъ не глядѣлъ на нее, не поднималъ головы, и на всѣ ея слова, отвѣчалъ только вздохами. Онъ ничего никогда не требовалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и не сознавалъ-ли онъ самъ себя неизвѣстно. За то Лузиха подходила къ узкой протесинѣ, около которой по праздникамъ толпился народъ, и съ искреннимъ раскаяніемъ рассказывала исторію о убійствѣ Насти. Часовые часто видѣли ее со слезами молящуюся Богу; судьи слышали ее признающуюся чистосердечно въ злодѣяніи, и требующую немедленно самой жестокой казни. При допросахъ она только одного своего племянника Лисицу показывала сообщникомъ; но Лисица скрылся и сыщики ни гдѣ не могли его найти. Про Аграфену она говорила, что она ничего не знала, ни во время совершеннаго убійства, ни послѣ того. Но Григорья совсѣмъ оправдала.

Казалось и надобно бы было освободить его особенно послѣ того, какъ Лузиха и на исповѣди старалась всѣми силами оправдать его; но не ясныя отвѣты Гриши, и его загадочное появленіе на большой дорогѣ, удерживали его въ тюрьмѣ. Пытали или нѣтъ Гришу при допросахъ, по тогдашнему обычаю, преданіе молчитъ; только на его бѣльѣ, которое Ирина Михайловна брала мыть домой, не разъ замѣчала кровавыя пятна.

Разъ какъ то Ворона и Лопата; пировали въ сулѣ, конечно на счетъ послѣдняго; и когда въ головѣ перваго порядочно зашумѣло, то онъ, благодаря товарища за угощеніе, вздумалъ за такое добродушіе и дружбу заплатить полною откровенностію и рассказалъ Ильѣ все происшествіе подъ завѣтною сосною въ роковую ночь, не умолчавъ и о томъ, какъ Григорій нечаянно наткнулся на трупъ Насти, какъ бѣжалъ за нимъ съ страшною пошею, и какъ онъ отъ него ухалъ. Потомъ Ворона заставилъ Илью побожиться, что ни кому не скажетъ. Илья божился усердно; и только что вышелъ изъ кабака, отправился прямо къ Ири-

нѣ Михайловнѣ и сообщалъ ей подробно эту, облегчающую судьбу Григорья, новость. Не смотря на то, что былъ подѣ-хмѣлькомъ, Илья Яковличъ, любящій искренно Григорья, уговорилъ старушку объявить слова Вороны. Старушка съ радостію бросилась въ воеводскую канцелярію. Въ тотъ же день Ворону и Илью потребовали въ судъ.

И Иванъ Ивановичъ, трепеща отъ страха, разсказалъ все то, что разсказывалъ Илья. Поѣхали на мѣсто и вырытая подѣ сосною, большая яма, подтвердила справедливость его словъ; выходя изъ суда, Ворона погрозилъ Ильѣ кулакомъ и выговорилъ слово, какое только можетъ выговорить языкъ человѣческій. Но Илья только улыбнулся, и махнулъ своей огромной ручищей, радуясь въ душѣ, что онъ можетъ быть будетъ орудіемъ освобожденія Григорья. Однако Ворону посадили въ острогъ, потому что онъ въ мнѣніи народномъ слылъ колдуномъ и кладонскателемъ, словомъ въ связи съ нечистою силою. Судъ присудилъ Ворону, какъ колдуна, высѣчь плетми на выпускъ, а Григорья, какъ его сообщника, или ученика подвергнуть тому же наказанію и выпустить. Ихъ и высѣкли, но изъ острога не выпускали. Такъ какъ на всякомъ шагу человѣческой жизни нужны денѣги, а паче на первомъ шагу изъ острога на волю; и такъ какъ золото Ивана Ивановича еще скрывала земля, а у Григорья и его матери также не было гроша за душою, то наказанные кладонскатели сидѣли подѣ замкомъ, до поры до времени.

Въ одинъ изъ теплыхъ, свѣтлыхъ весеннихъ дней, послѣ Пасхи, Савишна съ Ульяной Михайловной, сойдясь на соборной паперти, разсцаловались.

— Слышала-ли Ульяна Михайловна? вѣдь говорятъ завтра Никитишну казнить будутъ? пойдешь-ли глядѣть? спросила Савишна.

— Господи помилуй, страсти какія! проговорила вздрогнувъ Ульяна Михайловна, и перекрестилась.

— Говорятъ, что такъ: я пойду погляжу!

— Да я вотъ что слышала, говоря за то отъ Государыни милостивый указъ присланъ, будто смѣлъ выѣхать не будетъ.

проговорила шопотомъ Ульяна Михайловна, робко озираясь по сторонамъ.

— Ой ли! не можетъ быть?

— Право слово; я съ воеводскаго двора слышала.

Въ это время проходилъ мимо ихъ, румяневскій старичекъ, братъ Дарьи Алексѣевны.

— Дядюшка! (этотъ старичекъ какъ-то съ разныхъ сторонъ очень многимъ доводился дядюшкой). Дядюшка, не слыхалъ-ли ты чего новенькаго? вѣдь ты въ Манстратъ служишь.

— Ой, какая любопытная! все станешь знать скоро составьешься! отвѣчалъ дядюшка весело раскланиваясь съ нашими знакомыми.

— Право говорить, будто новый указъ, будто выпать не будутъ? спросила опять Савишна.

Дядюшка погрозилъ пальцемъ, потомъ сказалъ шопотомъ:

— Есть-то есть, только объ этомъ кричать нельзя племянница.

— Ну, что? ты мнѣ не вѣрила, прещентала Ульяна Михайловна.

— Стало быть Лузиху не повѣсятъ, дядюшка? спросила Савишна.

— Это еще неизвѣстно; указъ въ секретъ подъ сукномъ. (49) А Лузихъ говорили, что дескать можно повременить, а тамъ подвести подъ милостивый указъ. А все потому, что имѣние то ея не добромъ нажитое въ подъяческіе карманы перешло, да и въ воеводскій можетъ мадая толка попала; ну такъ нѣтъ, сама не хочетъ, просить казни скорѣе, да и разъ, сказалъ дядюшка скороговоркою и пошелъ скорымъ шагомъ, стараясь оттягаться поскорѣе отъ любопытной племянницы. Проходя мимо воеводскаго дому, дядюшка увидѣлъ одного изъ служителей фамиліи, въ кожанномъ засаленномъ нѣмецкомъ картузѣ, изъ ~~подъ~~ котораго висѣла косичка, не болѣе мышинаго хвоста, ~~однако~~ смазанная сальцемъ и посыпанная мукою вмѣсто пудры. По сторонамъ косички висѣли два кошечка, вѣроятно во время ~~были~~ бывшіе черными, а теперь преобразившіеся въ бурые; которые какъ осинныя уши похлопывали по засаленному воротнику.

голубаго подпнялаго кафтана,—при малѣйшемъ поворотѣ головы, или дуновеніи вѣтра. Исподнее платье бураго цвѣта, грязные заштопанные чулки и старыя башмаки, на толстыхъ подошвахъ, довершали нарядъ приказнаго человека.

— Здорово, ваше степенство! сказалъ приказный, кланяясь подходящему дядюшкѣ и утирая носъ какой-то дырявой тряпкой.

— Здравствуй Копѣчкинъ! ты еще все здѣсь обретаешься? я думалъ, что тогдашнее-то дѣло имѣло худой конецъ? сказалъ дядюшка.

— Какое дѣло? долго помнишь, ваше степенство. Это что меня хмѣльнаго-то подняли? О! если за это нашего брата отъ должности отрывать, такъ скоро всѣ суды пустехоньки будутъ. Нѣтъ секретарь нашъ добрый человекъ, онъ простилъ, и простить, двадцать разъ простить, потому что Копѣчкинъ ему нуженъ.

— А что, Копѣчкинъ, не слыхалъ ли ты, чай слышалъ, будутъ казнить Лузиху? спросилъ старичекъ, понизивъ голосъ, говорить...

— Что такое говорить, ваше степенство?

— Будто бы милостивый указъ вышелъ?

— Да, вѣдь ты самъ служишь, стало быть читалъ, а мнѣ маленькому человеку гдѣ слышать, отвѣчалъ Копѣчкинъ, лукаво улыбаясь, да кто же этотъ указъ читалъ?

— Я не читалъ, а просто за просто въ соборъ бабы шушукали.

— Этакія злодѣйки! Такъ ты и тащилъ бы ихъ въ воеводскую канцелярію; а мы допросили бы ихъ гдѣ онъ такія вѣсти слышать, продолжалъ приказанный, привязываясь нена шутку къ дядюшкѣ. Но въ это время съ воеводскаго двора показались гайдуки и вслѣдъ за ними выѣхала воеводская карета въ шесть лошадей цугомъ, походившая огромностію своею на Ноевъ ковчегъ. Копѣчкинъ съ подобострастіемъ скинулъ съ головы свой картузь и вся душа его, казалось, переселилась въ зрѣніе, той порой почтенный дядюшка прокрался за спинами скопившихся прохожихъ и остановленныхъ воеводскимъ выѣздомъ. Поднялъ

полы своего кафтана и пустился бѣжать безъ оглядки отъ водскаго дому, канцеляріи и ея служителя.

На другой день заунывно гудѣлъ соборный колоколъ; благовѣстили словно по покойникъ. Народъ толпами бѣжалъ къ Кремлю. На валу, противъ острога, была поставлена висѣлица; на перекладинѣ висѣла веревка; и народъ съ трепетнымъ любопытствомъ густою стѣною толпился вокругъ страшной качели. Въ это время къ острогу подходила Ирина Михайловна; она неслла обѣдъ своему милому сыну: въ одной рукѣ бутылку молока, въ другой узелокъ съ гречушными блинами, за ней слѣдовалъ Афонасьичъ.

— Глянька, Ирина Михайловна! на валу народу стѣна стѣной. авонъ ужъ и висѣлица поставлена. Слышь, какъ колоколъ-то соборный воесть, словно для покойника благовѣстять, а все чтобы православные сходились. Вѣдь сегодня Лузиху вѣшать будутъ, говорилъ Афонасьичъ.

Ирина Михайловна грустно взглянула на роковые столбы съ перекладиною и сказала:

— Господь знаетъ! можетъ и моему-то дѣтищу не миновать этой участи?

— Что ты, Ирина Михайловна! ужъ Григорья Степаныча дѣло покончено, знать твоя родительская молитва поспѣшила. Ну, конечно, постегали, да чтожь дѣлать? Слава Богу, что хоть этимъ отдѣлался.

— Эхъ, Афонасьичъ, голубчикъ ты мой, а все какъ не хожу, какъ ни прошу, все его не выпускаютъ.

— То—то и есть, Ирина Михайловна! какъ въ острогъ сажаютъ желѣзнымъ ключемъ запираютъ, а какъ выпускаютъ, такъ золотымъ отпираютъ. Понимаешь? Поняла или нѣтъ старушка, только на это замѣчаніе Афонасьича ничего не отвѣчала.

— А что и Гришку сегодня будутъ вѣшать? спросилъ часоваго подошедшій Лука Герасимовичъ. Часовой отрывисто сказалъ: не знаю. Но Афонасьичъ вѣшался.

— Да было бы еще зачто, господинъ честной? молвилъ онъ.

— Вѣстимо за что, это весь городъ знаетъ. Похлестали, зная важность! по моему на одну бы качель съ Лузихою, я самъ бы,

кажется, своей рукой петлю та затянул! Злодѣй проклятый, на какую дѣвку смѣлъ мѣтить, говорилъ Лука Герасимычъ разгораясь.

— *Смерть люта грѣшнику.... уповающаго на Господа милость обидеть*, прошепталъ Афонасычъ. Лука Герасимовичъ повернулся и пошелъ на валъ.

Въ это время Ирина Михайловна подошла къ тюремной калиткѣ и хотѣла уже просить часоваго о пропускѣ, какъ вдругъ взвизнула, бутылочка выпала изъ рукъ и разбилась, бѣлый ручеекъ молока потекъ по землѣ: узелокъ тоже уналъ и блины разсыпались.

На встрѣчу старушкѣ вышелъ изъ калитки Григорій, поддерживаемый Вороною. Кандалы были сняты, стража не сопровождала ихъ, только нѣкоторые солдаты изъ любопытства смотрѣли на вслѣдъ. И вотъ калитка захлопнулась за ними.

— Другъ ты мой, красное ты мое солнышко! не думала я тебя видѣть на волю. Милосердъ Господь Богъ до меня до грѣшницы! знать отцевы молитвы помогли? говорила Ирина Михайловна, заливаясь радостными слезами и бросилась на шею сыну, такъ что онъ едва удержался на ногахъ. Но Гриша, ни словомъ, ни движеніемъ, ни даже взоромъ не обнаружилъ ни какой радости; казалось всѣ чувства въ немъ были убиты; онъ равнодушно поцаловался съ матерью и опустилъ голову, не глядя на проходящія толпы народа. Напротивъ, Ворона, взглянувъ на соборныя главы, перекрестился и противъ обыкновенія сталъ озираться по сторонамъ.

— Али совсѣмъ выпустили? спросилъ басистый голосъ и рослая баба, съ краснымъ дырявымъ платкомъ на головѣ, подошла къ Воронѣ. Иванъ Ивановичъ всталъ на цыпочки и хотѣлъ поздороваться съ своей сожительницей. Но Максимовна не хотѣла наклониться къ своему малолетнему супругу и сказала отрывисто.

— Дома нацалуемся! Вскорѣ эта пара исчезла изъ глазъ.

— Благодареніе Господу Богу, что тебя *избавилъ отъ рва присподняго!* воскликнулъ Афонасычъ со слезами на глазахъ и хотѣлъ поцаловаться съ Григорьемъ. Но Гриша только взгля-

нулъ на него и ничего не отвѣтилъ. Во взглядъ его была такая грусть безотрадная.

— Пойдемъ, голубчикъ ты мой, домой! али силы-та нѣтъ? ноженьки нейдутъ? покушай. Ахъ-ти и блины-та я дура просто-волосая разсыпала, а проходящіе все ихъ и растоптали, этакій грѣхъ? говорила Ирина Михайловна.

— *Слышану сотвори мнѣ завтра милость твою, яко на тя уповахъ!* проговорилъ Кузьмичъ, подходя къ Григорью. Поблагодари Бога, Гришуха! Григорій взглянулъ на Кузьмича, взглядъ его просвѣтлѣлъ, лице прояснилось, онъ молча поклонился Божьему человеку.

— Не знаю, какъ его и домой довести, Петръ Кузьмичъ! просто на ноженькахъ едва держится, сказала Ирина Михайловна.

— Подите ка прежде съ сыномъ вонъ туда, въ домъ Божій, Кузьмичъ показалъ на соборъ. Тамъ силы-то иза черпнете. Кузьмичъ и Ирина Михайловна побрели въ церковь, проталкиваясь между толпами. Афонасичъ пошелъ на валь.

Нищіе на погостъ окружили Кузьмича.

— Голубчикъ, Петръ Кузьмичъ! подай милостинку! кричали ребятишки, хватаясь за рукава его грязной рубахи.

— Али языкъ-то напривязи, что не хочешь Христова имя взвеличать, что молъ подай Христа ради, говорилъ Петръ Кузьмичъ!

— Ну, подай Христа ради, Христа ради, Петръ Кузьмичъ, кричали неотвязные.

Кузьмичъ сдернулъ съ своей головы шапку и мѣдные деньги полетѣли въ толпу. Нищіе бросились подбирать ихъ.

— Спасибо, спасибо Петръ Кузьмичъ, кормилецъ нашъ! но Кузьмичъ давно уже безъ оглядки бѣжалъ на паперть.

— Когда Безродные выходили изъ церкви, Копѣчкинъ ждалъ ихъ у ограды.

— Послушай, старуха! все дѣло твоего сына было у меня въ рукахъ, я его писалъ и переписывалъ, и если бы не я, то онъ и до сихъ поръ гнилъ бы въ острогъ, вотъ я каковъ! я за воеводскимъ столомъ пишу и часто самъ воевода слушаетъ моихъ совѣтовъ, водъ каковъ я! Такъ значить мнѣ слѣдуетъ съ

вась получить за труды и за ходатайство. Я самъ, я самъ лично просилъ воеводу за твоего сына, говорилъ онъ нагло, удерживая Ирину Михайловну за рукавъ.

— Милостивецъ, ты мой, чего же желаетъ твоя душенька? спросила робко старушка.

— Да ходъ тво...хмъ, рублевиномъ-то надобно вамъ меня поблагодарствовать.

— Благодаритель ты нашъ, не то одинъ, пять рублевиновъ съ радостию бы тебѣ дала, да ихъ то нѣтъ; повѣришь ли Богу, сынъ въ острогъ былъ, послѣдніе животы изъ коробки вытащила, подъячимъ въ судъ не мало передавала, караульнымъ солдатамъ переносила, со всемъ извелась. Вотъ не обезсудь, все тутъ есть, все тебѣ кормилецъ отдаю. Ирина Михайловна достала изъ кармана кожанную мошечку и высыпавъ изъ нея на ладонь нѣсколько мѣдныхъ алтынъ, съ низкимъ поклономъ подала ихъ подъячому. Конвечкинъ взялъ деньги, взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ и опустивъ ихъ въ карманъ, направилъ шаги свои къ лапотному ряду, гдѣ зеленая елка привѣтно манила къ себѣ всю воеводскую канцелярію.

Уныло гудѣлъ соборный колоколъ, навѣвая грусть на сердце тѣхъ, кто оставался дома. Напротивъ, толпы собравшіяся на печальное позорище жужжали какъ пчелы, на всѣхъ лицахъ было написано любопытное ожиданіе. Тѣснѣй и тѣснѣй сдвигались толпы вокругъ висѣлицы; всякій карабкался на валъ; но вскорѣ не было ужъ никакой возможности попасть туда, и потому опоздавшіе наполнили собою пересохшій ровъ и все пространство Кремля. Но по дорогѣ отъ висѣлицы къ острогу, толпы не смѣли останавливаться, то и знай разгоняемые драгунскими нагайками.

— И ты здѣсь, Ульяна Михайловна? спросила Савишна, столкнувшись съ ней на валу.

— Охъ, ужъ и не говори! пошла да и сама нерада, боюсь, а выдаться теперь отсюда никакъ нельзя, отвѣчала Ульяна Михайловна, избѣгая встрѣтить взоромъ висѣлицу.

— Вся наши здѣсь: и Дарья Алексѣевна и Фитинья притащилась. Авдотья Ивановна было съ дуру просилась, даже плакала, на силу уговаряли; да какъ можно дѣлицу въ этакое сой-

мище вести, сама посуди? А кривую, старую дуру, не могли уломать, чтобъ дома осталась, уцѣпилась за Дарью Алексѣевну да и разъ, проговорила Савишна.

— Не были вы въ острогъ? спросила подошедшая попадья, говорятъ, къ осужденной допускають прощаться всѣхъ, кто пожелаетъ.

— Ой, какая ужасъ! да я и взглянуть-та теперь на Лузку боюсь, отвѣчала Ульяна Михайловна.

— Я матушка не знала, а то сходила бы; кто знаетъ, Никитишна можетъ и сердита на меня, вѣдь, кажись, я первая и схватила ее, какъ Настинкина-то кровь на злодѣйку брызнула, подхватила Савишна.

— Я сама хотѣла сходить, да просто страхъ обуялъ, такъ и вернулась, сказала попадья.

— Чай скоро выведутъ? спросила Ульяна Михайловна.

— Я думаю; попъ-то мой сейчасъ пошелъ ее исповѣдовать.

— Ужъ совсѣмъ осужденную одѣли; я видѣла, вѣшалась одна молодлица.

— Охъ, мои батюшки! совсѣмъ запыхалась! ты Савишна, дружокъ, все у меня въ глазахъ была, вдругъ пропала; бѣжала я, бѣжала, да чуть въ ровъ не упала, говорила Дарья Алексѣевна едва переводя духъ. Ахъ, матушка, Ульяна Михайловна! а я васъ и не вижу! И старушка перецаловалась съ ними.

— Этакой столбъ верстой! всталъ, прости Господи; посторонись батя! словно не видить, что за нимъ женщины стоятъ, говорила Дарья Алексѣевна, толкая высокаго мушину.

Мушина обернулся.

— Ахъ, Гаврила Семенычъ! все-ли въ добромъ здоровьи? я тебя, дружокъ, и не узнала.

— Здравствуй Дарья Алексѣевна! глянъка, народу-та видимо не видимо! проговорилъ Гаврило Семенычъ, водя пальцемъ во всѣ стороны.

— Глухъ, дрожокъ, русскій народъ! ну, чего лззетъ смотрѣть! словно невидалъ какая? прямыя дураки! замѣтила Дарья Алексѣевна.

— И мы съ тобой въ томъ же числѣ, сказалъ подошедши дядюшка, братъ Дарья Алексѣевны.

— Отчего мы въ томъ числѣ, дружокъ? мы совсѣмъ другое дѣло; напримѣръ: вѣдь мою внучку-то уходила злодѣйка.

— А слышалъ-ли ты Гаврила Семенычъ, вѣдь Гришку-то сегодня изъ острога выпустили? сказалъ румяный старичекъ.

— Ой-ли? я не вѣрю? такъ стало быть его сегодня казнить не будутъ!

— Казнить? да его оправдали

— Жаль мнѣ, жаль, что ворогъ отъ висѣлицы ушелъ, а то я поглядѣла бы, какъ онъ станетъ болтаться, да и сказала бы: *по-дѣло-мъ, мо-лѣ, во-ру и му-ка*, сказала Дарья Алексѣевна.

На подмосткахъ, на которыхъ утверждена была висѣлица, расхаживалъ рослый, плечистый дѣтина. Онъ пробовалъ крѣпка-ли веревка; потомъ приставилъ къ одному изъ столбовъ лѣсенку и съ вѣтеризміемъ сталъ поглядывать въ ту сторону, гдѣ былъ острогъ.

— Ведутъ! ведутъ! раздалось въ переднихъ рядахъ народа и драгунъ съ нагайкою появился на валу. Всѣ попятились, чтобъ пропустить грознаго блюстителя порядка. Вдругъ въ толпѣ раздался пронзительный визгъ и Фетинья съ окровавленнымъ лицомъ предстала передъ глаза своей хозяйки. Ее задѣла драгунская нагайка.

— Лукавый тебя принесъ сюда, прости Господи! сидѣла бы дома, а то и другой-та глазъ потеряешь? говорила сердито Дарья Алексѣевна.

Опять раздалось, громче прежняго:

— Ведутъ! И осужденная, окруженная стражею, показалась на валу. Она шла твердой и спокойной походкой. Сверхъ зеленого луданнаго (50) сарафана и бѣлой камчатной наметки, на которой еще виднѣлись капли Насиной крови, на Лузихъ былъ надѣтъ полотняный саванъ. При видѣ ея всѣ ахнули и отступили назадъ. Явился секретарь воеводской канцеляріи въ напудренномъ парикѣ и трехъугольной шляпѣ. Преступница, съ помощію палача, вошла на помостъ. Секретарь снялъ шляпу, окинулъ взоромъ народъ и согнулъ спину.

— Шапки! шапки долой! раздался зычный голосъ драгуна. Вмигъ всѣ мужскія головы обнажились. Савишна хватилась было за свои кокошки, но опомнилась.

Секретарь откашлялся и звонкимъ голосомъ, съ разстановкою, прочелъ приговоръ. Лузиха выслушала его спокойно, наклонила голову; по окончаніи перекрестилась, приняла въ обѣ руки пылающія пуки желтыхъ восковыхъ свѣчъ и начала кланяться на всѣ стороны. Лице ея было блѣдно, но спокойно, глаза внали и лишились своего зловѣщаго блеска, губы посинѣли и треметали.

— Простите вы меня, отцы и братія, сестры и сродницы, знаемыя и незнаемыя! простите меня всѣ, кому я досадила словомъ или дѣломъ! Помолитесь за упокой грѣшной души моей! *якоу приѣмлю по грѣшомъ моимъ*. Простите меня небо и свѣтила небесныя и ты мать, сырая земля! не было на тебѣ грѣшницы, меня окаяннѣе, и ты возопіяла къ Богу!—Такъ говорила Лузиха и кланялась народу. По щекамъ ея текли слезы, руки обливались горячій воскъ. Когда она смолкла, женщины плакали на-взрыдъ, а мужчины утирали глаза. Преступница взглянула въ толпу и увидѣла нашихъ знакомыхъ.

— Прости меня, Дарья Алексѣевна и попроси Ивана Ильича, чтобы онъ простилъ меня грѣшницу! жизнь за жизнь, кровь за кровь, вотъ она, вотъ кровь неповинная! И Лузиха показала на кровавыя пятна на своей наметкѣ. Неужто мое покаяніе и позорная смерть не смоютъ этого пятна, съ окаянной души моей?

— Смоетъ! смоетъ! только молись; Никитишна, только усерднѣе: милосердію Божию нѣсть предѣловъ, послышался голосъ въ толпѣ. Всѣ оглянулись и увидѣли Кузьмича на краю вала. Вскоръ драгунская нагайка спровадила его въ ровъ.

— Прости меня матушка попадѣя! Ульяна Михайловна! Савишна! Фетиньюшка! Григорій Степанычъ! Ирина Михайловна! да я васъ не вижу! Груня! гдѣ ты моя Груня? продолжала преступница, всѣ мои други и недруги, вси! вси!

— Что больно раскудахталась, чай наболталась на своемъ вѣку? сказалъ палачъ и схватилъ ее за руку, чтобы ввести на лѣсенку. Лузиха перекрестилась и вошла, вмигъ. Накинуто было

роковое ожерелье на шею преступницы, палачъ потянулъ за другой конецъ веревки и отдалъ лѣсенку. Лузиха страшно захрипѣвъ, закачалась въ воздухѣ.

— Народъ ахнулъ и отступилъ: и отъ ужаса, и отъ тѣсноты многіе попадали въ ровъ (51).

Казнь свершилась и она была послѣдняя въ Костромѣ.

Толпы разбрелись, одинъ Кузьмичъ сидѣлъ недалеко отъ висѣлицы и протяжно цѣлъ *вѣчную память*.

— Упокой Господи ея душу, говорила Савишна, крестясь и сходя съ валу. А что, Ульяна Михайловна, видѣла ли ты, какъ у Никитишны глаза-то выкатились? знать духъ въ горлѣ сталъ спираться?

— Охъ, не говори! такія страсти и ужасты, долго по ночамъ бояться буду.

— А я просто зажмурилась, да такъ все время и простояла, сказала понадѣя. А ты Дарья Алексѣевна не испугалась?

Дарья Алексѣевна зѣвнула, перекрестила ротъ и отвѣчала: туда ей и дорога, злодѣйкъ.

— А сама плакала! я видѣла, что ты плакала, что притворяешься Дарья Алексѣевна? сказала Савишна.

— Кто, я? я такъ, отъ страху платкомъ закрылась, а что мнѣ плакать—то по вражьей дочери? вѣдь не родня какая была, сказала Дарья Алексѣевна, плюнувъ.

Въ это время на соборномъ погостѣ Иванъ Ильичъ одѣялъ нищихъ деньгами.

Въ тотъ же вечеръ помощникомъ палача и двумя солдатами, Лузиха снята была съ висѣлицы. И вскорѣ тощая кляча тащила уже сосновую колоду, которая приняла бранные остатки казенной. За нею шелъ Кузьмичъ, единственный провожатый. Съ такой печальной процессіей встрѣтился Афонасичъ.

— Упокой Господи рабу свою Наталію, проговорилъ онъ, снявъ шапку и крестясь. Вотъ кабы своей-то смертію умерла, такъ мнѣ бы можетъ заказали псалтырь читать? а теперь... онъ махнулъ рукою и пошелъ свой дорогой.

На другой день читанъ былъ милостивый указъ, отмѣняющій смертную казнь.

XIX.

Избушка Лузики была на глухо заколочена, послѣ смерти своей хозяйки, потому что Аграфена не хотѣла тутъ оставаться и перешла въ свой прежній домъ, изъ котораго Илья въ ея отсутствіе все успѣлъ вытаскать. Но, не смотря на это, онъ пришелъ къ женѣ, тащилъ остатки, что попало въ кабакъ и коло-тилъ жену не на животъ, а на смерть, за дѣло и безъ дѣла. Бѣдная баба теперь молчала и плакала; ей не куда, не къ кому было идти.—За что же ты, Илья Яковлѣчъ, теперь бьешь жену? вѣдь она со всѣмъ переродилась, смотрика *водой не замутить!* говорила иногда Ирина Михайловна, когда онъ заходилъ къ Безроднымъ.

— Да такъ, руку наложилъ, она и расходилась, лиха бѣда руку наложить; а впрочемъ мы не худо живемъ, дай Богъ всякому такъ жить; ни я отъ ея, ни она отъ меня никого не имѣемъ, отвѣчалъ Лопата.

— Оно такъ, все хорошо, да жаль что сняжки-та съ лица у бабы не сходятъ.

— Эхъ, ты старушка Божія! ни чего ты понять не хочешь! *кого люблю того и бью!* И это былъ всегдашній отвѣтъ Ильи Яковлѣча.

Лѣто проходило. Григорій сталъ поправляться; но всегда грустный и задумчивый, казалось постарѣлъ нѣсколькими годами вдругъ. Любовь и заботливость его теперь исключительно обратились на мать; онъ съ жаромъ принялся за отцовское ремесло, чтобъ доставить любящей, сердобольной старушкѣ все, что только можно было доставить трудами. Ирина Михайловна, отъ души радовалась, глядя какъ сынъ ея, въ длинный октябрьскій вечеръ, сидѣлъ на мѣстѣ отца и починивалъ сѣти: порою ихъ навѣщаль Афонасѣичъ; приходя по вечерамъ, онъ приносилъ, то прологъ, то четъ—менею и прочитывалъ имъ житія святыхъ, приводя въ умиленіе мать и сына. Иногда заходила къ нимъ Фетинья, возвратившаяся изъ Кіева, и не смотря на вольную, не хотѣвшая разстаться со своими старыми хозяевами. Такъ время шло.

Наступила зима и слово «наборъ» стрѣлою пронеслось по городу и многихъ заставило задуматься; особенно тѣхъ, кто что нибудь зналъ за собою, потому что очереди тогда не было, общество сдавало въ рекруты людей заподозрѣнныхъ въ чемъ нибудь: въ воровствѣ, пьянствѣ, неплатежѣ подушины и проч., отнимая такимъ образомъ иногда единственнаго сына у матери. За то люди честные и особенно богатые ни чего не боялись. Часто шелъ и честный, но бѣдный человекъ, *подъ красную шапку*, единственно потому, что кто нибудь изъ членовъ Магистрата, или распорядителей набора, имѣли на него какое нибудь личное неудовольствіе.

— Кого то нынче забрѣютъ? спрашивали другъ друга Костромичи и почесывали затылки. Но тѣ, которые не думали отвѣрнуться, давно уже наостригли лыжи: то по другимъ городамъ, деревнямъ и по монастырямъ на богомолье; которымъ же нельзя было далеко отлучиться, тѣ приготавливали разныя лазейки и норки дома, на случай прихода городскихъ сотскихъ и сыщиковъ. Разумѣется спрятавшіеся отъ настоящаго набора, оставались цѣлы и невредимы до будущаго (укрывательство не вѣнялось имъ въ вину,) а иногда и отъ будущаго успѣвали скрыться, и другой прятался такъ всю жизнь свою, доживая до старости.

— Какъ ты думаешь, кого нынче брать, стариннушка? ты старый конь, не въ первые здѣсь служишь, сказалъ Лука Герасимовичъ, засѣдая въ Магистратѣ и обращаясь къ румяному старичку, брату Дарьи Алексѣевны.

— А кого? Есть у меня на примѣтъ: въ первую голову молодчакъ! отъ кабака до кабака ходить, подушины не платить. Ты знаешь Ильюшку Лопату? проговорилъ старикъ.

— О! это что у Ивана Ильича въ прикащикахъ былъ? Знаю, такъ и записывать?

— Разумѣется!

— Запиши, Гома Гомичъ: Илья Лопата, жительство имѣетъ на воскресенской горѣ.

Гома Гомичъ, подъячій въ родѣ Копзечкина, записалъ со словъ Луки Герасимовича.

— Вотъ еще есть богопротивный колдунъ Ванька Ворона, и въ церковь-то Божью, только объ Рождествѣ да о Пасхѣ ходить; съ нечистымъ знается и клады отыскиваетъ. Ну знаете, что еще вмѣстѣ съ Гришкой Безроднымъ съченъ за колдовство? сказалъ Гаврило Семенычъ.

— Знаю, да куда онъ ходитъ? и малъ и щедушень, не пойдетъ! сказалъ Живчиковъ.

— Ужъ и не пойдетъ? авось пойдетъ! что намъ? былъ бы записанъ, проговорилъ старикъ.

— А зловредный, самый зловредный! людей портить! замѣтилъ Гаврило Семенычъ.

— Кого же испортилъ?

— Да Ульяна Михайловна рассказывала, тамъ какую-та ихнюю сосѣдку.

— Да только напрасно мы трудимся: коли колдунъ, такъ и сыщики не сыщутъ, глаза всѣмъ отведеть, сказалъ Живчиковъ.

— Не сыщутъ, такъ не сыщутъ, а записать надобно. Ома Омичъ, пиши: Иванъ Ворона, живетъ у Алексія Божія челоузка, изба на огородѣ. Да что тутъ, Лихачевъ отыщеть и на-днѣ моря, сказалъ старикъ.

Подъѣхавъ записамъ; а сотскій или разсылный, посадскій Лихачевъ, молодой коренастый парень, съ плутовскими глазами и ухватками, стоявшій у дверей, самодовольно улыбнулся.

— Ну, Ома Омичъ! теперь записывай: Григорій Безродный, жительство имѣеть на воскресенской горѣ, проговорилъ Живчиковъ, приподнявшись на стулѣ.

— Что ты, Лука Герасимычъ! вѣдь Гришутка одинъ сынъ у матери! куда старука-то пойдетъ! возразилъ Гаврило Семенычъ.

— Много такихъ одиночекъ наберется, разбойникоу, да и г. д. годяевъ! дѣло извѣстное: кабы не онъ, такъ и Настасья-то Ивановна жива бы и здорова была и до сей поры.

— Да вѣдь онъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ оправдался? Не грѣши напрасно Лука Герасимычъ, сказалъ старичекъ.

— Я и не говорю, что онъ убійца, да все же судъ опельмовалъ его и наказалъ за то, колдовству учился, клады доставалъ. Пиши, Ома Омичъ!

Тома Томичъ занесъ въ роковой списокъ имя Григорья Безроднаго. Сочлены Луки Герасимовича не протестовали.

Долго длилось засѣданіе, много именъ незнакомыхъ намъ записалъ Тома Томичъ. Наконецъ всѣ стали расходиться.

— Худо вотъ что у насъ: прежде поры времени, вдругъ заговорять: наборъ, наборъ, и откуда эти слухи пойдутъ? ума неприложу, а по моему бы прежде объявленія указа, да и накрыть тѣхъ, кто нуженъ, а то теперь половинны не отыщешь! говорилъ Лука Герасимовичъ.

— Эхе, хе! отыщемъ батюшка! вѣдь ужъ я старый ловецъ та; сколько наборовъ пережилъ, не уйдутъ отъ меня; самъ пойду съ сыщиками, вездѣ пронюхаю, всѣ норки откопаю, говорилъ румяный старичекъ, въ восторгъ потирая руки.

На третій день послѣ этого, Ворона, въ самыя сумерки, запыхавшись, быстро вбѣжалъ въ свою избушку.

— Знаешь-ли что Максимовна? ты слышала, что наборъ объявили? меня ищутъ, не знаю что дѣлать, развѣ въ деревню тягу дать?

— Такъ за чѣмъ дѣло? спросила хладнокровно и отрывисто Максимовна, не пошевелилась даже на своей квашнѣ.

— Поздно, боюсь, куда пѣшій пойдешь? особливо по Галичской дорогѣ, мимо этой проклятой сосны; да тутъ пожалуй и Барышняикова дочка покажется?

— Этакой трусъ!

— Трусъ! хорошо тебѣ въ избѣ-то сидя храбриться! Я сей часъ былъ съ Ильюшей въ сулѣ, вотъ тамъ былъ Магистратскій подъячій и разговорился, да и ну рассказывать, кто изъ горожанъ къ набору записанъ. Въ томъ числѣ и я услыхалъ свое имя.

— Хе, хе, хе, ослабилась Максимовна.

— Что зубы та скалишь?

— Вотъ ужъ некрутъ будешь, нечего сказать хе, хе, хе!

— Да какъ вотъ нагрянуть сыщики, да скрутятъ, а послѣ скажутъ: лобъ! тогда и смѣхи хл, хл! и другое запоешь, погасика лучину та, шутка въ сторону, а меня такъ что-то и подмываетъ, сказалъ Ворона, робко озираясь на окно.

Огонь былъ погашенъ.

Въ это время четверо мужчинъ, гуськомъ, не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, шли къ избышкѣ Вороны. Огородъ уже былъ пустъ, только кочки срубленной капусты, оставшіяся на замерзшихъ грядкахъ, затрудняли ихъ шествіе, тѣмъ болѣе, что на небѣ не было ни звѣздъ, ни мѣсяца и они очень частенько стотыкались.

Тихо подкрались они къ избышкѣ и остановились, долго осматривались, долго прислушивались; тишина была совершенная, которую не нарушалъ даже лай собакъ.

— Что это? какъ по улицѣ шли словно огонь въ окнахъ казался, а теперь ничего нѣтъ? замѣтилъ высокій, худощавый мужчина.

— И я видѣлъ, и я... и я! отозвались остальные трое.

— Погасили и вся штука; да вѣдь *старая воробья на яки* — *нѣтъ не обманешь*. Попробуемъ! говорилъ низенькій старичекъ, потирая руки. Оставайтесь братцы всѣ возлѣ стѣны, да поплотнѣе прижмитесь, я постучусь. Если отопрутъ, одинъ ступай со мной, одинъ останься у дверей, а четвертый гляди на крышу да на трубу, колдунъ-та хитеръ, пожалуй и въ трубу вылетитъ. Распорядясь такимъ образомъ, старикъ постучался.

Долго не было отвѣта, наконецъ на третій его стукъ, спросилъ басистый голосъ Максимовны.

— Какой лукавый тамъ возится?

— Здѣсь живетъ Иванъ Ивановичъ Ворона?

— Здѣсь; на кой прахъ тебѣ его?

— Нужно, значитъ надобность есть. Отопри голубушка?

— Его дома нѣтъ!

— Все равно. Ты сожительница, что-ли его? я и съ тобой переговорю.

— Ну, говори!

— Да отопри? что я съ тобой на весь міръ крещеный, что ли стану кричать, чтобы соседнія собаки слышали.

Максимовна вздула огонь и отперла. Вмигъ проворный старичекъ юркнулъ въ сѣни, за нимъ бросился Гаврило Семеновъ и не наклонясь расшибъ себѣ голову.

— Да гдѣ же сожитель то твой, лебедь моя бѣлая? мнѣ бы

самому съ нимъ нужно переговорить, говорилъ старикъ, входя въ избу и быстро озираясь по сторонамъ. Гаврило Семенычъ только охалъ и поглаживалъ голову. Старикъ какъ-то особенно свиснулъ, и одинъ изъ оставленныхъ наружъ сторожей явился ему на помощь. Тогда уже безъ всякой церемоніи принялись сыщики заглядывать во всѣ углы, перебирать тряпье, щепы и старую обувь, шарить на печи и на полатяхъ, подъ лавками, на чердакѣ и въ сняхъ; но Ивана Иваныча ни гдѣ не могли сыскать.

— Вотъ дѣло говорилъ Живчиковъ, что глаза отведетъ, такъ и есть! непталъ старичекъ.

— Я говорю вамъ, что его дома нѣтъ, говорила спокойно Максимовна, сидя на опрокинутой квашнѣ. На этотъ разъ она не пряла, а сшивала какихъ-то разноцвѣтныхъ лоскутъ, вѣроятно для одѣяла.

— Вѣдь Кутыинъ сказалъ, что Ворона въ сумеркахъ былъ въ сунѣ; только потому не схватилъ его Кутыинъ, что былъ одинъ, за то онъ пошелъ слѣдомъ и видѣлъ, какъ онъ прошелъ домой. Кудаже онъ дѣвался? проговорилъ сощкій, который продолжалъ понски со старикомъ.

— Ну, дѣлать нечего! на сей разъ такъ и быть, не нашелся, проговорилъ старичекъ, выходя изъ избы. Шедшій за нимъ Гаврило Семенычъ опять заставалъ, схватившись за голову.

— Что ты Гаврила Семенычъ?

— Охъ, мои батюшки! проклятыя двери! всю головушку разбилъ, отвѣчалъ Гаврило Семенычъ.

— Я не знаю, за чѣмъ ты съ нами таскаешься? сидѣлъ бы лучше на печкѣ; плохой ты намъ помощникъ, Гаврило Семенычъ, сказалъ насмѣшливо старикъ.

— Какъ же можно, чтобы я не ходилъ съ вами! вѣдь я служу и принимаю присягу, не щадить живота, и я исполняю то, что должно, отвѣчалъ Гаврило Семенычъ.

— То-то и есть! не щадить живота, а вотъ какъ голову-та разшибъ, такъ и заохалъ,—сказалъ старикъ. А что Никита, ты ничего около избы-та не видалъ?—спросилъ онъ сторожа, который былъ на воляхъ.

— Видѣлъ я только, что черная кошка по крышѣ бѣгала.

Мяукала, мяукала, соскочила да и тягу; хоть-ль я вамъ вскричать, да языкъ просто отнялся, знать это самъ колдунъ и есть? отвѣчалъ робко сторожъ.

— Такъ и есть! это онъ самый; дѣло говорилъ Лука Герасимычъ, что глаза отведетъ, вотъ онъ глаза-то и отвелъ, проговорилъ старикъ, оставляя огородъ. Гаврило Семеновичъ перекрестился.

По уходѣ сыщиковъ, Максимовна опять погасила огонь и отдала съ мѣста опрокинутую кашню, на которой сидѣла.

— Ну, вылезай! черти-та ушли!—сказала она супругу, который, задыхаясь, сидѣлъ на корточкахъ подъ квашней во время обыска.

— Ухъ! чуть не задохся—произнесъ Ворона, ползя на четверенькахъ изъ своего убжища, завтра надобно уйтн куда нибудь въ деревню.

Въ это же самое время, въ сулъ совершилась такая же охота на другаго молодца. Когда ушелъ Ворона, Лопата, не понимая причины его скорого ухода, очень этому удивился, потому что вино не все еще было выпито. Наконецъ Илья махнулъ своею огромною рукою и произнесъ какое-то энергическое слово, присоединился къ толпѣ поющихъ, подгулявшихъ мужиковъ и въ кружкѣ ихъ пустился по обыкновенію въ плясъ.

Въ эту минуту вошли въ кабакъ, человекъ шесть посадскихъ и седьмой маленькій человекъ въ бобровой шапкѣ. Вошедшіе, не показывая виду, что знаютъ другъ друга, помѣстились по разнымъ угламъ. Нѣкоторые изъ нихъ выпили, другіе безпечно глядѣли на пляску Ильи.

— Эхъ, эхъ! сказалъ довольно громко, человекъ въ бобровой шапкѣ, и всѣ недавно пришедшіе шесть человекъ, стѣснились кружкомъ около Ильи.

Илья Яковличъ не чуялъ подъ собою ногъ, на этотъ разъ, ободряемый со всѣхъ сторонъ, такіа дѣлалъ удивительные прыжки, что зрители ахали отъ удивленія. И вотъ зажури глаза, загнувъ голову и раскинувъ руки, онъ сдѣлалъ прыжокъ, повернулся на одной ногѣ и вскрикнулъ:—эхъ! чарочки по столу похаживаютъ. Эхъ! и жедая продолжать въ присядку,

опустился вѣсѣмъ корпусомъ прямо на восемь здоровыхъ рукъ, которыя схвативъ его за руки, закрутили ихъ назадъ и надѣли желѣзныя наручни, такъ скоро, что Илья не успѣлъ даже опомниться.

— Вотъ участь-то моя горькая!—промолвилъ онъ опомнившись и заплакалъ.

Трое, кто былъ по сильнѣе, повели Илью въ казематъ: трое другихъ, подъ предводительствомъ бобровой шапки, направились по другой дорогѣ.

Долго-ли, коротко-ли шли они, но все-таки пришли къ избѣ Безродныхъ; долго ходили они, долго смотрѣли въ окна и видѣли, что впереди сидитъ лысый старичекъ и читаетъ какую-то большую книгу, держа въ рукъ восковой огарокъ; возлѣ его старушка за пряслицей внимательно слушаетъ, а по далѣе молодой паренъ; на козьяхъ у него лежитъ рыбацья сѣть. Вдругъ одинъ изъ пришедшихъ постучалъ въ калитку.

— Кого тебѣ нужно. добрый человекъ? спросила старушка, выглянувъ въ волоковое оконцѣ.

— Не здѣсь-ли воскресенскій сторожъ, Афонасьичъ? ищу, и ни гдѣ не могу найти. Нужно по покойникъ псалтырь читать, отвѣчалъ голосъ.

— Здѣсь!—вскричала Ирина Михайловна и побѣжала отпирать

— Здѣсь! повторилъ Афонасьичъ, закрывая книгу. Первый вошелъ спрашивавшій Афонасьича, въ бобровой шапкѣ, за нимъ трое не вошли, а скорѣе ворвались. Не успѣлъ Гриша поклониться пришедшимъ, какъ трое изъ нихъ бросились на него, схватили за руки и стали надѣвать наручники.

Ирина Михайловна стояла, какъ пораженная громомъ; Афонасьичъ сидѣлъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ. Человекъ въ бобровой шапкѣ снялъ ее, и съ самодовольствіемъ поглаживалъ свои рѣдкіе волосы.

— Напрасно беспокоится твоя милость, Лука Герасимычъ. Что мнѣ руки крутить, я ничего ни укого не укралъ.

— Надѣвай кандалы, а то мошенникъ, воръ ошельмованный

уйдетъ, говорилъ сердито Живчиковъ, обращаясь къ сотскимъ.

Гриша взглянулъ на мать и, заплакавъ, сказалъ:

— Ужь видно на роду мнѣ такъ написано. Не печалься обо мнѣ родимая ты моя матушка, лучше молись за своего горемычнаго сына.

— Что, видно *подъ красную-та шапку идти*, не красныхъ дзвицъ сманивать? А, а! попляшешь теперь! говорилъ злобно Лука Герасимычъ. Ирина Михайловна, рыдая, бросилась сыну на шею и обмерла. На силу оторвали ее отъ его сыщики и накинувъ на Григорія какой то худенькій кафтанчикъ, повели вонъ. Старушка упала за мертво. Гриша перекрестился и переступилъ черезъ порогъ. У воротъ встрѣтился имъ Кузьмичъ.

— *Совершилось!*— воскликнулъ торжественно Божій человекъ, и потомъ тихо запылъ: «*Скажи мнѣ Господи путь, въ онъ же пойду!*»—Онъ вошелъ въ избу и принялся вмѣстѣ съ Афонасьичемъ отливать водою безчувственную Ирину Михайловну.

На другой день Лука Герасимовичъ въ магистратъ сошелся съ румянымъ старичкомъ.

— Ну, что?

— Ну, что? Спросили они другъ друга.

— Правду ты сказалъ Лука Герасимычъ, что колдунъ глаза отведеть, такъ и есть, Ваньку Ворону изъ рукъ опустили, обернулся въ черную кошку и скокъ съ крыши, сыщикъ Бахтинъ и видѣлъ, сказалъ братъ Дарья Алексѣевны.

— Такъ, такъ! А я своихъ молодцевъ славно подловилъ! Илюшку та мимоходомъ въ сулзъ захватили, а Гришку Безроднаго, своими руками схватилъ; нарочно самъ ходилъ, добрался же я до разбойника, говорилъ весело Лука Герасимовичъ.

Въ казематъ въ это время пришла Ирина Михайловна навѣстить своего сына. Григорій бросился на шею матери, и они обнявшись долго плакали. А вокругъ ихъ кипѣло какое-то насильственное веселье, или лучше горе залитое виномъ. Толпа кандидатовъ въ рекруты, захваченныхъ также насильно, какъ Илья и Григорій, шумѣла, пѣла, плясала и среди ихъ Илья Яковличъ, то удивлялъ всѣхъ своею пляскою, то горько плакалъ приговаривая: Эхъ участь то моя горькая, злая моя доля! куда ты завела

меня? и протягивалъ руку къ сулѣе, которую то и звай опоражнивала буйная ватага, и которую опять наполнялъ, приносимую имъ сотскій Лихачевъ, вмѣстѣ со связками калачей и здобниковъ.

XX.

Прошло много лѣтъ послѣ описанныхъ происшествій. Въ одинъ изъ теплыхъ лѣтнихъ дней, у дому Барышникова, возлѣ воротъ, на скамейкѣ сидѣли три женщины. Одна изъ нихъ была дѣвушка, лѣтъ около тридцати пяти, въ темномъ шелковомъ сарафанѣ, ситцевомъ передникѣ и низенькой черной бархатной повязкѣ, (нарядъ не замужнихъ) другая старая, низенькая старушка въ узорочной наметкѣ, чрезвычайно бойкая и живая; третья старая сгорбленная старуха. Свѣдя ея волосы въ безпорядкѣ торчали изъ—подъ засаленнаго повойника. Она безмысленно глядѣла единственнымъ глазомъ, изъ котораго безпрестанно точилась слеза.

— Говорю я тебѣ Авдотья, уйди; хорошее ли дѣло дѣвкѣ за воротамъ во всю рожу сидѣть! вѣдь ты еще не остарокъ? Ну, сваха, али женихъ какой пройдетъ? хорошо ли про меня скажутъ; чего дескать, глядитъ Дарья-то Алексѣевна? говорила сердито старушка, обращаясь къ дѣвушкѣ.

Дуняша (это была она) улыбнулась и отвѣчала:

— До какой поры, ты баушка, меня станешь невѣстить? вѣдь говорю же я тебѣ, что замужъ нейду и не пойду. Если бы замужъ думала, то бы черной повязки не надѣла, которую носятъ старыя незамужнія дѣвушки; такъ къ какой стати я буду прятаться? что мнѣ за дѣло до свахъ и до жениховъ! — Не успѣла она кончить, какъ подошелъ къ нимъ рослый отставной солдатъ, съ краснымъ широкимъ лицомъ, съ котомкою за плечами, въ лаптяхъ, съ палкою въ рукахъ и въ старомъ испещренномъ заплатами мундирѣ, одинъ рукавъ котораго висѣлъ безъ руки.

— Добраго здоровья Дарья Алексѣевна! кажись не ошибся? ничего не состарѣлась старушка Божія. А это кто бы? кажись Авдотья Ивановна, только по возмужала маленько? добраго здоровья! говорилъ служивый, кланаясь нашимъ собесѣдницамъ.

Дарья Алексѣевна глядѣла на него съ недоувѣрчивостію; Фе-

тинья мигала бессмысленно; Дуняша смотрѣла съ любопытствомъ.

— А кого тебѣ нужно служивенькой? спросила бабушка.

— Илья! воскликнула Дуняша.

— Илья! какими судьбами?

— А вотъ такими судьбами: послужилъ матушкѣ Государынѣ, да и въ чистую пришелъ, отвѣчалъ Илья. А можно мнѣ тутъ присѣсть? усталъ, сегодня утромъ изъ Ярославля вышелъ, тороплюсь къ женѣ, къ ребятишкамъ.

Въ это время подошла къ нимъ съ другой стороны бѣдно одѣтая высокая старушка съ палочкою; которую казалось не годы, а горе сгорбило.

— Матушка, Дарья Алексеевна, Христа ради полущечку! сказала она низко кланаясь.

— Богъ дастъ! отвѣтила Дарья Алексеевна и отвернулась въ сторону.

Но Дуняша достала изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ денегъ и подала старушкѣ, примолвивъ:

— Присядь, Ирина Михайловна!

— Дай тебѣ Господи много лѣтъ здравствовать! сказала старушка, крестясь, и усѣлась возлѣ Фетиньи, которая, разглядѣвъ свою подругу, ласково кивнула головою.

— Гдѣ теперь обрѣтаешься? спросила Дуняша.

— А такъ, моя голубушка: гдѣ день, гдѣ ночь шатаюсь. Изба то своя опротивела, словно сарай стоитъ, крыша ползеть долой, все валится. Чѣмъ мнѣ починивать сиротъ горькой? хоть бы прибравъ Господь меня поскорѣе: всѣ люди мрутъ, а я живу, что будешь дѣлать? говорила Ирина Михайловна грустно.—А слышали ли вы, Петръ Кузьмичъ преставился? сегодня пришелъ соборный сторожъ къ заутренѣ церковь отпирать, а онъ стоитъ на козлышкахъ на наперти, словно Богу молится. Онъ и прошелъ мимо, и священники пришли, и богомольцы стали сходитьсь, поглядывать, а человекъ Божій и душеньку Богу отдалъ (52) Вотъ праведная та смерть праведному человеку!

Всѣ перекрестились, исключая Фетиньи, которая изъ разсказа ничего не поняла.

— А что Михайловна, узнаешь ли ты вотъ этого служиваго? спросила Дуняша, помолчавъ и показывая на Илью.

— Говорю я тебѣ, иди въ избу, этакая безстыдница! не слушается, и ухомъ не ведетъ, говорила Дарья Алексѣевна, толкая Дуняшу подъ бокъ. Ишь еще съ солдатомъ тары-бары распустила! что люди-та скажутъ.

Но Дуняша дѣлала видъ, что этого не замѣчаетъ и продолжала:

— Не узнаешь Михайловна?

— Не знаю, голубушка, Авдотья Ивановна, Господь его знаетъ, говорила Ирина Михайловна, оглядывая Лопату.

— Неужто не можешь узнать Ирина Михайловна? Илью-та Лопату-та? сказалъ Илья, подступая къ старушкѣ.

Ахъ, ты родимый мой, Илья Яковличъ! еще Господь привелъ свидѣться! А гдѣ соколъ-то мой Гришинька-то? ни грамотки, ни вѣсточки, словно въ воду канулъ. Али ужъ злые вороги убили? не знаю, не вѣдаю, заживо-ли, али за упокой поминать? говорила Ирина Михайловна, заплакавъ.

Илья помолчалъ, потомъ вздохнувъ сказалъ:

— Ну, Ирина Михайловна, плакать тебѣ печего, рано ли, поздно ли и мы съ тобой умремъ, а поди-ка ты завтра въ церковь Божию. да отслужи по немъ панихиду, сынка твоего убили подъ Кроснамъ (53) Прусаки, да руку мою ядромъ отхлопнуло. Эхъ! жаркое было дѣло! въ пухъ разбили насъ, однихъ пушекъ 80 отняли. Въ плѣль-то сколько взяли, Господь знаетъ! говорилъ инвалидъ, размахивая единственною рукою, но его уже ни кто не слушалъ.

Извѣстiе о смерти сына, уже не поразило дряхлой матери, которая давно сомнѣвалась въ его жизни; услышавъ что Григорій убитъ, она взглянула на небо, перекрестилась и тихо заплакала, безъ рыданій, безъ вопля, безъ причета. У Дуняши тоже навернулись слезы и она перекрестилась. Даже Дарья Алексѣевна, такъ долго ненавидѣвшая и Григорья и мать его, такъ долго помнящая зло, смягчилась при этомъ извѣстiи и смотря на тихую скорбь бѣдной матери, какъ будто невольно, перекрестясь, сказала:

— Упокой Господи Григорьеву душу! много онъ и зла, и горя

намъ нанесъ, ну, да Богъ его простить! И на минуту задумалась можетъ быть о смерти своей?

Фетинья ничего не слыша и не понимая, тоже перекрестилась; единственно только потому, что крестятся другіе.

Долго плакала Ирина Михайловна, долго рассказывалъ Илья о сраженіи подъ Кроснамъ, какъ онъ выражался, наконецъ онъ всталъ:

— Ну, прощенья просимъ, Дарья Алексѣевна, Авдотья Ивановна! Идти къ женѣ; закалякался я съ вами, а чай и не ждешь? а кабы не рука, такъ и теперь былъ бы въ армейшкѣ, а теперь и въ чистую уволили, сказалъ онъ.

— И не ходи, родимый ты мой, сказала вдругъ Ирина Михайловна, утирая слезы.

— Отъ чего же! развѣ не жива моя Аграфена Михайловна?

— А Господь ее знаетъ! только въ избѣ-то вашей чужіе люди живутъ.

— Развѣ жена продала избу?

— Да, продала.

— А сама бѣдняга знать въ чужіе люди пошла? Охъ, бѣдность, участь горькая! Ну, а дѣтушки моя?

— Да старшую-та дочку Господь къ себѣ прибралъ, а мальчишекъ-то добрые люди разобрали ради христа.

— Такъ, такъ. А у кого же Груня то живетъ? въ работникахъ, что ли?

Ирина Михайловна не отвѣчала. Илья взглянулъ на Дунашу, она сидѣла потупивъ глаза. Онъ опять взглянулъ на Ирину Михайловну.

— Гдѣ же жена моя? спросилъ онъ. Старушка молчала.

— Что же не сказываете, гдѣ Груняшка, воскликнула Дарья Алексѣевна.

— Она на другой же годъ, послѣ того, какъ тебя забрили ушла за полкомъ, который стоялъ здѣсь, и съ тѣхъ поръ объ ней ни слуху, ни духу.

Долго стоялъ Илья и, смотря вопросительно на Дарью Алексѣевну, отдувался какъ кузнечный мѣхъ, потомъ сказалъ:

— Охъ, участь моя горькая! во всемъ моя злая доля замешалась и махнулъ рукою.

Потомъ, помолчавъ, примолвилъ:

— Куда же я теперь свою головушку приклоню? А что Иванъ Ильичъ, зравствуетъ ли?

— Да онъ только годъ жилъ послѣ Настинькиной смерти, зачахъ, да и переставился, отвѣчала Дуняша.

— Дай ему Господи царство небесное! а ужъ коли бы живъ былъ, повалился бы ему въ ноги, авось добрый человекъ и сжался бы надомною и приставилъ бы къ какому нибудь дѣлу; а то куда я теперь пойду, не знаю: развѣ зайти къ Воронѣ по старой памяти, товарищъ былъ, много я ему денежекъ пропонилъ.

— Не советую я тебѣ, Илья Яковличъ, идти въ это гнѣздо, сказала Ирина Михайловна.

— Отчего же?

— Охъ! попала я туда третьяго дня. Иду я около ихъ избы, такъ устала вжю шатаюсь, ноги не бредутъ. Ворона навстрѣчу. Что, устала старушка? далеко знать ходила? говорить онъ мнѣ. Далеко говорю была, Иванъ Ивановичъ, ноги не бредутъ. Говорить; ноги отдохни у насъ. Я и рада знашь, попла, а тутъ какъ на грахъ дождь пошелъ, а вскорѣ и ночь пристигла. Ночуй у насъ, говорить хозяинъ. Ну, я и рада. Спасибо молъ, Иванъ Ивановичъ. Вотъ мои родимые и легла я на голбицъ знать и соснула, только проснулась около полуночи, гляжу мѣсяцъ свѣтитъ, Максимовна сидитъ на квашнѣ да прядетъ при мѣсяцѣ, словно, прости Господи, баба-яа; а Иванъ-то Ивановичъ сидитъ надъ коробкой, да деньги считаетъ; все золотыя да серебряныя. И столько ихъ, что кажется и не пересчитаешь! Вотъ я глядѣла, глядѣла, просто глаза разгорѣлись, одумалась я наконецъ: вѣдь молъ это все вражіе навожденіе, плюнула, отвернулась къ стѣнкѣ, да перекрестясь и уснула.

— Все же вѣдь надо куда нибудь идти, сказалъ Илья. Прощенья просимъ!

— Прощенья просимъ, повторила Ирина Михайловна.

— Постойка Илья! вотъ тебѣ на калачъ, сказала Дарья Алексевна, подавая ему мѣдный Елисаветинскій пятакъ.

— А ты, Михайловна, заходи къ намъ почаще, примолвила она, обращаясь къ матери Григорья. Последняя поклонилась чуть не до земли.

— Благодарствую Дарья Алексеевна! сказалъ инвалидъ и пошелъ искать себѣ крова; за нимъ поплелась Ирина Михайловна, такая же бездомная и круглая сирота, какъ и онъ.

— Кому же домъ-то да имѣніе приказалъ Иванъ Ильичъ? спросилъ Лопата у старушки.

— А все батюшка Авдотья Ивановна. И какая она добрая и степенная дѣвица, и замужъ не пошла и милостивая такая, говоритъ, что меня бы къ себѣ взяла, да слышь Дарья Алексеевна и слышать не хочетъ. Господь ей судья! такъ бы кажется и съела меня, не можетъ зло забыть. Только сегодня, кажись, Господь смягчилъ ея сердце.

Заблаговѣстили къ вечеру. Такъ шли и разговаривали Илья Яковичъ съ Ириною Михайловною, вдругъ Илья взглянулъ на лѣво.

— Съ горя Ирина Михайловна, ей, ей съ горя! Охъ! участь моя горькая! сказалъ онъ и пошелъ въ кабакъ. Ирина Михайловна покачала головой, повернула на право и вошла въ церковь.

Въ это время мимо дому Барышникова проходилъ Лука Герасимовичъ Живчиковъ: онъ былъ въ фижахъ и по прежнему шелъ нацыпочкахъ. Борода его совсѣмъ посѣдѣла, но была подкружена.

— Уйди злодѣйка! безстыдница! ишь Лука Герасимычъ идетъ, дѣло женихово, что про меня скажетъ? что я тебѣ волю даю за воротами сидѣть, говорила Дарья Алексеевна, толкая въ бокъ Дуняшу, но та не трогалась съ мѣста.

Поровнявшись съ ними, Лука Герасимычъ учтиво поклонился, снявъ пуховую шляпу. Волосы его совершенно вылызли, однако отъ него пахло духами.

Дуняша задумчиво оставила скамейку; за ней пошла Дарья Алексеевна, ворча на пріемную внучку; а за ними поплелась и Фетинья.

Въ городѣ болтали, что будто подъ сосной очутились съ трехъ сторонъ, три большія ямы; что ихъ вырылъ Ворона; четвертой онъ не тронулъ потому вѣроятно, что въ четвертой было зарыто воинское оружіе. Но не смотря на эти слухи Иванъ Ивановичъ попрежнему собиралъ перья, тряпки, щепы, черепки и всякую дрянь; а Максимовна, по прежнему, сидя на опрокинутой каванѣ, сшивала лоскутья.

Илья Яковличъ вскорѣ сталъ поторговывать на базарѣ калачами и яблоками, рассказывая, желающимъ слушать, про сраженіе подъ Кроснами. Однажды, встрѣтись съ нимъ, Ирина Михайловна спросила: ты поторговываешь Илья Яковличъ? гдѣ тебѣ деньжонокъ—та Богъ далъ?

— Авдотья Ивановна ссудила. Дай ей Богъ добраго здравія, отъ голодной смерти избавила, отвѣчалъ инвалидъ.

Къ несчастію только барыни этой торговли, всѣ безъисключенія, ввѣрялись на сохраненіе зеленой ёлки.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(37) Очень многіе, даже богатые люди, приказывали по смерти обуть ихъ въ лапти, считая за грѣхъ лечь въ гробъ въ кожаной обуви.

(38) Прежде, послѣ смерти бездѣтной жены, постель и образа доставались мужу, между тѣмъ какъ остальное приданое, изъ котораго ему ничего не выдѣлялось, возвращалось родственникамъ покойницы, и этотъ обычай существовалъ еще лѣтъ 25 назадъ. Потому многіе отцы не давали дочерямъ въ приданое обротовъ въ дорожныхъ ризахъ.

(39) И теперь въ Костромѣ настоящая публичная сваха, всегда начинается дѣло съ субботы, какъ съ легкаго дня.

(40) Говорятъ, что дѣвичья встрѣча неудача; что встрѣтившись съ дѣвицей надобно воротиться, иначе начатое дѣло не сладится.

(41) Сула-кабакъ, до нынѣ существующій по лѣвую руку (если идти изъ города) на Мшанской улицѣ, не доходя Богоотцевской церкви; онъ принялъ названіе отъ горы, на которой стоитъ, и самая Богоотцевская церковь, которую называли Сулою. Въ прежнее время на сулѣ было знаменитое катанье объ маслянной, но теперь уже сула сровнена и правильно застроена. Одинъ только кабакъ до сей поры напоминаетъ ее своимъ именемъ.

(42) Между Костромскимъ купечествомъ до сихъ поръ заслатъ свату отъ невесты къ жениху считается дѣломъ позорнымъ.

(43) Прежде на другой день сговора дѣлами ужины. сзывая всѣхъ гостей. На сговорѣ, невестины: отецъ подносилъ виномъ, а мать дарила подарками всю женихову родню; на другой день, женихъ и вся его родня отдаривали невесту деньгами, отдавая ей въ руку, также и невестина родня дарила невесту. Притомъ еще приносила или присылала, за раньше, въ домъ невесты гусей, поросятъ, сайки и проч.; передъ отъѣздомъ женихову родню опять дарили невестины родители.

Нынче этотъ другой день дѣлають черезъ недѣлю, иногда и больше послѣ сговора, а нѣкоторые на сговорѣ дѣлають ужинъ. Подарки и отдариванья начинаютъ выводиться.

(44) Сѣздъ со сговора приносилъ большое безчестье невѣстѣ, такъ что послѣ этого рѣдка уже выходила замужъ; молва ее безславилъ, или уродовала и несчастную никто не хотѣлъ взять. Случалось такъ, что желая сбыть съ рукъ невѣсту и видя, что она не нравится жениху, запирали ворота, не спуская со двора прїѣзжихъ гостей, женихъ принужденъ былъ говорить: доволенъ и противъ воли садиться за столъ, иногда отчаянный женихъ, перескакивалъ чрезъ заборъ и уходилъ, послѣ чего невѣстины родители, какъ обиженные, затѣвали съ женихомъ дѣло, и онъ долженъ былъ заплатить безчестье и убытки, причиненныя покупкою припасовъ для пира и даровъ для жениха и его родни.

(45) Грошъ по тогдашнему много значилъ, когда фунтъ льняного масла стоилъ три деньга.

(46) Острогъ былъ на Ильинской улицѣ за рвомъ, гдѣ нынѣ домъ Домерникова.

(47) Лѣтъ 40-къ тому назадъ, обычай погребать сговоренныхъ невѣстъ въ персти и сергахъ еще существовалъ.

(48) Это народное повѣрье оправдалось на этой преступницѣ; преданіе говорить, что тогда весь городъ дивился ея чистосердечному раскаянію.

(49) Говорять, что на другой день послѣ казни читанъ былъ указъ Императрицы Елисаветы Петровны объ отмиѣнѣ смертной казни.

(50) Луданъ-шерстяная матерія въ родѣ обьяри.

(51) Все здѣсь описанное, совершенная истина; въ числѣ зрителей упавшихъ въ ровъ отъ ужасу, была моя прабабка, бывши еще дѣвочкою, она тайно убѣжала изъ дому на позорищѣ, и это происшествіе такъ глубоко вѣзлалось въ ея память, что доживши до старости, она совсѣмъ подробностями о немъ рассказывала. Рассказъ этотъ въ послѣдствіи дошелъ и до меня.

(52) На русси издревле уважались, такъ называемыя, юродивыя; не смотря, что часто и бродяги прикрывались этимъ именемъ. Были люди искренно презрѣвшіе всѣ удобства земной жизни, вели жизнь истинно добродѣтельную и многіе изъ нихъ имѣли даръ предвѣдѣнія.

(53) Въ войну съ Пруссакими подъ Кроссеномъ было довольно жаркое дѣло. Непрїятель напалъ на русскихъ, разбилъ, взялъ 80 орудій и множество плѣнныхъ.

А. КОБЯКОВА.

О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Пропедашую статью мы окончили словами, что объяснивъ необходимость участія правительства въ дѣлѣ отмищенія крѣпостнаго права, мы должны заняться разсмотрѣніемъ началъ, на которыхъ наилучшимъ образомъ, можетъ быть произведена эта реформа, и которыя полагаются въ основаніе ей Высочайшими рескриптами. Въ дѣлахъ подобной важности слѣдуетъ людямъ, согласнымъ между собою въ общихъ принципахъ, присоединяться къ системѣ, основываемой на этихъ принципахъ однимъ изъ изслѣдователей, специально разбиравшихъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ. У каждого могутъ быть свои мнѣнія о той или другой изъ этихъ подробностей, но излишними спорами онихъ не должно быть затрудняемо рѣшеніе вопроса. Сообразно этому правилу думаемъ поступить и мы. Изъ многочисленныхъ записокъ, составившихся по вопросу о прекращеніи крѣпостнаго права учеными изслѣдователями нашего быта и сельскими хозяевами, мы избираемъ одну, которая составлена съ наибольшою вѣрностью принципамъ, вполне раздѣляемымъ нами, съ наиболѣе точнымъ примѣненіемъ этихъ началъ ко всѣмъ подробностямъ великаго дѣла, и принимаемъ эту записку, какъ выраженіе нашихъ собственныхъ мнѣній

и желаній. Само собою разумѣется, что авторъ записки не ставится чрезъ это въ необходимость отвѣтствовать за тѣ изъ подробностей нашего взгляда, прежде нами выраженныхъ или долженствующихъ быть выраженными въ продолженіи нашихъ статей, которыя болѣе или менѣе различны отъ его мнѣній; точно также и мы не отказываемся отъ обязанности лично отвѣтствовать за наши мнѣнія. Дѣло только въ томъ, что записка, нами приписываемая и представляемая здѣсь въ извлеченіи, поставляется нами, какъ наилучшее развитіе убѣжденій, съ которыми мы совершенно согласны въ общихъ началахъ, — поставляется какъ формула, около которой по нашему мнѣнію могутъ соединиться всѣ тѣ, которые, подобно намъ, раздѣляютъ эти основныя убѣжденія.

Пачнемъ наши извлеченія изъ записки тѣмъ мѣстомъ ея, въ которомъ авторъ представляетъ краткій обзоръ исторіи частнаго крѣпостнаго права съ начала прошлаго вѣка.

«Петръ Великій пересоздавшій условія нашей внѣшней и внутренней жизни, неспособствовалъ развитію крѣпостнаго права, какъ думаютъ многіе, но ничего не сдѣлалъ, чтобъ уничтожить, или по крайней мѣрѣ преобразовать его. Преемники Петра и не помышляли о крѣпостномъ правѣ. Впервые на него обращено вниманіе въ великій екатерининскій вѣкъ: не только Императрица, но и очень многіе изъ тогдашнихъ владѣльцевъ, смотрѣли на крѣпостное право глазами энциклопедистовъ. Говорятъ, что въ Комиссію для составленія новаго уложенія было представлено много мнѣній, сильно и рѣшительно осуждавшихъ это право. Но всѣ тогдашнія возраженія противъ него, будучи отголоскомъ филантропическихъ и философическихъ идей вѣка, лишь поверхностно коснулись этого права, и взглядъ той эпохи отразился и на законодательствѣ Великой Государыни: противъ дальнѣйшаго распространенія личнаго рабства конечно были приняты нѣкоторыя дѣйствительныя мѣры, но за то множество казенныхъ крестьянъ на всегда перешло, вмѣстѣ съ казенными землями, въ помѣщичье владѣніе.

«Необходимость упразднить крѣпостное право впервые представилась ясно и отчетливо европейски — просвѣщенному уму Императора Александра I-го. Слѣды этой мысли всюду проглядываютъ въ законодательствѣ его времени. Дальнѣйшему распространенію крѣ-

постнаго права поставлены рѣшительныя преграды и кругъ дѣйствія его стѣсненъ. Видно намѣреніе по возможности уничтожить личное рабство, а крѣпостную зависимость истолковать въ смыслѣ прикрѣпленія къ землѣ. Наконецъ, противъ жестокаго обращенія владѣльцевъ приняты энергическія мѣры. Этотъ взглядъ и это направленіе не измѣнилось и послѣ, не смотря на рѣшительный переворотъ въ общемъ ходѣ русскаго законодательства съ Вѣнскаго конгресса. Въ этомъ отношеніи царствованія Императоровъ Александра I-го и Николая замѣчательно сходны между собою. Покойный Государь гораздо пастойчивѣе и рѣшительнѣе своего предшественника подготовлялъ постепенное упраздненіе крѣпостнаго права, — очевидное, поразительное доказательство того, что вопросъ поднять не случайно, не по прихоти, но въ послѣдствіе побудительныхъ причинъ величайшей важности.

«Бросимъ бѣглый взглядъ на эти причины.

«Въ *экономическомъ* или хозяйственномъ отношеніи крѣпостное право приводитъ все государство въ ненормальное состояніе и рождаетъ искусственныя явленія въ народномъ хозяйствѣ, болѣзненно отзывающіяся въ цѣломъ государственномъ организмѣ. Какъ въ тѣлѣ отъ неправильнаго обращенія крови обнаруживаются самыя разнообразныя припадки и болѣзни, такъ въ государствѣ отъ крѣпостнаго права.

«Не упоминая о другихъ послѣдствіяхъ несвободной и даровой работѣ, замѣтимъ только, что при такой работѣ, исполняемой лѣнливо и неохотно, по крайней мѣрѣ вдвое хуже вольной, весьма значителенъ процентъ рабочихъ силъ всего крѣпостнаго населенія Россіи утрачивается безъ всякой пользы, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крѣпостныхъ, а слѣдовательно и вообще для государства. По самому умѣренному исчисленію, потерю эту должно оцѣнить ежегодно по крайней мѣрѣ въ 96 ¹/₂ миліоновъ рублей сребромъ (*).

(*) Этотъ расчетъ основанъ на слѣдующемъ: по 9-й народной переписи крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ (въ томъ числѣ и одновѣрческихъ) числилось въ Россіи 10,080,407 душъ муж. и 10,308,771 душа жен. пола. Положимъ (хотя это на дѣлѣ и не такъ), что цѣлая ихъ половина — старики, старухи и дѣти — вовсе не употребляются въ работу, что изъ остальныхъ за тѣмъ (8,040,203-хъ душъ муж. пола и 5,254,198 жен.) половина же, т. е. 2,320,102, мужчины и 2,627,099 женщинъ находятся на оброкѣ и пользуются своимъ временемъ самымъ производительнымъ образомъ, и только другая половина несетъ въ пользу владѣльцевъ личную повинность работою, другими словами находится на папѣ или въ издѣлю; наконецъ, положимъ, что послѣдніе, строго по закону, работаютъ на своихъ владѣльцевъ не болѣе трехъ дней въ недѣлю (что тоже совсѣмъ иначе бываетъ въ дѣйствительности); такъ

«Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ заключается если не единственная, то безспорно одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія въ Имперіи и искусственнаго направленія ея промышленной дѣятельности. Крѣпостной не всегда поселенъ тамъ, гдѣ ему удобнѣе и лучше, и не всегда ведетъ именно тотъ образъ жизни, который по мѣстнымъ условіямъ края былъ бы и для всего государства производительнѣе и для него самаго выгоднѣе. Многія мѣстности Имперіи содержатъ, сравнительно, слишкомъ частое населеніе, другія, напротивъ, страдаютъ отсутствіемъ рабочихъ рукъ; тамъ появляется бѣдность отъ недостатка земли, здѣсь остаются безъ употребленія и безъ пользы пространства самыя благопріятныя для сельской промышленности. А отчего это? Отъ того, что помѣщичье право приковываетъ крѣпостныхъ къ той или другой мѣстности случайно и не даетъ огромнымъ массамъ сельскаго народонаселенія расселиться правильнымъ образомъ. Но этого мало; весьма нерѣдко, посреди народонаселенія, занятаго отхожими промыслами, у котораго земледѣліе остается на рукахъ однихъ лишь стариковъ, женщинъ и дѣтей, — совсѣмъ не кстати и неумѣстно лежитъ помѣщичье сего или деревня на издѣльи или на пашнѣ. Какъ это дѣлается? Владѣльцы, при направленіи промышленной дѣятельности своихъ крѣпостныхъ, не всегда соображаются съ мѣстными условіями края, и весьма часто только съ собственными, нерѣдко цѣлѣустремленными, случайными и для нихъ самихъ убыточными понятіями о вещахъ. Такъ напримѣръ многіе владѣльцы увѣрены, что они сохраняютъ нравственность своихъ крестьянъ, запрещая имъ отхожіе промыслы;

какъ всѣмъ почти хозяевамъ принято, что помѣщичьи крестьяне могутъ давать владѣльцу, безъ большого обремененія, 140 рабочихъ дней въ году, то и выйдетъ, что общее число рабочихъ дней, отбываемыхъ крѣпостными въ пользу владѣльцевъ, простирается до 331,814,140 дней мужскихъ и 367,807,308 женскихъ. Дворовыхъ, по 9-й народной переписи, числилось 521,939 душъ муж. и 513,985 жен. пола. Примѣнивъ и къ нимъ предъидущіе расчеты, найдемъ, что изъ нихъ взрослыхъ, способныхъ къ работѣ и службѣ, 260,969 мужчинъ и 236,992 женщинъ. Если изъ нихъ тоже половина, т. е. 130,484 души муж. и 128,496 жен. пола ходятъ по оброку, а прочіе служатъ и работаютъ своимъ господамъ не болѣе 280 дней въ году, т. е. исключая воскресенья и праздники, то повинность дворовыхъ составитъ ежегодно 36,535,620 дней мужскихъ и 35,978,860 дней женскихъ. Такимъ образомъ, если крѣпостная работа только вдвое хуже вольной, то и въ такомъ случаѣ для народной промышленности и производительности теряется ежегодно по крайней мѣрѣ 389,349,600 дней мужскихъ и 403,786,400 дней женскихъ. Оцѣнивъ каждый мужской рабочий день въ 14½ коп., женскій въ 10 коп. сер., найдемъ, что ежегодно теряется на мужскихъ рабочихъ дняхъ до 56,455,700 рублей, а на женскихъ до 40,378,640 рублей, всего до 96,834,340 рублей.

другіе, въ убѣжденіи, что Россія должна быть государствомъ земледѣльческимъ, а отнюдь не фабричнымъ и заводскимъ, сажаютъ своихъ крѣпостныхъ на тягло и пашню, вопреки самымъ несомнѣннымъ указаніямъ мѣстныхъ условій; наконецъ, очень, очень многіе, даже наибольшая часть помѣщиковъ поступаютъ такъ потому, что представляютъ себѣ крѣпостную деревню не иначе, какъ населенную крестьянами пахущими, косящими, жнущими и молотящими на своего барина, а другіе, не имѣя иного источника дохода, кромѣ крѣпостной деревни, поселяются въ ней на житье и сажаютъ своихъ крестьянъ на пашню, чтобъ имѣть чѣмъ существовать и кормиться. Рядомъ съ этимъ большинствомъ попадаются конечно и такіе владѣльцы, которые выгоняютъ на заработки народонаселеніе мало подвижное, по преимуществу земледѣльческо.

Политико-экономическіе результаты такого порядка вещей весьма бѣдственны для цѣлаго государства. Огромное большинство помѣщиковъ старается производить какъ можно больше всякаго рода хлѣба, не справляясь и даже не думая о томъ, стоитъ ли заниматься земледѣліемъ, или было бы выгоднѣе обратиться къ другимъ промысламъ. Помѣщики не думаютъ объ этомъ потому, что пользуются трудомъ своихъ крѣпостныхъ даромъ, а вслѣдствіе этого разсчитываютъ свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговымъ цѣнамъ на хлѣбъ, а не принимаютъ, да и не могутъ принимать въ разсчетъ, сколько они издержали на полученіе своего дохода. Съ перваго взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тѣмъ въ немъ именно и заключается главнѣйшая причина постепеннаго и повсемѣстнаго обѣдненія нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Неимѣя возможности разсчитать, въ сколько ему самому обошлось производство хлѣба, помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и нисшей, наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣба, не потерпѣвъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и съ своими потребностями. Выжидать хорошихъ цѣнъ на хлѣбъ въ состояніи лишь очень немногіе владѣльцы; а большинство, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, готово отдать свой хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ. Кто же устанавливаетъ торговые цѣны на хлѣбъ? Торговцы, хлѣбные барышники и скупщики, которые руководствуются при этомъ одними своими, конечно совершенно безобидными для себя соображеніями, и по стачкѣ между собою умышленно поддерживаютъ самыя низкія цѣны въ мѣстахъ закупки, пока весь хлѣбъ ими не скупленъ. Если бъ отъ этого терпѣли одни владѣльцы, то и тогда вредъ былъ бы очень великъ и важенъ; но, къ довершенію несчастія, отъ такого порядка дѣлъ несутъ чувствительные убытки не

одни помѣщики, но вмѣстѣ съ ними и крестьяне. Первые по крайней мѣрѣ столько же поставляютъ хлѣба на рынки, сколько и крестьяне, если не болѣе. Роняя его цѣну, частью по невѣдѣнію, частью по необходимости, они сбиваютъ ее и съ крестьянскаго хлѣба. Такимъ образомъ выходятъ, что владѣльцы не только пользуются половиною крестьянскаго труда даромъ, но даже и остальную половину дѣлаютъ гораздо менѣе производительною посредствомъ искусственной дешевизны хлѣба, чѣмъ бы она могла быть, еслибъ не существовало крѣпостнаго права (*). Слѣд. давленіемъ на хлѣбныя цѣны крѣпостное помѣщичье право поражаетъ всѣхъ, кто въ Россіи живетъ и кормится отъ земли. Каждый годъ это давленіе становится все пагубнѣе, потому что необходимость изворачиваться изъ нужды, съ каждымъ годомъ дѣлается для владѣльцевъ и для крестьянъ настоятельнѣе, такъ какъ расходы растутъ, а доходы уменьшаются, слѣд., зависимость производителей отъ хлѣбныхъ торговцевъ и рыночныхъ хлѣбныхъ цѣнъ становится все безусловнѣе. Конечныя послѣдствія этого хода дѣлтъ, въ весьма непродолжительномъ времени, при продолженіи крѣпостнаго права заключались бы въ совершенномъ обѣднѣніи и владѣльцевъ и крестьянъ; а возрастающее, соотвѣтственно тому, уменьшеніе государственныхъ доходовъ поставило бы и правительство въ самое трудное положеніе. Приближеніе этого состоянія мы уже начинали мало по малу ощущать.

«Наконецъ, осуждая на даровой трудъ огромныя массы людей, владѣльческое крѣпостное право дѣлаетъ вольнонаемныхъ менѣе нужными и тѣмъ сбиваетъ цѣны на трудъ вообще. Отъ этого не только терпятъ нисшіе классы, но и само правительство, потому

(*) Многие приписываютъ дешевизну хлѣба въ Россіи не крѣпостному праву, а отсутствію путей сообщенія, которыя уравнили бы цѣны на хлѣбъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Сильное вліяніе этой причины конечно отрицать нельзя, но все же она не главная, а второстепенная. Въ цѣлой Имперіи всегда есть большой избытокъ хлѣба, и мѣстные неурожаи не истощили бы его никогда, еслибъ и былъ удобный подвозъ хлѣба изъ губерній имъ изобилующихъ, въ мѣста, терпящіе въ немъ недостатокъ. Пути сообщенія облегчили и усилили бы сбытъ нашего хлѣба также и на заграничные рынки, но и то не постоянно, а отъ времени до времени, именно при болѣе или менѣе обиліи и сильныхъ неурожаяхъ въ Западной Европѣ. Завѣси этими расходами все же оставалось бы въ Россіи огромные запасы хлѣба, которые, при удобныхъ путяхъ сообщенія, никогда не дали бы цѣнамъ на хлѣбъ возвыситься, а напротивъ, скорѣе понижали бы ихъ все болѣе и болѣе. Чтобы поднять въ Россіи цѣны на хлѣбъ и тѣмъ возвысить благосостояніе владѣльцевъ и крестьянъ, нужны двѣ вещи: хоть какая нибудь соразмѣрность производства хлѣба съ потребностію въ немъ и свободное установленіе на хлѣбномъ рынкѣ того minimum, ниже котораго цѣны на хлѣбъ упасть не могутъ. Оба эти требованія въ равной степени совершенно невыполнимы, пока существуетъ у насъ крѣпостное право.

что чѣмъ меньше кто зарабатываетъ, тѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ меньше проживаетъ, и, слѣдовательно, тѣмъ меньше платитъ податей и ношинъ.»

Изложивъ потомъ вредное вліяніе крѣпостнаго права на нравственное чувство человѣка и характеръ его обращенія съ другими людьми, записка продолжаетъ:

«Рядомъ съ этими печальными явленіями развиваются и другія. Вслѣдствіе крѣпостнаго права, владѣлецъ съ дѣтства пріобрѣтаетъ привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное теченіе мыслей невольно приводитъ его къ убѣжденію, что такъ какъ крѣпостные его должны на него работать даромъ, то онъ можетъ, не обременяя себя излишними заботами и хлопотами, поручить хозяйство и дѣла свои управляющему, бурмистру или старостѣ, а самъ — веселиться, жить въ столицѣ, въ чужихъ краяхъ, или гдѣ бы то ни было, для удовольствія собственной своей особы, удовлетворяя одними своими прихотямъ и болѣе не думая ни о чемъ. Кому не пріятенъ досугъ, и кому не тяжекъ трудъ, особливо у насъ, гдѣ потребность труда еще не обратилась во вторую природу? Многіе помѣщики думаютъ также: зачѣмъ и учиться, когда есть имѣніе, которое доставляетъ порядочный доходъ, а слѣдовательно и связи, и знакомства, и все что нужно? Эти естественныя, почти невольныя разсужденія, особливо въ очень молодыхъ лѣтахъ, дѣлаютъ большинство помѣщиковъ съ дѣтства праздными и равнодушными къ своему образованію и развиваютъ въ нихъ привычку жить трудами чужихъ рукъ. Такъ мало по малу изъ нихъ выходятъ праздные люди, которые, лишившись, обыкновенно по своей же винѣ, своего состоянія, считаютъ государство обязаннымъ снабжать ихъ всѣмъ, что имъ нужно, давать имъ средства не только на необходимое, но даже на прихоти.

«Подобно господамъ разсуждаютъ и крѣпостные, — особенно крестьяне, сидящіе на господской пашнѣ, и дворовые люди. Они охотно предаются лѣни и тунеядству, въ той мысли, что если у нихъ не достанетъ хлѣба, падетъ скотъ, сгоритъ изба, то баринъ обязанъ имъ дать все это; мысль въ основаніи своемъ справедливая, но къ которой всегда примѣшивается злорадное чувство, что господинъ, который пользуется ихъ трудами и работой даромъ, самъ будетъ нести и убытки за эту неправду.

«На всѣ гражданскія и житейскія отношенія крѣпостное право производитъ подобное же вліяніе», говоритъ записка. «У насъ нѣтъ порядочной домашней прислуги, даже наемной, потому что ряды ея наполняются крѣпостными, бывшими или настоящи-

ии, уже развращенными; у насъ нѣтъ надежныхъ второстепенныхъ органовъ промышленности и гражданскихъ сдѣлокъ, комторщиковъ, прикащиковъ, стряпчихъ, повѣренныхъ и т. п., — потому что и эти званія наполняются или изъ бѣднаго дворянства или изъ вольноотпущенныхъ.

«Дѣти господъ и крѣпостныхъ съ колыбели подпадаютъ подъ горестное вліяніе этого несчастнаго права и чрезъ всю жизнь несутъ на себѣ неизгладимую печать его.

«Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право водворилось на русской почвѣ, нѣсколько разъ государство стояло, благодаря ему, на краю гибели. Оно было одною изъ главныхъ причинъ нашихъ несчастій въ началѣ XVII вѣка; бунты Стеньки Разина, Пугачева и другихъ, менѣе извѣстныхъ героев и атамановъ буйной вольницы, всѣ эти разрушительные элементы составляли и поднимались изъ мутныхъ источниковъ крѣпостнаго права; изъ того же источника возникли гайдамаки; огромныя толпы, чуть чуть не полчища разбойниковъ, опустошавшія Россію въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка, вербовали своихъ сподвижниковъ преимущественно изъ крѣпостныхъ. Теперь, когда права нѣсколько смягчились, измѣнились и формы возстаній крѣпостныхъ людей, удержавъ однако тотъ же опасный для государства характеръ. Нѣтъ такого нелѣпаго слуха, нѣтъ такого неправдоподобнаго повода, который бы не служилъ для крѣпостныхъ достаточнымъ предлогомъ для предъявленія старинныхъ притязаній на освобожденіе. Вспомнимъ движеніе огромныхъ массъ людей (до 30-ти тысячъ) изъ Могилевской и Витебской губерній по одному слуху, что правительство даетъ свободу тѣмъ, которые будутъ работать въ теченіе извѣстнаго времени на С. Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ; вспомнимъ другое движеніе огромныхъ массъ народа изъ Саратовской, Симбирской и сопредѣльныхъ губерній въ какую то обѣтованную страну въ Киргизской степи, гдѣ будто бы раздаются земли даромъ; вспомнимъ подобныя же движенія массъ во многихъ центральныхъ губерніяхъ, по случаю изданія манифеста о морскомъ ополченіи, и наконецъ недавнія волненія въ Кіевской, Воронежской и другихъ губерніяхъ, по случаю ополченія государственнаго.

«Впрочемъ, это только одна сторона политической опасности, которую намъ грозило крѣпостное право; есть другая, съ перваго взгляда менѣе замѣтная, но въ существѣ не менѣе дѣйствительная. Крѣпостное право есть камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія въ Россіи.

«Защищая это право послѣдовательно, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости, затрудняло и всевозможныя другія внутреннія преобразованія, своевременность и даже настоятельность которыхъ сознають единогласно и правительство и народъ. Нельзя отрицать, что дѣйствуя такъ, дворянство поступало очень послѣдовательно, ибо всѣ сколько нибудь значительныя внутреннія преобразованія въ Россіи, безъ изыятія, такъ неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, что одно не возможно безъ другаго; а потому очень естественно, сопротивляясь одному, сопротивляться и другому. Такъ, напримѣръ, преобразование рекрутскаго устава было невозможно, потому что оно повело бы къ уничтоженію крѣпостнаго права; невозможно было измѣнить теперешнюю податную систему, потому что корень ея—въ томъ же правѣ; нельзя было, по той же самой причинѣ, ввести другую, болѣе разумную паспортную систему; невозможно было распространеніе просвѣщенія на низшіе классы народа, преобразование судоустройства и судопроизводства, уголовного и гражданскаго, полиціи и вообще администраціи и цензуры, потому что всѣ эти преобразованія прямо или косвенно повели бы къ ослабленію крѣпостнаго права. Вотъ почему Россія осуждена была окаменѣть, существовать въ прежнемъ видѣ, не подвигаясь ни шагу впередъ. И ничто не въ силахъ было измѣнить этого положенія, пока крѣпостное право составляло основу нашей общественной и гражданской жизни; ибо это гордіевъ узелъ, къ которому мусхоятся всѣ наши общественныя язвы. Самыя благонамѣренныя усилія государей и отдѣльныхъ лицъ, правительственныхъ и не правительственныхъ, поправить наше теперешнее внутреннее положеніе, оставались тщетными; пока существовало у насъ крѣпостное право.

«Таковы главныя послѣдствія этого права. То, что нѣкоторые приводятъ въ его пользу, едва заслуживаетъ упоминанія.

«Крѣпостные, говорятъ нѣкоторые, еще не созрѣли для свободы. Но государственные крестьяне развѣ болѣе развиты? Однако они пользуются же гражданскими правами.

«Помѣщики, думаютъ другіе, суть лучшіе полиціймейстеры, которые притомъ ничего не стоятъ правительству. Но кто же видалъ, спросимъ мы, чтобъ въ благоустроенномъ государствѣ, полиція имѣла у себя почти въ безусловномъ подданствѣ подвѣдомственныхъ ей людей? При томъ казнѣ эти, такъ называемые, полиціймейстеры, обходятся конечно дешево, но государству — очень дорого. Въ этомъ, надѣмся, никто не сомнѣвается.

«Помѣщики въ Россіи суть главные поставщики хлѣба на рынки, говорятъ третьи, а съ упраздненіемъ крѣпостнаго права кто будетъ производить хлѣбъ въ такомъ огромномъ количествѣ? Противъ этого замѣтимъ, что если даже теперь, въ губерніяхъ наиболѣе хлѣбородныхъ, разнаго званія люди, въ томъ числѣ и купцы, находятъ выгоднымъ для себя покупать или снимать землю, обрабатывать ее наймомъ и полученный съ нея хлѣбъ продавать, то мы не видимъ причины, почему бы того же самаго не могли дѣлать и владѣльцы послѣ упраздненія крѣпостнаго права. Прибавимъ къ этому, что и теперь крестьяне крѣпостные и не крѣпостные, поставляютъ на рынки огромныя массы хлѣба, и ихъ хлѣбъ верѣяко бываетъ даже лучшаго качества, чѣмъ господскій. Почему бы все это измѣнилось съ освобожденіемъ крѣпостныхъ? Мы не видимъ причины.

«Аристократія падетъ въ Россіи, съ освобожденіемъ крестьянъ, восклицаютъ четвертые. Но какая причина пасть дворянству, когда крестьяне будутъ свободны? Нѣтъ ни одного государства въ цѣлой Европѣ, гдѣ бы не было высшаго сословія, наследственнаго или ненаследственнаго, а крѣпостныхъ въ Европѣ нигдѣ уже нѣтъ. Почему же этому быть иначе у насъ, чѣмъ въ другихъ странахъ? Не понимаемъ.

«Послѣ всего сказаннаго, легко понять, почему помѣщичье крѣпостное право обратило на себя особенное вниманіе Императоровъ Александра I и Николая I: они не могли не знать, что мысль объ упраздненіи этого права не есть одна лишь мечта празднаго ума, воспитаннаго на иностранныхъ книгахъ и на пустыхъ возгласахъ, но что, напротивъ того, она вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ и существенныхъ потребностей Россіи, удовлетвореніе которыхъ не можетъ и не должно быть отлагаемо въ слишкомъ долгій ящикъ. Оттого оба Государя, втеченіе цѣлаго полулѣтія, ревностно и неутомимо противодействовали помѣщичьему крѣпостному праву.

«Почему же усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ и крѣпостное право существовало у насъ почти въ прежнемъ своемъ видѣ, съ самыми лишь поверхностными и незначительными смягченіями?

«Причинъ этому очень много.

«Вопросъ о крѣпостномъ правѣ не былъ достаточно зрѣло обсужденъ; цѣль стремленій правительства не была опредѣлена совершенно ясно; наконецъ правительство не прибѣгало къ средствамъ, ведущимъ къ цѣли ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ.

«Истина и время взяли однако свое. Есть вѣрные признаки, что теперь наше провинціальное дворянство начинаетъ просвѣ-

щевіе и разуміе смотрѣть на крѣпостное право и на необходимость преобразованія его. Это и понятно. Губернское дворянство хорошо знаетъ свои имѣнія и своихъ крѣпостныхъ; оно видитъ Россію хотя и не всю, но за то лицомъ къ лицу; наконецъ оно ближе понимаетъ свои пользы и свое положеніе.

«Мирное, благотѣльное для Россіи разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ дѣлается возможнымъ съ той минуты, когда всѣ стороны этого вопроса приняты въ соображеніе, всѣ связанныя съ нимъ интересы, государственные и частные — взвѣшены и уважены и когда, на основаніи предварительнаго, зрѣлаго обсужденія, составится подробный, обстоятельный планъ упраздненія крѣпостнаго состоянія.

«Представимъ здѣсь опытъ такого плана, конечно въ самыхъ лишь общихъ чертахъ.

«Вопросъ объ упраздненіи помѣщичьяго крѣпостнаго права заключается въ себѣ два слѣдующіе: на какихъ началахъ или основаніяхъ должно у насъ совершиться освобожденіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ? и какія суть лучшія средства или способы освобожденія?

«*Главные начала или основанія*, на которыхъ надлежитъ совершиться освобожденію помѣщичьихъ крѣпостныхъ, могутъ быть опредѣлены лишь по разсмотрѣніи всѣхъ интересовъ, которые сходятся въ крѣпостномъ правѣ и въ немъ связаны какъ бы въ одинъ узелъ. Эти интересы суть: *частные* — владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, и общественные или правильнѣе *государственные*.

«Интересъ *владѣльцевъ* въ крѣпостномъ правѣ очевиденъ. Они защищаютъ въ немъ свое имущество, дошедшее къ нимъ законнымъ порядкомъ и потому во всякомъ случаѣ составляющее ихъ неотъемлемую гражданскую собственность. Этому ихъ права добросовѣстно отрицать нельзя: всѣ историческіе доводы и юридическія тонкости, приводимыя въ опроверженіе помѣщичьей власти, какъ гражданского права, не колебля ее ни мало, только запутываютъ и затемняютъ вопросъ.

«Столько же очевиденъ и интересъ *крѣпостныхъ*. Онъ заключается въ полномъ, личномъ освобожденіи ихъ отъ владѣльцевъ, съ удержаніемъ той земли, которою владѣютъ и пользуются для себя, избы, въ которой живутъ, и всего движимаго и недвижимаго имущества, которое приобрѣли собственными трудами, или наслѣдовали отъ отцовъ своихъ.

«Наконецъ, интересы государства совершенно ~~соотвѣтствуютъ~~ съ пользами владѣльцевъ и крѣпостныхъ. По изложеннымъ выше причинамъ, для государства необходимо, чтобы крѣпостное право прекратилось въ Россіи, но такъ однако, чтобы при этомъ права и интересы обѣихъ сторонъ — помѣщиковъ и крѣпостныхъ — были вполне сохранены и уважены.

«Необходимость послѣдняго условія очевидна, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ.

«Государство не можетъ ни желать, ни допустить освобожденія крестьянъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, и на это имѣетъ самыя основательныя причины. Освобожденіе крестьянъ безъ вознагражденія помѣщиковъ, во первыхъ, было бы весьма опаснымъ примѣромъ нарушенія права собственности, котораго никакое правительство нарушить не можетъ, не поколебавъ гражданского порядка и общежитія въ самыхъ основаніяхъ; въ вторыхъ, оно внезапно повергло бы въ бѣдность многочисленный классъ образованныхъ и зажиточныхъ потребителей въ Россіи, что, по крайней мѣрѣ сначала, могло бы, во многихъ отношеніяхъ, имѣть неблагоприятныя послѣдствія для всего государства; въ третьихъ, владѣльцы тѣхъ имѣній, гдѣ обработка земли наймомъ больше будетъ стоить, чѣмъ проносимый ею доходъ, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ совсѣмъ лишились бы дохода отъ этихъ имѣній. Не получивъ вознагражденія, многіе изъ нихъ на первый разъ, а иные можетъ быть и навсегда, были бы осуждены на самое бѣдственное существованіе, или даже остались бы на рукахъ у правительства, которое черезъ это было бы вовлечено въ чрезвычайно обременительныя издержки и жертвованія.

«По соображеніямъ, столько же важнымъ и настоятельнымъ, правительство вынуждено также обратить все свое вниманіе и на возможно большее личное и вещественное обезпеченіе крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ. Такъ, въ видахъ общественной тишины и порядка, правительство не можетъ допустить сохраненія зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ, иначе безпрестанныя столкновенія между тѣми и другими, неудовольствія, безконечныя тяжбы и несправедливыя взаимныя претензіи размножились и продолжались бы вѣчно, а на безпристрастное разбирательство и рѣшеніе процессовъ между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными долго еще нельзя разсчитывать, потому что много пройдетъ времени послѣ освобожденія, а судебная и полицейская власти все еще будутъ находиться по преимуществу въ рукахъ дворянства и землевладѣльцевъ.

Равнымъ образомъ, правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на увольненіе крѣпостныхъ безъ земли, потому что чрезъ это сельское населеніе было бы поставлено, если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, въ слишкомъ большую матеріальную зависимость отъ владѣльцевъ, или же, наскучивъ этою зависимостью, потеряло бы мало по малу осядлость, для водворенія которой въ нисшихъ сословіяхъ столько принесено жертвъ, столько сдѣлано усилій, и стало бы, по прежнему, перебиваться изъ одного края Россіи въ другой, къ явному вреду, къ явной опасности для государства во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторые думаютъ, что у насъ есть достаточно казенныхъ земель для поселенія на нихъ всѣхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ послѣ ихъ освобожденія. Отсюда заключаютъ, что слѣдовало бы освободить крѣпостныхъ лично, безъ земли. Но возможность осуществленія такой мысли неправдоподобна по недостатку земли; даже не желательно, чтобъ эта мысль могла осуществиться. Водвореніе вновь двадцати-одного мильона людей на государственныхъ земляхъ и на счетъ государственной казны, — планъ слишкомъ уродливый, чтобъ можно было на немъ остановиться. Какой человѣкъ съ здравымъ смысломъ станетъ серьезно доказывать возможность новаго переселенія народовъ, съ покрытіемъ потребныхъ нато издержекъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства!

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что освобожденіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ должно совершиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

«1) Крѣпостныхъ слѣдуетъ освободить вполне, совершенно, изъ подѣ зависимости отъ ихъ господъ.

«2) Ихъ надлежитъ освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непременно съ землею.

«3) Освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ возраженіемъ владѣльцевъ.

Принять эти начала за основанія при разрѣшеніи вопроса о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ велитъ и строгая справедливость и государственная польза, которыя здѣсь, какъ всегда и во всемъ, совпадаютъ въ своихъ требованіяхъ.

«Что касается средствъ или способовъ приведенія этихъ основныхъ началъ въ исполненіе, то въ этомъ отношеніи представляются слѣдующія соображенія.

«1) Количество земли, съ которымъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить, можетъ быть опредѣлено различно. Ихъ

можно выкупить: а) со всюю землею, принадлежащею къ имѣнію, въ которомъ они поселены; б) съ опредѣленнымъ большимъ или меньшимъ количествомъ десятинъ на тягло или на душу, смотря по мѣстности, и в) съ тою лишь землею, которая находится въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи помѣщичьихъ крѣпостныхъ.

Первый способъ — выкупъ со всею землею, принадлежащею къ имѣнію — весьма неудобенъ. Онъ потребовалъ бы огромныхъ капиталовъ, и не только не принесъ бы пользы, но напротивъ имѣлъ бы вредныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ, и даже большей части издѣльныхъ вообще, для крестьянъ было бы слишкомъ много всей земли, принадлежащей къ имѣнію; слѣдовательно, она перешла бы въ казенное завѣдываніе, и чрезъ это, какъ вообще при казенномъ управленіи, стала бы давать гораздо меньше дохода. Въ тоже время, чрезъ это почти исчезла бы въ Россіи частная поземельная собственность, а съ нею и всѣ ея благотѣльные послѣдствія для промышленности и сельскаго хозяйства; ибо опытомъ доказано, что частная поземельная собственность и существованіе, рядомъ съ малыми, и большихъ хозяйствъ, суть совершенно необходимыя условія процвѣтанія сельской промышленности.

Второй способъ, выкупъ опредѣленнаго количества десятинъ земли на тягло или на душу, почти совершенно невозможно привести въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назначить количество десятинъ подлежащихъ въ каждомъ имѣніи выкупу, такъ чтобъ было необходимо и для владѣльцевъ и для крѣпостныхъ? Подобное назначеніе потребовало бы многолѣтнихъ, невѣроятныхъ трудовъ, огромныхъ издержекъ, подало бы поводъ къ тысячамъ произвольныхъ дѣйствій, злоупотребленій и столкновеній, которыхъ невозможно было бы ни открыть, ни преслѣдовать, по громадности и сложности операціи; наконецъ, что можетъ быть всего важнѣе, такая мѣра породила бы большую шаткость и неопредѣленность поземельнаго владѣнія во все время, пока продолжалось бы освобожденіе крестьянъ.

За тѣмъ остается послѣдній способъ — выкупить только ту землю, которая находится въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи крѣпостныхъ. Этотъ способъ безспорно лучший и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, сохраняя и утверждая, безъ всякихъ измѣненій, поземельное владѣніе установившееся издавна, и къ которому привыкли и помѣщики и крѣпостные; кромѣ того, такой способъ и не потребуеъ никакихъ особенныхъ издержекъ и не можетъ возбудить большихъ недоразумѣній и неизвѣстности правъ (*).

(*) Разрѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, сомнѣній и вопросовъ, понадобятся, конечно, и при этомъ способѣ. Такъ, напримѣръ, можетъ случить-

Нѣкоторые предлагаютъ выкупить помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ тѣмъ лишь количествомъ земли, какое нужно для удержанія ихъ осѣлыми на теперешнемъ ихъ мѣстѣ жительства, по котораго было бы совершенно недостаточно для прокормленія съ ихъ семействами. Цѣльта, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьянъ къ ихъ родинѣ, землѣ и двору, побудить ихъ поневолѣ нанимать землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Такая система выкупа, въ губерніяхъ почти исключительно земледѣльческихъ, могла бы, можетъ быть, дѣйствительно принести пользу владѣльцамъ, доставя имъ, кто вѣроятно только сначала, выгодныхъ арендаторовъ и дешевыхъ рабочихъ. Но правительство можетъ ли согласиться на такую мѣру? Конечно нѣтъ! Ему не должно смотрѣть на государственные вопросы ослабляясь выгодами однихъ помѣщиковъ. Въ данномъ же случаѣ выиграли бы—и то не навѣрное—они одни, а государство и крѣпостные непременно бы потеряли, ибо владѣльцы получили бы возможность, къ крайнему стѣсненію бывшихъ ихъ крѣпостныхъ, поднять наемную плату за свои земли, или же умалить плату рабочимъ и работникамъ. Послѣдствіемъ этого было бы одно изъ двухъ: или бывшіе крѣпостные впали бы въ крайнюю нищету и обратились въ бездомниковъ и бобылей, — нѣчто въ родѣ сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ у насъ покуда, слава Богу, очень мало, — или стали бы толпами выселяться въ другія губерніи и края Имперіи. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство, поддерживая бытъ выкупныхъ крѣпостныхъ на мѣстахъ, или способствуя ихъ переселенію, было бы вовлечено въ несравненно большія издержки, чѣмъ выкупивъ ихъ съ самаго начала со всею землею, которою они теперь дѣйствительно владѣютъ (*).

—
ся, что владѣлецъ, желая уменьшить количество отходящей отъ него съ крѣпостными земли, въ ожиданіи выкупа, отниметъ у нихъ большую часть земли, которою они до того времени дѣйствительно владѣли и пользовались. Возможность такихъ случаевъ потребуетъ болѣе точнаго опредѣленія, что должно разумѣть подѣ выраженіемъ: «земли, находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи крѣпостныхъ». Далѣе: необходимо будетъ опредѣлить количество земли, подлежащей выкупу въ Южной и Юго-Восточной Россіи, гдѣ существуетъ зависящее хозяйство, и нѣтъ у крестьянъ постоянного землевладѣнія въ однихъ мѣстахъ. Необходимо также будетъ рѣшить весьма важный вопросъ: не должно, или, напротивъ, слѣдуетъ, и въ такомъ случаѣ на какихъ именно основаніяхъ слѣдуетъ, выкупать у владѣльцевъ — сѣнокосы, лѣса, выгоны, водопой и т. п. Очевидно однако, что разрѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ представитъ несравненно менѣ затрудненій, чѣмъ приведеніе въ исполненіе двухъ первыхъ способовъ.

(*) О томъ, на какихъ основаніяхъ освобожденные крѣпостные могли бы передѣлывать выкупленную землю, здѣсь говорить не мѣсто. Замѣтимъ мимо-

•2) Вознагражденіе помѣщиковъ за отходящихъ изъ ихъ владѣнія крѣпостныхъ съ землею, тоже можетъ быть произведено различнымъ образомъ, а именно: а) вознагражденіе можетъ быть выдано за одну лишь землю, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ даромъ, или же и за землю и за крѣпостныхъ; б) мѣриломъ вознагражденія могутъ быть приняты или цѣны, по какимъ нибудь соображеніямъ установленныя правительствомъ и уменьшенныя противъ дѣйствительности, или же существующія на мѣстахъ, во время выкупа, среднія цѣны, какъ населенныхъ имѣній вообще, такъ и земли и душъ въ отдѣльности; наконецъ, в) самый порядокъ вознагражденія помѣщиковъ можетъ быть установленъ различный. Такъ правительство можетъ признать болѣе удобнымъ производить владѣльцамъ плату слѣдующей за ихъ имѣніе суммы постепенно, на основаніи банковыхъ правилъ, опредѣляя ежегодный платежъ предполагаемымъ или дѣйствительно вычисленнымъ среднимъ доходомъ съ выкупленныхъ имѣній, или же процентами съ выкупной суммы, назначивъ величины процентовъ примѣнительно къ правиламъ нашихъ кредитныхъ установленій, или же согласно съ законами гражданскими и торговымъ уставомъ о займахъ между частными лицами и ссудахъ коммерческихъ. Но точно также правительство можетъ всю слѣдующую за выкупныя имѣнія сумму выплатить владѣльцамъ за одинъ разъ.

•Подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ способовъ вознагражденія помѣщиковъ приводитъ къ заключенію: 1) что выплата имъ денегъ за одну землю, не принимая въ расчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. Несправедлива, потому что крѣпостные составляютъ такую же собственность владѣльцевъ, какъ и земля; неуравнительна — потому что только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно густо населенныхъ и земледѣльческихъ, земля имѣетъ большую цѣнность, а крѣпостные почти никакой, или весьма малую; въ другихъ же губерніяхъ, преимущественно промышленныхъ, или хотя и земледѣльческихъ,

ходомъ, что всѣ юридическіе обычаи собственно великоруссовъ и бѣлоруссовъ указываютъ на общинную, а не личную наследственную поземельную собственность, и мы пока не видимъ достаточной причины посягать на эти обычаи, заключающіе въ себѣ, по видимому, плодотворное начало устройства у насъ поземельныхъ правъ на новыхъ началахъ, которыя теперь можно лишь смутно предугадывать. Во всякомъ случаѣ, совершенно было бы необходимо, по мѣрѣ выкупа крестьянъ съ землею, запретить имъ продажу и залогъ выкупленныхъ земель, подъ какимъ бы то видомъ и предлогомъ ни было, по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ; ибо иначе эти земли могли бы быть скуплены у крестьянъ, на первыхъ же порахъ, прежними ихъ владѣльцами и другими за безцѣнокъ, какъ отчасти и случилось въ Пруссіи.

но мало населенныхъ, владѣльцы получаютъ доходъ не отъ земли, а отъ крѣпостныхъ; 2) что допущеніе, при выкупѣ крѣпостныхъ, какихъ бы то ни было особливыхъ расчетовъ (какъ напримѣръ оцѣнки теряемой крѣпостной работы и т. п.), съ цѣлью по возможности уменьшить слѣдующее владѣльцамъ вознагражденіе, подало бы только поводъ къ самымъ несправедливымъ и произвольнымъ дѣйствіямъ, и не сокращая существенно расходовъ на выкупъ крѣпостныхъ, только стѣснило бы владѣльцевъ и на долго затянуло бы ходъ дѣла; 3) что по тѣмъ же самымъ причинамъ было бы неудобно назначить владѣльцамъ вознагражденіе по расчету дохода, котораго они, съ выкупомъ крѣпостныхъ, лишаются, потому что у насъ невозможно опредѣлить даже приблизительно средній доходъ отъ наибольшей части помѣщичьихъ имѣній; 4) что хотя выкупомъ крѣпостныхъ на основаніи банковыхъ правилъ, справедливость не была бы нарушена, однако на развитіе промышленности въ Россіи такого рода выкупъ имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, много злѣе сразу, неблагопріятное вліяніе. Освобожденіе крѣпостныхъ, какъ уже выше замѣчено, потребуетъ немедленнаго постановленія нашихъ помѣщичьихъ хозяйствъ на коммерческую ногу, а это можно сдѣлать не иначе, какъ съ помощью болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ чрезвычайныхъ издержекъ, которыя понадобятся почти въ ту же самую минуту, когда совершится освобожденіе. При стѣсненномъ положеніи нашего дворянства, ему не откуда взять капиталовъ, необходимыхъ для покрытія такихъ чрезвычайныхъ издержекъ. По этому, если вся выкупная сумма не будетъ уплачена владѣльцамъ, при самомъ освобожденіи ихъ крестьянъ, сельское хозяйство въ Россіи понесетъ весьма чувствительный вредъ, отъ котораго не скоро оправится, а это, въ свою очередь, будетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на все государство.

«И такъ, владѣльцы слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: оцѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею, по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и за тѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія. Только такой способъ выкупа, не внося въ важное государственное дѣло освобожденія никакихъ искусственныхъ и произвольныхъ условій, напротивъ, принимая за исходную точку существующій нынѣ порядокъ дѣлъ, въ состояніи приготовить преобразование сельско-хозяйственнаго быта Россіи легко, почти незамѣтно; ибо только при помощи такого способа, примиряющаго

пользы всѣхъ, новое начнеть заступать мѣсто стараго безъ перерыва и съ необходимою постепенностію.

«Многіе думаютъ, что операцію выкупа крѣпостныхъ слѣдовало бы произвести одновременно съ ликвидаціею долговъ, лежащихъ на дворянскихъ имѣніяхъ по ссудамъ изъ кредитныхъ установлений. Зачетъ сдѣланныхъ ссудъ, — такъ думаютъ они, — значительно уменьшить выкупную сумму, которая будетъ причитаться помѣщикамъ. Мы съ своей стороны полагаемъ, что сліяніе этихъ двухъ операцій отняло бы у помѣщиковъ средства, необходимыя для немедленнаго устройства ихъ хозяйствъ, согласно съ новыми экономическими условіями, и уменьшило бы массу денегъ, которая бы безъ того поступила въ обращеніе. Оба эти послѣдствія, безъ сомнѣнія, имѣли бы на внутренній бытъ государства такое неблагоприятное вліяніе, что съ нимъ не можетъ идти въ сравненіе неудобство внутренняго или вѣшняго долга, сдѣланнаго для выкупа крѣпостныхъ и равняющагося предполагаемой къ зачету суммѣ. Такой зачетъ слѣдовало бы допустить въ той только части долга кредитнымъ установленіямъ, которая недостаточно бы обезпечивалась остающеюся за владѣльцами послѣ выкупа частью ихъ имѣній.

«3) Для опредѣленія количества земли, которое дѣйствительно находится во владѣніи крѣпостныхъ и подлежитъ выкупу, и для назначенія суммы, слѣдующей владѣльцу за выкупаемое имѣніе, слѣдовало бы учредить по уѣздамъ оцѣночныя комиссіи, составленныя на половину по выбору изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, на половину по назначенію правительства изъ невладеющихъ, однако коротко знакомыхъ съ мѣстнымъ бытомъ и условіями края. Если владѣлецъ и крѣпостные съ приговоромъ Комиссіи по означеннымъ двумъ предметамъ согласятся, то онъ получаетъ законную силу; въ противномъ же случаѣ поступаетъ на окончательную ревзію губернской оцѣночной Комиссіи, составленной на изложенныхъ выше основаніяхъ изъ владѣльцевъ и невладеющихъ. Кромѣ того, надлежало бы учредить особенную центральную Комиссію для руководства оцѣночныхъ Комиссій въ ихъ дѣйствіяхъ, для разрѣшенія ихъ вопросовъ, сомнѣній и всѣхъ тѣхъ частныхъ случаевъ, кои возбуждаютъ споры и недоразумѣнія по недостаточности или неясности правилъ, данныхъ въ руководство оцѣночнымъ Комиссіямъ.

«4) Собственно финансовая операція по выкупу крѣпостныхъ могла бы быть возложена на нарочно для того учрежденный банкъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) по постановленіямъ оцѣночныхъ

Комиссій, вошедшимъ въ законную силу, выкупъ крѣпостныхъ совершается или ими самими, — взносомъ выкупной суммы сполна или только частью, или же Банкомъ — посредствомъ выплаты владѣльцу всей суммы, или только той ея части, которая не дознесена крѣпостными; б) Банкъ дѣлаетъ уплаты особливими билетами, которые всюду принимаются наравнѣ съ билетами прочихъ Кредитныхъ установленій и обезпечиваются правительствомъ звонкой монетой, не менѣе, какъ въ шестой части ихъ нарицательной цѣны; в) выплаченная владѣльцамъ изъ Банка сумма зачисляется долгомъ на выкупленномъ имѣніи, съ уплатою въ 37-ми лѣтъ или другой, болѣе продолжительный, срокъ по равной части ежегодно; процентовъ же на выкупленныхъ крѣпостныхъ начислять: съ капитала обезпеченія по пяти процентовъ ежегодно; со всего же выкупнаго капитала, выплаченнаго владѣльцамъ, не болѣе какъ сколько нужно для покрытія всѣхъ издержекъ выкупной операціи, а по выплатѣ бывшими крѣпостными $\frac{1}{4}$ частей выкупнаго капитала, оплачивать процентами уже не весь капиталъ обезпеченія, а только ту его часть, которая обезпечиваетъ остающійся не погашеннымъ выкупной капиталъ рубль за рубль; г) по мѣрѣ уплаты выкупленными крѣпостными лежащаго на нихъ выкупнаго долга, выпущенные Банкомъ билеты надлежитъ извлекать изъ обращенія; (*) и д) по совершенномъ погашеніи бывшими крѣпостными

(*) Изъ Сельско-хозяйственной Статистики Смоленской губерніи, изданной г. Я. Соловьевымъ (Москва, 1835 г.) видно, что въ этой губерніи общее число крѣпостныхъ составляетъ 378.038 муж. пола душъ; при среднемъ надѣлѣ на душу по 13 дес. земли, средняя цѣна каждой души есть 117 руб. Положимъ, что въ дѣйствительномъ владѣніи крѣпостныхъ находится цѣлая половина общаго количества земли, какое приходится на душу (что неавѣрно, ибо въ томъ же числѣ положены и господскія усадьбы, сѣнокосы, лѣса и т. п.); такъ какъ средняя цѣна незаселенной десятины въ губерніи есть $8\frac{1}{2}$ руб., то при выкупѣ помѣщичьихъ крѣпостныхъ Смоленской губерніи пришлось бы заплатить владѣльцу за каждую выкупаемую душу; среднимъ числомъ, 117 руб. — ($6\frac{1}{2}$ дес. $\times 8\frac{1}{2}$ руб. = 35 руб. 73 коп.) = 81 руб. 23 коп. Слѣд. на выкупъ въ Смоленской губерніи всего крѣпостнаго населенія потребовался бы капиталъ въ 30,715,587 руб. 50 коп., и фондъ обезпеченія въ 5,119,264 руб. 58 $\frac{1}{2}$ коп. Если крѣпостные будутъ платитъ ежегодно не болѣе полутора процента на выкупной капиталъ, то это доставитъ въ первый годъ слишкомъ 153,500 руб. дохода, который хотя въ каждый слѣдующій за тѣмъ годъ и будетъ уменьшаться на 4,151 руб., но все же образуетъ сумму, съ избыткомъ достаточную на покрытіе издержекъ всей выкупной операціи, не только по одной, но и по нѣсколькимъ и даже по многимъ губерніямъ. Съ причисленіемъ этого полутора процента и 5 процентовъ на капиталъ обезпеченія, ежегодный платежъ каждой выкупленной души на погашеніе долга, при разложеніи выкупнаго капитала лишь на 37 лѣтъ, составитъ въ первые 30 лѣтъ только отъ 2 р. 89 к. до 2 р. 55 к., — а

выплаченного за нихъ помѣщикамъ выкупнаго капитала, владѣемую ими выкупленную землю обратить въ полную ихъ собственность, на правахъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

«5) Такъ какъ выкупъ крѣпостныхъ предполагается производить по существующимъ на мѣстахъ цѣнамъ, безъ всякаго ихъ уменьшенія, то переводъ всякаго рода долговъ, казенныхъ, банковыхъ и частныхъ, слѣданныхъ самими владѣльцами подъ залогъ населенныхъ ихъ имѣній, на выкупленныхъ у нихъ крестьянъ ни въ какомъ случаѣ допускать не должно. Вслѣдствіе этого, означенные долги обезпечатся тою только частью имѣній, которая останется собственностию владѣльцевъ и, согласно съ этимъ, права кредиторовъ на слѣдующую владѣльцамъ выкупную сумму будутъ опредѣляться дѣйствующими законами, безъ всякаго измѣненія. Только по ссудамъ изъ Кредитныхъ Установленій должно бы допустить льготу, о которой упомянуто выше (въ 2-мъ пунктѣ въ концѣ).

«и 6) Для успѣха дѣла совершенно необходимы были бы: а) предварительное опубликованіе цѣлаго плана освобожденія крѣпостныхъ во всеобщее извѣстіе, съ предоставленіемъ права обсуждать его во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ подробностяхъ. Такое разсмотрѣніе проекта частными лицами дало бы правительству возможность, при окончательномъ изданіи закона о выкупѣ крѣпостныхъ, исправить вкравшіяся въ проектъ недостатки, неточности и ошибки; б) возможная гласность хода всей операціи, начиная съ перваго закона о приступленіи къ выкупу, и оканчивая послѣднимъ взносомъ выкупленными слѣдующей съ нихъ въ Банкъ суммы; наконецъ в) строжайшая справедливость, правосудіе и добросовѣстность, какъ при опредѣленіи и выплатѣ выкупныхъ суммъ, такъ и при назначеніи количества выкупаемой земли.

«Вотъ, въ общихъ чертахъ, планъ упраздненія помѣщичьяго крѣпостнаго права. Такъ какъ въ этомъ правѣ сходятся интересы и владѣльцевъ, и крѣпостныхъ, и государства, то каждый изъ этихъ трехъ элементовъ принялъ бы дѣятельное участіе и въ разрѣшеніи задачи: дворянство — подвергаясь внезапному переходу къ совершенно новому порядку хозяйства, польза котораго для всего владѣческаго сословія въ массѣ не подлежитъ сомнѣнію, но который въ примѣненіи тому или другому лицу можетъ вести къ большимъ

послѣ того и эта сама по себѣ незначительная плата, еще болѣе будетъ понижаться. Не должно при этомъ забывать, что Смоленская губернія по количеству крѣпостнаго населенія занимаетъ, вмѣстѣ съ Тульской, первое мѣсто въ цѣлой Имперіи,

убыткамъ и даже къ совершенному разстройству; крѣпостные — выплачивая полное вознагражденіе владѣльцамъ; правительство — обезпечивая всю операцію своимъ кредитомъ и звонкою монетою.

«Кто знаетъ Россію, кто понимаетъ ея великое призваніе, тотъ несомнѣвается, что ей прежде всего необходимы мирные успѣхи, которые впрочемъ не только у насъ, но и вездѣ вѣрнѣе и прочнѣе всякихъ другихъ.

«Начавъ выкупъ крѣпостныхъ, слѣдовало бы, въ то же время, содѣйствовать къ упраздненію крѣпостнаго права *разными косвенными мѣрами и полумѣрами*, которыя подготовили и значительно облегчили бы выполненіе изложеннаго плана выкупа, въ обширныхъ размѣрахъ, во всей Россіи. Указанія на такія мѣры и полумѣры содержатся въ нашемъ законодательствѣ и нашихъ правахъ: стоитъ только развить ихъ въ правительственныя распоряженія.

«Императоръ Александръ I старался *количественно* уменьшить число крѣпостныхъ и *качественно* придать крѣпостному праву значеніе не непосредственной личной зависимости крѣпостныхъ отъ господъ, а зависимости, какъ бы происходящей вслѣдствіе того, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, а крѣпостные крѣпки землѣ. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ очень многое остается еще сдѣлать административнымъ и законодательнымъ порядкомъ.

«Владѣльцы, изъ различныхъ побужденій, не рѣдко сами желаютъ предоставить свободу своимъ крѣпостнымъ на различныхъ условіяхъ, а крѣпостные, съ своей стороны, тоже готовы откупиться: тѣмъ и другимъ надлежало бы всячески содѣйствовать.

«Огромное большинство помѣщиковъ, даже при сердечной добротѣ и благонамѣренности, не знаютъ и не понимаютъ вопроса объ освобожденіи, — имъ и въ мысль не приходитъ, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права они сами во всѣхъ отношеніяхъ выиграютъ; слѣдовало бы употребить всѣ мѣры, чтобъ дворянство и чиновники имѣли возможность сами убѣдиться въ пользѣ и даже необходимости освобожденія крѣпостныхъ, и содѣйствовали въ этомъ отношеніи видамъ правительства не нехотя, а добровольно и сознательно.

«Согласно съ сказаннымъ можно бы принять въ отношеніи къ освобожденію крѣпостныхъ слѣдующія косвенныя мѣры:

«I. Продолжая дѣятельность Императоровъ Александра I и Николая, издать рядъ постановленій, которыя не касаясь существа крѣпостнаго права, ограничили бы однако его дальнѣйшее географическое распространеніе, положили бы предѣлъ размноженію лицъ, которыя этимъ правомъ пользуются, и наконецъ, способствовали

бы уменьшенію количества помѣщичьихъ населенныхъ имѣній. Таки́мъ образомъ: 1) для прекращенія дальнѣйшаго географическаго распространенія крѣпостнаго права: а) запретить основаніе, гдѣ бы то ни было, новыхъ поселеній на крѣпостномъ правѣ; б) запретить переселеніе крѣпостныхъ изъ одного имѣнія въ другое на томъ же крѣпостномъ правѣ; 2) для уменьшенія числа лицъ, имѣющихъ право приобрѣтать крѣпостныхъ и владѣть ими: а) лицамъ, вновь получающимъ права потомственного дворянства не предоставлять права владѣть крѣпостными; б) помѣщикамъ, имѣющимъ лишь дальнихъ родственниковъ (напр. въ 8-й степени или и далѣе) дозволить продажу ихъ населенныхъ имѣній не иначе, какъ съ предоставленіемъ крѣпостнымъ права выкупиться съ землею (см. ниже); в) наследованіе въ населенныхъ имѣніяхъ послѣ дальнихъ родственниковъ въ опредѣленной степени допускать не иначе, какъ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ по ревизіи, и при томъ съ тою землею, которою они дѣйствительно владѣли и пользовались при жизни умершихъ ихъ владѣльцевъ. Такое правило не было бы несправедливо, потому что тѣсныя родственныя связи между далекими родственниками теперь почти не существуютъ болѣе, имѣнія достаются по наследству отъ дальнихъ родственниковъ большею частію неожиданно, и какъ бы отъ совершенно постороннихъ лицъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ возникалъ даже вопросъ: не слѣдуетъ ли вовсе прекратить право наследованія въ слишкомъ далекихъ степеняхъ родства; и 3) для уменьшенія количества населенныхъ помѣщичьихъ имѣній: а) предоставить всѣмъ свободнымъ состояніямъ въ Россіи право приобрѣтать населенныя имѣнія, но съ освобожденіемъ при томъ приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ, съ владѣемою ими землею, какъ сказано выше; б) при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга за долги Кредитнымъ Установленіямъ предоставлять крѣпостнымъ, приписаннымъ къ тѣмъ имѣніямъ, право выкупиться самимъ и съ землею, которая находится въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи; или же правительству выкупать ихъ, на основаніи изложенныхъ выше общихъ правилъ освобожденія помѣщичьихъ крѣпостныхъ. На такія имѣнія могла бы быть перечислена извѣстная часть долга Кредитнымъ Установленіямъ; количество слѣдующей имъ земли — опредѣлено посредствомъ особой оцѣночной Коммиссіи, а выкупная сумма, или тою же Коммиссіею, или же по расчету на основаніи цѣны, предложенной за имѣніе на торгахъ и переторжкѣ (*); в) выкупать крѣпост-

(*) Въ 1846 году крѣпостнымъ предоставлено было право, при продажѣ съ публичныхъ торговъ имѣній, къ которымъ они приписаны, выкупаться на волю

ныхъ съ землею, на изложенныхъ выше основаніяхъ, у всѣхъ помѣщиковъ, владѣющихъ менѣ чѣмъ 30-ю душами, при переходѣ этихъ душъ изъ однихъ рукъ въ другія, по наслѣдству, завѣщанію, продажѣ или другимъ образомъ. Черезъ это мало по малу стали бы уменьшаться и исчезать мелкопомѣстные владѣнія, вредныя во всѣхъ отношеніяхъ; г) на тѣхъ же основаніяхъ, выкупать имѣнія разнопомѣстныя, при переходѣ ихъ какимъ бы то ни было образомъ отъ одного помѣщика къ другому.

II. Надлежало бы всячески содѣйствовать добровольнымъ сдѣлкамъ между владѣльцами и ихъ крѣпостными о выпускѣ послѣднихъ на волю съ землею и безъ земли. О способахъ достигнуть этой цѣли замѣтимъ слѣдующее: а) отпущеніе на волю крѣпостныхъ съ незапамятныхъ временъ считалось у нашихъ предковъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и какъ бы обязательныхъ подвиговъ благотворительности и благочестія: не было предсмертнаго словеснаго распоряженія владѣльца, которымъ бы не увольнялись крѣпостные. Этотъ исполненный любви и христіанскаго милосердія обычай слѣдовалъ бы не только поддерживать, но и всячески развивать между владѣльцами. Всего ближе это могло бы сдѣлаться при содѣйствіи и помощи духовенства, которое, конечно, съ радостію воспользовалось бы случаемъ принять дѣятельное, согласное съ духомъ Евангелія и Святымъ пастырскимъ призваніемъ, участіе въ рѣшеніи этого государотвеннаго вопроса первостепенной важности. Невозможно исчислить, какое огромное и благотѣльное вліяніе на успѣхъ освобожденія крѣпостныхъ, могли бы имѣть увѣщанія владѣльцевъ и владѣлицъ, со стороны духовенства, отпустить больше людей на волю или вообще безъ выкупа, или хотя и съ выкупомъ, но на условіяхъ, какъ можно болѣе умѣренныхъ, какъ можно менѣ тягостныхъ для крѣпостныхъ. Надобно стараться, чтобъ достойнѣйшіе, наиболѣе почитаемые, любимые и вліятельные члены духовенства вошли, по сердечному убѣжденію, въ виды правительства и ради общаго блага, ради общей пользы гражданской и христіанской, добровольно захотѣли дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: они знаютъ, какъ и къ кому отнестись, кому изъ епархіальнаго духовенства, что и

но оно не привело къ ожидаемымъ результатамъ, потому что крѣпостнымъ имѣнено въ обязанность вносить послѣдне-состоявшуюся высшую цѣну на торгахъ за все вообще имѣніе, и при томъ на взносъ денегъ данъ самый незначительный срокъ. По первому изъ этихъ условій, на крѣпостныхъ возлагалась тяжелая обязанность уплатить очень значительную сумму, и въ замѣтъ пріобрѣсти гораздо больше земли и угодьевъ, чѣмъ сколько имъ дѣйствительно нужно; по второму же отъ нихъ требовалась уплата всѣхъ денегъ въ такой короткій срокъ, въ какой иной и капиталистъ не успѣлъ бы изворотиться.

какъ предписать и внушить; словомъ, собственное убѣжденіе и любовь укажутъ имъ пути и способы дѣйствованія ; б) слѣдовало бы подвергнуть самому внимательному пересмотру и существенно упростить всё безъ изъятія дѣйствующія нынѣ постановленія объ отпускѣ на волю крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли; ибо, напримѣръ, освобожденіе крѣпостныхъ съ землею, въ настоящее время обставлено многосложными формальностями ; в) слѣдовало бы также организовать правильнымъ образомъ и по возможности въ обширныхъ размѣрахъ, выдачу ссудъ тѣмъ крѣпостнымъ деревнямъ, селамъ и т. п., и даже отдѣльнымъ лицамъ, на увольненіе которыхъ помѣщики изъявляютъ согласіе, подъ условіемъ взноса извѣстной суммы денегъ. Потребность этой мѣры очевидна: часто бываетъ, что крѣпостные имѣютъ случай выкупиться съ землею, на довольно выгодныхъ условіяхъ, и даже деньги у нихъ есть, да не сполна вся требуемая сумма, и изъ за этого дѣло расходится. Что касается до выкупа изъ крѣпостнаго состоянія отдѣльных лицъ, то въ большихъ центрахъ, напримѣръ, въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ совершается такъ часто, что давно уже вошелъ въ разрядъ юридическихъ дѣлокъ самыхъ обыкновенныхъ. Происходитъ это такимъ образомъ: крѣпостные, не имѣя денегъ для выкупа, пріискиваютъ себѣ кредитора, который вноситъ за нихъ всю сумму, а они ее потомъ у него отслуживаютъ. Такой выкупъ, во мнѣніи простаго народа, есть дѣло благочестивое, болѣе угодное Богу, чѣмъ обыкновенная ссуда. Еслибъ былъ учрежденъ Банкъ или отдѣленія Банка для выдачи ссудъ на выкупъ, на извѣстныхъ условіяхъ, согласованныхъ съ потребностями, способами и цуждами простаго народа, то нѣтъ сомнѣнія, что, при не очень значительномъ обратномъ капиталѣ, онъ оказалъ бы самую существенную услугу дѣлу освобожденія и незамѣтно доставилъ бы волю тысячамъ людей и множеству селъ и деревень; и г) надлежало бы содѣйствовать всѣми возможными средствами образованію капиталовъ для выкупа крѣпостныхъ съ землею и безъ земли. Такими средствами могли бы служить: открытіе подписокъ, постоянныхъ и временныхъ, въ цѣлой Россіи; сборы въ церквахъ; разыгрываніе лоттерей. Слѣдовало бы не только дозволить, но поощрять составленіе обществъ, по образцу благотворительныхъ, съ цѣлю выкупа крѣпостныхъ; эти общества могли бы принимать участіе и въ составленіи договоровъ или условій между господами и ихъ крѣпостными о выкупѣ, и т. п. Многіе найдутъ, можетъ быть, всё эти способы неприличными, или, какъ у насъ говорятъ, неблаговидными; но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Если не считается неприличною подписка на выкупъ плѣнныхъ, на вспоможеніе ране-

вымъ, на покупку имъ не только пищи, бѣлья, платья, но даже лекарствъ, корпіи и разныхъ цѣлебныхъ и прохладительныхъ снадобьевъ, если никому не приходило еще въ голову считать неблаговидными пожертвованія деньгами и вещами въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, на выкупъ должниковъ изъ тюрьмы, на содержаніе бѣднаго духовенства, церквей, въ пользу войскъ, даже на покрытіе военныхъ издержекъ, то нѣтъ причины, почему бы неприлично или неблаговидно было собирать пожертвованія на упраздненіе крѣпостнаго права.

«III. Выше было замѣчено, что Императоръ Александръ I старался поставить въ крѣпостномъ правѣ на первый планъ не личность крѣпостныхъ, а землю, недвижимую собственность и къ ней такъ сказать приурочить повинности и обязанности крѣпостныхъ къ владѣльцамъ: мысль глубокая. Начать теперь развивать эту мысль во всѣхъ ея подробностяхъ едва ли было бы полезно, потому что всякая попытка опредѣлить отношенія между крѣпостными и ихъ владѣльцами, при теперешней низкой степени образованія Россіи и неустойчивѣ мѣстной администраціи и полиціи, вмѣсто того, чтобъ оградить крѣпостныхъ, повела бы только, какъ показалъ опытъ, къ усиленію взаимнаго неудовольствія господъ и крѣпостныхъ и къ безчисленнымъ новымъ, раззорительнымъ процессамъ. Поэтому, было бы осторожнѣе, даже можетъ быть справедливѣе, и во всякомъ случаѣ полезнѣе, имѣя цѣлью выкупъ и окончательное, полное освобожденіе крѣпостныхъ, ограничиться, при осуществленіи означенной выше мысли, тѣми только мѣрами, которыя, подготавливая повсемѣстное освобожденіе, въ то же время не нарушали бы матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ. Въ этихъ видахъ можно было бы: а) выкупить всѣхъ одиноворческихъ крестьянъ безъ земли. По девятой народной переписи ихъ числилось не болѣе 6,347 душъ мужескаго пола; б) окончательно запретить, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, владѣть крѣпостными безъ земли. Подобное запрещеніе существуетъ уже и теперь, но оно ослаблено изъятіями, такъ что даже до сихъ поръ есть закономъ дозволенные способы владѣть крѣпостными, не приписанными къ землѣ; в) окончательно запретить продажу и отчужденіе крѣпостныхъ безъ земли, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, потому что такія продажи даютъ поводъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, напри- мѣръ, по отправленію рекрутской повинности.

«IV. Наконецъ, для того, чтобъ имѣть возможность приступить къ повсемѣстному освобожденію помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ цѣлой Имперіи, надлежало бы собрать предварительно всѣ стати-

стическія данныя, необходимыя для составленія проекта выкупной операціи, приготовить достаточное число благонамѣренныхъ, безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ чиновниковъ, хорошо знакомыхъ съ юридическою и экономическою стороною крѣпостнаго права и расположить въ пользу освобожденія общественное мнѣніе. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, прежде всего необходима гласность. Нѣтъ сомнѣнія, что лишь только крѣпостное право и способы его упраздненія сдѣлаются предметомъ подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ печати и начнется обмѣнъ мыслей объ этомъ предметѣ,—общественное мнѣніе, подѣ влияніемъ разсужденій и преній, скоро сложится, будутъ собраны объ крѣпостномъ правѣ весьма подробныя и основательныя свѣдѣнія и данныя и образуются люди и чиновники, какіе нужны для успѣха дѣла; словомъ, всѣ необходимыя орудія для упраздненія крѣпостнаго права создадутся сами собою и станутъ въ распоряженіе правительства, а ему останется только пользоваться ими. Согласно съ этимъ, надлежало бы принять слѣдующія мѣры: 1) Для собранія статистическихъ свѣдѣній: по каждому уѣзду, въ которомъ есть крѣпостные, собрать за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ точныя и полныя данныя о томъ а) сколько въ немъ находится всего крѣпостнаго населенія; б) по сколько десятинъ земли приходится на каждую крѣпостную душу; в) сколько изъ нихъ находится въ дѣйствительномъ пользованіи крѣпостныхъ, и слѣд., будетъ подлежать выкупу; г) какая средняя цѣна десятины земли удобной—пахотной, луговой, покрытой лѣсомъ и проч. и неудобной; д) какая цѣна одной ревизской души безъ земли; е) какая средняя цѣна одной ревизской души въ общемъ составѣ населеннаго имѣнія и ж) сколько въ уѣздѣ оброчныхъ и издѣльныхъ имѣній, сколько въ тѣхъ и другихъ особливо ревизскихъ душъ, и какое въ нихъ распредѣленіе земли между владѣльцами и крѣпостными. Всѣ свѣдѣнія, собираемые такимъ образомъ и частными лицами отъ себя—печатать, не только съ дозволеніемъ подвергать ихъ строгой повѣркѣ, но съ вызовомъ къ тому всѣхъ желающихъ и знакомыхъ съ дѣломъ; 2) *въ видахъ изготовленія общественнаго мнѣнія къ упраздненію крѣпостнаго права* слѣдовало бы: а) не только разрѣшить владѣльцамъ совѣщаться между собою объ удобнѣйшихъ способахъ освобожденія крѣпостныхъ, преимущественно въ той мѣстности, гдѣ находятся ихъ имѣнія, но и поощрять ихъ къ тому; б) приглашать и поощрять къ тому же всѣ существующія въ Россіи сельско-хозяйственныя общества, къ зазаніямъ которыхъ этотъ вопросъ непосредственно относится; в) предложить профессорахъ политической экономіи и статистики во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подробно излагать и объ-

яснять на лекціяхъ пользу и выгоду освобожденія крѣпостныхъ въ промышленномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; выполнить эту задачу имъ будетъ тѣмъ легче, что наука давно уже признала это положеніе за истину неопровержимую, не подлежащую ни какому сомнѣнію; г) дозволить печатно разсуждать о трудѣ добровольномъ и принужденномъ или обязательномъ, съ вознагражденіемъ и безъ вознагражденія, и о пользѣ и вредѣ того и другаго вида для государства, общества и частныхъ лицъ, въ хозяйственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Подобныя разсужденія, привнесши бы, особливо при полемикѣ, и ту еще неисчислимую пользу, что въ весьма короткое время, въ нашемъ обществѣ сложились бы здравыя и ясныя политико-экономическія и финансовыя понятія, отсутствіе которыхъ теперь такъ ощутительно и такіа вредныя имѣетъ послѣдствія.»

Этимъ оканчивалась первоначальная записка. Она ходила по рукамъ, вызывала къ себѣ горячее сочувствіе во всѣхъ просвѣщенныхъ людяхъ, но вызывала и возраженія со стороны нѣкоторыхъ. Сообразивъ эти возраженія, авторъ прибавилъ къ своей запискѣ разсмотрѣніе слышанныхъ имъ замѣчаній. Вотъ извлеченія изъ второй части записки.

«Мысль упразднить помѣщичье крѣпостное право выкупомъ владѣльческихъ крестьянъ со всею землею, которую они на себя обрабатываютъ, вызвала много возраженій. Благодаря имъ, самый предметъ, столь важный, столь можно сказать неисчерпаемый, болѣе и болѣе уясняется съ различныхъ сторонъ.

а «Признавая въ полной мѣрѣ, что всякое замѣчаніе и возраженіе, каково бы ни было впрочемъ его достоинство, указываетъ или на недостаточную разработку предмета, или по крайней мѣрѣ на болѣе или менѣ существенные недостатки редакціи, мы считаемъ себя обязанными для пользы самаго дѣла, со всевозможнымъ вниманіемъ разобрать всѣ безъ изъятія возраженія, которыя намъ удалось слышать противъ мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ вообще и въ особенности противъ предложеннаго нами способа выкупа.

«Остановимся сперва на возраженіяхъ и замѣчаніяхъ болѣе общихъ, имѣющихъ особенную важность, и перейдемъ потомъ къ подробностямъ и частностямъ.

1.

«Многіе рѣшительно возстаютъ противъ обращенія помѣщичьихъ крѣпостныхъ, послѣ ихъ выкупа, въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, и остаются въ убѣжденіи, что послѣ освобожденія крѣпостныхъ дворянство въ Россіи никакъ сохраниваться не можетъ.

«Объ этомъ разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ:

«По освобожденіи, такъ или иначе, крѣпостныхъ людей, какое будетъ ихъ законное положеніе? Конечно, многія помѣщичья имѣнія дѣйствительно представляютъ доказательства безопасности и равноушія владѣльцевъ къ благу ихъ крѣпостныхъ; но къ счастью, число ихъ, съ успѣхами просвѣщенія, видимо уменьшается; а въ замѣнъ того, сколько же есть такихъ имѣній, въ коихъ благоустройство, зажиточность крестьянъ и образцовый во всемъ порядокъ на дѣлѣ указываютъ на государственную и административную пользу помѣщичьей власти. Чѣмъ же можно замѣнить эту власть? На кого перенести съ владѣльцевъ безчисленныя заботы по внутреннему устройству бывшихъ крѣпостныхъ общинъ и попечительство надъ крестьянами? Съ другой стороны, дворянство теперь первое сословіе въ Имперіи и пользуется привилегіями, которыя обезпечиваютъ за нимъ, частью по праву, но еще болѣе на самомъ дѣлѣ, извѣстное и при томъ довольно значительное вліяніе на общественную и государственную жизнь Россіи. Съ той минуты, какъ помѣщичьи крестьяне будутъ освобождены, и сами станутъ землевладѣльцами, дворянство неминуемо потеряетъ это важное, первенствующее значеніе, потому что не будетъ уже ни малѣйшаго основанія оставлять за нимъ тѣ привилегіи, которыми оно теперь исключительно пользуется. Потерявъ всякое отличіе отъ прочихъ сословій, оно смѣшается съ ними и по малочисленности своей затеряется въ ихъ массѣ. Можетъ ли дворянство желать такого преобразования? Но оставляя въ сторонѣ дворянство—можно ли желать его для государства и для Россіи? Еслибъ такое преобразование дѣйствительно состоялось, то нѣтъ сомнѣнія, что грубое невѣжественное большинство заглушило бы въ управленіи и общежитіи просвѣщенное меньшинство; нравы стали бы еще грубѣе, чѣмъ теперь, какъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ аристократическіе элементы стоятъ на второмъ планѣ. Азіятская основа нашего народнаго характера опять стала бы преобладать, какъ было до Петра Великаго, ибо она сдерживается единственно благодаря тому, что въ главѣ

народа и управленія стоитъ меньшинство, принявшее европейское вліяніе и нравы. И такъ, сохраненіе теперешняго положенія и роли дворянства въ Россіи есть дѣло государственной важности, а это невозможно безъ сохраненія крѣпостнаго права.

«Таковы возраженія противъ упраздненія крѣпостнаго права, которыя слышатся отовсюду, не только отъ рѣшительныхъ противниковъ этой мѣры, но даже и отъ тѣхъ, которые признають крѣпостное право несправедливымъ и во многихъ отношеніяхъ вреднымъ для Россіи.

«Въ основаніи всѣхъ изложенныхъ выше разсужденій лежитъ во-первыхъ, недовѣріе къ нашей администраціи, особливо къ вѣдомству Государственныхъ Имуществъ, во вторыхъ, убѣжденіе въ томъ, что значеніе и вліяніе должны принадлежать въ Россіи не массамъ, а просвѣщенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянствомъ.

«Съ тѣмъ и другимъ нельзя не согласиться. Мѣстное наше управленіе имѣетъ важные недостатки. Мы не станемъ также защищать мѣстнаго управленія Государственныхъ Имуществъ, хотя, признаемся, и не видимъ причины, почему бы ему именно принадлежало въ этомъ отношеніи невыгодное преимущество передъ прочими вѣдомствами. Наконецъ, нельзя не раздѣлять убѣжденія, что значеніе и вліяніе должны принадлежать образованнѣйшему сословію. Если это справедливо для всѣхъ странъ въ мірѣ, то тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ просвѣщеніе такъ мало развито въ большинствѣ народа.

«Но именно для преобразованія мѣстной администраціи, для поставленія дворянства въ то положеніе, какое ему приличествуетъ, совершенно необходимо уничтожить крѣпостное право. Последнее породило и питаетъ неудовольствіе къ дворянству въ крѣпостныхъ и недовѣрчивость въ мѣстной администраціи. Внутренній разладъ между органическими стихіями Россіи, вытекаая изъ крѣпостнаго права, съ его существованіемъ будетъ сохраняться, съ усиленіемъ его усилится, съ упраздненіемъ исчезнетъ, разумѣется, если последнее совершится безобидно для простаго народа.

«Справедливость этой мысли подтверждають и исторія и ежедневный опытъ.

«Что есть администрація? Орудіе, посредствомъ котораго верховная власть уравниваетъ различные общественные элементы, приходящіе между собою въ столкновеніе или въ соперничество. Богатые, знатные, родовитые, сильные, просвѣщенные, умные, имѣють огромныя преимущества передъ бѣдными, незнатными, безъ-

родными, слабыми, непросвѣщенными, посредственными, или глупыми, и образуютъ высшій слой человѣческихъ обществъ. Необходимое неравенство людей, — составляющее, вопреки всѣмъ теоріямъ, законъ естественный, повело бы къ чрезмѣрному преобладанію меньшей части общества надъ большинствомъ, если бы небыло верховной власти, которой призваніе, — служить между ними посредницею, охранять и защищать высшіе классы, во всѣхъ отношеніяхъ нуждающіеся въ опорѣ и покровительствѣ.

«Въ древней Россіи крестьянинъ называлъ себя царскимъ свротою, выражая тѣмъ глубокое, вполне вѣрное представленіе Русскаго народа о верховной власти и ея значеніи, и вся наша внутренняя исторія, отъ первой страницы до послѣдней, есть не что иное, какъ развитіе и примѣненіе этого основнаго воззрѣнія. Не давъ у себя развиться, по примѣру другихъ славянскихъ племенъ, феодальнымъ и олигархическимъ зачаткамъ, русскій народъ создалъ власть, какой не видалъ еще нигдѣ міръ, и объеѣе разбились всѣ бѣды, сгубившія другіе славянскіе народы. Зорко сторожили мы у себя за неприкосновенностью верховной власти, поддерживали ее всѣми силами въ шаткія времена и возстановляли, когда неблагоразуміе низводило ее съ ея несокрушимаго подножія.

«Русскій царь не дворянинъ, не купецъ, не военный, не крестьянинъ, — онъ выше всѣхъ сословій, и въ то же время всѣмъ имъ близокъ. Сила вещей непремѣнно дѣлаетъ Русскаго царя посредникомъ, верховнымъ Третейскимъ Судьею общественныхъ интересовъ, справедливымъ мѣриломъ притязаній всѣхъ классовъ и сословій. Строго, даже сурово и временами жестоко слерживали наши древніе Самодержцы притѣсненія простаго народа. Защищая слабого противъ сильнаго, они должны были мало по малу создать себѣ покорное и надежное орудіе своего призванія, чуждое интересовъ обѣихъ соперничающихъ сторонъ. Такимъ орудіемъ является, почти тотчасъ же послѣ возникновенія самодержавія, сословіе дѣлковъ и подъячихъ, зародышъ и первообразъ званія чиповниковъ. Это сословіе вербовалось изъ людей темныхъ, но болѣе или менѣе грамотныхъ и дѣловыхъ, не принадлежавшихъ ни къ какому званію, или покинувшихъ свое званіе и потому чуждыхъ всякимъ общественнымъ и сословнымъ интересамъ. Степень образованности, безкорыстія и добросовѣстности этого класса зависитъ отъ степени общаго народнаго образованія и нравственности; но какъ въ полуварварскихъ, такъ и въ высокопросвѣщенныхъ государствахъ, характеръ, значеніе и общественное положеніе этого класса остаются тѣ же, пока не измѣнятся самыя отношенія между сословіями или общественными интересами.

Русская пословица : «поссорь Богъ народъ , накорми воеводъ» навсегда останется и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ, истинною для всѣхъ въ мірѣ народовъ. Напрасно многіе думаютъ, что бюрократическое управленіе, посредствомъ чиновниковъ, можетъ быть введено или уничтожено по произволу; напрасно приписываютъ они вредъ, происходящій отъ бюрократической системы, эгоистическимъ, себлюбивымъ видамъ правительства. Бюрократія есть необходимый плодъ взаимной вражды и недовѣрія сословій и общественныхъ интересовъ, неумѣющихъ или не хотящихъ придти къ какому нибудь соглашенію. Говорятъ, что бюрократія порождена недовѣріемъ правительства къ народу. Но такъ ли это? Порядокъ вещей, при которомъ нисшіе слои общества, по необразованности, отсутствію общественнаго духа и своему положенію, совершенно подчинены вліянію высшаго сословія, а послѣднее всѣми силами стремится исключительно, эгоистически воспользоваться этимъ вліяніемъ въ свою только пользу, едва ли и заслуживаетъ довѣрія. Народъ, какъ цѣлое, тутъ не причесть. Всякому правительству, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ было бы удобнѣе управлять народомъ посредствомъ высшаго класса, который по своему положенію между верховною властью и нисшими слоями общества, могъ бы служить наилучшимъ представителемъ всенародныхъ польвъ и ходатаемъ за нихъ. Но ненормальное отношеніе высшихъ классовъ къ нисшимъ вынуждаетъ правительство питать къ первымъ нѣкоторое недовѣріе и только отчасти, съ важными ограниченіями, предоставлять имъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

«Эти выводы вполне подтверждаются у насъ на дѣлѣ. Наше мѣстное управленіе, можно сказать, основано на недовѣріи. Имъ только и объясняется глубокая тайна, окружавшая не только правительственныя распоряженія, но и просительскія дѣла, чрезвычайное сосредоточеніе въ центральныхъ государственныхъ установленіяхъ безчисленнаго множества маловажныхъ дѣлъ и бумагъ, которымъ слѣдовало бы оканчиваться въ мѣстахъ уѣзднаго управленія, и уже ни въ какомъ случаѣ не восходить далѣе губернскихъ инстанцій; чрезвычайное развитіе въ мѣстномъ управленіи начала бюрократическаго, чиновнаго, при замѣтномъ ослабленіи начала сословнаго и выборнаго. Отсюда прямо или косвенно проистекаютъ всѣ коренные недостатки теперешней нашей системы управленія, для устраненія которыхъ одно только и есть дѣйствительное, вполне надежное средство: всѣ дѣла мѣстнаго интереса и управленія, не имѣющія общей государственной важности, или даже не касающіяся въ одно и тоже время нѣсколькихъ мѣстностей, предоставить окончательному рѣшенію мѣстныхъ учреж-

депей; для этого, сословныя дѣла ввѣрить завѣдыванію выборныхъ изъ самыхъ сословій, а общія земскія дѣла — учрежденіямъ, образованнымъ частью изъ чиновниковъ, частью изъ выборныхъ, поставленныхъ въ независимое положеніе отъ исполнительныхъ властей; затѣмъ, для устраненія злоупотребленій, обыкновенныхъ спутниковъ секретнаго дѣлопроизводства, административнаго произвола, безотвѣтственности и безнаказанности, подчинить мѣстное управленіе, въ нѣкоторой мѣрѣ, контролю публичности и гласности.

«Не трудно доказать, что если привести въ исполненіе всѣ изложенныя выше мѣры, то дворянство, классъ самый пресвѣщенный, самый зажиточный, самый сильный по своему положенію и связямъ, получитъ рѣшительное вліяніе на губернское и уѣздное управленіе; въ этомъ сословіи разовьется сословный духъ, который будетъ имѣть большой вѣсъ въ цѣлой народной жизни. Не будь дворянство поставлено чрезъ крѣпостное право въ ложныя, ненормальныя отношенія къ половинѣ сельскаго населенія имперіи, правительству оставалось бы только съ радостью воспользоваться случаемъ въ одно и тоже время и облегчить государство отъ тяжкаго бремени дурнаго мѣстнаго управленія и дѣйствовать на непросвѣщенныя массы чрезъ лучшихъ, достойнѣйшихъ представителей народа. Недовѣріе скоро замѣнилось бы довѣріемъ и любовью. Крѣпостное право поставило этому непреодолимую преграду.

«Но теперь, когда крѣпостной получитъ свободу съ землею, обеспечивающею его и его семейство, — теперь дворянинъ и крестьянинъ, сдѣлавшись землевладѣльцами, придутъ въ нормальное отношеніе, будутъ имѣть одни общіе интересы, и дворянство перестанетъ опасаться необходимыхъ и полезныхъ преобразованій, и исчезнетъ недоовѣріе между ними. Простой народъ увидитъ въ дворянствѣ своего естественнаго, достойнаго довѣрія представителя, потому что, имѣя одни и тѣ же интересы съ простымъ народомъ, дворянство будетъ имѣть всѣ способы защищать ихъ для себя и вмѣстѣ для простолюдиновъ. Весь народъ сольется въ единое цѣлое, въ которомъ будутъ различенія, будутъ высшіе и низшіе классы, но не будетъ вражды и внутренней разорванности.

«Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Многіе думаютъ, что должно освободить крѣпостныхъ вовсе безъ земли, или съ одною усадьбою, или съ одною десятиною пахотной земли. Для обезпеченія крестьянъ предлагаютъ, въ замѣнъ поземельной собственности, учредить для нихъ вѣчную или продолжительную аренду въ помѣщичьихъ земляхъ, а управленіе крестьянскими общинами ввѣ-

рить владѣльцамъ дворянскихъ имѣній, но съ разными ограниченіями, посредствомъ выборовъ изъ крестьянъ. Подобныхъ комбинацій предлагается множество, съ разными варіаціями, но всѣ имѣютъ одну цѣль: удержать за дворянствомъ всю, или почти всю землю и чрезъ это освободить отъ него въ хозяйственную и политическую зависимость крестьянина. Думаютъ, что если такъ было и есть въ большой части Европы, то почему же не быть тому точно также и у насъ? Мы, съ своей стороны, совершенно не разделяемъ этого мнѣнія. Дворянство, которое съ перваго взгляда должно чрезъ это выиграть, всего болѣе потерѣтъ, ибо если теперь, когда владѣлецъ, по закону и по необходимости, еще заботится о крѣпостныхъ, послѣдніе тяготеютъ своимъ положеніемъ, то чѣмъ будетъ, когда такія заботы съ него снимутся, и въ то же время простоявшій останется на дѣлѣ въ большой или меньшей зависимости отъ бывшаго своего помѣщика? Неудовольствіе между дворянствомъ и крѣпостными обратилось бы тогда въ явную и открытую вражду, которой, конечно, никто не пожелаетъ, ни для Россіи, ни въ особенности для дворянства. Нашъ крестьянинъ не латышъ и не астомахъ, не искорененное племя, а подданный великой державы, которую самъ кормитъ и поддерживаетъ. И онъ это очень хорошо понимаетъ. Нѣтъ, для счастья Россіи, во сто кратъ лучше было бы предостановить вопросъ о крѣпостномъ правѣ судьбѣ, даже рѣшимаго случая, чѣмъ было бы рѣшить его неосновательно, противно русской исторіи, русскому духу, будущности Россіи! Для нашего крестьянина прикрѣпленіе къ землѣ началось въ то самое время, когда Европа уже столпами нутъ къ упраздненію крѣпостнаго права; мы знаемъ, по примѣру Европы, ближайшія и отдаленныя горестныя послѣдствія освобожденія крестьянъ безъ земли. Воспользуемся же этимъ опытомъ, чтобъ рѣшить вопросъ иначе, правильно, чѣмъ онъ рѣшенъ въ большей части европейскихъ государствъ. Пусть высочайшая справедливость, безпристрастіе, общая государственная и народная польза руководятъ насъ при упраздненіи крѣпостныхъ отношеній; ибо только подъ однимъ этимъ условіемъ Россія получитъ несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при которомъ невозможны будутъ междоусобія, терзающія Европу. Въмѣсто того, чтобъ поправлять старую ошибку, какъ она теперь дѣлаетъ, постараемся ее совсѣмъ не дѣлать. *А коренная ошибка есть освобожденіе крестьянъ безъ земли, или не со всю землею ими владѣемою.*

II.

«Почти всѣ убѣждены въ томъ, что необходимо произвести выкупъ разомъ въ цѣлой имперіи; а для этого потребовалось бы огромная сумма денегъ. О выпускѣ на эту сумму банковыхъ билетовъ, по отзывамъ людей специальныхъ, нельзя и думать, потому что вслѣдствіе такой операціи число кредитныхъ знаковъ, обращающихся въ имперіи, далекопревышло бы дѣйствительную въ нихъ потребность, и непремѣннымъ слѣдствіемъ этого было бы банкротство, котораго не отвратитъ капиталъ обезпеченія въ такую массу выкупной суммы.

«Можетъ быть опасенія эти и не оправдались бы на дѣлѣ; но если всѣ такъ думаютъ, то такое общее убѣжденіе уже само по себѣ дѣлаетъ подобный способъ выкупа невыполнимымъ.

«Въ замѣтъ его, люди спеціальные и практическіе предлагаютъ выпустить на всю выкупную сумму 4-хъ процентныя облигаціи, въ видѣ безсрочнаго долга, конечно съ удержаніемъ за государствомъ права выкупить эти облигаціи впослѣдствіи, когда признаетъ это нужнымъ, по курсу. Нѣтъ никакой надобности принуждать владѣльцевъ принимать эти облигаціи въ уплату за ихъ имѣнія: облигаціи могутъ быть распроданы въ Россіи и за границей, недвижимкамъ же должно быть предоставлено на волю получать уплату облигаціями или деньгами. Такая операція, по мнѣнію тѣхъ же специальныхъ людей, не представляетъ никакой опасности и никакого риска.

«Для обсужденія этого предположенія, вотъ нѣкоторые числовыя данныя.

«Если положимъ, что за каждую выкупаемую ревизскую мужескаго пола душу, съ предложеннымъ въ проэктѣ количествомъ земли, придется выплатить владѣльцамъ по средней оцѣнкѣ отъ 105 до 150 руб. сер., то съ каждой изъ этихъ душъ пришлось бы ежегодно взимать выкупнаго платежа отъ 4-хъ руб. 20 к. до 6-ти рублей.

«Этотъ расчетъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

«1) При назначеніи 105—150 руб. основаніемъ служили слѣдующія соображенія:

«а) Въ землевладѣльческихъ губерніяхъ средней полосы Россіи, имѣющихъ относительно частое народонаселеніе, какъ то: Тамбовской, Рязанской, Орловской, Тульской, Курской — имѣнія оцѣниваются не по числу душъ, а по количеству земли; надѣленіе зем-

лею крестьянъ по 6-ти десятинъ на тягло считается роскошнымъ; если въ имѣніи число тяголъ составляетъ половину числа ревизскихъ душъ, то такое отношеніе считается особенно благоприятнымъ; наконецъ средняя цѣна земли въ названныхъ губерніяхъ составляетъ отъ 35 до 50 р. сер. за десятину.

«б) Въ многоземельныхъ и малонаселенныхъ губерніяхъ южной и юго-восточной части имперіи, земля хотя несравненно дешевле, чѣмъ въ центральной Россіи, но за то тамъ, вслѣдствіе залежной системы, ея дается крестьянамъ несравненно больше.

«в) Что касается оброчныхъ имѣній промышленныхъ губерній—Ярославской, Костромской, Нижегородской и проч., то здѣсь средній оброкъ съ тягла можно положить примѣрно въ 20 руб. А какъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ, число тяголъ только въое менѣе числа душъ, то полудный оброкъ господину составитъ 10 р. сер., т. е. отъ 6% до 7% съ капитала въ 150 руб., какъ обыкновенно и оцѣняется средній доходъ съ оброчныхъ и даже съ земледѣльческихъ имѣній, кои почему либо не поставлены въ особенно выгодныя или особенно невыгодныя условія.

«2) Нѣкоторые думаютъ, что было бы несправедливо выплатить владѣльцамъ сполна, по оцѣнкѣ, всю выкупную сумму за отходящую отъ нихъ часть имѣнія и крестьянъ, потому что на владѣльцахъ лежатъ обязанности въ отношеніи къ крѣпостнымъ, которыя требуютъ денежныхъ расходовъ, и которыя съ освобожденіемъ перенесутся на самихъ крестьянъ. За это справедливость требуетъ сдѣлать соразмѣрный вычетъ изъ слѣдующаго владѣльцамъ вознагражденія.

«Противъ этого должно замѣтить, что если бы вознагражденіе владѣльцевъ предполагалось произвести по расчету чистаго и валоваго дохода отъ имѣній и по оцѣнкѣ повинностей, работъ и службъ крѣпостныхъ въ пользу помѣщиковъ, то конечно вычеты или удержанія изъ выкупной платы были бы справедливы и естественны. Но такая оцѣнка и такіе расчеты совершенно невозможны и практически невыполнимы, по отсутствію правильнаго хозяйства и счетоводства въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ, по неопредѣленности повинностей, работъ и службъ крѣпостныхъ въ пользу владѣльцевъ и совершенному отсутствію всякаго законоположенія объ этомъ предметѣ, по неразвитію промышленности, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ невозможно опредѣлить, даже приблизительно, цѣнъ на разныя работы, по недостатку просвѣщенной, хорошо устроенной мѣстной администраціи, на которую

бы можно было возложить важную, многосложную, delicate и трудную задачу точнаго вычисленія слѣдующаго владѣльцу каждаго имѣнія вознагражденія. Но если этия причины должны произвести оцѣнку имѣній по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, которая гораздо проще и вышлѣе, чѣмъ дробныя расчеты, а при такой оцѣнкѣ нѣтъ причины дѣлать вычеты изъ выкупной суммы, потому что мѣстные цѣны на имѣнія не могли составиться безъ соображенія разныхъ по нимъ расходовъ.

III.

«Владѣльцы населенныхъ издѣльныхъ или барщинныхъ имѣній въ губерніяхъ земледѣльческихъ, какъ средней полосы, такъ въ особенности Малороссійскихъ, убѣждены, что въ случаѣ выкупа крестьянъ со всею землею, которую они на себя обрабатываютъ, послѣдніе до такой степени были бы обезпечены въ способахъ существованія, что по свойственной земледѣльческому населенію привычкѣ довольствоваться малымъ, и по врожденной жителямъ южныхъ краевъ лѣни и безпечности, они долго и не подумали бы наниматься въ работники у бывшихъ своихъ помѣщиковъ, или нанимать у нихъ землю, а стали бы довольствоваться тою землею, которая останется ихъ собственностію; помѣщики же, отъ совершеннаго недостатка въ рабочихъ и въ арендаторахъ, были бы поставлены, по крайней мѣрѣ сначала на довольно продолжительное время, въ самое затруднительное положеніе, а менѣе достаточные успѣли бы между тѣмъ совершенно раззориться.

«Этого возраженія нельзя не признать заслуживающимъ уваженія. Но сохраненіе за крестьянами всей земли, которую они теперь на себя владѣютъ, мы считаемъ, по изложеннымъ въ проэктѣ и въ настоящей запискѣ основаніямъ, до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ существенно важнымъ условіемъ освобожденія, что для устраненія нѣкоторыхъ, хотя и вредныхъ, но во всякомъ случаѣ временныхъ его послѣдствій, по нашему убѣжденію, невозможно пожертвовать главнымъ, основнымъ началомъ, и оставить крестьянъ безъ земли, или же съ количествомъ земли для нихъ недостаточнымъ. При томъ же можно, кажется, пособить дѣлу разными косвенными, временными мѣрами, а именно: обязать выкупленныхъ крѣпостныхъ, на извѣстный срокъ, отбывать въ пользу бывшихъ ихъ владѣльцевъ извѣстныя, закономъ опредѣленныя работы, повинности и службы, въ извѣстномъ, закономъ же опредѣленномъ количествѣ и за денежную плату со стороны помѣщиковъ, по устано-

вленной закономъ такъ. Эта мѣра не только обезпечила бы владѣльцамъ нужныя для нихъ хозяйства рабочія силы, но дала бы и самимъ крестьянамъ надежное средство аккуратно и сполна выплачивать ежегодный выкупной сборъ. Можно было бы даже, для совершеннаго обезпеченія этихъ платежей, постановить правиломъ, что заработанные крестьянами у ихъ бывшихъ помѣщиковъ деньги вносятся послѣдними отъ себя въ уплату слѣдующаго съ крестьянъ ежегоднаго выкупнаго сбора, и только излишекъ выдается крестьянамъ на руки. Но для помѣзы, какъ владѣльцевъ, такъ и самихъ крестьянъ, необходимо при опредѣленіи работъ и службъ принять за правило, чтобы: 1) число работниковъ и работницъ было назначено съ общины, а не съ дома или тягла; 2) крестьянамъ предоставлено было право, вмѣсто себя, посылать на работу наемныхъ людей; 3) никакія другія обязанности, кромѣ прямо относящихся къ земледѣлію, на крестьянъ возлагаемы не были; 4) эти обязанности или повинности были ограничены самою необходимою потребностію владѣльца, безъ малѣйшаго излишества; 5) помѣщику предоставлено было право не пользоваться рабочими, если въ нихъ не нуждается, и въ такомъ случаѣ и не платить имъ узаконенной платы; 6) чтобы работы были опредѣлены съ возможною точностію и возможными соблюденіемъ пользы крестьянъ; такъ на прим., чтобы владѣлецъ не имѣлъ права переносить рабочихъ дней изъ одной недѣли въ другую, замѣнять одну работу другою по произволу, требовать коннаго рабочаго вмѣсто пѣшаго, работника вмѣсто работницы, увеличивать урокъ или число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ и т. под.; 7) урочныя положенія были составлены по каждому роду работъ, принимаясь къ мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ.

IV.

«Кромѣ изложенныхъ главныхъ возраженій на проектъ, слѣданы еще нѣкоторыя другія, не столь существенно важныя замѣчанія, на которыя однако мы тоже считаемъ обязанностию отвѣчать, по крайнему разумѣнію.

«1) На какомъ основаніи слѣдуетъ произвести освобожденіе дворовыхъ?

«О дворовыхъ не сказано въ проектѣ особаго, потому что они разувѣются вообщю подъ крѣпостными приписанными къ нимъ, и нѣтъ основанія отдѣлять дворовыхъ отъ крестьянъ; ибо есть дворовые, несущіе тягло, и есть крестьяне, служащіе помѣщи-

камъ лично, и не имѣющіе тяглоаго поземельнаго участка. Такимъ образомъ, различіе ихъ несущественно, и почти не возможно провести между этими двумя разрядами крѣпостныхъ точной разграничительной черты. При томъ же это и совершенно не нужно. Сколько есть и теперь приписанныхъ къ деревнямъ и селамъ крестьянъ, которые не имѣютъ въ нихъ поземельнаго владѣнія, а между тѣмъ числятся по припискѣ при своихъ крестьянскихъ общинахъ и вносятъ съ ними подати и повинности? Въ такомъ же точно положеніи могутъ находиться и дворовые послѣ освобожденія. Тамъ, гдѣ цѣнность имѣній опредѣляется цѣнностію земли, съ переложеніемъ податей и повинностей на землю, распределяются по владѣнію и ежегодные выкупные платежи, и тогда на приписанныхъ къ выкупленнымъ имѣніямъ дворовыхъ, немѣющихъ тягловыхъ участковъ, останутся только личныя повинности, какъ то: рекрутская, по выборамъ въ разныя должности и по сословнымъ или мірскимъ складкамъ и т. под. Если же имъ почему либо окажется неудобнымъ принадлежать къ выкупленнымъ сельскимъ обществамъ, то они припишутся къ тому или другому городу, смотря по удобству. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность имѣній опредѣляется не только цѣнностію земли, но и стоимостію труда, на выкупленныхъ дворовыхъ должна быть зачислена опредѣленная, по расчету, часть выкупной суммы, и проценты съ нея взыскиваться съ нихъ въ видѣ поголовной подати, къ какому бы состоянію выкупленный дворовый впоследствии ни приписался. Такъ какъ эта часть не можетъ быть значительна, то можно будетъ даже, для упрощенія расчетовъ, взыскать ее съ выкупленныхъ дворовыхъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, уравнивъ ихъ, по взносѣ всей выкупной суммы, въ платежахъ съ тѣми званіями, къ которымъ они припишутся. Наконецъ, что касается до круглыхъ бобылей и бездомниковъ изъ дворовыхъ, которые по старости, болѣзнямъ, или по недостатку умственныхъ способностей не могутъ кормиться сами собою, а также малолѣтнихъ и сиротъ, то всѣ они поступать по выкупѣ на попеченіе сельскихъ обществъ, къ которымъ приписаны, какъ поступаютъ теперь подобныя лица изъ крестьянскаго званія на попеченіе міра.

«2.) На какомъ основаніи должна быть произведена раскладка ежегодныхъ выкупныхъ платежей между выкупленными крѣпостными?

«Самый нормальный, самый правпльный способъ раскладки конечно былъ бы по поземельному владѣнію и промысламъ, уравнимый если не въ цѣлой Имперіи, то по крайней мѣрѣ по каждой губерніи. Но такая раскладка предполагаетъ оцѣнку земли и промысловъ, которая потребовала бы много труда и времени. По этому,

чтобъ не замедлить и не усложнить дѣла освобожденія, едва ли не было бы полезнѣе на первый разъ зачислить долги на каждаго выкупленнаго имѣніи сполна всю заплаченную за него владѣльцу выкупную сумму, которая и распредѣлится между приписанными къ тому имѣнію, подобно прочимъ податямъ и повинностямъ. Затѣмъ, тотчасъ же по освобожденіи цѣлаго какого нибудь уѣзда, можетъ быть немедленно произведено уравненіе выкупныхъ платежей между всѣми выкупленными имѣніями того уѣзда, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ цѣлой губерніи—между всѣми выкупленными имѣніями той губерніи.

«3.) Многие думаютъ, что слѣдовало бы предоставить крѣпостнымъ право выкупаться безъ земли, за опредѣленную закономъ цѣну, даже безъ согласія владѣльцевъ.

«Объ освобожденіи крѣпостныхъ безъ земли подробно говорено выше при изложеніи плана выкупа, и въ настоящей запискѣ. Прибавимъ, что дозволеніе крѣпостнымъ выкупаться безъ земли, лишивъ владѣльческія имѣнія самыхъ богатыхъ, самыхъ промышленныхъ крестьянъ, обратило бы лучшее сельское населеніе въ неосѣдлыхъ бездомниковъ. Не думаемъ, чтобъ правительство, въ общихъ государственныхъ видахъ, могло согласиться на подобную мѣру, которая, въ-добавокъ, поставила бы крѣпостныхъ еще болѣе въ ложныя и щекотливыя отношенія къ владѣльцамъ, чѣмъ теперь. Если подобную мѣру допустить возможно, то только развѣ въ отношеніи къ дворовымъ, не имѣющимъ тягловаго участка и не занимающимся сельскими промыслами. Но и въ такомъ случаѣ нужно приступить къ дѣлу весьма осторожно и обдуманно, потому что, какъ выше замѣчено, между сословіемъ крестьянъ и дворовыхъ рѣзкой разграничительной черты нѣтъ.

«4.) Нѣкоторые утверждаютъ, что нѣтъ надобности выдавать владѣльцу всю выкупную сумму сразу, можно ее выплатить въ нѣсколько сроковъ, потому что поставленіе помѣщичьихъ хозяйствъ, послѣ освобожденія крѣпостныхъ, на новую ногу, очень большихъ издержекъ не потребуетъ, а между тѣмъ, большинство дворянства избѣжитъ опасности, къ крайнему своему раззоренію, растратить всю полученную имъ выкупную сумму непроизводительно, и чрезъ это придти въ безвыходное положеніе.

«Постепенная выплата помѣщикамъ выкупной суммы конечно чрезвычайно упростила и облегчила бы выкупную операцію; но обязать ихъ довольствоваться посрочнымъ полученіемъ капитальной суммы, безъ ихъ на то согласія, едва ли было бы справедливо и полезно для государства. Имѣнія оброчныя, малоземельныя, бу-

дуть подлежать выкупу въ желномъ составѣ, такъ что изъ владѣльцамъ придется или купить другія земли, или обратиться къ какой-нибудь отрасли обрабатывающей промышленности. Въ томъ и другомъ случаѣ, имъ понадобятся капиталы, болѣе или менѣе значительныя, и въ выплатахъ ихъ немедленно по цѣнѣ освобождаемаго имѣнія Правительство, по справедливости, отказать не можетъ, не поставивши самого себя въ необходимость принять на свое попеченіе всѣхъ дворянъ, раззорившихся отъ неполученія разомъ слѣдующей имъ за имѣнія суммы. То же самое должно сказать и обо всѣхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, которымъ будутъ причитаться суммы столь незначительныя, что при разсрочкѣ онѣ станутъ совершенно ничтожны, и послужатъ развѣ только для кратковременнаго пропитанія получателей.

«Многіе предлагаютъ выдавать помѣщикамъ проценты за непоплаченную имъ часть выкупныхъ денегъ; но эта мѣра, по изложеннымъ причинамъ, не могла бы замѣнить полученія капитальной суммы и при томъ, какой назначить процентъ? Четыре — было бы ниже того, что даетъ имѣніе, а больше — было бы тяжело для крестьянъ или для государства. — О замѣчаніи же, что дворяне могутъ воспользоваться выплаченными имъ суммами не такъ, какъ слѣдуетъ добропорядочнымъ хозяевамъ, мы право не знаемъ, что и сказать. Оно похоже на то, какъ если бы правительству рекомендовали представить къ каждому купцу по чиновнику, для наблюденія за тѣмъ, что бы онъ правильно велъ свои коммерческіе обороты и конторскія книги, ибо купецъ можетъ же иногда повести дурно свои дѣла и промотаться, или обанкротиться. Конечно, будутъ помѣщики, которые послѣ выкупа раззорятся. Но развѣ нѣтъ такихъ и теперь? По аналогіи, слѣдовало бы уже отнынѣ запретить выдавать имъ деньги подъ залогъ имѣній. Всѣ подобныя опасенія, вытекающія изъ совершенно ошибочнаго взгляда на святой долгъ Правительства заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, къ счастью, не имѣютъ основанія; большинство дворянства давно уже принялось за умъ и по немногу распутываетъ гордіевы узлы, завѣщанные ему болѣе безпечною, менѣе предусмотрительною эпохою. И это направленіе успивается, а не ослабляется. Беззаботныхъ людей стало въ Россіи очень мало. Это племя теперь почти переводится.

«5) Многіе предвидятъ затрудненія при уступкѣ крестьянамъ владѣемой ими нынѣ помѣщичьей земли въ томъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянское и помѣщичье поля не отведены къ однимъ мѣстамъ, а лежатъ чрезполосно. Пока все имѣніе принадлежитъ одному владѣльцу, это не представляетъ никакихъ неудобствъ; но когда крестьяне, въ границахъ теперешнихъ своихъ

новой, стѣснуть самостоятельными землепашцами, положеніе измѣнится. Между бывшими помещиками и его бывшими крепостными начнутся непрерывныя столкновенія, тяжбы и споры, слезы, обнаружатся всѣ общественныя послѣдствія череполовщины.

«Въ отношеніи къ многимъ имѣніямъ, замѣчаніе это имѣетъ справедливо, хотя нельзя утверждать, что всѣ имѣнія болѣе или менѣе находятся въ такомъ положеніи. По этому, крайне было бы ошибочно, въ предположеніи означенныхъ затрудненій, поручить одѣлочнымъ комиссіямъ по выкупу крестьянъ, во всѣхъ выкупаемыхъ имѣніяхъ произвести черезполосное размежеваніе между помещиками и крестьянами; ибо чрезъ это крайне усложнилось и замедлилось бы исполненіе главнѣйшихъ обязанностей комиссій по отводу земель и оцѣнкѣ выкупаемыхъ имѣній. И такъ, всего правильнѣе было бы, кажется, дать этимъ комиссіямъ право производить черезполосное размежеваніе въ тѣхъ только случаяхъ, когда оставленіе черезполоснаго владѣнія въ выкупаемыхъ имѣніяхъ было бы, по особенно важнымъ причинамъ, совершенно невозможно, наприм., еслибы владѣлецъ, или крестьяне, оставаясь въ настоящихъ границахъ землепашества, были отрѣзаны отъ воды или не имѣли доступа на пашнища, пашни, луга и т. под. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такой крайней необходимости измѣнить порядокъ землепашества, лучше, кажется, предоставить уничтоженіе черезполосности обыкновенному ходу этихъ дѣлъ, чтобы не отягачать одѣлочныхъ комиссій отъ отвода земель и оцѣнки имѣній.

«6) Многіе думаютъ такъ: если принять за правило, что помещичьи крестьяне должны быть выкуплены со всею землею, которою владѣютъ, то всѣ почти оброчныя имѣнія вышлѣ бы изъ частнаго владѣнія въ полномъ составѣ и владѣльцамъ ничего бы въ нихъ не осталось. Но чрезъ это въ очень многихъ случаяхъ были бы нарушены завѣтныя, фамиліиныя воспоминанія преданія, связующія старинныя дворянскія семейства съ ихъ родовыми вотчинами, и при томъ, послѣдствіе такой системы выкупа, во многихъ губерніяхъ дворянство исчезло бы совсѣмъ.

«Противъ этого замѣтимъ, что всѣ важныя государственныя преобразованія всегда имѣютъ, при существенно хорошихъ сторонахъ, нѣкоторые свои неудобства. Фамиліиныя воспоминанія, конечно, заслуживаютъ всякаго уваженія; но нельзя же жертвовать для нихъ общими государственными и народными пользами. Съ другой стороны, должно замѣтить, что въ большей части оброчныхъ имѣній владѣльцы сами не живутъ, а слѣд. и воспоминанія, связующія эти имѣнія съ ихъ родовыми владѣльцами, припадаютъ въ упадокъ и забвеніе. Съ точки же зрѣнія государственной и экономической

волею, и справедливости, выкупа оброчныхъ имѣній въ полномъ ихъ составѣ никакъ нельзя отвергать. Оброчная имѣнія преобладаютъ преимущественно въ губерніяхъ малоземельныхъ и промышленныхъ, гдѣ сословіе большихъ вотчинныхъ землевладѣльцевъ въ дѣйствительности не существуетъ, потому что тамъ большая часть помѣщичьихъ имѣній суть оброчныя, въ которыхъ всю землю и угодьями владѣютъ крестьяне, а имѣній барщинныхъ или пахотныхъ очень мало. Притомъ же у насъ есть цѣлые края, даже не промышленные, а земледѣльческіе, гдѣ дворянства нѣтъ вовсе, и однако отсюда не происходитъ никакого неудобства ни для Государства, ни для управленія, ни для самой страны. Замѣтимъ, что въ промышленномъ, не земледѣльческомъ краю, вліяніе и значеніе собственно принадлежитъ богатымъ промышленникамъ, а небольшимъ землевладѣльцамъ. Слѣд. и въ этомъ случаѣ выкупъ всей земли, владѣемой крестьянами, будетъ имѣть наилучшія послѣдствія, водворяя нормальныя отношенія тамъ, гдѣ крѣпостное право рождаетъ теперь искусственныя явленія въ области хозяйства и промышленности, а владѣльцы ничего отъ того не потеряютъ, потому что получать полное вознагражденіе за все свое имѣніе.

•У) Въ изложеніи проекта, въ выводѣ, по поводу вопроса, съ какимъ количествомъ земли должны быть выкуплены крѣпостные, замѣчено, между прочимъ, что для южныхъ и юго-восточныхъ губерній, гдѣ существуетъ система залежей и обрабатываемая пашня мѣняется; нельзя опредѣлить по владѣнію ту землю, которая подлежитъ высту съ крестьянами выкупу, а надобно назначить закономъ ея количество. Противъ этого замѣчаютъ, что для опредѣленія этого количества не трудно постановить общее правило. Въ каждомъ имѣніи извѣстно, сколько земли дается на каждое тягло подъ ежегодную распашку, сколько лѣтъ такая или другая земля можетъ быть сразу обрабатываема и потомъ должна быть оставляема въ залежи. По этимъ даннымъ можно совершенно точно опредѣлить, сколько земли должно быть выкуплено въ данномъ имѣніи: для этого надо раздѣлить число тѣхъ, въ продолженіе которыхъ земля остается въ залежи, на число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ можно сразу воздѣлывать ораву и ту же пашню; потомъ прибавить къ частному числу единицу, и сумму помножить на число десятинъ, какое ежегодно дается подъ запашку каждаго тягла, наконецъ, это произведеніе слѣдуетъ помножить на число тяголъ въ имѣніи; послѣдній результатъ и опредѣлитъ съ точностію количество пахотной земли, подлежащей выкупу въ имѣніи южнаго и юго-восточнаго края. Такимъ образомъ, положивъ, наприкладъ, что въ данной мѣстности земля пахотна сразу четыре года и отавляется въ залежи двѣнадцать, —

ежегодная запашка каждого тягла = 5 дес., а число тягловъ въ мѣ-
нѣ = 50, найдемъ, что въ томъ мѣнѣ будутъ подлежать выкупу
 $(\frac{1}{4} + 1) \times 5 \times 50 = 1000$ десятинъ, то есть, по 20 дес. на тя-
гловъ по 10 дес. на душу; ежегодная запашка составитъ 250 дес.;
отъ оставленія въ земли первыхъ 250 дес., прочія 750 дес., раз-
дѣленныя на три участка, по 250 дес. каждый, будутъ воздѣлываться
по четыре года, вслѣдствіе чего, къ первому возвратятся опять
ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ.

«Это правило для разсчета количества десятинъ земли, подлежа-
щей выкупу въ южныхъ и юго-восточной губерніяхъ, вполне спра-
ведливо, и имъ должно бы воспользоваться при составленіи инструк-
ціи для оцѣночныхъ комиссій.

«8) Многие думаютъ, что совершенно необходимо дать оцѣноч-
нымъ комиссіямъ въ руководство какія нибудь положительныя
основанія для произведенія оцѣнки выкупаемыхъ мѣнѣй, иначе
произволу членовъ комиссій и проискавъ неблагонамѣренныхъ
владельцевъ откроется слишкомъ большой просторъ. Полагаютъ,
что такимъ основаніемъ могли бы служить; для каждой мѣстности,
среднія цѣны, выведенныя изъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ
между частными лицами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, но
отнюдь не изъ аукціонныхъ продажъ. Полагаютъ, что разниця вы-
веденныхъ изъ крѣпостей среднихъ цѣнъ противъ дѣйствительныхъ,
если бы и оказалось, была бы самая ничтожная.

«Опасеніе, выражаемое этимъ мнѣніемъ, конечно, очень основа-
тельно и справедливо. Но мѣра, предлагаемая для ограниченія про-
извола оцѣнщиковъ, встрѣтила бы единогласныя и справедливыя
возраженія и жалобы со стороны помѣщиковъ. Цѣны населенныхъ
мѣнѣй никогда не означаются въ крѣпостныхъ актахъ выше уста-
новленныхъ закономъ наименьшихъ цѣнъ, по разсчету которыхъ
взимаются гербовыя и крѣпостныя пошлины; въ дѣйствительности
же онѣ всегда, постоянно, гораздо выше ихъ. Слѣдовательно, при-
нять за основаніе цѣны, показанныя въ купчихъ, значило бы умень-
шить противъ дѣйствительности слѣдующее владѣльцамъ вознагра-
жденіе за крестьянъ и за землю, вопреки справедливости и въ
ущербъ владѣльцамъ. Конечно, во всѣхъ отношеніяхъ было бы
весьма желательно найти какое нибудь постоянное мѣрило оцѣнки;
для огражденія интересовъ тѣхъ, которые сами почему либо не мо-
гутъ отстаивать свои права и пользы. Но, къ сожалѣнію, мы ничего
въ этомъ родѣ не знаемъ и не придумаемъ. Самымъ надежнымъ ру-
ководствомъ все таки остается выборъ въ оцѣночныя комиссіи
честныхъ и знающихъ людей, хотя бы даже одного представителя
или прокурора. Мы не хотимъ вѣрить, чтобы въ цѣлой Имперіи

нельзя было приискать какихъ нибудь четырехъ сотъ или пяти сотъ совершенно честныхъ и порядочныхъ чиновниковъ, особливо назначить имъ порядочное содержаніе. Если въ то же время объяснить выкупаемымъ крестьянамъ, что земля по выкупѣ будетъ принадлежать имъ на правахъ собственности, что они сами будутъ ее оплачивать, и что, слѣдственно, имъ самимъ будетъ выгодно не дать переплнить ее, чтобъ не платить лишняго, то, безъ сомнѣнія, крестьяне сами будутъ наилучшими блюстителями своихъ выгодъ. Кто не видалъ и не знаетъ, по собственному опыту, какъ хорошо нашъ крестьянинъ понимаетъ свое положеніе и свои выгоды? Особливо это выказывается при полюбовныхъ чрезполосныхъ размежеваніяхъ. Владѣлецъ никогда не сдѣлаетъ такъ основательно и твердо отстаивать крестьянскаго поля въ своихъ помѣстьяхъ, какъ сами крестьяне, и кто заботится о томъ, чтобъ сохранить это поле безъ уменьшенія въ качествѣ или количествѣ, тому стоитъ только поручить это самимъ крестьянамъ.

«Желаніе найти основаніе оцѣнки, имѣеть, кромѣ изложенной стороны, еще и другую. Оно предполагаетъ, что для каждаго уѣзда (такъ какъ оцѣночныя комиссіи должны быть учреждены по уѣздамъ) будутъ постановлены однѣ общія, нормальныя цѣны, и по нимъ будетъ дѣлаться расчетъ выкупной суммы, слѣдующей владѣльцамъ населенныхъ имѣній, посредствомъ умноженія этихъ цѣнъ на число ревизскихъ душъ или десятинъ земли, подлежащихъ выкупу. Не споримъ, что подъ такую гуртовую или валовую оцѣнку дѣйствительно подойдетъ самое значительное число выкупаемыхъ имѣній, но за то въ нѣкоторыхъ, и даже во многихъ случаяхъ, такая оцѣнка была бы неправою.

«Кто не знаетъ, что смотря по мѣстоположенію, удобству для сбыта произведеній, промысламъ и достатку крестьянъ, цѣна имѣній колеблется между суммами, очень далеко отстоящими одна отъ другой? Конечно, при низкихъ среднихъ цѣнахъ, крестьяне этихъ имѣній, чрезъ гуртовую оцѣнку, значительно бы выиграли; но за то многіе владѣльцы значительно бы потеряли, и потеряли бы незаслуженно. Поэтому мы думаемъ, что оцѣнку имѣній, находящихся въ исключительномъ положеніи, справедливо было бы производить особливо, назначая по нимъ особливую выкупную сумму, большую или меньшую противъ средней, не стѣсняясь послѣднеею.

9) Очень многіе находятъ, что способъ выкупа и расчеты по уплатѣ крестьянами капитальнаго долга и процентовъ изложены въ проектѣ невольно.

«Хотя полененіе этого способа, собственно говоря, уже излишне, востѣ того, какъ мы предлагаемъ въ настоящей запискѣ другую;

болѣе удобопримѣнимую систему выкупа; однако, такъ какъ нѣтъ общаго мнѣнія объ этомъ, могутъ быть различны, то мы поставили себѣ въ обязанность изложить, для желающихъ, предложенный въ прошлой запискѣ способъ выкупа наглядно, примѣрами.

«Положимъ, что въ нѣмнѣ, подлежащемъ выкупу, считается 100 душъ, и каждая изъ нихъ оцѣнена, съ выкупаемою землею, въ 125 р. сер., такъ что слѣдовало бы уплатить владѣльцу за нѣмнѣ 12,500 р. сер. По предположенной первоначально выкупной операціи, положенной въ проектъ, банкъ выплачиваетъ эту сумму владѣльцу билетами, обезпечивая ее металлическимъ фондомъ въ $\frac{1}{2}\%$ ея части, а именно 2,083 $\frac{1}{2}\%$ руб. Если выкупъ билетовъ разложить на 37 лѣтъ, то крестьянамъ означеннаго нѣмнѣ пришлось бы выплачивать ежегодно:

одну тридцать седьмую часть всей выкупной цѣны, — (почти).	338 руб.
$\frac{1}{2}\%$ со всей выкупной цѣны, на покрытие издержекъ выкупной операціи	62 руб. 50 коп.
5% съ капитала обезпеченія, такъ какъ послѣдній былъ бы занятъ подъ эти проценты, — (почти).	104 руб. 50 коп.

Всего. 505 руб.

что составить нѣсколько болѣе 5-ти руб. сер. съ души.

«Эти платежи уменьшались бы съ каждымъ годомъ, сначала только вслѣдствіе того, что по мѣрѣ выкупа капиталной суммы, ежегодный полупроцентный сборъ постоянно бы уменьшался, и такъ продолжалось бы до выкупа $\frac{1}{2}\%$ частей всей выкупной суммы, когда металлическій фондъ обезпечивалъ бы наконецъ эту сумму не въ $\frac{1}{2}\%$ часть, а уже рубль за рубль. Съ этой минуты ежегодные взносы стали бы еще быстрѣе уменьшаться, потому что не только цифра полупроцентнаго сбора продолжала бы по прежнему ежегодно упадать, но сверхъ того и сумма 5—процентнаго сбора за капиталъ обезпеченія стала бы тоже постепенно уменьшаться, такъ что съ той минуты, когда выкупная сумма стала бы меньше капитала обезпеченія, справедливость требовала бы взимать пятипроцентный сборъ не со всего капитала обезпеченія, а только съ той его части, которая обезпечиваетъ недоплаченную выкупную сумму рубль за рубль. Такимъ образомъ, когда послѣдняя будетъ составлять 2083 $\frac{1}{2}\%$ руб. сер., то-есть сравняется съ капиталомъ обезпеченія; пятипроцентный сборъ будетъ еще такой же, какъ съ самаго начала; но когда первый станетъ меньше втораго, напримѣръ, не

свыше 1500 р., то было бы несравненно предпочтительнѣе взимать шти-типроцентный сборъ, но прѣмуществу, со всего фонда обезпеченія, а пришлось бы ограничиться взиманіемъ его только съ 1500 р. сер., обезпечивающихъ выкупную сумму рубль за рубль.

«По поводу этой системы выкупа нѣкоторые замѣчаютъ, что если уже держаться въ точности принятаго начала, то капиталъ обезпеченія могъ бы также уменьшаться постепенно, но мѣръ уплаты выкупной суммы, такъ чтобъ онъ всегда составлялъ не болѣе $\frac{1}{4}$ части послѣдней. По этому, начавъ выкупъ нѣмѣй не всѣхъ въ одинъ годъ, а разложивъ эту операцію на нѣсколько лѣтъ, можно было бы удовольствоваться фондомъ обезпеченія гораздо менѣе $\frac{1}{4}$ части всей выкупной суммы. Сопоразмѣрно съ тѣмъ уменьшился бы и процентъ. Но такое ежегодное измѣненіе платежей было бы въ практикѣ весьма неудобно, а потому можно было бы сдѣлать расчетъ на подобіе того, какъ рассчитываются проценты съ погашеніемъ капитала, т. е. положивъ постоянную цифру процентовъ, но меньшую чѣмъ вышеприведенная. На это есть свои правила и теорія.

«Замѣчаніе это вполне заслуживаетъ внимательнаго обсужденія.

«10) Кромѣ исчисленныхъ замѣчаній, сдѣлано было еще и то, что нигдѣ прямо не высказано, хотя и разумѣется само собою, что по освобожденіи крѣпостныхъ всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ, а также всякая отвѣтственность владѣльцевъ за бывшихъ крѣпостныхъ передъ правительствомъ, совершенно прекращается. Съ благодарностію упоминаемъ здѣсь и объ этомъ замѣчаніи вмѣстѣ съ прочими.»

Читатель видитъ, что многія изъ мѣръ, предлагаемыхъ въ этой запискѣ, уже приводятся въ исполненіе. Онъ видитъ съ другой стороны, что во многихъ случаяхъ законодательная власть призвала возможнымъ придать болѣе широты своимъ мѣрамъ, нежели какъ ожидалъ авторъ записки, — и конечно, тѣмъ лучше оправдались принципы, принятые въ основаніе этой записки и существенно одинаковые съ основаніями, которые полагаются дѣлу освобожденія крестьянъ Высочайшими рескриптами. Изъ этого пока мы выводимъ то слѣдствіе, что дѣло освобожденія поведено именно тѣмъ способомъ, какого желало многочислѣннѣйшее большинство просвѣщенныхъ людей, вообще раздѣляющихъ коренные принципы,

положенные въ основаніе плану, развитому въ приводимой нами запискѣ.

Мы поставляемъ эту записку, какъ формулу соединенія для людей, подобно намъ сочувствующихъ основными убѣжденіямъ автора ея. Что касается подробностей, излагаемыхъ запискою, многія изъ нихъ конечно могутъ видоизмѣниться вслѣдствіе всесторонняго обсужденія частныхъ дѣла, въ ней разсматриваемаго, — въ слѣдующей статьѣ мы будемъ говорить о нихъ, слѣдуя тому пути, который указанъ самимъ авторомъ записки, собравшимъ и обсудившимъ, во второй части ея, возраженія и замѣчанія порожденныя его первоначальнымъ проектомъ.

Теперь, когда настала эпоха гласности для разсмотрѣнія вопроса о способахъ выкупа, мы слышимъ очень много и конечно прочтемъ и услышимъ еще болѣе замѣчаній на систему, которую мы принимаемъ въ главныхъ ея чертахъ. Мы не замедлимъ разсмотрѣть эти замѣчанія.

МУЖЬ.

На долго ли опять мой уголь посѣтила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этотъ разъ собою воплотила?
Чьей рѣчью ласковой съумѣла подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факелъ вдохновенный!
Пой, добрая! Въ тиши признаю голосъ твой
И стану, трепетный, коленнопреклоненный,
Припоминать слова, пропѣтыя тобой.

Какъ сладко, позабывъ житейское волненье,
Отъ чистыхъ помысловъ пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновение, —
И вѣчно-дѣвственнымъ словамъ твоимъ внимать!

Пошли, небесная! ночамъ моимъ безсоннымъ
Еще блаженныхъ словъ, и славы, и любви;
И нѣжнымъ именемъ, едва произнесеннымъ
Мой трудъ задумчивый опять благослови.

А. ФЕТЬ.

ВОЛЬНАЯ ПТАШКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

По снѣжной дорогѣ тащилась большая рогожная повозка. Тройка была запряжена гусемъ, потому что идти въ рядъ было ей негдѣ; но и тутъ переднія лошади то и дѣло попадали въ навѣянныя съ боковъ сугробы. Длинному кнуту было много дѣла: онъ безпрестанно взвизгивалъ и щелкалъ, вытягивая лошадей въ струнку. Ямщикъ, впрочемъ, былъ, видно, неопытный: тонкій кончикъ кнута часто захлестывался за дугу коренной, и не мало было труда всякій разъ отцѣплять его, не слѣзая съ козелъ. Лошади словно чуяли неловкость ямщика и плелись чуть не шагомъ. А между тѣмъ до станціи оставалось еще далеко.

Дорога была степная; только тонкія, полузанесенныя вехи обозначали ее. И справа, и слѣва лежали бѣлыя пустынные пространства, на которыхъ только изрѣдка чернѣлъ гдѣ нибудь вдали тощій кустарникъ. Верстъ не попадалось навстрѣчу. Дорога шла, какъ водится, зимнимъ объѣздомъ, который обыкновенно изобрѣтается неизвѣстно почему, не представляя ни болѣе краткости, ни болѣе удобства, чѣмъ лѣтняя дорога.

Повозка была и тяжела, и неуклюжа. Широкіе отводы, часто врѣзывавшіеся въ снѣгъ, вѣрно не мало помогали тихой ѣз-

дѣ. Рогожные запоны были на глухо застегнуты, потому что на вѣтрѣ дулъ холодный вѣтеръ, съ какой-то дикой радостью крутя снѣгъ и по дорогѣ, и по сторонамъ. Солнце только проглянуло, и спряталось. По небу мутно клубился сѣрый туманъ, не разсыпаясь снѣгомъ. Не было еще и полудня.

На облучкѣ сидѣлъ лакей въ полушубкѣ и въ сѣрой мохнатой шапкѣ. Онъ не зябъ, потому что согрѣлся на станціи изряднымъ стаканомъ водки, и больше отъ скуки постукивалъ промерзлыми валенками. Разговоръ съ ямщикомъ не вязался: ямщикъ былъ моргослѣпый чувашанинъ, и порусски говорилъ такъ, что ничего не разберешь. Погонять его падошло, потому что это не помогало, и лакей сидѣлъ молча, и думалъ. Лицо у него было не старое, довольно красивое и очень глупое. Когда онъ задумывался, глаза его, сѣрые, какъ два стертыхъ гривенника, смотрѣли совершенно безсмысленно. А между тѣмъ онъ часто думалъ вовсе не глупо.

«Какое житье-то въ губерніи славное!» думалъ онъ теперь. «Вотъ ужъ, можно сказать, житье! Всякому, самому что ни есть мелкому, простому человѣку—и тому не житье, а малина. Нашему брату лакею тоже въ губерніи житье лучше. Да и всѣмъ! Вотъ Протопопова Ивана Петровича взять: не старше моего барина, и жалованья, слышно, меньше получаетъ; а какое у него лакею житье! Съ однѣхъ картъ что возьметъ! Ужъ это первое дѣло—карты держать. Предводительскій Никита, вонъ, тоже съ картъ началъ—карты держалъ; а теперь въ собраніи буфетъ держать. Клубъ теперича тамъ каждый день: что долженъ человѣкъ получить!—А мой франтъ что?.. Сѣлъ эта въ профессора—только продуть тридцать рублей; шутка!.. Известно, какъ и не продуть? Картъ никогда въ руки не бралъ. Только и есть, что съ женскимъ поломъ... Вотъ и теперь... Ну, на что это похоже? что изъ этого выйдетъ?»

Лакей покосился на закрытый кузовъ, вздохнулъ, вынулъ изъ-за пазухи засаленный кисетъ съ табакомъ и коротенькую трубочку, и сталъ ее набивать.

«Вотъ, жили въ губерніи,» продолжалъ онъ думать: «никогда въ табакѣ недостачи не было. И онъ все при деньгахъ былъ. А теперь что будетъ? Опять станетъ просить: дай, Степанъ, двугривенный на извошика! А гдѣ Степану взять? Карты онъ держать, что ли?»

Степанъ принялся высѣкать огня для трубки, и расчи-

тывать, сколько пришлось бы ему получать, если бъ у барина хоть черезъ день играли стола на два.

«Дался ему Петербургъ!» началъ онъ опять соображать, кончивъ расчетъ и закуривъ трубку. «Голому человѣку въ Петербургѣ не житье. Богатымъ тамъ житье—вотъ кому. А ты что?»

Степанъ совсѣмъ злобно нахмурился.

«Одно званіе, что баринъ; а кулъеръ департаментскій лучше тебя живетъ. Да! и кампанію водить, и деньги имѣть завсегда. А теперь вотъ жена еще проявилась! Самому-то не достаетъ — нѣтъ, давай еще бабу! Безобразіе одно. Э-эхъ!»

И Степанъ опять вздохнулъ съ какимъ то безвыходнымъ отчаяніемъ.

— Степанъ! крикнулъ мужской голосъ изъ повозки.

— Чего изволите, сударь? отозвался Степанъ, приподнимая немного запонъ.

— Опять ты свою махорку палишь? Задушилъ совсѣмъ вонью. Брось сейчасъ же! Кажется, было тебѣ сказано? Не могъ на станціи-то накуриться?

— Я думалъ, у васъ не слышно—закрыто вѣдь, недовольно проговорилъ Степанъ, запихивая трубку за пазуху. — Сидишь, сидишь,—внда одурь человѣка возьметъ. Ноги-то отмоталъ совсѣмъ.

И онъ опустилъ запонъ.

— Степанъ! раздалось опять изъ повозки.

— Чего, сударь? отвѣчалъ лакей, снова приподнимая рогожу.

— Что вѣтеръ?

— Ничего-съ.

— Пересталъ, что ли?

— Кажись, попритихъ.

— А снѣгу нѣтъ?

— Снѣгу нѣтъ.

— Вели, Поль, отстегнуть! слышался женскій голосъ. — Такъ скучно,—точно закупорены.

— Ты еще больше простудишься: и безъ того все кашляешь.

— Нѣтъ. Вели, пожалуйста!

— Отстегнуть-съ? спросилъ Степанъ.

— Отстегни!

Повозка остановилась. Степанъ откинулъ рогожу на верхъ кузова, и подвизалъ ее тамъ лычками.

— Саша, ты не озябла? спросил баринъ.

— Нѣтъ. А ты?

— У меня все что-то правая нога стынеть.

— Пересядь на мое мѣсто!

— Нѣтъ; зачѣмъ?—Ну, садись, Степанъ, да пошелъ!

Степанъ сѣлъ, и повозка опять двинулась.

Всѣ молчали, даже ямщикъ, только изрѣдка почмокивавшій губами.

Поль, или Павелъ Александрычъ, былъ молодой человекъ, лѣтъ подъ тридцать. Мелкія и не совсѣмъ правильныя черты его лица были очень красивы своимъ чрезвычайно живымъ характеромъ; хороши были у него и яркіе черные глаза. Длинные темные волосы, въ безпорядкѣ выбивавшіеся изъ подъ мѣховою шапки, и замѣтно проступившая борода, вѣрно два три небритая, придавали еще болѣе худобы и безъ того неполнымъ щекамъ. Обложенный подушками въ дорожныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, закутанный въ енотовую шубу, воротникъ которой былъ подвязанъ около шеи въ нѣсколько разъ толстымъ пуховымъ шарфомъ, Павелъ Александрычъ только съ трудомъ могъ обращаться лицомъ къ своей спутницѣ. Онъ, впрочемъ, и не давалъ себѣ этого труда, и глядѣлъ въ бѣлую даль по правую сторону повозки. Иногда онъ устремлялъ глаза въ самую спину ямщика, и останавливалъ ихъ на ней такъ долго, какъ будто хотѣлъ крѣпко напечатлѣть въ своей памяти форму заплатки тулупа. Съ блѣдныхъ, довольно полныхъ губъ молодого человека не сходила напряженная полу-усмѣшка, обличавшая неотвязную и невеселую думу.

Движенія спутницы его были не такъ связаны: шуба ея была легче, воротникъ не сжималъ ея шеи, и она нерѣдко поворачивала голову къ Павлу Александрычу, и съ кроткой нѣжностью взглядывала на него. Александръ Ивановичъ, или Саша, какъ называлъ ее спутникъ, было двадцать три года. Она была прехорошенькая блондинка. Черный атласный капоръ шелъ какъ нельзя лучше къ ея русымъ волосамъ, сбившимся ей на лобъ, и бѣлымъ, слегка подрумяненнымъ холодомъ, щекамъ. Сильное утомленіе замѣтно было въ ея худомъ личикѣ, и придавало особенную томность глазамъ, полузакрытымъ темными, длинными и частыми рѣсницами, а также и постоянно слегка раскрытымъ губамъ. Не смотря на эту томность, во всѣхъ чертахъ ея выражалось спокойствіе; по временамъ пробѣгало по

нимъ даже что-то радостное, въ отвѣтъ на мелькнувшую мысль.

Оба молчали, и оба думали. О чемъ?

«Знала ли я еще мѣсяцъ тому назадъ, что случится со мной?» думала молодая женщина. «Вѣдь его еще не было у насъ тогда. Я думала, мнѣ придется вѣкъ жить и умереть въ этой противной глуши. Да такъ бы и было, еслибъ не онъ. А что дѣлаетъ теперь Андрей Богданычъ? Теперь часовъ двѣнадцать.. Вѣрно пошелъ къ Ивану Савичу, и ужь принялись за водку. Я думаю, Иванъ Савичъ спрашиваетъ обо мнѣ. И всѣ, я думаю, спрашиваютъ,—особенно дамы. У нихъ вѣрно только и разговору, что обо мнѣ. А что онѣ говорятъ? Я думаю, называютъ меня Богъ знаетъ чѣмъ...»

И быстрый румянецъ покрылъ ея щеки.

«А пусть ихъ называютъ, какъ хотятъ!» продолжала она. «Что мнѣ за дѣло? Развѣ несчастлива я? Развѣ онъ меня не любить? Развѣ лучше было мнѣ зачахнуть въ этой каторгѣ?.. Какой страшный пришелъ тогда домой Андрей Богданычъ! Я никогда его такимъ страшнымъ не видала. Я думала, онъ убьетъ меня. И развѣ это трудно было? Не каждый ли вечеръ дрожала я вся, дожидаясь его домой? Что, какъ пьяный придетъ? что, какъ пьяный? Когда правый високъ у него торчитъ вихромъ, значить—пьянъ... Какъ я тогда упала-то, какъ онъ меня ударилъ! Я думала, что ужь не встану, что голова у меня вся распроломана. — Не стану объ этомъ думать теперь; вѣдь все это прошло. Стану думать о томъ, какъ будетъ теперь, когда мы въ Петербургъ прїедемъ. Вотъ, хотѣлось мнѣ вырваться на волю, — вотъ и вырвалась! А бывало, утопиться бы, кажется, рада. Теперь я вольная пташка! И какъ все это странно, и какъ быстро случилось! Ну, думала ли я, когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ?»

И она обратила глаза на Павла Александрыча.

— Что, Поль? все забнетъ у тебя нога?

— Теперь какъ будто поменьше, отвѣчалъ Павелъ Александрычъ, шевеля правой ногой въ широкомъ медвѣжьемъ сапогѣ.

— Да ты, право, пересѣлъ бы на мое мѣсто: она сейчасъ бы согрѣлась: а то тамъ сбоку все холодно.

— Ничего; и такъ согрѣется.

— Ахъ, какой ты, Поль, право!

— Тебѣ не холодно ли?

— Нѣтъ.

Оба замолчали, и опять стали думать.

«А вѣдь въ этой шубѣ нельзя будетъ ходить въ Петербургъ», стала думать Саша: «надо будетъ сшить новую. Или эту передѣлать?.. А какую я шляпку себѣ закажу? Поль говорилъ, что онъ меня одѣнетъ, какъ куколку. Вотъ картинка при послѣднемъ журналѣ была,—съ черными кружевами тамъ шляпка. Если синюю бархатную, да такъ отдѣлать? Вотъ будетъ думка-то шляпка! И какъ пойдетъ ко мнѣ! Поль говорилъ, что ко мнѣ идетъ синій цвѣтъ... Это правда; мнѣ ужъ давно хотѣлось синее шелковое платье... Я бы сдѣлала его съ черной бархатной отдѣлкой и съ пуговками...»

Въ воображеніи ея нарисовались пестрые груди узорчатыхъ матерій, разноцвѣтныхъ лентъ, кружевъ и цвѣтовъ. Она не знала, что выбрать, и совсѣмъ потерялась въ этомъ роскошномъ обиліи.

«Ну, все равно! ужъ я тамъ выберу, что мнѣ больше къ лицу», сказала она про себя, и принялась думать о другомъ.

Она думала о томъ, какъ, разрядившись, поѣдетъ въ театръ, поѣдетъ въ новой шляпкѣ кататься по Невскому проспекту, о которомъ столько рассказывалъ ей Поль. А если будетъ балъ въ Собраніи,—вѣдь и туда ей можно будетъ поѣхать?

Ей очень хотѣлось спросить объ этомъ Павла Александрыча. Она посмотрѣла на него; но почему-то не спросила ничего. Онъ глядѣлъ пристально на заплатку на тулупѣ ямщика.

«Но какъ же я поѣду въ собраніе?» начала она снова думать, опустивъ глаза. «Съ кѣмъ я поѣду? Вѣдь одной нельзя. Съ Полемъ? Да развѣ онъ мужъ мой? Но кто же знаетъ меня? Кто знаетъ, что онъ не женатъ? Вѣдь Петербургъ не уѣздый городъ, гдѣ всѣ наперечетъ. Никто на это и вниманія не обратитъ. И я стану танцевать, танцевать. На мнѣ будетъ прелестное платье...»

И она вообразила себя всю въ газѣ, въ цвѣтахъ и лентахъ...

«А вдругъ съ Полемъ встрѣтится кто-нибудь изъ знакомыхъ, и спроситъ, съ кѣмъ это онъ?... У него же такое множество знакомыхъ, онъ говорилъ... Что онъ имъ скажетъ? А у меня и совсѣмъ знакомыхъ не будетъ. Кто захочетъ со мною познакомиться? я вѣдь не могу поѣхать къ тѣмъ, съ кѣмъ Поль зна-

комъ. Развѣ молодые люди станутъ у насъ бывать — его товарищи... А что они будутъ обо мнѣ думать?»

Саша высвободила руку изъ муфты, нагнула себя напередъ ниже на лобъ, и провела рукой по глазамъ. На лицо ея набѣжала тѣнь.

Павелъ Александрычъ уже давно омрачился. Въ думамъ его было мало веселаго.

«Всегда, вездѣ и во всемъ я себѣ врагъ», думалъ онъ. «Какъ это люди, говорятъ, сами вырабатываютъ себѣ твердый характеръ?... Вздоръ! кто родился съ слабой волей — такъ и умретъ жалкимъ человѣкомъ. И эта ложь проклятая!... Лгать, на каждомъ шагу лгать, что за позоръ! А между тѣмъ, видно, и ложь сильнѣе меня: и съ нею-де-могу я совладать, и ея не могу изъ себя выгнать. Добро бы была польза отъ нея какаянибудь была: это бы подло было, но все же лучше. И развѣ не гнусно, не мерзко, не подло лгать такъ, какъ я, — безъ намѣренія, безъ плъи, даже противу желанія. Я дѣлаю этимъ вредъ и себѣ, и другимъ. Аги я намѣренно, по крайней мѣрѣ мнѣ моя ложь годилась бы на чтонибудь... Нѣтъ, все это гадко!.. И отчего это можетъ такъ крѣпко сидѣть лживость въ человѣкѣ? неужто родится лживымъ? Или отъ воспитанія это? можетъ быть, во мнѣ это оттого, что въ дѣтствѣ, когда я жилъ еще дома, я такъ боялся отца: недоувѣрялъ ни одному своему движенію, ни одному самому искреннему поступку, и все старался оправдывать, — и лгалъ... А потомъ? къ чему было лгать потомъ?... Ужъ лучше бы не сознать, какъ это постыдно!... Что надѣлалъ я теперь?»

Краска густыми пятнами проступила у него на щекахъ.

«Стану гнать отъ себя дальше всякую ложь!» началъ онъ думать. «Стану поступать такъ...»

Но какъ поступать, онъ не могъ придумать. Мало того, — какъ ни насиловалъ онъ мысль, она не хотѣла останавливаться на созданіи новыхъ правилъ для его жизни въ будущемъ, и казала ему только его собственную несостоятельность.

«Что теперь въ моей волѣ? Ничто!» думалъ Павелъ Александрычъ. «Я самъ связалъ себя по рукамъ и по ногамъ, и не могу пошевелиться. Давно ли я думалъ, мѣсяцъ тому назадъ, что жизнь моя уладится, будетъ походить на чтонибудь.... И вотъ она опять ни на что не похожа.»

Сердце у него зашумало.

«Въ этотъ годъ разъѣздовъ я сдѣлалъ порядочную эконо-

нию: я рассчитывалъ, что расплачусь въ Петербургѣ съ долгами, обзаведусь всѣмъ необходимымъ, перестану вести безтолковую трактирную жизнь... Вѣдь пора ужъ: мнѣ тридцать скоро... Думалъ жениться. И что же? Все пошло прахомъ! Опять безденежье, опять звонки по утрамъ, отъ которыхъ дрожь беретъ... Пріятель зайдетъ, — говоришь съ нимъ, точно тебѣ чего нибудь совѣстно: все боишься, вотъ зазвонитъ колокольчикъ, и явится кредиторъ, съ нахальнымъ видомъ, съ грубостями. Все могло бы уладиться, еслибъ... Я и долговъ теперь не могу заплатить, потому что деньги на другое нужны. Я теперь не одинъ. Войдешь еще въ новые долги.»

Наву Александрычу живо представился черномазый, худой французъ—портной, который разъ забылся до того, что крикнулъ на него: «*Mais, monsieur, voilà déjà deux ans... c'est tout bonnement malhonnête!*» При воспоминаніи объ этомъ *malhonnête* все лицо вспыхнуло у Навла Александровича.

«Да развѣ это неправда?» сталъ онъ думать: «развѣ я точно не безчестно поступилъ? Развѣ не безчестно поступаю и теперь?.. Положимъ, что во мнѣ всегда что-то возмущается при каждомъ безчестномъ поступкѣ моемъ; но чувство это недостаточно сильно, чтобы остановить меня. Такъ что же въ немъ и толку? Вѣдь и у вора подчасъ дрожитъ рука, разламывая чужую шкатулку; вѣдь и онъ сознаетъ, что дѣлаетъ безчестно... А все же онъ воръ, воръ,—больше ничего!... Что я дѣлалъ? что дѣлаю теперь!... Есть отчего головѣ помутиться. Кажется, будь подъ руками какой нибудь дѣйствительный перешокъ, не думая ни минуты, принялъ бы его, и конецъ всему! Неужели я никогда не передѣлаюсь, не стану лучше? Говорятъ, сознаніе уменьшаетъ вину на половину, показывая возможность исправленія въ человѣкѣ... Пустяки! Спрашивается, какъ я могу теперь поправить дѣло? Я могу только запутаться еще больше. Получи я разомъ много денегъ, все бы уладилъ; но откуда получить ихъ?... Если бъ я отдалъ всѣ деньги, которыя у меня есть, Сашѣ, и она поѣхала бы назадъ... Нѣтъ, это невозможно! И все, все налгано, безсовѣстно, подло налгано! Если бъ я сказалъ ей правду, у нея вѣрно достало бы благоразумія остановить меня. Но я все налгалъ, все налгалъ!... Для чего? зачѣмъ?... И что это наконецъ такое?... Любовь? Не можетъ быть; я не сталъ бы такъ мучиться и раскаиваться чуть не на другой день послѣ того, какъ она стала моей. Я чувствую притомъ, что будь это любовь, истинная лю-

вовъ, я не могъ бы такъ гнуσιο лгать... Я побоялся бы за будущность любимаго существа. Я не сталъ бы ей говорить о средствахъ, которыхъ у меня нѣтъ; я не сказалъ бы, что у насъ будетъ прекрасная квартира, отличный столъ, когда не на что имѣть ни того, ни другаго. Я общалъ ей, что буду нарядить ее... На что? на какія деньги?... Со всѣхъ сторонъ долги и долги; а платитъ ихъ нельзя; надо же ее одѣть; вѣдь у нея нѣтъ ничего. И опять явятся новые счета. Какъ красиво литографируютъ они, подлещи, свои проклятые счета!... А вѣдь она будетъ прехорошенькая, если нарядить ее; всѣ на нее засмотрятся. Жаль только, что худа.»

Павлу Александрычу на минуту мелькнули лица его петербургскихъ пріятелей, на минуту шевельнулось въ немъ мелочное самолюбіе, величающееся такъ называемыми *интрижками*; но только на минуту... Потомъ еще чертѣ показался ему омутъ, въ который онъ погружался, таща за собой хорошенькую Сашу.

Въ это время она закашляла.

«А вѣдь она можетъ умереть!» прошло въ головѣ Павла Александрыча. «Это было бы хорошо. У нея такой странный кашель! похоже на чахотку. Сама она говорила, что въ прошломъ году харкала кровью. И не мудрено при ея жизни. Можетъ быть, она простудится дорогой, сляжетъ и умереть.»

Но при этой мысли Павелъ Александрычъ почувствовалъ опять сильный жаръ въ лицѣ. Ему было стыдно, и зло его брало, что онъ не можетъ запретить подобнымъ мыслямъ забираться къ нему въ голову.

Какъ бы для того, чтобъ загладить вину, онъ повернулся къ своей спутницѣ и ласково сказалъ ей:

— Ахъ, какъ ты кашляешь, Саша! Не опуститъ ли опять рогожу? Дуетъ на тебя.

— Нѣтъ, не надо, Поль, отвѣчала Саша: — мнѣ не холодно.

— Гдѣ у тебя конфеты? Ты хоть бы леденецъ въ ротъ взяла, — все лучше.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ и такъ сладкое надоѣло. Да и не достать: онѣ у меня въ карманѣ платья.

— Можно остановиться.

— Вотъ еще!

— Да чтожъ за важность?

— Не надо, я не хочу.

— Какъ знаешь. А что, не надоѣло тебѣ ѣхать?

— Нѣтъ; а только хотѣлось бы поскорѣе пріѣхать.

— На станцію? ты хочешь кушать?

— Нѣтъ, въ Петербургъ. Ахъ, какъ я рада буду, когда мы пріѣдемъ! А ты, Поля?

— Разумѣется, тоже.

— Что это ты молчишь все? о чемъ ты думаешь?

— Холодно, душа моя: ты еще больше станешь каплять. Поэтому я и молчу.

— А ты не раскаиваешься, что взялъ меня съ собой?

— Что ты, душечка, милая моя! какъ ты можешь это думать? И откуда у тебя такія мысли берутся!

Павелъ Александрычъ высвободился немного изъ-подъ медвѣжьяго одѣяла, снялъ съ руки теплую перчатку, и засунулъ руку въ муфту своей спутницы. На этотъ разъ онъ лгалъ, не краснѣя.

Онъ жалъ руки Сашѣ, и пристально смотрѣлъ на нее. Нельзя было не любоваться ею; но Павелъ Александрычъ какъ-то настраивалъ себя, чтобы найти ее еще лучше, чѣмъ она была. Онъ искалъ въ пристальномъ взглядѣ на нее подкрѣпленія и оправданія чувству, которое связало ихъ. Онъ старался увѣрить себя, что любить ее. И точно, глядя на нее, онъ ее любилъ; но мысли, беспокоившія его до сихъ поръ, все-таки не отвязывались. И если бы глаза отражали наши мысли, въ глазахъ Павла Александрыча спутница его прочитала бы: «Я люблю тебя.... очень люблю... Нѣтъ, любовь не такова бываетъ... Это одно увлеченіе... Я ужъ раскаиваюсь въ немъ, и буду раскаиваться... Нѣтъ, я люблю тебя... какъ же быть, что больше любить я не могу, не умѣю... А что, если ты умрешь?... Тебѣ слѣдуетъ умереть... Счастья тебѣ не будетъ... Я буду горько плакать... Нѣтъ, я буду просто притворяться, чтобы сказали про меня: вотъ какая любовь!... Боже мой! отчего я такъ гадко люблю?... Отчего я не могу любить, какъ, говорятъ, любятъ другіе?... Я дрянъ... я тряпка.»

— Ахъ, какъ больно ты мнѣ руку сжалъ, Поля! перервала Саша эти запутанныя думы.

— Милая моя, душечка! нѣжно проговорилъ Павелъ Александрычъ, стараясь разогрѣть себя хоть словами.

— О чемъ ты думалъ?

— Богъ-знаетъ, о чемъ, о разной разности.

— А знаешь ли, о чемъ я думала?

— О чемъ.

— Я думала... *que je t'embrasserai bien joliment, quand nous arriverons à la station.*

— Вотъ это мило.

— А скоро станція?

— Не знаю. Ямщикъ, далеко еще?

Ямщикъ показалъ кнутовищемъ и проговорилъ;

— Вонъ.

— Ну, такъ погоняй! погоняй! сказалъ Павелъ Александрычъ, выпуская руку Саши и глядя вдаль, на темнѣвшія впереди избы деревни.

— Сказано, погоняй, морда чувашская! подтвердилъ Степанъ, которому сильно хотѣлось запалить свою коротенькую трубочку. — Ъдетъ—не ѡдетъ. Хотъ бы крикнулъ разъ, шельма этакая! сидитъ, точно курица ошпаренная, нось повѣсилъ. И лошаденки-то у собачьихъ дѣтей ни на что не похожи. Дровами ихъ кормите, что ли, разбойники!

— Ну, полно ты ворчать—то! остановилъ Степана баринъ.

Скоро послышался запахъ дыма и жилья, и лохматые собаки залаяли съ обѣихъ сторонъ повозки.

II.

Въ этотъ же день и объ эту жъ почти пору, въ глухомъ городишкѣ Ч., изъ котораго наканунѣ въ ночь выѣхали наши путешественники, въ низенькой гостиной съ крашеными синими стѣнами, въ домѣ городничаго, сидѣли двѣ барыни за кофеемъ и вели горячій разговоръ. Предметомъ его былъ, какъ всякой пойметъ, неслыханный пассажъ Александры Ивановны. Городничиха, дама среднихъ лѣтъ и кобыловатаго вида, кипѣла негодованіемъ, хотя по нѣкоторымъ, вѣроятно, несправедливымъ слухамъ, въ года первой молодости сама сбѣгала съ батальоннымъ офицеромъ; гостя ея, почтмейстерша, барыня болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ, нѣсколько оплывшая, мягкая и тѣломъ и душою, хотя и не могла не порицать безнравственного поступка Александры Ивановны, но старалась по крайней мѣрѣ выставлять на видъ нѣкоторыя обстоятельства, смягчающія ея вину.

— Помилуйте, Лизавета Васильевна! возражала басомъ го-

родничиха:—отъ васъ-то бы я не ожидала это слышать. Вы—женщина почтенная, мать шестерыхъ дѣтей.... Нѣтъ, нѣтъ; это вы не отъ души говорите.

— Марья Петровна! да развѣ я оправдываю? Я не оправдываю, отвѣчала, вся раскачиваясь, толстая Лизавета Васильевна, голосомъ столь же мягкимъ, какъ и сама она.—Не могу я ея оправдывать, не могу. Я вамъ одно только передаю, какъ мнѣ горько было на нее смотрѣть, когда наша контора съ нами на одномъ дворѣ была. Женщина молодая, образованная. И вдругъ что же?

— Ахъ, Лизавета Васильевна! Смѣшно слушать васъ. Образованная?... Въ чемъ же это образование?... Въ томъ, что повѣсилась на шею первому встрѣчному и умчалась съ нимъ, какъ какаянибудь.... Фу! назвать-то совѣстно.

— Я больше на счетъ обхожденія, Марья Петровна.... Ну, пофранцузски, понѣмецки тоже.... и на фортопьянахъ....

— Пуще всего! рѣдкость какая! Да вы скажите, кто нынче пофранцузски не говоритъ?... А понѣмецки и не знаетъ. Вотъ бабка-то повивальная пріѣхала нован—вѣдь она нѣмка.... начала съ ней понѣмецки.... ну, та ни слова! ни слова!... Разумѣется, вы, Лизавета Васильевна, не можете объ этомъ судить; но она и пофранцузски то.... такъ себѣ.

Сама Марья Петровна во французскомъ языкѣ колебалась между *мусьё* и *мусью*.

— Воспитана была въ нѣгѣ, Марья Петровна; ну, согласитесь, послѣ этого... начала Лизавета Васильевна.

— Опять на фортопьянахъ, вы говорите, играетъ, перебила Марья Петровна. — Ну ужь игра! нечего сказать! этакъ и вашъ Гриша—ему восемь лѣтъ всего, и онъ этакъ-то сыграетъ. И что вы говорите, что въ нѣгѣ была воспитана, Лизавета Васильевна? У васъ какія-то преувеличенныя обо всемъ понятія. Право! что жъ, у отца ея было, говорятъ, пятьдесятъ какихъ-то душъ—и четверо дѣтей. Воображаю, какая нѣга! Да и наконецъ, если бы и такъ, развѣ Андрей Богданычъ извергъ какой-нибудь?

— Ахъ, не говорите, Марья Петровна! ахъ, не говорите! Видѣла сама, знаю.... Хуже мужика, Марья Петровна, хуже самого простаго, деревенскаго мужика.... Какъ придетъ пьяный—вѣрите ли, я бывало во флигелѣ-то вся какъ листъ дрожу. Ну, вломится! что, какъ вломится?... Вѣдь и было это, было.... Га-

нюшку онъ вѣдъ напугалъ, что зашкается.... Бывало, какъ нѣтъ мужа дома, двери скорѣе на крюкъ, и огни тушу.... Боюсь, на огонь бы не пришелъ.... Вѣдъ разъ два окна выбилъ. Ахъ, не говорите! не говорите, Марья Петровна! Страшный человѣкъ, просто страшный. И пьяный-то разъ собаку цѣппую удавлялъ. Что же ужъ тутъ женѣ-то?... Помилуйте!

— По чемъ знать намъ, Лизавета Васильевна? Можетъ, онъ съ горя и заливаться-то сталъ. Пріятные то же слухи ходили и про Александру Ивановну. Было чему порадоваться. Признаюсь, я прежде многому не вѣрила; но теперь, кажется, никакого сомнѣнія быть не можетъ. Блистательно доказала! И что только нашла въ этомъ мальчишкѣ, — понять не могу.

— Какой же онъ мальчишка, Марья Петровна? Человѣкъ, кажется, солидный.

Марья Петровна расхохоталась.

— Ахъ, не смѣшите, Лизавета Васильевна! Кажется, солидность его ужъ вполне доказана этимъ пассажемъ. Хороша солидность, нечего сказать! Пріѣхалъ въ городъ, — плѣнился не знаю чѣмъ.... Истинно солидный человѣкъ.... Ха, ха, ха!

— Я не такъ только выразилась-то, Марья Петровна: я то хотѣла сказать — чиновникъ петербургскій.... ну, средства имѣетъ.

— Удивительный чиновникъ! Видно ужъ не знали въ Петербургѣ-то, куда его дѣвать.... Развѣ могутъ хорошаго чиновника послать за такими пустяками?

— Я вѣдъ все не знаю, Марья Петровна, зачѣмъ онъ здѣсь былъ. На ревизію, что ли, или какъ?

— Экой сенаторъ какой! Дадутъ ему ревизію.... Просто статистику какую-то составлять пріѣхалъ. Это ужъ у нихъ тамъ такъ: кто ни на что не годится — вотъ и пошлютъ его считать, у кого сколько коровъ, у кого сколько гусей.... Глупости одни. Это вотъ мужъ мнѣ сказывалъ — такъ, для одной формы больше.... чтобы человѣкъ баклуши не билъ. Алексѣй Семенычъ точно думалъ сначала, что это отводъ одинъ, и онъ пріѣхалъ развѣдать по секрету, какъ здѣсь и что. Но вѣдъ довольно посмотрѣть на него, чтобы увидеть, какая птица. А послѣ милаго происшествія съ нашей Александрой Ивановной, кажется, объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Хватили вы, Лизавета Васильевна: на ревизію! выискали сенатора какого! Чужихъ женъ ревизовать.... Ха, ха, ха! Смѣхъ!

— А какого онъ чина, Марья Петровна?

— Чуть не генеральскаго — титулярный совѣтникъ. Я думаю, теперь за здѣшнія заслуги губернаторомъ назначутъ.

— Какъ это у нихъ случилось-то все, Марья Петровна? Вы вѣрно знаете въ подробности.

— Да, я подробно знаю. Мужу сегодня чѣмъ свѣтъ объ этомъ донесли. Онъ сейчасъ же послалъ за Андреемъ Богдановичемъ, — спросилъ его.

— Что же тотъ? зналъ обо всемъ?

— Оказывается, что зналъ. Я, говоритъ, давно отказался отъ нея. Бѣги съ кѣмъ хочешь, — хоть съ чортомъ, съ дьяволомъ!

— Этакій человекъ грубый!

— Какая же тутъ грубость! Ужъ должно быть жена хороша, если и мужъ отъ нея отказывается!

— А я слышала, Марья Петровна — не знаю, правда ли — что онъ самъ давно имѣетъ связь съ одной женщиной.... солгать тутъ былъ отставной — не помню прозванія-то — такъ съ его дочерью....

— Знаю, Лизавета Васильевна, знаю — и скажу одно: что жъ за важность? на то онъ мужчина!

— Пьетъ-то вѣдь ужъ очень сильно, Марья Петровна.

— Что жъ, вашъ мужъ не пьетъ?

— Все ужъ не такъ, Марья Петровна.

— Никому, можетъ, такъ горько жить не было въ своемъ семействѣ, какъ Андрею Богдановичу, такъ и не удивительно. Я почти увѣрена, что теперь онъ и пить перестанетъ.... Будетъ пить, какъ другіе пьютъ. — И притомъ же она этакая хвора — то тѣмъ больна, то другимъ.... Ужъ это одно можетъ всякаго въ отчаяніе привести.... Ну, сами вы скажите, Лизавета Васильевна, развѣ можетъ мужъ любить больную жену?

— Это точно, — тутъ всегда какъ-то больше въ разстройку идетъ.

— Онъ же этакой человекъ крѣпкій, здоровый.... Вѣрите ли вы, Лизавета Васильевна....

Марья Петровна наклонилась къ уху своей гостьи и пошептала ей что то.

— Полноте! воскликнула въ изумленіи Лизавета Васильевна.

— Да, да, подтвердила Марья Петровна: — мужъ мнѣ сказывалъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! продолжала изумляться Лизавета Васильевна, и вся закачалась.

— И что же она-то передъ нимъ — сами вы посудите! Развѣ этой худобѣ петербургской пара, только.

— Я все думаю, Марья Петровна. какая будетъ ея жисть въ Петербургѣ... Вы тамъ бывали, — скажите, какъ по вашему?

— Тутъ и говорить много нечего, Лизавета Васильевна. Здѣсь ли, въ Петербургѣ ли, — это дѣло вездѣ одно. Вѣдь все же она ни вдова, ни мужняя жена.

— Да, да.

— Такъ на нее каждый и смотрѣть будетъ. Это, я вамъ говорю, все равно, что здѣсь, что тамъ.

— Городъ-то вѣдь тамъ большой, Марья Петровна.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ для нея хуже! Будь еще это здѣсь: ну, привычка бы сдѣлалась — и все это... На безрыбьѣ и ракъ рыба!.. А то въ Петербургѣ!.. Да развѣ только и свѣту въ окошкѣ, что она? Я думаю, тамъ этакихъ-то хоть мостовую мости. Подержить ее, подержить, — надоѣстъ ему и выгонить на улицу... Извѣстное дѣло.

— Ахъ, что вы, Марья Петровна!

— А вы какъ думали? Конечно. И получше ея, да со многими такъ случалось.

Марья Петровна припоминала, можетъ быть, старину о себѣ во баталіонномъ поручикѣ.

— Согласитесь, не къ мужу жь она опять поѣдетъ?.. Другое дѣло, еслибъ это такъ случилось, какъ-нибудь — по молодости лѣтъ — ну, увлеклась!.. тогда, разумѣется, дѣло мужа было бы: извлечь ее и вразумить. А тутъ, помилуйте! ужь если мужъ самъ отказался, чего же тутъ?.. И слава Богу, немолоденъ-кая ужь.... вѣдь ей двадцать-сѣдьмой годъ.... Невинность кака!.. Могла бы все разсудить очень хорошо.

— Ахъ, что вы, Марья Петровна! Ей всего двадцать-три года.

— Эго вы ей-то вѣрите? мало ли, что она вамъ скажетъ!.. Она себѣ и шестнадцать лѣтъ, пожалуй, дастъ. Двадцать-шесть, двадцать-шесть, — я вамъ говорю, ужь я это навѣрное знаю.

— Что жь это такое будетъ, Марья Петровна? Вдругъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, выгонить ее... что тогда?.. Вѣдь ей точно сюда пріѣхать нельзя будетъ, къ Андрею Богданычу. Куда жь она дѣнется? родители-то вѣдь, кажется, умерли.

— Да, давно ужъ. Братъ у нея есть; но развѣ они примутъ ее послѣ подобнаго происшествія?.. Они же люди женатые. Вѣдь это просто острамить себя... совсѣмъ острамить. — Ну, да найдутся въ Петербургѣ благодѣтели... Эдакихъ-то франтовъ тамъ вдоволь. И пойдетъ по рукамъ.

— Жаль, право, очень жаль.

— А по моему, и жалѣть вовсе нѣчего. Такъ ужъ себя повела... Туда и дорога!

— По человѣчеству-то, Марья Петровна...

— Да кто виноватъ-то? кто? Вѣдь сама.

— Конечно.

— Ну, такъ и пеняй на себя!

— Просто, думаю я, изъ огня-то да въ полымя она попала. Больная же такая...

— Въ чемъ душа! Ужъ хоть бы умерла, — лучше бы, кажется.

— Да вѣдь и не нажить долго-то при этой жизни.

— Что жъ! дѣтей нѣтъ.

— Это еще великое счастье.

— А вы чтó думаете?.. Будъ у нея дѣти, она не тоже бы сдѣлала?.. Тоже бы самое, повѣрьте. Такъ всегда смотрѣла...

— Ну, это, не знаю, какъ сказать, Марья Петровна... Материнское чувство...

— Да развѣ способна она къ материнскимъ чувствамъ? Первое дѣло — къ мужу-то была бы любовь... а то въ ней просто никакихъ чувствъ нѣтъ, никакихъ... Развратъ одинъ. Если и по міру пойдетъ, такъ, право, нисколько не жалко. По дѣломъ вору мука.

— А какъ знать, можетъ быть онъ тамъ въ Петербургѣ о разводѣ станетъ хлопотать... Да и женится на ней.

— Какъ же! ждите! Еще будъ у нея умъ, конечно—могла бы что-нибудь такое сдѣлать... Но вѣдь, помилуйте! она просто дура. На одно развѣ ума ея хватить—всякому на шею повѣситься. И при томъ на это средства надо,—чтобы развестись. Вотъ чтó говоритъ Андрей-то Богданычъ... сегодня мужу это сказалъ. «Мнѣ бы, говорить, хоть рублей триста съ него отступнаго взять; въ голову, говорить, не пришло.» Обрадовался, что даромъ-то взяла. Нѣтъ, этого, чтобы онъ женился, — никогда этого не будетъ.

— Да чтó, имѣетъ онъ состояніе, Марья Петровна?

— Какое состояніе, помилуйте! Престо жалованьемъ жить.

— Можетъ, выгоды по службѣ выѣсть?

— Выгоды!

Марья Петровна презрительно засмѣялась.

— Такіе люди и имѣютъ выгоды! Какъ же! Съ перваго взгляду видно, что вертопрахъ. Выгодъ захотѣлъ!.. Видѣли вы? Бѣлъ, какъ пріѣхалъ, въ карты играть... Пронгралъ тридцать рублей, — и зачался! Какое жъ тутъ состояніе! Смѣхъ. Вирьте моему слову — не долго наживется имъ выѣстъ: цаловаться-то надоѣстъ.

— Лучше бы ужъ, значить, ей мужу покориться.

— Разумѣется. Каковъ онъ ни есть, а все же мужъ, все же долженъ жену содержать. А тотъ—что такое?.. Сегодня мила мужу, а завтра: «прощай, голубушка! ступай на всѣ четыре стороны!» Да туда и дорога!

— Ахъ! ахъ! повторила Лизавета Васильевна, раскачиваясь съ стороны на сторону.

— Туда и дорога! подтвердила городничиха.

Едва ли не таково же было мнѣніе и всѣхъ дамъ города Ч., хотя нѣкоторые изъ молодыхъ во глубинѣ души завидовали судьбѣ Александры Ивановны.

III.

Черезъ недѣлю, повозка, увезшая изъ Ч. Александру Ивановну, приближалась къ Москвѣ. На третьей станціи не доѣзжая Москвы, проѣзжіе остановились пить чай. Былъ уже довольно поздній вечеръ.

Желаніе Павла Александровича сбылось: Саша простудилась и кашляла вдвое больше прежняго. Былъ ли Павелъ Александровичъ доволенъ этимъ, — сказать трудно. По временамъ, онъ бранилъ себя жестоко за то, что желалъ этого нѣсколько разъ; по временамъ, воображалъ онъ Сашу мертвой, на столѣ, въ бѣломъ платьѣ, а себя плачущимъ. Если бъ его спросить, что и какъ онъ думаетъ, онъ не сумѣлъ бы ничего отвѣчать. Въ головѣ у него былъ страшный сумбуръ.

Проѣзжіе помѣстились въ тепло-натопленной комнатѣ съ лежанкой. Саша сбросила съ себя капоръ и шубу; Павелъ Алек-

сандрычъ тоже разоблачился; но не снялъ мѣховыхъ сапоговъ и быстро ходилъ въ нихъ изъ угла въ уголъ, потому что и этотъ разъ у него нога озябла. На Сашѣ была сверхъ теплаго шерстяного платья надѣта какая-то клѣтчатая кацавейка уезднаго покроя. Все это было толстое, ваточное; но станъ Сашин все-таки казался гибкимъ и хрупкимъ. Большой чайникъ былъ едва подъ силу ей худенькой рукѣ, когда она ставила его на самоваръ.

Выложивъ изъ дорожнаго мѣшка нѣсколько булокъ и кренделей и приготовивъ чай, Саша подошла къ Павлу Александровичу, продолжавшему мѣрять шагами комнату, и стала противъ него. Онъ остановился.

— О чемъ ты все думаешь, Польша? спросила она, подавая ему обѣ руки.

— А что? разсѣянно отвѣчалъ Польша.

— Тебя какъ будто беспокоитъ что-то. Что такое? спросила она.

— Полно, мой другъ; ничего. Что можетъ меня беспокоить?

— Отчего же ты все задумываешься?

— Такъ; развѣ можно не думать? Чѣмъ такъ спрашивать лучше поцалуй-ка меня!

Она положила руки ему на плечи, онъ обнялъ ее, и они воцаловались долгимъ поцалуемъ; ни ей, ни ему не нужно было для этого наклоняться: они были одного роста — онъ для мужчины не большого, она для женщины высокаго.

— Сядемъ теперь, сказала Саша.

— Ну, сядемъ.

И они принялись за чай.

Поцалуй Сашин нѣсколько укротилъ волненіе, которое все больше и больше овладѣвало Павломъ Александровичемъ, но и тогда, какъ онъ шагалъ изъ угла въ уголъ. Ему стало жаль ее, и онъ раскаялся въ своихъ мрачныхъ мысляхъ. Но отдѣлаться отъ нихъ совсѣмъ, или даже хоть на долго, онъ не могъ. По мѣрѣ приближенія его къ цѣли путешествія, все безотраднѣе спутывались и мѣшались въ его головѣ тяжелыя думы.

«Бѣдняжка!» думалъ онъ, сидя противъ Сашин и ласково глядя на нее. «Вѣдь надо же было судьбѣ бросить тебя въ лапы такого чорта, какъ этотъ проклятый Андрей Богданычъ! Надо же было и мнѣ заѣхать въ эту глушь, и увезти тебя оттуда! А зачѣмъ? Развѣ не такая же каторга будетъ тебѣ и у меня?»

— Поль! перебила мысли его Саша.

— Что, мой другъ?

— Нѣтъ, не скажу: ты будешь смѣяться.

— Да что такое?

— Станемъ мечтать.

— Что?

— Мечтать.

— Какъ мечтать, о чемъ?

— Вотъ я знала, что ты станешь смѣяться: ты все думаешь о чемъ-то серьезномъ.

— Я не смѣюсь, душа моя, но не понимаю: что такое? Какъ мечтать?

— Мечтать о томъ, какъ мы будемъ жить въ Петербургѣ, какъ мы квартиру свою уберемъ, гдѣ что поставимъ, куда станемъ ѣздить....

Отъ этихъ словъ опять все закипѣло въ Павлѣ Александрычѣ. Онъ закусилъ нижнюю губу, какъ-то неопредѣленно посмотрѣлъ на Сашу, и проговорилъ, стараясь, впрочемъ, не казаться недовольнымъ:

— Чего же тутъ мечтать? Надо разсуждать объ этомъ, а не мечтать; а теперь и разсуждать рано: будетъ еще время, какъ прїдемъ.

— Прости меня, Поль! Вѣдь я такая глупая. Прости меня!

— Въ чемъ же простить? Развѣ ты виновата?... Ахъ, какая ты страшная!

У Саши покраснѣли глаза: она опустила ихъ, какъ провинившійся школьникъ, боясь заплакать.

— Миѣ показалось, ты сердилъ, проговорила она, наклоня голову къ чашкѣ.

— Я сержусь! И не думалъ. Тебѣ все Богъ—знаетъ что кажется.

А между тѣмъ, онъ сердился.

«Сказать ей все, какъ есть, чтобы она не очень обольщалась мечтами,—это будетъ всего лучше!» началъ онъ думать. «Мечтать! мечтать! Есть о чемъ мечтать!... Вѣдь надо же ей наконецъ открыть глаза. До которыхъ еще поръ ее обманывать?... Скажу—и конечно. Я теперь ясно вижу, что она глуха и пуста. И чѣмъ я увлекся? Тоже глупости разные: развить ее, образовать... Ахъ же такой вздоръ въ голову?... Прежде всего надо, чтобы способности-то къ развитію были; а тутъ, кромѣ мечта-

ній о глупостяхъ, отряпкакъ,—ничего нѣтъ. Надо сначала позаботиться, чтобы ѣсть-то было что, а потомъ ужь о развитіи да образованіи хлопотать».

Павель Александрычъ посмотрѣлъ на Сашу; она сидѣла все опустивъ глаза и низко наклонивъ голову.

«Вѣдь вотъ, кажется, плачетъ! Этого только и недоставало. Пожалуй, еще и капризы проявятся. Ну, скажи ей все,—того и гляди истерика еще сдѣлается. И откуда такая нѣжность вдругъ? Мужъ чубукомъ билъ да за косы таскалъ,—можно бы, кажется, привыкнуть.... Развѣ я сказалъ ей грубое что нибудь. Объ чемъ же слезы-то?»

— Саша! окликнулъ онъ ее.

— Чтѣ? тихо спросила она.

— Взгляни-ко на меня! Ты плачешь, кажется?

— Нѣтъ.

Но по голосу слышно было, что она плачетъ.

Она поспѣшно вынула платокъ, быстро обтерла глаза, и посмотрѣла на Павла Александрыча. Глаза у нея были красны, губы сжаты. Казалось, еслибъ она разжала ихъ, онѣ задрожали бы.

— Объ чемъ это? спросилъ Павель Александрычъ, нѣсколько смягчаясь. — Саша, милочка моя!

— Такъ, и сама не знаю, отвѣчала Саша.

— Ты не смотри на меня! Это я въ дорогѣ какъ-то разстроень въсегда.

«А вѣдь прехорошенькая она; когда глаза у нея заплаканы, она еще лучше кажется. И все-таки, что ни говори, а я люблю ее.... Изъ-за чего же бы я бился и мучился, и везъ ее съ собой?... Кабы не эти проклятыя деньги, которыхъ у меня нѣтъ!.. Какъ отлично можно было бы все устроить, если бы я былъ богатъ. Понялъ бы ей хорошую квартиру, меблировалъ бы великолепно, одѣвалъ бы ее отлично, въ театрѣ она сидѣла бы въ бель-этажѣ.... Чортъ знаетъ, что за вздоръ лѣзетъ въ голову. что я вѣчно думаю о томъ, чего никакъ не можетъ случиться?.. Или вотъ такъ, еслибъ кто бы нибудь взялъ ее на содержаніе, а я остался бы ея пріятелемъ.... Вѣдь она лучше всѣхъ знаменитыхъ петербургскихъ камелій, покрайней мѣрѣ которыхъ я упадалъ.... Еслибъ ее нарядить хорошенько, да въ коляску съ медвѣжьей полостью, да на Невскій!... Да всѣ бы рты разпули».

Павлу Александрычу стало вдругъ совѣстно, что онъ такъ думаетъ; онъ даже покраснѣлъ немного. Но въ тоже время онъ не могъ перестать припоминать разныхъ знакомыхъ своихъ, имѣющихъ хорошее состояніе и питающихъ склонность къ женскому полу. Особенно часто мелькалъ у него въ головѣ одинъ штатскій генералъ, въ паричкѣ и трясучій, у котораго всегда имѣлась гдѣ нибудь около Офицерской или Подъяческихъ юная подруга жизни, любившая кататься на лихачахъ со спрятанными за-воротъ нумерами, ужинать у Дюссо съ офицерами, ѣздить на пикники, что однако не мѣшало ей всякой разъ встрѣчать трясучаго генерала словами:

— Ахъ, душка! какъ я соскучилась по тебѣ!

Чтобы прогнать эти гадкія мысли, Павелъ Александрычъ хотѣлъ начать о чемъ нибудь говорить съ Сашей; но языкъ у него не шевелился, и онъ не зналъ притомъ, что сказать. Саша тоже молчала. Обоимъ было тяжело и неловко.

Это неестественное и непріятное состояніе прервалъ Степанъ, явившійся сказать, что лошади готовы. Павелъ Александрычъ сталъ быстро одѣваться.

Когда Степанъ понесъ уложить въ повозку погребецъ, Саша, уже въ шубѣ и капорѣ, подошла къ Павлу Александрычу и сказала ему тихо, умоляющимъ тономъ:

— Поля, не будь такой!

— Какой, мой другъ? спросилъ въ смущеніи Павелъ Александрычъ, закутывая себѣ шею шарфомъ.

— Да такой, какъ ты теперь, отвѣчала Саша: — молчишь все, смотришь такъ странно, будто сердилъ, думаешь о чемъ-то.

— Глупенькая ты! сказалъ Павелъ Александрычъ, цалуя ее.

— Когда ты такой, я ничего и сказать не могу, — все боюсь тебя.

Они вышли, и сѣли въ повозку. Ямщикъ тронулъ лошадей, и колокольчикъ зазвенѣлъ.

«Отчего она говоритъ, что боится меня?» началъ думать Павелъ Александрычъ. «Развѣ я Андрей Богданычъ?... Жила бы съ нимъ, коли все равно. Да развѣ она виновата? Виновата я».

Мысли начали ему мерещиться разные гадости: черномазые Французы съ красивыми счетами; дворники, требующіе за квартиру и напоминающіе, что вышли всѣ дрова; штатскій ге-

пералъ и его Каролина въ шляпкѣ на отлетъ; утро со звонками въ передней, полицейскій чиновникъ.... Голова шла кругомъ.

Ямщикъ, чтобы не заснуть, мурлыкалъ себѣ подъ носъ:

«Ты гулянье ли, гуляньице мое.
Во гуляньѣ сыпъ прогнѣвалъ мать, отца;
Зато отдали въ солдаты молодца.
Во рекруткахъ не кажется житье....
По три денежки на суточки даютъ.
Я не знаю, куда денежки дѣлать:
Мнѣ пропить ли ихъ, проѣсть,
Али любушкѣ бѣлилъ-румянъ купить».

Павелъ Александрычъ задремалъ съ тяжелымъ сердцемъ.

IV.

Привычной суетой пахнули на Павла Александрыча петербургскія улицы. На время притихли въ немъ мучительныя мысли, осаждавшія его дорогой.

«— Только въ дорогѣ такъ разстранваются голова», говорилъ онъ себѣ: «положеніе мое вовсе не такъ темно, какъ казалось, и я очень люблю Сашу. Жаль только, что она все болѣла. Надо будетъ взять доктора, потому что болѣзнь, кажется, становится опасна. Сама она говоритъ, что никогда такъ не кашляла... И похудѣла очень».

Первые дни Павелъ Александрычъ съ утра былъ въ постоянныхъ хлопотахъ и разъѣздахъ. Надо было нанять квартиру. Прежде онъ нанималъ обыкновенно комнату съ мебелью и со столомъ отъ жильцовъ, и, уѣзжая, остался даже должень въ квартирной хозяйкѣ своей—нѣмкѣ, которой оставилъ въ залогъ шинель съ бобровымъ воротникомъ. За шинелью онъ не поѣхалъ; о долгѣ своемъ подумалъ: «подождать!» и нанялъ квартиру изъ трехъ комнатахъ, отъ хозяина дома, гдѣ-то между Вознесенскимъ и Кокушкинымъ мостами. Квартира была миленькая, со свѣжими обоями и съ паркетнымъ поломъ въ одной комнатѣ, и не дорога; но ее нужно было меблировать. Павелъ Александрычъ нашелъ болѣе удобнымъ взять мебель на прокатъ, потому что денегъ разомъ выдавать не хотѣлъ, и они были еще очень нужны ему на другіе расходы. Купилъ онъ только занавѣски на окна, да посуды кухонной и столовой.... Оказалось, что во-

общее хозяйственное обзаведеніе стоило не дешево. За то и въ чемъ не было недостатка.

Когда была принесена и устлана мебель, и повѣшены занавѣски, квартирка стала просто игрушкой. Она была къ тому же на солнечной сторонѣ, и солнце наполняло всю ее веселымъ цвѣтомъ.

Веселы были и молодые хозяева. Они суетились, ходили изъ комнаты въ комнату, прибирали, устраивали все.

— Не лучше ли вотъ это такъ поставить, а это сюда? только и раздавалось по комнатамъ. Наконецъ все было улажено.

— Знаешь ли что, Польша? Хорошо бы на окна цвѣтовъ поставить, сказала Александра Ивановна. Здѣсь же солнце печетъ цѣлый день.

— Ахъ, да, непременно, согласился Павелъ Александровичъ.

Онъ тотчасъ же надѣлъ шляпу и шубу, поскакалъ въ цвѣточный магазинъ, и черезъ полчаса привезъ нѣсколько горшковъ съ гіацинтами; а черезъ часъ ему принесли и другихъ цвѣтовъ на всѣ окна.

— Ахъ, какъ у насъ хорошо! какъ хорошо! говорила Саша, ходя изъ комнаты въ комнату и хлопая въ ладоши.

— Видишь, какъ мы мило устроились! подтверждалъ и Павелъ Александровичъ. — Такъ ты мечтала дорогой?

— Хуже, Польша, хуже.

И похвалы кончались объятіями и поцѣлуями.

Павелъ Александровичъ былъ доволенъ: онъ жалѣлъ только, что Саша не жена его, и что онъ не можетъ поѣхать съ нею дѣлать визиты своимъ знакомымъ, между которыми были два статскихъ и одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ (не считая трясучаго генерала), задававшіе перѣдко вечера и даже балы. Да еще нѣсколько смущало Павла Александровича то обстоятельство, что за прокатъ мебели внесено имъ мало денегъ, — только за одинъ мѣсяць. «Что, какъ на тотъ мѣсяць у меня денегъ — то не будетъ», соображалъ онъ. «Надо, если за всѣми расходами, останется что-нибудь, внести еще. У бородача этого что-то рожа подозрительная: жидомъ, камалъ, смотреть». Сашѣ, впрочемъ, онъ сказалъ, что мебель купилъ.

Степанъ оказался, противъ всякаго ожиданія, тоже совершенно довольнымъ. Иногда онъ находилъ, правда, что баринъ

что-то ужь сдвинкомъ на широкую ногу заводится; но тотчас утѣшался, думая, что вѣрно денегъ теперь больше прежняго и, пожалуй, еще гости станутъ по вечерамъ бывать, и въ карты играть, а онъ, Степанъ, будетъ держать карты. «Да оно бы пора за умъ взяться!» думалъ Степанъ. «А то все бездомникомъ жилъ. То ли дѣло теперь. Это, вотъ, какъ въ губерніи добрые люди живутъ. Одно только зачѣмъ? бабу на что взять? Теперь вѣдь и жениться бы вздумалъ, — и невѣста бы была хорошая и съ деньгами, — такъ и тутъ помѣха!» Впрочемъ и съ Александрой Ивановной Степанъ скоро примирился, думая, не она ли виной обращенія его барина къ болѣе домовитой жизни.

На первое время было рѣшено обойтись безъ кухарки, потому что Степанъ умѣлъ и супъ сварить, и что угодно обжарить, и даже пирогъ испечь. Степанъ рѣшеніе это нашелъ чрезвычайно благоразумнымъ, потому что получилъ отъ Павла Александрыча двадцать рублей на расходы, съ тѣмъ, чтобы подать ему счетъ, когда деньги выйдутъ. Длинный счетъ, нацарапанный рукою лапотника, съ которымъ Степанъ въ первый же день сошелся дружески, уже рисовался въ его воображеніи. «Не такой человекъ баринъ, чтобы счета повѣрять!» думалъ онъ при этомъ, хотя въ другихъ случаяхъ неразсчетливость барина ему не нравилась. «Не барское дѣло копѣйки считать».

— Теперь, Саша, у насъ все въ порядкѣ дома, говорилъ Павелъ Александрычъ: — надо вотъ о чемъ похлопотать: у тебя вѣдь рѣшительно нечего надѣть. Расскажи-ко мнѣ, что тебѣ нужно, и мы разочтемъ, сколько все это будетъ стоить. Себѣ я тоже платье заказалъ: совсѣмъ обносился въ дорогѣ.

Павелъ Александрычъ былъ долженъ двѣсти рублей тому французу портному, который называлъ его когда-то *tailleur*: сначала Павелъ Александрычъ думалъ отдать ему свой долгъ или хотя часть его и заказать новое платье, но вѣдь французъ, пожалуй, деньги-то возьметъ, а платья не станетъ дѣлать. Изъ опасенія такой бѣды, платье было заказано другому портному, а о французѣ на время было позабыто.

— Мнѣ немного нужно, Поль, отвѣчала Саша на вопросъ Павла Александрыча.

— Тѣбѣ лучше, душа моя, потому что, откровенно тебѣ скажу, намъ надо быть нѣкоторое время поэкономнѣе.... Вотъ я скоро получу много денегъ, и тогда можно будетъ пошире развернуться.

Какъ ни мало было нужно Александръ Ивановичъ, а сѣта необходимыхъ для нея расходовъ повергла въ ужасъ Павла Александрыча. Она превышала всѣ наличныя его деньги.

— Саша, милая моя! всего этого разошъ нельзя сдѣлать, сказалъ ей Павелъ Александрычъ, замѣтно омрачившись. — Это ужасно много.

— Да вѣдь это все необходимое, Поль, самое необходимое....

— Нѣтъ, я не могу теперь сдѣлать тебѣ все это. Какъ хочешь, душа моя, а надо подождать. Вотъ я сказалъ тебѣ, что скоро получу деньги, — ну, тогда другое дѣло!

— А когда ты получишь деньги?

— Когда?... Черезъ мѣсяць.... или.... ну, черезъ полтора, два....

— И много?

— Да, довольно.

— Сколько?

— Право, не знаю, сколько придется, — около тысячи, я думаю.

— Ахъ, какъ это славно! А вѣдь мнѣ только пятьсотъ нужно.... тогда все у меня будетъ, все.

Павелъ Александрычъ сильно боялся вопроса, откуда получить онъ деньги, и заранѣе смутился; чтобъ отвратить этотъ вопросъ, онъ сказалъ Сашѣ:

— Давай-ко считать, что теперь тебѣ больше всего нужно.

— Хорошо, давай!

Сѣта была написана самимъ Павломъ Александрычемъ карандашомъ на бумажкѣ, со словъ Александры Ивановны. Онъ сталъ читать, и то и дѣло говорить:

— Ну, это пока не нужно! безъ этого еще можно обойтись!

— Ахъ, нѣтъ, Поль! оставь это, пожалуйста! другое вычеркни, возражала Саша.

— Да этакъ мы ничего не вычеркнемъ.

— Нѣтъ, душенька, оставь!

Сердце кипѣло у Павла Александрыча; но онъ сдержалъ себя.

— Хорошо, сказалъ онъ, вычеркнувъ изъ длиннаго списка, кажется, всего три вещи: — мы завтра еще разсудимъ объ этомъ на досугѣ.

Завтра дѣло тоже кончилось бы ничѣмъ, еслибъ Павелъ Александрычъ не вспылалъ, и не воскричалъ:

— Если такъ, ничего у тебя не будетъ! Когда я говорю тебѣ, что у меня нѣтъ денегъ на всю эту дрянь, на всѣ эти тряпки, кажется, нечего ломаться.

«До сихъ поръ Богъ знаетъ въ чемъ ходила!» подумалъ онъ, но не сказалъ: «хуже горничной; а теперь всего мало! дѣлай ей туалетъ на пятьсотъ рублей.»

— И куда тебѣ? на что? Развѣ ты можешь теперь выѣзжать? продолжалъ онъ. — Ты посмотри на себя. Вѣдь тебѣ лечиться надобно; ты серьезно больна: безпрестанно жалуешься на грудь, мучишься кашлемъ. Тебѣ надо дома сидѣть. Это тебѣ и докторъ скажетъ... Я завтра съѣзжу за докторомъ. Для чего же тебѣ все это? Другое дѣло, когда ты поправишься.

— Ахъ, Поль! я совсѣмъ здорова, право! сказала Саша со слезами на глазахъ.

— Споръ еще! смѣшно тебя слушать.

Павелъ Александрычъ самъ, безъ всякихъ переговоровъ, вычеркнулъ изъ списка все, что казалось ему лишнимъ, и подалъ бумажку Александрѣ Ивановнѣ.

— Вотъ это можешь себѣ купить, сказалъ онъ:—и больше тебѣ ничего не нужно.

Александра Ивановна посмотрѣла на бумажку и заплакала.

— Что же, ты не довольна? воскричалъ Павелъ Александрычъ.—Хочешь, чтобъ и этого не было?

— Ахъ, Поль, нѣтъ! Прости меня! отвѣчала Саша, удерживаясь отъ плача.

— Ну, такъ поѣдемъ вмѣстѣ, и все купимъ, все закажемъ.

Въ тотъ же день все было куплено и заказано; а черезъ два дня Саша была уже одѣта, какъ картинка, просто и мило. Павелъ Александрычъ, глядя на нее, чувствовалъ себя влюбленнымъ.

Былъ у нихъ докторъ, говорилъ съ Сашей и сказалъ мало утѣшительнаго Павлу Александрычу. «У нея чахотка въ сильномъ развитіи. Самое главное теперь, чтобы она не тревожилась ничѣмъ. При совершенно тихой, спокойной жизни, она еще сможетъ перенести здѣшнюю весну. Въ противномъ случаѣ никакія лекарства не помогутъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что петербургскій климатъ ей не годится. Ей на-

до куда вибудь на югъ.» Тѣмъ не менѣе, докторъ прописалъ какой-то пластырь на грудь, какой-то чай и какія-то капли.

Ничего изъ этихъ лекарствъ, принесенныхъ изъ аптеки, Саша не тронула. Она и не думала о леченіи. Ей хотѣлось насладиться сначала волей, счастьемъ, любовью.

Павелъ Александрычъ былъ тоже не прочь отъ всего этого, и отдался вполне наслажденіямъ медоваго мѣсяца.

Но часто возникали въ головѣ его прежнія черныя мысли. Положеніе его было очень шатко. Денегъ въ наличности почти не оставалось. Получить было не откуда. Жалованьемъ жить оказывалось совершенно невозможно: его только что доставало на квартиру, на дрова и на чай. Городничиха не ошиблась, утверждая, что Павелъ Александрычъ чиновникъ не высокаго полета, то есть занимаетъ очень мелкое мѣсто; не ошиблась она и въ томъ, что порученіе, по которому онъ пріѣзжалъ въ провинцію, было очень сомнительной важности. До отъѣзда своего, онъ пріобрѣталъ кое-что фельетономъ въ какой то газетѣ: въ отсутствіе его, мѣсто это было занято болѣе способнымъ, и на литературу надѣяться было уже нечего. Таланта беллетристическаго Павелъ Александрычъ не имѣлъ: это было вполне доказано многократными его попытками; на дѣльный трудъ онъ былъ тоже не способенъ, потому что ничего не зналъ обстоятельно... Переводить бы... но и тутъ была помѣха: онъ зналъ только пофранцузски, а французскій языкъ лишь при знаніи другихъ языковъ могъ пригодиться для журнальной работы. Это очень огорчало Павла Александрыча, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ не безъ самолюбія. Но приходилось покориться.

V.

Медовый мѣсяцъ миновалъ. Столько ли было въ немъ дней, какъ въ обыкновенномъ мѣсяцѣ,—или больше, или меньше?.. не знаемъ; но миновалъ онъ скоро. Такъ по крайней мѣрѣ казалось Сашѣ. Павлу Александрычу ничего не казалось: ему некогда было думать объ этомъ; у него было время только на то, чтобы бранить и себя и людей, кипѣть безсильной злобой и все проклинать.

Наступили сумрачные дни, хотя солнце съ каждымъ днемъ свѣтло ярче въ квартиру Саши и Павла Александрыча, хотя чаще стали оттепели, и въ воздухѣ пахло по временамъ близостью весны.

Въ одно изъ яркихъ мартовскихъ утръ, когда капало съ крышъ и голуби особенно весело ворковали на карнизахъ оконъ, сверкая на тепломъ солнцѣ бѣлыми и сизыми перьями, Павелъ Александрычъ и Саша проснулись съ тяжелой головой. Онъ возвратился наканунѣ очень поздно, часа въ четыре; она не спала до его прихода, хотя и улеглась въ постель, и все плакала. Когда Павелъ Александрычъ вошелъ въ спальню и зажегъ свѣчу, Саша хотѣла подняться и заговорить съ нимъ; но она сначала взглянула на него украдкой и побоялась. Павелъ Александрычъ смотрѣлъ какъ-то странно: онъ былъ блѣденъ и какъ-будто похудѣлъ; волосы на правомъ вискѣ были растрепаны, и Саша невольно вспомнила Андрея Богданыча. Сердце у нея замерло, и она притаилась подъ одеяломъ, удерживая дыханіе и стараясь не заплакать. Павелъ Александрычъ раздѣвался сердито: онъ такъ швырнулъ на стулъ сюртукъ и жилетъ, что они свалились на полъ.

Рано разбудилъ его звонокъ. Открывая глаза, Павелъ Александрычъ въ тоже время какъ будто боялся открывать ихъ. Свѣтъ солнечный былъ ему противенъ, и что-то давило ему грудь у самого горла; виски бились.

Въ дверь послышался стукъ.

— Что тамъ такое? хрипло крикнулъ Павелъ Александрычъ.

— Отъ портнаго пришли, мрачно отвѣчалъ изъ-за двери Степанъ.

— Болванъ! сказалъ Павелъ Александрычъ, и началъ со злобой надѣвать сапоги.

«Уберечься отъ нихъ нельзя!» бранился онъ въ душѣ: «Ломятся, каналы; готовы человекъ съ ногъ сшибить. А все-таки Степанъ мерзавецъ и дуракъ: будь онъ умнѣе, какъ бы нибудь сировадилъ.»

Саша боялась встать, пока Павелъ Александрычъ объяснялся въ другой комнатѣ съ посланнымъ портнаго, который возвышалъ иногда голосъ до крика. Наконецъ, выразивъ какую-то сильную угрозу, портной ушелъ.

Павелъ Александрычъ воротился въ спальню. Руки у него дрожали.

— Долго ли тебѣ еще лежать? крикнулъ онъ. — Кажется, пора.

— Я сейчасъ, отвѣчала Саша.

Она взяла со стула чулки, и стала торопливо надѣвать ихъ подъ одѣяломъ. У нея тоже дрожали руки.

Павель Александрычъ ходилъ быстрыми шагами изъ угла въ уголъ.

— Степанъ! закричалъ онъ: — что же самоваръ?

— У насъ нѣтъ чаю, Поль, тихо проговорила Саша.

— Какъ нѣтъ? опять! Давно ли покупали?

— Да вѣдь всего четверть фунта.

— Такъ что же? цыбикомъ, что ли, покусать? Ну, а кофе?

— И кофею нѣтъ.

— Оттого, что мы по дюесяти разъ въ день пьемъ.

— Ахъ, Поль! я ни разу не пила безъ тебя.

— Все равно... Сахаръ, по крайней мѣрѣ, есть?

— Сахаръ есть.

— Степанъ! закричалъ опять Павелъ Александрычъ.

Степанъ, мрачный и небритый, появился въ дверяхъ.

— Чтò угодно?

— Возьми тамъ въ черномъ жилетѣ четвертакъ: купи чаю.

Степанъ наморщилъ лобъ и спросилъ:

— Восьмушку?

— Ну, да!

— Свѣчекъ тоже нѣтъ, проговорилъ онъ еще мрачнѣе.

— Да сколько жъ у насъ свѣчекъ выходить? По два фунта въ день? Ты въ кухнѣ дозволишь палить! Этому надо подождать конецъ.

— Четвертаго дня всего двѣ свѣчки было взято. Вчера съ васъ дождался всю ночь — послѣдняя сгорѣла.

— Зачѣмъ ты по двѣ свѣчки берешь?

— Хорошо, что и двѣ-то лавочникъ далъ. Теперь и одной не выпросишь.

— Врешь!

— Чего врать? мнѣ въ лавку и глазъ теперь не показать. Мимо-то идешь, — проходу нѣтъ.

— Пошелъ вонъ, болванъ! купи чаю.

Степанъ не двигался съ мѣста.

— А какъ же свѣчекъ? спросилъ онъ.

— Ну, что ты присталъ? Вотъ я поѣду — привезу.

Павелъ Александрычъ продолжалъ ходить, и думалъ: «хоть бы заложить что нибудь! и заложить нечего. У кого бы занять?... не у кого,—и не могу... языкъ не поворотится.»

— Ну, что ты, чортъ, стоишь? закричалъ онъ на Степана, глядѣвшаго на него оловянными глазами.

— На обѣдъ денегъ не дадите?

— Нѣтъ ихъ.

— Ничего не готовить, значитъ?

Павелъ Александрычъ остановился и затопалъ ногами.

— Вотъ, каналья, покамѣстъ живѣ!

Степанъ ушелъ.

Саша стояла ни жива, ни мертва около постели. Павелъ Александрычъ ходилъ и бесплодно ломалъ себѣ голову, придумывая какое нибудь средство. Мысли его, кидаясь изъ стороны на сторону, останавливались иногда на такихъ глупостяхъ, что онъ самъ вѣрно расхохотался бы надъ ними, еслибъ не былъ такъ встревоженъ. Такъ онъ думалъ: «что, если я пойду по улицѣ, и вдругъ найду бумажникъ съ деньгами, или хоть кошелекъ.» И ему не казалось дикимъ подобное предположеніе.

— Послушай, Саша! сказалъ онъ наконецъ, послѣ томительнаго молчанія, останавливаясь передъ нею: — неужели у насъ рѣшительно ничего нѣтъ къ обѣду?

— Только картофелю есть немного, отвѣчала Саша.

— Боже мой! это надо съ ума сойти! вскричалъ Павелъ Александрычъ, хватаясь за голову. — Нѣтъ ли у насъ хоть заложить чего нибудь?

Саша опустила глаза.

— Твою бы шубу, продолжалъ онъ.

Саша покраснѣла.

— Тебѣ жаль ее? спросилъ Павелъ Александрычъ, пристально глядя на нее.

— Не сердись, Поля! ей ужъ нѣтъ у меня.

— Гдѣжь она?

— Еще недѣлю тому — я не хотѣла этого сказывать тебѣ.... денегъ у меня не было, а ты такъ сердился.... я боялась сказать тебѣ, что нужно, и заложила ее.

— За много?

— За десять рублей....

— Мало.

— Больше не давали.

— И ихъ ужъ нѣтъ?

— Нѣтъ. Вѣдь надо было дровъ куштить.... ты и не зналъ этого. Ну, обѣдали....

— Такъ, значить, заложить нечего?

— Нѣтъ. Но вѣдь ты достанешь, Поль?... ты говорилъ.

— Да.

Павелъ Александрычъ сбросилъ съ себя халатъ и сталъ одѣваться.

— Послушай, Поль! сказала Саша.

— Что?

— Если ты получишь деньги....

Павла Александрыча передернуло.

— Ну?

— Заѣзжай къ мебельщику.

— Да, да, надо будетъ заѣхать, торопливо отвѣчалъ Павелъ Александрычъ.

— Ужъ онъ вчера приходилъ, когда тебя не было дома. Такой недовольный.

— Что же онъ говорилъ?

— Говорилъ, что опять сегодня прійдетъ, и если ты не отдашь денегъ, онъ всю мебель возьметъ.

— Каналья!

— Заѣзжай къ нему, ради Бога!

— Заѣду.

Они помолчали.

— Ты навѣрное получишь, Поль? рѣшилась наконецъ спросить Саша.

— Я думаю.

Саша не вѣрила уже Павлу Александрычу; онъ самъ, какъ извѣстно, давно себя не вѣрилъ.

Наскоро напившись чаю, онъ отправился изъ дому.

— Поль, пріѣзжай, пожалуйста, поскорѣй! сказала Саша, провожая его къ прихожей.

— Ахъ, Боже мой! какъ это скучно! пріѣду, когда будетъ можно. Надоѣла со своими глупостями! крикнулъ онъ, не оборачиваясь.

Нахлобучивъ шляпу, уткнувъ носъ въ шубу, быстро сходилъ онъ съ лѣстницы. Внизу онъ натолкнулся на человѣка, который обратился къ нему, снимая картузь, со словами:

— А я къ вамъ, сударь.

Павелъ Александрычъ поднялъ голову.

Передъ нимъ стоялъ мебельщикъ, и на этотъ разъ Павелъ Александрычъ окончательно убѣдился, что онъ похожъ на жида.

— Вы все по поводу мебели, почтеннѣйшій? проговорилъ онъ смущеннымъ тономъ:—повремените, пожалуйста, денька два! я на дняхъ вамъ внесу за полгода впередъ. Неужто вы мнѣ не вѣрите?

— Какъ можно, сударь, невѣрить? отвѣчалъ купецъ съ самой обязательной улыбкой.

— Я непременно долженъ получить на дняхъ большую сумму, перебилъ его Павелъ Александрычъ: — можетъ быть даже сегодня получу.... И тогда, повторяю вамъ, за полгода внесу...

— Наше дѣло коммерческое, сударь.

— Что жъ, вы меня хотите безъ мебели оставить? Развѣ я не говорю вамъ, что на дняхъ, можетъ-быть даже сего дня....

— Было ужъ не разъ вамъ говорено, сударь.

— Такъ случилось, почтеннѣйшій. Согласитесь, нельзя же мнѣ безъ мебели остаться?

— Это какъ вамъ угодно, сударь....

— Такъ вы повремените, значить?

— Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ готовъ бы, но никакъ нельзя-съ.

— Что за вздоръ?

— Прошу извинить, сударь. Я и людей съ собой привелъ.

— Какъ! воскликнулъ въ злобѣ и отчаяніи Павелъ Александрычъ.

— Ребята! спокойно крикнулъ купецъ: — ступай на верхъ, въ третій этажъ, на правую руку дверь, номеръ тринадцатый.

Четыре мужика стали подниматься на лѣстницу.

— Ахъ, разбойникъ! вскричалъ Павелъ Александрычъ, закутываясь въ шубу, и почти выбѣжалъ на улицу.

VI.

Саша ходила въ слезахъ по комнатамъ и съ замираніемъ сердца смотрѣла, какъ онѣ пустѣли. Наконецъ все было вынесено, и остались только двѣ кровати да небольшой столъ, которые были куплены на чистыя деньги. Не будь, кромѣ того, че-

тыреть стульевъ въ кунгѣ и прихожей, и тогда было бы и отъѣздъ. Красивенькая квартира превратилась въ какой-то пустой сарай, занавѣски на окнахъ и цвѣты невпріятно кидались въ глаза среди этой пустоты. Впрочемъ, гіацинты давно завяли и сморщились, и ихъ можно было выбросить, не жалѣя. Шаги Саши звонко раздавались, и она плакала все неутѣшнѣе.

Степанъ, темный какъ туча, раскачивался по корридору, судорожно рычалъ, и по временамъ въ отчаяніи хлопалъ себя ладошкой по бедрамъ. Въ воображеніи его невольно возникали картины пріютнаго житія въ губерніи, и онъ окончательно утратилъ сладкую надежду держать карты. Въ отчаяніи ушелъ онъ наконецъ въ кухню, и всю ее началъ махоркой.

Саша обезсиѣла отъ слезъ и кашля, который сильнѣе обыкновеннаго мучилъ ее послѣ холода, набушеннаго съ лѣстницы во время выноски вещей. Она легла въ постель, спрятала лицо въ подушку, и ей хотѣлось умереть. Желаніе это до сихъ поръ никогда не приходило ей въ голову даже въ стѣнномъ Ч. Тамъ у нея были надежды; теперь она ихъ не находила.

Память ея невольно обращалась ко времени перваго знакомства съ Павломъ Александрычемъ. Саша припоминала всѣ слова, сказанныя имъ ей, когда они вдвоемъ сживали въ сумеркахъ на диванѣ бѣдной уѣздной гостиной, и изъ спальни доносился до нихъ глухой храпъ Андрея Богдановича, мертво спавшаго послѣ обѣда.

Павелъ Александрычъ представлялъ Сашѣ ея тогдашнюю жизнь въ еще темнѣйшихъ и безотраднѣйшихъ краскахъ, чѣмъ она казалась ей самой. Онъ говорилъ, что если Саша согласится поѣхать съ нимъ, онъ окружитъ ее довольствомъ, спокойствіемъ, счастьемъ. Какъ свѣтло рисовалось ей это будущее! Онъ говорилъ, что любить ее, какъ никогда и никого не любилъ, что будетъ ее всегда любить. Онъ говорилъ, что она захочетъ въ уѣздной глуши, а что онъ повезетъ бы ее далеко, за границу, подъ теплое солнце, подъ яркое небо, и она разцвѣла бы тамъ пышнымъ цвѣткомъ. Онъ говорилъ.... Боже мой! чего только не говорилъ онъ! Вся душа рвалась туда, куда звалъ онъ.

Саша думала и плакала, пока не заснула отъ изнеможенія.

Степанъ, наполнивъ кухню зеленымъ чадомъ, посадилъ нѣсколько времени въ молчаливой злобѣ, потомъ пошелъ поспросить, что дѣлаетъ барыня. Оглянувъ пасмурнымъ взоромъ пустыя комнаты, онъ всплеснулъ руками, покачалъ-покачалъ го-

ловой, и плюнулъ. Такъ какъ барыня лежала въ постели по-видимому спала, Степанъ рѣшился уйти изъ дому—хоть какъ нибудь разгулять на людяхъ свое горе. Онъ заперъ кухонную дверь снаружи, и отправился въ дворницкую. Оттуда сынниш дворника сбѣгалъ въ питейный за квартирой, и Степанъ, угощая хозяина темной и сырой конуры, высказалъ надежду, что навѣрное скоро стогнать съ квартиры его барыня, какъ человека самаго несообразнаго. Потомъ и гость и хозяинъ пошли выпить чайку въ ближайшую ресторацію.

Саша спала долго, но безпокойно. Она проснулась вся изжару, съ пересохшими губами.

Судя по солнцу, прошла уже и обѣденная пора. Саша встала, закашлялась, и капляла, пока все лицо у ней не покраснѣло и на лбу не проступилъ потъ. Она обошла опять пустыя комнаты, и отворила дверь въ кухню. Степана тамъ не было. Саша вошла, попробовала рукой дверь на лѣстницу, и увидала, что она заперта снаружи. Ей было и горько, и жутко. Она остановилась посреди дымной кухни и смотрѣла кругомъ. Плиты не топили, и на ней лежалъ степановъ кисеть съ табакомъ; въ углу стояла корзина съ сырымъ картофелемъ. На столѣ, изрубленномъ цоварскимъ ножомъ, лежалъ обкусанный зубами Степана ломоть хлеба. Саша отворила шкафъ: на двухъ тарелкахъ были обглоданныя кости говядины и застывшій жиръ; въ хлѣбной корзинкѣ оставалась булка. Саша отломилла отъ нея кусокъ и стала ѣсть, но хлѣбъ остановился у ней въ горлѣ. Она затворила шкафъ, почерпнула ковшомъ воды изъ ведра, хлебнула разъ, и ушла въ спальню. Слезы капали у ней изъ глазъ.

Саша опять легла. Что было съ ней до сумерекъ, — она не могла вспомнить. Забытье смѣнялось слезами, слезы какъ-будто какии-то бредомъ; а потомъ опять забытье, слезы и бредъ, — бредъ, забытье и слезы. Она не слыхала, какъ пришелъ домой Степанъ, какъ онъ сначала ворчалъ въ кухнѣ, какъ потомъ началъ даже напѣвать съ горю.

Рѣзкій звонъ колокольчика въ прихожей заставлялъ ее вскакивать. Сердце перестало въ ней биться. Степанъ отворилъ дверь, молча вошелъ кто-то, молча спялъ шинель. Шаги приближались къ спальнѣ.

— Спишь? раздался голосъ Павла Александрыча.

У него какъ-будто совсѣмъ перехватило горло.

— Нѣтъ, отвѣчала Саша.

— Гдѣ спички?

— Здѣсь вотъ, на столѣ. около меня.

Онъ подоселъ и шаркнулъ спичкой объ стѣну. Спичка загорѣлась. Саша обмерла отъ ужаса, взглянувъ на Павла Александрыча. Правый високъ торчалъ у него точь въ точь, какъ у Андрея Богдановича.

— Гдѣ же свѣчка? спросилъ онъ.

— Да вѣдь свѣчки нѣтъ... ты знаешь, Поль.

Павелъ Александрычъ швырнулъ спичку на полъ и рѣзко кричалъ:

— Одно я знаю, что выкинуть бы отсюда всю лишнюю поду за окошко.

И онъ двинулъ отъ себя столъ.

— Ради Бога, Поль! пролепетала Саша, дрожа, какъ инстъ: — я ни въ чемъ не виновата.

— Разумѣется, я во всемъ виновата? Да? говори же! я? отрывисто и пьянымъ языкомъ, говорить Павелъ Александрычъ. — Все теперь спутано... вся жизнь... Кладъ какой на шею нависался!.. Сидѣла бы себѣ въ своемъ уѣздѣ... Любовь... Дичь...

Онъ злобно сбрасывалъ съ себя платье: скюртукъ, жилетъ, вомочи, — все летѣло на полъ.

— Поль! проговорила умоляющимъ голосомъ Саша.

— Молчать! крикнулъ Павелъ Александрычъ. — Молчать, пока не выгналъ на улицу!

Саша того и ждала, что сапоги полетятъ ей въ голову. Но ютъ и они упали на полъ. Больше она ничего не слыхала...

VII.

Все это происходило года два тому назадъ.

Павелъ Александрычъ живетъ теперь одинъ. По прежнему не обзавелся онъ мебелью и занимаетъ меблированные комнаты у разныхъ иѣмокъ и полекъ. Платить онъ за квартиру по-прежнему несправно, и поэтому очень часто переѣзжаетъ. Переѣзды его не затруднительны, потому что хозяйство свое онъ обылъ съ рукъ, и имѣніе его все заключается въ чемоданѣ.

Главнымъ украшеніемъ его квартиры служить портретъ хорошенькой женщины, который виситъ всегда на самой видной

стѣнѣ, и гипсовая маска, снятая съ той же женщины. Маска кладется обыкновенно тоже на самый видномъ мѣстѣ.

Когда Павла Александрыча спрашиваетъ кто-нибудь, чья это маска, онъ принимаетъ всегда разстроенный видъ, ерошитъ на себѣ волосы, беретъ голову свою въ обѣ руки, закрываетъ нижнюю губу и отворачивается отъ предложившаго вопросъ.

— Не спрашивайте! говорить онъ съ усміемъ; — мнѣ еще больно касаться до этой страшной раны.

Потомъ, нѣсколько успокоившись, онъ прибавляетъ:

— Ахъ, это такой романъ!.. Любить такъ, какъ я любилъ эту женщину...

Слѣдуетъ опять пауза.

— Вамъ можно это рассказать! вы поймете меня! стремительно говоритъ Павелъ Александрычъ, крѣпко сжимая руку гостя. — Сядемте!

И гость, слушая рассказъ, проникается благоговѣніемъ къ высокимъ чувствамъ Павла Александрыча.

Андрей Богданычъ вовсе не такъ безутѣшенъ въ потерѣ жены: онъ жалѣетъ только объ одномъ—что не взялъ рублей трехсотъ отступнаго съ заѣзжаго петербургскаго франта.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ДУНАЙСКІЯ КНЯЖЕСТВА

МОЛДАВІЯ И ВАЛАХІЯ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ПЕРИОДЪ ВРЕМЕНИ ОТЪ ОСНОВАНІЯ ВОЕВОДСТВЪ ДО ПОДЧИНЕНІЯ ИХЪ УПРАВЛЕНІЮ ГРЕКОВЪ—ФАНАРИОТОВЪ, Т. Е. СЪ ПОЛОВИНЫ XIII СТОЛѢТІЯ ДО 1714 ГОДА. (*)

ОТДѢЛЪ I.

Полная независимость края, до признанія покровительства Турціи. — Основаніе Воеводствъ, равенство между жителями, первоначальное значеніе слова бояринъ, ненаследственность этого званія. — Общественное устройство поземельной собственности, образованіе частной собственности. — Признаваемое право наследства. — Полная независимость страны. — Примиреніе руманъ съ турками, — вразомъ наиболее опаснымъ.

Молдавія и Валахія, (Молдавія, какъ полагають, получила названіе свое отъ рѣчки Молдау; Валахія — отъ славянскаго слова Влахъ — италіянецъ), осколокъ Траянскои Дакіи, населенной римлянами, являются въ исторіи, въ видѣ двухъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ, съ половины 13-го столѣтія.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Римская Дакія не знала покоя, подвергаясь постоянному наплыву азіатскихъ полчищъ, сѣнявшихъ другъ друга и оставившихъ по себѣ слѣды однихъ опустошеній.

(*) Дунайскія княжества, бывшія театромъ послѣдней войны, доселѣ составляютъ предметъ заботъ европейскіхъ кабинетовъ, — вопросъ, политическимъ еще не рѣшенный; поэтому я счелъ нужнымъ, при указаніи социальныхъ, въ нихъ происходившихъ, переиѣтъ, развить болѣе подробно и политическую исторію ихъ.

Побѣда пронеслась надъ головой первобытнаго населенія, но не ослѣла на немъ: жители Дакіи (*) румане, бѣжали въ горы, укрываясь отъ преслѣдованій варваровъ; отсюда сами, въ свою очередь, дѣлали набѣги на варваровъ подъ предводительствомъ избранныхъ вожей, ожидая лучшихъ временъ для безопаснаго возвращенія въ покнытыя ими, поневолѣ, плодоносныя поляны.

Само собою разумѣется, что не все населеніе могло вдругъ удалиться въ горы. Оставшіеся были обрабаемы въ рабство варварами, презирающими земледѣліе, — сначала готами, удалившимися болѣе на западъ при приближеніи гунновъ, потомъ славянами, вытѣсненными, въ свою очередь, къ югу татарами, конихъ отрасль, кумане населяютъ Молдавію, извѣстную, въ IX вѣкѣ, подъ именемъ Куманія.

Въ половинѣ 13-го столѣтія, именно въ 1241 году, внукъ Чингисхана, Батый, съ 500 тысячъ татаръ, пройдя всю Россію и Польшу, остановился въ Венгріи, предавая все вокругъ огню и мечу.

Тогда укрывавшіеся въ сосѣдствѣ венгровъ румане, отчасти перемѣшанные съ славянами, братьями ихъ порелигии, оставили основанныя ими въ горахъ колоніи Фагарашъ и Маразмощъ и, подъ предводительствомъ двухъ своихъ военачальниковъ, Радула и Богдана, возвратились въ прежнія мѣста населенія. (**)

Радулъ занялъ Валахію, Богданъ — Молдавію. Съ этой собственно поры начинается исторія этихъ государствъ, родныхъ по населенію, языку (руманскому), богослуженію и учрежденіямъ, подъ управленіемъ двухъ отдѣльныхъ попечителей — воеводъ, (***) въ народѣ называемыхъ domni (отъ латинскаго dominus — господинъ).

(*) Народъ называлъ ее Зага гомпанеса, земля руманская (Руманія).

(**) Мнѣнія не всѣ одинаковы. *Партія славянская*, желающая установить нѣкоторое родство съ нынѣшнимъ народонаселеніемъ княжествъ, доказываетъ, что славяне завоевали Руманію и власть свою утвердили въ ней; нѣкоторые итальянскіе писатели также говорятъ, что славяне еще во II вѣкѣ проникли въ Дакію, поселились въ ней, и оставались долѣ другихъ варваровъ. Французскіе писатели, напр. Thouvenel, говорятъ, что славяне и болгары вошли въ Руманію завоевателями, и укрѣпили могущество свое долгимъ въ ней пребываніемъ; что славяне предводительствованы были ванами, съ балахами же обходились какъ съ рабочимъ скотомъ. Вторая партія, такъ сказать *антиславянская* и враждебная Россіи, совсѣмъ отвергаетъ владычество славянъ надъ руманами и говорить, что при первомъ же появленіи готовъ, все народонаселеніе римское ушло въ горы и сохранилось вполнѣ, не мѣшаясь ни съ кѣмъ. Наконецъ нѣкоторые объясняютъ, что только часть народонаселенія укрывалась въ горахъ, остальные же были обращены въ рабство — сперва готами, а послѣ гуннами, гепидами, аварами и славянами, и уведены въ плѣнъ.

(***) Это названіе воеводъ заставляетъ нѣкоторыхъ писателей предполагать, что воеводы Радулъ и Данъ Бессараба — потомки древнихъ славянскихъ князей, завоевавшихъ страну, и въ доказательство приводятъ слѣдующее: славянскій языкъ постоянно употребляется въ актахъ, исходящихъ отъ нихъ власти, въ грамотахъ, даваемыхъ монастырямъ. (Въ епископскомъ дворцѣ въ Бухарестѣ сохранились доселѣ грамоты, дарованныя монастырю; всѣ писаны на *языкѣ славянскомъ*. На дверяхъ храма въ *Serai d'Argis*, воздвигнутаго *Нягуломъ* Бессараба въ 1818 году, двѣ надписи — одна славянская а другая валашская).

Земля, занятая руманами, вследствие постоянныхъ опустошеній, представляла обширныя опустѣлыя равнины, отвыкшія отъ сохи и какъ бы хранимыя провидѣніемъ для возвращенія ихъ потомкамъ первоначальныхъ воздѣлывателей.

Въ эти времена возрожденія каждый гражданинъ—и воинъ и земледѣлецъ: едва раздается вѣсть о появленіи непріятеля, какъ со всѣхъ сторонъ стекаются поселяне на общую брань, и избравъ, изъ среды своей, наиболѣе бойкаго для предводительствованія толпою, грудью отстаиваютъ свою независимость.

Такимъ народамъ, едва вышедшимъ изъ лѣсовъ, неизвѣстны привилегіи классовъ; общественныя учрежденія ихъ выработались подъ ударами судьбы средь жизни—то осѣдлой, то обуреваемой войною и грабежемъ. Несчастіе сравняло всѣхъ; все подчинено избранію, даже высшее начальствованіе надъ страной и воевода (*domnia*) избирается безразлично изъ людей всѣхъ классовъ, изъ бояръ, духовенства и крестьянъ.

Бояриномъ, отъ слова бой (*boiu, bellum*), назывался первоначально каждый ведущій войну, военный; позже титулъ этотъ означалъ чинъ, пріобрѣтенный на службѣ, и исключительно принадлежалъ военному, удостоившемуся повышенія; сынъ же боярина, на войнѣ не выслужившій награды, не былъ бояриномъ.

Отличіе доступно всѣмъ, и каждому воздается по заслугамъ и способностямъ. Мужикъ доходитъ до высшихъ степеней, а сыновья знаменитыхъ бояръ становятся въ ряды простыхъ воиновъ—земледѣльцевъ.

Вся занятая земля, общая всѣмъ, раздѣлена по образующимся деревнямъ, и каждый деревенскій житель получаетъ свою часть общинной земли.

Владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ—вотъ положеніе возрожденной Руманіи.

Впослѣдствіи народъ, съ согласія воеводы, изъ благодарности надѣлялъ небольшимъ участкомъ земли воина, въ видѣ награды за услуги, оказанныя отечеству при отраженіи непріятеля. Такой участокъ составлялъ уже частную, неотъемлемую собственность лица, которому онъ былъ пожалованъ. Въ горахъ продолжительное пребываніе и разработываніе пустопорожнихъ земель, переходящихъ отъ отца къ сыну, освятило нѣкоторыя частныя собственностью.

Другіе отвергаютъ родство воеводъ съ славянами; названіе воеводы и господаря приписываютъ введенію христіанской религіи, а вмѣстѣ съ нею и славянскаго языка, какъ языка церковнаго и говорятъ, что народъ никогда не называлъ начальниковъ иначе какъ *domnia*,—а страну *Домніею*.

сти; при чемъ образовался и отдѣльный классъ владѣльцевъ — *на-
мысленныхъ «мощени»* (*moștenite* — отъ отца держать, наследовать).

Право наследства признавалось для собственности какъ частной, такъ и общинной: сынъ, наследовавшій отъ отца боярина покаяванную послѣднему землю, былъ вмѣстѣ и членомъ общины и собственникомъ, «мощени», но не бояриномъ, и не пользовался никакими привилегіями по рожденію.

У руманъ нѣтъ и слѣдовъ феодальнаго права, повсюду въ то время господствовавшаго; правленіе ихъ избирательное, войско народное, составленное поголовно изъ людей вольныхъ; всякій гражданинъ — и солдатъ, и земледѣлецъ, и собственникъ.

При такихъ условіяхъ жизни, румане находили силы бороться съ турками, подъ предводительствомъ знаменитыхъ вождей своихъ Мирцея, Михайла Храбраго, и отстаивать свою независимость отъ венгровъ и поляковъ (*).

Общинный дружинникъ, руманъ, становился безсмѣнной стражей на крайнихъ предѣлахъ отечества, и берегъ его; онъ не зналъ никакого правительства, кромѣ своего выборнаго; родинѣ служилъ вѣрой и правдой и не жалѣя лигъ за нее свою кровь.

Тѣмъ не менѣе такое положеніе края между двумя врагами становилось тягостнымъ, и румане, чтобы, при истощеніи силъ, не потерять столь дорогой для нихъ независимости, рѣшились помириться съ врагомъ наиболѣе для нихъ опаснымъ.

Османская имперія въ то время становилась державою сильною, окрѣпнувшею послѣ побѣды, одержанной Баязетомъ 1-мъ надъ крестоносцами при Никополисѣ.

ОТДѢЛЪ II.

Признаніе покровительства Османской Имперіи Валахіею въ 1392 и 1460 годахъ, Молдавіею въ 1513 году. — Сходство судьбы обоихъ княжествъ. — Разнодушіе Турціи къ нимъ. — Грабежи племей. — Наруги доистопри галюю Портою. — Измѣненіе общественныхъ отношеній, прорывніе мавлатовъ въ богатыхъ собственниковъ. — Раздоръ религіозный. — Вражда между Молдавіею и Валахіею. — Увеличеніе Портою притязаній своихъ — Уничтоженіе ею права избранія Господарей народами въ 1390 году.

Въ 1392 году господарь Валахіи призвалъ покровительство Парты, обязавшейся уважать права, богослуженіе и народную самостоятельность Валахіи, не вмѣшиваясь во внутреннее ея управленіе и до-

(*) Современное названіе Буковины. — Дунбразъ-роши (обогрениа проши) свидѣтельствуетъ о крестоносцахъ бояхъ, тамъ происходившихъ.

властвовалъ незначительною данью. Въ 1460 году, при Магометѣ II, условія эти возобновлены въ выраженіяхъ, еще болѣе утвердившихъ обычныя ея права.

Молдавія подчинилась Турціи нѣсколько позже, продолжая противоборствовать врагамъ; но Никита Великій, на одрѣ смерти, убѣжденный ли въ безполезности дальнѣйшихъ усилій, или не возлагая надеждъ на сына своего, совѣтовалъ ему примириться съ Портою. Въ 1513 году и заключенъ договоръ между Богданомъ и Бакзетомъ, съ тѣми же обезпеченіями независимости для Молдавіи.

Съ этой поры, оба княжества при тѣхъ же правахъ и условіяхъ жизни самобытной (*) подвергаются одинаковой судьбѣ и впослѣдствіи выѣстъ переживаютъ тяжкія страданія.

Покровительство Турціи едва ли послужило къ успокоенію Княжествъ. Постоянныя войны венгровъ съ австрійцами, австрійцевъ съ турками, а послѣднихъ съ князьями христіанства, обуревали страну земледѣлія и нарушали ея тишину. Непріятельскія войска передвигались чрезъ ея обширныя равнины и грабили страну, ими переходимую.

Отоманская Порта, въ непрерывныхъ войнахъ, забывала обѣщанія покровительства Княжествамъ, и получала исправно дань, им мало не заботилась о нихъ, какъ о странѣ даръ-ул-харбъ (**).

Это равнодушіе центральнаго правленія было причиною, что паши Виддина, Рущука и Силистріи, увѣренные въ безнаказанности,

(*) Весьма замѣчательны условія самихъ договоровъ. Назовемъ главные:

1) Княжества обязаны платить покровительствующей державѣ не поголовную подать (харачъ), но пещкешъ (подарокъ). дань.

2) Мусульманину воспрещено постоянное пребываніе въ Княжествахъ.

3) При тяжбѣ съ уроженцемъ края, турокъ судится христіанскими судьями, по мѣстнымъ законамъ.

Это послѣднее условіе противно всѣмъ обычаямъ исламизма; его можно объяснить единственно тѣмъ, что султаны не съ мечемъ въ рукахъ проникли въ Княжества, и что владычество ихъ основано не на завоеваніи, но на договорѣ и добровольномъ подчиненіи.

Въ послѣдствіи Порта часто нарушала эти условія; тѣмъ не менѣе право, хотя и нарушенное, остается неприкосновеннымъ.

(**) Положеніе Княжествъ опредѣлится яснѣе при указаніи общаго характера мусульманскихъ завоеваній.

Коранъ раздѣляетъ подвластныя земли на.

1) *Даръ-ул-исламъ*—(Домъ, страна исламизма)

2) *Даръ-ул-харбъ* (страна невѣрныхъ, домъ войны). Отсюда *Джихадъ*—(постоянная борьба противъ даръ-ул-харбъ).

Цилики (платящіе дань) нѣчто среднее между обоими. Договоръ съ ними прекращаетъ войну, но не даетъ мира.—вотъ положеніе Молдавіи и Валахін.

Въ сводѣ мусульманскихъ постановленій сказано: «Если жители страны невѣрныхъ (харби) просятъ насъ о мирѣ, соглашаясь платить намъ дань, съ условіемъ исполненія нашимъ законамъ, страна ихъ продолжаетъ быть даръ-ул-харбъ. Одно безусловное подчиненіе мусульманскимъ законамъ дѣлаетъ край — даръ-ул-исламомъ (страною исламизма).

Руэне, управляемые своими князьями, сохранивъ свою самобытность, своимъ гражданскіе и уголовные законы не были харби, по случаю прекращенія войны; но страна ихъ оставалась все таки даръ-ул-харбъ—(домомъ войны).

покупаемой ими въ Константинополѣ золотомъ, добытымъ посредствомъ грабежа, переходили Дунай, наводняли села Валахін и уводили скотъ и жителей, обращая послѣднихъ въ рабство.

Сама Порта скоро открыто нарушила договоры. Вопреки статьи, запрещающей магометанину постоянное пребываніе въ Княжествахъ, въ нихъ возводятся турецкія крѣпости: Ибраилъ на Дунаѣ, Бендеры на Днѣстрѣ, — притоны янычаръ, выходящихъ оттуда заобычею и разоряющихъ страну.

На западѣ большая дорога вызвала населеніе; жители Княжествъ, напротивъ, селились вдалекѣ отъ нея. Когда разбой искателей добычи застигали ихъ и тамъ, они уходили далѣе, искали убѣжища въ горахъ, находясь, такимъ образомъ, въ непрестанномъ передвиженіи.

Постоянные переходы войскъ чрезъ Руманію, подручные грабежи пашей и янычаръ создали на поверхности края подвижную географію.

Тяжкая година настаетъ для бѣдныхъ жителей Руманіи: она отпечаталась въ сохранившихся актахъ того времени, скрижалихъ несчастій и глубокихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ общественныхъ отношеніяхъ.

Разоренія доводятъ большую часть народонаселенія до нищеты; уцѣлѣваютъ едва нѣкоторые, болѣе богатые, оградившіе себя стѣнами отъ нападеній пашей, и защищаемые въ нихъ горстію людей, имъ преданныхъ и отъ нихъ зависящихъ.

Бѣдность и отсутствіе безопасности заставляютъ сначала маленькихъ владѣльцевъ искать покровительства у болѣе сильнаго, обязующагося защищать ихъ.

Крестьяне, которыхъ земли разграблены, поля и жатвы преданы пламени, превращаются въ нищихъ—пролетаріевъ, и утративъ свое состояніе, свой насущный хлѣбъ, теряютъ скоро и достоинство свое.

Пролетарій, продавъ свой трудъ, нанимаясь у болѣе богатаго, самъ наконецъ продается въ рабство, для обезпеченія своего матеріальнаго существованія. Нѣсколько четвертей ржи или маиса, дѣлаются цѣною человѣческой головы, — такъ глубока бѣдность, такъ быстро уничтоженіе!

Вотъ содержаніе подобныхъ записей: «не имѣя болѣе средствъ къ пропитанію себя и семейства въ эту годину несчастій и испытаній, я нашелъ г-на Х..., который, изъ состраданія, даровалъ мнѣ 10 четвертей маиса, вслѣдствіе чего отдался ему и потомству его я, съ женою, и дѣтьми, и дѣтьми дѣтей моихъ, въ вѣчное и потомственное рабство.»

Наконецъ отчаяніе проявляется въ излишней набожности, пытающейся умилосердить небо пожертвованіями: собственники большіе и малые отказываютъ земли свои монастырямъ, завладѣвающимъ едва ли не двумя третями всей земли,—новая причина слабости. Такъ измѣнились румане, нѣкогда заключавшіе условіе съ Баязетомъ и могущественнымъ Магометомъ II, а теперь, сдѣлавшіеся вмѣсто народа воиновъ—собственниковъ, связанныхъ союзомъ общины, народомъ пролетаріевъ или рабовъ съ феодалными боярами и монахами, превращенными въ свѣтскихъ владыкъ.

Къ довершенію несчастій, въ 1440 году разгарается раздоръ религіозный: князья и бояре подвергаются влиянію іезуитовъ, народъ отстаиваетъ первоначальное свое богослуженіе и противится признанію надъ греческою церковью папской власти.

Сверхъ того Молдавія и Валахія становятся врагами и обезсиливаютъ другъ друга междоусобною войною.

Порта пользуется этою неурядицей и увеличиваетъ платимую ей Княжествами дань, простиравшуюся въ 1517 году, при господарѣ Петрѣ III, до 260 тысячъ дукатовъ.

ОТДѢЛЪ III.

Съ 1520 г. до 1714. Назначеніе Портою господарей изъ туземныхъ бояръ. Два столѣтія постоянныхъ домогательствъ бояръ къ достиженію юсподарства. Частыя смуты ихъ. Продажа этихъ должностей въ Константинополь.—Возрастающая при этомъ бѣдность народа.—Введеніе Сербаномъ феодальной системы въ 1594 году.—Ударъ, нанесенный имъ народной свободѣ.—Трактатъ Карловичскій въ 1699 году.—Дробленіе латинскихъ придунайскихъ колоній.—Безцѣтный въ то время характеръ народа.—Надежды, возлагаемыя на Сьернаго Властелина.—Обращеніе господарей къ Петру I.—Переходъ Петра черезъ Прутъ.—Критическое его положеніе.—Миръ.

Въ 1520 году Оттоманская Порта уничтожаетъ святое право руманъ, обезпеченное договорами, на избраніе господарей, и назначаетъ ихъ сама, по своему произволу. Отсюда продажа этихъ должностей. Всякій честолюбецъ хочетъ быть господаремъ, передариваетъ въ Константинополь своего соперника и, достигнувъ желаемого, обращается въ орудіе разоренія родной страны своей. Бѣдность народа возрастаетъ.

Сербанъ I-й наноситъ рѣшительный ударъ отечеству введеніемъ феодальной системы. Бояре Валахій, завидуя богатству и роскоши венгерскихъ и польскихъ феодальныхъ магнатовъ, вынуждены Сербана прикрѣпить къ ихъ землямъ всѣхъ земледѣльцевъ, на нихъ

находящихся и запретить имъ впродъ право перехода съ одной земли на другую.

Пгубное законоположеніе Сербамъ, обнародованное въ 1594 году, утвердило за боярами и тѣхъ земледѣльцевъ, которые, въ тяжкую годину испытаній, населяя земли, прилегающія къ владѣніямъ сильныхъ бояръ, искали покровительства ихъ, для безопасности своей, отнюдь не отдавая себя въ полную ихъ зависимость. Утверждены за боярами и тѣ несчастные, которые при видѣ опустошенныхъ полей своихъ, не общающихся имъ болѣе насущнаго хлѣба, искали работы на другихъ земляхъ и продавали боярамъ лишь трудъ свой, въслѣдствіи же могли вновь возвратиться къ отдохнувшему родному полю своему. Они прикрѣплены къ тѣмъ землямъ, гдѣ засталъ ихъ законоположеніе, словомъ, — создается крѣпостное состояніе рядомъ съ рабствомъ, — хаосъ средневѣковой, и въ то время, когда западная Европа выходила изъ этого мрачнаго положенія.

Это былъ гибельный ударъ, нанесенный послѣднимъ остаткамъ народной свободы. Возстанія, смуты, междоусобная война, со всѣми ея ужасами наполняютъ XVII столѣтіе — слава народная быстро меркнетъ, а Порта, пользуясь внутренними раздорами, все болѣе и болѣе увеличиваетъ притѣззанія свои.

Вдругъ слабѣетъ власть султана: составляется противъ него союзъ между Польшею, Россіей, Венеціей и Императоромъ Черманскимъ; Мустафа II разбитъ при Цейнѣ, и великая побѣда христіанъ надъ поклонниками Магомета упрочивается миромъ въ Карловицѣ 1699 года.

Этотъ миръ — жалкая страница въ исторіи Руманіи: занятіе Трансильваніи Австріею, есть начало и предвѣстникъ будущаго дробленія латинскихъ придунаскихъ колоній.

Скоро судьба Княжествъ совершенно пзмѣняется: въ странѣ съ верной является человѣкъ гениальный; ему подвластна Польша, подчинена Малороссія; могущество его державы крѣпнеть, вліяніе возрастаетъ. До Дуѣстра все повинуется его державной волѣ, и отъ враждебной ему Турціи онъ отдѣленъ одними Княжествами.

Гонимые судьбою, видя въ покровительствѣ Турціи лишь тяжелую для себя ношу, многіе валахи съ надеждою взирали на новаго былаго сосѣда, и молча, въ угнетеніи, радовались его успѣхамъ.

Вотъ слуги, при шаткости своего величія, покупаемаго съ къ пропитанію себѣ, инополь рабскими приношеніями, недоній, а нашелъ г-на Х..., коимъ; въ нихъ пробудилось сознаніе четвертей маиса, въслѣдствіе чего чать опоры и защиты у сѣверсъ женою, и дѣтьми, пдѣтьми дѣтей мону... Бранкованъ и Канное рабство. »

ему имѣть независимъ

мость обоихъ княжествъ, ежели они немогутъ ему въ войнѣ съ Турціею. Результатъ перехода черезъ Прутъ извѣстенъ: критическое положеніе Пестра, присутствіе духа Енаторины и наконецъ заключенный миръ.

Съ этой поры положеніе Княжествъ становится еще тягостнѣе.

ГЛАВА II.

ВЛАДИЧЕСТВО ГРЕКОВЪ—ФАНАРІОТОВЪ ОТЪ 1714 ДО 1821 ГОДА.

ОТДѢЛЪ I.

Назначеніе грековъ-фанаріотовъ господарямъ. Дѣйствіа Николая Маврокордато, ниспроверженіе господарей. — Возвращеніе ихъ. — Освобожденіе прикрьпленныхъ къ землѣ, характеръ означеннаго освобожденія. — Уничтоженіе рабства. — Государственные крестьяне (скутелиники). — Образъ взиманія податей. — Монополія продажи сельскихъ произведеній.

Отоманская Порта, хотя доселѣ нарушала договоры, уничтожала право избранія господарей народомъ, все же отчасти уважала древніе обычаи страны, назначая всегда князей изъ туземныхъ бояръ; измѣна Бранкована и бѣгство Кантемира въ Россію доставили ей поводъ къ новымъ нарушеніямъ: на жителей обрушилось всенегодованіе Порты, которая, лишила ихъ права самаго святаго, права повиновенія начальникамъ единокровнымъ.

Властителями Руманіи дѣлаются пришлые честолюбцы, греки-фанаріоты (*). Николай Маврокордато назначенъ господаремъ Валахіи, Михайлъ Раковика — господаремъ Молдавіи. Оба окружаютъ себя свитой всякаго сброда, — стаей грабителей, занимающихъ высшія придворныя и правительственныя должности и преслѣдующихъ туземныхъ бояръ. Князь Кантакузенъ, первая жертва ихъ

(*) Названіе это происходитъ отъ квартала въ Константинополѣ «фанаръ», въ которомъ преимущественно селились греки, прибывавшіе въ Константинополь. Занятые первоначально мелочною и розничною торговлею, давая деньги въ займы, они приобрѣли мало по малу расположеніе нѣкоторыхъ высокихъ лицъ въ Константинополѣ, изученіемъ иностранныхъ языковъ достигли занятія нѣтъ переводчиковъ, разными же униженіями и искательствами дошли наконецъ и до высшихъ должностей. Маврокордато, отецъ Керван, господаря Валахіи, назначеннаго Портой, былъ мелникомъ Султана. Эти фанаріоты немалыми грекомъ и презираемы турками. Принявъ непреложный правилонъ жизни ими же созданную пословицу «ложи руку, которой ты укусишь не можешь», они и прежде являлись въ Княжества, торгуя халатами, разнося лимонады, готовые на всякое униженіе; иногда достигали до занятія общественныхъ должностей, служили некими полицейскими чиновниками, ябедниками, фискалами, въ судахъ подводили статьи законовъ въ угожденіе боярамъ, обправшимъ носени и проч. При назначеніи господарей изъ грековъ, вліяніе ихъ возросло, и они стали первыми совѣтниками въ Княжествахъ. Въ Константинополѣ дошло даже въ обычай, когда спрашиваются престыны фанаріота, желать новорожденному «быть лимонадникомъ и княземъ валахскимъ».

владычества, селенъ въ Константинополѣ и тамъ обезглавлять. Имѣнія богатѣйшихъ дѣлаются достояніемъ Маврокордато и его клевретовъ. Раковика въ Молдавіи обираетъ приверженцевъ Кантамира. Въ столицахъ обоихъ Княжествъ рѣдѣютъ ряды древнихъ потомственныхъ родовъ: одни бѣгутъ отъ угнетеній за границу, другіе уѣзжаютъ въ отдаленныя свои помѣстья; остаются одни измѣчавшіе духомъ, въ чаду роскошной жизни, бояре и превращаются въ лстецовъ и потворщиковъ обмана.

Но скромный и безпріютный пахарь, до котораго не достигаютъ лучи греческаго солнца, сумраченъ, печаленъ, но не поблѣкъ въ горнилы разврата: онъ ненавидитъ бояръ, проклиная фанаріотовъ, съ увлеченіемъ узнаетъ о походахъ принца Евгенія, возстаетъ и изгоняетъ Маврокордато, взятаго въ плѣнъ; испровергаетъ Раковика; миръ Пассаровицы, въ 1718 году, возвращаетъ Княжества прежнимъ ихъ мучителямъ, а алчнал Австрія пригребаетъ къ мозаичнымъ владѣніямъ своимъ банатъ Темесваръ и 1200 латинцевъ, — Траянская Дакія уходитъ въ чужія руки по лоскуткамъ.

Николай Маврокордато, освобожденный изъ плѣна, является грознымъ и свирѣпымъ владыкою. Произведенное возстаніе обнаружилъ драгоценныя остатки національности, еще теплившіеся въ груди неразвращеннаго румана; настанутъ гоненія, съ цѣлью уничтожить всякіе слѣды народной самобытности, — закрываютъ школы, распускается народное ополченіе, замѣняемое наемниками изъ албанъ и турокъ; руманское нарѣчіе запрещается при дворѣ: гордый титуломъ боярина, — тогда печатью раболопства, переродившійся народный любимецъ — вождь, самое названіе румана превращаетъ въ терминъ презрѣнія; бѣдный простолюдинъ одинъ, въ чистотѣ и непорочности своихъ чувствъ, остается вѣрнымъ преданіямъ Италіи, сохраняетъ языкъ предковъ и клеймитъ позорныхъ низкопоклонниковъ словомъ *чіокон* (лижущая собака)!

Но фанаріоты встрѣчаютъ еще изрѣдка тайное недоброжелательство туземныхъ бояръ, бѣжавшихъ отъ смѣшенія съ придворными Бухареста въ свои отдаленныя помѣстья.

Чтобы нанести вліянію ихъ рѣшительный ударъ и упрочить свое могущество, Константинъ Маврокордато принимаетъ личину преобразователя и защитника народныхъ правъ, — обычное дѣйствиельныхъ тирановъ. Закономъ 5 августа 1746 г. онъ уничтожаетъ крѣпостное состояніе, объявляетъ крестьянамъ, что они лично освобождены изъ-подъ власти мучителей своихъ; земля же, занятая ими, не превышая $\frac{1}{3}$ всего участка, остается въ ихъ владѣніи, при обязанности за то воздѣлывать усадьбу помѣщика нѣсколько дней въ году, и уплачивать ему сверхъ того часть сельскихъ произведеній.

Это было освобожденіе личности крестьянина, а вмѣстѣ и возстановленіе права его — не на собственность, но на владѣніе занимаемою имъ землею, право, при своемъ владѣльцѣхъ и полной зависимости крестьянъ, забытое и почти утраченное.

Обязанности же крестьянъ относительно воздѣлыванія помѣщичьей земли были опредѣлены слѣдующимъ образомъ (*). «Каждый земледѣлецъ долженъ :

1) Работать на помѣщичьемъ участкѣ отъ 8 до 12 дней въ году, по взаимному соглашенію съ владѣльцемъ, который въ свою очередь, обязанъ давать ему пастбище, дѣль для топлива и постройки.

2) Отдавать помѣщику десятую часть посява, сѣна, плодовъ и меда собираемыхъ на крестьянскихъ участкахъ.

3) Мѣста своего не оставлять иначе, какъ съ разрѣшенія правительства.»

Этимъ неяснымъ опредѣленіемъ труда и обязанностей новое правительство какъ бы ограждало крестьянина отъ произвола помѣщика, но главное усвоивало себѣ право наблюденія и вмѣшательства, и такимъ образомъ создало для себя новый источникъ дохода. Чиновникъ-фанариотъ сдѣлался судьей при возникавшихъ спорахъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и обиралъ какъ того, такъ и другого. Потомъ начали разбирать, какимъ образомъ то или другое семейство прикрѣплено было за помѣщикомъ, не принадлежало ли оно къ числу тѣхъ собственниковъ, моснени, которые нѣкогда, для личной безопасности, искали только покровительства сильнаго сосѣда, и застигнутые законоположеніемъ Сербана, попали въ крѣпостные. Такіе были совершенно освобождаемы съ землею безъ всякаго обязательнаго труда; наконецъ продавшимися нѣкогда безъ земли въ рабство дозволено выкупаться на волю, безъ согласія помѣщика, внесеніемъ 10 піастровъ (*); словомъ придиракамъ и произволу не было конца.

Но разоряя туземныхъ бояръ, Маврокордато не забывалъ себя и приверженцевъ своихъ: изъ новыхъ мнимо-освобожденныхъ создавалъ крестьянъ государственныхъ—скутельниковъ (skutelniki); земли же ихъ становились государственнымъ имуществомъ, иначе сказать—собственностію государя; потомъ началъ раздавать этихъ свободныхъ крестьянъ окружающимъ его ново-созданнымъ боярамъ; каждый изъ нихъ получилъ извѣстное количество душъ, обязанныхъ служить лично и состоять при нихъ въ видѣ лакеевъ или пла-

(*) *Urbairum de Maurocordato*, *Magasin Historique de la Dacie*, II. p. 293.

(*) *Archives de la metropole de Bukarest. Magasin Historique de la Dacie*, t. II, p. 284.

титъ родъ оброка, поглощающаго всю прибыль ихъ труда до 80 піастровъ въ годъ, (въ то время около 30 франковъ) (*).

Вотъ какъ произошло освобожденіе народа отъ крѣпостнаго состоянія! Тѣмъ не менѣе политическая цѣль достигнута и комедія приведена къ естественной развязкѣ: туземные бояре ограблены, фанаріоты—обогащены. Господарь располагаетъ казенными имуществомъ, и рабство возникаетъ подъ другимъ видомъ, въ пользу придворныхъ временщиковъ.

Это прискорбное и въ высшей степени несправедливое дѣйствіе ясно доказываетъ, что высшее сословіе иногда теряетъ все, если во время не соглашается на нѣкоторыя уступки, отдавая преобразованія, необходимыя для спасенія отечества. Другіе заступаютъ его мѣсто и, принимая видъ защитниковъ народныхъ правъ и прогрессистовъ, либеральничаютъ ровно на столько, сколько нужно для упроченія ихъ владычества.

Рабство ими уничтожено. Скутельники не рабы, но жатвенныя машины. Тѣло ихъ свободно, но руки принадлежатъ фанаріоту. Они сѣютъ, но не жнутъ, производятъ, но не потребляютъ. Чудовищное изобрѣтеніе подъячески-утѣснительнаго генія! Одинъ человекъ отдается другому въ видъ лакея или въ видъ извѣстной, опредѣленной ренты, и это называется возстановленіемъ свободы!

Всякій бояринъ, смотря по классу и чину, сверхъ жалованья, простирающагося отъ трехъ до шестидесяти тысячъ піастровъ, кромѣ того получаетъ еще въ свое владенія извѣстное число человѣческихъ машинъ. Простой бояринъ получаетъ ихъ 10. протипенда—пятьдесятъ; тахімъ же неограниченъ; такъ что гофмаршалъ, его высокосіятельство, можетъ разомъ получить цѣлое стадо!

Всякая общественная должность даетъ право на полученіе скутельника, и какъ, при умноженіи приверженцевъ, возросло и число должностей, то соразмѣрно должно было увеличиваться и число человѣческихъ рентъ. Бану крайовы полагается поштату 150 скутельниковъ, большому ворнику (судьѣ) 120, и т. д. Всѣхъ же должностей въ одной Валахіи 1160; полагая круглымъ числомъ по 50 скутельниковъ на должность,—это составитъ 58 тысячъ скутельниковъ; по 80 піастровъ съ cadaго,—будетъ 4,640,000 піастровъ, предположивъ же многимъ меньше въ Молдавіи, выйдетъ 9 милліоновъ піастровъ—3 милліона франковъ или—750,000 рублей серебромъ).

(*) Франкъ равняется преміему ассигнаціонному рублю, нымъ 2½ коп. сер. Если принять въ соображеніе время, въ которое существовалъ означенный оброкъ, отсутствіе всякихъ промышленныхъ заведеній въ странѣ, безцѣность труда, рѣдкость денегъ, несвободу торговли, то оброкъ этотъ окажется весьма значительнымъ, съ cadaго по 8 рублей серебромъ.

Страшная такса съ бѣдныхъ, взимаемая въ пользу богатаго.

Рядомъ съ этою несправедливостію—и другая, результатъ которой оказался весьма важнымъ:

Скутѣльщики, составляя классъ, котораго трудовая кофѣйка принадлежала чиновнымъ княжескимъ рабамъ, были изъяты отъ государственныхъ податей и налоговъ. Всѣ повинности обрушились на немногихъ уцѣлѣвшихъ мелкихъ собственниковъ, моснени, на жителей городовъ и крестьянъ-фермеровъ. Налоги же до того фанаріотами были увеличены, что большая часть жителей, не будучи въ состояніи уплачивать ихъ, или бѣжала или предавалась разбою. Народная перепись, сдѣланная нѣсколько лѣтъ спустя послѣ означенной реформы, обнаружила благотѣвія фанаріотовъ. Число людей, способныхъ къ платежу податей, уменьшилось на половину (*).

Урокъ достаточный, но фанаріоты не уменьшили нормы податей, и ввели, для большаго ихъ обезпеченія, *inde* т. е. солидарность десятіи семействъ, отвѣчающихъ другъ за друга.

Эти невыносимыя угнетенія, рядомъ съ другими, производимыми самими сборщиками податей, вывели народъ изъ терпѣнія. Онъ началъ роптать, ропотъ скоро превратился въ угрозу. Тогда фанаріоты успокоили его учрежденіемъ при каждомъ сборщикѣ податей въ округѣ, другаго, избираемаго самимъ народомъ, для повѣрки. Народъ утихъ, надѣясь на своего представителя; но надежды ихъ не оправдались: оба сборщика скоро сдружились, начали дѣйствовать за одно и вмѣсто одного чиновника-грабителя, ихъ появилось два.

Впрочемъ, не одни господа съ приверженцами своими грабили несчастныя провинціи. Сама покровительница—Порта, присвоивъ себѣ исключительное право продажи всѣхъ сельскихъ произведеній, и даровала ее обществу греческихъ купцовъ (капелансъ). Они, скупая за что у крестьянъ и владѣльцевъ сельскія произведенія, по такелъ призываемой изъ Константинополя, имъ же потомъ въ городахъ и на торгахъ продавали въ три-дорога; надували на всѣхъ, мѣрахъ, словомъ—царствовали во всѣмъ самоуправствовполный произволь; мужикъ терпѣлъ, жаловаться не смѣлъ, да и кому же было ему жаловаться!

Владычество фанаріотовъ было для Молдавіи и Валахіи болѣе нежели раззореніемъ. Насиліе и обманъ, проникнувъ вовсѣ поры общественнаго тѣла, растляли его, все благородное было подавлено, и уважаемо одно безчестное!

(*) Engel, Histoire de Valachie, II partie, p. 24.

Bawr. Mémoires historiques et géographiques sur la Valachie, p. 79.

T. LXVIII. Отд. I

ОТДѢЛЪ II.

Перемена въ судьбѣ Княжествъ. — Договоръ съ Каинарджою въ 1774 году. Условія договора. Вліяніе Россіи. Хати-Шерифы 1802 г. Возрожденіе фанаріотства. Удаленіе ихъ. Конференціи въ Аккерманѣ и послѣдствія ихъ. Вступленіе Русскихъ войскъ въ Княжества.

Настаютъ однако времена лучшія. Провидѣніе, какъ бы скажи надъ бѣднымъ и истощеннымъ народомъ посылаетъ ему избавителя: Россія черезъ два столѣтія явилась имъ благодѣтельницею.

Императрица Екатерина объявляетъ войну Турціи. Руманы встаютъ и ниспровергаютъ ненавистное имъ фанаріотство. Въ 1770 году Румянцевъ вступаетъ въ Княжества и замѣняетъ верхомый дикань. Въ продолженіи 4-хъ лѣтъ Молдавія и Валахія нѣсколько отдохнули, явился признакъ порядка; наконецъ трактатомъ въ Каинарджо 1774 года утвердилось преобладаніе С.-Петербурга надъ Константинополемъ и восстановлены нѣкоторые, давно забытые правъ несчастныхъ Княжествъ.

Вотъ условія договора :

- 1) Возстанавлиется право избранія князей народомъ.
- 2) Молдавія и Валахія освобождаются отъ всякихъ податей на два года.
- 3) Турція обязана отказаться отъ всего неуплаченнаго за прошлые годы, отъ всѣхъ недочетовъ и недоимокъ.

Недоброжелатели Россіи стараются придать позитивъ ея отношенію Турціи враждебныя намѣренія, говорятъ, что великодушіе ея основано было на расчетѣ пріобрѣсти право вѣншаго вѣдѣнія въ дѣла Турціи, обезсилить послѣднюю и наконецъ завладѣть Константинополемъ. Но какъ бы то ни было, нельзя отвергать того, что Россія явилась заступницею народныхъ нравъ Руманъ, и облегчила ея матеріальное положеніе.

Вслѣдствіе ея вліянія, былъ обнародованъ Портою въ 1802 году законъ, которымъ, между прочимъ, установлено: господарей избирать на 7 лѣтъ, во избѣжаніе постоянныхъ перемѣнъ, тревожившихъ и разорявшихъ народъ. Все это дѣйствія благодѣтельныя и благотворныя для Княжествъ, начинавшихъ выходить изъ мрачнаго доселѣ положенія, и при такихъ условіяхъ жизни могшихъ подвинуться далеко впередъ, если бы неожиданныя обстоятельства не возвратили ихъ опять своеволію Турціи и фанаріотовъ.

Когда Европа была взволнована успѣхами новаго геніальнаго завоевателя, Наполеонъ, сначала дружный съ Александромъ, уступилъ ему Дунайскія Княжества: но когда они поссорились и стали врагами,

Александръ заключилъ миръ съ Турціею, и возвратилъ ей эти провинціи, присоединивъ въ 1812 году Бессарабію къ своему государству.

Съ владычествомъ Турціи вновь возвратились фанаріоты, а съ ними новыя притѣсненія, новыя неистовства; народъ, доведенный до отчаянія, возсталъ, подъ предводительствомъ удалаго Владиміреско. Деревни опустѣли, поля были покинуты земледѣльцами, — всѣ стремились подъ знамена своего искупителя; но народный витязь палъ подъ ножемъ убійцы, въ 1821 году. Возстаніе осталось безплоднымъ и еще болѣе разорило бѣдныхъ поселянъ.

Однако годъ спустя, Турція, опять вслѣдствіе вліянія Россіи, отозвала фанаріотовъ и возвратила Княжествамъ туземныхъ правителей.

Установившійся вновь порядокъ упроченъ конференціями Аккерманскими въ 1826 году и, что ни говори медоброжелатели Россіи, какъ ни нападай на ея политику на самыя выраженія будто бы повелительныя (*), она вводила въ Княжества начала добра и правды: власть избирательную, правленіе туземное, свободу торговли. Что сдѣлали выродившіеся бояре, призванные при такихъ условіяхъ къ пересозданію народнаго быта и введенія въ страну законности? Въмѣсто того, чтобы общими силами стремиться къ устройству порядка и успокоенію страны, они провели время въ пустыхъ интригахъ и частныхъ искательствахъ.

Однако, несмотря на ихъ небрежность и нерадѣніе, край ожилъ, явилась литература, слившаяся воскресить забытое и загнанное румынское нарѣчіе. Освобожденный отъ встрѣчи съ ненавистнымъ для него кровопійцею, бояринъ возвратился изъ изгнанія, мужикъ, глядя съ довѣріемъ на будущность, возобновлялъ хижину свою, торговля стала безопасною и свободною. земледѣліе начинало процвѣтать, казалось, все предвѣщало новыя счастливыя времена; — вдругъ тучи надвинулись, солнце скрылось и ливнемъ полились на бѣдную Румынію — опять насилія, опять злоупотребленія.

Русскія войска вступаютъ въ Княжества въ 1828 году. Послѣдствія, оттого происшедшія мы, излагаемъ ниже.

Къ сожалѣнію, не смотря на многія благодѣянія Россіи, и матеріальныя ею введенныя улучшенія въ 1848 года высказалось нерасположеніе къ русскимъ.

(*) «Les Hôpitaux seront tenus de s'occuper sans le moindre délai avec les divans respectifs, des mesures nécessaires pour améliorer la situation des principales confiées à leurs soins, et ces mesures seront l'objet d'un règlement général pour chaque province».

ОТДѢЛЪ III.

Условія Адрианопольскаго мира. Княжества подъ управленіемъ генерал-лейтенанта Киселева. Недоброжелательство Княжествъ въ отношеніи къ Россіи.

Война съ Турціей окончилась Адрианопольскимъ миромъ. Условія мира во всемъ, что касалось Молдавіи и Валахіи, вполне благотельны для нихъ:

1) турецкія крѣпости, нѣкогда, вопреки договоровъ, построенныя, уничтожены, а земля, ими занимаемая, возстановлена Княжествамъ;

2) господаи впредь должны назначаться пожизненно;

3) Турція отказывается отъ всякихъ податей и налоговъ;

4) равно отказывается отъ права назначенія цѣны припасамъ;

5) провозглашена полная свобода торговли.

Все это чистыя благодѣянія для Княжествъ.

6) Оттоманская Порта обязуется выплатить Россіи, за издержки войны 125 миліоновъ; а для обезпеченія своевременной уплаты, Россія удерживаетъ Княжества. Это было необходимо для огражденія своихъ интересовъ отъ уклончивой Порты. По занятіи Княжествъ, всѣ усилія русскаго царя направлены къ тому, чтобы улучшить ихъ матеріальный бытъ, ввести правосудіе и порядокъ.

Графу Киселеву поручено завѣдываніе и высшее управленіе Молдавіей и Валахіей.

Не говоря о внѣшнихъ качествахъ общечитія, привязавши къ нему тотчасъ же высшее общество Бухареста, онъ объявилъ себя покровителемъ и заступникомъ крестьянина.

Дѣйствительно, матеріальныя улучшенія, введенныя имъ въ Княжества, коснулись и бѣднаго поселянина. Послѣдній былъ почти освобожденъ отъ всякой казенной подати, и этимъ положеніе его значительно улучшилось. Намѣренія графа Киселева были вполне благотельныя: устройство судовъ, школъ, народнаго ополченія, хлебныхъ запасныхъ магазеновъ, созданіе ибравльскаго порта, преиращеніе бывшихъ крѣпостей въ города, развитіе земледѣлія, все это неотъемлемыя его заслуги, не только предъ государствомъ, но и предъ человѣчествомъ. Къ несчастію, добрыя намѣренія его часто были искажаемы въ примѣненіи, и самый Органическій Регламентъ (*), составляющій понынѣ основу сельскихъ законоположеній послужилъ отчасти, въ рукахъ изворотливыхъ бояръ и аичныхъ чиновниковъ, къ утѣсненію простолюдина.

(*) Разборъ его во всей подробности будетъ ниже.

Наконецъ въ 1834 году, послѣ пятилѣтняго пребыванія, Русскіе оставили Княжества, и графъ Киселевъ, постоянно одушевленный самыми благими намѣреніями, разстался съ Бухарестомъ, дослѣ сохранившимъ самыя пріятныя о немъ воспоминанія.

Въ возстаніи 1848 года всѣ усилія направлены были къ внутреннему, общественному пересозданію края. Прокламація реформаторовъ не была призывомъ къ національной свободѣ; власть и покровительство Турціи—признаны въ обнародованной тогда конституціи; программа ея—не политическая, но социальная, исключительно направленная къ возрожденію гражданина, къ освобожденію лица и дарованію ему свободного труда.

Возрожденіе отечества было руманами какъ бы отлагаемо до будущихъ, счастливейшихъ временъ.

Для яснаго пониманія движенія 1848 года, надо вникнуть въ общественное положеніе сословій, пересозданное временемъ; надо опредѣлить существенныя отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами, иначе сказать, между трудомъ и поземельною собственностію.

ГЛАВА III.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ СОСЛОВІЙ. БОЯРЕ—ИХЪ ПРАВСТВЕННЫЙ УПАДОКЪ.—КРЕСТЬЯНЕ.

Первымъ сословіемъ является дворянство — бояре. Слово бояринъ значило первоначально «человѣкъ войны». Теперь, напротивъ, означаетъ человѣка, изъятаго отъ военной службы. Этимъ титуломъ отличія, приобретаемымъ на полѣ битвы, гордился скромный земледѣлецъ, подавая всегда первый примѣръ самоотверженія. Нынѣ бояре, владѣя всѣми богатствами края, не обязаны ни личною службой, ни вещественною податью, и изъяты отъ всѣхъ повинностей, лежащихъ на бѣдномъ и ими же разоренномъ простолюдинѣ; храбрые витязи, избранные народомъ, они нѣкогда во главѣ народа, ополченнаго на брань, отстаивали независимость роднаго крова и родной земли своей; нынѣ они первые рабы пришельцевъ, предлагаютъ свои дворцы, участвуя во всѣхъ грабительствахъ и неправдахъ! Убогое достоинствѣ постепенно разоряемой хижины служить къ убранству новыхъ покоевъ для прибывающихъ отъ времени до времени незваныхъ гостей, и трудовая копѣйка безпріютнаго пахаря уходитъ на пиршества и ликованія, — на празднованіе чужеземнаго яга!

Этотъ упадокъ нравственности издавна проникъ въ высшее сословіе: своеволие князей, дробившихъ общую поземельную собствен-

ность въ пользу приверженцевъ своихъ, набѣги дичарь, противъ которыхъ могли устоять одни болѣе сильные владѣльцы, феодалная система, превратившая бояръ въ пышныхъ магнатовъ, а скромныя жилища народныхъ любимцевъ въ замки, крѣпостное состояніе, исполнѣе разѣединившее два сословія, связанныя доселѣ союзомъ уваженія и покровительства, назначеніе господарей Турціею, открывшее обширное поприще искательствамъ наиболѣе богатыхъ, приходъ фанаріотовъ, а съ ними и новыхъ бояръ, — все это измѣняло мало по малу высокій, первобытный характеръ сословія; каждое столѣтіе вносило въ него новый слой растлѣнія, и довело наконецъ до настоящаго униженія.

Бояринъ нынѣ не можетъ опереться ни на древность рода, ни на отличія и заслуги предковъ. Потомки древнихъ родовъ бояръ Руманіи, одни въ изгнаніи, подобно Голески и проч., другіе, ограбленные, обратились въ земледѣльцевъ, или занимаютъ низшія служебныя должности, подъ начальствомъ внуковъ тѣхъ лакеевъ, которые услуживали ихъ дѣдамъ; словомъ—это не аристократія рожденія, еще менѣе аристократія таланта; лишенная достоинствъ въ большей части современныхъ ея представителей, она не имѣетъ даже цѣнности воспоминанія. Въ Валахіи изъ 30 семействъ великихъ бояръ, едва найдется 19, которыхъ титулы старше 20 лѣтъ. Въ Молдавіи едва 10 старше 1828 года; семейства же самыя богатые, считающія у себя кандидатовъ на престолъ, вовсе не румане, а пришельцы: Гики — албанцы, Сутцо — болгары, и такъ далѣе.

Титулъ боярина въ особенности упалъ съ водареніемъ фанаріотовъ. Сдѣлавъ его совмѣстнымъ съ занятіемъ высшихъ должностей, приверженцы ихъ становились боярами. Число же бояръ ограничено не было и постепенно увеличивалось при созданіи новыхъ должностей и расширеніи придворнаго штата; однако боярство ихъ продолжалось только до пришествія новаго господара, приводившаго свѣжую стаю кандидатовъ, которые замѣняли прежнихъ; послѣдніе успѣвали обогатиться, но, выѣстъ съ мѣстомъ, теряли титулъ. Чтобы избѣжать такого разжалованія, пзданъ былъ фанаріотами новый законъ, по которому дочь туземнаго боярина, выходя замужъ, передавала супругу боярскій титулъ. Туземный же бояринъ не смѣлъ отказать руки своей дочери какому нибудь министру или гофмейстеру; иначе подвергался преслѣдованіямъ и могъ даже лишиться всего. Послѣдствіемъ этого закона было то, что нынѣ вовсе нѣтъ руманъ между всѣми, неправильно называющими себя туземными боярами.

Современное поколѣніе отличается особенною расточительностію и невѣжествомъ. Единственная мечта, цѣль жизни — блеснуть хорошимъ экипажемъ и прогремѣть по улицамъ Бухареста, потомъ по-

біати въ Парижъ и навезти оттуда пестрыхъ жітостей. Въ Парижѣ, этой столицѣ образованнаго міра, ведуть жизнь удичную, которая і образованнаго челоуѣка, при продолжительности своей, можетъ превратити въ идіота, восхищаются нелѣпыми брошюрами, навязанными имъ на бульварѣ, не вникнувъ въ нихъ, увлекаются какими-то южnymi демократизмомъ, и, не служа, не принося никакой пользы отечеству, безсмысленно тратятъ состояніе свое, добытое кровавымъ іотомъ трудолюбиваго мужика. Въ этомъ омутѣ ни одинъ изъ нихъ не оглянется на прошлое, не прійдетъ въ себя, не подумаетъ о высомъ назначеніи челоуѣка, рожденнаго для труда; ни мысли, ни благороднаго порыва, одинъ всепоглощающій эгоизмъ и жизнь чисто животная!

Этому упадку способствуетъ и самое общество Бухареста; нельзя въ этомъ случаѣ отвергать и вліянія женщинъ. Пренебрегая святымъ назначеніемъ супруги, этой утѣшительницы челоуѣка, онѣ служатъ ему единственно разореніемъ. Матери, одна передъ другою, не ищутъ беснуть воспитаніемъ дѣтей своихъ. Всѣ благородныя побужденія заглушены роскошью и стремленіемъ перещеголять другъ друга вышними украшеніями. Далеко отъ того, чтобы, подобно римлянкамъ, въ минуту опасности отечества нести свои богатства на алтарь его; онѣ отличаются особеннымъ равнодушіемъ ко всему національному, даже накликивають занятіе края, видя во врагахъ отечества однихъ ювкихъ кавалеровъ; для нихъ міръ — это пышная гостиния, отечество — мягкій диванъ. Свадьбы совершаются самымъ гнуснымъ образомъ. Церковный алтарь — отвратительное торжище, вѣнчаютъ капиталъ съ капиталомъ, и единеніе мужа съ женою — одно сложение іѣсколькихъ цифръ; при этомъ не соблюдается даже приличія свести будущихъ супруговъ хоть наканунѣ свадьбы. Нѣтъ, — это доведено до высочайшей наглости; они нерѣдко въ первый разъ встрѣчаются подъ вѣнцомъ. Расторженіе браковъ есть дѣло обыденное. Сложомъ, въ нынѣшней аристократіи Княжествъ нѣтъ ни чувствъ, ни юспитанія, ни благородныхъ побужденій. Одинъ развратъ и униженіе. Отъ нихъ ожидать нечего отечеству. Средняго класса, этой жизненной силы страны, какъ мы объяснимъ въ свое время, тоже въ Княжествахъ нѣтъ; словомъ, вся будущность края, всѣ надежды — на удномъ, задавленномъ, но неиспорченномъ и трудолюбивомъ пахарѣ!

Крестьяне.

Сказано было, что во время наплыва азійатскихъ полчищъ, поля дакін римскимъ населеніемъ были покинуты, и погибло всякое воспоминаніе о прежнемъ поземельномъ устройствѣ, введенномъ римлянами: богатія семейства патриціевъ послѣдовали за легіонами

Авредіана, бѣдные укрылись въ горахъ. Варвары презирали воздѣлываніе земли, считая его работою рабскою; даклянъ, не успѣвши скрыться, обращали въ рабство и уводили при нашествіи новыхъ варваровъ; такъ, что когда послѣ нѣсколькихъ столѣтій, по прекращеніи великаго переселенія народовъ, румане вышли изъ убожищъ своихъ и возвратились въ долины, они нашли земли опустошенныя, раздѣлили ихъ по составленнымъ тогда деревнямъ, и обратили въ собственность общую. Это былъ возобновленный *ager publicus* римскій, достояніе всѣхъ, и не принадлежащій никому.

Въ горахъ же, при продолжительномъ пребываніи, образовались собственники частные, «мосненіи».

Позже, вслѣдствіе преобразованій, сначала освященныхъ общими соглашеніемъ, а потомъ самовластныхъ, въ равнинѣ тоже появились «мосненіи»; но при началѣ существованія Княжествъ т. е. во времена Радуды и Богдана поземельная собственность была — личная и въ горахъ, общинная въ равнинѣ.

Отчужденіе земель отъ общины, раздробленіе *agri publici* послѣдовало вслѣдствіе двоякихъ причинъ.

Первая, какъ мы уже сказали, была та, что князья (владѣтели всей земли), потому самому, что земля принадлежала общему владѣнію, составляла какъ бы имущество государственное, усвоили себѣ право дѣлить ее и отдавать въ личную собственность. Такія пожалованія производились сначала въ видѣ общественной награды; народъ, съ радостью, присоединялся къ князю, давалъ на то свое согласіе и дарилъ своего избавителя. Это было дѣйствіемъ народной благодарности; скоро однако эти пожалованія утратили первоначальный характеръ національныхъ наградъ и князья самовластно начали раздавать земли своимъ приверженцамъ, и народъ увидѣлъ себя ограниченнымъ въ общемъ своемъ достояніи по произволу князей.

Другая причина дробленія земли состояла въ томъ, что нѣкоторые участки розданы были мѣстечкамъ и городамъ, подлѣ условіемъ общественной благотворительности. Самъ Радудо хартією утвердилъ часть земли за общиною Илфовульскаго уѣзда (*), съ обязательствомъ кормить и призрѣвать раненыхъ и убогихъ города Кимполонга.

Церквамъ и монастырямъ тоже выдѣлялись земли, но всегдѣ подлѣ извѣстными условіями. Такъ они должны были учреждать школы и больницы, подавать помощь раненымъ, принимать и кормить путешественниковъ, въ продолженіе трехъ дней безвозмездно, и проч.

(*) Извѣстно изъ сохранившихся актовъ, что Радудо раздѣлил Валахию на 12 провинцій, на—подобіе 12 колѣнъ израильскихъ; дѣленіе доселѣ существующее.

На такихъ земляхъ, подобнымъ образомъ отданныхъ въ частныя руки, и при своеволіи князей, принимавшемъ все большіе и большіе размѣры, находились однако поселяне, воздѣлывавшіе ихъ съ обща и владѣвшіе ими, по праву не личному, но совокупному.

Выгнать ихъ оттуда было бы несправедливо, тѣмъ болѣе, что самое отчужденіе земель было первоначально или народною наградою, или дѣйствіемъ благотворительности. Странно было бы придать ему видъ ограбленія. Поэтому всѣ такія земли раздѣлены были на три равныя части: двѣ части отданы въ полную собственность общинъ владѣтелей-поселенцевъ; третья отошла въ пользу ново-созданной собственности, а крестьянамъ поставлено въ обязанность обрывать ее. Весьма важно опредѣлить новыя общественныя отношенія, порожденныя означеннымъ преобразованиемъ.

Является новый собственникъ, помѣщикъ, владѣющій одною третью извѣстнаго участка; остальные двѣ третьихъ утверждены за прежнимъ собственникомъ — крестьяниномъ, но безусловно, а съ обязанностію удѣлять часть труда на воздѣлываніе помѣщичьей земли. Крестьянинъ тѣмъ не менѣе оставался собственникомъ, передавалъ участокъ свой сыну, и право собственности его на двѣ третьихъ земель столь же свято, какъ и право помѣщика на одну треть.

Начало это осталось неизмѣннымъ, и доселѣ поземельная собственность въ Молдо-Валахіи является въ такомъ видѣ; но такъ какъ закономъ не было положительно опредѣлено ни число рабочихъ дней, ни отношенія труда къ числу работниковъ и пространству земли, то скоро возникли злоупотребленія; при подробностяхъ исполненія все сдѣлалось дѣйствіемъ произвола, и крестьянинъ, исключительно занятый работою на господской землѣ (барщиною), оставлялъ свои поля невоздѣланными, впадалъ въ нужду, а затѣмъ и въ нищету.

Рядомъ съ этою, такъ сказать условною, ограничекою собственностію, мы встрѣчаемъ еще рядъ небольшихъ, отдѣльныхъ участковъ земли, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, «моспени». Эти помѣстья были уцѣлѣвшія прежнія общинныя собственности, не розданныя князьями боярамъ и духовенству; часть ихъ составила въ послѣдствіи мѣною пригорныхъ помѣстій на долинные, владѣтели же ихъ «моспени» составили классъ особенный, отдѣльный отъ владѣльцевъ обязанныхъ.

На этихъ-то независимыхъ, сосѣднихъ собственниковъ богатые помѣщики, бояре и духовенство начали смотрѣть съ завистью; и хотя этотъ средній классъ, дѣятельный и независимый, готовъ былъ всегда отстаивать права родины, — эта готовность его къ войнѣ перестала скоро ставиться ему въ заслугу. Частныя интересы оспиили, поглотили народныя, и моспени подверглись гоненіямъ со стороны бояръ и монаховъ, желавшихъ завладѣть ихъ сосѣдними землями.

Эта война притязаній и насилій началась съ того, что бояре и монахи исторгли у князей освобожденіе своихъ земель и прилежащихъ къ нимъ деревень отъ всякихъ налоговъ, которые обрушились всею тяжестью на однихъ моснени.

Во время войнъ съ поляками и венграми, по признаніи покровительства Турціи, моснени одни несли всю тяжесть военной службы; при истощеніи средствъ, они должны были прибѣгать къ тяжелымъ займамъ. Кредиторами же ихъ были бояре и духовенство, бравшіе съ нихъ огромные проценты; при невозможности же во-время уплатить долгъ, должники, вмѣстѣ съ владѣніями своими, впадали въ руки кредиторовъ.

Къ этимъ незаконнымъ дѣйствіямъ присоединились и судебныя несправедливости: начали требовать отъ мелкихъ собственниковъ доказательствъ на владѣніе землею, тогда какъ извѣстно было, что по пришествіи съ горъ всякій селился, гдѣ хотѣлъ, и земля принадлежала тому, кто первый ее занялъ, а потомъ переходила по праву наслѣдства.

Тѣ, которые имѣли письменныя доказательства въ уступкѣ имъ этихъ земель князьями, купчія, или мѣновыя записи, были обманываемы помѣщиками. Послѣдніе всѣми силами старались истреблять подобнаго рода документы. При сохраненіи такихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, и являясь съ ними въ присутственныя мѣста, моснени находили въ засѣдающихъ тамъ боярахъ своихъ же грабителей. Духовенство тоже дѣйствовало заодно съ боярами. Бояре отстаивали духовенство, духовенство—бояръ, церковь и замокъ дѣлили убогое достояніе хижинны.

При столь сильныхъ противникахъ, уничтоженіе мелкой собственности быстро подвигалось впередъ. Впослѣдствіи, съ приходомъ фанаріотовъ, измѣнились лица, но не система разоренія; совершались самыя ненавистныя сдѣлки между судьями и грабителями. и огромныя богатства, основанныя на судебныхъ придирахъ, возникали вслѣдствіе подобныхъ межевыхъ тяжбъ. (*). Большая часть моснени была превращена въ обязанныхъ крестьянъ; средній классъ исчезъ, а съ нимъ и жизненныя народныя силы.

Къ этому надо присоединить причины вѣшнія, о которыхъ мы уже говорили: набѣги пашей, янычаръ, отсутствіе безопасности, заставившее нѣкоторыхъ моснени просить защиты и покровительства сильнѣйшихъ бояръ, завладѣвшихъ ими впослѣдствіи вмѣстѣ съ землями ихъ; бѣдность, принудившая нѣкоторыхъ покидать поля

(*) Стирбей, креатура Австрій, владѣлъ небольшоимъ участкомъ земли, по наслѣдству, около Крайовы, называемымъ Мехедимпези. Въ настоящее время помѣстье это раздалось въ ширь, вслѣдствіе выигранныхъ у окружныхъ моснени процессовъ, и считается однимъ изъ обширѣйшихъ помѣстій.

свои, преданныя пламени, и идти въ поленщики, а другихъ—продаваться въ полное рабство; отдача духовенству земель, въ надеждѣ, тѣмъ умилосердитъ небо,—все это ослабило край, лишая его свободнаго, производительнаго труда. Наконецъ Сербанъ, введеніемъ феодальной системы, окончательно доканалъ сельское населеніе, отдалъ его, по рукамъ и ногамъ связанное, господину и превратилъ собственника-земледѣльца въ принадлежность боярскаго или монастырскаго помѣстья (*).

Вотъ нѣкоторыя статьи его законоположенія:

1) По смерти крѣпостнаго, при немѣннй прямыхъ наслѣдниковъ, земля его не возвращается общинѣ, но переходитъ въ собственность къ помѣщику.

2) Владѣлецъ самъ назначаетъ продолжительность работъ.

Въ замѣнъ свободы, даруется крѣпостному какъ бы залогъ его матеріальнаго обезпеченія: владѣлецъ обязанъ снабдить его необходимыми земледѣльческими орудіями, а равно кормить во время голода и болѣзни.

Съ тѣхъ поръ владѣльцы, продавая свои земли, начинаютъ продавать и крестьянъ, имена которыхъ, уже особою статьею, являютъ въ актахъ продажи.

Молдаване, всегда превосходившіе валаховъ въ жестокости обращенія съ крестьянами, смѣшивали ихъ съ цыганами-рабами, и продавалъ по одиночкѣ, на выводъ, отдавали въ приданое дочерямъ при выходѣ въ замужество, въ видѣ лакеевъ, часто сына отдѣльно отъ матери и отца, остававшихся за прежнимъ господиномъ.

Но кара готовилась боярамъ за такія угнетенія: изъ гонителей они въ скоромъ времени были превращены въ гонимыхъ, прищельцемъ грекомъ—фанаріотомъ. Обирая моснени и утѣсняя крестьянъ, бояре ослабили и самихъ себя,—лишивъ народъ, окружающій ихъ, всякой нравственной энергіи. Его истощенныя мышцы еще могли обогатить утѣснителя—владѣльца, но не могли защитить независимости края. Земледѣлецъ—руманъ не былъ болѣе помощникомъ и товарищемъ славнаго и уважаемаго имъ боярина—вождя, но загнанный поленщикъ, обезсиленный отъ нужды и каторжныхъ работъ.

Фанаріоты, какъ мы видѣли, привели съ собою цѣлую стаю клевретовъ, которые дѣлаются первыми сановниками при Дворѣ, правителями и судьями. Они завладѣваютъ помѣстьями туземныхъ бояръ, которые такимъ образомъ нерѣдко принуждаются сами обратиться къ воздѣлыванію земли, рядомъ съ недавнею, ихъ жертвой, съ моснени, наканунѣ лишеннымъ ими своего достоянія.

(*) Вспомнимъ что крестьянинъ былъ собственникъ $\frac{2}{3}$, а помѣщикъ (бояринъ ли или монастырь)— $\frac{1}{3}$ всего участка.

Казалось бы горькій урокъ туземному боярину! Тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ тѣснить бѣднаго и безпріютнаго пахаря, думая, потому-го снискать расположеніе новаго господина, алчнаго фанаріота. Народъ неоднократно возставалъ, а хитрый, выродившійся грекъ, не на видя бояръ, радовался ихъ критическому положенію и даже тайно покровительствовалъ такимъ возстаніямъ.

Наконецъ Константинъ Маврокордато, актомъ 5-го августа 1746 года, уничтожилъ крѣпостное состояніе въ Валахіи, а 6-го апрѣля 1749 года, тоже послѣдовало и въ Молдавіи; но, какъ мы видѣли,

1. учрежденіе скутельниковъ создало для мнимо-освобожденныхъ новый родъ рабства: они приговорены къ тяжкимъ платежамъ, — и свобода ихъ сдѣлалась мнимою.

2. Ограниченіе помѣщичьихъ правъ дало правительству право вмѣшательства; крестьянина нѣсколько оградили отъ одной власти, подчинивъ его другой, едва ли для него, при алчности фанаріотовъ, не болѣе тягостной.

3. Выигравъ въ моральномъ отношеніи, со стороны достоинства, мужикъ потерпѣлъ въ своемъ благосостояніи:

а) Помѣщикъ освобожденъ былъ отъ обязанности снабжать его земледѣльческими орудіями и кормить во время голода и болѣзни.

б) Крѣпостной былъ освобожденъ отъ всякаго платежа въ пользу казны; актомъ освобожденія наложены на него подати и отбываніе разныхъ казенныхъ требованій (повинностей).

Съ этой поры крестьянинъ подверженъ двоякаго рода гоненіямъ: бояре обируютъ его во имя собственности, князья во имя государства. Положеніе крестьянъ становится до того тягостнымъ, что они въ отчаяніи покидаютъ родину и цѣлыми толпами уходятъ искать отдыха въ переселеніи. Въ 1768 году Валахія до того опустѣла, что Порта поставила это на видъ князю Гикѣ.

Князь посредствомъ обѣщаній успѣлъ воротить нѣкоторыхъ, даровавъ новыя льготы:

1) Крестьянину по возвращеніи дозволено избрать мѣсто жительства.

2) Число дней, которые онъ обязанъ работать на помѣщика, уменьшено: первый годъ полагается ему 3 дня барщины, второй 6, а для третьяго и послѣдующихъ — 9. (*).

И эти обѣщанія нарушены были помѣщиками; они произвольно увеличивали дни работъ, дѣлились прибылью, отъ того проптекающей, съ властями наблюдающими, и злоупотребленіями вновь выну-

(*) Appel adressé par le Prince Charles Ghika aux habitants expatriés, avec promesse de privilèges et d'immunités spéciales pour tous ceux qui rentreraient dans le pays. (Archives de la métropole de Bukarest dans le Magasin historique de la Dacie, t. II. p. 300).

длин крестьянъ къ эмиграціи. Въ 1775 году 10,000 земледѣльцевъ оставили соху и предались разбою.

Указомъ 1-го января 1766 года, Григорій Гика уменьшилъ дни барщины, но зтимъ до того возстановилъ бояръ, что они избрали семь депутатовъ, которые, съ митрополитомъ во главѣ, явились къ князю и требовали уничтоженія Хризовула и увеличенія дней работы съ 12 на 16. Григорій Гика не послушалъ ихъ, но два года спустя, долженъ былъ уступить необходимости и прибавить еще 2 барщинные дня; при этомъ увеличилъ и обязанности крестьянъ, возложивъ на нихъ:

- 1) Бесплатный провозъ продуктовъ владѣльца.
- 2) Починку владѣческихъ построекъ: магазиновъ, мельницъ, кабаковъ, плотинъ и проч.

Въ 1790 году помѣщики вновь протестовали и вынудили правительство къ изданію новаго законоположенія, новаго урбаріума.

Имъ дни барщины совершенно уничтожены и замѣнены урочными работами, опредѣлено количество земли для вспашки, посѣва и сѣнокоса.

Этотъ законъ, въ видѣ огражденія помѣщиковъ отъ гнѣности крестьянъ, тѣмъ не менѣе основанъ былъ на началахъ справедливости, трудъ крестьянина ясно обозначенъ и ему положены предѣлы; одна, столь свойственная помѣщикамъ, изворотливость могла быть причиною нарушенія означенной нормы труда.

Новый урбаріумъ, изданный г. Караджа въ 1816 году, служилъ къ обремененію крестьянъ; во 1-хъ прибавлено было еще два дня барщины и сверхъ того два перевоза въ пользу помѣщика, одинъ въ шести часовомъ разстояніи, а другой для свозки дровъ, къ новому году, изъ лѣса на барскій дворъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличены были казенныя подати.

Такое двоякое стѣсненіе не мало способствовало къ возбужденію народнаго неудовольствія, вскорѣ же и высказавшагося въ возстаніи подъ предводительствомъ Владиміреско.

Бояре не могли бы противиться реформамъ, предпринятымъ народнымъ начальникомъ, но рука убійцы избавила ихъ отъ опасеній. Владиміреско палъ въ 1821 году, а съ нимъ и преобразовательныя его намѣренія.

Тѣмъ не менѣе попытка его подѣйствовала на бояръ. Народный глава говорилъ во имя мужика, армія была составлена изъ крестьянъ. Начали беречь земледѣльца, чтобы погасить въ немъ воспоминаніе о временномъ успѣхѣ. Притомъ Григорій Гика въ Валахіи не только былъ защитникомъ и покровителемъ крестьянъ, но даже строго каралъ помѣщиковъ угнетателей. Вообще время съ 1822 до 1828 года

было для земледѣльца радостною эпохою отдохновенія и справедливости.

Вступленіе русскихъ въ Княжества, въ 1828 году поставило жителей въ затрудненія, сопряженныя съ воинскимъ переходомъ и постолами.

При заключеніи мира, Россія объявила о благодѣтельныхъ реформахъ. Земледѣлецъ искренно вѣрилъ въ лучшую будущность, въ болѣе счастливое положеніе. Составлена была комиссія изъ бояръ, и ей поручено выискать въ крестьянскій бытъ и представить соображенія о возможномъ его улучшеніи. Безъ всякаго сомнѣнія бояре, участвовавшіе въ комиссіи, имѣли въ виду устроить такъ, чтобы не потерпѣть никакихъ убытковъ въ своихъ личныхъ интересахъ, и ввели въ новое законоположеніе многія подробности, прямо подававшія поводъ къ злоупотребленіямъ, бездну протнворѣчій и неопредѣленностей. Два года прошло въ разсматриваніи новыхъ возможныхъ реформъ, наконецъ объявленныхъ и приведенныхъ въ исполненіе въ 1831 году подъ именемъ Органическаго Положенія (*réglement organique*).

Нѣкоторыя статьи положенія предвѣщали самыя благодѣтельныя улучшенія:

1) Освящено право крестьянъ на владѣніе двумя третями земли каждаго помѣстья. (Было сказано, что помѣщики должны отвѣсти крестьянамъ землю; и *taille* отведенной земли не долженъ превышать $\frac{1}{3}$ всего помѣстья). Это неизмѣнное начало переживаетъ всѣ видоизмѣненія сельскаго быта (*).

2) Чтобы оградить поселенна въ его неотъемлемомъ правѣ владѣнія, закономъ запрещено помѣщику изгонять его изъ участка, занято имъ. Исключенія допущены въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ, въ видѣ наказанія, и не иначе, какъ съ дозволенія и вмѣшательства правительства; изгнаніе же поголовно положительно запрещено (**).

3) «За крестьяниномъ признано право собственности на всѣ, имъ лично произведенныя улучшенія; онъ можетъ располагать ими по произволу, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ, можетъ продать ихъ и передать въ наслѣдство, кому пожелаетъ.

4) При оставленіи помѣстья, вслѣдствіе понужденія помѣщика, съ согласія правительства, земледѣлецъ имѣетъ право требовать воз-

(*) Но есть статья противорѣчащая этому именно: ст. 144. Въ ней сказано: «De même que le propriétaire est maître absolu de toute la terre, de même aussi le paysan est maître de sa liberté. Какимъ же образомъ помѣщикъ—полный хозяинъ всего помѣстья, когда регламентъ же дѣлитъ это самое помѣстье на 2 части: одну, состоящую изъ трети, действительно остающейся въ полнотѣ распоряженіи помѣщика, другую, не превышающую двухъ третей, которую помѣщикъ обязанъ (*est obligé*) отдать крестьянамъ во владѣніи.

) ** Ст. 144. Реглам. Валахія и 126 Реглам. Молдавіи.

напрямленъ на оставленный имъ домъ, огородъ, садъ и плодовые деревья».

Въ этомъ—установленіе правъ земледѣльца, общиннаго владѣтеля отведенной ему земли.

Остается опредѣлить права помѣщиковъ, и здѣсь-то ловко введены средства, какъ обойти законъ и обратить въ пользу владѣльца. Статья эта начинается самыми гуманными фразами:

«Трудъ земледѣльца долженъ оразмѣряться предоставленными ему выгодами, иначе сказать стоимостью уступленной ему земли (1).

«Обязанности его и выгоды помѣщиковъ должны быть, по возможности, уравниваемы».

Разсмотримъ сначала выгоды крестьянина:

Помѣщикъ «обязанъ» (Ст. 140. Рег. Вал., 118 Рег. Молд.) снабдить крестьянина слѣдующимъ количествомъ земли.

Полевая мѣра различна въ Молдавіи и Валахіи (2); вслѣдствіе чего замѣтна небольшая разница въ пространствѣ земли, отведенной земледѣльцамъ въ обоихъ Княжествахъ. Въ Молдавіи оно нѣсколько обширнѣе (3); позато отъ земледѣльца требуется и болѣе труда. Чтобы упростить подробности, я привожу въ примѣръ счетъ употребляемый въ Валахіи, и все, что будетъ сказано о ней, можетъ быть примѣнено и къ Молдавіи, съ тою разницею, что въ послѣдней помѣщикъ болѣе самовластенъ, крестьянинъ же болѣе угнетенъ.

Въ Валахіи земледѣлецъ получаетъ, частію въ равнинѣ, частію въ горахъ:

- 1) Имѣющій 4 вола (4) и корову, приблизительно—4 десятины.
- 2) Два вола и корову — 3 дес. $\frac{1}{4}$.
- 3) Двѣ руки и корову — 2 дес. $\frac{1}{4}$.

(1) L'art. 140 du Règlement valaque porte: «Le travail des villageois, établis sur la terre d'un propriétaire, devant être considéré comme l'équivalent des avantages qui leur sont faits par le propriétaire, il est nécessaire de déterminer, d'une part—la somme totale de ces avantages, et de l'autre—les obligations, auxquelles devront être soumis les villageois à raison de ces avantages.

L'art. 118 du Règlement moldave dit de même: «Le propriétaire est obligé de fournir à la nourriture des villageois établis sur la terre, de même que ceux-ci sont obligés en retour de travailler pour le compte du propriétaire. Cette réciprocité doit, pour être juste, compenser, autant que possible, les avantages et les obligations de part et d'autre».

(2) Мѣра въ Валахіи погонъ (le podone) = $\frac{1}{2}$ гектара, гектаръ = 0.915,3315 десятины. Десятина = 1,092,497 гектара.

Для упрощенія счета будемъ полагать приблизительно погонъ почти = $\frac{1}{2}$ десятины.

(3) la falce, — фалсъ, = десятины.

(4) Надо замѣтить, что въ Княжествахъ помѣщики вовсе не держатъ своего рогатаго скота. Вся земля обрабатывается крестьянскимиъ.

Въ этомъ числѣ заключается и плата на постройку дома и раздѣленіе сада.

Обязанности на крестьянина возложены слѣдующія:

1) Плата съ произведеній земли, находящейся въ его владѣніи натурой (dîme, дима). (*)

Въ Валахіи плата эта распределена слѣдующимъ образомъ: крестьянинъ обязанъ отдавать помѣщику: десятую часть со всѣхъ произведеній, съ сѣна пятую часть, а съ вина двадцатую; въ Молдавіи съ вина десятую часть.

Положимъ, что сумма всѣхъ продуктовъ представляетъ общую, валовую цѣнность 250 р. ассигн. (**)

Продукты эти добыты трудомъ крестьянина.

Если привести въ деньги этотъ трудъ, издержки на пость, на покупку и кормъ скота, на удобреніе, уходъ за виноградниками, это составитъ по крайней мѣрѣ 200 рублей, которые надо вычесть изъ валоваго дохода; остается всего 50 р. ас. чистой прибыли. Десятая часть стоимости всѣхъ произведеній т. е. 25 р. крестьянинъ обязанъ отдать помѣщику, иначе сказать половину чистой прибыли; ежели же чистую прибыль положить всего въ 25 р. ас.—то вся она уйдетъ въ уплату. Условія эти хотя тягостны, но по крайней мѣрѣ опредѣлены.

2) При обязательныхъ же дняхъ работы на помѣщика, иначе сказать, при отбываніи барщины—открывается обширное поле злоупотребленіямъ. Каждый крестьянинъ долженъ помѣщику:

а) 13 дней работы со скотомъ и подводой.

б) 1 день для своза лѣса.

Въ Молдавіи законъ требуетъ отъ крестьянина три транспорта: одинъ осенью, другой весною, третій къ новому году, въ разстояніи отъ часа до 16. Послѣдній можетъ быть замѣненъ двумя перевозами въ восьми часовомъ разстояніи.

Потомъ Органическій Регламентъ исчисляетъ, какому именно ручному труду равняется день работы со скотомъ и подводой. Такъ сказано: 13 дней съ упряжью равняются ручному труду 39 дней, первый перевозъ тремъ днямъ, итого 42 дня для Валахіи.

Въ Молдавіи два перевоза, осенній и весенній—4 днямъ, перевозъ къ новому году—4 днямъ.

(*) Дима эта—одна изъ обязанностей, которая наиболѣе способна къ явскому опредѣленію, и менѣе всего лично подчиняется одно лицо другому. Это такъ справедливо, что уплаты натурой доселѣ существуютъ во Франціи по добровольному уговору подъ именемъ *métayage*.

(**) Рубль ассигнаціями, какъ мы уже сказали, принимаемый нами въ расчетъ равняется французскому франку, нашему нынѣшнему четвертаку, 25 коп. серебромъ.

Причемъ къ этому еще 4 дня, полагаемые для починки усадьбныхъ построекъ.

Итого: Для Валахіи 45 дней.

Для Молдавіи 51 день.

Это не все. До изданія Органическаго Положенія, когда у помѣщика нѣкоторыя работы оставались несовершенными во время, назначенное закономъ, онъ обращался къ крестьянамъ, прося ихъ помочь ему. Въ награду за такія добровольныя услуги, владѣлецъ угощалъ ихъ и давалъ имъ пиръ. Это называлось справлять клака (сласа—любезность, угожденіе). Доселѣ сохранился обычай у крестьянъ—иногда сообща помогать вдовамъ и бѣднымъ своего селенія. Бояре, составители Органическаго Положенія, превратили это, такъ сказать, благотворительное дѣйствіе крестьянъ (сласа) въ обязанность. Сказано было: деревни должны доставлять помѣщику для чрезвычайныхъ работъ, нетерпящихъ отлагательства, 4 человекъ съ подводами со ста семействъ, 3 съ 65 и 75 семействъ, 2 съ 38 и 60, 1-го съ 13 и 25. Въ Молдавіи оброкъ человѣческой былъ назначенъ большій, а именно, — селеніямъ, составленнымъ изъ 200 семействъ, поставлено въ обязанность представлять одного человека съ 10 семействъ, а деревнямъ, менѣе населеннымъ, по два человека съ 10.

Эта, вновь созданная, обязанность названа iobagie.

Эта iobagie (требованіе людей въ самое жаркое время), превращенная въ ручной трудъ, въ обыкновенное время равняется (*) 9 днямъ для Валахіи, въ которой полагается 8 человекъ съ 200 семействъ.

Для Молдавіи же полагается 20 человекъ съ 200 семействъ т. е. пропорціонально въ $2\frac{1}{2}$ раза больше нежели въ Валахіи; слѣдовательно трудъ можно тоже считать въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, иначе сказать трудъ 1-го = не 9, а $9 \times 2\frac{1}{2} = 22\frac{1}{2}$ днямъ, а при 40 съ 200, т. е. вдвое, — 45 днямъ. (**)

(*) Ежели при первоначальномъ исчисленіи ручной трудъ считался втрое противъ работы съ упряжью, а именно: 13 дней—39 днямъ, то въ этомъ случаѣ, при самомъ горячемъ времени, можно безошибочно считать втрое противъ обыкновеннаго труда т. е. 1 день iobagie будетъ равенъ не 3, а 9 днямъ другаго труда. Во время жатвы наемъ работника стоитъ отъ 7 до 10 піастровъ (отъ 60 к. сер. до 1 р. сер.). между тѣмъ какъ, въ обыкновенное время, рѣдко превышаетъ $2\frac{1}{2}$ піастра. (25 к. сер.)

(**) Положимъ, что этотъ счетъ преувеличенъ; но подождемъ результата, и какъ потомъ ни набавляй, какъ широко ни разсчитывай, — несправедливость будетъ явная. (Слѣдуетъ собственно одинаково считать въ Молдавіи и Валахіи день iobagie = 9 днямъ; притомъ не считалъ я 6 дней съ подвой, которые они должны работать на поправку дорогъ. Мѣстныя власти тоже могутъ требовать работы въ горячее время).

Прибавимъ эти дни къ вышеозначеннымъ. Выходитъ
Въ Валахіи $46+9=55$

Въ Молдавіи:

въ 1-мъ случаѣ $51+22\frac{1}{2}=73\frac{1}{2}$;

въ другомъ $51+45=96$.

Притомъ, еслибы въ Княжествахъ земледѣліе было сложное, и полевая работа столь многочисленны и разнообразны, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, мертвое время собственно состояло бы изъ четырехъ или пяти зимнихъ мѣсяцевъ, и земледѣльческій годъ заключалъ бы приблизительно 210 дней, которые могли бы быть удѣлены земледѣльцемъ на полевая работа; но въ Княжествахъ, земледѣліе состоитъ исключительно изъ простаго воздѣлыванія пшеницы и маиса; всѣ хозяйственныя операціи заключаются во вспашкѣ и жатвѣ. Изъ 210 дней немногіе только могутъ быть удѣлены на работы, требуемыя этими двумя родами труда (culture); прочее же время употребляется, по большей части на перевозъ продуктовъ и на другія занятія, имѣющія дальнія отношенія къ воздѣлыванію земли. На послѣднее собственно можно положить отъ 3-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ изъ 7-ми хорошаго времени. Положимъ 4 мѣсяца, 120 дней.

Изъ этого числа надо исключить 16 воскресныхъ дней, 4 праздничныхъ (которыхъ очень много), 8 дурной погоды (по 2 дня въ мѣсяцъ), всего 28 дней.

Остается 92 дня.

Итакъ, крестьянинъ въ Валахіи работаетъ на себя: 37 дней ($92-55=37$).

Въ Молдавіи—въ первомъ случаѣ $18\frac{1}{2}$ дней ($92-73\frac{1}{2}=18\frac{1}{2}$).

Въ селеніяхъ же, не превышающихъ 200 семействъ, во второмъ случаѣ—4 дня. ($92-96=-4$). Вотъ официальные цифры дней, требуемыхъ отъ мужика.

Эти обязанности, въ совокупности съ димомъ, все еще только цифры воображаемыя. На самомъ дѣлѣ дни считаются не по времени, а по мѣрѣ работъ; эта мѣра до того велика, что въ день нѣтъ крестьянину никакой возможности выполнить опредѣленный трудъ (*); онъ долженъ хоть немного удѣлить изъ будущаго.

(*) Это въ особенности справедливо въ отношеніи къ Молдавіи. Комитетъ, составленный послѣ революціи 1848 года, въ 1849 году для соображенія необходимыхъ преобразованій, сознается въ отчетѣ, поданномъ Портѣ, что часто «le travail taxé à un jour ne peut se faire en moins de trois.»

Такъ, напримѣръ, за день работы считается :

1) Для всѣхъ посѣвовъ бросаемыхъ рукою, прибл. полторы засѣянныхъ десятины (3 погона) (Орг. Регл. ст. 142 § 5).

2) Сжать и сложить 2½ стога хлѣба; каждый стогъ въ 26 сноповъ. Снопъ же долженъ быть толщины такой, чтобы веревка длиною въ аршинъ и 6 вершковъ точно обхватывала его (Тамъ же).

День полонья (sarclage) считается, когда выполано 12 сажень (*); это полонье составляетъ предметъ особенной важности въ краѣ, котораго земледѣльческое богатство состоитъ преимущественно въ разведеніи маиса.

Маисъ же требуетъ самого бдительнаго ухода : надо выщипывать всѣ постороннія травы, которыя заглушаютъ его ; необходимы еще икоторыя придаточныя работы, умножающія трудъ; чрезъ 20 дней надо опять приступить къ полонію, которое иногда бываетъ необходимо повторить и третій разъ (**). Все это заключается въ назначенномъ днѣ полонья : сверхъ того сорвать плодъ, даже свезти его въ магазинъ ; такъ что, на практикѣ, называемый въ Органическомъ Положеніи день полонья начинается въ маѣ и кончается въ октябрѣ.

Замѣтимъ притомъ, что въ то время, когда крестьянинъ занятъ полоніемъ господскаго маиса, его собственный заглушается травой. Необходимыя земледѣльческія операціи, первое и второе полонье, сборъ плода, далѣе жатва хлѣба, сѣнокосъ и прочія работы, смѣняющія другъ друга, не даютъ времени крестьянину обработать свой собственный участокъ, который, запущенный или кой-какъ обработанный, даетъ жатву небольшую и недостаточную,

Голодъ и подати побуждаютъ крестьянина къ займу; у кого же занять, какъ не у помѣщика? Онъ и даетъ ему въ займы—не деньгами, а хлѣбомъ по установленной цѣнѣ, то есть по цѣнѣ, которую продавецъ могъ бы получить въ Галацѣ или Ибраилѣ.

(*) Une journée de sarclage compte 12 perches. Першъ,—это мѣра, шесть содержашій отъ 18 до 21 фута, т. е. почти русская сажень.

(**) Это сложное воздѣлываніе можно уподобить у насъ многосложнымъ трудамъ, при воздѣлываніи табаку въ Малороссіи, особенно американскаго. Надо сначала вывести его въ парникахъ, потомъ тщательно рассадить въ извѣстномъ разстояніи на десятинѣ, которая требуетъ до 400 возовъ конскаго навоза; полоть безпрестанно, нижніе листья выщипывать, чтобы верхніе становились шире, срезать его, навязать на палкѣ, но такъ, чтобы одинъ листъ не касался другого; для этого между листьями надвѣвается палочка, разъединяющая ихъ. Правда, одна десятина, засѣянная американскимъ табакомъ, котораго пудъ иногда продается до 7 руб. сер., между тѣмъ, какъ пудъ простаго (тетюна) не превышаетъ 60 коп. сер., даетъ иногда до 600 руб. сер. дохода; но не мѣшаетъ замѣтить, что при 500 душахъ, не упуская другихъ работъ, почти невозможно обработать болѣе одной десятины.

Въ Княжествахъ, какъ и вездѣ, не даютъ денегъ безъ обезпеченія. Крестьянинъ, не имѣя другаго залога, кромѣ собственныхъ рукъ, и закладываетъ свой свободный трудъ. Такимъ образомъ трудъ обязательный по Регламенту, и трудъ наложенный необходимою — и поглощаютъ все время земледѣльца.

Въ Валахїи бояре дѣйствуютъ болѣе ухищренно: прикрывая требованія свои видомъ законности, они надѣваютъ цѣпи на свои жертвы посредствомъ мнимо-добровольныхъ контрактовъ; у дворянства Молдавіи, напротивъ, притѣсненія болѣе открытыя, явныя и насильственные. Молдаване дѣйствуютъ, какъ феодальные бароны, валахи, — какъ нѣкогда жиды въ Малороссіи.

Положеніемъ дозволено помѣщику замѣнять трудъ крестьянина требованіемъ съ него определенной суммы денегъ (*).

Молдаване прямо, безъ ухищреній, предпочитаютъ трудъ, заставляя крестьянина работать круглый годъ.

Лицемѣрный валахъ предается разнымъ финансовымъ спекуляціямъ.

Органическимъ Положеніемъ дозволено помѣщику замѣнять трудъ крестьянина требованіемъ съ него известной суммы денегъ. Каждый три года общее собраніе, составленное изъ однихъ помѣщиковъ, должно было опредѣлять законную цѣну за трудъ. Цѣна эта, опредѣляемая боярами, далеко не соответствовала тому, что стоитъ трудъ крестьянина въ жаркое время; не было принято въ соображеніе и то обстоятельство, что цѣна не вездѣ одинакова, но измѣняется по мѣстности: такъ напримѣръ когда цѣна за трудъ была опредѣлена въ 2½ піастра (піастръ = 35 centimes), въ горахъ, гдѣ народонаселеніе гуще, онъ стоитъ 2 піастра, въ равнинѣ — 4 піастра. Согласно законному тарифу, съ горнаго жителя помѣщикъ требуетъ уплаты деньгами, а потомъ скунаетъ трудъ крестьянина низшею цѣною, нанимая его за 2 піастра. Въ равнинѣ, напротивъ, онъ требуетъ отъ крестьянина исполненія барщины; крестьянинъ же, чтобы воспользоваться горячимъ временемъ для обработки собственного поля, откупается, соглашаясь заплатить сверхъ положенной цѣны.

Въ первомъ случаѣ законная цѣна отяготительна, во второмъ ея не придерживаются.

(*) Это дозволено помѣщику; но крестьянинъ не имѣетъ права выкупить свой трудъ по означенной цѣнѣ. Въ одномъ только случаѣ это дозволено ему, именно, когда онъ оставляетъ землю, на которой находится, и долженъ за годъ впередъ уплатить повинности, какъ увидимъ послѣ; но это весьма рѣдкое исключеніе; если же и случалось, что угнѣяемый крестьянинъ оставлялъ землю, такъ это онъ просто бѣжалъ и скрывался.

Органическимъ Регламентомъ дозволено помѣщикамъ входить съ крестьянами въ добровольныя условія и соглашенія. При заключеніи подобныхъ контрактовъ, трудъ крестьянина обыкновенно означенъ цѣнностью монетною; земледѣлецъ за полученіе того или другаго обязуется выплатить помѣщику столько-то. Постоянно случается, и это предвидѣно помѣщикомъ, что крестьянинъ не въ состояніи будетъ въ назначенное время уплатить долгъ. Тогда помѣщикъ смягчается и деньги превращаетъ въ трудъ, удешевленный процентами.

Предположимъ даже отсутствіе всякаго злоупотребленія: согласно тарифу, опредѣленному въ Регламентѣ, крестьянинъ при замѣнѣ труда взносомъ денегъ, обязанъ платить, буде того пожелаетъ помѣщикъ, 22 піастра за каждый погонъ ($\frac{1}{2}$ гектара) земли, находящейся въ его владѣніи.

Погонъ земли, ежели купить его, стоитъ приблизительно 96 піастровъ, слѣдовательно крестьянинъ платитъ за пользованіе землею, издавна имъ воздѣлываемою, въ четыре раза съ половиною больше, нежели 5 процентовъ съ капитала, представляющаго цѣнность земли «совладѣнія» (*), иначе сказать, платитъ 22,91 со ста.

Выведемъ это математически, довольствуясь, безъ сомнѣнія, расчетами приблизительными.

Если бы въ Валахіи 330,000 семействъ, за пользованіе землею, издавна находящеюся въ ихъ владѣніи и на пользованіе которою, слѣдовательно, они приобрѣли нѣкоторое право, что мы подробно объяснимъ далѣе,—платили 5 процентовъ съ землянаго капитала, владѣльцы получали бы ежегодно 13 миліоновъ піастровъ (**).

Согласно Положенію—они могутъ получить 58 миліоновъ піастровъ; слѣдовательно ежегодной передержки, или вѣрнѣе сказать, ежегоднаго роста, 45 мил. піастровъ (***).

Эта цифра, помноженная на 22 года вѣ. е. на время существованія положенія составитъ сумму 990 мил. піастровъ ростовыхъ процентовъ, взятыхъ боярами ростовщиками у народа.

(*) Въ главѣ послѣдней будетъ подробнѣе объяснено.

(**) 330,000 семействъ

4 (по 4 гектара)

1,320,000 гектаровъ

знач. 2,640,000 погововъ

96

254,440,000* стоимость всей земли въ піастрахъ.

12,722,000 піастровъ = 5%.

(***) 2,640,000 погововъ

22 піастра за каждый

58,080,000 піастровъ.

Въ Молдавіи 190,000 семействъ платили бы (*) 9 мил.	} піастровъ.
платять (**) 41 мил.	
Передержка 32 мил.	

Передержка \times на 22 года = приблизительно 700 мил.

Всего ростовыхъ процентовъ, взятыхъ въ пользу помѣщиковъ или помѣстій, ибо здѣсь заключались и монастырскія владѣнія, съ крестьянъ въ обоихъ Княжествахъ — 1690 миліоновъ піастровъ (слишкомъ 150 миліоновъ рублей серебромъ).

Въ этой суммѣ нѣтъ ни платы съ произведеній (дима), ни транспортовъ, ни клака, ни злоупотребленій. Ежели бы принять все это еще въ расчетъ, то сумма была неисчислима.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ математически исчислить сумму всѣхъ прочихъ требованій помѣщиковъ и косвенныхъ налоговъ. Такъ, напримѣръ, (статья 146) помѣщикамъ даровано исключительное право продажи всѣхъ сельскихъ произведеній; они одни имѣютъ право въ помѣстьяхъ своихъ продавать вино, водку, строить мельницы, словомъ въ ихъ рукахъ монополія продажи всѣхъ предметовъ потребленія; эту монополію они продаютъ жидамъ и грекамъ, которые держатъ лавки въ селеніяхъ и дерутъ въ тридорога съ бѣднаго крестьянина. Сами помѣщики зимою крестьянамъ своимъ продаютъ водку за работу ихъ лѣтомъ, принимая, такимъ образомъ, ихъ будущность въ учетъ.

Рядомъ съ грабительствомъ помѣщиковъ, являются еще казенные поборы, которые, впрочемъ, Органическимъ Регламентомъ значительно понижены:

Бояре и монастырскіе владѣтели изъятые отъ казенныхъ податей; платитъ одинъ мужикъ подать поголовную, состоящую изъ 30 піастровъ.

Сверхъ того лежатъ на немъ:

1) Рекрутская повинность; обыкновенно по одному человѣку съ 50 семействъ.

(*) 190,000 семействъ
3 гектаровъ. (Въ Молдавіи фальсъ-больше погона).

930,000 гектаровъ.
1,900,000 погоновъ.
96 піастровъ.

182,400,000 стоимость всей земли въ піастрахъ.

9,120,000 = 5%.

(**) 1,900,000 погоновъ.
22 піастра за каждый.

41,800,000 піастровъ

2) Шесть дней работы съ подводой для проведенія и поправки большихъ дорогъ.

3) Плата за переѣздъ черезъ гати и мосты.

4) Извѣстный, незначительный впрочемъ, взносъ денегъ въ казну за каждую рогатую скотину.

Наконецъ, по случаю уменьшенія податей, какъ говоритъ Регламентъ, цѣна соли, предмета первой необходимости, повышена.

Послѣ обязанностей государственныхъ слѣдуютъ повинности относительно общины.

1) Взносъ въ общинную кассу десятой части казенной, поголовной подати, то-есть 3 піастра.

2) Поправка проселочныхъ дорогъ.

3) Плата за веденіе деревенскихъ реэстровъ и метрическихъ книгъ.

4) Жалованье разнымъ начальникамъ (сотскимъ, десятскимъ), по 6 піастровъ съ cadaго семейства.

5) Деревенскому учителю, по 2 піастра съ семейства.

6) Складъ въ запасные магазины извѣстнаго количества маиса (пшенички), что составляетъ около 25 піастровъ съ семейства.

Въ сложности, по официальнымъ даннымъ, можно считать сумму всего платимаго крестьяниномъ, какъ государству, такъ и общинѣ, до 150 піастровъ.

Чрезвычайно замѣчательно право свободного перехода, провозглашенное Регламентомъ; статьями 174 въ Валахіи и 124 въ Молдавіи признано право земледѣльца оставлять землю помѣщика. Но при этомъ поставлены слѣдующія условія.

1) Сказано, что крестьяне могутъ переселяться на другія земли, но не иначе, какъ по два семейства разомъ (*à la fois*). Этимъ хотѣли остановить доселѣ бывшія частныя переселенія въ государства сосѣднія. Позже князь Бибеско прибавилъ къ этому объясненія, что слово *à la fois*, значитъ въ продолженіе года; такъ что община населенная 100 семействами, должна ждать полъ-столѣтія, чтобы воспользоваться правомъ свободного перехода.

Сверхъ того, въ Органическомъ Регламентѣ сказано, что крестьянинъ, желающій перемѣнить мѣсто жительства, обязанъ:

1) Извѣстить о томъ, за 6 мѣсяцевъ до Юрьева дня, исправника и помѣщика.

2) Уплатить звонкою монетою, за годъ впередъ, считая со дня оставленія помѣстья, помѣщику всѣ обязательства и дни барщины, установленные закономъ.

3) Внести въ деревенскую, общественную кассу, за годъ впередъ опредѣленныя уплаты.

4) (Ст. 144). Поголовную подать казнѣ выплатить за всѣ годы, остающіеся до новой переписи; перепись же бывать каждыя 7 лѣтъ, и желающій переселиться тотчасъ послѣ переписи обязанъ, значить, платить за 6 лѣтъ впередъ.

Очень ясно, что при такихъ условіяхъ, право свободнаго перехода было право мнимое, и что крестьянинъ оставался, какъ и прежде, прикрѣпленнымъ къ землѣ.

Таковы главныя Положенія Органическаго Регламента. Коммиссія бояръ, бывшихъ редакторами его, нарочно ввела въ него разныя неясности, противорѣчія и сдѣлала изъ него арсеналъ орудій для междоусобной войны, складъ другъ друга поджигающихъ ракетъ, долженствовавшихъ разразиться когда нибудь и привести къ всеобщему пожару.

Несмотря на принятыя предосторожности, чтобы предупредить переселенія крестьянъ въ чужія земли, переселенія участились. Когда зимою замерзаетъ Дунай, это всеобщій праздникъ для жителей, бѣгущихъ изъ родины искать на другомъ берегу утѣшенія своимъ страданіямъ.

Александръ Гика, съ 1837 до 1842 года, началъ было защищать крестьянъ, противъ произвола помѣщиковъ, но это и было причиною его паденія.

Г. Бибеко уменьшилъ въ 1843 году iobagie съ 14 на 12 дней, но увеличилъ за то число дней для работъ на большой дорогѣ.

Вотъ порядокъ вещей, существовавшій въ крестьянскомъ быту въ Молдавіи и Валахіи до революціи 1848 года.

ДѢВЧЬЯ КОЖА.

ПОВѢСТЬ.

С. Петербургъ, 18... года 2 февраля.

Дражайшіе родители

папенька и маменька. .

Сегодня, въ день Срътенія Господня, я прибылъ въ столицу Санкт-Петербургъ и очень мало поразился зданіями оной. Дома такіе-же, какіе видѣлъ я, провѣздомъ, въ Харьковъ и Москвѣ, но жить ужасно дорого, милый папенька.

Я остановился, вмѣстѣ съ нашимъ управляющимъ откуповъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ, въ гостинницѣ Серапинской. Одинъ Богъ видитъ, какъ много обязанъ я многоуважаемому Ѳедору Ивановичу: онъ меня и довезъ на свой счетъ и еще общаетъ свести на собачью комедію, недавно прибывшую изъ-за границы. Говорятъ, собачки эти сами изъ пистолетовъ стрѣляютъ и разыгрываютъ одна барина, а другая кучера, а третья лакея. Но меня все это не радуетъ, ибо на душѣ грустно. Сегодня Ѳедоръ Ивановичъ и апельсинами меня подчивалъ, да я отказался, дражайшіе родители, зная стѣсненные обстоятельства ваши. Однако, желаю вамъ всего лучшаго въ этомъ мірѣ и, расцаловавъ маменькины и ваши ручки, остаюсь покорный вашъ сынъ,

преданный до гроба

Аркадій Малевичъ.

С. Р. Моимъ братцамъ, Васѣ и Петѣ и сестрицѣ Лизѣ, кланяйтесь

Настасью Ильинишну за ласки, оказанныя мнѣ во время дороги ея мужемъ — моимъ благодѣтелемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ — поблагодарите. Сообщите ей, что я въ точности исполнилъ данное слово: во всю дорогу ухаживалъ за Ваничкой и укутывалъ ему ножки, но Ваничку Ѳедоръ Ивановичъ еще опредѣлить въ пансіонъ не успѣли, ибо мы сегодня утромъ только пріѣхали.

29 февраля.

Дражайшіе родители

папенька и маменька.

Согласно желанію вашему, я отправился въ аптеку къ г-ну Брауну и просилъ его, какъ милости, о принятіи меня въ аптекарскіе ученики. Онъ васъ совсѣмъ не помнитъ, безцѣнный папенька, и говоритъ: «товарищей у меня по клиникѣ было много, но я знаю только друга своего Іоганса.» Потомъ спрашивалъ, чѣмъ я занимался въ вашей аптекѣ и какія лекарства болѣе всего въ нашемъ городкѣ покупаютъ. Я отвѣчалъ, что репейное масло да чернила берутъ на расхватъ въ нашей аптекѣ. Онъ очень смѣялся этому обстоятельству и даже разсыпалъ нюхательный табакъ. Когда же я поднималъ съ полу уроненную имъ табакерку и подавалъ ему, онъ по лицу погладилъ меня и сказалъ:

— Послушайте, первый разъ въ моей жизни я табакъ разсыпалъ; въ первый разъ! Значитъ — знакъ добрый. Скажите же, кто у васъ занимался приготовленіемъ чернилъ? Неужто самъ аптекаръ, вашъ папенька?

— Прже дѣлалъ папенька, отвѣчалъ я: но такъ-какъ у него руки трясутся, то онъ поручилъ это дѣло мнѣ и я очень хорошо умѣю дѣлать чернила.

— Мнѣ этого не надо, перебилъ онъ. У насъ чернила въ Большой Мѣщанской только Ѳедоровъ приготовляетъ, потому, что чернила къ медицинѣ не касаются. Вы такъ и напишите вашему папенькѣ. Это разъ. Скажите также, что я его вовсе не знаю. Это два. Далѣе, что Брауновъ въ Петербургѣ много. Это три. Потомъ — на самомъ уже концѣ напишите такъ: что я, г-нъ Браунъ, нахожу неблагоприятнымъ со стороны отца отправлять своего сына къ незнакомому человеку и за двѣ тысячи

версть; но, сожалея о пріѣхавшемъ ребенкѣ, принимаю его въ свою аптеку собственно за то, что онъ сдѣлалъ мнѣ услугу — поднялъ табакерку. Такъ и напишите вашему напелкѣ, г-ну Малевицу, но не кланяйтесь ему отъ меня.

Передаю вамъ все, дражайшіе родители, что со мною случилось. Уже пять дней, какъ я сижу въ аптеку г-на Брауна, жалованья не получаю, но кушать, впрочемъ, мнѣ даютъ.

30 марта.

Хозяинъ нашъ, г-нъ Браунъ, имѣетъ ордена, но капризный характеромъ: онъ очень разсердился, когда, согласно порученію, отъ вашего лица принесъ я благодарность ему за то, что онъ пожалѣлъ неимущаго отца многочисленнаго семейства. «Мнѣ нѣтъ дѣла, сколько у него дѣтей! говорилъ онъ. Аптекарь долженъ быть женатымъ, но прежде надо, чтобъ аптека у него на всю улицу блестяла.» Больше г-нъ Браунъ ничего не сказалъ, дражайшіе родители.

Третьяго дня былъ балъ у г-на Брауна, и я помогалъ его лакею, Францу, перетирать тарелки. Мнѣ было это чувствительно, дражайшіе родители, но Францъ заставилъ. Впрочемъ, черезъ дверь я замѣтилъ, что у г-на Брауна весьма большой орденъ на шеѣ и всѣ гости его кушаютъ серебряными вилками. Въ первый разъ такія вилки вижу.

Что-бы вамъ еще описать? Сынозья нашего хозяина — гимназисты, и такіе гордые, что меня одинъ разъ дуракомъ назвали. Но въ аптекарскомъ дѣлѣ они ничего не смыслятъ и только розовую воду изъ аптеки въ присутствіи всѣхъ тащутъ. Однако, я ихъ не столько боюсь, какъ Франца, который одного жалованья двѣнадцать рублей получаетъ. — Тутъ все не такъ, какъ у насъ: объдаютъ при свѣчкахъ и каждый разъ къ обѣду вино покупаютъ, но пьяны никогда не бываютъ. Больше всего, дражайшіе родители, меня изумляетъ то, что здѣсь не отличишь кто баринъ, кто нѣ баринъ и вообще все весьма перепутано, такъ что даже кухарка наша зонтикъ и шляпку имѣетъ. Не знаешь кому и кланяться. Иной разъ, по незнанію, пустой персонѣ поклонъ отвѣсишь.

Письмо мое отъ Федора Ивановича вы получите, ибо онъ возвращается на родину, а мнѣ совѣтуетъ здѣсь остаться, чтобы попробовать счастья и ваши родительскія заботы облегчить. Поблагодарите Федора Ивановича: на прощанье онъ пять рублей мнѣ далъ и очень хорошенкіе сапоги купилъ. Но и отъ этихъ подарковъ мнѣ не легче: съ отъездомъ его, я останусь одинъ. Можетъ быть, и умереть здѣсь придется, и даже васъ, сестрицу и братцевъ не увижу, и отъ милой родины такъ далеко я буду... О, не забывайте, меня дражайшіе родители, не забывайте! Мнѣ часто снится нашъ городъ, наша семья и тогда что-то такъ глухо колотитъ меня въ самое сердце.

17 іюня.

Вы очень тревожитесь, любезные родители, потому, что три мѣсяца отъ меня писемъ не получали. Не тревожьтесь ни мало, ибо я уже отдѣльную комнатку имѣю.

Новостей въ Санкт - Петербургъ не слышно, только Франца г-нъ Браунъ прогналъ за покражу водки. Я благодарю Бога, что Франца выгнали. Онъ большія огорченія мнѣ причинялъ и занялъ полтинникъ, который о-сю-пору не возвратилъ.

Вы спрашивали, чѣмъ я теперь занимаюсь? Работы у меня довольно, да все по душѣ не приходится, въ особенности не увижу наклеивать на лекарства сигнатурки и сургучную печать къ нимъ прикладывать. Досаднѣе-же всего, что умъ мой въ усиленіи находится. Еслибъ не г-нъ Браунъ, я бы въ гражданскую службу перевелся. Здѣшніе чиновники въ бобрахъ ходятъ и къ новому году награды получаютъ. Самъ провизоръ нашъ говоритъ, что съ моимъ лицомъ не въ аптеку, а въ Сенатъ сидѣть. Я думаю объ этомъ пунктѣ много, но пока и аптекой не гнушаюсь. Не мѣсто, дражайшіе родители, красить человека, а человекъ мѣсто. Да вотъ бѣда моя: протекцій не имѣю!

У г-на Брауна есть дача своя, а на дачѣ этой цвѣтовъ много растеть, сѣмяна которыхъ я выпросилъ и къ вамъ пересылаю. Также я выучился отъ нашего аптекарскаго ученика танцевать кадрили французскій и польку. Но все это глупости и пишу вамъ потому, что нечего больше писать, развѣ то, что мнѣ на улицѣ здѣшняго сочинителя г-на Булгарина, указывали. Въ сочиненіяхъ

своихъ онъ очень хвалить нашу аптеку. Не смотря на это, я чувствую, что аптекарскимъ ученикомъ въ Петербургѣ быть невыгодно, о чемъ васъ и извѣщаю. Вашъ покорный сынъ, преданный до гроба Аркадій.

Сестрицу и братцевъ заочно цалую, но подарковъ имъ не посылаю. Скажите имъ, что я живу на чужбинѣ. Улицу-же нашу здѣсь Гороховой называютъ.

Спустя годъ.

Жалованья до-сихъ-поръ не получаю и много грущу объ этомъ. Хоть вы денегъ на сюртукъ мнѣ прислали, но, право, отчаянье въ душу мнѣ запало. Чувствую, какъ горько для сына, такое продолжительное время родителей своихъ обременять. Такъ, почтеннѣйшіе родители, жизнь моя проходитъ, и я г-на Брауна ни въ грошъ не ставлю. Какіе-бы удары меня не постигли, а аптеку брошу и докажу Брауну, что поносить напрасно никто меня не смѣетъ. Изъ банки пол-фунта дѣвичьей кожи пропало, потому, что дѣти Брауна ее утащили, а между прочимъ на меня покражу ее взвалили. Довольно того, что еще въ дѣтствѣ, добрыйшій папенька, одинъ разъ, за дѣвичью кожу вы наказать меня изволили, и дѣйствительно, я тогда лакомился ею, но къ настоящему случаю ни сколько не причастенъ. Въ груди моей волненіе кипитъ, думаю — навсегда аптеку бросить. Въдѣсь моимъ почеркомъ мнѣ всюду открыта дорога! Еслибъ я только не боялся вашего гнѣва, безцѣнный папенька, то за обиды свои всѣ стклянки въ аптеку Брауна перебилъ-бы. Какъ угодно вамъ, но ненавистную для меня аптеку я бросаю, и не намѣренъ изъ-за дѣвичьей кожи слезы проливать. Извѣщаю васъ, что меня непріятности великія постигли. Что будетъ — не знаю, но аптеку отъ души ненавижу, а Брауна за оскорбителя считаю.

26 сентября, того-же года.

Не сердитесь, милые родители, мнѣ и безъ того горько. Не называйте меня капризнымъ, — я не капризенъ и всякому услужить могу. Папенька пишетъ, что и слышать не хочетъ, если я аптеку брошу, ибо дѣвичья кожа въ сущности пустяки одни и волноваться говорить онъ не слѣдуетъ. Но что-же дѣлать, все уже кончено, а аптеку давно бросилъ, и на новое поприще поступилъ. Теперь въ

ожиданіи чего-нибудь лучшаго, хожу въ кварталъ бумаги переписывать. Много вижу людей и съ дѣлами знакомлюсь. По вечерамъ студентскія лекціи переписываю, и за то деньги получаю. Ахъ, еслибъ я зналъ Всеобщую Исторію, я бы по полтора рубля за урокъ получалъ! Представьте, наука не трудная, а студентъ, для котораго я переписываю, денежки за нее загребаетъ. Студентъ этотъ самаго обходительнаго нрава и всегда жметъ мнѣ руку и рассказываетъ удивительныя вещи. Онъ хорошо рассказываетъ, но мнѣ некогда его слушать и онъ, кажется, на бесполезные вздоры по преимуществу вниманіе обращаетъ. Прощайте, припадаю къ вашимъ ручкамъ, ради Бога не гнѣвайтесь и ваше родительское благословеніе пришлите. Я буду писать вамъ часто, обо всемъ, и признательностью къ вамъ по гробъ исполненъ буду. Кланяйтесь отъ меня нашимъ домашнимъ и пусть извиняетъ, что подарковъ не присылаю.

октября 13.

● Господи, вы все на меня сердитесь и мечтателемъ называете. И отчего вы думаете, что Браунъ можетъ повредить мнѣ во службѣ. Вы напрасно боитесь, что онъ передъ начальствомъ меня оклеветаетъ. Къ-сожалѣнью, у меня начальства еще нѣтъ, и я съ горестію узналъ недавно, что мы до сихъ-поръ еще въ дворянствѣ не утверждены. Гдѣ же наши документы, дражайшій папенька? Ради самаго Бога похлопочите: безъ документовъ для меня все погибло и одно горе предстоить впереди. Да и какъ бы никогда ни слова объ этомъ не сказывали: я даже не зналъ, что мы не записаны въ герольдію. Этотъ ударъ такъ убійствененъ для меня, что хожу какъ сумашедшій и за фортуна свою тревожусь очень. Братъ мой тоже, любезный папенька, не вписаны въ герольдію: жаль мнѣ и милыхъ братцевъ моихъ, да и самаго себя жаль, папенька. Ради Бога, пощитите хоть въ комодѣ, не отыщется-ли тамъ чегонибудь. Если и въ комодѣ нѣтъ — что крайне убійственно будетъ — то за зеркаломъ посмотрите и внимательно переглядите всѣ находящіяся тамъ бумаги.

1 ноября.

● Вы пишете, что довольно дерзко съ моей стороны застав-

ЛѢТЬ ОТЦА ВЪ КОМОДѢ РЫТЬСЯ, ИБО ВАМЪ ЛУЧШЕ МОЕГО ИЗВѢСТНО, ЧТО ВЪ КОМОДѢ, КРОМѢ ПОЛОТНА И МЯГКАГО ОПОЙКА НА САНОГИ, БОЛЕЕ НИЧЕГО НЕ ИМѢЕТСЯ. ДА ГДѢ-ЖЕ ДОКУМЕНТЫ, ДРАЖАЙШІЙ ПАПЕНЬКА? И КАКЪ ЭТО ВЫ СЪ ОДНИМЪ СВИДѢТЕЛЬСТВОМЪ О ПРИВІВАНІИ ОСПЫ МЕНЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ПУСТИЛИ? ВЫ ГОВОРИТЕ, ЧТО ДѢДЪ МОЙ КОГДА-ТО ДОКТОРОМЪ ВЪ ВОЕННОМЪ ГОСПИТАЛѢ СЛУЖИЛЪ, СЛѢДОВАТЕЛЬНО, ФАМИЛІЯ НАША НАВѢРНОЕ ЗАПИСАНА ВЪ РОДОСЛОВНОЙ КНИГѢ РОССІЙСКАГО ДВОРЯНСТВА. НѢТЪ, НЕ ЗАПИСАНА! ОБЪ ЭТОМЪ ХЛОПОТАТЬ СЛѢДОВАЛО РАНѢШЕ.

Боже, какое ужасное положеніе! А я ужъ было и кой-какія знакомства завелъ, а мнѣ ужъ и службу обзвали, но теперь — вся душа моя отъ не имѣнія документовъ перевернулася. Укажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, слѣды ихъ, нѣтъ-ли въ депутатскомъ собраніи чего-нибудь, нѣтъ-ли еще гдѣ-нибудь, хотя маленькаго указанія на наше дворянство? Умоляю васъ, разузнайте, распросите, похлопочите, безцѣнный папенька.

Вѣдь вы представить себѣ не можете, какую горячку я вожу: бѣгаю, совѣтуюсь, кричу, прошу... ничего не помогаетъ, ничего! И всю жизнь буду бѣгать, любезный папенька, и просить буду, какъ жалкій дуракъ, и все-таки ничего не выиграю. О, дражайшіе родители, какая грусть сосетъ мое сердце! Ничего отъ васъ я больше не хочу: дайте мнѣ только документы.

ноября 27.

Ничакъ не могу понять, отчего вамъ этотъ Браунъ такъ дался! Нѣтъ, не Браунъ причиною моихъ несчастій, а ужъ если хотите знать кто, такъ я вамъ скажу: это-вы, дражайшій папенька. О, ради Бога, не проклиняйте меня за правду, сказанную оыномъ! Я васъ о документахъ прошу, а вы про безчувственность Брауна пишете мнѣ. Какой тутъ Браунъ, дражайшій папенька! и что такое Браунъ и почему-же Браунъ? Чѣмъ виновать онъ, что я оставилъ его аптеку? вѣдь меня одна непріятность, извѣстная вамъ, выгнала изъ аптеки, а самъ онъ меня даже удерживалъ. Такъ пожалуйста, бросьте вы этого Брауна, рвѣе не объ немъ, а скорѣе сообщите: что отвѣчали вамъ въ депутатскомъ собраніи?

Маменька тоже сердится, что я о своемъ здоровье мало упоминаю. Ахъ, какое тутъ здоровье, да и на что оно мнѣ!

26 декабря.

Въ недоумѣнье большое прихожу, отчего вы не отвѣчаете, дражайшіе родители, на мое последнее письмо. Сколь судить могу, зная вашъ характеръ, бѣдная маменька, вѣроятно, плачетъ тоска, а вы, мой отецъ, навѣрное городничему и смотрителю уезднаго училища — этимъ двумъ дуракамъ — мое письмо читаете, обвиняя дерзость обхожденія моего. Городничій и смотритель!.. Боже мой, вѣдь это, клянусь вамъ, невыносимо. Да вѣдь они ни одного путнаго слова не скажутъ, и добро-бы еще у нихъ, для ускоренія дѣла, рублей 200 вы заняли, такъ вѣдь нѣтъ — не дадутъ. А между-тѣмъ, безъ денегъ ничего не сделаешь. Хоть-бы сотенки двѣ они одолжили, а я, современникъ, 400 рублей имъ возвращу. То слезами, то просьбами, то обещаніями я съ такими людьми теперь сошелся, которые для меня все сдѣлаютъ и за весьма вздорныя деньги. При моемъ душевномъ безпокойствѣ, я попрежнему въ кварталъ для переноски бумагъ хожу. Вы-же сердитесь и отвѣчать не хотите. Отвѣчайте, безцѣнный папенька: не препроводили-ли вы, по мѣсту службы, бумагъ вашихъ въ Медицинскій Департаментъ? Дайте мнѣ хоть одну ниточку, за которую я могъ-бы уцѣпиться, дайте ее!...

18... 22 января.

Я почти предчувствовалъ, что вы станете укорять меня за то, что городничаго и смотрителя дураками я называлъ, тогда какъ они—пишете вы—съ новымъ годомъ меня поздравляютъ. Покорно благодарю ихъ за такое участіе. Ну, пусть будетъ по вашему, что они и добрейшіе люди, и дураками называть ихъ не слѣдуетъ, отчего-же они, ваши друзья, не хотятъ 200 рублей занять?

Скажите имъ, что если они денегъ мнѣ не займутъ, то я имъ много непріятностей надѣлаю, ей-Богу надѣлаю. Пусть они съ Петербургомъ не шутятъ, пусть... ахъ, отъ всей души хотѣлъ-бы возмутить ихъ спокойствіе!..

Но нѣтъ, дражайшій папенька, вы лучше имъ этого не го-

ворите, а попросите хорошенько. И что имъ значить 200 рублей одолжить? Вы имъ вотъ какъ скажите: «сыну моему, дескать, теперь трудно, но онъ съ такими важными людьми въ соприкосновеніе вошелъ, что на городъ нашъ вниманье начальства обратить можетъ.» Попробуйте, безцѣнный папенька, такъ еще имъ сказать: вѣдь это моя... послѣдняя надежда!

Несчетно разъ ваши и маменькины ручки цалую, также и милыхъ моихъ братцевъ и сестрицу заочно цалую. Всѣмъ знакомымъ вашимъ прошу передать отъ меня поклонъ глубокой: и Настасья Ильиничнѣ, и Федору Ивановичу, и Марку Петровичу, и Кузьмѣ Терсентичу, — всѣмъ имъ передайте мое сердечное уведомленіе и скажите, что я очень люблю ихъ.

Р. S. Глазамъ своимъ не вѣрю: сейчасъ съ почтамта повѣстку на мое имя принесли... ура, многоуважаемые родители! это навѣрное пришедшіе отъ васъ документы. Не знаю, дождался ли отъ нетерпѣвнѣя завтрашняго утра. Письмо-же это тотчасъ отправляю.

23 января.

Нѣтъ, нѣтъ, носковъ мнѣ ей Богу не надо!! Да и что значать носки, милая маменька, въ теперешнемъ моемъ положеніи. Матушка! вѣдь я отъ горестей даже забылъ есть-ли у меня ноги, вѣдь я отбилъ эти ноги, бесполезно швыряя по переднимъ. Ахъ, Боже мой, зачѣмъ судьбѣ угодно было, чтобъ и глухие носки меня сразили! Прощайте. О, какъ мнѣ невыносимо жить на свѣтѣ...

4 февраля.

Сижу, и все на дверь смотрю, любезные родители! Кромѣ почтальйоновъ глазъ мой ничего болѣе различить не можетъ, кромѣ тоски, сердце болѣе ничего не ощущаетъ. Жду писемъ отъ васъ, и писемъ нѣтъ, жду документовъ, и документовъ нѣтъ. Кажется и самой уже надежды нѣтъ.

Ахъ, если-бы письмо это догнало предыдущее, если-бы вмѣстѣ онѣ скорѣй къ родителямъ долетѣли и точно вѣстники, при-скакавшіе изъ-далека, про отчаяніе мое и папенькѣ, и маменькѣ, и братцамъ рассказали. Расскажите письма мои, все: скажите,

что и капитанъ, жалкій, бездомный капитанъ, который живетъ со мною, и тотъ казанской сиротою меня называетъ. Господи, что будетъ со мною!

28 февраля.

Получилъ письмо ваше, и самъ не знаю, что дѣлать мнѣ. Кромѣ указа объ отставкѣ моего дѣда, пишете вы—ничего болѣе, годнаго для меня, не отыскалось, да и того подъ рукою у васъ нѣтъ. На счетъ-же займа у городничаго и смотрителя... знаю, они отказали вамъ!

Страхъ вашъ объ моей участи тренетомъ охватилъ всего меня, и трусость, и раскаянье обвили въ кругъ моего сердца... Но не безпокойтесь, батюшка, вы не виноваты, что я несчастнымъ родился. Прить моя уже унялась. Я спокоенъ. Я только сътую, что милой маменькѣ своими глупостями болѣзнь причинилъ. Такъ, маменька больна, да и я боленъ, и крѣпко боленъ. Душою боленъ я. Не выздоровѣть мнѣ, папенька. Обстоятельства нашего семейства, говорите вы, плохи: чувствую, сознаю и терзаюсь этимъ. Ахъ, накопилось мое сердце вдоволь. А ужъ какъ въ головѣ пусто, то хоть пальцомъ насквозь ее проткни. Видно не придется тамъ никогда свить гнѣзда ни одной птицѣ, мысли завѣтной. Думаю, что и острый ножъ отчаянья моего не перерѣжетъ, а только развѣ одну шею... Рѣзать шею—грѣхъ, но носить на ней пустую голову... о, дражайшіе родители! и силъ у меня не стало, и воли не стало, такъ и жить—не надо мнѣ жить, и пусть самъ Богъ изъ царства небеснаго своимъ мечемъ меня изгнать...

Черезъ два года. 6 марта.

Послѣ продолжительнаго молчанія, погибшій сынъ опять возвращается къ вамъ.

Вы вѣроятно давно уже мертвымъ меня считали, но я еще живъ, любезные родители. Цѣлыхъ два года, отъ неудачъ, о себѣ не увѣдомлялъ и много сокрушался объ этомъ.

Сигну утѣшить васъ, что я начинаю по немногу устроиваться (какъ и гдѣ расскажу вамъ послѣ). Только теперь умнѣе и осторожнѣе дѣлаюсь. Мнѣ тяжело вспомнить сколько тревогъ я

причинилъ. Простите великодушно за горести, мною причиненныя. Хотя великое разстояніе между нами лежитъ и цѣлыя тысячи верстъ насъ отдѣляютъ, однако догадываюсь, какъ сильно надоѣдали вамъ распросами обо мнѣ. Слухи до меня доходили, что смотритель вамъ сказалъ будто я, съ отчаянья, и въ Архангелъскъ бѣжалъ, и по дорогѣ какого-то балтійскаго моряка изувѣчилъ, и... Но не стоитъ и говорить о столь низкомъ предметѣ.

Я жду, какъ величайшаго счастья, получить письмоце отъ васъ и умоляю, за причиненныя слезы и недоумѣнья, простите меня. Я такъ не счастливъ былъ, любезные родители, и только теперь начинаю духомъ отдыхать. Чтò видѣлъ и перенесъ я за это время, извѣстно только одному Богу. Зачѣмъ все рассказывать? Да, я былъ на распутьи и на жизни съ отчаяніемъ взиралъ, однако все кончилось благополучно. Могу смѣло сказать, никакого безчестья фамиліи не нанесъ! Отъ прежнихъ правилъ не отступился и твердо знаю, что прежде всего на свѣтѣ, я долженъ родителей не забывать, чтобъ добрые люди не сказали, что родителямъ не помогаю. И для родителей все рѣшительно готовъ сдѣлать, и сдѣлаю потому, что самой жизнью и образомъ мыслей имъ одолженъ. Съ прежней откровенностью, съ прежней любовью обращаюсь къ вамъ, мои милые! Не оставьте-же меня и извѣстіемъ о своемъ драгоценномъ здоровьи почитите.

14 апрѣля.

Послѣ писемъ и благословеній вашихъ, я снова духомъ повеселѣлъ. Мое положеніе, чрезвычайно было убійственно. любезные родители. ибо, кромѣ родныхъ и самаго себя, къ остальному, видитъ Богъ, я совершенно равнодушенъ. Меня давила и преслѣдовала та тяжкая для сердца мысль, что безъ родительскаго благословенія ни въ чемъ успѣха не буду имѣть. И я не разъ слезы и горькія слезы проливалъ. Но теперь все кончено: что мнѣ за дѣло до остальнаго, лишь-бы вы были мною довольны, лишь-бы васъ я не огорчилъ. За письма ваши, за извѣстія ваши, за отзывъ, пріятный и добрый, я бесконечно благодаренъ.

Вы спрашиваете, маменька, много-ли я изменился? Какъ не измѣниться: и бриться ужъ началъ, и осторожнѣе сталъ, и къ мечты не вѣрю. До пустяковъ я не охотникъ и всѣмъ, не вѣдущимъ къ цѣли, отъ души пренебрегаю. Порадуйтесь за меня: я съ хорошими людьми сошелся и всѣ свои расходы записываю. Меня самого даже забавляетъ; какимъ солиднымъ я сдѣлался...

Однако, чувствую, что отъ волненія и радости, слишкомъ безсвязно къ вамъ пишу: много наговорилъ вздору, много наболталъ и сердца своего не высказалъ.

Но, къ сожалѣнію, ничѣмъ особенно радостнымъ порадовать не могу. Впрочемъ, я ужъ кварталъ бросилъ. Теперь въ конторѣ пароходства служу, гдѣ 18-ть рублей въ мѣсяцъ получаю. Я также, по немногу, въ герольдіи хлопочу и даже питаю слабую надежду когда-нибудь дворянство получить, и питаю потому, любезные родители, что само начальство протекцію обещаетъ. Впрочемъ, здѣсь много людей, которые и безъ дворянства необыкновенныя богатства нажили. Тутъ не то, что въ нашемъ городкѣ! Простой сенатскій вахтеръ, не болѣе какъ отставной преображенскій унтеръ-офицеръ, за своею дочкою 30 тысячъ приданаго далъ. Я видѣлъ этого вахтера—съ синимъ зонтикомъ все ходитъ, а дочка его красавица чрезвычайная и безподобно, говорятъ, на фортепьянахъ играетъ. Вотъ какъ общество здѣшнее на высоту людей подымаетъ! И вахтеръ несколько не гордится, что за дочкою 30 тысячъ далъ; могъ-бы, говорить, и больше...

18 мая.

Вы пишете, папенька, что у меня попрежнему вѣтеръ въ головѣ ходитъ. Хотя вы душевно радуетесь, что въ живыхъ я остался, но мало путнаго въ моей жизни видите и советуете по обстоятельнѣе письма къ родителямъ писать. Вы даже не вѣрите, что я 18-ть рублей жалованья получаю и спрашиваете, что это за контора пароходства такая, и не могу-ли я, чтобъ заставить про аптеку васъ забыть? Позвольте замѣтить вамъ папенька, что я дѣйствительно жалованье получаю, чего въ апте-

къ никогда не получалъ, и что контора наша очень довольна мною. Вы не сомнѣвайтесь на этотъ счетъ.

Дѣло вотъ какъ случилось. Когда я, съ отчаянья, в кварталъ бросилъ, и на жизнь свою посягалъ, и ничего радостнаго въ свѣтъ не видѣлъ, меня случайно къ г-ну Ушкину рекомендовали, директору одного изъ частныхъ пароходствъ. Онъ сжался надъ горькою судьбою моею и велѣлъ бумаги переписывать. Прошло шесть мѣсяцовъ, а я все переписывалъ; ужъ думалъ новаго поприща искать. Но, къ счастью, главный конторщикъ заболѣлъ и я два мѣсяца его должность отиралялъ. Являясь съ отчетами къ гг. директорамъ относительно увеличившагося числа пассажировъ, я, по счастью, обратилъ на себя ихъ вниманіе и они въ одинъ голосъ хвалили мою расторопность. Но похвалы ихъ мало меня радовали и въ горести я подозрительно на всѣхъ смотрѣлъ; даже пароходнаго кочегара въ опослѣдствіи уличилъ.

Тутъ г-нъ Ушкинъ сильно поддержалъ меня: не смотря на то, что главный конторщикъ выздоровѣлъ и снова въ свою должность вступилъ, мнѣ за все время награду выдали, да сверхъ того назначили по 18-ти рублей жалованья въ мѣсяцъ. Теперь я на виду, всю пароходную корреспонденцію веду и, тайнымъ образомъ, за числомъ пассажировъ слѣжу. У насъ дѣлъ чрезвычайно много, однихъ директоровъ челоуѣкъ пять и каждому угодить надо, слѣдовательно, вы напрасно упрекаете меня. Вы говорите, еслибъ дѣйствительно челоуѣкомъ путнымъ я былъ, то по старался-бы секретаремъ въ вашъ городокъ перевестись. Какже я могу это сдѣлать, когда у насъ, къ сожалѣнію, и документовъ нѣтъ и на коронной службѣ я не состою? Вы упустили это изъ виду и были вполне увѣрены, что наши документы въ Сенатъ хранятся. Въ Сенатъ ихъ нѣтъ, любезный папенька, и мнѣ остается собственными трудами дорогу себѣ пробивать. Что будетъ дальше—не знаю, но вамъ все по числой совѣсти пишу.—Сестрицъ и братцамъ небольшія обновки посылаю и прошу ихъ носить на здоровье. Также съ наступающимъ днемъ ангела имѣю честь васъ поздравить.

6 июля.

Порадовало меня очень письмо ваше, папенька. Больше всего мне приятно то, что вы за мое счастье радуетесь и находите, что я отчасти незабвенного дедушку напоминаю, который, до самой глубокой старости, родных своих не забывалъ.

Вы говорите, папенька, что если дѣла мои дѣйствительно поправились, то значить я могу енотовую шубу купить и къ вамъ ее переслать. Къ сожалѣнію, енотовой шубы купить не могу, ибо на это довольно много нужно денегъ, которыхъ у меня нѣтъ. Но шубу, однако, буду имѣть въ виду и постараюсь исполнить ваше порученіе.

Матушка спрашиваетъ: не затерялъ-ли я своего крестика, берегу-ли здоровье и не сыра-ли та комната, въ которой сплю? Крестика не затерялъ и здоровье, на сколько возможно, берегу, моя голубушка, но комнатой не совсѣмъ доволенъ... она какъ разъ надъ воротами приходится и немного напоминаетъ мамъ погребъ. Впрочемъ, я помню, какъ еще въ дѣтствѣ про мое счастье гадали, и не то, чтобъ непутное что выходило, а такъ какъ-то все про дорогу, да про дорогу, да про пески сыпучіе, да про вьюги шумящія... Поэтому, я ужъ привыкъ ко всему, маменька, въ особенности, послѣ того, что здѣсь немыталъ. Со мною живетъ нѣкто г-нъ Благоявлсинскій, который также нашу комнату хвалить. Я очень обязанъ этому человеку. Онъ могъ-бы необыкновенныя богатства нажить, но кромѣ проэктвъ, всѣмъ пренебрегаетъ. Между тѣмъ, какія дарованія у него превосходныя!.. умъ свѣтлый и плѣнительный! Онъ за-границею былъ и въ Германіи одной герцогинѣ уроки изъ русской исторіи давалъ. Много забавнаго про нѣмецкаго герцога онъ рассказываетъ. Говорить, что герцогъ въ толстой курткѣ ходитъ и самъ деревья подрѣзываетъ!

11 августа.

Я только и отдыхаю когда пишу къ вамъ, любезные родители, но съ горестью вижу, что аптека ваша никакихъ доходовъ не приноситъ.

Служба моя не подвигается впередъ, однако, не роню и твердое имѣю желаніе быть для васъ полезнымъ. Я много ви-

жу, многому учусь и сердце во мнѣ горячо кипитъ... Порой меня точно волной къ чему-то подмываетъ, порой и я какъ будто душою подымаюсь. И надежды, и планы роятся въ моей головѣ, и съ г-мъ Благоявлинскимъ часто совѣтуюсь. Этому человеку я чрезвычайными мыслями обязанъ.

Я къ вамъ, батюшка, великую просьбу имѣю. Отъ васъ будетъ зависть осчастливить меня. Дѣло вотъ въ чемъ: разузнайте хорошенько отъ дѣвицъ Клевановыхъ, которыя на своемъ хуторѣ не по далеку отъ вашего городка живутъ,—не состоятъ-ли онѣ въ какомъ-либо родствѣ съ здѣшними Клевановыми, очень богатыми и знатными людьми? Я помню, что мнѣ еще матушка сказывала, что и наши Клевановы тоже именитой фамиліи, но объединили по не знанію законовъ, ибо родственники обобрали ихъ и отъ всякаго наслѣдства устроили. Это часто бываетъ и вы, пожалуйста, къ нимъ съѣздите и скажите, что я могу осчастливить ихъ. Главное спросите: не былъ-ли Никита Клевановъ, премьеръ-маіоръ и раднаначальникъ этой славной фамиліи, въ какомъ либо родствѣ съ ними? Отъ премьеръ-маіора этого все богатства къ наслѣдникамъ перешли. Ради Бога разузнайте все въ точности и немедленно отвѣтомъ извѣстите. Главное, въ какой линіи премьеръ-маіоръ въ родствѣ съ ними состоитъ? Отъ этого все зависить. Но такъ какъ дѣло это еще въ неизвѣстности находится и дѣвицы Клевановы по преимуществу плясками и вечеринками забавляются, то недурно будетъ, если вы помѣщикамъ объявите, что я съ удовольствіемъ ходатайства по тяжбынымъ дѣламъ принимаю. Я буду и малымъ вознагражденіемъ доволенъ. Говорю на тотъ конецъ, что помѣщики болѣе разсудительны и, кажется, тяжбы много имѣютъ. Пошлю вамъ немножко денегъ; употребите ихъ на свои расходы и меня не забывайте. Я теперь много работаю и дѣлишки мои какъ-будто поправляются.

Благоявлинскій говоритъ, что въ Россіи, по преимуществу, тяжбы нажить можно, ибо въ Германіи лучшій адвокатъ за прѣцесъ два талера получаетъ. Вотъ-то скаредная страна! Неудрено, что нѣмцы отчество свое такъ мало цѣнятъ и своимъ присутствіемъ другія государства запраужаютъ.

24 сентября.

Какъ счастливъ я, что въ предположеніи своемъ не ошибъ! Итакъ, Клевановы ваши, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, въ родствѣ съ петербургскими Клевановыми состоятъ. Вы пишете, что нѣкоторые изъ старожиловъ, дѣйствительно, помнятъ, что премьеръ-маіоръ Клевановъ, когда то прислалъ брильянтовый фермуаръ къ бабушкѣ дѣвицъ Клевановыхъ при самомъ родственномъ намъ, и что всѣ знаютъ о родственномъ подаркѣ этомъ. Чего-же больше? Я очень радъ и этому, тѣмъ болѣе, батюшка, что самъ дѣвицы со слезами пишутъ ко мнѣ, что еще ихняя матушка по суду тягалась, желая свое родство съ премьеръ-маіоромъ доказать. Ей отказали. Но ничего, все можно поправить, скажите кліенткамъ моимъ. Пусть только онѣ своимъ повѣреннымъ мнѣ сдѣлають и, въ случаѣ выигрыша дѣла, 60 тысячъ за ходатайство дадутъ. Хотятъ-ли онѣ, чтобъ я изъ бѣдности ихъ вывелъ? согласны-ли 60 тысячъ дать? (Здѣсь вѣдь не Германія и изъ-за пустяковъ пачкаться не стоитъ!) Вѣдь имъ необыкновенныя богатства изъ наслѣдства приходятся, такимъ образомъ — первыми богачками во всемъ уездѣ дѣвицы Клевановы будутъ. Передайте имъ это, а главное, по живости нрава своего, вечеринки и пляски онѣ могутъ сколько душъ ихъ угодно, современемъ, задавать. Вы такъ и скажите имъ, безцѣнный папенька. А не хотѣть, тѣмъ хуже для нихъ.

Что-же касается до справокъ Петра Лукича, то онѣ поддержки мнѣ не могутъ доставить. Исполняю ихъ собственно потому, чтобъ Петръ Лукичъ видѣлъ, что я готовъ безкорыстно трудиться для него. Благодарности отъ него не принимаю. Если же онъ такъ добръ, то крымскаго табаку пусть вышлетъ, а главное — порадуетъ дѣвицъ Клевановыхъ наставить: какимъ образомъ законную довѣренность совершить и ко мнѣ въ исправно-переслать. Вѣдь дѣвицы эти, вѣроятно, мало толку въ зако-
 Я толь. Благовялинскій все разтолковалъ, но болѣе всего тели, но съ Г. что онъ велѣлъ свой поклонъ передать. Кле-
 довь не приноситъ. вашему батюшкѣ. Надо вамъ знать, папень-
 твердое имъ желаніе быть для ачить: онъ никому не кланяется и даже

про министровъ сердито говорить. Что, говорятъ, они, я въдѣ нѣмецкую герцогиню воспитывалъ!

Ахъ, папенька, если бы только дѣльце Клевановыхъ намъ удалось, въдѣ мы бы на всю жизнь были обезпечены! Цалую ваши ручки и прошу почтительнѣйше на счетъ довѣренности утѣ- домленіемъ не оставить.

Р. S. Вчера я былъ въ театрѣ и даже представленія не ви- дѣлъ... Я все мечталъ и фантазировалъ. Извините меня, а фан- тазія, ей Богу, живить человѣка, въ особенности молодого. Какъ- то смѣле глядишь впередъ, да и будущая перспектива чрезвы- чайно занимаетъ меня. Ну, если и не удастся, ну, если и отка- жуть, по-крайней-мѣрѣ я помечталъ съ пріятностью, увлекся и съ Благоявлинскимъ самый очаровательный вечеръ провелъ! Широко, широко, развернулась моя душа и я, въ восторгѣ, съ счастьемъ, съ счастьемъ васъ поздравляю.

29 октября.

Сверхъ ожиданія, письмо мое огорчило васъ. Вы говорите, папенька, что стыдно въ мои лѣта одними пустяками забавляться и такъ глупо съ несбыточнымъ счастьемъ роднаго отца поздрав- лять. Ей Богу, папенька, я отъ души поздравлялъ. Я думалъ удовольствіе доставить вамъ. Однако, съ нечаянью прочиталъ, что вы за успѣхъ дѣла Клевановыхъ отчапваетесь. Само собою ра- зумѣется, уведомляете вы, что дѣвицы Клевановы согласятся на всѣ мои условія, ибо отъ бѣдности одни пустыя щи хлебаютъ, значить, и терять имъ нечего. Но, по словамъ вашимъ, лучше перестать добрыхъ людей смѣшнить. Чтожъ дѣлать, если всѣ раз- смѣялись, что я хочу вашихъ Клевановыхъ на высоту счастья поднять. Папенька, въдѣ люди всегда смѣются! Пусть смѣются: лишь бы дѣло это какъ-нибудь до Петербурга дотянуть. А здѣсь, правда восторжествуетъ и бѣдныхъ дѣвицъ, имѣющихъ одинъ только клочекъ земли, современемъ стануть на рукахъ носить.

Впрочемъ, сиѣшу принести извиненіе, что на васъ, безцѣнный папенька, насмѣшки всего уѣзднаго суда навлекъ. Въ особенно- сти мнѣ обидно, что уѣздный стряпчій никакихъ надеждъ не подастъ. Посылаю, однако, на всякій случай 10 рублей Клева- новымъ, для заключенія довѣренности на мое имя. Я ужъ писалъ

объ этомъ Петру Лукичу и, согласно приказанію вашему, подобными вздорами обременять васъ не стану. Больно, что родной отецъ мнѣ не вѣрить, а я пребываю по гробъ вашъ покорный сынъ Малевичъ.

16 декабря.

Поздравляю васъ съ преддверіемъ праздниковъ Рождества Христова. Хотѣлъ-бы подарками съ моей стороны утѣшить, но до-сихъ-поръ повышенія по службѣ не вижу. Главный конторщикъ нашъ и награду получилъ, и на счетъ общества на Волгу съѣздилъ, и даже собственный пай въ Компаніи пріобрѣтаетъ. А я все на 18-ти рубляхъ сижу и ничего впереди отраднаго не вижу.

Директоръ нашъ, г-нъ Ушкинъ, хотя и обнадеживаетъ, и прикрасы да турысы рассказываетъ, но онъ... словами только размазываетъ! Другіе директора за дурака его считаютъ. Меня это такъ сокрушаетъ, что хочу новаго поприща искать. Брошу я эту Компанію пароходства: она процвѣтаетъ, десятки тысячъ ежегодно загребаетъ, а труда и усердія цѣнить не умѣетъ. Я-ли еще мало работаю, и что у меня есть? Ничего. И чѣмъ я могъ тутъ отличиться? Одного кочегара въ покражѣ угольевъ уличить. И что впереди? равнодушіе начальства. Нѣтъ, не вынесу я этого и буду другого поприща искать.

Не намѣренъ я унывать и только 18-ть рублей жалованья получать. Сказываютъ, что у насъ, въ Россіи, по частнымъ дѣламъ лучше всего служить, какое!.. Мнѣ рассказывалъ Благовялинскій, какъ это за-границей происходитъ, а тутъ — г-нъ Ушкинъ въ торговомъ предпріятіи ничего не смыслитъ и другіе директора за носъ его водятъ. На коммерцію надобно взгляды имѣть: дать человѣку надлежащій ходъ, умомъ своимъ цѣлыя страны обнимать, а г-нъ Ушкинъ только палки съ золотыми набалдашниками покупаетъ и, воображаетъ, что коммерціей занимается. Онъ гуляетъ по англійской набережной, а его, какъ дурака, обсчитываютъ. И кто-же обсчитываетъ? Богатые люди, имѣющіе свои капиталы! Безнравственные, безсовѣстные люди... И правду говорятъ Благовялинскій, что отъ этихъ скотовъ на свѣтъ жить невозможно.

Боже мой, зачѣмъ я не могу посвятить себя коронной службѣ? Вѣдь я могъ бы отличиться, чины получить и пользу государству, а не торгашамъ приносить. Частныя-же товарищества къ одному произволу директоровъ ведутъ: всякій можетъ голосъ свой подавать и дѣлать, что ему въ голову взбредетъ. Эхъ!.. опять придется все бросить. Опять я возмущенъ душою и очень мнѣ обидно, что г. Ушкинъ никакого вѣсу не имѣетъ.

31 декабря.

По излишней опрометчивости, я своимъ послѣднимъ письмомъ въ недоумѣнье васъ повергнулъ. Все отъ раздражительности и неудачъ произошло. Въ сущности-же, о г-нѣ Ушкинѣ я несправедливо отозвался, ибо онъ на Васильевскомъ-острову купилъ трех-этажный домъ и управляющимъ меня сдѣлалъ. Слѣдовательно, чувство признательности я забылъ и раскаиваюсь очень, и по гробъ готовъ ему служить, ибо отъ него изрядное жалованье и даровую квартиру теперь получаю.

Домъ почти въ четверо-разъ больше вашихъ присутственныхъ мѣстъ. На парадной-же лѣстницѣ сановникъ живетъ и два каретныхъ сарая занимаетъ, и въ Сиротской комитетъ ѣздитъ. Вслѣдствіе всего этого думаю, что отчаиваться мнѣ недолжно, и ужъ за то, что я бросилъ аптеку не сердиться, а простить меня слѣдуетъ.

Съ удовольствіемъ великимъ передаю вамъ извѣстіе это, тѣмъ болѣе, что службу въ Компаніи не бросаю. Цалую ваши ручки и всѣ надежды свои на управленіе домомъ возлагаю.

Я знаю, что мое счастье радуетъ васъ, а потому и письмами своими часто утруждаю. Буду писать вамъ обо всемъ подробно. Новостей теперь мало. Вчера, на Невскомъ, перваго въ Россіи графа мнѣ указывали: старъ, но такой красавецъ, что любая принцесса замужъ за него пошлабъ. Я хотѣлъ прямо бухнуть ему въ ноги и свое положеніе на счетъ документовъ изъяснить, да полиціи побоялся. Здѣсь полиція ужасно строгая и, что хуже всего, бѣднякамъ доступъ къ важнымъ особамъ пресѣкаетъ. По моему, слѣдовало бы снисходительнѣе быть. А впрочемъ, тутъ не то, что въ вашемъ городишкѣ, городничій ѣдетъ: «стой, братъ, дай табачку понюхать!» Тутъ такого табачку зададутъ, что своихъ не узнаешь и ешь въ Петербургскую упрячуть.

Прощайте. Благоявлинскій не живётъ теперь со мною, потому-что онъ въ городскую больницу отправился. Я себя новый гардеробъ сшилъ и вчерашняго дня Александринскій театръ посетилъ.

Письма ко мнѣ прошу адресовать такъ: въ домъ Ушкина, 1-му управляющему Аркадію Малевичу.

18.., 12 марта.

Простите великодушно, что такъ долго не писалъ къ вамъ, по болѣзни, которая чуть было на тотъ свѣтъ меня не отправила. Послѣ выздоровленія, много было хлопотъ по управленію домою.

Въ настоящее-же время, все идетъ прекрасно, только на лекарства много издержекъ вышло и я грудью страдаю. Пусть маменька, однако, не тревожится: я скоро оправлюсь. Теперь-же на бульвонѣ сижу и очень о свѣжемъ воздухѣ тоскую.

У насъ скверная погода и снѣгъ выпалъ. Почти цѣлый день въ квартирѣ моей печка горитъ. Отъ скуки, люблю на огонь смотреть.

Вы спрашиваете: доволенъ-ли мною домовладѣлецъ, г-нъ Ушкинъ? Доволенъ: вчерашняго числа онъ у меня чай съ ромомъ пилъ и монимъ обхожденіемъ остался доволенъ, ибо я прямо ему сказала, что благодѣтелемъ своимъ — его считаю. Также я ему подалъ новый проектъ на счетъ подземныхъ трубъ, которыя изъ Невы слѣдуетъ въ нашъ домъ провести, для удобства жильцовъ и увеличенія квартирной платы. Онъ пришелъ въ восторгъ и изъявилъ согласіе свое на проведеніе трубъ.

Одно меня смущаетъ въ городѣ слухи разнеслись, что Англичане на эскадрѣ къ Петербургу подъѣдутъ и станутъ бомбардировать нашу столицу. Но не унываю, ибо мы шапками ихъ закидаемъ. Сановникъ нашъ такое-же мнѣніе имѣетъ. Я въздѣсь, любезные родители, въ досужное время за газетами слѣжу и недостатокъ своего образованія бесѣдой обогащаю. Одного боюсь — утрудить вниманіе ваше, а то-бы всѣ событія нашего великаго времени, для развлеченія вашего, съ великой-бы охотой передавалъ. Въ сегодняшнихъ газетахъ читалъ, что всѣмъ опасаются за здоровье короля Прусскаго, ибо онъ съ лошади упалъ. Между прочимъ, по секрету вамъ сообщу, что по случаю нынѣшнихъ переворотовъ, провизія вздорожала и телегра-

оническую проволоку до самаго Чорнаго моря желаютъ на столбахъ провести. Пожалуйста, папенька, ни кому объ этомъ не сказывайте, потому что мнѣ путейскій чиновникъ передалъ и я опасаюсь, чтобъ за открытіе министерской тайны, отъ должности его не уволили.

Тутъ, вообще, по случаю войны событій много и фельдъегерскія тройки у подъязда Военнаго министерства день и ночь стоятъ. Но я убѣжденъ, что все кончится благополучно и прежнимъ порядкомъ пойдетъ.

22 апрѣля.

Душевно радуюсь, что мои Петербургскія извѣстія, хотя немного развлекли васъ, а главное на счетъ моего здоровья совершенно успокоили. Здоровье мое, дѣйствительно, дѣлается лучше: я къ доктору пересталъ ходить и къ себѣ его ужъ не принимаю. Онъ вообразилъ, что я буду для него дойной козю, которую сосать можно и за визиты денежки получать. Безсовѣстный нѣмецъ! рублей 35 у меня перебралъ и прописывалъ самыя дорогія лекарства. Впрочемъ, извините, что я о такомъ маломъ предметъ бесѣду съ вами завелъ.

Съ великимъ удовольствіемъ пересылаю къ вамъ снотовую шубу, любезный папенька. Пріймите ее благосклонно и мѣха не оуждайте: я всѣ магазины обѣгалъ и 60 рублей заплатилъ.

Боялся я очень, папенька, чтобъ меня не надули и крашеннаго мѣха не подсунули; но, кажется, шуба во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворить можетъ. За симъ, дорогому семейству нашему свидѣтельству мое почтеніе, а сосѣдямъ—кланяюсь.

Р. S. Извѣстите меня, въ какомъ положеніи доставлена къ вамъ будетъ шуба. Въ случаѣ неисправности, я буду жаловаться почт-директору, потому что онъ самъ, въ газетахъ, недавно просилъ объ этомъ публику. Сказываютъ, что всѣ мы должны къ административному порядку содѣйствовать и жалобы начальству приносить. А что-же дѣвицы Клевановы о-сю-пору довѣренности ко мнѣ не высылаютъ? Я желалъ-бы, чтобъ онѣ поскорѣе ее выслали.

6 мая.

У насъ уже открылась навигація, и суеты, и работы въ Компаніи пароходства много. Къ сожалѣнію, главный контор-

щникъ скоропостижно умеръ и въ мѣсто его занялъ, хотя и радъ послѣднему, но объ участи покойника сожалею. Я чуть было опекуномъ его семейства не сдѣлался, да нѣкоторыя обстоятельства тому воспрепятствовали...

Перваго мая у насъ, по обыкновенію, гулянье было, и я въ Екатерингофъ ѣздилъ, но погода была скверная. Я жалѣлъ очень, что теплаго пальто не надѣлъ. Теперь-же, въ обществѣ желудками всѣ страдаютъ и, къ сожалѣнію, пока еще мало загородныхъ повозокъ на пароходахъ предпринимаютъ. Между прочимъ, мы не унываемъ, оттого что война не производитъ на здѣшнее общество никакого волненія, вслѣдствіе чего, мы хотимъ число паромныхъ повозокъ въ Петергофъ увеличить. У васъ все о рекрутахъ да объ ополченіи толкуютъ, а здѣсь всѣ заботы на одно правительство возлагаютъ и только, въ ожиданіи парохода, иногда о войнѣ разсуждаютъ. Въ любопытное время мы живемъ, любезные родители, и войну, со всеми ея бѣдствіями, къ счастью спокойно переживаемъ. Впрочемъ прощайте; теперь мнѣ не досугъ, да и не нашему брату о высшей политикѣ разсуждать. Боже избави меня отъ этого! Вотъ за-границей, говорятъ, всякая сволочь разсуждаетъ, оттого и порядку въ законахъ мало и банкротства часто случаются.

Р. S. пожалуйста вышлите мнѣ малороссійскаго сала и если можно, то побольше. Я попрежнему его люблю и за присылку весьма благодаренъ буду. А дѣвицы Клевановы до сихъ-поръ довѣренности не высылаютъ!

13 іюля.

Не знаю, получили-ли вы мое послѣднее письмо, гдѣ я о счастья своемъ увѣдомляю, то есть на счетъ полученнаго мѣста. Относительно шубы вы меня увѣдомили и я радъ, что вы остались довольны ею. Теперь я очень занятъ и много возни съ пассажирами имѣю. Давеча, я самъ въ Петергофъ ѣздилъ и наблюдалъ, чтобъ никакого шума и опрометчивости между служителями не произошло. У одного изъ пассажировъ я отбилъ всякую охоту безъ билета путешествія предпринимать, доказавши, что благородному челоуку всегда покупать въ кассѣ билетъ слѣдуетъ и что плутни могутъ къ однимъ непріятностямъ повести. Одинъ изъ нашихъ директоровъ очень похвалилъ меня, потому что я под-

ное уваженіе къ публикѣ сохранилъ и уличеннаго молодца велѣлъ съ парохода вывести. Многіе смѣялись. Я самъ, отъ такой забавной исторіи, чуть губы не кусаль.

Управленіе по дому тоже идетъ успешно и я во всѣ квартиры невскую воду провель: стоятъ только повернуть кранъ и лучшая вода, для кушанья и стирки бѣлья, готова. Вообще, хотя я не хвастунъ, любезные родители, но похвастаюсь передъ вами, вездѣ успѣваю. Да, Богъ головою меня не обидѣлъ и, еслибъ я еще въ дворянствѣ былъ утвержденъ, то чрезвычайно много увѣренности въ своемъ достоинствѣ пріобрѣлъ-бы. Ни что меня такъ не пѣняетъ, какъ видъ счастливаго и обезпеченаго чловѣка, одинъ взмахъ котораго цѣлую судьбу сокрушаетъ. Ахъ, любезные родители! еслибъ и сыну вашему въ честь попасть: я бы къ вамъ тотчасъ на родину пріѣхалъ, и большой домъ выстроилъ-бы, и по-боку эту мизерную аптеку!

Теперь-же смиримся предъ Провидѣніемъ. Да и что объ утраченномъ дворянствѣ разсуждать. Вѣдь я не имѣю привычки осуждать тѣхъ, которые почему-либо старше меня, я и маленькой службишкой не пренебрегаю, и какъ огня, дурнаго образа мыслей избегаю, и никакія порученія и приказанія начальства меня не тяготятъ.

29 іюля.

Милые родители мои, поздравляю васъ съ днемъ ангела вашего и подарки посылаю. Извините, что чайникъ англійской работы только съ полдюжиною таковыхъ — же чашекъ высылаю. Отправленный-же мною чай кушайте на здоровье, и вашего отсутствующаго сына вспоминайте.

Къ удивленію моему, вчера отъ Клевановыхъ вашихъ законную довѣренность получилъ. Вѣроятно, Петръ Лукичъ poradълъ объ этомъ и низкую благодарность ему за это приношу. Хотя дѣло это мало на счетъ возможности выигрыша ресурсовъ представляетъ, но — на всякій случай — съ удовольствіемъ къ оному приступаю.

15 августа.

Стыдно мнѣ, что до-сихъ-поръ казначею вашему справокъ не прислалъ. Пусть онъ повременить немного, ибо я занятъ теперь.

У насъ погода пречудесная и пароходы наши трещать отъ великаго стеченія публики здѣшней. У меня работы столько, что и вообразить себѣ не можете. Такъ какъ, по роду занятій своихъ, я обязанъ столкновенію съ образованной публикою имѣть, то одѣваюсь большимъ франтомъ и на гардеробъ большіе издержки потерпѣлъ. Посылаю вамъ свой дагеротипный портретъ, чтобъ судить о моемъ измѣненіи могли. Всѣ директора довольны расторопностью моею и даже одинъ (г-нъ Вогайскій) французскому разговору совѣтуетъ учиться. Несчастье мое, любезные родители, что иностраннымъ діалектамъ съ дѣтства не обучался, а то-бы въ компанію желѣзныхъ дорогъ поступилъ, потому-что я главному начальнику ужъ представлялся, но только по одному незнанію діалектовъ отказъ получилъ. Теперь только съ сокрушеніемъ вижу, какъ много денегъ оттого теряю, что безъ наукъ остался. Съ откровенностью все вамъ сообщаю: много отказовъ ужъ получилъ! Что-же касается до прошенія, по дѣлу дѣвицъ Клевановыхъ, то оно должно скоро въ уздѣный судъ поступить. Увидимъ, что-то скажутъ ваши судьи, когда получатъ его.

Новостей теперь мало. Я заказалъ себѣ сврое патріотическое пальто, потому-что всѣ такіе носятъ. Оно красиво. По множеству-же хлопотъ, о военныхъ событіяхъ ничего не знаю. Война, говорятъ, продолжается. Эхъ, кабы дѣльце Клевановыхъ-то удалось!

8 октября.

Вы пишете, дорогой папенька, что я за глупости беру и чрезвычайно своимъ прошеніемъ уздѣный судъ насмѣшилъ. Помните, папенька, мнѣ было непріятно это читать, когда я съ лучшими дѣльцами объ этомъ неоднократно совѣтовался. Какое мнѣ до того дѣло, какъ вашъ уздѣный судъ рѣшитъ, лишь-бы апелляціи не пропустить, да въ Палату дѣло перевести, а потомъ сюда его перетянуть... Ничего, вы не смущайтесь, что умники ваши напраснымъ пустякомъ это считаютъ и тратою времени одною... Я ужъ не ребенокъ, папенька, и пустякомъ такого дѣла не называю: авось дастъ Богъ и выиграемъ и 60 тысячъ за ходатайство получимъ. Пусть себѣ это дѣло тянется по немножку,

вѣдь оно моею службѣ не мѣшаетъ и я готовъ посвятить свободные свои досуги.

18 ноября.

Съ удовольствіемъ получилъ строчки ваши, маменька (вы такъ рѣдко пишете ко мнѣ!) и очень забавлялся тому, что портретъ мой на всѣхъ барышень вашихъ фуроръ произвелъ. Конечно, я весьма радъ, что онъ стали заносить и ручку целовать у васъ, но только на счетъ брака надеждъ никакихъ не подаю. Какая это барышня бисерный кошелекъ мнѣ прислала? не знаю только, что дѣлать съ нимъ, потому что два портмоне имѣю. Вообще, милая маменька, о женитбѣ моей разсуждать не стоитъ: я съ барышнями конфузливъ очень. Кажется, пора мнѣ ко всему приглядѣться, но предположеніе ваше о моемъ бракѣ отклонить намѣренъ. Извините великодушно и не сердитесь на мою глупую застенчивость; откровенно доложу вамъ, что я еще въ лѣтахъ молодъ и желаю съ капитальной дѣвицею въ бракъ вступить. Между нами говоря, я вашихъ барышень, милая маменька, не высоко ставлю: онъ только съ офицерами любезничаютъ и о семейномъ счастьи превратныя понятія имѣютъ.

14 декабря.

Гляжу впередъ, любезные родители, и будущая перспектива очень занимаетъ меня. Годъ этотъ необыкновенно удачливъ для меня и такъ-какъ признательность меня не оставляетъ, то покорнѣйше прошу братца Васю ко мнѣ въ столицу выслать. Мнѣ очень пріятно будетъ заботы ваши на счетъ участи его облегчить. Зная стѣсненные обстоятельства семейства нашего, умоляю ничего ему изъ платья не дѣлайте и пришлите по скорѣе сюда, потому что я постарался, чтобъ его приняли въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ Технологическаго Института. Заведеніе это процвѣтаетъ и, если Вася хорошо наукамъ учиться будетъ, то можетъ мѣсто механика на казенной фабрикѣ получить. Кромѣ того, онъ приобретаетъ право свои фабрики сооружать. Я удивляюсь одному, что бѣдные люди такъ мало вниманія на этотъ благотворительный институтъ обращаютъ. По горькому опыту знаю, что нынче такіе порядки въ столицѣ завелись, что безъ воспитанія невозможно носа утереть и я

уже много отказовъ по этому случаю получилъ и получаю. Ахъ, дражайшіе родители! вѣдь я бы чудесъ надѣлалъ, еслибъ только воспитанъ былъ. Въ нашемъ отечествѣ такъ двинулась наука впередъ, что каждый воспитанный человѣкъ можетъ въ свое удовольствіе жить. А потому, пришлите брата въ институтъ поскорѣе. Боюсь, чтобъ и ему не насолила наука, безъ которой невозможно теперь ни мѣста, ни чина получить.

18..., 31 марта.

Услаждаюсь мыслью, что братца Васю въ путешествіе ко мнѣ 16-го числа сего мѣсяца отправили. Но напрасно вы за присылку денегъ мои хвалите и называете примѣрнымъ сыномъ, помилуйте, да развѣ я забылъ—

Кто роднымъ неблагодаренъ, тотъ предъ всѣми постыдится,
Для дѣтей неблагодарныхъ злато въ камни превратится!

Извините, что нацарапалъ вамъ стишки, которыя, по одному воспоминанію, пріятны для моего сердца, ибо въ дѣтствѣ еще заучилъ ихъ и, какъ теперь помню, въ день ангела обыкновенно при гостяхъ декламировалъ. И теперь, опытъ подтвердилъ, что выполненіе обязанностей своихъ—душевнымъ сноукійствомъ человека надѣляетъ. Мирно въ душѣ моей любовь къ родному семейству процвѣтаетъ и хочу я только одного, чтобъ вы довольны были мною. Смѣло и съ гордостью скажу, что въ чувствахъ своихъ не измѣнился: все, что вынесъ изъ родительскаго дома, цѣльно въ душѣ сохранилъ. Безконечно благодаренъ вамъ, многоуважаемые родители, за всѣ прежнія наставленія ваши: они къ добру меня ведутъ. Теперь только вижу, какъ они живутъ и поддерживаютъ меня и къ настоящей дѣятельности направляютъ. Вы на счетъ Васи не хлопочите: я все для милаго братца сдѣлаю.

Стоксовался я за вами, мои милые. Горю нетерпѣніемъ—для свои устроить и на свиданіе къ роднымъ поспѣшить. Кровь во мнѣ горячо кипитъ, и силы, и жажда труда такія, что кажется хоть-бы хотѣлъ, да не могу сложа руки сидѣть. Хотя я теперь, кромѣ службы, двумя домами уже управляю, и многія ходатайства по искамъ имѣю, и занимаюсь частными дѣлами г. Ушкина, но мнѣ все кажется мало и жаръ любви къ заня-

пѣнь не угасаетъ. Сопровождаемый въ настоящее время и благосклоннымъ привѣтомъ, и спокойствіемъ душевнымъ, я непременно необыкновенныя богатства и честь наживу. Вы не ждите, мои дорогіе, вѣдь я не глупецъ и цѣну теперешняго положенія моего понимаю.

мая 9.

Нѣтъ, любезная маменька, я уже имѣлъ честь вамъ писать, что жениться пока не намѣренъ. И такъ ужъ товарищи смѣются надо мною и г-мъ Сердечкинымъ называютъ, потому-что получаютъ бисерный кошелекъ получилъ. Тутъ на бракъ серьезно смотрятъ и о любви только пустые люди въ здѣшнихъ кондигорскихъ разсуждаютъ. Напрасно только ваша барышня свои мазки портитъ и для меня подушку вышиваетъ. Гарусу я готовъ купить ей и то собственно потому, чтобъ вы безчувственнымъ меня не считали.

Перейдемъ къ другой, болѣе серьезной матеріи, на счетъ того, что князь Паскевичъ скончался и не знаютъ, кто его мѣсто займетъ. Вотъ это такъ дѣло, маменька, потому-что покойникъ первый фельдмаршалъ былъ. А тутъ, не за долго еще поговаривали, что онъ въ столицу пріѣдетъ и я хотѣлъ ему представиться, чтобъ онъ моего кліета изъ-подъ суда освободилъ. Съ сожалѣнію, смерть прекратила все. Думалъ также князю Орлову представиться, да онъ, говорятъ, изъ Петербурга выѣхалъ и, на мое несчастье, можетъ въ Парпжъ для военныхъ переговоровъ отправиться.

Не вздыхайте, матушка, что ничего утѣшительнаго вамъ не сообщу. Много я теперь работаю, много ночей не досыпаю. И извѣстно еще, чѣмъ то Богъ меня утѣшитъ!

іюня 14.

Братъ Вася давно уже пріѣхалъ и скоро будетъ въ Институтъ опредѣленъ. Я никакъ не ожидалъ, что онъ такая флегма: не только мизинецъ сосетъ, да изъ-подлѣбья поглядываетъ; мальчикъ то онъ прекрасный, да жаль что энергіи недостаточно имѣетъ. Я люблю, чтобъ человекъ, подобно вихрю, по всѣмъ угламъ скакалъ: тамъ скажетъ словечко, тамъ раскланяется... словомъ, чтобъ человекомъ въ полной формѣ былъ. Впрочемъ, онъ

еще небольшой и счастье его, что на все готовое ко мнѣ попалъ, а то-бы его здѣсь и куры заклевали. Въ его лѣта все занимало, все интересовало меня: бывало, зубъ-за-зубъ противъ скверныхъ обстоятельствъ я стоялъ. Да, съ удовольствіемъ и теперь вспоминаю! когда нибудь, при свиданіи, все расскажу вамъ, ибо не мастеръ я на бумагъ чувства изливать, и болѣе быстротой и соображеніемъ, чѣмъ перомъ владѣю.

Вы сѣтуете на меня, что я мало о своихъ дѣлахъ увѣдомляю. Зачѣмъ обременять васъ всѣми мелочами, собственно до дѣлъ моихъ касающихся: достаточно того, что деньги я получаю и, слѣдовательно, на пустяки время не трачу. У меня голова отъ занятій трещитъ и, единственно по долгу своему, о главномъ васъ увѣдомляю, чтобъ, избави Богъ! не привести въ сомнѣніе на счетъ моихъ занятій. Болѣе всего радуюсь тому, что папенька, наконецъ, мнѣ прощаетъ, что я аптеку безъ его согласія бросилъ, и на дальнѣйшій путь въ послѣднемъ письмѣ своемъ благословляетъ. Благодарю васъ, папенька. Пуще-же всего меня порадовали тѣ слова, что я заслужилъ довѣріе ваше, (ибо въ глазахъ родителей ничемъ дурнымъ себя не аттестовалъ,) какъ вы изволили замѣтить сами. Цѣню довѣріе ваше и даю вамъ слово, что ни какихъ нареканій со стороны вашей не навлеку.

Но вотъ, что меня беспокоитъ, папенька: здѣсь говорятъ, что война еще не кончена и, въ случаѣ надобности, на всѣхъ насъ окладъ наложутъ. Я думаю, если это только не враки, къ г-ну Ушкину прибѣгнуть. Что ему значитъ заплатить за меня.

Новостей никакихъ не слышно. Впрочемъ, г-нъ Ушкинъ поручилъ мнѣ всѣхъ мастеровыхъ изъ его дома выгнать. Эта сволочь платитъ мало и только лѣстницы загрязняетъ, да шумъ производитъ, терпѣть немогу мастеровыхъ и постараюсь, чтобъ у меня одни благородные жили.

9 августа.

Для Васи я учителей нанялъ, и онъ выдержалъ изрядно экзаменъ, и принятъ въ число казеннокоштныхъ Технологическаго Института. Словомъ, ему теперь только остается одно: благодарить Бога и неусыпно на свою пользу радѣть. Пока онъ поставленъ порядочно и науками можетъ обогатить свою голову. Главное, чтобъ онъ изъ класса въ классъ переходилъ. Остальное-же

все для него сдѣлано— и книжки, и тетра. кн куплены. Пошли ему, Господь, успѣховъ и отъ души желаю, чтобъ онъ скорѣе заведеніе кончилъ и на полъ жизни поступилъ.

Пріѣздъ Васи еще болѣе дѣятельность мою ускорилъ и я, совершенно неожиданно, на глазахъ его выигралъ отличное дѣло. Дѣло въ томъ, что я за финляндскій песочекъ цѣлыхъ пять тысячъ получилъ! Видно судьба хотѣла чѣмъ нибудь порадовать меня, любезные родители, и самый простой проэктъ на пользу нашу пошелъ: по дѣламъ службы, я въ Финляндію ѣздилъ и мнѣ бросилось въ глаза, что огромные пространства пустынныхъ прибрежьевъ безъ употребленія стоятъ. Разузнавши въ чѣмъ дѣло, я къ знаменитому здѣшнему адвокату и богачу отправился и предложилъ, что можно около 50 тысячъ десятинъ земли по гривеннику у финляндцевъ купить. Адвокатъ меня называлъ сумасшедшимъ. Когда же я ему объяснилъ, что хотя песокъ этотъ ни на что не годенъ, но купить его слѣдуетъ для того, чтобъ подъ залоги представить, то онъ тутъ-же рѣшилъ, чтобъ купція по надлежащимъ цѣнамъ совершенны были, а землю, пріобрѣтенную за безценокъ, можно, дѣйствительно, подъ залоги по откупамъ представить. Вотъ такимъ-то образомъ, мы дѣльце это и хватили, заплатили по гривеннику за десятину... ну, словомъ, за песочекъ, любезные родители, отъ адвоката я пять тысяченекъ получилъ! Я такъ обрадованъ, что спѣшу этой пріятной новостью съ вами подѣлиться. Знаю, какъ вы ради будете, и какъ судьбою моею и Васи дорожите, и потому немедленно обо всемъ васъ извѣщаю.

Въ добрый часъ молвить, Вася счастливецъ необыкновенный: въдъ какое счастье своимъ пріѣздомъ подвалилъ! почти все на глазахъ его совершилось и съ чрезвычайной быстротой входъ пошло. Современемъ, выпишу сюды и Петю, авось и на его счастье, что-нибудь да выиграю. Вы извините меня, добрейшіе родители, но я суевѣренъ на этотъ счетъ.

Р. S. Кланяйтесь отъ меня всемъ вашимъ знакомымъ и пусть они съ пустыми руками теперь не обращаются ко мнѣ за справками. Съ какой стати мнѣ для людей постороннихъ работать! У меня есть свои обязанности. Съ величайшимъ удовольствіемъ, почтеннѣйшіе родители, при семъ 500 рублей вамъ прилагаю.

19 сентября.

Я васъ ужъ просилъ, мои беззцѣнные родители, чтобъ за присылку денегъ вы меня не благодарили. Мнѣ очень совѣстно. Помилуйте, это священная обязанность моя и я очень радъ, что могу семейству помогать. Откровенно-же извѣщаю васъ потому, что въ дѣлахъ своихъ, кромѣ успѣха, ничего не вижу. Нисколько не сомнѣваюсь также въ томъ, что вы за счастье мое радуетесь. Конечно, вы правы, что есть дѣти, которыя съ умысломъ свои доходы и жалованье отъ родителей скрываютъ. Но я не принадлежу къ нимъ и все по совѣсти къ вамъ отписываю.

Занятія мои, благодаря Бога, съ каждымъ днемъ увеличиваются. При нынѣшнемъ капиталѣ я серьезное вниманіе на дѣло Клевановыхъ обратилъ. Былъ у здѣшнихъ Клевановыхъ и требовалъ отъ нихъ отступнаго. Несогласны они и я аппеляцію двинулъ и дѣло это въ Палату перенесъ. Посмотримъ, что Палата скажетъ. Я докажу, что въ нашемъ отечествѣ возможно и у богачей процессъ выиграть. Попросите Петра Лукича, чтобъ онъ повсѣмъ церковнымъ книгамъ пошарилъ—нѣтъ ли гдѣ какихъ записей, изъ которыхъ о родствѣ Клевановыхъ между собою заключить можно. Все несчастье въ томъ, что документовъ подъ рукою нѣтъ, и что церковь старинная ваша отъ молніи сгорѣла, и городской попъ, знавшій родословную всего міра, отъ должности отставленъ. Однако, будемъ надѣяться, что правда восторжествуетъ.

Но не слишкомъ полагаясь на счастье, отъ одной юреспонденціи зависящее, я третій уже домикъ имѣю надежду получить въ свое управленіе. Прославился хорошимъ управляющимъ и теперь вездѣ мнѣ кондіціи предлагаютъ; только дворники боятся меня очень. Мужикѣ потачки давать не слѣдуетъ, а то чаеи животъ свой наполнить и, по неразумію, бариномъ себя воображаетъ. Я ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ держу: грубость, а равно и дружбу съ жильцами водить воспреещаю. Мастеровыхъ ужъ выгналъ.

Служба по Компаніи пароходства идетъ недурно. Здѣсь статья другая и каждому директору услужить надо. На будущій сезонъ плаванія мѣсто главнаго бухгалтера мнѣ обѣщаютъ. Теперь же выдали изрядную награду и въ жалованьи я обезпеченъ.

Г-нъ Ушкинъ не нахвалиться мною, и я очень уважаю этого человека за его благородный характеръ. Онъ всячески поддерживаетъ меня и тѣмъ вниманіе всѣхъ обращаетъ.

2 января, 18..

Письмо честь съ новымъ годомъ васъ поздравить.

Я двѣнадцать визитовъ вчера сдѣлалъ, частью на извозчикъ, частью пѣшкомъ. Зависелъ, бѣлые перчатки надѣлъ и—такимъ молодчикомъ сталъ, что даже грустно сдѣлалось, что маменька меня не видитъ. Былъ и у извѣстнаго вамъ изъ описанія моего адвоката, который такъ мнѣ сказалъ: «а что, г. Песочекъ, нѣтъ ли еще чего новенькаго?» Я только улыбнулся. Впрочемъ, извините великодушно, безцѣнные родители, что подобными мелочами вниманіе ваше обременяю. Но надѣюсь, на снисхожденіе ваше.

Вы спрашиваете: въ какомъ положеніи здоровье Вася и какъ себя ведетъ онъ? здоровъ и ведетъ себя прекрасно, только большое пристрастіе къ чтенію книжекъ имѣетъ. Это еще не бѣда, а главное я замѣчалъ, что подобные люди ни въ чемъ успѣха не имѣютъ и никогда значительныхъ мѣстъ имъ не дадутъ. Я полагаю это происходитъ отъ того, что ихъ либералами называютъ. Я-же, въ настоящее время, всякую охоту къ чтенію потерялъ. Память у меня на этотъ счетъ такъ коротка, что прочту, то и забуду, а потому, печатныхъ книгъ смертельно не навижу. Совершенно не помню, какое удовольствіе въ нихъ люди находятъ. Теперь и Сѣверной Пчелы въ глаза не вижу, а потому не знаю, что за границей происходитъ. Собственно поэтому о политикѣ васъ не извѣщаю, ибо совсѣмъ времени для меня не существуетъ. Своихъ-же занятій очень много.

Надежды мои сбылись и домикъ получилъ въ свое управленіе. Такимъ образомъ—тремъ ужъ, любезные мои родители, управляю.

26 апрѣля.

Все мнѣ удастся чрезвычайно: я единственно молитвамъ нашимъ приписываю это, а къ своей особѣ мало отношусь.

Наша Компанія уже открыла свои сезоны и я мѣсто главнаго бухгалтеръ получилъ. Теперь, когда я не слишкомъ въ людяхъ

нуждаюсь, они болѣе заискиваютъ меня и на пышныя обѣды приглашаютъ. Давеча въ такомъ обществѣ былъ, гдѣ сунъ изъ черепахи подавали и отличныя разсужденія о коммерціи имѣли. Прекрасное общество и мнѣ очень понравилось, что шампанское въ бѣлыхъ салфеткахъ завернуто было.

Представьте себѣ мое изумленіе: Французъ, который когда-то такъ гнусно тѣснилъ меня у Брауна, давеча за столомъ услуживалъ и почтительно подливалъ мнѣ вино. Вотъ скоть-то безчувственный, теперь безъ мѣста остается и по гривинничку у гостей просить.

Что-бы вамъ еще описать? горю нетерпѣніемъ на свиданье къ вамъ полетѣть, для того, чтобъ сердце свое утѣшить и прежнихъ знакомыхъ видѣть. Я точно дѣвчонка малая, чувствами приязанности въ излишествѣ надѣленъ. Безъ родины-то грустно. Что они, знакомые-то, говорятъ обо мнѣ? Сообщите, пожалуйста: вѣдь это любопытно очень. Хотя немного, да родину напомнить мнѣ. Мы съ Васей довольно часто о нашей родинѣ разсуждаемъ, и онъ удивляется, что я и фамилію, и лицо каждаго земляка помню.

Р. S. А что-же г-жи Клевановы письма родоначальника своего, Никиты, не высылаютъ? Скажите имъ, что равнодушіе къ памяти предкамъ постыдно, тѣмъ болѣе, когда въ виду наследство есть. Пусть онъ поспѣшаютъ этотъ документецъ ко мнѣ выслать.

13 іюня.

Вы съ укоромъ пеняете, что на дѣло Клевановыхъ я напрасно вниманіе обращаю и только по-пусту время трачу. Гораздо было-бы лучше, по вашему мнѣнію, еслибъ я порывами сердца не увлекался, потому, что отъ дѣвицъ Клевановыхъ никакого вознагражденія ожидать невозможно. Отчего-же невозможно? Онъ вѣдь въ моихъ рукахъ и письмо премьеръ-маіора Никиты, недавно полученное мною, еще болѣе подтверждаетъ, что Петербургскіе Клевановы въ тѣсномъ родствѣ съ нашими состоятъ. Самъ премьеръ-маіоръ весьма обстоятельно говоритъ объ пересылкѣ брилліантоваго фермуара и, въ заключеніи, свое родственное расположеніе бабушкѣ Клевановыхъ изъясняетъ. Слѣдовательно, они родственники между собою, слѣдовательно—петербургскіе Кле-

вановы неправо на судоствоиъ завладѣли. Одно досадно,—дѣло въ Палатѣ слишкомъ медленно тянуть. Но пусть Палата, по примѣру уѣзднаго суда, въ справедливости откажетъ: я аппеллировать буду, я дѣло въ Сенатѣ переведу, я Государю готовъ жаловаться. Пожалуйста, вы меня не омущайте, любезные родители, и не называйте пустяшнымъ этого дѣла. Если же и оборвусь, то со славой, въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ.

26 июля.

Проснулся очень рано, напился кофе и берусь за перо, чтобы повести обычную съ вами бесѣду. У насъ, въ Петербургѣ, очень жарко и только по утрамъ свѣжія мысли приходятъ. Скажите, изъ-ли у васъ въ виду людей, которыхъ по дешевле купить-бы можно? Г-нъ Ушкинъ очень желаетъ сдѣлаться помѣщикомъ и я хочу доставить ему это невинное удовольствіе. Давича, случайно, я бесѣду его на этотъ счетъ слышалъ, и отъ души желалъ-бы, чтобы имѣніе вапихъ помѣщиковъ Кауровыхъ, означенное въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ къ продажѣ аукціонной, въ его владѣніе перешло. Чрезвычайно хорошо было-бъ, еслибы этотъ сюрпизецъ ему доставить.

31 августа.

За скорый отвѣтъ благодарю. Вчера, въ день Александра Невскаго, Г-нъ Ушкинъ имѣяпниникомъ былъ, и я пріятнымъ извѣстіемъ его поздравилъ—что крестьяне и барская усадьба къ его услугамъ, если онъ удостоитъ помѣщикомъ нашего уѣзда быть. Онъ облобызалъ меня и свое желаніе быть помѣщикомъ тотчасъ изъяснилъ. Впрочемъ, онъ также желаетъ, чтобы на прудѣ лодочка была и заброшенный фонтанъ въ порядокъ приведенъ, единственно потому, чтобы сажени на полторы струйка изъ него била. Конечно, въ его положеніи позволительно и буколическимъ мечтамъ предаваться, но, по—моему, фонтанъ одна лишь глупость, которую онъ самъ, впоследствии, устроить. На счетъ же покупки людей и т. д. я уже написалъ подробно Петру Лукичу. Прощайте. Пожалуйста извините, что на такой скверной бумагѣ пишу и такимъ почеркомъ небрежнымъ—перо гадкое попалося и прежней почтовой бумаги отыскать не могу.

10. октября.

Весьма радъ, что сестра подростаетъ и жениха въ виду имѣетъ. Но мнѣ женихъ этотъ совсѣмъ не нравится и скажите сестрѣ пусть она замужъ за него не выходитъ и глупую дѣло свою броситъ. Ничего, что она плачетъ и тоскуетъ: эту дурь изъ ея головы надо выбить. Какой онъ женихъ, когда никакого родства не имѣетъ! что онъ за птица такая, когда въ уздницѣ училищъ учителемъ чистописанія служить! Навѣрное, въ карманѣ у него свиститъ. Скажите Лизѣ такъ: пусть она свою глупую страсть броситъ, пусть и не думаетъ, что бракъ этотъ состояться можетъ. Я признаюсь, удивляюсь, какъ вы позволили голову ей вскружить. Дѣвочка такая молоденькая и ужъ въ романы съ учителемъ вдается! Сообщите ей, что я также цѣлыхъ полтора года безумно влюбленъ, однако не женюсь и не прихожу въ отчаянье отъ этого вздора. Непріятно мнѣ очень, что она такія штуки выкидываетъ и смѣетъ объявлять, что въ монастырь пойдетъ.

Однако, желаю, чтобъ она по любезномъ своемъ не изнывала и шерстяной матеріи съ удовольствіемъ на платьѣ ей посылаетъ. Съ слѣдующей почтой и шляпку перешлю. Кажется я, какъ старшій братъ, могу въ этомъ дѣлѣ свой отдаленный голосъ подать. Вотъ недавно здѣсь былъ бракъ, такъ бракъ: знакомый мой, тоже учитель, двух-этажный домъ на Невскомъ получилъ и самымъ романтическимъ образомъ: невесту свою, угворившись, съ гулянья похитилъ, а потомъ, къ пособію начальства прибѣгнувъ, подавъ жалобу на притѣснителя-опекуна, который невесту его даже въ церковь запретилъ ходить и цѣлымъ домомъ завладѣлъ. Ну, теперь они счастливы, потому, что свой домъ имѣютъ.

19 декабря.

Чрезвычайно радъ, что вы со мной согласны и свадьбу Лизы на неопредѣленное время отложили. Ничего, что она плачетъ. Это пройдетъ, и что ей за охота учительшей чистописанія быть! Что-же касается до вашихъ безпокойствъ на счетъ Васи, то успокойтесь. Я обыкновенно беру его къ себѣ по праздникамъ, предоставляю полную свободу ходить въ церковь, однако слѣжу, чтобъ мальчикъ не завихрился и въ нравственности

своей не испортился. Будьте покойны, папешка, я изъ него человека выколочу, хоть упрямъ онъ очень. Онъ излишнее пристрастіе къ фруктамъ имѣеть, оттого и зубами страдаетъ, и денегъ цѣнить не умѣеть. Недавно еще хорошую нахлобучку я ему задалъ, для того, чтобъ онъ зналъ, что за карьеру его передъ нами я отвѣчаю, и не потерплю, чтобъ онъ изъ повиновенія выходилъ. Хоть и непріятно, а журить надо. Еслибъ меня въ дѣтствѣ тоже не журили, то — какъ знать! — быть можетъ негодяемъ-бы вышелъ и какимъ-нибудь пьянчужкою сталъ. Но благодаря Всевышняго, кромѣ лестныхъ изъясненій ничего другого теперь не слышу.

Думаю и Петю выписать сюда: пусть онъ къ дѣламъ съ дѣтства привыкаетъ. Сколько могу судить, ему пребываніе въ столицѣ полезнѣе будетъ, ибо онъ пребойкій живчикъ и во многомъ, по расторопности, меня напоминаетъ. Я имѣю предчувствіе, что онъ болѣе, чѣмъ Вася въ дѣлахъ успеетъ

Теперь поговоримъ о другомъ. Скажите, отчего помѣщики такіе вздорами меня обременяють? Богъ съ ними, вѣдь я не нуждаюсь въ нихъ, такъ зачѣмъ-же они безъ всякой дилектантности за глупыми оправками ко мнѣ обращаются? Давича вашъ казначей просилъ, чтобъ я на счетъ его племянника въ Инспекторскомъ департаментѣ узналъ. Скажите ему, что онъ самъ на непріятность накликается: племянникъ его на Кавказъ убить и, къ счастью, что убить, а то-бы подъ судъ попался, и, чего добраго, только фамилію свою оорамилъ-бы. Ахъ, надѣли мнѣ ваши степняки, и съ этого времени на просьбы ихъ отвѣчать не намѣренъ.

Спб. 6 января 18...

Имѣю честь съ новымъ годомъ поздравить васъ. Молюсь, чтобъ кромѣ счастья, здоровья, отрады и веселья, ничего другого мои милые не испытали-бъ. О, дай Богъ, чтобъ новый годъ одно ликованье подъ кровлю родную принесъ! Пусть цѣлы и неуредимы вы будете, и покупателей по аптекамъ пусть много, много будетъ, и домъ нашъ пусть рогомъ изобилія процвѣтеть! Горю сердцемъ и мыслью, чтобъ благоденствіе вокругъ видѣть.

Я такъ настроенъ сегодня, такъ духъ мой надеждами полонъ, что кроткія мечтанья осыпали меня. И я, чуждый люд-

скихъ дразговъ и оскорбленій, съ умиленіемъ и съ жаромъ божественной любви, ветку спокойствія къ родительскому порогу приношу. Такъ, дорогіе мои! съ этимъ письмомъ и сердце свое посылаю...

26 февраля.

За искренность, за добрый привѣтъ, благодарю васъ. Никакъ не ожидалъ, что письмецо мое до слезъ васъ тронетъ. Батюшка, я чувствую вполне какую честь вы мнѣ сдѣлали: письмо мое, говорите вы, вѣкъ въ городѣ читали и съ гордостью на меня указывали. Употребляю все усилія, чтобъ поддержать такое лестное мнѣніе въ глазахъ общества вашего. Признаюсь, я никакъ не думалъ, что ваше общество можетъ краснорѣчіе сердца оцѣнить.

19 апрѣля.

Гордясь довѣренностью вашей, покорнѣйше прошу ко мнѣ Петю переслать. Надо, чтобъ и онъ человѣкомъ былъ.

Лиза все тоскуетъ. Глупо дѣлаетъ она, скажите отъ старшаго брата ей. Пусть она лучше по хозяйству вамъ помогаетъ и амуръ изъ головы выкинетъ.

Клевановы на успѣхъ дѣла не рассчитываютъ. Это моя, а не ихъ забота. Пусть онъ мирно на хуторѣ своемъ живутъ.

За сиравками къ нимъ я не обращаюсь, потому-что онъ не смыслятъ ничего.

Петръ Лукичъ старается: объявите благодарность ему.

Кухня ваша завалилась. Это непріятно. Но на перестройку ея 300 рублей высылаю.

У васъ новый городничій теперь, засвидѣтельствуйте ему отъ меня мое почтеніе.

Прощайте. Прижимаю васъ къ сердцу, а на счетъ вашихъ нуждъ — уведомляйте.

23 мая.

Дѣла мои принимаютъ видъ чего-то необыкновеннаго. Перспектива за перспективой идетъ! Давеча, въ одно изъ акціонерныхъ обществъ я попалъ и, превеликихъ протекціяхъ моихъ, въ число членовъ избранъ. Дѣла-же по Компаніи легкаго пароходства процвѣтаютъ и я предполагаю, что черезъ годикъ свой пай буду

нѣтъ. Прекрасно все, только по родинѣ скучаю очень. А что-же кухня ваша отстроена-ли?

15 іюля.

Не огорчайтесь, безцѣнные родители: Петю г-нъ Отлогинъ привезъ и былъ такъ великодушень, что даже за дорожныя издержки ничего съ меня не взялъ. Я его за то въ Петергофъ свезъ и мы долго, въ упоеньи, фонтанами любовались. Нашего любезнаго земляка въ особенности поразило то, что на одномъ островкѣ чугунная утка натурально кричитъ и прозрачную воду изливаетъ. Конечно, для прїѣзжаго и это любопытно.

Новостей здѣсь мало: я съ полковникомъ семеновскаго полка познакомился, также общество одного архиректора посѣщаю, которому помогъ дрожжи у г-на Ушкина купить. Не знаю почему, но новости, не относящія ко мнѣ, совсѣмъ меня теперь на занимаютъ.

А что-же Клевановы-то, скръпи не приложили? Эхъ!.. вѣдь что за ералашъ въ головѣ этихъ дѣвицъ происходитъ: бумаги то выслать выслали, да вѣдь формы не соблюли!

Досадно, а еще толковали, что къ очистительной присягѣ готовы приступить. Присягать имъ не надо, а пусть лучше дѣлаютъ то, что Петръ Лукичъ имъ скажетъ. Ну, ужъ правду вы говорите, папенька, что съ бабами ничего не сдѣлаешь...

31 августа.

Итакъ, г-нъ Ушкинъ скоро помѣщикомъ у васъ будетъ. Поздравляю общество ваше съ пріобрѣтеніемъ такого человѣка: однихъ чистыхъ денегъ тѣсячъ пятьсотъ онъ имѣетъ, не говоря ужъ о домахъ и цѣнностяхъ. Онъ намѣренъ посѣтить васъ, папенька. Сдѣлайте одолженіе прїимите его, какъ роднаго. Ну, точно-бы я прїѣхалъ къ вамъ. Скажите ему, что въ каждомъ-де письмѣ сынъ мой ласками вашими не нахвалится. Я вѣдь вамъ времени не имѣлъ сказать, что почти всѣмъ благосостояніемъ своимъ по преимуществу г-ну Ушкину одолженъ. Онъ самъ, по скромности своей, того не подозреваетъ, что сдѣлалъ для меня!.. Слѣдовательно, такому человѣку какъ можно болѣе почтъ со стороны вашей окажите. Главное обратите вниманіе на то, что онъ необыкновеннаго ума. Вы этого изъ виду не упускайте, потому-что умъ его—чрезвычайный! Я раскаи-

ваюсь, что когда-то, по опрометчивости, дуракомъ его называлъ. Пожалуйста, вы даже и самое письмо истребите, чтобъ пятно неблагодарности съ моей совѣсти снять.

Онъ долго у васъ не проживетъ, а только взглянетъ на имѣніе и обратно въ Петербургъ пріѣдетъ. Мы съ нимъ опять дѣла будемъ имѣть.

Письмо это по эстафетѣ къ вамъ отправляю. Цалую ручки ваши, милый папенька, и дай Богъ долго, долго вамъ жить. Я думаю, шуба ваша уже поистрепалась? Ничего, я вамъ новенькую вышлю. Въдъ вы еще не старикки, любезный папенька! Вы говорите, что петербургскій чай вамъ очень понравился: съ величайшимъ удовольствіемъ еще два фунта цвѣточнаго вамъ посылаю.

20 сентября.

Г-нъ Ушкинъ раздумалъ на счетъ своего путешествія. Покупку имѣнія и безъ того обдѣлать можно. Я для него дачу купилъ, а потому онъ основательно полагаетъ, что и рекомендованную мною деревню пріобрѣсти можно смѣло. Итакъ, предупредите моего почтеннаго агента, Петра Лукча, чтобъ онъ излишней горячки не поролъ.

Вы упрекаете, что я мало о себѣ говорю. Чтожъ дѣлать, почтеннѣйшіе родители, когда въ моемъ расположеніи ничего новаго не произошло.

Впрочемъ, выгодную невѣсту предлагаютъ. Она очень по душѣ мнѣ пришлась, да только раздумываю, потому что, между нами, на племянницу г-на Ушкина расчитываю. Но мнѣ се, какъ своихъ ушей, не видать, ибо за дѣвицей этой гвардейцы ухаживаютъ и въ итальянскую оперу ее возятъ. Г-на Ушкина, пожалуй, еще-бы какъ нибудь уломать можно, да племянница больно кусается, потому-что къ дворянской фамиліи принадлежитъ. Родъ и во всемъ отсутствіе дворянства мнѣ вредитъ. Вотъ что меня губитъ. Эхъ, будь я дворянцемъ, какимъ-бы чело-вѣкомъ былъ!..

Но отъ этой мрачной матеріи къ Важнымъ обстоятельствамъ перейдемъ. Онъ теперь болѣе гриномъ, но не огорчается: онъ скоро съ постели встанетъ.

За высылку малороссійскаго сала благодарю. Очень вкусно

оно, и ласки ваши мнѣ напомнили. Крымскаго-же табаку не высылайте, ибо я сигары теперь курю. Думаю также бархатную мебель, по случаю, приобрести и портретъ милаго Пети для мамочки выслать.

29 сентября.

Владѣ за отправленнымъ письмомъ новымъ поспѣшаю. Скажите Петру Лукичу, чтобъ онъ известными ему бумагами къ отъѣзду не замедлилъ. Пусть дѣйствуетъ смѣлѣе и на меня во всемъ надѣется. Вы ему больше ничего не говорите. Онъ пойметъ кѣму это оборотъ имевъ.

Гляжу впередъ и цѣлыя мысли роятся въ моей головѣ. Новостей, интересныхъ для васъ, нѣтъ, но скоро, говорятъ, Исакиевскій соборъ откроютъ.

14 октября.

Скажите, Петру Лукичу, чтобъ онъ окорѣе поспѣшивалъ! Вдѣ онъ дѣлаетъ все такъ, какъ три дня хлѣба не ѣлъ. Пусть онъ отряхнетъ свою лѣнь, пусть разшевелится... Да я бы, на его мѣсто, вверхъ дномъ весь городишко вашъ перевернулъ. Трудно-ли... право досадно, а еще юристомъ называется! Скажите ему, что есть русская пословица: коли взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ.

Именемъ Бога умоляю его, чтобъ сдѣлалъ все, что я приказываю. И пусть малодѣцки тряхнетъ онъ, да приобанится хо рошенько, такъ дѣло само въ ротъ влѣзетъ и райской сладостью его наполнитъ.

18., 11 февраля.

Вы пеняете за мое продолжительное безмолвіе и даже на счетъ здоровья моего въ сомнѣніе пришли. Виновать, что такъ долго не писалъ, потому, что большія неудачи потерпѣлъ, а когда испытываю подобное волненіе, тогда дѣлаюсь молчаливъ духомъ и ни о чемъ другомъ думать не могу. Ужъ я такого впечатлительнаго нрава—коли испыталъ непріятность, такъ сердце мое одной тоской наполняется и тогда ни кто не подходитъ ко мнѣ! Вдругъ гордость такая приходитъ, что я знать ничего не хочу, и мрачныя думы со всѣхъ сторонъ налегаютъ.

Я Компанію легкаго пароходства теперь выше всего цѣню. Здѣсь я покой нахожу, и дѣла мои усиленно идутъ. Въ Обще-

стѣ-же акціонеровъ нѣтъ того согласія и я, хотя и членъ его, но не имѣю надлежащаго голоса, чтобъ безпорядки его исправить. Что-же касается до дѣлъ по частнымъ хожденіямъ въ присутственныхъ мѣстахъ, то пропадай они—безъ конца тянутся. Я ужъ Петру Лукичу писалъ объ этомъ и онъ знаетъ причину хандры моей. Скажите ему, что еще ничего не значить, что Палата труситъ и отказать намъ намѣрена. Главное, пусть онъ, подобно мнѣ, гордъ будетъ, ибо безъ нужды чиновникамъ кланяться не стоитъ. Крапивное сѣмя это избаловано очень и курсъ государственной монеты безсовѣстно увеличить хочетъ.

Прощайте. Петя и Вася вамъ кланяются. Лизѣ шляпки теперь не высылаю; я сердитъ на нее и ужъ коли она такая непослушная дочь, то пусть за возлюбленнаго учителя своего выходитъ и тѣмъ избавить отъ заботъ васъ. Я полагаю такъ: дайте ей свое родительское благословленіе и пусть она на свою собственную квартиру переходитъ. Если сестра ни на что не возвращается и хозяйствомъ, къ облегченію родителей, заниматься не хочетъ, то лучше всего подъ вѣнецъ ее, дабы, Боже упаси! скандалу не надѣлала и также жалости къ себѣ сосѣдей не возбуждала. Значить, романъ ее прекратится, и меня, и васъ обременять она болѣе не станетъ.

Припадаю къ рукамъ вашимъ и за продолжительное молчаніе всепокорнѣе прошу извинить меня.

31 марта.

Согласно приказанію вашему, столь для меня священному, денегъ 66 рублей съ удовольствіемъ высылаю. Вы говорите, что при моихъ хлопотахъ, я семейства не забываю, а потому и сужденіе мое о Лизѣ папенька справедливымъ находитъ. Вполнѣ цѣню довѣренность эту, но почему же маменька такъ горячо стоитъ за Лизу и желаетъ, чтобъ я своею благосклонностью ея не забывалъ? Помилуйте, я и такъ пересилилъ себя: пусть дѣлаетъ сестра что хочетъ, когда предложеніе ничтожнаго жениха искреннимъ совѣтамъ старшаго брата предпочитаетъ.

Не будемъ разсуждать о предметѣ этомъ. Я люблю говорить только тамъ, гдѣ меня слушаютъ и уважаютъ. Следовательно, пусть Лиза ни на какую поддержку отъ меня не рассчитываетъ.

Петей я совершенно доволенъ. Это такой рѣдкій мальчикъ

и такимъ послушаніемъ обладаетъ, что на него пріятно всевозможныя издержки нести. Давеча отъ огорченія не вдухъ я былъ и очень сердитъ по этому поводу, такъ онъ глазъ съ меня не спускалъ и—вообразите!—такъ началъ цаловать меня, что я душой расчувствовался и двадцать пять рублѣй ему подарилъ! Вѣдь онъ ужъ капиталецъ свой ниветъ и такой нѣжный, привязчивый характеръ, что любо смотреть на него.

Вася, по наукамъ, радуется меня, но къ сожаленію, упорствомъ своимъ отчасти сестру напоминаетъ. Впрочемъ, такъ-какъ я взялъ его на свое попеченіе и долженъ отвѣтъ передъ вами дать, то все для него дѣлаю и только не прощаю того, что онъ бѣднаго Петю фискаломъ называетъ. Я ихъ постоянно наставляю и говорю, чтобъ они другъ дружку любили. Вѣдь грѣшно-же передъ Богомъ и даже постороннимъ людямъ непріятно, если братецъ да на брата косою взгляды бросить. Недавно, отъ умѣвшихъ людей я разговоръ слышалъ, что чѣмъ-де и могущественно государство наше, какъ не тѣмъ, что родственное начало преобладаетъ: примѣра-де еще не было, чтобъ братъ да набрата за какія-нибудь личныя воззрѣнія возсталъ. (Другое дѣло, конечно, по тяжбамъ... ну, тамъ интересъ замышанъ!) А у басурмановъ, глядишь, коли другого закала человекъ, такъ другъ съ дружкой сидѣть въ одной комнатѣ не стануть. Ну, что здѣсь хорошаго и какое единодушіе въ обществѣ можетъ быть?

Я это часто Петъ и Васъ говорю, ибо на столько ужъ наслышанъ, чтобъ внушить имъ, что отъ одного безусловнаго согласія порядокъ всего общества зависить. Хотя они еще малолѣтки, но правду эту смекать ужъ начинаютъ. Если въ комнатѣ они стануть другъ другу перечить, такъ что-же будетъ, когда гражданами сдѣлаются они?

Я на это смотрю серьезно и все подробно вамъ описываю, чтобъ знали, какую неусыпную мораль я къ дѣтямъ прилагаю. Такъ-то, почтеннѣйшіе родители, легко и не замѣтно я милыхъ братцевъ къ будущей дѣятельности приготавливаю

18 мая.

Съ великимъ восхищеніемъ беру съ перо, чтобъ радостью своею подѣлиться! Ахъ, какъ неожиданно осчастливленъ я...

Вчера, 17 мая, въ 11-ть часовъ вчераше, я съ племянницею г-на

Ушкина обрученъ. Объ этомъ даже мечтать я не дерзавъ, но ужъ образомъ благословили насъ. Съ сокрушеніемъ я прежде замѣчалъ, что одинъ гвардейскій молодчикъ за нею ухаживалъ, но—на мое счастье ухаживалъ онъ!—вдругъ ему отъ дому отказали... разлюбилъ, что-ли, не знаю, да и знать не хочу, но только отказали!.. Хотя и занятъ я былъ другими важными дѣлами, однако тотчасъ все узналъ и поспѣшилъ: прямо, во время всѣхъ церемоній, племянницъ свое сердце изъяснилъ. Такъ и такъ, говорю, права тилаго и стѣснять васъ не стану. Она, не задумавшись, согласилась. Г-нъ-же Ушкинъ такъ былъ восхищенъ, что благословилъ того-же вечера и даже съ веселостью сказалъ: «ну, братъ, ты на все годенъ!» Онъ, кажется никакъ не ожидалъ, что намъ придется породниться...

Думаю... письма этого къ роднымъ не отправлю. Хотя отъ рыки мои и этимъ бы довольны остались, однако, я временами теперь ни сколько не дорожу и лучше на отдельномъ листикѣ напишу вотъ какъ:

Многоуважаемые родители мои! Благословите сына вашего, нынѣ вступающаго въ законный бракъ съ племянницею г-на Ушкина, Глафирой Борисовной. Невѣста моя съ почтеніемъ ручки ваши цалуетъ и проситъ любезной дочерью ее называть. Она добра, какъ ангелъ и лицомъ красавица, для чего и портреты ея къ вамъ пересылаю.

Цѣлый Петербургъ объ этомъ сватовствѣ толкуетъ и заслуженный генералъ у насъ посаженнымъ отцомъ будетъ. Итакъ, мечты мои, любезные родители, свершились: я на капитальной дѣвицѣ женюсь. Но что богатство! главное—какое родство и связь отъ этого я приобретаю. При средствахъ такихъ, я фамилию нашу изъ неизвестности выдвину и дворянство приобрету. Да, любезные родители, благословите и на счастливый бракъ свое согласіе изъясните. 300 рублей при этомъ прилагаю и—не жалѣйте ихъ—задайте ниръ на весь міръ.

Съ истиннымъ почтеніемъ

и таковою же преданностью

имѣю честь быть,

вашъ покорнѣйшій сынъ

Аркадій Малочинъ.

30 іюня.

Вчера, въ день Апостоловъ Петра и Павла, при многочисленномъ стеченіи народа, съ племянницею г-на Ушкнна я повенчанъ. Торжество въ приходѣ Николы—Мокраго произошло. Все было прекрасно, любезные родители, и пѣвчіе неподобно пѣли. Невѣста такъ великолепно была одѣта, что отъ блеску душа трепетала. Въ особенности мнѣ понравилось то, что парикмахеръ такъ дивно ее завилъ, точно она съ кудряшками родилась.

Вечеромъ балъ произошелъ и я французскій кадрилъ съ повзростю своею танцовалъ, съ грустью вспоминая, что милые мои въ далекомъ отсутствуютъ.

Иду къ вамъ на скоро и торопливо, потому что чувствую своими радостно взволнованъ.

14 сентября.

За чѣмъ, высланные мною 300 рублей, вы на свадьбу Лизы отдали? Чѣмъ она заслужила это? Впрочемъ, дѣлайте какъ знаете. Предупреждаю, у меня теперь свое семейство есть... Прощайте. У меня голова кругомъ идетъ... Жена моя поклона вамъ не передастъ. Она больна... Нѣтъ, я ужъ этого ни какъ не ожидалъ.

15 ноября.

По случаю хлопотъ великихъ, переписку съ вами на брата Васю возложилъ. Извините. Въмѣсто покоя—одни безпокойства испытываю... Прощайте.

18..9 января.

Съ новымъ годомъ имѣю честь поздравить. Я въ Компани переходства свой най получилъ. Давно бы пора! Человѣку, вѣнчающему свое семейство, надо объ увеличеніи капиталовъ заботиться. Горю нетерпѣніемъ, чтобъ хоть по коммерціи успѣхъ имѣть. Жена моя.. она все въ гостяхъ отсутствуетъ!

2 іюля.

Касательно участи братьевъ напрасно вы въ тревогу приходите. Дѣйствительно, въ последнее время я слишкомъ невразумительныя письма къ вамъ писалъ, но не огорчайтесь, любезные родители. Я самъ былъ очень огорченъ и, находясь, съ одной стороны, на вершинѣ счастья своего, съ другой—одни муки претерпѣвалъ. Годъ этотъ для меня ужасенъ былъ въ своемъ теченіи.

Повторяю вамъ не огорчайтесь. Теперь все въ хозяйственный порядокъ я привелъ. Дѣло въ томъ, что женушка моя, воспитанная на бархатъ и атласъ, за безчувственную мебель меня считала: все по гостямъ развѣзжала и домашнимъ очагомъ пренебрегала. Меня же олухомъ Царя Небеснаго считала. И не призови я энергій, свойственной мнѣ, такъ она-бы совсѣмъ меня обольванила. Теперь не то: цѣлый годъ я бился, какъ рыба объ ледъ, и на своемъ-таки поставилъ: теперь она шолковая. Порадуйтесь за меня—пикнуть не смѣетъ. Теперь я голова семейства, я всѣмъ заправляю! Пріятельницу ея, мадамъ оазель Трико, своею веселостью всему городу извѣстную, я въ три-шея выгналъ. Теперь нѣтъ уже ни пѣздокъ предосудительныхъ, ни записочекъ разныхъ, ни приглашеній, къ чести супруга обидныхъ. Конечно, это у нихъ въ большомъ свѣтѣ принято, да я не хочу, чтобъ m-lle Трико со своими кавалерами благоденствіе семейнаго счастья разрушила. Благодаря Бога, теперь все у меня мирно и прилично, всѣмъ доволенъ я: жена моя, Глафира Борисовна, въ полномъ повиновеніи состоитъ и будущаго лѣта непременно должна васъ посвятить, ибо я хочу, чтобъ никакими правилами, освященными вѣками, она пренебрегать не смѣла.

Самое трудное, отъ неравенства брака произшедшее, теперь восстановлено. Слѣдовательно, и тутъ не растерялся я, любезные родители мои, и вы поймете, какъ трудно было со славой удержаться, чтобъ достигнуть торжества и честь свою на надлежащую высоту поднять. Зато, г-нъ Ушкинъ теперь гениемъ меня считаетъ и радъ, что я изъ сего племени чюдесную жену одѣлалъ. «Ты», говоритъ, «братецъ и палкъ нравственности чужинъ! твое счастье, что на первыхъ-же порахъ ея избалованность скрутилъ.»

Дѣйствительно, я счастливъ, мои милые, и вижу, что счастье единственно отъ воли супруга зависитъ. Простите великодушно, что такъ долго отъ васъ всѣ безпокойства свои скрывалъ и переписку съ родителями въ одну краткость обратилъ. Мнѣ даже совѣстно было подумать, что вы къ дурному заключенію насчетъ участи моей прійдете и въ нарушеніи сыновнихъ обязанностей заподозрить можете. Нѣтъ, мнѣ слѣдовало прежде свою жену, Глафиру Борисовну, отъ аристократическихъ замашекъ

отучить. Теперь такая прелесть въ моемъ домѣ, что слышно, какъ муха пролетитъ.

Изливъ передъ вами свою душу, теперь съ удовольствіемъ къ положенію милыхъ братцевъ перехожу.

Вася, вѣроятно, скоро курсъ кончатъ, а Петинька живетъ съ нами и въ дѣлахъ мнѣ помогаетъ. Управленіе домами теперь тѣготность для меня составляетъ: оно моему нынѣшнему положенію не соответствуетъ, а потому хочу, чтобъ Вася, въ ожиданіи будущей фортуны, мѣсто управляющаго домами отъ меня принялъ. Когда-же фортуна ему выйдетъ, тогда мѣсто его Петинька займетъ и, такимъ образомъ, фамилія наша взаимно другъ другу пользу оказывать будетъ.

26 августа.

Вы все на счетъ Васи и Пети спрашиваете. Съ удовольствіемъ вижу, что хлопоты мои не пропали даромъ: они уже многимъ отъ меня позаимствовались и, съ теченіемъ времени, полезными для семейства вполнѣ будутъ. На счетъ этого вы пожалуйста не сомнѣвайтесь. Съ Васей то немножко было въ началѣ трудно, потому-что онъ характера вялаго, но такъ-какъ Провидѣніе на что-же-нибудь да глаза человѣку дало, то, видя мой почетъ и богатую обстановку, онъ такимъ желаніемъ теперь возгорѣлся, что въ своемъ училищѣ миллионщикомъ меня называетъ и гордится, что я за нимъ карету присылаю. Теперь онъ въ совершеннѣйшій пришелъ и самъ о житейскихъ дѣлахъ съ великой любовью разсуждаетъ и обо всемъ меня распрашиваетъ. Вообще, при робости своего характера, онъ похвалы и почетъ необыкновенно любить и замѣчанія мои налету хватаетъ. Самолюбивый мальчикъ и изъ него прокъ выйдетъ. Онъ медленно все перевариваетъ, за то, если усвоитъ что, такъ коломъ изъ него не выколотишь. О многомъ онъ уже надлежащія понятія имѣетъ. Лишь-бы ему удалось на первыхъ порахъ свой собственный оборотъ сдѣлать, а тамъ, надвусь, все какъ по маслу пойдетъ.

Что-же касается до Пети, то я ужъ сказывалъ, что онъ — просто звезда нашего семейства. Хоть невеличичекъ, а способности невѣроятныя. Такой сметливостью Богъ одарилъ, что старики пристыдить можетъ. У нихъ забавная борьба съ Васей

превосходить: Дася немножко завидуетъ Петя, потому-что до-
кладный свой капиталецъ имѣеть, и, еслибъ вы видѣли только,
какъ они другъ друга перещеголять жаждутъ! Просто умора.
Я забавляюсь зрѣлищемъ этимъ и часто большое развлеченіе на-
хожу. Давидъ Петя мечталъ американскаго бобрѣка на воротникъ
для себя купить, и ужь какъ они изъ-за этого пустяка съ Васей
разгорячились, до какихъ предположеній не дошли!.. Я смѣялся
до-ушаду, думая: даги такія еще малыя, а ужь какія основательныя
вдѣлы въ головы ихъ бушуютъ.

Нарочно все вамъ отписываю, чтобъ видѣли, какъ объ воспи-
таніи ихъ отъ души радѣю. Вся прежнія наставленія ваши и
опытъ свой съ усердіемъ къ нимъ прилагаю.

Р. S. Жена моя, Глафира Борисовна, ручки ваши цалуетъ.
Мы съ нею непремѣнно къ вамъ прїедемъ: мнѣ очень совѣстно,
что до-сихъ-поръ долга своего не исполнилъ и жены лично вамъ
не представилъ. Ожидайте насъ, ибо слово мое—законъ для
Глафиры Борисовны моей. Петя и Вася также стремятся на ро-
дикъ взглянуть, но имъ еще рано и я согласія на это не изъ-
вѣляю.

Октября 4 дня, городъ Санктъ-Петербургъ.

Недавно, Евграфъ Степановичъ Ушкинъ, покончивши покупку
помѣстья, въ вашемъ уездѣ лежащаго, просилъ меня завѣдыва-
ща по этому помѣстью на себя принять. Къ сожалѣнію, я дол-
женъ былъ родственнику своему, Евграфу Степановичу, въ его
предложеніи отказать. Сначала я хотѣлъ это мѣсто брату Васи
уступить, но, по зрѣломъ размышленіи къ его малолѣтству,
предлагаю обязанность управляющаго по имѣнію Петру Лукичу
занять. Я помню его услуги и хочу за успѣшныя старанія его
возблагодарить. Пусть онъ немедленно къ управленію имѣніемъ
приступить. А жалованье, надлежащія инструкціи, уполномочіе
отъ имени родственника нашего Ушкина и т. д.—все онъ отъ
меня получить.

Прошу сообщить это Петру Лукичу и всемъ сосѣдямъ ва-
шымъ—засвидѣтельствуйте отъ меня мое почтеніе.

очетъ

Санктъ-Петербургъ, ноября 5 дня.

постейнецъ радъ, что Петръ Лукичъ отъ восхищенія чуть съума
жену, силъ и мелебенъ за мое здоровье отслужилъ. Прекрасный

человѣкъ онъ и я онъ души его уважаю. Скажите, что родственникъ нашъ Евграфъ Степановичъ 800 рублей жалованья ему назначаетъ. Но пусть онъ Евграфа Степановича своей перепиской не утруждаетъ, ибо все, что ему слѣдуетъ, отъ меня получать будетъ. Скажите ему, чтобы на кончикъ своего носа онъ это сарубилъ. Впрочемъ, я сама надлежащія инструкціи Петру Лукину напишу. Итакъ, счастье и въ его убогій домикъ задала, чьму онъ души радуется

Вы пишете, любезные мои, что, такъ-какъ все семейство, благодаря Бога, устроено и Лиза со своимъ супругомъ въ другой городъ перѣехала, то вамъ, старикамъ, ничего теперь не надо. Радуюсь, что вы за семейство спокойны духомъ. Это отъ того, что долгъ свой выполнили. Однако, позвольте сто пятьдесятъ рублей на ваши издержки предложить. Пріимите ихъ великодушно: быть можетъ въ послѣдній уже разъ къ вамъ пересылаю, согласно желанію изъявленному вами отъ 14 Октября нынѣ текущаго года.

Р. S. Родственникъ нашъ, Евграфъ Степановичъ, свое отличное почтеніе вамъ передаетъ. Глафира Борисовна ручки цалуетъ. А Евграфъ Степановичъ такой человѣкъ, родствомъ съ которымъ мы должны гордиться. Въдъ онъ членъ Англійскаго клуба и съ придворными людьми въ экарте играетъ.

18.., 12 января, городъ Санкт-Петербургъ.

Не погнзвайтесь, что на цвѣтной бумажкѣ, съ изображеніемъ Александринскаго театра, къ вамъ пишу. Мы только что вернулись изъ театра: Евграфъ Степановичъ, я и Глафира Борисовна, и—съ новымъ годомъ чувствительно васъ поздравляемъ. Дай Богъ все хорошаго.

Вы почему-то любопытствуете знать—сколько приданого я получила? Значительное, любезные мои, и теперь коммерція моя на славу процвѣтаетъ. Даже въ Обществѣ акціонеровъ такой голосъ пріобрѣлъ, что даемъ себя чувствовать каждому. Пай мой въ Компаніи пароходства удвоился, связи усилились, адвокатство идетъ чудесно. Давича... дѣльце Клевановыхъ выигралъ.

Совсѣмъ уже было не рассчитывалъ на него. Въ Палатѣ отказали, въ Сенатѣ, за неизмѣнимъ надлежащихъ документовъ,

того-же следовало ожидать. Вдруг чрезвычайная мысль меня осенила...

Я отправился къ герольдскому чиновнику и прямо ему сказалъ: «неудобно-ли вамъ пять тысячъ получить, за то только, чтобъ вы позволили мнѣ родословную книгу размотрѣть?.. Я на два часа возьму ее къ себѣ на домъ. Если-же черезъ два часа не возвращу ее въ надлежащемъ видѣ, то я въ вашихъ рукахъ: призовите правосудіе, объявите, что я злоумышленное похищеніе сдѣлалъ, словомъ—дѣлайте со мной, что угодно. Вы-же, ничемъ не рискуя, пять тысячъ получите. Вотъ они, извольте сейчасъ-же, для вѣрности, въ карманъ къ себѣ положить.»

Натурально, сумма такая для бѣднаго чиновника привлекательна очень: онъ и мѣста готовъ изъ-за нея лишиться. Съ другой стороны, и риску не много: вѣдь я, по условію, вручилъ собственноручное письмецо чиновнику (это ужь его мысль!) что такъ-какъ ни за что-де не хотите вы помочь мнѣ и благодарности мою отвергаете, то, смотрите, съ отчаянья-де я готовъ на все... Еще бы ему не согласиться: пять тысячъ, бестія, отлично сумѣлъ получить!

Я взялъ родословную книгу, а черезъ два часа, ужь какъ онъ ее не разсматривалъ, а фальши никакой не нашелъ. Все въ настоящемъ видѣ. Но когда, черезъ три дня, дѣло къ окончательной резолюціи пришло, я, какъ повѣренный, явился для выслушанія приговора. Сенатъ въ пользу петербургскихъ Клевановыхъ рѣшилъ. Я протестовалъ, любезные родители, сказавши, что, посправедливости, петербургскіе Клевановы уже потому не могутъ имѣть исключительнаго права на наслѣдство, устраняя другихъ родственниковъ, что родоначальникъ ихъ, премьеръ-маіоръ Никита, ненадлежащимъ порядкомъ записанъ въ родословной книгѣ. Книгу принесли и, дѣйствительно, оказалось, что Никита записанъ, но, не такъ, какъ слѣдуетъ: съ подчисткой и совершенно другими чернилами; имя-то его стоитъ, да только Богъ знаетъ, оно-ли прежде было.

Вслѣдствіе такого сомнительнаго обстоятельства, сенаторы, не желая кривить душой, другой оборотъ дѣлу дали. И, совершенно согласно справедливости, рѣшили, наконецъ, такъ: дѣвизы Клевановы отъ наслѣдства премьеръ-маіора Никиты не могутъ быть

устранены; согласно пересмотрѣнному дѣлу, въ общемъ присутствіи положили: дабы онъ, дѣвицы, слѣдующую имъ часть по закону получили.

Такимъ образомъ на долю моихъ кліентовъ около 200 тысячъ приходится. Изъ нихъ 60 тысячъ, согласно заключенному условію, я за ходатайство получаю. Да еще 20 тысячъ, издержанныхъ мною на непредвидѣнные расходы, я удержать долженъ: ибо ваши бѣднячки Клевановы, благодаря только мнѣ, неожиданно 120 т. получаютъ. Слава Богу, что мнѣ пришла счастливая мысль родословную книгу пересмотрѣть, а то бы все дѣло поггло: ни повѣренный, ни наследницы ничего бы не получили. Да еще сколько-бы страму было!

Думаю .. хоть дѣло, выигранное мною, чисто какъ стекло, однако, зачѣмъ имъ знать всѣ подробности? Вѣдь они, старики-то, любить меня и въ особенности добрыйшій папенька души не слышнѣтъ во мнѣ: станеть еще хвастаться предъ сосѣдями, да такъ письмо по рукамъ и пойдетъ. Онъ-же мастеръ сыномъ прихвастнуть. Разумѣется, предосудительнаго ничего здѣсь нѣтъ, да все-таки непріятно, если узнають, что книжку родословную мнѣ на домъ давали. Долой это письмо. Съ слѣдующей почтой, когда, по успокоюсь не много, родителей своихъ важнымъ манеромъ обрадую, что дѣло дѣвицъ Клевановыхъ выиграно и что надо рассчитать съ ними произвести. Вотъ-то изумлены будутъ! Началь письмомъ, а кончилъ разсужденіемъ. Ну, ничего: завтра-же другое письмо отправлю.

29 іюня.

Послѣ всѣхъ произшествій позвольте, безцѣнные родители, съ рожденіемъ внука васъ поздравить.

Вчера, ночью, Глафира Борисовна благополучно отъ бремени разрышилась. Спѣшу подѣлиться своимъ семейнымъ счастьемъ. Глафира Борисовна еще въ постели лежитъ и ручки ваши цалуетъ. Это первенецъ мой и двѣ капли воды на меня похожъ. Имя ему—Платонъ. Такимъ образомъ, дорогая матушка, желаніе ваше исполнилось: со вчерашняго дня, по полуночи, вы бабушкой стали, а вы, почетный папенька, дѣдушка теперь. Итакъ, имѣю честь съ названьемъ бабушки и дѣдушки васъ поздравить. Дай

т. LXVIII. Отд. I.

43 1/2

Богу, чтобъ внукъ вашъ на усладу семейства росъ! Восприимникомъ его генералъ Рудометовъ будетъ.

Крестной-же матерью не знаю самъ еще кого-бы пригласить. Думаю, благотворительную княгиню Имеретинскую въ крестныя пожаловать. Следовательно, важныя особы внука вашего отъ купели примутъ. Позвольте, при этомъ случаѣ, 300 рублей вамъ приложить. Объ одномъ васъ умоляю: на-зубокъ новорожденному Платону—ничего не надо.

Спустя годъ.

Четвертаго дня, передъ разсвѣтомъ, въ сладостной тревогѣ я былъ. Имѣю честь съ рожденіемъ двухъ внучекъ васъ поздравить! Близнецы эти порадовали меня, но чуть было мать на тотъ свѣтъ не отправили. Евгенія и Эрнестина наречены онѣ.

Такимъ образомъ, Платона, Эрнестину и Евгению имѣю, о чемъ сиѣшу увѣдомить васъ. Дѣвочки прелестныя, точно кундончики какія. Дай Богъ имъ всего лучшаго на свѣтъ. Отъ души этого желаю. Въ желаніяхъ-же бабушки и дѣдушки не сомнѣваюсь.—У Платона моего давно зубки прорѣзались, и, пошла Господь! чтобъ и сестрицы его также благополучно эту болѣзнь миновали. Я вѣдь впечатлителенъ, и отъ тревогъ за свое семейство чуть на стѣну не лѣзу. Глафра Борисовна самой приятной женой стала, и ужъ теперь шалишь—по гостямъ болѣе не разъѣжаетъ. Она-даже фравитить перестала.

Однако, перемѣнимъ эту матерію, чтобъ отъ семейныхъ чувствъ моихъ отклониться. Я съ вами хочу серьезно переговорить, мои почтеннѣйшіе родители.

Прежде всего, о Васъ и Петъ отчетъ намѣренъ дать.

Васъ хорошее мѣсто на казенномъ заводѣ выходитъ. Свое управленіе по трех-этажному дому Евграфа Степановича, онъ отлично сдалъ: теперь-же мѣсто свое Петинкѣ переуступаетъ. Следовательно, оба они, подъ надзоромъ моимъ, напрактиковались изрядно и порядочными людьми стали. Хотя Петя почти еще ребенокъ, но полторы-тысячи своего капитала имѣетъ,—все, проказникъ, въ ломбардъ несетъ и скупъ очень. Я его непременно по своей дорогѣ пушу и ужъ директоровъ просидѣлъ, чтобъ въ Компанію легкаго пароходства его зачислили. Вася тоже, при пособіи наукъ, въ Институтъ имъ пзученныхъ, можетъ

силе на карьеру свою полагаться. Больше всего то утешительно, что въ великой дружбѣ они состоятъ: каждый свои планы другъ другу передаетъ. Такимъ образомъ, замѣнь мысли у нихъ происходить. Я постараюсь, современемъ, въ одно ихъ соединить: при дружномъ согласьи, они еще многимъ удивять насъ.

Итакъ, на счетъ милыхъ братцевъ безнокоитья нечего. Мои попеченія свою пользу принесли.

Теперь къ Петру Лукичу перейдемъ (всѣхъ людей, оказавшихъ мнѣ какую-либо пользу, я не забываю). Пусть онъ, на прежнихъ основаніяхъ, имѣиетъ нашего родственника Евграфа Степановича управляетъ. Я имъ доволенъ, больше всего за то, что отъ инструкцій моихъ не отстываетъ.

Дѣвицы Клевановы, пишете вы, замужъ выходятъ и благодарятъ меня отменно. Ну, это до насъ не касается. Я процессъ для нихъ выигралъ, такъ пусть себѣ хоть головою объ стѣну стучать. Онъ, что называется, не нашего прихода, а участь такихъ людей никогда меня не занимала, пожалуйста, и не уведомляйте меня объ вашихъ сосѣдяхъ. Богъ съ ними, я въ нихъ не нуждаюсь ни мало.

Въ-заключеніе къ вамъ, мои безцѣнные родители, съ любовью перейдемъ.

Полагаю, что аптечку вашу слѣдуетъ бросить. Вы ужь старики, мои милые, и я хочу, чтобъ на моихъ рукахъ вы старость свою дожили. Мнѣ и безъ того конфузно, что я отъ обязанностей своихъ одинъ разъ уклонился: не посвѣтилъ васъ и жены своей, вступивши въ бракъ, лично не представилъ. Сдѣлайте одолженіе извините и простѣте великодушно. Покорно прошу все продать и немедленно ко мнѣ, въ Петербургъ, на жительство переехать. Вы будете имѣть свою отдѣльную комнатку, свой обѣдъ, кухарку и родственнымъ участиемъ я васъ окружу. Кстати-же, ваша аптечка въ окончательное разстройство пришла. Тутъ-же Петя, и Вася, и я, и внуки ваши, слѣдовательно—зачѣмъ-же вамъ вдали оставаться?

Все, что могъ, я выполнилъ: совѣсть моя покойна, братцевъ пристроилъ, малютки мои ни въ нянькахъ, ни въ чемъ не нуждаются, капиталу около 200 тысячъ имѣю, по женитьбѣ завелъ

обширныя связи и скоро мое имя въ цѣломъ коммерческомъ кружкѣ загремѣть. Чего-же мнѣ больше? Благодарю Всевышняго, что я не затерялся и могу покровительствовать своимъ роднымъ

А вѣдь смѣшно сказать. почтеннѣйшіе родители, — все отъ пустяка зависѣло... Не случись со мною неспріятности относительно дѣвичьей кожи, то, быть можетъ, до-сихъ-поръ въ аптекъ погибалъ. А впрочемъ, какъ знать, статья можетъ, что и въ аптекъ я не прональ-бы, только ужъ не то бы было... Да и Богъ знаетъ, дѣвичья-ли кожа на пути меня подвинула?.. Я думаю, скорѣе всего наставленія и ласки ваши. Они мнѣ все дали, они поддерживали меня. Я и Платона своего также воспитывать намѣренъ. Пусть онъ дураковъ не олушаетъ и смотритъ на Божій міръ спокойно, здраво и — долготѣнъ онъ будетъ на землѣ!

И. КОЛБАСИНЪ.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ.

(Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ М. 1858 г.).

Еще въ 1846 г., въ біографіи Кольцова, Бѣлинскій писалъ о Станкевичѣ: «Это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благотворныя и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ къ нимъ людей». Бѣлинскій самъ принадлежалъ къ числу этихъ близкихъ людей, и уже одного упоминанія его было бы, конечно, достаточно для того, чтобы возбудить въ насъ желаніе узнать покороче личность, внушившую ему такіа строки. Теперь, благодаря біографіи Станкевича, написанной г. Анненковымъ, и еще болѣе перепискѣ, изданной имъ же, это справедливое желаніе можетъ быть удовлетворено. Біографическій очеркъ Станкевича былъ еще раньше напечатанъ г. Анненковымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; теперь онъ изданъ, (въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ), въ отдѣльной книгѣ, вмѣстѣ съ перепискою Станкевича. Мы не будемъ здѣсь представлять извлеченія изъ фактовъ и мнѣній, находящихся въ книгѣ г. Анненкова: ихъ уже всѣ прочли, конечно, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы не хотимъ излагать и содержанія переписки Станкевича, въ которой ясно отражается благородная, открытая, любящая душа его. Нѣтъ сомнѣнія, что большую часть писемъ Станкевича прочтутъ съ удовольствіемъ всѣ, кому дорого развитіе живыхъ идей и чистыхъ стремленій, происшедшее въ нашей литературѣ въ сороковыхъ годахъ и вышедшее преимущественно изъ

того кружка, средоточіемъ котораго былъ Станкевичъ. Издаваемые письма, (большую частью къ Я. М. Н-ву, меньшую — къ Грановскому, и еще къ нѣсколькимъ лицамъ) не составляютъ, конечно, *всей* переписки Станкевича; но уже и изъ нихъ очень ясно видна степень того значенія, какое имѣлъ онъ среди передовыхъ тогдашнихъ дѣятелей русской литературы. А это уже достаточно объясняетъ его права на вниманіе и память образованнаго русскаго общества, которое не мало обязано своимъ развитіемъ русской литературѣ, и особенно критикѣ, сороковыхъ годовъ.

Чтеніе переписки Станкевича такъ симпатично дѣйствовало на насъ, намъ такъ отраднo было наблюдать проявленія этого прекраснаго характера; личность писавшаго представлялась намъ, читая письма, такъ обаятельною, что мы считали переписку Станкевича окончательнымъ объясненіемъ и утвержденіемъ его правъ на вниманіе и сочувствіе образованнаго общества. Мы не думали, чтобъ нашлись люди, которые бы остались холодными и безстрастными предъ поэтическимъ обаяніемъ этого юноши и сурово потребовали бы у него еще иныхъ, болѣе осозательныхъ правъ на уваженіе и сочувствіе общества. Но, къ сожалѣнію, нашлись такіе люди и показали намъ возможность строгаго допроса, обращеннаго къ памяти человека, о которомъ съ любовью и уваженіемъ вспоминаютъ все, кто только зналъ его. Мы слышали сужденіе о книгѣ, изданной г. Анненковымъ, выраженное въ такомъ тонѣ: «прочитавши ее до конца, надобно опять воротиться къ первой страницѣ, и спросить, выѣстъ съ біографомъ Станкевича: чѣмъ же дѣла этого юноши заслужило право на вниманіе общества и нанисходительное любопытство его? Выразившіе такое сужденіе не видѣли въ Станкевичѣ ничего, кромѣ того, что онъ былъ добрый человекъ, получившій хорошее воспитаніе и имѣвшій знакомство съ хорошими людьми, которымъ умѣлъ нравиться: что же за невиданная личность? Мало ли кто имѣлъ хорошія знакомства!

Значитъ, все таки неясно еще значеніе Станкевича, все таки есть поводы не признавать его права... На это отрицаніе нельзя смотрѣть, какъ на слѣдствіе какихъ нибудь личныхъ интересовъ и страстей, подобное тому, что мы видѣли недавно въ униженіи заслугъ Грановскаго. Тамъ говорили воспоминанія друзей разнаго рода; многое сказало въ жару спора, многое возбуждено было тѣмъ, что противникамъ Грановскаго показались слишкомъ неумѣренными восторги его поклонниковъ. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и не было. О Станкевичѣ пишутъ и разсуждаютъ люди, лично его не знавшіе; споровъ никакихъ не было, даже и восторговъ почти не было. Если бы кто нибудь сталъ превозносить Станкевича занадочно

иѣры, сталъ бы утѣрять, что онъ былъ главою кружка, что отъ него заимствовано все, что было хорошаго у его друзей; если бы кто нибудь сталъ приписывать великое, міровое значеніе его бесѣдамъ съ друзьями и возводить его въ генія и благодѣтели челоуѣчества; тогда, конечно, было бы отчего въ отчаяніе прийти и даже, пожалуй, ожесточиться. Но вѣдь этого никто не дѣлаетъ. Говорятъ, просто: Станкевичъ былъ челоуѣкъ очень замѣчательный по своему свѣтлому уму, живой воспримчивости и симпатичности своей натуры. Его стремленія были возвышенны и идеальны, онъ искалъ все обобщить, во всемъ дойти до идеи, до начала знанія. Вся его молодая жизнь прошла въ мірѣ науки и искусства, которымъ онъ восторженно предавался, въ надеждѣ *приготовить* себя къ полезной дѣятельности. Около него собирався кругъ друзей, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными своей дѣятельностью. Всѣ они вспоминали и вспоминаютъ о немъ съ какой-то благоговѣйной любовью: лучшіе изъ нихъ говорятъ открыто, что многимъ ему обязаны и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Личность такого челоуѣка не должна быть забыта, хотя бы и для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ могъ онъ дѣйствовать такъ обаятельно на своихъ друзей? Интересъ его біографіи возрастаетъ, когда мы узнаемъ, что это обаяніе не заключалось просто въ мягкости характера и добродушіи, а имѣло гораздо лучшія основанія. Прочитавъ его переписку, узнавъ его жизнь, мы убѣждаемся, что онъ имѣлъ дѣйствительно благотворное значеніе въ кругу своихъ друзей, и что онъ замѣчателенъ самъ по себѣ, а не потому только, чтобы на него упалъ отблескъ славы кого нибудь изъ нихъ.

Что тутъ преувеличеннаго? Что изъ этого можетъ отнять у Станкевича тотъ, кто не имѣетъ предъявить фактовъ, противорѣчащихъ заключеніямъ, сейчасъ переданнымъ нами? Кажется, — ничего. Но есть люди, отличающіеся весьма мрачнымъ взглядомъ на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то философской выпрежностью. У нихъ своя точка зрѣнія на всѣ предметы, и они становятся вопросомъ такимъ образомъ:

«Станкевичъ, говорятъ они, все занимался наукой и искусствомъ: гдѣ же его ученые и литературные труды? Сдѣлалъ ли онъ хоть одно открытіе въ наукѣ, произвелъ ли хоть одно художественное *chef-d'oeuvre*? Даже просто, сдѣлалъ ли онъ хоть что нибудь для науки? Нѣтъ? Такъ за что же уважать его? Онъ занимался наукой и искусствомъ потому, что находилъ въ нихъ наслажденіе, и это служитъ для него уже достаточной наградой. Станкевичъ любилъ и изучалъ философію: гдѣ же результаты его изученія? Трудился ли онъ для передачи другимъ своихъ взглядовъ образовалъ ли какую

нибудь школу философіи? Нѣтъ? Такъ что намъ за дѣло до его философскихъ идей! Пусть ихъ остаются его субъективной принадлежностью и не разоблачаются передъ обществомъ: вѣдь онъ изучалъ философію для себя, а не для общества. Если же что и передалъ онъ другимъ, то безсознательно: а безсознательныя дѣйствія не подлежатъ никакому нравственному вышнению. Станкевичъ былъ добрый и симпатичный человѣкъ: какъ же это выражалось въ его жизни? Спѣшилъ ли онъ отыскивать несчастныхъ и помогать имъ, подавалъ ли нищимъ, дѣлился ли послѣднимъ съ немущими, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, И. И. Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ? Объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; въ чемъ же выражалась доброта и высокая нравственность Станкевича? Неужели въ томъ только, что онъ умѣлъ привязать къ себѣ своихъ друзей? Это еще небольшая заслуга. Станкевичъ имѣлъ благородныя и твердыя убѣжденія: какъ же они выразились въ жизни? Страдалъ ли онъ изъ-за нихъ, жертвовалъ ли имъ своимъ счастьемъ, подвергался ли клеветамъ, брани, огорченіямъ, лишеніямъ въ борьбѣ за свои убѣжденія? Нѣтъ? Такъ что же можетъ заставить насъ уважать его убѣжденія и его самого? Мы видимъ изъ всего, что Станкевичъ не былъ труженникомъ и мученикомъ идеи, а просто былъ эпикурейцемъ, хотя и не въ дурномъ значеніи этого слова. У него не было того качества, которое необходимо для общественнаго дѣятеля, — *самоотверженія*. Что онъ ни дѣлалъ, онъ во всемъ былъ дилеттантомъ и ни въ чемъ не являлся специалистомъ; во всемъ искалъ прежде всего удовлетворенія собственной потребности, собственнаго стремленія, и не думалъ обрекать себя на жертву для другихъ. Такой человѣкъ не имѣетъ правъ на общественное значеніе, какое имѣетъ напр. И. И. Мартыновъ. Тотъ менѣе имѣетъ извѣстности, менѣе, можетъ быть, имѣлъ дарованій, чѣмъ Станкевичъ; но его права на благодарность потомства несомнѣнны, именно потому, что онъ всегда жертвовалъ собою для другихъ. Онъ учился — не какъ дилеттантъ, не потому, что его привлекала та или другая книжка, та или другая идея, а потому всего болѣе, что хотѣлъ оправдать ожиданія и надежды своего начальника и благодѣтеля. Онъ занимался литературой, но не для собственнаго удовольствія, не по какому нибудь безотчетному влеченію сердца, а съ сознательнымъ желаніемъ принести пользу согражданамъ и, главное, — потому, что, — по собственному его выраженію, — литература была близка ему, «какъ чиновнику министерства просвѣщенія». Следовательно — занятія литературныя были для него не удовольствіемъ, незабавой, а трудомъ, пожертвованіемъ, службою. Кромѣ того, онъ былъ и на дѣйствительной службѣ, а въ частной жизни полезенъ

былъ тѣмъ, что помогать бѣднымъ. Вотъ какія права надобно имѣть на общественное значеніе, а не такія, какія предъявляютъ за Станкевича. Станкевичъ былъ прекрасный человѣкъ, но прекрасный для себя, а не для другихъ, не для общества. Онъ никогда не принуждалъ себя, не занимался тѣмъ, къ чему не чувствовалъ сердечнаго влеченія, не налагалъ на себя тяжелыхъ нравственныхъ веригъ, не жертвовалъ своей личностью для пользы общей. Онъ былъ эгоистъ, хотя и въ возвышенномъ смыслѣ. Все, совершенное имъ, было имъ совершенно прежде всего для себя, а если потомъ и выходила польза для другихъ, то совершенно безъ всякихъ расчетовъ съ его стороны. Люди, развившіеся подъ его вліяніемъ, развились бы и безъ него: если бы они были неспособны къ развитію сами по себѣ, то и Станкевичъ ничего бы не могъ изъ нихъ сдѣлать: доказательство—то что онъ не сдѣлалъ великаго поэта изъ Красова, точно какъ же, какъ не могъ всѣхъ своихъ друзей поставить на ту степень уяственного развитія, до которой дошелъ Бѣлинскій. Нѣтъ, — и образованіе, и идеи германской философіи развились въ нашемъ обществѣ по естественному ходу образованія, и развились бы, независимо отъ Станкевича, если бы его никогда и не было на свѣтѣ».

Такой взглядъ не составляетъ исключительной принадлежности нѣсколькихъ лицъ; онъ очень свойственъ многимъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Извѣстно, что вообще о правахъ личности существуютъ два противоположные взгляда, оба ошибочные въ своихъ крайностяхъ. Одинъ, происходя отъ неуваженія къ личности вообще, отъ непониманія правъ каждаго человѣка, приводитъ къ неумѣренному, безразсудному поклоненію нѣсколькимъ исключительнымъ личностямъ. Такъ на первой ступени развитія негъжественнаго народа, человѣкъ, пораженный необычайной силой или ловкостью какого нибудь дикаго героя, забываетъ и свою личность, и личность своихъ ближнихъ и, вмѣстѣ со всѣми, признаетъ свое полное ничтожество предъ удивительнымъ богатыремъ и его безпредѣльную власть надъ собою. Такъ и въ обществѣ, еще мало свѣдущемъ и образованномъ, замѣчается особенная склонность къ преклоненію передъ всѣмъ, что хоть немножко выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Чуть явится неглупый человѣкъ, о немъ кричатъ, что онъ гений; чуть выйдетъ недурное стихотвореніе, немедленно провозглашаютъ, что имъ могла бы гордиться всякая литература; чуть обнаружить человѣкъ кое-какія знанія, къ нему смѣло обращаются съ просьбой о разрѣшеніи всѣхъ частныхъ вопросовъ, даже неразрѣшенныхъ. И передъ личностью, возбудившей общесъе благоговѣніе, все падаетъ во прахъ, все гото-

ритъ: «бей меня, топчи, плюй на меня; — я съ радостью все отъ тебя снесу, потому, что ты гений, потому, что ты герой —» или чтонибудь другое въ этомъ родѣ. Такіе порывы смѣшны, конечно, и даже возмущаютъ душу, потому, что въ нихъ выражается неуваженіе каждой отдѣльной личности къ самой себѣ. Охота къ восхваленію и преклоненію предъ такъ называемыми избранниками судьбы, гениальными натурами — заслуживаетъ, конечно, обличенія и противодѣйствія. Такъ и было въ нашей литературѣ, когда послѣ всеобщаго восхищенія фантазіями Кукольника, Тимофеева, послѣ благоговѣйнаго трепета предъ авторитетами Хераскова, Державина, и проч., явилась строгая критика, рѣшившаяся основательно опредѣлить мѣру ихъ достоинства. Начала, принятыя этой критикой, утвердились и доселѣ дѣйствуютъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Но многіе изъ образованныхъ людей пустились теперь въ другую крайность: въ уничтоженіе вообще личностей. Важно общее теченіе дѣлъ, говорятъ они, важно развитіе народа и человѣчества, а не развитіе отдѣльныхъ личностей. Если личность занималась какой-нибудь спеціальностью и сдѣлала открытія, то объ этихъ открытіяхъ можно еще говорить, потому, что они способствуютъ общему ходу развитія человѣчества. Но личность сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія, и мы не должны обращать на нее вниманія. Такое разсужденіе показываетъ, по нашему мнѣнію, только неумѣнье обращаться съ общими философскими положеніями, когда дѣло коснется примѣненія ихъ къ частнымъ случаямъ. Конечно, хоть развитіе человѣчества неизмѣнится отъ личностей. Въ исторіи прогресса цѣлаго человѣчества не имѣетъ особеннаго значенія не только Станкевичи, но и Бѣлинскіе, и не только Бѣлинскіе, но и Байроны и Гёте: не будь ихъ, — то, что сдѣлано ими, сдѣлали бы другіе. Не потому извѣстное направленіе является въ извѣстную эпоху, что такой-то гений принесъ его откуда-то съ другой планеты; а потому гений выражаетъ извѣстное направленіе, что элементы его уже выработались въ обществѣ и только выразились и осуществились въ одной личности болѣе, чѣмъ въ другихъ. Слѣдовательно въ сферѣ отвлеченной мысли можно сколько угодно уничтожать личности, имѣя дѣло только съ идеями. Но не столь справедливо будетъ въ частныхъ случаяхъ, въ примѣненіяхъ къ дѣйствительной жизни, говорить, что такая-то и такая-то личность не заслуживаетъ уваженія, потому, что черезъ 25 лѣтъ о ней останется одно воспоминаніе, а черезъ 250 — и того не будетъ. Подобное смѣшеніе общихъ теоретическихъ положеній съ точкой зрѣнія дѣйствительности можетъ повести къ весьма забавнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Я, напримѣръ, знаю, что движеніе народонаселенія въ

человѣчеству и даже въ Россіи, и даже въ Н—ской губерніи вовсе неизвѣстно, что въ городѣ Н. есть прекрасный докторъ, вылечившій многихъ трудно больныхъ. Но между тѣмъ я самъ живу въ городѣ Н., — безпрестанно слышу благодарныя воспоминанія о немъ отъ людей, имъ вылеченныхъ, и нахожу, что его уважаютъ даже люди, никогда не бывшіе больными. Неужели я поступлю справедливо и благоразумно, если начну вѣщать этимъ людямъ доказывать, что докторъ не заслуживаетъ ни благодарности, ни уваженія, потому, что человѣчество отъ него не выиграло, вылечилъ онъ немногихъ, да и тѣ, которыхъ вылечилъ, все-таки умрутъ же, и черезъ 50 — 60 лѣтъ ничего не останется отъ его дѣятельности? Кажется, въ этомъ случаѣ я былъ бы столько же несправедливъ, какъ и въ томъ, если бы я сталъ утверждать, что вопросъ объ увеличеніи народонаселенія на всемъ земномъ шарѣ рѣшительно зависитъ отъ дѣятельности доктора, живущаго въ городѣ Н.

Но на Станкевича, кромѣ его незначительности въ исторіи человѣчества, возводятъ еще другое обвиненіе, которое еще болѣе характеристично для нашего образованнаго общества и которое мы, поэтому, намѣрены разсмотрѣть подробно. Говорятъ, что Станкевичъ не былъ труженникомъ, специалистомъ, что онъ не имѣлъ самоотверженія, и потому не имѣетъ права назначеніе общественное. Недавно мы слышали, какъ многіе голоса повторяли тоже самое по поводу Грановскаго, доказывая, что онъ былъ не ученый, а артистъ. Теперь раздаются тѣже возгласы противъ Станкевича. Отчего это? Причины этого, кажется, нельзя искать въ однихъ личныхъ пристрастіяхъ; должно быть какое нибудь основаніе, болѣе глубокое. Основаніе это должно заключаться въ самомъ взглядѣ на жизнь, который какъ-то составилъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не такъ давно одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ писателей высказалъ прямо этотъ взглядъ, сказавши, что цѣль жизни не есть наслажденіе, а напротивъ есть вѣчный трудъ, вѣчная жертва, что мы должны постоянно принуждать себя, противодействуя своимъ желаніямъ, вслѣдствіе требованій нравственнаго долга. Въ этомъ взглядѣ есть сторона очень похвальная, именно — уваженіе къ требованіямъ нравственнаго долга. Но если жизнь должна быть рядомъ лишеній и страданій въ силу великаго долга, то отъ вѣды потому, что наши собственные стремленія не сходятся съ требованіями долга. Слѣдовательно не переносить такихъ лишеній и страданій — или тотъ, кто совсѣмъ не хочетъ знать великаго долга и предастся своимъ дурнымъ, безнравственнымъ наклонностямъ; или тотъ, у кого собственные стремленія не сходятся отъ нравственныхъ требованій. Теперь спрашивается:

къ которому изъ этихъ двухъ разрядовъ отнести Станкевича? Много не скажешь, чтобъ онъ былъ дурнымъ человекомъ; следовательно отсутствіе страданій, внутренней борьбы и всякихъ душевныхъ мукъ происходило въ немъ просто отъ гармоніи его существа съ требованіями чистой нравственности. Надъ нимъ не имѣли силы грязныя побужденія, мелочные расчеты, двоядушныя отношенія; оттого во всемъ существѣ его, во всей его жизни замѣчается ясность и безмятежность, безъ раздвоенія съ самимъ собой, безъ наслоившихся естественныхъ стремленій.

Насъ плѣняетъ въ Станкевичѣ именно это постоянное согласіе съ самимъ собою, это спокойствіе и простота всѣхъ его дѣйствій. По всей вѣроятности, эти качества весьма сильно привлекали къ нему и друзей его. Изъ переписки Станкевича мы видимъ, что только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, для соблюденія свѣтскаго приличія, онъ принуждалъ себя къ скрытности и даже невинной лжи. Съ друзьями этого, конечно, никогда не было. Станкевичъ занимался тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, и говорилъ о своихъ занятіяхъ съ увлеченіемъ. Ни въ поступкахъ, ни въ мысляхъ своихъ онъ не видѣлъ ничего предосудительнаго, и потому охотно передавалъ своимъ друзьямъ всѣ случаи своей жизни, всѣ свои мечты и планы. Всѣ его письма дышатъ полной, беззащитной откровенностью. А извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ простая, дружеская откровенность на молодое, благородное сердце. Друзья Станкевича могли быть увѣрены, что онъ не станетъ имъ лгать, не скроетъ своего мнѣнія, не побоятся дать прямой, хотя бы и непріятный, совѣтъ. У него не было этой малодушной совѣстливости, которая такъ часто заставляетъ насъ щадить людей, къ намъ близкихъ, изъ опасенія огорчить ихъ. Боязнь эта происходитъ у насъ, конечно, отъ недостатка довѣрія къ людямъ, даже близкимъ къ намъ, и отъ желанія удержать ихъ расположеніе. А между тѣмъ, мы все таки выразимъ свое мнѣніе, свое неудовольствіе, — какимъ нибудь косвеннымъ способомъ, скажемъ его другимъ, — оно какъ нибудь дойдетъ до нашего друга, и прѣжнее довѣріе между нами неизбежно рухнетъ. У Станкевича не было подобной недоувѣрчивости; онъ очень просто и спокойно говоритъ своимъ друзьямъ, одному: «зачѣмъ ты свои силы тратишь на пустяки»; другому: «что ты не учишься поэтизму, это тебѣ необходимо»; третьему: «зачѣмъ ты расхваливаешь гламурную гу?» четвертому: «мнѣ жаль, что болѣешь тебя раслафилъ, и что ты теперь ничего не сдѣлаешь для людей.» Подобныя замѣчанія кажутся очень легкими и естественными въ дружескихъ отношеніяхъ; но, право не часто встрѣчаются друзья, которые могли бы даже такіа вещи говорить прямо и просто. А между тѣмъ какъ многого

максимума обаянія заключается въ этой ясной искренности, основанной на взаимномъ довѣрїи и уваженїи. Если она является въ человѣкѣ вслѣдствіе суровости характера, закаленной въ борьбѣ и опытѣ жизни, то она принимается, по этому самому, нѣкоторый видъ грубости и брюзгливости, не всегда иравящейся, особенно самолюбивымъ людямъ. Но даже и эта стоическая, холодная искренность имѣетъ какую-то особенную силу и прелесть и сообщаетъ большое вліяніе на окружающихъ тому, кто ею обладаетъ. Тѣмъ сильнѣе было, конечно, обаяніе личности Станкевича, соединявшаго съ простотою и искренностью необыкновенную мягкость характера, силу чувства и способность увлекаться всѣмъ прекраснымъ.

Впрочемъ, не подумайте, что мы хотимъ выставить Станкевича идеальнымъ совершенствомъ. Совсѣмъ нѣтъ; мы вовсе не хотимъ утверждать, что онъ сталъ въ своей жизни выше всѣхъ сомнѣній и противорѣчій, что внутренняя гармонія его существа никогда и ничѣмъ не нарушалась. И у него были минуты тяжелыхъ думъ, горькаго недовольства собою, вслѣдствіе неудовлетворенныхъ стремленій и неумѣнья слиться душою съ нѣкоторыми требованіями долга. Такъ, будучи еще двадцатидвухъ-го года, онъ писалъ: «Я не могу сказать, чтобъ я дѣйствовалъ противъ долга, но, кажется, я слишкомъ много давалъ воли эгоизму, и отъ этого былъ всегда недоволенъ собою. *Неискренность*—вотъ что еще мучило меня; das Schein у меня часто противоположно dem Sein (особенно въ обществѣ), хотя и не изъ дурныхъ видовъ; а это даетъ дурное направленіе и рождаетъ опять недовольство самимъ собою» (стр. 89). Кто хочетъ видѣть во всемъ мрачную сторону, тотъ можетъ найти въ признаніи Станкевича подтвержденіе той мысли, что онъ былъ эгоистъ безъ твердаго характера. Но мы, напротивъ, видимъ въ этихъ словахъ, какъ высоки были требованія Станкевича отъ самого себя, какъ тяжелы были для него даже малѣйшія уклоненія отъ признаннаго имъ долга. Онъ недоволенъ собою даже за то, что въ обществѣ не всегда можетъ казаться тѣмъ, что онъ есть; онъ упрекаетъ себя въ эгоизмъ; а между тѣмъ видно по всему, что Станкевичъ менѣе всего могъ быть лицемеромъ и грубымъ эгоистомъ. Его доброе сердце не понимало себялюбиваго своекорыстія, не умѣло быть счастливымъ безъ другихъ. Въ одномъ письмѣ къ Н-у онъ говоритъ, что внутреннее блаженство заключается въ самоотверженіи. Слѣдовательно, онъ понималъ самоотверженіе, какъ удовлетвореніе потребности сердца, а не какъ формальное исполненіе какого-то вѣшняго, суроваго предписанія. Вообще, намъ кажется, что взглядъ на жизнь, какъ на тяжелый, مسئولенный горестей, насмѣшливый подвигъ, — взглядъ этотъ

всегда высоко цѣнить формальную, внѣшнюю сторону дѣла. У насъ очень часто превозносятъ добродѣтельнаго человѣка тѣмъ восторженнѣе, чѣмъ болѣе онъ принуждаетъ себя къ добродѣтели. Но по нашему мнѣнію—холодные послѣдователи добродѣтели, исполняющіе предписанія долга только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувствовали любовь къ добру, — такіе люди не совсѣмъ достойны пламенныхъ восхваленій. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ на очень низкой степенѣ: они не въ состояніи возвыситься до того, чтобы ощутить въ себѣ самихъ требованія долга и предаться имъ всѣмъ существомъ своимъ; они должны непремѣнно имѣть на себѣ какую нибудь узду, чтобы обуздывать себя. Неужели же ихъ, только за то, что они трудятся надъ собою, можно поставить выше людей, которымъ этотъ трудъ не нуженъ? Неужели нравственное достоинство человѣка, чувствующаго сильное попользованіе красть, по пересиливающаго себя потому, что кража запрещена закономъ, — выше нравственности того, у кого не рождается даже и мысли о присвоеніи чужаго, уже не вслѣдствіе запрещенія закона, а просто по внутреннему отвращенію отъ кражи? Кажется, не того можно называть человѣкомъ истинно-нравственнымъ, кто только тернитъ надъ собою вѣлнія долга, какъ какое-то тяжелое иго, какъ «нравственные вериги», а именно того, кто заботится слить требованія долга съ потребностями внутренняго существа своего, кто старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внутреннимъ процессомъ самосознанія и саморазвѣтїа, такъ, чтобы они не только сдѣлались истинно-необходимыми, но и доставляли внутреннее наслажденіе. Люди полагающіе, что жизнь наша имѣетъ цѣлю отреченіе отъ всякаго наслажденія, находятъ въ этомъ эгоизмъ. Пусть и такъ; но такого рода эгоизмъ, по нашему мнѣнію, лучше того самоотреченія, о которомъ говорили мы выше, и мы искренно желаемъ, чтобы труженики съ мрачнымъ взглядомъ на жизнь достигли состоянія такого полного эгоизма, полагающаго въ счастья другихъ собственное счастье. Къ такому состоянію приближались или стремились Станкевичъ въ большей части своихъ поступковъ, и за это онъ достоинъ нашего уваженія, а не упрековъ.

Въ жизни Станкевича есть, впрочемъ, одна сторона, подающая мрачно-практическимъ людямъ сильное оружіе противъ него и подобныхъ ему личностей. «Онъ не зналъ упорнаго труда, не былъ въ борьбѣ съ препятствіями и ничего не сдѣлалъ». Вотъ что говорятъ о немъ, и изъ этого выводятъ, что онъ по слабости характера и эпикурейскимъ наклонностямъ своимъ и не могъ ничего сдѣлать.

Отличать на это довольно шудрено, такъ какъ вообще шудрено говорить о томъ, что бы было, *кабы* не то было, что было. Но все-таки мы склоняемся скорѣе къ тому убѣжденію, что Станкевичъ способенъ былъ совершить много хорошаго: вспомнимъ, что онъ умеръ всего двадцати-семи лѣтъ. Приписывать ему слабость характера и тѣхъ пикакихъ основаній. Онъ не былъ вѣтренъ, занятія его искусствами, исторіей, потомъ философіей и исторіей шли ровно и последовательно; въ мнѣніяхъ своихъ онъ постоянно былъ неизменнымъ, какъ видно изъ отношеній его къ друзьямъ. Правда, что онъ не высказывался во внѣшней дѣятельности такъ обильно, какъ нѣкоторые другіе; но у него это было не вслѣдствіе безпечности или безсмлія. Онъ много разъ въ своихъ письмахъ говоритъ о томъ, что къ плодотворной дѣятельности надобно хорошо приготовиться, и нѣтъ высказываетъ свои планы. Въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ какъ бы программу своей дѣятельности. «Надобно или дѣлать добро, говоритъ онъ, или *приготовлять себя* къ дѣланію добра, совершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи, и потому, чтобы добрыя намѣренія не остались безъ плода, совершенствовать себя въ умственномъ отношеніи.» Эти слова не были пустою фразой: Станкевичъ исполнялъ на дѣлѣ свои предположенія: наблюдалъ за своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ и учился. Въ этомъ періодѣ дѣятельности и заключалась его жизнь, слишкомъ рано прекратившаяся. Борьбы за свои идеи и тяжелыхъ столкновеній съ невѣжествомъ и злободневностью онъ не испыталъ; но стоитъ ли жалѣть объ этомъ? Можетъ ли это уменьшить степень нашего уваженія къ личности? Можетъ ли это уничтожить значеніе того нравственнаго развитія, какое выражается, напримѣръ, въ одномъ письмѣ Станкевича къ Грановскому, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «Болѣе простора дуи, болѣе любви сердцу—и всѣ эти сомнѣнія; какъ мнѣ быть? что мнѣ дѣлать, что изъ меня выйдетъ?—пойдуть къ чорту. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ истина не пугала, надобно быть чище душою. Скажи человѣку, закоренѣлому въ эгоизмъ: «ты—ничто!—вотъ до какой мысли достигнешь ты путемъ науки: счастье, достойное человека можетъ быть одно—самозабвеніе для другихъ;—награда за это одна—наслажденіе этимъ самозабвеніемъ»,—и онъ опечалится, хотя бы въ самомъ дѣлѣ отъ юности своея соблюлъ всѣ законы чести и справедливости. А кто безкорыстно ищетъ истины, тотъ уже очищаетъ душу и приготовляетъ ее къ принатію божества». Не правда ли, что въ этихъ словахъ очень ясно выражается то стремленіе, имѣвъ свои влеченія съ требованіями добра и правды, о-которомъ говорили мы выше? Выраженіе однихъ этихъ стремленій въ

жизни человека дается уже ему право на общее уваженіе, несмотря на то, терпѣлъ ли онъ страданія внѣшнія и выходилъ ли изъ борьбы со зломъ.

Да и зачѣмъ непремѣнно мѣрять достоинство человека количествомъ препятствій, встрѣченныхъ имъ? Зачѣмъ возводить къ идеалу то, что есть просто слѣдствіе неправомерности общественныхъ отношеній? Разумѣется, человекъ, который попалъ въ игорный домъ и не играетъ, а даже другихъ уговариваетъ перестать, заслуживаетъ великаго уваженія. Но зачѣмъ же бранить того, кто все же былъ въ игорномъ домѣ? Желать всѣмъ порядочнымъ людямъ горя и страданій, по нашему мнѣнію, совершенно излишне: они и безъ того слишкомъ часто подвергаются несчастіямъ всякаго рода. Разумѣется, фальшивое положеніе въ обществѣ, зрѣлище злоупотребленій, цѣлѣугодства и цорока, — тяжело дѣйствуетъ на всякую благородную натуру и вызываетъ ее на борьбу со зломъ. Ничего не можетъ быть почтеннѣе такой борьбы, и мы съ благоговѣніемъ смотримъ на страдальцевъ, вышедшихъ изъ нея чистыми. Но вѣсть съ тѣмъ мы жалѣемъ этихъ страдальцевъ, и никогда не рѣшимся бросить имъ холодное, фаталистическое: «такъ должно! таково назначеніе великихъ и благородныхъ людей!» Никогда не захотимъ мы обвинить человека за то только, что онъ не посвящаетъ себя враждебнымъ дѣйствіямъ противъ зла, а просто удаляется отъ него. Мы обвинимъ за равнодушіе къ низостямъ и пороку только того, у кого это равнодушіе происходитъ изъ трусости, корысти, и т. п., кто входитъ въ близкія соотношенія съ порокомъ и не возстаётъ на него, а потворствуетъ или даже самъ подчиняется ему, хотя наружно. Мы будемъ презирать того, кто бережетъ себя отъ борьбы, въ надеждѣ поживиться чѣмъ нибудь отъ тѣхъ отношеній, къ которымъ чувствуетъ внутреннее отвращеніе, какъ къ несправедливымъ и преступнымъ. Но если человекъ просто удаляется отъ зла, не видя возможности уничтожить его, или не находя въ себѣ самомъ достаточно средствъ для этого, мы никогда не осмѣлимся порицать его и даже не откажемъ ему въ нашемъ уваженіи, если онъ заслуживаетъ его другими сторонами своей жизни.

Что Станкевичъ былъ менѣе полезенъ для общества, чѣмъ, напримеръ, Бѣлинскій, — объ этомъ никто, конечно спорить не будетъ. Въ этомъ сознавался самъ Станкевичъ, говоря о различіи своей натуры отъ натуры Бѣлинскаго. Онъ самъ не находилъ въ себѣ такихъ силъ для дѣятельной и упорной борьбы, какими обладалъ знаменитый критикъ нашъ. Въ одномъ письмѣ грустно говоритъ онъ о томъ, что Бѣлинскому нужно примиреніе съ счастьемъ жизни,

ему, напротивъ, *раздраженіе*, препятствія, потому что онъ по при-
родѣ своей слишкомъ мягокъ и идеаленъ. Поэтому онъ даже сомни-
вается, вѣдать ли ему къ Б—нъ, все семейство которыхъ внушало
ему чувство самаго чистаго, благоговѣйнаго уваженія и любви.
Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма.

«Я получилъ письмо отъ М. Б—на. Бѣлинскій отдыхаетъ у нихъ
отъ своей скучной, одинокой жизни. Я увѣренъ, что эта поѣздка бу-
детъ имѣть на него благотѣльное вліяніе. Полный благородныхъ
чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуж-
дается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, уви-
дѣть жизнь въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное сча-
стіе, возможность гармоніи внутренняго міра съ вѣшнимъ, гармоніи,
которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, по которой онъ
хотѣлъ вѣрить. Семейство Б—нъ—идеаль семейства. Можно себе
представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая на чуж-
дѣ искры Божіей. Намъ надобно туда ѣздить испрашивать.... Но я—я
боюсь испортиться. М. зоветъ меня, съ своимъ обыкновеннымъ пря-
модушіемъ, добротою: не знаю, поѣду ли?—Во мнѣ другой недоста-
токъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго: я слишкомъ вѣрю въ
семейное счастье, а иногда съ сердечной болью думаю, что это одно
невозможное. Мнѣ надобно больше твердости, больше жесткости»
(стр. 189).

Какъ натура по преимуществу созерцательная, Станкевичъ не
могъ броситься въ практическую дѣятельность и ознаменовать свой
путь какими нибудь яркими дѣянiями. Признавая это и зная,
что онъ самъ въ этомъ признавался, мы уже не имѣемъ никакого
права приставать къ нему съ назойливымъ допросомъ: «отчего ты
не оставилъ никакихъ *положительныхъ*, вещественныхъ памятни-
ковъ своего существованія; отчего ты не вступалъ въ борьбу, от-
чего ты не громилъ пороковъ, не терпѣлъ страданій отъ своихъ
враговъ, и пр.? Подобный допросъ имѣлъ бы еще смыслъ, если
бы борьба, страданія и т. п. были чѣмъ нибудь обязательнымъ,
необходимымъ для сохраненія чести и благородства человѣка. Но
вѣдь, какъ мы уже замѣтили, борьба эта есть ненормальное явле-
ніе, происходящее отъ фальшивыхъ отношеній, среди которыхъ
живетъ общество. Указываютъ на примѣръ почти всѣхъ великихъ
людей, которые являются намъ въ исторіи тружениками и стра-
дальцами. Но если всмотрѣться пристальнѣе въ жизнь каждаго изъ
этихъ страдальцевъ, то весьма немного найдется такихъ фанати-
ковъ, которые бы сами отыскивали страданія, бросаясь въ борьбу
только для удовольствія борьбы. Большею частію, почти всегда,
борьба эта является слѣдствіемъ обстоятельствъ, совершенно неза-

всего и даже иногда противъ воли того, на кого должны обрушиться всѣ тяжелыя послѣдствія борьбы. Пора намъ убѣдиться въ томъ, что искать страданій и лишеній—дѣло неестественное для человѣка и поэтому не можетъ быть идеальнымъ, верховнымъ назначеніемъ человечества. Во что бы человѣкъ ни игралъ, онъ играетъ только до тѣхъ поръ, пока еще надѣется на выигрышъ; а надежда на выигрышъ—это вѣдь и есть желаніе лучшаго, стремленіе къ удовлетворенію своихъ потребностей, своего эгоизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у каждаго образовался, смотря по степени его умственнаго и нравственнаго развитія. Романтическія фразы объ отреченіи отъ себя, о трудѣ для самаго труда или «для такой цѣли, которая съ нашей личностью ничего общаго не имѣетъ»,—къ лицу были средневѣковому рыцарю печальнаго образа; но онѣ очень забавны въ устахъ образованнаго человѣка нашего времени. Станкевичъ очень хорошо понималъ всю нелѣпость насильственной, напущеной добродѣтели, этого внутренняго лицемерія протѣ самимъ собою. Въ немъ было слишкомъ много истинной честности и прямодушія, чтобъ онъ могъ поддаться подобному лицемерію. Онъ твердо сознавалъ, что человѣкъ не иначе можетъ удовлетвориться, какъ полнымъ согласіемъ съ самимъ собою, и что искать этого удовлетворенія и согласія всякій не только можетъ, но и долженъ. Если всякій предметъ въ природѣ имѣетъ право существовать прежде всего для себя, то неужели человѣкъ долженъ быть какимъ-то уродомъ въ созданіи, изгнанникомъ изъ общей гормоніи? Напротивъ онъ, выше другихъ предметовъ, и потому воспримчивость къ благу жизни въ немъ развита еще больше: низшіе предметы природы живутъ только въ себѣ, наслаждаются собою, —человѣкъ можетъ жить въ другихъ, наслаждаться чужою радостью, чужимъ счастьемъ. Если кто не чувствуетъ въ себѣ этой способности, значитъ, онъ еще мало развилъ въ себѣ истинно человѣческіе элементы, значитъ, животныя потребности слишкомъ сильно преобладаютъ въ немъ. «Что мнѣ за утѣшеніе пріобрѣсти сокровища, пить, ѣсть, говоритъ Станкевичъ въ одномъ письмѣ: эти животныя наслажденія ниже меня: а какое же наслажденіе остается еще кромѣ любви, жизни въ другихъ? Разумъ мой сознаетъ свою любящую природу въ этой мысли, — и то, что мы называемъ чувствомъ, есть полное одобрительное дѣйствіе нашего разумія на весь организмъ.» Вотъ въ чемъ заключался эпикуреизмъ Станкевича. Ясно, что при обстоятельствахъ, менѣе благоприятныхъ для спокойнаго саморазвитія и самосовершенствованія, при существованіи непосредственныхъ враждебныхъ столкно-

есть съ широтою, Ставкевичъ не побоялся бы отстаивать свои убѣжденія и дѣйствовать противъ злыя, въ пользу добрыхъ: на этомъ, въ умѣхъ находитъ, какъ мы видимъ собственное наслажденіе. Но обстоятельства расположились иначе: Ставкевича не задержалъ поворотъ борьбы злыхъ идей съ шумно возставшими противъ нихъ предразсудками, и, право, не нужно жалѣть объ этомъ. Трудна эта борьба, и немногіе выходятъ изъ нея побѣдителями. Еще менше, если человѣкъ сокрушится физически: тогда все-таки дѣло остается правымъ, чистымъ и сильнымъ. Но чаще бывають равновѣсныя паденія, вредящія успѣху самого дѣла. Немного найдется такихъ нравственно чистыхъ личностей, какъ Влѣтскій, который нѣтъ своей продолжительной, упорной борьбы съ несправедливостями и зломъ вышелъ сокрушенный физически, но нравственно смѣлой и свѣтлой, безъ всякаго пятна и укоризны. Были въ то же время и другіе люди, тоже имѣвшие благородныя убѣжденія, тоже ораторски умевшіе въ борьбу; но имена ихъ не сохраняются въ ряду именъ чистыхъ и безукоризненныхъ, хотя, можетъ быть, они были даже въ этомъ самомъ кружкѣ Ставкевича. Можетъ быть, они въ свое время приносили даже пользу, слѣдовательно имѣли общественное значеніе; но, по нашему мнѣнію, опредѣлять нравственное достоинство лица и слѣдовательно права его на общественное уваженіе, по одному только количеству пользы, принесенной ими несправедливо. Это точно такъ же односторонне, какъ и сужденіе о человѣкѣ по однимъ его намѣреніямъ и убѣжденіямъ: одно слишкомъ субъективно, другое совершенно объективно. Не нужно забывать, что оцѣна отъ человѣческихъ дѣйствій не всегда происходитъ именно тамъ, гдѣ на нее разсчитываютъ, и что не всегда люди разсчитываютъ на общую пользу, когда обрабатываютъ то или другое полезное дѣло. Иначе мы должны были бы вознести на верхъ общественнаго уваженія тѣ безобразныя личности, которыя въ обществѣ именуются «дипломатами». Они бывають весьма полезны, когда видятъ, что по обстоятельствамъ имъ слѣдуетъ быть полезными. Когда они убѣдились, что можно выѣхать на безкорыстіи, — они преслѣдуютъ взятки; видя, что просвѣщеніе пошло въ ходъ, они речутъ о святости науки, о любви къ знанію; догадавшись, что идеи гуманности и правды одолеваетъ старыя начала угнетенія и зли, они являютъя вездѣ защитниками слабыхъ, поборниками справедливости, и т. п. Но перемѣнишь затра обстоятельства, — они первые возстанутъ противъ того, что еще недавно защищали. Польза, дѣлавшая ими, остается, но нравственное достоинство лица едва ли оттого возвышается, и едва ли эти люди приобрѣтають право на общественное уваженіе.

Напротивъ, человѣкъ высоко-честный и нравственный въ своей жизни, вполне достоинъ уваженія общества именно за свою честность и нравственность. Пусть его жизнь не ознаменована блескомъ какого-нибудь необыкновеннаго дѣянія на пользу общую, — все-таки его нравственное значеніе не потеряно. Даже натура чисто-созерцательная, не проявившаяся въ энергической дѣятельности общественной, но нашедшая въ себѣ столько силъ, чтобы выработать убѣжденія для собственной жизни и жить не въ разладѣ съ этими убѣжденіями, — даже такая натура не остается безъ благотворнаго вліянія на общество, именно своей личностью. Мысль и чувство и сами по себѣ не лишены, конечно, высокаго реальнаго значенія; но этому простая забота о развитіи въ себѣ чувства и мысли есть уже дѣятельность законная и не безполезна. Но польза ея увеличивается оттого, что видъ человѣка, высоко стоящаго въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, обыкновенно дѣйствуетъ благотворно на окружающихъ, возвышаетъ и одушевляетъ ихъ. Есть, конечно, и всегда бывали люди съ крайне утилитарными взглядами, Петры Ивановичи Адуевы средней руки, чорствые и сухіе въ своей quasi-философской практичности, — люди, которыхъ не трогаютъ указанія на нравственную красоту и высокую степень умственного развитія. Такіе люди говорятъ: «э, помилуйте все это эгоизмъ и дилетантизмъ. Ну, скажите, какая польза отъ всѣхъ этихъ совершенствъ? Но поому, — увлекается ли человѣкъ философскими вопросами, восхищается ли лучшими произведеніями искусства, или наслаждается пустыми романами, трагичнымъ органомъ и публичными гуляньями, — плоды такого наслажденія для общества будутъ одинаковы». Къ счастью, немного такихъ людей, способныхъ оставаться безчувственными при видѣ умственного и нравственного достоинства въ человѣкѣ. Большая часть людей не лишилась еще прекраснаго качества чувствовать благотворное вліяніе всякой приближающейся къ нимъ благородной и здраво развившейся личности.

Того, что нами сказано, достаточно уже было бы для объясненія правъ Станкевича на общественное вниманіе и уваженіе. Но въ его перепискѣ и біографіи находятся факты, указывающіе колоссальныя его заслуги для общества, состоящія именно въ томъ вліяніи, какое имѣлъ онъ на людей, сдѣлавшихся весьма извѣстными въ русской литературѣ. Извѣстно, чѣмъ обязанъ Станкевичу Кольцовъ, встрѣтившій въ немъ перваго образованнаго, горячаго цѣнителя и постоянную поддержку и такъ живо выразившій печаль объ его утратѣ въ прекрасномъ стихотвореніи «Поминки», въ которомъ называетъ Станкевича «лучшимъ» въ кружкѣ друзей.

Извѣстна также, какъ много поддерживала Станкевичъ Грановскаго въ его трудахъ, въ его сомнѣнiяхъ. Объ этомъ предметѣ нечего говорить, болѣе какъ только привести слѣдующія слова изъ письма Грановскаго, писаннаго тотчасъ послѣ смерти Станкевича. «Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его влiянiе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня никто не знаетъ.» Такое признанiе *Грановскаго* имѣетъ, конечно, большое значенiе, при опредѣленiи общественныхъ заслугъ Станкевича. Правда, что и противъ значенiя самого Грановскаго спорятъ *нѣкоторые*; но кто же эти *нѣкоторые*? г. В. Григорьевъ, покойная «Молва», да г. И. Л., недавно раскритиковавшiй Станкевича, въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ!...

Мы пропускаемъ здѣсь влiянiе Станкевича на Красова и на Клюшниковъ, которые хотя и не были первоклассными художниками, но все же не могутъ быть названы бездарными. Напротивъ, у нихъ очень перѣико выражалась въ звучныхъ стихахъ живая мысль и искреннее, теплое чувство. Но мы не ставимъ говорить объ этомъ влiянiи, чтобы нѣсколько долѣе остановиться на отношенiяхъ Станкевича къ Бѣлинскому. Ихъ не нужно искать въ письмахъ къ самому Бѣлинскому, которыхъ въ изданiи г. Анненкова напечатано всего два; о нихъ можно судить повсей перепискѣ Станкевича. Мы не скажемъ, что Бѣлинскiй *заимствовалъ* свои мнѣнiя до 1840 года у Станкевича; это было бы слишкомъ много. Но несомнѣнно, что Станкевичъ дѣлательно участвовалъ въ выработкѣ тѣхъ сужденiй и изгладовъ, которые потомъ такъ ярко и благотворно выразились въ критикѣ Бѣлинскаго. Мы не ставимъ слѣдить здѣсь за развитiемъ общихъ философскихъ положенiй, обсуждавшихся въ кружкѣ Станкевича и слѣдовавшихъ потомъ надолго благотворнымъ источникомъ критики Бѣлинскаго. Здѣсь можно было бы найти много данныхъ для опредѣленiя значенiя Станкевича въ кругу его друзей; но мы уклоняемся отъ рассмотрѣнiя этого вопроса — отчасти потому, что оно завлекло бы насъ очень далеко, а главнымъ образомъ потому, что это дѣло изложено уже гораздо подробнѣе и лучше, нежели какъ мы могли бы это слѣдить, въ одной изъ статей о критикѣ гоголевскаго перiода литературы, помѣщавшихся въ «Современникѣ» 1856 г. Мы обратимъ здѣсь вниманiе на явленiя болѣе частныя, касающiяся преимущественно тогдашнихъ литературныхъ явленiй. Въ этомъ случаѣ замѣчательно, что въ письмахъ Станкевича встрѣчаются болѣею частiю *раньше* общiя замѣтки и мнѣнiя, которыя потомъ послѣ небольшого промежутка времени, являются уже основательно и подробно развитыми въ стать-

лях Бѣлинскаго. Видно, что Бѣлинскій былъ наиболѣе энергическимъ представителемъ этого кружка; а можетъ быть, онъ имѣлъ и болѣе матеріальной надобности высказывать въ печати убѣжденія, выработанныя имъ въ обществѣ друзей, которые мѣнялись своими идеями только между собою. Во всякомъ случаѣ очевидно, что при образованіи литературныхъ взглядовъ и сужденій въ кружкѣ друзей своихъ, Станкевичъ никогда не былъ лицомъ пассивнымъ и даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе. Степень подробностей этого вліянія, конечно, нельзя опредѣлить тому, кто не былъ самъ въ кружкѣ Станкевича; но что вліяніе было, — свидѣтельствуютъ многія черты, сохранившіяся въ перепискѣ. Такъ еще въ 1833 году Станкевичъ высказываетъ въ письмахъ свои мысли о театрѣ и театральномъ искусствѣ, развитыя потомъ Бѣлинскимъ на нѣсколькихъ страницахъ «Литературныхъ мечтаній», напечатанныхъ въ «Молвѣ» 1834 г. Въ томъ же году Станкевичъ высказываетъ свое мнѣніе объ игрѣ Мочалова и Каратыгина, и оно же выражается въ статьяхъ Бѣлинскаго, въ «Молвѣ» 1835 года, и даже позже въ «Наблюдателѣ».

Во всѣхъ письмахъ Станкевича, начиная съ 1834 гон., постоянно выражается особенное увлеченіе Гофманомъ; съ тѣмъ же характеромъ является это увлеченіе и у Бѣлинскаго, особенно въ статьѣ о дѣтскихъ книгахъ въ «Отечеств. Запискѣ» 1840 г. № 3. Тотчасъ по выходѣ перваго № Библіотеки для Чтенія, — Станкевичъ писалъ (15 января 1834 г.), — къ Н. М. Н-ву.

«Ты вѣрно читалъ кое-что изъ № 1 «Б. д. Чт.» Боже мой! что это! Такъ какъ это журналъ литературный, то, прочитавъ безжизненное стихотвореніе Пушкина и чуть живое Жуковскаго, я, чтобы видѣть направленіе его, взглянулъ въ отдѣленіе критики. Кажется, это поддается Сенк. Онъ спрашиваетъ напр., должно ли въ исторической драмѣ нарушать свидѣтельства исторіи? Воображеніе дѣйствуетъ, слѣдств. исторія должна быть нарушена. Какая польза отъ исторіи? Исторія полезна однимъ только: она представляетъ примѣръ характеровъ для подражанія! А что толкуютъ о Кукольникѣ — бѣда! Великій Байронъ, великій Кукольник! Если К. не такъ слабъ душою, чтобы не обогатиться лесбю, то онъ долженъ негодовать; если онъ доволенъ — пропалъ поэтический талантъ, который я въ немъ допускалъ» (стр. 83).

Не правда ли, что всѣ эти мысли хорошо знакомы намъ по критикамъ послѣдующаго времени? Даже фраза «великій Байронъ, великій Кукольник!» неоднократно повторялась потомъ, въ насмѣшку надъ слишкомъ рѣшительнымъ критикомъ! Но будемъ продолжать начатый параллель мнѣній Станкевича и Бѣлинскаго.

Въ концѣ 1834 г. Станкевичъ пишетъ о Тимофеевѣ, что онъ не

считаетъ этого автора поэтомъ и даже вкуса не подозреваетъ въ немъ послѣ «мистеріи», помѣщенной въ «Библ. для Чтенія». Въ 1835 году. Бѣлинскій, съ своей обычной неумолимостью, высказалъ тоже въ «Молвѣ», и вскорѣ потомъ Станкевичъ оправдываетъ критика, говоря въ письмѣ къ Н—ву; «мнѣ кажется, что Бѣлинскій вовсе не былъ строгъ къ Тим — ву, хотя иногда, по раздражительности характера, онъ бываетъ черезъ-чуръ бранчивъ».

Въ мартѣ 1835 г. Станкевичъ писалъ о Гоголѣ: прочелъ одну повѣсть изъ Гоголева «Миргородъ», — это прелестъ! («Старомодные помѣшники» такъ, кажется, она названа). Прочти! какъ зѣсь схвачено прекрасное чувство человѣческое въ дустой ничтожной жизни! — Именно на этой мысли основанъ разборъ «Старосвѣтскихъ помѣшниковъ», помѣщенный Бѣлинскимъ въ статьѣ его «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя» въ 7 и 8 (іюньскихъ) № № Телескопа».

Въ апрѣлѣ 1835 года, Станкевичъ извѣщаетъ Н — ва: «Надеюсь, отъѣзжая за границу, отцаетъ намъ «Телескопъ». *Постараемся* же его сдѣлать полезный журналъ, хотя для иногородныхъ, прибавляетъ онъ. По крайней мѣрѣ, будетъ отпоръ Библіотекѣ и страшнымъ критикамъ Ш. Какъ онъ мелочень сталъ!» (стр. 133). Въ началѣ іюня Станкевичъ увѣдомляетъ своего пріятеля, что Телескопъ уже переданъ Бѣлинскому. «Я, прибавляетъ онъ, тратитъ времени на Телескопъ не стану, но въ каждое воскресенье мнѣ остается два три часа свободныхъ, въ которые я могу заняться. Кромѣ того, мы всегда будемъ обществомъ *совѣщаться* о журналѣ.» Тутъ же говорится, что «Наблюдатель» плохъ и что Ш. обманулъ ожиданія Станкевича и его друзей, — и оказался педантомъ. Изъ этого видно, какое близкое душевное участіе принималъ Станкевичъ въ изданіи «Телескопа» Бѣлинскимъ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ самомъ дѣлѣ много помогалъ ему своими совѣтами. По крайней мѣрѣ на мнѣнія его о Ш. и «Московскомъ Наблюдателѣ» послѣдовалъ отголосокъ въ 9-й же книжкѣ «Телескопа» то есть черезъ два мѣсяца, а въ 5-й книжкѣ слѣдующаго года помѣщена была специальная статья Бѣлинскаго: «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московского Наблюдателя», гдѣ много досталось ученому профессору Шер-ву.

Въ ноябрѣ 1835 г. писалъ Станкевичъ, что Бенедиктовъ не поэтъ, а «разеръ»: «что стихъ, то фигура, ходили безпрестанныя. Бенедиктовъ блещетъ яркими, холодными фразами, звучными, но бессмысленными или натянутыми стихами. Наборъ словъ самыхъ звучныхъ, образовъ самыхъ яркихъ, сравненій самыхъ странныхъ, — но души нѣтъ.» Въ слѣдъ за тѣмъ, (въ XI-й книжкѣ Телескопа) явилась статья Бѣлинскаго о

стихотвореніяхъ Бенедиктова, великолѣпно развивавшая тоже самое мнѣніе, котораго критикъ нашъ до конца держался. По поводу этой статьи пріятель Станкевича сообщилъ ему слухи о томъ, будто бы удары, наносимые рукою Бѣлинскаго, направляемы были Станкевичемъ, и послѣдній отвѣчалъ на это съ обычной своей искренностью: «не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Петербургъ! Я—цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ двали три въ Телескопѣ, подвергалъ ценсурѣ Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посоветоваться и очень часто посѣдовать его совѣтамъ. Конечно, его выходка неосторожна, но не болѣе, онъ хотѣлъ напасть на способъ составлять репутацію и оскорбить человѣческую сторону Бенедиктова. Я ему это скажу».

Въ 1837 г. Станкевичъ уѣхалъ за границу, и литературныя сужденія въ его письмахъ попадаютъ рѣже. Поэтому и мы здѣсь остановимся. Слѣдаемъ только еще выписку изъ одного письма Станкевича, заключающую въ себѣ его мнѣніе о народности. Вотъ что говоритъ онъ:

«Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя — можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ и рода изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значить—хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте ему общее, человѣческое, и смотрите, что онъ способенъ принять, чего не достаетъ ему? Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, кваснымъ патріотизмомъ никуда не годится» (стр. 220).

Это самое мнѣніе, съ удивительною близостью даже къ способу изложенія, подробно и энергически развилъ Бѣлинскій въ статьяхъ своихъ о Руси до Петра, въ «Отеч. Запискахъ», 1841 г., т. е. слишкомъ черезъ три года послѣ письма Станкевича.

Мы не перебирали всѣхъ статей Бѣлинскаго и всѣхъ мнѣній, въ которыхъ онъ сходилъ съ своимъ другомъ. Мы называли только тѣ статьи, которыя мы могли припомнить и которыя относятся къ частнымъ явленіямъ литературы. Но сходство частныхъ сужденій, по нашему мнѣнію, еще ярче рисуетъ связь, существующую между людьми, нежели согласіе въ общихъ истинахъ. Поэтому мы полагаемъ, что и представленныхъ фактовъ довольно уже для того, чтобы отнять у всякаго право сказать: между Бѣлинскимъ и Станкевичемъ не было взаимной зависимости другъ отъ друга! Чтобы говорить это, надобно не знать дѣятельности Бѣлинскаго до 1840 г., т. е. до смерти Станкевича.

Такимъ образомъ, кромѣ своей прекрасной, благородной лич-

ности, столь привлекательной въ самой себѣ, Станкевичъ имѣетъ еще и инныя права на общественное значеніе, какъ дѣятельный участникъ въ развитіи людей, которыми никогда не перестанетъ дорожить русская литература и русское общество. Имя его связано съ началомъ поэтической дѣятельности Кольцова, съ исторіей развитія Гравовскаго и Бѣлинскаго: этого уже довольно для пріобрѣтенія нашего уваженія и признательной памяти.

Въ заключеніе нашей статьи мы просимъ у читателей извиненія въ томъ, что наши замѣтки приняли форму нѣсколько полемическую. Трудно удержаться отъ этой формы, говоря о личности, подобной Станкевичу, въ виду тѣхъ понятій, какія обваруживаются столь многими въ нашемъ обществѣ. У насъ еще недостаточно развито уваженіе къ нравственному достоинству отдѣльных личностей; у насъ еще нерѣдко можно слышать такое разсужденіе: «онъ мнѣ ничего хулаго не сдѣлалъ; могу ли я назвать его негодяемъ?» Или такое: «что мнѣ уважать его? мнѣ отъ него ни тепло, ни холодно!» Понятно, что люди съ такими понятіями (а такихъ людей не мало) и удивлены, и раздражены тѣмъ, что имъ смѣются говорить объ общественномъ значеніи человѣка, который не только пирамиды не выстроилъ, Америки не открылъ, пороку не выдумалъ, но даже ни одного благотворительнаго бала не сдѣлалъ, даже ни одной толстой книги не сочинилъ. Поневолѣ приходится говорить о достоинствахъ человѣка, защищая его отъ близорукихъ и нелѣпыхъ обвиненій. Такой способъ изложенія, для насъ самихъ очень непріятенъ и невыгоденъ—вотъ въ какомъ отношеніи. Мы хотимъ удержать человѣка на той высотѣ, на которой стоитъ онъ и съ которой мелочная утилитарность хочетъ стащить его въ какую-то темную канаву, а намъ кричатъ: «вы его поднимаете на пьедесталъ, вы его хотите до облаковъ вознести! За что это? Какія его положительныя заслуги?» и пр. И выходитъ, какъ будто мы нѣ самымъ дѣлѣ ставимъ на пьедесталъ человѣка, особенно когда утилитарные враги начинаютъ утверждать, что они этого человѣка не трогали и въ канаву не тащили....

Но мы еще разъ готовы повторить то, что уже сказали въ началѣ статьи. Преувеличенныя похвалы Станкевичу намъ самимъ кажутся излишними и несправедливыми; сравнивать его съ Сократомъ, идеи котораго разнесены по свѣту нѣсколькими Платонами, вамъ вѣкогда не приходило въ голову. Да, сколько мы знаемъ, никто изъ его друзей и приверженцевъ не дѣлалъ подобныхъ сравненій. Но съ другой стороны мы считаемъ крайне несправедливымъ и то отрицаніе, съ которымъ многіе относятся къ этой прекрасной, возвышенной личности. Говорить, что жизнь Станкевича прошла

безплодно, что онъ даромъ растратилъ свои силы и не долженъ имѣть мѣста въ нашихъ воспоминаніяхъ, говорить это — значитъ обнаружить полное неуваженіе къ развитію индивидуальности человека и выразить претензію на абстрактное самоотреченіе, которое въ сущности есть не что иное, какъ обезличеніе. Кто признаетъ права личности и принимаетъ важность естественнаго, живаго, свободнаго ея развитія, тотъ пойметъ и значеніе Станкевича, какъ въ самомъ себѣ, такъ и для общества. Мы съ своей стороны прибавимъ здѣсь одно: если бы во всякомъ обществѣ большинство состояло изъ людей, подобныхъ Станкевичу, то не было бы никакой необходимости и въ этой пресловутой борьбѣ, на которую такъ любятъ вызывать всѣхъ порядочныхъ людей люди слишкомъ утилитарные.

— КОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

МАРТЪ 1858.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1857 годъ. Спб. 1858 г.

Прежде, нежели представимъ нашимъ читателямъ факты и цифры изъ нынѣшняго «Отчета» Императорской Публичной Библіотеки, мы считаемъ долгомъ выразить признательное чувство, возбужденное въ насъ тѣмъ истинно-просвѣщеннымъ вниманіемъ, съ которыми встрѣчены были Начальствомъ Библіотеки скромныя замѣчанія, высказанныя въ рецензій Современника на «Отчетъ» прошлаго года. Не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи представить нашимъ читателямъ вполнѣ отзывъ, которымъ удостоило нашъ журналъ просвѣщенное Начальство Библіотеки, на стр. 112 — 114 «Отчета.»

«Отчетъ нашей Библіотеки, печатаемый ежегодно въ самомъ большомъ количествѣ экземпляровъ, былъ и въ прошломъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, разосланъ почетнымъ ея членамъ и корреспондентамъ, ученымъ учрежденіямъ и нѣкоторымъ частнымъ любителямъ, а также въ редакціи тѣхъ изъ нашихъ журналовъ, которые имѣютъ наибольшій кругъ читателей,—не для того только, чтобы извлеченіями изъ сихъ отчетовъ знакомить публику съ дѣйствіями и новыя пріобрѣтеніями Библіотеки, но и съ другою цѣлю, болѣе важною, и даже, въ семъ отношеніи существенною,—именно для *полученія возможныхъ указаній къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ въ ея устройствѣ.* Начальство Библіотеки никогда не должно терять и не теряетъ изъ вида, что она есть учрежденіе, исключительно предназначенное

для публики и для общей пользы, которое, при общемъ движеніи просвѣщенія, требуетъ послѣдовательныхъ, постоянныхъ и многостороннихъ улучшеній. Вѣрная сему важному назначенію своему въ дѣлѣ отечественнаго образованія, Библіотека не скрываетъ ни отъ себя и ни отъ кого, могущихъ еще быть въ ней недостатковъ и съ благодарностію принимаетъ всѣ благонамѣренныя замѣчанія, стараясь пользоваться ими, на сколько то позволяютъ средства, пространство, которыми она можетъ располагать, и самыя условія ея устройства.

«Въ этомъ отношеніи начальству Библіотеки было очень пріятно встрѣтить въ «Современникѣ» 1857 г. такую рецензію на отчетъ за 1856 г., которая, не ограничиваясь одними безусловными похвалами, содержала въ себѣ также нѣкоторыя желанія и указанія, и оно поспѣшило войти въ непосредственное сношеніе съ редакціей сего журнала, чтобы ближе ознакомиться, съ подробностями высказанныхъ ею замѣчаній. Переписка эта не осталась безъ пользы и имѣла непосредственнымъ результатомъ: а, устройство въ читальной залѣ *второго* справочнаго стола, болѣе чѣмъ удвоеннаго число книгъ, находящихся всегда въ распоряженіи публики; б., сношеніе съ почетнымъ членомъ Библіотеки въ Прагѣ, В. В. Ганкою, о приобрѣтеніи тѣхъ, изданныхъ на чешскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ книгъ, которыхъ недостаетъ еще въ Библіотекѣ и послѣ покупки ею богатаго собранія чешскаго ученаго Юнгмана. Впрочемъ, не излишнимъ считаю здѣсь замѣтить, что неизмѣнне у насъ нѣкоторыхъ довольно важныхъ сочиненій на славянскихъ нарѣчіяхъ происходитъ отъ того лишь, что ихъ почти никогда не спрашиваютъ наши читатели, начальство же Библіотеки прежде всего старается и, кажется, должно наиболѣе стараться о пополненіи ея отдѣловъ такими сочиненіями, которыя ежедневно, или по крайней мѣрѣ, чаще другихъ требуетъ занимающаяся у насъ публика.»

Повторяя выраженіе нашей глубокой признательности за эти, столь лестныя для нашего журнала, строки, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ ихъ глубоко-знаменательными въ общемъ смыслѣ, какъ высокій образецъ просвѣщеннаго образа дѣйствій въ литературномъ дѣлѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, каждый изъ пишущихъ, высказывая свои мнѣнія и ожиданія, высказываетъ ихъ съ желаніемъ пользы и добра. Но въ литературѣ, какъ и въ жизни, и даже, можетъ быть, еще болѣе, — много значатъ различныя уваженія, опасенія и предосторожности, собственно постороннія литературѣ. Изъ-за нихъ-то многое умалчивается или высказывается не съ тою прямою и откровенностію, какъ бы слѣдовало, и какъ бы хотѣлъ самъ авторъ. Отъ этого болѣе всѣхъ теряетъ обыкновенно самое дѣло, о которомъ идетъ рѣчь. Просвѣщенное Начальство Библіотеки, хорошо понимая это и жертвуя для пользы общаго дѣла всякими личными отношеніями, не только умѣло устранить подобную робость сужде-

ній о его дѣйствіяхъ, но даже прямо вызвало и теперь вызываетъ всѣхъ на откровенныя и прямыя сужденія и указанія. Одинъ подобный вызовъ, самъ по себѣ, можетъ уже ясно свидѣтельствовать, какъ самоотверженно служить Начальство Библиотекъ своему дѣлу и какой высоко-просвѣщенный взглядъ имѣетъ оно на свои обязанности, какъ въ отношеніи къ сущности самаго дѣла, такъ и въ отношеніи къ обществу. Правда, что только тотъ боится прислушиваться къ сужденіямъ, раздающимся въ обществѣ, кто сознаетъ, что не все сдѣлалъ, что могъ бы сдѣлать и что отъ него зависѣло. Начальство же Библиотекъ въ этомъ случаѣ спокойно: нынѣшній отчетъ, подобно предыдущимъ, представляетъ намъ изумительные результаты его неутомимой дѣятельности.

Дѣятельность эта можетъ быть раздѣлена на два отдѣла: одинъ, касающійся внѣшнихъ удобствъ пользованія сокровищами Библиотекъ, — и другой, относящійся къ новымъ приобрѣтеніямъ, совершеннымъ Библиотекою въ прошломъ году.

Въ ряду улучшеній, относящихся къ внѣшнимъ удобствамъ, важное мѣсто занимаетъ устройство новыхъ залъ: одной для храненія цѣкунабулъ, другой для Альдовъ и Эльзевировъ, и трехъ залъ для отдѣленія правовѣдѣнія и камеральныхъ наукъ. Прежде эти залы были неотдѣланы и служили просто кладовыми для храненія дублетовъ.

Другое улучшеніе, составлявшее, по словамъ «Отчета», одну изъ главныхъ сторонъ дѣятельности Библиотеки въ 1857 г., было устройство *выставокъ* разныхъ предметовъ Библиотекъ, съ цѣлью облегчить публикѣ наглядное знакомство съ ея сокровищами. Такъ устроены были: выставки церковно-славянскихъ рукописей, расположенныхъ хронологически, выставки латинскихъ и французскихъ рукописей, автографовъ извѣстныхъ писателей, музыкантовъ, исторически замѣчательныхъ лицъ и проч., выставка матеріаловъ письменности, выставка произведеній всѣхъ гравировальныхъ способовъ, выставка произведеній русской школы гравированія, выставка портретовъ Петра Великаго, которыхъ собрано въ Библиотеку болѣе 200.

Кромѣ того, Начальство Библиотеки постоянно заботилось объ устройствѣ новыхъ помѣщеній для книгъ. Съ увеличеніемъ приобрѣтеній Библиотеки, недостатокъ помѣщенія сдѣлался весьма ощутительнымъ. Часть новыхъ приобрѣтеній Библиотеки должна была даже за недостаткомъ мѣста, «лежать—или еще въ ящикахъ, какъ была привезена изъ-за границы, или на столахъ и на окнахъ». Для устраненія этого неудобства, Библиотека пользовалась малѣйшею возможностью, для того, чтобы устроить новые шкафы для книгъ.

Такъ въ читальной залѣ сдѣланы два шкафа во впадинахъ стѣнъ со-
отвѣствующихъ окнамъ; въ хранилищѣ рукописей сломаны два
мраморныхъ каминна, бывшихъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ безъ
всякаго употребленія, и на мѣстѣ ихъ устроено два обширныхъ шка-
фа. Вообще въ 1857 г. прибавилось полокъ въ шкафахъ Библиотеки
на протяженіе 1,57 версты. (Въ 1850 г. оно равнялось 12, 29 версты
до конца 1856 прибавлено было, 1,36 версты).

Огромныя книжныя богатства, собранныя въ залахъ Библиотеки,
размѣщены въ ней не только съ удобствомъ и легкостію для поль-
зованія, но даже съ изяществомъ и роскошью. Лучшимъ доказатель-
ствомъ тому служатъ прекрасныя витрины, которыхъ не было до
1850 г. и которыя теперь устроены ужена протяженія 650 футовъ.
Надобно удивляться искусству, съ которымъ Библиотека умѣетъ
пользоваться пространствомъ, находящимся въ ея распоряженіи.
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осматривая Библиотеку, мы думали,
что все уже полно, что некуда дѣвать теперь даже какой нибудь ты-
сячи книгъ. А между тѣмъ съ тѣхъ поръ Библиотека нашла возмож-
ность устроить новыя витрины, новыя выставки любопытныхъ
предметовъ, и даже отдѣлить цѣлыя залы для дикунабулъ, Альдовъ
и Эльзевировъ!

Что касается до новыхъ приобрѣтеній Библиотеки, они были въ
1857 г. очень значительны. Печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣль-
ныхъ листовъ поступило въ Библиотеку 45, 717 томовъ; изъ этого
числа самою Библиотекою куплено 9,135. Эстамповъ плановъ, картъ,
нотъ—поступило 17,023, рукописей и автографовъ—318. Новыя по-
купки Библиотеки стоили ей, съ перевозкою, заграничною перепис-
кою, и пр. 17,363 р. 41¼ коп. — Вновь переплетено 6,137 томовъ и
значительное число брошюровано, исправлено, и пр. Всѣ вообще пе-
реплетныя работы въ 1857 г. обошлись Библиотекѣ въ 4,027 руб. 66
копѣекъ.

Въ «Отчетѣ» подробно исчисляются замѣчательнѣйшія книги,
приобрѣтенныя Библиотекою. Между ними находится много весьма
любопытныхъ. Такова, между прочимъ, показала намъ коллекція
раскольниковыхъ книгъ (до 50), и нѣсколько книгъ петровскаго вре-
мени.

Въ прошломъ году успѣшно подвигалось впередъ дѣло составле-
нія каталоговъ Библиотеки. Изъ 802, 717 томовъ Библиотеки, нынѣ
только 125,000 остаются еще невнесенными въ каталоги. Когда они
будутъ кончены, тогда, безъ сомнѣнія, Библиотека употребитъ всѣ
возможныя для нея средства, чтобы сдѣлать эти каталоги доступ-
ными для читателей. Часть ихъ, относящаяся къ предметамъ наиболѣе
замѣчательнымъ, будетъ, вѣроятно, издана со временемъ. Такъ

желательно было бы видѣть изданіе каталоговъ рукописей Библиотеки, книгъ, относящихся до Россіи, и т. д. Богатства Библиотеки такъ обширны, что даже одно перечисленіе ихъ, во всеобщее свѣдѣніе, принесло бы, конечно, много пользы всѣмъ занимающимся наукою.

Количество читателей въ Библиотекѣ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1856 г. было выдано 2,875 билетовъ для чтенія, въ 1857 это число возрасло до 3,512. Всѣхъ читателей было въ Библиотекѣ въ 1856 г. 27,866, въ 1857 — 31,151. Книгъ ими требовано было—въ 1856 г. 51,593 тома, а въ 1857—68,180. Въ томъ числѣ русскихъ книгъ требовано было 49,671 (въ 1856 г. было 37,003).

Въ отчетѣ представлена, между прочимъ, вѣдомость о читателяхъ, по состояніямъ. Изъ нея видно, что весьма значительная часть читателей принадлежала къ числу воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, — что можно считать фактомъ весьма утѣшительнымъ для исторіи нашего просвѣщенія. Изъ студентовъ Спб. Университета читали въ Библиотекѣ 435, изъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи 106, Главнаго Педагогическаго Института 66, и пр. Число купцовъ, ремесленниковъ и мѣщанъ, читавшихъ въ Библиотекѣ, было—250.

Другая вѣдомость заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о числѣ томовъ, вытребованныхъ въ 1857 г. читателями, по каждому отдѣленію. Изъ этой вѣдомости видно, что всего болѣе вытребовано книгъ (4059) по математикѣ и естественнымъ наукамъ (сюда же, кажется, относится и медицина); всего менѣе—по восточному отдѣленію (234) и по философіи (328). Много книгъ требовалось также по отдѣленію исторіи (3523) и иностранныхъ писателей о Россіи (3338). Къ сожалѣнію, въ вѣдомости не показаны сочиненія политико-экономическія и сельско-хозяйственныя, и мы не знаемъ, къ какому изъ отдѣленій относятся эти отрасли знанія, которыя въ наше время занимаютъ столь многихъ. Впрочемъ, и вообще — характеристика того, что читаютъ, невозможна безъ *русскаго* отдѣленія. Изъ него одного выдано 49,671 томъ, т. е. $\frac{2}{3}$ всего количества выданныхъ книгъ, и тутъ уже считаются сочиненія по всѣмъ предметамъ и отраслямъ знанія. Если бы возможно было составить подобную вѣдомость и относительно русскаго отдѣленія, тогда, конечно, характеристика читателей оказалась бы несравненно полнѣе. Но надо признаться, что при огромной массѣ книгъ, выдаваемыхъ изъ одного отдѣленія, исполненіе подобнаго желанія должно представить трудности, едва ли преодолѣмныя.

Записки объ осадѣ Севастополя. Н. Берга. Два тома. М. 1858 г.

Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера Соч. Е. Р. Ш — ова. Спб. 1858 г.

Обѣ книги, заглавіе которыхъ мы выписали, уже извѣстны нашей читающей публикѣ: «Воспоминанія» г. Ш—ова недавно напечатаны были вполне въ «Библіотекѣ для Чтенія», а изъ «Записокъ» г. Берга помѣщались въ нашихъ журналахъ довольно значительныя отрывки. Оба автора имѣли въ виду рассказать, какъ очевидцы, великій заключительный эпизодъ нашей послѣдней войны. Г. Ш—овъ рассказываетъ преимущественно какъ очевидецъ и участникъ дѣла; онъ не дополняетъ своихъ воспоминаній даже общими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ газетъ, а просто рассказываетъ, что дѣлалъ и видѣлъ онъ съ своего поста. Эта особенность придаетъ его разсказу характеръ болѣе живой, простоты и откровенности; но намъ кажется, что занимательность его воспоминаній много выиграла бы, если бы онъ пополнилъ ихъ и другими свѣдѣніями, которыя такъ легко было собрать на мѣстѣ. Напримѣръ, онъ не участвовалъ въ дѣлѣ 4 августа, и потому говорить только, что онъ и его товарищи долго ждали сигнала, чтобъ начать условленную канонаду, но не дождались, и наконецъ узнали, что наши отступили. Затѣмъ онъ прибавляетъ только: «Ни пламенное желаніе сразиться съ врагомъ, ни мужество, ни отчаянная храбрость нашихъ войскъ, возбудившая удивленіе даже въ самихъ непріятеляхъ, ничто не помогло! Все разбилось о случайность, о неприступную мѣстность. Вотъ что говорили о днѣ четвертаго августа люди, знакомые съ дѣломъ.» И болѣе никакихъ подробностей о битвѣ! Отъ очевидца, отъ севастопольца читатель вправѣ потребовать болѣе подробныхъ объясненій: что это были за случайности, повредившія намъ? Что заставило нашихъ идти на неприступную мѣстность, которая была имъ, конечно, хорошо извѣстна? Отчего мужество солдатъ было безсильно противъ случайности? На все это не трудно было бы отвѣтить г. Ш—ову, слышавшему, безъ сомнѣнія, всѣ подробности дѣла отъ тѣхъ, которые въ немъ участвовали и хорошо его понимали. Но, вѣрный своему намеренію передавать только то, что самъ видѣлъ, онъ ничего не говоритъ о дѣлѣ при Черной Рѣчкѣ. За его молчаніе вознаграждаетъ насъ довольно подробный разсказъ г. Берга, бывшаго при штабѣ, и потому имѣвшаго возможность узнать болѣе г. Ш—ова. Признавая всю важность событія 4 августа, г. Бергъ приложилъ къ своей книгѣ даже «планъ къ сраженію на Черной Рѣчкѣ». Свѣдѣнія, находящіяся въ его книгѣ, состоятъ въ слѣдующемъ. Рѣшено было произвести наступательное движеніе на непріятеля, и нѣсколько разъ собирались военныя совѣты для опредѣленія мѣстности, куда направить атаку.

Большинство одобряло движеніе на позицію, которую занималъ непріятель на Оедюхиныхъ горахъ. Хрулевъ, съ немногими, былъ противъ этого и подагъ главнокомандующему, отъ 25 до 30 іюля, четыре записки, въ которыхъ предлагалъ другія движенія, доказывая бесполезность атаки на Оедюхины горы и предсказывая цифру нашей потери, если нападеніе будетъ туда направлено. Но его убѣжденія не могли поколебать большинства. Рѣшено было въ ночь на 4 августа произвести атаку на Оедюхины горы. Г. Бергъ сообщаетъ и подробную диспозицію войскъ, назначенныхъ для этого; но мы оставляемъ ее, какъ по причинѣ ея обширности, такъ и потому, что она не совѣсть понятна безъ плана мѣстности. Болѣе интересны для читателей подробности самаго дѣла. Оно началось подъ неблагоприятными предзнаменованіями, изъ которыхъ одно сообщаетъ г. Бергъ относительно генерала Реада, на стр. 245, въ первой части.

«Отрядъ генерала Реада, дойдя до мѣста, называемаго «Новымъ» оставилъ. Въ это время свѣтилъ еще мѣсяцъ.

«Генераль Реадъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба, ротмистра Стальпина: «съ которой стороны вы увидѣли мѣсяцъ?»

«— Съ правой, ваше высокопревосходительство! —

«А я такъ съ лѣвой, сказалъ Реадъ: говорятъ, это не хорошо!»

Оказалось, что для генерала Реада дѣйствительно знаменіе было не хорошо: онъ убитъ былъ въ сраженіи, и потомъ оказалось, что онъ былъ едва ли не главнымъ виновникомъ нашей неудачи. По крайней мѣрѣ, вотъ что рассказываетъ г. Бергъ, на стр. 249—252, первой части.

«Генераль Реадъ, услыша выстрѣлы въ отрядѣ Липранди, также открылъ артиллерійскій огонь (какъ сказано было въ диспозиціи), но, не причиняя почти никакого вреда непріятелю, вскорѣ прекратилъ бесполезную стрѣльбу, по совѣту своего начальника артиллеріи, генералъ-лейтенанта Гегемана.

«Между тѣмъ главнокомандующій послалъ къ нему своего адъютанта съ приказаніемъ: «начинать!» Въ ту минуту, когда адъютанта отпращивали, Реадъ не открывалъ еще огня, но когда адъютантъ поскакалъ, — дѣйствіе артиллеріи праваго фланга уже началось.

«Адъютантъ подѣхалъ къ Реаду и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ начинать!»

«— Что значитъ «начинать»? —спросилъ Реадъ.

«Я не знаю, отвѣчалъ тотъ: мнѣ только передано это слово.»

«— Стало быть, начинать атаку? продолжалъ Реадъ: потому что предписанное въ диспозиціи нами уже начато, да за этимъ и не посылають. Скажите же князю, что я начинаю атаку: пускай посылаетъ резервы!»

«Адъютантъ ускакалъ, а къ Реаду подѣхалъ Веймарнъ (генераль

морь, начальник его штаба), бывший до того времени вперед, у артилерии.

«Надо атаковать!» сказал ему Реадъ.

«— Какъ атаковать? Зачѣмъ?»

«Реадъ разсказалъ ему о пріѣздѣ адъютанта. Напрасно Веймаръ утѣрялъ, что тутъ есть какая-нибудь ошибка, и говорилъ, что боевой фронтъ еще не готовъ, не прибылъ уланскій полкъ, которому слѣдовало поддерживать правое крыло отряда; Реадъ и самъ понималъ, что дѣло что-то не такъ и вести атаки не должно, но онъ былъ человѣкъ точный, немножко сѣбѣ въ Крыму, не знавшій нашихъ порядковъ; къ тому же онъ увѣдомилъ главнокомандующаго, что начинается атака. . дѣло приняло другой смыслъ: и потому, сообразивъ все это, двинулъ 12-ю дивизію на мостъ.

Она легко заняла предмостные ложементы непріятеля и перешла рѣчку, частію по мосту, частію въ бродъ, потому что французы обрубали спуски, и приготовленные нами мосты оказались короткими.

Наши неслись, подъ огнемъ картечи, по выраженію самихъ французовъ «какъ лавина, свергаемая бурей съ высоты горъ» — разницы была только въ томъ, что этой лавинѣ пришлось не свергаться съ горы, а лѣзть на гору.

Французы спрашивали послѣ, какъ называются полки, шедшіе въ эту славную атаку, и записали ихъ имена. Эти полки, заслужившіе честную похвалу столь же храбрыхъ и стойкихъ противниковъ, были: Уманскій, Одесскій и Азовскій.

Черныя колонны непріятелей опрокинуты. Это былъ генералъ Фальи со 2-ю бригадою дивизіи Фомѣ (а частію и 1-я бригада той-же дивизіи.) Но получивъ въ подкрѣпленіе 73-й линейный полкъ (стоявшій въ резервѣ съ генераломъ Клеромъ), онъ двинулся впередъ и снова отгѣснилъ нашихъ къ мосту.

«Мы понесли при этомъ огромныя потери. Больше половины офицеровъ вышло изъ фронта. Убитъ командиръ Одесскаго полка полковникъ Скулери.

«7-я дивизія также перешла рѣчку и обводный каналъ (иные утѣряютъ, что перешла только часть, а другая, болѣе, все время оставалась на этомъ берегу, подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля) и встрѣчена штыками 50-го линейнаго и 3-го зуавскаго полковъ. 82-й линейный, спустившись съ задняго холма, ударилъ 7-ю дивизію во флангъ.

«Въ то же время, слѣва (отъ нихъ справа) стали наступать 2 батальона 62-го и батальонъ 73-го линейныхъ полковъ (остальной резервъ), подъ командой самого Клера и, соединясь съ первою бригадою дивизіи Фомѣ, обошли нашихъ.

«21-я дивизія бѣсится не вдалекѣ отъ моста (по ту сторону рѣчки), ожидая помощи. . одинъ солдатъ приближалъ Оттуда къ Реадъ, стоявшему близъ Екатерининской мѣли, по сю сторону рѣки, въ 450-ти шагахъ отъ моста, и сказалъ: «ваше превосходительство, дайте намъ реверсы: непріятель одолѣлъ совсѣмъ!»

«Какое утѣшать это отъ простаго солдата и не имѣть средствъ помощи! Реадъ оглаждалъ ему грустно: «Я самъ ожидаю резервовъ, а теперь, видишь, ничего нѣтъ!»

«Резервы были еще далеко.

«Главномандующій, получивъ донесеніе отъ посланнаго, что Реадъ атакуетъ, удивился.

«Такъ онъ атакуетъ? Ну, нечего дѣлать... остается поддержать!»

«Онъ послалъ, какъ рассказывали послѣ, штабсъ-капитана генеральнаго штаба, барона Мейендорфа, привести 5-ю дивизію. Мейендорфъ, помня, что эта дивизія идетъ съ Мекензіевою горы, поскакалъ туда, и истрѣтивъ первыхъ попавшіхся ему колонны, закричалъ: «за мной! приказалъ главнокомандующіи!» Но потомъ, уже на дорогѣ, спохватился, что это не 5-я дивизія, а 4-я (5-я прошла уже этимъ мѣстомъ и шаврилась влѣво, къ оврагу Линранди),—онъ бросился туда, и вида, что потерялъ много времени, велѣлъ людямъ бѣжать бѣгомъ. Они прибыли на мѣсто чрезвычайно утомленные и все-таки поадио: 12-я дивизія почти не существовала; въ рядахъ ея слышался отбой.... Тогда Венмарнъ сказалъ окружающимъ:

«— Ну, теперь сраженіе проиграно!

«Разумѣется, уже нечего было и думать о занятіи Гасфортовой горы: минута прошла! оставалось спасать разбросанные «лочки отступающихъ полковъ.»

Мы остановились на эпизодѣ 4 августа не только потому, что оно дѣйствительно имѣло весьма важное значеніе, но и потому, что намъ кажется замѣчательнымъ спокойствіе и откровенность, съ которыми мы можемъ уже теперь говорить о нашихъ неудачахъ и даже ошибкахъ. Вообще какъ въ «Воспоминаніяхъ» г. Ш—ова, такъ и въ «Запискахъ» г. Берга господствуетъ тонъ уваженія, даже сочувствія къ храбрости и искусству непріятелей. Нигдѣ не выказывается нетерпимости, ожесточенія, подобнаго тому, съ какимъ отзывались мы, напримѣръ, о французсахъ послѣ 1812 г. Конечно, здѣсь большая разница въ цѣли и значеніи самой войны. Тогда была война народная; врагъ былъ внутри страны; всякій защищалъ свой домъ, свое имущество, всякій во врагѣ общемъ видѣлъ и своего личнаго врага. Последняя война имѣла, конечно, другой характеръ: она рѣшена была политическими соображеніями и дипломатическими переговорами, которые не могли быть извѣстны всему народу; во всемъ своемъ ходѣ она имѣла характеръ болѣе мѣстный, такъ какъ ея важнѣйшія событія разрѣшились на южныхъ нашихъ границахъ, не простираясь внутрь страны. Самая цѣль враговъ — уничтоженіе нашего преобладанія на Востокѣ, — не могла быть для народа столь осязательною въ своей непріязненности, какъ ближайшая цѣль враговъ 1812 года, опустошавшихъ нашу страну, забравшихся въ самое сердце

Россіи. Все это много объясняетъ ту сравнительную мягкость и непристрастіе нашихъ отзывовъ о непріятелѣ, какая замѣчается въ военныхъ разсказахъ о послѣдней войнѣ. Но нельзя не замѣтить тутъ еще и другой важной причины, именно той, что мы вообще возвысились въ своихъ понятіяхъ. Извѣстно, что сорокъ лѣтъ тому назадъ у насъ представляли Наполеона «антихристомъ», а войска его «окаянными полчищами богопротивныхъ галловъ». Въ то время, между множествомъ ругательныхъ книгъ на французовъ, вышла, напримеръ, вотъ какая книжка, о которой понятіе даетъ ея заглавіе: «Анекдоты нынѣшней войны, или ясное изображеніе мужества, великодушія, человеколюбія, привязанности къ Богу, Вѣрѣ и Государю російскаго народа; трусости, подлости, безчеловѣчія, безсмыслія, злѣвѣрства и непримиримаго коварства французовъ». Нынѣ ничего подобнаго нельзя и ожидать; развѣ только отъ поэтовъ, подобныхъ г. Татаринову. Нынѣ на враговъ своихъ мы смотримъ какъ-то болѣе человѣчески, болѣе спокойно. Мы поняли, что если ужъ случилась необходимость воевать, то обязанность воина—наносить сколько можно болѣе вреда своему врагу, и если онъ хорошо дѣлаетъ свое дѣло, то нечего обвинять его въ злѣвѣрствѣ. Еще раньше наши солдаты, поняли, что послушныя массы, двигавшіяся на насъ, не были одушевлены чувствами личной вражды. Оттого-то солдаты при первомъ удобномъ случаѣ завязывали самыя добродушныя, можно сказать, дружескія отношенія съ непріятелями. Они потѣшались бомбами и ядрами, какъ игрушками. Въ Свѣтлое воскресенье раскрасили бомбу въ видѣ пасхальнаго яйца и отправили къ непріятелю; въ другой разъ офицеръ, узнавъ, что девять бомбъ послано, сказалъ: «валяй десятую для чотнаго числа!» И это чотное число взорвало у непріятеля пороховой погребъ. Здѣсь, хотя не совсѣмъ кстати, мы не можемъ удержаться, чтобы не указать на одно забавное обстоятельство, показывающее, какъ мало значилъ для севастопольцевъ пули и бомбы, въ сравненіи даже съ маленькими непріятностями обыденной жизни. Г. Ш—овъ разсказываетъ о первой ночи, проведенной имъ на бастіонѣ, въ блиндажикѣ, который вскорѣ былъ разбитъ бомбою, разорвавшеюся на той самой постели, на которой онъ спалъ. «Послѣ тревогъ дня, я улѣгся, говорить онъ. Уже дремота начала одолевать меня. Вдругъ я соскочилъ и нетерпѣливо началъ разстегиваться. Казалось, тысячи булавокъ прогуливались по мнѣ. Въ первую минуту я не могъ даже хорошенько сообразить весьма простой тому причины. Судорожно зажегши свѣчу, отдернулъ я свое одѣяло, и моя догадка оправдалась совершенно: передо мной запрыгала, заскакала цѣлая орда такъ называемыхъ черкесовъ». Несчастіе г. Ш—ова вызвало сочувствіе офицеровъ, и они удѣлили ему персидской ромашки, которою всѣ запасав-

лись для защиты «отъ внутренняго врага бастіоновъ, допекавшаго адсь хуже пудъ», — по словамъ г. Ш—ова.

Обстоятельство это, разумѣется, только курьёзно само по себѣ; оно ничего не доказываетъ. Но говоря вообще, нельзя не замѣтить, что привычка къ канонадѣ удивительно развиалась у севастопольскихъ офицеровъ обѣихъ армій, и въ этомъ опять была новая причина, почему враги менѣе ожесточались другъ противъ друга. Г. Ш—овъ рассказываетъ, какъ во время одного перемирія для уборки тѣлъ, поручикъ П., разговаривая съ французами, объявилъ себя, на вопросъ одного изъ французовъ капитаномъ Тада, командиромъ батареи 5-го бастіона, особенно допекавшаго французовъ, работавшихъ въ траншеяхъ.

«При отвѣтѣ П**, со стороны французовъ посылались любезности, — Мы вообще замѣтили, продолжалъ другой французъ, поручикъ, что вы болѣе всего угощаете насъ бомбами и bouquet'ами передъ вечеромъ.

— Ah, c'est que je vais goûter alors l'eau de vie: je dine à cette heure. Французы приняли это за чистую монету.

И долго потомъ, когда, упомянутая батарея 5-го бастіона (слыхомъ не слыхавшая ни о какомъ capitaine Thadet) бросала попой, передъ вечеромъ, бомбы, слышался изъ французскихъ, траншей противъ этого бастіона, крикъ: Capitaine Thadet va prendre de l'eau de vie. Hourra! capitaine Thadet» (стр. 173).

Это радушіе и добрыя отношенія только и нарушались во время битвы, когда чувство долга, наложеннаго войною, заставляло cadaго заглушать свои личныя чувства.

Что касается до французовъ, то у нихъ рѣшительно, кажется, не было неприязни къ русскимъ. Война для нихъ не была дѣломъ народнымъ. Можетъ быть, много страшныхъ драмъ разыгралось въ частной жизни и въ душѣ нашихъ враговъ, прѣжде чѣмъ они рѣшились отпавиться на войну. Г. Бергъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ объ одномъ французскомъ офицерѣ, который былъ взятъ нами въ плѣнъ, и которому медики сказали, что онъ плохъ, но что все-таки нужно сдѣлать операцію. «Нѣтъ, ужь не надо, перебилъ ихъ французъ: — оставьте меня въ покоѣ. Я еще могу теперь думать о своей матери, которая умираетъ, можетъ быть, съ голоду, когда я умираю здѣсь отъ пули. Я пошелъ служить, чтобъ достать ей кусокъ хлѣба, и вотъ.»... Вѣроятно, не одинъ этотъ французъ ухватился за восточную войну, просто какъ за средство достать кусокъ хлѣба? и даже не для себя, а для матери!

Другой анекдотъ, о другомъ французѣ, рассказываетъ г. Ш—овъ. Смертельно ранивши нашего офицера Т., французъ этотъ былъ

лзать въ плѣнъ. Увидѣвши раненаго Т., онъ закричалъ: «а, это ужасно... Да, я вспоминаю... это тотъ русскій офицеръ!» и потомъ предался самымъ страшнымъ порывамъ отчаянія. Его стали утѣшать, говоря, что во всемъ виновата война, что это печальная необходимость, и т. п. Но французъ не хотѣлъ ничего слушать и грустно смотря на раненаго имъ Т., повторялъ: Боже мой! какая ужасная вещь эта война!... Вѣдь онъ могъ бы быть моимъ сыномъ! у меня и есть такой, почти его лѣтъ»... При этомъ онъ даже плакалъ.

Подобныхъ сценъ, разумѣется, было немало во все продолженіе осады, и онѣ могли дѣйствовать только примиряющимъ образомъ. Такимъ образомъ въ самихъ воевавшихъ не было непріязненныхъ чувствъ другъ къ другу. Тѣмъ менѣе законны были бы они у писателей, рассказывающихъ публикѣ о великомъ событіи, и особенно въ то время, когда уже дѣло кончено и когда мы видимъ даже благодѣтельныя слѣдствія войны. Да, теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что восточная война имѣла послѣдствія, весьма благодѣтельныя для насъ: она научила насъ многому. Самая неблизательность ея конечнаго исхода была полезна для насъ въ томъ отношеніи, что заставила насъ обратить вниманіе на многіе недостатки наши. Во время войны оказались бесполезными многія формальныя упражненія, которыми прежде занимали солдатъ съ особеннымъ усердіемъ; оказались недостатки въ оружіи, недостатокъ въ людяхъ, хорошо развитыхъ и основательно приготовленныхъ къ стратегическимъ соображеніямъ, нѣкоторыя злоупотребленія, непримѣтно вкравшіяся среди покоя мирнаго времени и не укrywшіяся подъ громами войны. Мало того: не одни военныя отношенія обратили на себя вниманіе, вслѣдствіе событій войны. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что вопросъ объ устройствѣ лучшихъ путей сообщенія вызванъ былъ войною; вопросъ о значеніи спеціальнаго и общаго образованія также возбужденъ былъ по поводу войны. Но самое важное слѣдствіе ея было то, что она вообще разшевелила нашъ величавый покой и заставила взглянуть повнимательнѣе на ту систему жизни, которой до того мы слѣдовали. Къ этой войнѣ именно можно приложить то, что вообще высказано въ извѣстной рѣчи г. Бабста: «тяжкія народныя борьбы и страданія заставляютъ народы осматриваться, проверять свою пройденную жизнь, проверять учрежденія, измѣнять ихъ и поправлять свои ошибки.»

Время прагматической исторіи и полной оцѣнки восточной войны еще не наступило. Теперь возможны только матеріалы, собраніе фактовъ и частныя соображенія. Къ числу матеріаловъ, довольно живыхъ и любопытныхъ, нужно причислить и книги г. Ш— ова и Берга.

Мы ничего не говоримъ о великолѣпномъ «Севастопольскомъ альбомѣ», г. Берга, предполагая, что онъ уже знакомъ всѣмъ нашимъ читателямъ.

Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя Александра Филиповича Смирдина. Изданіе петербургскихъ книгопродавцевъ на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооруженіе ему памятника. Томы I, II. Спб. 1858.

Все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. При-
мѣръ. Старикъ Смирдинъ умеръ, не дождавшись своего юбилея. Съ
одной стороны это дурно: отчего же бы старику и не принять че-
ствованія за свою долготѣльную и честную дѣятельность? Но съ дру-
гой стороны это хорошо: не дождавшись юбилея, онъ не дождался и
«Сборника», предполагавшагося въ честь его. Мы не знаемъ, какъ
поправилось бы ему содержаніе «литературныхъ статей»; но вѣрно
однимъ виѣшній видъ этого сѣренкаго изданія, съ небрежной и полу-
грамотной корректурой, произвелъ бы великое сокрушеніе въ его
издательскомъ сердцѣ. Онъ, издавшій великолѣпно, по своему вре-
мени, свое «Новоселье», роскошно издавшій, даже и по нынѣшнему,
«Сто русскихъ литераторовъ», онъ, въ пользу котораго издана была
чистенькая и порядочная «Русская Бесѣда», онъ долженъ былъ увѣ-
дѣть теперь плачевное зрѣлище сѣренкаго «Сборника», и услышать
какъ иной мудрецъ, сдѣлавши нѣкоторые хитрыя соображенія, про-
возгласилъ бы по-латыни: sic transit gloria mundi! Нѣтъ, судьба
превосходно распорядилась, спасши старика Смирдина отъ такой
горькой минуты.

Но опять съ другой стороны (т. е., это ужъ будетъ съ третьей).
нельзя не назвать «Сборникъ» въ честь Смирдина явленіемъ весьма
отраднымъ. Отрадно въ немъ видѣть вещественный знакъ нсвеще-
ственныхъ чувствъ уваженія нѣкоторыхъ русскихъ литераторовъ къ
своему, можно сказать, благодѣтелю. Еще отраднѣе видѣть въ немъ
благородный порывъ раскаянія нѣкоторыхъ старыхъ литераторовъ,
которые носильнымъ пожертвованіемъ спѣшатъ загладить свои пре-
грѣшенія предъ Смирдинымъ. Впрочемъ, и тутъ наше отрадное чув-
ство омрачается тѣмъ, что не всѣ собрались въ «Сборникъ», кому
бы слѣдовало почтить его память, что здѣсь недостаетъ нѣкоторыхъ
даже изъ тѣхъ, которые дѣлили со Смирдинымъ издательскіе труды.
А между тѣмъ, какое пріятное зрѣлище представляетъ въ изданныхъ
выпѣ томахъ «Сборника» совокупленіе, такъ сказать, старѣвшихъ

ветерановъ и ветерановъ нашей литературы, изъ коихъ нѣкоторые уже отпраздновали свой пятидесятилѣтній юбилей, другіе же могли бы праздновать, и если не праздновали, то единственно по причинѣ своей необычайной скромности и нѣкоторой неопытности въ подобныхъ дѣлахъ. Тутъ Федоръ Николаевичъ Глинка, графиня Евдокія Ростопчина, Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, Николай Ивановичъ Гречъ, Фаддей Вен.... Тьфу! Заговорился! Фаддея Венедиктовича-то здѣсь и нѣтъ. Но ужъ это какъ-то въ привычку вошло, чтобы Николая Ивановича не отдѣлять отъ Фаддея Венедиктовича, потому что «гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ....» О нихъ именно можно сказать, что они и радость, и печаль (разумѣется журнальную и книжную) дѣлили пополамъ.... Но нынѣ почему-то Николай Ивановичъ является одинъ, а Фаддей Венедиктовичъ не является.

Но утѣшимся: оба они вѣдѣтъ были сотрудниками Смирдина по разнымъ изданіямъ, и потому, навѣрное, оба вѣдѣтъ, да еще и съ Барономъ Брамбеусомъ, являясь въ біографіи Смирдина, составленной нашимъ извѣстнымъ литераторомъ, Борисомъ Михайловичемъ Федоровымъ (*). Въ этой біографіи многое, вѣроятно, будетъ объяснено, съ достойными автора откровенностью и безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ предисловія, Борисъ Михайловичъ близко знакомъ былъ какъ съ дѣятельностью Александра Филипповича, такъ и съ нимъ лично. Тогда, вѣроятно, объяснятся для русской публики многія темныя мѣста нынѣшняго предисловія къ первому тому «Сборника». Напримѣръ, поговоривши о Новиковѣ и о притѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ, авторъ предисловія говоритъ: «Но правда пустила корни свои, общество начинало голодать. Къ жатвѣ явился предпринимчивый, дѣятельный Смирдинъ.» (Стр. V) Кого жалъ Смирдинъ, по смыслу этихъ фразъ? Общество, голодъ или правду? Или что значитъ вотъ эта тирада: «Предпріятія Смирдина не удавались; ими смѣло осаждали его многіе, рассчитывая на его довѣріе. И онъ довѣрялъ, на сколько хватало физическихъ силъ. Еще нѣсколько порывовъ, показывающихъ дѣльное чутье почтеннаго старика; и рушилось зданіе, построенное частію недобросовѣстными архитекторами, во временномъ вкусѣ.» (Стр. VII). Что это за порывы показывающіе *дѣльное чутье* (до г. Никиты Крылова знали только *верхнее* и *нижнее* чутье; сей ученый произвелъ ихъ въ сравнительную степень — *высшее* и *низшее*; нынѣ изобрѣтено еще чутье —

(*) Кстати, мы считаемъ долгомъ извиниться здѣсь предъ почтеннымъ Борисомъ Михайловичемъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ приписали ему «Стихи на случай угощенія конныхъ полковъ гвардіи здѣшними купечествомъ». Стихи «и сочинены не Б., а В. Федоровымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они принадлежатъ извѣстному пылкостью патриотическихъ чувствованій литератору Василию Михайловичу Федорову».

дѣльное)? Кто эти многіе, осаждавшіе Смирдина? Въ какомъ отношеніи вообще *доверіе* находится къ *физическимъ силамъ*? Все это объяснить намъ, вѣроятно, Борисъ Михайловичъ, имѣвшій и имѣющій случай узнать всѣ подробности Смирдинской дѣятельности отъ ближайшихъ очевидцевъ и даже соучастниковъ ея, какъ-то: Барона Брамбеуса, Ѳ. В. Булгарина, Н. И. Греча, и пр. Мы, съ своей стороны, можемъ сообщить одну черту для біографіи Смирдина, известную намъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Надѣемся, что она не бесполезна будетъ для редакціи, которая проситъ сообщать ей всѣ, даже малѣйшія подробности о жизни и дѣятельности Александра Филипповича. Нашъ рассказъ состоитъ вотъ въ чемъ. Одинъ, весьма известный въ свое время литераторъ, заключилъ съ Смирдинымъ условіе поставить ему, за 30,000 р. асс., книгу съ Лондонскими картинками. Деньги всѣ взяты были впередъ. Черезъ нѣсколько времени литераторъ представляетъ Смирдину картинки безобразнѣйшей лейпцигской гравировки. Смирдинъ говоритъ: Какъ же это? Вѣдь картинки должны быть гравированы въ Лондонѣ? — «Кто это вамъ сказалъ, возражаетъ известный литераторъ: — въ условіи этого не сказано.» Посмотрѣли въ условіе: дѣйствительно, — тамъ было поставлено просто: «за границей». Объ этой продѣлкѣ упоминаетъ, между прочимъ, Пушкинъ, въ одной изъ статей Феофилакта Косичкина.

Обращаясь теперь къ содержанію трехъ изданныхъ уже томовъ «Сборника», мы должны опять повторить то, съ чего начали нашу рецензію: всякая вещь имѣетъ свои дурныя и хорошія стороны. Есть онѣ и въ «Сборникѣ». Дурно, напримѣръ, что «литературныя статьи» его такъ плохи и несовременны; но съ другой стороны — даровому коню въ зубы не смотрятъ, а съ третьей — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Это даже умилительно, когда видишь почтенныхъ старцевъ, до послѣдняго истощенія силъ продолжающихъ неуклонно свою дѣятельность. Такъ Державинъ, на смертномъ одрѣ, ослабѣвающей рукою, продолжалъ писать стихи; такъ Баронъ Брамбеусъ (по извѣстію его некролога) за день до смерти диктовалъ «Листокъ» для «Сына Отечества»; такъ и ветераны, собравшіеся въ «Сборникѣ», показываютъ, что они и нынѣ не расстаются съ своими стихами, повѣстями, размышленіями, и т. п. Вѣдь это трогательно! Правда, что ихъ произведенія относятся болѣе къ началу нынѣшняго столѣтія, нежели къ настоящему времени; но можетъ ли и быть иначе? Намъ даже пріятно, что всѣ старички наши остались вѣрны своему направленію, котораго держались въ теченіе цѣлой жизни. Что имъ за дѣло до того, что времена измѣнились? Они стоятъ на своемъ, и почитаютъ дѣло. Вотъ хоть бы, напримѣръ, г. Погодинъ. Описываетъ онъ под-

видѣ Марини; во время извѣстнаго Московскаго пожара. Пожаръ этотъ называется онъ *театральнымъ* и говоритъ, что «театральный пожаръ нельзя назвать несчастіемъ». Разумѣется, съ москвѣднимъ замѣчаніемъ мы согласны: что же за несчастіе театральный пожаръ, г. в., пожаръ на театрѣ? Его можно, напротивъ, назвать зрѣлищемъ, пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ это замѣчаніе прилагать г. Погодинъ къ пожару Московскаго театра, — въ наше время уже непонятно. Точно также непонятно въ наше время и воспоминаніе г. Погодина тѣмъ, что Маринъ страшно упирался, когда его, послѣ его подвига хотѣли вести въ канцелярію. Нынѣ, послѣ разсказовъ г. Щедрина и пр., давно уже не тайна, почему мужикъ бѣжитъ отъ всякой канцеляріи, какъ отъ гнѣва Божьяго. Поэтому совершенно ясно, отчего Маринъ кричалъ: «куда вы ведете меня? Что я сдѣлалъ? Я ничего не сдѣлалъ. Пустите меня.» Понятно и то, почему онъ, по отобраніи отъ него свѣдѣній въ канцеляріи, побѣжалъ изъ нея бѣлымъ матомъ, по выраженію г. Погодина. Въ наше время все это совершенно ясно; но г. Погодину угодно въ этомъ видѣть необычайную скромность крестьянина и не желаніе его принять награду за доброе дѣло.

Другой вестерантъ, Баронъ Брамбеусъ, сочинилъ водевилъ въ 150 страницъ, безъ всякаго слѣда, хотя бы малѣйшаго, хотя бы брамбеусовскаго остроумія. О смыслѣ и содержаніи, разумѣется, и говорить нечего: кто же ихъ ищетъ въ водевиляхъ? Съ нашей точки зрѣнія, это, пожалуй, дурно. Но перенеситесь лѣтъ за тридцать назадъ, когда еще не было свѣтилъ нашего водевильнаго міра, П. А. Каратыгина, графа В. А. Соллогуба, и т. п., когда еще не имѣли и предчувствія о томъ смѣхѣ, какой явится на Руси въ 1858 г., перенеситесь въ тѣ времена, и вы почувствуете, что тогда водевилъ барона Брамбеуса не сдѣлалъ бы дурной репутаціи своему автору, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кружкахъ. Вѣдь тогда что за литература была! Послушайте-ка, что говоритъ о ней одинъ изъ главныхъ персонажей водевиля Барона Брамбеуса, Вася.

«Есть два средства сдѣлаться великимъ въ грамотѣ: доказывать свѣту, что ты не дуракъ, — писать книги; или доказывать свѣту, что всѣ дураки, — писать критики. Я избралъ второе средство, какъ не требующее вовсе ума, который превосходно замѣняется здѣсь наглостью. Познакомился со многими, подающими большія надежды, знаменитостями, начавъ кутить съ ними, получилъ тотчасъ извѣсто критика при одномъ пребольшомъ журналѣ и пустился рубить чужой умъ... статьи и новыя книги, журналы, статьи, не заглядывая въ содержаніе, разрывая даме страницъ... отаки знаешь.. пеніально... широко.. гуманно... съ высочайшихъ точекъ зрѣнія на человечество, прогрессъ

натуру и пр. Представить себя не можешь, какой громовой эффект произвело это между нами, литераторами. Жаль, что тебя тутъ не было. Славный народъ! и большею частію изъ нашихъ товарищей. Какъ пошутъ! какъ кутать! да какъ пьютъ! Меня тутъ же на мѣстѣ, провозгласили гениемъ.—Впрочемъ, всѣ мы гении, да еще какіе! одинъ другого гевіальнѣе, и кромѣ насъ никто гениемъ быть не можетъ. Уничтожимъ!.. Это была моя часть. Мнѣ поручили уничтожать всѣхъ жившихъ и все венаше, какъ органу славного сословія, которое, когда бывало, соберется вечеромъ, да запируетъ, заврется, зашумитъ.... Удивительное поприще эта литература! очень весело! (Т. I, стр. 138).

Теперь, конечно, все это представляется невѣроятнымъ, но прежде, должно быть, было такъ. По крайней мѣрѣ, нельзя не вѣрить Барону Брамбеусу, который самъ столько лѣтъ былъ журналистомъ и критикомъ. Въ его словахъ можно находить нѣкоторое объясненіе того страннаго обстоятельства, почему, бывало, въ «Библіотекѣ для Чтенія» производились въ геніи г. Кукольникъ, г. Тимофеевъ, и пр. да, въ приведенныхъ нами словахъ выражается откровенность и вѣрность однажды принятыхъ началъ изумительная!

Бывшій нѣкогда сподвижникъ барона Брамбеуса, Н. И. Гречъ, тоже помѣстилъ въ «Сборникѣ» статью, въ которой съ гордостью называетъ себя «старымъ грамматикомъ и уставщикомъ кавыкъ», и выражаетъ свое неудовольствіе на желѣзныя дороги, приведшія въ забвеніе прадѣдовскую кибитку. У Николая Ивановича есть, видите ли, необычайная охота — рвать цвѣты и пугать воронъ по дорогѣ. Для удовлетворенія этой охотѣ, онъ и разъѣзжаетъ въ прадѣдовской кибиткѣ, «сворачивая съ дороги вправо и влѣво, — гдѣ сорвать цвѣтокъ, гдѣ пугнуть ворону» (стр. 95). Ну, чтожъ, пусть его пугаетъ, когда такая охота есть: охоту тѣшить не бѣду платить!... Судя по пятишнему, можно, разумѣется, пожалѣть, что онъ русскую грамоту позабылъ и пишетъ Богъ знаетъ какъ. Онъ пишетъ: «Прежній женихъ испрашивалъ позволенія пріѣхать другу». «Софія открылась ему, что набросала нѣсколько плановъ и отдѣльныя части романовъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ «Исторія дѣвицы Штернгеймъ». Такимъ правильнымъ языкомъ и изящнымъ слогаомъ написанъ весь рассказъ. Въ прежнее время, разумѣется, удивились бы этому, подумали бы шумъ; но теперь мы ужъ знаемъ, что Николай Ивановичъ иначе писать не можетъ. Мы знаемъ теперь, что если онъ когда нибудь и писалъ по-русски, такъ это было очень давно, еще прежде, чѣмъ онъ сталъ писать по правиламъ грамматики Греча. Послѣ же изданія грамматикъ, онъ дошелъ даже до того, что отвергъ вовсе русскій языкъ, къ явной выгодѣ собственной грамматики. Онъ произнесъ даже однажды всенародно въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Пусть, говоритъ, цѣлый народъ единогласно употребляетъ извѣстное слово несогласно

съ правилами моей грамматики, я все-таки скажу, что оно употребляется неправильно.» Это значитъ: «пусть цѣлый міръ обрушится, я твердо устою подъ развалинами!» Похвально.

Еще одинъ изъ ветерановъ, Ѳ. Н. Глинка, котораго самъ г. Гречъ называетъ своимъ «командиромъ», помѣстилъ въ «Сборникъ» очеркъ: «Городъ и деревня», подражаніе извѣстной статьѣ «Петербургъ и Москва», напечатанной нѣкогда въ «Физиологiи Петербурга». Но характеристика здѣсь оригинальнѣе. Городъ отличается особенностями, что въ немъ есть какая-то хитрая пружинка: наложить на пружинку перстъ свой одинъ человѣкъ, и тотчасъ это чувствуютъ и башкиры, и киргизы, и татары казанскіе, и каракалпаки, и сапсуги, и жители Гуріи, и пр. Деревня же тѣмъ отличается, что въ ней есть много звонницъ и между звонницами великій звонарь. «Зазвонитъ звонарь, и триста тысячъ честныхъ головъ обнажатся отъ шапокъ и *мурмолокъ*». Затѣмъ представляется разговоръ деревни съ городомъ. Тебѣ сто лѣтъ, говоритъ деревня, а мнѣ семьсотъ: «поклонись, красавецъ сотенникъ, старой бабѣ семисотенной». Дальше городъ (въ которомъ ужъ не трудно узнать Петербургъ) хвалится своимъ храмомъ и дворцомъ, а Москва ему отвѣчаетъ: у меня у самой будутъ такіе же. Онъ хвалится Царицынымъ лугомъ, а она Дѣвичьимъ полемъ; онъ разными «диванами и чудными вещами», она — царь-колоколомъ и царь-пушкой; онъ — наводненіемъ; она — пожаромъ, и т. д. Въ давно минувшія времена, когда печатались «Записки синей ассигнаціи»; «Рассказы булавки», «Говорящій диванъ», и т. п., — въ тѣ времена и рыцарскій турниръ между городомъ и деревней былъ бы, вѣроятно, весьма трогателенъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ трогательностью повѣствованія Рафаила Михайловича Зотова, занимающаго чуть не весь второй томъ «Сборника». Начинается оно афоризмами, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ съ нѣкоторою стремительностью, напоминающею стремленіе гороха изъ внезапно-прорвавашагося мѣшка. «Всемирная исторія, вѣщаютъ афоризмы, не что иное, какъ собраніе политическихъ драмъ. Времена и дѣйствующія лица измѣняются, но самыя событія почти однѣ и тѣ же. Радости и страданія человѣчества всегда одинаковы. Иначе и быть не можетъ.» Само собою разумѣется, что во всемъ, касающемся до исторіи, Рафаилу Михайловичу и книги въ руки. Онъ вѣдь сочинилъ «Двадцатипятилѣтіе Европы», да потомъ еще «Тридцатилѣтіе Европы», итого — пятидесятипятилѣтіе Европы: значитъ, что нибудь смыслить въ исторіи. Но далѣе слѣдуетъ афоризмъ, что «Жизнь есть очистительное горнило» (стр. 89), и тутъ ужъ мы не знаемъ, вѣрить ли Рафаилу Михайловичу, такъ какъ онъ ставитъ себя здѣсь въ явное противорѣчіе съ Ни-

казаемъ Ивановичемъ, утверждающимъ, что «жизнь есть скачка съ препятствіями» (стр. 111).

Но оставимъ высокіе философскіе вопросы: отъ нихъ можетъ голова закружиться съ непривычки. Посмотримъ лучше, какъ Рафаиль Михайловичъ смотритъ на дѣло повѣствователя. «Есть авторы, говоритъ сей почтенный авторъ, которые затрудняются въ пріисканіи сюжетовъ своихъ романовъ и повѣстей. Напрасно! — Никакихъ усилій изобрѣтательности тутъ не нужно. Стоитъ только заглянуть въ любой семейный бытъ, — и повѣсть самая вѣрная, поучительная и близкая сердцу, — готова». (Стр. 90). Какая умилительная простота, какая патриархальная откровенность въ этихъ строкахъ! И повѣсть съ тѣмъ, что за поразительная сила въ словѣ: «Напрасно!», такъ кстати поставленномъ съ восклицательнымъ знакомъ!... Какъ трогательно слышать изъ устъ почтеннаго старца намекъ, что его повѣсть «вѣрна, поучительна и близка сердцу» А какая, въ самомъ дѣлѣ, поучительность развита во всей повѣсти! Она вся есть, такъ сказать, не что иное, какъ небывалое, изумительное, неимовѣрное сдѣяніе поучительныхъ событій. Купецъ Серболинъ облагодѣтельствовалъ Иванова; Ивановъ надулъ его; Серболинъ встрѣтилъ это надувательство благодушно и за то поддержанъ былъ Веселовымъ, отдавшимъ за него дочь свою. Ивановъ же скоро разорился и предъ смертію поручилъ своего малолѣтняго сына покровительству Серболина. Серболинъ воспиталъ его, какъ сына, въ коммерческомъ училищѣ. Между тѣмъ, у Серболина росла собственная дочь Маша, при которой была облагодѣтельствованная Серболинимъ гувернантка, полуфранцуженка; ибо-мать Машин умерла. Ивановъ, конечно, влюбился въ Машу; гувернантка Аниута влюбилась, конечно, въ Иванова; Ивановъ, конечно, увлекся и уѣхалъ въ Англію! Аниута безъ него вышла замужъ за Дулина. По пріѣздѣ Ивановъ, опять увлекся Дулиной и — опять уѣхалъ въ Англію. Возвратившись опять, онъ нашелъ, что Аниута овдовѣла и вышла опять замужъ, — за самого старика Серболина, для того, чтобы препятствовать ему выдать Машу за Иванова. Но Ивановъ на этотъ разъ не увлечется и безпрестанно читаетъ ей мораль. Мораль сія такъ на нее дѣйствуетъ, что она не только устраиваетъ свадьбу своей соперницы Машин съ Ивановымъ, но и сама, «когда судьба благословила бракъ ея сыномъ, сдѣлалась примѣрной матерью. Едва сынъ ея началъ лепетать, какъ она уже учила его быть добрымъ, честнымъ и послушнымъ долгу и совѣсти» (стр. 224). Уже изъ этого краткаго очерка можно судить, какъ много нравственности въ рассказѣ Рафаила Михайловича. Какъ онъ разсуждаетъ о воспитаніи, о вредномъ вліяніи французскихъ романовъ, о наскара-

дакъ! Какъ ясно и положительно выражается въ его разсказѣ отвращеніе къ воровству, пьянству, коварству, злостному банкротству и прочимъ, тому подобнымъ порокамъ! Воистинну Рафаилъ Михайловичъ нравственный писатель! Такія нравственные авторы рѣдкимъ же нымъ; только въ прежнія блаженные времена они и процвѣтали въ изобиліи.

О тѣхъ блаженныхъ временахъ вспоминаетъ со вздохомъ В. Т. Пляксинъ, въ статьѣ «Голосъ за прошлое». Ему не нравится, что бранятъ «тридцатые годы», и онъ доказываетъ ихъ превосходство тѣмъ, что тогда дѣйствовали Пушкинъ, Кольцовъ, Гоголь, Лермонтовъ, и пр. Очевидно, г. Пляксинъ не подозреваетъ, что подъ «тридцатыми годами» литературы разумѣютъ обыкновенно время не отъ 1830 по 1840, а отъ 1825 по 1835 и даже нѣсколько раньше. Поэтому онъ къ эпохѣ тридцатыхъ годовъ приминнулъ даже и Лермонтова, за что мы ему, впрочемъ, очень благодарны, такъ какъ это дало ему поводъ сообщить о Лермонтовѣ нѣсколько новыхъ свѣдѣній. Г. Пляксинъ зналъ Лермонтова еще въ школѣ и, «въ качествѣ учителя, дѣлалъ свои замѣчанія на его стихи»: вѣрно ему обязаны мы частицею той силы мысли и энергіи стиха, которыми восхищаемся въ Лермонтовѣ. Новое свѣдѣніе, сообщенное г. Пляксинымъ, и, кажется, въ первый разъ являющееся у насъ въ печати, состоитъ вотъ въ чемъ:

«Въ началѣ 1837 года, бывши на службѣ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, онъ (Лермонтовъ) написалъ стихотвореніе на смерть великаго поэта Пушкина, которое не было напечатано, но быстро распространилась въ рукописяхъ. Незыскательные и непризванные друзья, которые, какъ мухи льнутъ ко всему сладкому, принимаютъ къ тому, что отзывается силою и славою, начали толковать вкривъ и вкосъ каждый стихъ, каждое выраженіе. Въ томъ же году дѣломъ онъ прислалъ съ Кавказа первое свое произведеніе, предназначенное для печати: «Хаджи Абрекъ.» (стр. 305).

При всемъ томъ, что извѣстіе г. Пляксина очень интересно, оно не даетъ ему права относить дѣятельность Лермонтова къ тридцатымъ годамъ, равно, какъ и дѣятельность Кольцова и Гоголя. Другое дѣло — прочіе таланты, которыми онъ доказываетъ процвѣтаніе литературы тридцатыхъ годовъ, какъ-то: Бенедиктовъ, Кукольникъ, Ериковъ, Бегичевъ, Степановъ, Бернетъ, Масальскій и многіе др. «замѣчательные и даровитые писатели, книжные жизнию и дѣятельностью» (стр. 308). Этихъ мы вамъ жертвуемъ, г. Пляксинъ: можете относить ихъ къ тридцатымъ, десятымъ, первымъ, послѣднимъ годамъ, можете сказать, что они всемірны, всеобщы, вѣчны, все, что вамъ угодно; только избавьте отъ нихъ шестидесятые годы!... Впрочемъ г. Пляксинъ и самъ не захочетъ такого позора для своихъ любя-

ныхъ писателей. Онъ съ поэтическимъ одушевленіемъ закрѣпляетъ все время русской литературы послѣ Пушкина, слѣдующей тирадой:

«Погибъ во цвѣтъ лѣтъ Ахиллесъ нашей литературы, остались гордые Агамемноны, дряхлые, хотя и мудрые Несторы, уважаемые за старыя заслуги (читатели! оцѣните великодушіе сего признанія въ устахъ престарѣлаго автора), буйношумные Аяксы, ратующіе съ живыми и мертвыми, хитрые Улиссы, ожидающіе коварныхъ измѣнъ отъ самолюбивой Наддады!» (стр. 298).

Каково отдѣльвается г. Пляксинъ русскую литературу послѣ Пушкина!... Да и справедливо: что та за литература, которая не попала въ учебникъ г. Пляксина и не подчинилась правиламъ грамматики г. Греча! отдѣльвайте ее, господа, хорошенько отдѣльвайте! И доброе дѣло-сдѣлаете, и себѣ пріятное развлеченіе доставите, да и намъ тоже... Вы, пожалуйста, не думаете, что мы уже такъ грубы и тупы, что не въ состояніи понимать тонкаго, изящнаго юмора хоть, напримѣръ, слѣдующей картины, написанной Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ.

«Еслибъ я вздумалъ пріобрѣсть успѣхъ и славу въ нынѣшнѣйшій литературѣ, надежало бы выйти изъ избы, вычищенной и прибранной усерднымъ деньщикомъ моего героя, и по густой грязи, прерываемой то кучами навоза, то глубокими лужами, пройти по разоренной деревнѣ и описать всѣ прелести неумытой природы, съ обыкновенною ея обстановкою, пьяными мужиками, крикливыми бабами и испачканными ребятишками. Вышло бы что нибудь въ родѣ нынѣшнихъ шекспировскихъ картинъ.» (стр. 94).

Понимаемъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, куда несутся ваши мысли и ваши намеки и желаемъ имъ донестись благополучно. Право, мы съ искреннимъ радушіемъ и даже съ нѣкоторымъ умиленьемъзираемъ на полезную дѣятельность вашу и вашихъ современниковъ, и прощаемъ вамъ даже то, что вы русскій языкъ отвергли въ пользу своей грамматики. Что же такое? Ни языка, ни на-рода оттого не убудетъ, а вашему родительскому сердцу все такъ пріятно!

Вѣдь и мы не варвары какіе нибудь: не станемъ хвалить молодого только зато, что оно молодое. Вотъ напримѣръ г. Вердеревскій — молодой человѣкъ: недавно онъ издалъ «Стихотворенія первой молодости»; а мы его не похвалимъ за рассказъ его «Неудачный маскарадъ». Содержаніемъ его послужилъ извѣстный анекдотъ, который мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ отыскать въ «Письмовникѣ Курганова, подъ № 326, на стр. 261. Рассказъ состоитъ въ томъ, что мадамъ Sophie отираетъ своего мужа на почное свиданіе, будто бы назначенное ей молодымъ человѣкомъ, Петрушою,

въ отдаленной аллеѣ сада. Супругъ удаляется, въ намѣреніи прочесть юношу. Затѣмъ слѣдуютъ стихи:

Madame Sophie — опять хохочетъ,
Но не одна. Петруша съ ней;
Она его утѣшить хочетъ
Толкуетъ цѣль своихъ затѣй.
На небо выплыла луна,
На сельской бабинѣ два пробило,—
Sophie о мужѣ не забыла:
Очнулась первая она
И шепчетъ тихо, чародѣйка:
Теперь скорѣе въ садъ ступай,
—Туда, ты знаешь, гдѣ скамейка,
И къ мужу смѣло, приступай.
Не узнавай его нарочно
И говори: о стыдъ и срамъ!
О какъ на свѣтѣ все порочно!
Сударыня! не стыдно ль вамъ?.. и т. д.

Мужъ, разумѣется, обманутъ, и послѣ этого случая, довѣрлся Петрушѣ еще больше. За то—

Мадате Sophie судьба послала
Троихъ премиленныхъ дѣтей. —

За этотъ разказъ мы не хвалемъ г. Вердегевскаго. По нашему мнѣнію, если ужъ читать такія вещи, то читать ихъ въ «Письмовникѣ» Курганова: тамъ онѣ разсказываются попросту, безъ затѣй, и за то выходятъ гораздо рельефнѣе.

Въ заключеніе отдадимъ справедливость редакціи «Сборника» за умѣнье соединить въ первыхъ двухъ томахъ статьи, отличающіяся удивительнымъ единствомъ направленія. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ онѣ могутъ служить дополненіемъ одна другой. Едва ли хоть одна страница нарушитъ отрадное впечатлѣніе, какое производитъ умиленное зрѣлище ветерановъ, употребляющихъ свои послѣднія силы на то, чтобы воскресить давно отжившее прошлое, или по крайней мѣрѣ справить по немъ достойную тризну.

Ерм. звѣздномъ небѣ. Спб 1858.

мнѣніе. (Сдѣла и люди. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Институтѣ. Книга I. Выпускъ I. Спб. 1858. 1859. 1860. 1861. 1862. 1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871. 1872. 1873. 1874. 1875. 1876. 1877. 1878. 1879. 1880. 1881. 1882. 1883. 1884. 1885. 1886. 1887. 1888. 1889. 1890. 1891. 1892. 1893. 1894. 1895. 1896. 1897. 1898. 1899. 1900. 1901. 1902. 1903. 1904. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1910. 1911. 1912. 1913. 1914. 1915. 1916. 1917. 1918. 1919. 1920. 1921. 1922. 1923. 1924. 1925. 1926. 1927. 1928. 1929. 1930. 1931. 1932. 1933. 1934. 1935. 1936. 1937. 1938. 1939. 1940. 1941. 1942. 1943. 1944. 1945. 1946. 1947. 1948. 1949. 1950. 1951. 1952. 1953. 1954. 1955. 1956. 1957. 1958. 1959. 1960. 1961. 1962. 1963. 1964. 1965. 1966. 1967. 1968. 1969. 1970. 1971. 1972. 1973. 1974. 1975. 1976. 1977. 1978. 1979. 1980. 1981. 1982. 1983. 1984. 1985. 1986. 1987. 1988. 1989. 1990. 1991. 1992. 1993. 1994. 1995. 1996. 1997. 1998. 1999. 2000. 2001. 2002. 2003. 2004. 2005. 2006. 2007. 2008. 2009. 2010. 2011. 2012. 2013. 2014. 2015. 2016. 2017. 2018. 2019. 2020. 2021. 2022. 2023. 2024. 2025. 2026. 2027. 2028. 2029. 2030. 2031. 2032. 2033. 2034. 2035. 2036. 2037. 2038. 2039. 2040. 2041. 2042. 2043. 2044. 2045. 2046. 2047. 2048. 2049. 2050. 2051. 2052. 2053. 2054. 2055. 2056. 2057. 2058. 2059. 2060. 2061. 2062. 2063. 2064. 2065. 2066. 2067. 2068. 2069. 2070. 2071. 2072. 2073. 2074. 2075. 2076. 2077. 2078. 2079. 2080. 2081. 2082. 2083. 2084. 2085. 2086. 2087. 2088. 2089. 2090. 2091. 2092. 2093. 2094. 2095. 2096. 2097. 2098. 2099. 2100. 2101. 2102. 2103. 2104. 2105. 2106. 2107. 2108. 2109. 2110. 2111. 2112. 2113. 2114. 2115. 2116. 2117. 2118. 2119. 2120. 2121. 2122. 2123. 2124. 2125. 2126. 2127. 2128. 2129. 2130. 2131. 2132. 2133. 2134. 2135. 2136. 2137. 2138. 2139. 2140. 2141. 2142. 2143. 2144. 2145. 2146. 2147. 2148. 2149. 2150. 2151. 2152. 2153. 2154. 2155. 2156. 2157. 2158. 2159. 2160. 2161. 2162. 2163. 2164. 2165. 2166. 2167. 2168. 2169. 2170. 2171. 2172. 2173. 2174. 2175. 2176. 2177. 2178. 2179. 2180. 2181. 2182. 2183. 2184. 2185. 2186. 2187. 2188. 2189. 2190. 2191. 2192. 2193. 2194. 2195. 2196. 2197. 2198. 2199. 2200. 2201. 2202. 2203. 2204. 2205. 2206. 2207. 2208. 2209. 2210. 2211. 2212. 2213. 2214. 2215. 2216. 2217. 2218. 2219. 2220. 2221. 2222. 2223. 2224. 2225. 2226. 2227. 2228. 2229. 2230. 2231. 2232. 2233. 2234. 2235. 2236. 2237. 2238. 2239. 2240. 2241. 2242. 2243. 2244. 2245. 2246. 2247. 2248. 2249. 2250. 2251. 2252. 2253. 2254. 2255. 2256. 2257. 2258. 2259. 2260. 2261. 2262. 2263. 2264. 2265. 2266. 2267. 2268. 2269. 2270. 2271. 2272. 2273. 2274. 2275. 2276. 2277. 2278. 2279. 2280. 2281. 2282. 2283. 2284. 2285. 2286. 2287. 2288. 2289. 2290. 2291. 2292. 2293. 2294. 2295. 2296. 2297. 2298. 2299. 2300. 2301. 2302. 2303. 2304. 2305. 2306. 2307. 2308. 2309. 2310. 2311. 2312. 2313. 2314. 2315. 2316. 2317. 2318. 2319. 2320. 2321. 2322. 2323. 2324. 2325. 2326. 2327. 2328. 2329. 2330. 2331. 2332. 2333. 2334. 2335. 2336. 2337. 2338. 2339. 2340. 2341. 2342. 2343. 2344. 2345. 2346. 2347. 2348. 2349. 2350. 2351. 2352. 2353. 2354. 2355. 2356. 2357. 2358. 2359. 2360. 2361. 2362. 2363. 2364. 2365. 2366. 2367. 2368. 2369. 2370. 2371. 2372. 2373. 2374. 2375. 2376. 2377. 2378. 2379. 2380. 2381. 2382. 2383. 2384. 2385. 2386. 2387. 2388. 2389. 2390. 2391. 2392. 2393. 2394. 2395. 2396. 2397. 2398. 2399. 2400. 2401. 2402. 2403. 2404. 2405. 2406. 2407. 2408. 2409. 2410. 2411. 2412. 2413. 2414. 2415. 2416. 2417. 2418. 2419. 2420. 2421. 2422. 2423. 2424. 2425. 2426. 2427. 2428. 2429. 2430. 2431. 2432. 2433. 2434. 2435. 2436. 2437. 2438. 2439. 2440. 2441. 2442. 2443. 2444. 2445. 2446. 2447. 2448. 2449. 2450. 2451. 2452. 2453. 2454. 2455. 2456. 2457. 2458. 2459. 2460. 2461. 2462. 2463. 2464. 2465. 2466. 2467. 2468. 2469. 2470. 2471. 2472. 2473. 2474. 2475. 2476. 2477. 2478. 2479. 2480. 2481. 2482. 2483. 2484. 2485. 2486. 2487. 2488. 2489. 2490. 2491. 2492. 2493. 2494. 2495. 2496. 2497. 2498. 2499. 2500. 2501. 2502. 2503. 2504. 2505. 2506. 2507. 2508. 2509. 2510. 2511. 2512. 2513. 2514. 2515. 2516. 2517. 2518. 2519. 2520. 2521. 2522. 2523. 2524. 2525. 2526. 2527. 2528. 2529. 2530. 2531. 2532. 2533. 2534. 2535. 2536. 2537. 2538. 2539. 2540. 2541. 2542. 2543. 2544. 2545. 2546. 2547. 2548. 2549. 2550. 2551. 2552. 2553. 2554. 2555. 2556. 2557. 2558. 2559. 2560. 2561. 2562. 2563. 2564. 2565. 2566. 2567. 2568. 2569. 2570. 2571. 2572. 2573. 2574. 2575. 2576. 2577. 2578. 2579. 2580. 2581. 2582. 2583. 2584. 2585. 2586. 2587. 2588. 2589. 2590. 2591. 2592. 2593. 2594. 2595. 2596. 2597. 2598. 2599. 2600. 2601. 2602. 2603. 2604. 2605. 2606. 2607. 2608. 2609. 2610. 2611. 2612. 2613. 2614. 2615. 2616. 2617. 2618. 2619. 2620. 2621. 2622. 2623. 2624. 2625. 2626. 2627. 2628. 2629. 2630. 2631. 2632. 2633. 2634. 2635. 2636. 2637. 2638. 2639. 2640. 2641. 2642. 2643. 2644. 2645. 2646. 2647. 2648. 2649. 2650. 2651. 2652. 2653. 2654. 2655. 2656. 2657. 2658. 2659. 2660. 2661. 2662. 2663. 2664. 2665. 2666. 2667. 2668. 2669. 2670. 2671. 2672. 2673. 2674. 2675. 2676. 2677. 2678. 2679. 2680. 2681. 2682. 2683. 2684. 2685. 2686. 2687. 2688. 2689. 2690. 2691. 2692. 2693. 2694. 2695. 2696. 2697. 2698. 2699. 2700. 2701. 2702. 2703. 2704. 2705. 2706. 2707. 2708. 2709. 2710. 2711. 2712. 2713. 2714. 2715. 2716. 2717. 2718. 2719. 2720. 2721. 2722. 2723. 2724. 2725. 2726. 2727. 2728. 2729. 2730. 2731. 2732. 2733. 2734. 2735. 2736. 2737. 2738. 2739. 2740. 2741. 2742. 2743. 2744. 2745. 2746. 2747. 2748. 2749. 2750. 2751. 2752. 2753. 2754. 2755. 2756. 2757. 2758. 2759. 2760. 2761. 2762. 2763. 2764. 2765. 2766. 2767. 2768. 2769. 2770. 2771. 2772. 2773. 2774. 2775. 2776. 2777. 2778. 2779. 2780. 2781. 2782. 2783. 2784. 2785. 2786. 2787. 2788. 2789. 2790. 2791. 2792. 2793. 2794. 2795. 2796. 2797. 2798. 2799. 2800. 2801. 2802. 2803. 2804. 2805. 2806. 2807. 2808. 2809. 2810. 2811. 2812. 2813. 2814. 2815. 2816. 2817. 2818. 2819. 2820. 2821. 2822. 2823. 2824. 2825. 2826. 2827. 2828. 2829. 2830. 2831. 2832. 2833. 2834. 2835. 2836. 2837. 2838. 2839. 2840. 2841. 2842. 2843. 2844. 2845. 2846. 2847. 2848. 2849. 2850. 2851. 2852. 2853. 2854. 2855. 2856. 2857. 2858. 2859. 2860. 2861. 2862. 2863. 2864. 2865. 2866. 2867. 2868. 2869. 2870. 2871. 2872. 2873. 2874. 2875. 2876. 2877. 2878. 2879. 2880. 2881. 2882. 2883. 2884. 2885. 2886. 2887. 2888. 2889. 2890. 2891. 2892. 2893. 2894. 2895. 2896. 2897. 2898. 2899. 2900. 2901. 2902. 2903. 2904. 2905. 2906. 2907. 2908. 2909. 2910. 2911. 2912. 2913. 2914. 2915. 2916. 2917. 2918. 2919. 2920. 2921. 2922. 2923. 2924. 2925. 2926. 2927. 2928. 2929. 2930. 2931. 2932. 2933. 2934. 2935. 2936. 2937. 2938. 2939. 2940. 2941. 2942. 2943. 2944. 2945. 2946. 2947. 2948. 2949. 2950. 2951. 2952. 2953. 2954. 2955. 2956. 2957. 2958. 2959. 2960. 2961. 2962. 2963. 2964. 2965. 2966. 2967. 2968. 2969. 2970. 2971. 2972. 2973. 2974. 2975. 2976. 2977. 2978. 2979. 2980. 2981. 2982. 2983. 2984. 2985. 2986. 2987. 2988. 2989. 2990. 2991. 2992. 2993. 2994. 2995. 2996. 2997. 2998. 2999. 3000. 3001. 3002. 3003. 3004. 3005. 3006. 3007. 3008. 3009. 3010. 3011. 3012. 3013. 3014. 3015. 3016. 3017. 3018. 3019. 3020. 3021. 3022. 3023. 3024. 3025. 3026. 3027. 3028. 3029. 3030. 3031. 3032. 3033. 3034. 3035. 3036. 3037. 3038. 3039. 3040. 3041. 3042. 3043. 3044. 3045. 3046. 3047. 3048. 3049. 3050. 3051. 3052. 3053. 3054. 3055. 3056. 3057. 3058. 3059. 3060. 3061. 3062. 3063. 3064. 3065. 3066. 3067. 3068. 3069. 3070. 3071. 3072. 3073. 3074. 3075. 3076. 3077. 3078. 3079. 3080. 3081. 3082. 3083. 3084. 3085. 3086. 3087. 3088. 3089. 3090. 3091. 3092. 3093. 3094. 3095. 3096. 3097. 3098. 3099. 3100. 3101. 3102. 3103. 3104. 3105. 3106. 3107. 3108. 3109. 3110. 3111. 3112. 3113. 3114. 3115. 3116. 3117. 3118. 3119. 3120. 3121. 3122. 3123. 3124. 3125. 3126. 3127. 3128. 3129. 3130. 3131. 3132. 3133. 3134. 3135. 3136. 3137. 3138. 3139. 3140. 3141. 3142. 3143. 3144. 3145. 3146. 3147. 3148. 3149. 3150. 3151. 3152. 3153. 3154. 3155. 3156. 3157. 3158. 3159. 3160. 3161. 3162. 3163. 3164. 3165. 3166. 3167. 3168. 3169. 3170. 3171. 3172. 3173. 3174. 3175. 3176. 3177. 3178. 3179. 3180. 3181. 3182. 3183. 3184. 3185. 3186. 3187. 3188. 3189. 3190. 3191. 3192. 3193. 3194. 3195. 3196. 3197. 3198. 3199. 3200. 3201. 3202. 3203. 3204. 3205. 3206. 3207. 3208. 3209. 3210. 3211. 3212. 3213. 3214. 3215. 3216. 3217. 3218. 3219. 3220. 3221. 3222. 3223. 3224. 3225. 3226. 3227. 3228. 3229. 3230. 3231. 3232. 3233. 3234. 3235. 3236. 3237. 3238. 3239. 3240. 3241. 3242. 3243. 3244. 3245. 3246. 3247. 3248. 3249. 3250. 3251. 3252. 3253. 3254. 3255. 3256. 3257. 3258. 3259. 3260. 3261. 3262. 3263. 3264. 3265. 3266. 3267. 3268. 3269. 3270. 3271. 3272. 3273. 3274. 3275. 3276. 3277. 3278. 3279. 3280. 3281. 3282. 3283. 3284. 3285. 3286. 3287. 3288. 3289. 3290. 3291. 3292. 3293. 3294. 3295. 3296. 3297. 3298. 3299. 3300. 3301. 3302. 3303. 3304. 3305. 3306. 3307. 3308. 3309. 3310. 3311. 3312. 3313. 3314. 3315. 3316. 3317. 3318. 3319. 3320. 3321. 3322. 3323. 3324. 3325. 3326. 3327. 3328. 3329. 3330. 3331. 3332. 3333. 3334. 3335. 3336. 3337. 3338. 3339. 3340. 3341. 3342. 3343. 3344. 3345. 3346. 3347. 3348. 3349. 3350. 3351. 3352. 3353. 3354. 3355. 3356. 3357. 3358. 3359. 3360. 3361. 3362. 3363. 3364. 3365. 3366. 3367. 3368. 3369. 3370. 3371. 3372. 3373. 3374. 3375. 3376. 3377. 3378. 3379. 3380. 3381. 3382. 3383. 3384. 3385. 3386. 3387. 3388. 3389. 3390. 3391. 3392. 3393. 3394. 3395. 3396. 3397. 3398. 3399. 3400. 3401. 3402. 3403. 3404. 3405. 3406. 3407. 3408. 3409. 3410. 3411. 3412. 3413. 3414. 3415. 3416. 3417. 3418. 3419. 3420. 3421. 3422. 3423. 3424. 3425. 3426. 3427. 3428. 3429. 3430. 3431. 3432. 3433. 3434. 3435. 3436. 3437. 3438. 3439. 3440. 3441. 3442. 3443. 3444. 3445. 3446. 3447. 3448. 3449. 3450. 3451. 3452. 3453. 3454. 3455. 3456. 3457. 3458. 3459. 3460. 3461. 3462. 3463. 3464. 3465. 3466. 3467. 3468. 3469. 3470. 3471. 3472. 3473. 3474. 3475. 3476. 3477. 3478. 3479. 3480. 3481. 3482. 3483. 3484. 3485. 3486. 3487. 3488. 3489. 3490. 3491. 3492. 3493. 3494. 3495. 3496. 3497. 3498. 3499. 3500. 3501. 3502. 3503. 3504. 3505. 3506. 3507. 3508. 3509. 3510. 3511. 3512. 3513. 3514. 3515. 3516. 3517. 3518. 3519. 3520. 3521. 3522. 3523. 3524. 3525. 3526. 3527. 3528. 3529. 3530. 3531. 3532. 3533. 3534. 3535. 3536. 3537. 3538. 3539. 3540. 3541. 3542. 3543. 3544. 3545. 3546. 3547. 3548. 3549. 3550. 3551. 3552. 3553. 3554. 3555. 3556. 3557. 3558. 3559. 3560. 3561. 3562. 3563. 3564. 3565. 3566. 3567. 3568. 3569. 3570. 3571. 3572. 3573. 3574. 3575. 3576. 3577. 3578. 3579. 3580. 3581. 3582. 3583. 3584. 3585. 3586. 3587. 3588. 3589. 3590. 3591. 3592. 3593. 3594. 3595. 3596. 3597. 3598. 3599. 3600. 3601. 3602. 3603. 3604. 3605. 3606. 3607. 3608. 3609. 3610. 3611. 3612. 3613. 3614. 3615. 3616. 3617. 3618. 3619. 3620. 3621. 3622. 3623. 3624. 3625. 3626. 3627. 3628. 3629. 3630. 3631. 3632. 3633. 3634. 3635. 3636. 3637. 3638. 3639. 3640. 3641. 3642. 3643. 3644. 3645. 3646. 3647. 3648. 3649. 3650. 3651. 3652. 3653. 3654. 3655. 3656. 3657. 3658. 3659. 3660. 3661. 3662. 3663. 3664. 3665. 3666. 3667. 3668. 3669. 3670. 3671. 3672. 3673. 3674. 3675. 3676. 3677. 3678. 3679. 3680. 3681. 3682. 3683. 3684. 3685. 3686. 3687. 3688. 3689. 3690. 3691. 3692. 3693. 3694. 3695. 3696. 3697. 3698. 3699. 3700. 3701. 3702. 3703. 3704. 3705. 3706. 3707. 3708. 3709. 3710. 3711. 3712. 3713. 3714. 3715. 3716. 3717. 3718. 3719. 3720. 3721. 3722. 3723. 3724. 3725. 3726. 3727. 3728. 3729. 3730. 3731. 3732. 3733. 3734. 3735. 3736. 3737. 3738. 3739. 3740. 3741. 3742. 3743. 3744. 3745. 3746. 3747. 3748. 3749. 3750. 3751. 3752. 3753. 3754. 3755. 3756

тизмъ», «О внутреннемъ устройствѣ земнаго шара» и «О метеорологіи и ея будущихъ успѣхахъ.» Брошюра нынѣ изданная, которой содержаніе понятно уже изъ заглавія, отличается тѣми же достоинствами изложенія и вообще представленія предмета, какія мы замѣтили и въ прежнихъ статьяхъ автора, какъ извѣстно читателямъ изъ отзывовъ, сдѣланныхъ нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Въ началѣ своей брошюры авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«При безпримѣрномъ развитіи естественныхъ наукъ, при ежедневно-умножающемся приложеніи силъ природы, создающихъ въ нашихъ глазахъ какъ бы новый міръ, весьма понятно, почему физическія знанія составляютъ дѣйствительную потребность не только для малаго числа избранныхъ, но и для цѣлыхъ массъ. Къ сожалѣнію, у насъ мало, и даже совсѣмъ нѣтъ, по части физики, руководствъ популярныхъ.»

Чтобы помочь хотя чѣмъ нибудь этому недостатку, авторъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ популярнаго изложенія отдѣльныхъ предметовъ естествознанія, и онъ достигаетъ своей цѣли съ большимъ успѣхомъ.

Гг. А. П. и В. Л. также сдѣлали попытку болѣе простаго и оживленнаго руководства, въ приложеніи къ географическимъ знаніямъ. Въ изданномъ ими первомъ выпускѣ заключается изображеніе Восточнаго Океана, Океаніи и Австраліи. Нужно признаться, что изображеніе страны, мѣстныхъ произведеній, жителей, очень любопытно и живо въ урокахъ гг. А. П. (г. В. Л. принадлежитъ одинъ урокъ, не столь живо изложенный). Но насъ удивилъ тонъ, съ которымъ обращается преподаватель къ своимъ ученицамъ. Онъ начинаетъ съ ними географію и рассказываетъ о томъ, какъ открытъ былъ Восточный Океанъ:

«Въ концѣ XV вѣка Христофоръ Колумбъ переплылъ Атлантическій океанъ въ западномъ направленіи и открылъ землю, тогда еще неизвестную. Это былъ архипелагъ между Сѣвѣрною и Южною Америкою, ю Колумбъ былъ увѣренъ, что открылъ часть Индіи, отчего архипелагъ и названъ Вестъ-Индіею.»

Помилуйте, значить ваши ученицы ужъ прошли географію! Они жъ знаютъ очень многое, о чемъ вы съ ними и не думали толковать. Какъ же вы говорите имъ объ Атлантическомъ Океанѣ, Архипелагѣ, Сѣвѣрной и Южной Америкѣ, Индіи, когда только еще хотите ихъ знакомить съ странами свѣта и для начала выберите — океанію? Для учениковъ старшихъ классовъ гимназій полезно будетъ чтеніе уроковъ гг. А. П. и В. Л., но начинающимъ невозможно имъ пользоваться. Вообще — какъ учебникъ, «уроки географіи» не могутъ употребляться.

Несмотря на то, книжка гг. А. П. и В. Л. принесет много пользы читающим и ученикамъ. Тутъ они найдутъ живое и довольно просто изложенное объясненіе многихъ предметовъ, которые въ нашихъ географіяхъ обыкновенно только перечисляются. Въ «историческихъ замѣткахъ» также не забытыхъ издателями, найдутся даже человѣческія объясненія многихъ названій мѣстностей Нового Свѣта. А то въ самомъ дѣлѣ, что это? острова Дружбы, Товарищество, Разбойничьи.... Да почемужъ они называются Разбойничьи, сираниваетъ ученикъ. — А почему столъ называется столъ, спрашиваетъ въ свою очередь учитель, неимѣющій понятія о путешествіи Магеллана и объ открытіи имъ Разбойничьихъ острововъ. — Потому, что на немъ *ставятъ*, наивно отвѣчаетъ мальчикъ. «Ну, а это потому... потому, что ты глупъ и дерзокъ», возражаетъ учитель, не безъ сущенія, но голосомъ не допускающимъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Такъ мы и проходимъ всю географію.

Скоро, вѣроятно, такое ученіе будетъ уже страннымъ и невыносимымъ. Но до сихъ поръ оно еще держится, и даже книжка гг. А. П. и В. Л. не даетъ возможности отказаться отъ Ободовскаго. Въ ней нынѣ предполагается уже предварительное изученіе географіи ученикамъ; а теперь намъ нужна была бы такая книжка, которая бы непосредственно знакомила съ природой и людьми тѣхъ дѣтей, которыя никакого понятія о географіи не имѣютъ.

Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности. Н. Лебедева. Спб. 1858 г.

Читатель можетъ подумать, что г. Лебедевъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ что нибудь объ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности. Но подумавши такъ, образумъ, читатель ошибется: г. Лебедевъ собственно ничего не говоритъ объ училищахъ, онъ только перечисляетъ ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Далѣе притязанія его не простирается. Въ предисловіи онъ задаетъ себѣ слѣдующую задачу: «Любопытно знать, кто, сначала изъ русскихъ князей — правителей, потомъ изъ царей, и наконецъ изъ императоровъ, посѣждалъ сѣбя просвѣщенія въ управляемой ими Россіи? въ которомъ году? въ какихъ городахъ?». «Чтобы объяснить эти любопытные вопросы и показать всѣ учрежденія на пользу просвѣщенія отъ мудраго Ярослава по день кончины въ богѣ почившаго Государя Императора Николая I», г. Лебедевъ и «принимая на себя трудъ» составилъ свою книжку. Трудъ, подобно признаться, не великъ, особенно при той неразборчивости, съ кото-

рою г. Лебедевъ выбираетъ свои источники. Говоря, напримѣръ объ учрежденіи славяно-греко-латинской Академіи, онъ ссылается на справочный словарь Старчевскаго; объ учрежденіи Академіи Наукъ—на страницу 272 русской исторіи Погодина, и на стр. 293 русской исторіи Кайданова; и пр. т. п. Интересно, на какихъ основаніяхъ держится рѣшеніе вопроса о первомъ народномъ училищѣ въ Россіи. Изъ сказаній Нестора, Карамзина и Соловьева, можно заключить, по логикѣ г. Лебедева, что учрежденія училищъ при князѣ Владиміръ не было. Въ какомъ же году было устроено первое народное училище? г. Лебедевъ отвѣчаетъ:

Въ княженіе Ярослава Мудраго, учрежденіе народнаго училища послѣдовало въ 1038 (ссылка—на чтобы вы думали? на «Хронологическое и синхронистическое обозрѣніе всемирной исторіи, Ольдекопа, стр. 23),—въ Новгородѣ, на 300 юношей знатнѣйшихъ гражданъ (и опять ссылка—на 4-ю часть «Россіи» Булгарина).

Свидѣтельство такихъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ гг. Ольдекопъ и Булгаринъ, даетъ г. Лебедеву полное право сказать, что онъ *рѣшилъ* вопросъ о первомъ народномъ училищѣ въ Россіи.

На оборотѣ книжицы напечатано: «во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются также и слѣдующія сочиненія г. Лебедева:

«Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, въ сраженіи въ селѣ Госсѣ подъ Лейпцигомъ».

«Признательность псковскихъ гражданъ».

«О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ».

«Разсказы для государственныхъ крестьянъ».

Какъ вы думаете, читатели: любопытны должны быть всѣ поименованныя творенія г. Лебедева, автора книги объ училищахъ вообще, и т. д.?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Все вниманіе Россіи устремлено теперь на дѣло отмѣненія крѣпостнаго права, начатое волею Государя Императора. Для соотвѣтствія съ потребностями и ожиданіями своихъ читателей, «Современникъ» съ слѣдующей (пятой) книжки будетъ постоянно помѣщать статьи, посвященныя вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права подъ общимъ заглавіемъ: «Отмѣненіе крѣпостнаго права». Сюда войдутъ:

1) Постановленія правительства и другіе официальные документы по дѣлу уничтоженія крѣпостнаго права.

2) Статьи, рассматривающія этотъ вопросъ въ различныхъ его отношеніяхъ къ государственной и частной жизни русскаго народа; также статьи касающіяся исторіи крѣпостнаго права въ Россіи и не свободныхъ состояній въ другихъ государствахъ.

3) Обзорѣніе книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей по вопросу объ отмѣненіи крѣпостнаго права.

Изъ проекта, изложеннаго въ этой книжкѣ «Современника», во второй статьѣ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», читатели увидятъ нашу программу по этому дѣлу. Сущность ея такова:

Крѣпостные крестьяне должны быть освобождены съ землею. Помѣщики должны получить полное вознагражденіе за всѣ имущества, отходящія отъ нихъ въ пользу крестьянъ.

Тѣхъ знающихъ дѣло людей, ученыхъ и практиковъ, которые раздѣляютъ эти принципы, мы просимъ не оставить насъ своимъ содѣйствіемъ, увѣряя ихъ, что всякая дѣльная статья о крестьянскомъ вопросѣ, написанная въ духѣ началъ, здѣсь изложенныхъ, будетъ принята редакціею съ признательностью.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Нѣсколько словъ о моемъ почтенномъ наставникѣ, по поводу весьма замѣчательнаго «Дневника» случайно попавшагося мнѣ. — Воспоминанія объ авторѣ этого весьма замѣчательнаго «Дневника». — Отрывки изъ него и черты изъ жизни его автора. — Любопытное дѣло производившееся нѣкогда въ бывшей П. Межевой Конторѣ. — О русскихъ художникахъ въ Римѣ (отрывокъ изъ письма). — Петербургъ передъ свѣтлымъ праздникомъ. — Святая недѣля. — Балаганы. — Каррикатурный листокъ г. Данилова. — Сѣверный Цвѣтокъ — журналъ модъ. — Еще новые журналы. — Свѣтъ — листокъ безъ подписчиковъ и безъ сотрудниковъ.

«Главное — благонравіе и благомысліе. Эти добродѣтели есть основа всего. Что въ томъ, что человѣкъ съ неба звѣзды хватаетъ? Безъ благонравія и благомысія человѣкъ ничто...» Такъ говаривалъ обыкновенно одинъ изъ моихъ почтенныхъ наставниковъ, учитель логики Иванъ Акимовичъ Колпаковъ шестидесяти-пяти лѣтній старецъ въ гусарскихъ сапожкахъ, съ длинными отъ затылка волосами, крестообразно зачесанными на лысинѣ и намаженными клеевой помадой изъ калины — его собственнаго издѣлія, про котораго одинъ мой школьный товарищъ сочинилъ пѣсенку, начинавшуюся такъ:

«Нашъ учитель Колпаковъ
Умножаетъ дураковъ.
Онъ живетъ свой поправляетъ
И глазами все моргаетъ....»

Его уже нѣтъ давно на свѣтѣ, этого благомыслящаго и благонравнаго старичка — вѣчная ему память!... Но я какъ будто въ сію минуту вижу его передъ собою...

— Что же должно разумѣть, Иванъ Акимычъ, подъ благовѣріемъ и благомысліемъ? спрашивалъ я его.

— Разумѣй.... отвѣчалъ Иванъ Акимычъ, моргая и подергивая свой жилетъ съ полосками, болѣе приличный для подростка, чѣмъ для жилета, — разумѣй такъ: — повинуйся безпрекословно старшему, не резонируй, *закисай* въ начальствѣ, чти заповѣдь, неувлекайся веди себя аккуратно, не дѣйствуй опрометчиво; пословица говорить: «семь разъ примѣрь одинъ отрѣжь; говори передъ ниспущеніемъ, молчи передъ вышнимъ; — записывай ежедневно приходъ и расходъ и что дѣлалъ въ теченіи дня; не пренебрегай снами, отмѣчай ихъ въ записной книжкѣ, ибо Провидѣніе не рѣдко предостерегаетъ человѣка черезъ посредство сновъ; безпрекословно повинуйся старшимъ, не спорь съ нами, ибо яйца курицу неучатъ и благо будетъ тебѣ на землѣ и вышнихъ чиновъ достигнешь....

Высокія, превосходныя правила, составлявшіе жизненный кодексъ не одного Ивана Акимыча и дѣйствительно способствовавшіе нѣкогда къ возвышенію человѣка.... то есть къ доставленію человѣку титула *превосходительнаго*, вмѣстѣ съ которымъ уже бесспорно и неотъемлемо приобрѣтались имъ всѣ нравственныя, благонамѣренныя качества....

Но отчего же, о мой добрый наставникъ, о благонаправлѣннѣйшій изъ людей, ты, для котораго чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника казался высочайшею земною наградою — отчего неуклонно исполняя въ теченіи семидесятилѣтней жизни своей всѣхъ превосходныя правила, ты, сошелъ въ могилу только съ чиномъ титулярнаго совѣтника, и передъ гробомъ твоимъ несли только одну подушку, на которой скромно покоился орденъ Св. Анны 3 степени?... Съ твоими превосходными правилами, ты могъ бы по службѣ уйдти далеко и достигнуть, не только столь возжеланнаго для тебя чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а даже перешагнуть за ту черту, о которой тебѣ и во снѣ не снилось: сдѣлаться сановникомъ (т. е. получить 3 классъ) и украсить грудь твою украшеніями, при одномъ взглядѣ на которые, сердце твое бывало мучительно билось, какъ въ аневризмѣ, а краснорѣчивое слово прилипало къ гортани вмѣстѣ съ языкомъ!

Отчего ты, преподававшій намъ науку здраваго смысла (по твоему опредѣленію логика — наука здраваго смысла, хотя, правду сказать, логика, которую ты преподавалъ намъ, не имѣла ни капли здраваго смысла) отчего ты, мудрецъ, повергавшій всѣхъ, благонамѣренныхъ, по *мало* ученыхъ, въ изумленіе своею ученостію, своими латинскими цитатами изъ Корнелія-Непота, Саллюстія и Цицерона.... отчего ты не умѣлъ примѣнять своихъ правилъ и знаній къ

жизни и весь вѣкъ прожилъ темнымъ человѣкомъ на 1200-хъ р. ассигнаціями? ✕

Чѣмъ ты былъ хуже, напримѣръ, Максима Ивановича Фаворскаго, достигшаго именно съ помощію твоего нравственнаго кодекса до большихъ чиновъ и до большихъ орденовъ и оставившаго послѣ себя значительный капиталецъ, накопившійся незамѣтно въздѣствіе аккуратной и экономной 50-лѣтней его жизни. имѣя одного только жалованья? Отчего ты, подобно ему, не поцалъ въ сапожники, въ государственные люди, не составилъ себѣ капитала?.. Оба вы благонравіе и благочестіе ставили выше всего, оба вы руководились совершенно одинаковой логикой, смотрѣли на міръ почти съ одной точки зрѣнія, оба любили древніе языки, въ особенности латинскій и славянскій, оба въ разговорѣ любили приводить тексты — ты, мой почтенный и вѣчно незабвенный наставникъ, латинскіе, а Максимъ Ивановичъ — славянскіе; оба вы даже и по рожденію вышли изъ одного сословія!... Нѣтъ, видно ты родился не подъ счастливою звѣздою....

Всѣ эти мысли пришли мнѣ въ голову, когда я перелистывалъ случайно доставшійся мнѣ любопытнѣйшій *Дневникъ* его превосходительства Максима Ивановича, найденный въ бумагахъ его послѣ смерти. Въ теченіе 50 лѣтъ Максимъ Ивановичъ велъ аккуратно этотъ дневникъ, передъ которымъ, блѣднѣютъ всѣ мемуары и записки — заграничныя и отечественныя.

Но прежде чѣмъ я представлю отрывки изъ этого драгоценнаго дневника, я слегка познакомя читателя съ личностію его автора. Максимъ Ивановичъ пользовался нѣкогда значительною извѣстностію въ Петербургскомъ... особенно чиновничьемъ мірѣ, какъ человѣкъ высоконравственный, благонамѣренный и даже умный. Безукоризненно-нравственное воззрѣніе его приводило въ умиленіе. Будучи еще не въ большихъ чинахъ, и имѣя отъ роду не болѣе 30 лѣтъ, Максимъ Ивановичъ въ одномъ домѣ выслушавъ однажды не большое стихотвореніе, оканчивавшееся такъ:

Сей жизни краткой естъ мгновенья
Тебѣ я тшуса посвятить,
Съ тобою жажду соединенья
И буду вѣкъ тебя любить!

которымъ не безглаголюмно восхищался при немъ какой-то легкомысленный молодой человѣкъ, находившійся въ гостяхъ въ томъ домѣ, — обратился къ молодому человѣку и произнесъ: /

— Позвольте-съ замѣтить вамъ, что стихотвореніе это вовсе не заслуживаетъ похвалы и не дѣлаетъ чести автору, потому что оно безнравственно-съ. — Разбѣрите хорошенько-съ: авторъ хочетъ

посвятить всѣ мгновенія своей жизни существу имъ любимому — положимъ—съ очень достойной и прекрасной особѣ, но если онъ всѣ минуты посвятить ей, то ему не останется ни одной минуты — ни для исполненія обязанностей своихъ, какъ истинному христианину относительно Бога, ни для его служебныхъ обязанностей, ибо предполагать должно, что авторъ не одними стихотвореніями занимается, а находится, какъ всѣ благонамѣренные люди въ государственной службѣ. /

Такимъ строго нравственнымъ воззрѣніемъ Максимъ Ивановичъ руководился съ юныхъ лѣтъ... Когда обстриженный подъ гребенку съ полными и румяными щеками, съ тихими и сдержанными манерами, съ благоговѣнно потупленнымъ взоромъ стоялъ отъ въ вицъ—мундирѣ передъ своимъ начальникомъ, руки по швамъ, и только поводилъ бровями,—на него нельзя было смотрѣть безъ удивленія и, не только самому начальнику, но даже лицу совершенно постороннему такъ и хотѣлось невольно погладить его по головкѣ, потренировать по щекѣ и произнести: «Умница!» Эти сдержанные манеры и эти благоговѣнно-потупленные взоры онъ сохранилъ до преклонной старости въ обращеніи не только съ старшими, но и съ равными себѣ, съ господами до 4 класса включительно. Разговаривая съ таковыми, онъ долгомъ считалъ повторять черезъ слово—«Ваше Превосходительство» и отъ поры до времени кивать головою въ видѣ поклоновъ, произнося: «такъ—съ». Если бы не украшенія на его груди, всякій счелъ-бы его за подчиненнаго того генерала, съ которымъ онъ разговаривалъ, или просто за его домашняго служителя... Стригся онъ также до конца жизни подъ гребенку и полныя щеки его, одрябнувъ отъ старости, не потеряли однакоже румянца, что должно было, безъ сомнѣнія, приписать его регулярной и строго-нравственной жизни.

Максиму Ивановичу было лѣтъ 40, когда я въ первый разъ увидѣлъ его въ нашемъ домѣ. Мнѣ тогда было не болѣе 10....

Я помню, что онъ являлся къ намъ раза два въ мѣсяцъ, подолблялъ къ ручкѣ бабушки и потомъ къ маменькиной ручкѣ, потомъ низко кланялся имъ и по приглашенію бабушки садился. Если бабушка или маменька не заговаривали съ нимъ, то онъ, промолчавъ съ минуты двѣ, вынималъ обыкновенно изъ кармана тоненькія нравственныя брошюрки (всѣ карманы его были постоянно набиты нравственными брошюрками) и, осклабя свой ротъ пріятною улыбкою, говорилъ, обращаясь къ бабушкѣ и къ маменькѣ:

— Вотъ-съ прекрасныя нравственныя сочиненія-съ, вышедшія недавно изъ печати-съ. Неугодно ли будетъ послушать одно изъ нихъ?

И не дожидая отвѣта, приступалъ къ чтенію.

Бабушка, слушая его со вниманіемъ, отъ времени до времени тихо пощипывала и прикрывала ротъ рукой, а маменька представлялась внимательною въ ту минуту, когда онъ или бабушка на нее взглядывали, но изъ подтишка дѣлала гримасы и пожимала плечами, взглядывая на сидѣвшую по олакъ проживалку.

По окончаніи чтенія, Максимъ Ивановичъ клалъ брошюрку въ карманъ и спрашивалъ, обращаясь къ бабушки:

— Поправилось ли вамъ это сочиненіе-съ?

— Прекрасное сочиненіе, отвѣчала обыкновенно бабушка: — я заслушалась васъ.... Какъ вы безполобно читаете.

— Покорно васъ благодарю-съ... Максимъ Ивановичъ привставалъ на стулъ, кланялся бабушкѣ и прибапалъ:

— Если вамъ такъ понравилось это сочиненіе, — то позвольте мнѣ поднести его вашему превосходительству.

— Бабушка благодарила и принимала съ удовольствіемъ брошюрку, а Максимъ Ивановичъ, посидѣвъ немного, вставалъ, кланялся и снова подходилъ къ ручкамъ бабушки и маменьки.

— Куда же вы такъ торопитесь, Максимъ Ивановичъ? спрашивала его обыкновенно бабушка: — посидѣли бы еще. Мнѣ всегда пріятно васъ смѣть.

— Очень благодаренъ-съ, отвѣчалъ онъ, — за вниманіе ко мнѣ, но я обремененъ занятіями и потому не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ-съ.

Когда онъ уходилъ, бабушка обыкновенно вздыхала и произносила: — Ахъ, какой прекрасный человекъ, истинно добродѣтельный! и какой умища!... Вотъ съ такимъ человекомъ пріятно и полезно проводить время!

Маменька обыкновенно подакивала ей, а потомъ говорила потихоньку проживалкѣ, или какой нибудь родственницѣ, присутствовавшей во время чтенія:

— Ну слава Богу, ушелъ!... какъ онъ надѣбаетъ съ своимъ чтеніями! Кажется нѣтъ на свѣтѣ сучиѣе человека!

Я внутренно соглашался съ маменькой и меня вислоко неудивляло, что она подакиваетъ бабушкѣ и соглашается съ нею противъ себя, потому что это новторялось безпрестанно.

Я помню, что Максимъ Ивановичъ производилъ на всѣхъ какое-то непріятное, стѣсняющее, тяжелое впечатлѣніе, хотя никто не рѣшался сознаваться въ этомъ; я даже почему-то немножко боялся его; не смотря на то, что онъ очень ласкалъ меня. Въ лицѣ его было что-то неподвижное, мертвое, какъ будто это было не лицо, а маска; когда онъ улыбался, ротъ его растягивался до ушей, и вмѣсто

одушевленія, улыбка придавала ему выраженіе еще болѣе восторженное. Меня особенно смущали его огромныя, торчавшія уши. При его появленіи веселость исчезала на лицахъ, смолкали добродушный смѣхъ, всѣ какъ-то сжимались цѣловко и принимали постылый видъ. А когда онъ уходилъ всѣ снова оживлялись и начинали дышать свободнѣе. Мой инстинктъ говорилъ мнѣ, что Максимъ Ивановичъ не то чтобы вполне образцовый и безукоризненный человѣкъ, но я старался заглушить въ себѣ этотъ инстинктъ, потому что всѣ кругомъ меня твердили, что онъ примѣрный, благочестивый, благообразный, добродѣтельный и проч. и что онъ ведетъ жизнь образцовую и безукоризненную. Позже я осмѣлился усомниться въ его умѣ, но не рѣшался никому высказать этого, потому что всѣ кругомъ меня твердили, что онъ умнѣйшій человѣкъ.

Старшій братъ мой, который былъ по смѣлкѣ меня и воли раздѣлялъ мой образъ мыслей касательно Максима Ивановича, спрашивалъ однажды у одной изъ нашихъ родственницъ — дамѣ нѣтъ ли авторитетъ въ нашемъ семействѣ по уму и начитанности, говорившей всегда сухими моральными афоризмами :

— Неужели вы считаете Максима Ивановича умнымъ человекомъ?

— А неужели же можно сомнѣваться въ этомъ? отиѣчала она.

— Да чѣмъ же обнаруживается его умъ?... возразилъ мой братъ: — говорить онъ мало — а если и говорить, то обыкновенно о вселенныхъ, самыхъ необходимыхъ вещахъ: о томъ, кого произвели въ чины, кому дали орденъ, что ему сказала графиня такая-то, у которой онъ имѣлъ счастье быть сегодня, или какъ изволилъ принять его ласково такой-то князь; для того же, чтобы читать во всѣхъ домахъ, моральныя брошюрки — также не пужно большаго ума: нужно только умѣть читать складно и не имѣть никакого такта. Къ тому же, кромѣ своихъ моральныхъ брошюрочекъ, онъ вратъ ли что нибудь читывалъ.

— Ты еще слишкомъ молодъ, чтобы критиковать такихъ людей, какъ онъ, — сказала тетюшка нахмуривъ брови: — это недѣлаетъ чести твоей нравственности; дай Богъ, чтобы всѣ имѣли такія правила и такой образъ мыслей, какіе имѣетъ Максимъ Ивановичъ. Бго уважаютъ люди, которые имѣютъ значеніе побольше чѣмъ мы съ тобой. Если бы онъ не имѣлъ ума, — онъ не могъ бы занимать такого значительнаго мѣста какое онъ занимаетъ и дослужиться до такого чина.

Братъ мой, въ которомъ отрицательный элементъ началъ проявляться очень рано, улыбулся, выслушавъ тетюшку, и не сталъ возражать ей.

Последній аргументъ тетушки — именно тотъ, что *се имѣла ума* нельзя достигнуть вначительнаго чина, спьяно подѣйствовалъ на меня.... Я поколебался.

— Нѣтъ, должно быть онъ въ самомъ дѣлѣ умецъ, подумалъ я, только скрываетъ свой умъ.... Какъ же безъ ума достигнуть до такого чина!

Впоследствии, въ дѣлахъ зрѣлыхъ, я однако убѣдился, что можно и безъ обширнаго ума и безъ особенно-глубокихъ свѣдѣній, добиться до лестнаго и почетнаго титла превосходительства.

Когда я окончилъ курсъ, матушка послала меня съ визитомъ къ Максиму Ивановичу.

— Сѣзди къ нему, дружочекъ, говорила она, — онъ идетъ въ гору, надо всегда заискивать въ такого рода людяхъ. (Маменька также держалась нравственныхъ правилъ Ивана Акимыча и Максима Ивановича). Онъ можетъ тебѣ быть очень полезенъ.

Максимъ Ивановичъ занималъ небольшую квартиру, которая сохранилась въ баснословной чистотѣ, хотя на прислугахъ у него была одна только пожилая женщина, въ крайнемъ случаѣ исправлявшая также должность кухарки. Но эта женщина была Нѣмка....

— Дома его превосходительство Максимъ Ивановичъ? спросилъ я у нее, когда она отворила мнѣ дверь.

Нѣмка внимательно осмотрѣла меня съ ногъ до головы и сказала:

— А какъ объ васъ доложить?

Я назвалъ свою фамилію.

— Пожалуйте, сказала она, возвратясь черезъ минуту — и ввела меня въ комнату, которая была вся въ шкафахъ съ книгами: — *оци* сейчасъ выйдутъ.

— Боже мой! подумалъ я, можно ли хотя одно мгновеніе сдѣлаться въ умѣ и учености человѣка, у котораго такая чудесная библіотека!

Для меня до сихъ поръ однако загадка, къ чему служила библіотека Максиму Ивановичу, якогда нечитавшему добровольно ничего, кромѣ нравственныхъ брошюръ?...

Я всегда былъ робокъ по натурѣ и всякій авторитетъ невольно подавлялъ меня, эта робость осталась во мнѣ и до сихъ поръ... Человѣкъ пользующійся репутаціею необыкновеннаго ума, или таланта, или учености производитъ на меня такое впечатлѣніе, что въ его присутствіи я невольно теряюсь, взвѣсивъ каждое слово, боюсь провратиться и потому становлюсь натянутъ, скученъ и глухъ, сознаю это внутренно и отъ этого дѣлаюсь еще смѣшнѣе и скучнѣе. При этомъ съ дѣтства мнѣ внушено, по нравственному

кодексу Ивана Акмыча, глубочайшее уваженіе къ чиновнымъ авторитетамъ и вообще къ чинамъ, титуламъ, званіямъ и украшеніямъ, что осталось во мнѣ до нѣкоторой степени и доселѣ, несмотря на всѣ мои разочарованія. Въ присутствіи генерала я еще до сихъ поръ ни какъ не могу быть вполне самимъ собою: свободно сидѣть на стулѣ, свободно высказывать свой образъ мыслей; оспаривать свободно его мнѣнія; генералу я какъ-то невольно поддакиваю, передъ генераломъ я какъ-то невольно держусь, по старой привычкѣ, прямѣе, ему я какъ-то, также по старой привычкѣ, улыбаюсь слаще.... Я понимаю, что его превосходительство изволить говорить совсѣмъ не то; я вижу ясно, что его превосходительство изволилъ отстать; что онъ не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей, что его взглядъ смѣшонъ и жалокъ а свѣдѣнія очень бѣдны, я чувствую, что не нужно большой храбрости и большихъ знаній для того, чтобы вступить въ борьбу съ его превосходительствомъ и побѣдить его, — но какъ-то недостаетъ духу... и еще еслибъ я въ немъ искалъ чего нибудь, еслибъ я нуждался въ немъ! Привычки дѣтства сильны. Что дѣлать! титулъ превосходительства имѣетъ на меня какое-то магическое вліяніе... Съ статскимъ совѣтникомъ я уже несравненно свободнѣе, и еслибъ я былъ столь же робокъ въ печати относительно ихъ превосходительствъ, то навѣрное пользовался бы величайшею ихъ благосклонностію и заслужилъ бы отъ нихъ наименованіе благонамѣреннаго и нравственнаго *молодаго* человека, несмотря на то, что я вовсе не молодъ, но въ глазахъ ихъ превосходительствъ я, разумеется, все еще мальчишка, особенно при моемъ жалкомъ чинѣ!

Если я теперь такъ робокъ передъ генералами, то читатель можетъ вообразить до чего оробѣлъ я тогда войдя къ Максиму Ивановичу; ктому же его библіотека окончательно уничтожила меня... Передо мною разомъ были два авторитета: генералъ и ученый!

Въ ту минуту, когда я разсматривалъ книги, по большей части все назидательнаго содержанія, сзади меня раздавался тонкій, нѣсколько дребезжащій и мало симпатичный голосъ:

— Мое почтеніе—съ

Я вздрогнулъ и обернулся.

Передо мною стоялъ самъ Максимъ Ивановичъ въ вице-мундирѣ застегнутомъ на всѣ пуговицы и съ украшеніемъ на лѣвой груди.

Я смѣшался и произнесъ нескладно:

— Я долгомъ счелъ явиться къ вашему превосходительству, потому что (почему я не понималъ самъ и замкнулся).... потому что маленька поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе...

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Максимъ Ивановичъ, наклонивъ

свою обстриженную голову съ значительною просьбѣю: — милости прошу сюда-сь.

И онъ ввелъ меня въ гостиниу , самъ сѣлъ на диванъ передъ круглымъ столомъ , а мнѣ указалъ на кресло.

Я сѣлъ , поклонившись молча.

Минуты двѣ было молчаніе.

Его превосходительство крикнулъ. Затѣмъ опять съ минуту продолжалось молчаніе. Его превосходительство еще разъ крикнулъ и произнесъ:

— Вы, я слышалъ, очень успѣшно окончили курсъ наукъ-сь? Я съ вашимъ начальникомъ знакомъ-сь. Начальство вообще очень хорошо отзывается объ васъ и объ вашей нравственности-сь...

Я поклонился, внутренне спрашивая себя: зачѣмъ же я ему кланяюсь: вѣдь не онъ, а начальство хвалить меня?

— Такіе отзывы объ васъ начальства дѣлаютъ вамъ честь, продолжалъ Максимъ Ивановичъ: — съ хорошею нравственностью и благонравнымъ поведеніемъ вы можете-сь до всего дойти....

За тѣмъ снова послѣдовало молчаніе.

— Я, началъ Максимъ Ивановичъ черезъ минуту: — имѣю счастье пользоваться благосклонностію вашего министра-сь, онъ человѣкъ рѣдкій, высокій, прекрасныхъ правилъ-сь.... и непосредственного вашего начальника знаю-сь: во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ достойный-сь. А чтеніе вы любите-сь?...

— Да-сь, я читаю много.

— Это прекрасно-сь, возразилъ Максимъ Ивановичъ, — только надо читать съ большимъ выборомъ, только такія сочиненія-сь, которые питаютъ въ одно время умъ и сердце, назидательныя, нравственныя сочиненія-сь... Вотъ-сь я вамъ рекомендую, вышла недавно одна весьма назидательная брошюрка-сь.... Она небольшая-сь. Я вамъ ее прочту-сь. Послушайте.

И Максимъ Ивановичъ началъ читать брошюрку, въ которой доказывалось, что надобно идти по пути добродѣтели, избѣгая всякихъ соблазновъ и всякаго зла, на которые наталкиваетъ насъ прагъ человѣческаго рода.

— Не правда ли какое прекрасное сочиненіе? произнесъ онъ кончивъ: — какія высокія мысли и краснорѣчіе!

Да кто же не знаетъ этого? вертѣлось у меня на языкѣ, — еслибъ это высказано было по крайней мѣрѣ не такъ пошло!

— Превосходно, ваше преносходительство! произнесъ я въ отнѣтъ и при этомъ еще для выраженія большаго восторга поднялъ глаза къ потолку.

Максимъ Ивановичъ былъ по видимому очень доволенъ мною, пожалъ мнѣ руку, проводилъ меня до передней и, кланяясь, мнѣ сказалъ: — желаю вамъ всякаго успѣха-съ. Я увѣренъ, что вы далеко пойдете по службѣ... Матущѣ мое глубокое почтеніе-съ.

Когда я сошелъ съ лѣстницы, я однако почувствовалъ себя какъ-то нехорошо, и какой-то, какъ будто внутренній голосъ, (вѣроятно тотъ, который мы зовемъ совѣстью) шепталъ мнѣ:

— Жалкій ты человѣкъ! ты еще только начинаешь свое поприще, а ужь безпрестанно путаешься во лжи, въ лести и въ лицемеріи.... Ну зачѣмъ ты такъ сладко смотрѣлъ на этого застарѣлаго ханку и лицемеръ? За чѣмъ ты прикинулся восхищеннымъ отъ его брошюрки?

Я краснѣя, отвѣчалъ на это:

— Но мнѣ съ дѣтства внушали заискивать въ значительныхъ людяхъ, во всемъ соглашаться съ старшими и вести себя относительно ихъ какъ можно осторожнѣе и скромнѣе... Мнѣ безпрестанно твердили, что въ этомъ заключаются всѣ правила нравственности!

— Хороша нравственность, основанная на лжи, съ упрекомъ шепталъ мнѣ внутренній голосъ, — на уничтоженіи своего человѣческаго достоинства!... Искательство, ложь и лицемеріе — правила лодства, а не нравственности....

На это я немогъ ничего возразить моему внутреннему голосу.... Я чувствовалъ, что онъ имѣетъ нѣкоторое основаніе, и послѣ его замѣчаій мнѣ стало на минуту еще тяжелѣе... Слова Максима Ивановича: «я увѣренъ, что вы далеко пойдете по службѣ-съ» написаны легли мнѣ на сердце.

Но все это касается лично до меня и нейдетъ къ дѣлу. Обратимся къ нравственному Максиму Ивановичу.

Если еще въ чиновникъ сферѣ, между людьми почтенными и ходились люди, сомнѣвавшіеся въ умѣ Максима Ивановича, то уже относительно его нравственности и добродѣтели никто не имѣлъ малѣйшаго сомнѣнія. Съ моимъ внутреннимъ голосомъ, касательно того, что будто бы онъ тупой лицемеръ и ханжа, соглашались только молодые люди, замѣченные вообще въ неблагонамѣренномъ и либеральномъ образѣ мыслей.... И что они могли сказать противъ безукоризненнаго образа его жизни?

Максимъ Ивановичъ съ примѣрною точностію и неуклонностію исполнялъ всѣ служебныя и общественныя обязанности, по общепринятымъ правиламъ. Вставалъ онъ ежедневно зимой въ 8 часовъ, а лѣтомъ въ семь, умывшись и одѣвшись и выкушавъ чаю, занимался бумагами до 12 часовъ, а въ 12 часовъ отправлялся пѣшкомъ въ должность... Максимъ Ивановичъ, съ первыхъ дней своей служеб-

ной дѣятельности, до послѣднихъ минутъ своей жизни, никогда не развлекался и не увлекаясь ни чѣмъ, не позволялъ себѣ израсходовать лишней копѣйки; еще съ самыхъ малыхъ чиновъ и окладовъ онъ началъ ежегодно откладывать въ ломбардъ маленькую сумму отъ экономіи, постепенно возвышая ее при своемъ возвышеніи. «Это копѣйка на черный день» благоразумно думалъ онъ, не подозревая, что для такого рода людей какъ онъ не бываетъ чернаго дня... Въ значительныхъ чинахъ и при значительныхъ окладахъ, онъ продолжалъ все скромно ходить пѣшкомъ, не дерзая и подумать о заведеніи экипажа, какъ объ излишней роскоши. Мысль о женѣ, какъ объ обязанности, почиталъ онъ равно дерзкою, и хотя съ молодости чувствовалъ пополозновеніе къ прекрасному полу, но благоразумно сдерживая свои страсти, дошелъ до того, что уже въ преклонныхъ лѣтахъ—это было высшее торжество нравственности! разсматривалъ женщину, какъ порожденіе нечистой силы, какъ первую причину всего зла... Въ большихъ чинахъ онъ позволилъ себѣ нанять только квартиру побольше, но не измѣнилъ почти ни въ чемъ своихъ прежнихъ привычекъ мелкаго чиновника и попрежнему оставался только съ своей Нѣжкой, замѣнявшей ему всю прислугу... Возвратясь изъ должности, онъ кушалъ два блюда и въ такомъ случаѣ послѣ обѣда засыпалъ на часокъ—другой; но обѣдалъ дома рѣдко, въ видахъ экономіи, что ему было не трудно при его многочисленныхъ и разнообразныхъ знакомствахъ и при значительной смертности въ Петербургѣ. Максимъ Ивановичъ больше обѣдалъ на похоронныхъ обѣдахъ, ибо считалъ непремѣннымъ долгомъ провожать всѣхъ своихъ знакомыхъ до послѣдняго жилища и потомъ помануть ихъ затрапезой. Въ такихъ случаяхъ онъ возвращался съ кладбища домой, чтобы отдохнуть и потомъ отправлялся въ гости, начинивъ широкіе карманы своего вице-мундира и своей шинели нравственными брошюрками. Онъ былъ вхожъ между прочимъ, во многіе знатные дома, гдѣ его терпѣли, какъ терпѣть вообще старую прислугу.... по необходимости. Максимъ Ивановичъ какъ человѣкъ добросовѣстный и аккуратный былъ рекомендованъ еще въ молодости нѣкоторымъ именитымъ особамъ и исполнялъ ихъ разныя порученія и приказанія, за что и былъ награждаемъ вниманіемъ, ласковымъ обращеніемъ, дозволеніемъ иногда приходить обѣдать.... и небольшими суммами. Изрѣдко именитые особы, възнавъ своего особеннаго благоволенія къ нему, дозволяли ему даже прочитывать имъ нравственные брошюрки и потомъ, улыбаясь, говорили между собою «добрый человѣкъ, но ужасный чудакъ!» Часамъ къ дѣсятинадцати Максимъ Ивановичъ обыкновенно возвращался домой и, выписавъ въ свой дневникъ нѣсколько строчекъ, (какое сходство съ моимъ почтеннымъ наставникомъ!) ложился почивать, помылившись

Богу. У него были записаны рожденья и именины всѣхъ важныхъ особъ и значительныхъ лицъ, и въ такіе дни, передъ должностію, онъ обыкновенно пешечкомъ отправлялся къ нимъ съ поздравленіемъ, былъ принимаемъ нѣкоторыми, а у другихъ записывался въ швейцарской—и все это исполнялъ постоянно втеченіи всей своей высокоправственной жизни... О праздникѣ Рождества, Нового Года и Свѣтлаго Воскресенія говорить нечего... Въ первый день каждаго изъ высокаторжественныхъ праздниковъ онъ объѣзжалъ на скрѣпомъ извозчикѣ всѣхъ знатныхъ особъ и лицъ, на другой мѣсто значительныхъ, а на третій день—знакомыхъ по просте. Въ недѣлю Пасхи онъ уже непремѣнно останавливалъ всѣхъ встрѣчавшихся ему на улицѣ своихъ знакомыхъ, какого бы они ни были маляго чина, по христіанскому обычаю цаловалъ ихъ трижды въ губы, произнося: «Христосъ воскресъ» и потомъ кланялся, прибавляя:—желаю-сь, чтобы Господь сподобилъ насъ встрѣтиться и въ слѣдующемъ году въ этотъ день-сь»...

Максимъ Ивановичъ съ генеральскаго чина считалъ также своимъ непремѣнною обязанностію, неизвѣстно почему, появляться на всѣхъ публичныхъ экзаменахъ, актахъ и торжественныхъ засѣданіяхъ въ полномъ мундирѣ и во всѣхъ украшеніяхъ. Онъ внимательно выслушивалъ всѣ рѣчи, или отвѣты учениковъ, самъ никогда не предлагалъ ни какихъ вопросовъ и, слушая, только отъ времени до времени поводилъ бровями.

Послѣ же публичнаго экзамена подходилъ обыкновенно къ выпускнымъ воспитанникамъ съ родителями которыхъ онъ былъ знакомъ и говорилъ имъ постоянно одну и ту же фразу:

— Поздравляю васъ. Желаю-сь, чтобы вы были утѣшеніемъ вашихъ почтенныхъ родителей и достигли бы большихъ чиновъ-сь.

Трудолюбіе и усердіе къ службѣ Максима Ивановича были неопровержены никакому сомнѣнію и нельзя было не удивляться, какъ у него стаеетъ времени при его служебныхъ занятіяхъ исполнять всѣ мелочныя общепринятые и даже совсѣмъ ничѣмъ непріятныя обязанности. О служебныхъ способностяхъ его были различныя толки: пожилые служаки-рутинеры, искушенные многолѣтнимъ опытомъ, отзывались о немъ, какъ о замѣчательномъ чиновникѣ; люди же молодые, неопытные, съ либеральнымъ взглядомъ, имѣвшіе случай узнать его поближе, утверждали, что все выходящее изъ рутинной или изъ обычной формы, ставило его въ тупикъ и потребны были необыкновенныя усилія для объясненія ему какой-нибудь новой, хотя и простой мысли, и что онъ никакъ не могъ освѣтлѣть и примириться съ таковою мыслию до тѣхъ поръ, покада она не была одобрена высшимъ начальствомъ и не признана имъ необходимою. Кон-

въ этомъ случаѣ вѣрить, я предоставляю рѣшить читателю; я знаю только то, что Максимъ Ивановичъ дѣйствительно оказывалъ свое покровительство тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые были самыми закоренѣлыми представителями формы и рутинны, какъ съ точки зрѣнія служебной, такъ и съ точки зрѣнія общественной; которые наиболѣе обнаруживали преданности и подчиненности, были смѣлыми и безотвѣтными исполнителями всякихъ приказаній, имѣли видъ скромный и благонравный и поздравляли начальство съ праздниками аккуратно.

Такихъ нравственныхъ пурисовъ, какимъ былъ Максимъ Ивановичъ въ сію минуту уже не отыщешь.

Онъ заботился не только о нравственности своихъ подчиненныхъ — чиновниковъ и сторожей, но простиралъ эту заботливость даже на ихъ жонъ, дочерей и прочее.

Если кто нибудь изъ его подчиненныхъ приходилъ къ нему просить разрѣшенія о вступленіи въ законный бракъ, его превосходительство при этомъ обыкновенно хмурился и, по нѣкоторомъ размышленіи, спрашивалъ:

— Очень хорошо-съ, но я прежде желалъ бы знать, хорошаго ли поведенія ваша невѣста-съ, честныхъ ли она родителей, и къ какому они званію принадлежатъ?

Женихъ отвѣчалъ обыкновенно, что невѣста дочь статскаго или коллежскаго, или надворнаго совѣтника, что будущій тесть, кромѣ того, имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы и при томъ камеръ, и что поэтому онъ, женихъ, не имѣетъ не только права сомнѣваться въ поведеніи невѣсты, но почитаетъ даже мысль о сомнѣніи предосудительною.

Это нѣсколько, повидимому, успокоивало его превосходительство, однако онъ возражалъ:

— Все это такъ-съ; ну, а можетъ быть выменя обманывается-съ?

Подчиненный, разумѣется, увѣрялъ, что онъ не осмѣлился бы обмануть его превосходительство, и клялся, что его невѣста имѣетъ весьма нравственные правила. Но, не смотря на все это, Максимъ Ивановичъ никогда не давалъ разрѣшенія прежде личнаго объясненія съ будущимъ тестемъ своего подчиненнаго.

Нравственная точка зрѣнія его превосходительства на литературу и на жизнь нерѣдко поставляла иныхъ въ весьма щекотливое и непріятное положеніе.

Говорятъ какой-то издатель, высоко дорожившій мнѣніями Максима Ивановича и не рѣшавшійся ничего печатать безъ его совѣта привезъ однажды на его олобреніе стихи, пріобрѣтенные имъ у какого-то поэта. Стишки были большею частію содержанія благо-

честиваго,—и Максимъ Ивановичъ одобрилъ ихъ, но между ними подалось одно стихотвореніе къ дѣвицѣ имя и фамилія которой были выставлены вполнѣ. Поэтъ восхищался красотой ея и говорилъ ей между прочимъ:

Природы — чудо, совершенство
Васъ невозможно не любить,
Любимымъ вами быть блаженство.... и прочее.

Максимъ Ивановичъ очень призадумался надъ этимъ стихотвореніемъ, сначала вовсе не хотѣлъ его одобрить, а потомъ рѣшилъ одобрить не иначе, какъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ, которое онъ сдѣлалъ въ выноскѣ: «Авторъ не рѣшился бы написать и напечатать это стихотвореніе къ дѣвицѣ такой-то (имя и фамилія ее были здѣсь снова повторены вполнѣ), если бы онъ не имѣлъ намѣренія вступить съ нею въ законный бракъ.» Все это происходило въ отсутствіи поэта. Издатель напечаталъ стихотвореніе съ примѣчаніемъ. Влюбленный поэтъ, ничего не подозревая и даже не зная, вышла ли нѣтъ его книжка, въ день возвращенія своего въ Петербургъ, черезъ часъ отправился въ домъ родителей дѣвицы. Дѣвица не показывалась, а родители ея привали его очень сухо. Смущенный молодой человѣкъ, всегда пользовавшійся особенною любовью и вниманіемъ ихъ, рѣшился спросить у нихъ: «за что они на него сердятся?..»

— И вы, милостивый государь, отиѣчалъ родитель дѣвицы: — ниѣте еще дерзость предлагать мнѣ такой вопросъ?...

— Клянусь, нескладно заговорилъ молодой человѣкъ чуть и сквозь слезы:—я васъ такъ уважаю.... мнѣ это такъ больно.... я понимаю, что все это значитъ.... чѣмъ я могъ заслужить такое обращеніе....

— А это, сударь, что? воскликнулъ родитель дѣвицы съ сверкающими глазами, указывая ему на его стихотвореніе съ нравственнымъ примѣчаніемъ Максима Ивановича.

Поэтъ прочелъ примѣчаніе и чуть не уналъ въ обморокъ и хотя дѣло объяснилось потомъ, но ему все-таки деликатно отказали отъ дома.

Когда Максиму Ивановичу передали это печальное событіе съ этою, онъ хладнокровно выслушалъ и также хладнокровно промолвилъ:

— По моему-съ, безъ примѣчанія стихотвореніе это было бы еще неприличнѣе, и родители дѣвицы могли бы тогда еще болѣе скорбѣть. Во всякомъ случаѣ-съ, это можетъ послужить урокомъ молодому человѣку быть впередъ осторожнѣе-съ и выбирать предметъ болѣе нравственные и серьезныя для своихъ стихотвореній.

Максимъ Ивановичъ сошелъ въ могилу также скромно, какъ онъ жилъ, оставивъ какому-то отдаленному родственнику, о которомъ онъ никогда не думалъ и котораго никогда не видалъ въ глаза, довольно значительный капиталецъ. Никто не присутствовалъ въ минуту его кончины, кромѣ его аккуратной и чистоплотной вѣмки, которая аккуратно закрыва ему глаза, аккуратно дала знать о его смерти кому слѣдуетъ, и потомъ, по обыкновенію, принялась вязать свой чулокъ, какъ ни въ чемъ не бывало.... Самое драгоценное наслѣдіе, оставшееся намъ послѣ покойнаго и принадлежащее всѣмъ намъ его соотечественникамъ, — это, безъ сомнѣнія, «Дневникъ», найденный послѣ смерти въ его бумагахъ, вѣлѣнный имъ въ теченіе сорока лѣтъ, — удивительный матеріалъ для изученія человѣка, слышшаго вѣкогда полезнымъ, нравственнымъ, умнымъ, примѣрнымъ членомъ общества....

Вотъ отрывки изъ этого несравненнаго дневника. Я возьму только за годъ одинъ день изъ каждаго мѣсяца на выдержку:

Января 2 18**. Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 12 до 7. Воснѣ видѣлся мальчикъ въ красной рубашкѣ, желавшій нанести мнѣ смертельный ударъ. Всѣ жизненныя исправленія были какъ слѣдуетъ. Обѣдалъ у его превосходительства Федора Мартыновича Зарубина, потомъ прошелся немного, вечеромъ былъ дома и легъ на ночь въ 12 часовъ.

Февраля 10. — Помяни Господи душу усопшія рабы твоей моей бабки, скончавшейся въ этотъ день въ 1792 г. Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 1 до 8 ч. Все было какъ слѣдуетъ. Во снѣ видѣлъ, что кто-то противъ воли моей берется докладывать мои бумаги и потомъ, что я на Охтенскомъ кладбищѣ занимаюсь чѣмъ-то поминками.

Марта 26. — Благодареніе Промыслителю, сонъ былъ хорошъ отъ 1 до 7 ч. Чувствовалось вѣкоторое разстройство желудка. Во снѣ видѣлъ двѣ могилы — и одну весьма глубокую, выложенную кирпичемъ, потомъ очутился въ Москвѣ и вижу Наполеона, занимающагося истребленіемъ бумагъ, которыя я осмѣлился у него взять и читать кому-то, но опасался за эту смѣлость его мщенія. Обѣдалъ дома, послѣ обѣда уснулъ часа 2, потомъ не спалъ, а на ночь легъ спать въ 12 часу.

Апрѣля 17. — Помяни Господи душу раба твоего, добраго начальника моего, его сіятельство князя Н*, скончавшагося

- въ этотъ день шесть лѣтъ назадъ тому. Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ. Во снѣ видѣлись Александръ Николаичъ Борисовцевъ и молодой Радоминскій, которому я дѣлалъ замѣчаніе за его невниманіе къ старшимъ. — Желудокъ все разстроено и пищевареніе неправильное, оттого вѣрно, что дважды употреблялъ черносливъ и съѣлъ два моченыхъ яблока. Однако обѣдалъ у графини Р. Послѣ небольшой прогулки, возвратился домой и легъ на ночь въ 12 ч.
- Мая 6. — Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 2 до 5 и отъ половины 6-го до 8 ч. Во снѣ видѣлись какіе-то молодые чиновники, — трое сидятъ и занимаются въ холодной комнатѣ, которую топить не велитъ начальство. Жизненные исправленія какъ слѣдуетъ. Обѣдалъ на кладбище на поминкахъ его превосходительства Василья Ивановича. — Домой возвратился пѣшкомъ — Вечеромъ занимался, ужиналъ въ 9 ч., легъ спать на ночь въ 11 ч.
- Юня 11. — Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ. Видѣлось во снѣ, что ворона два раза садилась мнѣ на голову, когда я стоялъ у какого-то забора. Жизненные исправленія какъ слѣдуетъ. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, уснулъ часа три, въ которые много кое-чего видѣлось, а на ночь легъ спать въ 11.
- Юля 18. — Рожденіе сиротѣющей дочери княгини Аглаиды Васильевны С. — Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ половины перваго до половины пятаго. — Во снѣ видѣлъ — искушеніе духа тьмы — балаганы, прекрасно устроенные на площади, и въ нихъ въ домѣ платьѣ кавалера и пѣвицу итальянскую, съ большими глазами. — Обѣдалъ на Волковомъ, по случаю похоронъ статскаго совѣтника Перемыкина. Послѣ заѣзжалъ къ вдовѣ Александра Петровича (впрасно), потомъ возвратился домой и легъ на ночь въ 12 ч.
- Августа 3. — Благодареніе Всемогущему, сонъ былъ хорошъ, хотя въ началѣ испыталъ покушенія врага душъ на злыя мысли. Видѣлъ потомъ Петра Великаго, новый академическій русскій словарь и его сіятельство графа, выслушивающаго мои объ ономъ словарѣ отзывы и еще выпавшій у меня зубъ, съ ровнымъ, съ гладкимъ, какъ будто подпиленнымъ корнемъ. — Послѣ

обѣда дома уснулъ минутный божиимъ спускомъ въ страдномъ видѣ. — На ночь легъ въ 12 ч.

Сентября 16. — Благодареніе Многомилостивому сонъ былъ хорошъ. Во снѣ видѣлся мнѣ, фельдмаршалъ Радецкій, обласкавшій меня, съ которымъ я разговаривалъ о разныхъ нравственныхъ предметахъ, а потомъ родителями мой, идущій со мною въ вагонномъ тулупѣ въ Динемъ саду, нажета зимой, которому я раскрывалъ разные служебные планы мои. — Послѣ обѣда уснулъ часа 3, и на ночь легъ въ 12 ч.

Октября 9. — Благодареніе Вседержителю, сонъ былъ хорошъ. Видѣлъ во снѣ какого-то значительнаго англичанина, который говорилъ мнѣ лестныя для самолюбія моего похвалы за мое усердіе къ службѣ, и проч. Обѣдали у его превосходительства Г. И. Т. и проч.

Ноября 4. — Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ. Во снѣ видѣлось много кое-чего: женскій полъ, профессоръ, объясняющій свою науку, еще какое-то общество, въ которомъ я кого-то оскорбилъ и потерялъ свое нижнее платье, еще какое-то странное явленіе на небѣ грозномъ и летающія бѣлыя птицы, обратившее на себя вниманіе многихъ зрителей, въ числѣ коихъ находился покойный фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій. Обѣдалъ у добраго моего бывшаго сослуживца, нынѣ занимающаго важное мѣсто у его высокопревосходительства Д. К. Т....

Декабря 18. — Благодареніе Промыслителю, сонъ былъ хорошъ отъ 1 до 6. Во снѣ видѣлось, что я въ плѣну у Наполеона и считаю серебряныя деньги, а вотомъ христосуюсь съ Наполеономъ, который очень ласкалъ меня. Обѣдалъ дома, — соснулъ послѣ обѣда часа 2, а на ночь легъ спать въ 12 ч.

О добродушнѣйшій и нравственнѣйшій изъ чиновныхъ старцевъ, — миръ праху твоему! Мой внутренній голосъ упрекалъ тебя вѣкогда во лжи, въ лицемеріи и въ ханжествѣ, но онъ былъ несправедливъ къ тебѣ.... Онъ горячился по молодости. Теперь онъ возмужалъ вмѣстѣ со мною и приобрѣлъ болѣе опытности во взглядѣ на людей и судить о нихъ уже не такъ горячо и опрометчиво. Ктому же въ твоёмъ драгоцѣнномъ дневникѣ—ты весь передъ нами. Нѣтъ, ты не ханжилъ, не лгалъ и не лицемерилъ, ты былъ искрененъ; всю жизнь свою ты добродушно принималъ ложь за правду, ханжество и лицемеріе за благочестіе, холопство за благо-

правдѣ и нравственности! Въ тебѣ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, отражались въ преувеличенномъ безобразіи всѣ общественныя и officialныя несправедливости, взгляды, условія и принципы среды, тебя окружавшей, которые ты принималъ безъ повѣрки и изъ тупаго усердія еще преувеличивалъ и доводилъ до каррикатуры. И твои покровители и милостивцы, друзья, сослуживцы и сверстники, — люди болѣе тебя тонкіе, иногда въ тайнѣ позволявшіе себѣ, можетъ быть подсмѣиваться надъ тобою, не подозревали, что они смѣются надъ самими собою, надъ своею собственною злою и безпощадною каррикатурою въ лицѣ твоёмъ!... Ты совершилъ, по понятіямъ среды тебя окружавшей, свое земное поприще съ честію, какъ подобаешь всякому добропорядочному человѣку, то есть, достигъ генеральскаго чина и разныхъ отличій и оставилъ себѣ капиталецъ, хотя неизвѣстно для кого, — но все равно безъ капитала жизненный подвигъ твой былъ бы не полонъ! Скромно и незамѣтно тихими шажками шелъ ты по избитой колеѣ, почтительно сторонясь и преклоняясь передъ всякою силою, въ полномъ и добродушномъ убѣжденіи, что эта узкая, истрепанная и избитая колея — широкій ровный путь, ведущій къ спасенію. Если ты дѣлалъ зло, если тебѣ приходилось на пути твоёмъ душиить въ зародышѣ всякое человѣческое проявленіе, поражавшее тебя; всякое свободное слово и всякую свободную мысль, подававшуюся тебѣ, то — какъ это ни дурно, у меня не поднимется языкъ на твоё осужденіе, ибо ты руководимый тупыми принципами, проникшими твою плоть и кровь, — полагалъ, что творишь добро.

Какъ бы то ни было, въ минуты бодрствованія: за своимъ почетнымъ кресломъ въ мѣстѣ твоего служенія, за нравственною бронюю въ гостяхъ, за кутьею на похоронномъ обѣдѣ, за обсужденіемъ новитическаго творенія — и въ часы сна, когда ты парилъ въ высшихъ сферахъ, сопредседествовалъ Петру Великому и Наполеону, бесѣдовалъ съ Радецкими и съ Дибичами-Забалканскими.... ты представлялъ явленіе любознательное. Одинъ изъ самыхъ добродушныхъ сподвижниковъ отжившей эпохи, ты можешь служить намъ образцомъ ея характеристикой.... И я знаю, что еще и теперь есть люди, душою и лѣтами, принадлежащіе твоей несравненной эпохѣ, которые ставятъ тебя по уму и по нравственности, въ примѣръ новому поколѣнію!...

Вотъ почему я бросаю цвѣтокъ воспоминанія на твою еще свѣжую могилу. Еще разъ миръ праху твоему и той эпохѣ, въ которую ты жилъ, дѣйствовалъ, имѣлъ значеніе, почитался серьезно полезнымъ членомъ общества и получалъ награжденія за отличія и усердіе!

Кстати о прошедшемъ. Мнѣ недавно попался очень любопытный документъ, относящійся къ прошедшему — дѣло, происходившееся въ бывшей П. Межевой Конторѣ, любопытный отрывокъ изъ котораго съ сохраненіемъ правописанія подлинника, слово въ слово я представляю читателямъ:

«Яковлевъ, обще съ Мельниковымъ, землеѣромъ Ивановымъ и ливальнымъ Михайловымъ поюшли къ столу директорскому и при томъ усмотрѣли на столѣ лежащія, на двухъ листахъ написанныя собственною землеѣра Кудрявцева рукою какіе-то стихи; но какъ по содержанію ихъ можно почестъ даже и за пасквили, а если и не таковыми, то по крайней мѣрѣ сіи партикулярныя и безполезныя бумаги при должности писать или ихъ въ присутствіи мѣстѣ оставлять — законами воспрещено; вслѣдствіе онаго означенныя бумаги давъ подписать дежурному и ливальному, вывѣ въ оригиналѣ конторѣ представилъ и просилъ взять какъ поступокъ землеѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ, въ разсмотрѣніе; ибо они, по мнѣнію его землеѣра Мельникова, въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя Государственныя Заведенія и составляютъ упрекъ Педагогическому Институту; изъ листовъ же, взятыхъ имъ Мельниковымъ въ чертежной на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно: *Фамусовъ* — ну вотъ великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина; ученые вотъ чума, ученность вотъ причина, — что нынче пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлать и мнѣній. — *Хлестова*: — и нпрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ бншь, да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій. *Княгиня*: — нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ, Педагогическимъ такъ кажется зовутъ; тамъ упражняются въ расколахъ и безнѣрѣ; въ профессора — у нихъ учился нашъ родня и вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерье; отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня; чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ, князь Федоръ мой племянникъ: *Скалозубъ* — я васъ обрадую: всеобщая молва, что есть проектъ посчетъ лицеевъ, школъ, гимназій; тамъ будутъ лишь лишь понашему разъ, два; а книги сохранять такъ, для большихъ казій; *Фамусовъ* — Сергій Сергѣевичъ, нѣтъ; ужъ коли зло претѣчь, забрать всѣ книги бы, да сжечь. *Загорницкій* — нѣтъ-съ; книги шигамъ разны. *Хлестова* — отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроены, такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья ль, а *Чацкаго* мнѣ жаль; ю христіански такъ онъ жалости достоинъ; былъ острый человекъ, имѣлъ душъ сотынтри. *Фамусовъ* — четыре; *Хлестова* — три сударь; *Фамусовъ* — четыреста. *Хлестова* — нѣтъ, триста; *Фамусовъ* — въ month календарь... *Хлестова* — всѣ врутъ календаря!.. и проч. На что

контора резолюціею своею того же числа заключила: предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію контору, не продолжая болѣе одного дня, объясненіе, въ томъ 1) въ какомъ смыслѣ опредѣляетъ онъ будто бы ученіе есть чужа и причину то нынче пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ и нѣтъ и изъ каннхъ именно событій, дѣлъ и нѣтъ онъ-то заключаетъ 2) почему онъ себя дозволялъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей утѣрять, ко бы и впрямь съ ума сойдесть отъ этихъ, отъ однихъ пансіонеровъ, школъ и лицеевъ; ибо весьма благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія ума и нравственности, обученіе и благотворное занятіе упражняющихся въ географіи и пречихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастью благоустроеннаго государства; 3) кто его утѣрилъ, или съ какого повода онъ дерзнулъ написать, что въ Педагогическомъ С.-Петербургскомъ Институтѣ упражняются въ расколахъ и безвѣрїи профессора и говорить это, когда не безизвѣстно ему, что въ Педагогическомъ Институтѣ воспитывались начальники его: 1) членъ Прутковскій и 2) Корбелецкій и на какую онъ родню указываетъ, что будто бы, вышедъ изъ одного, можетъ быть поистеремъ въ аптеку, ибо въ оный Институтъ поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ; и слѣдовательно таковымъ его именованіемъ на чье лицо дѣлаетъ пасквильное порицаніе; 4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе и дальнѣйшее его описаніе, котораго обязанъ онъ неоспоримыми объясненіями доводами: А., гдѣ и какъ дошел до него всеобщая молва о такомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ Заведеній, какъ онъ пишетъ: *что есть проэктъ на счетъ лицей, школъ, гимназій; тамъ будутъ лишь учиться по нашему; разе, два; а книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій*; при томъ объяснить, какою въ себѣ заключаетъ смыслъ — *выраженіе по нашему разе, два*. В., Какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно взбрызнуть книги бы, да сжечь. С., Чѣмъ онъ руководствовался при дерзости писать стихи, что доказывается тѣмъ, ибо они еще не окончены, и для чего онъ-то, свое сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ ли намѣреніемъ, дабы вынудить прочимъ его сослуживцамъ; о чемъ ему Кудрявцеву отъ 6-го числа Октября за № 1651 предписано указомъ. Въ слѣдствіе каковаго предписанія Землемѣръ Кудрявцевъ рапортомъ, Ноября въ 7-е число Конторѣ объяснилъ, что стихи, такъ называемые Г. Землемѣромъ Мольниковымъ и предложенные Присутствію сей Конторы, въ Законопротивоположѣ духѣ имъ понятые, суть: Копія съ выписки, сочиненной Г. Гребодовымъ; оригиналъ таковыхъ былъ найденъ имъ Кудрявцевымъ

напередъ, а какъ бумага была замечена, — такъ что, не-извѣстно было разобрать, то въ свободныя минуты, въ казенныя минуты переписалъ и они въ бумагахъ нечаянно занесены въ Чертежную и были отложены, и здѣсь забыты; смыслъ стиховъ былъ оправдывае-застъ, говоря, что они представляютъ наклонъ на заискусственный и вольный духъ и изображаютъ характеры непросвѣщенныхъ, для которыхъ важнее ученье чумою....»

Драгоценный документъ! Передъ нимъ даже блѣднѣетъ посрам-ленный дневникъ его превосходительства Максима Ивановича!

.... Прежде нежели мы перейдемъ къ петербургскимъ новостямъ (а ихъ на этотъ разъ очень мало), мы сообщимъ нашимъ читате-лямъ еще отрывокъ изъ письма, полученнаго нами изъ Рима отъ одного любителя искусствъ, о дѣятельности нашихъ художниковъ въ Римѣ. Хотя предметъ этотъ и не относится къ нашимъ замѣт-камъ, но читатели, вѣрно, не посѣгутъ на насъ за это.

«Начнемъ съ римскихъ сторожковъ, пишетъ г. Ж*, — г. Ивановъ (Александръ) и братъ его (Сергій) давно основались въ Римѣ и пустились, можно сказать, корни въ его археологическую и художественную жизнь.

(Затѣмъ идетъ рѣчь о картинѣ *Иванова* сужденіе о которой мы представили нашимъ читателямъ, въ прошломъ номерѣ и потому мы это мѣсто пропускаемъ.)

«Сергій Ивановъ (архитекторъ), составившій себѣ большую извѣстность въ Римѣ реставраціями Термовъ Каракаллы и нѣсколь-кихъ домовъ Помпей, признается знатокомъ за самаго даровитаго и ученаго архитектора, какой когда либо выходилъ изъ петербургской Академіи. Имя *Ивановыхъ*, вообще, пользуется большою извѣстностью въ Римѣ Третій представитель его — отличный пейзажистъ, тоже съ давнихъ поръ живущій въ Римѣ. Работы его извѣстны въ Россіи. Чтобы кончить со сторожилами римскими, скажу о г. *Орловѣ*, — художникъ съ большимъ самороднымъ дарованіемъ и чувствомъ, который, при замѣчательной добросовѣстности, достигъ замѣтнаго мѣста въ ряду нашихъ художниковъ. Последняя его картина (*Любовь Разбойника*) — плодъ четырехъ-лѣтняго труда, — особенно это свидѣтельствуешь. Всѣ наималѣйшія подробности выполнены съ окончательностью самую совершенную. Головка дѣвушки, за любовь которой разбойникъ отдаетъ свое веселое ремесло, — прелестна.... Женскія хорошенькія головки — лучшая сторона работъ г. Орлова. Портреты его давно успѣли сдѣлать ему извѣстность въ Россіи.

«Молодые историческіе художники *Сорокинъ*, *Браниковъ* и *Худковъ*, каждый вынѣтъ въ своей мастерской по нѣскольку картинъ,

расположенныхъ какъ велика лучше этихъ деревеніи. «Благословеніе» *Сорокина*, особенно можно назвать произведениемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ: оно обличаетъ въ авторѣ глубокое замѣчательное. Мысль смѣлая и новая, жизнь въ его изображеніи, исполненіе превосходно, а обстановка свидѣтельствуешь о глубинѣ и добросовѣстномъ изученіи археологической стороны предмета. Зѣсь уже не какая нибудь комната, съ какою ни пошла колонною и амвономъ съ книгой, которой тогда не было еще и выдуманно, — но комната именно той эпохи, и скрижали вѣтраго заѣта, и одежда, — все согласно съ преданіями. И какъ все это превосходно написано! Но самое счастливое въ картинѣ — мѣл. Моллиейся Дѣвъ, явился ангелъ, и она какъ бы прислушаваясь къ словамъ его, вся прониклась святымъ вниманіемъ. Выраженіе лица, движеніе руки, наклонъ головы — все понятно и вполне передаетъ данное мгновеніе. Ангелъ прозрачно легко и кажется видѣишемъ. Сквозь крылья его сквозятъ стѣны комнаты и фигура, спускался къ ногамъ, исчезаетъ почти совершенно. Такого счастливаго созданія не встрѣтишь часто и у первыхъ мастеровъ живописи. Что же до «Благословенія», то едва ли когда нибудь оно было выполнено такъ прекрасно. Можно предсказать заранѣе, что картинѣ г. *Сорокина* суждено возбудить множество толковъ и въ Римѣ, и въ Петербургѣ.

«Г. *Бронниковъ* издумалъ оживить древніе купальни римлянъ, и очень удачно украсилъ свою картину женскими фигурами.... Для исполненія своего сюжета, онъ долженъ былъ, безъ сомнѣнія, немало порываться и поучиться, потому что вѣрность историческая не дается легко.... Художникъ этотъ мало но за то дѣльно работаетъ. Дарованіе его одно изъ тѣхъ, на которыхъ можно нѣбольшое разсчитывать.

«Г. *Худиковъ*, не такъ давно пріѣхавшій въ Римъ, успѣлъ написать лишь нѣсколько этюдовъ. Но одинъ изъ нихъ — фигура разбойника (въ натуральную величину), по смѣлости выраженія, и необыкновенной жизненности, можетъ назваться цѣлою превосходною картиною. Смотришь, и не вѣришь, что это краски и не въ краскахъ холстъ, а не живая природа!

«У г. *Чернышева* есть премилая картина: «Возвращеніе изъ подарей съ работы». Движеніе, жизнь, пестрота костюмовъ, — все это прелесть.... Глядя на нея, хочется, чтобы художникъ, такъ легко и мѣтко схватывающій ежедневный бытъ людей, поспѣе вернуться домой и показать намъ нашу бытъ, который еще больше силъ дѣтъ отвѣтъ и въ душѣ художника, и въ насъ самихъ.

«Роворъ о жанристахъ, нельзя не пропустить гг. *Станкевича* и *Реймера*. Жанры первого (въ натуральную величину и мелкіе) обличаютъ въ художника большое дарованіе. Портреты его разительны по сходству и большой легкости, съ какою онъ ихъ выполняетъ. Можно предсказать г. *Станкевичу* вѣрный успѣхъ въ Россіи. Г. *Реймеръ* пишетъ большую картину изъ народной жизни Рима. Извѣстный портретистъ-акварелистъ нашъ *Рауловъ* работаетъ, какъ и другіе, неуспѣшно.

«Вотъ еще даровитый, трудолюбивый и отличный акварелистъ г. *Кламъ*. Архитектурные и пейзажные рисунки его — прелестны! Трудно довести акварель далѣе того совершенства, до котораго довели ее гг. *Кламъ* и *Ивановъ* (пейзажистъ).

«Остается сказать о г. *Лагоріо*. Онъ достигъ въ Римѣ замѣчательнаго развитія. Работы его «Понтійскія болота и Капри» на здѣшней выставкѣ первенствовали по своей части. Французы, англичане, нѣмцы и, что гораздо необыкновеннѣе, русскіе, — стучатся то и дѣло въ двери его мастерской и покупаютъ у него или заказываютъ ему, картины. г. *Лагоріо* безъ сомнѣнія принадлежитъ къ лучшимъ изъ нашихъ пейзажистовъ. Изящный вкусъ и гармонія красокъ, рѣдко кому даются въ такой степени. Умѣнье изъять изъ природы именно то, что не пропадетъ подъ кистью, принадлежитъ ему вполнѣ. Трудъ, самый прилежный и сознательный, далъ ему заслуженное право на огромный его успѣхъ.

«Пейзажистъ г. *Жамеъ* имѣетъ тоже вкусъ и дарованіе. Я утверждаю, что, при большихъ матеріальныхъ средствахъ, изъ этого художника вышелъ бы прекрасный живописецъ.

«Наконецъ, въ Римѣ же находится лучший граверъ нашъ г. *Щицалкинъ* и приводитъ къ концу свое «Взятіе на Небо», *Брюллова*. Работа, по мнѣнію, заточковъ, превосходитъ все, что было до сихъ поръ по части гравирования.

«Молодой скульпторъ г. *Забелло* общается хорошаго мастера современемъ: у него много вкуса и дарованія.

«Въ 1856 г. общество русскихъ художниковъ лишилось одного изъ достойнѣйшихъ своихъ членовъ: даровитаго пейзажиста *Ивана Григорьевича Давыдова*. Послѣ продолжительной болѣзни сердца и легкихъ, онъ скончался на 29 году, 24 ноября (6 декабря), въ то самое время, какъ замѣчательное дарованіе его начинало развиваться быстро.

«Уроженецъ Москвы, *Давыдовъ*, согласно желанію отца, изучалъ первоначально историческую живопись. Хотя способности его на этомъ поприщѣ и были замѣчены въ Московской Школѣ Ваянія и Живописи, но исключительная склонность молодого человѣка къ

нельзя было оставить фигуру и предаться ленинату. Успѣхи въ новой отрасли ученія открыли ему двери С.-Петербургской Академіи Художествъ, полный курсъ которой онъ прошелъ съ іуреміями. По полученіи первой золотой медали, Давыдовъ отареленъ былъ казеннымъ пансіонеромъ, за границу. Послѣ одного года, проведеннаго имъ въ Швейцаріи, онъ поселился въ Ригѣ. Занятіе его въ здѣшнихъ окрестностяхъ показало весь размѣръ самобытнаго и глубокаго его дарованія. Преснїя работы сразу отстали отъ новыхъ, какъ попытки отъ дѣла. Этюды его послѣдняго года — цѣлыя превосходныя картины, исполненныя высокою правдою и оконченности. Давыдовъ одаренъ былъ способностью: видѣть ясно предметъ и переводить его на холстъ безхитростно, просто. Къ этому онъ присоединялъ добытые наукою строгій рисунокъ и мастерское обладаніе кистью. Того, что успѣлъ произвести покойный, уже достаточно для оцѣнки понесенной имъ потери. Если же взять въ соображеніе все начатое, предположенное и оставшееся отъ него въ замѣткахъ, — всѣ эти планы и стремленія души, неудовлетворявшейся достигнутымъ, то утрата Давыдова становится еще чувствительнѣе!...

Но пора перейти къ Петербургу.

Концерты кончены... Приѣзжіе артисты и фокусники разѣхались... и послѣдніе, кажется, съ болѣвшими деньгами, нежели первые... Самымъ громкимъ и блистательнымъ изъ послѣднихъ концертовъ былъ концертъ *Иноалидовъ*, удостоенный посѣщенія Государя Императора и Августѣйшей Фамиліи.

Не смотря на то, что Свѣтлый праздникъ въ нынѣшнемъ году былъ ранѣе обыкновеннаго, не только къ Святой, даже къ Вербной недѣлѣ петербургскія улицы очистились отъ льда и грязи, что дѣлаетъ большую честь дѣятельности петербургской полиціи. Въ старыя годы въ Мартѣ мѣсяцъ въ Петербургѣ не было проѣзда. На Вербной недѣлѣ, стеченіе публики въ гостиномъ дворѣ было очень многочисленно, какъ и всегда на такъ называемыхъ Вербкахъ, которыя въ нынѣшнемъ году не отличались ничѣмъ особеннымъ... Послѣдніе дни передъ свѣтлымъ праздникомъ Петербургъ не представлялъ картины особенно блестящей и оживленной, чему причиною было пасмурное время и безпрестанно шедшій дождь съ pokrымъ снѣгомъ... Въ балаганахъ на Адмиралтейской площади, оставшихся съ масленицы, съ небольшими измѣненіями, давались же представленія что и на масленицѣ. Портреты знаменитой Юліи Пастраны, выставленные во всѣхъ мелочныхъ и табачныхъ лавочкахъ, привлекаютъ къ ихъ окнамъ толпы любопытныхъ. Г-жа Па-

страна, вѣдѣствіе этого приобрѣла въ Петербургѣ большую народность. Народъ называетъ ее *затрапичной невестой*.

28-го Марта, въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ бесплатный концертъ съ лотереей, съ безденежнымъ раутомъ и дѣтскими баломъ, въ пользу рукодѣльных дѣвицъ.

Благородное Собраніе, помѣщавшееся на Лптейной, въ домѣ, бывшемъ князя Орлова (нынѣ принадлежащемъ Министерству Удѣловъ), праздновало свое новоселье въ домѣ Косиковскаго, у Полцейскаго моста, большимъ обѣдомъ, на которомъ присутствовали многіе почетные особы и между прочимъ новый г. министръ Финансовъ. Залы клуба вновь говорятъ, отдѣланы съ большимъ вкусомъ.

Такъ какъ городскія новости не представляютъ на этотъ разъ ничего особенно-замѣчательнаго, — то мы поговоримъ о различныхъ петербургскихъ изданіяхъ и новыхъ журналахъ, которые продолжаютъ появляться чуть не ежедневно...

Любительницамъ модъ мы особенно рекомендуемъ—*Сѣверный Цвѣтокъ*, уже вѣроятно извѣстный имъ съ выгодной стороны, издающійся очень роскошно и съ безчисленными приложеніями: выкройками, рисунками, канновыми и тамбурными узорами, нотами, парижскими модными картинками и прочее. «Сѣверный цвѣтокъ», кромѣ модъ занимается хозяйствомъ и даже литературой и искусствами. — Въ немъ появляются рассказы г. Дала, стихотворенія г. Данилевскаго, переводныя повѣсти Балзака, критика, полемика, все что угодно—разнообразіе удивительное!.. Намъ въ особенности нравятся въ «Цвѣткѣ»—превосходные канновые, тамбурные и *полемическіе* приложенія. «Цвѣтокъ» воюетъ съ «Модой» и доказываетъ, что «Мода» издается съ одной только промышленною цѣлію... Мы рѣшительно на сторонѣ *Цвѣтка*, такъ же какъ, вѣроятно и наши читательницы. Куда жь «Модѣ» гонояться за «Цвѣткомъ»?.. Полемика «Цвѣтка» даже несравненно лучше цвѣтковъ поэзіи г. Данилевскаго... Эти цвѣтки нисколько не украшаютъ *Цвѣтка*... Да здравствуетъ же «Цвѣтокъ» и да процвѣтаетъ онъ, никогда неувядая!

Слава Богу, — теперь у насъ просвѣщеніе въ полномъ ходу!... Отовсюду являются неожиданно новыя дѣятели, вовсе неизвѣстные ни въ наукѣ, ни въ литературѣ импровизированные литераторы и неслыханные ученые и спеціалисты, которые хотятъ насъ непремѣнно, во что бы то ни стало, — наставлять, просвѣщать, и даже забавлять: веселить, смѣшить и улаживать наши досуги — и все это, конечно, совершенно безкорыстно, изъ одного желанія всѣхъ благу и вѣчныхъ удовольствій своимъ соотечественни-

дѣтъ... Судя по журнальному программѣ, пожеланиямъ различные недостатки и проблемы — черезъ нѣсколько лѣтъ Россія должна сдѣлаться самое просвѣщенное странною въ мірѣ....

Новый журналъ «Семейный кругъ», — журналъ всеобъемлющій, если вѣрить объявленію (а я очень леднотѣренъ), журналъ литературы, искусствъ, наукъ, технологій, промышленности, хозяйства, домоводства, счетоводства, лѣсоводства, охоты и даже модъ (прошу соперничать съ такими журналами!) Онъ независимо отъ гг. ученыхъ и литераторовъ, предназначавшихъ (отчего не предназначавшихъ?) ему свое сотрудничество, радушно открываетъ свои страницы всѣмъ лицамъ, сознательно трудящимся.... Такое радушіе трогательно!...

Любители изящной словесности общаются намъ новую *Шехеразиду* и просятъ, чтобы каждый сочленъ читающей публики, вообразивъ себя султаномъ Шагріаромъ, къ которому въ сумкѣ ежедневно будетъ являться новая Шехеразада. Остроумная выдумка! Любители изящной словесности — большіе шутники. Мы сказали бы весельчаки, по слову «Весельчакъ», какъ извѣстно, потеряло съѣзжотораго времени всякій кредитъ въ простолушной, чрезъ мѣру благосклонной и довѣрчивой русской публикѣ.... Они — эти любители, увѣряютъ насъ, что стоитъ только бросить взглядъ на общественное положеніе *каждаго изъ читающихъ*, чтобы убедиться въ необходимости *Шехеразиды*! Еще бы!... Притомъ остроумные любители даютъ своимъ будущимъ подписчикамъ общую и особую льготу. Общая: — кто доставитъ любителямъ деньги за десять экземпляровъ вдругъ, имѣетъ право *требовать* для себя *одною* (одинадцатаго) экземпляра *даромъ*. Особенная: — *даромъ* романъ — и одинъ изъ лучшихъ романовъ, да еще въ прекрасномъ переводѣ.... Прекрасно!

О, «Весельчакъ»! въ какія соблазны ввелъ ты добрыхъ людей, съ легкой руки твоей пустившихся въ издатели!

Поспѣвшимъ же, однако, подписываться на новые журналы... Непріятно одно — если только на насъ бѣдныхъ, довѣрчивыхъ подписчиковъ осуществится пословица: *поспѣвшимъ — людей насмѣивать*...

Кстати о «Смѣхѣ» — скромномъ листкѣ, безъ сотрудниковъ и безъ подписчиковъ, продающемся чуть не на всѣхъ петербургскихъ углахъ по пяти копѣекъ серебромъ. Этотъ неожиданный «Смѣхъ» повергъ, говорятъ, въ уныніе «Весельчака»....

Нѣтъ, господа, смѣяться не такъ легко, какъ вы думаете, и съ смѣхомъ шутить нельзя. Смѣхъ не шуточное орудіе.... Если вы думаете передъ публикою высовывать языки и корчить гримасы

гримасы, вы этимъ не разсмѣшите, а только сами сдѣлаетесь смѣшны!

Возбудить смѣхъ остроумнымъ перомъ или остроумнымъ карандашемъ не легко. Особенно остроумные карандаши намъ какъ-то не удаются.... Они очищаются нашими художниками вообще довольно туго. Г. Даниловъ посредствомъ своего карандаша въ «Карикатурномъ Листкѣ» также посягаетъ на смѣхъ, но мы должны отдать болѣе предпочтенія его перу, чѣмъ карандашу. Перо его смѣшило карандаша. Нѣкоторые подписи подъ его каррикурами дѣйствительно возбуждаютъ если не смѣхъ, то по крайней мѣрѣ улыбку, — иногда даже грустную улыбку, что дѣлаетъ большую честь г. Данилову. Мы особенно поправился № 2 «Листка», въ которомъ *Три эпохи тлѣббы*.

Молодой человекъ еще въ курточкѣ начинаетъ дѣло. Черезъ тридцать лѣтъ онъ спрашиваетъ у чиновника:

— Ну что мое дѣло?

— Потерпите не много; мы дѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ.

Въ старости онъ говоритъ своему сыну-мальчику:

— Петя, когда ты будешь большой, не забудь сдѣлать рукоприкладство по моему дѣлу, а то пропустишь срокъ.

Тридцать лѣтъ спустя чиновникъ объявляетъ рѣшеніе на могилѣхъ отца и сына.

Да, это и смѣшно и грустно!...

Вышелъ въ свѣтъ и продается въ магазинѣ Военно-Топографическаго депо. въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, новая книга: «Статистическія описанія губерній и областей Россійской Имперіи», по Высочайшему повелѣнію издаваемыя департаментомъ Генеральнаго Штаба Военнаго Министерства. Томъ XVI. «Кавказскій Край» часть пятая. Статистическое описаніе Кутаисскаго Генераль-Губернаторства, состоящаго изъ Кутаисской губерніи, владѣній: Мингреліи, Абхазіи и Сванетіи, и приставствъ: Самурзаханскаго и Цебельскаго. Составлялъ Генеральнаго Штаба Штасбъ-Капитанъ Лавентьевъ. Санктпетербургъ, 1858 года. XXV и 334 стр. въ 8-ю долю листа, съ иллюминированною картою Кутаисскаго Генераль-Губернаторства. Цѣна 1 руб. 50 коп. сереб., съ пересылкою по почтѣ 1 руб. сереб. Изгородные, желающіе имѣть эту книгу, благоволятъ обращаться въ означенный выше магазинъ, съ приложеніемъ гдущаго денегъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О чиновникахъ, оставшихся за штатомъ. — Объ учрежденіи въ Ливоніи фидеикомиссовъ или майоратовъ. — Крестьянскій вопросъ. — Занятіи Императорской Публичной Библіотеки по поводу этого вопроса. — Статьи г. Ржевскаго по тому же вопросу. — О цѣнности поземельныхъ участковъ, приобретаемыхъ крестьянами. — Замѣчаніе на статью г. Ржевскаго. — Отчетъ С.-Петербургскаго университета за 1887 г. — Поѣздки ученыхъ за границу. — Внутреннее состояніе университета. — Вопросы о воспитаніи и образованіи въ нашей литературѣ. — Специальныя педагогическія журналы. — Статьи о воспитаніи въ другихъ журналахъ. — О системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей,» статья г. Лаврова. — «Основное народное образованіе,» статья Н. г. Апеллерота. — «Морской Сборникъ» отчеты, помѣщенные въ третьей книжкѣ его. — Новости иностранной — Фактъ торговли неграми. — Законъ объ орденахъ и дворянскихъ титулахъ во Франціи. — Вѣроуверенность въ Швеціи. — Фрегатъ Ніагара. — Общія дѣла занимающія Европу о научномъ отношеніи Европы къ Азіи, объ изученіи армянскаго языка, литературы и исторіи въ Европѣ. — Армянскія Первая кафедра армянскаго языка въ Парижѣ. Современные предпріятія европейскихъ ученыхъ по изученію армянской письменности. — Научная важность исторической армянской литературы. — «Историческая армянская бібліотека», г. Дюлорье. — Путешествія г. Ланглоа въ Италію и армянскаго мандарита Айвазовскаго въ Арменію. — Данные имъ инструкція французскаго вост. Общества.

Въ теченіе истекшаго мѣсяца обнародованы въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія два Высочайшія повелѣнія.

I.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) армянскія правила объ остающихся за штатомъ чиновникахъ, изложенныя въ 5 примѣчаніи къ ст. 967-й Св. Закон. т. III, Уст. о суд. по опред. отъ Цар. (по XVI продолженію) обратить въ постоянныя, предоставляя, впрочемъ, чиновникамъ, при оставленіи ихъ за штатомъ, воспользоваться пособіями или другими преимуществами;

или на основаніи означеннаго примѣчанія къ 967 ст. въ XVI про-
юл. или же по силѣ самой 967 статьи изъ 1842 года, что предпо-
тутъ для себя выгоднѣйшимъ, и 2) Правѣло это, относящееся до
исключенныхъ за штатомъ гражданскихъ чиновниковъ по всѣмъ
вѣдомствамъ, въ равной мѣрѣ распространить и на подобныхъ
гражданскихъ чиновниковъ вѣдомствъ Военнаго и Морскаго.

II.

Вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія о распубликованіи пра-
вила, касательно учрежденія въ Лифляндской губерніи фиденко-
миссовъ, Правительствующій Сенатъ распубликовалъ слѣдующія
правила по сему предмету : а) Дозволить дворянству Лифляндской
губерніи учреждать фиденкомиссы и майораты изъ родовыхъ имѣ-
ній, безъ особаго всякій разъ Высочайшаго утвержденія, на томъ
же основаніи, какъ допущено уже подобное учрежденіе изъ имѣній
благопріобрѣтенныхъ, только въ такомъ случаѣ, когда учредитель
нездѣтенъ и не имѣетъ другихъ въ прямой линіи нисходящихъ по-
томковъ. б) При семъ должно быть строго соблюдаемо, чтобы актъ о
установѣннѣ учрежденія былъ представляемъ на утвержденіе Гоегерихта
при жизни учредителя и чтобы соблюдены были всѣ требую-
ныя при обращеніи имѣнія въ фиденкомиссъ формальности и обра-
зы, какъ-то: публикація, вызовъ кредиторовъ, и всѣхъ имѣющихъ
а то имѣніе какое либо право, такъ называемая прокламма и т. д.
в) Учрежденіе фиденкомиссовъ или майоратовъ изъ родовыхъ имѣ-
ній, посредствомъ завѣщаній, являемыхъ по смерти завѣщателя,
не допускать вовсе, на основаніи общихъ, существующихъ зако-
новъ имперіи. г) Учрежденіе фиденкомиссовъ или майоратовъ
здѣльцемъ, имѣющимъ дѣтей или другихъ въ прямой линіи ни-
сходящихъ потомковъ, въ видѣ благопріятствованія сохраненію
имѣній въ родѣ, допустить, но не иначе, какъ съ представленіемъ
всякій разъ проекта учредительнаго акта на Высочайшее утвержде-
ніе черезъ министерство Юстиціи. Предварительно сего утвержденія,
учредительный актъ долженъ быть представленъ, какъ выше
казано, въ Гоегерихтъ и слѣлана прокламма и ингресація акта въ
потечныхъ книгахъ. Независимо отъ сего, согласно всеподдан-
нѣйшему прошенію ливляндскаго дворянства и по примѣру суще-
ствующаго въ Курляндіи порядка, постановить правиломъ, чтобы
чрездающій фиденкомиссъ всякій разъ обезпечивалъ другихъ
нисходящихъ своихъ наслѣдниковъ, вносямъ въ судъ денежнаго
пользу ихъ капитала, соотвѣтственнаго той части наслѣдствен-
наго имѣнія, которая бы имъ по закону слѣдовала, принимая въ
своѣмъ оцѣнку имѣній при послѣднемъ раздѣлѣ. Само собою

разумится, что стоимость денежной суммы требуется тогда только, если учредитель не владеет другими недвижимыми и недвижимыми прочими нисходящими потомством, соразмерно со слышащем каждому из них долею. Если въ учредительномъ актѣ, сдѣланномъ даже и бездѣтными владѣльцами будетъ постановлено, что въ случаѣ перехода недвижимости во владѣніе къ наследнику, и посвященію его фамиліи, сей послѣдній принимаетъ фамилію учредителя, то для совершенія такого акта должно быть всякій разъ испрашиваемо Высочайшее разрѣшеніе.

«Сенатскія Вѣдомости» сообщили также о Высочайшемъ утвержденіи Устава акціонернаго общества: «Пароходство по Днѣпру».

Что же касается крестьянскаго вопроса, то въ дополненіи къ прежде даннымъ Высочайшимъ рескриптамъ по этому дѣлу, послѣдовали въ вѣсткѣмъ мѣсяцѣ таконныя же рескрипты на имя генералъ-губернатора Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго, а также генералъ-губернатора Оренбургскаго и Самарскаго и начальниковъ губерній — Сибирской, Саратовской, Орловской и Тверской объ учрежденіи, согласно всеподданнѣйшему ходатайству дворянъ этой губерніи, комитета для разсмотрѣнія средствъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Коснувшись этого вопроса, никакъ нельзя пройти молчаніемъ небольшой замѣтки, помѣщенной, отъ имени Императорской Публичной Библіотеки, въ фельетонѣ 55 нумера «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Отъ всей души слѣдуетъ поблагодарить просвѣщенное начальство этого учрежденія, за его вниманіе къ развитію и уясненію крестьянскаго вопроса, путемъ историческихъ изысканій. Дѣло вотъ въ чемъ: въ фельетонѣ 51 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» было помѣщено извѣстіе о каталогѣ иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ отношенія крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, въ разныхъ странахъ Европы. Каталогъ этотъ, по случаю занимающаго теперь всѣхъ вопроса объ улучшеніи быта русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, напечатанъ на счетъ нѣкоторыхъ русскихъ землевладѣльцевъ въ Дрезденѣ. Краткое извѣстіе объ этомъ каталогѣ, продающемся уже и въ Петербургѣ, начинается означеніемъ, что онъ содержитъ въ себѣ 578 заглавій сочиненій, изъ которыхъ пять касаются собственно Россіи, а семнадцать — Прибалтійскаго края.

«Ограничиваясь только тѣмъ, говорить упомянутая замѣтка, что относится до нашего отчества, мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить читателямъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, что въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится *несравненно болѣе сочиненій* по этому предмету, чѣмъ сколько ихъ указано въ дрезден-

жонъ каталогѣ. Въ составленномъ недавно спискѣ изданныхъ въ Россіи (не включая сюда Финляндіи) значится, въѣсто 22 номеровъ, численецкихъ въ упомянутомъ каталогѣ, — 108».

Изъ числа этихъ 108 сочиненій, 17 касаются вообще Россіи, 18 — Россіи же и частію возвращенныхъ отъ Польши губерній или царства Польскаго, и 73 — Прибалтійскаго края, т. е. трехъ датскихъ губерній.

Надобно также замѣтить, что въ списокъ, содержащій въ себѣ сочиненія о крестьянахъ, уже находящіяся въ нашемъ книгохраненіи, внесены также и заглавія тѣхъ сочиненій, которыя изданы Библіотекъ, но которыхъ въ ней еще не имѣется. Съ этими сочиненіями общій итогъ книгъ всего означеннаго отдѣла составляетъ около 150 номеровъ. Настоящій недостатокъ, при обширныхъ сношеніяхъ и многихъ заказахъ Библіотеки, уменьшается съ каждымъ днемъ, и поэтому мы можемъ надѣяться имѣть, въ непродолжительномъ времени, богатѣйшій запасъ источниковъ, служащихъ къ уясненію крестьянскаго вопроса путемъ ученыхъ трудовъ.

Замѣтка оканчивается слѣдующими словами: «цѣлью настоящей замѣтки было передать свѣдѣніе, не совсѣмъ излишнее для литературной такъ сказать *статистики* вопроса, а еще болѣе — напечатать публикѣ, куда, въ случаѣ надобности, ближе всего обращаться за самыми обильными матеріалами для справокъ подобнаго рода.»

Нужно ли къ этому присовокупить, что настоящее устройство Библіотеки, въжившая предупредительность и вниманіе тѣхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность удовлетворять требованія читателей, привлечь въ эту умственную сокровищницу множество почитателей, принадлежащихъ къ числу тѣхъ, которые, занимаясь разработкою крестьянскаго вопроса, весьма часто истрѣбаютъ большія затрудненія въ полученіи матеріаловъ, особенно изданныхъ на иностранныхъ языкахъ.

Все относящееся къ этому вопросу съ жадностью читается у насъ въ настоящее время; поэтому, вѣроятно, была прочтена всѣми читателями статья г. Ржевскаго, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей по вопросу о доставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ возможности пріобрѣтенія поземельной собственности», помѣщенная въ 59 № 2. — Петербургскихъ Вѣдомостей.

Самую собою разумѣется, что всѣ стороны этого важнаго вопроса не могли быть не только развиты, но даже и кратко представлены въ фельетонной статьѣ, заключающей не болѣе 250-ти строкъ; гдѣ не менѣе въ основныхъ началахъ, принятыхъ г. Ржевскимъ,

можно съ нами согласиться, — конечно только въ той степени, разнѣе, въ какой они представлены намъ самимъ; потому что, при болѣе развитіи этихъ началъ, несомнѣнно встрѣтятся такія обстоятельства, на которые не можетъ дать никакого отвѣта коротенькая статья г. Ржевскаго; а между тѣмъ очень легко можетъ быть что эти обстоятельства вліяніемъ своимъ въ состояніи подѣйствовать на самую сущность предположеній, высказанныхъ г. Ржевскимъ.

Смотря съ этой точки зрѣнія на статью г. Ржевскаго, мы не замѣтимъ, какъ намъ кажется, небольшой ошибки встрѣчающейся въ этой статьѣ. Тамъ г. Ржевскій, предполагая составить общество, которое бы выдало ссуду крестьянамъ для покупки земель, замѣчаетъ: «притомъ же общество, какъ бы великъ ни былъ его капиталъ, не можетъ, въ теченіе первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ, ссудить имъ крестьянъ всей Имперіи, а потому будетъ давать свои деньги преимущественно тѣмъ изъ нихъ, которые приобретутъ землю по *наименьшей* цѣнѣ, представляющей для общества *наибольшее* ручательство въ исправности уплаты».

Намъ кажется, что приобретеніе крестьянами земель по *наименьшей* цѣнѣ представитъ обществу не *наибольшее*, а наоборотъ — *наименьшее* ручательство въ исправности платежа. Разовьемъ нѣсколько нашу мысль.

При приобретеніи крестьянами поземельныхъ участковъ въ какой бы то ни было мѣстности Россіи, большая или меньшая цѣнность этихъ участковъ будетъ прежде всего зависѣть отъ двухъ главныхъ причинъ, именно — отъ *зажиточности* крестьянъ, которые будутъ являться покупателями поземельныхъ участковъ, и отъ самой, такъ сказать, *природности* этихъ участковъ. Въ мѣстахъ, гдѣ крестьяне не зажиточны, трудно будетъ продать имъ поземельные участки по большой цѣнѣ, и потому, само собою разумѣется, придется имъ продавать такіе участки по *наименьшей* цѣнѣ; точно также нельзя будетъ продать по высокой цѣнѣ и такую землю, которая по своимъ качествамъ или по своему положенію не представляетъ изъ себя годной статьи доходовъ, а придется участки такой земли уступать крестьянамъ также по *наименьшей* стоимости. Слѣдовательно, какъ намъ кажется, во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ крестьяне будутъ приобретать землю по *наименьшей* цѣнѣ, тамъ-то именно, вопреки высказанію г. Ржевскаго, всего менѣе будетъ представляться для общества ручательство въ исправности уплаты, потому что задолжавшіе крестьяне будутъ или *бѣдны*, или приобретутъ такіе участки, которые не дадутъ имъ *свѣрнаго* дохода, и вслѣдствіе этого имъ не представится возможности къ точной уплатѣ лежащаго на нихъ долга. Объяснимъ нашу мысль припомомъ.

озьмемъ, положимъ, Ярославскую губернію. Крестьяне этой губерніи малоземельны, но несмотря на это они народъ зажиточный; естественно, что помѣщики этой губерніи, имѣющіе въ настоящее время главную выгоду отъ крестьянскаго *оброка*, а не отъ поземельнаго крестьянскаго *труда*, понесутъ, при уничтоженіи крѣпостнаго права, большій убытокъ, нежели какой понесутъ помѣщики тѣхъ губерній, гдѣ крестьяне сидятъ и останутся потомъ на папшѣ. Повятно, что помѣщики Ярославской губерніи, для вознагражденія своихъ убытковъ, будутъ стараться продать поземельные участки по *высокой* цѣнѣ, а между тѣмъ вѣроятность этой уплаты будетъ, конечно, скорѣе на сторонѣ расторопнаго и промышленнаго крестьянина, нежели, положимъ, хотъ бѣлорускаго мужика, которому помѣщикъ, при всемъ желаніи поддержать свои выгоды, не въ состояніи будетъ, однако, продать поземельнаго участка по *высокой* цѣнѣ; такъ какъ крестьянинъ бѣлорускаго края, не привыкшій къ деньгамъ, будетъ бояться *большой* денежной платы за землю, то слѣдовательно, цѣны на землю въ бѣлорусскихъ губерніяхъ будутъ низки, а въ Ярославской высоки, но это обстоятельство все не будетъ представлять никакого ручательства въ вѣрности платежа крестьянскихъ ссудъ, такъ какъ, при незажиточности крестьянъ бѣлорускаго края, та сумма, которая, при зажиточности ярославскаго крестьянина, будетъ для него незначительна, будетъ въ тоже время тягостна для первыхъ.

Точно также въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, цѣнность поземельныхъ участковъ никакъ не можетъ быть наименьша, потому именно, что эти участки будутъ представлять *болѣе* средствъ къ обезпеченію крестьянъ, а слѣдовательно къ ихъ зажиточности, а по тому самому и къ платежу лежащаго на нихъ долга, обезпеченіемъ котораго служить доходная земля.

Изъ этихъ обстоятельствъ надобно скорѣе вывести о ручательствѣ въ вѣрности уплаты крестьянскаго долга заключеніе, совершенно противоположное мнѣнію г. Ржевскаго, именно, что тамъ, гдѣ цѣна крестьянскихъ участковъ будетъ *наименьшая*, тамъ то именно и будетъ *наименьшее* ручательство въ точности платежа тѣхъ ссудъ, которыя бы были даны крестьянамъ отъ общества, устроеннаго сообразно съ предположеніями г. Ржевскаго, и наоборотъ. Впрочемъ, все это не составляетъ основной сущности предположеній г. Ржевскаго, такъ какъ при выдачѣ ссудъ, общество можетъ принять совершенно иные начала. Но признаемся, намъ вотъ что не совсѣмъ ясно въ статьѣ г. Ржевскаго: какимъ образомъ при уплатѣ только 1% въ счетъ капитала, капитальный долгъ можетъ быть погашенъ въ теченіе 33 лѣтъ?

Несомнѣнно, что много можетъ родиться вопросовъ не только объ устройствѣ мірскихъ обществъ, *собственно* для тѣхъ дѣйствій, которыя пазначаетъ г. Ржевскій этимъ обществамъ при устройствѣ крестьянскаго быта, но и объ акціяхъ, облигаціяхъ и пр. Очень жалѣемъ, что почтенный авторъ разбираемой нами статьи, представилъ свои мысли такъ сжато, что никакъ нельзя обсудить ихъ въ той подробности, на которую онѣ имѣютъ полное право по важности содержащагося въ нихъ вопроса.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ выпелъ изъ печати «Отчетъ ректора о состояніи ученой дѣятельности Императорскаго С. Петербургскаго Университета въ 1857 г.». Намъ кажется, что не излишнимъ будетъ рассмотреть этого отчетъ, какъ документъ, представляющій свѣдѣнія о развитіи великаго дѣла образованія въ центрѣ русской умственной дѣятельности. Отличительная черта этого отчета состоитъ въ отсутствіи цифръ, не всегда съ точностью опредѣляющихъ умственную дѣятельность какого либо учрежденія. Во всемъ отчетѣ заключается не болѣе какъ 10 числовыхъ данныхъ, но за то среди ихъ встрѣчается одно число, не подлежащее сомнѣнію и притомъ весьма утѣшительное, именно 847; эта наличная численность гг. студентовъ С. Петербургскаго Университета, тѣмъ пріятнѣе является въ отчетѣ, что нельзя также не обратить вниманія и на то, что упомянутый отчетъ составленъ г. ректоромъ университета, завѣдывающимъ этимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ уже въ продолженіе осмнадцати лѣтъ. Если мы не ошибаемся, то г. Плетневъ единственный изъ ректоровъ всѣхъ нашихъ университетовъ, занимающій эту должность еще какъ ректоръ, избранный Совѣтомъ университета, а не назначенный министерствомъ.

Приступая къ отчету объ ученой дѣятельности университета, г. Плетневъ замѣчаетъ, что при посѣщеніи иностранныхъ учебныхъ заведеній, приближающихся по цѣли къ нашимъ университетамъ «возникаетъ въ душѣ поучительное сравненіе, столь благотворное для дальнѣйшихъ успѣховъ на всѣхъ путяхъ служенія отечеству». Подъ вліяніемъ этой, вполнѣ справедливой мысли, г. ректоръ начинаетъ обзоръ университетской дѣятельности съ отпращиванія для усовершенствованія за границу лицъ, принадлежащихъ къ университету.

Изъ этого отдѣленія отчета мы узнаемъ, что адъюнкты показедръ Всеобщей Исторіи Стасюлевичъ находится нынѣ въ Берлинскомъ университетѣ, посвятивъ первый годъ своего пребыванія за границей изученію классическихъ древностей и историческихъ музеевъ и обзорѣю самыхъ мѣстностей, на которыхъ совершились великія событія. По причинѣ разносторонности и многосложности пред-

мета, изучаемаго г. Стасюлевичемъ, ему разрѣшено остаться за границею еще одинъ годъ.

Точно также продолжено время пребыванія за границею и профессору гражданскихъ законовъ Царства Польскаго Кржижановскому, получившему назначеніе изучить методу преподаванія юридическихъ наукъ въ лучшихъ заграничныхъ университетахъ и сверхъ того ознакомиться съ административными и судебными учрежденіями Германіи и Франціи.

Восточный факультетъ С. Петербургскаго Университета, въ прошломъ академическомъ году, воспользовался удобнымъ случаемъ для приготовленія особаго преподавателя манчжурскаго языка. На счетъ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній, отправленъ при эскадрѣ вице-адмирала графа Путятина, къ нашей миссіи въ Пекинъ, помощникъ бібліотекаря г. Лалухинъ, бывшій прежде учителемъ китайскаго и манчжурскаго языковъ при Казанской гимназіи.

Кромѣ этихъ лицъ были въ 1857 году посылаемы за границу, съ разными порученіями отъ университета, гг. деканъ юридическаго факультета Калмыковъ, профессоръ математики Сомовъ, профессоръ ботаники Ценковский, профессоръ технологіи Скобликовъ и лаборантъ Радловъ.

Что касается поѣздки г. Калмыкова, то она была предпринята для полученія подробныхъ свѣдѣній о распредѣленіи преподаванія политико-юридическихъ и такъ называемыхъ камеральныхъ наукъ въ иностранныхъ заведеніяхъ, съ тою особенною цѣлью, чтобъ эти свѣдѣнія примѣнять по возможности къ рѣшенію часто возникающихъ у насъ вопросовъ, по устройству юридическаго факультета. Кромѣ пріобрѣтенія этихъ полезныхъ для университета свѣдѣній, слѣдствіемъ поѣздки г. Калмыкова было то, что бельгійское министерство внутреннихъ дѣлъ прислало въ даръ юридическому факультету зѣлшняго университета собраніе законовъ и распоряженій о высшемъ преподаваніи въ Бельгіи и нѣкоторыя другія книги, въ продажѣ не находящіяся. Сверхъ того, при помощи русскаго посольства въ Парижѣ, профессоръ Калмыковъ умѣлъ вызвать предложеніе французскаго министерства просвѣщенія объ отправленіи къ намъ въ даръ «собранія узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ во Франціи, о народномъ образованіи, со всѣми измѣненіями и дополненіями по этой части, послѣдовавшими въ позднѣйшее время.

Профессоръ Сомовъ, пріобрѣтшій себѣ почетную извѣстность своими учеными трудами, взялъ за границу, въ Германію и Францію, для повѣрки воззрѣній и теорій по предмету, составляющему его спеціальность. Это было необходимо, потому что г. Сомовъ приготовилъ

къ изданію въ свѣтъ «Курсъ аналитической механики», обнимающей всѣ новѣйшія открытія, послѣдовавшія въ этой части прикладнаго анализа. Ни въ русской, ни въ иностранной математической литературѣ, замѣчено въ отчетѣ, еще нѣтъ столь важнаго по полнотѣ сочиненія.

Профессоръ Ценковскій посвятилъ свои труды изысканіямъ о рѣсничныхъ инфузоріяхъ и водоросляхъ. Въ Парижѣ подомесенію профессора, доступъ въ лабораторіи ученыхъ не слишкомъ легокъ. Последнее время своего пребыванія нашъ ученый провелъ въ Цюрихѣ.

Важнѣйшею цѣлью поѣздки профессора Скобликова было—присутствовать при опытахъ выдѣлки желѣза, которые производились близъ Берлина, по методу Бессмера, испытанной первый разъ въ Англіи и занимающей въ настоящее время всю Европу,—такъ какъ отъ благопріятныхъ успѣховъ этого новаго способа должно ожидать совершеннаго переворота въ металлургіи желѣза и вообще весьма важныхъ послѣдствій для его технического значенія. Прямымъ результатомъ поѣздки г. Скобликова была статья, помѣщенная въ «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстіяхъ», подъ заглавіемъ: «Критическій разборъ способа Бессмера о передѣлкѣ чугуна въ желѣзо безъ топлива.»

Лаборантъ Радловъ, вслѣдствіе своей поѣздки, приобрѣлъ значительный запасъ свѣдѣній по части практической и теоретической химіи.

Изъ отчета г. ректора университета видно также, что въ прошедшемъ году восточный факультетъ университета получилъ довереніе исправляющаго должность адъюнкта калмыцкаго языка Голстувскаго о поѣздкѣ, совершенной имъ въ калмыцкіе улусы еще въ теченіе 1856 года.

Эта поѣзка молодого ориенталиста, по отзыву г. ректора, должна имѣть самое благотворное вліяніе нахождъ преподаванія калмыцкаго языка въ здѣшнемъ университетѣ. Г. Голстувскій не удовольствовался одними филологическими изысканіями, онъ близко присматривался къ народному быту калмыковъ, наблюдалъ обряды ихъ богослуженія и знакомился съ ихъ исторіей.

«Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. ректоръ, въ 1857 году не осталось у насъ ни одного факультета, въ которомъ бы нѣкоторыя кафедры не были оживлены личными приобрѣтеніями преподавателей: къ намъ принесено болѣе точныхъ идей, болѣе вѣрныхъ взглядовъ, болѣе полезныхъ въ жизни примѣненій, которыя всѣ, общими усиліями ученыхъ людей, давно были достояніемъ европейскихъ государствъ.»

Въ 1858 году отправились въ путешествіе съ порученіемъ отъ университета еще двое: кандидатъ по разряду естественныхъ наукъ Гофманъ, подающій по замѣчанію г. ректора надежды, что со временемъ въ лицѣ этого молодого человѣка явится достойный профессоръ по избранной имъ наукѣ, и магистръ русской словесности Пыпинъ. Что касается побѣдки послѣдняго, съ цѣлью изученія иностранныхъ литературъ, то, конечно, кому ближе, какъ не намъ, занимающимся литературными трудами, выразить за предоставленіе магистру Пыпину способовъ для этой побѣдки, живую признательность г. Попечителю С. Петербургскаго Учебнаго Округа, князю Г. А. Щербатову.

Мы скажемъ не болѣе какъ только правду, если замѣтимъ, что просвѣщенный начальникъ округа, самъ получившій университетское образованіе, понимаетъ важное званіе попечителя въ полномъ значеніи этого прекраснаго слова, сознавая, что званіе это требуетъ не одной только начальнической, очень часто не болѣе какъ формальной дѣтельности, но и душевнаго участія, и полного сочувствія, и искренняго попеченія о вѣренной части. Намъ кажется, что во всей нашей административной іерархіи нѣтъ другой должности, которая, бы въ самомъ своемъ названіи лучше опредѣляла отношеніе начальника къ подчиненному, какъ слово «попечитель», и потому намъ пріятно подтвердить наше мнѣніе не одними словами, но самими фактомъ, потому что князь Щербатовъ вызвался ежегодно представлять отъ себя, до извѣстнаго срока, по 1200 рублей серебромъ, на которые съ нынѣшняго года постоянно будетъ найдется за границею одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ для приготовленія себя къ занятію профессорской кафедрой. Изъ этой стипендіею воспользовался въ настоящее время магистръ Пыпинъ, труды котораго по части русской словесности приобрѣли себѣ почетную извѣстность между русскими учеными.

Изъ отчета г. ректора мы узнаемъ о возстановленіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ лекцій государственнаго права европейскихъ державъ, послѣдовавшемъ въ концѣ 1857 года и значительно пополняющемъ одну изъ важнѣйшихъ университетскихъ кафедръ.

Чтеніе это, какъ замѣчаетъ г. Плетневъ, было пріостановлено въ 1849 году по причинѣ смутныхъ политическихъ обстоятельствъ въ западной Европѣ, затруднившихъ приобрѣтеніе положительныхъ и важныхъ свѣдѣній о состояніи предметовъ, изъ которыхъ образуется наука.

Послѣ этого, въ отчетѣ разсматриваются перемены, происшедшія въ личномъ составѣ университета. Изъ нихъ заслуживаетъ осо-

большое вниманіе назначеніе бывшаго профессора Московскаго Университета К. Д. Кавелина въ должность ординарнаго профессора по кафедрѣ гражданскихъ законовъ. Нельзя не замѣтить, что кафедра эта понесла въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ горькія утраты въ лицѣ профессоровъ, занимавшихъ ее съ особенною честью; именно, въ теченіе этого времени умерли профессора: Неволгинъ, Мейеръ и Жиряевъ, занимавшіе помянутую кафедру одинъ за другимъ. Университетъ радостно встрѣтилъ достойнаго ихъ преемника, приобрѣтшаго себѣ громкую и вполне заслуженную извѣстность своими учеными трудами.

Что касается производствъ въ ученые степени, то, какъ видно изъ отчета, Физико-математическій факультетъ несравненно болѣе прочихъ произвелъ въ магистры. По поводу этого г. ректоръ замѣчаетъ слѣдующее: «такое направленіе любовательности согласно съ общимъ современнымъ стремленіемъ умовъ, а для Россіи потому особенно выгодно, что мы не достигли еще роскоши въ положительныхъ и точныхъ знаніяхъ».

Послѣ краткаго замѣчанія о дѣйствіяхъ комитета для испытанія наставниковъ, г. ректоръ переходитъ къ ученымъ трудамъ лицъ, составляющихъ ученое сословіе университета. Говорить о нихъ въ нашемъ Обзорѣ мы считаемъ излишнимъ, потому что труды эти или явились или явятся въ печати и потому самому подлежали уже или будутъ подлежать особому разбору. Но какъ доказательство пользы не одной ученой, но такъ сказать и учебной дѣятельности гг. профессоровъ, мы можемъ привести слѣдующій фактъ: при окончаніи курса въ 1857 году, на выпускной экзаменъ явилось 68 студентовъ изъ всѣхъ факультетовъ, и изъ упомянутаго числа только 16 вышли съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а прочіе съ званіемъ кандидата. А приведенное нами прежде число наличныхъ студентовъ свидѣтельствуетъ ясно—какъ о потребностяхъ университетскаго образованія, такъ и о желаніи молодаго поколѣнія поучать его въ здѣшнемъ университетѣ.

Г. ректоръ, упоминая прежде объ ученой дѣятельности гг. профессоровъ, переходитъ потомъ и къ умственной дѣятельности, независимо отъ лекцій, ихъ молодыхъ слушателей. «Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ возбужденія самостоятельной умственной дѣятельности студентовъ здѣшняго университета, пишетъ его ректоръ, служить предпринятое ими еще въ 1856 году учебно-литературное изданіе, подъ названіемъ «Сборникъ», котораго первый выпускъ явился въ свѣтъ, а второй приготовленъ къ печати. И затѣмъ г. Плетневъ опровергаетъ тѣ возраженія, которыя могли бытъ представлены въ некоторыми по поводу самостоятельныхъ

трудѣтъ молодого поколѣнія, не достигшаго еще, по мнѣнію старшаго, надлежащаго возраста для самостоятельной своей дѣятельности.

Что касается списка почетныхъ членовъ университета, то въ немъ прибавились, кромѣлицъ, пользующихся у насъ въ Россіи ученою или служебною извѣстностью, имена Вильмена и барона Либиха.

Разсмотрѣніе настоящаго отчета хотѣлось бы намъ по общезаведенному порядку окончить подлинною изъ него выпискою составляющей заключеніе отчета, но объемъ нашей статьи не позволяетъ этого, и потому мы оканчиваемъ наши извлеченія изъ отчета С.-Петербургскаго Университета и переходимъ къ разсмотрѣнію того, что дѣлалось въ нашей литературѣ послѣдняго времени, вообще по вопросамъ о воспитаніи и образованіи молодыхъ людей.

Хотя, какъ мы имѣли случай замѣтить въ «Современномъ Обозрѣніи» предшествовавшаго № нашего журнала, нашъ новый писатель г. Кокоревъ и объявилъ, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ весьма полезно прибѣгать къ пособію *особой* русской науки, которой всѣ прочія служатъ какъ бы только средствомъ къ развѣтвленію ума, что безъ этой прирожденной намъ науки ничего нельзя сдѣлать, и что наконецъ таковая наука называется глазомѣръ, но мы однако, — до переворота, въ нашемъ образованіи, переворота, само собою разумѣется, крутаго, кореннаго и рѣшительнаго, — будемъ заниматься успѣхами науки въ нашемъ отечествѣ, хотя бы науки эти и не были основаны на глазомѣрѣ.

Будемъ снѣшивать дѣлать это, потому что, кто знаетъ, быть можетъ, намъ скоро придется отпраздновать тризну всей нынѣшней системѣ нашего образованія! Быть можетъ, приведется съ грустью посмотреть на тѣ знанія, въ которыхъ помѣщались иѣкогда наши ученые и учебныя заведенія, и подумать: вотъ слѣды человѣческихъ заблужденій! Славные предки наши тысячилѣтія бродили въ потемкахъ, не зная пустяковъ, т. е. просто не догадывались, что безъ *глазомѣра* ничего сдѣлать нельзя! Мы вспомнимъ, какъ среди насъ явился мужъ новыхъ понятій: вспомнимъ, какъ ученые, подхвативши свои книги, портфели, циркули, оптическіе инструменты, рукописи, фолианты, и проч. пустились со стыдомъ въ разсыпную, и отбѣжавъ отъ г. Кокорева, по глазомѣру, на значительное разстояніе, рѣшились наконецъ исподлобья посмотреть на своего могучаго гонителя, а онъ для увеличенія ихъ злобы былъ покрытъ неувядаемыми лаврами, и лучезарная слава ослѣпила великаго глазомѣрителя!

Въ настоящемъ «Обозрѣніи» мы посмотримъ, что въ литературномъ отношеніи, въ теченіи трехъ истекшихъ мѣсяцевъ, успѣли сдѣлать у насъ и педагогика, и дидактика.

Въ 1857 г., какъ извѣстно, вѣроятно, большей части нашихъ чи-

тателей, явились у насъ два спеціальныя педагогическіе журналы: «Журналъ для воспитанія», издаваемый г. Чумиковымъ и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», издаваемый г. Вышнеградскимъ. Очень понятно, что два спеціальныя журнала, основавшіеся въ одно и то же время и, слѣдовательно, не успѣвшіе еще утвердить за собою, однопъ преимущественно передъ другимъ, въ свою пользу общественное мнѣніе, могли быть подорваны взаимной конкуренціей. Но журналы эти вступили теперь во второй годъ своего существованія, и мы изъ этого обстоятельства выводимъ весьма утѣшительное заключеніе: по нашему мнѣнію, это значитъ, что и въ настоящее время у насъ есть и читатели подобныхъ журналовъ, и люди, занимающіеся спеціально педагогическою литературою. Конечно, распространенію этихъ журналовъ много способствовала надежда на гласность, ожиданіе прочесть въ нихъ свѣжія мысли, найти въ нихъ разрѣшеніе въ которыхъ жизненныхъ вопросовъ съ современной точки зрѣнія. До какой степени удовлетворили «Журналъ для Воспитанія» и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» этимъ законнымъ ожиданіямъ публики въ прошедшемъ году, мы не будемъ разсматривать, но обратимся къ тѣмъ нумерамъ «Журнала» и «Вѣстника», которые вышли въ нынѣшнемъ году, а также и къ тѣмъ статьямъ по части воспитанія, которыя явились въ другихъ журналахъ, хотя бы и не посвященныхъ исключительно этому важному предмету.

Самою любопытною статьею «въ Журналъ для Воспитанія», (котораго по первое число настоящаго мѣсяца вышло, какъ и «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», три книжки) намъ показалась статья г. Н. Б-ва подъ заглавіемъ: «Идеалъ древне-рускаго воспитанія»; но статья эта еще не окончена и потому сужденіе наше о ней мы отлагаемъ до слѣдующихъ нумеровъ «Современника». Въ томъ же № «Журнала для Воспитанія», гдѣ помѣщена эта статья, найдетслотрывокъ изъ путевыхъ записокъ о Греціи, г. А. П. Милюкова, подъ заглавіемъ: «Учебныя заведенія въ Аѣнахъ». Мы прочли эту небольшую, но весьма плавно написанную статейку, съ большимъ удовольствіемъ.

«Ничто, говоритъ г. Милюковъ, такъ не поражаетъ въ Новой Греціи, какъ общее стремленіе народа къ образованію. Едва тридцать лѣтъ прошло, какъ прекрасная страдалница освободилась отъ рабства, и все кипитъ уже въ ней горячей любовью къ наукѣ. Но замѣтимъ, что любовь къ просвѣщенію таилась въ Греціи и въ самую тяжелую для нея пору; еще въ 1827 году, во время борьбы за свою независимость, при напорѣ враговъ, при внутреннемъ междоусобіи, среди грабежей, убійствъ, пожаровъ, разореній и развалинъ, просвѣщеніе явилось первою потребностью возраждавшагося народа. По

словамъ г. Милюкова: «едва только какой нибудь городъ или мѣстечко успѣвали прогнать турокъ, прежде всего являлось въ немъ училище, народная школа. Еще шатры египетскихъ солдатъ были разбиты въ Греціи, а ужъ временное народное правительство издавало декреты объ основаніи лицей и академій. Несмотря на это, во всей Греціи грамотность стояла еще на низкой степени, многіе изъ верховныхъ членовъ правительства едва умѣли подписать свое имя подъ указами объ открытіи училища....

Въ освобожденной Греціи просвѣщеніе пошло быстро. По словамъ г. Милюкова, Аѳинскій Университетъ растетъ съ каждымъ годомъ. Очень жаль, что мы не имѣемъ возможности познакомить нашихъ читателей посредствомъ выписокъ съ прекрасной статью г. Милюкова. Онъ очень хорошо обрисовалъ и Аѳинскій Университетъ лучшее зданіе въ столицѣ нынѣшней Греціи, все построенное изъ бѣлаго мрамора, и Библіотеку, не имѣющую почти никакихъ русскихъ книгъ, до которыхъ между прочимъ греки охотники. Очень хорошо и подробно сдѣлано г. Милюковымъ описаніе женскаго Аѳинскаго института, носящаго, отъ имени своего основателя Арсакки, названіе Арсакеона. По словамъ автора этой любопытной статьи, въ настоящее время жажда просвѣщенія проникла къ самымъ бѣднымъ классамъ греческаго народа; нерѣдко въ глуши, въ какой нибудь ничтожной деревенькѣ жители нанимаютъ бѣднаго учителя и поочередно даютъ ему постель подъ кровлею деревенской избы и мѣсто за своимъ скуднымъ сельскимъ обѣдомъ; каждый день пестрая толпа окружаетъ кочующаго учителя.

Какъ все это отрадно; но какъ, въ тоже время, становится грустно, когда подумаешь, что всѣ эти благородные порывы напрасны, и что наука и жажда къ просвѣщенію ничего, быть можетъ, не стоятъ безъ *мазомира*, проповѣдываемаго г. Кокоревымъ!

Но если г. Милюковъ сообщилъ такія утѣшительныя свѣдѣнія о современномъ состояніи просвѣщенія въ Греціи, то г. В. С. въ статьѣ своей подъ заглавіемъ: «Еще нѣсколько словъ объ уѣздныхъ училищахъ и уѣздныхъ учителяхъ», помѣщенной подъ рубрикой: «Современные вопросы» передаетъ намъ весьма печальныя свѣдѣнія о состояніи нашего просвѣщенія въ такъ называемыхъ «*дворянскихъ*» училищахъ *западныхъ губерній*. Положа руку на сердце, мы должны согласиться, что многія темныя стороны въ жизни нашихъ наставниковъ изображены г. В. С. совершенно вѣрно; но въ тоже время, нѣкоторые данныя несомнѣнно убѣждаютъ насъ что г. В. С. писалъ многое *по наслышкѣ*.

Въ упоминаемой нами статьѣ г. В. С. говоритъ: «прочитавъ въ 11 номерѣ «Журнала для Воспитанія» за 1857 г. статью г. Д. С.:

«Уѣздныя училища и уѣздные учителя», — я замѣтилъ у него небольшой пробѣлъ, а именно: онъ описываетъ, какъ у насъ ихъ называютъ, заднѣпровскія училища, а объ училищахъ въ «западныхъ губерніяхъ», такъ называемыхъ *дворянскихъ*, умалчиваетъ; но какъ эти училища заслуживаютъ не менѣе вниманія просвѣщеннаго читателя, то я рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ почтеннаго автора объ уѣздныхъ училищахъ» —, и пр.

«Признаюсь, начинается г. В. С. для меня не слишкомъ понятна цѣль, съ которой учреждены дворянскія уѣздныя училища, а еще менѣе самое ихъ названіе. Подъ словомъ дворянское училище я понимаю, говоритъ авторъ, что училище учреждено *собственно* для дворянъ, а между тѣмъ тамъ находятся и дворянинъ, и мѣщанинъ, и однодворецъ, и еврей.» Очень жаль, что г. В. С., собравшись пополнять чужіе пробѣлы, не постарался ознакомиться поближе, съ тѣмъ, о чемъ онъ пишетъ. Названіе въ *западномъ* краѣ уѣздныхъ училищъ дворянскими, имѣло очень полезную и очень поватную цѣль. Именно: когда наше правительство стало преобразовывать въ западномъ краѣ учебную часть, то оно, весьма естественно, встрѣтило немного сочувствія и весьма мало довѣрія къ этимъ преобразованіямъ: особенно не понравились тамъ наши уѣздныя трехъ-классныя училища. вмѣстѣ съ основаніемъ ихъ въ западномъ краѣ, туда пришла молва, что во внутренней Россіи такія училища устроиваются *собственно* для податныхъ сословій, а между тѣмъ, при существовавшемъ прежде въ западномъ краѣ порядкѣ, всѣ училища, находившіяся въ завѣдываніи монаховъ, были наполнены мѣстною шляхтою. Естественно, что при общемъ нерасположеніи къ нововведеніямъ и при тѣхъ понятіяхъ, которыя составились въ западномъ краѣ о нашихъ уѣздныхъ училищахъ, нужно было сколько возможно болѣе отличить обыкновенныя уѣздныя училища отъ тѣхъ, которыя учреждались въ западномъ краѣ; нужно было показать дворянству, что такія училища учреждаются *собственно* для лицъ принадлежащихъ къ дворянскому сословію, и по этому самому уѣзднымъ училищамъ было присвоено названіе дворянскихъ; а между тѣмъ доступъ въ нихъ былъ открытъ и прочимъ сословіямъ, и, какъ намъ кажется, нахожденіе простолюдина и еврея въ дворянскомъ училищѣ нисколько не посягаетъ на дворянское званіе этихъ заведеній, нотолько свидѣтельствуетъ объ отрадномъ сближеніи всѣхъ сословій на благородномъ пути образованія, и притомъ, если разсматривать это дѣло съ точки сословныхъ понятій, то нельзя не замѣтить его добраго вліянія на простолюдина, который можетъ утѣшаться тѣмъ, что ученіе открываетъ его сыну мѣсто среди дѣтей такого сословія, къ которому онъ не принадлежитъ по

своему рожденію. Дай Богъ, чтобъ у насъ побольше было разныхъ дворянскихъ учрежденій, но только съ дозволеннымъ въ нихъ доступомъ для людей всѣхъ сословій.

Мы не считаемъ нужнымъ указывать г. В. С. на ошибочность нѣкоторыхъ его частныхъ сужденій, касательно дворянскихъ училищъ западнаго края, потому что эти сужденія уничтожаются почти всѣмъ незнаніемъ сущности дѣла. Такъ г. В. С. говоритъ: «для того, чтобъ дворянскія училища были полезны, слѣдовало бы ихъ преобразовать. Самая *существенная* реформа должна состоять въ томъ, чтобъ въ этихъ училищахъ были учреждены *четвертый и пятый классы.*» Почтенный авторъ крѣпко ошибается, воображая, что онъ предлагаетъ существенныя реформы; ошибается онъ потому, что въ *западномъ краѣ*, именно въ губерніяхъ: Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской находится 19 дворянскихъ училищъ, которыя всѣ безъ исключенія съ самаго своего основанія, т. е. по крайней мѣрѣ лѣтъ уже около тридцати, имѣютъ пять классовъ. Если предлагать реформу, то нужно, чтобъ она была поновѣе. Въ этихъ дворянскихъ училищахъ есть, конечно, много сторонъ, далеко неудовлетворяющихъ настоящимъ потребностямъ края, и объ нихъ-то бы могъ поговорить г. В. С.

Не совѣмъ также вѣрно замѣчаніе г. В. С. что уѣздныя дворянскія училища въ западныхъ губерніяхъ учреждены *по большому часті* въ мѣстечкахъ и очень немногія — въ уѣздныхъ городахъ. Напротивъ, изъ 19 дворянскихъ уѣздныхъ училищъ Виленскаго Учебнаго Округа, 10 находятся въ уѣздныхъ городахъ, 2 въ губернскихъ и только 3 въ мѣстечкахъ.

Но мы совершенно раздѣляемъ справедливое мнѣніе В. С. о грустной и ни чѣмъ ни духовно, ни вещественно неудовлетворяемой жизни наставниковъ въ этихъ заведеніяхъ; мы находимъ, что замѣчанія его о назначеніи штатныхъ смотрителей вполне основательны. Но неудачные выборы этихъ лицъ, въ прежнее время, были неизбежны, потому что тогда не только въ штатные смотрители, но и на болѣе значительныя должности опредѣлялись лица не подготовленныя къ занятію этихъ должностей, такъ напримѣръ на директорскія мѣста иногда поступали люди, не только не знакомые съ ученою частію, но очень часто и не уважавшіе ея вовсе; а вѣдь рѣдко какому начальнику захочется имѣть подъ рукою подчиненнаго, который бы лучше всего своими свѣдѣніями и качествами обличалъ бы незнанія и неспособности своего начальника. Въ послѣднее время обратились къ лучшей системѣ и стали назначать почти повсемѣстно директоровъ изъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства, но, къ сожалѣнію, и эта система находитъ противниковъ, призна-

ющихъ въ учителяхъ недостатокъ *свѣдѣнности* и заключающихъ на основаніи этого недостатка о ихъ неспособности быть начальниками учебныхъ заведеній!

Что касается трехъ первыхъ номеровъ «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», то въ немъ мы можемъ указать на оконченную въ первомъ номерѣ нынѣшняго года статью г. Стоюнина подъ заглавіемъ: «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи». Статья эта написана очень ясно и добросовѣстно. Авторъ статьи весьма вѣрно очертилъ педагогическую дѣятельность знаменитаго въ исторіи нашего просвѣщенія И. И. Бецкаго и показалъ вліяніе Екатерины на ходъ нашего образованія. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ императрицѣ г. Стоюнинъ: «если мы теперь обратимся къ педагогической теоріи Екатерины II, то увидимъ, что вся она вытекаетъ изъ системы Бецкаго. Впрочемъ, мы не хотимъ утверждать, что императрица не пользовалась непосредственно сочиненіями европейскихъ мыслителей. Нѣтъ, они были хорошо ей знакомы и очень вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ были у ней подъ рукою, когда она писала свои мысли о воспитаніи. Мы только замѣчаемъ, что она не брала изъ нихъ ничего, что не было принято Бецкимъ и въ то же время воспользовалась всѣми примѣненіями, которыя онъ сдѣлалъ къ русскому воспитанію и всѣми дополненіями которыхъ требовала русская современность.» Кромѣ Екатерины и Бецкаго, двухъ главныхъ тогдашнихъ дѣятелей по части образованія въ Россіи, г. Стоюнинъ очень вѣрно представляетъ личность митрополита Платона, какъ наставника и какъ начальника духовно-учебнаго заведенія; онъ упомянулъ также сколько было нужно, о двухъ извѣстныхъ Московскихъ профессорахъ Шадеѣ и Шварцѣ, посвящавшихъ труды свои педагогич.

Разсказавъ о системѣ воспитанія, составленной Бецкимъ и утвержденной Екатериною, г. Стоюнинъ весьма основательно замѣчаетъ, что система эта преимущественно дѣйствовала на сердце, и сдѣлавно односторонне, и что умъ подъ вліяніемъ ея не получалъ должнаго развитія, на которое могла бы опереться нравственность. Дѣйствительно, читая мысли о воспитаніи императрицы и ея сотрудника, нельзя не убѣдиться, что при всей благодати своихъ стремленій, они хотѣли сдѣлать человека только существомъ добрымъ и нравственнымъ, но за то слишкомъ довѣрчиво подчиненнымъ всему тому, что говорили ему воспитатели и наставники. Во всей этой системѣ проглядываетъ мягкое сердце женщины и видится сострадательность филантропа, но не проявляется все стремленіе развить воспитаніемъ духовную самостоятельность

человѣка, заставить его осматриваться въ жизни, бороться съ нею разумною дѣятельностію.

Вообще статью г. Стоюнина должно считать хорошимъ приобритеніемъ для нашей историко-педагогической литературы. Но отдавая полную и заслуженную справедливость статьѣ г. Стоюнина, мы укажемъ на «Письма къ матери семейства о домашнемъ обученіи» какъ на статью крайне неудачную. Не говоря уже о томъ, что въ этой статьѣ все основывается на избитыхъ началахъ, самое изложеніе этой статьи поставляетъ иногда въ тупикъ того, кто читаетъ эти письма. Такъ, напримѣръ, г. составитель письма, говоря о пользѣ и даже необходимости знанія нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, замѣчаетъ: «равнымъ образомъ полезно и необходимо имѣть свѣдѣнія о народахъ, обитающихъ на землѣ, объ ихъ жизни и вліяніи на развитіе всего человѣчества, а потому и на насъ самихъ; полезно (къ чему именно) знать землю въ ея цѣлости (!) и то, что она представляет (!); но настоящее ознакомленіе съ тою средою, въ которой дѣти живутъ и дѣйствуютъ, безспорно является первымъ условіемъ образованія!» И это пишетъ тотъ, кто самъ между прочимъ толкуетъ: «чтобъ какое либо знаніе сдѣлалось дѣйствительною собственностію ребенка и ему (имъ) усвоивалось навсегда, для этого требуется, чтобъ оно между прочимъ было доступно его силамъ въ извѣстный моментъ ихъ развитія и изолировано такъ; чтобы силы дитяти не раздѣлялись, а сосредоточивались на этомъ знаніи и было предоставлено дитяти достаточно средствъ и времени для совершенія въ немъ правильнаго процесса, чрезъ который вышнее дѣлается внутреннимъ (?).» Да какими же образомъ при этихъ педагогическихъ тонкостяхъ, можно познакомить ребенка съ жизнью народовъ, обитающихъ на землѣ и съ вліяніемъ ихъ на развитіе всего человѣчества, и наконецъ съ цѣлостію земли и съ тѣмъ, что она представляет? Все это вы никакъ не введете во внутренность ребенка ни черезъ какой процессъ. Странно, что за охота писать такія туманныя наставленія! Зачѣмъ вводить въ недоумѣніе чадолюбивую родительницу, обратившуюся, какъ видно изъ самаго письма, съ полнымъ довѣріемъ за совѣтами къ педагогу, который между тѣмъ такъ безжалостно мистифицируетъ ее, увѣряя, будто ребенку нужно знать и народы, и землю въ ея цѣлости! Малозтого: г. составитель письма совѣтуетъ прибавить къ землѣ и народамъ чистописаніе и пѣніе, почитая ихъ науками, имѣющими чрезвычайное образовательное вліяніе, да еще арифметику съ предварительными знаніями измѣренія. Отчего же не глазомѣра? быть можетъ, спросить г. Кокоревъ. Написавъ такія неосновательности, авторъ письма дерзаетъ увѣрять родительницу, жаждущую его совѣтовъ, что

она получила полный цикл учебных предметов, которыми могут обучаться дѣти до 12 лѣтняго возраста!!!

Въ другомъ мѣстѣ почтенный педагогъ увѣряетъ, что если научить дѣтей употреблять аршинъ, то они непременно начнутъ имѣвать имъ все, что ихъ окружаетъ. И какъ бы вы, читатель, полагали, что по мнѣнію почтеннаго педагога-совѣтника, доказываешь такое занятіе?... Доказывается оно, по словамъ автора, то, что въ дѣтяхъ равно проявляется природное стремленіе высвободиться изъ хаотическаго (?) состоянія и установить известные порядки (?) между собою и окружающими ихъ предметами (1) Но скрасилъ же авторъ письма по крайней мѣрѣ хоть тѣмъ, что написавъ эту глупость, онъ успѣшилъ прибавить, что «только нѣмцы повалили вполне глубокой смыслъ этихъ простыхъ истинъ.»

Но все это еще ничего бы; а то мы замѣтили въ этой статьѣ довольно ловкую хитрость. Говоря объ учебникахъ Песталоцци, авторъ письма упоминаетъ, что мы нуждаемся въ дѣльных учебникахъ и вслѣдъ за тѣмъ проситъ отуманенную родительницу принести въ даръ отъ него учебникъ подъ заглавіемъ: «*Руководство къ преподаванію арифметики малолѣтнимъ дѣтямъ*», присовокупляя при этомъ, что вѣжняя родительница, получившая такой даръ, вовсе не будетъ нуждаться, при помощи его, въ особомъ учителѣ. «Онъ, дескать составленъ съ такою постепенностію, что вы ни въ какомъ случаѣ не встрѣтите для себя затрудненій.» Конечно, отчего не послать въ подарокъ книгу, отчего также и не принять ее въ даръ, безъ всякихъ предупрежденій объ ея достоинствахъ, на томъ простомъ основаніи, что даровому коню въ зубы не смотрятъ? это все еще ничего; но къ сожалѣнію во всемъ этомъ мы, какъ сказали прежде, открыли хитрую уловку.

На оберткѣ того же номера «Русскаго Педагогическаго Вѣстника» мы встрѣчаемъ объявленіе о продажѣ книги, посылаемой въ подарокъ авторомъ письма. Изъ этого объявленія видно, что книга, посылаемая въ подарокъ, принадлежитъ г. П. Гурьеву, т. е. нѣболѣе ни менѣе, какъ самому редактору «Русскаго Педагогическаго Вѣстника». Въ этомъ объявленіи тоже говорится, что книга предназначена собственнo для родителей, желающихъ безъ чужой помощи преподавать дѣтямъ своимъ арифметику сознательно и сообразно съ силами учащихся. Мы (кто это мы—неизвѣстно) увѣрены, продолжая объявленіе, что ни одна образованная мать не найдетъ въ этой книгѣ ничего для себя затруднительнаго и пр. Скажемъ откровенно, что едва ли кстати редактору журнала рекомендовать свое собственное твореніе и внутри журнала и на его оберткѣ....

Но положимъ, — это еще такъ себѣ. А вотъ что чрезвычайно непри-

лжно читать: одинъ изъ редакторовъ педагогическаго журнала, слѣдовательно лицо, по этому званію обязанное распространять правильныя понятія о воспитаніи, говоритъ между прочимъ, по поводу книги Беккера, «Разсказы изъ древняго міра», что онъ зналъ дѣтей, которыя-сцены изъ нея переносили въ свою жизнь, представляли ихъ въ дѣйствіи, изображая себѣ героями; придумывали для этого костюмы, вооружались бумажными шлемами и щитами, деревянными мечами собственного издѣлія, вмѣсто колесницъ употребляли столы и стулья.» И почтенный педагогъ, рассказывая это, простодушно присовокупляетъ: «величайшая выгода здѣсь въ томъ, что дѣти осецѣло упражняютъ себя т. е. живутъ полною жизнью и умственно, и нравственно, и физически (!)» Да, помилуйте, какъ можно сказать это, видя, что дѣти вышучиваютъ и самихъ себя и древнихъ героевъ, которыхъ они изображаютъ! и какую же умственную и нравственную жизнь можно видѣть въ бумажномъ и деревянномъ вооруженіи, а также и въ томъ, что дѣти, вмѣсто колесницъ, сидятъ на столѣ? Плохая выгода въ дѣлѣ воспитанія изъ всего этого будетъ, а величайшей—никакъ не достигнете. Мнѣ даже кажется, что такую книжку, которая наводитъ дѣтей на подобныя дурачества, слѣдуетъ не рекомендовать довѣряющейся родительницѣ, а напротивъ, совѣтовать забросить ее подальше, да тоже самое слѣдять и съ мечами, и съ щитами, и съ шлемами.

Кстати скажемъ, что изъ примѣчанія, слѣдовавшаго г. П. Г., мы узнаемъ, что хотя и было объявлено публикѣ, что «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» будетъ издаваться подъ редакціей г. Вышнеградскаго, но въ сущности съ самаго начала появленія своего, онъ стоялъ же принадлежалъ г. Вышнеградскому, сколько и г. Гурьеву, а съ 5-го номера прошлаго года имъ даже по преимуществу завѣдываетъ послѣдній, такъ какъ г. Вышнеградскій постоянно обремененъ занятіями по службѣ.»

Такимъ образомъ, всѣ лавры и всѣ тернія этого журнала должны украшать по преимуществу чело г. Гурьева.

За тѣмъ изъ прочихъ статей «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», укажемъ на статью г. Юшкевича «О преподаваніи географіи» весьма добросовѣстно составленную; но статья эта слишкомъ специальна для того, чтобъ разсматривать ее въ нашемъ журналѣ.

Въ другихъ журналахъ за нынѣшній годъ мы встрѣтили слѣдующія статьи педагогическаго содержанія: въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№ 2) помѣщено «Нѣсколько мыслей о системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей» г. Лаврова, и въ «Русской Бесѣдѣ» (№ 1) «Основное народное образованіе» статья П. г. А. Апелерота.

Что касается статьи г. Лаврова, то авторъ о цѣли ея говоритъ

следующее: «я рѣшился представить здѣсь проектъ организаціи воспитанія молодыхъ людей, совершенно независимо отъ существующей организаціи школъ въ разныхъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, продолжаетъ авторъ, я схожусь съ именами, известными въ педагогикѣ, въ другихъ имѣю большинство противу себя, но не считаю нужнымъ скрываться за громкимъ авторитетомъ, или указывать читателю на имена, которыя онъ можетъ мнѣ противопоставить.» Послѣ такихъ словъ, самъ авторъ называетъ свое предпріятіе *дерзкимъ*. Намъ кажется, однако, что основная мысль г. Лаврова не лишена справедливости. Онъ полагаетъ при обученіи ребенка вести разомъ два курса—основной и вспомогательный. Первый, по мнѣнію его, долженъ имѣть цѣлью обучать ребенка окончательно тѣмъ предметамъ, которые онъ въ состояніи усвоить вполне, по своему возрасту; второй курсъ долженъ подготавливать его къ переходу въ тотъ классъ, гдѣ будутъ излагаться новые еще для ребенка предметы. Но едва ли кто нибудь безъ новыхъ, особыхъ поясненій со стороны г. Лаврова, согласится съ мнѣніемъ его объ осуществленіи его мысли на практикѣ, по указанной имъ системѣ. Такъ напр. онъ полагаетъ посвятить въ годъ 80 лекцій для «ислѣдованія истинъ» и говоря о подготовленіи къ этимъ лекціямъ 13-лѣтняго ребенка замѣчаетъ: «тогда можно перейти къ изученію *общихъ признаковъ истины, способовъ, употребляемыхъ для избѣжанія ошибки и къ раздѣленію истинъ, доступныхъ человѣку, на ряды по способу ихъ приобрѣтенія*». Откровенно признаюсь, что я въ этомъ рѣшительно ничего не понимаю, и да не посѣтуетъ почтенный авторъ на то, если мы замѣтимъ что такая наука отзывается глазомъ-вромъ. Трудно также понять мысль г. Лаврова о томъ что «предметъ грамматико-логическаго курса (этотъ курсъ называется г. Лавровымъ для низшихъ заведеній) *составляютъ законы мышленія, почерпнутые изъ законовъ языка и приложенные къ обязанностямъ человѣка относительно себя, отдѣльныхъ людей, общества и отвлеченныхъ идей*». (1)

Призываемъ въ свидѣтели педагоговъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, что никакой, самый гениальный мальчикъ между 12 и 14 годами, ровно ничего не пойметъ въ этомъ замысловатомъ курсѣ, да врядъ ли разгадаетъ его и взрослый человѣкъ, хотя бы и не съ тупыми способностями.

Вѣроятно также безуспѣшны будутъ попытки г. Лаврова привести, посредствомъ разбора и сравненія различныхъ предложеній, къ сознанію, что «элементы, мысли человѣка постоянны и опредѣлены по началу и по выраженію своему, и что такими образомъ

онъ отъ практическихъ формъ перенесенъ въ область не составленныхъ частныхъ мыслей»

Мы соглашаемся съ мыслью автора о невозможности приготовить ребенка специально ко всемъ наукамъ, и тѣмъ доступны образованному человеку возможности сознательно прочесть нѣкоторые популярныя сочиненія по многимъ специальнымъ предметамъ. Этого полагается достигнуть г. Лавровъ ознакомленіемъ учащихся съ техническими выраженіями и общими знаками, употребляемыми въ разныхъ наукахъ, въ особенности по математикѣ, но мы не согласны только въ томъ, что г. Лавровъ очень распространяетъ сообщать ученикамъ эти, слишкомъ разностороннія свѣдѣнія. Но повторимъ, что въ сущности мысль эта не можетъ быть отвергаема; и г. Лавровъ оказалъ бы пользу общему образованію, если бы могъ ввести ознакомленіе съ этими предметами въ высшій курсъ, и изложить свой планъ пояснѣе.

Не лишено правды замѣчаніе г. Лаврова и изъ счѣтъ цѣли при обученіи древнихъ языковъ, но нельзя вполне согласиться съ мнѣніемъ его о преподаваніи новѣйшихъ языковъ.

Вообще — въ статьѣ г. Лаврова проглядываетъ нѣсколько самостоятельныхъ мыслей, но статья теряетъ весьма много отъ неясности изложенія во многихъ мѣстахъ. Какъ бы то ни было, во всей статьѣ г. Лаврова, хотя и не помѣщенная въ педагогическомъ журналѣ, далеко оставляетъ за собою нисыма г. П. Гурьева, въ которыхъ деревянные мечи и бумажные шлемы признаются полною жизнью, всецѣлымъ упражненіемъ, и умственнымъ, и нравственнымъ, и физическимъ!

Что же касается статьи г. Аппельрота, подъ заглавіемъ «Основное народное образованіе» то прежде всего замѣтимъ, что почтенный редакторъ «Бесѣды», помѣщая эту статью на страницахъ своего журнала, самъ сдѣлалъ весьма справедливую оговорку, что изученіе иностранныхъ педагоговъ оказало слишкомъ сильное вліяніе на тотъ взглядъ, который г. Аппельротъ имѣетъ на воспитаніе. Мы въ этомъ отношеніи совершенно раздѣляемъ мнѣніе г. Кошелева. Начало статьи г. Аппельрота, составляющее какъ бы введеніе, занимаетъ 13 страницъ и представляетъ слишкомъ отвлеченныя сужденія, изъ которыхъ можно вывести и тѣ заключенія, которыя изъ нихъ выводитъ и самъ г. Аппельротъ, а въ то же время сдѣлать и другіе выводы, вовсе однако несогласные съ этими же самыми сужденіями. Короче, читая начало статьи г. Аппельрота, мы вспомнили слова Фамусова: «пофилософствуй,—умъ вскружится!»

Мы требуемъ въ дѣлѣ воспитанія положительности, наглядности, практическихъ замѣчаній, осязательныхъ доказательствъ, а

между тѣмъ г. Аппельротъ толкуетъ о счастьи, которое должно быть окончательною цѣлью стремленій человека, и утверждаетъ, что это счастье существуетъ для насъ и не въ насъ, а въ насъ самихъ. Г. Аппельротъ, на основаніи умствованій, утверждаетъ также, что наша неискаженная природа вложила въ каждого изъ насъ способность достигать этого счастья и блаженнаго состоянія. Оно, быть можетъ, все это и такъ, да только черезъ-чуръ туманно.

Нѣсколько далѣе г. Аппельротъ говоря о важности семьи въ дѣлѣ воспитанія замѣчаетъ, что *матеріалъ для элементарнаго и фундаментальнаго ученія* должно почерпнуть изъ всего, что входить въ составъ всѣхъ условій жизни и быта учащагося и предлагать его (т. е. матеріалъ) въ той послѣдовательности и въ томъ объѣмѣ, какъ самая его жизнь развивается отъ *центра* его собственнаго домашняго быта къ *периферіи*, обнимающей жизнь всемирную.» Опираясь такими замысловатыми, правилами народное образованіе, г. Аппельротъ говоритъ, что онъ мысль свою (взятую имъ изъ сочиненія Гразера «*Elementar-Schule für's Leben*») предлагать нашимъ народнымъ воспитателямъ; но спрашивается, кто же изъ нихъ, прочитавши о *центръ домашнего быта и периферіи жизни всемирной*, не ошальзетъ съ перваго же разу, и не расторгнется въ конецъ, когда прочтетъ продолженіе мысли г. Аппельрота: «и такъ какъ семейная жизнь и бытъ не всегда соответствуютъ тому, чѣмъ бы они должны быть въ *нормальномъ* своемъ видѣ, то воспитательное ученіе должно представить его въ такомъ *образцовомъ* видѣ и предлагать матеріалъ, соответствующій идеѣ о возможно совершенномъ бытѣ и жизни учащагося по его званію, состоянію и положенію въ *пространствѣ и времени*» (?).

Г. Аппельротъ, въ началѣ своей статьи, порицаетъ существующія у насъ программы, стѣсняющія во многихъ случаяхъ самостоятельную дѣятельность даровитаго наставника. Порицаніе это отчасти справедливо. Г. Аппельротъ нападаетъ на существующій у насъ *механический* способъ обученія. Это справедливо. Г. Аппельротъ высказываетъ неудовольствіе на то, что у насъ *долбятъ и зубрятъ* въ школахъ. И это вполне справедливо. Но скажите, ради Бога, развѣ инструкція или хоть пожалуй, основныя только правила, общепринятыя г. Аппельротомъ, лучше того, на что нападаетъ самъ же г. Аппельротъ? Да, помыслите, всѣ эти *центры, периферіи, нормы, положеніе учащагося въ пространствѣ и времени* до добра не доведутъ въ дѣлѣ нашего народнаго воспитанія. Большая часть нашихъ народныхъ наставниковъ хотя бы и *идеальныя*, прочитаютъ такіа замысловатая обязанности на нихъ возлагаться, *закурорятся*, какъ выразятся г. Кокоревъ, и только скажутъ: *еслако бываетъ!*

А самые добросовѣстные изъ нихъ, ломая голову надъ безтолковымъ, вѣнецкимъ «разсертствомъ», станутъ исподоволь готовиться въ кандидаты для поступленія въ дома умалишенныхъ!

Хорошо бы было, еслибъ кто нибудь вздумалъ въ видѣ опыта разослать на конкурсъ русскимъ людямъ задачу: *отыскать центр домашняго быта, периферію всемірной жизни и нормальный видъ семейной жизни и быта и наконецъ, — матеріалъ, соответствующій идее о возможномъ изъ совершенствѣ?* Отъ разрѣшенія этой задачи, безъ котораго однако нельзя приступить къ теоріи г. Аппельрота, я думаю не только у русскихъ, но и у всего славянскаго міра, зайдетъ умъ за разумъ. Хорошо разсуждать объ этомъ кропотливымъ вѣщаньемъ, за кружкой пива да съ коротенькой трубкой кнастера въ зубахъ, а какъ предметъ *русской бесѣды* — такіа отвлеченности едва ли будутъ кстати!

Мы также совершенно несогласны съ мыслію г. Аппельрота, будто семейная жизнь каждаго человѣка, *какого бы онъ званія и состоянія ни былъ, представляетъ собою въ элементарномъ, упрощенномъ видѣ всю картину жизни гражданской и общечеловѣческой.* Тутъ, по словамъ г. Аппельрота, представляются *начатки* всего того, что входитъ въ составъ «государственнаго» и общечеловѣческаго существованія, начиная отъ пространства, занимаемаго на землѣ семействомъ, отъ линій, ограничивающихъ это пространство, отъ *формъ простѣйшей, числа и мѣры первоначальныхъ (?)*, и т. д. По мнѣнію г. Аппельрота «въ семейной жизни выражаются *все* обязанности человѣческія, гражданскія и христіанскія отъ малѣйшей обязанности къ самому себѣ и до величайшей, обнимающей *все* человѣчество.»

Что обязанности человѣческія и христіанскія выражаются въ семейной жизни, это совершенно справедливо; но едва ли можно равнивать обязанности семейныя съ обязанностями гражданскими. Это можно было думать во времена, такъ называемой въ училищахъ *кайдановщины*, когда исторія профессора Кайданова была, какъ говорилось въ ту пору, и чуть ли не въ самомъ предисловіи этой пресловутой книги, — зеркаломъ царей и народовъ....

Нужно ли говорить о разладѣ жизни семейной съ жизнью государственной въ Римѣ, въ Греціи и даже въ новѣйшее время, положимъ, хоть въ Англіи; въ настоящее время въ этой послѣдней жизнь семейная — святыня никому недоступная, и напротивъ жизнь государственная обсуждается громко, и ясно, и свободно. Спрошъ же теперь г. Аппельрота, что вышло бы, если бы онъ обвѣялъ англичанина въ томъ, что обязанности семейныя, въ

основѣ, которыхъ лежитъ безмолвная покорность главѣ семейства, суть начатки гражданскихъ его обязанностей?

Вообще видно, что г. Анпелъротъ черезъ-чуръ плохой историкъ.

Можно сказать, что почти всѣ государства составились по началамъ завоевательнымъ! Начнемъ съ запада. Королевство испанское образовалось отъ покоренія Испаніи готами, французская имперія ведетъ свое историческое начало отъ покоренія Галліи франками, германскія государства образовались изъ мѣстностей, покоренныхъ аллеманами (т. е. чужеродцами), Англія—отъ покоренія ея сперва англосаксами, а потомъ норманами. Пруссія главнымъ образомъ возникла вслѣдствіе перехода къ бранденбургскому дому власти тевтонскихъ рыцарей, покорившихъ туземцевъ; наконецъ Турецкая имперія, гдѣ семейныя начала въ государственной жизни являются во всей ихъ простотѣ, возникла вслѣдствіе завоеваній турковъ.

Даже призывъ въ Новгородскую землю Варяговъ, «изъ-за моря» вовсе не имѣетъ семейнаго начала; а нельзя не согласиться, что тамъ, гдѣ есть разннца въ самыхъ началахъ, тамъ и слѣдствія и проявленіе этихъ началъ бываютъ различны. Семейный бытъ каждого человѣка основанъ, положимъ, на общихъ своихъ началахъ, и имѣетъ свои общія обязанности, вытекающія изъ этихъ началъ; но государственный бытъ каждого народа основанъ опять на особыхъ, своеобразныхъ началахъ, и слѣдовательно имѣетъ свои особыя обязанности.

Семья, какъ кажется, слишкомъ эгоистически развиваетъ человѣка, указывая ему семейный кружокъ, какъ центръ всей его дѣятельности, и поэтому хорошій семьянинъ прежде всего заботится объ устройствѣ своего собственнаго, а не общественнаго быта. Что ему за дѣло до неудобствъ, до бѣдствій его сосѣда. Опъ семьянинъ, его главная обязанность думать о женѣ, да о дѣтяхъ; а развѣ онъ исполнить въ точности свою обязанность, если отдастъ послѣдки своего достоянія бѣдствующему ближнему гражданину, а не сохранитъ ихъ для отдаленныхъ и не настоятельныхъ еще нуждъ своей семьи?

Въ особенности, сколько мнѣ кажется, г. Анпелъротъ напрасно взялся рисовать такія уподобленія между семейнымъ и гражданскимъ бытомъ, приравнивая его къ положенію Россіи, *какъ въ пространствѣ такъ и во времени*. Такъ наприкладъ, у насъ чиновникъ, т. е., прежде всего гражданинъ, добывающійся себѣ дѣятельности въ гражданскомъ быту и не надѣющійся въ тоже время на личные свои достоинства, обыкновенно подpiraетъ свою просьбу тѣмъ, что у него жена, дѣти; и при этомъ опъ, не смотря на сознаваемую

имъ самимъ невозможность хорошо выполнить свои гражданскія обязанности, добивается однако какой нибудь должности, ссылаясь на то, что у него есть семейныя обязанности. Развѣ это не только не разногласіе, но и не совершенное противорѣчіе между понятіями объ обязанностяхъ семейныхъ и объ обязанностяхъ гражданскихъ? Человѣкъ, котораго мы приняли въ примѣръ, пренебрегаетъ послѣдними для того только, чтобъ выполнить свои семейныя обязанности....

Этимъ понятіями, несходственными между собою, объясняются многія наши гражданскія злоупотребленія, дѣлаемыя во имя семейныхъ обязанностей.

Такъ начальникъ, убѣдившись въ противозаконныхъ поступкахъ своего подчиненнаго, приказываетъ ему подать въ отставку. Послѣдній, не имѣя возможности отразить возводимыя на него обвиненія, зачастую говоритъ только: «помилуйте, ваше превосходительство, я человѣкъ семейный, у меня жена, дѣти, вы сами отецъ семейства!» И снисходительный начальникъ терпитъ гражданское зло, т. е. уклоненіе отъ гражданскихъ началъ, въ уваженіе того, что онъ, какъ ему кажется, дастъ этимъ способомъ своему подчиненному исполнять его семейныя обязанности; а въ тоже время и общественное мнѣніе нисколько не вооружается противъ этого, потому что круто поступать съ человѣкомъ семейнымъ покажется всѣмъ какою-то жестокостью. И дѣйствительно, вѣмотрѣвшись хорошенько, нельзя не замѣтить, сколько гражданского зла возникаетъ единственно отъ исполненія членами семействъ домашнихъ обязанностей. Жена или дочь идетъ просить за мужа или за отца, и какъ нерѣдко правда склоняется на сторону виновнаго! Сильный человѣкъ выластъ свою дочь за мужъ, много достойнаго народа отодвинуту тотчасъ назадъ, для того, чтобъ дать дорогу новому члену семейства. Хорошо, нечего сказать, родители заговаривать всѣ: онъ и не хочетъ позаботиться объ устройствѣ судьбы своей дочери....

Тождественность или, пожалуй, только сходство семьи съ государствомъ г. Аппелъротъ основываетъ на томъ, «что общество гражданское или народъ составленъ изъ множества общины, а тѣ изъ семействъ». Но вѣдь отчего не пришло на мысль г. Аппелъроту, что и море составлено изъ капель, однако если бы кто нибудь захотѣлъ угодить каплю морю, и искать въ первой признаки дождя, того, конечно, такая попытка сдѣлала бы предметомъ общей насмѣшки.

Намъ кажется, что отъ уподобленія государства семьѣ произойдетъ много невѣрностей въ основныхъ понятіяхъ, какъ о первомъ такъ и послѣдней, и поэтому напрасно восматывать ребенка, уи-

для его, что въ семейномъ кругу лежатъ начатки всего того, что онъ впоследствии встрѣтитъ въ своей жизни, какъ гражданинъ. Это напрасно потому, что можно быть отличнымъ семейниномъ и весьма плохимъ гражданиномъ, и наоборотъ. Петръ I заглушилъ самыя нѣжныя чувства отца для гражданскаго блага своей родины, предвидя въ своемъ сынѣ личность, вредную для государства; но несомнѣнно, что въ разное время и у разныхъ народовъ мы можемъ найти случаи совершенно противоположные приводимому здѣсь примѣру.

А такъ какъ всякій человѣкъ есть столько же членъ семейства, сколько и гражданского общества, даже скажемъ болѣе, что членомъ первого онъ бываетъ не всегда и преимущественно по собственной волѣ, тогда какъ членомъ послѣдняго онъ долженъ сдѣлаться неизбежно, то едва ли можно согласиться съ г. Апфельротомъ, «что самая школьная дѣятельность должна носить характеръ *семейной* жизни учащихся, и основываться на условіяхъ собственнаго ихъ *домашняго* быта, представляемаго имъ въ *образцовомъ* видѣ».

Пора мало по малу оставлять намъ эти патріархальныя понятія. Кто въ жизни своей часто встрѣчался съ людьми, тотъ легко замѣтитъ, что вообще люди, проникнутые образцовыми понятіями собственнаго своего домашняго быта, весьма мало бываютъ проникнуты теплымъ участіемъ къ дѣламъ общественнымъ. Очень часто, достигая уже зрѣлыхъ лѣтъ, они остаются подъ влияніемъ идей, безсознательно усвоенныхъ ими; они не пользуются всей силой своего возраста, но очень часто подчиняютъ ее совѣтамъ какой нибудь выжившей изъ лѣтъ бабушки, предлагающей, изъ любви къ своему внуку, дѣйствовать страдательно и смиренномудро, для изисканія у кого либо милости и расположенія... Есть еще весьма много и другихъ невыгодъ при перенесеніи началъ семейныхъ въ жизнь общественную, и намъ (быть можетъ и ошибочно) кажется, что чѣмъ меньше устроивается школа на условіяхъ домашняго быта и чѣмъ болѣе предоставляется въ ней самостоятельности и самобытности каждому, тѣмъ болѣе она принесетъ пользы. Да и вообще мнѣніе г. Апфельрота объ образованіи человѣка по образцу какого-то *идеала*, составляемому наставникомъ, едва ли можетъ когда нибудь пригодиться. Въ особенности же мало приложенія можетъ оно имѣть у насъ, гдѣ вслѣдствіе такого нововведенія долженъ былъ бы послѣдовать рѣзкій переходъ отъ механическаго обученія къ *идеальному* воспитанію, безъ всякихъ благоразумныхъ переходовъ.

Всѣ эти представленія учителя въ видѣ семейнина, (семью его, по мнѣнію г. Апфельрота, должны составлять его ученики), устрояющаго свой *образцовый* бытъ, должны быть признавы чистыми

утопіями. 'Лучше уже остаться при букварѣ да при указкѣ, чѣмъ пуститься на осуществленіе такихъ идиллій, въ продолженіе которыхъ, по наставленію г. Аппельрота «обратясь опять къ *звукамъ различныхъ животныхъ* можно указать, что *отъсотворенія міра* и до сегодня, каждое изъ нихъ повторяетъ свой звукъ.» Задача, какъ кажется трудноватая, хотя въ сущности своей и не подлежитъ сомнѣнію....

Послѣ обученія чтенію, письму и счисленію, по методѣ неслыханно удобной, и по составленію полной, живой картины образцоваго семейнаго быта, г. Аппельротъ дѣлаетъ, по его мнѣнію, естественный, тоже наглядный переходъ изъ семьи къ общинѣ и къ жизни общественной, и говоритъ слѣдующій образцовый афоризмъ: «какъ въ семействѣ старшій и почтеннѣйшій бываетъ главою, такъ въ общинѣ самому почтенному, умному, справедливому и честному поручается начальство надъ другими, или по крайней мѣрѣ оно должно быть такъ и въ нормальномъ общественномъ состояніи. Изъ этого, очевидно, вытекаетъ обязанность повиновенія и чувство уваженія, какъ къ главѣ семейства, такъ и къ начальнику общины. Приказанія и распоряженія этого главы и начальника, хотя и не всегда соответствующія личному желанію того или другаго члена общины, должны быть исполнены всѣмъ добросовѣсто, даже и тогда, когда цѣль этихъ распоряженій и приказаній неизвѣстна или непонятна каждому лицу».

Спрашивается теперь: для чего же г. Аппельроту было передъ начальнымъ курсомъ пускаться въ разныя отвлеченности нѣмецкой философіи, если онъ хотѣлъ сказать только ту истину, которую мы безъ всякихъ *центровъ и периферій* слышимъ въ простыхъ и вразумительныхъ словахъ св. апостола Павла: «Повинуйтесь властямъ, вѣсть бо власть, аще не отъ Бога, и пр.» Г. Аппельротъ преувѣлительный человекъ: пишетъ, пишетъ, толкуя о разныхъ гг. Песталоцци, Базедовахъ, Гразерахъ и приходитъ только къ тому, что намъ ровно за 1,000 лѣтъ написали уже наши соплеменники Кириллъ да Мефодій.

Развивая самостоятельность своихъ питомцевъ путемъ нѣмецкихъ умозрѣній, г. Аппельротъ, сквозь туманъ, принодитъ ихъ къ тому нравственному изыщному быту, къ которому, впрочемъ, очень просто приволятъ учащихъ и наши обыкновенныя школы. Зачѣмъ же дѣлать такую дальнюю дорогу для того только, чтобы приучить юношу по нѣмецкимъ, а не по русскимъ правиламъ исполнять даваемые ему приказанія добросовѣстно, даже и тогда, когда неизвѣстна и непонятна ему цѣль этихъ приказаній. Слава Богу, мы это хорошо знаемъ и безъ г. Аппельрота, все это намъ вполнѣ

дѣйствию и безъ сомнѣннѣхъ знаменитыхъ педагоговъ, на которыхъ онъ ссылагается.

Развѣтому такимъ образомъ юношѣ, г. Анпельротъ намѣренъ уяснять далѣе «государственное устройство, его историческое развитіе, учрежденія и законы»; почтенный педагогъ все это полагаетъ разсматривать «отвѣсительно положенія самаго учащагося». Нечего сказать, много пойметъ ученикъ объ *историческомъ развитіи государственнаго устройства*, если все это будетъ относиться къ его положенію!

Остановившись на всемъ этомъ и попросимъ самаго г. Анпельрота изъ подготовленнаго такимъ образомъ юноши образовать — человека. Что онъ сдѣлаетъ для этого, при всемъ своемъ педагогическомъ талантѣ, мы рѣшить не можемъ....

Почтенный авторъ статьи объ «Основномъ воспитаніи» извинитъ насъ за наше откровенное мнѣніе: мы не считаемъ (быть можетъ и ошибочно) его статью такой статьею, которая могла бы имѣть хоть какое нибудь практическое приложеніе, какъ по своей особенной идѣ, такъ и по частнымъ правиламъ. Статья можетъ, мы приписываемъ ей такіе недостатки главнымъ образомъ потому, что, какъ самъ почтенный авторъ замѣчаетъ: «такое элементарное воспитательное обученіе для насъ предметъ новый и даже въ педагогической изстаринѣ, не только систематически-научной Германіи, этотъ предметъ только недавно, не болѣе 20 лѣтъ, сталъ пробиваться на свѣтъ Божій *сквозь туманы абстракцій*».

И такъ, по собственному замѣчанію г. Анпельрота «туманы абстракцій» виноваты, во многомъ. Совершенно соглашаемся съ мнѣніемъ почтеннаго педагога....

Не довольствуясь примѣненіемъ этихъ нѣмецкихъ тумановъ къ народному нашему воспитанію, г. Анпельротъ попытается привить ихъ и къ «Образованію» женщинъ средняго и низшаго сословія въ Россіи, посвятить этому важному предмету особую статью, напечатанную во 2 № «Отечественныхъ Записокъ».

Съ грустью замѣтили мы, что и тутъ основными столбами являются господа: Эзеръ, Фогель, Грубе, Бромс, Гразеръ, Бекеръ, Магеръ, Ведеманъ, Гутсъ-Мутсъ. Да когда же наконецъ мы отбросимъ отъ всѣхъ ученыхъ, которые сами лѣтъ 20, если не болѣе, бродили въ туманныхъ абстракціяхъ! Было бы недобросовѣстностію нашей стороны, если бы мы не отдали справедливости и философскому взгляду и трудолюбію этихъ писателей; но нельзя же не замѣтить, что пересаживать ихъ выспреннія идеи нашу почву едва ли будетъ полезно. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить статья г. Анпельрота, которая создана на всѣхъ этихъ нѣ-

исцихъ абстрактахъ, и которую авторъ «повергаетъ на безпристрастный судъ общественнаго мнѣнія».

Въ сущности статья г. Аппелърота служить укоромъ современному воспитанію и обученію русскихъ женщинъ. Г. Аппелъротъ хочетъ лечить болѣзнь «въ организмѣ нашей семейной и общественной жизни» и замѣчаетъ, что эта болѣзнь заставила насъ образумиться и понять наконецъ истинное значеніе женщинъ, а къ этому, въ одномъ мѣстѣ своей врачующей статьи, почтенный авторъ добавляетъ, что необходимость душевнаго и умственнаго воспитанія женщинъ сознается у насъ *всѣми* и что вслѣдствіе того возникло желаніе *повсемѣстно* устроить училища для дѣвицъ.

Какія же еще болѣе утѣшительныя извѣстія, мы можемъ внести на страницы нашего «Современнаго Обозрѣнія»? Съ чувствомъ глубокаго, невыразимаго удивленія, узнаемъ мы изъ статьи г. Аппелърота, что правительство теперь заботится объ этомъ, что общества и частныя лица *содѣйствуютъ уже* этому и готовы содѣйствовать своими пожертвованіями.

Значить, на практикѣ сдѣлано почти все; пушно только, при такихъ общихъ благотѣльныхъ стремленіяхъ, создать теорію женскаго воспитанія для приложенія къ дѣлу. Исполнить это, какъ кажется, припаялъ на себя г. Аппелъротъ.

Г. Аппелъротъ въ статьѣ своей укоряетъ наше современное женское воспитаніе. Онъ настаиваетъ на томъ, что женщины «вообще отъ самой природы призваны къ душевной жизни и дѣятельности исключительно въ кругу своего семейнаго быта. Въ этомъ все ея значеніе, вся сила, власть и слава женщины; домашній семейный кругъ — царство ея; вышедши изъ этого круга, она за границею, въ чужомъ владѣніи». Вслѣдствіе этого, достается отъ г. Аппелърота и льнницамъ моднаго свѣта, которыхъ онъ, впрочемъ, утѣшаетъ, что «душа женщины, ея добродѣтель, ея прелесть сообщается всему, что къ ней прикасается, и чистое ея дыханіе какъ бы наполняетъ воздухъ вокругъ свѣжестью, чистотою и высшею прелестью.» Можно поспорить: г. Аппелъротъ навѣрно выхватилъ такое обаятельное описаніе женщины, не изъ сочиненій господъ Гутсъ-Мутсовъ, Магеровъ, Ведемановъ, а скорѣе изъ Тибулла, Пария или Шенье....

Не смотря однако на эту прелесть женщины, г. Аппелъротъ тянетъ ее въ кухню и къ амбарахъ; онъ не хочетъ дозволить ей читать романы, нападаетъ на танцы, потому что танцуютъ *обыкновенно* въ козняхъ, при искусственномъ освѣщеніи, гдѣ температура воздуха неестественно возвышается отъ собранія многихъ лицъ и *землеплазъ или испареній*. Вслѣдствіе этого г. Аппелъротъ и тан-

нмъ жалелъ бы учить дѣвицъ только для предложенія въ замки семейной, а не для удовлетворенія мелкому тщеславію, и не для того, чтобъ доставлять имъ болѣе возможности своими талантами выдвигаться и блестятъ въ свѣтскихъ обществахъ, «удивлять и соблазнять праздныхъ поклонниковъ мишурной виѣшности.» Мало этого, г. Аппелъротъ увѣряетъ, что танцы, изучаемые безъ приложенія къ семейной жизни, могутъ быть положительно вредны нравственному достоинству женщинъ и могутъ даже послужить *преградой* для достиженія ими прямого назначенія — жить и дѣйствовать для блага и счастья своего семейства.

Читая статью г. Аппелърота, нельзя не замѣтить, что ему чрезвычайно какъ хочется развести у насъ какую-то геригутерскую колонію, какъ будто гг. Магерамъ и Ведеманамъ съ братьею мало Германіи. Нѣтъ, г. Аппелъротъ, исправьте хотя и по теоріи наше женское воспитаніе, но сдѣлайте его *народнымъ*, сообразнымъ съ русскимъ духомъ и не обращайтесь нашу Марью Семеновну въ фрау Шарлоту....

Слѣдствія статьи г. Аппелърота о воспитаніи женскаго пола очевидны. Конечно, никто не станетъ и спорить, чтобъ общій типъ нашей доброй, веселой, радушной и немножко грѣшной женщины могъ равняться съ высокими нѣмецкими идеалами, порхающими въ дыму кнастера и проявляющимися въ парахъ нѣмецкаго пива; но все-таки безыскусственный женскій типъ, воспроизведенный въ дѣйствительную жизнь нашимъ славянскимъ отродемъ, лучше чопорныхъ и приторныхъ образцовъ, представляемыхъ въ замѣнъ ихъ мечтательнымъ г. Аппелъротомъ.

Намъ кажется, что если провести русскую дѣвушку путемъ воспитанія, который начертываетъ для нея г. Аппелъротъ, то пзъ нея выйдетъ презабавная личность, отуманенная идеями и лишенная всей той женственной прелести, которою восхищается самъ же почтенный писатель, конечно относя ее болѣе къ духовнымъ качествамъ женщины. Семейства наши, вслѣдствіе теоріи г. Аппелърота, должны наполниться подражаніями нѣмкамъ. Согласитесь однако, что весьма незавидное явленіе будетъ въ семейной нашей жизни какашбудъ фрау Каролина, въ своемъ шнурбрустѣ (корсетѣ), въ огромномъ чепцѣ, съ буками въ видѣ сосисокъ, а пожалуй, и съ посеребренными очками наносу, загнутомъ къ шву, и съ острыми подбородкомъ поднят看ъ къверху. Эта почтенная дама, находящаяся въ центрѣ русскаго домашняго быта, по теоріи г. Аппелърота должна проводить цѣлое утро въ кухнѣ, то кипятя сливки, то подбавлявая муку въ супъ, то учитывая кухарку на каждой конѣикѣ; впрочемъ, эта почтенная дама можетъ порою и сама систематиче-

сии приготовить къ завтраку бутерброды, а къ обѣду кое-что поджарить и поджарить, но этиныя главныя образы и будетъ поглощена ея утренняя дѣятельность; остальное время ей ничто не мѣшаетъ посвятить для танцевъ въ пользу семьи. Наступаетъ вечеръ, этотъ идеалъ женщины сидитъ mit Kinder и толкуетъ имъ, какъ толкуетъ самъ г. Аппельротъ, о какомъ-то *счастьи*, заключающемся въ самихъ насъ, порицаетъ балы, по причинѣ *усиленнаго испаренія* лицъ, на нихъ находящихся, внушаетъ дочерямъ, чтобъ онѣ не читали романовъ, а занимались бы музыкою, — потому что она, какъ утверждаетъ г. Аппельротъ, настраиваетъ и возвышаетъ душу мелодическими звуками, сливая жизнь земную съ величественною гармоніей духовнаго высшаго міра... и такъ далѣе все въ этомъ же туманномъ родѣ...

Мы неспоримъ, что г. Аппельротъ весьма справедливо выставляетъ нѣсколько примѣровъ печальныхъ браковъ, какъ слѣдствіе вреднаго вліянія настоящаго воспитанія женщины. Но надобно сказать, что и его идеальныя представленія семейнаго быта едва ли могутъ быть одобрены.

Воспитаніе, по системѣ г. Аппельрота, должно приготовить личности, которая бы прежде всего искала счастья въ самихъ себѣ; супругъ долженъ уметь читать и писать, знать языки и науки, и *добросовѣстно, не зная и не понимая, исполнять все, что выходитъ изъ круга семейнаго и ложится въ видѣ приказаній*; на досугъ онъ можетъ отыскивать центръ и периферію земной жизни. Супруга этого почтеннаго чловѣка, будетъ безцвѣтно выпколенная личность, чуждая всему, что дѣлается за чертою ея дома, такъ какъ та, по словамъ г. Аппельрота, она будетъ уже за *границей*. Правда, она будетъ имѣть достаточныя свѣдѣнія въ разныхъ предметахъ, а отчасти и въ иностранныхъ языкахъ, будетъ думать, какъ думаетъ г. Аппельротъ, что всеобщая исторія *учительница нравственности и мудрости*, то возбуждающая насъ къ подражанію всему высокому и прекрасному, то отирающая насъ отъ всего *унизительнаго и патубнаго*, и что она руководитъ насъ на пути къ истинному *нашему счастію*. Такая женщина, идеалъ, созданный воспитаніемъ по системѣ г. Аппельрота, будетъ вѣрить словамъ его, «что языкъ отечественный есть *единственный и законный* проводникъ всѣхъ мыслей и чувствъ, всѣхъ званій и убѣжденій». Мысль немпожко китайская, но положительно однако высказываемая г. Аппельротомъ, настр. 672. Такая женщина будетъ заботиться «о выборѣ для чтенія иностранныхъ книгъ, въ особенности французской изящной литературы», зная, что нужно быть *примѣрною* въ подобномъ случаѣ, и что чтеніе ино-

странныхъ книгъ, какъ учить г. Аппельротъ, должно подвергаться предварительной критикѣ и строгой педагогической ценсурѣ. Она будетъ помнить слова почтеннаго педагога, что «отъ этого чтенія безъ разбора, много уже *исказились прекрасныхъ натуръ*». Женщина, образованная по системѣ г. Аппельрота, не станетъ заниматься модной нашей музыкой, а будетъ разыгрывать «мотивы народные, чисто народные, а не на ихъ ладъ *цыганскія и другія(?) пѣсни, мотивы классической, осмысленной музыки*, потому что, по словамъ благоразумнаго наставника, (ищущаго и въ наукахъ и въ искусствахъ практическаго примѣненія къ дѣйствительной жизни.)—этими только *осмысленными, простыми душевными звуками* можно перелить и въ другихъ настроеніе *высоко-духовное, утѣшающее всѣ боли сердечныя, всѣ волненія умственныя и даже* (если только вѣрить словамъ г. Аппельрота) *укрошающее бѣснованье безумца и лютость злодѣя* (??). По замѣчанію почтеннаго педагога, особенно сильно дѣйствуетъ простая, задумчивая музыка, если она *изливается изъ сердца матери*!

Спрашиваемъ теперь безпристрастныхъ читателей: къ чему же положительному можетъ привести теорія женскаго воспитанія, проповѣдываемая г. Аппельротомъ?

Если г. Аппельротъ, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, человекъ русскій, то мы удивляемся только тому, что онъ сталъ писать о воспитаніи русскихъ женщинъ нѣмецкія отячеченности, не ознакомившись напередъ съ дѣйствительными потребностями нашего народа и стараясь подчинить, Богъ вѣсть для чего, его духовныя силы туманной теоріи г. Магера съ честною братьею. Если же г. Аппельротъ не нашъ соотечественникъ, то мы положительно бы просили его оставить насъ въ покоѣ и не сбивать русскій людъ нѣмецкими утопіями.

Вообще же замѣтимъ, что въ настоящее время наша педагогическая литература мало представляетъ утѣшительнаго въ практическомъ отношеніи. Мы не видимъ въ этомъ безусловно нашихъ писателей по этой части, взвѣсившая всѣ тѣ затрудненія, которыя они могутъ встрѣчать, работая на этомъ поприщѣ.... Но все это не дастъ однако никакого права, никому изъ писателей по части воспитанія, наполнять нашу педагогическую литературу такими статьями, которыя и неудобосиолишмы, и неудобопонятны.

Оканчивая обзоръ современной нашей дѣятельности касательно воспитанія, мы не излѣзшимъ считаемъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ и о грамотности. Вопросъ о ней, возбужденный «Современникомъ», мы считаемъ въ настоящее время окончательнымъ въ пользу. Въ одномъ изъ предшествовавшихъ номеровъ нашего жур-

нала было упомянуто о тѣхъ возраженіяхъ, которыя навлекло на себя въ разныхъ журналахъ мнѣніе г. Дала о вредѣ и о несвоевременности распространенія грамотности въ нашемъ народѣ. Въ дополненіе къ прежнимъ замѣткамъ скажемъ слѣдующее. Во 2-мъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ», не принимавшихъ участія въ защитѣ грамотности отъ нападокъ г. Дала, замѣчено однако, что мнѣніе г. Дала потеряло свою вредоносность, потому что возбудило противъ себя десять возраженій, не найдя ни одного публичнаго защитника, хотя, какъ прибавляетъ г. С. Д., мы знаемъ, что многіе держались его въ отношеніи къ крестьянскому сословію.

Новосомнѣнно, что рѣшительный отпоръ данъ г. Далю въ прекрасной статьѣ г. Кошелева, помѣщенной въ 1 № «Русской Бесѣды», подъ заглавіемъ: «Нѣчто о грамотности.» Уважаемый авторъ этой статьи начинаетъ свое письмо къ г. Далю слѣдующими оффиціально-погребальными словами: «*съ сердечнымъ прискорбіемъ* прочелъ я вашу «Замѣтку о грамотности» въ №245-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» и послѣднее слово ваше «рано» какъ камень легло на мою душу.» Затѣмъ г. Кошелевъ весьма основательно указываетъ г. Далю всю ошибочность его мнѣній.

Г. Апеллеротъ, который, какъ замѣчено въ одномъ изъ предшествовавшихъ номеровъ «Современника», выразилъ было прежде мнѣніе о грамотности, нѣсколько сходное съ мнѣніемъ г. Дала, теперь въ 1 № «Русской Бесѣды» написалъ съ полною откровенностію слѣдующее: «первая статья моя «Обыкновенная грамотность», этотъ грустный результатъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій, по части общенароднаго первоначальнаго обученія, отзывается нѣсколько жолчью и горечью. Да простятъ меня въ томъ читатели!» Г. Апеллеротъ говоритъ потомъ: «необходимость и польза грамотности для народа вообще не подлежатъ, мнѣ кажется, никакому сомнѣнію.»

Будетъ ли г. Даль вести съ г. Кошелевымъ переписку о вредѣ и несвоевременности грамоты для русскаго народа, намъ неизвѣстно, и потому мы съ своей стороны считаемъ, какъ сказали, это дѣло рѣшеннымъ въ настоящее время въ пользу грамотности.

Конечно, немногіе изъ слѣдящихъ за дѣятельностію нашей литературы могли забыть, что вопросъ о воспитаніи былъ съ сильною энергіею возбужденъ «Морскимъ Сборникомъ», помѣстившимъ статью г. Пирогова. Замѣтимъ, что статья эта была переведена недавно на польскій языкъ и встрѣтила у читателей справедливыя похвалы.

Въ настоящее время «Морской Сборникъ» не представляетъ педагогическихъ статей; но за то третій его номеръ, вышедшій въ про-

шедшемъ мѣсяцѣ, содержитъ много любопытнаго въ другихъ отношеніяхъ.

Въ этомъ номерѣ «Морскаго Сборника» помѣщены четыре отчета: 1) Отчетъ о дѣйствіяхъ Морскаго Ученаго Комитета въ 1857 году. 2) Отчетъ о занятіяхъ Канцеляріи Морскаго Министерства. 3) Отчетъ флота генераль-аудитора и 4) Отчетъ директора Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства. Отчеты первый и четвертый представляютъ нѣкоторые общезанимательныя данныя.

Изъ перваго отчета мы узнаемъ, между прочимъ, что въ разсмотрѣніи Ученаго Комитета находились правила для частныхъ пароходовъ, содержащихъ сообщеніе между портами Балтійскаго моря. Составленіе этихъ правилъ Его Императорскому Высочеству Генераль-Ампралу угодно было поручить Морскому Ученому Комитету, вмѣстѣ съ Техническимъ, пригласивъ къ участію двухъ командировъ пароходовъ. Правила эти должны быть составлены соотвѣтственно правиламъ, существующимъ по этому предмету въ иностранныхъ государствахъ. Въ Комитетѣ разсматривались также проекты: иностранца В. «О предупрежденіи столкновенія пароходовъ» и «о мѣрахъ къ отвращенію обмеленія портовъ Новороссійскаго края», а также составлялся проектъ правилъ «для отвращенія засоренія невискаго фарватера.» Замѣтимъ также, что въ Комитетѣ разсматривается нынѣ «проектъ воздушнаго корабля» представленный однимъ иностранцемъ, и проектъ о поднятіи изъ воды судовъ и тяжестей.

Что касается учебно-морской части, то въ Комитетѣ занимаютъ положеніемъ о Морскомъ Училищѣ портовъ *Восточнаго Океана*.

Сверхъ этого, Комитетъ предполагалъ издать 15 разнаго рода сочиненій, относящихся къ морскому дѣлу, и въ числѣ прочихъ о купеческомъ судостроеніи въ Россіи Корнуса Корабельныхъ Инженеровъ поручика Богуславскаго. Печатаніе этого сочиненія было приостановлено на нѣкоторое время по неимѣнію средствъ.

Относительно издавнаемаго Ученымъ Комитетомъ журнала «Морской Сборникъ» замѣтимъ что въ 1857 году онъ имѣлъ 5007 подписчиковъ, изъ которыхъ обязательныхъ было 3330 и частныхъ 1677. Все изданіе журнала обошлось въ этомъ году въ 43,896 руб. 69 $\frac{1}{2}$ к.; изъ этой суммы заплачено авторамъ 5,405 руб. 79 $\frac{1}{2}$ коп., а на чертежи, портреты и рисунки употреблено 9,419 р. 13 к. Круглымъ числомъ каждый печатный листъ «Сборника» обошелся въ 123 руб. 88 $\frac{1}{4}$ коп.

Что касается отчета канцеляріи Морскаго Министерства, то изъ него мы узнаемъ, между прочимъ, что составлена особая коммиссія

для пересмотра Свода Морскихъ Уголовныхъ Законовъ и что капитанъ-лейтенантъ Кроунъ былъ командированъ въ Америку для заказа судовъ и разныхъ другихъ предметовъ для Сибирскихъ портовъ и флотиліи.

Въ отчетѣ Гидрографическаго Департамента упоминается, что въ прошедшемъ году производились промѣры и съемка въ разныхъ точкахъ Балтійскаго моря, а также Ладожскаго озера и рѣки Невы, и что изслѣдованія, которыя предполагалось произвести въ 1857 году, въ Бѣломъ морѣ и по рукавамъ Сѣверной Двины, не были исполнены за неимѣніемъ въ Архангельскомъ портѣ необходимыхъ для этого средствъ.

Изъ этого же отчета мы узнаемъ, что въ Каспійскомъ морѣ находятся три ученыя экспедиціи; главныя работы первой сосредоточивались между Баку и Астрабадомъ. Къ сожалѣнію, несчастный случай, именно: крушеніе, 14 сентября прошлаго года, парохода «Куба» у мыса Шоуланъ нанесло огромный ущербъ трудамъ экспедиціи; такъ какъ при этомъ несчастномъ случаѣ погибли всѣ журналы астрономическихъ работъ, произведенныхъ экспедиціею, а также уничтожилась большая часть ея трудовъ, такъ удачно и такъ добросовѣстно начатыхъ.

Другая экспедиція изслѣдовала рѣку Куру. По всего важнѣе экспедиція для изслѣдованія фарватеровъ рѣки Волги. Однако всѣ предположенія на счетъ первой экспедиціи не могли быть приведены въ исполненіе. Наконецъ Сибирь обратила на себя дѣятельное вниманіе: тамъ, по волю Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, предполагается произвести опись рѣки Амура и береговъ Восточной Сибири.

Въ томъ же номерѣ «Морскаго Сборника» помѣщено извѣстіе о гибели корабля «Лефортъ», бывшей предметомъ долгихъ разговоровъ нынѣшнею осенью. Въ Морскомъ Сборникѣ изложено подробное слѣдствіе, произведенное особо учрежденною комиссіею по этому дѣлу. Изъ этого слѣдствія между прочимъ видно, что во время гибели корабля «Лефортъ» на немъ находилось: 13 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1 юнкеръ, 743 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, 53 семейства нижнихъ чиновъ и 17 дѣтей обоего пола. Корабль «Лефортъ» былъ построенъ въ Новомъ-Адмиралтействѣ въ С. Петербургѣ изъ лиственницы, и спущенъ 25 іюня 1835 года; въ 1852 г. онъ былъ обшитъ мѣдью въ Кронштадтѣ.

Слѣдственная комиссія, основываясь на разысканіяхъ соображеній и сиротахъ тѣхъ, которыя были очевидцами этого ужаснаго происшествія, опровергаетъ первоначальное мнѣніе многихъ, будто бы корабль опрокинулся. Мнѣніе это, по замѣчанію комиссіи, ос-

новѣялось на кратковременности всей катастрофы. Контрасія ужасна, что гибель «Лефорта» произошла отъ чрезвычайной прыжки во внутрь его воды, пробравшейся во всѣ щели и открывшейся сверхъ того внезапной сильной течи, и полагается (съ чѣмъ однако не соглашается Морской Генераль-Аудиторіатъ), что все это произошло вслѣдствіе неосновательнаго распредѣленія на корабль «Лефортъ» перевознаго груза въ компанію 1856 года; отчего будто бы разслабились всѣ связи корабля, а вслѣдствіе этого образовались щели, въ которыя и нахлынула вода. Морской Генераль-Аудиторіатъ находитъ, что течь эта, при большомъ кренѣ и качкѣ, могла произойти отъ дурной проконопатки и отъ ослабленія связей въ носовой части погибшаго корабля.

Таковы важнѣйшія общественныя и литературныя явленія въ нашемъ отечествѣ, которыя мы можемъ занести въ наше «Обозрѣніе» за прошлый мѣсяцъ. Нельзя не сознаться съ радостью, что общее впечатлѣніе ихъ, не смотря на нѣкоторые частныя недостатки, весьма отрадно. Къ сожалѣнію, не совсемъ можно сказать тоже самое относительно многихъ явленій, обнаружившихся въ послѣднее время «въ иныхъ земляхъ». Происшествія во Франціи нѣтъ, какъ извѣстно, печальный характеръ. Положеніе другихъ странъ тоже представляетъ нѣкоторые факты, не слишкомъ отрадные. Одинъ изъ нихъ мы отмѣчаемъ съ особенно грустнымъ чувствомъ.

Тогда какъ у насъ, въ настоящее время, къ чести нашей родины, явилось такое стремленіе къ предоставленію человѣку правъ, принадлежащихъ ему, какъ существу разумному, по самой его природѣ; въ тоже время, на другомъ краѣ земли, снова выразилось крайнее неуваженіе къ личной свободѣ человѣка. Такъ американская газета «New-York Herald» сообщаетъ, что, въ виду Гавайны, были весьма недавно захвачены три судна съ углемъ, и что на этихъ судахъ находилось 450 несчастныхъ негровъ, значенныхъ для переезда въ мѣстечко Табла-Виста. Такіе печальные факты ясно доказываютъ, сколько еще нужно усилій для того, чтобъ наконецъ личность человѣка, на всѣхъ точкахъ земнаго шара, вступила въ свои законныя, дарованныя ей Богомъ, права.

Изъ послѣднихъ узаконеній, состоявшихся во Франціи, замѣчательны новый законъ, внесенный въ уголовный кодексъ и запрещающій публичное ношеніе одежды, мундира или ордена, а также присвоеніе, безъ всякаго на то права, дворянскаго титула, подлѣ осужденій быть подвергнутыхъ тюремному заключенію отъ шести до двухъ лѣтъ и уплатѣ штрафа отъ 500 до 5,000 франковъ. Кроме того, судъ можетъ приказывать напечатать свой приговоръ въ газетахъ

исполнѣ, или въ извлеченіи, на счетъ виновнаго. Изъ постановленій по этому предмету, сдѣланныхъ законодательнымъ корпусомъ, видно, что такая мѣра принята въ видахъ упроченія во Франціи наследственной монархіи.

Можно замѣтить, что въротерпимость, въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ идетъ еще медленными шагами. Такъ, въ Швеціи, съ небольшимъ только мѣсяцъ назадъ, правительство оказало нѣкоторое, весьма впрочемъ небольшое, снисхожденіе къ тѣмъ изъ шведскихъ подданныхъ, которые не исповѣываютъ господствующей въ королевствѣ религіи; именно—тамъ допустили въ государственную службу иновѣрцевъ, дозволивъ имъ однако занимать мѣста—не болѣе, какъ учителей искусствъ, ремеселъ, а также должности врачей!

Что касается успѣховъ человѣческаго ума, въ отношеніи наукъ, то самымъ замѣчательнымъ извѣстіемъ, сообщеннымъ иностранными газетами, намъ показалась небольшая статейка «Times» о томъ, что пароной фрегатъ «Niagara» долженъ былъ отправиться 6 марта изъ Англіи для положенія телеграфическаго каната на дно Атлантическаго океана. Весь экипажъ будетъ состоять изъ 400 человѣкъ, потому что, когда, при послѣдней попыткѣ положить этотъ канатъ на дно океана, экипажъ на фрегатѣ «Niagara» состоялъ изъ 500 человѣкъ, то эта многочисленность мѣшала удобному расположенію самаго каната на фрегатѣ. Кромѣ того, нынѣ приняты всѣ мѣры для того, чтобъ устранить тѣ неудобства, которыя были замѣчены при послѣдней экспедиціи.

Особыхъ политическихъ новостей въ Европѣ нѣтъ. Всѣ они вращаются въ настоящее время около прежнихъ вопросовъ, и особенное вниманіе любителей посмѣяно привлекаютъ: законы о политическихъ выходцахъ въ Англіи, война китайская и усмиреніе Индіи.

Въ послѣднее время обнаружилось въ европейской наукѣ особенное движеніе по части изученія армянскаго языка, литературы и исторіи. Сообщаемъ новости и замѣчанія по этому предмету, составленные г. Г. Эзовымъ.

«Ex oriente lux», гоноритъ латинская пословица, до сихъ поръ тщательно сохраненная европейскими народами, какъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, что европейское просвѣщеніе, получило свое начало въ Азій. Мы знаемъ изъ исторіи, что отсюда перешли въ Грецію алфавитъ, числительные знаки, тамъ

зародились астрономія и земледѣіе, тамъ возникли религіозныя и философскія ученія, отсюда постоянно выходили мудрецы древняго міра, и западъ еще со временъ Пифагора и Платона смотритъ на востокъ, какъ на своего наставника. Поэтому, для познанія начала челоѣчества и духа первобытнаго общества, европейскіе ученые обратились къ изученію судебъ народовъ востока и ихъ цивилизаціи — матери нашей европейской цивилизаціи.

Мы не намѣрены здѣсь распространяться ни объ исторіи изученія восточныхъ языковъ въ Европѣ, ни о томъ, какое мѣсто имъ принадлежитъ въ кругу европейской науки, и какою жатвою они вознаградили посвятившихъ имъ свой трудъ ученыхъ. Наши намѣренія, на этотъ разъ, ограничиваются скромнымъ желаніемъ — ознакомить читателей съ нѣкоторыми предпріятіями европейскихъ ученыхъ, по изученію армянской письменности и исторіи этого древняго народа, принимавшаго непосредственное и дѣятельное участіе почти во всѣхъ событіяхъ древняго востока.

Изученіе языка, литературы и исторіи древней Арменіи началось въ Европѣ съ XVII столѣтія. Тогда многіе ученые и преимущественно миссіонеры, бывшіе на востокъ, въ совершенствѣ владѣли армянскимъ языкомъ, и оставили многія весьма замѣчательныя по этому предмету сочиненія. Изъ европейскихъ ученыхъ посвятившихъ свои труды изученію Арменіи, особенно замѣчательны: французскіе ученые — Шульцъ, С. Мартенъ, Катрмеръ, Евгений Боре, Дюлорье, Феликсъ Невъ, Феликсъ Лажаръ, Викторъ Ланглоа; нѣмецкіе — Шредеръ, Нуманнъ, Петерманнъ; англійскіе — братья Вильгельмъ и Георгъ Вистоны и поэтъ Лордъ Байронъ, и итальянскіе Паоло Пиромали, аббатъ Каппенети и др.

Въ началѣ XIX столѣтія, (1811) при императорѣ Наполеонѣ I въ Парижѣ учреждена первая кафедра армянскаго языка; вслѣдъ за тѣмъ такія же кафедры были учреждены и въ другихъ главныхъ городахъ Европы.

Изъ современныхъ предпріятій европейскихъ ученыхъ по изученію армянской письменности, обратимъ вниманіе читателей а) на изданіе г. Дюлорье, подъ названіемъ *Историческая Армянская бібліотека*, т. е. собраніе всѣхъ армянскихъ историковъ во французскомъ переводѣ, б) путешествіе въ Италію, г. Ланглоа которому французское правительство поручило изслѣдовать въ туринскихъ и генуэзскихъ архивахъ документы, относящіеся до сношенія Армянскаго царства съ Генуэзскою республикою, в) путешествіе архимандрита Гавріила Айвазовскаго въ Арменію; двухъ послѣднихъ ученыхъ Французское Восточное Общество (*La société orientale de France*) снабдило инструкціями.

Но чтобъ точнѣе опредѣлить значеніе и послѣдствія, какія могутъ имѣть для науки вышеупомянутыя предпріятія, постараемся въ немногихъ словахъ изъ прошедшей исторической жизни армянскаго народа уяснить себѣ научную важность его литературы. Первые, до насъ дошедшіе, памятники армянской литературы относятся къ началу IV вѣка, и съ тѣхъ поръ непрерывною цѣпью продолжаютъ до нашихъ временъ. Армянскіе историки пятью вѣками древнѣе мусульманскихъ и много правдивѣе византійскихъ, слѣдовательно они, можно сказать, суть единственные путеводители въ изслѣдованіи историческихъ и религіозныхъ переворотовъ, совершившихся въ западной Азіи, во время владычества Арзакидовъ и Сассанидовъ.

Арменія этого времени, по политическимъ и географическимъ отношеніямъ своимъ, находясь въ прямомъ соприкосновеніи съ востокомъ, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, связана неразрывными узами христіанской религіи и своимъ умственнымъ образованіемъ съ Византійскою имперією: всѣ историки Арменіи этого времени получили свое образованіе въ школахъ Аѳинъ и Византіи. Отсюда вытекаетъ вся важность свѣдѣній, сообщаемыхъ армянскими историками о Византійской имперіи, Персидской монархіи и о подвластныхъ имъ народахъ.

Далѣе, когда Арабы, воодушевленные воинскимъ и религіознымъ энтузіазмомъ, а вслѣдъ за ними турки сельджуки, и потомъ монголы изъ глубины своихъ степей, устремились на западную Азію, Арменія была одна изъ первыхъ странъ, подвергшихся опустошительному ихъ набѣгу и подпавшихъ ихъ игу; и современные армянскіе историки, рассказывая о бѣдствіяхъ и разрушеніи своего отечества, сообщаютъ намъ множество характеристическихъ и только у нихъ сохранившихся подробностей о вышеупомянутыхъ народахъ. Съ другой стороны, одни и тѣже событія съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія рассказанныя мусульманскими и армянскими писателями, даютъ возможность любопытному ихъ между собою сравненію. Не менѣе любопытны и драгоцѣнны свидѣтельства армянскихъ историковъ, когда они намъ изображаютъ перевороты Византійской имперіи, столько вѣковъ тяготѣвшей надъ судьбою ихъ отечества; когда они намъ разсказываютъ о крестовыхъ походахъ, въ которыхъ принимали участіе ихъ соотечественники, населявшіе Киликію.

Никому лучше ихъ не извѣстны событія, совершившіяся во время крестовыхъ походовъ, въ Киликіи, на сѣверѣ государства Антіохійскаго и графства Эдесскаго; страны эти имѣли армянское населеніе.

Въ позднѣйшее время, когда Армения была предметомъ раздора персидскихъ шаховъ и турецкихъ султановъ, царствованіе Шахъ-Аббаса I, переселеніе имъ армянъ изъ отечества въ Исфаганъ, развитіе этой армянской колоніи (Джильфы), вліяніе ея на торговлю и финансовое состояніе Персіи при Аббасѣ и первыхъ его преемникахъ, переселеніе армянъ въ Польшу, вліяніе ихъ на процвѣтаніе города Лемберга, торговля армянъ, поселившихся въ Крыму, съ итальянскими республиками, и въ особенности съ Генуей, вліяніе армянъ на торговлю Турціи и Персіи — все это послужило предметомъ историческихъ сочиненій, заслуживающихъ полного вниманія европейскихъ ученыхъ.

Многіе армяне, будучи приближенными сановниками послѣднихъ турецкихъ султановъ, оставили ихъ біографіи, которые остаются, большею частью, въ незаслуженной неизвѣстности.

Итакъ мы видимъ, что историки армянскіе обобщаютъ исторію почти всѣхъ народовъ, имѣвшихъ значеніе въ древнія и среднѣвѣковыя времена: грековъ, римлянъ, персовъ, арабовъ, турокъ-сельджуковъ, монголовъ и принимавшихъ участіе въ крестовыхъ походахъ европейцевъ. Армянскіе историки отличаются искреннею любовью къ истинѣ, точностью и вѣрностью въ разсказъ, простотою и изяществомъ слога; они въ этомъ отношеніи гораздо выше арабскихъ, персидскихъ и большей части византійскихъ историковъ; многіе же изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе своею обширною ученостію.

Теперь мы можемъ оцѣнить, въ какой степени важно для науки предпріятіе г. Дюлорье, обѣщающаго издавать во французскомъ переводѣ армянскихъ историковъ, подъ заглавіемъ Исторической Армянской Библіотеки (*Bibliothèque historique Arménienne*). Нельзя не пожелать полного успѣха и счастливаго окончанія этому обширному и имѣющему съ тѣмъ весьма полезному и крайне обязательному предпріятію. Армяне, искони вѣковы славящіеся своею пылкою любовью къ просвѣщенію, радостно отзывались на приглашеніе г. Дюлорье — содѣйствовать исполненію его предпріятія: въ Россіи и Турціи составила подписка на значительное число экземпляровъ его изданія, которое должно выходить отдѣльными книжками, заключающими въ себѣ твореніе одного или нѣсколькихъ авторовъ, цѣною отъ 10 до 12 франковъ; первый же томъ этого изданія, въ которомъ будетъ помѣщено разсужденіе г. Дюлорье о системѣ армянской хронологіи, будетъ стоить 25 фр. Подписка принимается въ Парижѣ, на Ривальевской улицѣ, у книгопродавца Франка.

Теперь мы съ нѣкоторою вѣроятностію можемъ предвидѣть результаты ученаго путешествія въ Италію г. Ланглоа (*Victor Langlois*).

которому французское правительство поручило изслѣдовать документы, хранящіеся въ архивахъ Турина и Генуи и относящіеся до сношеній Арменіи съ Генуэзскою республикою. Изслѣдованіе и изданіе этихъ забытыхъ хартій новымъ свѣтомъ озарять бывшія въ средніе вѣка, сношенія Запада съ Востокомъ. Чтобы точнѣе опредѣлить цѣль и значеніе этого путешествія, приведемъ инструкцію, которую Восточное Общество, дало г. Ланглоа, на это путешествіе. «Постановленіемъ 21 минувшаго апрѣля, его превосходительство г. министръ народнаго просвѣщенія, далъ одному изъ нашихъ собратьевъ, Виктору Ланглоа, главному секретарю Общества, ученое порученіе, имѣющее цѣлю изслѣдовать въ архивахъ Турина и Генуи, документы относящіеся до сношеній, нѣкогда существовавшихъ между Арменіей и Генуэзскою республикою.

«Викторъ Ланглоа, которому недавнее его путешествіе въ Арменію дало возможность подробно изучить исторію этого древняго государства, (*) болѣе чѣмъ кто нибудь можемъ исполнить это порученіе; и начъ только остается поздравить его съ тѣмъ, что онъ волею министра призванъ продолжать предпринятое имъ изученіе этого отдѣла восточной исторіи. До прибытія своего въ Сардинію, Викторъ Ланглоа, при проѣздѣ чрезъ Ліонъ, осмотритъ въ библіотекѣ этого города, хранящіяся тамъ рукописи, и въ особенности весьма древнюю рукопись за № 15, которая заключаетъ въ себѣ литургію древней армянской церкви.

Въ Туринѣ, Викторъ Ланглоа войдетъ въ прямыя сношенія съ г. французскимъ посланникомъ, которому онъ рекомендованъ г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы съ большими успѣхомъ могъ исполнить свое порученіе

Въ архивахъ онъ найдетъ часть древняго собранія официальныхъ документовъ Генуэзской республики; въ связкахъ этихъ архивовъ должны находиться грамоты и привилегіи, предоставленныя Генуэзцамъ царями армянскими.

Эти, до сихъ поръ неизданные, документы будутъ весьма полезны г. Ланглоа, для составленія картулярія Арменіи, на съ которымъ онъ уже нѣсколько лѣтъ трудится и который долженъ войти въ составъ собранія, предпринимаемаго г. Дюлорье, подъ названіемъ «Исторической Армянской Библіотеки.»

(*) Въ 1832 и 1833 г. французское правительство поручило г. Ланглоа сдѣлать археологическія изысканія въ малой Арменіи и Киликии. Отчетъ объ этой его поѣздкѣ отпечатанъ подъ заглавіемъ: *Rapport sur l'exploration archéologique de la Cilicie et de la Petite-Arménie, pendant les années 1832—1833, par Victor-Langlois.* Paris. 1837.

Мы имѣемъ полное право надѣяться, что порученіе г. Виктора Ланглоа будетъ полезно наукѣ и обществу, которому онъ принадлежитъ.

Мы заканчиваемъ, прося г. Ланглоа доставить рапортъ объ его путешествіи, который, мы увѣрены, будетъ очень интересенъ и сообщить совершенно-новыя подробности о сношеніяхъ Запада съ Востокомъ въ Средніе вѣка.

Намъ теперь остается поговорить объ архимандритѣ Гавріилѣ Айвазовскомъ, и о научномъ значеніи предпринятаго имъ путешествія въ Армению. Отецъ Гавріилъ Айвазовскій, братъ нашего художника И. К. Айвазовскаго, родился въ Крыму, въ г. Феодосіи отъ армянскихъ родителей. Еще въ ранніе годы онъ обнаружилъ въ себѣ блестящія способности, и родители его, не имѣя возможности дать ему должное образованіе въ Крыму, вынуждены были послать его въ училище Общества Мхитаристовъ, на островъ Св. Лазаря въ Венецію, гдѣ, получивъ блестящее образованіе, онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ членовъ этого ученаго общества. Съ 1844 года подъ его редакціею началъ издаться отъ общества журналъ «Полигисторъ», принесшій громадную пользу армянамъ. Въ 1848 г. Общество Мхитаристовъ назначило его директоромъ Армянскаго Института Мурата, въ Парижѣ; подъ его просвѣщеннымъ управленіемъ Институтъ достигъ апогея своей славы, образованіе армянскаго юношества шло блестящими успѣхами... Желая по возможности содѣйствовать распространенію европейскаго просвѣщенія между своими соотечественниками, онъ въ 1855 г. открылъ въ Парижѣ другой армянскій институтъ и предпринялъ изданіе армяно-французскаго журнала *La colombe du Massis* (голубь масиса). Архимандритъ Гавріилъ Айвазовскій обладаетъ обширными познаніями въ совершенствѣ владѣетъ европейскими и многими восточными языками. Труды его не нуждаются въ похвалахъ; они извѣстны ученому міру. Весною 1857 г. отецъ Гавріилъ Айвазовскій пожелалъ посѣтить своихъ родныхъ въ Россію, и при проѣздѣ его черезъ Австрію, Молдавію, Крымъ, Москву, С. Петербургъ, вездѣ, гдѣ только живутъ Армяне, вездѣ они выразили чувство искренней любви и благодарности знаменитому своему соотечественнику. По прибытію его въ С. Петербургъ, Государю Императору благоугодно было назначить его Исправляющимъ должность Нахичеванскаго и Бессарабскаго епархіальнаго архіепископа; мѣстопробываніемъ своимъ онъ избралъ родную Феодосію, гдѣ намѣренъ открыть армянское народное училище. Онъ посѣтилъ также пернопрестольный армянскій Эчміадзинскій монастырь и его богатую библіотеку, гдѣ хранятся множество невѣдомыхъ міру рукописей, и окрестности Арарата, наполненныя развалинами древняго армянскаго царства.

Отъ путешествія, равно какъ и отъ училища отца Айвазовскаго, армяне, а за ними и весь ученый міръ, вправѣ ожидать много полезнаго; и можно положительно утверждать, что Айвазовскій съумѣетъ достойнымъ образомъ отблагодарить Россію за ея гостепріимный пріемъ, ревностною и опытною своею дѣятельностію на поприщѣ распространенія просвѣщенія.

Для полноты свѣдѣній, приведемъ рапортъ комиссіи, которой Французское Восточное Общество поручило снабдить архимандрита Айвазовскаго инструкціей на это путешествіе.

«Госпола, олинъ изъ нашихъ ученыхъ собратовъ, вортабедъ (*) Гавріилъ, покидаеть Францію и предпринимаеть ученое путешествіе въ Арменію, свое отечество. Вортабедъ Гавріилъ есть, какъ вамъ, извѣстно, олинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которыми по справедливости гордится Арменія: онъ оказалъ, не только своимъ соотечественникамъ, но и ученой Европѣ, значительныя услуги, знакомя ее съ литературой своего отечества, изаніемъ журнала, называющагося *La Colombe du Massis*, и другими весьма замѣчательными трудами относительно языка, литературы и исторіи Арменіи. Отправляясь въ окрестности Арарата, находящіяся нынѣ во власти Россіи, вортабедъ Гавріилъ имѣетъ намѣреніе главнымъ образомъ изслѣдовать въ библіотекѣ и архивахъ Эчміадзина, — мѣстопробываніе католикоса армянскаго народа, — документы, покрытые пылью и нѣсколько вѣковъ не видѣвшіе свѣта. Большую пользу должны принести изслѣдованія нашего ученаго собрата литературѣ гражданской, политической и церковной исторіи Армянъ, намъ остается только просить его исполнить свое намѣреніе — остаться нѣсколько мѣсяцевъ въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, который, какъ извѣстно, есть самое богатое хранилище армянскихъ рукописей и документовъ.

Когда вортабедъ Гавріилъ окончитъ предполагаемыя имъ изслѣдованія въ Эчміадзинѣ, онъ намѣренъ посѣтить окрестности Арарата, чтобъ собрать надписи и археологическія свѣдѣнія. Страна эта усѣяна древними развалинами и весьма мало изслѣдована путешественниками. Дюбуа-де-Монтпере, Броссетъ, Абишъ и нѣсколько монаховъ, принадлежащихъ къ монастырю, правда, обозрѣвали эти страны, но многое еще остается сдѣлать, и мы надѣемся, что путешествіе вортабеда Гавріила пополнитъ изысканія его предшественниковъ въ Арменіи.

Вѣроятно, вортабедъ Гавріилъ посѣтитъ Эрзерумъ, Тифлисъ, Эриванъ и всѣ древніе города, перешедшіе, съ нѣкотораго времени по тѣ скипетръ Россійскаго Императора. Вортабедъ Гавріилъ, который говоритъ на многихъ языкахъ, и въ особенности поармянски,

(*) Ученое званіе армянскаго монашествующаго духовенства.

погрузински, порусски и потатарски, болѣе чѣмъ кго нибудь, можетъ выкинуть во множество такихъ подробностей, которыя ускользають отъ европейскихъ путешественниковъ. Его духовный санъ даетъ ему возможность съ большою легкостью проникнуть въ церкви, въ монастыри и даже во внутрь восточныхъ семействъ, столь недоступныхъ для иностранцевъ.

Мы въ особенности просимъ вартабедъ Гавріила собирать свѣдѣнія о политическомъ, гражданскомъ и церковномъ состояніи Кавказа, о разныхъ его племенахъ, о политической его географіи. Эти свѣдѣнія будутъ тѣмъ болѣе драгоценны, что мы ниѣмъ весьма неопредѣленные понятія объ этомъ предметѣ. Должно также въ Карабахской области (древняя Албанія) изслѣдовать, нѣтъ ли историческихъ развалинъ и надписей. Можетъ быть, въ этихъ странахъ найдутся медали, принадлежащія династіи Горигеянъ, изъ которыхъ одна только до сихъ поръ извѣстна, и другимъ княжествамъ, процвѣтавшимъ здѣсь въ Средніе вѣка. Эти памятники могутъ служить дополненіемъ къ рассказамъ лѣтописцевъ Среднихъ вѣковъ.

Наконецъ, вартабедъ Гавріилъ преимущественно долженъ обратить вниманіе на то, не находятся ли въ монастыряхъ тѣхъ странъ рукописи армянскихъ писателей, считающіяся потерянными и которыя могутъ пополнить пробѣлы, находящіяся въ исторіи Арменіи.

Книга законовъ Арменіи была бы хорошою находкою, и если вартабедъ Гавріилъ будетъ такъ счастливъ и найдетъ ее, то надо будетъ купить ее, или списать. Законы Арменіи, изъ которыхъ только нѣсколько отрывковъ до насъ дошли, весьма любопытны; но мы не знаемъ ихъ въ цѣлости, хотя намъ и извѣстно, что существуютъ рукописи кодекса Мхитаръ-Коша въ Эчмиадзинѣ и въ Венеціанскомъ монастырѣ. Царскія грамоты и картуляріи церквей и монастырей заслуживаютъ особенное вниманіе, и мы, зная просвѣщеную ревность вартабедъ Гавріила, увѣрены, что онъ не пропуститъ ни единого случая, для собранія, о посѣщаемыхъ имъ частяхъ Арменіи, свѣдѣній, которыя, по его мнѣнію, могутъ служить точными данными для исторіи и археологіи этой части Востока.

Общество, которое всегда радо поощрять ученыхъ изслѣдованій Востока, за счастье почтетъ, если будетъ въ состояніи сообщить нужныя вартабеду Гавріилу свѣдѣнія; оно заранѣе увѣрено въ тѣхъ благихъ послѣдствіяхъ, которыя должно имѣть путешествіе, предпринятое подъ высокимъ покровительствомъ русскаго Правительства, главнѣйшихъ армянскихъ фамилій и Святѣйшаго ихъ Синода.

— Не безпокойся. Я буду воздерженъ. Стаканъ-другой необходимъ; знаешь, чтобъ голосъ былъ чище; — а больше ни капли.

Въ это время купецъ, торговавшій неграми и остановившійся недалеко отъ Бена, подошелъ къ палаткѣ послѣдняго.

— Знаешь ли что, любезный другъ, сказалъ онъ: — сегодня утромъ, пока я былъ на митингѣ, одинъ изъ моихъ проклятыхъ негровъ убѣжалъ въ болота! не можешь ли ты съ собакой своей догнать его и притащить сюда? За это я заплачу тебѣ сто долларовъ наличными.

— Зачѣмъ же ты обращаешься къ нему? сказалъ, подошедши къ нимъ, Джимъ Стоксъ, низенькій, толстый и пошлой наружности мужчина, въ синей охотничьей блузѣ. Да его собаки никуда не годятся; просто дрянь. Вотъ мои, такъ дѣлю другое; настоящія Флоридскія! Каждая изъ нихъ ужъ если вцѣпится въ негра, то стиснетъ его въ зубахъ какъ грецкую губку.

Намѣреніе бѣднаго Бена заботиться о спасеніи своей души не могло устоять противъ этого внезапнаго нападенія со стороны его врага. Не обращая вниманія на умоляющіе взгляды жены, онъ выпрямился, засучилъ рукава и вызвалъ своего соперника на драку. — Толпа негровъ, въ одинъ моментъ окружила ихъ. Смѣхъ, вызовъ на пари, брань и проклятія, — слышались повсюду; но вдругъ все затихло, привидѣ мистера Бонни, который незамѣтно подошелъ къ цѣмъ, окружавшей бойцовъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? вскричалъ онъ. Угождаете дьяволу! Чтобы не было этого! — Здѣсь священное мѣсто; сейчасъ же оставьте брань и драку.

Нѣсколько смущенныхъ голосовъ рѣшились объяснить мистеру Бонни причину этого шума.

— Ну, чтожъ! сказалъ онъ: негръ убѣжалъ, и пусть его бѣжитъ; можете поймать в послѣ митинга. Вы пришли сюда искать спасенія: зачѣмъ же эта брань, этотъ кулачный бой? Оставьте, оставьте! споемте лучше гимнъ со мной.

И онъ запѣлъ. Голосъ за голосомъ приставалъ къ нему, и собиравшаяся буря миновала.

— Послушай, вполголоса сказалъ мистеръ Бонни купцу, отводя его въ сторону: — нѣтъ ли между твоими неграми хорошей поварихи?

— Есть превосходная, сказалъ купецъ: что называется —

первый нумеръ; могу васъ увѣрить. Кувилъ ее дешево, и готовъ уступить за восемьсотъ долларовъ, — и то только вамъ, потому что вы проповѣдникъ.

— Назначая такую огромную сумму, ты, должно быть, думаешь, что проповѣдники могутъ платить такіа деньги, сказалъ мистеръ Бонни.

— Вы еще не видали ея; это ужасно дешево, увѣряю васъ. Видная, здоровая женщина; умная, бережливая домохозяйка и, вдобавокъ, набожная методистка. Помилуйте, восемьсотъ долларовъ за нее — ничего не значить! Мнѣ бы слѣдовало взять тысячу, но у меня принято за правило дѣлать проповѣдникамъ уступку.

— Почему ты не привелъ ея съ собой? спросилъ мистеръ Бонни. Можетъ статься, я далъ бы за нее семьсотъ пятьдесятъ.

— Нельзя, ни подъ какимъ видомъ нельзя! отвѣчалъ торговецъ.

— Ну, хорошо; мы поговоримъ объ этомъ послѣ митинга.

— У нея четырехлѣтній ребенокъ, прибавилъ торговецъ, прокашлянувъ: — здоровый, милый ребенокъ; я думаю взять за него не меньше сотни долларовъ.

— О, въ такомъ случаѣ не нужно, сказалъ мистеръ Бонни: на моей плавтанціи я не держу дѣтей.

— Но, я вамъ говорю, это премилый мальчикъ; содержаніе его ничего не будетъ стоить: а когда онъ вырастетъ, то снѣго можно сказать, что въ вашемъ карманѣ прибудетъ тысяча долларовъ.

— Хорошо, я подумаю.

Вечерній митингъ, представляя собою болѣе живѣнскую спеву, производить и болѣе глубокое впечатлѣніе. Главными дѣйствующими лицами на митингахъ болѣею частію бываютъ люди, которые, мало обращая вниманія на цѣль подобныхъ собраній, умѣютъ, однакоже, съ особеннымъ тактомъ, дѣйствовать на массы умомъ, и пользоваться всѣми силами и вліяніемъ окружающей природы. Въ ихъ душѣ преобладаетъ чувство какой-то дикой поэзіи, придающее цѣлѣ ихъ выраженіямъ, руководящее ихъ во всѣхъ распоряженіяхъ. Они всегда дорожили и съ поэтическимъ искусствомъ пользовались торжественнымъ и гармоническимъ величіемъ ночи, со всею ея таинственною силою, способною воссоздавать страсти и возбуждать душевные порывы.

День митинга былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ юнскихъ дней;—небо отличалось той недвижно-свѣтлой лазурью, атмосфера-той кристальной прозрачностью, которая часто придаетъ американскому пейзажу такое рѣзкое очертаніе и человѣческимъ существамъ такое глубокое сознаніе жизни. Вечернее солнце погружалось въ обширное море огня и, утонувъ въ пурпуровомъ горизонтѣ, разливало по всему небосклону потокъ нѣжно-розового свѣта, который, будучи перехваченъ тысячами тонкихъ облаковъ, представлялъ великолѣпный аэирный покровъ. Темнота лѣса смягчалась розовыми лучами, — и по мѣрѣ того, какъ густыя тѣни начинали исчезать, на небѣ засверкали звѣзды, и вскорѣ поднялась луна, полная, роскошная. Ея свѣтъ, еще при самомъ началѣ появленія, до такой степени былъ обиленъ и блистателенъ, что всѣ единодушно рѣшили продолжать вечерній митингъ; и когда, при звукахъ новаго гимна, народъ высыпалъ изъ палатокъ и расположился передъ эстрадой, то, безъ всякаго сомнѣнія, самое зачерствѣлое сердце было проникнуто безмолвнымъ величіемъ, которое выражалось въ природѣ.—Съ окончаніемъ гимна, мистеръ Бонни выступилъ на край эстрады, воздѣлъ руки къ пурпуровому небу, и громкимъ, не лишеннымъ мелодіи голосомъ повторилъ слова иереміина: *Небеса возводятъ славу Божію, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь. День дни отрываетъ млаго и ночь ночи возвыщаетъ разумъ.* (Псал. XVIII).

— О грѣшники! воскликнулъ онъ: обратите взоръ вашъ на эту луну, озаренную ослабительнымъ свѣтомъ, и помыслите о вашемъ нечестіи и заблужденіи! Помыслите о вашихъ порокахъ, о наклонностяхъ къ ненависти и обману, о вашихъ ссорахъ и дракахъ! Помыслите и скажите, въ какомъ видѣ представляются они вамъ при свѣтѣ этой луны, освѣщающей васъ своими лучами? Неужли вы не замѣчаете красоты, которою Господь одарилъ ее? Неужли вы не постигаете, что подобно ей, и святые облечены такимъ же точно свѣтомъ? — Вѣроятно, у саждаго изъ васъ была благочестивая мать, благочестивая жена или благочестивая сестра, которая переселилась изъ этого грѣшоваго міра въ царствіе небесное и тамъ шествуютъ вмѣстѣ съ Господомъ, — шествуютъ съ Господомъ по тверди небесной и глядятъ теперь на васъ, грѣшниковъ, какъ глядитъ эта луна. И что же онѣ видятъ? Онѣ видятъ, что вы бранитесь, предаетесь

разврату, любостажашію, конскимъ ристалищамъ и жѣтунскимъ боямъ! О грѣшники! въ настоящую минуту вы представляете собою скопище людей нечестивыхъ! Не забудьте, что Господь смотритъ на васъ глазами этой луны! Онъ взираетъ на васъ окомъ милосердія! Но настанетъ день, когда онъ посмотритъ на васъ совершенно иначе! Онъ посмотритъ на васъ гнѣвно, если вы не раскаетесь! О, какая грозная была минута на горѣ Синаѣ, тысячелѣтія тому назадъ, когда гласъ невидимой трубы раздавался громче и громче, гора дымилась, громъ непрерывно смѣнялся молніей, и Господь низшелъ на Синай! Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы увидите! Луна перестанетъ освѣщать васъ; звѣзды померкнутъ; небеса исчезнутъ съ величайшимъ шумомъ, и стихіи расплавятся отъ сильнаго зноя! Случалось ли вамъ видѣть когда нибудь лѣсной пожаръ? Я видѣлъ его, видѣлъ пожаръ въ американскихъ степяхъ: онъ бушевалъ, какъ ураганъ! Люди, лошади, звѣри бѣжали отъ него. Я слышалъ ревъ и трескъ его, видѣлъ, какъ громадные деревья, подобно труту, въ нѣсколько секундъ обращались въ пепелъ! Я видѣлъ, какъ огонь молніей пробѣгалъ по деревьямъ вышиною въ семьдесятъ пять и во сто футовъ и превращалъ ихъ въ обнаженные столбы; небо представляло сплошное зарево; огонь бушевалъ, какъ океанъ во время бури. — День страшнаго суда ожидаетъ васъ! О грѣшники! вы не помышляете, что ожидаетъ васъ въ тотъ страшный день! Ваше раскаяніе будетъ слишкомъ, слишкомъ поздно! Вы не хотѣли раскаянія, когда вамъ его предлагали, и зато должны будете принять наказаніе! Вы не найдете мѣста, гдѣ бы укрыться отъ гнѣва. Небо и земля прейдутъ, и море исчезнетъ! Не будетъ мѣста для васъ во всей вселенной!

Въ это время въ толпѣ слушателей послышались стоны, вопль, всплескиванье рукъ и смѣшанныя восклицанія. Эти признаки душевнаго волненія подбѣдствовали на проповѣдника, какъ электрическая искра, и онъ продолжалъ съ большою энергіей.

Покайтесь, грѣшники! теперь самое лучшее время! Принесите покаяніе предъ алтаремъ, и служители Бога помолятся за васъ! День молитвы и покаянія наступилъ для васъ. Приблизьтесь сюда! Приблизьтесь тѣ, у которыхъ набожные отцы и матери въ царствіи небесномъ! Приблизьтесь всѣ, кто пуждается въ покаяніи? Воупъ тамъ, я вижу отсюда закоснѣлаго грѣшника! Я вижу его угрюмые взгляды! — Придите сюда всѣ! Придите сюда и вы, богатые нечестивцы, — вы, которые будете бѣдными

въ день судный! Придите сюда и помолитесь, Споемъ гимнъ, братія, споете!

И тысяча голосовъ запѣли гимнъ.

«Помедли, о грѣшникъ! постой и помысли,

Прежде, чѣмъ сдѣлаешь шагъ къ новымъ грѣхамъ!»

Между тѣмъ незанятые проповѣдники ходили въ толпѣ, упрасивая и умолая мірянъ преклонить колѣна предъ нагосемъ, Народъ большими массами бросился впередъ; стоны и рыданія оглашали воздухъ, между тѣмъ ораторъ продолжалъ говорить съ удвоеннымъ жаромъ.

— Бѣда не велика, если меня и узнаютъ, сказалъ мистеръ Джонъ Гордонъ: я иду туда; я законный грѣшникъ и болѣе другихъ нуждаюсь въ молитвѣ.

Нина въ испугѣ отступила назадъ и прильнула къ рукѣ Клэйтона. Толпа, окружавшая ее, до такой степени была взволнована, что Нина, подъ вліяніемъ безотчетнаго, тревожнаго чувства, плакала вмѣстѣ съ толпой.

— Уведите меня отсюда! Это ужасно! сказала она.

Клэйтонъ взявъ ее подъ руку, вывелъ изъ толпы къ окраинѣ лѣса, и тамъ, подъ вѣтвями деревъ, въ сторонѣ отъ общаго движенія, остановился.

— Я знаю, что веду себя нехорошо, сказала Нина: но не знаю, что мнѣ сдѣлать, чтобъ исправиться. Какъ вы думаете, принесетъ ли мнѣ пользу, если и я пойду туда же?

— Я сочувствую всякому усилію, которое дѣлаетъ человѣкъ, чтобъ приблизиться къ своему Создателю, сказалъ Клэйтонъ. Эти обряды мнѣ не нравятся, но не смѣю осуждать ихъ; я не долженъ выставять себя образцомъ для другихъ.

— Однако, неужели вы не полагаете, сказала Нина, что эти обряды вредятъ иногда?

— Увы, дитя мое! что же въ мірѣ не имѣетъ своихъ недостатковъ? Таковъ уже законъ судьбы, что гдѣ есть добро, тамъ должно быть и зло. Въ этомъ заключается главное условіе нашей бѣдной, несовершенной жизни въ здѣшнемъ мірѣ.

— Мнѣ не нравятся эти ужасныя угрозы, сказала Нина. Неужели страхъ долженъ внушить мнѣ чувство любви? Всякая угроза только болѣе вооружаетъ меня. Бояться—не въ моемъ характерѣ.

— Если судить объ этомъ по явленіямъ природы, сказалъ Клэйтонъ: то, повидимому, жестокость должна быть почитаема

необходимую для нашего исправленія. Какъ непоколебимо и страшно правильны всѣ міровые законы! Огонь и градъ, снѣгъ и бурный вѣтръ неизбѣжно являются въ мірѣ. Все это имѣетъ какую-то разрушительную регулярность въ своемъ дѣйствіи, и этимъ въ свою очередь доказывается, что въ этомъ случаѣ и страхъ имѣетъ столь же естественное основаніе, какъ и любовь.

— Я бы хотѣла быть благочестивою, только не вдаваясь въ разсужденія подобнаго рода. Бояться и любить — два понятія, которыхъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ не сочетать въ одно. Вы такъ религіозны, Клэйтонъ: прошу васъ, будьте моимъ руководителемъ.

— Я боюсь, что въ качествѣ руководителя, меня не примутъ ни въ одной церкви, сказалъ Клэйтонъ. Къ моему несчастію, я не могу усвоить ни одной формы обрядовъ, хотя уважаю всѣхъ и имѣю къ нимъ сочувствіе. Вообще говоря, проповѣди пробуждаютъ во мнѣ вѣру.

— Въ этомъ отношеніи, какъ бы я желала быть на мѣстѣ Милли, сказала Нина. Ее можно назвать истинною христіанкою, но она достигла этого путемъ тяжелыхъ страданій.

— Я, сказалъ Клэйтонъ, съ необычайнымъ жаромъ: я готовъ перенести всѣ страданія, еслибъ только этой жертвой можно было преодолѣть всякое зло и приблизиться къ моему возвышенному идеалу о благѣ.

Вечерній митингъ состоялъ изъ проповѣдей, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою и для разнообразія сопровождавшихся пѣніемъ гимновъ и молитвъ. Въ послѣдней части его, многіе объявили себя покающимися и громко рыдали. Мистеръ Бонни еще разъ выступилъ впередъ.

— Братія, воскликнулъ онъ: — свѣтъ ученія Господня озарилъ насъ! Воздадимте хвалу Господу!

И поляна снова огласилась тысячами голосовъ. Восторгъ теперь сдѣлался всеобщимъ. Во всѣхъ частяхъ поляны слышны были смѣшанные звуки покаанныхъ молитвъ и гимновъ.

Вдругъ изъ густой зелени сосенъ, нависшей надъ самой эстрадой, раздался голосъ, повергшій въ изумленіе все собраніе.

— Горе грѣшникамъ, которые желаютъ дня суднаго! Къ чему приведетъ васъ это желаніе? День этотъ будетъ для васъ днемъ мрака, а не свѣта! Раздайся звукъ трубы, которая гремѣла на Сіонѣ! Возгласи тревогу по всей горѣ святой! Да вострепещутъ всѣ жители края, — ибо день судный наступаетъ!

Это былъ сильный, звучный голосъ, и слова его разливались въ воздухъ, какъ вибраціи тяжелаго колокола. — Мужчины обмѣнялись взглядами; посреди всеобщей свободы въ дѣйствіяхъ, среди незначительнаго мрака толпы говорящихъ, никто не могъ догадаться, откуда происходилъ голосъ. Послѣ непродолжительнаго молчанія, прерванный гимнъ снова былъ начать, и снова раздавшійся въ воздухъ тотъ же самый звучный голосъ прервалъ его.

— Прекрати, грѣшникъ, шумъ твоихъ пѣсень и сладкозвучіе струнъ твоихъ! Господь не хочетъ ихъ слышать! Ваши пиршества противны Ему! Онъ не хочетъ участвовать въ вашихъ торжественныхъ собраніяхъ: ибо руки ваши обагрены кровію, ваши пальцы алчутъ корысти! *Вси беззаконніи и лукавіи, и елика уста глаголютъ неправду. Во всѣхъ сихъ не отератися ярость Его, но еще рука Его высока.* (Псал. IX). *Яко обраташа съ людьми Моисѣи нечестивіи, и сѣти поставиша, еже погубиша мужа, и уловиша* (Іер. гл. V), говоритъ Господь. Итакъ, ты притѣсняешь бѣднаго и нищаго, загоняешь въ сѣти свои странника; въ твоихъ поляхъ дымится еще кровь невинныхъ, — и ты рѣшаешься говорить: — я чистъ, и гнѣвъ Его не коснется меня!

Толпа, пораженная, въ темнотѣ вечера, словами невидимаго существа, исходившими, повидимому, изъ облаковъ и въ голосъ столь странномъ и рѣзкомъ, начинала ощущать непонятный страхъ, постепенно овладѣвавшій каждымъ человѣкомъ. Въ высшей степени напряженное состояніе души располагало все собраніе къ воспріятію ужаса; и потому таинственный паническій страхъ распространялся вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ злобный, печальный голосъ продолжалъ раздаваться изъ чаши деревъ.

Слова неизвѣстнаго звучали дикимъ энтузіазмомъ; какъ будто они пронзались въ пароксизмъ ужаса, человѣкомъ, который стоялъ лицомъ къ лицу передъ какою-то грозимъ видѣніемъ. Когда онъ замолкъ, мужчины перевели духъ, снова обмѣнялись взглядами, и стали расходиться, разговаривая другъ съ другомъ въ полголоса. Голосъ этотъ до такой степени былъ

произнесенъ, въ немъ столько было дикой энергии, что звуки его раздавались въ ушахъ слушателей долго послѣ того, какъ на полянѣ все смолкло. Во многихъ группахъ слышались исторіи о пророкахъ, такъ странно появившихся въ народѣ, чтобы возвѣстить о грозившихъ ему бѣдѣхъ. Одни говорили о близости свѣто-преставленія, другіе о кометахъ и странныхъ явленіяхъ, которые служили предвѣстниками войны и моровой язвы. Проповѣдники удивлялись и тихо искали около эстрады неизвѣстнаго оратора. Только одинъ изъ слушателей могъ бы, если бѣ пожелалъ того, объяснить, вѣ чемъ дѣло. Гарри, стоявшій вблизи эстрады, узналъ, кому принадлежалъ этотъ голосъ. Онъ тоже дѣлалъ поправки, вмѣстѣ съ проповѣдниками, но не нашелъ никого. Произнесшіе страшныя слова былъ человекъ, которому близкое знаніе природы и постоянное обращеніе съ нею сообщили гибкость и быстроту дикого животнаго. Во время движенія и толкотни расходившейся толпы, онъ безъ всякаго шума перелѣзъ съ дерева на дерево, почти надъ самыми головами тѣхъ, которые наумлялись его страшнымъ, вѣщимъ словамъ, до тѣхъ поръ, пока ему не представился удобный случай спуститься на землю въ отдаленной части лѣса.

По окончаніи митинга, когда мистеръ Диксонъ собирался удалиться въ палатку, кто-то дернулъ его за рукавъ. Это былъ купецъ, торговавшій неграми.

— Страшная ночь наступила для насъ, сказалъ онъ, блѣдный отъ ужаса. Неужели и въ самомъ дѣлѣ наступаетъ день свѣто-преставленія?

— Другъ мой, сказалъ мистеръ Диксонъ: это вѣрно! Каждый шагъ въ здѣшней жизни ведетъ насъ прямо къ судилищу Господа!

— Все это такъ, сказалъ торговецъ: но неужели вы думаете, что говорившій посланъ отъ Бога? А говорилъ-то онъ страшныя вещи, такія страшныя, что волосъ сталъ дыбомъ. Меня даже начинаетъ брать раздумье насчетъ ремесла, которымъ я занимаюсь. Хотя многіе и защищаютъ наше занятіе; но, мнѣ кажется, они или неблизко знакомы съ этимъ дѣломъ, или совѣстлиwie нѣе ихъ совѣсти. Я пришелъ, впрочемъ, не за тѣмъ, чтобы рассуждать объ этомъ предметѣ. У меня, изволите видѣть, снѣгомъ захворала дѣвушка, и я обѣщалъ ей привести священника.

— Изволь, мой другъ, я поѣду съ тобой, сказалъ мистеръ

Диксонъ, и вѣсть съ торговцемъ отправился къ временнымъ коншнямъ. Выбравъ изъ сотни лошадей, привязанныхъ къ деревьямъ, своихъ собственныхъ животныхъ, два полуночные путника вскорѣ очутились въ непроницаемомъ мракѣ непроходимаго лѣса.

— Другъ мой! сказалъ мистеръ Диксонъ: по долгу совѣсти, я обязанъ сказать тебѣ, что твое ремесло ведетъ твою душу къ вѣрной гибели. Надѣюсь, торжественное предостереженіе, которое еще такъ недавно раздавалось въ ушахъ твоихъ, глубоко западетъ въ твое сердце. Собственный твой разумъ докажетъ тебѣ, что это ремесло противозаконно, и что ты утрачиваешься, если тебя застигнетъ за нимъ день судный.

— Вѣрю, мистеръ Диксонъ, вѣрю; выговорите сухую правду; но зачѣмъ же мистеръ Бонни такъ сильно защищаетъ нашего брата?

— Другъ мой! я долженъ тебѣ сказать, что мистеръ Бонни въ этомъ отношеніи страшно заблуждается: я молюсь и за него, и за тебя. Скажи мнѣ, по совѣсти, возможно ли въ одно и тоже время заниматься ремесломъ, которымъ ты занимаешься, и вести жизнь христіанина?

— Нѣтъ, — наше ремесло самое гнусное. Оно заглушаетъ въ насъ всѣ человѣческія чувства. Я мучился сегодня цѣлый вечеръ, чувствуя, что поступилъ съ этой дѣвочкой безчеловѣчно. Мнѣ бы не слѣдовало покупать ее, — нечистый попуталъ: что станешь дѣлать! И вотъ, она въ горячкѣ: кричитъ такъ, что ужасъ; нѣкоторые слова ея точно ножомъ рѣжутъ мнѣ сердце.

При этихъ словахъ мистеръ Диксонъ стоналъ въ душѣ. Онъ ѣхалъ рядомъ съ товарищемъ, и отъ времени до времени дѣлалъ набожныя восклицанія и пѣлъ отрывки гимновъ. Черезъ часъ они подъѣхали къ мѣсту, гдѣ торговецъ расположился лагеремъ. На открытомъ мѣстѣ, за нѣсколько часовъ до ихъ пріѣзда, разведенъ былъ большой костеръ, въ бѣлой золѣ котораго дымились еще нѣсколько обгорѣлыхъ сучьевъ. Двѣ-три лошади бы и привязаны къ дереву, и въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи стояли крытыя повозки. Вокругъ огня, въ разнообразныхъ группахъ, лежало около пятнадцати мужчинъ и женщинъ, съ тяжелыми цѣпями на ногахъ; они спали подъ лучами луннаго свѣта. Недалекъ отъ этихъ группъ и подлѣ одной изъ повозокъ, подъ деревомъ, на широконъ войлокѣ лежала дѣвочка лѣтъ семнадцати; она металась и бредила. Подлѣ нея сидѣла степенной взрұжності

мулатка и отъ времени до времени прикладывала больной голову, опуская полотенце въ кубиннѣ съ холодной водой. Увидѣвъ своего хозяина, мулатка встала.

— Ну что, Нансъ, какъ ей теперь? сказалъ купецъ.

— Очень плохо, отвѣчала Нансъ: все мечется, бредитъ и безпрестанно вспоминаетъ о матери.

— Я привезу священника. Постарайся, Нансъ, привести ее въ чувство: она будетъ рада.

Мулатка опустилась на колѣни, и взяла больную за руку.

— Эмили! Эмили! говорила она, проснись.

Больная сдѣлала быстрое движеніе.

— О, какъ горитъ голова моя! О Боже! о мать моя! мать! мать! почему ты нейдешь ко мнѣ?

Мистеръ Диксонъ приблизился къ ней и опустился на колѣна съ другой стороны. Мулатка сдѣлала новую попытку привести ее въ чувство.

— Эмили, проснись; придетъ священникъ, котораго ты желала видѣть; открой глаза, Эмили.

Дѣвочка медленно открыла глаза — большіе, темные черные глаза; проведя рукой по нимъ, какъ будто для того, чтобы прочистить зрѣніе, и пристально посмотрѣла на женщину.

— Священникъ.... священникъ! сказала она.

— Да, священникъ; ты хотѣла его видѣть.

— О да, хотѣла! — съ большимъ трудомъ сказала она.

— Дочь моя, сказалъ мистеръ Диксонъ, ты очень нездорова.

— Очень; — и я этому рада! я хочу умереть! этому я тоже рада! въ этомъ заключается все, что можетъ меня радовать! Я хотѣла просить васъ, чтобы вы написали моей матери. Она свободная женщина и живетъ въ Нью-Йоркѣ. Скажите ей, что я любила ее, и чтобы она не сокрушалась. — Скажите, что я сдѣлала все, что могла, чтобы соединиться съ ней; но насъ помѣшали; госпожа прогнѣвалась и продала меня! Я прощаю ее. Я ни къ кому не питаю зла; для меня теперь все кончилось. Она называла меня сумасшедшей, за то, что я громко смѣялась. Теперь я никого не потревожу; никто меня больше не услышитъ, не увидитъ!

Больная говорила эти слова съ длинными разстановками, открывая отъ времени до времени закрывая глаза. Мистеръ Диксонъ, нѣсколько знакомый съ медичиной, всталъ со за нугъ и

убѣждаетъ, что онъ быстро ослабѣвалъ. Въ подобныхъ случаяхъ всегда и въ самую минуту пробуждается мысль о средствахъ къ поддержанію жизни. Мистеръ Диксонъ всталъ и, обращаясь къ торговцу, сказалъ:

— Если не будетъ дано ей чего нибудь возбуждающаго, она умретъ весьма скоро.

Торговецъ вынулъ изъ кармана флягу съ ромомъ, налилъ въ чашку нѣсколько глотковъ прибавилъ воды и подалъ мистеру Диксону. Мистеръ Диксонъ снова сталъ на колѣна, и называя больную по имени, предлагалъ ей выпить нѣсколько капель.

— Что это? сказала больная, открывая свои, дико блуждавшіе глаза.

— Выпей немного, и тебѣ будетъ лучше.

— Я не хочу, чтобъ было лучше. Я хочу умереть! сказала она, метаясь изъ стороны въ сторону. Жизнь для меня хуже наказанія. Для чего мнѣ жить?

И въ самомъ дѣлѣ — для чего ей жить? Слова ея произвели на мистера Диксона столь глубокое впечатлѣніе, что втеченіе нѣсколькихъ секундъ онъ оставался безмолвнымъ. Онъ думалъ о томъ, нельзя ли подѣйствовать на слухъ умирающей, нельзя ли видѣть съ ней войти въ тотъ таинственный край, черезъ непроходимыя предѣлы котораго уже переходила ея душа. Руководимый единственно чувствомъ, онъ сѣлъ подлѣ страдальцы и заплѣлъ вполголоса гимнъ, такъ часто употребляемый между неграми, и любимый ими по его нѣжности и выразительности. Какъ масло находитъ проходъ въ тонкія скважины дерева, въ которыя не можетъ проникнуть вода, такъ точно и нѣжная пѣснь вливается въ глубину души, когда слова не въ состояніи туда проникнуть. Лучи мѣсяца, пересѣкаемые сучьями и листьями высокаго дерева падали прямо на лицо умирающей, и Мистеръ Диксонъ, продолжая пѣть, замѣтилъ слабое, трепетное движеніе въ чертахъ ея лица, какъ будто душа ея, печальная и усталая, порхала на крыльяхъ, образовавшихся изъ сладкихъ, упительныхъ звуковъ этого гимна. Онъ видѣлъ, какъ изъ подлѣ длинныхъ ресницъ выкатилась слезинка и медленно потекла по щекѣ. Въ гимнѣ этомъ говорилось о безпредѣльной любви нашего Спасителя.

«Любовь моя вѣчна, какъ вѣчно мірозданіе;
Она выше горныхъ высотъ, глубже дна оксана,
Вѣрна и сильна, какъ самая смерть!»

Любовь, которую не въ силахъ сходящихъ жизни заблуждений, которую не могутъ постигнуть самые длинныя промежутки времени,—въ которой скорбь находитъ отраду, преслѣдованіе—защиту, отчаяніе — утѣшеніе! Любовь все прощающая, все оживляющая! даже смерть и отчаяніе ты превращаешь въ источникъ блаженства! На этотъ разъ ты торжествуешь здѣсь, въ этой пучинѣ, вдохнувъ отраду въ сокрушенное сердце молодой невольницы. Съ окончаніемъ пѣнія, умирающая отырала глаза:

— Моя мать любила пѣть этотъ гимнъ, сказала она.

— И ты вѣришь словамъ его?

— Вѣрю, отвѣчала она. Теперь я вижу моего Спасителя. Онъ любитъ меня. Дайте мнѣ покой.

Послѣ этого наступило нѣсколько секундъ тѣхъ судорожныхъ содраганий, которыя служатъ признакомъ переселенія души въ другой міръ, и Эмилиа успокоилась навѣки. Мистеръ Диксонъ, стоя на колыняхъ, старался горячей молитвой облегчить свое переполненное сердце. Наконецъ онъ всталъ, подошелъ къ торговцу, и, взявъ его заруку, сказалъ:

— Другъ мой да послужишь тебѣ этотъ случай напоминаніемъ о вѣчности. Богу угодно было показать тебѣ все нечестіе твоихъ дѣяній. Сбрось ты съ себя всѣ грѣхи свои, и добрыми дѣлами приготовься къ покаянію. Сними оковы съ этихъ несчастныхъ созданій и скажи имъ, что они свободны!

— Что вы говорите? Эхъ!—да эта партія стоитъ десятковъ тысячъ долларовъ! сказалъ торговецъ, вовсе неискренне къ такому практическому утѣшанію.

Но думайте, однакожь, что въ этомъ отношеніи представлялъ собою поразительное исключеніе. Также самая причина, только не такъ откровенно высказываемая, держитъ въ рукахъ сатаны многихъ чрезвычайно воспитанныхъ, образованныхъ, почтенныхъ людей, которые относительно бы желали спасти свою душу, если бы при этомъ не нужно было разставаться съ роскошью.

— Другъ мой, сказалъ мистеръ Диксонъ, прибѣгая къ словамъ строгаго и немогущественнаго мудреца всѣхъ временъ: какая польза человѣку, если онъ приобрететъ цѣлый міръ и потеряетъ свою душу?

— Знаю, знаю, сказалъ торговецъ, сомнѣваясь въ истинѣ этихъ словъ: но въ настоящемъ случаѣ такъ трудно на это рѣшиться. Впрочемъ, я подумаю. Мистеръ Бонни хотѣлъ купить

Насъ, и ниѣ было бы жаль обмануть его ожиданію. Подумаю объ этомъ, непремѣнно подумаю.

Мистеръ Диксонъ воротился на поляну около двухъ часовъ ночи и, поставивъ лошадей, отправился къ палаткѣ, устроенной для проповѣдниковъ. Здѣсь, при самомъ входѣ, онъ встрѣтилъ мистера Бонни, озабоченнаго свѣтомъ луны. Мистеръ Бонни спалъ внутри палатки; но надобно признаться, наполненная народомъ палатка въ ночное время представляетъ весьма душное и неудобное мѣсто для отдыха. Поэтому, мистеръ Бонни вышелъ на свѣжій воздухъ и стоялъ у палатки въ то самое время, когда къ ней подходилъ мистеръ Диксонъ.

— Откуда такъ поздно? сказалъ мистеръ Бонни.

— Присмотрѣлъ за стадомъ въ пустынь, на которое никто не обращаетъ вниманія, отвѣчалъ мистеръ Диксонъ, и потому въ печальныхъ словахъ и мрачными красками описалъ сцену, которой былъ свидѣтелемъ.

— Мистеръ Бонни! — говорилъ онъ: знаете ли вы, какими порокамъ и преступленіямъ вы покровительствуете? Здѣсь, напримеръ, вправо отъ нашего лагеря, находится партія скованныхъ невольниковъ, мужчинъ и женщинъ, совершенно невѣстныхъ, но которыхъ водятъ въ оковахъ по нашему краю, которые служатъ намъ позоромъ передъ лицомъ каждой христіанской націи. На какія ужасныя, гнусныя преступления покушаются эти несчастные торговцы! Какой адъ представляютъ собою эти торговые дома, гдѣ мужчины, женщины и дѣти обращаются въ продажный товаръ, куда свѣтъ Евангелія никогда не проникаетъ! Наконецъ, въ одномъ изъ этихъ несчастныхъ торговцевъ начинаешь пробуждаться сознаніе въ преступныхъ дѣйствіяхъ: вы являетесь передъ нимъ и оправдываете образъ его дѣйствій, Мистеръ Бонни, вы точно камень преткновенія, о который спотыкаются души и стремглавъ падаютъ въ адъ. Я не вѣрю, что основою убѣжденіямъ вашимъ служить Ветхій Заветъ. Вы должны понимать, что тѣ понятія не имѣютъ отношенія къ такому рабству, какое мы видимъ въ этой странѣ.

Восторженность, съ которой мистеръ Диксонъ говорилъ, и благочестіе, которымъ онъ всегда отличался, придавали словамъ его необыкновенную силу. Читатель не будетъ удивляться, если мы скажемъ, что мистеръ Бонни, воспримчивый и чувствительный, проливалъ слезы, будучи тронутъ такимъ увѣщаніемъ. Не

будет удивляться онъ и тому, что спустя двѣ недѣли, мистеръ Бонни прикупилъ къ своей плантаціи отъ того же торговца трехъ негровъ.

Прежде, чѣмъ толпы народа, собравшіяся на митингъ, разойдутся, мы должны описать еще одну сцену. Въ поздній часъ ночи, карета Гордона медленно тянулась по безымянной, извилистой, лѣсной дорогѣ. Гарри, ѣхавшій позади, вдругъ почувствовалъ, что кто-то наложилъ руку на уздахъ его лошади. Изумленный, онъ остановился.

— Ахъ, Дрэдъ, это ты? Какъ это осмѣлился ты? можно ли поступать до такой степени неблагоуразумно! Какъ ты осмѣлился показаться здѣсь! вѣдь ты рискуешь жизнью.

— Жизнью! сказалъ Дрэдъ: — что такое жизнь? Кто любитъ свою жизнь, тотъ губитъ ее. Господь сказалъ мнѣ: — иди! Господь мнѣ сильный и грозный защитникъ. Гарри, обрати ты вниманіе на нѣкоторыхъ людей, находившихся на митингѣ, на людей, у которыхъ руки обрызганы кровію близкаго, и которые, не смотря на это нѣтно, зываликъ Господу, — на проповѣдниковъ, которые покупаютъ насъ и продаютъ? Неужели этотъ народъ разыскать любовь Господа? Я оставилъ на островѣ жертваго негра, котораго загрызли собаки. Его жена сдѣлалась вдовою, его дѣти безпріютными сиротами!

— Знаю, знаю, съ мрачнымъ видомъ сказалъ Гарри.

— Знаешь и держись ихъ?

— Пожалуйста, не говори объ этомъ. Я не хочу извѣстить тебѣ, какъ не хочу кровопролитія. Тебѣ извѣстно, что моя госпожа мнѣ родная сестра.

— О да, это извѣстно.

— Я люблю Нану больше, чѣмъ самого себя. Я готовъ пролить за нее послѣднюю каплю крови, стать же въ ряды протестантовъ ея или ея родныхъ, я не соглашусь никогда, никогда!

— Значитъ, хочешь служить Тому Гордону? сказалъ Дрэдъ.

— Никогда! отвѣчалъ Гарри.

Втеченіе нѣсколькихъ секундъ, Дрэдъ оставался безмолвнымъ. Луна, прорываясь между вѣтвями сосенъ, освѣщала его дикую, темную фигуру. Гарри замѣтилъ, что взоръ Дреда устремленъ былъ въ чащу лѣса на какой-то невдалѣнный предметъ: зрачки Дреда расширились и, оставаясь неподвижными, помрачнулись тусклою оболочкой. Послѣ минутнаго молчанія онъ заговорилъ глухимъ, измѣнившимся голосомъ.

— Серебряная струна ослабѣетъ, и золотая чаша разобьется.

Зарывайте могилу, зарывайте. Теперь, скорѣй... иди конѣ, или онъ похитить жену твою.

— Дрэдъ! я тебя не понимаю, сказалъ Гарри. Что ты хочешь сказать?

И съ этими словами онъ потрясъ его за плечи. Дрэдъ протеръ глаза и устремилъ ихъ на Гарри.

— Я долженъ воротиться въ берлогу, сказалъ онъ. Лисицы ищутъ свои норы, птицы—свои гнѣзда, а въ обиталище дракона Господь открылъ дорогу изгнанникамъ.

Скажавъ это, онъ бросился въ чащу лѣса и въ одну минуту скрылся изъ виду.

ГЛАВА XXIII.

ЖИЗНЬ ВЪ ВОЛОТАХЪ.

Наши читатели, безъ всякаго сомнѣнія, весьма охотно вернутся съ нами назадъ и послѣдуютъ за таинственнымъ лицомъ, котораго рѣчи такъ сильно взволновали умы людей, собравшихся на митингъ. Между здравымъ разсудкомъ и разстройствомъ ума существуетъ какое-то неопредѣленное состояніе умственныхъ способностей, состояніе, которому древніе греки и римляне оказывали глубокое уваженіе. Они утверждали, что человѣкъ, при такомъ омраченіи ума, находился подъ грознымъ вліяніемъ какой-то сверхъестественной силы. Какъ таинственное мерцаніе звѣздъ становится видимымъ только съ наступленіемъ ночи, такъ и въ этихъ странныхъ проблескахъ души они открывали пробужденіе необыкновенныхъ дарованій. Горячій и положительный свѣтъ нынѣшняго матеріализма не допускаетъ такого неопредѣленнаго состоянія души человѣческой. Во всей новѣйшей антропологіи, относительно опредѣленія человѣка по его умственнымъ способностямъ, существуютъ только два термина: умный и безумный; — на послѣдній родъ людей мы смотрѣли обыкновенно съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

Мы затруднимся дать приличное названіе странному и ненормальному состоянію, въ которомъ это, въ своемъ родѣ замѣчательное существо, проводило большую часть своего времени. Онъ постоянно находился въ какой-то восторженности и самозабвеніи, въ состояніи, которое, однакожь, нисколько не мѣша-

ло развитію его вѣшнихъ, физическихъ способностей; напротивъ, оно еще придавало имъ чрезвычайную остроту и способность сосредоточиваться, которыя мы усматриваемъ иногда въ феноменахъ сомнамбулизма. Въ его физическомъ организмѣ тоже много было особенностей.

Читатели наши могутъ представить себѣ челоѣка, исполненнаго необыкновеннымъ обиліемъ жизненныхъ силъ, развитыхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы. Состихіями онъ находился въ добромъ согласіи, какъ какое нибудь крѣпкое, могучее дерево; дожди, бури, гроза и вообще всѣ силы природы, отъ которыхъ люди ищутъ убѣжища, казалось, вели съ нимъ цѣлый родъ дружбы и становились непремѣнными спутниками его существованія. До такой степени онъ сблизился или вѣрнѣе, сроднился съ природой и съ ея явленіями, окружавшими его со всѣхъ сторонъ въ болотахъ, что онъ ходилъ по этимъ болотамъ также легко и свободно, какъ иная лѣди, окруженная роскошью, ходитъ по турецкимъ коврамъ. Все, что для насъ показалось бы неимоверною трудностью, для него служило обыкновеннымъ условіемъ существованія. Пройти, по колѣна завязнувшъ въ болотистой топи, пробраться сквозь непроницаемую чащу кустарниковъ, пролежать цѣлую ночь на землѣ, испускающей зловонныя испаренія, или, подобно аллигатору, проползти между камнями и тростниками, — составляло для него тотъ же комфортъ, который мы находимъ въ мягкихъ подушкахъ и занавѣсахъ надъ нашей кроватью. Въ этомъ дикомъ организмѣ развита была столь сильная склонность наслаждаться такого рода жизнью, что ее не въ состояніи были бы поколебать самыя утонченныя примажки роскоши. Кто наблюдалъ восторгъ, съ которымъ лежащая собака забѣгаетъ въ глубь лѣса, прорывается сквозь чащу кустарника или бросается въ воду, тотъ постигнетъ, откуда происходилъ источникъ этого наслажденія.

Драда находился подъ вліяніемъ воодушевляющей идеи, что онъ обладалъ даромъ прозрѣнія. Африканское племя, какъ утверждаютъ месмеристы, одарено въ высшей степени тѣмъ особеннымъ темпераментомъ, который дѣлаетъ челоѣка способнымъ къ воспроизведенію месмерическихъ явленій; это обстоятельство подтверждается существованіемъ между неграми, даже по сіе время, мужчинъ и женщинъ, которые, по словамъ путешественниковъ, обладаютъ необыкновенной магической силой. Драда, со стороны матери, будучи извѣстнѣйшимъ африканскимъ

чародѣеъ, открылъ въ своемъ внукѣ, еще въ самые ранніе годы его жизни, эту удивительную способность. Онъ сообщилъ ему тайну укрощенія змѣй и вкоренилъ въ него неизгладимую мысль, что онъ одаренъ таинственной силой. Замѣчательный даръ, который горные жигели называютъ вторымъ зрѣніемъ, составляетъ весьма обыкновенное преданіе между неграми, готовыми во всякое время доказать это тысячами примѣровъ. Объяснять, въ чемъ именно заключается эта способность, мы не беремъ на себя. Есть ли это какая либо, еще недоизнанная, принадлежность души человѣческой, составляющая, въ отношеніи къ будущему, тоже что и память къ прошедшему; или чрезвычайно возвышенное настроеніе чувствѣннаго организма, которое сообщаетъ человѣку инстинктивную проницательность, принадлежащую исключительно животнымъ, — мы перѣшаемъ опредѣлять. Относительно Драда, мы можемъ однако же утвердительно сказать, что съ помощію этой способности души онъ часто избѣгалъ многихъ опасностей. Это второе зрѣніе предостерегало его отъ различныхъ мѣстъ, въ которыхъ его поджидали охотники, указывало ему, во время нужды, гдѣ искать добычу, или гдѣ находились люди, на которыхъ можно было бы безопасно положиться; его инстинктъ часто оказывался до такой степени непогрѣшительнымъ, что каждое слово его между его товарищами имѣло важное значеніе, и самъ онъ служилъ для нихъ существомъ, на которое они смотрѣли съ величайшимъ подобострастіемъ. Замѣчательнъ фактъ, хотя въ этомъ случаѣ его и нельзя назвать исключительнымъ, что восторженность души въ этомъ человѣкѣ струилась, повидимому, параллельно съ теченіемъ тонкаго и практическаго ума и, подобно человѣку, который говоритъ попеременно на двухъ языкахъ, онъ говорилъ почти въ одно и то же время, то слишкомъ восторженно, то весьма обыкновенно. Такая особенность сообщала всей его личности замѣчательно-странный эффектъ.

Ночью, во время митинга, онъ находился, какъ мы уже видѣли, въ величайшемъ экстазѣ. Преступное смертоубійство его товарища, казалось, приводило его душу въ страшное волненіе, подобно тому, какое замѣчаемъ мы въ громовой тучѣ, когда она наполняется медленно скопляющимся электричествомъ. Разстояніе отъ мѣста его убѣжища до долины, гдѣ собрался митингъ, хотя и простиралось миль на пятнадцать, покрытыхъ почти непроходимыми болотами, но онъ перешелъ его, не испытавъ ни

малѣйшей усталости. Еслибъ даже его и поймали, то, по всей вѣроятности, никто бы не рѣшился схватить его, а тѣмъ болѣе связать. Простившись съ Гарри, онъ пустился въ глубину болота, напѣвая, по обыкновенію, слова знакомыхъ ему гимновъ.

День былъ знойный. Было около двухъ часовъ за полночь, когда гроза, долго собиравшаяся и уже грохотавшая въ отдаленной части горизонта, начинала развивать свои силы.

Глухой гулъ, наводившій ужасъ, и сопровождаемый рѣзкими порывами вѣтра, пробѣжалъ по чащѣ лѣса, заставляя иреклоняться предъ собой вершины вѣтковыхъ деревьевъ.

Острые стрѣлы молніи, мелькая между вѣтвями, какъ будто вылетали изъ лука, натянутого рукою невидимаго и грознаго ангела. Масса тяжелыхъ облаковъ въ одинъ моментъ закрыла луну; вслѣдъ за тѣмъ разлился широкій, яркій, ослѣпительный потокъ пламени, сосредоточившійся на вершинѣ высокой сосны, близъ того мѣста, гдѣ остановился Дрэдъ, и въ мгновеніе ока сдернулъсь нею сучья, какъ ребенокъ, играя, сдерживающій ласты съ маленькой вѣтки.

Дрэдъ съ изступленнымъ восторгомъ всплеснулъ руками, когда гроза бушевала кругомъ его, зашѣлъ методистскій гимнъ: *«Возстань, о Боже! въ силу твоею, и сокрушатся кедры Андиски отъ десницы твоей!»*

Буря гнула лѣсъ, какъ тростникъ, и громадныя деревья, вырываемыя съ корнемъ изъ мягкой почвы, падали съ трескомъ и ужасающимъ шумомъ; но Дрэдъ, какъ злой геній, не обращая на это вниманія, восклицалъ и приходилъ въ большій и большій восторгъ. Такое грозное проявленіе величія природы, казалось, придавало ему силы, приводило его въ сильное волненіе, и онъ продолжалъ пѣть съ еще болѣе энергическимъ одушевленіемъ. Но восклицанія его оставались неслышными, какъ оставались бы въ эту грозную минуту тысячи другихъ голосовъ! Мало по малу гроза начинала утихать, и крупныя капли дождя стали падать рѣже и рѣже; подулъ прохладный вѣтерокъ и, вслѣдъ за тѣмъ, сквозь осребренные края свинцовыхъ облаковъ, проглянулъ свѣтлый обликъ луны.

Въ то время, когда Дрэдъ тронулся съ мѣста, чтобы пуститься въ дальнѣйшій путь, одинъ изъ яркихъ проблесковъ луны обнаружилъ передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева, разбитаго молніей, скорчившуюся фигуру человека. По всему было видно, что это былъ бѣглый негръ и, въ добавокъ,

тогъ самый, который, рискуя жизнью, рѣшился въ день митинга бѣжать отъ извѣстнаго намъ торговца.

— Кто здѣсь и въ такое время ночи? сказалъ Дрэдъ, подходя къ нему.

— Я заблудился, отвѣчалъ негръ: — и не знаю, гдѣ нахожусь.

— Ты бѣглецъ? спросилъ Дрэдъ.

— Не измѣни мнѣ! возразилъ бѣглецъ испуганнымъ тономъ.

— Измѣнить тебѣ! Боже избави! сказалъ Дрэдъ: — какимъ образомъ попалъ ты въ это болото?

— Я бѣжалъ отъ купца, который водить насъ по штатамъ и продаетъ.

— Вотъ что! сказалъ Дрэдъ: — пойдешь со мной, я избавлю тебя отъ погони и, въ добавокъ, дамъ приютъ.

— Я выбился изъ силъ, сказалъ негръ: — съ каждымъ шагомъ я вязну по колѣна, а междутѣмъ собаки нагоняютъ меня.... Это навѣрное. Если онѣ поймаютъ меня, такъ пусть ужъ разорвутъ меня на мѣстѣ; я готовъ покончить съ своей жизнью. Однажды мнѣ удалось пробраться въ Нью-Йоркъ, завести тамъ небольшой домикъ, имѣть жену, двухъ дѣтей и небольшія деньги, но меня поймали, отправили назадъ и продали. Теперь остается только умереть. Стоитъ ли жить на свѣтѣ тому, противъ кого все вооружено?

— Умереть! Зачѣмъ? сказалъ Дрэдъ: — подъ моей защитой ты будешь жить! Ободришь, мой другъ, ободришь! Черезъ нѣсколько часовъ я проведу тебя въ такое мѣсто, куда не попадетъ никакая собака! Вставай.... пойдешь.

Негръ всталъ и сдѣлалъ успліе итти; но, изнуренный и безъ привычки ходить по всякому болоту, онъ почти на каждомъ шагѣ спотыкался и падалъ.

— Ну что, любезный, сказалъ Дрэдъ: — трудно! постой, я возьму тебя на плечо, и потащу какъ дикаго барана; къ этой пошлѣ мнѣ не привыкать.

И, примѣняя слово къ дѣлу, онъ посадилъ негра на плечи, велѣлъ ему крѣпче держаться, и пошелъ къ болоту, не чувствуя никакой тяжести. Было около трехъ часовъ утра; облака постепенно рѣдѣли и лучи луннаго свѣта прорывались сквозь густую листву, мокрую и дрожавшую отъ легкаго вѣтерка. Мертвая тишина нарушалась однимъ жужжаньемъ насѣкомыхъ, да пзрѣдка трескомъ валежника и всплесками воды подъ ногами Дрэда.

— Должно быть, ты очень силенъ, сказалъ его спутникъ:— давно ли ты въ здѣшнихъ болотахъ?

— Давненько, отвѣчалъ Дрэдъ: — я одичалъ въ этихъ мѣстахъ. Меня считаютъ за звѣря. Уже много лѣтъ, какъ я сдѣлался товарищемъ драконовъ и совъ. Я сплю рядомъ съ левизаномъ въ камышахъ и тростникѣ. Я убѣдился, что лучше имѣть дѣло съ аллигаторами и змѣями, чѣмъ съ людьми. Они не трогаютъ того, кто ихъ не трогаетъ; а люди.... они алчутъ драгоценной жизни.

Черезъ часть ровной ходьбы Дрэдъ приблизился къ окраинѣ описаннаго нами острова, и шагахъ въ двадцати отъ него провалился въ топъ по самый поясъ. Съ большими усиліями онъ выбрался изъ топи и, велѣвши своему спутнику слѣдовать за нимъ, началъ бережно ползти на четверенькахъ, подавая въ то же время сигналъ продолжительнымъ, рѣзкимъ, страннымъ свисткомъ. Точно такой же свистокъ раздавался за стѣной непроходимой чащи. Спустя нѣсколько секундъ, въ кустарникахъ послышался трескъ сухихъ сучьевъ, ломавшихся подъ ногами бѣжавшаго животного. Наконецъ изъ-подъ кустовъ выскочила огромная собака, изъ породы водолазовъ, и начала выражать свою радость съ мыими необыкновенными прыжками.

— Здравствуй, Буккъ, здравствуй! сказалъ Дрэдъ: — ну, полно, полно! Покажи-ка лучше намъ дорогу.

Водолазъ, какъ будто понимая приказаніе, быстро повернулся въ чашу: Дрэдъ и его товарищъ послѣдовали за нимъ ползкомъ. Тропинка извивалась между кустарниками крупными изгибами и наконецъ прерывалась у корней громаднаго дерева. Дрэдъ началъ карабкаться и, достигнувъ одного изъ длинныхъ сучьевъ, ловко прыгнулъ на открытую поляну, которую мы уже описали. Жена всю ночь ждала его, и теперь, съ восклицаніями радости, бросилась въ его объятія.

— Наконецъ-то ты воротился! Я боялась, что въ этотъ разъ тебя поймаютъ!

— О, нѣтъ!... До этого имъ далеко! А что! похоронили?

— Нѣтъ еще. Могила вырыта, и покойная лежитъ подлѣ нея.

— Пойдемъ же и похоронимъ, сказалъ Дрэдъ.

Въ отдаленной части поляны стоялъ засохшій одинокій кедръ, совершенно потерявшій свою натуральную зелень. Но, будучи покрытъ сверху до низу длинными и густыми гирлянда-

ми изъ роскошныхъ выющихся растеній, которыми такъ изобилуютъ тѣ страны, онъ, при тускломъ свѣтѣ занимавшей зари, представлялъ собою гигантское привидѣніе, одѣтое въ трауръ. Подъѣзти къ кедромъ, Дрэдъ, отъ времени до времени, погребалъ тѣла бѣглецовъ, которыя находилъ въ болотахъ. Вдова покойника, жена Дрэда и новый пришлецъ окружили неглубокую могилу. Заря начала уже румянить востокъ. Луна и звѣзды все еще сіяли. Дрэдъ долго смотрѣлъ на нихъ и потомъ торжественнымъ голосомъ началъ читать молитвы.

Наконецъ онъ нагнулся, приподнялъ трупъ и опустилъ его въ могилу; въ эту минуту громкія рыданія вдовы огласили воздухъ.

— Перестань, женщина! сказалъ Дрэдъ, поднимая руку: — не плачь объ умершихъ и не сѣлуй о нихъ; но плачь и сокрушайся о живущихъ.

ГЛАВА XXIV.

ЕЩЕ ЛѢТНИЙ БЕСѢДА ВЪ КАНЕМА

Чудное, роскошное утро, омытое слезами минувшей грозы, возшло во всемъ своемъ величій надъ Канема. Дождевыя капли искрились и сверкали на каждомъ листкѣ, или, падая отъ дуновенія вѣтерка, играли радужными цвѣтами. Въ открытыя окна врывалось дыханіе безчисленныхъ розъ. Чайный столъ, съ его чистой скатертью, блестящимъ серебромъ и ароматнымъ кофе, манилъ къ себѣ членовъ общества, принимавшихъ участіе во вчерашнемъ митингѣ и готовыхъ, съ свѣжими силами, съ свѣжимъ настроеніемъ духа, начать разговоръ, завязавшійся еще наканунѣ. Возвращаясь домой, они говорили о сценахъ, сопровождавшихъ митингъ, удивлялись и разсуждали о странномъ происшествіи, которымъ митингъ окончился. Никто, однако же, не понималъ грозныхъ словъ, произнесенныхъ Дрэдомъ. Аристократическое общество въ Южныхъ Штатахъ до такой степени избѣгаетъ столкновенія съ людьми, поставленными отъ нихъ на нѣсколько ступеней ниже, до такой степени боится ознакомиться съ побужденіями и чувствами этихъ людей, что самыя страшныя вещи, происходящія почти передъ глазами ихъ, остаются для нихъ неузнанными, незамѣченными. Скорби и страда-

нія негровъ-невольниковъ были для Нины и Анны Клейтонъ нераскрытою, запечатанною книгою. Имъ и въ голову не приходило войти въ положеніе этихъ людей. Дядя Джонъ, если и зналъ о ихъ существованіи, то всячески старался удаляться отъ нихъ, какъ удалялся отъ всякой другой непріятной сцены. Каждый изъ нихъ слышалъ объ охотникахъ на негровъ, и считалъ ихъ низкими, грубыми людьми; но дальше этого они не заходили. Различныя мысли и намѣренія, пробужденныя наканунѣ къ душѣ членовъ небольшого общества, приняли, вибръ съ другими предметами, совершенно другой свѣтъ подъ лучами утренняго свѣта. Въ своей собственной жизни, каждый изъ насъ, вѣроятно, можетъ припомнить, какое различное впечатлѣніе часто производить на насъ одинъ и тотъ же предметъ поутру и вечеромъ. Все, что мы думали и говорили примерцающихъ звѣздахъ, или при блѣдномъ свѣтѣ луны, повидимому, вибръ съ горячими, сухими лучами солнца, расправляетъ крылья и, какъ роса, улетаетъ къ небу. Люди были бы лучше, еслибъ всѣ молитвы и добрыя намѣренія, которыя они слагаютъ съ вечера на подушку, оставались неизмѣнными при ихъ пробужденіи. Дядя Джонъ вполнѣ сознавалъ эту истину, когда садился за завтракъ. Наканунѣ онъ бесѣдовалъ съ самимъ собою и пришелъ къ такому умному заключенію, что онъ, мистеръ Джонъ Гордонъ, былъ не просто тучный, пожилой, въ синемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ джентльменъ, для котораго главная цѣль существованія заключалась въ томъ, чтобъ хорошо поѣсть, хорошо попить, хорошо поспать, носить чистое бѣлье и устранять себя отъ всякихъ хлопотъ; — нѣтъ! Внутри его совершился какой-то странный переворотъ: въ немъ пробудился тотъ великій, вѣчно дремлющій лѣннвецъ, котораго мы называемъ *душой*, который становится скучнымъ, безпокойнымъ, взыскательнымъ, тяжелымъ гостемъ, и который, вслѣдъ за пробужденіемъ, вскорѣ снова засыпаетъ, въ самое короткое время, при первомъ усыпительномъ вліяніи. Въ прошедшій вечеръ, тревожимый этимъ безпокойнымъ гостемъ, пораженный непостижимой силой грозныхъ словъ: *день страшнаго суда и будущая жизнь*, онъ выступилъ впередъ и палъ на колѣни, какъ человѣкъ, который чистосердечно кается въ грѣхахъ своихъ и ищетъ спасенія, который въ этихъ грозныхъ словахъ постигаетъ великую и страшную истину. Съ наступившимъ утромъ очень бы благоразумно было и очень бы кстати поговорить объ этомъ предметѣ, но дядя Джонъ почти стыдился подобнаго раз-

говора. За завтракомъ возникъ вопросъ, когда бы предпринять поѣздку на митингъ.

— Надѣюсь, мистеръ Джонъ, сказала тетушка Марія: — вы больше не поѣдете. По моему мнѣнію, вамъ бы слѣдовало держаться отъ подобныхъ сборищъ какъ можно дальше. Мнѣ досадно было видѣть васъ въ толпѣ этого грязнаго народа.

— Слова эти доказываютъ, сказалъ дядя Джонъ: — что мистриссъ Гордонъ привыкла обращаться только въ самыхъ избранныхъ кругахъ.

— Мнѣ, сказала Анна Клэйтонъ: — не нравится этотъ обычай, не потому, что я не люблю находиться въ кругу простаго народа, нѣтъ! Мнѣ не нравится нарушеніе приличія и скромности, которыя составляютъ принадлежность нашихъ самыхъ сокровенныхъ и священныхъ чувствъ. Кромѣ того, въ подобной толпѣ бываютъ такіе грубые люди, что право непріятно приходить съ ними въ столкновеніе.

— Я даже не вижу въ этомъ никакой полезной цѣли, сказала мистриссъ Джонъ Гордонъ: — я ничему этому не вѣрю. Это ни больше, ни меньше, какъ временное увлеченіе. Люди собираются, предаются движеніямъ души, расходятся — и становятся опять такими же, какими были прежде.

— Такъ, прекрасно, сказалъ Клэйтонъ: — но, скажите, не лучше ли хотя разъ втеченіе извѣстнаго промежутка времени, предаться движеніямъ души, чѣмъ никогда не имѣть религіознаго чувства? Не лучше ли имѣть хоть на нѣсколько часовъ втеченіе года живое сознаніе о важности и достоинствѣ души, о ея безсмертіи, чѣмъ не испытывать его втеченіе всей жизни? Не будь подобныхъ собраний, — и толпы людей, которыхъ мы видѣли, всю свою жизнь ни слова не услышатъ о подобныхъ вещахъ, никогда о нихъ и не подумаютъ. Я не вижу также, почему бы мнѣ или мистеру Гордону, не стать вчера вечеромъ, вмѣстѣ съ этой толпой, на колѣна.

— Что касается до меня, сказала Нина: — то пѣніе гимновъ подъ открытымъ небомъ невольнымъ образомъ производитъ глубокое впечатлѣніе.

— Да, сказалъ Клэйтонъ: — это пѣніе, какъ-то особенно гармонируетъ съ лѣсами, въ которыхъ оно происходитъ. Нѣкоторые напѣвы такъ вотъ и кажутся подражаніемъ пѣнію птицъ или порывамъ вѣтра между вѣтвями дремучаго лѣса. Они обладаютъ особенно гармоническою энергіей, превосходно прино-

ленною для выраженія сильныхъ ощущенийъ. Еслибъ митинги не приносили никакой другой пользы, кромѣ распространенія въ народѣ этихъ гимновъ и напѣвовъ, я бы и тогда считалъ ихъ неоцѣненными.

— А я такъ всегда имѣла предубѣжденіе противъ подобнаго распространенія, сказала Анна.

— Ты несправедливо о нихъ судишь, сказалъ Клэйтонъ: — ты судишь, какъ вообще всѣ свѣтскія, воспитанныя женщины, по понятіямъ которыхъ жизнь человѣческая должна всегда являться въ розовомъ свѣтѣ. Представь себѣ восторженность и глубокое благоговѣіе простаго сословія у древнихъ грековъ или римлянъ при звукахъ этихъ гимновъ. Возьмемъ для примѣра стихъ одного изъ нихъ, которые пѣли вчера вечеромъ:

Земля распустится, какъ спѣтъ,

Сіяніе солнца померкнетъ.

Но ты, о Боже! сотвориши меня изъ ничего,

Во вѣки вѣковъ пребудешь со мною!

Сколько вѣры заключается въ этихъ словахъ! Сколько увѣренности въ безсмертіи души! Возможно ли, чтобъ человѣкъ, постигающій силу этихъ словъ, не возносилъ души къ небу? и потому, сколько благороднаго мужества звучало въ словахъ перваго гимна! Кто, слушая ихъ, въ состояніи остаться равнодушнымъ?

— Правда, правда, сказала Анна: — только, къ сожалѣнію, негры не понимаютъ и половины того, что поютъ; — не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ вліяніи, которое должно производить на нихъ это пѣніе.

— Это ничего не значитъ, сказалъ Клэйтонъ: — уже и того достаточно, что многія возвышенныя чувства, которыми дышатъ эти гимны, распространяются въ народѣ.

— А какъ вы думаете, сказалъ дядя Джонъ: — что было на умѣ того человѣка, который говорилъ на митингѣ въ послѣдній разъ и хотѣлъ показать, что слова его раздаются въ облакахъ? Никто, повидимому, не зналъ, кто онъ такой, какимъ образомъ и откуда явился, а между тѣмъ слова его произвели на все собраніе глубокое впечатлѣніе. Еще никто, мнѣ кажется, не представлялъ нашихъ заблужденій въ такомъ яркомъ и даже страшномъ свѣтѣ.

— Какой вздоръ! сказала тетюшка Марія: — эту странность

я объясню такимъ образомъ, что какой нибудь странствующій бѣдный проповѣдникъ хотѣлъ произвести на взволнованное собрание болѣе сильное впечатлѣніе. Будь у меня въ рукѣ пистолеть, и бы выстрѣлила въ дерево, и тогда посмотрѣла бы, какимъ тономъ сталъ бы онъ продолжать свою проповѣдь!

— Знаете ли, сказалъ Клэйтонъ: — изъ нѣсколькихъ словъ и звуковъ, долетѣвшихъ до моего слуха, я замѣтилъ, что въ его изступленной рѣчи была обдуманность. Такого звучного и впечатлительнаго голоса я никогда не слышалъ. Впрочемъ, при всеобщемъ волненіи въ митингѣ, подобному происшествію не должно удивляться. Ничего не можетъ быть естественнѣе, что какой нибудь съумасбродный фанатикъ доведенъ былъ одушевленіемъ всей сцены митинга до изступленія, и чтобы облегчить себя, прибѣгнуть къ этому средству.

— Сказать ли вамъ правду? — возразила Нина: я бы хотѣла отиравиться туда и сегодня. Во-первыхъ потому, что это пріятная поѣздка, а во-вторыхъ и потому, что мнѣ такъ нравится прогулка въ лѣсу, — нравится ходить между палатками, слушать разговоры негровъ и видѣть различные образчики человѣческой натуры. Я въ жизнь свою не видала такого многолюднаго собранія.

— Прекрасно! сказалъ дядя Джонъ, и я ѣду! Клэйтонъ правду говоритъ, что никто не долженъ стыдиться своей религіи.

— Конечно! саркастическимъ тономъ, сказала тетушка Марія.

— Ёду, непременно ёду! сказалъ дядя Джонъ, выпрямляясь.

— Съ Богомъ! воскликнулъ Клэйтонъ. Мы не должны судить о неграхъ примѣнительно къ привычкамъ образованнаго общества. Въ людяхъ образованныхъ каждая способность души остается въ своихъ надлежащихъ границахъ; но въ этомъ дикомъ прозрастеніи восторженность переходитъ нерѣдко предѣлы приличія, какъ дикій жасминъ заглушаетъ иногда огромное дерево.

— Скажите, пожалуйста, сказала Нина: — замѣтили ли вы, какъ бѣдный старикъ Тиффъ заботится о томъ, чтобы привязать своихъ дѣтей къ религіи? О себѣ, въ этомъ отношеніи, онъ мало заботится. Онъ похожъ на растенія, выходяща по деревьямъ въ болотахъ. Корня своего онъ не имѣетъ, а между тѣмъ растетъ и развивается.

— Несмотря на то, у него прехорошенькія, дѣти; — и какъ мило одѣты! сказала Анна.

— Вы не знаете, душа моя, сказала Нина: — Тиффъ, при встрѣчѣ со мной, почти всегда падаетъ мнѣ въ ноги, и умоляетъ не оставить его совѣтами относительно дѣтскихъ нарядовъ, и, еслибъ вы слышали, какъ забавно говоритъ онъ! У него, я вамъ скажу, такой отличный вкусъ, что не уступитъ ни одной французской модисткѣ. Ужъ кажется, я умѣю одѣться: а Тиффъ въ моемъ нарядѣ всегда найдетъ недостатки. Не правда ли, что это очень мило? — Когда я смотрю на старика, который ухаживаетъ около этихъ дѣтей, мнѣ всегда приходитъ въ голову мысль о старомъ неуклюжемъ кактусѣ, покрытомъ прелестными цвѣтами. Эти дѣти относительно къ Тиффу, тоже, что и цвѣты относительно къ кактусу. Отецъ малютокъ никогда не входитъ въ распоряженія Тиффа; Тиффъ съ своей стороны всячески старается устранить дѣтей отъ вліянія отца, и представить ему возможность трудиться. Все время воспитанія ихъ онъ принялъ на себя.

— Я съ своей стороны, сказала тетушка Несбитъ: — рада, что ты принимаешь вѣзтихъ дѣтяхъ участіе. Но мнѣ они не нравятся. Я увѣрена, что изъ нихъ выдутъ безпорядочные люди: подожди немного, и ты увидишь, что слова мои оправдаются.

— Къ чему намъ брать къ себѣ на руки всѣхъ этихъ жалкихъ скоттеровъ, когда у насъ и безъ нихъ много прислуги? сказала мистриссъ Гордонъ.

— Я вовсе не намѣрена брать ихъ всѣхъ, возразила Нина: — я хочу взять только этихъ дѣтей.

— Желаю вамъ всего лучшаго! сказала мистриссъ Гордонъ.

— Я удивляюсь, что сдѣлалось съ Гарри! замѣтила Нина. Онъ ужасно печаленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала тетушка Несбитъ: — а я этого и не замѣтила.

— Почему знать? сказалъ дядя Джонъ: — быть можетъ, онъ думаетъ о томъ, какимъ бы образомъ и сегодня отправиться на митингъ. Я такъ думаю отправиться. Да вотъ что, мистеръ Клэйтонъ, продолжалъ онъ, положивъ руку на плечо Клэйтону: — садитесь вы въ кабріолетъ и возьмите съ собой эту маленькую грѣшницу, а я поѣду съ дамами; вѣроятно, вы позволите мнѣ воспользоваться благотворнымъ вліяніемъ совѣтовъ вашей сестрицы.

Безъ всякаго сомнѣнія, Клэйтонъ охотно согласился съ та-

кимъ предложеніемъ, и общество изъявило согласіе привести его въ исполненіе.

— Но послушайте, Клэйтонъ, продолжалъ дядя Джонъ, посадивъ Нину въ кабриолетъ и лукаво прищуривъ глаза : въ свою очередь не оставьте и вы ее добрыми совѣтами. Ей необходимъ руководитель и наставникъ! Я вамъ скажу, Клэйтонъ, — что такой дѣвочки не найти во всей сѣверной Каролинѣ. Капризовъ въ ней бездна! Вы должны начать съ ласки и на нѣкоторое время дать ей волю; а потомъ ужъ съ ней не трудно справиться. Я самъ люблю, когда лошадь перерветъ, при первой закладкѣ, всю упряжь и разобьетъ повозку; смѣло можно сказать, что изъ нея будетъ прокъ.

Сдѣлавъ такое глубокомысленное замѣчаніе, дядя Джонъ посадилъ въ карету миссъ Анну.

Клэйтонъ понялъ, на что намекалъ дядя Джонъ, совѣтуя такое обращеніе съ Ниной. Онъ зналъ очень хорошо, что съ такими живымъ существомъ, какъ Нина, не должно стѣсняться въ объясненіяхъ, и потому ни одинъ старикъ не держалъ бы себя такъ спокойно и такъ непринужденно въ этомъ tête-à-tête, какъ Клэйтонъ. Онъ зналъ, что послѣдній разговоръ на митингѣ еще болѣе сблизилъ ихъ. При этомъ случаѣ они со всѣмъ чистосердечіемъ высказали другъ другу самыя сокровенныя чувства, а одно такое мгновеніе, по убѣжденію Клэйтона, имѣлъ болѣе обязательной силы, чѣмъ сотни объясненій въ любви.

Утро было очаровательное, какъ это всегда бываетъ послѣ грозы, бушевавшей втеченіе ночи. Воздухъ, очищенный отъ густыхъ испареній и напитанный благоуханіемъ растительнаго царства, становился легкимъ, теплымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придающимъ силу дыхательнымъ органамъ. Въ немъ распространялось бальзамическое дыханіе сосновой рощи, по которой они проѣзжали. Вся зелень, омытая проливнымъ дождемъ, казалась только-что распустившешюся: до такой степени она была свѣжа и привлекательна. По всему небосклону разстилались роскошныя, имѣвшія видъ плавающихъ острововъ облака, которыя составляютъ исключительную принадлежность американскаго неба; они рѣзкимъ рельефомъ отдѣлялись отъ глубокой лазури. Еще вдалекѣ отъ поляны, на которой сосредоточивался митингъ, до путниковъ долетали отголоски распѣваемыхъ гимновъ. По мѣрѣ приближенія къ ней, они встрѣчали шумныя группы, служившія доказательствомъ слишкомъ частаго посѣщенія бала-

гана Абиджи-Скинфолита и другихъ, ему подобныхъ временныхъ заведеній. Первымъ дѣломъ ихъ было заглянуть въ уголокъ, избранный Тиффомъ для своихъ дѣтей: онъ дѣятельно гладилъ бѣлье для груднаго ребенка, вымытое свечера и только-что теперь просохшее. Полднєвныя проповѣди еще не начинались, и потому общество наше условилось пройти между палатками. Женщины стряпали, мыли посуду подъ деревьями, при чемъ, разумѣется, не забыты были и бойкіе разговоры.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій того дня была проповѣдь мистера Диксона о заблужденіи и грѣховности человѣческаго рода. Она заключалась сильнымъ и торжественнымъ воззваніемъ ко всему собранію относительно невольничества. Мистеръ Диксонъ напомнилъ диссидентамъ всѣхъ сектъ, что состояніе невольничества осуждается въ ихъ книгахъ положительно и неоспоримо, что ни подъ какимъ видомъ несогласуется съ христіанскою религіею и съ священнымъ закономъ, повелѣвающимъ намъ любить другъ друга, какъ самихъ себя. Онъ описалъ имъ сцену, которой былъ свидѣтелемъ въ лагерѣ невольниковъ. Говорилъ объ ужасахъ, сопровождающихъ торговлю неграми внутри штатовъ, — представилъ трогательную картину разлуки семействъ, нарушенія всѣхъ домашнихъ и общественныхъ узъ, истекающихъ изъ этой торговли; и наконецъ, ссылаясь на неизвѣстнаго оратора, наведшаго на нихъ ужасъ наканунѣ, признавался передъ всѣмъ собраніемъ, что въ его словахъ онъ замѣчалъ глубокое значеніе, и что если не послѣдуетъ немедленнаго покаянія и исправленія, то, безъ всякаго сомнѣнія, праведный гнѣвъ Божій посѣтитъ всю страну. Говоря это съ чувствомъ, онъ въ свою очередь пробудилъ чувства въ слушателяхъ. Многіе были растроганы до слезъ; но, съ окончаніемъ проповѣди, чувства эти заглохли, какъ заглушаются волны, отступившія въ море послѣ удара въ скалу. Гораздо легче было принимать участіе во временномъ порывѣ душевнаго волненія, чѣмъ размышлять о трудныхъ и сопряженныхъ съ издержками преобразованій. Мистеръ Диксонъ отдавалъ, однакожъ, справедливость бѣлымъ въ невольническихъ штатахъ, поставляя на видъ, что, втеченіе длиннаго періода безпорядочнаго управленія, они, отъ времени до времени, съ радушіемъ принимали проповѣдниковъ, ревностно говорившихъ въ защиту вѣры и человѣчества, хотя и слушали ихъ съ тѣмъ тушымъ терпѣніемъ, которое обнаруживаютъ люди, когда сознаютъ свои заблужденія, но не намѣреваясь въ нихъ

исправиться. Въ послѣдніе же годы такіе проповѣдники, порицая притѣсненія, испытываемыя невольниками, нерѣдко подвергали жизнь свою опасности. Эта проповѣдь была предметомъ разговора во всѣхъ частяхъ поляны; и никто, быть можетъ, не восхвалялъ ея такъ громко, какъ кущень, торговавшій неграми, сидѣвшій въ это время на самомъ видномъ мѣстѣ въ балаганѣ Абиджи Скипфлинта.

— Проповѣдь была очень хороша, сказала Ниппа; и я вѣрю въ ней каждому слову, Но, скажите, что же, по вашему мнѣнію, мы должны дѣлать?

— Мы должны, сказал Клэйтонъ, смотрѣть на эманципацию негровъ, какъ на неизбежное событіе, и приготовить къ тому всѣхъ нашихъ невольниковъ по возможности въ скорѣйшее время.

Разговоръ этотъ происходилъ въ то время, когда партія наша расположилась завтракать въ прохладной тѣни деревьевъ, вокругъ большой корзины съ холодной провизіей, которую они на свободѣ разбирали.

— Послушайте, Клэйтонъ, сказалъ дядя Джонъ: я не вижу смысла въ томъ приговорѣ, который произнесли сегодня надъ нами? Боже праведный! да какое же мы дѣлаемъ зло? Что касается до негровъ, то, право, они живутъ лучше нашего. Я говорю это хладнокровно — то есть, такъ хладнокровно, какъ можетъ говорить человекъ около двухъ часовъ по полудни, въ такой зной, какъ сегодня. Вы только посмотрите на моихъ негровъ! Бываютъ ли у меня когда нибудь цыплята, яйца или огурцы? Никогда, увѣрю васъ! Цыплята у меня не ведутся, червь точить, огурцы при самомъ ихъ зародышѣ; а у негровъ, посмотришь, во всемъ изобиліе. Огурцы зеленеютъ у нихъ, какъ плющъ, и, разумѣется, я долженъ у нихъ покупать эти овощи. Они выводятъ цыплятъ; я покупаю ихъ, отдаю на кухню, и потомъ они же ихъ сѣдаютъ. Вотъ какъ у насъ водится! Что касается до цѣпей, до тюремъ и торговли неграми, то, конечно, это отвратительно! У меня этого не было и не будетъ. Я вытолкаю въ шею перваго покупателя, несмотря на то, что эти курчавыя головы сѣдаютъ меня, какъ саранча. Какъ хотите, а подобныя проповѣди мнѣ не нравятся.

— Нашъ мастеръ Титмаршъ, сказала тетюшка Несбитъ, говорить объ этомъ предметѣ совсѣмъ иначе.

— Не думаю, сказала Нина: чтобы учреждение, вредное для той и другой стороны, происходило отъ Бога.

— Кто этотъ мистеръ Титмаршъ? спросилъ Клейтонъ, вполголоса.

— Это одинъ изъ фаворитовъ тетушки Несбитъ, и одинъ изъ предметовъ моего отвращенія. Я его терпѣть не могу!

— Конечно, могутъ говорить, что угодно объ образованіи простаго народа въ Сѣверныхъ Штатахъ, сказалъ дядя Джонъ; но этотъ народъ мнѣ не нравится. Данкъ чему ведетъ образованіе простаго народа? — развѣ только къ ихъ же гибели. Я слышалъ объ ученыхъ кузнецахъ, которые пренебрегаютъ своимъ ремесломъ, приучаются говорить напыщенные рѣчи и становятся бродягами. Подобныя вещи мнѣ, право, не нравятся. Ученость ставить ихъ выше той сферы, въ которой имъ суждено обращаться; — оттого и происходитъ въ Сѣверныхъ Штатахъ постоянный безпорядокъ и неурядица. У насъ здѣсь все идетъ мирно и тихо. Пристроить бы только несчастныхъ этихъ скоттеревъ. Подождите, впрочемъ, — рано или поздно, а мы припишемъ ихъ къ неграмъ, и тогда начнется у насъ не жизнь, а блаженство.

— Дѣйствительно, сказала Нина: дядюшка Джонъ видитъ въ этомъ возрожденіе блаженнаго вѣка!

— Разумѣется, сказалъ дядя Джонъ: для простаго народа не обходимо, чтобы кто-нибудь управлялъ имъ, заботился о немъ: это, по-моему, одно изъ главныхъ условій его существованія. Все его образованіе должно заключаться въ изученіи слѣдующей истины: стараться честнымъ трудомъ приобрѣтать средства къ существованію въ той странѣ, въ которой судьбѣ угодно было основать его. Строгое соблюденіе этого правила, въ свою очередь, будетъ служить прочнымъ основаніемъ честнаго, трудолюбиваго, полезнаго общества. Людямъ, которые должны управлять такимъ обществомъ, надобно будетъ вышить, въ чемъ состоятъ ихъ обязанности. Они должны быть разсудительны, внимательны, снисходительны, и тому подобное. Вотъ мое понятіе о благоустроенномъ обществѣ.

— Поэтому вы не гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, спросилъ Клейтонъ.

— Я не гражданинъ? — Неправда. Я вѣрю въ равенство *джентльменовъ* и въ права равенства между людьми благовоистинными. Въ этомъ состоитъ мое понятіе о законахъ нашей родины.

Клэйтонъ, Нина и Амра засмѣялись.

— Слушая веселыя и свободныя сужденія дядюшки, сказала Нина: замѣчая въ немъ желаніе добра своему ближнему, другой, пожалуй, приметъ его за величайшаго демократа. А какъ вы полагаете, почему онъ кажется такимъ? потому что онъ до безпредѣльности вѣритъ въ свое превосходное положеніе — вотъ и все. Онъ увѣренъ, что, при своемъ положеніи, онъ не подвергается ни малѣйшей опасности.

Общество наше условилось не ждать окончанія вечернихъ проповѣдей. Новизна эффекта миновала, и къ тому же тетушка Несбитъ заговорила о вредномъ вліяніи росы и вечерняго воздуха. Вслѣдствіе этого, лишь только атмосфера охладѣла до такой степени, что можно было ѣхать подъ косвенными лучами солнца, невыносимо палившаго течение дня, наши путники уже возвращались домой. Лѣсная дорога покрывалась зеленью и золотистыми полосами свѣта, прорывавшагося сквозь пустыя пространства между стволами деревьевъ; сосновая роща во всѣхъ частяхъ своихъ оглашалась пѣніемъ птицъ. Весьма естественно, что разговоръ между Ниной и Клэйтонъ имѣлъ спокойное настроеніе.

— Мнѣ кажутся странными всѣ эти бесѣды и разсужденія, сказала Нина. Въ такихъ случаяхъ я всегда вспоминаю Ливію Рэй... Ахъ! если бы вы знали, что это за дѣвушка? сколько прекрасныхъ качествъ въ ней! и что всего необыкновеннѣе, — она добра, не будучи скучною. Скажите, пожалуйста, — почему это добрые люди, по большей части, вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ и скучны.

— Надо вамъ замѣтить, сказалъ Клэйтонъ: подъ качествомъ *добрый*, я почти всегда подразумѣваю недостатокъ нравственной силы. Люди нерѣдко говорятъ о самоотверженіи, — тогда какъ желанія ихъ до такой степени шатки, что сдѣлать одинъ шагъ или другой для нихъ все равно. Такіе люди легко попадаютъ на религіозную рутину, выучиваютъ наизусть нѣсколько фразъ, и становятся, какъ вы говорите, весьма скучными добрыми людьми.

— Въ этомъ отношеніи Ливія Рэй заслуживаетъ вниманія, сказала Нина. Она получила то воспитаніе, которое обыкновенно даютъ дѣвочкамъ въ Новой Англіи, воспитаніе фундаментальнѣе и обширнѣе нашего. Она также легко читаетъ полатыни и погречески, какъ по французски и по итальянски. Она умна, проникатель-

на дальновидна; а съ тѣмъ вмѣстѣ прихотлива и капризна, какъ этотъ виноградъ, хотя въ то же время такъ основателна! О, я обожаю ее! Не смотря на ея кратковременное пребываніе въ нашемъ пансіонѣ, она принесла мнѣ больше пользы, чѣмъ всѣ учителя и все ученіе. Приятно имѣть убѣжденіе, что подобныя люди существуютъ. Не правда ли?

— Да, сказалъ Клэйтонъ. Все хорошее въ этомъ мірѣ протекаетъ отъ людей съ хорошимъ направленіемъ. Все вычитанное изъ книгъ не принесетъ вамъ той пользы, какую можетъ доставить знакомство съ личностью писателя. Хорошая книга непременно заставляетъ васъ предполагать, что въ авторѣ есть гораздо больше того, что онъ высказалъ.

— Это самое чувство я испытываю въ отношеніи къ Ливіи, съ горячностью сказала Нина. Она мнѣ кажется какимъ-то рокомъ. Я долго находилась при ней, а не постигла ея и выловила. Она постоянно возбуждала во мнѣ желаніе узнать ее еще болѣе. Когда нибудь я прочитаю вамъ ея письма. Ливія пишетъ превосходно; и я очень цѣню это, потому что сама я совѣтъ не умѣю писать. Я лучше могу говорить, чѣмъ писать. Идеи, которыя гнѣздятся въ головѣ моей, ни подъ какимъ видомъ не хотѣтъ повиноваться мнѣ, когда я вздумаю изложить ихъ на бумагѣ: онѣ непременно хотѣтъ, чтобъ я ихъ высказала. Вы бы посмотрѣли на Ливію; такіе люди всегда дѣлаютъ меня педальной собою. Не знаю, почему мнѣ пріятно видѣть людей и предметы превосходнѣе меня во многихъ отношеніяхъ, тогда какъ они явно говорятъ мнѣ, убѣждаютъ меня, до какой степени я жалкое созданіе. Услышавъ Джесси Линдъ, я послѣ того долго не могла слышать своей музыки, которая вдругъ обратилась въ пустые, лишенные всякой гармоніи, звуки, а между тѣмъ музыка мнѣ нравится. Изъ всего этого я заключаю, что лучшій способъ къ исправленію себя состоитъ въ сознаніи своихъ недостатковъ.

— Справедливо, сказалъ Клэйтонъ: это сознаніе можно назвать основнымъ камнемъ къ сооруженію всего прекраснаго. Главнѣйшее условіе для достиженія успѣха въ наукахъ и искусствахъ заключается именно въ сознаніи, что мы далеки еще до совершенства.

— Знаете ли, сказала Нина послѣ непродолжительнаго молчанія: — я все удивляюсь, за что вы полюбили меня? Мнѣ ча-

сто приходить на мысль, что вамъ бы слѣдовало жениться не на мнѣ, а на Ливии Рэй.

— Очень вамъ обязанъ, сказали Клейтонъ: — за такое милое съ вашей стороны попеченіе о моей женитьбѣ. Извините, однакожъ, если я отдамъ предпочтеніе моему собственному выбору. Вѣдь и мы иногда бываемъ немного своенравны, и становимся похожими на вашихъ прекрасный полъ.

— Но, сказала Нина:—если у васъ такой дурной вкусъ и вы непременно хотите поставить на своемъ, то позвольте мнѣ предупредить васъ, что вы рѣшительно не знаете, что ожидаетъ васъ впереди. Я весьма несвѣдуща, во мнѣ ничего нѣтъ притягательнаго. Я не умѣю вести счеты и вовсе не понимаю домохозяйства. Я буду оставлять открытыми комоды и шкафы; на письменномъ столѣ моемъ вы увидите всегдашній беспорядокъ; я не могу запомнить числа мѣсяца, — люблю рвать газеты и вообще дѣлать такія вещи, которыхъ никто не похвалитъ, а тѣмъ болѣе вы, и тогда мнѣ начать говорить: Нина, зачѣмъ ты не сдѣлала этого? зачѣмъ не сдѣлала того? отчего ты дѣлаешь другое? и такъ далѣе. О, я знаю васъ, мужчинъ! Разумѣется, это мнѣ не понравится, и я буду въ тягость и себѣ, и вамъ. Я никогда не думала выходить за мужъ, а тѣмъ болѣе не рассчитывала на ваше предостереженіе! Такъ вы не хотите принять мое предостереженіе?

— Нѣтъ! сказалъ Клейтонъ, посмотрѣвъ на Нину съ выразительной улыбкой.

— Какъ ужасно упрямы и своенравны эти мужчины! сказала Нина и вмѣстѣ съ притворнымъ смѣхомъ вдохнула въ себя длинный глотокъ воздуха.

— Что дѣлать! женщины вообще обладаютъ такой незначительной частицей этихъ качествъ, что мы, по необходимости, должны принять остальное на себя, сказалъ Клейтонъ.

Значитъ, вы рѣшительно остаетесь при своемъ выборѣ? сказала Нина, глядя кругомъ, полусмѣясь, полураскрасившись.

— Непременно! особливо послѣ вашего великодушнаго вызова.

Съ этими словами Клейтонъ крѣпко обнялъ одной рукой станъ Нины и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ну что, моя маленькая Ориола (*), наконецъ я поймалъ васъ? И...

Но вы уже слишкомъ растянули эту главу.

(*) Oriole. родъ хорошенькой птички тропическихъ странъ.

ГЛАВА XXV.

ВОЗВРАЩЕНІЕ МИЛЛИ.

Посѣщеніе Клэйтона и его сестры, какъ и все пріятное и этомъ мірѣ, имѣло свой конецъ. Клэйтонъ былъ отозванъ къ служебнымъ занятіямъ и кнѣгамъ, а Анна должна была слѣдить нѣсколько лѣтнихъ визитовъ, предварительно, допріѣзда на импѣтацію Клэйтона «въ роу Маньолій», гдѣ ей предстояло разсуждать нѣсколько плановъ относительно улучшенія быта негровъ. Нина и Клэйтонъ старались показать, что между ними не было окончательной *момолемки*, но въ минуты разлуки для всѣхъ очевидно было, что для опредѣленія ихъ отношеній другъ къ другу не доставало именно только этого названія. Между Ниной и Анной образовалась самая искренняя дружба. Несмотря на то, что Нина почти ежедневно приходила въ непріятное столкновение съ непогрѣшительными взглядами Анны на вещи, что Анна въ значительной степени обладала той похвальной наклонностью читать наставленія, которая часто существуетъ въ самыхъ отличныхъ молодыхъ людяхъ, — доброе согласіе между ними никогда не нарушалось. Надобно, однако же, признаться, что послѣ спуста послѣ разлуки, Нина замѣтно скучала и не знала какъ убить время. Происшествіе, которое мы сейчасъ разскажемъ, доставило ей нѣкоторое развлеченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность открыть новую страницу въ нашемъ разсказѣ.

Однажды, послѣ завтрака, когда Нина одна сидѣла на балконѣ, вниманіе ея было привлечено громкими восклицаніями, раздававшимися съ правой стороны господскаго дома, гдѣ расположено было селеніе негровъ. Взглянувъ туда, Нина, къ крайнему своему изумленію, увидѣла Милли въ срединѣ насгочсленной группы, осаждавшей ее безпрерывными вопросами. Чтобъ узнать, что это значило, Нина въ ту же минуту сбѣжала съ балкона. Приближаясь къ группѣ, она съ удивленіемъ и изумленіемъ, что голова ея доброй старой Милли была перевернута, одна рука подвѣшена, и что сама она находилась въ крайнемъ изнеможеніи.

— Милли! вскричала она, подбѣгая къ ней съ непритворной любовью: что съ тобой сдѣлалось!

— Ничего моя радость! особенно теперь, когда я добрела сюда!

— Не скажи, пожалуйста, что съ твоей рукой?

— Право ничего! Въ меня выстрѣлилъ одинъ господинъ, но, благодаря Бога, не убилъ. Я не имѣла къ нему злобы, и вполне убѣжденная, что съ его стороны несправедливо и неприлично обходиться со мной такимъ образомъ, взяла и убѣжала.

— Пойдемъ ко мнѣ, сію же минуту, сказала Нина, поддерживая старую няню, и помогая ей подняться по ступенькамъ балкона: — какой стыдъ, какое варварство! Тихонько, Милли, не торопись! Какъ безчеловѣчно! Я знала, что на этого чело-вѣка нельзя положиться. — Такъ это-то и есть хорошее мѣсто, которое онъ нашелъ для тебя?

— Точно такъ, сказалъ Томтитъ, бѣжавшій въ главѣ молодого поколѣнія негровъ, съ полотенцемъ, перекинутымъ черезъ плечо, и съ недочищеннымъ пожемъ въ рукѣ, между тѣмъ, какъ Роза, старый Гондредъ и многіе другіе вошли на балконъ.

— Ахъ, Господи! сказала тетушка Роза: — только вздумать объ этомъ! Зачѣмъ это богатые-то люди отпускаютъ своихъ негровъ ко всякой дряни въ услуженіе?

— Ничего, сказалъ старый Гондредъ: — это хорошо! Милли ужъ слишкомъ зазналась; стала заирать свой носъ черезъ чуръ высоко. Удивляться тутъ нечему!

— Убирайся ты прочь, старая язва! вскричала тетушка Роза. Я еще не знаю, кто выше твоего задираетъ свой носъ.

Нина, отпустивъ многочисленную свиту, сопровождавшую ее до крыльца и состоявшую преимущественно изъ мальчишекъ и слугъ, начала внимательно осматривать рану своей старой подруги. Пуля, дѣйствительно, слегка скользнувъ по рукѣ, произвела однако же глубокую поверхностную рану, которая приняла воспалительное свойство, вслѣдствіе солнечнаго зноя и утомленія во время перехода.

Снявъ перевязку съ головы Милли, она увидѣла множество кровавыхъ простѣковъ отъ сильныхъ и жестокихъ ударовъ.

— Что это значитъ? сказала Нина.

— Это удары, которые нанесены мнѣ. Онъ былъ пьянъ, дитя мое, и не зналъ, что дѣлалъ.

— Какъ жестоко, какъ безчеловѣчно! сказала Нина: — посмотрите, продолжала она, обращаясь къ тетушкѣ Несбитъ: — вотъ что значитъ отпускать людей въ услуженіе!

— Нина! я право не знаю, что теперь дѣлать, печально сказала тетушка Несбитъ.

— Вы не знаете? ну, такъ я скажу, что надобно дѣлать! Во первыхъ, нужно перевязать эти раны и успокоить больную; сказала Нина, суетясь около Милли, приготовляя перевязки въ тоже время, позвонивъ въ колокольчикъ, чтобы подали тѣлой воды.

— Успокойся, Милли! я все сдѣлаю; стоитъ только захотѣть, и я могу быть славной нянюшкой, во всѣхъ отношеніяхъ.

— Да благословить васъ небо, дитя мое; мнѣ становится легче, отъ одной увѣренности, что я воротилась домой!

— Въ другой разъ ты не поспѣшишь бѣжать отъ насъ, сказала Нина, пачиная омывать и перевязывать раны. Теперь ты похожа на что-то; ты можешь лечь въ моей комнатѣ и отдохнуть.

— Благодарю васъ, милое дитя мое; но лучше будетъ, если я пойду въ свою комнату; тамъ-то ужъ я буду совершенно какъ дома, сказала Милли.

И Нина, съ обычною энергіей, проводила Милли, спустила сторы, уложила ее въ постель, покрыла шалью и, пѣскомакоразъ пожелавъ ей уснуть и успокоиться, удалилась.

Съ нетерпѣніемъ ждала она минуты, когда Милли проснется; до такой степени тревожило ее положеніе больной и до такой степени она интересовалась узнать подробности ея разсказа.

— Какое безчеловѣчіе! сказала Нина, обращаясь къ тетушкѣ Несбитъ. Мы должны подать жалобу на этихъ людей, принудить ихъ дорого заплатить за подобный поступокъ.

— Ахъ, Нина! возразила тетушка Несбитъ:—это будетъ стоить значительныхъ издержекъ и бесполезной траты времени.

— Ничего, сказала Нина. Я сейчасъ же напишу Клэнтону. Я знаю, что онъ возьмется за это дѣло съ тою же горячностью, какъ и я. Онъ знакомъ съ нашими законами и знаетъ ихъ применение.

— Все же, Нина, безъ издержекъ это не обойдется, плачущимъ голосомъ сказала тетушка Несбитъ: я знаю по опыту, что одна бѣда влечетъ за собой другую! Если Милли не воротится на мѣсто, я должна потерять плату за нее. А ужъ это одно стоитъ всѣхъ судебныхъ издержекъ! На будущее время ей слѣдуетъ быть осторожнѣе.

— Ахъ, тетенька! неужели и послѣ этого вы хотите, чтобы Милли воротилась на мѣсто?

— Конечно, хотя и очень жально; уже и это обстоятельство я считаю за большую потерю.

— Тетенька, вы говорите, какъ будто кромѣ потери своей ни о чемъ больше не думаете. Вы совсѣмъ не обращаете вниманія на тѣ страданія, которыя ожидаютъ Милли впереди.

— Напрасно ты такъ полагаешь; я очень сожалею Милли, сказала тетюшка Несбитъ: — и еще болѣе буду сожалѣть, если она долго прохвораетъ. Согласись сама, при моемъ положеніи, мнѣ необходимо отдать куда нибудь въ люди женщину, которая для меня совершенно бесполезна.

— Да, я узнаю се въ каждомъ ея словѣ, сказала Нина, тономъ негодованія, выбѣжавши изъ комнаты и тихонько заглянувши въ дверь Милли. Кромѣ себя, она никого не видитъ, никого не слышитъ, ни о чемъ не думаетъ; до другихъ ей вовсе нѣтъ дѣла. Какъ жаль, что Милли принадлежитъ не мнѣ.

Послѣ двухъ-трехъ часовъ укрѣпляющаго сна, Милли вышла изъ комнаты довольно бодрою. Крѣпкая физическая организація и жизненные силы, постоянно находившіяся въ превосходномъ порядкѣ, давали Милли возможность переносить болѣе обыкновеннаго. Нина успокоилась, убѣдясь, что нанесенные побои и рана не будутъ имѣть дурныхъ послѣдствій и что черезъ нѣсколько дней Милли совершенно поправится.

— Теперь Милли, сказала Нина: пожалуйста, расскажи мнѣ, гдѣ ты была, и что за причина такихъ жестокихъ побоевъ?

— Вотъ видите ли, моя милочка, я поступила въ домъ мистера Баркера, человѣка добрейшаго, какъ увѣряли меня; и дѣйствительно онъ былъ добрейшій человѣкъ во многихъ отношеніяхъ. Но дѣло въ томъ, дитя мое, на свѣтѣ есть люди, которые, такъ сказать, состоятъ изъ двухъ половинокъ—изъ очень доброй, и очень злой. Къ такому роду людей принадлежалъ и мистеръ Баркеръ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ пьяница, но ужь если выпьетъ хоть бездѣлицу, то сдѣлается ужасно страшнымъ и сердитымъ; въ такія минуты на него ничѣмъ не угодишь. Жена у него была прехорошенькая, и самъ онъ ничего бы, еслибъ не рабыни: онѣ его безобразили, особливо въ минуты бѣшенства! Сначала, знаете, все шло хорошо, и я была чрезвычайно довольна. Но однажды онъ пріѣхалъ домой такой сердитый, что никто ему не попадается. Въ домѣ у него была другая женщина, съ ребенкомъ, такимъ милашкой, что прелесть. Ребенокъ тотъ игралъ обгорѣлой спичкой и нечаянно замаралъ одну изъ рубашекъ

мистера Барнера, которая яглась. Вдруг выходит мистеръ Баркеръ, да какъ взбѣсится, какъ зареветъ; просто, я вѣдь слышу, волосъ всталъ дыбомъ! Я слышала его крикъ, но такого, какъ при этомъ разѣ, не слышала! Онъ божился, что убьетъ ребенка, и яду мала, душа моя, что онъ это сдѣлаетъ. Малютка забѣжала за меня; я прикрыла его, — вѣдь, дѣтское дѣло, чѣмъ онъ виноватъ? — Вотъ знаете, мистеръ Баркеръ еще больше взбѣленился; напустился на меня, схватилъ кожаный ремень, и, что есть силы, началъ бить меня по головѣ. Я думала уже, что онъ убьетъ меня; однако подбѣжала къ двери, толкнула изъ нея ребенка прямо на руки Анны, которая въ ту же минуту и убѣжала. Послѣ этого, онъ набросился на меня, какъ настоящій тигръ; изъ рта бьетъ пѣна, реветъ и мечется! Я вывернулася наконецъ и убѣжала; но въ этотъ моментъ онъ схватилъ ружье и пустилъ въ меня зарядъ. Къ счастью, пуля только скользнула по поверхности кожи. Благодареніе Богу, что онъ не раздробилъ мнѣ руку! Уже я же, вѣдь, вамъ сказала, перепугалась! Впрочемъ, я бы не рѣшилась бѣжать, еслибъ знала, что жизнь моя въ томъ домѣ будетъ внѣ опасности. Я бѣжала, что было силъ, пока не достигла лѣса, гдѣ встрѣтила нѣсколько свободныхъ негровъ, которые пріютили меня и дали возможность отдохнуть денька два. Оттуда — то ужъ я по вашему приказанію пустилась прямо домой.

— И прекрасно сдѣлала, сказала Нина. Теперь, нужно сказать тебѣ Милли: я намѣрена подать на этого человѣка жалобу.

— Ахъ, ради Бога, миссъ Нина, не дѣлайте этого! У него жена такая милая женщина, и къ тому же онъ, мнѣ кажется, вовсе не зналъ, что дѣлалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Милли! ты должна желать этого, потому что его заставятъ быть осторожнѣе съ другими людьми.

— Въ этомъ отношеніи, миссъ Нина, я съ вами согласна: что касается до моей обиды, то я не питаю къ нему злобы.

— О, нѣтъ; онъ долженъ и за это отвѣтить, сказала Нина. Я напишу мистеру Клэйтону и попрошу его совѣта.

— Конечно, мистеръ Клэйтонъ добрый человѣкъ, сказала Милли. Худое онъ не назоветъ хорошимъ, и во всякомъ случаѣ поступить справедливо.

— Да, сказала Нина: — подобнымъ людямъ должно внушить самымъ строгимъ образомъ, что законъ не пощадитъ ихъ за такое звѣрское обхожденіе. Пусть моя жалоба образумитъ ихъ!

Нина немедленно пошла въ кабинетъ, отправила къ Клэйтону длинное письмо, въ которомъ, изложивъ всѣ подробности дѣла, просила его непосредственнаго содѣйствія. Читателямъ нашимъ, бывавшимъ когда либо въ подобныхъ обстоятельствахъ, нисколько не покажется удивительнымъ, что Клэйтонъ видѣлъ въ этомъ письмѣ приглашеніе немедленно пріѣхать въ Канема. И дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ послѣ полученія письма, онъ еще разъ сдѣлался членомъ домашняго кружка. Онъ вошелъ на балконъ съ величайшимъ восторгомъ и радостью.

— Характеръ нашего штата и чистота нашихъ учреждений, сказалъ Клэйтонъ: — вмѣняють намъ въ обязанность защищать тотъ классъ народонаселенія, котораго безпомощность болѣе всего требуетъ нашей защиты. Мы должны смотрѣть на негровъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ дѣтей, и потому всякое нарушеніе ихъ правъ должно быть преслѣдуемо со всею строгостью законовъ.

Не теряя времени, онъ отправился въ сосѣдній городъ, гдѣ Милли находилась въ услуженіи, и, къ счастью, узналъ, что главнѣйшіе обвинительные пункты могли подтвердить бѣлые свидѣтели. Женщина, которая нанята была Баркеромъ для какаго-то шитья, во время всей сцены сидѣла въ сосѣдней комнатѣ; побѣгъ Милли изъ дома выстрѣлъ, пущенный ей въ слѣдъ, были замѣчены нѣкоторыми рабочими. Поэтому, все общало хорошій исходъ дѣлу, и Клэйтонъ смѣло приступилъ къ нему.

ГЛАВА XXVI.

судъ.

— Теперь надо смотрѣть въ оба, сказалъ Франкъ Россель, обращаясь къ двумъ-тремъ адвокатамъ, сидѣвшимъ въ боковой комнатѣ уголовного суда въ И.... Клэйтонъ засѣлъ на боеваго коня своего и намѣренъ атаковать насъ, какъ левіаѳанъ, выбѣжавшій изъ густаго тростника.

— Клэйтонъ — добрый малый, замѣтилъ одинъ изъ адвокатовъ. Я люблю его, не смотря, что онъ не слишкомъ словоохотливъ.

— Добрый! сказалъ Россель, вынимая изъ рта сигару. Да это просто бомбическая пушка, заряженная по самое дуло доб-

роудишемъ! Но ужъ за то если онъ разрядить ее, то того и смотри, что разгромить цѣлый міръ. Мы не можемъ составить себѣ подное понятіе о его душевныхъ качествахъ. Процессъ этотъ, начатый по просьбѣ его невѣсты, я считаю за величайшее для него благодѣяніе, потому собственно, что онъ, какъ нельзя болѣе, согласуется съ его рыцарскимъ характеромъ. Вѣрите ли, когда я слышалъ объ этомъ, я чуть съ ума не сошелъ. Опрометью бросился изъ дому, побѣжалъ къ Смитерсу, Джонсу и Петерсу, и упросилъ ихъ не медлить этимъ дѣломъ, чтобъ не дать Клэйтону возможности остынуть. Если онъ успѣетъ выиграть этотъ процессъ, то почему знать, быть можетъ и навсегда примирится съ призваніемъ адвоката.

— А развѣ онъ не любитъ этого призванія?

— Не знаю, какъ вамъ сказать. Знаю только, что Клэйтонъ одаренъ той возвышенною благородной гордостью, которая возмущается почти противъ всего въ этомъ мірѣ. Изъ десяти процессововъ, едва ли онъ возьмется защищать хотя одинъ. Въ самую критическую минуту съ его совѣстью вдругъ начнутъ дѣлаться какія-то конвульсии, и онъ бросаетъ дѣло. Надѣюсь, однакоже, что защита этой невольницы понравится ему въ высшей степени.

— Говорятъ, она славная женщина? замѣтилъ одинъ изъ адвокатовъ.

— И принадлежитъ къ хорошей фамиліи, подхватилъ другой.

— Да, сказалъ третій:—и, кажется, предметъ любви Клэйтона принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

— Это правда, сказалъ Россель: — мнѣ говорили, что женщина, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ одной изъ ея родственницъ. Миссъ Гордонъ, сколько мнѣ извѣстно, довольно своенравное маленькое созданіе: едва ли она согласится оставить подобное дѣло безъ послѣдствій. Къ тому же, и фамилія Гордоновъ издавна пользуется большимъ уваженіемъ и вліяніемъ. Клэйтонъ увѣренъ въ выигрышъ этого процесса, между тѣмъ какъ законъ, сколько я понимаю, ни подъ какимъ видомъ не въ его пользу.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ одинъ изъ адвокатовъ, по имени Вилль Джонсъ.

— Да, да, отвѣчалъ Россель: — я увѣренъ въ этомъ. Впрочемъ это ничего не значитъ. Клэйтону стоитъ только проснуться: онъ увлечетъ за собою и судей и присяжныхъ.

— Удивляюсь, сказалъ другой адвокатъ: — почему Баркеръ не покончилъ дѣла мировой.

— О, Баркеръ упрямъ, какъ пень. Вы знаете, что такіе люди, какъ онъ, и вообще люди средняго сословія, всегда питаютъ ненависть къ стариннымъ фамиліямъ. Онъ хочетъ испытать свои силы въ борьбѣ съ Гордонами, вотъ и все тутъ. Въ добавокъ къ этому примѣшпваются его понятія о правахъ гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Онъ не хочетъ уступить Гордонамъ ни на волосъ. Въ его жилахъ течетъ шотландская кровь, и, повѣрьте, онъ, какъ смерть, уцѣпится за это дѣло.

— Надобно ожидать, что Клэйтонъ произнесетъ превосходную защитительную рѣчь, сказалъ Джонсъ.

— Еще бы! сказалъ Россель: — да я бы и самъ произнесъ такую рѣчь, что всѣ слушатели разинули бы рты! Во-первыхъ, тутъ обнаруживается явное звѣрство надъ женщиной, которая вполне заслуживаетъ уваженія; во-вторыхъ, кромѣ долга каждаго человѣка—защитить беззащитнаго, можно отличнымъ образомъ распространиться на счетъ гуманности и тому подобнаго. Клэйтонъ лучше всякаго сумѣетъ воспользоваться этими обстоятельствами, потому собственно, что будетъ говорить по убѣжденію. Во всякомъ случаѣ, поговорить тутъ есть о чемъ; а когда человѣкъ говоритъ по убѣжденію, то онъ непременно произведетъ впечатлѣніе, которое невозможно при всякихъ другихъ обстоятельствахъ.

— Однако, я не понимаю тебя, Россель, сказалъ одинъ изъ адвокатовъ: — почему ты думаешь, что законъ не на сторонѣ Клэйтона? Съ своей стороны я вижу въ этомъ дѣлѣ гнусное злоупотребленіе власти.

— Конечно; это такъ, сказалъ Россель: — да и самый человѣкъ—то этотъ—ни больше, ни меньше, какъ безсмысленный, бездушный звѣрь, котораго слѣдовало бы повѣсить, разстрѣлять, словомъ, сдѣлать съ нимъ все, что угодно; но если судить строго, то онъ не совсѣмъ переступилъ границы, опредѣленные закономъ. Вамъ извѣстно, что тому, кто нанимаетъ слугу, законъ нашъ предоставляетъ неограниченныя права властелина. Отъ буквы закона, по моему мнѣнію, отступить нельзя.

— Но, согласись, Россель, сказалъ Джонсъ: — вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно?

и

— Что дѣлать, мой другъ! мнѣ нѣтъ преисполненъ всякаго рода несообразностей, замѣтилъ Россель, закуривая новую сигару.

— Скажи же мнѣ, сказалъ Джонсъ: — какимъ образомъ Клэйтонъ надѣется успѣть, если законъ такъ явно говорить не въ его пользу.

— О, ты еще не знаешь Клэйтона. Онъ мастерски умѣетъ мистифицировать. Главнѣе всего, онъ мистифицируетъ самого себя. А вы замѣтите, если способный даровитый человѣкъ мистифицируетъ самого себя, и вполнѣ предается своимъ убѣжденіямъ, тогда ему ничего не значить убѣдить въ томъ же и другихъ и склонить ихъ на свою сторону. Съ искреннимъ сожалѣніемъ признаюсь тебѣ Джонсъ, что недостатокъ этой способности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я считаю для себя за величайшее несчастіе. Въ необходимыхъ случаяхъ, я умѣю говорить мужественно и патетично; но никакимъ образомъ не могу увлечься своими словами. Я рѣшительно не вѣрю себѣ; а это предосадная вещь. Только тѣ люди и могутъ увлекать другихъ своимъ краснорѣчіемъ, которые одарены способностью вѣровать въ свои слова и приходить отъ нихъ въ безпредѣльный восторгъ. Тотъ же, кто смотритъ на жизнь, какъ смотрю я на нее, то есть, какъ на тяжелую, сухую, скучную дѣйствительность, не въ состояніи произвести впечатлѣніе, какое производятъ люди, подобные Клэйтону.

— Дѣйствительно, Россель, своими словами ты всегда производишь на меня непріятное впечатлѣніе. Повидимому, ты ни во что не вѣришь.

— Напротивъ, сказалъ Россель: — я вѣрю въ таблицу умноженія и въ нѣкоторыя другія вещи подобнаго рода, помѣщенные въ началѣ ариметики; вѣрю также и въ то, что изъ дурнаго не можетъ выйти хорошее. Но что касается до великолѣпныхъ отвлеченностей Клэйтона, я отъ души желаю ему наслаждаться ими. А между тѣмъ, пока онъ говоритъ, я буду ему вѣрить; такъ точно будете и вы, и всѣ другіе, хотя въ сущности вѣрить-то рѣшительно не слѣдуетъ; въ этомъ я убѣждаюсь не ранѣе однакожь, какъ на другое утро при пробужденіи. Крайне жаль, что такими людьми, какъ Клэйтонъ, нельзя замѣнить огромныя пушки. Каждый выстрѣлъ его наносилъ бы смерть и разрушеніе. Еслибъ онъ позволилъ мнѣ зарядить его и стрѣ-

литъ, то онъ и я образовали бы фирму, которая въ непродолжительное время опустошила бы весь край. Да вотъ и онъ на лицо!

— Ало, Клэйтонъ! все ли готово?

— Кажется, все, сказалъ Клэйтонъ: — когда будетъ собраніе?

— Разумѣется, не дальше, какъ сегодня, сказалъ Россель.

Клэйтону, при первой его защитительной рѣчи, суждено было имѣть значительное число лишнихъ слушателей. Дѣло это въ высшей степени интересовало многочисленную фамилію Гордоновъ. Кромѣ того, въ судѣ должны были присутствовать многіе искренніе друзья Клэйтона, его отецъ, мать и сестра, которые, хотя и жили въ различныхъ частяхъ штата, но на этотъ разъ, по случаю визита, находились вблизи города И....

Первый шагъ молодаго человѣка. при вступленіи его на какое либо поприще, первый его опытъ, какъ спускъ корабля на воду, всегда обращаетъ на себя вниманіе и вызываетъ сочувствіе. Во время вышеприведеннаго разговора, отецъ, мать и сестра Клэйтона, вмѣстѣ съ Ниной, сидѣли въ гостиной знакомыхъ своихъ въ И.... и разсуждали о томъ же предметѣ.

— Я полагаю, что онъ выиграетъ это дѣло, сказала Анна Клэйтонъ съ увѣренностью великодушной женщины и любящей сестры. Онъ показывалъ мнѣ проектъ своей защитительной рѣчи, — и, я увѣрена, возраженія на нее невозможны. Батюшка, говорилъ ли онъ вамъ объ этомъ что нибудь?

Судья Клэйтонъ, закинувъ руки назадъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ обычнымъ, задумчивымъ, серьезнымъ видомъ. При вопросѣ Анны, онъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Мой взглядъ на предметы и взглядъ Эдуарда до такой степени различны, что я счелъ за лучшее не приводить его въ заѣмшательство объясненіями по этому дѣлу. По моему мнѣнію, онъ сдѣлалъ весьма неудачный выборъ; лучше, если бы онъ взялъ на себя какое нибудь другое дѣло.

Такъ вы полагаете, что онъ не выиграетъ этого процесса? сказала Анна съ горячностью.

— Конечно, нѣтъ, если дѣло это будетъ поведено по закону, сказалъ судья Клэйтонъ. Съ другой стороны, Эдуардъ обладаетъ такой силой краснорѣчія, и такъ ловко умѣетъ уклониться отъ главнаго предмета, что, быть можетъ, и успѣетъ.

— А развѣ не всѣ дѣла рѣшаются по закону? сказала Анна: — къ чему же, въ такомъ случаѣ, и составлять законы?

— Ты еще весьма неопытна, дитя мое, сказала судья Клэйтонъ.

— Все же, батюшка, доказательство жестокости такъ очевидно, что едва ли кто рѣшится защищать виновнаго.

— Никто, дитя мое, и не будетъ защищать его. Дѣло не въ доказательствѣ жестокости. Тутъ представляется рѣшить простой вопросъ: не преступилъ ли обвиняемый законной власти? По моему убѣжденію — онъ ея не преступилъ.

— Но, батюшка, гдѣ же тутъ справедливость? сказала Анна.

— Я смотрю на этотъ предметъ просто, безъ всякаго преувеличенія, отвѣчалъ судья Клэйтонъ: — по Эдуардъ одаренъ способностью возбуждать чувства; подъ влияніемъ его краснорѣчія дѣло можетъ принять совсѣмъ другой оборотъ, и тогда человѣколюбіе восторжествуетъ въ ущербъ закону.

Клэйтонъ произнесъ защитительную рѣчь и оправдалъ ожиданія своихъ друзей. Его наружность была прекрасна, въ его голосѣ звучала мелодія, его краснорѣчіе производило глубокое впечатлѣніе. Благородство его выраженій, искреннее убѣжденіе въ свои доводы, придавали таинственную силу всему, что онъ говорилъ. Онъ началъ изложеніемъ постановленій о зависимости одного сословія отъ другаго, о правилахъ, которыми должно руководствоваться въ этомъ случаѣ, и доказалъ, что, если власть должна служить необходимымъ условіемъ для водворенія порядка въ обществѣ, то разумъ и здравый смыслъ должны опредѣлять этой власти извѣстныя границы. Законъ даетъ родителямъ, опекунамъ и хозяевамъ право вынуждать повиновеніе посредствомъ наказанія; но такое дозволеніе имѣетъ мѣсто въ томъ только случаѣ, когда увѣщаніе не производитъ надлежащаго дѣйствія. Желаніе добра своему ближнему должно служить основаніемъ этого права; но когда наказаніе наносится безъ причины, по одному произволу, и притомъ такъ жестоко, что самая жизнь наказуемаго подвергается опасности, основаніе это становится нарушеннымъ. Самый воступокъ дѣлается противозаконнымъ и на столько же незаслуживающимъ законной защиты, на сколько несовѣстнымъ съ понятіемъ о челоѣчествѣ и справедливости. Клэйтонъ старался доказать неопровержимыми доводами, что дѣло, защиту котораго онъ принялъ на себя, содержало въ себѣ именно эти свойства.

При допросѣ свидѣтелей, Клэйтонъ показалъ величайшее спокойствіе и проницательность; а такъ какъ впечатлѣніе, съ

снѣтъ началъ произведенное на все собраніе, кланялось къ тому, чтобы поддержать его, то нѣтъ ничего удивительнаго, что его доводы съ каждымъ словомъ пріобрѣтали большую и большую силу. Сидѣтели единодушно подтвердили безукоризненность поведенія Милли и безчеловѣчное съ ней обращеніе.

Въ заключеніе, Клейтонъ торжественнымъ тономъ обратился къ присяжнымъ съ замѣчаніями о обязанности тѣхъ, которыми взярено попеченіе о беззащитныхъ.

— Негры, говорилъ онъ: — переносили и переносятъ самыя жестокія страданія. Исторія ихъ представляетъ собою нескончаемый рядъ несправедливостей и жестокостей, прискорбныхъ для человѣка съ благородной душой. Мы, которые въ настоящее время поддерживаемъ состояніе невольничества, принимаемъ изъ рукъ нашихъ отцовъ страшное наслѣдіе. Безотвѣтственная власть, въ своемъ родѣ, есть самое тяжелое испытаніе для человѣчества. Если мы не охраняемъ строго нашей нравственной чистоты въ примѣненіи этой власти, мы должны обратиться въ деспотовъ и тирановъ. Ничто не можетъ оправдывать насъ въ поддержаніи атого невольничества даже на часъ, если мы не обращаемъ его въ предметъ на нихъ попеченій, если мы, при нашемъ превосходномъ умѣ и сильномъ влияніи, не дѣлаемся защитниками и покровителями ихъ простосердечія и слабости. На насъ устремлены взоры всего міра. Не соблюдая этого условія, мы, по всей справедливости, заслуживаемъ всеобщее порицаніе. Покажемъ же поэтому, съ помощію того духа, въ которомъ мы учреждаемъ наши узаконенія, съ помощію того безпристрастія, съ которыми мы защищаемъ права негровъ, что владѣтель слабого, безпомощнаго негра есть его лучший и истинный другъ.

Очевидно было, что Клейтонъ увлекъ за собою всю аудіенцію. Адвокатъ, со стороны Баркера, чувствовалъ себя въ стѣснительномъ положеніи. Тамъ, гдѣ дѣло касается защиты явнаго тиранства и жестокости, краснорѣчіе становится безсильнымъ. Къ тому же слова человѣка, который не только не видитъ основанія въ своихъ доводахъ, но и чувствуетъ всю силу убѣжденій своего противника, ни подъ какимъ видомъ не въ состояніи произвесть глубокое впечатлѣніе. Словомъ, результатъ былъ таковъ, что судья предложилъ присяжнымъ промолчать приговоръ, если наказаніе, по мнѣнію ихъ, было несоразмѣрно и жестоко. Присяжные, послѣ кратковременнаго совѣщанія, едино-

душно признали Барнера инстинкты, и таковы образцы пороча защитительная речь Клейтона увенчалась полнымъ успѣхомъ.

Женщины болѣе всего гордятся своимъ любовникомъ именно въ то время, когда видятъ въ немъ торжествующаго и роднаго оратора. Когда кончилось судебное слѣдствіе, Нана съ приниженнымъ на щекахъ и самодовольной улыбкой, стояла въ кругу дамъ, которыя одна за другой поздравляли ее съ успѣхомъ Клейтона.

— Понимаешь, понимаешь, сказалъ Франкъ Россель: откуда истекаетъ эта магическая сила. Рыцарь всегда остается побѣдителемъ, когда на него обращены взоры обожаемаго имъ предмета! — Миссъ Гордонъ подтверждаетъ наши догадки! — Она, такъ сказать вытянула всю силу изъ противника Клейтона какъ магнитная гора, вытягиваетъ гвозди изъ шатающагося корабля.

— Я радъ, сказалъ судья Клейтонъ, женѣ своей, возвращаясь домой, я очень радъ, что речь Клейтона увенчалась успѣхомъ. До этой поры я боялся, что онъ никогда не будетъ ни въ какомъ отношеніи къ своей профессіи. Впрочемъ, и то сказать, въ нашей профессіи есть многое, что весьма естественно должно возмущать чужезѣмца съ наклонностію видѣть во всемъ только хорошую сторону.

— Онъ, однако же, оставилъ о себѣ хорошее мнѣніе, сказала мистриссъ Клейтонъ.

— И слава Богу, — отвѣчалъ судья. Конечно; съ моей стороны было бы весьма жестоко, если бы я вздумалъ разбить въ прахъ всѣ его доводы, хотя для меня это не стоило бы никакого труда.

— Ради Бога, не говори ему объ этомъ, — боязливый тономъ сказала мистриссъ Клейтонъ. Предоставь ему удовольствіе насладиться первымъ своимъ успѣхомъ.

— Разумѣется. Эдуардъ добрый малый, и я надѣюсь, что черезъ нѣсколько времени онъ отлично пойдетъ въ этой управѣ.

Между тѣмъ, Франкъ Россель и Вилль Джонсъ шли вѣдѣ совершенно по другому направленію.

— Ну что! не моя правда? сказалъ Россель.

— Правда, правда! Клейтонъ говорилъ увлекательно, сказалъ Джонсъ.

— Кто говоритъ противъ этого? Я никогда не сомнѣвался въ способности Клейтона убѣждать другихъ. Онъ умѣетъ сози-

дать великолѣпные доводы, единственный недостатокъ которыхъ заключается только въ ихъ неосновательности. Баркеръ выходитъ изъ себя. Онъ клянется, что возьметъ это дѣло на апелляцію. Но это ничего не значитъ. Клэйтонъ восторжествуетъ, какъ и сегодня. Теперь очевидно, что онъ проснулся. — Не беспокойтесь, онъ столько же не чуждъ небольшой популярности, сколько вы и я; — его только стоитъ разшевелить, и, повѣрьте изъ него выйдетъ отличнѣйшій адвокатъ. — А скажите, обратили ли вы вниманіе на миссъ Гордонъ, во время рѣчи Клэйтонна? — Нѣтъ? ну, такъ я вамъ скажу, она до такой степени была очаровательна, что я охотно бы заступилъ мѣсто Клэйтона.

— Это не та ли хорошенькая, маленькая кокетка, о которой я слышалъ въ Нью-Йоркѣ.

— Та самая.

— Какимъ же это образомъ она полюбила его?

— Почему я знаю? — Какъ тюльпанъ, она исполнена самыхъ разнообразныхъ, очаровательныхъ отгѣнковъ; однимъ изъ этихъ отгѣнковъ только и можно объяснить ея расположеніе къ Клэйтону. Замѣтилъ ли ты ее, Вилль? — съ одной стороны спускается шарфъ, съ другой выются локоны, ленты и воаль, какъ легкіе флаги на мачтѣ хорошенькой лхты! И потомъ, ея глаза! — Она вся проникнута жизнью. Она напоминаетъ собою душистый шиповникъ, усыпанный цвѣтами, каплями росы и вмѣстѣ съ тѣмъ острыми шипами. — О! она должна разбудить его, и разбудить!

ГЛАВА XXVII.

РОЩА МАНЬОЛІЙ.

Судья Клэйтонъ не ошибся въ предположеніи, что сынъ его съ особеннымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на исходъ защищаемого имъ процесса. — Мы уже сказали что Клэйтонъ не имѣлъ расположенія вступить на юридическое поприще. Уваженіе къ чувствамъ отца принудило его рѣшиться по крайнен мѣрѣ на попытку. Настроеніе его души всего болѣе влекло его къ занятіямъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло человеколюбіе. Онъ съ радостію готовъ былъ удалиться на свою плантацію и тамъ, съ помощію сестры, посвятить себя исключительно воспи-

ташю негровъ. Но въ то же время, соображаясь съ желаніемъ своего отца, онъ чувствовалъ, что не могъ этого сдѣлать, не сдѣлавъ серьезной попытки на избранномъ поприщѣ и не доказавъ своихъ способностей. Послѣ описаннаго нами судебнаго слѣдствія, Клэйтонъ занялся своимъ дѣломъ, и Анна упросила Нину отпавиться съ ней на нѣсколько недѣль въ Рошу Маньолій, куда послѣдуемъ за ними и мы. Читатели наши, безъ всякаго сомнѣнія, не станутъ пенять, если мы перенесемъ ихъ на отбѣненную сторону балкона, на плантацію Клэйтона, называемую рошей Маньолій. — Плантація эта получила свое названіе отъ группы этихъ прекрасныхъ растений, въ центрѣ которыхъ находился господскій домъ. Это былъ длинный, невысокій коттеджъ, окруженный глубокими крытыми галлереями, затканными той густой зеленью, которая такъ роскошна въ южныхъ широтахъ. Рядъ комнатъ, выходившихъ на галерею, гдѣ сидѣла Анна и Нина, представлялъ собою что-то мрачное; но чрезъ отворенныя двери видѣлось внутри ихъ много живописнаго. Бѣлые, покрытые коврами полы, легкая мебель изъ бамбука, кушетки покрытыя лоснящимся бѣлымъ полотномъ и большія вазы съ розами, разставленные въ мѣстахъ, гдѣ свѣтъ всего выгоднѣе падалъ на нихъ, представляли глазу на отдаленномъ планѣ успокоительные предметы и манили къ себѣ, обѣщая прохладу. Миссъ Анна и миссъ Нина сидѣли за завтракомъ чрезвычайно рано, такъ что солнце не успѣло еще осушить тяжелой росы, придававшей необыкновенную свѣжесть утреннему воздуху. На небольшомъ столѣ между ними, въ хрустальныхъ вазахъ и възелени различныхъ листьевъ, тонули отборныя плоды, — стоялъ фарфоровый кувшинъ съ холодными сливками, подносъ съ чашками и серебрянымъ кофейникомъ, изъ котораго по всей комнатѣ разливалось благоуханіе кофе. Не было тутъ недостатка въ тѣхъ сдобныхъ и вкусныхъ сухаряхъ и булкахъ, которыми каждая стряпуха въ Южныхъ Штатахъ такъ справедливо гордится. Не можемъ также умолчать о вазѣ съ тысячами розами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, ежедневно подбиравъ которыя служило неизъяснимымъ удовольствіемъ для маленькой мулатки Леттисъ, находившейся при особѣ миссъ Анны, въ качествѣ горничной. Анна Клэйтонъ, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, съ чистымъ и здоровымъ румянцемъ, прекрасными зубами и привлекательной, вызывающей на откровенность улыбкой, казалась среди этого убранства царицей махровыхъ

розъ. — И дѣйствительно, обладая самою сильной властью, осознаніемъ которой служила любовь, она была царичей на своей плантаціи. Африканское племя отъ природы одарено нѣмыми чувствами и склонностью привязываться къ другимъ всею душою. Множество недостатковъ, свойственныхъ однимъ только дѣтямъ, сливается у него съ множествомъ прекрасныхъ качествъ, отличительную черту которыхъ составляютъ простосердіе и довѣрчивость. Безпредѣльная привязанность и преданность къ миссъ Аннѣ проглядывала во всемъ, что ее окружало. Анна пребыла одинъ только день, и уже свободно читала въ глазахъ каждаго существа, принадлежащаго къ плантаціи Роцца Маньолій, до какой степени всѣ они были привязаны къ миссъ Аннѣ; въ этомъ чувствѣ какъ будто сосредоточивалось все ихъ счастье.

— Какой очаровательный запахъ отъ этихъ маньолій, сказала Анна: — отъ души благодарю васъ, Анна, что вы разбудили меня такъ рано.

— Да, сказала Анна: — кто намѣренъ истинно и положительно наслаждаться жизнью, для того раннее пробужденіе должно служить необходимымъ условіемъ; я принадлежу къ разряду людей, которые любятъ положительные удовольствія. Я не могу усвоить себѣ снокойствія, истекающаго изъ безпечности, нѣси и склонности проводить время въ однихъ лишь мечтаніяхъ; нѣтъ! Я хочу сознавать свое существованіе, хочу дѣйствовать въ опредѣленной мнѣ сферѣ и совершать что нибудь дѣльное на пользу общую.

— Вижу, вижу, сказала Анна: — вы не то, что я; вы хозяйка настоящая, а я хозяйка только по имени. Какимъ дивнымъ искусствомъ обладаете вы въ этомъ отношеніи! Неужели вы ничего не запраете?

— Никогда и ничего, отвѣчала Анна: — благодаря Бога, я не знаю употребленія ключей! Когда я впервые пріѣхала сюда, мнѣ всѣ говорили, что въ высшей степени безразсудно предаваться подобной довѣрчивости; но я сказала, что рѣшилась на это, и Эдуардъ поддерживалъ меня: до какой степени успѣла я въ этомъ, вы можете судить сами.

— Должно быть, у васъ есть магическая сила, сказала Анна: — я никогда еще не видала такой гармоніи во всемъ хозяйствѣ. Всѣ ваши слуги, повидимому, принимаютъ живое участіе во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ. Скажите, пожалуйста, какъ вы приступили къ этому? Что вы дѣлали?

— Очень просто, отвечала Анна: — я расскажу вамъ всю исторію этой плантаціи. Во-первыхъ, она принадлежала дяди моей мама, человеку беззаботному, безпорядочному. Онъ велъ жизнь ленивца, и потому бѣдныя созданія, которыя находились въ его распоряженіи, держали себя хуже его. Онъ жилъ съ квартальной, безразличной женщиной и, въ минуты гнѣва, буйной и жестокой до звѣрства. Его слуги постоянно шантажировали или крайнее погубство, или крайнюю жестокость. Вы не можете представить себѣ, въ какомъ положеніи мы находились. Мое сердце обливалось кровью; но Эдуардъ сказалъ: «не унывай, Анна! постарайся воспользоваться хорошими качествами, которыя уцѣлѣли въ нихъ». — Признаюсь, передо мной повторилась тоже самое, чему я была свидѣтельницей на одномъ водолечебномъ заведеніи. Для гонимыхъ, бѣдныхъ, полуживыхъ пациентовъ, которые являлись туда, казалось, достаточно было капли холодной воды, чтобъ окончательно убить ихъ; а между тѣмъ, въ этой влагѣ была жизненная сила, производившая въ организмъ ихъ благотворную реакцію. Тоже самое, говорю я, было и съ моими слугами. Я собрала ихъ и сказала: «Послушайте, всѣ говорятъ, что вы величайшіе воры въ мірѣ, что отъ васъ все нужно заперать. Но я о васъ совсѣтъ другое мнѣніе. У меня есть расположеніе думать, что на васъ можно положиться. Я говорила знакомымъ моимъ, что они еще не знаютъ, какъ много скрывается въ васъ прекрасныхъ качествъ; и чтобъ доказать имъ справедливость моихъ словъ, я рѣшилась не запираеть ни шкафовъ, ни дверей, и не слѣдить за вашими поступками. Вы можете таскать мои вещи, если хотите; но, спустя нѣсколько времени, когда увижу, что на васъ нельзя положиться, я буду обращаться съ вами по прежнему.» Какъ вы думаете, душа моя, я даже не вѣрила себѣ, чтобы эта мѣра такъ превосходно оправдала мои ожиданія. Надо вамъ сказать, что африканское племя болѣе, чѣмъ всякое другое, умѣетъ дорожить довѣреніемъ; болѣе другихъ любить поддерживать о себѣ хорошее мнѣніе. Послѣ маленькой рѣчи, которую сказала я, въ домѣ нашемъ все измѣнилось; бѣдныя созданія, сдѣлавъ открытіе, что имъ до-вѣряютъ, всѣми силами старались удержать за собой это довѣріе. Старые слѣдили за малыми; такъ, что я почти ни о чемъ не заботилась. Одни только ребятинки беспокоили меня, забравшись въ чуланы и воруя пережитое, не смотря на строгія наставленія со стороны матерей. Чтобъ испорчить и этотъ порокъ, я собра-

ли запретъ во второй разъ и сказала, что позволеніе нѣтъ оправдало мои предположенія; что я убѣждена въ ихъ честности, и что мои знакомыя не могутъ надѣяться, слушая мои похвальные отзывы; въ заключеніе всего, я поставила нѣтъ на видѣ, что одна только ребятинка въ промежъ до времени воруютъ у меня пирошки. «Знайте же, сказала я: — я не противъ вашего желанія нѣтъ что нибудь изъ моего дома. Если кто нибудь изъ насъ захочетъ получить кусокъ пирога, то я весьма охотно доставлю это удовольствіе; мнѣ непріятно только, зачѣмъ, веруя лакомства, пертять кушанье въ моихъ чуланахъ. Съ этого дня я буду выставлять вѣдьма блюдо парожнаго; кто захочетъ лакомиться, тому стоитъ только прийти и взять, что ему нравится.» И что же? Блюдо съ пирожнымъ стояло и сохло. Вы не повѣрите, а между тѣмъ, я должна вамъ сказать, что до этого блюда никто не дотронулся.

— Я бы не повѣрила, сказала Нина: — еслибъ здѣсь былъ нашъ Тонтигъ. Какъ хотите, а этого нельзя ожидать даже отъ дѣтей бѣлыхъ.

— Ахъ, душа моя,—для бѣлыхъ дѣтей не въ диковинку, если о нихъ отзываются съ хорошей стороны. Для дѣтей же негровъ это въ своемъ родѣ удовольствіе, которое, по своей новизнѣ, становится еще болѣе привлекательнымъ.

— Это такъ, сказала Нина. Я вполне сознаю справедливость вашихъ словъ. Со мной, я знаю, было бы тоже самое. Довѣріе много значить. Я становлюсь рабой того, кто довѣряетъ мнѣ.

— Несмотря на то, сказала Анна: — многіе изъ моихъ знакомыхъ этому не вѣрятъ. Они видятъ успѣхи въ преобразованіи моихъ людей и приписываютъ ихъ или магической силѣ, или особенному искусству, которымъ я обладаю.

— Дѣйствительно, это такъ, сказала Нина. Подобныя вещи могутъ совершаться только съ помощію волшебнаго жезла, и притомъ въ рукахъ такой благоразумной, великодушной и любящей женщины, какъ вы, Анна. Скажите, успѣли ли вы распространить свою систему по всей плантаціи?

— Съ рабочими неграми труднѣе было справиться, хотя наклонности въ нихъ были тѣже самыя. Эдуардъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобъ пробудить въ нихъ самоуваженіе. Я посоветовала ему, чтобы до построенія хижинъ образовать между не-

границы необходимы привычки, чтобы было, что они не могли еще оценивать чистоту и порядок. Разумеется не только, отвечал Эдвард: но мы должны постепенно приучить нас к тому, — и следъ за этимъ былъ отданъ приказаніе выстроить рядъ хорошеенькихъ домиковъ, которые вы видите. Они учредили огромную купальню, но сначала не прибѣгали къ строгимъ играмъ, чтобы ее непременно посѣщали въ опредѣленные праздничныя времена. Тѣ, которые начали первыми, были поспешны: и вскорѣ всѣ игры послѣдовали ихъ примѣру, видя въ этомъ вѣрное средство войти въ милость господъ. Конечно, много требовалось времени, чтобы приучить ихъ къ всегдашнему порядку и частотѣ, даже и послѣ перваго исцѣленія, которое пробудилось въ нихъ; впрочемъ, надобно это сказать: легче полюбить чистоту и порядокъ, чѣмъ усвоить ушіе ихъ поддерживать во всякомъ случаѣ, дѣло преобразования подвигалось впередъ довольно успѣшно. Нерѣдко какое нибудь распоряженіе Эдварда служило поводомъ ко многимъ сѣмьимъ ссѣнамъ. Онъ учредилъ между ними родъ суда; постановилъ нѣкоторые правила для сохраненія порядка и благоустройства на плантаціи: въ случаѣ обидъ или преступленій виновный судился судьями изъ среды своей собратіи. Мистеръ Смитъ, нашъ агентъ, говоритъ, что во время судебныхъ собраній, весьма часто сопровождаемыхъ уморительными сценами, судьи обнаруживали провинциальность издравый смыслъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и наклонность къ жестокости. Удивляться тутъ нечему; жестокое обхожденіе съ этими несчастными созданіями обратило ихъ въ людей грубыхъ и суровыхъ. Увѣряю, васъ Анна, я никогда такъ не благоговѣла предъ премудростью Бога, которая столь очевидна въ законахъ, дарованныхъ Израилѣтянамъ во время ихъ странствованія въ пустынь, какъ благоговѣю теперь, когда взяла на себя трудъ вывести изъ варварства толпу невольниковъ. Я рассказываю вамъ только лучшую сторону исторіи. Я не хочу пересчитывать тысячи затрудненій и испытаній, которыя встрѣчали мы на каждомъ шагѣ. Иногда я совершенно теряла и силы, и надежду. Мнѣ часто приходитъ на мысль, что миссіонеры принесутъ гораздо больше пользы, если станутъ дѣйствовать подобнымъ образомъ.

— А какъ говорить объ этомъ ваши сосѣди? спросила Анна.

— Ничего; сказала Анна. Всѣ они люди добрые, благосос-

низинное, съ которыми мы ведемъ знакомство; а такіе люди, бывъ совѣтливы, никогда не подумаютъ выѣхаться въ чужія дѣла, а выразить слишкомъ открито свое неудовольствіе. Но все же я замѣтила, что они смотрѣли на насъ недоувѣрчиво. Я замѣтила это изъ словъ, которыя, отъ времени до времени, долетали до нашего слуха. Этотъ родъ преобразованія удобопонятенъ не всѣмъ, потому собственно, что въ немъ бросается въ глаза существенная выгода. Доходы съ плантаціи едва покрываютъ расходы на нее; но Эдуардъ считаетъ это дѣломъ второстепеннымъ. Главный поводъ къ возбужденію ропота заключается въ томъ обстоятельстве, что мы учимъ негровъ грамотѣ. Напимать учителя, я полагаю, послужило бы явнымъ желаніемъ съ нашей стороны дѣйствовать наперекоръ другимъ плантаторамъ, и потому дѣтей я ежедневно, по два часа, учу сама. Мистеръ Смитъ занимается съ взрослыми, которые желаютъ учиться. Каждый негръ, окончивъ работу, имѣетъ полное право располагать двумя-тремя часами, по своему произволу; большая часть изъ нихъ посвящаютъ это время ученію. Нѣкоторые изъ мужчинъ и женщинъ уже прекрасно читаютъ, и Клэйтонъ постоянно присылаетъ имъ книги. Въ этомъ-то и заключается причина неудовольствія со стороны сосѣдей. Хотя распространеніе грамотности между неграми и воспрещается закономъ, но мы рѣшились отступить отъ него, разумѣется, до извѣстной степени. На нашихъ слугъ со всѣхъ сторонъ являются съ жалобами, что они не имѣютъ покорнаго, раболѣпнаго вида, которымъ обыкновенно отличаются невольники; а напротивъ того—смотреть, говорить и дѣйствовать, какъ люди, сознающіе въ себѣ достоинство. Правда, иногда я думаю, что они могутъ надѣлать намъ много хлопотъ, но утѣшаю себя тѣмъ, что все это дѣлается къ лучшему.

— Чѣмъ же все это кончится, по мнѣнію мистера Клэйтона? спросила Нина.

— Мнѣ кажется Эдуардъ держится той идеи, что со временемъ всѣ негры могутъ освободиться, какъ это сдѣлано съ невольниками въ Англіи. Откровенно сказать, для меня это кажется дѣломъ несбыточнымъ; но Эдуардъ увѣряетъ, что стоитъ только подать добрый примѣръ, и многіе ему послѣдуютъ. Эдуардъ воображаетъ, что всѣ его сосѣди одного съ нимъ направленія; но въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. Число людей, которые рѣшатся послѣдовать такимъ безкорыстнымъ по-

бужденіи, по своему расчету, весьма ограниченно. Но не так идет? навѣрное, мой неизвѣданный, поклонникъ, мистеръ Брадш!

При этихъ словахъ, у подъѣзда, выходящаго изъ задней фасады, остановился джентльменъ среднихъ лѣтъ. Онъ слѣзъ съ коня, передалъ его слугѣ, и, поднявшись на балконъ, предложилъ Аннѣ букетъ изъ разноцвѣтныхъ розъ, который во всю дорогу держалъ въ рукѣ.

— Позвольте представить вамъ первые цвѣты изъ сада, который я развелъ въ Роздэлѣ.

— Какая прелесть! сказала Анна, принимая букетъ. Позвольте и мнѣ въ свою очередь представить вамъ миссъ Гордонъ.

— Миссъ Гордонъ, вашъ покорнѣйшій слуга, сказалъ мистеръ Брадшо, почтительно кланаясь.

— Вы подъѣхали во-время, сказала Анна. Я увидала, что вы еще не завтракали; не угодно ли присѣсть и что нибудь скушать?

— Благодарю васъ, миссъ Анна, предложеніе слишкомъ соблазнительно, чтобъ не принять его.

И мистеръ Брадшо сдѣлался третьимъ и любезнымъ членомъ за маленькимъ столикомъ.

— Ну что, миссъ Анна, есть ли успѣхи въ вашихъ предпріятіяхъ? вознаграждаются ли хотя сколько нибудь ваши ~~ваша~~ благадѣнія и попеченія? не изнуряютъ ли васъ хлопоты?

— Нисколько, мистеръ Брадшо; развѣ вы замѣчаете во мнѣ перемену?

— О, нѣтъ! я говорю это потому, что насъ всѣхъ изумляетъ ваша энергія.

Проницательный взоръ Нины замѣтилъ въ мистерѣ Брадшо озабоченный видъ человека, которому сдѣлано какое-то важное порученіе, и который неожиданно, въ присутствіи третьяго, незнакомаго лица, находитъ себя поставленнымъ въ стѣснительное положеніе. Поэтому, послѣ завтрака, воскликнувъ, что забыла въ своей комнатѣ тамбурную иглу, и не позволяя Аннѣ послать за ней служанку, Нина удалилась.

Мистеръ Брадшо былъ домашнимъ человекомъ въ семействѣ Клэйтона, и находился съ миссъ Анной въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ, которыя предоставляли ему полную свободу говорить съ ней свободно. Лишь только дверь гостиной затворилась за Ниной, какъ мистеръ Брадшо придвинулъ стулъ Аннѣ.

и сѣлъ на него съ откровеннымъ намереніемъ начать серьезный и откровенный разговоръ.

— Миссъ Клэйтонъ! сказалъ онъ: — надѣюсь, что наша продолжительная дружба дастъ мнѣ право говорить съ вами о предметахъ, которые главнѣйшимъ образомъ касаются васъ. На дняхъ я обѣдалъ у полковника Грандона въ кругу его близкихъ знакомыхъ. Тамъ были Говарды, Эллиоты, Гоулэнды и другіе, которыхъ вы знаете. Между прочимъ, въ общемъ разговорѣ коснулись и вашего брата. Всѣ отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ; хвалили образъ его дѣйствій, но выѣстъ съ тѣмъ утверждали, что онъ идетъ по весьма опасной дорогѣ.

— Опасной! воскликнула Анна, нѣсколько изумленная.

— Да, дѣйствительно опасной; я убѣжденъ въ этомъ самъ, хотя и не такъ сильно, какъ другіе.

— Неужели? сказала Анна: — гдѣ же эта опасность? пожалуйста, укажите на нее!

— Милая миссъ Анна, она заключается въ вашихъ преобразованіяхъ. Сдѣлайте одолженіе, поймите меня! Дѣйствія ваши сами по себѣ превосходны, удивительны, начала ихъ очаровательны; но они опасны, въ высшей степени опасны.

Торжественный, таинственный тонъ, которымъ произнесены были послѣднія слова, заставилъ Анну разсмѣяться; но увидѣвъ на лицѣ своего добраго друга выраженіе искренняго участія, она приняла серьезный видъ и сказала.

— Пожалуйста, мистеръ Брадшо, объяснитесь. Я не понимаю васъ.

— Да, миссъ Анна, именно въ этомъ заключается опасность. Мы цѣнимъ высоко вашу гуманность, ваше самоотверженіе и вашу величайшую снисходительность къ неграмъ. Всѣ соглашались, что это превосходно. Вы служите для всѣхъ насъ примѣромъ. Но знаете ли вы, продолжалъ мистеръ Брадшо, понизивъ голосъ: — какое опасное орудіе даете вы въ руки негровъ, рѣшившись научить ихъ читать и писать? Образование распространится на другія плантаціи, и распространится весьма быстро. Послѣдствія отъ этого могутъ быть ужасны. Сколько уже было примѣровъ, что негры, получившіе нѣкоторое образованіе, становились людьми весьма опасными.

— Не знаю, какую вы видите опасность, если ваши негры

получать скроенное, шитое итѣ бѣгу, образованіе? спросила Анна.

— Какую? сказалъ мистеръ Брадшо, еще болѣе понизивъ голосъ. Подумайте, миссъ Анна. Да вы предоставите имъ самыя легкія средства къ заговорамъ и возмущеніямъ! Я расскажу вамъ анекдотъ объ одномъ человѣкѣ. Онъ сдѣлалъ пробковую ногу такъ искусно, что когда подвязалъ ее, то не могъ остановить ея движенія: эта нога, такъ сказать, уходила его до смерти! Она увлекала его на гору, стремглавъ заставляла спускаться съ горы, такъ что несчастный упалъ отъ изнеможенія, и тогда нога повлекла за собою его тѣло. Говорять, ино сіе время она рыскаеть по бѣлому свѣту съ его скелетомъ.

И добродушному мистеру Брадшо идея эта до такой степени показалась смѣшною, что онъ откинулся къ спинкѣ кресла, захохоталъ отъ чистаго сердца, и батистовымъ платкомъ отеръ потъ, выступившій на лицо.

— Дѣйствительно, мистеръ Брадшо, это пресмѣшной анекдотъ, но я не вижу въ немъ аналогіи, сказала Анна.

— Не видите? Извольте я вамъ разъясню. Вы начинаете учить негровъ; выучившись читать и писать, негры откроютъ глаза, станутъ смотрѣть на всѣ стороны и мыслить по своему; образовавъ свои понятія, они не захотятъ обращать вниманія на ваши; они будутъ всѣмъ недовольны, какъ бы хорошо съ ними ни обходились. Мы, жители Южной Каролины, испытали это на дѣлѣ. Какъ вамъ угодно, а мы посмотримъ на подобное преобразование не иначе, какъ съ ужасомъ. Я вамъ скажу, что всѣ главныя лица въ извѣстномъ вамъ заговорѣ, были люди, которые умѣли читать и писать, и съ которыми обходились какъ нельзя лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Этотъ фактъ можно назвать самымъ печальнымъ, самымъ темнымъ оттѣнкомъ въ человѣческой натурѣ. Онъ доказываетъ, что на негровъ ни подъ какимъ видомъ нельзя полагаться. Чтобъ жить съ ними въ ладу, по моему мнѣнію, нужно сдѣлать ихъ счастливыми, то есть, доставить имъ возможность пить и ѣсть въ изобиліи, доставить имъ необходимую одежду, не лишать ихъ нѣкоторыхъ любимыхъ ими удовольствій, и не обременять работой. Мнѣ кажется, лучше этой инструкціи не можетъ и быть. Позвольте, сказалъ мистеръ Брадшо, замѣтивъ, что Анна хочетъ прервать его: — религиозное воспитаніе — совсѣмъ иное дѣло. Изученіе гимновъ

и пореченій. священнаго Писанія всего болѣе соотвѣтствуютъ исключительности ихъ мѣстоженія; оно не можетъ имѣть опасныхъ послѣдствій. Надѣюсь, вы назовете мнѣ, миссъ Анна, если я скажу, что джентльмены думаютъ объ этомъ предметѣ чрезвычайно серьезно; они полагаютъ, что вадъ примѣръ будетъ имѣть весьма дурное вліяніе на ихъ собственныхъ негровъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что въ здѣшнихъ краяхъ все, и дурное и хорошее, быстро сообщается отъ одной плантаціи къ другой. Одинъ изъ пріятелей полковника говорилъ, что у него есть чрезвычайно смысленный негръ, недавно женившійся на негритянкѣ съ вашей плантаціи, и что на дняхъ онъ увидѣлъ его лежащимъ подъ деревомъ, съ азбукой въ рукѣ. Если бы онъ увидѣлъ у этого человѣка вмѣсто азбуки винтовку, говорилъ этотъ джентльменъ, то нисколько бы этому не удивился. Этотъ негръ принадлежалъ къ числу тѣхъ предприимчивыхъ, рѣшительныхъ людей, которые, зная грамотѣ, въ состояніи надѣлать и Богъ знаетъ что! Джентльменъ взялъ азбуку и сказалъ, что если еще разъ увидятъ его за подобнымъ занятіемъ, то примѣрнымъ образомъ накажетъ. Вы спросите, что же изъ этого слѣдуетъ? А вотъ что! негръ началъ хмуриться, выражать свою злобу, и его нужно было продать. Вотъ къ чему ведутъ подобныя вещи.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Анна, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — я строго воспрещу моимъ неграмъ передавать азбуки въ другія руки, а тѣмъ болѣе на чужія плантаціи.

— О, миссъ Анна! это—вещь невозможная. Вы еще не знаете стремленія въ человѣческой натурѣ ко всему запрещенному. А еще невозможно подавить въ человѣкѣ любовь къ познанію. Такой опытъ вамъ не удастся. Это все равно, что огонь. Ему стоитъ только разгорѣться, и онъ обхватитъ всѣ плантаціи: по-вѣрьте, миссъ Анна, для насъ это дѣло жизни и смерти. Вы улыбаетесь; но я говорю вамъ истину.

— Очень жаль, мистеръ Брадшо, что я возбуждаю опасенія въ нашихъ сосѣдяхъ, но....

— Еще одно слово, миссъ Анна, и я кончу этотъ непріятный разговоръ. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что учить негровъ грамотѣ считается у насъ преступленіемъ, за которое закономъ назначено строгое наказаніе.

— Въ этомъ отношеніи я держусь того мнѣнія, отвѣчала Анна:—что такіе варварскіе законы въ образованномъ обществѣ,

какъ наше, должны оставаться мертвыми висюнами, и что лучшая дань, которую я могу принести на пользу общую, должна заключаться въ практическомъ отъ нихъ отступленіи.

— О нѣтъ, миссъ Анна! допустить это невозможно ни подъ какимъ видомъ! Вы только посмотрите на насъ, жителей Южной Каролины. У насъ три негра приходится на одного бѣлаго. Скажите, хорошо ли будетъ, если предоставить имъ выгоды воспитанія и съ тѣмъ вмѣстѣ возможность принимать участіе въ дѣлахъ общественныхъ? Вы видите съразу, что изъ этого ничего не можетъ быть хорошаго. Разумѣется, благовоспитанные люди ни за что не согласятся вмѣшиваться въ чужія дѣла; еслибъ вы еще учили грамотѣ нѣкоторыхъ своихъ фаворитовъ, и то тайнымъ образомъ, какъ это дѣлаютъ многіе, тогда бы еще ничего; но учить цѣлую общину и учреждать для нихъ школы.... посмотрите, миссъ Анна, что все это кончится большими непріятностями.

— Ну да, конечно, сказала Анна, вставая и слегка покраснѣвъ: — меня посадятъ, вѣроятно, въ исправительный домъ за преступленіе, сущность котораго будетъ состоять въ моемъ желаніи научить дѣтей грамотѣ! Послушайте, мистеръ Брадшо, кажется, пора бы измѣнить такіа постановленія. И не есть ли это единственное средство, съ помощію котораго отмѣнялись многіе законы? общество переживаетъ ихъ, народъ теряетъ къ нимъ уваженіе, и они падаютъ сами собою, какъ увядшіе лепестки на нѣкоторыхъ изъ моихъ цвѣтовъ. Не угодно ли вамъ прогуляться со мной въ школу. Мнѣ время идти на урокъ, сказала Анна, начиная спускаться съ балкона:—не посмотрѣвъ на предметъ, вы не можете, мой добрый другъ, судить о немъ непорочно. Впрочемъ, подождите секунду: я возьму съ собой и миссъ Гордонъ.

Сказавъ это, Анна удалилась въ тѣпистую комнату и черезъ нѣсколько минутъ, вмѣстѣ съ Ниной, появилась на балконѣ. Они направились вправо отъ дома, къ группѣ чистенькихъ домиковъ, при каждомъ изъ которыхъ находился небольшой огородъ и, передъ лицевымъ фасадомъ, нѣсколько цвѣточныхъ куртинъ. Въ рошѣ маньолій, окружавшей строеніе почти со всѣхъ сторонъ, они очутились передъ небольшимъ зданіемъ, имѣвшимъ видъ греческаго храма. колонны котораго увиты были жасминомъ.

— Сказжите, пожалуйста, что это за здание — такое прекрасное, спросила мистера Брадшо.

— Это моя школа, отвечала Анна.

Мистер Брадшо из удивленія хотѣлъ было сдѣлать протяжный свистокъ, но удержался; — впрочемъ изумленіе довольно ясно выражалось на его лицѣ. Анна замѣтила это и засмѣялась.

— Школа, устроенная мною, должна имѣть изящную наружность сказала она. Я хочу внушить моимъ дѣтямъ понятія о вкусѣ и сознаніе своего достоинства. Я хочу, чтобъ мысль объ ученіи была нераздѣльна съ идеею объ изящномъ и прекрасномъ.

Всѣ трое поднялись по ступенькамъ и вошли въ обширную комнату, окруженную съ трехъ сторонъ черными классными столами. Полъ былъ покрытъ бѣлыми циновками; на стѣпахъ висѣли прекрасныя, съ большимъ вкусомъ иллюминированныя, французскія литографіи. На болѣе видныхъ мѣстахъ висѣли картонныя, на которыхъ крупными буквами написаны были избранныя мѣста изъ св. Писанія. Анна подошла къ дверямъ и позвонила въ колоколь. Минутъ черезъ десять на ступенькахъ, ведущихъ въ зданіе, послышался стукъ безчисленнаго множества маленькихъ ногъ, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошла огромная толпа дѣтей всѣхъ возрастовъ, — отъ четырехъ и до пятнадцати лѣтъ, — отъ совершенно черныхъ съ курчавыми волосами, до роскошнаго смуглаго цвѣта квартеронковъ, съ томными, хотя и свѣтлыми глазами и волнистыми кудрями. Всѣ были одѣты одинаково, въ чистенькія платья изъ матеріи синяго цвѣта; на всѣхъ были бѣлые чепчики и бѣлые передники. Они дружно пѣли одну изъ унылыхъ мелодій, которыя характеризуютъ музыку негровъ и подвигаясь впередъ подъ тактъ пѣнія, занимали мѣста, распределенныя по ихъ лѣтамъ и росту. Лишь только все успокоилось, Анна послѣ непродолжительной паузы, хлопнула въ ладоши, и всѣ дѣти запѣли утренній гимнъ, такъ согласно и съ такимъ одушевленіемъ, что мистеръ Брадшо, отдавшись вполнѣ влеченію чувствъ, стоялъ и слушалъ съ слезами на глазахъ. Анна кивнула Нинѣ головой и бросила на Брадшо взглядъ, исполненный самодовольствія. Съ окончаніемъ гимна начались классныя занятія. Анна внимательно слѣдила за ходомъ ученія. Сцена эта до такой степени поразила Нину своей повизной, что она не могла не выразить своего восторга.

Присутствіе незнакомыхъ лицъ возбуждало учащихся. Другъ передъ другомъ они старались заслужить похвалу и доставить своей госпожѣ удовольствіе. Анна показала мистеру Брадшо образцы чистописанія, черченія картъ и даже концы съ несложныхъ литографій. Мистеръ Брадшо изумлялся болѣе и болѣе.

— Клянусь честью, сказалъ онъ: это удивительно! Миссъ Анна, вы настоящая волшебница. — Я боюсь за васъ! — Вы подвергаете себя опасности погибнуть на кострѣ, какъ чародѣйка!

— О, мистеръ Брадшо! — очень, очень немногіе знаютъ, сколько прекраснаго скрывается въ этомъ пренебрегаемомъ племени! — съ энтузіазмомъ сказала Анна.

На обратномъ пути мистеръ Брадшо отсталъ отъ спутницъ своихъ на нѣсколько шаговъ. Его лицо было задумчиво и даже печально.

— Мистеръ Брадшо, — сказала Анна, оглянувшись назадъ: о чемъ вы задумались?

— Да, миссъ Анна, только теперь я постигаю цѣль вашихъ дѣйствій. Въ вашихъ глазахъ я вижу торжество. Но несмотря на то, послѣ сцены, которой я былъ свидѣтелемъ мысль о дарованіяхъ вашихъ ученицъ наводитъ на меня уныніе. Къ чему поведетъ ихъ такое образованіе? Какую пользу имъ доставитъ оно? Никакой, я полагаю; — кромѣ только того, что оно заставитъ ихъ возненавидѣть свое состояніе, сдѣластъ ихъ недовольными и несчастными.

— По моему мнѣнію, отвѣчала Анна, нѣтъ въ мірѣ такого состоянія, въ которомъ бы слѣдовало подавлять душевныя способности. Если эти способности начинаютъ расти и развиваться, то имъ нужно дать просторъ и свободу; — нужно стараться устранять все, что можетъ служить для нихъ препятствіемъ.

— Но, это ужасно возвышенная идея! миссъ Анна.

— И пусть она возвышается. Я ни о чемъ не забочусь, ничего не боюсь.

— Миссъ Анна! вѣдь, я знаю, этимъ вы не ограничитесь сказалъ мистеръ Брадшо. Научивъ ихъ читать букву А, вы захотите, чтобъ они знали и букву Б.

— Разумѣется, сказала Анна: когда наступитъ время научить ихъ буквѣ Б, я буду готова къ тому. Согласитесь, мистеръ

Брадшо, и да можно развести пары, и напустить въ кодъ паровую машину; — когда пары поднимутся до известной высоты, я не стану удерживать машину: пусть она идетъ, воспользуясь силой.

— Все это прекрасно, миссъ Анна; только другіе совѣтъ не такъ думаютъ. Дѣло въ томъ, что мы не всѣ еще готовы пустить въ кодъ наши машины. Негры съ совершенствомъ нашего подвига, потребуютъ отъ васъ свободы; и вы говорите, что готовы даровать ее, но замѣтите, что огонь на вашей плантации разведетъ пары, и на нашихъ, и мы поставлены будемъ въ необходимость открыть предохранительные клапаны. — Не правда ли? что касается до меня я очарованъ вашей школой; и все-таки не могу удержаться отъ вопроса, къ чему поведетъ все это?

— Благодарю васъ, мистеръ Брадшо, сказала Анна — за вашу откровенность, за ваше расположеніе и чистосердечіе. Но все же я не перестану поддерживать добрыхъ и благородныхъ чувствъ нашего штата, отзываясь несправедливостями его недостойныхъ и безчеловѣчныхъ законовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, я постараюсь быть осторожнѣе относительно образа моихъ дѣйствій; если мнѣ суждено попасть за это въ исправительное заведеніе, я надѣюсь, мистеръ Брадшо, вы навѣстите меня.

— Миссъ Анна, прошу у васъ тысячи извиненій за мой давнишній неумѣтный намекъ.

— За это я имѣю право наложить на васъ штрафъ: вы должны остаться здѣсь и провести съ нами цѣлый день; я покажу вамъ садъ, наполненный одними розами, и посоветуюсь съ вами на счетъ ухода за штокъ-розами. Мнѣ страшно хочется замѣшать васъ въ преступленіе, которое отзывается государственной измѣной. Впрочемъ, посѣтивъ мою школу, вы уже становитесь моимъ сообщникомъ.

— Благодарю васъ, миссъ Анна; я вмѣщалъ бы себя въ особенную честь быть вашимъ руководителемъ во всякой измѣнѣ, которой вы положите начало. Но, къ несчастію, на этотъ разъ я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ! Я далъ слово четыремъ такимъ же жалкимъ холостякамъ, какъ и я, обѣдать вмѣстѣ, и потому долженъ уѣхать отсюда до наступленія полуденнаго зноя.

— Вотъ и онъ уѣхалъ, этотъ добрейшій человекъ въ мірѣ! сказала Анна.

— Знаете ли, сказала Нина, не удерживаясь отъ смѣха: — я

думала, что мистеръ Брайдо несчастная, влюбленная до безумія женщина, причащенная сюда собственноручно, чтобъ объясниться въ любви и сдѣлать вамъ предложеніе; поэтому-то я, какъ добренькая дѣвочка, и убѣжала отсюда, чтобъ не стѣснять ни его, ни васъ.

— Дитя, дитя! сказала Анна: въ этомъ отношеніи вы одинокимъ незамужней женщиной. Нѣсколько времени тому назадъ, мистеръ Брайдо и я были неравнодушны другъ къ другу; но теперь они ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ нашихъ добрыхъ и милыхъ друзей.

— Скажите мнѣ, Анна, почему вы ни въ кого не влюблены? спросила Нина.

— Я сама не знаю, почему, отвѣчала Анна: — знаю только, что до сихъ поръ я не могла рѣшиться на этотъ подвигъ. Мужчины прекрасны, когда намирены влюбиться; но, влюбившись, они дѣлаются несносными. Влюбленные лавы, какъ вамъ извѣстно, весьма непривлекательны. Я не могу выдти ни за маму, ни за Эдуарда; а они избаловали меня до такой степени, что другой кто-нибудь мнѣ не можетъ понравиться. Я счастлива, и вовсе не нуждаюсь въ обожателяхъ. Да и то сказать, — развѣ женщина не можетъ быть довольна своей участью? Оставьте это, Нина; поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ. Мнѣ непріятно, что наши дѣла начинаютъ производить въ сосѣдствѣ не удовольствія и опасенія.

— На вашемъ мѣстѣ, я бы продолжала дѣйствовать попрежнему; сказала Нина: — я замѣтила, что люди всѣми силами стараются положить преграды тому лицу, которое рѣшается на какое нибудь необычайное предпріятіе; и когда убѣдятся, что усилія ихъ ни къ чему не ведутъ, они бросаютъ все и пристають къ тому же предпріятію; вы, по моему мнѣнію, находитесь именно въ такомъ положеніи.

— Я боюсь, что мнѣ придется сдѣлать эту попытку въ непродолжительномъ времени, сказала Анна. Но... кажется, это ѣдетъ Дульцимеръ и везетъ мнѣ письмо. Полагаю, дитя мое, вы не похвалите меня, замѣтивъ, что я точно такъ же нетерпѣливо жаду почты, какъ и вы.

Въ это время Дульцимеръ подъѣхалъ къ балкону и передалъ Аннѣ мѣшокъ, назначенный для писемъ.

— Дульцимеръ! какое странное имя! сказала Нина. Кака

у него забавная и важная съ тѣмъ ушла енисейская! Она спешитъ собою верону!

— О, Дульцимеръ не подчиняетъ нашему управленію, сказала Анна: — у нашихъ предшественниковъ онъ разыгрывалъ роль привилегированнаго шута. Въ настоящее время онъ умиляетъ только пѣть да плясать, и потому Эдуардъ, предоставляющій полную свободу каждому негру, назначаетъ ему такой легкій трудъ, который болѣе всего соответствуетъ его празднотству. Это письмо къ вамъ, продолжала она, бросивъ письмо на колѣни Нины, и въ тоже время срывая печать съ другаго письма, адресованнаго на ея имя.

— Ну да! Я такъ и думала! У Эдуарда есть дѣло, по которому онъ долженъ находится въ здѣшнихъ частяхъ нашего княства. Не правда ли, какъ много удобствъ соединено съ званіемъ адвоката? Его надо ждать сегодня къ вечеру. Значитъ, у насъ начнутся празднества! Ахъ Дульцимеръ, да ты еще здѣсь? Я думала, что ты уже уѣхалъ! сказала она, оторвавъ взоры отъ письма, и замѣтивъ, что Дульцимеръ все еще стоялъ въ тѣни тальяновъ, всталъ балкона.

— Извините, миссъ Анна, я хотѣлъ узнать, неужели миссъ Клайтонъ и въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ сюда?

— Да, Дульцимеръ, поѣзжай же и объяви другимъ эту новость; я знаю, ты только этого и ждешь.

И Дульцимеръ, не ожидая повторенія, въ нѣсколько секундъ скрылся изъ виду.

— Я готова держать пари, сказала Анна: — этотъ человѣкъ приготовитъ для сегодняшняго вечера что нибудь необыкновенное.

— Что же именно? спросила Нина.

— Вѣдь онъ у насъ трубадуръ и, вѣроятно, въ эту минуту сочиняетъ какую нибудь оду. Посмотрите, у насъ сегодня будетъ нѣчто въ родѣ оперы.

ГЛАВА XXVIII.

ТРУБАДУРЪ.

Около пяти часовъ, Нина и Анна занимались украшеніемъ чайнаго стола на балконѣ. Нина нарвала свѣжихъ листьевъ съ молодого дуба и съ особеннымъ искусствомъ окаймляла ими

сладко-блуду сплетать, между тѣмъ какъ Анна переслаживала фрукты въ вазахъ, между виноградными листьями.

— Сегодня Леттисъ будетъ въ отчаяніи, сказала Анна, съ улыбкой взглянувъ на опрятно одѣтую молоденькую мулатку, которая стояла у дверей и внимательно слѣдила своими большими, свѣтлыми глазами за каждымъ движеніемъ миссъ Анны. Ей бѣднажкѣ нечего и дѣлать.

— Ну, ужъ пусть Леттисъ позволитъ мнѣ сегодня вымазати мои способности, сказала Нина: — я одарена удивительнымъ талантомъ, по части домашняго хозяйства. Еслибъ я жила въ старинные вѣка, въ странѣ.... какъ бышь ее.... мнѣ еще объ ней такъ много говорили.... да, да, въ Аркадіи, я была бы примѣрной хозяйкой. Мнѣ ничто такъ не нравится, какъ плести вѣнки и подбирать букеты. Во мнѣ есть врожденная наклонность украшать все, что меня окружаетъ. Я люблю украшать столы, вазы, блюда, люблю одѣвать и наряжать хорошенькихъ женщинъ для доказательства словъ моихъ, я, окончивъ уборку стола, сплелу вѣнокъ, и положу его на васъ, моя милая Анна.

Говоря это, Нина суетилась около стола, симметрически и картинно располагала цвѣты и листья, выбрасывала оторванные вѣтки; словомъ, порхала съ мѣста на мѣсто, какъ пчелка.

— Какая жалость, что мы не живемъ въ Аркадіи! замѣтила Анна.

— О, да! сказала Нина: — я помню, у насъ въ домѣ была старая истасканная книжка: «Идилліи Геснера». Будучи еще ребенкомъ, я вычитывала изъ нея множество самыхъ очаровательныхъ исторій о хорошенькихъ пастушкахъ, играющихъ на серебряныхъ флейтахъ, и о пастушкахъ, въ голубыхъ покрывахъ и съ распущенными волосами. Люди эти вѣдали творить, молокомъ, виноградомъ, земляникой и персиками. Они не знали ни работы, ни труда, жили какъ цвѣты и птички, росли, пѣли и хорошились. Ахъ, Анна! такая жизнь мнѣ бы никогда не наскучила! Почему этого нѣтъ въ настоящее время?

— Тысячи сожалѣній и съ моей стороны, сказала Анна: — но достало ли бы у насъ терпѣнія на постоянную борьбу съ желаніемъ поддержать во всемъ порядокъ и красоту?

— Это правда, отвѣчала Нина: — и что еще хуже, красота, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ поддержать ее, можетъ измѣниться въ нѣсколько часовъ. Напримѣръ, мы любимся теперь вотъ этими розами; а завтра или послѣ завтра будемъ называть ихъ

арнику, и въ добавокъ приказанъ кому нибудь выбросить изъ комнаты. Только я не въ состояннн принять на себя этой обязанности. Пусть кто нибудь другой вынеситъ увядшнхъ цвѣтнхъ и поестъ вазы, а мнѣ бы только предоставили свободу рѣзать ежедневно свѣжнхъ розы. Если бѣ я была членомъ какого нибудь клуба, я бы непремѣнно приняла на себя эту роль. Я бы взялась украшать цвѣтами всѣ комнаты клуба, но вѣстѣ съ тѣмъ условилась бы положительнн — не очищать комнаты отъ пожелтѣвшихъ листьевъ и цвѣтовъ.

— Надо правду сказать, замѣтила Анна: постоянное стремленнхъ каждаго предмета къ упадку, къ какому-то внутреннему и внѣшнему разстройству, служить для меня загадкой. Поддерживать чистоту, уютность и убранство въ домѣ, а тѣмъ болѣе соблюсти всѣ эти условнх в отношеннх къ столу, — я считаю за вершъ искусства. Но попробуйте приступить къ атому; посмотрнть, на васъ со всѣхъ сторонъ нападаютъ стаи мухъ, таракановъ, муравьевъ и москитовъ! Съ другой стороны — какъ будто человѣку уже предназначено дѣлать непрнхтнмъ, приводнть въ безпорядокъ и даже разрушать все, что его окружаетъ.

— Эта самая мысль мелькнула въ головѣ моей, когда мы были на митннгѣ, сказала Ннна. Первый день очаровалъ меня. Все было такъ свѣжо, такъ чисто, такъ привлекательно; но къ концу втораго дня, гдѣ нн ступншь, вездѣ подъ ногами хруститъ или скорлупа отъ янцъ, или шелуха отъ гороховыхъ стручковъ, или арбузные корки, — такъ что непрнхтно вспомнть объ атомъ.

— Дѣйствнтельно, какъ это гадко! сказала Анна.

— Я принадлежу къ числу тѣхъ созданнх, продолжала Ннна: — которыя любятъ порядокъ; но наблюдать за ннмъ не въ моемъ характерѣ. Мой первый министръ, тетя Катя, умѣетъ превосходно его поддерживать, и я нн въ чемъ не противорѣчу ей; напротивъ, стараюсь ее поощрять, и за то тамъ, гдѣ я не вмѣшиваюсь, всегда отличный порядокъ. Но, Боже мой! ннѣ нужно перероднться, чтобъ полюбить за этотъ порядокъ гетушку Несбитъ! Вы бы посмотрѣли на нее, когда она вынимаетъ изъ комода перчатки или манишку! Сначала поднимется, ровнымъ шагомъ пройдетъ по комнатѣ, возьметъ ключъ изъ ящнса на правой сторонѣ бюро и отперетъ комодъ съ такимъ серьезнымъ видомъ, какъ будто готовится къ жертвоприношеннх. Если перчатки скрываются гдѣ нибудъ въ глубннѣ комода, она ме-

дленно, нетерпясь, съ разстановкой, вынетъ одну вещь за другою, возьметъ что ей нужно, снова уложитъ каждую вещь, запрѣтъ комодъ и полежитъ на прежнее мѣсто. При этомъ, выраженіе ея лица становится такимъ, какъ будто въ домѣ что нибудь умираетъ, и ей нужно отправиться за докторомъ! Со мной — совсѣмъ иное дѣло! Я подбѣгаю къ комоду, разбрасываю мои вещи, какъ будто надъ ними промчался небольшой ураганъ: ленты, шарфы, цвѣты, — все это вылетаетъ изъ ящика, одно за другимъ, и производитъ нѣчто въ родѣ радуги. Не отпавъ въ одну минуту нужную вещь, я готова умереть отъ нетерпѣнія. Но послѣ двухъ-трехъ такихъ нападеній на комодъ, во мнѣ пробуждается раскаяніе; я начинаю собирать разбросанные вещи, укладывать ихъ и упрекать маленькую негодную Нину, которая постоянно даетъ себѣ обѣщаніе соблюдать на будущее время лучшій порядокъ. Но моя милая Нина, къ сожалѣнію, неисправима: она никогда не держитъ обѣщанія. Скажите, Анна, какимиъ образомъ вы умѣете поддерживать порядокъ въ каждой бездѣлицѣ, которая васъ окружаетъ?

— Это дѣло привычки, моя милая, сказала Анна: привычки, которая составляетъ во мнѣ вторую природу, благодаря заботливости и попеченіямъ моей мамы.

— Мама!... ну да, это такъ! сказала Нина, вздохнуть. Вы счастливы, Анна;—я вамъ завидую.... Леттись, теперь ты можешь подойти сюда, я кончила свою работу; вынеси весь этотъ соръ. Какъ изъ хаоса образовалась вселенная, такъ и изъ этой смѣси цвѣтовъ и зелени образовался мой чайный столикъ, говорила Нина, собирая въ одну грудку оставшіеся безъ употребленія цвѣты и листья. Только жаль, что я много наѣзала лишнего. Бѣдные цвѣты опустили свои лепестки и смотрятъ на меня съ упрекомъ, какъ будто говоря; «мы вамъ не нужны; зачѣмъ же вы не оставили насъ на нашихъ родныхъ вѣткахъ!»

— Не беспокойтесь,—сказала Анна: Леттись успокоить вашу совѣсть. По цвѣточной части она одарена удивительнымъ талантомъ;—изъ этого сора, какъ вы его назвали, она составитъ превосходные букеты.

При этихъ словахъ на щекахъ Леттись, сквозь смуглую кожу, показался яркій румянецъ. Она нагнулась, собрала въ передникъ лишніе цвѣты и удалилась.

— Это что значитъ? сказала Анна, увидѣвъ Дульцимера, который въ необыкновенно вычурномъ нарядѣ поднимался на балъ

конъ, съ запиской на поднось. Скажите, какъ это утонченно! Золотообрѣзная бумажка, пропитанная миррой и амброй, продолжала она, срывая печать. Представьте себѣ!» Трубадуры Ренн Маньолий покорнѣйше просятъ мистера и миссъ Клейтонъ и миссъ Гордонъ осчастливить своимъ присутствіемъ оперное представленіе, которое будетъ дано сегодня вечеромъ въ восемь часовъ вечера, въ рошѣ Маньолий». Превосходно! Это наигрнвое сентималъ и писалъ кто нибудь изъ моихъ учениковъ. Скажи, Дульцимеръ, что мы съ удовольствіемъ принимаемъ приглашеніе:

— Гдѣ онъ выучилъ такіа фразы? спросила Нина, когда Дульцимеръ удалился.

— Какъ гдѣ? отвѣчала Анна: вѣдь я вамъ говорила, что онъ былъ главнымъ фаворитомъ нашего предшественника, который куда бы ни ѣхалъ, всегда бралъ его съ собой, какъ нѣкоторые господа берутъ любимую обезьяну. Разумѣется, во время путешествій онъ перебивалъ въ фойе многихъ театровъ. Я вамъ говорила, что онъ что нибудь придумаетъ.

— Да это просто очаровательное существо! сказала Нина.

— Въ вашихъ глазахъ, быть можетъ; но для насъ, это самый скучный челоуѣкъ. Безтолковъ, какъ попугай. Если онъ и способенъ на что нибудь, такъ это на однѣ только глупости.

— А можетъ быть, сказала Нина: его способности имѣютъ сходство съ сѣменами кипрскаго винограда, которыя я посадила шѣсяца три тому назадъ и которыя только теперь пустили отростки.

— Эдуардъ надѣется, что рано или поздно, но способности обнаружатся въ немъ. Вѣра Эдварда въ челоуѣческую натуру безпредѣльна. Я считаю это за одну изъ его слабостей; но съ другой стороны не теряю надежды, что въ Дульцимерѣ со временемъ пробудятся дарованія, съ помощію которыхъ онъ по крайней мѣрѣ будетъ въ состояніи отличать ложь отъ истины и свои собственныя вещи отъ чужихъ. Надо вамъ сказать, что въ настоящее время онъ безсовѣстнѣйшій мародеръ на всей плантаціи. Онъ до такой степени усвоилъ привычку прикрывать острыми шутками множество своихъ проказъ, что трудно даже разсердиться на него и сдѣлать ему строгій выговоръ. Но чу! это стукъ лошадиныхъ копытъ! Кто-то вѣзжаетъ въ аллею!

Нина и Анна стали вслушиваться въ отдаленные звуки.

— Кто-то ѣдетъ, дѣйствительно... и даже не одинъ! Замѣтила Нина.

Спустя нѣсколько минутъ, въ залѣъ появился Клэйтонъ, сопровождаемый другимъ всадникомъ, въ которомъ, по его приближенію, Анна и Нина, увидѣли Франка Росселя. Но вдругъ раздались звуки скрипокъ и гитаръ и, къ удивленію Анны, изъ глубины рощи, въ праздничныхъ нарядахъ выступила группа слугъ и дѣтей, предводимыхъ Дульцимеромъ и его товарищами, которые пѣли и играли.

— Ну, что; я не правду говорила? сказала Анна. Представленія Дульцимера начинаются.

Музыка и напѣвъ отличались той невыразимой странностью, которая характеризуетъ музыку негровъ. Въ мѣрныхъ и произвольныхъ звукахъ ея выражался шумный восторгъ. Содержаніе арій было весьма просто. До слуха Анны и Нины долетали слѣдующія слова:

«Наконецъ господинъ нашъ ѣдетъ домой!

«Статный конь его бодро несетъ впередъ.

Чтобъ придать пѣсни болѣе выразительности, вся группа мѣрно хлопала въ ладоши и переходила въ хоръ!

«Пойте дѣти, пойте! встрѣчайте господина!

«Крикните ура! порадуемъ его!

Го! го! го! ура! ура! ура!»

Клэйтонъ отвѣчалъ на этотъ привѣтъ, ласково кланяясь на всѣ стороны. Толпа выстроилась въ два ряда по окрамнамъ аллеи, и Клэйтонъ съ товарищемъ подѣхалъ къ балкону.

— Клянусь честью, сказалъ Россель: я не приготовился къ такому торжеству. Это чисто президентскій приемъ.

У балкона человекъ двѣнадцать подхватили лошадь Клэйтона, и при этомъ порывѣ усердія порядокъ процессіи совершенно нарушился. Послѣ множества распирасовъ и освѣдомленій, со всѣхъ сторонъ, течение нѣсколькихъ минутъ, толпа спокойно разсѣялась, предоставивъ господину своему возможность предаться своимъ собственнымъ удовольствіямъ.

— Это очень похоже на торжественный въѣздъ, сказала Нина.

— Дульцимеръ истощаетъ въ свои способности при подобныхъ случаяхъ, замѣтила Анна. Теперь недѣли на двѣ или на три онъ ни къ чему не будетъ способенъ.

— Слѣдовательно надо пользоваться пока онъ въ экстазѣ, сказалъ Россель. Но что значитъ такое хладнокровное выраже-

не радости съ вашей стороны, миссъ Анна. Это чрезвычайно какъ отъывается идалліей. Не вѣдали ли мы гдѣ волшебный замокъ?

— Весьма можетъ быть, отвѣчалъ Клэйтонъ: — но все же на мѣстѣ намъ очистить пыль съ нашего платья.

— Да, да, сказала Анна: — тетюшка ожидаетъ, чтобъ показать вамъ комнату. Идите, и потомъ явитесь сюда, какъ можно очаровательно.

Спустя нѣсколько времени, джентльмены воротились въ свѣжижъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ сорочкахъ, и приступили къ чайному столу съ необычайной живостью.

— Теперь, сказала Нина, взглянувъ на часы, когда кончилась чай: — я должна объявить всему обществу, что мы приглашены сегодня въ оперу.

— Да, сказала Анна: — въ Рощѣ Маммолій будетъ устроено сегодня театръ, и труппа трубадуровъ дастъ первое представление.

Въ этотъ моментъ всѣ были изумлены появленіемъ у балкона Дульцимера съ тремя его черными товарищами. Изъ нихъ каждый имѣлъ въ петличкѣ бѣлый бантъ и въ рукѣ бѣлый жезлъ, украшенный атласными лентами. Молча и попарно они расположились по обѣ стороны крыльца.

— Что это значить, Дульцимеръ? спросилъ Клэйтонъ.

Дульцимеръ сдѣлалъ почтительный поклонъ и объявилъ, что они присланы быть провожатыми джентльменовъ и лэди дома представляющаго.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Анна: мы еще не готовились.

— Какая жалость, что я не взяла съ собой оперной шляпки, сказала Нина. Впрочемъ ничего, — прибавила она, схвативъ вѣтку центифолій: вотъ это замѣнитъ ее.

Нина обвила вѣткой голову, и туалетъ ея кончился.

— Удивительно, какъ это скоро дѣлается, сказалъ Франкъ Россель, — любясь вѣнкомъ изъ полуразвернувшихся бутоновъ и махровыхъ розъ.

— Ахъ, Анна, сказала Нина: — я забыла про вашу вѣточку. Садитесь скорѣе: я сдѣлаю въ одну минуту; дайте повернуть немного вотъ этотъ листокъ и расправить этотъ бутонъ... прелесть! Можете открыть шествіе.

Сцена для вечерняго спектакля была устроена на открытомъ

пространствѣ въ рощѣ маньолій, позади господскаго дома. Ланши, развѣшанныя по деревьямъ, разливали слабый свѣтъ въ густой глянцовитой листьѣ. Въ концѣ поляны, изъ цвѣтовъ и ацтвей зелени устроенъ былъ небольшой павильонъ, въ который общество наше вступило съ величайшимъ торжествомъ. Между двумя высокими маньоліями висѣла занавѣсъ, за которой, въ минуту появленія гостей, хоръ стройныхъ голосовъ, запѣлъ одушевленную арію, выражавшую привѣтствіе. Лишь только гости заняли мѣста, какъ занавѣсъ поднялась, и тотъ же хоръ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ тридцати лучшихъ пѣвцовъ, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ праздничныя платья, выступилъ впередъ. Выбѣгъ съ пѣніемъ и подъ тактъ напѣва они шли по сценѣ и несли въ рукахъ букеты, которые бросали къ ногамъ гостей. Вѣнокъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, нарочно назначенный для Нины, упалъ къ ней прямо на колѣна.

— Эти люди не дремлютъ. Они угадываютъ событіе, которое должно совершиться въ непродолжительномъ времени, сказалъ Россель.

Окончивъ шествіе, негры сѣли вокругъ сцены, за предѣлами которой изъ-за густой зелени высывались кудрявыя черныя головы безчисленнаго множества слугъ и остальныхъ негровъ съ плантаціи.

— Посмотрите, сказалъ Россель, указывая на черныя лица: какой контрастъ представляютъ эти черные даже съ тусклымъ освѣщеніемъ сцены! А взгляните на дѣтей, какъ шлы они, и какъ опрятно одѣты!

При этихъ словахъ, на сцену выступилъ рядъ дѣтей, принадлежавшихъ къ школѣ миссъ Анны. Они шли въ томъ же порядкѣ, какъ и первая группа, пѣли школьныя пѣсни и бросали цвѣты къ ногамъ почетныхъ гостей. Исполнивъ эту церемонію, они сѣли на скамейки впереди первой группы. На сцену выступили Дульцимеръ и четверо его товарищей.

— Вниманіе! сказала Анна: — Дульцимеръ начинаетъ свою роль. Замѣйте, онъ трубадуръ.

Дульцимеръ, дѣйствительно, речитативомъ началъ изъяснять какое-то событіе. Послѣ нѣсколькихъ строфъ речитатива, квартетъ сдѣлалъ припѣвъ, и нхъ голоса были поистинѣ великодушны.

— Они начинаютъ что-то чрезвычайно печально, сказала Нина.

— Идите терпѣнѣе, душа моя; возразила Анна. Теперь идетъ рѣчь о прежнемъ господинѣ. Еще минута, и томъ перешьются.

И въ самомъ дѣлѣ, Дульцимеръ, какъ будто угадавъ слова Анны, незамѣтно перешелъ къ описанію вступленія новаго господина.

— Не угодно ли теперь послушать исчисленіе добродѣтелей Эдуарда? сказала Анна.

Дульцимеръ продолжалъ речитативъ. Черезъ каждыя четыре строфы, слова его повторялъ квартетъ и потомъ весь хоръ, хлопая при этомъ руками и стуча ногами съ величайшимъ одушевленіемъ.

— Теперь, Анна, дошла очередь и до насъ, сказала Нина, когда Дульцимеръ въ самыхъ высокоумныхъ выраженіяхъ началъ распространяться о красотѣ миссъ Анны.

— Подождите, сказалъ Клэйтонъ: — каталогъ вашихъ добродѣтелей будетъ значительно длиннѣе.

— Ужъ извините, этого ни въ какомъ случаѣ я не позволю, сказала Нина.

— Пожалуйста, не говорите такъ утвердительно, возразила Анна. Дульцимеръ пристально глядитъ на васъ съ самаго начала.

Анна говорила правду. Съ окончаніемъ припѣва Дульцимеръ принялъ на себя многозначительный видъ.

— Взгляните на его выраженіе, сказала Анна. Начинается! Теперь, Нина, будьте внимательны!

Съ лукавымъ выраженіемъ, вырывавшимся изъ угла потупленныхъ глазъ, Дульцимеръ запѣлъ:

«Нашъ господинъ часто уѣзжаетъ.... но куда? знаете ли вы?

«Онъ уѣзжаетъ отсюда за розой Сѣверной Каролины!».

— Вотъ это славно! сказалъ Франкъ Россель. Посмотрите, какъ всѣ оскалили зубы! Можетъ ли сравниться съ бѣлизной этихъ зубовъ самая лучшая слоновая кость! Замѣчаете ли вы, съ какой энергіей они приступаютъ къ припѣву?

И дѣйствительно, хоръ пѣлъ съ особеннымъ одушевленіемъ:

«О роза Сѣверной Каролины!

Дай Богъ счастья нашему господину

Съ розой Сѣверной Каролины!»

Хоръ нѣсколько разъ повторялъ эти слова съ энтузіазмомъ,

удивляешься, хваляешься въ ладони, стучащего ногъ и грохота смѣху.

— Не сѣдуютъ ли розѣ Сѣверной Каролины привстать? сказал Россель.

— Ахъ, замолчите! возразила Анна: Дульцимеръ еще не кончилъ.

Принявъ новую позу, Дульцимеръ обратился къ одному изъ товарищей въ квартетѣ:

«Я вижу, какъ звѣзды восходятъ надъ нашимъ горизонтомъ!»

«— Нѣтъ, мой другъ», отвѣчалъ вѣнецъ, къ которому обращались эти слова: ты ошибаешься! Ты видишь блескъ ее прекрасныхъ глазъ!

— Повосходно, отлично! — сказалъ Россель.

Дульцимеръ продолжалъ: — я вижу какъ розы, роскошно цвѣтущія на одной куртинѣ.

«— Нѣтъ, мой другъ; ты ошибаешься: это румянецъ ее пуленькихъ щокъ!

— И эти щочки становятся еще румянее, сказала Анна, коснувшись вѣромъ плеча Нины. Дульцимеръ, какъ видно, не вѣренъ сосредоточить на васъ всю силу своего вдохновенія.

Дульцимеръ продолжалъ: — я вижу, какъ вьется виноградъ на той куртинѣ.

— Нѣтъ, мой другъ, ты ошибаешься; это вьются локоны ее роскошныхъ волосъ.

— Она гуляетъ по балкону, началъ квартетъ: — улыбается, смѣется и играетъ, какъ солнечный свѣтъ на гладкомъ полу.

— Ея маленькія ножки стучать, какъ дождь по цвѣтамъ; смѣхъ раздается какъ журчанье каскада въ тишинѣ лѣтняго вечера!

— Э! э! да Дульцимеру вѣрно помогаютъ музы, сказалъ Клэйтонъ, посмотрѣвъ на Анну.

— Тс! слушайте хоръ, — замѣтила Анна.

— О роза Сѣверной Каролины! укрась сады нашего господина и доставь ему счастье на всю его жизнь!

Этотъ припѣвъ повторялся разъ десять. Между гостями раздался громкій смѣхъ. Актеры поклонились и оставили сцену. Бѣлая простыня, замѣнившая занавѣсъ, спустилась.

— Признайся, Анна, вѣдь это дѣло не одного Дульцимера? сказалъ Клэйтонъ.

— Да, ему помогла въ этомъ Леттисъ, которая, въ пряденіи

одареннаго поэтическимъ дарованіемъ. Стоитъ только поощрить ее, и талантъ ея разовьется до удивительныхъ размѣровъ.

Въ это время Дульцимеръ съ своими товарищами подошелъ съ подносами къ изыскану и предложилъ гостямъ элионадъ, нирожное и фрукты!

— Да этого не удивишь ни въ какомъ театрѣ, сказалъ Россель.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ Клэйтонъ: — африканское племя далеко превосходитъ другія племена въ наклонности, которая составляетъ средину между чувствомъ и здравымъ разсудкомъ, и именно наклонности къ изящному. Эта наклонность можетъ проявляться только въ натурѣ, обладающей обиліемъ чувствъ, обиліемъ, которымъ обладаютъ негры. Если просвѣщеніе коснется ихъ мощной рукой своей, они превзойдутъ многихъ въ музыкѣ, танцахъ и декламациі.

— И я, съ своей стороны, сказала Анна: — часто замѣчала, въ моихъ ученикахъ, ту готовность, съ которой они принимаютъ за музыку и англійскій языкъ. Негры иногда смѣются надъ неправильнымъ произношеніемъ словъ, тогда какъ сами произносятъ ихъ ужаснымъ образомъ; послѣднее обстоятельство происходитъ, вѣроятно, оттого, что они стараются придать словамъ болѣе выразительности, какъ это бываетъ съ дѣтьми, одаренными острыми способностями.

— Между ними есть такіе голоса, которымъ можно позавидовать, замѣтилъ Россель.

— Ваша правда, сказала Анна; у насъ на плантаціи есть двѣ дѣвушки, у которыхъ такой богатый контральтъ, какой, мнѣ кажется, только и можно найти между неграми, а отнюдь не между бѣлыми.

— Эіопское племя, подобно аглоз, принадлежитъ къ разряду медленныхъ растений, сказалъ Клэйтонъ: но я надѣюсь, что со временемъ они дадутъ цвѣтъ: и этотъ цвѣтъ, надо полагать, будетъ великолѣпный.

— Все это прекрасно; только подобныя ожиданія и предположенія свойственны однимъ поэтамъ, сказалъ Россель.

Послѣ оперы начался балетъ, и продолжался съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и безъ малѣйшаго нарушенія приличія.

— Реалистичные люди, продолжалъ Клэйтонъ: — истощая, я думаю, всю свою энергію, чтобы внушить неграмъ отвращеніе къ танцамъ и пѣнію. А я съ своей стороны, стараюсь развить въ

нихъ эту склонность. Я вовсе не вижу необходимости обращаться ихъ въ англо-саксовъ; — Это, по моему, тоже самое, что виноградную лозу обратить въ грушевое дерево.

— Вотъ что значитъ быть успешнымъ защитникомъ невольничьихъ правъ, сказалъ Россель: — у него во всякое время готовы отличныя сравненія.

— Успѣхи мои подлежатъ еще сомнѣнію, возразилъ Клэйтонъ, Полагаю, ты слышалъ что мое дѣло взято на апелляцію, — и потому выигрышъ мой нельзя назвать вѣрнымъ.

— О нѣтъ! воскликнула Нина: — онъ долженъ быть вѣрнымъ! Я убѣждена, что ни одинъ человѣкъ съ здравымъ разумомъ и благородной душой не рѣшилъ бы этого дѣла иначе. Къ тому же вашъ отецъ считается опытнымъ судьей, и пользуется громадной извѣстностью.

— Это-то обстоятельство и принудить его быть какъ можно осторожнѣе, чтобъ не склониться на мою сторону, сказалъ Клэйтонъ.

Въ это время балетъ кончился. Слуги разошлись въ порядкѣ, и гости возвратились на балконъ, испещренный фантастическими пятнами луннаго свѣта, прорывавшагося сквозь листья виноградики. Воздухъ наполненъ былъ тѣмъ тонкимъ, сладкимъ благоуханіемъ, которое разливаютъ втеченіе ночи роскошныя тропическіе цвѣты и растенія.

— Замѣчали ли вы, сказала Нина: — какъ упоителенъ бываетъ вечеромъ запахъ жимолости! Я влюблена въ него, — влюблена вообще во всякое благоуханіе! Я принимаю ихъ за невидимыхъ духовъ, которые носятся въ воздухѣ.

— Въ этомъ есть нѣкоторое основаніе, сказалъ Клэйтонъ. Лордъ Бэконъ говоритъ, что и «дыханіе цвѣтовъ является и исчезаетъ въ воздухѣ, какъ звуки отдаленной музыки».

— Неужели это слово лорда Бэкона? спросила Нина съ изумленіемъ, которое выражалось въ ея голосѣ.

— Да; а почему же бы нѣтъ? сказалъ Клэйтонъ.

— Потому что я считала его за одного изъ тѣхъ старыхъ философовъ, отъ которыхъ постоянно вѣетъ гнилью, и которые никогда не думаютъ о чемънибудь пріятномъ.

— Ошибаетесь, миссъ Нина, сказалъ Клэйтонъ: — завтра позвольте мнѣ прочесть вамъ трактатъ его о садахъ, и вы убѣдитесь, что эти затхлые, старые философы перѣдко рассуждаютъ о предметахъ весьма очаровательныхъ.

— Въдь это лордъ Бэконъ писалъ свои лучшія сочиненія въ то время, когда въ сосѣдней комнатѣ играла музыка, сказала Анна.

— Въ самомъ дѣлѣ? — возразила Нина. Какъ это мило! Я бы съ удовольствіемъ послушала его сочиненія.

— Есть умы, замѣтилъ Клэйтонъ, которые способны обнять всю вселенную. Люди одаренные такимъ умомъ, могутъ говорить такъ же увлекательно о кольцѣ на дамской ручкѣ, какъ и о движеніи планетъ. Отъ нихъ ничто не ускользаетъ.

— Вотъ классъ людей, изъ среды которыхъ вамъ, Анна, слѣдовало бы выбрать себѣ обожателя, сказала Нина, смѣясь. Вы ничѣмъ тутъ не рискуете. Если бъ я вздумала сдѣлать подобную попытку, то я бы не вынесла ея тяжести. Такой громадный запасъ мудрости увлекъ бы меня подъ уровень моря. Я бы разсталась съ своей удочкой, еслибъ на мою приманку подвернулась такая страшная рыба.

— Въ наше время вамъ нечего страшиться, сказалъ Клэйтонъ. Природа посылаетъ намъ такихъ людей по одному въ одно или два столѣтія. Эти люди прокладываютъ путь въ какую нибудь сторону цѣлому міру. Это каменоломщики, отламывающіе глыбы мрамора, которыя обрабатываютъ потомъ многія поколѣнія.

— Ужъ извините, сказала Нина: я бы не хотѣла быть женой каменоломщика. Мнѣ бы пришлось тогда постоянно находиться въ опасности быть задавленной.

— Но если бы, этотъ каменоломщикъ сдѣлался вашимъ рабомъ? сказалъ Россель; если бъ онъ поставилъ къ ногамъ вашимъ свѣточъ своего генія?

— Да, дѣло другое, если бъ я могла поработить его! Но все же я постоянно бы боялась, что онъ охладѣетъ ко мнѣ. Такой человѣкъ весьма скоро поставилъ бы меня на полку, между прочитанными книгами. Я видѣла великихъ людей, —разумѣется великихъ для нашего времени: они не столько заботятся о жонахъ, сколько о журналахъ и газетахъ.

— О, не безпокойтесь, сказала Анна: эта особенность принадлежитъ всѣмъ мужьямъ безъ исключенія. Газета есть постоянный соперникъ американской леди. Мужчинѣ, чтобъ оторваться отъ нея, пужно быть пламеннымъ любовникомъ, и при томъ еще прежде, чѣмъ овладѣть своимъ призомъ.

— Вы жестоко судите о насъ, миссъ Анна, сказалъ Россель.

— Напротивъ, она говоритъ только правду. Мужчины вообще составляютъ худшую половину человѣческаго рода, сказала Нина. Если я выйду замужъ, то не иначе какъ съ условіемъ, что мужъ мой не будетъ читать газетъ.

ГЛАВА XXIX.

САДЪ ТИФЛА.

Еслибъ объемъ нашего повѣствованія былъ значительнѣе, мы бы охотно провели еще нѣсколько дней въ тѣни Рощи Маньолій, гдѣ Клэйтонъ и Нина оставались на нѣкоторое время, и гдѣ время летѣло по дорогѣ, усыпанной цвѣтами; но, къ сожалѣнію, неумолимое время которое не ждетъ человѣка, не ждетъ и повѣствователя. Мы должны поэтому сказать въ нѣсколькихъ словахъ, что когда кончился визитъ, Клэйтонъ еще разъ проводилъ Нину въ Канема, и оттуда возвратился въ кругъ своихъ обычныхъ занятій. Нина возвратилась домой совершенно съ другимъ взглядомъ на предметы, благодаря сближенію съ Анной. Клэйтонъ справедливо полагалъ, что благородный примѣръ сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка, чѣмъ самыя убѣдительныя увѣщанія. — Эта истина отразилась на Нинѣ. Съ минуты возвращенія домой, Нина начала ощущать въ душѣ своей положительное влеченіе къ болѣе благородной и дѣятельной жизни, чѣмъ жизнь, которую она вела до этой поры. Великое и всепоглощающее чувство, которое рѣшаетъ участь женщины, есть уже въ самомъ свойствѣ своемъ чувство возвышающее и облагораживающее душу. Оно становится такимъ даже и тогда, когда сосредоточивается на предметѣ, его недостойномъ, — а тѣмъ болѣе, когда предметъ этотъ воплнѣ его достоинъ.

Съ первой минуты знакомства, въ скоромъ времени обратившагося въ искреннюю дружбу, Клэйтонъ никогда не хотѣлъ и не рѣшался вліять на развитіе нравственной природы Нины. Съ помощью врожденной проницательности и дальновидности, онъ усматривалъ, что въ душѣ Нины, совершенно безосновательно съ ея стороны, каждое чувство становилось сильнѣе,

и мысли принимали болѣе обширные размѣры. Поэтому онъ предоставилъ развитіе ихъ тѣмъ же самымъ спокойнымъ силамъ, которыя распускаютъ розы и даютъ направленіе виноградной лозѣ. Передъ ней онъ не хотѣлъ казаться другимъ человѣкомъ, — не требуя этого и отъ нея. — Образъ его жизни, его благородство и великодушіе сами собою производили на нее благотворное дѣйствіе.

Спустя нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Канема, Нима вѣду-мала навѣстить нашего стараго друга Тиффа. Это было въ одно теплое, свѣтлое лѣтнее утро, съ сѣроватымъ туманомъ на горизонтѣ; когда вся природа погружена была въ ту сладкую дремоту и нѣгу, которыя служатъ вѣрнымъ предвѣстникомъ знойнаго дня. Со времени ся отсутствія, въ дѣлахъ Тиффа произошло значительное улучшеніе. Маленькій сиротка, бойкій, хорошенькій мальчикъ, съ помощію такой заботливой няни, какъ Тиффъ, — съ помощію кусочка ветчины, замѣнявшей материнскую грудь и благодаря вѣтрамъ и зефирамъ, нерѣдко убавившимъ его подъ открытымъ небомъ, — выросъ, сдѣлался маленькимъ ползающимъ созданіемъ, слѣдовалъ за Тиффомъ во время его агрономическихъ занятій, и непонятнымъ жестомъ выражалъ свой восторгъ. Въ ту минуту, когда Нима подѣхала, Тиффъ работалъ въ саду. Его наружность, надобно признаться, отличалась необычайною странностью. По обыкновенію, онъ носилъ передникъ, какъ будто показывая этимъ, что на немъ лежатъ обязанности няни и кормилицы; но такъ какъ другія многоразличныя его занятія поглощали почти все его время, и такъ какъ онъ менѣе всего обращалъ вниманія на украшеніе своей наружности, то нижнее его платье обнаруживало слѣды той брѣзливости, которая присущна всему человѣчеству.

— Ахти, Боже мой! — говорилъ онъ про себя, припоро-вляясь, съ большими затрудненіями, съ которой стороны приступить къ изношеннымъ панталонамъ: тутъ дыра, и тамъ дыра! Для панталонъ полагается только двѣ дыры, а тутъ ихъ двѣ дюжины! Не мудрено, что нога не попадаетъ куда слѣдуетъ! Бѣдный, старый Тиффъ! Какъ бы я желалъ имѣть то платье, о которомъ говорили на митингѣ и которое служило на все сороколѣтнее странствованіе въ пустынь! Удивительно, какъ все было прочно въ то время! Впрочемъ, ничего, я навязу передникъ сзади и передникъ спереди, дѣло-то и поправится. Слава Богу, что есть еще передники! Дѣлать нечего, надо будетъ сшить панта-

лосы; пусть только выйдутъ всѣ зубки у малютокъ, пусть только кончится обязанность починивать платье мастера Тэдди, мытье пеленокъ, и эта несносная необходимость полоть гряды въ саду! Не понимаю, къ чему разрастается негодная трава тамъ, гдѣ посѣяно хорошее сѣмя? Она отнимаетъ время у насъ, надоѣдаетъ намъ, — а для чего? — не знаю! Быть можетъ, тутъ есть и благая цѣль. Мы мало въ этомъ смыслимъ.

Тиффъ сидѣлъ въ саду и кололъ гряды, какъ вдругъ онъ былъ изумленъ появленіемъ Нины, подѣхавшей верхомъ къ воротамъ. Это обстоятельство поставило Тиффа въ самое затруднительное положеніе. Ни одинъ свѣтскій кавалеръ не имѣлъ столь совершеннаго понятія объ условіяхъ вѣжливости, о дани красоты, происхожденію и модному свѣту; какъ старый Тиффъ. Поэтому, будучи застигнутъ между грядami, съ синимъ передникомъ спереди и краснымъ сзади, онъ внезапно увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи! Тиффъ, однакожъ, не потерялся. Зная, что вполнѣ благовоспитанныя люди не стыдятся встрѣчи лицомъ къ лицу съ нищетою и не гнушаются ею; кромѣ того, благо-разумно полагая, что недостатокъ радушія несравненно хуже недостатка въ нарядѣ, онъ немедленно всталъ и поспѣшилъ къ воротамъ сдѣлать должное пріивѣтствіе незванной и неожиданной гостьѣ.

— Да надѣлать Небо еще большею красотою ваше прелестное личико, миссъ Нина! сказалъ онъ, между тѣмъ какъ легкій вѣтерокъ игралъ его краснымъ и синимъ парусами. Старый Тиффъ безпредѣльно счастливъ, видя васъ у воротъ своей хижины. Миссъ Фанни здорова, благодарю васъ. — Мистеръ Тэдди и малютка, тоже, благодаря Бога, живутъ по-маленьку. Будьте такъ добры, миссъ Нина, пожалуйста къ намъ, хоть на минутку. У меня есть свѣженькія ягодки, которыя я набралъ въ болотѣ; — миссъ Фанни сочтетъ за особенное счастье, если вы ихъ ѣдите. Извините, продолжалъ онъ, захохотавъ отъ чистаго сердца и въ тоже время бросивъ взглядъ на свой оригинальный нарядъ: я ни какъ не ожидалъ такого восшеченія, и потому одѣлся въ старенькое платье.

— Не беспокойся, дядя Тиффъ, — этотъ нарядъ превосходно идетъ къ тебѣ! сказала Нина. На мой взглядъ, онъ чрезвычайно оригиналенъ и живописенъ. Вѣдь ты не изъ числа тѣхъ людей, которые не столько стыдятся за свою безпечность, сколько заботятся объ украшеніи своей наружности, — не такъ ли? Если ты

попробуешь отогнать мою лошадь вонъ къ тому вину, — тогда и сойду!

— Помилуйте, миссъ Нина! сказалъ Тиффъ, стараясь съ величайшей поспѣшностью исполнить ея приказаніе. — Еслибы старикъ Тиффъ стыдился работать, то у него накопилось бы ея цѣлая груда, такъ что ему одному и не справиться бы. Это вѣрно!

— Со мной вызвался ѣхать Томтитъ; — такой негодный! — сказала Нина, посмотрѣвъ кругомъ себя: онъ, вѣрно, остался у ручья! Его соблазнилъ зеленый виноградъ; — теперь, какъ говорится, поминай его, какъ звали. Пожалуйста, Тиффъ, привяжи Сильфину гдѣ нибудь въ тѣни, а я пойду къ миссъ Фанни.

И Нина торопливо пошла по дорожкѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ китайскими астрами и ноготками и ведущей прямо къ крыльцу, на которомъ Фанни, съ стыдливомъ румянцемъ, покрывавшимъ ея смуглыя щеки, поджидала миссъ Нину. Этотъ ребенокъ, въ лѣсахъ, среди которыхъ выросъ, былъ самымъ отважнымъ, свободнымъ и счастливымъ созданіемъ. Не было дерева, на которое Фанни не могла бы вскарабкаться, не было чащи кустарника, сквозь который она не могла бы пробраться. Она знала каждый цвѣтокъ въ окрестностяхъ ея дома, каждую птичку, каждую бабочку; знала, съ непогрѣшительною точностію, въ какое время созрѣвали различные плоды и расцвѣтали цвѣты, и наконецъ до такой степени знакома была съ языкомъ птицъ и бѣлокъ, что ее можно было принять за посвященную въ таинства природы. Единственный ея помощникъ, другъ и покровитель, старый Тиффъ, одаренъ былъ тою странною, причудливою натурою, которая не въ состояніи допустить къ себѣ привитіе грубыхъ началъ. Его частыя лекціи о приличіи и благовоспитанности, его длинныя и витіеватыя повѣствованія о главныхъ подвигахъ и отличіяхъ предковъ Фанни, успѣли поселить въ ея дѣтскомъ сердцѣ сознаніе собственнаго своего достоинства, и въ то же время внушили ей необходимость имѣть уваженіе къ лицамъ, которыя отличались своимъ превосходнымъ положеніемъ въ обществѣ и богатствомъ. Способъ воспитанія, изобрѣтенный Тиффомъ, въ сущности инстинктивный, былъ, однакоже, въ высшей степени философскій; особенно, если принять въ соображеніе, что основаніемъ этому способу служило чувство самоуваженія, которое, можно сказать, есть мать многихъ добродѣтелей, ищитъ отъ многихъ искушеній. Само собою разумѣется,

внѣе способствовало этому и самое пропежиденіе Фавин. Она получила болѣе нѣжную организацію, сравнительно съ другими находившимися съ ней въ одной положеніи. Кроме того, она отличалась способностью, свойственною, впрочемъ, всему женскому полу, — перенимать тайну одѣваться не только прилично, но и со вкусомъ. Нина, вступивъ на порогъ единственной маленькой и тѣсной комнатки, не могла не удивиться убранству ея. Цѣпты, собранныя въ болотахъ и рошѣ, перья разныхъ птицъ, колленія яицъ, отличавшихся одно отъ другаго своею наружностью, высушенные травы и другіе предметы, составляющіе исключительность растительнаго и животнаго царства лѣсной страны, — служили вѣрнымъ доказательствамъ ея вкуса, образовавшагося при ежедневныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ природою. На этотъ разъ на ней надѣты были весьма хорошенечкое ситцевое платье и бѣлый кисейный чепчикъ, которые привезъ ей отецъ, при послѣднемъ возвращеніи изъ своихъ странствованій. Ея каштановые волосы были весьма мило причесаны; свѣтлые голубые глаза, вмѣстѣ съ прекраснымъ румянцемъ, придавали ея хорошенечкому личику умное, доброе и благородное выраженіе.

— Благодарю васъ, сказала Нина, въ то время, когда Фавин предложила ей стулъ, единственный во всемъ домѣ: — я лучше пойду въ садъ. Въ такіе дни, какъ сегодня, я предпочитаю быть на воздухѣ. Дядя Тиффъ, ты не ожидалъ такого ранняго визита? я нарочно выбрала сегодняшнее утро для этой прогулки, подняла всѣхъ на ноги къ раннему завтраку, собственно съ тою цѣлію, чтобъ сѣздить сюда до наступленія зноя. Ахъ, какъ мило здѣсь! лѣсная тѣнь покрываетъ весь садъ! Какъ плавно колеблются эти деревья!.. пожалуйста, Тиффъ, продолжай свою работу, не обращай на меня вниманія!

— Да, миссъ Нина, удивительно пріятно! Я вотъ вышелъ въ садъ въ четыре часа, и мнѣ послышалось, какъ будто деревья, шелестя листьями, хвалили Господа, — такъ тихо, тихо, знаете, колебался одинъ листикъ за другимъ: ихъ сучья казались мнѣ руками воздѣтыми къ небу; и вонъ тамъ, въ той части неба, горѣла такая яркая звѣзда! Я полагаю, что эта звѣзда принадлежитъ тамъ къ одной изъ самыхъ старинныхъ фамилій.

— Весьма вѣроятно, сказала Нина весело: — ее называютъ Веперой, — звѣздой любви, дядя Тиффъ; а мнѣ кажется, что эта фамилія весьма старинная,

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМАГО ТОМА.

Стр.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Воспоминанія Охотовскаго. Повѣсть <i>Е. П. Карновича</i>	5
Замѣчанія на статью «О поземельной собственности», помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за 1857 годъ. Письмо въ редакцію <i>Провинціала</i>	7
Отвѣтъ на замѣчанія г. Провинціала. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	104
Стихотворенія Гейне. (I. «Зловѣщій грезился мнѣ сонъ». — II. На Гарцѣ. (Прологъ). — III. Горная идиллія — IV. Король Ричардъ. — V. Почныя мысли. — VI. «Брось свои иносказанья». <i>М. Л. Михайлова</i>	114
Послѣдняя казнь. Романъ <i>А. П. Кобляковой</i> . Часть первая.	126
Часть вторая	373
Нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, обусловливающихъ правдливость дѣйствій чиновниковъ. <i>Г. К.</i>	229
Новогреческія пѣсни. (I. «Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ». — II. «Что горы почернѣли?». — III. «Межъ тремя морями замокъ»). <i>А. Н. Майкова</i>	253
Община. <i>В. А. Панаева</i>	255
Кавеньякъ. Статья вторая и послѣдняя. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	303
Конгрессъ въ Вашингтонѣ въ 1857 году. <i>Ал. Лакіера</i>	393
О новыхъ условіяхъ сельскаго быта. Статья вторая.	493
Музѣ. Стихотв. <i>А. А. Фета</i>	540
Вольная пташка. Повѣсть, <i>М. Л. Михайлова</i>	541
Дунайскія княжества Молдавія и Валахія. Статья первая.	577
Дѣвичья кожа. Повѣсть <i>Е. Я. Колбасина</i>	613

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Стр.

Деревенская жизнь помѣщика въ старыя годы. (Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ «Семейной Хроники» С. Аксакова)	1
Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. — <i>бова</i>	145
Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. Сочиненіе заслуженнаго профессора В. Берви.	30
Аттила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій. А. Величмана.	38
Стихотворенія Н. М. Языкова. 2 ч.	43
Стихотворенія В. Л. Баева. — Отголоски, стихотворенія Николая Гербеля, въ двухъ частяхъ. — Стихотворенія Л. К. Панюткина. Стихотворенія Александра Розенштрема, артиста Императорскихъ Санктпетербургскихъ театровъ. — Стихотворенія Д. Сушкова. — Мицкевичъ въ переводѣ Омелевскаго. Сонеты.	49
Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1857 годъ.	167
Записки объ осадѣ Севастополя. Н. Берга. Два тома.	171
Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Соч. Е. Р. Ш—ова.	172
Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Изданіе Петербургскихъ книгопродавцевъ на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооруженіе ему памятника. Томы I, II.	179
О звѣздномъ небѣ. — Природа и люди. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Книга I. Выпускъ I.	188
Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности. Н. Лебедева.	190
Отъ редакціи	192

СМѢСЬ.

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*.

(Друзья и школьные товарищи. — Разговоръ на улицѣ. — Стихи въ честь прошедшаго. — О томъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ поклонники отживающаго порядка. — Разсказъ бѣднаго офицера, ищущаго мѣста. — Отрывокъ изъ письма о картинѣ Иванова. — Новые произведенія Айвазовскаго. — Объявленіе отъ Общества поощренія художниковъ. — Кукукъ, Каламъ и другія замѣчательныя картины у г. Негри. — Концерты съ живыми картинами. — Концерты прѣзжихъ артистовъ. — Выходъ Альфредъ де Кастонъ. — Г. Леассоръ. — Чтенія Роде о строеніи земной коры. — Первые номера

«Подписчик», дѣтскаго журнала, изд. г. В. Майковымъ.—Новый журналъ «Землеулагодѣлецъ». — Литературныя новости.—Объясненіе по поводу книги г. Лебедева З.—Некрологъ О. И. Сенковского.) 63

Нѣсколько словъ о моемъ почтенномъ наставникѣ, по поводу весьма замѣчательнаго «Дневника» случайно попавшагося мнѣ. — Воспоминанія объ авторѣ этого весьма замѣчательнаго «Дневника». — Отрывки изъ него и черты изъ жизни его автора. — Любопытное дѣло, производившееся мѣждога въ бывшей П. Межевой Конторѣ. — О русскихъ художникахъ въ Римѣ (отрывокъ изъ письма). — Петербургъ перелѣ свѣтлымъ праздникомъ.—Святая недѣля. — Балаганы. — Каррикатурный листокъ г. Данилова. — Сѣверный Цѣтокъ — журналъ модъ. — Еще новыя журналы. — Смѣхъ — листокъ безъ подписчиковъ и безъ сотрудниковъ. 193

Современное Обзорѣіе.

(Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. — Отношеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ къ г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору касательно устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ.—Уставъ Амурской Компаніи. — Проектъ объ устройствѣ желѣзной дороги между Митавою и Ригою. — Передача желѣзныхъ дорогъ въ Царствѣ Польскомъ частной компаніи. — Поясненіе 2039 ст. Уложенія о наказаніяхъ. — Правила касательно основанія новыхъ періодическихъ изданій. — Крещеніе Бурятъ.—Обращеніе раскольниковъ. — Отчетъ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ. — Замѣчанія о внѣшней торговлѣ Россіи. — Мѣста жительства Евреевъ. — Замѣтки о событіяхъ въ Европѣ.—Мыльный пирогъ. — Кавалеръ де-Кастри. — Смерть Лаблаша.—Литературное обзорѣіе: статьи о крестьянскомъ вопросѣ въ русскихъ журналахъ. — Статья г. Горлова «Объ устройствѣ сельскаго труда въ Пруссіи». — Статья графа Орлова-Давыдова «О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи». — Письма, помѣщенные въ «Le Nord», объ устройствѣ крестьянскаго сословія въ Остзейскихъ губерніяхъ. — Дѣйствія гласности въ русской литературѣ.—Статья г. Кокорева: «Путь Севастопольцевъ», помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ». — Замѣтка г. А. С. З. о крестьянскихъ школахъ. 93

О чиновникахъ, оставшихся за штатомъ. — Объ учрежденіи въ Лифляндіи фидеикомиссовъ или майоратовъ. — Крестьянскій вопросъ. — Замѣтка Императорской Публичной Библіотеки по поводу этого вопроса. — Статья г. Ржевскаго по тому же вопросу. — О цѣнности поземельныхъ участковъ, приобретаемыхъ крестьянами. — Замѣчаніе на статью г. Ржевскаго. — Отчетъ С.-Петербургскаго университета за 1837 г. — Поѣздки ученыхъ за границу. — Внутреннее состояніе университета. — Вопросы о воспитаніи и образованіи въ нашей литературѣ. — Специальные педагогическіе журналы. — Статьи о воспитаніи въ другихъ журналахъ. — «О системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей», статья г. Лаврова. — «Основное народное образованіе», статья г. Авпельрота. — «Морской Сборникъ»: отчеты, помѣщенные въ третьей книжкѣ его. — Новости иностранныя — Фактъ торговли неграми. — Законъ объ орденахъ и дворянскихъ титулахъ во Фран-

ции. — Вѣротерпимость въ Швеціи. — Фрегатъ «иагара». — Общія дѣла, занимающіе Европу. — О научномъ отношеніи Европы къ Азіи, объ изученіи армянскаго языка, литературы и исторіи въ Европѣ. — Армянисты. — Первая кафедра армянскаго языка въ Парижѣ. — Современные предпріятія европейскихъ ученыхъ по изученію армянской письменности. — Научная важность исторической армянской литературы. — «Историческая армянская бібліотека» г. Дюлорье. — Путешествія г. Ланглоа въ Италію и архимандрита Айвазовскаго въ Арменію. — Данные нѣхъ инструкціи Французскаго вост. Общества 220

✓ Жизнь южныхъ штатовъ. Романъ *и-жи Бичеръ-Стоу*. . . 209—352

Печатать дозволяется. Марта 31 дня, 1858 года.

Цензоръ *П. Новосильскій*.

• Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

- XI. — СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.** (О чиновникахъ, оставшихся за штатомъ. — Объ учрежденіи въ Лифляндіи ендешкомиссовъ или майоратовъ. — Крестьянскій вопросъ. — Записка Императорской Публичной Библіотеки по поводу этого вопроса. — Статья г. Ржевскаго по тому же вопросу. — О цѣнности поземельныхъ участковъ, приобретаемыхъ крестьянами. — Забѣжаніе на статью г. Ржевскаго. — Отчетъ С.-Петербургскаго университета за 1857 г. — Поѣздки ученыхъ за границу. — Внутреннее состояніе университета. — Вопросы о воспитаніи и образованіи въ нашей литературѣ. — Специальные педагогическіе журналы. — Статьи о воспитаніи въ другихъ журналахъ. — О системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей,» статья г. Лаврова. — «Основное, народное образованіе,» статья г. Апелърота. — «Морской Сборникъ»: отчеты, помѣщенные въ третьей книжкѣ его. — Новости иностранныя. — Фактъ торговли неграми. — Законъ объ орденахъ и дворянскихъ титулахъ во Франціи. — Вѣротерпимость въ Швеціи. — Фрегатъ Пиagara. — Общія дѣла. — О научныхъ отношеніи Европы къ Азій, объ изученіи армянскаго языка, литературы и исторіи въ Европѣ. — Армянисты. — Первая кафедра армянскаго языка въ Парижѣ. Современныя предпріятія европейскихъ ученыхъ по изученію армянской письменности. — Научная важность исторической армянской литературы. — «Историческая армянская Библіотека» г. Дюлорье. — Путешествія г. Лапглюа въ Италію и архимандрита Айвазовскаго въ Арменію. — Данныя имъ инструкціи Французскаго Вост. Общества. 220
- **XII. — ЖИЗНЬ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ.** Романъ г-жи Вичеръ-стоу. 273—352

Печатать позволено. Апрѣль 1-й мѣс., 1858 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

СОВРЕМЕННОСТЬ въ 1858 году выходитъ
перваго числа каждаго мѣсяца книжками
отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургъ безъ доставки:	съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ
(выходящей четырьмя большими томами въ годъ):

20 руб. серебромъ.		21 руб. 50 коп. серебромъ.
--------------------	--	----------------------------

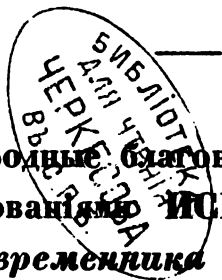
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Нев-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова,

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Универ-
ситетской типографіи, въ домѣ Загряж-
скаго, при книжномъ магазинѣ И. В.
Базунова.

Гг. иногородные ~~заготовлять~~ адресоваться съ
своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ
Контору Современника въ С. Петербургъ.

FEB 16 1929

